

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРИВНОСТИ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

1865.

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1865.

І
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ИЮНЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ ОБРЯДОВЪ И ПОВѢРІЙ.

І. Рождественскіе обряды.

1. У Сербовъ и Хорватовъ сочельникъ называется «бадѣнъ данъ, бадѣнъ вече», по тому что въ этотъ день вечеромъ жгутъ баднякъ, ¹ сырое дубовое полѣно (сирова церова главня). Въ этотъ день многіе рубятъ бадняки до солнца, посыпавши ихъ сначала зерномъ и сказавши: «Добро ютро и честить ти бадні данъ!» Въ Герцеговинѣ, гдѣ избы большія, и бадняки такъ велики, что ихъ ввозятъ въ избу на трехъ, или четырехъ, парахъ воловъ. Въ другихъ мѣстахъ самъ хозяинъ вноситъ ихъ въ избу, непременно послѣ сумерекъ. Войдя въ избу, хозяинъ говоритъ: «Добаръ вече и честить вамъ бадні данъ!» Въ отвѣтъ на это кто ни будь изъ мужчинъ, находящихся въ избѣ, посыпаетъ его зерномъ и говоритъ: «Дао ти Богъ добро, сретни и честити!» Въ Риснѣ (близъ Котора) украшаютъ бадняки лавромъ; въ Цермницѣ (въ Черногоріи) тотъ, кто ихъ внесетъ, беретъ чару вина, привѣтствуетъ ихъ такъ, какъ человѣка, которому передаютъ чашу («наздрави имъ», т. е., скажетъ: «Здравъ буди», или «Спасуй се!») и, напившись самъ, поить, т. е., поливаетъ и ихъ. За тѣмъ кладется на огнище сначала большой баднякъ впоперекъ, потомъ на него пять мень-

¹ Баднякъ одного корня съ Серб. баданъ, м. р., выдолбленная колода, сквозь которую течетъ вода на колесо небольшой мельницы (кашичара), Русск. бадья, Пол. badeł, badył, стволъ растенія. Основное знач. видно въ гл. бости, боду, Лят. badau, badyti, колоть (ср. колоть и колода). Скр. badh, бить

шихъ. Меньшій баднякъ называется баднячица или блажена палица. ²

Бадняки горятъ, по крайней мѣрѣ въ Славоніи въ теченіи первыхъ двухъ дней Рождества. ³

Утромъ въ первый день Рождества прежде всѣхъ является въ домъ полажайникъ. ⁴ Въ рукавицѣ несетъ онъ зерно, которымъ посыпаетъ находящихся въ избѣ, сказавши предварительно: «Христосъ се роди!» Изъ избы кто ни будь посыпаетъ его и отвѣчаетъ: «Ва истину роди!» Тогда полажайникъ «скреше бадняке», т. е., беретъ ожегъ (ватраль), бьетъ имъ бадняки такъ, чтобъ сыпались искры и говоритъ: «Столько (сколько искръ) воловъ, столько коней, столько козъ, столько овецъ, столько свиней, столько ульевъ, столько счастья и благополучія («оволико сrete и напретка»)!» Потомъ онъ разгребаетъ золу на очагѣ и кладетъ туда нѣсколько мелкихъ монетъ, смотря по состоянію.

Когда перегоритъ баднякъ, нужно, надѣвши рукавицы, взять его за верхній конецъ, обнести около ульевъ, и потомъ, погасивши, оставить на какой ни будь молодой слявѣ, или яблонѣ (очевидно, чтобъ велись плоды и родились деревья). Верхушку дерева, изъ котораго вырубленъ баднякъ, коегдѣ употребляютъ вмѣсто кочерги до прихода полажайника, а потомъ хозяйка навязываетъ на нее горсть (повѣсмо) льну и бросаетъ на стрѣху (чтобъ лень родилъ?). Углемъ отъ бадняка мажутъ больныя смоковницы. ⁵

Приведенные обряды въ главныхъ чертахъ совершенно ясны. Дубъ, какъ извѣстно, посвященъ божеству грома. Баднякъ принимается даже не за символъ этого божества, а какъ бы за его

² Карадж. Рѣчн. «Кадъ се баднякъ мете на ватру, трипутъ се помакне у напредакъ». Можетъ быть за тѣмъ, чтобъ была въ дому «сретя и напредакъ» Ср. «Ако удари липса (падежъ) у стоку, Црногораць зове свештеника, те закристи водицу и очата молитву, али торъ (огорожу, завору для скота) мора поматі, и то не натрагъ, ветъ наприедъ.» Медаковичъ. Животъ и обич Црногор. У Нов. Саду. 1861, 27.

³ Пис, 96.

⁴ Полазникъ; полазити кого, навѣстить.

⁵ Карадж. Рѣчн.

воплощеніе: къ нему обращаются съ привѣтствіемъ, какъ къ человеку; ему передаютъ чашу, его обсыпаютъ, какъ людей. О значеніи обсыпанья и обливанья скажемъ ниже, а теперь только замѣтимъ, что эти обряды тождественны между собою и имѣютъ въ основаніи представленіе небесной воды, носимой и изливаемой тучами. Обрядъ напаянья бадняка изображаетъ, вѣроятно, мифъ, соответствующій одной изъ формъ Индійскаго мифа, по которому Индра (= Скандинавскому Тору, Славянскому Перуну) пьетъ небесную воду, представляемую то молокомъ небесныхъ коровъ (тучъ), то особеннымъ напиткомъ безсмертія (Сома, амрита), имѣющимъ, впрочемъ, тѣсную связь съ молокомъ. Небесный огонь, изображаемый огнемъ, горящимъ на очагѣ, даетъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше обычаевъ, изобиліе скота, пчель, плодовъ, а людямъ счастье и благополучіе.

Сербскому бадняку соответствуетъ у Германцевъ Нѣмецкій *Weinachtsblock*, *Winnachtsploech*, Скандинавскій *Julblock*, Англійскій *Yuleclog*; но особенно замѣчательно сходство упомянутыхъ Славянскихъ обычаевъ съ сохранившимися до сихъ поръ во Франціи, сходство, доказывающее, что эти обычаи древнѣе выдѣленія Славянскаго племени. Вечеромъ, на канунъ Рождества, около Марсели старшій въ семействѣ выводитъ младшее изъ дѣтей за двери дома, гдѣ сложено большое полѣно оливковаго, или другаго плодоваго, дерева, которое зовется *Calignaou*. Дитя трижды поливаетъ виномъ это полѣно, при чемъ произноситъ слѣдующія слова:

«*Alegre, Diou nous alegre,
Cachofué ven, tous ben ven*» и пр.

(т. е., *Soyons joyeux, Dieu nous rend joyeux, Il feu caché vient, tout bien vien*). (Отсюда видно, что зажиганье новаго огня, приносящаго съ собою всякія блага, представляется не рожденіемъ, какъ можно бы думать, а возвращеніемъ откуда-то). За тѣмъ старикъ съ ребенкомъ вносятъ то полѣно въ домъ и кладутъ на очагъ. Въ Перигорѣ (*Perigord*) баднякъ (*la souche de Noël*) бываетъ обыкновенно изъ сливнаго, вишневаго, или дубоваго дерева, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ лучше. Въ Вьеннѣ (*Vienne*) хозяинъ самъ, въ присутствіи домочадцевъ, посыпаетъ баднякъ (*tison de Noël*) солью и поливаетъ водою, за тѣмъ кладетъ его

4 о мѣстномъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій.

на очагъ, гдѣ онъ горитъ въ теченіе трехъ дней праздника. Нѣкоторые думаютъ, что у нихъ будетъ въ слѣдующемъ году столько цыплятъ, сколько посыплется искръ изъ потрясенной головни Рождественскаго полѣна. Другіе кладутъ эту головню подъ кровать, для предохраненія себя отъ насѣкомыхъ. Уголья и зола бадняка исцѣляютъ болѣзни людей и скота, даютъ плодородіе домашней птицѣ и сѣменамъ, зола бѣлитъ бѣлье и предохраняетъ все хозяйство отъ несчастья. Сербскому обычаю обносить головню около ульовъ и оставлять въ саду соотвѣтствуетъ Французскій—обѣгать поля и сады съ горящими соломенными факелами, обжигая мохъ на деревьяхъ (*la fête des brandons*). Считаютъ хорошимъ признакомъ, если Рождественскій огонь горитъ свѣтло. Какъ и у Сербовъ, *la souche de Noël* считается священнымъ существомъ: кто сядетъ на это полѣно, тотъ наказывается извѣстною болѣзнію (*furoncle*, слово сродное съ *feu*), какъ и у насъ: кто плюнетъ на огонь, у того огникъ выскочитъ. Очень важно, что въ разныхъ мѣстахъ Франціи сохраняютъ Рождественскую головню и зажигаютъ ее во время грозы. * Это средство отъ громоваго удара основано, подобно множеству другихъ народныхъ средствъ, на правилѣ: *similia similibus curantur*, и доказываетъ связь бадняка съ громомъ.

Основываясь на подобномъ повѣрѣіи о свѣчахъ, мы видимъ и въ Рождественскихъ свѣчахъ образъ небснаго огня тучъ.

Въ Славоніи, на канунѣ Рождества, когда вся семья соберется къ ужину, передъ молитвою хозяинъ зажигаетъ сначала большую восковую свѣчу, обернутую тканью, потомъ три меньшія. Большая свѣча называется «*jedinstvo*», меньшія—«*trojstvo*». Свѣчи эти ставятъ въ сосуды, наполненные пшеницею. Послѣ совершенія обряда, трое изъ домочадцевъ берутъ по одной изъ меньшихъ свѣчей и гадаютъ о своемъ долгодѣіи по тому, чья свѣча раньше потухнетъ. Большая свѣча горитъ у Католиковъ всю ночь, а у Православныхъ—до обѣдней поры слѣдующаго дня. Рождественскія свѣчи святятся потомъ въ церкви «*na svetlo Marije*»—черта, подобно Польскому названію одного изъ Богородичныхъ праздниковъ днемъ *N. P. Maryi gromnicznej*, указы-

* Wolf, Beiträge 118, 119,

вающая на существованіе извѣстнаго женскаго божества, имѣющаго отношеніе къ грому. Во время постѣва эти свѣчи кладутся вмѣстѣ съ зерномъ въ мѣшокъ, изъ котораго сѣютъ. ⁷

У Сербовъ во время молитвы передъ обѣдомъ, въ первый день праздника, каждый изъ челяди держитъ по восковой свѣчкѣ. Послѣ молитвы хозяинъ собираетъ свѣчи въ одну горсть, ставитъ ихъ въ сосудъ, наполненный всякимъ зерномъ, потомъ тушитъ ихъ этимъ зерномъ. Этимъ зерномъ хозяйки кормятъ куръ, чтобъ неслись хорошо. ⁸

Въ Малороссіи мѣстами во время ужина «на багату кутю» горитъ одна только восковая свѣча, и больше свѣту въ хатѣ нѣтъ. ⁹

Подобный Сербскому обычай еще въ прошломъ столѣтіи соблюдался въ Швеціи. За ужиномъ наканунѣ Рождества для каждаго изъ присутствующихъ горѣла свѣча. Послѣ ужина тушили всѣ свѣчи, кромѣ свѣчей хозяина и хозяйки, которыя горѣли всю ночь. Если одна изъ этихъ свѣчей гасла, то это предвѣщало смерть кому ни будь изъ домашнихъ. ¹⁰

Въ противоположность обычаю жечь свѣчи на канунѣ Рождества, «въ Дессаускомъ замкѣ не должно горѣть въ этотъ вечеръ ни свѣчи, ни огня», то есть, по мнѣнію Вольфа, въ этотъ вечеръ слѣдуетъ обновить огонь, потушить старый и зажечь новый. ¹¹ На зажиганье новаго огня указываетъ, по видимому, и Сербскій обычай прятать, вмѣстѣ съ нѣкоторою другою хозяйственною утварью, и кочергу (ватраль) въ то время, когда хозяинъ утромъ въ бадній день отправится за бадняками. ¹² Кочерга прячется, думаемъ, по тому, что скрылся, не горитъ въ домѣ огонь. Но если объясненіе Вольфа и невѣрно, то, во всякомъ слу-

---

⁷ Пис 94, 95.

⁸ Карадж. Рѣчи.

⁹ Основа, Май 1861.

¹⁰ Grimm, Mith. 593—594.

¹¹ Wolf, Beiträge 118 — 120.

¹² Карадж. Рѣчи.

чаѣ, запрещеніе жечь огонь указываетъ на отношеніе дня къ огню и предполагаетъ приведенные выше обычаи. Подобнымъ образомъ, если въ однихъ мѣстахъ Германіи говорится, что не слѣдуетъ пряхъ въ теченіе 12-ти ночей отъ Рождества до Крещенья, а въ другихъ — что напряденныя въ это время нити имѣютъ цѣлебныя свойства, и что, стало быть, пряхъ можно, то и запрещеніе и позволеніе одинаково указываютъ на отношеніе этихъ ночей къ прядущей богинѣ.

Связь свѣчи съ громомъ видна изъ того, что какъ Рождественская головня во Франціи, такъ и Страстная или Богоявленская свѣча въ Малороссіи зажигается во время грозы.¹³ Свѣча эта называется громницею. Предполагаемъ, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, Крещенскіе обряды тождественны съ Рождественскими, и потому отъ значенія Крещенской свѣчи заключаемъ къ значенію Рождественской.

Замѣтимъ еще, что громница употребляется въ Малороссіи при благословленіи молодыхъ, что указываетъ на отношеніе грома къ браку; замужняя громница дается также въ руки умирающему, «щобъ легче було конати.»¹⁴

2. Въ XVII ст., въ Москвѣ и по другимъ городамъ «въ навечеріе Богоявленія Господня кликали плугу», то есть, славили плугъ. У Поляковъ мѣстами есть обычай на канунъ Рождества класть на столъ чересло плуга (*irzosto plugowe*), чтобъ мыши и кроты не портили пашни.¹⁵ Въ Червонной Руси коегдѣ на канунъ Новаго Года вечеромъ ходятъ по хатамъ съ плугомъ и, показывая видъ, что орютъ, посыпаютъ овсомъ и кукурузою. При этомъ поютъ:

Твои волю, мои волю, гей, гей!
 А въ передѣ два медведѣ, гей, гей!
 А въ пригонѣ двѣ вороны, гей, гей!
 Въ колесницѣ двѣ сеницы, гей, гей!
 Сѣй, родися жито, пшеница, вшиляка пашняца!¹⁶

¹³ Шейковскій II, 22.

¹⁴ Тамъ же. 21 — 22.

¹⁵ Pauli, Rus. I, 15.

¹⁶ Тамъ же.

Вѣроятно, что плугъ и оранье относятся къ подателю плодородія полей. За такого мы знаемъ громовника Илью, замѣняющаго языческое божество грома. Илья ходитъ по землѣ именно около Рождества, объ чемъ говорится въ Малороссіи при за-сѣванъѣ на Новый годъ:

Ходе Илья на Василя,
У ёго пуга житяная:
Де пугою махне,
Тамъ жито росте. ¹⁷

Но, съ другой стороны, и солнце есть божество земледѣльческое, посылающее урожай, и въ его честь могли совершаться обряды съ плугомъ. Однако первое предположеніе заслуживаетъ предпочтенія, по тому что въ приведенной Галицкой пѣсни говорится объ оранъѣ медвѣдями, а медвѣдь есть животный образъ Тора-Тунара, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи въ этомъ видѣ является людямъ около Рождества. ¹⁸

Трудно найти основанія непосредственнаго сближенія божества грома съ медвѣдемъ; но общее между ораньемъ и плугомъ, которые, какъ полагаемъ, посвящены грому, и медвѣдемъ то, что какъ плугъ деретъ, рветъ землю (таково основное значеніе словъ орать, рало, борона; по Скр. плугъ (или кирка, лопата) — гдѣраня, собственно дерущій землю), такъ и медвѣдь деретъ. Санскритское названіе медвѣдя по этому признаку, именно рѣкша (собственно портящій, то есть, рвущій). Греческое *ἄρτος*, Латинское *ursus*, сохранилось и въ Славянскомъ, хотя и съ измѣненнымъ значеніемъ: такъ какъ Санскритское *рѣ* въ началѣ слова = Славянскому *ру*, *ры*, а Санскр. *кш* = Славянскому *с* (ср. Санскр. *рѣкша*, Славянское *лысь*), то Санскритскому *рѣ'кша*, медвѣдь = Славянское *рысь*, Литовское *luszis*, *рысь* (а можетъ быть, какъ думаетъ Боппъ, и Литовское *lokus*, медвѣдь). Подобнымъ образомъ Санскритское *вріка*, волкъ (собств. разрывающій, рѣжущій) въ языкѣ Ведъ значитъ *вмѣстѣ* и плугъ, а Санскритскому *кѣка*, волкъ, соответствуетъ Готск. *hōha*,

¹⁷ Метлинскій, 344.

¹⁸ Mannhardt, Germ. Myth. 238 и др.

плугъ ¹⁹ и Сербское кука, крюкъ и кирка. Малорусская пословица говоритъ, что не хорошо орать волкомъ (вовка въ плугъ, а вѣнъ къ чорту въ лугъ), то есть, отрицаетъ связь представленій волка и плуга, а такое отрицаніе въ народной поэзіи почти всегда свидѣтельствуешь, что такая связь была въ языкѣ. Дѣйствительно, въ сказкахъ, какъ увидимъ, сохранилась память объ оранѣ змѣемъ, мнѣическое значеніе коего очень сходно со значеніемъ волка. ²⁰

По чему въ приведенной выше Галицкой пѣснѣ вмѣстѣ съ медвѣдями упоминаются вороны и снѣицы, это неясно:

Память о божественномъ происхожденіи плуга сохранилась въ Малорусскомъ повѣрѣѣ, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку, когда высылалъ ихъ изъ рая. ²¹ Важнѣе для насъ слѣдующій рассказъ: «Въ незапамятныя времена послалъ Богъ на народъ Козацкій страшнаго змѣя, опустошавшаго край. Владѣтель

¹⁹ Kuhn, Zur ältest. Geschichte der Indogerm. Völker. Ind. Stud. I, 353.

²⁰ Въ языкѣ не рѣдко сочетаются представленія быстроты и разрыванья. Такъ, между прочимъ, въ корнѣ ар, отъ котораго, съ одной стороны, о р а т ь, съ другой С и р . а р а, быстрый и Слав. о р - ѣ л ь. Отсюда связь о р а а и о р а н ь я:

Орелъ поле взоравъ
И пшениці посѣявъ.

Та зоремо поле орлами,
Та засѣемо жемчугами.

Но въ этомъ ли сочетаніи представленій быстроты и раздиранья слѣдуетъ искать основанія сближенію мысли (быстрой) и оранья?

Горе мое, горе, несчастная доля!
Выорала дѣвичионька мыслоньями поле,
Карыми очима тай заволочила,
Дробненькими слезоньками все поле змочила (Метл. 274).

Впрочемъ, представленія быстроты слѣдуетъ искать не въ словѣ мысль, которое, вѣроятно, вмѣстѣ съ Лят. *minsle*, загадка, относится къ корню *ман*, думать, а въ его синонимахъ.

²¹ Максимовичъ, Дни и мѣсяцы II, 74.

той земли условился съ чудовищемъ ежедневно давать ему на пожраніе одного юношу, во очередь изъ каждаго семейства. Черезъ сто лѣтъ пришла очередь на Царскаго сына. Напрасно весь народъ предлагалъ въ замѣнъ своихъ дѣтей. Змѣй не согласился, и Царевича отвезли на урочное мѣсто. Тамъ явился Царевичу Ангелъ, приказавъ бѣжать отъ змѣя и, для облегченія побѣга, выучилъ молитвѣ «Отче нашъ». Царевичъ пустился бѣжать, и бѣжалъ три дня и три ночи. Какъ только переставалъ онъ повтѣрять слова молитвы, тотчасъ начинало его палить жгучее дыханіе змѣя. На четвертый день, уже изнемогая отъ усталости, увидѣлъ онъ передъ собою кузницу, гдѣ Св. Глѣбъ и Борисъ ковали первый плугъ для людей этой страны; вбѣжалъ туда, а Святые захлопнули за нимъ желѣзныя двери. Змѣй, когда ему не захотѣли выдать юноши, трижды лизнулъ языкомъ двери, а за четвертымъ разомъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда Святые схватили его за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ готовый уже плугъ, и провели этимъ плугомъ борозду, донынѣ называемую змѣевымъ валомъ.²² Что этотъ разсказъ въ основныхъ чертахъ переданъ вѣрно, подтверждается его сходствомъ съ разнословіями, известными изъ другихъ источниковъ. По Максимовичу «Князь Борисъ (одинъ) все плуги ковалъ да людямъ давалъ», за что и великое почтеніе къ Святому Князю земледѣльческаго народа Украины.²³ Причина, по которой Борису приписывается кованье плуга, можетъ быть та, что имя его поминается вмѣстѣ съ именемъ Глѣба, которое римуется съ хлѣбомъ: Малорусское: «На Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися» (то есть, въ этотъ день, 2 Мая, или 24 Юля, не сѣдуетъ «робить хлѣба»; хлѣборобъ — земледѣлецъ); Галицкое: «На Бориса и Глѣба берися до хлѣба» (о началѣ жатвы 24 Юля);²⁴ Велико-русское: «На Борисъ и Глѣбъ поспѣваетъ хлѣбъ.»²⁵ Въ день Бориса и Глѣба грозныхъ бывають большія грозы, которыя палатъ копны и людей, работающихъ въ этотъ день (24 Юля). Отсюда этотъ

²² Siemieński, Podania i Legendy 39 — 40.

²³ Максимов. Дни и мѣсяцы II, 74.

²⁴ Вѣн. 251.

²⁵ Сакр. Сказ. II, 7, 45.

день въ Тульской Губерніи извѣстенъ подъ именемъ паликонны, ²⁶ какъ у Малоруссовъ день Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона — Палии, Паликоны (27 Іюля). Изъ всего этого заключаемъ, что Святые Берисъ и Глѣбъ замѣнили громовое божество, покровительствовавшее земледѣлію и сковавшее первый плугъ для людей.

По другому Малорусскому повѣрью, первый плугъ для людей ковалъ «Кузьма-Демьянъ, Божій коваль» (одно лицо), когда великій змѣй, истреблявшій родъ людской, вздумалъ напасть на него. Когда змѣй языкомъ своимъ пролизалъ дверь въ кузницу, тогда Божій коваль ухватилъ его клещами за языкъ, запретъ въ плугъ и прооралъ землю отъ моря до моря. Тѣ борозды лежатъ по обѣ стороны Днѣпра за змѣевыми валами. Великій змѣй въ плугѣ все просилъ напиться воды изъ Днѣпра, а Божій коваль все погонялъ его, пока добрался до Чернаго моря, тогда уже пустилъ змѣя пить до воли; и какъ выпилъ полморя, то и разсѣлся, и поползли изъ него малыя змѣи. ²⁷ Съ этимъ сравните Бѣлорусскую сказку: Богатырь отправляется побивать змѣя, пожравшаго солнце, убиваетъ его и, разломавши его голову, восстанавливаетъ бѣлый свѣтъ. Богатыря преслѣдуютъ, сначала дочери змѣя, потомъ сама змѣиха съ пастью отъ неба до земли, и онъ спасается въ кузню къ Кузьмѣ и Демьяну за двѣнадцать желѣзныхъ дверей. Змѣиха пролизываетъ эти двери, но кузнецы, схвативши ее за языкъ раскаленными клещами, убиваютъ и прахъ развѣвуютъ по вѣтру. ²⁸

И здѣсь безмездные врачи и безсребренники Козима и Демьянъ стали кузнецами, по причинѣ звуковой близости имени Кузьмы со словами кузня, кузю (ковъ). Это одинъ изъ множества прищѣровъ сильнаго стремленія народа угодоблять чужое, осмысливать звуки непонятныхъ словъ, придавая имъ свое содержаніе, присоудавать къ готовой внѣшней формѣ словъ внутреннюю форму. Замѣчательно, что, какъ въ одномъ изъ при-

²⁶ Сахар. тамъ же. Терещ. VI, 47.

²⁷ Максим. Дни и мѣсяцы. II, 74.

²⁸ Леонасьевъ, Сказ. II, 100.

паденійхъ свидѣтельствъ, является одинъ кузнецъ Борисъ, такъ въ другомъ—одинъ Божій коваль Кузьма-Демьянъ, или, какъ называется его пѣсня, Кузьма Демьяновичъ; это предполагаетъ существованіе мифа объ одномъ богѣ-кузнецѣ. Въ одномъ Малорусскомъ сказаніи мы видѣли, что этотъ богъ является однимъ, и одинъ убиваетъ змѣя; въ другомъ Бѣлорусскомъ повѣда надъ змѣемъ раздѣлена между богатыремъ и богомъ-кузнецомъ, при чемъ богатырь ищетъ защиты у кузнеца; въ третьемъ Малорусскомъ о богатырѣ вовсе не говорится, а является только Царевичъ, спасаемый кузнецомъ. Эти разнорѣчія заставляютъ думать, что богатырь и Царевичъ—черты позднѣйшія, хотя вѣроятно, и что въ первоначальныхъ сказаніяхъ одному кузнецу приписывалось и освобожденіе солнца изъ головъ змѣя и оранье змѣемъ. Змѣй, какъ извѣстно, есть Индійское врітра (туча, покрывающая небо, скрывающая солнце), которому Индра раскалываетъ голову перуномъ. Нашей змѣихѣ соответствуетъ мать Вритры, тоже убиваемая Индрою. Что до оранья змѣемъ, то оно похоже на Индійскій мифъ, что Индра, освобождая воды, которыя держалъ въ заключеніи змѣй (ахи), и проливаяющій ихъ на землю, вмѣстѣ съ тѣмъ роетъ русла для рѣкъ. Это сближеніе было бы вѣроятно, если бъ мы были въ правѣ принимать змѣевы валы, идущіе «по обѣ стороны Днѣпра», за берега самого Днѣпра. Въ случаѣ тождества змѣева вала и Днѣпровскаго русла (что давало бы намъ Славянскій мифъ о небесномъ началѣ Днѣпра и рѣкъ вообще), родились бы слѣдующіе вопросы: «Если выраженіе «Индра роетъ русла рѣкъ» понимать такъ, что Индра, освободивши воды, тѣмъ самымъ даетъ имъ волю проявлять себя путь по землѣ, то какимъ образомъ Русскія сказки могли поставить событіе, слѣдующее за смертью змѣя, именно освобожденіе водъ и рытье ими руселъ (=оранью), прежде этой смерти? Если же Индра самъ лично роетъ русла для водъ, то что будетъ значить въ Русскихъ сказкахъ оранье змѣемъ, то есть тучею? На эти вопросы можно бы отвѣчать удовлетворительно. Первоначально рытье руселъ и убіеніе змѣя, событія, не слѣдующія одно за другимъ, а одновременныя и тождественныя. Въ одной пѣснѣ Ригъ-Веды говорится, что когда Индра поразилъ змѣя, то освобожденныя воды полились «какъ по руслу», «по расколотому»

тѣлу этого змѣя.²⁹ Это олдѣуетъ, кажется, понимать такъ: Вритра, или туча представляются въ видѣ горы; внутри коей заключены воды; молнія разсѣкаетъ эту гору (тучу, вритру) и образуетъ ущелья, по которымъ изливаются на землю дождевыя воды. Эти ущелья не что иное, какъ разрушенное тѣло Вритры. Когда небесное событіе перенесено на землю и богъ, бороздящій тучу, сталъ покровителемъ земледѣлія, бороздящимъ землю, то могло случиться, что этихъ бороздъ по чему бы то ни было (на пр., по причинѣ святости земли, по причинѣ представленія ее женщиною, находящеюся не во враждѣ съ Перуномъ), нельзя было назвать тѣломъ змѣя. Но связь представленій змѣя и оранья (разрывающа, разсѣканья) существовала еще и требовала восстановленія, т. е., опредѣленнаго мѣста въ новомъ мифѣ, и вотъ это восстановленіе совершается такимъ образомъ, что мифъ заставляеть бога орать змѣемъ.

Индра и Торъ, какъ податели плодородія, покровительствуютъ браку и семейной жизни. Торъ является на свадьбы. Его молотъ игралъ важную роль при брачныхъ обрядахъ. У Славянскаго бога-грома былъ тоже молотъ, одна изъ причинъ, по чему этотъ богъ сталъ кузнецомъ. — О Кузьмѣ свадебная пѣсня говоритъ, что онъ куетъ свадьбу:

Около двора, около Агафонича,
 Пролегало тамъ три ступеньки
 Что ли торная дороженьки,
 Какъ по первой ли по стеженькѣ,
 Мо той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Исусъ Христосъ
 Со всѣми со Апостолами.
 По второй ли по стеженькѣ,
 Мо той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шла Мать Пречистая.
 Какъ по третьей ли по стеженькѣ,
 Мо той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Козьма-Демьянъ
 На свадьбу Агафонича.
 «Ты Святой ли ты, Козьма-Демьянъ,
 «Да Козьма ли ты Демьяновичъ!
 Да ты скуй ли на намъ свадебку.»³⁰

²⁹ Mannhardt, Germ. Myth. 164.

³⁰ Терещ. II, 448.

Этому связью кованья и брака объясняется, по чему подблюданы пѣсни о кузнецѣ предвѣщаютъ богатство и свадьбу:

Идетъ кузнецъ изъ кузницы, слава!
Шубенка на немъ худенька:
Одна пола во ста рублей,
Другая, пола въ тысячу,
А всей-то шубенѣ цѣны нѣтъ,
Цѣна ея у Царя въ казѣ,
У Царя въ казѣ, въ золотомъ ларцѣ.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы, слава!
Несетъ кузнецъ три шолота.
«Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ,
«Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
«Изъ остаточковъ золотъ перстень,
«Изъ обрѣзочковъ булавочку,
«Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣчатися,
«Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
«Мнѣ тою булавкою убрουςъ притыкать.»³¹

Отношеніе Кузьмы къ браку съ одной стороны и къ грому съ другой подтверждается слѣдующимъ: Въ Пензенской Губерніи 1-го ноября, въ день Святыхъ Кузьмы и Дамьяна, празднуютъ Кузьминки, исключительно дѣвичій праздникъ, на которомъ, во время угощенія, поютъ:

Полно, полно намъ дѣвушка,
Чужо пиво пить!
Не вора ли намъ, подружикъ,
Свое затѣвати.»³²

т. е., не пора ли затѣвать свою свадьбу; питье пива, или вина, есть въ Славянскихъ пѣсняхъ символъ любви и брака.³³ Въ другихъ мѣстахъ Великороссіи въ тотъ же день совершаются обряды съ курами и пѣтухами, птицею, имѣющею тѣсную связь съ огнемъ, громомъ и, какъ увидимъ ниже, бракомъ: справляютъ куры и

³¹ Снег. Сак. Терещ.

³² Терещ. VI, 62.

³³ О некоторыхъ сив. въ Слав. нар. поэм. 13—19.

именины, дарятъ роднымъ куръ на красное житье, убиваютъ кочета въ овинахъ.³⁴

У Нѣмцовъ и у насъ Масляная такъ сходна въ обрядномъ отношеніи съ Рождествомъ, что можетъ разсматриваться, какъ продолженіе Рождественскихъ праздниговъ (*der zwölften*). Такъ у Нѣмцовъ и на Рождественскихъ праздникахъ и на Масляной тѣ же обрядныя яства, тѣ же запрещенія прѣсть и посѣщенія домовъ тою же прядущею богицею (*Frau Herke, Wulle, Holle*).³⁵ Такъ рядомъ со свидѣтельствами объ отношеніи плуга къ Рождеству можемъ повторить изъясненія о хожденіи съ плугомъ на Масляной. На Рейнѣ, во Франконіи и др. мѣстахъ молодые люди собираютъ взрослыхъ дѣвиць (*Dantzjunckfrauen*), запрягаютъ ихъ въ плугъ и везутъ музыканта, сидящаго на плугѣ и играющаго, въ воду; въ другихъ мѣстахъ возятъ огненный плугъ (*ein feürigen pflug mit einem meisterlichen darauff gemachten feür angezündet*), пока онъ не разсыплется въ дребезги. По другимъ извѣстіямъ, молодые люди, идущіе за плугомъ, сѣютъ сѣчку и стружки, дѣвиць, запряженныхъ въ плугъ, заставляютъ откупаться, «какъ бы въ наказаніе за то, что до Масляной онѣ не вышли замужъ.»³⁶ Можетъ быть колодки (*Польск. klocki*), которыя въ Малороссіи и въ Польшѣ въ концѣ Масляной или въ началѣ Великаго Поста привязываютъ холостымъ мужчинамъ и незамужнимъ женщинамъ, тождественны съ этимъ плугомъ; но если это и не такъ, то все же приведенные Нѣмецкіе обряды имѣютъ важность и для Славянской Мифологіи. Хожденье съ плугомъ на Рождество въ Червонной Руси имѣетъ цѣлью плодородіе земли, на что указываетъ припѣвъ: «Сѣй, родися жито!» и пр.; соотвѣтственно этому хожденье съ плугомъ, запряженнымъ дѣвицами, могло имѣть цѣлью плодородіе браковъ. Въ Славянской поэзіи земля, роля (*respect. дорога, ткань*)—символь женщины, орать землю [*respect. ходить по дорогѣ, saepe viam, по старин. выраженію «пути касатися», или «въ путь касатися», собственно рвать дорогу*], носить, рвать пла-

³⁴ Сак. Сказ. II, 7, 63.

³⁵ Kuhn и Schw., *Norddeut. Sag.* 370—371.

³⁶ Grimm, *Myth.* 242, 243.

ть) — символъ любви и брака.²⁷ Отсюда плугъ — символъ плодотворяющаго начала. Быше мы предположили, что первообразъ оранья змѣемъ есть громовая стрѣла раздражающая тучу, т. е., громовое божество, поражающее эмѣя. Это объясненіе не приложимо къ плугъ, какъ символу плодородія и брака, но указываетъ на то, что и такъ понимаемый плугъ имѣетъ въ основаніи то же небесное явленіе грозы, но представляемое уже не битвою, а бракомъ громоваго божества и тучи, замѣненной при дальнѣйшемъ развитіи мифа землею. Подобный Индійскій мифъ мы увидимъ ниже.

Сообразно съ этимъ можно объяснять и кованье свадебъ. Въ позднѣйшемъ сказаніи богъ, кующій свадьбу, куетъ ее не для себя, а для людей. Но какъ богъ, кующій плугъ — символъ брака, такъ и кующій свадьбу первоначально самъ тождественъ съ женихомъ. На это указываютъ слѣдующіе стихи Серб. пѣсни:

Злату те се кую на жѣя наті,
И мени те мой судавикъ доті,²⁸

гдѣ кузнецъ — символъ суженаго.

3. Изъ выше сказаннаго заключаемъ, что языческій праздникъ, сошедшій и слѣвшійся съ Рождествомъ и близкими къ нему Христіанскими праздниками, былъ посвященъ, между прочимъ, божеству огня — грома, подателю плодородія полей, богатства, покровителю брака, имѣвшему, вѣроятно, отношеніе къ смерти. Это божество могло называться Перуномъ, но могло носить и другое имя — Сварога, который, въ известномъ мѣстѣ Ипатьевского списка Несторовой Лѣтописи, замѣняетъ кузнеца Гефеста, установившаго законъ «женамъ азъ единъ мужъ посягати», и называется отцемъ Дажь-бога — солнца. Кромѣ этого божества, Рождественскіе обряды и пѣсни указываютъ на другое мужское, къ которому мы теперь переходимъ.

Первый день Рождества называется у Сербовъ Божитъ, т. е., Сынъ Божій. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Божичъ есть лицо

²⁷ О нѣкотор. смв. 145—152.

²⁸ Карадж. Пѣсн. I, 376.

не вполне Христіанское: оно приняло некоторыя черты Мифическаго существа, которое тоже могло называться Божичемъ. Начнемъ съ наиболѣе ясныхъ указаній на это,

В. С. Караджичъ говоритъ, что слышалъ въ дѣтствѣ колядку, въ которой просятъ «да ни въ краиве буду мліичне, да памузу пунъ кабао мліека?»

«Да окупамъ, коледо!
«Малогъ бога, коледо!
«Н божитя, коледо!»³⁹

Конечно, и можетъ быть здѣсь плеонастическое, но можетъ быть и нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ малый богъ отличается отъ божича; союзъ указываетъ на неполное ихъ сліяніе. Купанье новорожденнаго бога въ молокъ небесныхъ коровъ, замѣненныхъ потомъ земными, можетъ быть чертою чисто языческою. О празднованіи рожденія языческаго божества говорить и Великорусская колядка:

Уродилась коляда
На канунъ Рождества.⁴⁰

Если, что вѣроятно, слово коляда не Славянское, то оно замѣнило другое, болѣе древнее, названіе.

Не менѣе двусмысленны слѣдующія мѣста Сербскихъ колядокъ:

. . . . . тепо Бога молитъ
За старога за бадняка,
За младога за божитя.⁴¹

. . . . . Врнъ се натрагъ, стара майко,
Ево су ти гостя дошли,
Добри гостя, коледяни,
Кои оде, Бога моле
За старога за бадняка,
За младога за божитя.⁴²

³⁹ Карадж. Рѣчн.

⁴⁰ Терещ. VII, 57.

⁴¹ Карадж. Срб. пѣсм. I, 115.

⁴² Тамъ же 116.

Можетъ быть, Божичъ названъ молодымъ столько же по тому, что празднуется его рожденіе, сколько и по тому, что онъ богъ новый, по отношенію къ старому бадняку, богу языческому. Можетъ быть, пѣсня, различая два періода религіознаго сознанія, въ то же время своеобразно ихъ смѣшиваетъ. Но есть и другая возможность, что баднякъ и божичъ названы старымъ и молодымъ, какъ отецъ и сынъ. Въ странной мысли «молить Бога (Христіанскаго) за бадняка и божича» — очевидное смѣшеніе понятій. Это смѣшеніе даетъ перевѣсъ второму предположенію, что божичъ, какъ божество языческое, ставится здѣсь на одну доску съ баднякомъ. Христіанскій Богъ стоитъ неизмѣримо высоко надъ человѣкомъ, не раздѣляетъ ни людскихъ радостей, ни страданій, и по тому, съ Христіанской точки, невозможно молиться одному лицу Божественной Троицы за другое. Но языческіе боги участвуютъ въ положеніи человѣка. Этимъ объясняется сохранившееся еще въ Средневерхненѣмецкой поэзіи сопоставленіе человѣка и Бога: *Gote unde mir willekomen* (потомъ *Got* становится только усиленіемъ мѣстоименія: «*sit mir-gote willekomen*»), «знаю я и Богъ», «я Одинъ», «жалуюсь вамъ и Богу» и проч. Подобныхъ Славянскихъ выраженій меньше; кромѣ выраженій: «иди съ Богомъ», «Богъ съ тобою!» укажемъ на слѣдующія: Малорусское: «Прошу Бога и пась, вся чесна громадо, на хлѣбъ, на соль та й на весѣлля»; «Сербская свадебная пѣсня:

«Кудъ намъ поде дюверія, видѣ ли га ко?
Видіо га домати́не и Господня Богъ.»

При повтореніи этого двустихія, вмѣсто домати́не, поются названія всѣхъ поѣзжанъ: првіенче, стари свате (зват. пад. ви. именит.), кумъ вѣнчани и такъ далѣе; всѣ эти лица вмѣстѣ съ богомъ видѣли, куда пошелъ молодой; “Ср. также: «Съ вами дошла свака сретя и самъ Господъ Богъ», “ и нѣсколько

“ Grimm, Myth. 15 — 16.

“ Купала на Ивана. Харьковъ, 1840, стр. 47.

“ Карадж. Србск. пѣсм. I, 71 — 72.

“ Карадж. Србск. пѣсм. I, 43.

полобныхъ мѣстъ. Языческіе боги, какъ извѣстно, подвержены сну, болѣзни, опасности, смерти,⁴¹ и по тому понятно, что двоевѣрный человекъ можетъ молиться Христіанскому Богу за своихъ прежнихъ Боговъ. Въ подтвержденіе этого укажемъ на довольно обыкновенное заключеніе Малорусскихъ колядокъ:

Да бувай здоровъ и въ вѣку довгий,
 Не самъ собою, зъ своею жоною,
 Зъ усѣмъ родомъ, зъ Господомъ Богомъ,
 Зъ Исусомъ Христомъ, зъ Святымъ Рождествомъ.⁴²

Та бувай здорова, лѣвко Оряно,
 Не сама собою, зъ отцемъ, зъ невкою,
 И зъ милымъ Богомъ, и зъ усѣмъ родомъ.⁴³

Буквальный смыслъ втораго мѣста: «Будь здорова, но не одна, а съ отцемъ, матерью, милымъ Богомъ и всѣмъ родомъ.» рѣшительно не позволяетъ придавать здѣсь поздравленію такой смыслъ, какой оно теперь имѣетъ, какой, на примѣръ, въ поздравленіи: «Будьте здоровы зъ багатымъ вечеромъ, зъ Меланкою!» (31 Декабря), т. е., желаю вамъ здоровья, по случаю сегодняшняго праздника! По этому мы понимаемъ приведенныя мѣста буквально и видимъ въ нихъ остатокъ обычая славить не только хозяина съ семьею, но и боговъ. Желаніе благополучія «тебѣ и богу» нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ Христіанскому: «да придетъ царствіе твое!»

Что Божичъ есть свѣтлое, солнечное божество, это можно видѣть изъ слѣдующаго:

«По некимъ мѣстима (као по Босни и по Херцеговини) сячу на Божить, т. е., доматины рано у ютру виче: «Ся й, Бо же и Божитю, нашему или нашой (по имену свима кутянима редомъ)!»⁴⁴ Это: «Свѣти, Боже и Божичу, нашему такому то» имѣетъ, очевидно,

⁴¹ Ср. Grimm, Myth. 307.

⁴² Метл. 330.

⁴³ Тамъ же 333. Тоже тамъ же 336. 341, 343 — 344. Pauli Rus. I, 11.

⁴⁴ Карадж. Рѣчи.

смыслъ поздравленія: отъ свѣта боговъ зависитъ благополучіе людей. Если богъ не есть здѣсь Христіанская вставка, и если подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть бадняка, то нужно будетъ предположить, что и баднякъ имѣетъ отношеніе къ свѣтлому, ведрому небу, подобно Индрѣ (прогоняющему ночную тѣнь, открывающему лице солнца, или производящему солнце, небо, зарю) и Тору. ⁵¹

Сербскому обычаю сякати на первый день Рождества соотвѣтствуетъ Малорусскій припѣвъ: «Щедрикъ-ведрикъ,» имѣющій, по видимому, тотъ же смыслъ, что и «сяй, Боже!» и обрядная рѣчь при посыпаньи на Новый годъ: «Роди, Боже, жито, пшеницю! У полѣ ядро, а въ домѣ добро!» ⁵² Замѣтимъ параллелизмъ въ послѣднемъ выраженіи: ядро, какъ и сіянье Божича, имѣетъ переносный смыслъ добра, блага. Что касается до того, что сякаютъ на первый день Рождества, а щедруютъ подъ Новый Годъ, то это разница несущественная. Сходство обрядовъ, совершающихся отъ 4 Декабря до 6 Генваря (какъ увидимъ, даже въ теченіи большаго времени), заставляетъ думать, что зимній языческій праздникъ продолжался нѣсколько дней, или же (что кажется менѣе вѣроятнымъ), если этотъ праздникъ былъ однодневный, — что онъ распался на нѣсколько частей, приуроченныхъ къ нѣсколькимъ Христіанскимъ праздникамъ, но сохраняющихъ первоначальное сходство. Такъ обычай колядовать, т. е., славить на Рождество, и щедровать, славить подъ Новый Годъ, до того сходны, что различаются не всѣмъ Южнорусскимъ племенемъ: «щедрый вечеръ», припѣвъ Малорусскихъ щедровокъ, у Карпатскихъ Горцевъ относится и къ колядкамъ (въ которомъ общій, и Украинскій, и Галицкій,

⁵¹ Mannhardt, Germ. Myth. 139 — 143.

⁵² Можетъ быть, слова ведро и ядро — одного корня. Румун. ведро, ясная и теплая погода, Чеш. — жаръ, Серб. ведар (постояян. эпит. неба: «ведро небо), ясный, подходитъ къ Скр. vidhra, ясный, чистый, прозрачный, хотя Скр. ѵ заставляетъ ожидать Славянскою и, а не е. По Боппу, видра — изъ предлога ви и глаг. корня vidh съ суф. р. кор. idh — иидh, зажигать, откуда могло пойти Сл. ядро (— ведро), если оно имѣло въ началѣ ш. Ср. старинное яд-но, жженіе.

пришѣвъ есть: «Святый вечеръ»), откуда видно первоначальное тождество святаго и щедраго или багатаго вечера. У Поляковъ и колядки и щедровки съ полнымъ основаніемъ носятъ одно имя: kolędy.

Въ Сербской колядкѣ встрѣчаемъ мѣсто:

Божить бае по свемъ свету,
По свемъ свету по овоме,³³

въ которомъ слово баяти не можетъ значить ни чаровать, заговаривать, какъ въ Сербскомъ, ни говорить, какъ въ Русскомъ и другихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, но очень удобно можетъ значить свѣтитъ: Божичъ свѣтитъ. Такая догадка не произвольна, по тому что корень бѣа, подобно многимъ другимъ, первоначально соединялъ значенія свѣта и рѣчи, изъ коихъ Славянскія нарѣчія сохранили въ настоящее время только послѣднее, а Санскритъ только первое. Производный отъ бѣа Славянскій корень бас имѣетъ оба значенія: 1-е въ баса — краса, баской и пр. (зн. красоты предполагаетъ значеніе свѣта), 2-е въ бахарь, говорушь, рассказчикъ. Сербское бах-орити, заговаривать, бас-ма, разговоръ, бас-ня. Обл. Великорусское басить, говорить красно, лѣчить и др. Можно, конечно, отнести сл. баса и другія того же основнаго значенія къ Скр. бѣа, свѣтитъ, а бас-ня, бах-арь къ кор. бѣаш, говорить, по тому что и Скр. ш, и с = Слав. с; но отъ этого дѣло не измѣнится, по тому что и бѣаш, и бѣас — только видоизмѣненія одного и того же корня.

На канунѣ Божича (Рождества) поютъ:

Божить, Божить бата
На обоя врата,
Носа киту золота,
Да позлати брата
И обоя побоя (т. е., подвой, половинки двери).³⁴

Божичъ стучится въ двери, несетъ киту (букетъ?) золота, чтобъ позолотить ворота и створчатые двери. Чтобъ понять это,

³³ Карадж. Срб. пѣсн. I, 115.

³⁴ Карадж. Срб. пѣсн. I, 117.

слѣдуетъ замѣтить: а) И въ нашихъ, и въ Нѣмецкихъ сказкахъ дары свѣтлыхъ боговъ — золотые, и вообще золото находится въ тѣснѣйшей связи со свѣтомъ, такъ что выраженіе: Божичъ позлащаетъ» значить то же, что и «Божичъ сіяетъ или баеть». б) У всѣхъ почти Славянскихъ племенъ есть пословицы, говорящія, что солнце приходитъ къ воротамъ и освѣщаетъ ихъ: Сербская: «Дотъ те сунце и предъ наша врата;» Хорут. «Razsvelli se sonce i na vratih mojih;» Польск.: «Będzie i przed naszymi wrotami słońce;» Малорусск.: «Близне сонце и въ наше вѣконце,» т. е., «Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.» Ту же мысль изображаетъ Хорутанскій обычай ставить на воротахъ мѣдный крестъ въ звѣздѣ, за всякаго женатаго члена семьи, обычай, извѣстный и многимъ Русскимъ: этотъ крестъ называется сонъс или сонъсѣк, и выставляется на другой день свадьбы съ обрядомъ, называемымъ посвященіемъ, *posvećilo*. Изъ этого обычая мы заключаемъ, что солнце приходитъ къ воротамъ и приноситъ счастье, не только на Рождество, но и во время (а не послѣ) свадьбы.

Въ одной грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) говорится, что «на Москвѣ напередъ сего.... въ навечеріи Рождества Христова кликали многіе люди Каледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали (славили?) плугу.» Теперь во многихъ Великорос. Губерніяхъ Авсенемъ (иначе Говсенъ (Ряз.), или Таусень (Симб.), Бауценъ (?) называется уже канунъ Новаго Года. Слово Авсенъ сближаютъ съ овесъ, на томъ основаніи, что посыпаютъ на Новый Годъ преимущественно овсомъ и овсомъ же даютъ славильщикамъ; ⁵⁵ но это совсѣмъ невѣрно. Въ сл. ов-ьсь звукъ с принадлежитъ суффиксу (ср. Лит. *aw-iž'a* (употребительное только во множеств. числѣ *awizos*), Латин. *av-epa*), тогда какъ въ сл. ус-ень, авс-ень с относится къ корню ус Скр. уш., жечь, уг-еге, отъ котораго Литов. *ausz-ti*, свѣтатъ (и въ переносномъ значеніи: *rawasaris iszauszta*, разсвѣгаетъ, начинается весна), *ausz-га*, утренняя заря, т. е., зарево, предшествующее солнцу, и звѣзда, Санскр. ушас, заря, утро, Греч. ἠώς, ἔως, Лат. *aug-ora* (r изъ s). Корень уш имѣ-

⁵⁵ Снегир. Правдн и обр. II, 103. Терещ. VII, 110.

есть другую форму вас, которую находимъ, между прочимъ, въ Слав. весна, Скр. васанта, то же, Лит. was-aga, лѣто. Отсюда понятно, по чему день солнечнаго поворота на лѣто (рожденія солнца?) и само солнце могли называться Усенемъ.

Какъ Божичъ приходитъ къ воротамъ, такъ и Усень подъѣзжаетъ, заходитъ въ дворы:

Ѣхали бояре,
Сосну срубали,
Дощечки пилили
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздями убивали.

Ой Овсень! Ой Овсень!
Кому жь, кому Ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню
Да Новому Году. “

Въ одной Малоросс. пѣсни ¹мощене мостовъ есть символъ ожиданья:

Ой мостіте мосты зъ зеленой бросты!
Сподѣвалася свого батенька та до себе въ гости
Недѣля минае, батенька не мае,
Журба мене зъ ногъ валася, а нй хто не знае, и т. д.

Впрочемъ, мощене въ Великорусской колядкѣ можетъ быть темнымъ воспоминаніемъ о небесномъ мостѣ, по которому боги сходили на землю:

Ой Овсень! Ой Овсень!
Походи, погулай
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!

Ой Овсень...
. . . Ты взойди ..
Къ Фялимову на дворъ.

“ Снег. Празд. и обр. II, 111.

.... Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь ворота красны,
Веревъ всѣ пестры.
Ой Осень...

Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипариснымъ тыномъ.
Ой Осень...

Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложонъ,
Позолотой увить и т д "

Какъ въ Сербской колядкѣ ворота позолачиваются, украшаются солнцемъ, такъ и здѣсь, по видимому, красота двора есть только слѣдствіе его посѣщенія свѣтлымъ богомъ, отблескъ небесной красоты. Эта мысль и въ расписаніи роскошнаго убранства теремовъ въ былинѣ про Соловья Будимировича:

Хорошо въ теремахъ наукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.

Нѣкоторыя другія пѣсни, въ которыхъ далѣе развивается то же побужденіе, приведемъ ниже; здѣсь же выпишемъ пѣсни, доказывающія, что боги посѣщали, какъ гости, дома смертныхъ. Кстати сравните пословицу: «Гость въ домъ, Богъ въ домъ.» Сравните такъ же Орл. и Пск. выраженіе «боги ходятъ» объ образахъ, приносимыхъ на домъ.

Великорусская колядка:

Пршла Коляда
На канунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую

" Тамъ же 111—112.

По всѣмъ по дворахъ,
 По проулочкамъ.
 Нашли коляду
 У Петрова-то двора и пр. ⁵⁸

Колядка Карпатскихъ Горцевъ, въ которой удивительно стройно сливаются побужденія Языческія и Христіанскія: сначала славятся прежніе боги, потомъ отрицается ихъ могущество и надъ всею природою ставится Богъ Христіанскій:

Ця дома бывашъ, пане господарь?
 Твоя риночки ⁵⁹ позаметаны,
 Твоя столочки понакрываны,
 За твоимъ столомъ три гостейки,
 Гостейки троя, не еднаки:
 Єденъ гостейко — свѣтле сонейко,
 Другій гостейко—ясець мѣсячокъ,
 Третій гостейко—дробень дожджейко.
 Сонейко гварить: «Нѣтъ якъ надъ мене:
 «Якъ я освѣчу горы, долины,
 «Церквы, костѣлы и всѣ престолы.»
 Ясець мѣсячокъ: «Нѣтъ якъ надъ мене:
 «Якъ я освѣчу темную ночейку,
 «Воарадуются гості ⁶⁰ въ дорозѣ
 «Гості въ дорозѣ, волойки въ возѣ.»
 Дробень дожджейко: «Нѣтъ якъ надъ мене:
 «Якъ я перейду три разы на яръ,
 «Три разы на яръ мѣсяца яря, ⁶¹
 «Воарадуются жита, пашняці,
 «Жита, пашняці, всѣ ярниці.»
 Нѣтъ якъ надъ тебе, великій нашъ Боже!
 Ты кажешъ мѣсяцю: «Свѣти всему свѣту!»
 Ты кажешъ сонейку: «Свѣти всему свѣту!»
 Ты кажешъ дожджейку: «Моча суху землю!»
 Родя, Боже нашъ, жито, пшееницю,
 Жито, пшееницю, усяку пашняцю!
 Бувай здоровъ, пане господарь! и пр. ⁶²

⁵⁸ Снег. II, 68.

⁵⁹ Ринка, скамья.

⁶⁰ Гость, купецъ.

⁶¹ Ярецъ, Май.

⁶² Праздн. и обр. 29—30.

Галицкая колядка приводитъ въ связь домашнее счастье челоуѣка съ посѣщеніемъ боговъ:

Ишовъ, перейшовъ мѣсяць по небу,
 Та стрѣтився мѣсяць азъ ясною зорею:
 «Ой зоря, зоря, де въ Бога була,
 «Да въ Бога була, де маешъ стати?»
 — «Де маю стати? — У пана Ивана,
 У пана Ивана, та на его дворѣ,
 Та на его дворѣ, та у его хатѣ,
 А у его хатѣ та двѣ радости:
 Першая радость—сына женита,
 А друга радость—дочку отдавати.»

Въ Польской колядкѣ говорится только о Христвѣ и Христіанскихъ Святыхъ, но сохранена черта, по видимому, очень древняя: небесные гости пользуются земнымъ гостепримствомъ и пируютъ съ людьми:

Na óród dworu jawor stoi, — hej Leluja!
 Na jaworze złota rzęsa,
 I przylecieli rajskie ptaszęta,
 I obtrzęśli złote, złote rzęsy,
 I wybiegła nadobna dziewczyna,
 I rozpusciła swój biały fartuszek,
 I pozbierała złote rzęsy,
 I skoczyła do złotniczeńka:
 «Złotniczeńku, rzemiśniczeńku!
 «Ulij że mi złoty kubek!
 — «Któż' ci się będzie z niego napija!» —
 «Sam Pan Jezus z Aniołami,
 «I Maryja z dziewicami,
 «Nadobna dziewczyna z kawalerami. Hej Leluja!»

На такія же благодатныя посѣщенія указываютъ свадебныя пѣсни:

Ой иде Маруся на посадъ,
 Зострѣча её Господь самъ
 Изъ долею щасливою,
 Изъ доброю годяною.»

“ Pauli, Rus. I, 10.

“ Pauli, Pol. 5.

“ Метл. 144.

Чи чувствуете, кониченьки, на силу?
 Чи подвезете княгину
 Да подь тую гороньку крутую,
 Да у тую церковку святую?
 А у той церковцѣ Святый Спасъ
 Вѣнчавъ дѣтки однолѣтки въ Божій часъ. “

Ступи, Божовьку, зъ леба!
 Теперь же ты намъ треба.
 Зачни намъ веселяйко
 На наше подвѣрайко,
 Тихое, веселое,
 Абы було щасливое. “

Благослови, Боженьку,
 И ты, рѣднѣй батеньку!
 Пречистая Мати,
 Ступи до насъ хати
 Веселе зачинати. “

4. Животныя, посвященныя тому самому солнечному божеству, о которомъ говорено выше, т. е., животныя, въ образѣ которыхъ представлялось это божество до своего очеловѣченія, были: кабанъ, быкъ, олень, что выводимъ изъ слѣдующаго:

а) Свинина въ разныхъ видахъ есть одно изъ непремѣнныхъ, обрядныхъ кушаньевъ на Рождество, Новый Годъ и Крещенье. У Сербовъ къ Божичу колютъ поросенка, который называется Божура, Божурица, или, въ другихъ мѣстахъ, равно какъ и у Хорватовъ, — заоблица “ На связь Божича съ поросенкомъ указываютъ слѣдующія припѣвки: Послѣ «Варина дня» (Варварина дня, 4 Декабря) поютъ:

“ Тамъ же 167.

“ Pauli, Rus. 66.

“ Тамъ же, 93.

“ За облица (по Югозападн., бравче ціело съ главою испечено, или само одрто за таково печене. Карадж. Рѣчн. Бравче, oviscula, но бравъ бравацъ то же, что вепаръ. У Хорватовъ облица — крме одъ године, годовалый поросенокъ.

Поручуе Варица Божитю:
«Пошли мене одъ прасца ножицу,
«Да зачинимъ варицу шеницу».⁶⁶

На Божичъ поютъ:

У Божитя три ножитя:
Еднимъ реже заоблицу,
Другимъ реже кобасицу,
Третимъ реже чесвицу.⁷⁰

У Хорватовъ въ обычаѣ на Рождество, воротившись отъ обѣдни, которая начинается въ полночь, разговляться печеными колбасками. На Богоявление за завтракомъ непременно должна быть голова, а мѣстами и стегно, Рождественской заоблицы, а также и полъ Рождественскаго хлѣба и' выдолбленный сыръ, изъ котораго пьютъ вино. Крохи всего этого даютъ ѣсть скоту, а лопатку, или другую кость заоблицы, бросаютъ въ сливнякъ,⁷¹ что говорить о священномъ значеніи этихъ яствъ и обрѣзъ отношеніи къ подателю плодородія скота и деревьевъ.

Въ Малороссіи щедруютъ:

Щедрикъ-ведрикъ!
Дайте вареникъ,
Грудочку кашки,
Кольце ковбаски!

Въ Великорусскихъ Авсенныхъ пѣсняхъ и колядкахъ:

Свинные ножки въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли и пр.⁷²

Дѣдка свинушку убилъ,
Дѣдка бѣленькую,
Сивку пѣгенькую.
Ай да Божья коляда!...⁷³

⁶⁶ Карадж. Рѣчн. 34.

⁷⁰ Карадж. Срб. пѣсм. I, 117.

⁷¹ Іііс 103.

⁷² Терещ. VII, 53.

⁷³ Тамъ же 48. Ср. 112, 119 и 121.

У Поляковъ и Чеховъ колядовщики тоже просятъ колбасъ.¹⁴

Во многихъ мѣстахъ Германіи подаютъ на Рождество свиную голову. Въ Англіи эта голова украшалась лавровымъ листомъ и розмариномъ (растеніемъ, имѣющимъ связь съ бракомъ и рожденіемъ и посвященнымъ солнечному богу Фро) и подавалась на столъ особенно торжественно, съ пѣсней. "Какъ кости (или рогъ) заоблицы даютъ плодородіе деревьямъ и здоровье скоту, такъ въ Германіи изображенія кабана, дѣлаемые на Рождество изъ тѣста, сохраняются до весны, ради плодородія полей; весною часто ихъ кладутъ въ сѣмена, приготовляемые для посѣва, часть даютъ въ ячмень рабочимъ лошадямъ, а часть работникамъ, ходящимъ за плугомъ."¹⁵

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси, свиная голова есть кушанье, необходимое и за свадебнымъ столомъ. Въ Нерехотскомъ Уѣздѣ Костромской Губерніи плугъ на третій день послѣ свадьбы называется краснымъ столомъ. Между прочими кушаньями ставятъ тогда и цѣлую вареную свиную голову.¹⁶ Въ Саратовской Губерніи, на другой день послѣ свадьбы, въ домѣ жениха бываетъ для родителей невесты, называемыхъ гарными гостями, и другихъ гостей, гарный столъ или просто гарны. Послѣ многихъ другихъ кушаньевъ, тутъ подаютъ свиную голову, обряженную красными лентами.¹⁷ Очевидно, кушанье это является не случайно, а по обычаю. Красный цвѣтъ лентъ есть цвѣтъ солнца.

¹⁴ Pauli. Pol. 10. Sumlork I, 299 — 300.

¹⁵ Wolf, Beitr. I, 104; II, 112.

¹⁶ Тамъ же I, 105. У Лужичанъ тоже пекутъ кабаны изъ тѣста. См. тамъ же I, 119.

¹⁷ Діевъ, Нрав. и об. Нерехотскаго Уѣзда въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск.» 1846 г., кн. 2, IV, стр. 26.

¹⁸ Терещ. II, 364. Слово гарный, въ выраженіи «гарный столъ», соответствуетъ слову красный въ другомъ названіи того же стола. Можетъ быть, гарный сохранило здѣсь затерянное въ Малороссіи значеніе красный?

Связь приведенныхъ обычаевъ съ солнцемъ доказывается тѣмъ, что у Германцевъ кабанъ былъ посвященъ и приносился въ жертву солнечному богу, Сканд. Фрейру = Нѣм. Фро. Изъ самого имени этого Бога можно видѣть, что онъ прекрасный, ласковый господинъ (Др. Нѣм. *frô*, господинъ). Онъ богъ мира и любви; онъ посылаетъ дождь и солнечный свѣтъ, плодородіе и миръ. Его кабанъ съ золотою щетиной (*gullinbursti*) освѣщаль ночь, какъ день, и съ быстротою коня везъ колесницу своего бога. Этотъ кабанъ, какъ символъ бога Фро, изображался на шлемахъ (*Erahelm* = *Frôhelm*). Гриммъ приводитъ весьма важное, хотя не совсѣмъ ясное, свидѣтельство, связывающее Фро и кабана съ Рождествомъ и плугомъ: въ Голландіи въ ночь на Рождество ходитъ по землѣ «*Derk met den beer*» (*Dietrich mit dem eber*): въ это время прячутъ подъ навѣсъ всѣ земледѣльческія орудія, чтобъ не потопталъ ихъ кабанъ и не сдѣлалъ безплодными.¹⁹ Выше мы упоминали объ томъ, что прятанье разныхъ предметовъ указываетъ на связь этихъ предметовъ съ тѣми Мнѣстечскими лицами, отъ которыхъ ихъ прячутъ. Такимъ образомъ и изъ приведеннаго извѣстія видна связь кабана и плуга, основанная на томъ, на чемъ и сближеніе медвѣдя и волка съ плугомъ, т. е., на общемъ плугу и кабану представленіи рытья. Но трудно понять связь кабана, какъ животной формы плуга, роющаго землю, съ солнцемъ. Нужно, кажется, допустить, что или вышеупомянутый Деркъ съ кабаномъ не есть Фро, или что Фро, выдѣлившись изъ другаго, болѣе древняго божества, сохранивъ въ себѣ свойства и солнечнаго бога и бога, проявляющаго себя въ грозѣ, сохранилъ нѣкоторые признаки грознаго бога, между прочимъ рытье (тучи или земли). Кабанъ посвященъ и другому свѣтлому божеству, Бальдеру (Сканд. *Baldr*, Др.-Нѣм. *Paltar* и *Phol*, АС. *Bäldäg*, *Beldeg*), который, по Гримму, соотвѣтствуетъ извѣстному намъ только по имени Слав. Бѣл-богу.²⁰ За Фро или Бальдера принимаютъ того всадника на свиньѣ, который встрѣчается въ нѣсколькихъ Нѣмецкихъ сказкахъ.²¹ У насъ, быть можетъ, слѣдъ представленія солнечнаго

¹⁹ Grimm, Myth. 191 — 194.

²⁰ Тамъ же, 948, 975.

²¹ Wolf, Beitr. II, 407 и слѣд.

бога верхомъ на вепрь сохранился въ слѣдующей Авсенней гѣснѣ:

... Мосты мостятъ.
Кому мостами ѣздитъ?
Царю Государю.

«Если же, говорить издатель, вмѣсто словъ «Царю Государю» говорить «молодцу удалцу», тогда прибавляютъ:

На чемъ ему ѣздитъ?
На сивенькой свинкѣ.
Чѣмъ погоняти?
Живымъ поросенкомъ». "

Можетъ быть, теперь эта ѣзда на свинѣ не имѣетъ для поющихъ серіознаго смысла, но первоначально этотъ молодецъ на свинкѣ, которому мостятъ мосты, какъ Авсеню и Царю, могъ самъ быть Авсенемъ.

По Тюрингенскому повѣрью, кто наканунѣ Рождества ничего не ѣстъ до ужина, тотъ увидитъ маленькаго золотого поросенка. " Въ Швабін въ это же время видятъ бѣлаго поросенка съ золотою цѣпью на шеѣ. " У Чеховъ есть такое же повѣрье, что кто постилъ на щедрый вечеръ, т. е., сочельникъ, тотъ въ этотъ вечеръ увидитъ золотое порося. По Словацкому повѣрью, на Рождество (т. е., на сочельникъ?) видно, какъ это порося бѣгаетъ по вершинамъ стрѣхъ. Дѣти называютъ солнечный отблескъ въ зеркалѣ — «zlaté prasátko.» Въ Чешской дѣтской игрѣ «v zlaté prase» бросаютъ вверхъ золотое порося, т. е., круглый кусокъ дерева, и при этомъ кричатъ: «Na nebi zlaté prase ne trpíше, toliko na zemi.» Въ Словацкой игрѣ того же названія прячутъ золотое порося, какъ въ Чехахъ, золотой перстень. "

" Терещ. VII, 118.

" Grimm, Myth. 45. Гриммъ объясняетъ это повѣрье только тѣмъ, что съ давнихъ поръ, въ этотъ день поросенокъ былъ послѣднимъ кушаньемъ за ужиномъ.

" Wolf, Beitr. II, 412.

" Hanič, Bajesl. kal. 11 — 12. Не понимаемъ, относится ли слѣдующее извѣстіе у Гануша къ Словацкой игрѣ, или къ повѣрью о появленіи золотого

Если на основаніи связи кабана съ Божичемъ и Фрейромъ принять этого кабана за символъ солнца, то нужно будетъ видѣть въ золотомъ, или бѣломъ, поросенкѣ недавно родившееся солнце. Въ Чешской игрѣ какъ бы призывается это солнце-поросля на землю. Словацкая игра, какъ думаетъ и Ганушъ, символически изображаетъ, что солнце скрыто (до своего рожденія на Рождество).

б) Нѣкоторыя косвенныя доказательства того, что солнце представлялось быкомъ, приведемъ ниже. Здѣсь укажемъ только на Малорусскую загадку, въ которой день названъ воломъ, а ночь коровою: «Лысый волъ усѣхъ людей збивъ, черная корова усѣхъ людей поколола», " т. е., день пробуждаетъ, а ночь усыпляетъ людей. Объ отношеніи быка къ Рождеству свидѣтельствуетъ Червонорусскій и Польскій обычай наряжать челоуѣка туромъ и ходить съ нимъ колядовать, или же славить въ мясоѣдъ." Этотъ обычай, указывающій на посѣщеніе домовъ животнымъ образомъ божества, дополняется слѣдующимъ Галицкимъ: «На первый день Рождества гадаютъ по первому гостю о будущемъ счастьѣ, или несчастьѣ, всего дома, и по тому стараются еще до прихода гостей ввести въ избу скотину (теленка?), которая, говорятъ, приноситъ съ собою счастье.» " Стало быть, скотина, какъ образъ божества, есть первый, самый желанный, гость. То же сочетаніе мыслей о первомъ гостѣ, богѣ и скотѣ, видно въ Чешскомъ повѣрѣ: «Если первый гость на первый день Рождества мужчина, то корова приведетъ въ этомъ году бычка, а если женщина, то теличку»."

поросля подъ Рождество: «кто видитъ золотое поросля, тотъ говоритъ, что для того, чтобы найти его, нужно перейти море и сплести золотую веревку.» Ганушъ принимаетъ эту веревку за нить судьбы, которую прядутъ судицы. Это требуетъ доказательства, но несомнѣнно, что море есть небесное море облаковъ, и что, значить, золотое поросля является на небѣ.

" Леан. Зооморе. бож. I, 21.

" Pauli, Pol. 2, 16. Pauli, Rus. I, 2.

" Pauli, Rus. I, 1.

" Krolmus II, 389.

У Чеховъ наканунѣ Рождества говорятъ дѣтямъ: «Если весь день будете постить, то ввечеру, когда появятся на небѣ звѣзды, увидите между ними золотое теля и золотыхъ поросятъ».⁹⁰ Это извѣстіе, равно какъ и приведенныя выше о золотомъ поросенкѣ, подкрѣпляетъ предположеніе, что рожденіе Божича и Коляды слѣдуетъ понимать, какъ рожденіе языческаго, солнечнаго бога. Данныя, изъ которыхъ созданъ мифъ о рожденіи солнца зимою, когда солнце поворачиваетъ на лѣто, очень хорошо сохранились въ Славянскомъ языкѣ и народной поэзіи.

Изъ значительнаго количества словъ видно, что по взгляду языка, жизнь (довольство, богатство, счастье, здоровье) и бодрствованіе есть свѣтъ, огонь, а наоборотъ смерть (несчастье, бѣдность, болѣзнь) и сонъ или дремота есть мракъ (мерцанье, слабый свѣтъ). Отсюда ежедневный восходъ солнца есть его рожденіе:

... Кады ме будишь, у очи ме любишь:
«Устань, срце, родило се сунце!»⁹¹

Сараните лѣпу дѣвойку,
Откуда се ясно сунце радя,⁹²

т. е., лицомъ на востокъ. Закатъ солнца есть его омерть, откуда сравненія умирающихъ людей съ заходящимъ солнцемъ. Такъ, на примѣръ, жена причитаетъ надъ убитымъ мужемъ:

«Мой Дамляне, жое ярко сунце!
«Лѣпо ти ме бѣше обасяло,
«Алѣ ми брже за горницу заде.»⁹³

⁹⁰ У Чеховъ на 1-й день Рождества родители, возвращаясь отъ заутрени, показываютъ дѣтямъ зорю (zvířetnice, jitřenka, krasopaní, Венера) и говорятъ, что это свинья съ поросятами (Ганушь 11 — 12). Отождествленіе солнца со звѣздой, если оно здѣсь есть, можетъ происходить отъ того, что родившееся солнце показывается ночью, такъ что ближе всего искать его между звѣздами.

⁹¹ Карадж. Срб. пѣсм. I, 229.

⁹² Тамъ же III, 521.

⁹³ Тамъ же I, 406; III, 495   496.

Сила такого взгляда на закатъ солнца, какъ на его смерть, такова, что обыкновенныя слова для заката: заходить, садиться, получаютъ значеніе погибали, смерти. Эти слова могутъ по этому обрядѣ солнца и должны быть замѣняемы другими: «Срблн кажу, да сунду на валя рети ваде, нити сѣде, него смири се, ерѣ кадъ му се рече ваде, онда оно рече: «вашао па не нашашао!», а надъ му се рече сѣде, онда оно рече: «сѣе, па не устао!», а кадъ му се рече смири се, онда оно рече: «смирю се и тмѣ!» Заходъ солнца есть его удаленіе, отходъ, по чему уходящіе люди сравниваются съ заходящимъ солнцемъ:

Сунце е намъ на заходу, брао те намъ зать,
А невѣста на отходу, брао те намъ потъ. ¹⁰

Но по очень распространенному у Славянъ представленію, умирающей отправляется въ дальній путь; отойти значитъ умереть, отходная — канонъ, читаемый надъ умирающимъ. По этому отвѣтъ солнца человѣку: «Зашао па не изишао!» значитъ: уйдн безъ возврата, умри! Вѣроятно, подобный смыслъ имѣеть и другой отвѣтъ. Самое слово смириться, успокоиться, отъ примѣненія къ заходу солнечному, получаетъ значеніе потушить свѣтъ, въ хорошемъ смыслѣ, т. е., безъ перехода мысли къ смерти, ¹¹ и употребляется о гашеньѣ священной свѣчи: Серб. смирити свѣтю, угасить, каже се ва крсну свѣтю, съ кобмъ се устае у славу; Костр. и Сибир. засмирить свѣчу — потушить свѣчу передъ образомъ. Подобное повѣрье и у Нѣмцевъ: «darf keiner sagen sie (die Sonne) gieng unse, must sprechen, sie gieng zu röst und gnaden», ¹² по чему untergehen значитъ и заходить, и погибать.

Солнца есть источникъ жизни; пока оно живо, до тѣхъ поръ живетъ все на свѣтѣ; настоящая смерть земнаго существа возможна, по видимому, только съ заходомъ солнца. Такъ змѣя, говоритъ народъ, убитая утромъ, продолжаетъ двигаться до вечера; косари, т. е., оторванные ноги длинноногого паука, косятъ

¹⁰ Рѣч. 695.

¹¹ Србск. пѣсм. I, 35.

¹² Такой переходъ между прочимъ въ Олопецъ. затухнуть, о боревѣ: околѣть.

¹³ Grimm, Myth. 702.

до захода солнца. «Во многихъ Волошскихъ деревняхъ никого не хоронятъ до полдня, по тому что родные умершаго хотятъ направить его душу къ ея цѣли вмѣстѣ съ отходящимъ на покой солнцемъ. Они боятся, что душа покойника похороненнаго въ то время, когда солнце еще идетъ вверхъ, заблудится и станетъ жертвою какого ни будь рыщущаго вампіра». ” Преслѣдованіе душъ упырями требуетъ еще объясненія, но изъ остальнаго очевидно, что душа находитъ покой только вмѣстѣ съ солнцемъ. ” Сонъ сроденъ со смертію, а по тому, по Сербскому повѣрью, «не слѣдуетъ спать, когда солнце заходитъ (залази)», чтобы, вмѣстѣ съ умирающимъ солнцемъ, не заснуть вѣчнымъ сномъ, чтобы солнце не приняло спящаго за мертваго и не взяло души съ собою. Объ этомъ говорится въ пѣсни:

.... Говори госпа Бановица:
« О Кумрія, моя робинице!
«Пробуди ми два неяка сна,
«Да ми дѣцу сунце не залази, ¹⁰⁰

Залазити, заходить, получаетъ здѣсь причинное значеніе: заставлятъ зайти (умереть).

Возможность перехода мысли отъ ежедневной смерти солнца къ зимней его смерти, и отъ ежедневнаго рожденія къ рожденію его зимою, при поворотѣ на лѣто, заключается въ томъ, что сонъ и смерть, какъ явленія противоположныя свѣту и жизни, какъ мракъ, сближаются съ зимою и морозомъ. Сонъ есть морозъ: Тверск. заснуть, объ озерѣ: замерзнуть. Зима есть ночь, мракъ: Стар. зима, Сѣверь, иначе въ Русск. Польск. Чеш. полночь; въ Малорусской пѣснѣ выраженія: зиму зимувать и нѣчку ночувать — параллельны. ¹⁰¹ Въ Серб.

⁹⁹ Schott, Walach. Märch. 302.

¹⁰⁰ Славянскія повѣрья напоминаютъ слѣдующее Англійское: человекъ приходитъ въ міръ, когда начинается приливъ, и умираетъ на берегу не иначе, какъ во время отлива. Если больной переживетъ начало отлива, то значитъ, онъ будетъ жить до слѣдующаго отлива. Куперъ, Диккенсъ.

¹⁰⁰ Серб. пѣс. III, 406.

¹⁰¹ Метл. 240.

причитаніѣ зима прямо названа черною: црна зима.¹⁰² Одного жерня со словами мракъ и смерть слѣдующія слова: Тверск. замерѣка, первое осеннее непогодье, мокрый снѣгъ съ дождемъ; Костр. заморекы, заморозы передъ зимою; Влад. и Яросл. замерѣкъ, Влад. замерень, перевозимье. Предлогъ за обозначаетъ начало дѣйствія, названнаго корнемъ (ср. зазимье, первый снѣгъ), такъ что всѣ приведенныя слова значатъ: начало мрака, или начало смерти. Отсюда зима и мракъ имѣютъ одинаковыя переносныя значенія безобразія, стыда, ненависти, печали, несчастія; зла вообще. Доказывать это не считаемъ нужнымъ. Въ заключеніе приведемъ Серб. пословицу: «Пытали курыка (волка), кадь е найветя зима? а онъ одговори: кадь се сунце радя»,¹⁰³ т. е., наибольший холодъ передъ поворотомъ солнца на лѣто (наибольшее несчастье передъ счастьемъ); впрочемъ, можно понимать и такъ, что наибольший холодъ — утромъ, передъ восходомъ солнца, хотя такое толкованіе менѣе вѣроятно, по тому что волкъ имѣетъ особенное отношеніе не къ утру, а къ Декабрю, когда рожденіе солнца.

в) Названія быка, коровы переходятъ къ значенію оленя, лани. и наоборотъ: Польск. krowa, самка лося; Русск. (Арх.) быкъ, олень самецъ; Чеш. jelena, srna, имена коровъ; коза, серна, козуля, изображеніе коня, оленя, или коровы; Польск. star. kagw, старый волъ, предполагающее формы крѣ-въ, кор-въ (ср. Лит. karwe, корова), одного происхожденія съ Лат. seg-vus, олень.¹⁰⁴ Уже отсюда можно бы, съ нѣкоторою вѣроятностью, заключить о сходствѣ Мненческаго значенія быка и оленя.

Есть извѣстіе, что въ Германіи уже въ VI столѣтіи Церковь преслѣдовала обычай наканунѣ Новаго Года наряжаться оле-

¹⁰² Карадж. Ковчез. 104.

¹⁰³ Карадж. Посл. 248.

¹⁰⁴ И, вѣроятно, со Слав. сръ-на, сръ-на. Основное значеніе словъ корова, серна, segvus будетъ — бодающій, рогатый, если только можно отнести сюда же Греч. κέρασ, Лат. cor-nu и Скр. глаг. срі, ломать, портить, откуда срінга, рогъ (по Бенфею), и вѣроятно сріѣк, stimulus, quo elephanti impelluntur, бодець.

нями ¹⁰⁵ т. е., ходить колядовать съ оленемъ, какъ у насъ ходятъ съ человѣкомъ, который наряженъ туромъ. Сербская колядка говоритъ о явленіи подѣ Рождество Св. Петра верховъ на оленѣ:

Уранила, коledo! стара майка, коledo!
 Светой цркви на ютрену.
 Сусрете в Свети Петаръ
 На олену в латорогу,
 Златорогу и перогу:
 • «Вриь се патрагъ, стара майке!
 «Ево су ти гости дошли,
 «Добри гости коледяни».... ¹⁰⁶

Олень приводится въ связь со Св. Петромъ и въ слѣдующемъ замѣчательномъ изъясненіи: «На границѣ Вольскаго и Тотемскаго Округовъ, близъ верховья Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости, донинѣ ежегодно бываетъ въ первое воскресенье послѣ Петрова дня особенный народный праздникъ, на который собирается множество народа. Передъ обѣдней, убивъ быка, купленнаго на счетъ всей волости, разнишаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ; послѣ обѣдни и молебна Священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ отъ этихъ мясъ. Старинное преданіе гласитъ, что въ незапамятные годы на праздникъ сей выбѣжалъ изъ дремучаго лѣса олень; народъ, принявъ эту добычу за Божій даръ, убивъ и разнявъ на части, приготовилъ себѣ обѣдъ. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ: но когда не явился олень, тогда поселане убили быка для пиршества.» ¹⁰⁷ Съ этимъ сравните слѣдующее: «Монахи Корвейскаго Аббатства, нѣкогда очень бѣдные и благочестивые, имѣли обычай дѣлать торжественное угощеніе въ день Св. Вита. Разъ, когда къ этому дню не случилось у нихъ ни дичи, ни рыбы, ни вина, все это было имъ дано чудеснымъ образомъ: два оленя сами пришли на кухню, двѣ большія рыбы очутились на порогѣ, вода источника превратилась въ вино. Чудо повторилось ежегодно, пока живъ былъ Аббатъ, который умѣренно

¹⁰⁵ Wolf, Beitr. I, 103 и др.

¹⁰⁶ Карадж. Срб. пѣсм. I, 115, 116.

¹⁰⁷ Снег. Праздн. и обр. IV, 64, 65.

пользовался Божьими дарами: бралъ только одного оленя, одну рыбу и сколько нужно вина; но когда его жадный преемникъ забралъ и оленей и рыбъ и вычерпалъ все вино изъ источника, то чудо на слѣдующій годъ уже не повторилось.¹⁰⁸ День Св. Вита, празднуемый теперь 15-го Іюня, прежде приходился гораздо позже, около 24-го Іюня и, судя по нѣкоторымъ обычаямъ, тождественъ у Славянъ съ праздникомъ равноденствія. То же могло быть и у Нѣмцевъ. Это подтверждаетъ мнѣніе Вольфа, который, основываясь только на связи оленя съ Фрб, приписываетъ этому послѣднему чудо въ Корвейскомъ Аббатствѣ. Отсюда возможно заключеніе, что и въ Русскомъ преданіи олень есть животное, посвященное солнцу, приносимое ему въ жертву и первоначально тождественное съ нимъ. Прекращеніе чуда, не объясняемое Русскимъ преданіемъ и приписываемое Нѣмецкимъ жадности монаха, на самомъ дѣлѣ могло зависѣть отъ измѣненій въ мысли народа. Смыслъ мѣса (посѣщеніе земли солнцемъ - оленемъ въ одинъ изъ солнечныхъ праздниковъ) затенился; мысль перестала нуждаться въ объясненіи извѣстнаго явленія природы періодическимъ появленіемъ бога, производящаго это явленіе, и по тому періодичность устранена, а посѣщеніе бога отнесено къ глубокой старинѣ. Что до Русскаго преданія, то: а) первое воскресенье послѣ Петра тождественно, по значенію, съ самымъ днемъ Петра, точно такъ, какъ у Сербовъ Мали Божить, Новый Годъ, черезъ недѣлю послѣ Божича, — то же что Божить, Мали Дюрдевъ данъ, черезъ недѣлю послѣ Юрья, то же, что Дюрдевъ данъ, Млади Ускрсь, первое воскресенье послѣ Свѣтлаго, то же, что Ускрсь, точно такъ какъ у Чеховъ и др. *Octava* (*octava*) *Sviček* (Богоявленія), *Октава* Ивана Крестителя, Петра и Павла и т. д., тождественны, въ обрядномъ и юнческомъ отношеніи, съ самими праздниками. б) Св. Петръ, по народнымъ вѣрованіямъ, есть солнце, судя по тому, что онъ леверь на свадьбѣ мѣсяца и, слѣдовательно, молодъ, владѣеть лѣтними жарамъ, виномъ и льеницею, т. е., лѣтнимъ родомъ земли:

¹⁰⁸ Wolf. Baltz, II, 423.

Фалла се звѣзда дашца:
 «Оженитю сыйнога месеца,
 «Испроситю муню одъ облака....
 ...«Дѣверитю и Петра и Павла.
 .....Стаде муня даре діелити....
 Светомъ Петру Петровске вругѣне.¹⁰⁹

Въ другой пѣснѣ о свадьбѣ мѣсяца дѣверемъ одинъ Петръ,
 а о Павлѣ совсѣмъ не упоминается:

Када свецн благо подѣлише,
 Петаръ узе винце и шеницу,
 И ключеве одъ небесногъ царства....¹¹⁰

Если Петръ — солнце, то олень, на которомъ онъ ѣдетъ,
 посвященъ солнцу, т. е., есть животная форма того же боже-
 ства. Впрочемъ, объ оленѣ мы можемъ сказать то же и на осно-
 ваніи слѣдующей свадебной пѣсни:

Не разливайся, мой тихой Дунай,
 Не топи ты зеленые луга,
 Во тѣхъ ли лугахъ ходитъ олень,
 Ходитъ олень—золотые рога,
 Щиплетъ олень шелковую траву.
 По мосту, мосту по каиновому,
 Тутъ ишолъ прошолъ Андрей господиць,
 Встрѣчу ему бѣлой олень.
 Онъ хлыснулъ оленюшку плѣточкой,
 Возговорилъ ему бѣлой олень:
 «Ты не хлыщи, Андрей господиць!
 «Въ нѣкоторо време я тебѣ самъ пригожусь:
 «Станешъ жениться, я на свадьбу приду,
 «Золотые рога я съ собой принесу,
 «Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
 «Всѣхъ я твоихъ тѣхъ гостей взвеселю,
 «Больше тово—невѣсту твою,
 «Невѣсту твою, Звнанду душу,
 «Чтобъ она и не плакала,
 «Не надрывала свою бѣлу грудь.»¹¹¹

¹⁰⁹ Карадж. Срб. пѣсм. 155.

¹¹⁰ Карадж. Пѣсм. II, 2, 3.

¹¹¹ Записано мною въ Пенз. Губерніи. Разночтеніе см. въ Боярскихъ пѣсняхъ Кохановской.

Олень является на свадьбу, какъ по Нѣмецкому повѣрью — на Рождество. Его бѣлый рожъ и золотые рога, которыми онъ освѣщаетъ весь дворъ и возвеселяетъ гостей и невѣсту (освѣтитъ—взвеселитъ — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ сближеній въ Славянскихъ пѣсняхъ), прямо указываютъ на солнце. Рога оленя сравниваются съ солнцемъ и въ слѣдующей Сербской пѣснѣ:

Што се сія край горе зелене?
 Да ль е сунце, да ль е мѣсечина?
 Нить е сунце, нить мѣсечина,
 Веть два златна рога одъ елена,
 У нима су два града градена ¹¹¹ и т. д.

5. Къ числу символовъ солнечнаго бога слѣдуетъ отнести и хлѣбъ. Этому не противорѣчатъ указанія на связь хлѣба съ громомъ и огнемъ. Если эти указанія вѣрно нами поняты, и если вѣрно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, хлѣбъ есть солнце, то это можно бы объяснять не только тѣмъ, что какъ въ единичной мысли, такъ и въ народной, возможны въ разныя времена различныя взгляды на одинъ и тотъ же предметъ, но и тѣмъ, что громъ и солнце находятся въ Мненческомъ родствѣ.

О святости хлѣба есть довольно свидѣтельствъ. Въ Малороссіи жито называется святымъ: «снопъ святого жита;» «хлѣбъ святой.» По Сербской пословицѣ: «житни купаць а дѣвочки отаць не могу сретни бити,» ¹¹² по тому что счастье несомвѣстимо съ грѣхомъ, а торговать хлѣбомъ (и въ Малороссіи мѣстами), продавать дочь (т. е., выдавая за мужъ)—грѣхъ. ¹¹³ Подобнымъ образомъ и свѣчка въ церкви, какъ вещь священная, въ Малороссіи не покупается, а вымѣнивается. У Чеховъ, а безъ сомнѣнія и у другихъ Славянскихъ племенъ, есть не мало предразсудковъ, основанныхъ на вѣрѣ въ святость хлѣба: кто такъ не внимателенъ къ хлѣбу-дару Божьему, что упуститъ его на землю, тотъ, поджавши,

¹¹¹ Карадж. Срб. пѣсм. I, 166.

¹¹² Србск. посл. 81.

¹¹³ Сличите обрядъ продажи косы, сравненіе жениха съ купцомъ, невѣсты съ товаромъ въ свадебныхъ пѣсняхъ и пр.

долженъ его поцѣловать; кто разбрасываетъ хлѣбныя крохи, тотъ по смерти будетъ ихъ собирать съ кровавыми глазами; кто ѣвши хлѣбъ, крошитъ его на землю, за тѣмъ подбираетъ крохи чортъ, и если до смерти эти крохи будутъ вѣсить больше самаго челоуѣка, то чортъ беретъ его душу; хлѣбъ, котораго по чему ни будь нельзя ѣсть, нужно бросить въ затопленную хлѣбную печь; въ домѣ не слѣдуетъ быть ни одной ночи безъ хлѣба, по тому что въ случаѣ несчастья, хорошо прежде всего вспомнить о дарѣ Божьемъ и такимъ образомъ прійти въ себя. ¹¹⁶ На найденную вещь нужно трижды плюнуть, а потомъ уже поднять, по тому что иначе эта вещь, если она очарована, можетъ навести на челоуѣка болѣзнь. Но хлѣбъ можно смѣло поднять и ѣсть, по тому что надъ даромъ Божьимъ ни злой духъ, ни клеветы его, не имѣютъ власти. ¹¹⁷ Такъ и въ Нѣмецкой сказкѣ: Отецъ мельникъ, подозрѣвая, что младшій сынъ-дуракъ, лучше разумныхъ братьевъ исполняющій отцовскія порученія, имѣетъ связь съ нечистою силою, общаетъ оставить мельницу тому изъ сыновей, который принесетъ наилучшій хлѣбъ: въ такомъ дѣлѣ нечистая сила не поможетъ. ¹¹⁸ Въ силу такого же противопоставленія хлѣба и темныхъ силъ, по Словацкому обычаю, въ пеленки новорожденнаго кладутъ кусокъ хлѣба, чтобъ никто дитяти не сглазилъ. ¹¹⁹ Нѣмцы, когда несутъ дитя крестить, кладутъ въ пеленки по немногу хлѣба и соли, чтобъ ни вѣдьмы, ни злой духъ не имѣли власти надъ ребенкомъ. ¹²⁰

Хлѣбъ святъ не только по тому, что онъ есть даръ Божій: онъ самъ есть живое, божественное существо. Такой взглядъ могъ поддерживаться вліяніемъ Христіанства, какъ видно, на пр., изъ Чешскаго повѣрья: «Кто колетъ ножомъ хлѣбъ, тотъ поражаетъ

¹¹⁶ Ноука III, 52.

¹¹⁷ Тамъ же II, 334.

¹¹⁸ Grimm, K. Märch. I, 187.

¹¹⁹ B. Němcové Obr. ze Slov. VII. Ж. Ч. М. 1859, стр. 504.

¹²⁰ Wolf, Beitr. I, 206. У кого есть съ собою кусокъ хлѣба, надъ тѣмъ не имѣетъ силы «die wilde jagd». Тамъ же II, 159. Въ Словаціи хлѣбъ и соль кладутъ въ пеленки, чтобъ дѣтя было богато. III 21. Но соль — средство отъ чаръ.

Исуса Христа; но вполне не можетъ быть объясненъ Христіанствомъ. У Чеховъ говорятъ: грѣхъ на ночь оставлять хлѣбъ непокрытымъ, по тому что хлѣбъ тоже спитъ; кажется, такое же повѣрье есть и въ Малороссіи. Въ дѣтствѣ я слышалъ Малороссійскую сказку, въ которой хлѣбъ противопоставляется змѣѣ, подобно тому, какъ выше — вѣдьмѣ и чорту. Змѣя, увидѣвши хлѣбъ на столѣ, подавидовала ему и стала спрашивать, какъ онъ дошелъ до такого почета. Хлѣбъ отвѣчаетъ, что не даромъ онъ теперь въ чести, что до этого онъ претерпѣлъ многія муки: его молотили, кололи, мѣсили, въ печи пекли, и за тѣмъ уже положили на столъ. Змѣя хочетъ и себѣ того же, но не выдерживаетъ и перваго испытанія. Сказка эта носитъ признаки глубокой древности. Во первыхъ, изъ сказки объ томъ, какъ Кузьма оралъ змѣемъ, видно, что мелкія змѣи родились изъ тѣла великаго змѣя; на нихъ, стало быть, могло перейти мнѣнческое значеніе змѣя (Вритры, многократно замѣняемаго въ позднихъ сказаніяхъ чортомъ), врага грознаго подателя хлѣба. Во вторыхъ, муки хлѣба объясняютъ, по чему именно змѣя завидуетъ хлѣбу. Мученія хлѣба встрѣчаются не въ одной только нашей сказкѣ: «Пшеница бо много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человекъ умъ свершенъ» (Дан. Заточи.); Сербъ говоритъ о человекѣ, который вытерпѣлъ и видѣлъ многое: «Прошао е и крозъ сито и крозъ рѣшето»,¹⁰⁰ т. е., терпѣлъ, какъ хлѣбъ; въ Великорусск. тертый есть эпитетъ калача: «Девять печей хлѣба испечено, десятая печьтертыхъ калачей»;¹⁰¹ «не терши, не мявши, не будетъ калачъ»; тертый калачъ — опытный человекъ, многое испытавшій, подобно хлѣбу.¹⁰² Муки приписываются хлѣбу на томъ основаніи, что какъ мученіе печаль изображается въ языкѣ какъ слѣдствіе колотья, дробленья,¹⁰³ такъ хлѣбъ есть,

¹⁰⁰ Карадж. Серб. посл. 264.

¹⁰¹ Сак. Сказ. Р. Н. 3, 139.

¹⁰² Отголосокъ сказанія о мукахъ хлѣба вѣроятно дѣтъ и въ слѣдующемъ шуточномъ Малоросс. обращеніи къ вареникамъ: «Вареники победеники (бѣдые; или: «Вареники мученики)! Въ окропѣ кишѣли, вы жъ за насъ муку терпѣли: сыромъ боки позацинаны, масломъ очи позаливаны» и пр.

¹⁰³ Слово мѣна одного корня и образованія съ мукѣ. Мукѣ значитъ собств. то, что смолото, раздроблено. При Старо-Слав. мѣна находимъ Сл. макъкъ,

какъ показываетъ наша сказка, пицца, приготовленная изъ разбитаго смолотаго зерна. ¹⁴⁴ Народная поэзія сближаетъ

Польск. miękki собств. раздробленный, мелкій, какъ видно изъ Серб. меко жито, ситно жито, мелкое зерно, потомъ мягкій. Такое же сочетание представлений и въ Литовскомъ: mink-gti, мѣсить тѣсто (мять), менкас, малый, незначительный, плохой; minksztas, мягкій. Тотъ же корень безъ суф. к въ Слав. мд-ти, мдн-ѣ, Лит. min-ti, min-u, при коихъ многи слова съ значеніемъ малый, отчасти милый, на пр., мдн-ши, обл. Вр. миц-дра, мелочь, минька, милая женщина, Лат. min-uo, min-og. и т. д. Крушиться, печалиться, объясняется нагляднымъ значеніемъ сл. крушить, кроха и т. д. Пол. troska, скорбь, забота ср. съ трощить, трость, Чеш. trestati, наказывать (собств. бить?), трескать, бить, обл. Великор. треска, троски, крохи хлѣбныя (мелкое, разбитое) Чеш. třesna, častečky koláčů pletenci, репей и пр., которыя на свадьбахъ раздаются дѣтямъ и артелямъ. Пол. trapić, мучить, ср. съ обл. Вр. трѣпать, тяжело ступать, бить; обл. землю ногами (рвать землю; см. О нѣкотор. сивв. въ Слав. нар. поэм. 147), Лит. tręsti, tręti, топать, tręp-u, tręp-ėti, крошиться, ломаться, trępūs, хрупкій, ломкій. Бѣда значить собств. слѣдствие колотья, рванья, или мучительное состояніе: Скр. бид, бинадми, колоть, рвать и т. п., бѣда, расколъ, щель, раздѣленіе, разница. — Скр. кнѣда, усталость, печаль, отъ кнуд (бить), толкать, давить; Скр. дара (отъ и. дар., отвѣт. и по значенію Славянскому драть), яма, пещера (вырытое; раскаленное), и отчаяніе, страхъ, Скр. дйна, малый, испуганный, печальный, жадный отъ дй, сроднаго съ дѣ, рѣзать, косить.

¹⁴⁴ Мы не знаемъ названій хлѣба съ такимъ именно значеніемъ, по тому что Нѣмецкое Brot, сродное, по Гриму, съ brachen, а равно и Серб. крухъ, одного происхожденія съ крушить, могутъ значить; то, что ломается, дробится зубами, жуется. Но многія названія зерна, каши, пицци болѣе простой и, конечно, по времени предшествовавшей печеному хлѣбу, значать собственно растолченное, смолотое: 1) трогать, бить, рвать, толочь — представленія сродныя: сравните Великороссійское трогать и Старо-Слав. тръгати (съ соответствующими Сербской, Чешской и Польской формами), рвать, дергать, Малороссійск. торкаты, трогать и Великорос. толкать; Сербск. дврати, трогать, съ драть, рвать и толочь, обдирать шелуху, откуда круподерня, гдѣ деруть крупу; рыть, копать (и рвать; корень того и другаго — ру, Санскрит лұ, колоть, рѣзать, рвать). Сравни. съ Областнымъ Великороссійскимъ рыть, трогать («не рой его», не трагай); того же корня Польское ru-sz (сравни. ру-хъ, ду-хъ, смѣ-хъ), движеніе, Валликорусское рушаты, рушить, рѣзаты (хлѣбъ, мясо, «бѣлаго лебеда рушати» ткани), сдирать шелуху съ зерна, толочь (крупорушия) и Польско-Малороссійское ruszać, рушати, трогать (суффиксъ здѣсь давно сросся съ кор-

слова, означающія промыведеніе, слѣдствіе дѣйствія, и дѣйствующее лицо или орудіе. Такъ, на примѣръ, млинъ, собств. жерновъ, мелющій (ор. Великорусск. блинъ, Малорусск. млинецъ, названные такъ, вѣроятно, по тому, что круглые, какъ

нмъ; онъ замѣтѣ въ Славянскомъ, чѣмъ въ Санскр. руш, рус, ferige, laedere, occidere, и Литов. gús-as, яма для картофеля и пр., Rusne, собственное имя рѣки (сравн. Слав. рус-ло, собственно ровъ, вырытое). Въ корнѣ а с находимъ значенія рыть, рвать, трогать: Лит. kas-ti, копать, рыть, Kas suti, чесать въ головѣ, чистить скребницей лошадь, Слав. чес-а-ть (основн. форма кас), чесать и рвать. (см. О нѣкоторыхъ символахъ. 143 — 144), касаться, дотрогиваться; на основаніи аналогіи съ рушать и дра-ть предполагаемъ и въ кас-а-ть значеніе: рушать (крупу), и отъ этого значенія производимъ слово каша, собственно то же, что Чеш. tluč, tluče, обточенное, или крупно смолотое, зерно. 2) Дрозжи ан-собств. не вещество, производящее броженіе, и не гущу, осадокъ пива, или вина, какъ Серб. дрожда, — ина, Чеш. droždě, а ободранное, растолченное зерно. Это видно изъ словъ съ разными измѣненіями того же корня (трость, дроздь, троскъ, друзь, дразгъ) и съ общимъ значеніемъ: бить, ломать: трощить, Чеш. trestati, Пол. druzgać, druzgotać, Лит. treszkiu, tresz-ti, давить, выжимать, su-traszkiuti, о градѣ: побить. 3) Серб. дрон, Wein-treber, тронъ, тоже и осадокъ въ топленомъ маслѣ, трѣпина, то же, Пск. дроба, квасная гуща, Тв. дребя, солодовая закваска, оловина, Дон. дробъ (м.), выжимки виноградные, заторъ солода съ мукою, оставшіяся по слитіи съ него сусла. Основное значеніе то же, что и въ Сл. дрозжи, какъ видно изъ Слав. трощить, траць, яма, Лит. tger-ti, Русс. и др. дроб-а-ый, мелкій. (Очень вѣроятно, что кор. траи, траб, драб, сроденъ съ корнемъ драг, трак, предполагаемымъ формами druzgotać, трощить. Въ такомъ случаѣ Лит. drebè-ti, тренетать, и Сл. дрогнуть, дрожать — одного происхожденія). 4) Съ общеслав. словомъ крупа (Чеш. krapra и т. д.), каша и мелкій градъ, Нѣм. G kraure, сравни Арх. круп-ли-д-ный, самый мелкій, и противоположное по знач. круп-н-ый, Серб. круп-а-нь (о соли, мукѣ, толстомъ человѣкѣ). Та же противоположность въ Сл. дроб-н-ый, мелкій и (Пск. Тв.) здоровый, тучный, Лит. dgab-nūs, о скотѣ и человѣкѣ: толстый, плотный. Со Сл. крупа ср. также Обл. Великор. кряпать, бить, хряпать, ломать, хрпать, ломаться, хрупкій, ломкій, храпки, хрпки, хряпки, хрупки, трески, и нѣкотор. друг. 5) Пшеница, пшено, ошибочно сблизаются съ Лат. panisem, Нѣм. Feinich, родъ проса. Областн. Великорусси. формы паше-и-ца, паше-и-ф, указываютъ на кор. пѣх, пах, который находимъ въ словахъ: Влад. пахать хлѣбъ, мясо — рѣзать, Русс. пахать землю, Чеш. pšehati (старин.), орать (рѣзать землю), Польс. narwać рас-ч-и-е (opros. sieknie), satuczem, pchnieniem, pincelatem, Малор. и х-ть,

жерновъ), сближается въ Малорусск. пѣсняхъ съ миль, которое первоначально значило мелкій, малый, можетъ быть, мягкій, а потомъ уже милый, но вмѣстѣ и съ синонимомъ слова молить, собственно смягчать просьбою:

Закоптилось сонечко за новенькій млинъ:
Цѣлуютца, милуютца, а хто кому миль.

Ой млинъ меле, ой млинъ меле, не колесомъ, листомъ:
Выкликае (т. е., умоляетъ) Козакъ дѣвку не голосомъ, свистомъ:
«Выйди, выйди, дѣвчинонько, моя, не чужая,
«Выйди, выйди, дѣвчинонько, потѣхо ты моя!»

Польс. *rschać*, Чеш. *rschati*, *rsiti* (кор. *пѣх*), пихать, Русс. о-пихать, Чеш. *opřichati*, обдирать пестомъ въ ступѣ зерно, очищать отъ шелухи. Другая форма того же корня есть *пис*, Скр. *пиш*, *пинашмо*. — Лат. *pisum*, толочь, мѣсать, *pisare*, молоть. Отсюда *pisum*, горохъ, будто бы по тому, что «*pisitur ante quam coquatur*», и Слав. пѣс-ѣкъ, собств. мелкое, какъ бы смолотое. Относительно послѣдняго сравн. Лит. *smiltis*, песокъ, отъ корня *mal* (*malti*), молоть. 6) Слав. арь-но, Лит. *žirnis*, горохъ, Гот. *kaugu*, Ново-Нѣм. *Korn*, рожь, и Нѣм. *Kern* (ср. Польск. *reszka*, косточка плода, отъ кор. *пис*), по формѣ равны, Санскр. *джирна*, *tri-tus*, и значить: то, что мелютъ, или мелкое (Боппъ, Гриммъ). Къ этому прибавимъ: а) Какъ Лит. и Нѣм. слово, такъ и наше зерно переходитъ къ частному значенію въ Сибир. зернетъ, овесь; б) усиліе Славянскаго корня *гръ* = Скр. *джри* именно *гра* съ суф. *х*, образуетъ Сл. *гра-хъ*, горохъ; в) какъ *крупа* значить: каша и градъ, такъ со сл. *гганит* и *гра-хъ* можно сближать *ggrand* и градъ, хотя *гра* въ этомъ послѣднемъ не принимаетъ полногласія въ Русск. 7) Вѣроятно, что брашно, борошно, одного корня съ братъ и значить почти то же, что мукъ, т. е., смолотое или растолченное. Братъ значить также и хватать, рвать («ленъ братъ» = Бѣлор. *лѣнь* и *рваць*, Лит. *lūnus gauti*), жать (Серб. *жито брати*), рубить, откуда Старо-Слав. *бра-ды*, *сѣкира*, *пахать*, откуда *борона*; вѣроятно, оно имѣло и значеніе толоча.

Замѣтимъ названія орудій, которыми бьютъ, толкутъ, мелютъ, родственныя съ нѣкоторыми изъ приведенныхъ названій верха: при каша и касать — Санскр. *каш*, тереть, чесать (тѣло), царапать и *каśā*, *касā*, *кашā*, бичъ; при *пшено* и *пѣс-ѣкъ* — пестъ, т. е. (какъ видно изъ Чеш. и Польс. формы *pišt*, *piast*), пѣсть, Лат. *pistillum*; Польс. *piasta*,

Онъ на горѣ на Самборѣ камень муку меле:
 Пятаеся (просить, спрашиваетъ) Козакъ дѣвки:
 «Чи подешь за мене?» (Pauli, Rus. II, 199).

Подобнымъ образомъ хлѣбъ, какъ нища изъ смолотаго зерна, можетъ сближаться съ жерновомъ, какъ мелющимъ. Впрочемъ, основаніемъ такого сближенія можетъ быть и круглый, подобный жернову, видъ хлѣба. Но жерновъ, круглый камень — оружіе громоваго бога; у Индры — чакра (चक्र), дискъ. Отсюда сближеніе хлѣба и грознаго бога. По Нѣмецкому повѣрью, «однажды мальчицъ пастухъ покатилъ съ горы круглый сыръ, а за нимъ хлѣбъ, и глядя, какъ хлѣбъ катится за сыромъ, сказалъ: «*düvel gennt un üse leve Gott krigt em.*» За такое богохульство камень, на которомъ онъ стоялъ, разсѣлся и онъ провалился подъ землю.» Хлѣбъ названъ богомъ, преслѣдующимъ чорта; но такой богъ есть обладатель перуна, который самъ сближается съ хлѣбомъ; въ Сѣверной Германіи мѣстами во время грозы говорятъ; «*De lewe Dergott Smitt mit den Brotknust.*» Чортъ, замѣнившій змѣя и великановъ (которые бѣгутъ отъ грома, скатываясь съ горы, въ видѣ клубка или шара), сближенъ съ сыромъ. Въ Германіи, какъ и у насъ, Мнемическое значеніе сыра то же, что и значеніе хлѣба,¹⁰⁰ но это не мѣшаетъ ихъ противоположенію: такъ богъ грома и змѣй, хотя враги, но видѣютъ много общаго, именно сражаются одинаковымъ оружіемъ. Изъ всего этого видно, что въ Малороссійской сказкѣ змѣя завидуетъ хлѣбу, какъ воплощенію грознаго бога.

Обрядный Рождественскій хлѣбъ у Сербовъ называется вѣселца (что указываетъ, можетъ быть, на отношеніе не только къ веселью, но и къ свѣту), чесница,¹⁰¹ и мѣсится самимъ хозяиномъ утромъ на первый день Рождества; въ Славоніи этотъ хлѣбъ называется кривица; у Чеховъ необходимая принадлеж-

Чеш. *písta* значить и ступицу колеса, т. е., первоначально ступу, какъ Лт. *pésta*; при зрьно — жрьновъ, Гот. *gairnus*; при молотъ — молотъ.

¹⁰⁰ Kuhn и Schw. Norddeut. Sag. 43, 475.

¹⁰¹ Отецъ, благословляя молодыхъ хлѣбомъ, говоритъ:... «Якый сей хлѣбъ чесный та величный, такъ щобъ и вы були!»

ность «щедрого вечера», т. е., кануна Рождества — хлѣбъ, называемый *vánoška*, или *štedrovka*, *štedrovnice*, *pleténice*; у Поляковъ — *stgnela*. Вездѣ этотъ хлѣбъ пшеничный, у Сербовъ и Хорватовъ непремѣнно прѣсный. Богослужбное значеніе этого хлѣба и вмѣстѣ его отношеніе къ урожаю видно изъ сличенія слѣдующихъ обрядовъ. По разсказу Саксона Грамматика, у Руянъ на послѣжатвенномъ правденствѣ Святovidа жрецъ, совершивши возліаніе богу, ставилъ между собою и народомъ сладкій круглый пирогъ, вышиною почти въ ростъ челоуѣка, и спрашивалъ у Руянъ, видятъ ли его? Когда они говорили, что видятъ, онъ желалъ, чтобъ на слѣдующій годъ за пирогами его совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы.¹¹⁷ Круглый пирогъ, вѣроятно, имѣлъ отношеніе къ Святovidу, солнечному богу, въ честь коего совершалось правденство; но такъ какъ такой же самый обрядъ у Малороссіянъ и Сербовъ имѣетъ мѣсто на Рождество и подѣ Новый Годъ, то возможно, что Рождественскій хлѣбъ имѣетъ отношеніе не ко грому, а къ солнцу. Въ Малороссіи, какъ говорятъ, на Щедрый или Багатый вечеръ (31 Дек.) хозяйка готовитъ множество варениковъ, кашей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столъ, затѣливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ.» Отецъ семейства долженъ стать на кокути, за кучей печенья. Когда дѣтя, войдя и молель, спрашиваютъ: «Де жъ нашъ батько?» Онъ спрашиваетъ ихъ на свою очередь: «Хыба жъ вы мене не бачите?» — Не бачимо, тату. — Дай же, Боже, щобъ и на той рѣкъ нѣ побачили!» Этѣмъ онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ и въ настоящемъ.¹¹⁸ У Сербовъ: «Приповѣдаю, да се у Херцеговини милаю на божить съ чесницомъ, т. е., узму двоица чесницу, па в окретю медю собомъ и пита еданъ другога: «Милаю ли се?» (т. е., виденъ ли я въ за чесницы?). Онаѣ му одговори: «Милаш мало.» А онаѣ први онда рече: «Сад

¹¹⁷ Срезн. Святв. в обр. 77 — 78.

¹¹⁸ Срезн. тамъ же.

мало, а до године ми мало,» т. е., да роди жито добро и да тако велика буде чесница, да се ни мало не помцла иза не.»¹¹⁹

Въ Чехіи хозяйка, вымѣсивши Рожественскій хлѣбъ, идетъ въ садъ и замазанными тѣстомъ руками обнимаетъ плодовые деревья, чтобъ на тотъ годъ было много плодовъ.¹²⁰ У Сербовъ золою съ чесницы посыпаютъ шелковичныхъ червей, чтобъ ихъ было много, какъ порошникъ въ золѣ.¹²¹ Въ чесницу запекаютъ золотую, или серебряную, монету, за завтракомъ ломаютъ чесницу, каждому даютъ по куску, и въ чьемъ кускѣ найдется эта монета, тотъ, говорятъ, будетъ счастливѣе всѣхъ въ будущемъ году. Въ Герцеговинѣ кладутъ въ чесницу и гвоздь изъ лошадиной подковы (у кого есть лошади), и въ чьемъ кускѣ найдется этотъ гвоздь, тотъ будетъ счастливѣе другихъ въ присмотрѣ за лошадьми.¹²² Этотъ обычай есть и въ Германіи и Франціи, гдѣ въ Крещенскій хлѣбъ запекаютъ яблоко, или бобъ. Кто найдетъ въ своемъ кускѣ этѣ вещи, того называютъ Королемъ дня, и дѣлаютъ ему подарки.¹²³ Въ Славянской символикѣ яблоко есть, между прочимъ, подарокъ въ знакъ любви, и вообще подарокъ, на прим., въ Сербск.: «Твоя ябука не те погнунти», не пропадетъ твой подарокъ. Въ Сербіи, за недѣлю до свадьбы, отецъ невѣсты даетъ отцу жениха яблоко съ воткнутымъ въ него цекиномъ.¹²⁴ Какъ битва вообще, такъ въ частности поединокъ, сближается съ брачнымъ пиромъ и вообще бракомъ. Такъ у Черногорцевъ секунданты называются деве-рями. Этѣмъ объясняется, по чему яблоко, символъ сватовства, есть вмѣстѣ и символъ вызова на поединокъ. У Черногорцевъ вызывающій посылаетъ своему сопернику яблоко. Этотъ съѣдаетъ яблоко, въ знакъ того, что принимаетъ вызовъ, и отдариваетъ яблоками же, назначая при этомъ часъ и мѣсто (Меда-

¹¹⁹ Карадж. Рѣчн. мнлати се.

¹²⁰ Ноуѣва П, 350.

¹²¹ Карадж. Рѣчн. Божить.

¹²² Тамъ же, Чесница.

¹²³ Напиѣ, Вај. кал. 17.

¹²⁴ Карадж. Ковчез. 46 и слѣд.

ковитъ, Жив. и Обич. Приог. 83). Бобъ имѣетъ очень опредѣленное значеніе въ Сербской пѣсни, которую сосѣдки поютъ родильницѣ на бабьинахъ, т. е., во время обрядныхъ посѣщениій послѣ родовъ:

Ой на делу на голему бобъ се зелени;
 А ко га в посею те се зелени?
 Мирко (отецъ новорожденнаго) га в посело те се зелени,
 Ружа (мать) га се позобала, сердце в боли. ¹¹¹

Страданія родильницы представляются здѣсь слѣдствіемъ того, что она наблзась бобовъ. Вѣроятно, на томъ же основаніи, т. е., по виду, напоминающему дѣтородный мужескій членъ, или по чему другому, и горохъ есть символъ оплодотворенія. Въ извѣстной сказкѣ Котигорошкѣ женщина затяжелѣла, съѣвши найденную на пути горошину, и родила богатыря. ¹¹² Судя по этому, яблоко и бобъ и въ Нѣмецкомъ и Французскомъ обычаѣ указываютъ на связь Рождественскаго хлѣба, между прочимъ, съ плодородіемъ браковъ. Не можемъ не указать здѣсь на противорѣчіе нашему предположенію объ отношеніи Рождественскаго хлѣба у Славянъ къ солнцу. У Германцевъ горохъ посвященъ богу грома. Яблоко, по Славянскимъ, впрочемъ, очень не яснымъ, свидѣтельствамъ, то же связывается, даже отождествляется, съ громомъ и молніею:

Въ Сербской пѣснѣ у источника сидитъ красавица. Паша собираетъ шесть сотъ сватовъ и идетъ за нею:

«Кадъ то видѣ лѣва дѣвойка,
 «Есте млада ріечъ говорила:
 «Фага Богу, чуда великога!
 «Да ли в се паша помаміо?
 «Кога хоте да узме за любу,
 «Да оиъ узме сунчеву сестрицу,
 «Мѣсечеву првобратучеду,

¹¹¹ Карадж. Рѣчн. Бабине.

¹¹² Въ Нѣмецкой сказкѣ бобъ или фасоль (Bohne) — замѣна самаго человѣка: оставленное бѣгущимъ зерно отвѣчаетъ за него, какъ въ другихъ сказкахъ слюна, или кровь. Grimm, K. Märch. III, 97.

«Дашчину Богомъ посестриму!»
 ....Те извади три ябуке златне,
 «И бачи ихъ небу у висине.
 Натаче се свата шесъ стотина,
 Ко те прѣв уграбить ябуке;
 Но три муне одъ неба пукоше:
 Една гади два девера млада,
 Друга гади Пашу на дорину,
 Трета гади свата шесъ стотина. ¹³⁹

.....Станала те гледала,
 Дѣ се муни съ громомъ игра.
 Муни грома надигра
 Двѣма, трима, ябукама
 И четири наранчамѣ ¹⁴⁰

По Длугошу, когда Болеславъ Кривоустый, отправляясь на Прусаковъ и Поморянъ, собралъ войско у Крушвицы, къ войску этому явился чудеснымъ образомъ прекрасный юноша въ бѣлой блестящей одеждѣ. Этотъ, когда войско приблизилось къ Наклу, укрѣпленному городу Поморянъ, бросилъ на городъ золотое яблоко, и исчезъ. Это было предвѣстіемъ побѣды. ¹⁴¹ Свѣтлый Ангелъ, можетъ быть, замѣнилъ здѣсь грома; Инд. Индра называется разорителемъ городовъ, Пурандара.

Выше приведенныя свидѣтельства объ отношеніи кабана, быка и оленя къ Рождеству и солнцу дополняются слѣдующимъ. Въ селеніяхъ Шенкурскаго и Вельскаго Округовъ готовятъ къ празднику Рождества изъ пшеничнаго тѣста изображенія коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ (какихъ?) и пастуховъ. Этѣ фигуры ставились на окна, для показа проходящимъ, на столѣ съ утра (24 Дек.) красовались для семейства, а вечеромъ разсылались въ подарокъ роднымъ. ¹⁴² Тер-

¹³⁹ Карадж. Пѣсн. I, 157—158.

¹⁴⁰ Тамъ же 161.

¹⁴¹ Siemiński 18.

¹⁴² Сах. Сказ. Р. Н. 2, 69.

щенко¹⁴³ прибавляетъ, что и въ Малороссіи, хотя не повсюду, дѣлаютъ изъ ржаного, или пшеничнаго, тѣста кониковъ, ягнятъ, коровъ, быковъ, и дарятъ ими дѣтей. Тотъ же самый обычай въ Малороссіи соблюдается и на свадьбахъ. ¹⁴⁴ Намъ говорили, что кромѣ кониковъ и коровокъ, на свадьбахъ въ Малороссіи пекутъ изъ тѣста и олемей. Это возможно, по старой памяти. Олень, хотя и очень рѣдко, но упоминается въ Малороссійскихъ пѣсняхъ. Въ Германіи, особенно въ прежнихъ Славянскихъ (Вендскихъ) земляхъ, тоже пекутъ изъ тѣста кабановъ, коней и пр. ¹⁴⁵ Этотъ обычай оставилъ прочныя слѣды въ нѣсколькихъ названіяхъ Рождественскаго и свадебнаго хлѣба: Серб. браварица, крухъ, копи се у Кастелима (ок. Сплѣта) мѣси о Божитю, као у насъ (въ Сербіи) чесница; тако се за то зове, што су по нему начинени различни брави (скотъ: волю, бвады), а я діете у бешици. ¹⁴⁶ Великорусск. (Костромск.) козуля, изображеніе коровы изъ прѣснаго тѣста (козули дѣлаются и продаются только передъ Рождествомъ); пряникъ съ отпечаткомъ золоченаго коня, оленя, или другаго животнаго (тамъ же); ватрушка (тамъ же). Въ Семикъ, въ Нерехотскомъ Уѣздѣ, пекутъ для дѣвицъ круглыя, въ видѣ вѣнка, козули съ лйцами и украшаютъ ихъ бантами изъ тѣста. ¹⁴⁷ Тамъ же на свадьбѣ, послѣ рукобитья (сговора), пиръ съ козулею, въ домѣ невѣсты: онъ называется такъ по тому, что отъ жениха приносятъ невѣстѣ сладкій большой пирогъ, называемый козулею; куски этого пирога невѣста разсылаетъ подругамъ. ¹⁴⁸ Московская коровка, хлѣбецъ или лепешка, приготовленная для раздаванья Колядовщикамъ вечеромъ 24 Декабря. Великороссійскій коровай, круглый большой хлѣбъ вообще, круглая глыба сала,

¹⁴³ Терещ. VII, 38.

¹⁴⁴ Тамъ же II, 510.

¹⁴⁵ Wolf, Beitr. I, 119. Kuhn, Nordd. Sag. 406. Невосредственное сближеніе хлѣба и вола находимъ въ Хорватской загадкѣ: «Naš mrkonja (бурый волъ, хлѣбъ) bez kože u štalu (въ хлѣвъ, т. е., въ печь) unide, а, а кожомъ на роже» (Ilić, 229).

¹⁴⁶ Карадж. Рѣчн.

¹⁴⁷ Діевъ, «въ Читеніяхъ» 21.

¹⁴⁸ Тамъ же 25.

или сыра; короваецъ, -чикъ, круглый пирогъ съ курицею, сви-
ниною, или другою начинкою (Симб. Новг.), блинъ изъ пшенич-
ной муки, и вообще блинъ (Рязн. Тамб.). Къ этому подходитъ
Лит. karwójus, karwójas; ein. Fladen, Ostenfladen. Малороссій-
скій коровай, какъ мѣстами и въ Великороссіи, только свадебный
хлѣбъ. Сербскій краваѣсъ, часть, што сватове и аванице носе на
свадбу» — значеніе очень широкое, потому что гости, приглашен-
ные на свадьбу, посылаютъ, наканунѣ свадьбы, въ домъ жениха
полбарана съ головою, большой хлѣбъ, украшенный позолочены-
ми цвѣтами и хоруговками и два боченка вина. Частное значеніе,
равное Малорусскому, а равно и суф. ай видны въ Серб. кра-
вайноша, та, которая выносить коровай, т. е., хлѣбъ гостямъ. ¹⁴⁰

Хлѣбъ вообще, и въ особенности коровай (отъ котораго мы
заключаемъ къ Рождественскому хлѣбу), сближается съ солн-
цемъ (мѣсяцемъ, звѣздами) и небомъ: Малороссійское: «Хлѣбъ
выпеченный якъ сонце», ¹⁴⁰ т. е., румяный; загадка: «Повна пѣчь
паляницъ, по серединѣ кнѣшъ» зп. звѣзды и мѣсяць; небо срав-
нивается съ ночью, по тому что и въ печи есть небо: «За лѣсомъ
за пролѣсомъ (т. е., за облаками) золота дѣжа кисне»; или: «Чер-
вона дѣжа сходитъ», т. е., солнце. При печеньѣ свадебнаго коро-
вая поютъ:

Свѣти, мѣсяцю, зъ раю
Нашому короваю,
Абы бувъ коровай красный,
Якъ совейко ясный. ¹⁴¹

Когда коровай спечень:

Ой Богъ намъ давъ,
Коровай нашъ вдавсь:

¹⁴⁰ Какъ въ Сл. коровай переходъ значенія отъ обряднаго хлѣба къ обыкно-
венному, такъ и въ Сл. баранки. Въ Вербное Воскресенье, въ Нерехотскомъ
Уѣздѣ, пекутъ въ маслѣ на сковородѣ шарики, называемые баранками;
въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варятъ ихъ въ коноплянномъ соку: сіи баранки упо-
требляютъ въ пшщу, пришедши отъ обѣдни; ими тогда же кормятъ овецъ
(Діевъ 20—21); баранокъ, барашекъ—крендель вообще.

¹⁴¹ Зап. о Ю. Р. I.

¹⁴² Paull, I, 67.

Ясный-красный
 Якъ мѣсяченько,
 Якъ яснее соненько. ¹¹¹

Можетъ быть коровай называется краснымъ, но только въ смыслѣ прекраснаго. Терещенко говоритъ, что у Саратовскихъ переселенцевъ изъ Украйны коровай окрашивается красною краскою ¹¹² (можетъ шафраномъ?), въ цвѣтъ солища. Коровай «грае», какъ солнце:

По столу коровай грае,
 А все въ печь зазирае. ¹¹³

Коровай прямо называется раемъ, т. е., небомъ:

Ой раю жъ то мой, раю,
 Пшеничный короваю!
 Зъ семи керниць водиця,
 Зъ семи стоговъ пшевица. ¹¹⁴

Слѣдующая пѣсня, въ которой именуется коровай съ раемъ, заключаетъ въ себѣ непонятный намекъ:

Выйся, короваю,
 Ще вишче одъ гаю,
 Якъ душенька по раю
 А рыбацька по Дунаю. ¹¹⁵

Обиліе сравненій не даетъ остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Сравненіе высоты коровай съ лѣсомъ, можетъ быть, основано на представленіи солнца (символомъ коего, по видимому, служитъ коровай) деревомъ. ¹¹⁶

Какъ выше свѣтъ роговъ оленя, пришедшаго на свадьбу, такъ въ Малороссійскихъ пѣсняхъ свѣтъ и красота коровай приносятъ веселье и славу:

¹¹¹ Метл. 164.

¹¹² Терещ. II, 310.

¹¹³ Рауі I, 104.

¹¹⁴ Тамъ же 83.

¹¹⁵ Метл. 163.

¹¹⁶ На пр., въ загадкахъ о солнцѣ: «Стоитъ верба насередъ села, розпустила голье на все подолье»; «Стоитъ дерево насередъ села: въ каждой хатцѣ по гольячцѣ» (Вѣн. 280). Отсюда и годъ, опредѣляемый теченіемъ солнца, пред-

До 'бору, бояри, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Рубайте жъ ея дробненько,
Щобъ вона горѣла ясенько,
Щобъ нашъ коровай ясень бувъ,
А нашъ Андрѣйко (женихъ) весель бувъ! ""

Подитьвы, братоньки, сосонки утайтъ,
Абы нашъ коровай красно ся впекъ,
Абы нашъ коровай бувъ,
Абы нашъ молоденькій славень бувъ. ""

Въ этѣхъ пѣсняхъ, кромѣ связи коровай со свѣтомъ и веселиемъ, слѣдуетъ замѣтить сближеніе коровай съ женихомъ. Это точно коровай символъ жєнаха, это подтверждается и слѣдующимъ. На коровай выносятъ «очѣпокъ», которымъ покрываютъ голову молодой, въ знакъ того, что она становится замужнею женщиною. Кажется, пѣсня, которая при этомъ поется, намекаетъ, что виновникъ покровенія—коровай:

Ей доглядайся, Ганулю,
На що коровай внесено!
На короваю повыване,
На твою косу покрыване. ""

Другую пѣсню:

Пытаеця коровай у перепечи:
«Чы есть стежечка до клетки?»—
Ой есть стежечка да маленькая,
Абы наша рутовья зелененька,
Абы наша Марусенька молоденька, ""

издатель относитъ «къ древнему обычаю выносить на ночь съ субботы на воскресенье коровай, въ комору»; но мы поняли ее, какъ

ставляется деревомъ: «Стоитъ дубъ, а въ дубѣ дванадцять гóлякъ, въ кождой гóлѣ по чтире гнѣзды, въ кождомъ гнѣздѣ по семь птахъ» (Тамъ же 297).

"" Rulikow. Opiz. Pow. Was. 206. Въ другихъ мѣстахъ вмѣст. «молодой» поютъ «рòдъ»: «Щобъ нашъ увесь рòдъ весель бувъ» (Метл. 162).

"" Pauli, I, 105.

"" Wójcicki. Piéśni II, 142.

"" Метл. 165.

намекъ на то, что отъ коровай происходитъ потеря дѣвства: рута—постоянный символъ дѣвства и топтать руту—лишать дѣвства; стежка, про которую спрашиваетъ коровай, идетъ ко клѣтѣ, по тому что тамъ кладутъ спать молодыхъ. Такъ понимаемъ и слѣдующую пѣсню:

Питаесь коровай у перепечи:
«Чи в стежка до печи?»—
Ой в стежечка да маленькая,
Муравочка зелененькая;
Ой заросла да сунвичникомъ,
А зацвѣла полуничникомъ. ¹⁶³

Трава — дѣвица, дѣвство; сунница (клубника), полуница (земляника), вѣроятно, то же; впрочемъ, другихъ примѣровъ не знаемъ. Перепечь—невѣста, коровай—женихъ; быть имъ вмѣстѣ въ печи.

По народной символикѣ, ѣсть значитъ любить. ¹⁶⁴ Если коровай есть женихъ, то невѣстѣ отвѣдать коровай до вѣнца будетъ значить, до брака насладиться любовью жениха. Этимъ можно бы объяснить, по чему «если невѣста наканунѣ свадьбы отвѣдаетъ коровай, то мужъ не будетъ ее любить.» ¹⁶⁵ Вездѣ молодые, и потомъ гости, ѣдятъ коровай послѣ вѣнца. Этимъ, между прочимъ, отличается коровай отъ Великороссійской козули, которую невѣста разсылаетъ подругамъ послѣ рукобитья. ¹⁶⁶

¹⁶³ Тамъ же 163.

¹⁶⁴ О некоторыхъ сямв. 19. Воплѣ обыкновенны примѣры половинныхъ сравненій, то есть, такихъ, въ которыхъ, на пр., дѣвица ни съ чѣмъ не сравнивается, а тотъ, кого она любить—съ хлѣбомъ, который она ѣсть.

¹⁶⁵ Въ Нерехотскомъ Уѣздѣ, Костромской Губерніи, на другой день послѣ свадьбы, за завтракомъ, подають круглый пирогъ, называемый «шишули» (Мордовское слово), со сдѣланными изъ тѣста фигурками птицъ, олей и пр. и жениха и невѣсты, кои держатъ другъ друга за руки. За этою шишулею всѣ сродники цѣлуются съ молодыми (Діевъ, 25). Быть можетъ, коровай и въ другихъ мѣстахъ дѣлать между гостями, чтобъ они любили молодыхъ, какъ молодымъ онъ дается, чтобъ они любили другъ друга. Для такой цѣли, какъ говоритъ пѣсня, украшаютъ коровай: «Коровай жь мой, Маю! Я жь тебе убираю Да въ рожеви кѣти, Щобъ любилси дѣти» (Метл. 16.).

¹⁶⁶ Сравн. Терещ. II, 133, 139, 138, 361—483.—Pauli, P. L. R. (65.—SumMork 359—664.—Терещ II, 363—366.

Въ Великороссіи вѣсть съ короваемъ разносятъ гостямъ и сыръ, ¹⁶⁶ приглашаютъ «на сыръ-коровай», то есть, на свадьбу. Въ Малороссіи присыпаютъ коровай сыромъ (какъ и у Чеховъ), ¹⁶⁷ кладутъ на сподъ коровай «тридевять варениковъ» съ сыромъ. Согласно съ такою связью коровай съ сыромъ, въ Малороссійской пѣснѣ теща сравниваетъ зятя съ сыромъ:

Ой сыру жъ мой, сыру, да бѣлый же ты снѣгу;
Ой зятю жъ мой, зятю, да милый же ты сыну! ¹⁶⁸

Изъ такого сближенія солнца, коровай и жениха можно вывести, по меньшей мѣрѣ, то, что солнце представляется здѣсь божествомъ мужескимъ. Что есть и женское солнечное божество, имѣющее отношеніе къ браку, это мы увидимъ ниже.

Не знаемъ, въ подтвержденіе, или въ опроверженіе, связи коровай и солнца, послужать довольно многочисленныя свѣдѣнія о связи коровай и вообще брака и пѣтуха. Дѣло въ томъ, что пѣтухъ имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ земному огню, а этотъ огонь можетъ отождествляться и съ огнемъ солнца, и съ огнемъ бури.

Извѣстенъ старинный Великорусскій обычай кормить молодыхъ въ спальнѣ жаренымъ пѣтухомъ и обрядъ разрыванья жареной курицы молодыми. ¹⁶⁹ У Чеховъ невеста, незадолго до свадьбы, одна, или вмѣстѣ съ женихомъ, приноситъ и даритъ пѣтуха Священнику; ¹⁷⁰ съ этимъ ср. Западно-Малороссійскій обычай: послѣ свадьбы несетъ она къ попѣ коровай, покрытый цвѣтнымъ платкомъ, или бѣлымъ ручникомъ, съ завернутыми въ него деньгами, а братъ молодой — пѣтуха. ¹⁷¹ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехія передъ самымъ вѣнцомъ, въ другихъ — на третій день послѣ свадьбы, тор-

¹⁶⁶ Терещ. II, 366.

¹⁶⁷ Sumlork I, 363.

¹⁶⁸ Метл. 193.

¹⁶⁹ Терещ. II, 53. — Бусл. Оч. I, 47.

¹⁷⁰ Wojcicki II, 145 — 146.

¹⁷¹ Sumlork I, 337.

жественно, съ музыкою и пѣснями, выводятъ пѣтуха подъ липу, или на другое мѣсто, гдѣ собираются лѣтомъ, и тамъ ратраѣ (родъ дружка, или свадебнаго шута) мечемъ рубить голову этому пѣтуху и кровью его окропляетъ присутствующихъ. ¹¹¹ Очевидный остатокъ жертвоприношенія. Связь пѣтуха съ короваемъ видна какъ изъ того, что коровай во многихъ Губерніяхъ зовется курникомъ, ¹¹² такъ и изъ Чешскаго обычая печь, вмѣстѣ со свадебнымъ короваемъ (kolač), курочекъ и пѣтушковъ изъ тѣста. Это мелкое печенье разбрасываютъ народу, когда послѣ свадьбы перевозятъ молодыхъ на новое жилье. ¹¹³ У Болгаръ женихъ, собравшись ѣхать за невѣстою, даетъ крестному отцу (онъ же и посаженный кумъ) огромный коровай, унизанный разноцвѣтными ягодами и позолоченными букетами. Когда молодые выѣзжаютъ къ вѣнцу, то родители невѣсты вымѣниваютъ у кума коровай на хорошаго пѣтуха, украшеннаго монетами и цвѣтами, и кумъ даритъ его жениху на заводъ. ¹¹⁴

6. Переходимъ къ третьему ряду Рождественскихъ и свадебныхъ обычаевъ, связанныхъ единствомъ основнаго значенія и указывающихъ на женское божество, образъ коего довольно ясно сохраненъ народною памятью.

а) Каша у Сербовъ и Хорватовъ варится съ особенными обрядами нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е., начиная со дня Великомученицы Варвары (4 Декабря) до Богоявленія (6 Генваря). Повтореніе обряда свидѣтельствуетъ о внутренней связи этихъ праздниковъ. Каша, которая варится на Варвары, изъ смѣшаннаго зерна всѣхъ сортовъ, у Сербовъ называется Варица (уменьшит. отъ Вара, Варвара). Обыкновенно эту кашу ставятъ въ печь еще вечеромъ наканунѣ Варварина дня, а ѣдятъ холодною на третій, и послѣ Саввы (5 Декабря), на Николая (6 Декабря). По этому поется:

¹¹¹ Тамъ же 347, 360.

¹¹² Терещ. II, 364, 366.

¹¹³ Sumlork, 365.

¹¹⁴ Княж. Обыч. Болг. 74.

Варварица вари, ¹¹⁶
 А Савица лади,
 Николица куса.

У Малороссіянъ кутя варится «на богатый вечеръ» (на канунъ Рождества) и стоитъ на покутѣ до новой куги наканунѣ Крещенья. У Великороссіянъ наканунѣ Рождества готовится къ ужину «изъ крупъ — каша, а изъ пшена и ячменя кутья сочельницкая»; ¹¹⁷ въ другой разъ — на Васильевъ день.

Указанія на религіозное значеніе этой каши довольно ясны и состоятъ частью въ обрядахъ при ея приготовленіи, частью въ гаданьѣ по кашѣ. Въ Великорос. «варенье каши (на Васильевъ день) совершается до свѣта. Старшая въ домѣ изъ женщинъ въ два часа утра приноситъ изъ амбара крупъ. Старшій изъ мужчинъ приноситъ воды изъ рѣки, или колодезя. Крупы и вода стоятъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока истопится печь; до нихъ никто не касается, иначе это сочтется худымъ признакомъ. Когда нужно затирать кашу, все семейство садится за столъ, а старшая женщина причитаетъ, размѣшивая кашу: «Сѣли, растили гречу во все лѣто; уродилась наша греча и крупна и румяна; звали, позывали гречу въ Царьградъ побывать, на Княжой пиръ пировать; поѣхала греча въ Царьградъ со Князьями, съ Боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали гречу, дожидали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу Князья и Бояре, сажали гречу за дубовый столъ пиръ шировать; пріѣхала греча къ намъ гостевать». Изъ всего этого причитанья мы замѣтимъ только, что гречиха — Княгиня, и что она приходитъ къ людямъ въ гости, какъ Божичъ, Авсень и солнечный животный. ¹¹⁸ Послѣ этого причитанья «всѣ встаютъ изъ за сто-

¹¹⁶ Варвара и варить сближаются и у Великорос., но на другомъ основаніи: «къ Варварину днюз има дорогу за варить» (Сак. Сказ. Р. Н. 2, 7, 69), т. е., «за а куетъ», скрѣпить морозомъ.

¹¹⁷ Сак. Сказ. Р. Н. 2, 7, 69.

¹¹⁸ Странствованіе гречи въ Царьградъ, очевидно, основано на имени: Великороссійская гречиха, Малороссійская гречка, Польская грукя. Другой разсказъ о гречихѣ (Сак. 2, 7, 33 35), что она Царевна, бывшая въ плѣну у Татаръ, согласенъ съ другимъ Польскимъ ея названіемъ *tatarcka*, Чешск. *rohanka*.

ла, а хозяйка съ поклонами ставитъ кашу въ печь. Потомъ снова садятся за столъ въ ожиданіи каши.»¹⁷⁹

«Когда поснѣетъ каша, тогда, вынимая горшокъ изъ печи, хозяйка говоритъ: «Милости просимъ къ намъ во дворъ со своимъ добромъ! (каша, значить, желанный гость, приносящій добро). «Прежде всего осматриваютъ, полонъ ли горшокъ. Нѣтъ болѣе несчастья, какъ если каша выльзетъ изъ горшка вонъ. Это явная бѣда всему дому. Худое предвѣщаетъ, если треснулъ горшокъ. Потомъ снимаютъ ножомъ пѣнку: каша красная, полная предвѣщаетъ счастье всему дому, будущій урожай и талантивую дочь; каша мелкая, бѣлая угрожаетъ бѣдами.» При хорошихъ признакахъ кашу ѣдятъ, при худыхъ — выбрасываютъ въ рѣку.¹⁸⁰ Сербы гадаютъ по Варицѣ: «Варица се обычно, готово свуда, пристави (у очи Варина дне) у вече, па се у ютру гледа, съ кое е стране наврела, те на оной strani сѣю жита оне године, ерѣ кажу, да те онамо найболе родити». — «У Боци наставе Варицу по вечери само, да се мало смлаци (согрѣтсея), па у ютру гледаю, каква е одозго: ако надю по нѣй гукѣ и брегове (горбы, волдыри, холмы), онда веле, да слути на богатство; ако ли буду путови и пукотине (дорожки и разсѣлины), онда веле да слути на смръть и на гробове».¹⁸¹ Подобнымъ образомъ гадаютъ и на Рождество: «У Грблю гледаю на Божить, съ кое те имъ стране пинята (горшокъ съ чѣмъ? съ кашею?) наврети, па коме наври одъ истока, онай се нада срей оне године».¹⁸² Востокъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, счастливая сторона. Въ Бѣлой Руси гадаютъ объ урожаѣ на уваркѣ каши наканунѣ Рождества.¹⁸³

Въ Галицкой Руси за ужиномъ, наканунѣ Рождества, когда ѣдятъ кутю (изъ пшеницы, маку и меду), хозяйинъ, набравши ея

¹⁷⁹ Сах. Санскр. Р. Н. 2, 7, 2.

¹⁸⁰ Сах. Ск. Р. Н. тамъ же.

¹⁸¹ Карадж. Рѣчи. В а р и ц а.

¹⁸² Тамъ же, Божить.

¹⁸³ Терещ. VII, 37.

въ ложку, бросаетъ вверхъ. По количеству зеренъ, приставшихъ къ потолку, судятъ объ урожаѣ въ будущемъ году.¹⁰⁴

Весьма важно, что кашею въ нѣкоторыхъ мѣстатъ посыплютъ, и что отъ посыпанья въ иныхъ случаяхъ зависятъ ея благотворныя дѣйствія: «У Боци... поспу нѣме (кашею Варицею) по кути, говорети: «Оволико люди, волова, бродова (лодокъ, судовъ), коня, улишта (ульева), пила (птицы домашней, цыплятъ), коша (корзинъ съ кукурузою), да се плоди плодъ и родъ!» По томъ иду те посиплю нѣме уляннике, говорети: «Урочници и урочнице низъ улицу, ненавидници и ненавиднице низъ улицу, бѣгунци и бѣгунце низъ улицу.¹⁰⁵ а мое челе путь истока узъ улицу. Ни на мору моста, ни на псу рога, ни на длану (ладонь) длака (волосы), ни на мое челе урокъ!»¹⁰⁶ И въ другихъ случаяхъ каша связывается съ обыпаньемъ: въ Великороссіи на именинахъ ѣдятъ, и именинникъ посылаетъ знакомымъ, гречневую кашу, или пирогъ съ кашею.¹⁰⁷ Такой пирогъ разламываютъ надъ головою именинника, и это значитъ, что цѣлый будущій годъ жить ему въ довольствѣ. Чѣмъ болѣе рассыпается по немъ каша, тѣмъ жигъ ему достаточнѣе.¹⁰⁸ Впрочемъ, самое варенье каши имѣетъ цѣлью урожай хлѣба, что мы видѣли выше, и плодородіе скота. Въ Сербіи когда варится Варица, дѣти поютъ:

Вара вари варицу,
Да се радю прице,

¹⁰⁴ Отъ гаданья по обрядной кашѣ ведетъ начало гаданье по всякой кашѣ, а не на оборотъ: «Если стоящая въ печи каша выйдетъ вонъ, то случится въ домѣ несчастіе» (Тер. VI, 4); если каша въ печи выйдетъ на поверхность горшка, и эта выпуклость наклонена въ задъ печи, то это значитъ счастье и изобиліе, а если въ устьѣ печи, то разореніе дома и бѣдность хозяину (Абевега 218).

¹⁰⁵ Бѣгунци и пр., распутные люди. Ср. объясненное Буслаевымъ Славян. потьбѣга, соотвѣтствующее Сир. пунсчай, бѣгающая за самцомъ, мужемъ. Кажется, есть повѣрье, что у распутныхъ людей не водятся пчелы.

¹⁰⁶ Карадж. Рѣчн. Варица.

¹⁰⁷ Діевъ 25.

¹⁰⁸ Абевега 207.

И біеле лгавце,
И дѣтиті и ювчиті. ¹⁰⁰

Предполагаемая связь каши и сыпанья подтверждается тождествомъ значенія варенья каши на Рождество, или на Варваринъ день, и обычая посыпать зерномъ.

Въ Малороссіи, на Новый Годъ, на разсвѣтъ отправляются мальчики, парубки и старые люди посыпать всякимъ зерномъ изъ торбы, или изъ рукавицы. При посыпаньѣ приговариваютъ, между прочимъ: «На щастя, на здоров'я, ¹⁰¹ на новее лѣто! роди, Боже, жито, пшеницю, усяку пашницю!» Ихъ дарятъ деньгами и пирогами. Посыпальное зерно собираютъ съ особыяи замѣчаніями и хранятъ до весенняго посѣва. ¹⁰² Нѣкоторые хватаютъ бросаемыя зерна, и по количеству захваченныхъ въ руку зеренъ разнаго хлѣба судятъ объ урожаѣ на своей нивѣ. Парубки ходятъ посыпать только въ такіе дома, гдѣ есть невѣсты. Этихъ посыпальщиковъ угощаютъ съ особеннымъ радушіемъ, по тому что они, по замѣчанію стариковъ, приносятъ съ собою богатство дому и счастье семейству. ¹⁰³ Въ Тульской Губерніи на Васильевъ дѣти, разсыпая зерна яроваго хлѣба, говорятъ: «Уроди, Боже, всякаго жита по закрому!» и пр. Старшая женщина въ домѣ собираетъ на полу зерна и хранитъ до посѣва. ¹⁰⁴

Въ Сербіи этотъ обрядъ совершается на первый день Рождества: «Полажайникъ понесе у рукавици жита, па кадъ назове съ врата: «Христось се роди», онда поспе из руке житою по куті (а изъ куте ко поспе нега и одговори му: «Ва встину роди»),

¹⁰⁰ Карадж. Рѣчн. Варица.

¹⁰¹ Какъ зерно, которымъ посыпаютъ, такъ и каша, имѣетъ цѣлебную силу: въ Сербіи Варицу даютъ скоту, для здоровья, мажутъ ею шею валовъ, чтобы не было у нихъ лѣтомъ ссадинъ.

¹⁰² И каша имѣетъ связь съ весеннимъ посѣвомъ. Въ Великороссіи лѣдшаго сѣять въ началѣ посѣва на полѣ встрѣчали дѣти съ гречневою кашей (Сак. Ск. Р. Н. 2, 7, 49).

¹⁰³ Терещ. VII, 108 — 109.

¹⁰⁴ Сак. Ск. 2, 7, 23.

па онда скреше бадняке» и пр. У Хоратовъ полежаі обыкновенно зять хозяевамъ того дома, куда идетъ посыпать. Когда онъ входитъ на дворъ, хозяйка (теща) обсыпаетъ его зерномъ. Вошедши въ сѣни, онъ кормитъ зерномъ птицу. ¹⁰⁰ Въ комнатѣ его сажаютъ «и ргіселје» (въ передней уголъ, или у чела печи?), на двѣ, или на три, подушки, съ которыхъ онъ не смѣемъ встать, пока не позавтракаетъ. ¹⁰¹ Отпускаютъ его домой уже послѣ ужина, съ гостинцами: крвницею (прѣснымъ хлѣбомъ Рождественскимъ) колбасами, стегномъ заоблицы и платкомъ отъ тещи. Мы не находимъ извѣстія о Варицѣ у Хорватовъ, но за то полежаі у нихъ ходитъ не только на Рождество, но и на Варваринъ день. Кто первый въ этотъ день войдетъ въ избу, тотъ и полежаі. Его посыпаютъ зерномъ, послѣ чего онъ кормитъ птицу. Хозяйки сердятся, если первый гость мужчина (и въ этомъ, между прочимъ, отличіе отъ подобнаго Рождественнаго обычая), по тому что это значить, въ этомъ году будетъ больше пѣтуховъ, чѣмъ куриць. ¹⁰²

Если варенье каши и посыпанье сырмъ зерномъ первоначально тождественны, чему ниже приведемъ еще одно доказательство, то несомнѣнно, что оба эти обряда символически изображаютъ дождь, который сыплется на землю, подобно сѣемому зерну. Но такъ какъ земная вода въ мифахъ постоянно отождествляется съ небесной, то каша и обсыпанье должны находиться въ связи и съ землею водою.

Одно изъ основаній сравненія посыпанья и дождя состоитъ въ томъ, что сыпучія зерна мелки, какъ капли дождя. Самое сравненіе сыпанья и литья весьма обыкновенно въ языкѣ: постоянный эпитетъ дождя мелкій (Мр. дробенъ дощъ, Чеш. drobňú

---

¹⁰⁰ У Сербовъ, чтобъ куры хорошо неслись, кормятъ ихъ зерномъ, въ которомъ потушены свѣчи, горѣвшія на канунѣ Рождества, «кадъ се мирбожаю.» На Руси кормятъ куръ посыпальнымъ зерномъ, и по ихъ клеванью гадаютъ о будущемъ урожаѣ (Тер. VII, 109). У Чеховъ вечеромъ подъ Рождество кормятъ самцовъ всякой домашней птицы, поставивши ихъ въ кругъ, образуемый положенною на полу цѣпью съ воза, или обручемъ съ дежи, чтобъ птица далеко не заходила, а держалась бы хозяйскаго двора (Sumlorck 279—280).

¹⁰¹ Вѣроятно, по тому, по чему въ Малороссіи и Червонной Руси гости приглашаютъ садиться: «щобъ усе добре сѣдало.»

¹⁰² III с 100 — 101, 94.

dešť sitno pršeti, Серб. ситна кишпа); выраженіе «мелкій дождь» можетъ быть замѣнено однимъ словомъ, именно Чеш. prch, prš, мелкій дождь, которое сродно съ Сл. прахъ = порошокъ, Чеш. prchati, прыскать и т. д. Слово прахъ (предполагающее, по всему вѣроятію, Сл. прахъ, дождь, а не на оборотъ), заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ сравненіе дождя и пыли. Сравните также слѣдующее: Обл. Великоорусское бусать, пить (что предполагаетъ, или несетъ за собою, значеніе литья, жидкости); бусъ, пьяный человѣкъ, мелкій дождь и мелкая мука, осѣдающая на стѣнахъ мельницы; бусить, мелко дождить и пылить мукою. Обл. Великоорусск. бурить, лить жидкости болѣе, чѣмъ сколько нужно, Серб. бурити, мочиться, Велоорусск. буриться, имѣть при вычку мочиться (о ребенкѣ), пурить, мочиться, пура, засыха, пырка, дѣтскій муж. дѣтородн. удъ; при этихъ словахъ съ основнымъ знач. литья¹⁰⁷ Пенз. Саратов. пурьнь зола, выбрасываемая изъ печей, топимыхъ соломою; сюда же можно отнести Серб. приа, приоръ (съ удвоеніемъ; кор. пър=пур), зола съ водою и просто песокъ. Сыпать, какъ извѣстно, не только о зернистомъ, или мелкомъ, но и о жидкости; послѣднее значеніе (лить) древнѣе перваго. Точить, заставлятъ течь (на пр., точить вино), просѣвать на решетѣ (Малор. Чеш.), просыпать, на пр., вшено (Тамб.); быть можетъ, основаніемъ сближенія въ этомъ словѣ литья и сыпанья служитъ третье значеніе. Слич. точить, именно катить, кружить: капля въ струѣ воды, какъ зерно, кружится, катяся. Разливанье и разсыпанье имѣютъ одинаковыя переносныя значенія потери, разлуки, печали.¹⁰⁸ Расточать (имѣніе) значитъ собственно разливать и разсыпать; точно такъ и Серб. просути, просипати значитъ: проливать, просыпать и расточать. Согласно съ этими образами расточенія добра служатъ: прахъ и пыль, уносимые вѣтромъ, и слюна, которая расходится по водѣ: «такъ якъ вихоръ злетитъ, та летитъ не звѣсно куды, то такъ наше добро розтеклось (ср. прахомъ пошло), якъ слина на водѣ.»¹⁰⁹

¹⁰⁷ Ср. буря, собств. не вѣтеръ, а дождь; пурга, собств. дождь, не извѣстно въ знач. мятели, вьюга, вѣтра съ дождемъ.

¹⁰⁸ О нѣкотор. смнв. 103 — 105.

¹⁰⁹ Синонимъ сл. прахъ есть пухъ. Такъ, на пр., въ тождесловномъ выраженіи: «въ пухъ и прахъ» и въ слѣдующемъ:

Связь каши, посыпанья и воды видна въ обычаѣ въ день Варвары, или на Рождество, посыпать воду кашею: «У Боци Варицу носе на воду, и нѣме посыпаю воду, говорити: «Добро ютро, ладна водо! ми тебе варице, а ти нама водице и ярице (пшеницы), лнице и мушке главнице, и сваке сретѣце.»²⁰⁰ Потомъ уже, воротившись съ воды, посыпаютъ кашею въ избѣ. На первый день Рождества, «када у ютру устану, найпріе отиде едно, те донесе воде, али понесе житка те поспе воду (као полази нѣй), кадъ къ нѣй доде. Томъ водомъ уміесе чесницу и налію ручакъ те приставе.»²⁰¹ Тоже соблюдается въ этотъ день и въ Славоніи. Не нужно доказывать, что здѣсь посыпанье воды, представляемой божествомъ, есть приносимая ей жертва. Жертва и божество, которому она приносится, находятся во внутренней связи, указываютъ другъ на друга. Какъ, на примѣръ, кабанъ, приносимый въ жертву богу Фрѣ, есть его священное животное и его животный образъ, такъ и каша, приносимая водѣ, есть образъ воды, и отъ этой послѣдней заимствуетъ свои мѣненческія свойства.

Свойства и сила Рождественской, или Крещенской, воды видны изъ слѣдующаго. Снѣгъ, собранный въ Крещенскій вечеръ и опущенный въ колодизъ, можетъ сохранить въ немъ воду во весь

И онъ снегъ ея тѣло бѣлое.

.. Онъ правѣвалъ пухъ по чисту полю. (Сак. Ск. Р. Н. 1, 3, 203).

Сл. пухъ отъ кор. пу, дуть, Серб. пухати=пувати, тоже; собств. пухъ-раздуваемое, уносимое вѣтромъ. Какъ пухъ и прахъ, такъ и стрѣлы уносятся вѣтромъ; ср. вѣтри вѣютъ съ моря стрѣлами.»

На основаніи сближенія сыпанья и литья, стрѣлы сближаются съ дождемъ: «прыще щ и стрѣлами на вопъ, анти дождю стрѣлами» (Слово о полку Игор.). Разсутися стрѣлами», однимъ словомъ: разстрѣляться:

И тутъ воры разбойники испугалися,

По дикой стѣнѣ раастрѣлялися,

По камышинки расширѣлися (Чт. Об. И. и Д. Р. 1839, III, 127).

Всѣ станишники перпугалися,

Во легкія во лодки пометалися.

По синему по морю разстрѣлялися (Тамъ же 128).

²⁰⁰ Рѣчн. Варица.

²⁰¹ Рѣчн. Божить.

годъ, хотя бы во все лѣто не было ни одной капли дождя. ¹⁰⁰ Въ Славоніи на первый день Рождества хозяинъ окропляетъ водою поля и виноградники (для урожая). У кого есть пчелы, тѣмъ очень нужна Рождественская вода во время ройбы. ¹⁰¹ Тамъ же на Крещенье окропляютъ водою скоть и птицу; ¹⁰² у Чеховъ хозяйки свяченою Крещенскою водою окропляютъ цыплятъ. ¹⁰³ Крещенская вода исцѣляетъ всѣ недуги. По этому Сербы, Хорваты, Русь и Чехи до сихъ поръ купаются на Крещенье въ проруби, или, по крайней мѣрѣ, умываются Крещенскою водою. Есть извѣстія, что въ проруби купали даже больныхъ дѣтей. Богоявленскою водою окропляютъ скоть во время падежа. ¹⁰⁴ Такую же цѣлебную силу имѣетъ и Крещенскій снѣгъ. ¹⁰⁵ Силу эту получаетъ вода въ самую полночь подъ Рождество, или Крещенье. На канунъ Крещенья волнуется вода въ самую полночь, какъ объясняютъ, по тому, что въ это время крестился Христось. ¹⁰⁶ У Нѣмцевъ Heiwag (heila-wâc heilwâc, heilwoege, heilwage, цѣлебная волна), вода зачерпнутая изъ колодца въ полночь на Рождество, или Крещенье, исцѣляетъ раны и болѣзни и не портится. «Въ этомъ вѣрованіи, говоритъ Гриммъ, видно древнее смѣшеніе языческаго съ Христіанскимъ. Народъ до сихъ поръ вѣритъ, что на Рождество, или на Свѣтлый Праздникъ ¹⁰⁷ въ полночь вода въ колодцяхъ превращается въ вино. Это основано на томъ, что божественность Спасителя впервые проявилась на бракѣ въ Канѣ, гдѣ вода превращена въ вино, Рождество же и Крещеніе — праздники Богоявленія» (проявленія Божества. ¹⁰⁸ Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ что вліяніе Христіанства на это вѣрованіе не такъ сильно, что Христіанство только не мѣшало

¹⁰⁰ Сак. Ск. Р. Н. 2, 7, 5.

¹⁰¹ Пис., 100.

¹⁰² Тамъ же 103.

¹⁰³ Suml. I, 391.

¹⁰⁴ Пис. 107, 109 Кар. Рѣчн. Богоявл. Терещ. VII, 41 — 42. Ноиѣка III, 182.

¹⁰⁵ Сак. Ск. Р. Н. 2, 7, 5.

¹⁰⁶ Тер. VII, 42.

¹⁰⁷ Последнее вѣрованіе менѣе распространено. Wolf, Beitr.

¹⁰⁸ Grimm, Myth 331 — 332.

сохраненію языческихъ повѣрьевъ. Если на Рождество вода превращается въ вино, по тому что она превращена въ вино въ Канѣ, то какъ объяснить Христіанствомъ то, что, по Нѣмецкому повѣрью, въ ночь на Рождество всѣ деревья превращаются въ розмаринъ, растеніе, посвященное Богу Фрѳ?

«Alle wasser wein,
Alle bäume rosmarein.»¹¹¹

Въ одну изъ священныхъ ночей не только вода волнуется, или становится виномъ (по Общеславянскому вѣрованію), раскрывается небо, (по Серб.) исполняются высказанныя въ эту минуту желанія, скотъ получаетъ даръ слова (Общеслав. и Нѣм.), деревья разцвѣтаютъ и даже приносятъ золотые плоды (Слав. и Нѣм.). Все это удобнѣе объяснить посѣщеніемъ земли языческими богами. Мысль, настроенная рожденіемъ солнца или его поворотомъ, предупреждаетъ теченіе времени и, среди зимнихъ снѣговъ, видимъ полное развитіе усыпленныхъ зимою силъ природы, лѣто и рай на землѣ.

Варенье каши, обсыпанье и обливанье столько же Рождественскіе обряды, сколь и свадебные. Второй день Рождества называется въ Курской Губерніи бабьи каши; свадьба называлась прежде просто кашею: «оженися Князь Олександръ (Невскій 1239 г.) и вѣнчася въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую.»¹¹² Такое названіе отъ обычая кормить кашею молодыхъ. Такъ, на другой день послѣ свадьбы, Князь Василій Ивановичъ (1526) съ женою ходилъ въ мыльню; тамъ новобрачные ѣли кашу въ постели.¹¹³ По описанію свадебныхъ обрядовъ второй половины XVII вѣка, къ новобрачнымъ на подклатъ ѣсть приносятъ каши, и они кашу черпаютъ и за себя мечутъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ Буслаевъ, указываетъ на посѣвъ и плодо-

¹¹¹ Wolf, Beitr. II, 124 — 125.

¹¹² Академ. Словарь.

¹¹³ Тер. II, 53.

родіе. Для насъ это новое подтвержденіе связи каши и обсыпанья.

Извѣстенъ повсемѣстный обычай обсыпанья молодыхъ. Время, когда именно обсыпаютъ, для насъ не имѣетъ особенной важности. Въ старину молодыхъ обсыпали и передъ отправленіемъ къ вѣнцу, и по выходѣ изъ церкви, по входѣ въ домъ, и передъ входомъ въ сѣнникъ, потомъ на другой день, по выходѣ молодыхъ изъ бани. Теперь мѣстами — и передъ отправленіемъ къ вѣнцу, и по возвращеніи, ¹¹⁴ но большею частью только по возвращеніи. Довольно, что это столь же существенно необходимый брачный обрядъ, какъ печенье коровай и покрыванье невесты. Значеніе обсыпанья видно изъ пѣсни, которую поютъ въ то время, какъ мать обсыпаетъ молодыхъ:

Ой сыпь, матѣнко, овесець,
Щобъ нашъ овесець рясець бувъ,
Щобъ нашъ Юрасько красець бувъ!
Ой сыпь, матѣнко, пшеничку,
Щобъ наша пшеничка рясна була,
Щобъ наша Маруся красна була! ¹¹⁵

Цѣль обсыпанья здѣсь двойная: чтобъ хлѣбъ родился колосистый, и чтобъ сохранялась красота (и здоровье) молодыхъ. Такая двойственность одна можетъ навести на мысль, что обсыпанье есть символъ такого явленія природы, которому равно приписывалось и плодородіе земли и плодородіе людей. Относительно связи обсыпанья и посѣва ср. слѣдующее: въ Орловской Губерніи передъ отправленіемъ къ вѣнцу поютъ:

Поѣзжайте, бояре, снимайте собольи шапки,
Вы хватайте, бояре, хмелиныя перья!

При этомъ обсыпаютъ шапки зерновымъ хлѣбомъ (хотя этотъ обрядъ зовется хмелемъ, и хотя объ обсыпаньи хмелемъ говоритъ пѣсня), а зерна, попавшія въ шапку, берегутъ для посѣва, ¹¹⁶

¹¹⁴ Бусл. Очерки I, 47 — 8.

¹¹⁵ Метл. 192.

¹¹⁶ Терещ. II, 202.

какъ зерно, которымъ посыпають на Новый Годъ. Значеніе обряда въ существенномъ не измѣняется, посыпають ли овсомъ и пшеницею, символами жениха и невѣсты, или хмелемъ съ овсомъ, "" ячменемъ, пшеницею и хмелемъ, "" однимъ хмелемъ, "" или деньгами. "" Въ обсыпанья деньгами значеніе богатства, разумѣется, замѣтнѣе другихъ предшествующихъ.

По поводу обсыпанья деньгами сдѣлаемъ слѣдующее отступленіе. Въ Славянской поэзіи очень обыкновенны и разнообразны переходы мысли отъ брака къ смерти и на оборотъ. Къ приведеннымъ нами въ другомъ мѣстѣ сближеніямъ пира-брака и битвы-смерти, женитьбы и смерти въ водѣ, "" здѣсь прибавимъ еще коечто. У Чеховъ и Нѣмцевъ есть примѣта, что если снятся похороны, то будетъ свадьба, или другая радость, и на оборотъ. "" Смерть есть бракъ съ землею, ямою. "" Согласно со всѣмъ этимъ

"" Тер. II, 457, 286.

"" Тамъ же 271.

"" Тамъ же 38, 204, 359. Метл. 190. Хмель есть символъ жениха, слѣд., мужскаго, оплодотворяющаго начала, но вмѣстѣ и богатства, котораго желаютъ молодымъ при обсыпанья (Тер. II, 286) и которое, кажется, сближается съ хмелемъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Какъ за Волгою ярь хмель
Подъ кусточкомъ вьется,
Перевился ярь хмель
На нашу сторонку.
Какъ на нашей ли сторонкѣ
Житѣе пребогато и пр. (Тер. VI, 157.)

"" Тер. II, 38.

"" О нѣкот. снмв. 14—15, 119—120, 170.

"" Поуѣска III, 51. Wolf, Beitr. I, 211, 213. Ср. Малорусск.:

«Суздоньки-голубоньки! дивный ми сонъ снився,
Що сей ночи о півночи синъ Якимъ женився.
— Самаесь, стара ньенько, сей сонъ одгадала,
Що вже твого сына Якима на свѣтѣ не має.

(Rulikow. Op. Pow. Was. 189).

"" Метл. 423—424, 448. Србск. пѣсм. I, 472, 486, II, 41.

и похороны, по крайней мѣрѣ, холостыхъ и незамужнихъ, представляются свадьбою, о чемъ говоритъ слѣдующее интересное извѣстіе: «До сихъ поръ думаютъ (на Подолѣ), что умирающимъ «безъ дружины» нѣтъ мѣста «на томъ свѣтѣ», и по тому похоронъ парубка нѣсколько походить на свадьбу: кѣтки, вѣнокъ, хустки. Мнѣ помнится, что похоронъ парубка, или «дѣвки вѣданиці», называютъ весельемъ: «Давъ Богъ веселья». Кромѣ того, что умершей дѣвукѣ прикалываютъ два вѣнка и даютъ хустки несущимъ корогвы. для нея «на той свѣтѣ» назначается женихъ. Какой ни будь парубокъ, большею частію, любившій покойницу, «оббиааетца за молодого»; ему перевязываютъ руку хусткою, и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до хаты. ¹¹⁴ Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается зятемъ и въ общемъ мнѣніи

¹¹⁴ «Хаты нашѣ на цвинтарѣ», говорилъ мнѣ крестьянинъ въ Ольгопольскомъ Уѣздѣ, «а васъ просю до курѣня.» Прим. авт. Мы отъ себя прибавимъ къ этому сближенію дома и гроба слѣдующее: Малорос. *домовина*, собств. домъ, но теперь повсемѣстно — гробъ. Гробъ противопоставляется дому, а это предполагаетъ сравненіе: «Ближе самъ гробу, него дому», рече у разговорѣ старъ чоекъ (Срб. посл. 16). Въ пѣсни отецъ изъ гробу говоритъ дочери:

Ой радъ же бѣ я, дитя мое,
До тебе встати, тобѣ порядокъ дати,
Да сырая земля двери залягла,
Оконечка закленила.

(Метл. 150). Ясно, что гробъ представляется здѣсь домомъ. Быть можетъ съ такимъ взглядомъ связано то, что веревя загадывается такъ: «Круть-верть—у черепочку смерть.» Не рѣдко слова по стоянно рѣмуются, по тому что представленія ихъ связаны между собою. По тому стоитъ замѣтить рѣму заперти (двери) и смерти.

Заскрипѣли ворѣтоньки, бо були заперты;
Кого люблю, не забуду до самой смерти.

(Метл. 16, 62, 63; З. о Ю. Р. II, 250). До долу (въ собственномъ смыслѣ и въ смыслѣ «въ могилу») рѣмуются съ до дому:

Спѣвали дѣвочки, спѣвали,
У решето пѣснѣй складали....
Звалили решето до долу;
Часть вамъ, дѣвочки, до дому.

(Макс. Дни и Мѣсяс. I, 68). Въ пѣсни, которая поется, когда на свадьбѣ хоронятъ калпну (символъ дѣвства):

кажется вдовцомъ». ¹¹³ Такимъ взглядомъ объясняется то, что въ Сербіи посыпаютъ деньгами не только скриню невѣсты, но и гробъ умершей дѣвicy:

Саранише лѣпу девојку,
Откуда се ясно сунце рада;
Посуше с грошнимъ и дукатимъ. ¹¹⁴

Менѣе чѣмъ обсыпанье извѣстенъ тождественный съ нимъ по значенію обрядъ обливанья молодыхъ. Въ Галицкой Руси передъ отправленіемъ молодыхъ къ вѣнцу поютъ:

Кропи насъ, матинойку,
Свечену водојку
Въ добрую долејкою (?). ¹¹⁵

изъ чего можно понять, что окропленіе даетъ молодымъ долю. Въ Малороссіи мать молодой встрѣчаетъ Князя, по возвращеніи его отъ вѣнца, въ вывороченной шубѣ, ¹¹⁶ сидя на вилахъ, или на кочер-

Передъ порогомъ могла,
А въ той могилѣ каинна,
Спустили голечку до долу,
Часть вамъ, дѣвочки, до дому (Метл. 211).

¹¹³ Основа 1861, кн. II. Свидницкій, Великость у Подолянъ 52, 53. Ср. Квѣтка, I, 110 и слѣд. З. о Ю. Р. II, 290.

¹¹⁴ Срб. пѣсм. I, 521.

¹¹⁵ Pauli I, 78.

¹¹⁶ Свадебная пѣсня говоритъ, что теща наряжается въ шубу, чтобъ испугать зятя: «Вубралася теща увъ овчинки, Для зятнімъ причинки, Да хотѣла зятя элякати, Не хотѣла дочки оддати» (Метл. 190). Это объясненіе позднѣйшее; болѣе древнее и вѣрное состоитъ въ томъ, что м о х н а т ь значить бог а т ь (собака к о с м а т ь, ему же тепло; мужикъ б о г а т ь, ему же добро), и что, стало быть, въ шубу одѣвается теща для бог а т с т в а молодыхъ. Сравн. слѣдующее: «Ходятъ ночью къ банѣ, и пришедъ отворять у оной, двери, и оборотившись задомъ къ двери и открывъ задницу, поклоняются и гадаютъ: «Жени меня, мани меня куньямъ хвостомъ по голой задницѣ,» и когда почувствуютъ, что прикоснулось къ ней нѣчто м о х н а т о е, то значить жить б о г а т о, а когда что холодное, то бѣдно» (Абевега 152). «Когда сажаютъ курицу на яйцы, то она яйцы должно класть подъ нее изъ шапки, или изъ другаго м о х н а т а г о, а отъ того вѣрятъ быть многочисленному

гѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ. Зять, взявъ отъ нея горшокъ, выливаетъ воду на гриву своей лошади. ¹⁰⁰ У Болгаръ передъ отправленіемъ молодого за невѣстою, соблюдается такой обычай: выходя на дворъ, свахи берутъ ячмень, мать жениха — пшеницу, отецъ же — ведро воды; свахи бросаютъ ячмень черезъ повозку съ одной стороны, а мать бросаетъ съ другой пшеницу, отецъ же черезъ всю повозку брызгаетъ водою, приговаривая при этомъ: «Дай имъ, Воже, свою благодать, чтобы за что ни взялись, шло имъ благополучно, и дай имъ счастье въ хлѣбопашествѣ!» ¹⁰¹

Съ приведенными обычаями связанъ обычай бить горшки. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи былъ обычай, что молодой послѣ первой ночи разбивалъ палкою на дворѣ горшокъ каши, а дружка добивалъ его.» ¹⁰² Тамъ же въ Воскресенье передъ вѣнцомъ «вынесутъ молодому хустку червону (обыкновенно, это символъ дѣвства невѣсты) и горщя хмелю; возьмутъ хмель, тамъ у ногамъ высыплотъ зъ горщяти ему, молодому; старшій Бояринъ перекине горщя черезъ хату....» ¹⁰³ Когда молодой приходитъ въ домъ невѣсты и мать послѣдней встрѣчаетъ его съ водою и

плоду; для большаго жъ плодородія нерѣдко хозяйка прикладываетъ оныя яйца къ своему причинному мѣсту» (Абев. 260. Сравни.). Тер. VII, 46. Вѣроятно, по той же причинѣ коня кормятъ изъ рукавицы, посыпаютъ на Новый Годъ, или Рождество, изъ рукавицы же (Сах., Ск. Р. Н. 2, 7, 54). Велятъ стричь ребенка въ первый разъ на шубѣ: богатъ будетъ (Тер. VI, 29). Въ Малороссіи въ первый разъ стригутъ ребенка (обычнов. по 2-му году), подложивши «повѣсмо конопель, або кожухъ, щобъ бувъ косматый.» Приведши изъ церкви новобрачныхъ, сажаютъ ихъ на бараньей овчинѣ длинной шерсти, желая имъ жить богато (Сах. Ск. Р. Н. 2, 7, 66; Тер. II, 181—182, 196, 269—270). Очень важно, что еще въ Ведахъ туча (випосылающая дождь, урожай, плодородіе женъ, богатство) представляется косматою шкурою, или коровьей кожей. Съ этимъ послѣднимъ можетъ быть связано то, что теща, пугая зятя, сидитъ на влахъ, изображающихъ рога.

¹⁰⁰ Тер. II, 517.

¹⁰¹ Обыч. Болг. Княжеск. 73.

¹⁰² Тер. II, 32 — 33

¹⁰³ Метл. 190.

овсомъ, зять, взявъ отъ нея горшокъ и выливши изъ него воду на гриву своей лошади, передаетъ его старшему Боярину, который бросаетъ этотъ горшокъ въ сторону и замѣчаетъ: если рашибется, то родится сынъ, а когда уцѣлѣетъ — то дочь.²³³ Въ Великороссіи бьютъ горшки послѣ первой ночи, когда молодые въ бани, или же — приглашая родителей молодой на гарный столъ. Въ послѣднемъ случаѣ этимъ битьемъ воздается честь родителямъ.²³⁴ Въ Германіи бьютъ старые горшки передъ свадьбою (am Polterabend); передъ дверьми невесты: тѣмъ больше черпковъ, тѣмъ больше счастья.²³⁵ Все это имѣетъ отношеніе къ потерѣ невестою дѣвства.

Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ родителямъ, которые не умѣли сберечь дочери до вѣнца, даютъ на свадьбѣ пить изъ разбитаго, или дыряваго, сосуда.

Если битье горшковъ только внѣшнимъ образомъ соединено съ обсыпаньемъ и пр., то все же слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ обычай по тому, что онъ роднитъ бракъ съ похоронами съ одной стороны и съ Рождественскими обрядами съ другой. «Въ Приднѣстровскихъ деревняхъ, при выносѣ мужа изъ дому, жена бьетъ новый горшокъ и по всему дому посыпаетъ овсомъ.»²³⁶ Авторъ говоритъ, что «безъ сомнѣнія этимъ означается упадокъ хозяйства по смерти мужа»; по такое объясненіе невѣрно уже по тому, что битье горшка соединено съ посыпаньемъ, котораго значеніе мы видѣли выше. По нашему мнѣнію, и здѣсь похороны представляются свадьбою. На Святъ Вечерь, послѣ ужина, мужчины выносятъ на дворъ опорожненные горшки и разбиваютъ ихъ объ землю, или, поставивъ на землю, бьютъ издали палками, чтобы изгнать изъ дому недостатокъ.»²³⁷

²³³ Тер. II, 517.

²³⁴ Тамъ же 228, 362.

²³⁵ Kuhn u. Schw. Nord. Sag. 434.

²³⁶ Шейков. II, 6, 31.

²³⁷ Терещ. VII, 63.

б) У Славянъ и Германцевъ есть обычай покрывать на Сочельникъ полъ избы и столъ, на которомъ ѣдятъ, соломою, или, какъ въ Бѣлой Руси и на востокѣ Малороссіи, сѣномъ. Соломы этой не выносятъ въ теченіи трехъ дней, недѣли, или даже двухъ, что говоритъ объ отношеніи обряда ко всему святочному зимнему времени. Значеніе этой соломы видно изъ слѣдующаго: У Сербовъ нѣкоторые носятъ солому Рождественскую на нивы, чтобъ лучше родили, у Хорватовъ ее или сжигаютъ, или выносятъ въ сливные сады для урожая; ¹³⁸ Словаки для того же обязываютъ всѣ плодовые деревья, то же въ большей части и Германіи. ¹³⁹ «У очи Божитя, пошто се баддяци унесу у кутю и наложу на ватру, узме доматица сламе и квочути (а за нѣмъ дѣца піючуті (пицца какъ цыплята), просгре по соби, или по кути, ако нема себе. Потомъ узму неколико ораха ¹⁴⁰ и баце по слами. Одъ сламе, съ коѣмъ се на бадни данъ квоче и піюче, остави доматица нешто, па кадъ насадюе кокоши, подъ сваку метне по мало (чтобы хорошо неслись). Оно уже (перевесло? веревки?), у коему се слама донесе, не раздріеши се, него се само распусти, па се на Божить у ютру предъ кутѣмъ баца по нему жита, те кокоши зоблю, а доматица рекне: «Како ми у скупу зобале, тако ми у скупу носиде». ¹⁴¹ Сравните подобный Чешскій обычай съ цѣпью отъ воза, или обручемъ. Въ Малороссіи выбирается сѣно «безъ бадилья», не тронутое ни человѣчскою, ни скотскою ногою и, послѣ трехъ поклоновъ передъ образами, разстилается мальчикомъ на покутѣ. За тѣмъ мальчикъ переноситъ съ припѣчка горшки съ кутею и узваромъ, покрываетъ ихъ парю хлѣбовъ; оттуда же беретъ и ставитъ на покутя миску съ сотами. Неся кутю на покутя, мальчикъ долженъ квохтатъ, какъ квочка. Квоятъ должны и другіе мальчики, если при этомъ случатся, но женщины и дѣвчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктатъ. ¹⁴² На Подолѣ

¹³⁸ III 101.

¹³⁹ Wolf, Beitr. I, 121,

¹⁴⁰ Орѣхъ у Германцевъ посвященъ грому, у Славянъ — лещина.

¹⁴¹ Карадж. Рѣчн. Божить:

¹⁴² Основа, 1861, Май. Рѣздв. святк. Помиса 62.

дѣвицы, или кто другой, квочетъ въ солому, чтобъ куры квочали. ¹³³ Въ Швеціи солому, которою устилается полъ церкви на Рождествѣ, даютъ коровамъ отъ болѣзни, кладутъ подъ наслѣдокъ, для предохраненія ихъ отъ хорьковъ, выносятъ на поля и обертываютъ ею плодовые деревья для урожая. ¹³⁴ Въ Славоніи этою соломою гадаютъ о долготѣи: во время обѣда вытягиваютъ изъ подъ скатерти, или мѣшка, которымъ покрытъ столъ сверхъ соломы, соломины, и чья длиннѣе, тому долше жить. ¹³⁵

Солому, постилаемую наканунѣ Рождества, называютъ на Подолѣ дѣдухъ, по другимъ дѣдухъ. Шейковскій сближаетъ это слово съ названіемъ поминокъ: дѣды (ср. Скр. Питрі, им. мн. ч. питарас, собственно отцы, потомъ предки, покойники). ¹³⁶ Сближеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что канунъ Рождества есть, какъ видно изъ Малорус. обрядовъ, своего рода поминальный день. ¹³⁷ Такъ какъ Рождество есть по преимуществу семейный праздникъ (что видно, изъ обычая ѣсть кутю при возможно полномъ сборѣ семьи, изъ того, что дѣти носятъ кутю и узваръ дѣду и бабкѣ, если ихъ не было на кутѣ, и прежнимъ родителямъ), то помянаніе мертвыхъ на кутю причисляетъ, значить, и ихъ къ семьѣ. Сознаніе тѣсной связи между живыми и мертвыми проявляется и въ другихъ случаяхъ. Безсмертіе души есть догматъ, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ существовавшій въ Индоевропейскомъ язычествѣ.

Устиланье полу соломою имѣетъ мѣсто и на свадьбѣ въ Черехот. Уѣздѣ Костромской Губерніи. «Когда женихъ поѣдетъ въ церковь вѣнчаться, дѣти обоого пола приносятъ съ собою въ тотъ домъ по снопу соломы и разстилаютъ ее по полу, оставивъ ее

¹³³ Тамъ же Дек. Велик. Свят.

¹³⁴ Wolf, I, 121.

¹³⁵ Іліс 101.

¹³⁶ Шейк. Быть Подол. II, 71. Онъ основываетъ связь соломы и поминокъ на связи соломы съ кашею и каша съ поминками.

¹³⁷ Основа 1861. Май, Рѣздв. св. 63 — 66.

тутъ до трехъ сутокъ; при этомъ кормятъ ихъ кашею.»¹⁰⁰ Сравните обычай ставить кутю на сѣнѣ. Молодыхъ сажали, или и теперь сажаютъ, въ углу, подъ иконами (Малорос. на покутѣ), на ржаныхъ снопахъ.¹⁰¹ Постель молодыхъ для первой ночи стелется на 27 (тридцати) ржаныхъ снопахъ.¹⁰² Ближайшее значеніе соломы здѣсь должно быть такое же, какъ и въ Рождественскомъ обрядѣ, т. е., изобиліе плодовъ. Что же касается до основнаго представленія ея, до связи съ другими обрядами, то ихъ слѣдуетъ искать при помощи языка.

Слова солома нельзя производить отъ кор. Старосл. стрі (sterno, сторѣннѣци, стелю), по тому что т должно бы удержаться въ Славянскомъ словѣ, какъ удержалось оно въ сторона. Въ фонетическомъ отношеніи не встрѣчаетъ препятствій сближеніе съ Скр. кор. *σαλ*. Боппъ приводитъ четыре значенія глаг. *σαλ*. (1 атм.): *ire, se movere, vacillare, sternere*; такимъ образомъ солома, *salamus, haln*, можетъ значить или то, что идетъ, т. е., побѣгъ, отростокъ, или колеблющееся, гибкое, какъ представляется, на пр., очереть въ Малорос. загадкѣ: «Стоить дѣдъ надъ водою, коливає бородою», или, наконецъ, то, что простирается. Это послѣднее предположеніе считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, судя по мѣсту, которое занимаетъ слово солома въ ряду другихъ сродныхъ словъ. Связь представленій соломѣ и вершины видна изъ того, что при Лат. *salamus* (между прочимъ, солома), *culmus* (стебель соломѣ) стоитъ *culmen*, вершина, и при Слав. слама, Старос. слъ-ма, Серб. слеме, шлеме, Старочеш. slétně, *culmen tecti*, Польск. *słemie, szłemie*, поперечное бревно, перекладина, Руск. шеломъ, верхній кровельный брусъ, шеломъ, накладной жолобъ на дому (Нижегор.), шеломъ, повѣть (Тв.), шоломя, мѣсто, пристанище, пріютъ (Арх.) и холмъ (тамъ же; ср. Сл. о полку Игоревѣ), шеломъ, утесъ (Каз.); ср. Лит. *szalma*, длинное бревно, перекладина, и *kal-nas*, гора и всякое возвышеніе, *kalw*, холмъ. Уже въ нѣкоторыхъ значеніяхъ приведенныхъ

¹⁰⁰ Діевъ. 26.

¹⁰¹ Тер. II, 39.

¹⁰² Тамъ же, 53, 193, 203; ср. 361.

словъ, на пр., знач. повѣтъ, приютъ, видна связь пребыванія сверху, или возвышенія съ покровеніемъ; еще вѣроятнѣе эта связь въ Слав. шлѣмъ, шелома, Литов. szalmas, Нѣм. helm (собствен. покровъ?), а особенно въ слѣд. Герм. словахъ того же корня: Древненѣм. hēlan, celare, Гот. hali, tartarus, caverna (скрывающее). Древненѣм. helian, velare, покрывать, Гот. hulian, Нѣм. hüllen, occultare, Сканд. hulja, tegore, Древненѣм. heli, velamentum, сравн. gehilwe, nubes т. е., то, что покрываетъ небо. ¹¹¹ Можетъ быть, значеніе пребыванія сверху, вершины, развилось изъ значенія покровенія, т. е. (судя по Скр. çал., sterneg), простиланья, можетъ быть, на оборотъ, второе изъ перваго. Довольно, что соединеніе въ одномъ корнѣ значеній halm, hüllen, gehilwe могло подать мысли поводъ представлять солону символомъ того же явленія, которое изображалось обрядомъ покровенія.

Покровеніе есть общеизвѣстный символъ брака. У всѣхъ Славянъ и др. Индоевропейцевъ замужнія женщины ходятъ съ покрытою головою, въ отличіе отъ дѣвицъ. Нѣкоторыя подробности обряда покрыванья можно видѣть изъ слѣдующаго: «Послѣ вѣнчанья надѣваютъ на молодую въ притворѣ, сначала кокошникъ, въ которомъ она сидитъ за свадебнымъ столомъ, а потомъ сваха накидываетъ на ея голову наметку, и въ этомъ уборѣ везутъ ее съ женихомъ домой. Тутъ въ дверяхъ встрѣчаетъ ихъ сваха въ надѣтой на выворотъ шубѣ и старается испугать молодую, чтобъ она была боязливая и почтительная. ¹¹² Отецъ, или мать, бросаетъ въ лицо соль, чтобы предохранить новобрачныхъ отъ раздора, ¹¹³ или отецъ слегка бьетъ плетью по спинѣ новобрачной три раза, чтобъ она забыла прежнихъ жениховъ и любила одного мужа. Молодые кланяются своимъ родителямъ, а послѣ сваха беретъ невѣсту за руку и окружаетъ ¹¹⁴ ее слѣдующимъ

¹¹¹ Grimm, Deut. Gram. 29.

¹¹² О значеніи шубы см. выше.

¹¹³ Можетъ быть, для предохраненія отъ призора. Соль—средство отъ всякихъ темныхъ силъ. Впрочемъ, рассыпать соль значитъ, что будетъ ссора.

¹¹⁴ Въ словѣ окручать и въ сродныхъ соединяются представленія заплетающа (косы), одѣванья и брака; окручаться, вообще одѣваться, наряжаться,

образомъ. Сваха прилѣпливаетъ къ стѣнѣ вѣнчальныя зажженыя свѣчи, и сажаетъ подъ ними новобрачныхъ на овчинѣ. Потомъ двѣ свахи, одна со стороны невѣсты, другая со стороны жениха, расплетаютъ косу молодой и плетутъ внизъ подъ руку въ двѣ косы. За симъ накидываютъ на молодую повойникъ, и съ тѣхъ поръ она не можетъ ходить простоволосою даже при родныхъ; ходить безъ повойника считается за великій грѣхъ. ¹¹¹ Въ Малороссіи расплетаетъ косы молодой братъ, или сестра, или тетка, ¹¹² потомъ заплетаютъ эти косы не по дѣвичьи; ¹¹³ «завивайло» (намѣтку?) вносятъ въ избу въ одно время съ короваемъ. ¹¹⁴ Въ Галицкой Руси и въ Польшѣ невѣста во время расплетанья и покровенія сидитъ на дежѣ ¹¹⁵ Ввечеру перваго дня свадьбы «двѣ свахи спѣвають: «Я жъ тебе, сестрице, напинаю» и пр., и подносятъ намѣтку на головѣ такъ разъ у разъ. Берутъ трошки лёну и завиваютъ ей разомъ изъ косою, щобъ больше було косы; хочъ и великі косы, то завше треба той лёнъ, и то называетця зачѣска та кичка. По кичцѣ кладутъ каптуръ, якъ у другихъ — серпанокъ, чи очѣпокъ.» ¹¹⁶

маскироваться; окрутникъ — наряженный по святочному; скрутиться, собраться, приготовиться (т. е., нарядиться); окручать, переодѣвать невѣсту въ бабье платье, заплетать ей двѣ косы вм. одной, и вм. платка надѣвать на голову кокошникъ, или сборникъ; скрутить, окрутить, тоже скрута, головной уборъ невѣсты и приданое; самокрутка, сама себя окручающая, тайно и безъ согласія родителей вышедшая за мужъ (ср. Мадор. покрывка, незамужняя женщина вообще, и родившая до брака, незаконно покрывшая).

¹¹¹ Тер. II, 182.

¹¹² Метл. 204 — 206.

¹¹³ «Не плети кѣсоньни у трѣх, заплети кѣсоньку въ дробушки.» Тамъ же.

¹¹⁴ «Дружбонько... несе коровай на вѣцѣ (на вѣкѣ дежи), Бѣлес завивайло на тарильцѣ.» Тамъ же 207.

¹¹⁵ Pauli, P. L. R. I, 65. Въ Польшѣ во время «oszerin» (serin) поется:

Zakukała kukaweczka na wieżu,
Zapłakała Marysieciska na dzieżu. Wójcicki. II, 26.

¹¹⁶ Метл. 209. Кичка (ср. Старосл. кикъ, capilli), кажется, значить и головной покровъ, то же, что Великор. кики-болка (кокошникъ, въ первый разъ

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на другой день свадьбы, надѣвають на молодую очѣпокъ и намѣтку съ красною вокругъ головы лентою и приводятъ молодыхъ на пашерть. Повѣ беретъ пово-

надѣваемый на молодую), шлыкъ, волосникъ. Кромѣ того, мнѣнческое значеніе покровенія, о которомъ будетъ рѣчь ниже, есть еще и другое: головной покровъ, скрывая волоса, лишаетъ молодую всего, что соединялось съ дѣвичьей косой. Значеніе же косы видно изъ слѣдующаго:

Коса—дѣвья красота: «Якъ жаль менѣ русои косы и дѣвоцкѣи красы.» Метл. 152. «Раастаюсь съ тобою, косонька, раастаюсь съ дѣвьею красотою.» Гуляевъ 26. «Приступи, родимый батюшка, ко моей-то-ли дѣвьею красотѣ, расплети трубочату косу!» Тамъ же. «Вы красуйтесь, красны дѣвицы, во своей-то дѣвьею красотѣ; Ужь какъ я открасовалася: Не плести ужъ мнѣ русои косы, Не носить мнѣ алой ленточки.» Тамъ же 29. «Ты коса ли моя, косонька, ты коса ли дѣвья, красота! Меня красила ты, косонька, въ ясный день передъ солнышкомъ, темной ночью передъ мѣсяцомъ.» Тамъ же, 46.

Волоса—красота, гордость. Сочетаніе представленій красоты и гордости находимъ въ слѣд. словахъ: Басить, баситься (собств. свѣтить), красоваться (Мр. басувать), и гордиться; чѣпуриться) (съ различнымъ удареніемъ въ разныхъ мѣстностяхъ), щеголевато одѣваться и важничать; ченужиться, рядиться и величаться; чеченяться, щегольски наряжаться и церемониться, чваниться; топорщиться, щегольски наряжаться и чваниться; хазъ, щеголь, франтъ и гордецъ, шахаль; хазить, щеголять и храбриться, гордиться.

Соединеніе всѣхъ трехъ представленій (волосъ, красоты и гордости), или только перваго съ послѣднимъ, видимъ въ слѣдующемъ: кыкъ, волоса, Серб. кика, коса, Серб. кичошъ, франтъ, кичошиться, наряжаться, франтить, Старосл. кичунти се, гордиться; Польск. warkosz, коса. Серб. вркочъ, щеголь, вркочити се, као поносити се (jure gloriari), или кичошити се; Чеш. chlup, короткіе волоса на тѣлѣ (ср. chlp, кусокъ, Русск. хлопья и пр.), chlupatý, волосастый, косматый, Польск. chępic się (ср. chlubić się, Чеш. chlaubiti se), хвастать, величаться. Впрочемъ, это послѣднее сближеніе требуетъ подтвержденій; въ Санскритскомъ Польскомъ chępic się соотвѣтствуетъ çalbh, gloriari, при которомъ, однако, не находимъ словъ со значеніемъ волосъ, или шерсти. Тѣмъ не менѣе вѣроятно, что коса есть не только дѣвья красота, но и гордость. Покровеніе косы можетъ находиться въ связи съ тѣмъ взглядомъ, ясно высказавшимся во многихъ народныхъ пѣсняхъ, по которому бракъ для женщины есть потеря воли и гордости: въ Польской пѣснѣ невѣста говоритъ:

O bodaj to, bodaj być dziewczyną sobie,
Niżli służyć, moj Jasielku, tobie (Wójc. II, 13). Сравни.

брачныхъ за руки, вводитъ въ церковь, читаетъ молитву покровенію (?) головы, потомъ покрываетъ молодую серпанкомъ, окропляетъ святою водою и благословляетъ на новую жизнь. ¹⁶¹

Символическое значеніе покровенія (но не скриванія косы, о которомъ въ примѣчаніи) есть здоровье, красота, богатство и плодородіе, что видно изъ слѣдующаго:

О нѣкотор. симв. 147, прим. 2); въ Великороссіи невѣста прямо говоритъ о себѣ, что замужемъ ей «привыкать будетъ (нужно будетъ)

Слѣся-гордости убавити,
Ума-разума прибавити,
Голову держать поклонную,
Ретиво сердце покорное (Гул. 31).

Длинные волосы и борода были у Германцевъ признаками свободного чело-
вѣка. Усыновлявшій другаго стригъ ему волосы, или прикасался къ бородаѣ.
Побѣжденный врагъ, или несостоятельный должникъ, вручалъ свои острижен-
ные волосы побѣдителю, или вѣрителю, и тѣмъ признавалъ себя его рабомъ.
Дитмаръ Межиборскій говоритъ о побѣжденныхъ Лужичанахъ: «расes ab gase
cgrine supremo et cum gramine datisque affirmant dextris» (Grimm). Покро-
веніе косы можетъ имѣть одинаковый смыслъ съ постриженіемъ волосъ.
Помянется, что гдѣ-то, при покровеніи молодой, нѣсколько подстригаютъ
ей косу.

Покрывая волоса, дѣвица, кромѣ красоты и воли, лишается еще и нѣкоторой,
свойственной ей до того, таинственной силы. Вѣдьма чаруетъ всегда про-
стоволосая, чѣмъ объясняется упоминаніе въ заговорахъ простоволосыхъ
дѣвокъ, или бабъ. Въ заговорѣ отъ уроковъ: «Отговариваю (имя рекъ) отъ
колдуна и колдуницы.... отъ дѣвки самокрутки, отъ бабы простоволоски»
(Гул. 51). Простоволосой приписывается сила взростить чудесную траву:
«Одоленъ трава! не я тебя поливала, не я тебя породилъ; породила тебя
мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки»
(Сак. Ск. Р. Н. 1, 2, 20 и др.). Въ Сербской пѣсни дѣвица, думая, что же-
нихъ ее обмануль, хочетъ мстить ему такимъ образомъ:

Пзнитію млада гологлава,
Гологлава, косе расплетене,
Куда юнакъ поде по дѣвойку,
Не ка му е несретьна дѣвойка (Пѣсн. I, 425).

¹⁶¹ Терещ. II, 334.

Я жъ тебе, сестрице, напиваю,
Щастямъ-здоровьямъ надѣляю:
Будь здорова, якъ вода,
А будь богата, якъ земля,
А пригожа, якъ рожа!»¹⁰⁰

Косвеннымъ образомъ это значеніе подтверждается и слѣдующимъ. Листья и по народному взгляду покрываютъ, одѣваютъ дерево. Такъ, на пр., въ Сербской пѣсни:

Зима проде Дюрдевъ данакъ дѣде,
Те се гора пре одѣне листомъ,
А землица травомъ и цвѣтомъ.¹⁰¹

На этомъ основаніи брачной покровъ сближается съ зеленью деревьевъ, такъ что послѣдняя служитъ символомъ перваго и брака вообще. Къ сказанному объ этомъ въ другомъ мѣстѣ,¹⁰² прибавимъ здѣсь Сербскую пѣсню, которая поется во время покровенія невѣсты:

Долети листахъ од ника поля,
Паде дѣвойци на зеленъ венацъ,
На зеленъ венацъ, на русу косу.
Ние то листахъ одъ ника поля,
Ветъ е то бела авли-марама,
Бела марама, брига голема,
Да тудю майку майкомъ назове, и пр.¹⁰³

Обрядъ Православной Церкви сближаетъ бракосочетаніе съ вѣнчаньемъ на царство, и на этомъ основаніи народъ находитъ извѣстныя отношенія между коронаціею и зеленью, покрывающею деревья. «Непросвѣщенные люди вѣрятъ, что ежели Государь коронуется, когда одѣвается листомъ лѣсъ, то во время владѣнія

¹⁰⁰ Метл. 208. Связь покровенія и красоты см. въ статьѣ. О нѣкотор. сямв. 106.

¹⁰¹ Сравни. Піс. III, 364.

¹⁰² О нѣкотор. сямв. 107 — 103.

¹⁰³ Кады дѣвойци метю вателъ на главу.

¹⁰⁴ Серб. пѣсм. I, 73.

его Государство будетъ изобиловать всѣмъ, то есть, людьми, хлѣбомъ и богатствомъ; а когда въ то время, когда лѣсъ роняетъ уже свой листъ, то не такъ можетъ быть изобильно». ¹⁴⁷ Допустивши даже, что зелень стала примѣтою при коронаціи вовсе независимо отъ сравненія коронаціи со свадьбою, мы все же въ правѣ заключить, что листья, какъ символъ брачнаго покрыванья, имѣютъ тотъ же смыслъ, что и упомянутая примѣта при вѣнчаньи на царство.

Покровеніе невѣсты приписано «Св. Покровѣ». Основаніе этого, подобное тому, по которому, на пр., на Симона Зилота ищутъ золота, кладовъ, не исключаетъ другаго, болѣе глубокаго: какъ Св. Власій сталъ покровителемъ скота, по тому что былъ имъ прежде богъ Волось, такъ Покрова=покровительница браковъ, по тому что была нѣкогда богиня, покрывающая дѣвиць брачною фатою.

Покровъ Пр. Богородицы празднуется 1 Октября, т. е., въ то время, когда начинаются свадьбы между поселянами. Въ этотъ день въ Великороссіи дѣвицы ставятъ свѣчи Матери Божіей и просятъ ее о ниспосланіи жениховъ. Весь день проводятъ они въ своемъ кругу. Если попадетъ къ нимъ случайно молодець, то замѣчаютъ его движенія и разговоры и по нимъ судятъ о будущемъ (женихѣ). ¹⁴⁸ Въ Галицкой Руси дѣвицы говорятъ:

Святая Покровонько,
Накрой менѣ головоньку,
Та хочъ бы вже й онучью,
Най ся довго дѣвкой не мучу!

Въ Великороссіи невѣста причтаетъ: «Ты, Покровъ Богородица! Покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнною ити на чужую сторону! Введенье мать Богородица! Введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтенье мать Богородица! Встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!» ¹⁴⁹ Въ Бѣлоруссіи на Покрову дѣвицы, поставивъ свѣчу передъ образомъ Божіей Матери, говорятъ:

¹⁴⁷ Абебега 225.

¹⁴⁸ Терещ. IV, 59.

¹⁴⁹ Тамъ же II, 209, 225 — 226.

Святой Покровъ!
 Покрывъ землю и воду,
 Покрый и меня молоду! ""

Важнымъ указаніемъ на стихійное значеніе божества, замѣ-
 неннаго Покровою, служитъ то, что «считается счастливыхъ пред-
 знаменованіемъ для обрученныхъ, если на Покровъ (1 Октября)
 выпадаетъ снѣгъ. Тогда дѣвицы говорятъ: «Батюшка Покровъ!
 покрой сыру землю и меня молоду!» Иныя говорятъ: «Бѣлъ снѣгъ
 землю покрываетъ, не меня ли молоду за мужъ снаряжаетъ?» ""
 Изъ этого видно, что Покровъ представляется здѣсь не согласно
 съ Христіанскимъ преданіемъ, и что мнѹнческое существо, покрыва-
 ющее дѣвицу брачнымъ покровомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ покрыва-
 етъ землю снѣгомъ.

Выше мы замѣтили связь представленій соломы, покровенія
 и облака въ Нѣм. *halm* и *gehilwe*. Къ этому прибавимъ, что
 не только свѣжннй покровъ земли, сближаемый, какъ мы видѣ-
 ли, съ покровомъ невѣсты, представляется тканью, "" но также
 и дымъ, туманъ, облако. Тонкая ткань сравнивается съ дымомъ:
 «рубочокъ якъ дымъ тонесенькій;» въ Польской сказкѣ дѣвица на-
 виваетъ, какъ нить, на золотой клубокъ синюю мглу, которая по-
 дымается изъ ручья; "" по Нѣмецкому повѣрью вѣдьмы прядутъ
 горный туманъ; Серб. пѣсня сравниваетъ знамена, слѣдовательно,
 ткань, съ облаками:

Бойна копля, као чарна гора,
 Све бараци, као и облаца. ""

Наконецъ самое слово облако (Обл. Великоруск. оболокъ, Серб.
 облакъ, Польск. *oblok*) имѣетъ очевидную связь съ тканью и по-
 кровеніемъ: оболокаться, одѣваться (ср. въ заговорѣ тождеслов-

"" Тамъ же 473.

"" Сак. Сл. Р. Н. 7, 60. Мы ставимъ «снаряжаетъ» (снѣгъ) вм. снаряжаютъ.

"" О нѣкот. симв. 146.

"" *Walilski, Pow. L. Pol.* 134 — 135.

"" Сербск. пѣсм. II, 313.

ное выраженіе «оболокусь я оболоками» и пр.), ¹¹⁵ оболочка, платье, одѣяло, волокно, нить и (Олон.) холстъ. ¹¹⁶ Это заставляетъ ожидать сравненія брачнаго покровца и съ облакомъ. Такое сравненіе дѣйствительно находимъ въ Польск. свадебной пѣсни:

Przykryłosię niebo oblokami
Przykryłosię Matyma gąbkami.

Отсюда выводимъ отношеніе богини, покровительствующей браку, покрывающей невесту рубчикомъ и землю снѣгомъ, къ тучѣ.

На связь тучи съ другими несомнѣнными, или предполагаемыми, символами брака, именно съ соломой, зеленью, покрывающею деревья, и покровомъ невесты, указываетъ отчасти и то, что мгла, туманъ, есть, между прочимъ, ¹¹⁷ символъ богатства, счастья; ср. Литовск..

Asz meliszau Dėwa per wisą dėną
Bent miglotą dėnelę;
Asz meliszau Dėwa per wisą dėną
Bent bagotą mergytę. ¹¹⁸

(Я бы просилъ у Бога весь день хоть туманнаго денька, я бы просилъ у Бога весь день хоть богатой дѣвицы). Въ Нижнедѣв. Уѣздѣ Ворон. Губ. «на крестинахъ бабы приносятъ кашу и, выполнивая ее три раза вверхъ, говорятъ: «Какъ въ полѣ туманъ, такъ

¹¹⁵ Туманъ, какъ мракъ, значить, какъ невѣство, печаль.

¹¹⁶ Гуляевъ 42.

¹¹⁷ Польск. *dziewo-słab*, свать, дружка (а изъ н. какъ, въ *małzonek* изъ *małzonek*). Чеш. *snáubiti*, *snúbiti*, сватать, *snáubse=dziewo-słab* Юнгманъ сближаетъ съ Лат. *nubere*, *nubes*. Еще вѣрнѣе въ фонетич. отношеніи будетъ сравненіе съ Лат. *nimbus*, «ата, покрывало, облако, проливной дождь. Такимъ образомъ с-нж-вити (предполагаемое) могло собственно значить покрывать невесту, подобно тому, какъ облако покрываетъ небо. Сближеніе Польск. *słab* съ корнемъ *люб* встрѣчаетъ препятствія въ томъ, что нѣтъ другаго примѣра корня *люб* (Скр. *lubh*) съ носов. звукомъ. Что до перехода кореннаго *л* въ *н*, то онъ возможенъ.

¹¹⁸ *Wójcicki. Pieśń. II, 77.*

¹¹⁹ *Nesselm. Lit. Volkslied. 100.*

пусть будетъ младенцу счастье и талантъ!»¹⁰⁰ Кажется, у Шевченка рима: «Ой тумане, тумане, Мой латаный талане», взята изъ народной пѣсни и, подобно нѣкоторымъ другимъ народнымъ римаемъ, основана на средствѣ представленій.

Сводимъ черты, собранныя въ этой главѣ:

а) Каша приводится въ связь со Святою Варварою, изъ чего заключаемъ о первоначальной связи каши съ языческою богинею. Греча, изъ которой варится каша, называется княгинею: она, подобно другимъ божествамъ, посѣщаетъ дома смертныхъ и приноситъ урожай, плодородіе и скота и людей. Съ вареньемъ каши тождественно по значенію обсыпанье, которое, въ свою очередь, сближается съ обливаньемъ. Обряды варенья каши, обсыпанья и обливанья суть символы дождя и воды. Всѣ три обряда (а равно и связанный съ ними обрядъ битья горшковъ) составляютъ принадлежность не только Рождества, но и свадьбы и похоронъ. Следовательно, богиня, которой варилась каша, имѣла отношеніе къ дождю и водѣ, къ браку и смерти, имѣющимъ какую-то связь съ Рождествомъ.

б) На основаніи связи представленій соломы и покровенія, сближаемъ Рождественскій и свадебный обрядъ устилання полу соломой съ брачнымъ обрядомъ покрыванья невесты. Оба обряда сходны по значенію. Покрыванье молодой приписывается Св. Покровѣ, замѣнившей языческую богиню; оно сравнивается со снѣгомъ, покрывающимъ землю, зеленью, покрывающею деревья, тучами, покрывающими небо.¹⁰¹ Снѣгъ и тучи, съ коими приводится въ связь эта богиня, только другая форма дождя и воды, о которыхъ выше.

Въ какомъ отношеніи находится эта богиня къ двумъ другимъ божествамъ, на которыхъ указываютъ другіе Рождествен-

---

¹⁰⁰ Воронежск. литерн. сборникъ 297.

¹⁰¹ Есть мифическая связь между листовою древесною и тучами: эти послѣднія сами представляются деревомъ.

скіе обряды, на это мы не нашли яснаго отвѣта въ самихъ обрядахъ. Предположивши, что совокупность Рождественскихъ обрядовъ не есть случайный подборъ, но изображаетъ одинъ мифъ, можно догадываться, что если Божичъ-солнце есть сынъ Бадника-грома, то богиня-туча есть его мать. Достоенъ вниманія послѣдовательно проведенный параллелизмъ между Рождествомъ и свадьбою: Богъ, сковавшій плугъ, славимый на Рождество, виѣстъ съ тѣмъ куетъ свадьбы; кабанъ и олень, животные образы солнца, равно относятся и къ Рождеству и свадьбѣ; точно такъ и хлѣбъ коровай; о кашѣ и сродныхъ съ нею обрядахъ сказано выше. Пока намъ не извѣстно такое же полное сходство Рождества съ другимъ годовымъ праздникомъ, мы готовы видѣть въ этомъ сходствѣ указаніе на то, что Рождественскіе обряды изображаютъ бракъ небесныхъ существъ, по образу котораго совершался бракъ земной. На это предположеніе мы смотримъ, какъ на вопросы. Отвѣта на нихъ будемъ искать въ свѣдѣніяхъ, сохранныхъ преимущественно въ сказкахъ о богинѣ, которую мы считаемъ за одно лицо съ найденною нами по Рождественскимъ обрядамъ.

А. Потебня.

II

МАТЕРИАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

АРХИВЪ
ВОЕННО-ПОХОДНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

ЧАСТЬ П.

1770 — 1774.

СООБЩЕНІЕ

М. О. Судяко.

РЕЛЯЦІИ,
ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ
И
ПИСЬМА
ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.
1770 ГОДЪ.

ПОДГОРІЧАНН.

1770 года, Генваря дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Михайловичъ!

Обрадовавшись усердно извѣстію о Вашихъ двукратныхъ побѣдахъ надъ непріателемъ, желаю Вашему Сіятельству, чтобъ всѣ предстоящіе подвиги обратились же подобно въ распространеніе славы оружія Ея Императорскаго Величества и собственнаго имени Вашего.

Благодарю найпокорнѣе за подарокъ, которымъ меня надѣлили изъ добычи непріятельской, и изъ оной же посылку Вашу Ея Императорскому Величеству я съ первымъ куріеромъ пошлю, а такъ скоро отправить запрещаеть осторожность, что сіи вещи везутся съ такихъ мѣстъ, гдѣ свойственная зараза Туркамъ показалась.

Извѣстная мнѣ справедливость Вашего Сіятельства подкрѣпляетъ во мнѣ тотъ долгъ, отъ коего ни какъ я уклониться не могу, непримѣтивъ Вамъ, что порядокъ службы требуетъ, дабы командующій Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ всѣ отъ Васъ получалъ рапорты, а отъ его уже мнѣ оныя доходили. Безъ сомнѣнія, Вы иначе не мыслите, какъ во всемъ чтобъ послушаніе должное отдавали Вамъ подчиненные, такъ равно сіе удовольствие и повиновеніе принадлежитъ и отъ Васъ начальствующему. Но если что либо Ваше Сіятельство имѣтъ можете партикулярно и въ конфиденцію дружбы мнѣ сообщить, я всегда то принимать буду знакомъ Вашего ко мнѣ усердія и соотвѣтствовать столь же искреннимъ почтеніемъ, съ каковымъ я былъ и пребыть честь имѣю,

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою.

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА.

Всемиловѣйшая Государыня!

Изъ полученной добычи въ сраженіи при Фокшанахъ, Генераль-Маіоръ Графъ Подгоричани прислалъ ко мнѣ, для представленія Вашему Императорскому Величеству, ружье янычарское съ осыпкою камнями, кажанъ, называемый по Турецки диванъ-кажанъ, и два мѣсяца, золотомъ вязанныя, съ рубинами, что большіе Турецкіе Паши на чалмахъ носятъ, платокъ по черному флеру шитый серебромъ и золотомъ, шапку панцырную и утиральникъ по краямъ съ шитьемъ шелковымъ и золотымъ. Я осмѣлился сіи вещи, какъ и письмо его къ Вашему Императорскому Величеству, удержать чрезъ нѣкоторое время у себя, дабы, испытавъ прежде надъ собою опасность, противъ которой, найпаче въ случаѣ, сему подобномъ, настоятъ причины соблюдать осторожность ко всему, что въ того краю приходитъ въ наши руки, тогда уже поднести оныя Вашему Императорскому Величеству; какъ несомнительныя.

Изъ моей всеподданнѣйшей, вмѣстѣ съ симъ отпавленной, Ваше Императорское Величество усмотрѣвъ соизволите ревностные подвиги Генерала-Маіора Потемкина, который, усердствуя службѣ Вашего Величества и отечеству, самъ просился у меня, чтобъ я

его отправилъ въ корпусъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна, гдѣ самымъ дѣломъ и при первыхъ случаяхъ отличилъ уже себя въ храбрости и искусствѣ. Посему и приѣмлю я дерзновеніе всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества, въ ободреніе къ вѣщшимъ подвигамъ, отличить его знакомъ таковой же Монаршей милости, какъ при прошедшихъ случаяхъ Ваше Величество награждали службу другихъ Генераловъ. Заключаю сіе, повергнувшись къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ глубочайшимъ моимъ благоговѣніемъ.

20 Генваря, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, въ слѣдствіе тѣхъ предувѣдомленій, что я имѣлъ честь по его рапортамъ донести Вашему Императорскому Величеству въ послѣдней всеподданнѣйшей моей, репортуеть уже ко мнѣ изъ города Браилова, отъ 18-го Генваря, что въ сей день на разсвѣтъ, подходя къ тому городу, встрѣченъ онъ былъ непріятелемъ многочисленнымъ, который съ великою отвагою началъ на его корпусъ наступать, но вдругъ пушечными выстрѣлами понужденъ къ отступленію, и когда войска Вашего Императорскаго Величества гораздо приближались, то и открывъ непріятель по нихъ свою пушечную и оружейную пальбу, а наконецъ и со всѣхъ сторонъ окружилъ оныя, заграждая доступъ къ городу. Не могло, однако жъ, ни мало сіе сопротивленіе остановить помянутаго Генерала съ его корпусомъ, но паче стремленія его наступательныя тотъ часъ опровергли непріятельское многолюдство и принудили ретироваться, оставя мѣдную шести-фунтовую пушку, пѣхоту въ крѣпость, а конницу въ поле. Послѣднюю преслѣдовали легкія войски даже до рѣки Сереть, а за первую, сколь ни поспѣшаль своимъ маршемъ Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, но ускорила оная своимъ бѣгомъ засѣсть въ крѣпость, и когда онъ приближился на картечный выстрѣлъ къ городу, такъ изъ той крѣпости пушечнымъ и мелкаго ружья сильнымъ огнемъ

остановленъ; для чего и пріемлетъ онъ старанія дальшія къ овладѣнію оною. По объявленію плѣнныхъ, непріятельскаго войска тутъ находилось до двѣнадцати тысячъ пѣхоты и конницы съ двадцатью пушками, подъ командою Трехъ-Бунчужнаго Сераскѣра, Авды Паши, и пяти Пашей, кои со многихъ мѣстъ собрались, въ намѣреніи, по прошествіи Байрама, то есть, 11-го сего мѣсяца, нападеніе учинить на мѣстечко Фокшаны. О непріятельскомъ уронѣ объявляетъ помянутый Генераль, что оной весьма великъ, съ нашей же стороны токмо гусаровъ нѣсколько и Арнаутовъ убито и ранено, о чемъ впредь имѣеть прислать пополненіе, не могучи всего описанія сему произшествію выѣстить въ своемъ репортѣ, наскоро отправленномъ. Знаковъ побѣды взято въ сраженіи три большіе и три малые бунчуги, два знамя и дервишъ-нашланы, которые къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и къ множеству таковыхъ уже предъ оными лежащихъ, имѣю щастіе при семъ препроводить, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торжествуетъ оружіе Вашего Императорскаго Величества, ни какой заразительной опасности не находится.

Пріѣхавшій куріеръ съ симъ извѣстіемъ привезъ мнѣ еще репортъ изъ Яссъ отъ Генерала-Маіора Черневича, которымъ онъ увѣдомляетъ, отъ 22-го Генваря, что въ тотъ день представленъ къ нему былъ, отъ тамошняго Дивана, одинъ выбѣгшій изъ полону Молдавецъ, бывшій въ Бендерахъ, который принесъ туда извѣстіе, что Ханъ Татарскій скоропостижною смертію скончался.

25 Генваря, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Въ прошедшіе дни, между отправленіемъ моею всеподданнѣйшей къ Вашему Императорскому Величеству, отъ 25-го Генваря, къ симъ не получалъ я никакихъ увѣдомленій отъ Генерала-Поручика Фонтъ-Штофельна, а сей день пріѣхалъ отъ него куріеръ изъ мѣстечка Бузео съ рапортомъ, отъ 23-го Генваря, въ которомъ объявляетъ, что 21-го числа отправилъ онъ куріера съ донесеніемъ

обстоятельнымъ о всѣхъ происшествіяхъ при городѣ Браиловѣ. Но сей, отъ него посланный, ко мнѣ и поднесъ не прибылъ, потому, хотя я еще не знаю, какія причины заставили съ корнусомъ помянутаго Генерала-Поручика отступить отъ Браилова, не смѣлъ, однако жъ, я далѣе замедлить всеподданнѣйшимъ донесеніемъ моимъ Вашему Императорскому Величеству, по крайней мѣрѣ о томъ, что ссылка его на предыдущій рапортъ и настоящее обращеніе являютъ уже, что тотъ городъ оставленъ и не покоренъ. Послѣдній рапортъ, по поводу коего я имѣю честь Вашему Императорскому Величеству сіе доносить, состоитъ въ томъ, что въ тотъ день, получа помянутый Генераль-Поручикъ извѣстіе отъ Генерала-Маіора Замятина, яко непріятельскія войска изъ разныхъ мѣстъ, при мѣстечкѣ Журжѣ, до 20 тысячъ собираются, и подъ командою Видинскаго Каши-Карамъ, который тремя тугами пожалованъ, намѣрены возобновить и паки нападеніе на Букарешты, послалъ онъ команду съ Генераль-Маіоромъ Потемкинымъ, на подкрѣпленіе сему городу, а на завтра и самъ хотѣлъ впередъ по почтѣ поѣхать въ Букарешты, ради распорядковъ, нужныхъ для поиску надъ непріятельскимъ войскомъ, который произвестъ обнадеживаетъ меня, какъ скоро туда прибудеть. Можетъ быть сіе новое предпріятіе и лучше подастъ успѣхи, токмо я не могу предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ скрыть моего въ томъ прискорбія, что не тѣ со всѣмъ нахожу я, слѣдствія, которыхъ я ожидалъ отъ долговременныхъ и съ наибольшею осторожностію воспріемлемыхъ приготовленій отъ Генераль-Поручика Фонъ-Штофельна на атаку помянутаго города, и когда въ приближеніи своемъ къ оному разсыпалъ было въ самомъ началѣ встрѣтившагося непріятеля; ибо хотя не вѣдаю еще обстоятельствъ всѣхъ, тамо произведенныхъ, дѣйствій, не предвижу, однако жъ я, ни пользы, ни славы, когда только сожженъ городъ, хотя до основанія, что упоминаетъ въ своемъ рапортѣ означенный Генераль-Поручикъ, поелику чрезъ то непріятель не оскудѣваетъ ни въ силахъ, ни въ храбрости своей, какъ равномерно и городъ не терпитъ въ разсужденіи военнаго своего состоянія; а напротивъ истребленіе города всѣ выгоды съ собою уничтожить должно, для которыхъ мы оный приобрѣтатъ старались, или считали необходимымъ. Равно не сходствуетъ съ моими мыслями и настоящее распоряженіе Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна, что онъ часть войскъ оставилъ при

мѣстечкѣ Рымникахъ, другую въ Фокшанахъ, артиллерію отдѣлилъ къ Букарештамъ, а такого раздробленія остерегаться прямо я предписалъ ему въ моемъ Ордерѣ, отъ 31 Декабря, словами сими: «Надобно беречься, чтобъ въ раздробленіяхъ, какъ Вы свою команду дѣлите, не претерпѣли и вообще вреда, ежели гнаться станете во всѣ стороны за появляющимся непріятелемъ, а тотъ пунктъ, куда должно быть всѣмъ нашимъ стремленіямъ, обходить.» Симъ разумѣлъ я тогда городъ Браиловъ. Но, съ другой стороны, Всемилостивѣйшая Государыня, признаться и въ томъ я долженъ, что можетъ быть на мѣстѣ инаковыми обстоятельства встрѣчается для себя помянутый Генераль - Поручикъ, нежели какъ я оныя отсюда обозрѣваю; а дальнее его отъ меня отстояніе познать всякую мою къ нему резолюцію и заставляетъ больше надѣяться на искусство его и долговременное испытаніе военнаго ремесла. Зимній путь здѣсь уже рушился, а рѣвки вскрылись, почему и настала самая большая трудность въ перевозкѣ въ свои мѣста всѣхъ потребъ и запасовъ для арміи, которые не только сюда, но и въ Кіевъ еще не прибыли. Письмо къ Вашему Императорскому Величеству отъ духовенства Молдавскаго на Греческомъ языкѣ, и три знамя, что взяты при сраженіи подъ Фокшанами, 4 Генваря, отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна присланныя, имѣю честь при семъ представить.

31 Генваря, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Въ самое то время, какъ я уже отправлялъ вложенную при семъ всеподданнѣйшую мою, прибылъ ко мнѣ куріеръ отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна, съ его рапортомъ, отъ 21 Генваря. Содержаніе онаго утверждаетъ отступленіе отъ Браилова, по его крѣпкому укрѣпленію, что засвидѣтельствовали всѣ Генералы его команды, и что съ городомъ обращенъ въ пепель магазинъ, составляющій до 60 тысячъ четвертей провіанта. Подлинно, утрата сего чувствительна быть должна непріятелю и удержать его отъ положенныхъ имъ, можетъ быть, на мѣрѣ препятствій, но по скудости въ пропитаніи можемъ и мы, съ стороны своей, что симъ

запасомъ не овладѣли, счесть за потерю. Я сей его рапортъ съ приложеннымъ имѣю честь, къ Высочайшему усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, при семъ поднести въ оригиналъ.

31 Января, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА.

Всемиловѣйшая Государыня!

Два собственноручныя и Всемиловѣйшія Вашего Императорскаго Величества, отъ 18-го и 21-го Января, и при первомъ подарокъ себѣ, получить я удостоился. Кромѣ особливыхъ качествъ онаго, коими превосходитъ всѣ другія, мною видѣнныя и сего рода изобрѣтенія, одно то, что отъ Высочайшихъ рукъ Вашего Императорскаго Величества имѣю, безцѣннымъ мнѣ его дѣлаетъ. Я имѣю честь за оный тутъ же принести къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества достолюбезнѣйшее благодареніе.

По поводу дошедшаго ко мнѣ прежде извѣстія о опубликованномъ отъ Султана манифестѣ, дая право своему воинству на гибель и плѣненіе Волоховъ и Молдавцовъ, я уже предварилъ Генерала-Поручика Фонтъ-Штофельна, дабы онъ, вперяя пристойныя мысли во всѣхъ тамошнихъ жителей, о сихъ угроженіяхъ пользовался купно возбуждать ихъ къ принятію повсюду оружія, совмѣстно съ нами, во спасеніе собственной своей жизни, и къ ободренію въ томъ употребилъ бы ихъ въ началѣ въ такія дѣйствія, гдѣ бы они, меньше себя подвергая опасности, могли достать корысть и заохотиться тѣмъ къ подвигамъ военнымъ; а и тѣ внушенія, что Ваше Императорское Величество мнѣ примѣтили, въ разсужденіи особы Султана, возьму стараніе препроводить, елико возможно, къ слуху Турковъ.

Ваше Императорское Величество прежде полученія сего, соизволите удостовѣриться изъ послѣдней всеподданнѣйшей моей Реляціи, чѣмъ кончилъ свою экспедицію Генераль-Поручикъ Фонтъ-Штофельнъ на Браилы. Крѣпость тамошняя найдена, коль вообще съ нимъ и другіе Генералы засвидѣтельствовали, столько приготовленною къ оборонѣ, что, по описанію сопротивленія, соглашаюсь и я въ

томъ съ ними, что нельзя ее схватить голыми руками; но, однако жъ, прямой попытки, которой, можетъ быть, и не снесли бы, на нея не дѣлаю, по видимому, предпочитая всему пощаду людей, къ которымъ, природнаго челоуѣколюбія и матерняго милосердія преисполнены всѣ дѣла Вашего Императорскаго Величества. Городъ Браилы первымъ былъ мнѣ предметомъ съ начала моего прибытія къ сей арміи, потому что онъ одинъ только и есть такой постъ на Дунаѣ, которымъ владѣя непріятель, можетъ скрыто предъ нами выводить свои силы на сей берегъ, и препятствовать всѣмъ нашимъ предпріятіямъ какъ въ Валахію, такъ и по лѣвую сторону Дуная, который взявши и утвердись тамо, я располагалъ очистить весь тотъ лѣвый край, что между Днѣстра и Дуная къ Черному морю, отнять способъ къ соединенію непріятельскихъ войскъ съ Бендерами, и тѣмъ самимъ облегчить осаду тамошнюю, что тогда бы на оную крѣпость часть только войскъ второй арміи могла экспедицію производить, а прочія удобно было бы подвинуть къ дѣйствіямъ при Дунаѣ. Сему моему намѣренію нанесъ первѣе трудности Генераль-Поручикъ Баронъ Элиштъ, котораго Молдавская экспедиція, а паче послѣдній оттуда изворотъ, была одно и сущее изнуреніе войску. Вскорѣ потомъ въ споспѣшество означенному предпріятію велѣлъ было я поиски сдѣлать Генералу-Маіору Князю Прозоровскому на Буджацкихъ Татаръ и надъ самымъ Ханомъ Крымскимъ въ Каушаны, но и тому болѣзнь, на тотъ часъ приключившаяся, сдѣлала остановку, сверхъ которья отговорка его была и та, что лошади въ несостояніе пришли отъ недостатку въ тѣхъ мѣстахъ корму. На послѣдокъ, когда въ Молдавіи принялъ команду Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, то, прежде прибытія его въ Яссы, схваченъ былъ одинъ нашимъ легкимъ войскомъ городъ Букарешты, потребовали тотъ часъ обстоятельства, чтобъ и сей постъ занять съ укрѣпленіемъ, а симъ такъ какъ и непріятельскими на тотъ край попытками извнялся мнѣ всегда сей Генераль, что не можетъ предпріять атаки на Браилы толь скоро, какъ я ему о томъ все-частью подтверждалъ. Между тѣмъ и имѣлъ непріятель время все устроить тамо къ своей лучшей защитѣ. Я бы уже до сихъ поръ большую часть войскъ перевелъ, да и самъ перенесся, въ Молдавію, если бъ не препятствовала тому крайняя скудость въ пропитаніи въ тѣхъ мѣстахъ; ибо съ самой осени до днесъ и на снабдѣніе настоящаго тамошняго корпуса провіантъ и овесъ отсюда

посылаю, но и для сихъ транспортовъ уже способность премѣняетъ рушившійся зимній путь. Сей важный пунктъ, то есть недостатокъ пропитанія и другое, ежели изъ Браилъ не выгнать непріятели, и не очистить всего лѣваго краю, какъ я выше донесъ, то армія на будущую кампанію далѣе Яссъ поступить не можетъ, уклоняясь отъ противныхъ авантажовъ, которые предъ нею имѣлъ бы тогда непріятель, изобилуя своими силами и всѣми запасами посредствомъ Дуная и тамошнихъ своихъ крѣпостей, и будучи при самыхъ источникахъ всѣхъ своихъ достатковъ. Се есть, Всемилостивѣйшая Государыня, чистосердечное и всеподданнѣйшее донесеніе, что соизволили взыскивать отъ того, который за первое себѣ блаженство поставляетъ пребывать съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

3-го Февраля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Присланные ко мнѣ отъ Генерала-Поручика фонъ Штофельна, а къ нему отъ Генерала-Маіора Замятина, вѣдомость, сколько всѣхъ чиновъ побито въ сраженіи съ непріятеlemъ 14 Декабря, прошлаго года, при монастырѣ Коменѣ, команды убитаго тутъ же Маіора Анрепа, и сколько изъ оной оставалось въ расходы, и рапортъ Секундъ-Маіора Писарева о происхожденіи сего приключенія, подношу при семъ въ копіяхъ къ Высочайшему усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Уронъ сей, Всемилостивѣйшая Государыня, есть въ самомъ дѣлѣ малозначущій; и одно то чувствительно, чгѣ сей командиръ, который былъ до конца храбрый офицеръ, погибъ и самъ и равному нещастію подвергнулъ, хотя и самую часть людей, совсѣмъ не въ такомъ случаѣ, гдѣ бы польза и слава замѣняла трату. Усердіе къ Высочайшимъ интересамъ Вашего Императорскаго Величества извѣстнаго Князя Кантакузина вложило всю нещастную отвагу въ Покойнаго Маіора Анрепа, съ которымъ и онъ равный конецъ имѣлъ въ семъ сраженіи, какъ о томъ въ прилагаемомъ рапортѣ изъясняетъ Маіоръ Писаревъ, бывшій въ той командѣ.

РЕЛЯЦІЯ.

Въ соотвѣтствіе Всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества рескрипту отъ 21-го Генваря, съ предписаніемъ мнѣ мѣръ, какимъ образомъ поступать имѣю въ разсужденіи оказавшейся моровой язвы въ мѣстечкѣ Фокшанахъ, и на случай сношенія моего съ Цесарскимъ Генераломъ въ постановленіи картеля, имѣю честь донести: вредная зараза въ тѣхъ мѣстахъ угасла безъ расшїренія; а по послѣднему, я соблюду во всей точности Высочайшія, Вашего Императорскаго Величества, повелѣнія, когда токмо случай къ тому предстанеть.

3-го Февраля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Отъ 28 Генваря, изъ города Букарешты, Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ рапортуеть ко мнѣ слѣдующее: Къ 30 числу того мѣсяца наджидалъ онъ прибытія въ тотъ городъ Сербскаго гусарскаго полку и шесть гренадерскихъ баталіоновъ съ шестью орудіями полевой артиллеріи, для предпріятія атаки на мѣстечко Журжу, гдѣ по извѣстіямъ дѣйствительно находится новопожалованный Волосскій Господарь Монолакій, въ ожиданіи большаго себѣ подкрѣпленія войсками отъ Видинскаго Паши Капикарама, и отъ прочихъ мѣсть, по намѣренію сдѣлать сильное нападеніе на Букарешты. Возвратившіеся туда жители чрезъ три недѣли изъ Константинополя объявляютъ, яко бы Турецкой Султанъ заподлинно перенесся въ Андрианополь, ставя тому причиною прибытіе Россійскаго флота въ Архипелагское море; что Яцирь и до нынѣ стоитъ въ Бабадѣ, а войско собирается съ великою трудностью. Отъ Браилъ приходящіе подтверждаютъ, что запершемуся въ крѣпости войску нѣтъ ни какой прибавки, что оное припитаніе свое получаетъ изъ за Дуная, а изъ поселеній, что между Браила и Журжи, до нѣсколькихъ тысячъ жителей ихъ семействъ со всѣмъ ско-

томъ и пожитками своими выступили въ Валахію и Молдавію. Я по сему послалъ повелѣніе помянутому Генералу-Поручику, чтобъ онъ найпоспѣшнѣе управлялся въ разсужденіи своего доиска на Журжу, дабы при оной разбивъ непріятеля, въ трепеть привести могъ идущія къ соединенію въ то мѣсто другія войски, и учинилъ бы ихъ тѣмъ противъ себя слабѣе. Но по отдаленности мѣста, Всемилостивѣйшая Государиня, не могу я ускорить ко времени моею резолюціею, какъ равно медлительно и ко мнѣ доходятъ оттуда репорты, ибо куріеры больше десяти дней въ одинъ путь изъ Букарештъ ѣдутъ, согласно всѣ извиняясь крайнею худобою лошадей почтовыхъ тамошнихъ, ради недостатка корму, поелику питаются только подножнымъ. Я и напредъ сего подтверждалъ Генералу-Поручику фонъ-Штофельну, и теперь возобновилъ повелѣніе, дабы чрезъ всѣ способы старался поправить тамошнюю почту, и ежели бъ не было возможности лучшую сдѣлать подводами обывательскими, то въ крайности употребить на оную и Казаковъ, дабы о всякомъ происшествіи еще временно и поспѣшно въ состояніи былъ я доносить Вашему Императорскому Величеству, въ чемъ теиерь, къ прискорбію моему, обстоятельство сіе дѣлаетъ остановку.

Генераль-Маіоръ Черніевичъ съ своимъ деташаментомъ выступя изъ Яссъ 30-го Генваря, былъ уже у Рябой Могилы; исполняя предписаніе себѣ данное отъ Генерала-Поручика фонъ-Штофельна, когда онъ шелъ на атаку Браилова, чтобъ сей Генераль поискъ сдѣлалъ въ одно время на Журжу и внизъ по Дунаю, гдѣ только могутъ найтись, истребилъ бы непріятельскія магазейны. Сіе предпріятіе согласовало весьма тогдашнимъ дѣйствіямъ Генерала-Поручика (фонъ-Штофельна); но когда онъ, отступя отъ Браилова, удалился къ Букарештамъ, то экспедиція Генерала-Маіора Черніевича должна бы уже имѣть другія мѣры. Но какъ самъ сей Генераль-Маіоръ послалъ къ нему рапортъ о неудобствахъ продолжать свой маршъ за рѣку Прутъ, ради недостатка фуража во всѣхъ мѣстахъ, то и положился я на распоряженіе помянутаго Генерала-Поручика въ семъ дѣлѣ, давши ему знать завременно, что я сіе чиню въ лучшей надеждѣ къ его искуству, мня, что, по случаю его отступленія отъ Браилова, снабдилъ онъ означенаго Генерала-Маіора Черніевича особливими предписаніями, соотвѣтствующими настоящему его положенію. Между присланными

изъ Букарештѣ письмами нашедшіеся фирманы Султанскіе на Турецкомъ языкѣ, и манифестъ на Волоскомъ, съ письмомъ ново пожалованнаго Господаря Монолакія, содержащіе въ себѣ увѣщаніе Волохамъ и угрозы Молдавцамъ, имѣю честь въ оригиналѣ поднести при семъ.

8 Февраля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

ДОНОШЕНИЕ.

Всемиловѣйш ая Государыня!

Какъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію принадлежать къ моеѣ командѣ, найточнѣе я взыскую прямой службы, такъ равную мнѣю должность, Всемиловѣйшая Государыня, справедливость отдавать предъ Вашимъ Величествомъ всякаго подвигамъ, что дѣлаютъ достойными Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости. На семъ основаніи осмѣлился я принести Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую мою прозъбу за Генерала-Шоручика фонъ Штофельна, который теперешними своими дѣлами, какъ искусный Генераль, заслуживаетъ Высочайшее призрѣніе Вашего Императорскаго Величества со всѣми, что въ его командѣ находятся. По тому же обизанъ донести Вашему Императорскому Величеству и о всѣхъ войскахъ, что дѣйствуютъ нынѣ въ Молдавіи и Валахіи противъ непріятеля, и въ неутомленныхъ трудахъ сносятъ суровую погоду непрерывно и долговременно. По неудобности доставленія туда жалованья, приказалъ я за треть выдавать имъ оное изъ тамошнихъ доходовъ; а ради ихъ толь тягостныхъ подвиговъ и многократныхъ побѣдъ надъ непріятелемъ, приѣмлю смѣлость просить Вашего Императорскаго Величества, по своей природной и матерней Высочайшей щедротѣ, не соизволите ли указать, сіе имъ третное жалованье поставить не въ зачетъ, въ воздаяніе за ихъ дѣла и къ ободренію вѣщшему службѣ?

Чрезъ Генерала-Квартермейстера Баура я имѣлъ счастье получить Всемиловѣйшее Вашего Императорскаго Величества. Неприемлемо могу сказать, Всемиловѣйшая Государыня, что Ваше Величество пріобрѣли въ немъ искуснѣйшаго себѣ слугу для военныхъ дѣлъ; въ короткомъ времени я обозрѣлъ въ немъ твер-

доть знанія военной науки и то превосходство, что онъ не подобенъ тѣмъ, которые въ одномъ глубокомыслии всѣ свои таланты сокрываютъ. Если подданный столько можетъ имѣть смѣлости, то я, Ваше Императорское Величество, поздравляю въ толь искусномъ выборѣ людей, и купно всеподданнѣйше благодарю, что служба выѣстная съ такимъ человѣкомъ послужить и мнѣ въ науку. Повергаю себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества со всеглубочайшимъ благоговѣнiемъ.

14 Февраля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Поспѣшаю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, въ какомъ новомъ торжествѣ надъ непріителемъ побѣдоносное оружіе Вашего Императорскаго Величества стало на берегу рѣки Дуная. Сего мѣсяца 1-го числа Генераль-Поручикъ и Кавалеръ фонъ-Штофельнъ, отправившись съ деташаментомъ, изъ города Бокарешты, противъ непріителя, за худобою пути не могъ прежде къ городу Журжѣ приблизиться, какъ на третій день своего похода. Не доходя за восемь верстъ къ сему городу, встрѣченъ онъ былъ непріятельскою конницею до десяти тысячъ, подъ предводительствомъ Рупуцкаго трехъ-бунчужнаго паши Челибей, при деревнѣ Кошаръ, которая съ обыкновеннымъ крикомъ нашъ деташаментъ атаковала, имѣя шесть поставленныхъ пушекъ въ помянутой деревнѣ, и производя изъ оныхъ безъпрестанную пальбу. Въ такомъ сопротивленіи не долго однако жъ могъ постоять непріятель противу войскъ, на него наступавшихъ, но при наступленіи ночи принужденъ ретироваться въ городъ, оставя ту деревню, при которой потомъ помянутый Генераль-Поручикъ расположился лагеремъ. 4-го числа по утру, въ 7-мь часовъ, вступилъ онъ въ маршъ тремя колоннами къ городу Журжѣ, и коль скоро подошелъ къ оному, такъ непріятельская показавшаяся, подъ первымъ ретраншаментомъ, конница въ 10 тысячъ, совокупно съ 5 т. пѣхоты, съ пушечною стрѣльбою устремилась и паки атаковать идущія на себя наши войски, отъ которыхъ, не выдержавъ храбраго отпора и наступленія, съ великимъ своимъ урономъ конница разсыпалась въ разные стороны, а пѣхота, оставя три пушки,

ретиrowалась въ другой ретраншаментъ, который весьма былъ укрѣпленъ широкимъ рвомъ и высокимъ валомъ, откуда безпрестанный огонь пушечной и оружейной производился.

Но, не взирая на всѣ трудности и сильную непріятельскую оборону, чрезъ полчаса взять штурмомъ сей ретраншаментъ, а непріятель, понесши великой уронъ, который въ убитыхъ до 3 т. человекъ простирается, оставилъ наконецъ и городъ Журжу въ завладѣніе побѣдоносному оружію Вашего Императорскаго Величества. Въ семь сраженіи съ нашей стороны побито и ранено около трехъ сотъ, въ томъ числѣ убиты: Сербскаго гусарскаго полку Маіоръ Гейкинъ, Ширванскаго пѣхотнаго полку гренадерской роты Капитанъ Зонъ; ранены: Генераль-Маіоръ Замитинъ, Подполковникъ Петерсонъ, Преміеръ-Маіоръ Левашовъ и Секундъ-Маіоръ Трейденъ, но полученныя ими раны не суть опасны. Знаковъ побѣды получено: 1 савжакъ или Пашинское большое шелковое, золотомъ шитое, знамя; 2 Пашинскіе туга; 6 бунчуковъ; 1 булава; 6 знаменъ и 20 мѣдныхъ пушекъ, въ томъ числѣ 2 единорога и 4 патронныя ящики егерской команды, потерянные Маіоромъ Анрепомъ при монастырѣ Коминѣ. Непріятель, который былъ въ городѣ, совсѣмъ разбитъ и разогнанъ, а въ находящемся замкѣ на острову рѣки Дуная засѣло до 500 человекъ. За широтою рѣки въ первый разъ нельзя было къ оному приступить, однако обнадеживаешь въ своемъ рапортѣ Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ, что всѣ способы употребить къ завладѣнію и тѣмъ мѣстомъ. О плѣнныхъ хотя упомянутый Генераль-Поручикъ въ своемъ рапортѣ не упоминаетъ, но пріѣхавшій курьеръ отъ него съ симъ ко мнѣ извѣстіемъ объявляетъ, что число оныхъ до 370 при отъѣздѣ его простиралось. Всему тому обстоятельнымъ увѣдомленіемъ равномѣрно и присылкою полученныхъ трофеевъ я ни мало не умедлю по полученіи оныхъ. А сіе заключить имѣю щастіе, всеподданнѣйше принося Вашему Императорскому Величеству рабское мое поздравленіе о распространеніи свѣтлой славы оружія Вашего Императорскаго Величества, въ сокрушеніи отъ малой части онаго превосходныхъ силъ непріятельскихъ, и препоручить воинство, производшее Вашего Императорскаго Величества покровительство. Въ коликѣмъ числѣ всѣхъ чиновъ деташаментъ Генерала-Поручика фонъ-Штофельна состоялъ, подношу копию его ко мнѣ рапорта.

14 Февраля, 1770 года.

РЕЛЯЦИЯ.

Пополнительнаго рапорта о дѣйсвіяхъ Генерала-Поручика фонъ Штофельна при городѣ Журжѣ, о чемъ имѣлъ я честь доносить Вашему Императорскому Величеству отъ 14-го сего мѣсяца, такъ и о дальнихъ послѣдованіяхъ по одержанной имъ тогда побѣдѣ надъ непріятелемъ, еще я отъ него не получилъ. Но между тѣмъ Генераль-Маіоръ Черніевичъ деташированный отъ помянутаго Генерала-Поручика изъ Яссы, для поисковъ на Журжулесть, и внизъ по рѣкѣ Дунаю, изобразилъ я во всеподданнѣйшей моей отъ 8-го, представляетъ мнѣ слѣдующее: переправивъ 4-го числа свой деташаментъ чрезъ рѣку Прутъ, и продолжая съ онымъ маршъ, на другой день, верстахъ въ трехъ отъ Фальчи, къ лѣвой сторонѣ, на горахъ, увидѣлъ онъ непріятеля, по призмѣчанію до четырехъ тысячъ, котораго приказалъ тотчасъ Капитану Зоричу съ легкими войсками атаковать. Непріятель, по превосходному своему числу противъ атакующихъ, продолжалъ обороняться чрезъ два часа, а потомъ обратился въ бѣгство. Преслѣдовать онаго вдаль не было способу, за слабостію лошадей Арнаутскихъ, которыя большею частию составляли означеннаго Генерала конницу. 6-го числа пришелъ до горы Баурша, примѣтилъ опять непріятеля, и въ большихъ еще силахъ, чѣмъ въ прошедшій день, для чего и послалъ ояъ на его всѣ свои легкія войска, а въ подкрѣпленіе онымъ Маіора Кянлоха съ тремястами егерей и одною пушкою; но непріятель, увидѣвъ нашу пѣхоту, поспѣшно ретировался за горы. Потомъ 8-го числа, употребилъ двѣсти человекъ Арнаутовъ подъ командою Поручика Требухова, при деревнѣ Водойвакахъ, гдѣ начинается Турецкая граница, разбилъ оными непріятельской, тамъ держанный, форпостъ, при чемъ взято въ полонъ 4 человека, не потерявъ съ нашей стороны ни одного, и въ тотъ же день отъ нашей Казацкой также другая партія непріятельская разбита и полученъ въ плѣнъ одинъ Татаринъ. Таковымъ походомъ, по недостатку въ фуражѣ, поелику въ чувствительное изнуреніе пришли всѣ лошади, то потому Генераль-Маіоръ Черніевичъ, 9-го числа, оставя подъ прикрытіемъ весь свой обозъ при деревнѣ Вилены, самъ съ деташаментомъ пришелъ къ Журжулесту, откуда непріятель предуви-

домленъ будучи, чрезъ разоренной наканунѣ онаго свой форпостъ, о его приближеніи, убрался. Въ семъ мѣстѣ изъ найденнаго магазейна, по взятіи, сколько было возможно, оставшуюся муку, какъ и самое селеніе предавъ огню, слѣдовалъ помянутый Генераль-Маіоръ далѣе къ Ренни, но тамъ никого не засталъ, ибо непріятель объять будучи страхомъ, ушелъ къ Измаилу и на ту сторону рѣки Дуная, въ Исакии, какъ еще нѣсколько судовъ переправляющихся на тотъ берегъ и наши команды видѣли. Далѣе внизъ по Дунаю и до Измаила пройтись съ деташаментомъ препятствовало озеро Кагуль, которое болотами соединяется съ Дунаемъ, не меньше же и трудная переправа чрезъ рѣку Елпукъ; и такъ сжегши Реннъ, а чрезъ посланную партію внизъ по Дунаю село Фрекасель, а напоследокъ при обратномъ походѣ и многія деревни Татарскія, лежащія близъ рѣки Прута, возвращается онъ, Генераль-Маіоръ Черніевичъ, съ своимъ деташаментомъ въ Яссы.

Генераль-Маіоръ Князь Прозоровскій рапортовалъ меня, что посланный отъ него Поручикъ Любимовъ съ командою противъ Татаръ, покусившихся нападать на отдаленныя селенія Молдавскія, 5-го числа настигъ въ деревнѣ Пересешнѣ одного Мурзу съ тремястами семьюдесятью Татарами, разбилъ сію партію, при семъ пало убитыхъ Татаръ 13 человекъ, два въ полонъ взяты, отбито захваченныхъ непріателемъ Волоховъ мужескаго полу 22, женскаго 13-ть, скота рогатаго 80-ть, лошадей съ выюками 23. Отъ сего жъ Генерала присланный допросъ возвратившагося изъ Бендеръ и Каушанъ жителя Яскаго, употребленнаго для развѣдыванія о тамошнихъ непріятельскихъ приготвленіяхъ, имѣю честь поднести въ копіи, каковую препроводилъ я для знанія и Генералу Аишефу, предводительствующему второю, Вашего Императорскаго Величества, арміею, Графу Панину; также Хана Крымскаго письмо къ Кантакузину Вистіару, въ оригиналѣ при семъ представляю; оное медленно получено, потому что подосланный Молдавецъ никому его не объявилъ, покуда не возвратился помянутый Кантакузинъ отъ меня въ Яссы, помянутый тотчасъ по полученіи представилъ оное князю Прозоровскому, а сей ко мнѣ. Я хотѣлъ было предоставить князю Кантакузину отвѣчать къ Хану, возбуждая настоящимъ своимъ безмятежнымъ подданствомъ къ преклоненію и его подъ покровительство оружія Вашего Импера-

торскаго Величества, но потомъ изъ осторожности, чтобъ не подать тѣмъ поводу къ перепискамъ, въ которыя вкрасться бы иногда могли злыя внушенія, рекомендовала ему за лучшее въ молчаніи на сіе письмо остаться.

Состоящій въ Брацлавлѣ Астраханскаго пѣхотнаго полку Полковникъ Гудовичъ репортовалъ ко мнѣ отъ 15-го Февраля, по дошедшимъ къ нему извѣстіямъ, что непріятельская партія въ мѣстечкѣ Крутыхъ полонила нѣсколькихъ жителей, и что наши Донскіе Казаки по обыкновенной робости, не развѣдавъ ни о силѣ, ни о склоненіи ея, принесли только извѣстіе, яко бы непріятель въ превосходномъ числѣ тамъ показался. Хотя я не признаю иначе, какъ, что сіе отдѣленіе есть щетарь Буджацкой и Ногайской орды перешедшихъ на сію сторону рѣки Днѣстра, пустившихся только на грабленіе, однако жъ не оставилъ я взять военныхъ предосторожностей къ отраженію, ежели бъ прямая открылась отъ непріятеля попытка на лѣвое крыло арміи.

20 Февраля, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Пополнительный рапортъ, коимъ образомъ производилъ и окончилъ свои дѣйствія Генераль-Поручикъ и кавалеръ Фонъ-Штофельнъ, поразивши непріятеля, при городѣ Журжѣ, въ коликую цѣну непріятелю обошлась сія его экспедиція, сколько въ плѣнъ досталось и погубло непріятеля, равно и съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ, имѣю честь въ копіи поднести къ Высочайшему усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, препроводя чрезъ сего же курьера и всѣ упомянутые въ ономъ присланные знаки побѣды, что получены при разбитіи непріятеля. Другимъ своимъ рапортомъ рекомендую особливо помянутый Генераль-Поручикъ Подполковника Каразина, за его подвиги въ томъ походѣ, который 7-го Февраля къ нему возвратился, бывши до того изъ Журжи отправленъ съ Армянами, для поисковъ надъ непріятелемъ, коего онъ и преслѣдовалъ въ верхъ по рѣкѣ Дунаю, даже до мѣстечка Турно, и многое число разбилъ Турковъ, потопилъ въ Дунаѣ и

забралъ въ тамошнихъ селеніяхъ непріятельскихъ продовольно скота разнаго. Потому и я приѣмлю снѣлость, какъ сего Подполковника, такъ и всѣхъ другихъ чиновъ, въ той экспедиціи бывшихъ, повторно препоручить въ Высочайшее, Вашего Императорскаго Величества, покровительство.

22 Февраля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Въ послѣднихъ репортахъ Генералъ-Поручикъ фонъ-Штофельтъ увѣдомляетъ меня о слѣдующемъ: на возвратномъ своемъ походѣ отъ Журжи хотѣлъ онъ отрядить деташаментъ, для поиску надъ непріателемъ при городѣ Турно, гдѣ рѣка Ольта въ Дунай впадаетъ, но по случившейся ненастливой погодѣ, и что не нашлось удобныхъ переправъ чрезъ рѣки и болота, коими туда проходить надлежало, принужденъ былъ ту экспедицію, до способнѣйшаго времени, отложить и возвращаться въ Букарешты, куда 11-числа со всѣми войсками и прибылъ.

Жители Букарестскіе встрѣчали его съ радостнымъ восклицаніемъ, сдѣлавъ при входѣ въ тотъ городъ триумфальныя ворота, чрезъ кои везены были взятые въ полонъ Турки и отбитыя у непріятеля пушки. Впрочемъ описываетъ онъ сей столичный городъ княжескія Волоскаго, что въ ономъ сорокъ три каменныхъ великолѣпныхъ монастырей, сто шестьдесятъ четыре церкви и до двадцати тысячъ дворовъ, по большей части каменныхъ, почитается. Находящіеси тамо знатные духовнаго чина и бояре, имѣи столь чувствительные опыты защищенія своего и свободы отъ ига Магометанскаго, въ знакъ благодарности своей, просили помянутаго Генерала-Поручика о приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность и подданство Вашему Императорскому Величеству, почему 12-го числа торжественнымъ обрядомъ, при многочисленномъ собраніи тамошняго народа, въ соборной церкви, по привесеніи, во первыхъ, Всевышнему благодарнаго моленія за одержанную при городѣ Журжи надъ непріателемъ побѣду, и по прочтеніи выданнаго отъ меня

въ то княженіе Манифеста, когда еще Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ приготовлялся къ экспедиціи на Браиловъ, Будвайскииъ Епископомъ Космою, свѣтоящіе въ Букарештакъ духовенство и бояре къ присягѣ приведены, и съ таковыми же присяжными листами и во всѣ прочія мѣста по рѣку Ольту, для отобраніи присяги, разосланы нарочные. По заключеніи присяги, принесены отъ бояръ: шапка бархатная съ перомъ, два бунчука и четыре знамя, пожалованныя отъ Турецкаго Султана, при возвышеніи Госпадара на Волосское Княженіе. Сии всѣ знаки препроводилъ Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ ко мнѣ, а я оныя, чрезъ сего куріера, имѣю честь представить Вашему Императорскому Величеству, присоединя къ сему присяжный листъ, подписанный Волоскими боярами и духовенствомъ, и копію отъ меня выданнаго Манифеста. Изъясняется также реченный Генераль-Поручикъ, что тамошніе бояре, въ знакъ своей къ нему благосклонности, подносили ему тысячу червонныхъ, но онъ, имъ поблагодаря за сей подарокъ, отказался отъ принятія онаго, а совѣтовалъ, чтобъ тѣ деньги обратили они на госпиталь, а паче для пользы раненыхъ при сраженіяхъ подъ Букарештами и Журжею, чѣмъ онъ удовольствуется такъ, какъ бы оныя принялъ.

Прибывшіе въ Букарешты тамошніе жители изъ Константинополя объявляютъ, что Султанъ Турецкой дѣйствительно въ Андриянополѣ находится, Визирь отправился изъ Бабады, и слѣдуетъ въ мѣстечко Карнабатъ, 38-мъ часовъ отъ Дуная, а 16-ть отъ Андриянополя. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ѣхали, обыватели въ великомъ смятеніи и страхѣ, что самое происходитъ и въ Константинополѣ, откуда жители съ пожитками выѣзжаютъ въ разныя горныя мѣста. Въ настоящихъ обстоятельствахъ предписалъ я Генералу-Поручику фонъ-Штофельну, не полагаться безопасно на ожидаемое спокойствіе отъ успѣховъ одержанныхъ надъ непріятелемъ и истребленія селеній на семь берегу Дуная, но, въ сохраненіе осторожности, которую привлекаютъ и будущія движенія непріятельскія, равно и объ крѣпости Браиловская и Журжевская, во владѣніи остающіяся у непріятели, учредилъ бы онъ главный постъ въ Фокшанахъ, въ противостояніе Браиламъ; а для сообщенія съ Ясами и Букарештами, распредѣлилъ бы другіе въ Бузео и Фальчѣ, поставляя симъ образомъ въ способность войска примѣчать къ сторонѣ Бендеръ и Чернаго моря и отъ Дуная, и поспѣть къ во-

свѣщенію непріятелю переправы чрезъ Дунай, при семъ движеніи по наступающей уже къ той порѣ; а при томъ срицался бы онъ, во всѣхъ мѣстахъ; слухающихъ къ зашитъ, потребное укрѣпленіе построить, чего до сего; за суровостію погоды, не было удобства исправитъ, чтобъ на оныхъ отправясь было можно и въ дѣйствіяхъ съ непріятелемъ, и въ конхъ бы паче расположенные и безопасность себѣ находилъ до прибытія туда главной арміи. Во всей Валахїи и Молдавіи отъ заразительной болѣзни ни камои опасности нѣтъ.

Волоскій Князь, Радуканъ Кантакузинъ, прислалъ ко мнѣ челобитную, прося о принятіи его сына, Князя Николая Кантакузина, въ службу Вашего Императорскаго Величества въ пѣхотные полки. Хотя его сынъ еще семи лѣтъ, но, ради отличнаго усердія и вѣрности къ интересамъ Вашего Императорскаго Величества сей фамиліи, принялъ я его въ службу прапорщикомъ.

25 Февраля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Астраханскаго пѣхотнаго полку Полковникъ Гудовичъ подаль мнѣ челобитную, изъясняясь, что въ прошедшей кампаніи имѣлъ онъ щастіе, при двухъ особливо случаяхъ, противъ непріятеля исполнить долгъ службы ничѣмъ не меньше предъ тѣмъ, кои и младшіе предъ нимъ службою за свои подвиги отличены, Вашего Императорскаго Величества, Высочайшею милостію, въ подвышеніи ихъ въ чины Бригадирскіе. Хотя съ самаго моего прибытія къ сей арміи, общій голосъ предварялъ меня объ отличныхъ заслугахъ сего достойнаго офицера, но по дошедшей его просьбѣ къ вышшему удостовѣренію потребовалъ я отъ Генераль-Маіоровъ, Князя Прозоровскаго и Замятина, Полковника Сатина, Подполковника Фабриціана, на коихъ онъ ссылался въ своихъ дѣлахъ, письменныхъ засвидѣтельствований, въ коемъ случаѣ знаютъ они его, Полковника Гудовича, отличные подвиги. Первые два, какъ бывшіе его командиры, а послѣдніе, какъ соучаствовавшіе въ дѣлѣ, прислали ко мнѣ аттестаты, которые въ оригиналѣ съ поданною челобитною помни-

нутаго Полковника при семъ поднести честь имѣю. Ваше Императорское Величество изъ оныхъ Всемиловитѣйше усмотрѣть соизволите, сколько въ отиѣнномъ мужествѣ, 11-го Юли, при осадѣ Хотина, ~~преживу~~стоялъ сей Полковникъ болѣе четырехъ часовъ сильной вылазкѣ непріятельской съ однимъ своимъ баталіономъ, и отразилъ его стремленія, и какую превосходную храбрость показалъ онъ при атакѣ отъ многочисленнаго непріятеля Рачевскаго лѣса, 14-го Августа, гдѣ его неустрашимой поступокъ противъ 10 т. Турокъ свершилъ тогдашнюю побѣду, удержалъ потѣ важный постъ, когда съ однимъ своимъ баталіономъ, перенявъ на себя всю силу непріятеля, не только ободрилъ въ томъ лѣсѣ бывшую агерскую команду и три Гусарскіе полка, надъ коими уже непріятель бралъ перевѣсъ, но и поразивъ онаго, прогналъ до Днѣстра, какъ по чести и совѣсти, будучи тому самовидцы, свидѣтельствуютъ Генераль-Майоръ Князь Прозоровскій и Подполковникъ Фабриціанъ. И первый въ своемъ рапортѣ ко мнѣ представилъ, что онъ, яко предводительствовавшій въ томъ сраженіи, о семъ отличномъ его Гудовича поступкѣ не оставилъ тогда же отрепортовать командовавшаго арміею Генерала Фельдмаршала Князя Голицына, а въ дѣлахъ нашлось, что таковъ его рапортъ, при реліціи прошлаго года, Августа отъ 17-го, препровожденъ къ Вашему Императорскому Величеству. По симъ только согласнымъ свидѣтельствамъ, принялъ я смѣлость, Всемиловитѣйшая Государыня, довести Вашему Императорскому Величеству о вышешисанныхъ отличныхъ подвигахъ поминутаго Полковника Гудовича, и просить всеподданнѣйше удостоить его таковой же Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости, пожалованіемъ въ Бригадирской чинъ съ старшинствомъ предъ младшими отъ него Полковниками, въ оной поступившими, какову имѣли счастье получить за отличныя дѣла въ прошедшую кампанію другіе Полковники. Въ семъ моемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствованіи, ни что другое не имѣетъ участія, кромѣ долгу, сопрягающагося съ моимъ званіемъ, чтобъ не примолчать справедливости о всякомъ, кто достоинъ воздаянія за свои подвиги, и исполнить тѣмъ Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, которая есть награждать всещедро и великодушно тѣхъ, кто усердіемъ къ службѣ, презирая всю опасность, старались вознести славу Вашего Императорскаго Величества оружія.

25 Февраля, 1770 года.

Изъ Летицева.

Февраля дня, 1770 года.

ОРЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Григорьевичъ!

Съ послѣднимъ курьеромъ всепочтеннѣе Ваше Сіятельство писаніе получилъ я въ наибольшее удовольствіе, и благодарю найпризнательнѣе за совѣты, которые преподаете мнѣ въ своихъ примѣчаніяхъ. Отложите, Милостивый Графъ, и мысли, чтобы Ваши изъясненія были мнѣ не иначе, какъ милостивымъ руководствомъ.

Удостоверившись въ Вашей ко мнѣ откровенности и обращая оную въ правило себѣ, прошу теперь Вашего Сіятельства дать мнѣ опытъ своего чистосердечія, то есть, увѣдомить меня въ дружескую конфиденцію, какъ наши нынѣшнія побѣды пріемяются, не въ разсужденіи меча, но въ разсужденіи огня. Я по Вашимъ словамъ заключаю, да и самъ, конечно, того мнѣнія, что пожигать селенія, а паче званія великолѣпныя, есть обычай воюющихъ варваровъ, а не Европейцовъ. Но, съ другой стороны, надобно представить ту особенность, что настоящая война въ себѣ имѣетъ, въ которой иные мѣры и иной образъ, какъ во брани въ другихъ частяхъ Европы. Тѣ ли обычаи свойственны нашему непріятелю, что Европейцамъ? Онъ дышетъ звѣрствомъ во всѣхъ дѣлахъ; селенія, что въ оной войнѣ пользовали бы ради такихъ выгодъ здѣсь, на тотъ конецъ нельзя ни какъ обратить, потому что непріятель, ежели не успѣетъ со всѣми своими пожитками убраться, то самъ оныя истребляетъ, чтобъ намъ ничто не доставалось. Ему же и ничѣмъ столько нельзя нанести удару, какъ обращеніемъ въ прахъ его жительства, лишеніе коихъ онъ предпочитаетъ самой смерти, по своей несытной алчбѣ къ стяжанію, вѣривъ, что смерть переселяетъ ихъ въ рай, всѣми сластями изобилующій. А ежели оставлять въ цѣлости селенія хоть пустыя, то должно въ опасности быть, чтобъ оныя не заразилъ непріятель, не знающій человѣчества, лютою извою, что онъ нерѣдко предпринималъ на гибель рода человѣческаго.

Вотъ, Милостивый Графъ, обстоятельства войны, до сего мнѣ незнакомой, гдѣ надобно вооружаться противъ непріятеля, противъ обычаевъ народныхъ и естественной своей склонности. Успокойте, Ваше Сіятельство, мои мысли своею противъ сего откровенностію, а время принесетъ Вамъ признаніи, сколько я отъ всей души повинуюсь Вашимъ мнѣніямъ и признателенъ есмь къ истиннѣ оныхъ, что все во мнѣ почтеніе и преданность относятся къ тому единственно чувству, чтобъ быть непоколебимо

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою.

РЕЛЯЦІА.

Послѣдующими рапортами, за отправленіемъ всеподданнѣйшей моею къ Вашему Императорскому Величеству, отъ 25-го прошедшаго Февраля, Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, ссылаясь на доходящія къ нему извѣстія, увѣдомляетъ меня, что ни отъ которой стороны непріятельскаго движенія не слышно, и въ обонхъ завоеванныхъ Княженіяхъ, Молдавскомъ и Волосскомъ, все спокойно и благополучно, а самъ онъ находится уже въ городѣ Яссахъ. Приходящіе изъ за рѣки Дуная въ Валахію подтверждаютъ объ отдаленіи Визири изъ Бабады къ мѣстечку Карнабатъ, съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что другой на его мѣсто опредѣленъ, а тотъ взитъ въ Андріянополь, гдѣ и Султанъ находится; что послѣ разоренія города Журжи, изъ лежащихъ на той сторонѣ Дуная таковыхъ же Никопоая, Рущука, Туртукая, Хотина, Силистры, Мачина и прочихъ, жители съ своими пожитками преселяются, страха ради, въ горнія мѣста. Не меньше же въ трепетъ привела обывателей въ Измаилъ и въ другихъ мѣстахъ экспедиція Генераль-Маіора Черневича на Журжулесть, которые убѣжища искали въ мѣстечкѣ Киліи и по островамъ на Дунаѣ. Выходцы изъ полону увѣряютъ, что и самъ Ханъ со всѣмъ своимъ домомъ туда жъ убрался, и будто на его мѣсто другой произведенъ, и что Сераскиръ Урфа Васиси, за разбитіе при Галацахъ, въ образѣ ссылки, въ мѣстечкѣ Киліи пребываетъ, лишень будучи прежнихъ чиновъ. По моему предложенію Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, чтобъ онъ съ корпусомъ своимъ держался въ такихъ мѣстахъ, гдѣ удобнѣе сохранить предосторожности, относящіяся къ защитѣ

завоеванныхъ провинцій: по собственной своей безопасности, до прибытія туда арміи, онъ предлагаетъ такому посту: наудобнѣе быть въ Фокшанахъ, которое можно назвать можно Валахию и Молдавію, и положеніе онаго подаетъ опосредствіемъ во всѣ стороны обратиться, куда бы чужда не призывала. Почему какъ о укрѣпленіи онаго, такъ и въ заложеніи тамо достаточнаго магазейна, пріемлетъ онъ всевозможныя старанія, и увѣряетъ, что въ нынѣшней позиціи войскъ, хотя бы ихъ двадцати тысячахъ непріятельскія силы покусились атаковать Букаресты и Фокшаны, каждое мѣсто въ состояніи будетъ дать отпоръ и защищать себя. Кордонъ легкихъ войскъ арміи, мнѣ ввѣренной, распространяется отъ рѣки Ольты чрезъ Фальчу, Рябую могилу, Цецару, таборъ Криве, что на Прутѣ, и чрезъ Прутѣ на Орхею, чрезъ Днѣстръ на Ямполь до Брацлавля, Бѣдніе сихъ командъ не допустило Татаръ въ мѣста, ими закрываемыя, впадать; но въ среднихъ числахъ прошедшаго Февраля отъ Днѣстра со стороны Балты въ противулежащихъ мѣстахъ, гдѣ войски расположены второй арміи, начали они партіями небольшими врываться на грабленіе Польскихъ селеній, я не упустилъ увѣдомить о томъ какъ предводителя той арміи, Генерала Графа Панина, такъ и съ своей стороны повелѣлъ стоящему въ Брацлавлѣ Полковнику Гудовичу отправить партію для поиску надъ симъ, украдкою врывающимся, непріятелемъ, приготова и большія мѣры, на случай его превосходныхъ движеній. Потому отъ сего Полковника имѣлъ я репортъ, что 24 Февраля посыланный разъѣздъ изъ Донскихъ Казяковъ, подъ мѣстечкомъ Крутыми, съѣхавшись съ Татарскою партіею до двухъ сотъ человекъ, убилъ изъ оной десять человекъ, а прочихъ обратилъ въ бѣгство, и выручилъ взятыхъ въ полонъ Польскихъ жителей девять человекъ. Да того жъ мѣсяца 27-го посланный въ партію, а отъ означеннаго Полковника, Астраханскаго пѣхотнаго полку, Поручикъ Кутузовъ, съ пятьюдесятью Донскими Казаками, встрѣтивъ Татарскую партію, покушавшуюся напасть на мѣстечко Бершады, около трехъ сотъ человекъ атаковалъ и разбилъ, изъ конхъ пало на мѣстѣ двадцать пять Татаръ, а одинъ взятъ въ полонъ безъ всякаго въ нашей командѣ урону. Также и Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ увѣдомилъ меня, что посланный отъ Молдавскихъ границъ Поручикъ Любимовъ съ партіею противъ Татаръ, по ту сторону рѣки Быка, отъ Кишенева за мило, 20 Февраля,

разбилъ Татарскаго Мурзу со ста человѣками, при чемъ убито шестьдесятъ три, а въ полонъ взято тринадцать Татаръ, въ добычу получено десять верблюдовъ и до ста рогатаго скота. Теперь я упражняюсь въ приготовленіяхъ, нужныхъ для движенія всей арміи, и посылаю впередъ чиновъ отъ Генеральнаго Штаба, ради освидѣтельствованія мѣстъ, гдѣ полки маршировать и соединяться будутъ. Необходимость заставляетъ меня донести Вашему Императорскому Величеству ту наибаче нужду, что хоть завременно отправленія послѣдовали съ своихъ мѣстъ и рекрутовъ, и всѣхъ, на одѣяніе войскъ, потребныхъ вещей, но видно по рушившемуся толь въ скоромъ времени пути, не могутъ оныя доставлены быть сполна въ армію къ надобной порѣ; какъ еще со всего потребнаго поднесъ не великая часть сюда прибыла, и на постройку того требуется не мало времени, почему, къ сожалѣнію, мало я имѣю надежды въ такомъ состояніи, какъ бы мнѣ хотѣлось вывести въ поле полки. Легкія войска, что находятся при арміи сей, обращаясь больше года въ непрерывномъ движеніи, ни по малому числу своему, ни по состоянію, крайне изнуренному и безнадежному, къ отправленію въ нынѣшнее время недостаточны вовсе къ снесенію тѣхъ подвиговъ, что такой части войскъ предстанутъ въ наступающей кампаніи, въ разсужденіи вѣтренныхъ и многочисленныхъ непріятельскихъ всадниковъ, коихъ ожидать слѣдуетъ. А хотя, Ваше Императорское Величество, въ Высочайшемъ своемъ рескриптѣ, прошлаго года, отъ 10 Декабря, постановить соизволили, что недостатокъ легкой конницы въ моей части награжденъ будетъ отъ второй арміи, поелику дѣйствія обѣимъ арміямъ предстанутъ въ близкомъ и союзномъ состояніи между собою, но какъ въ одно положеніе нельзя такъ скоро привести обѣ арміи, или мнѣ того чаять, а долженъ я съ войсками, мнѣ вѣренными, завременно выступя, противостать всей силѣ непріятельской, заслоняя собою дѣйствія предоставленія для второй арміи, которыя она производитъ будетъ безпрепятственно подъ прикрытіемъ впереди стоящихъ, то въ уваженіи на сіе предзагражденіе, которое на мою часть возложено, равно и обширность покоренныхъ земель, повсемѣстной защиты требующихъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества о прибавкѣ въ первую армію легкихъ войскъ, сколько по Высочайшему, Вашего Императорскаго Величества, усмотрѣнію заблагоугодно будетъ изъ второй арміи, гдѣ ихъ

превосходное есть число, а меньше будетъ въ нихъ надобности во время дѣла; ибо, при моемъ командованіи тою арміею, уже поселенные полки удвоены были числомъ людей и всѣ имѣли для себя заготовленную аммуницію, а теперь и вновь еще прибавился къ онымъ сформированный Молдавскій полкъ. По соображенію такого количества и предпріятій, что каждая армія себѣ предъозначенныя имѣеть, я отважился всеподданнѣйшее сіе къ Вашему Императорскому Величеству внести представленіе.

6 Марта, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

1770 года Марта, 8 дня.

Легичевъ.

ОРДЕРЪ

Г. Генераль - Аншефу и Кавалеру, Петру Ивачовичу
Олицу.

Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, благоугодно было ввѣрить мнѣ предводительство главной ея арміи. Я, чувствуя важность сей Высочайшей милости и довѣренность ко мнѣ во всемъ ея пространствѣ, обращаю все вниманіе и трудъ мой на средства и способы, которыми бы я ближе достигнуть могъ исполнить мнѣ предположенное, и ущастливить тѣмъ себя и мнѣ подчиненныхъ. Ваше Высокопревосходительство вѣдаете, что всѣ успѣхи отъ добраго порядка, послушанія и нравственнаго отправленія службы завяжутся, и что тѣмъ взаимная довѣренность между командующимъ войскомъ и спокойствіе оныхъ утверждается. А я, судя сему заключенію, за надобно почелъ нѣкоторыя мои малоискусныя дать къ тому мѣроположенія, въ предлагаемыхъ при семъ частно. И видя, къ совершенному моему удовольствію не часть, но вообще всѣхъ, и особливо Ваше Высокопревосходительство, прямыми себѣ соревнователями, несомнѣнно надѣюсь, что все, посредствомъ подаваемыхъ вами наставленій, до точности своей въ скоромъ времени придетъ, и каждый чинъ не писъ-

енно, или пересылно, приказами должность свою, но и самолично, гдѣ, что до кого надлежитъ, съ усердіемъ отправлять будутъ. Господа полковые и ротные командиры съ радѣніемъ постараются подчиненныхъ своихъ, а особливо нижнихъ чиновъ, привести въ свойственное военнымъ людямъ состояніе, то есть, въ добропорядочную жизнь, вѣжливое обхожденіе, чистоту не только кругъ тѣла своего (что есть первѣйшимъ средствомъ къ охраненію отъ болѣзней), но и кругъ лошадей и всѣхъ ружейныхъ, мундирныхъ и аммуничныхъ вещей. И какъ къ достиженію сего наиболѣе нужно частое съ ними обхожденіе и подробное всему толкованіе, то сіе средство и ближайшимъ и лучшимъ рекомендую, чтобы дѣлать людей на части между оберъ-Офицеровъ поденно, и всему, что до солдата и кавалериста надлежитъ, обучать ихъ со всякими подробностями, но при томъ съ кротостію, и каждого особо. Прилежной, понятной скоро почувствуетъ свою въ томъ надобность и познаетъ свое превосходство надъ неустройнымъ и невѣжею, каковъ нашъ настоящій непріятель, а непонятной и лѣнливой потерпитъ за себя, а не всѣ вообще, какъ обыкновенно при ученіяхъ бываетъ. Не скроется тутъ и Офицеръ, ежели бы, паче ожиданія, неприлежный и нерадѣющій о должности своей явился, и чинъ его въ воздаяніе достойному доставится.

Копія съ подлинника за собственноручною подписью Графа Румянцова.

РЕЛЯЦІЯ.

По отправленіи всеподданѣйшей моей къ Вашему Императорскому Величеству, отъ 6-го числа сего мѣсяца, входящія ко мнѣ репорты изъ Валахіи и Молдавіи, сіи только увѣдомленія приносятъ: непріятельскихъ движеній ни съ которой стороны тамо непримѣчено, въ Яссахъ, Фокшанахъ, Букарештахъ и при другихъ тамошнихъ постахъ, занятыхъ войсками Вашего Императорскаго Величества, ни что не препятствуетъ на сіе время спокойности; а только изъ Букарештъ репортовалъ Генераль-Маіоръ Замятинъ Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, что непріятельская

одна партія, переправившаяся противъ города Туртукая чрезъ Дунай, высланною противъ оной таковою же съ нашей стороны, разбита за рѣкою Яломецъ, при коей стычкѣ болѣе 30-ти человекъ убито Турковъ, и пять изъ нихъ наша партія имѣла плѣнныхъ, но сіи не доведены въ Букарешты, а отъ ранъ на дорогѣ померли. Приходящіе въ Валахію, съ той стороны Дуная, подтверждаютъ о пребываніи Султана въ Андрианополѣ и о болѣзни, ему тутъ приключившейся, что Визирь и послѣдній взятъ подъ арестъ, и на его мѣсто возведенъ другой, что также, въ силу послѣдняго выданнаго фирмана, велѣно всѣмъ Туркамъ изъ городовъ, находящихся по берегу Дуная, собравшись до шестидесяти тысячъ, напасть на Букарешты, только они, по причинѣ частыхъ неудачъ, отъ послушанія въ томъ публично отказываются, глася, что ихъ Султанъ, по скупости и жадности къ деньгамъ, получа отъ Гяуровъ великія суммы, Магометанскую кровь проливаетъ, и начавъ несправедливую войну, да и мириться не хочетъ. Слѣдствія сіи завѣрно я считаю быть плодомъ тѣхъ внушеній, что чрезъ выпущенныхъ двухъ плѣнныхъ Турковъ изъ Букарештъ, и другихъ еще тамошнихъ жителей проводилъ я, посредствомъ Генераль-Маіора Замятина, съ данными на Турецкомъ языкѣ записками въ Турецкую область, въ исполненіе собственноручнаго Вашего Императорскаго Величества, предписаннаго мнѣ во Всемилостивѣйшемъ сего года, отъ 21-го Января. 3-го числа прибывшій въ Яссы и находившійся до того за восемь дней въ полону, въ Татарскомъ мѣстечкѣ Килей, Молдавскій Священникъ объявилъ, что города Базаржикъ, Бабадай до основанія и Каушаны больше половины выгорѣли; Татарскій Ханъ дѣйствительно отрѣшенъ, а на его мѣсто другой въ Каушаны прибылъ; во всей той Татарской сторонѣ крайняя скудость въ пропитаніи и Татары въ страхѣ пребываютъ. Въ Измаилѣ и Килии всѣ Христіане вырублены и яко бы и въ другихъ мѣстахъ положено ихъ не терпѣть, да и послѣ сего Священники, вышедшіе изъ Татарскаго полону, утверждаютъ сіи самыя извѣстія о Ханѣ Татарскомъ, съ прибавленіемъ еще того, что новопожалованный Ханъ есть Керимъ-Гирея сынъ, и будто съ нимъ въ Измаилѣ прошло нѣсколько Турецкаго войска.

Надъ показавшимися Татарскими партіями отъ стороны Балты, сверхъ тѣхъ поверхностей, что имѣлъ я честь донести Вашему Им-

ператорскому Величеству въ послѣдней всеподданнѣйшей моей, еще команды противъ оныхъ высланныхъ отъ Астраханскаго пѣхотнаго полка Полковника Гудовича, по его распоряженіямъ, преслѣдуя непріятеля 1-го и 5-го сего мѣсяца, двукратно его разбили: разъ наступивши подъ Татарскимъ селомъ Перелютами, лежащемъ на рѣчкѣ Кодымѣ, отъ Балты къ Егорлыку въ двухъ миляхъ, гдѣ Астраханскаго полка Поручикъ Кутузовъ съ 70-ю Козаками, въ подкрѣпленіи шестидесяти карабинеровъ и командовавшего сею партіею Тобольскаго карабинернаго полка Ротмистра Стукалова, атаковалъ 600 человекъ Татаръ и положилъ изъ нихъ на мѣстѣ 46 человекъ, въ числѣ томъ палъ и самъ ихъ Мурза; въ плѣнъ достался одинъ Татаринъ, да въ добычу 60 лошадей и по числу убитыхъ весь ихъ воинскій приборъ, освободилъ такъ же захваченныхъ Польскихъ жителей обоого полу 70, со всѣми ихъ пожитками; но послѣднее сраженіе, то есть 5-го, еще было авантажнѣе, ибо реченный Ротмистръ Стукаловъ, по повелѣнію означеннаго Полковника Гудовича, когда ему дошли извѣстія, что непріятель, собравъ вмѣстѣ всѣ свои партіи, въ разныя стороны разсыпанныя, тинулся уже въ свои границы съ похищеннымъ внезапно съ Польши ясыремъ, соединясь со 100 человеками гусаровъ отъ второй арміи, высланными изъ мѣстечка Гранова, преслѣдовалъ непріятеля издали, не показываясь оному даже до деревни Будей, при коей, въ 3-хъ верстахъ, настигъ его, кочующаго и занимающаго своимъ лагеремъ до 4-хъ верстъ, въ 5-ть часовъ поутру учинилъ на всю его кучу атаку, и овладѣлъ всѣмъ его обозомъ, гнавъ потомъ и побивая обратившагося въ бѣгъ непріятеля даже до деревни Обжила, лежащей въ одной миле отъ Балты, съ правой же стороны; съ непріятельской стороны на мѣстѣ убито 236 Татаръ, въ томъ числѣ, какъ освобожденные увѣряють, одинъ Султанъ и два Мурзы; освобождено забратыхъ имъ, съ Польскихъ селеній, Жидовъ и Христіанъ 862 души, въ добычу досталось 300 лошадей, великое число сабель и прочихъ воинскихъ Татарскихъ ручныхъ оружій, равно и похищеннаго у Польскихъ жителей множество скота, и разныхъ церковныхъ и домовыхъ приборовъ тутъ отбито, что и призналъ я возвратить за явкою хозяевъ. Партія сія, по объявленію освобожденныхъ съ неволи, была болѣе 3 т. Татаръ; а показанный Ротмистръ Стукаловъ имѣлъ въ своей командѣ, сверхъ ста гусаръ второй арміи, сто Донскихъ Козаковъ, да одинъ эскадронъ карабинеровъ, и при

толикомъ уронѣ непріятельскомъ, съ нашей стороны нѣтъ ни одного убитаго, а ранено два гусара и четыре Козака, убито гусарскихъ лошадей двѣ, и ранено ихъ же двѣ, карабинерная одна, и Козачья одна.

13 Марта, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Черезъ военную Коллегію, получа повелѣніе о всецѣломъ отъ Вашего Императорскаго Величества возданіи войскамъ, что теперь въ Молдавіи и Валахіи служатъ, выдачею имъ третнаго жалованья не въ зачетъ, за долгъ себѣ приѣмлю всеподданнѣйшее мое принести къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества благодареніе, что Всемилостивѣйшее призрѣніе явили на мое объ нихъ всенижайшее ходатайство, и таковою Высочайшею щедротою ободрили не только ту часть, но и всю армію къ найусерднѣйшимъ подвигамъ, видѣвъ, что оныя толико отъ Вашего Императорскаго Величества награждаются.

Отъ сихъ мѣстъ, истощенныхъ, гдѣ уже вовсе недостаетъ фуража, а паче сѣна, хотѣлъ бы я и теперь, и ранѣе еще сего, перенестись съ арміею, но, къ сожалѣнію, равная трудность предстоитъ для войскъ и впереди, ибо Генерала Поручика фонъ-Штофельна увѣдомленія и всѣ прибывающіе изъ Молдавіи и Валахіи гласятъ, что и тамо величайшій недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, а въ настоящее время всѣ транспорты изъ Польши въ Молдавію съ провіантскими запасами, за разлитіемъ рѣкъ и ради тонкой весенной дороги, стали; не меньше же и по той еще нуждѣ, что обывательскія лошади, къ сему употребляемыя, отъ недостатка пищи, при сихъ повозкахъ и въ самыхъ домахъ погибають. Однако же я стараюсь всѣми образы, преодолевать сіи препятствія и чѣмъ можно скорѣе движеніе воспріять, для чего и отправленъ уже отъ меня Генераль-Квартермейстеръ Бауръ, въ Молдавію для освидѣтельствованія положенія мѣстъ, коими армія

маршировать будетъ. О искусствѣ сего Генерала въ своемъ ремеслѣ, по однимъ начальнымъ видамъ, уже я осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству донести, что подобнаго ему наукою въ семь чинѣ, въ мою службу, у насъ не было.

Распространяя порядокъ, споспѣшествующій службѣ, елико достаесть моихъ силъ и возможности, въ войскахъ, которыми, по Высочайшей довѣренности Вашего Императорскаго Величества, командую, долженъ я былъ теперъ выдать во всю армію свое постановленіе, отрѣшая разнovidные обряды, каковы я здѣсь нашель, что каждый полкъ свой имѣлъ образъ, отличествующій отъ другаго, исправлять службу, дабы, введеніемъ для всѣхъ должности единаобразной, отдалить настоящее нестроеніе, яко полки одни передъ другими не одинаковыми поступками представляютъ собою какъ бы иное войско, хотя всѣмъ есть одинъ уставъ, какимъ образомъ дѣлать службу. Утверждаясь на томъ правилѣ, что ничто цѣлое не можетъ быть совершенно, если части онаго между собою не будутъ согласны, я всегда, гдѣ только употребленъ былъ къ командованію, приводилъ наипервѣе въ одно стройное согласіе войска, и осмѣливаюсь, отъ всеподданнѣйшаго моего усердія, представить Вашему Императорскому Величеству видимую истину и общее заключеніе, что въ арміяхъ Вашего Величества полки хорошими отъ Полковниковъ, слѣдственно отъ особъ, а не отъ устава, какъ бы быть имъ должно; тогда бы они всѣ были хороши и все бы текло въ равномерномъ порядкѣ до послѣдняго пункта службы, какъ часы, заведенные отъ силы дѣйствующаго устава.

Я только сіе пишу, какъ и о всѣхъ моихъ дѣлахъ предувѣдомлять имѣю смѣлость наипервѣе Ваше Императорское Величество, надѣясь твердо на Высочайшую къ себѣ милость Вашего Величества, что не въ иномъ видѣ всѣ мои дѣйствія пріемлете, Всемиловѣйшая Государиня, какъ только происходящими отъ рабскаго усердія и глубочайшаго благоговѣнія, съ которыми имѣю щастіе быть

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

13-го Марта, 1770 года.

Изъ Летичева.

НАСЛѢДНИКУ ПРЕСТОЛА.

Милостивѣйшій Государь!

Изъ добычи непріятельской орудійце, называемое кнжалою, имѣвъ себѣ подареннымъ, осмѣливаюсь Вашему Императорскому Высочеству при семъ поднести, не какъ вещь достойную, но только какъ рѣдкую и знаменующую оружія Россійскаго успѣхи, въ щастливыхъ дняхъ Вашего Императорскаго Высочества распростра-няемые.

На память сего, если оную удостоите, Милостивѣйшій Государь, воспріятія въ свою оружейную камеру, осчастливите въ томъ, Ваше Императорское Высочество, высокими своимъ благоволеніемъ пребывающаго съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшаго раба.

Марта 13 дня, 1770 года

РЕЛЯЦІЯ.

Сего мѣсяца, отъ 13 числа, Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ изъ Яссъ репортуетъ ко мнѣ, по объявленію ему отъ тамошняго откупщика соляныхъ заводовъ, Камараша Поллади, что пріѣзжающіе изъ Трансильваніи увѣряютъ, яко бы близъ городовъ Кронштадта или Брашова, Германштадта или Цыбина, великія приготовленія, для собранія войскъ Цесарскихъ, дѣлаются, и къ каждому изъ сихъ мѣстъ ожидаютъ прибытія оныхъ до сорока тысячъ, куда и пришли уже нѣкоторые полки и привезено многое число артиллеріи.

Къ утвердительному удостовѣренію о семъ происшествіи пристойныя мѣры взялъ реченный Генераль-Поручикъ, а я за долгъ себѣ призналъ, безъ упущенія времени, донести о томъ Вашему Императорскому Величеству и просить всеподданнѣйше Высочайшаго предписанія, коимъ образомъ я поступать долженъ при явленіи прямою отъ сей стороны военныхъ дѣйствій; ибо мнѣ нынѣшнее положеніе и резоны статскіе интересовъ Вашего Императорскаго Величества съ Цесарскимъ дворомъ, суть неизвѣстны. А пойманные

отъ числа Конфедератовъ, пребывающихъ въ Венгерскихъ границахъ, при разныхъ случаяхъ, согласно показываютъ, что всѣ Конфедераты, тамо укрывшіеся, единственную надежду кладутъ на помощь военную, имъ обѣщанную отъ Цесарцевъ.

Впрочемъ Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ объявляетъ, что о непріятельскихъ движеніяхъ ни въ которой сторонѣ не слышно, а токмо 5-го числа въ семь мѣсяцѣ партія Турецкаго войска, изъ города Силистры противъ деревни Ликарешты, чрезъ Дунай переправившись, приблизилась было по рѣкѣ Яломицѣ до деревни Олакари, единственно для грабежа; почему, когда Генераль-Маіоръ, Князь Юрій Трубецкой, для поиску надъ оною, изъ Букарештъ съ командою выступилъ, то съ крайнимъ поспѣшеніемъ опять за Дунай перешла, а только аріергардъ ея разбитъ и фуръ 30 отбито съ плѣнными Волохами.

Въ десятой день Марта приведенные въ Яссы два Татарина, взятые въ полонъ Арнаутами, показали, что новый Ханъ за восемь дней до того, въ ихъ бытность, пріѣхалъ въ Каушаны съ однимъ Турецкимъ Агою и до трехъ сотъ человекъ Турковъ, созывалъ къ себѣ всѣхъ Мурзъ и приказывалъ имъ съ войскомъ выходить, для нападенія на Моллавію, но сіи не оказали ему въ томъ послушанія, отговаривались, что чрезъ безпрестанныя нападенія Россійскихъ войскъ въ ихъ жилища, они пять разъ убѣжища искали, оставляя свои обиталища при Черномъ морѣ, лишились своего скота и приведены до несостоянія воевать, за что новый Ханъ осердился, двухъ Мурзъ повѣсилъ, многихъ билъ, а прочіе отъ того разбѣжались.

18-го Марта, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

Всеимлостивѣйшая Государыня!

Получить я удостоился Всеимлостивѣйшее, Вашего Императорскаго Величества, отъ 5-го сего мѣсяца. Дѣла Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна, въ разсужденіи истребленія огнемъ непріятельскихъ городовъ и селеній, несходны были и съ моими желаніями, въ чемъ я имѣлъ смѣлость открыться предъ Вашимъ

Императорскимъ Величествомъ въ моей всеподданнѣйшей Реляціи, отъ 31-го Генваря. Къ щастію моему, по Высочайшей Вашего Величества довѣренности, я познаю предовольно, сколько образъ мыслей Вашего Императорскаго Величества сопряженъ во всякомъ случаѣ съ человѣколюбіемъ, тель Вамъ природномъ. Но по истинѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, настоящая война, съ противной стороны, имѣеть видъ того же варварства, каково обычаивно было и нашимъ предкамъ и всѣмъ дикимъ народамъ; почему и трудно соблюдать мѣры благодости противъ такого непріятеля, котораго поступки есть одна лютость и безчеловѣчіе.

Въ продолженіи Прусской войны скоро мы узнали, сколь были вредны для насъ самихъ производимые пожары и истощенія края, въ коемъ войну вели, и потому, подражая противнымъ, перемѣнили мы свои старые обычаи на лучшіе; а противъ Турокъ воюя, примѣры ихъ варварства столько ожесточаютъ и наши войска, что выходятъ сіи изъ всякой противъ нихъ пощады. Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, сколько мнѣ самому свойства его извѣстны, конечно бы не предалъ огню непріятельскія обиталища, если бѣ былъ въ состояніи обратить оныя въ свою пользу, или же бы могъ инако обезсилить противъ себя непріятеля. Цѣлость сихъ селеній послужила бы утвердиться наилучше Туркамъ на семь берегу Дуная и производить съ помощію того на разореніе Валахіи и къ утомленію нашихъ войскъ непрестанныя предпріятія; но теперь отняты способы ихъ арміи скоро перебраться на сію сторону Дуная, поелику, въ опустошенныхъ мѣстахъ на семь берегу, ничего они не отыщутъ потребнаго для движенія, что самое и приносить доселѣ спокойство границамъ обоихъ покореннымъ княженій и нашимъ, въ оныхъ пребывающимъ, войскамъ. А помянутый Генераль-Поручикъ и увѣряеть меня по сему, что онъ съ своимъ корпусомъ не предвидитъ тамо опасности до прибытія арміи, и въ состояніи найдется воспящать завременно переправу Туркамъ на сей берегъ Дуная. Военный сей резонъ меньше отяготилъ жителей, которые, по объявленію, завременно всѣ свои перенесли съ собою пожитки въ Валахію и Молдавію, и при сожженіи только утратили однѣ стѣны своихъ жилищъ, нежели тѣ тиранства, коими удручали ихъ Турки, которыхъ владѣнію они подлежатъ; а при томъ жилища сожженные, по большей части населили Магометане, кои, въ приближеніи нашихъ войскъ, перебрались за Дунай.

Непріятель и самъ противъ собственныхъ селеній не дѣлаетъ пощады и предаеть то огню, чего не можетъ удержать предъ нами; близкій примѣръ сему есть городъ Галацы, который имъ сожженъ, дабы не оставался въ нашемъ владѣніи. При всемъ томъ, я, во исполненіе Всемиловитвѣйшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, Генералу-Поручику Фонтъ-Штофельну примѣчу Высочайшее и человѣколюбивое соизволеніе Вашего Величества, дабы впредь сообразоваться оному.

18 Марта, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Генералъ-Поручикъ Фонтъ-Штофельнъ изъ Яссы, 17-го Марта, увѣдомляетъ меня, что оттоль посланные два Волоха, для провѣдыванія о непріятельскихъ движеніяхъ, возвратясь отъ города Измаила, извѣщаютъ, яко бы при Исакчѣ мостъ чрезъ Дунай начали наводить, и въ скорости уповаютъ къ окончанію оной привести; что Визирь прибылъ паки въ Бабады, гдѣ весьма малое число войска находится; одинъ изъ нихъ говорилъ съ закупщиками скота для Турецкаго войска, что оной съ трудностию въ покупку достать могутъ; въ порцію же ежедневно не болѣе 300-тъ барановъ производится, слѣдственно, и войско ихъ немногочисленно; насильно берутъ многихъ Магометанъ и Христіанъ въ Турецкую армію, которые безпрестанно отъ нихъ уходятъ. Я предписалъ помянутому Генералу-Поручику послать изъ легкихъ войскъ партію, для освѣдомленія о точности сего извѣстія, а отъ него и прежде уже посланы люди, для развѣдыванія по ту сторону рѣки Дуная о положеніи непріятельскомъ, которые еще не возвратились. Ушедшіе отъ Татаръ изъ полону два Арапа, какъ скоро мнѣ изъ Яссы приславы будутъ, и крестьянинъ Старовѣрецъ, взятый въ полонъ Татарами прошлаго года изъ Новороссіи, объявляютъ, что новый Ханъ всей Буджацкой Ордѣ собраться приказалъ, для нападенія на Фальчинской постъ, а потомъ на городъ Яссы. А и посты, стоящіе при Фальчѣ, на рѣкѣ Прутѣ, увѣдомляютъ реченнаго Генерала-Поручика, что противъ сего мѣста до четырехъ тысячъ Татаръ показывается.

Я предписалъ ему сіи виды разбирать осмотрительно, не макируетъ ли тѣмъ непріятель имѣющихъ проходить своихъ силъ, за спиною сихъ движеній, къ крѣпости Бендерской, къ чему навѣщающее свое обратилъ бы оныя примѣчаніе, ибо натурально, что непріятель, конечно, прежде искать станетъ усилить главную свою крѣпость, нежели начинать на сей землѣ нападеніе; впрочемъ, самъ Генералъ, Поручикъ имѣетъ отъ меня повелѣнія, да и самъ отзывался съ обнадеживаніемъ, что оныя вездѣ поспѣшатъ противустать непріятелю, гдѣ бы только открылось его движеніе.

25 Марта, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Къ Высочайшему усмотрѣнію Вашему Императорскому Величеству подношу при семъ, полученное чрезъ Букарешты, письмо ко мнѣ отъ жителей Сербской земли, призывающихъ въ покровительство себя сильное оружіе Вашего Величества; тутъ они изъясняютъ, что и прямо къ Вашему Императорскому Величеству послали таковыя же свои прозбы чрезъ Вѣну. По отдаленію сей области отъ странъ, покоренныхъ державъ Вашего Императорскаго Величества, взаимной помощи въ настоящемъ положеніи, отъ арміи сдѣлать имъ еще нельзя, а одобряя въ ихъ усердіи, писалъ я къ сямъ Князьямъ въ выраженіяхъ, обнадеживающихъ, что власть оружія Вашего Императорскаго Величества, благословляемаго Всевышнимъ, достигнетъ вскорѣ къ избавленію и ихъ отечества отъ ига Магометанскаго. А они бы вѣру къ тому имѣя, приспособились и сами ополченіемъ къ сверженію съ себя державы Турки, и промышляли, каковымъ образомъ удобнѣе предпріять имъ въ союзъ съ нами споспѣшествующія тому дѣйствія. Я препроводилъ имъ при томъ нѣсколько экземпляровъ на Славянскомъ языкѣ Высочайшаго Манифеста Вашего Императорскаго Величества, изданнаго къ тѣмъ народамъ 1769 года, Генваря 19-го.

25 Марта, 1770 года.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Всемилоствѣйшіе, Вашего Императорскаго Величества, отъ 24-го, 25-го и 27-го Февраля, чрезъ моихъ возвратившихся двухъ курьеровъ въ одно время и 19-го настоящаго, удостоился я получить, и щастіе имѣю въ отвѣтъ онымъ донести нижайше, на 1-е; между другими попеченіями, что сопряжены съ моею должностію, радѣль и всегда о полученіи и о умноженіи доходовъ въ облегченіе казнѣ Вашего Императорскаго Величества съ княженія Молдавскаго и Волоскаго. Сіи провинціи безъ сомнѣнія дѣлали Туркамъ великіе доходы, но въ лучшемъ своемъ состояніи, которому не отвѣчаетъ ни въ чемъ ихъ настоящее.

Молдавія, чрезъ долгое пребываніе великаго числа Турковъ и Татаръ, которые въ оной ничего не щадили, истощена, или сказать, выжата со всѣхъ своихъ достатковъ. Народъ тамошній, не только въ нищетѣ, но и питаться чѣмъ не имѣеть: въ такомъ бѣдственномъ положеніи, когда войски наши туда вступили, коихъ необходимость заставляла брать и послѣднее на свое содержаніе, то крайность сія заставила меня обнадежить Молдавцевъ, при вступленіи въ землю оружія Вашего Императорскаго Величества, что подати денежныя, разумѣя поголовное съ земледѣльцевъ, имъ остаются, а только бы для войскъ провіантъ и фуражъ и надобное число лошадей и воловъ они давали. Лстыящее имъ сею благостію Высочайшее покровительство Вашего Императорскаго Величества при первомъ случаѣ, несказанно ихъ обрадовало и прямое усердіе поселило къ подданству Вашему.

Постановленія сего еще и теперь отмѣнить нельзя, какъ въ своемъ мнѣніи о томъ изъясняетъ мнѣ Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ слѣдующими словами: «Ежели на обывателей денежныя подати наложить, чрезъ то оныя и пуце расходиться стануть, городъ Яссы и прочія мѣста пусты останутся, и чтобъ великія суммы собраны были, по бѣдности жителей не уповательно.» Валахія въ прошедшую кампанію меньше претерпѣла, нежели Молдавія, по виду однако жъ внѣшняго ея состоянія, но по внутреннему истощила она также всѣ свои достатки на содержаніе Турецкой арміи; непрерывныя поставки пропитанія въ великомъ числѣ, денежные многочис-

сленные поборы, что все тогдашнее правительство, щадя своихъ головъ, съ насиліемъ и удрученіемъ вынуждало отъ обывателей, привести ихъ въ то же почти состояніе, какъ нынѣ суть Молдавія, Земли Волоскія, лежащія къ Дунаю, гдѣ больше всѣхъ мѣстъ хлѣбопашество происходило, Турками всѣ выжжены, жители оныхъ забраты въ плѣтъ, или сокрылись въ горы, почему въ наступающее мѣсто ожидать нельзя, чтобъ сіи мѣста хлѣбомъ засѣяны были, ибо не можетъ быть тамъ никогда безъ страха отъ нападений непріятельскихъ. Въ такомъ критическомъ состояніи, сіи покоренныя княжества, по настоящему времени, всѣ въ оныхъ бывшіе, и самъ командующій тамо Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, мнѣ описываютъ. Ваше Императорское Величество съ сей стороны, возрѣвъ Всемиловитѣйше на сію новую Вашу область, по своему Высочайшему правосудію, найдете истину въ моемъ объ оной засвидѣтельствованіи.

Соизволите такъ же знать, Всемиловитѣйшая Государыня, что по вступленіи войскъ вашихъ въ Молдавію и Валахію, до послѣдняго разбитія непріятеля при Журжѣ, надобно было все-частью отражать покушеніи онаго на овладѣніе нашимъ завоеваніемъ; почему и трудно было въ такихъ обстоятельствахъ на точной мѣрѣ постановить падшій въ землѣ порядокъ. Но при всемъ томъ въ Молдавскій и Волоскій диваны посади гь я членовъ, по избранію отъ депутатовъ и по удостоенію отъ Генераль-Поручика Фонъ-Штофельна, а надзираніе въ оныхъ за дѣлами, въ первомъ Генералу-Маіору Черніевичу, а во второмъ Генералу-Маіору Замятину ввѣрилъ; и сколько можно, въ военное время, въ сихъ обоихъ Княженіяхъ внутреннихъ дѣлъ порядокъ возрастаетъ, слѣдственно о доходахъ Казенныхъ, какъ о наибольшей возможности, всѣми образы идетъ раченіе, и отъ Генерала-Маіора Замятина въ присланныхъ вѣдомостяхъ означается по Февраль мѣсяць, что изъ разныхъ тамошнихъ сборовъ было въ приходѣ 62,759, изъ коихъ, за расходомъ на наши войска и на жалованье волонтерамъ, остается въ наличности 9,269 левовъ. Къ свидѣтельствуванію сборовъ денежныхъ въ обоихъ княжествахъ приставлены Офицеры, чтобы надзирали за казначеями земскими, которые, слѣдуя своему обыкновенію, а особливо пользуясь нынѣшними замѣшательствами, корысть, какъ видно, предпочитаютъ всякому будущему блаженству; но

подлинно и теперь не могу Вашему Императорскому Величеству донести, въ какомъ точно числѣ оныя быть могутъ, а осмѣливаюсь тѣмъ однако обнадежить, что ничего не проронится отъ меня, что только можетъ увеличить возможный доходъ. Я, на основаніи прежнемъ, пошлинныхъ, откупныхъ и другія дачи, кромѣ поголовной дани, приказалъ и въ Молдавіи собирать; но въ послѣднемъ рапортѣ Генерала Фонъ-Штофельна нахожу, что въ Яссахъ, въ наличности сборныхъ денегъ ничего нѣтъ и не остается потому, чѣмъ удовольствовать волонтеровъ и Арнаутовъ, неотступно прослщихъ о выдачѣ себѣ жалованья.

На второе, о Принцѣ Брауншвейгскомъ, по волѣ Высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества получилъ я и прямо къ себѣ письмо отъ Короля Прусскаго, котораго копію къ сему присоединяю. Тутъ отправляется сдѣланное объ немъ Вашему Императорскому Величеству увѣдомленіе отъ Князя Долгорукова, и я предписаніемъ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества, въ разсужденіи бытности такого волонтера, найточнѣе стану руководствоваться.

На третье, Ваше Императорское Величество, изъ послѣднихъ всеподданнѣйшихъ моихъ; соизволите знать, коимъ образомъ Генералъ-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, военныхъ резоновъ ради, поступилъ съ Журжею. Городъ Браилы, всѣмъ прошедшимъ и предстоящимъ дѣйствіямъ, былъ моимъ главнымъ предметомъ, почему я и не выпускаю онаго изъ примѣчанія, и велѣлъ и нынѣ Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну помышлять о новомъ, на сію крепость, предпріятіи, чтобъ, съ покореніемъ ея, стать намъ твердою ногою на Дунаѣ. Всѣ приходившіе изъ за Дуная извѣстія, подтверждаютъ тѣ же самыя недостатки, въ каковыхъ по вѣдомостямъ и Ваше Императорское Величество считаете быть непріятеля; время близкое открыть должно всѣ его прямыя силы. Весьма точно представляете себѣ Ваше Императорское Величество трудности, коимъ подлежить приготовленіе пропитанія для арміи: Молдавія и Валахія снабждать насъ онымъ отнюдь не въ состояніи, и доселѣ все содержаніе тамо пребывающія войска. получали чрезъ подвозъ изъ здѣшнихъ магазейновъ. Но и Польской сей край испраздненъ до основанія, не только въ достаткѣ пропитанія, которае не расходами вычерпано, но непорядкомъ, что въ прошедшую кампанію и трава

и хлѣбъ истреблены наибольше на корнѣ, и въ лошадахъ и въ скотѣ, которые гибнуть безъ корму. Магазины, прежде меня заложенные, весьма были отдалены, ихъ перевозить въ ближніе стоитъ больше труда и убытка, чѣмъ бы новыя, при запасахъ въ землѣ, заводить; употребленіе подводъ, какъ на сіи повозки, такъ и для самыхъ войскъ, что, расположившись въ семъ истощенномъ краю, вокругъ себя въ пищу лошадямъ ничего не могутъ найти и ѣздить принуждены версты за двѣсти за клочкомъ сѣна, лошадей совсѣмъ изнурило; во всѣхъ, однако же, настоящихъ трудностяхъ, еще я надѣюсь избѣгнуть недостатка въ пропитаніи арміи. Я приготовилъ на два мѣсяца провіанта въ сухаряхъ, и на одинъ годовымъ есть онаго же на моемъ правомъ и безопасномъ по нынѣ крылѣ. И такъ, вступи въ Молдавію, буду я, такъ сказать, навѣрно имѣть на три мѣсяца пропитаніи, и въ теченіи того времени не престанутъ подвозы слѣдовать изъ вновь наполняющихся магазиновъ; главный, на первый случай, въ Молдавіи будетъ въ мѣстечкѣ Романъ, гдѣ рѣка Молдава въ Сереть впадаетъ. Къ сему обстоятельству относящіяся неудобства еще станеть у меня способовъ преодолѣвать, но слѣдующимъ, покажу я, Всемилостивѣйшая Государыня, больше первыхъ недостатки, которымъ и помогать не въ силахъ.

Армія, мнѣ вѣренняя, поднесъ не имѣеть рекрутъ, требуемыхъ къ укомплектованію полковъ; поднесъ не доставлены въ великомъ количествѣ потребныя ей вещи. Отъ моей стороны завременно въ подлежащія мѣста о сихъ нуждахъ внесены требованія, завременно я послалъ и Офицеровъ къ принятію, но ничто, однако жъ, не предуслѣло. Въ приложенныхъ при семъ вѣдомостяхъ подъ литерами А и В, Высочайше усмотрите, Ваше Величество, число прибывшихъ понынѣ и недостающихъ въ армію рекрутъ. Я послѣднее взялъ средство, и послалъ Генерала-Маіора Князя Трубецкаго до Москвы, чтобъ понудилъ оныя и препровождающихъ рекрутъ и всѣ транспорты, и буде, какъ извѣстно, что многіе извозчики разбѣжались, то бы отъ мѣста до мѣста на подводахъ, на счетъ подрядчиковъ, отправлялъ оныя.

Всемилостивѣйшая Государыня! Отъ Вашей прозорливости не можетъ быть скрыто, что у насъ иной видъ и счетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ, и служивымъ людямъ и всему имъ надобному.

Ваше Императорское Величество соизволите теперь вѣдать, колико по числу арміи не достаетъ людей и времени, чтобы дать имъ, хотя видъ солдатвъ; прошедшую всю войну не были мы симъ озабочены; тамъ третій баталіоны и полки гарнизонныя запасали для насъ готовыхъ солдатъ, а надобное имъ число комплектовъ рекрутами со временемъ и съ выгодами ихъ дѣлали подобными старымъ, и когда въ минувшую войну пѣхотные полки, будучи въ кампаніи въ числѣ двухъ баталіоновъ и двухъ гренадерскихъ ротъ, въ коихъ состояло 1,152 мушкетера и 400 гренадервъ, и рѣдко болѣе 1000 людей подъ ружьемъ имѣли, то теперь всякой полкъ, имѣя только 272 гренадервъ и 1088 мушкетеровъ, слѣдственно, менѣе прежняго: первыхъ 128, а послѣднихъ 64 и по расходу, не сравнительно въ настоящей войнѣ большому прежняго, натурально едва половину людей въ ружье поставить, остальные же отъ всякаго полка двѣ роты не въ состояніи комплектовать надобнымъ числомъ полки, а гарнизоны всѣ обращены, такъ сказать, въ инвалиды.

Что до кавалеріи, то инья арміи, познавшія сколь удобнѣе для службы вообще, а въ вооруженіи и содержаніи дешевле, легкой всадникъ, пересадили часть большую своей кавалеріи на легкихъ лошадей. Мы, проводя войну противу Нѣмецкой кавалеріи на самыхъ малыхъ Русскихъ лошадакахъ, и употребляя, сказать прямо, противу ихъ однихъ Козаковъ, подражать взялись тому, что другіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку, почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжелою и дорогою амунициею посадили, и сколь мало имѣетъ оная способности дѣйствовать противъ настоящаго нашего непріятеля, въ прошедшую кампанію явными опытами доказалось, а и кромѣ того, что оная не можетъ употребляема быть такъ, какъ легкая въ обыкновенную службу, обременяетъ она несказанно и командира подвозкою сухаго корма, безъ котораго она вовсе и быть не можетъ.

Гдѣ больше рекрутъ, тамъ, конечно, больше больныхъ; въ чужихъ арміяхъ больнымъ служатъ особливаго званія люди, а не солдаты, по резону, что ту должность нести можетъ человѣкъ и вовсе не имѣющій военной способности, его уже тамъ и не вооружаютъ; но къ бою надобна не одна способность, но и пріученье,

а безъ всякаго на сіе счету и примѣчанія, опредѣляя людей военныхъ, остается половина оныхъ въ ружьѣ, и другой половинойъ ружья въ одну только тягость.

Болящіе же и лазареты многого прирѣвнiя требуютъ, и надобны во всякомъ особливые смотрители надъ служниками, и особливые служники, чтобъ ко времени упреждать нужды болящихъ; и я въ семь пунктѣ, сколько можно, соображая необходимую надобность, наблюдаю и возможный счетъ, но, однако жъ, все съ расходомъ военныхъ людей, что чувствительно умаляетъ армию.

Сіи суть нужды, Всемилостивѣйшая Государыня, которыми наибольше я сокрушаюсь, видя себя толь много удаленнымъ, недостатковъ ради, отъ предполагаемаго мнѣ времени къ упрежденію непріятеля; и прибѣжище беру для будущаго времени къ Вашему Императорскому Величеству; а по мѣрѣ моего къ Вамъ усердія, и по привычкѣ говорить всегда правду, а особливо любящимъ оную, не могу молчать, но рѣшусь сказать слѣдующее: Вамъ потребенъ Коммиссаріатъ, который бы все, что только въ войскѣ Вашемъ надобно, приготавливалъ съ выгодною, или, какъ говорится, исподволь; все бы дѣлалъ хорошо, прочно и въ свое время къ полкамъ доставлялъ; а полкамъ строить себѣ одѣяніе и всѣмъ снабжаться неколи. Имъ во время военное должно быть одѣтымъ и снабженнымъ лѣтомъ и зимою, ибо время не удерживаетъ военныхъ дѣйствій. Я не могу понять, почему къ Полковничьимъ чинамъ довѣренность стала велика, и что они лучше другихъ пещися могутъ о полкахъ своихъ, мнѣніе, по моему слабому понятію, угрожающее прямо благопристойности: всѣ чины должны пещися и рачить по своему званію о должности ихъ, а развѣ думать можно, что Полковника корысть, съ тѣмъ сопряженная, не польститъ? Но тотъ Полковникъ, который только сею причиною побуждается, не есть достоинъ сего чина, и тотъ отличается мало, который остатокъ казны обращаетъ на украшеніе полка, отъ того, который употребляетъ оной на себя, ибо дерзновеніе и ущербъ казны равны, а только употребленіе различно. Но какъ оный и ограничить, ежели способы, такъ сказать, явные предложены? Потребны въ войскѣ, Вашего Императорскаго Величества инспекторы, чтобы они надзирали и надъ прочностію вещей, приготавливаемыхъ отъ Коммиссаріата, и на весь порядокъ службы, дабы оный вездѣ съ уставомъ, отъ

Васъ даннымъ, согласова-ся. Во всѣхъ арміяхъ сей чинъ важный и нужный удерживаетъ наилучшимъ образомъ всякую исправность для войскъ, и для того, гдѣ оныхъ, и не было, нынѣ введены. И такъ планъ, на которомъ сочинители новые штаты для арміи Вашего Императорскаго Величества располагали, хотя мнѣ неизвѣстны, но я гадать осмѣливаюсь, что Ваше Императорское Величество предпріяли сіе намѣреніе изъ двухъ причинъ: 1-й, что оконченная война доставляла намъ премного случаевъ познать наши недостатки, и что затрудняло и препятствовало въ дѣйствіяхъ нашихъ, Ваше Величество желали конечно оныя наградить. 2-й, чгобъ, при утвержденіи мира, и внутренность государства почувствовала себѣ возможное облегченіе; но видимыя нынѣ слѣдствія, смѣю выговорить, открыли тому несогласное. Войско Вашего Императорскаго Величества значительнымъ числомъ умалено, а казны ни въ Коммиссаріатѣ, ни въ полкахъ не обережено, ниже служба ощущаетъ возвышеніе; какъ и полки, паче кавалерійскіе, при украшеніяхъ своихъ, даже до излишества, не дѣлаются отъ того исправнѣе для прямой службы, поелику Полковники больше стали пещися о прикрасахъ ихъ, чѣмъ о пользѣ оной. Весьма я удаленъ отъ дерзновенія, чгобъ, въ видѣ предположенія мѣрь, представлять мои мнѣнія о вышеписанномъ. Всемилостивѣйшая Государыня! Вы вложили въ меня, точнымъ повелѣніемъ, ту смѣлость, чгобъ предъ Вашимъ Величествомъ, какъ великодушною Монархинею, открываться въ слабомъ моемъ понятіи. Ваше Величество призираете милосердно на вѣрность и усердіе своихъ рабовъ: сіе одно было мнѣ побужденіемъ обнажиться столь чистосердечно въ мысляхъ моихъ предъ Вами, всеподданнѣйше уповаю, что оныя въ семъ единомъ видѣ и приняты будутъ. И съ тѣмъ повергаю себя къ стопамъ освященнымъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи.

25 Марта, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Сей день получилъ я изъ Яссы, отъ 24 Марта, отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна, принесенныя ему однимъ Волохомъ отъ новаго Хана Крымскаго, Капланъ-Гирея, письма, одно къ Гене-

раду, командирующему второю арміею, Графу Панину, другое, на имя Генераль-Маіора Князя Прозоровскаго, третье къ Боярамъ Молдавскимъ. Послѣднія два, по одному въ оригиналъ на ихъ языкъ, а первое въ переводъ Французскомъ, сколько могъ истолковать переводчикъ не лучшій, котораго я, по недостатку въ такихъ людяхъ, принужденъ принять по рекомендаціи Князя Григорья Гики; подлинникъ же онаго отправилъ я къ помянутому, командирующему арміею Генералу. Противъ письма къ Князю Прозоровскому, съ Французомъ Ружейномъ, и противъ искушенія, препровождаемаго къ Молдавцамъ, повелѣлъ Генералу-Маіору Черневичу, какъ управляющему гражданскими дѣлами въ Яссахъ, къ Хану Крымскому учинить отвѣтъ въ выраженіяхъ, означенныхъ въ списокѣ тому, при семъ подносимомъ.

Въ мнѣніи томъ, что сіи отзывы, можетъ быть, Ханъ Крымскій начинаеть для повода къ дальней съ нимъ перепискѣ, осмѣливаюсь я всеподданнѣйше просить отъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія, въ какомъ видѣ должно мнѣ вестъ оную, если подадутся къ тому случаи? Впрочемъ Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ, по рапортамъ, къ нему доходящимъ, увѣриеть, что нигдѣ еще не слышно о движеніяхъ непріятельскихъ; а Волохъ, принесшій сіи Ханскія письма, который до сего доброжелательство нашей сторонѣ показывалъ, принимая нашихъ миссіонеровъ неоднократно въ Татарскую землю, для развѣдыванія отправляемыхъ, и подавалъ имъ всѣ извѣстія, и теперь тоже явилъ, представя самъ собою Ханское письмо къ Боярамъ, въ руки помянутому Генералу, сказываеть, что новыи Ханъ весьма нелюбитъ Мурзами и Татарами и почти ни съ кѣмъ сообщенія не имѣеть; Татары же въ великой робости и скудости въ пропитаніи и лошадахъ находятся, такъ что половина на коней състь не могутъ; при Ханѣ войска до тысячи не наберется; о наведеніи моста на Дунаѣ при Исакчѣ у нихъ не слышно; передъ отъѣздомъ его изъ Каушанъ, большими судами чрезъ Дунаѣ, при Исакчѣ переправилось восемь знаменъ Турецкаго войска, конимъ надлежало быть въ двухъ тысячахъ человекъ, но и шестисотъ не набралось; оныя пошли въ Бендеры, для умноженія тамошняго горнизова.

31-го Марта, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

РЕЛЯЦІЯ.

Полученные рапорты отъ послѣднихъ чиселъ окончившагося Марта изъ Букарештъ, и словесныя извѣстія употребленныхъ людей, для развѣдыванія непріятели, извѣщаютъ, что собранія Турецкихъ войскъ видимы уже въ мѣстечкахъ, лежащихъ по берегу рѣки Дуная. Изъ за рѣки Олты партіи ихъ дѣлали попытки при Слатинѣ переходить на сію сторону, токмо Арнаутскія, стражу хранящія тамо команды, овладѣвъ перевозами, къ тому ихъ не допустили; по воспященіи коемъ непріятель отошелъ къ мѣстечку Рымникамъ, куда для пойску надъ нимъ Генераль-Маіоръ Замятинъ командировалъ Полковника Арнаутскаго съ пятнадцатю Капитанами, находившагося на той сторонѣ рѣки Олты, и въ сіе время свѣдалъ помянутый Генераль-Маіоръ, что одинъ Паша изъ Силистріи, чрезъ Дунай съ войскомъ переправясь, стоитъ противу онаго города въ мѣстечкѣ Ликарешты, въ ожиданія туда прибытія другаго еще Паши такъ же съ войскомъ, и подалъ о томъ увѣдомленіе Генералу-Поручику Князю Репнину, командующему въ Фокшанахъ, который тотъ часъ къ означенному мѣстечку Ликарештамъ послалъ партію, составленную изъ тысячи лошадей, подъ командою Полковника Чорбы, дабы, елико возможно, поразить сего непріятели, противу коего равномѣрно обратитъ поиски и отъ Букарештъ Генералу-Маіору Замятину предписалъ Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ.

Мостъ на Дунаѣ, въ Исачкѣ, стараются Турки наводить, но большую часть судовъ и припасовъ, къ тому строенію, бывшее наводненіе разнесло и погрузило въ пескахъ; а какъ жители всѣ отъ береговъ Дунайскихъ удалились, то и весьма медленно идетъ у нихъ работа. Сіе извѣстіе имѣетъ Генераль-Поручикъ фонъ-Штофельнъ отъ возвратившагося Волоха, отъ него въ тѣ мѣста посланнаго, который дополнилъ свое показаніе еще тѣмъ, что въ Исачку прибылъ Паша съ двумя тысячами войска, а по сдѣланіи моста, полагають, что и Визирь на сію сторону Дуная перейдетъ и близъ мѣстечка Ренни лагерь свой возьметъ. Отъ Султана яко бы изданъ указъ, всѣхъ въ плѣнъ взятыхъ Волоховъ и Молдавцевъ освободить, но Визирь, сдѣлавъ на то представленіе, вторительно повелѣнія ожидаетъ. Въ исполненіе моего до днесь препятствуетъ разливъ рѣки Прута Генералу-Поручику фонъ-Штофельну отрядить знатную партію даже до Исакчи, для точнаго удостовѣренія

о наведеніи тамо моста и ради препятствованія идущимъ непріятельскимъ войскамъ къ Бендерамъ. Наводненіе нынѣшнее всей рѣки толь велико, что отъ Фальчи до самаго Дуная нельзя чрезъ оную нигдѣ переправиться; а выше Фальчи, кромѣ таковой же неудобности къ переправѣ, ежели итти партіи по ту сторону рѣки Прута чрезъ пустыя мѣста, то, по недостатку пропитанія, дальняго предпріятія исполнить не можетъ. Впрочемъ, единоголоскыя извѣстія приходятъ отъ Дуная, яко бы Турки собираются атаковать Букарешты, а отъ стороны Бендеръ и Ордъ Татарскихъ, что новый Ханъ намѣреніе пріемлетъ нападеніе учинить на городъ Яссы. Сбудутся сіи предпріятія, сказывали, на послѣдней недѣлѣ поста, или на первой Свѣтлаго праздника, однако жъ въ теченіи прошедшихъ и сихъ дней еще тому не видно начала; да я сіи разглашенія и не представляю себѣ иначе, какъ отъ непріятели пропускаемыми, чтобъ у насъ, вперивъ къ нимъ вниманіе, отвлекти отъ путей, ведущихъ къ дѣланымъ надъ нимъ поускамъ. Но полелку теперь и въ наступающее время надлежитъ не въ такомъ положеніи представлять непріятели, въ каковомъ онъ былъ зимою, но что онъ, подобно прошедшей, въ превосходныхъ силахъ отверстіе сдѣлаетъ и нынѣшней кампаніи, то призналъ я за нужное снабдить предположеніемъ Генерала-Поручика фонъ-Штофельна таковымъ, дабы онъ, по важности и пользѣ, для предстоящихъ дѣйствій, имѣлъ себѣ въ главной предметъ лежащую сторону между Днѣстра и рѣки Серета, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ она вливается въ Дунай, и къ сему пункту преимущественно предъ прочими относилъ свою защиту и принимаемая по обстоятельствамъ мѣры; ибо по настоящимъ его силамъ, равно онъ не можетъ во всѣ стороны всегда обратиться, не подвергая войскъ раздробленныхъ опасности отъ многолюдства непріятельской, которому скудныя силы въ числѣ, со всѣмъ ихъ искусствомъ, преодолѣть не трудно; слѣдственно, и смотрѣлъ бы онъ на другія мѣста, какъ предлоги не толь существенныя, которыхъ беречь только надобно до возможности. По сему городъ Букарешты, какъ выходитъ совсѣмъ съ положенія того, въ коемъ должно быть нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, и намъ удержать его, во всякомъ случаѣ, не вдаваясь въ явную опасность, отнюдь не можно, то и предварилъ я, въ семъ видѣ, завременно Генерала-Поручика фонъ-Штофельна, ежели бы Турки весьма на атаку сего города усиливались и защищать бы онаго

тако находящіяся войска безъ своей опасности не могли, въ такомъ случаѣ нашимъ войскамъ выбраться изъ того города, со всѣми военными приписани, и слѣдовать къ соединенію съ другими частями, и ни въ какомъ случаѣ городскихъ зданій не истреблять, жителей же тамошнихъ предуготовить къ переселенію. На такое время повелѣлъ я, подъ видомъ, что ихъ повсечастныя смятенія и недобѣрствія на безопасность нашей защиты наводятъ намъ и теперь тревоги, то колыми паче отъ ихъ слабости и незнанія въ военныхъ дѣлахъ ожидать должно безпокойствъ и страха, когда войски должны итти къ общему своему соединенію; для того бы они на такой случай взяли себѣ убѣжищемъ безмятежнымъ горы, или ближнія мѣста, которыя подъ закрытіемъ останутся всей нашей арміи, и въ оныхъ бы для пребыванія своего приготовленіе сдѣлали. Привода ко времени симъ образомъ въ соединеніе тамошній корпусъ, и утверждая цѣпь всѣмъ восприемлемымъ приготовленіямъ въ безвредномъ обереженіи выше объявленной стороны, что отъ Днѣстра простирается до устья рѣки Сереть, предопредѣлилъ я для переду, ежели войска выступятъ изъ Букарешты, вмѣсто нынѣшняго поста при Фокшанахъ, учредить такой же въ околичностяхъ Бырлата и Фальчи, откуда удобнѣе будетъ войскамъ противу непріятельскихъ движеній, къ Яссамъ ли бы оныя склонялись, или въ другіе концы Молдавіи соединиться и стать на воспротивленіе. А мѣста, въ такомъ положеніи, за спиною остающіяся, та самая команда съ частію артиллеріи прикрывать станетъ, которая опредѣлится къ мѣстечку Романовъ, гдѣ главный магазинъ будетъ; поелику сіи мѣста заслоняются положеніемъ, такъ сказать, непроходимымъ, какъ по освидѣтельствованію своему представлялъ мнѣ Генераль-Квартермистръ Боуръ.

Внутреннее состояніе ввѣренной мнѣ арміи въ своихъ великихъ недостаткахъ, то есть, рекрутахъ и одѣяніи, а изъ послѣдняго найпаче въ обуви доселѣ еще не поправляется, по доставленію того къ полкамъ, и уже не остается времени, а потому и надежды, чтобъ сіи нужды могли быть удовлетворены до начала кампаніи, какъ я имѣлъ счастье Вашему Императорскому Величеству всѣ подробности того всеподданнѣйше представить отъ 25 Марта. И внѣ предстоятъ мнѣ также заботы, что при движеніи своемъ долженъ я буду обнажить оба свои крыла, поелику

къ прикрытію лѣваго не надѣется толь скоро. Генераль-Аншефъ, командующій второю арміею, сблизиться со вѣрными ему войсками къ Дигъстру; почему въ моемъ отдаленіи, чрезъ сіе отверстіе, партіи непріятельскія отъ Бендеръ, а паче Татарскія, могутъ пролѣзть въ Польшу и нанести всячески вредъ. Подобнымъ образомъ и на правомъ крылѣ заложеныя магазейны подлежатъ опасности отъ нападковъ Конфедератовъ, которыхъ чрезъ всю зиму войски отъ сей арміи держали безъ выпуска въ горахъ къ Венгерскимъ границамъ, а по отступленіи командъ, они изъ норъ своихъ выдутъ и возмутся по прежнему за свои дѣла.

Предстоящіе подвиги впереди вовсе мнѣ воспящаютъ умалять число арміи, предпринимая съ оною наступательныя дѣйствія; но, съ другой стороны, стою я непремѣнно въ томъ правилѣ, что не обезпечивши надежно оставляемаго за собою, большими шагами нельзя ступать впередъ: изъ войскъ арміи, мнѣ вѣренной, я въ несостояніи отдѣлить числа, достаточнаго на преграду всему тому, что требуетъ сильной осторожности, при моемъ отдаленіи отъ собственныхъ границъ и отъ мѣстъ, дающихъ намъ пропитаніе. По симъ причинамъ имѣлъ я смѣлость всеподаннѣйше доносить Вашему Императорскому Величеству, что на сіе время нужно бытъ здѣсь особливому корпусу, который бы распространилъ свое бдѣніе на всѣ означенныя окрестности; Польскій же нынѣшній корпусъ не обезпечиваетъ моего тылу, по настоящему его отдаленному отсюда положенію, ибо посты онаго ближе Люблина въ сію сторону не распространяются, а въ Литвѣ мнѣ неизвѣстно, есть ли какія наши войска.

О обывателяхъ здѣшняго края вообще я могу увѣрить Ваше Императорское Величество, что ни на ихъ настоящую скромность, ни на отзывы полагаться отнюдь не надлежитъ. Они всѣ противъ насъ духа непріязненнаго и въ настоящемъ спокойствіи удерживаетъ ихъ не любовь къ намъ, ниже разномысліе съ братіею своею мятежниками, но одинъ только страхъ присутственнаго оружія. Но вѣдшее уваженіе должно мнѣ имѣть къ тому, чтобъ медленіемъ, ради недостатковъ, не допустить непріятели усилиться на семь берегу Дуная и стѣснить тамо находящіися наши войска. Потому, коль скоро благодать климата здѣшняго покажется, которой еще ни въ чемъ доселѣ нѣтъ, но дожди сильныя непрерывно

заливають, и земля не произрастаетъ травы, нужнѣйшей для насыщенія скота, взнемогшаго отъ глада, которому пропитанія по пути, наитить, или приготовить, вовсе не съ чего; то и не стану я больше дожидаться снабдѣній арміи не доставленныхъ, а полагаю воспріять въ послѣднихъ числахъ сего Апрѣля отсюда движеніе хотя съ тѣми только войсками, которыя въ состояніе придуть выступить въ порядкѣ, надобномъ для поля, и коихъ число наберется не болѣе двадцати тысячъ; поелику надобно мнѣ отъ арміи оставить одну часть войскъ ради прикрытія своего сообщенія и остающихся въ Польшѣ приготовлений, какъ и для предосторожности противъ могущихъ быть попытокъ отъ Польскихъ мятежниковъ; и ради того учреждаемый кордонъ мой займетъ Перемышль, Львовъ, Броды и Алику, а до Сандомира я теперь достигнуть не могу, которое мѣсто также занять бы слѣдовало, какъ прошедшаго года, отъ 23 Октября мѣсяца, въ представленныхъ моихъ мнѣніяхъ Вашему Императорскому Величеству, чрезъ Генерала-Поручика Эльмпта о нынѣшней компаніи я имѣлъ честь изъясниться. Другую ради принятія приводимыхъ рекрутъ и обученія службъ и снабдѣнія оныхъ; ибо я за полезное считаю, чтобъ въ сихъ мѣстахъ, чрезъ опредѣленные на то команды, приведши уже ихъ въ настоящую солдатскую исправность, тогда ко мнѣ отправлять, упреждая тѣмъ крайности, что ежели вестъ ихъ къ арміи не вооруженныхъ, то всякая бываемая тревога оныхъ разсыпуть, а когда вооружить, не науча должному употребленію оружія, то я больше еще отяготятъ, если при малѣйшемъ страхѣ они отбѣгутъ къ ружью. При дѣйствительномъ выступленіи арміи не упущу я моего долгу донести Вашему Императорскому Величеству, сочинивъ вѣдомость о войскахъ, выступающихъ въ походъ, и коликое число изъ оныхъ въ которомъ мѣстѣ оставлено будетъ.

Апрѣля 5 дня, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Прошедшимъ послѣднимъ репортомъ изъ Букарештъ и Фокшанъ къ Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, увѣдомляетъ онъ меня отъ 3-го числа сего мѣсяца, что партіи, посланныя отъ Генералъ-Маіора Замятина для поиску надъ непріятелемъ, показавшимся при мѣстечкѣ Дикарешты, не видѣли ни въ томъ, ниже въ

ч. II.

другихъ мѣстахъ, чтобъ Турецкія войска собирались, такъ какъ о томъ предъпоследнія вѣдомости гласили, о коихъ имѣлъ я честь донести Вашему Императорскому Величеству во всеподданнѣйшей моей, отъ 5-го сего мѣсяца, а только и понынѣ одни слухи тамъ происходятъ о нападеніи на Букарешты, но точныхъ къ тому признаковъ нѣтъ ни откуда.

По рѣкѣ Рымнику состоящіе форпосты на сихъ дняхъ примѣтили въ разныхъ мѣстахъ непріятельскіе малочисленные показывающіеся пикеты на сей сторонѣ рѣки Бузео, почему Генералу-Поручику Князю Репнину повелѣно крайнѣйшую осторожность сохранить въ отвращеніе непріятельскаго намѣренія, ежели бѣ случилось оное къ нападенію на Рымники. Отъ Фальчи репортууютъ, что противъ онаго мѣстечка показались до двухъ тысячъ Татары, въ разсужденіи чего, Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ послалъ подкрѣпленіе тамъ состоящей командѣ, велѣвъ къ лучшей безопасности въ томъ мѣстѣ слѣлать два редута.

Въ семъ состоятъ по сей день полученныя изъ Молдавіи и Валахіи увѣдомленія, а я Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну предписалъ, чтобъ онъ тѣмъ меньше полагался на приносимыя ему извѣстія, чѣмъ явнѣе дознается онымъ неправа, ибо и умышленно къ встревоженію жителей и утопленію нашихъ войскъ, можетъ непріятель нерѣдко препровождать и слухи и виды своего сближенія въ ту сторону, чего въ самомъ дѣлѣ и не исполнить. И для того ему стараться своихъ людей впереди и сколько можно ближе къ непріятелю держать, которыя бы всѣ его движенія надзирая, подавали вѣрныя объ оныхъ извѣстія. Мостъ на Днѣстрѣ, при Хотинѣ, наводимый на козлахъ, уже постройкою окончится бы могъ къ 17 числу сего Апрѣля, который, по освидѣтельствованію Генерала-Квартермистра Боура, казался быть однимъ изъ надежнѣйшихъ, по стремленію той рѣки, и чрезвычайному наводненію, бываемому въ оной; но противъ 6 числа прибывшая въ Днѣстрѣ сильная вода, 9 футовъ выше полои, что сей весны была, повредила много тотъ мостъ, и сорвала съ онаго дерева штукъ до семисотъ.

Апрѣля 9 дня, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Генераль-Поручикъ Фонъ-Сиверсъ, не находя уже способовъ къ поспѣшному отправленію рекрутъ изъ Кіева въ армію, поелику въ одно время подъ отвозъ туда прибывающихъ амуничныхъ вещей и артиллерійскихъ припасовъ, всѣ почтовыя лошади расходятся, требуетъ, чтобъ я ему далъ посредства къ облегченію сей крайности, ибо тамошній Генераль-Губернаторъ и Магистратъ и Сотенное правленіе не въ состояніи уже отыскать нигдѣ подводъ, когда изъ тѣхъ мѣстъ на каждую недѣлю выходитъ оныхъ до пяти сотъ, отъ чего обыватели въ крайнѣйшую скудость приходятъ. Я самъ, будучи, въ разсужденіи здѣшнихъ транспортовъ, въ подобныхъ недостаткахъ, ради оскудѣнія лошадыми обывателей, не нахожу ни малѣйшей удобности замѣнить таковыя нужды, а долгъ только шибю всеподданнѣйше представить о томъ Вашему Императорскому Величеству, какъ по настоящему своему, такъ и лежащему на мнѣ, по Высочайшей воли Вашего Величества, Генераль-Губернатора Малороссійскаго званію, всеижайше прося: хотя бы уже впредь, съ лучшимъ возрѣніемъ распоряжаемы были поставки, потребныя для арміи, и всѣ бы не одною дорогою, но разными препровождались для самой поспѣшности и ради облегченія жителей, теперъ много терпящихъ отъ изнеможенія лошадей, ибо и Малороссія, чрезъ которую отъ всѣхъ мѣстъ поставки къ обѣимъ арміямъ идутъ, а паче Кіевскою дорогою, скоро въ подобное состояніе придетъ, какъ и сей Польской край, когда не отвращена будетъ настоящая тягость обывателямъ, чрезъ посредства и распоряженія полезнѣйшія. Поелику теперъ и подрядчики отъ своихъ поставокъ въ пути отбѣжали, такъ и оныя на почтовыхъ подводахъ слѣдуютъ, коихъ еще расходъ умножаетъ чрезмѣрно топкой нынѣшній здѣсь путь, отъ непрестанныхъ дождей, и что можно бы везть одною лошадыю, то теперъ въ силу могутъ двигать три, или четыре. Но въ настоящей необходимости принужденъ я повелѣть какъ Генералу-Поручику Сиверсу, такъ и здѣсь принимать мѣры, споспѣшествующія всячески удовольствованію арміи, нежели облегченію обывателей.

Апрѣля 9 дня, 1770 года.

РЕЛЯЦИЯ.

Въ теченіи сихъ дней, между отправленіемъ всеподданнѣйшей моей къ Вашему Императорскому Величеству, отъ 9-го Апрѣля, ни какихъ важныхъ извѣстій не имѣлъ я ни откуда, а вчерашній день получилъ въ репортахъ Генерала-Поручика Фонъ-Шгофельна, отъ 11-го настоящаго мѣсяца, сіи только увѣдомленія: Командующій въ Фокшанахъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ, 5-го числа получа извѣстіе, что непріятель мѣстечко Рымникъ атакуеть, ходилъ самъ на помощь нашей тамошней командѣ, и 6-го числа поутру, прибывъ въ то мѣстечко, не засталъ уже въ ономъ непріятеля, который наканунѣ того оттуда ретировался въ Браиловъ. Извѣстія, обвѣщавшія быти непріятеля въ шести тысячахъ и съ пушками, по удостовѣренію на мѣстѣ, явились несправедны, ибо только тутъ была партія въ шести стахъ конницы, которая къ тому мѣстечку подѣхала, не уповая въ ономъ найти нашей команды, и сжегши нѣсколько халупъ, ускакала, при чемъ достался намъ въ полонъ одинъ офицерской служитель; и такъ помянутый Генераль-Поручикъ, учредивъ свои посты по рѣкѣ Рымнику, опять возвратился къ своему мѣсту въ Фокшаны. Полковникъ Чорба, посланный съ сильною партією отъ Факшанъ къ Ликарештамъ, возвратясь оттуда, репортуеть, что непріятеля въ томъ мѣстѣ не нашель, да и отраженныя отъ него партіи въ околичвія тому мѣста, къ рѣкѣ Дунаю, не примѣтивъ непріятеля, видѣли только тамошнюю землю совсѣмъ опустошенную.

Прибывшіе шпіоны изъ за Дуная, посланные отъ Генерала-Поручика Фонъ-Шгофельна, по прежнему единогласныя приносятъ ему въ томъ увѣдомленія, что еще при Исакчѣ мостъ не наводится, и по недостаткамъ на то надобныхъ припасовъ и работниковъ, равномѣрно и для послѣднихъ пропитанія, состроиться оной не можетъ вскорѣ. Войско Турецкое за Дунаемъ весьма медленно собирается и при Визирѣ онаго не считаютъ больше восьми тысячъ. Генераль-Маіоръ Замятинъ рапортовалъ изъ Букарештъ, что Турки, бывшіе въ плѣну, Ага съ сыномъ его Мегметомъ, да именуемый Ибрагимъ, по Высочайшему, Вашего Императорскаго Величества, повелѣнію освобожденные и присланные ко мнѣ изъ Санктпетербурга въ армию,

въ Турецкій городъ Турно благополучно прибыли; симъ случаемъ воспользовался помянутый Генераль-Маіоръ отправить съ ними, подъ видомъ фурманчика, одного изъ надежныхъ людей, знающаго Турецкой языкъ; сей возвратясь объявляетъ, что въ восхищеніи Турки дивились сему неожиданному поступку, произведшему въ сердцахъ войска и всего народа толь ощутительное дѣйствіе, что оныя, собираясь толпами на дворъ къ помянутому Агѣ, непрестанно перевозносили хвалами великодушіе Вашего Императорскаго Величества. О нынѣшнемъ Хаяѣ Крымскомъ увѣряють, что за его суровое обхожденіе ненавидимъ онъ отъ Татаръ, которые отказываются отъ послушанія ему, и двухъ посланниковъ его, для собранія къ нему войска, убили; словомъ, великое смятеніе и неустройство между ими происходитъ.

Съ письма Рымницкаго Епископа Парфенія къ Генераль-Маіору Замятину и другаго къ сему Епископу отъ Бояръ Краіовскихъ, подношу переводы; а означенный Генераль-Маіоръ отвѣтствовалъ сему Архіерею, обнадеживая его сильною помощію оружія Вашего Императорскаго Величества, и утверждая, дабы онъ, не взирая на всѣ прелестныя лукавства враговъ имени Христова, стоялъ твердо со всѣмъ своимъ духовнымъ стадомъ противъ сихъ ухищреній, и послалъ ему присяжной листъ на Волоскомъ языкѣ, прося учинить по оному клятвенное обѣщаніе въ присутствіи отправленнаго за тѣмъ къ нему Полковника Арнаутскаго, Ильи.

При всѣхъ таковыхъ угрозахъ поднесъ, однако жъ, непримѣчено, чтобъ непріятель отъ Дуная куда либо показывалъ свое движеніе; а я, какъ имѣлъ честь уже донести Вашему Императорскому Величеству, упражнюсь теперь о приготовленіяхъ всевозможныхъ для похода арміи, въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца, коей надобныхъ вещей и людей великое число и поднесъ еще не прибыло. О соблюденіи лучшей стражи на передовыхъ постахъ противъ переносчиковъ отъ непріятельской стороны всякихъ писемъ, по поводу вышесказаннаго, найсилнѣе я подтвердилъ командамъ.

15 Апрѣля, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

При поднесеніи челобитной, къ сему присоединенной, къ Все-высочайшему благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, Подполковника Назара Каразина, которою просить оное увольненія отъ службы, по слабости здоровья своего, и о Всемилоствивѣйшемъ пожалованіи ему для пропитанія недвижимаго имѣнія въ Слободской губерніи, осмѣливаюсь всеподданнѣйшее мое къ его прозвѣ-бѣ присовокупить засвидѣтельствованіе, что сей офицеръ, сверхъ отличныхъ опытовъ своего усердія къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, оказанныхъ въ извѣстныхъ тайныхъ комиссіяхъ, во время предводительства сею арміею Генерала-Фельдмаршала Князя Голицына, не менѣе и въ мое уже командованіе храбрыхъ подвиговъ явилъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ съ непрітелемъ, командуя волонтерами и Арнаутами при случаяхъ, каковы оное праведно наименовалъ въ своей челобитной. Почему и рекомендовать былъ оное, особливо за мужественные свои поступки при экспедиціи Журжевской, и отъ Генерала-Поручика Фоя-Штофельна, о чемъ имѣлъ я честь Вашему Императорскому Величеству донести во всеподданнѣйшей моей, подъ № 14-мъ, при объявленіи собственномъ отъ просителя его службы, коей не превосходитъ и его прозвѣ-ба выраженная.

Я дерзаю уповать, Всемилоствивѣйшая Государыня, что щедротою и великодушіемъ Вашего Императорскаго Величества при-зрѣтъ оное будетъ въ просимомъ себѣ награжденіи; и тако долж-ность токмо по мнѣ требуетъ наконецъ донести, что оное ищетъ увольненія отъ службы по слабости въ немъ примѣтной, дѣйстви-тельно отъ понесенныхъ трудовъ.

15 Апрѣля, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Малороссійскій Бунчуковій Товариць Григорій Иваненко, про-шлую компанію служа при первой арміи съ Малороссійскими Ко-заками, подъ его командою находящимися, при всѣхъ съ непріа-телемъ сраженіяхъ, постуналъ храбро, въ чемъ ему данный аттестатъ,

отъ Генерала-Фельдмаршала Князя Голицына подношу въ копіи. А какъ и теперь онъ служить же при арміи, и я какъ нынѣ, такъ и до сего довольно знавъ наибольшее его усердіе къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, вижу непрерывную въ немъ ревность и надѣяться впредь могу на его похвальное поведеніе въ должности, ему ввѣренной, то и осмѣливаюсь всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просить о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи его на состоящую вакансію въ полкъ Малороссійскій Переяславскій настоящимъ Полковникомъ, въ коемъ мѣстѣ уже нѣсколько лѣтъ, по моему опредѣленію, онъ находится за полковаго командира. При семъ должностию считаю къ его одобренію представить, что отецъ его, Григорій Иваненко, былъ Полковникомъ Брацлавскимъ, и въ прошедшихъ войнахъ, во время блаженной и вѣчно достойныя памяти вселюбезнѣйшаго дѣда Вашего Императорскаго Величества, Государя Императора Петра Великаго, служилъ съ особливою репутациею человѣка вѣрнаго и храбраго, и самъ уже сей его сынъ болѣе 30 лѣтъ какъ въ Малороссійскихъ чинахъ служить въ числѣ почетнѣйшихъ старшинъ. А долговременное мое знаніе отличной его ревности во всѣхъ поручаемыхъ ему дѣлахъ ободряютъ меня къ испрошенію всеподданнѣйшему Всевысочайшаго на сіе Вашего Императорскаго Величества Указа.

15 Апрѣля, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

По отправленіи всеподданнѣйшей моей къ Вашему Императорскому Величеству, отъ 15-го, Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ послѣдующими своими рапортами подтверждаетъ прежнія увѣдомленія, что важныхъ непріятельскихъ движеній не примѣчается ни съ которой стороны, а вновь только доноситъ отъ 14-го, что къ Генералу-Маіору Замятину въ Букарешты дошли было извѣстія, яко бы непріятель въ великомъ числѣ перебирался чрезъ Броды на рѣкъ Ордышѣ. Но сей Генераль, не утверждаясь на таковыхъ репортахъ, которые отъ Казаковъ онъ имѣлъ, отрядилъ съ офицеромъ туда партію, и въ слѣдствіе того, отъ 17-го, помянутый Генераль-Поручикъ увѣдомляетъ меня, что та партія не нашла уже Турковъ,

бывшихъ токмо въ 400 человекъ, которые, употребя обманъ, то есть, не навязавъ на головы бѣлыхъ чалмъ, и обвивъ бѣлыми платками руки, приняты были отъ нашихъ двухъ пикетовъ за своихъ Арнаутовъ, и по той оплошности, при нападеніи на оба въ одно время, принудили ихъ къ ретирадѣ, при чемъ Сербскаго полку одинъ гусарь убитъ, изъ Казаковъ одинъ въ плѣнъ взятъ, а другой раненъ, а непріятель потомъ на сей сторонѣ рѣки Ордыша болѣе часа и незамѣшкался. По поводу сего происшествія не упустилъ я Генералу-Поручику Фонь-Штофельну выразить, сколько въ предосужденіе тамошнимъ командамъ удаются слабымъ непріятельскимъ партіямъ таковыя попытки, что онъ, какъ способовъ не меньше имѣетъ изъ Арнаутовъ, знающихъ обычаи и языкъ Турецкой, во образѣ Турковъ подводя къ непріятелю, всякую стратагему надъ ними сдѣлать, то бы и не оставилъ между прочими средствами того безъ употребленія, къ истребленію шатающихся непріятельскихъ партій.

Впрочемъ о недостаткахъ матеріаловъ и работниковъ къ построенію моста на Дунаѣ при Исакчѣ, прежнія извѣстія и до днесь подтверждаются, съ тѣмъ токмо прибавленіемъ, что нѣсколько уже судовъ поставлено и доски на оныхъ положены, и моремъ за рѣку Дунай прибыло 16 большихъ суденъ съ мукою и ячиномъ, тако жъ и разныхъ матеріаловъ на строеніе моста туда ожидаютъ. Но какъ Дунай, по извѣстіямъ, болѣе двухъ верстъ изъ береговъ выступилъ, то на такую дистанцію неуповательно, чтобъ скорѣ для мосту нашлись всѣ потребныя припасы. Пойманный шпионъ въ Валахіи, подосланный изъ Туртукая, объявилъ, что Турецкое войско, находящееся въ Силистріи, перешло въ Туртукай, для удостовѣренія въ чемъ точнѣйшаго, приказалъ Генераль-Поручикъ Фонь-Штофельнъ Генераль-Маіору Замятину своихъ послать провѣдователей. Помянутый Генераль-Поручикъ присовокупляетъ въ своемъ послѣднемъ репортѣ и сіе, что Секундъ-Маіоръ Зоричъ, получа извѣстіе отъ Цесарскаго форпоста о движеніи непріятельскомъ къ Чугуру и о забратіи въ плѣнъ, противъ Луденскаго поста, нѣсколько человекъ жителей со скотомъ, 12 числа сего мѣсяца, изъ Рябой Могилы переправился на ту сторону рѣки Прута чрезъ Гогельникъ по дорогѣ къ Каушанамъ съ своею командою, состоящею въ 1509 человекъ, и съ пятыю полковыми орудіями, въ намѣреніи, привлекиши на себя непріятеля, разбить его, въ чемъ

и ожидаетъ отъ него, Маіора, Генералъ-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ увѣдомленія. Армія Вашего Императорскаго Величества отъ сего числа начинаетъ движеніе, и первые полки, по своему положенію, сей день выдуть уже съ кварталъ, а и прочіе по даннымъ каждому маршрутамъ, по тому же на сближеніе поступятъ къ рандеву при Хотинѣ.

23 Апрѣля, 1770 года.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Имѣвъ счастье на сихъ дняхъ получить Всемилоствѣйшіе, Вашего Императорскаго Величества, отъ 26 и 27 Марта, въ коихъ удостоили меня Высочайшимъ повелѣніемъ о засвидѣтельствovanіи, въ сходство статутовъ военнаго ордена Святаго Георгія, точныхъ подвиговъ, коими кто къ полученію онаго учинится достойнымъ; и о Подпоручикѣ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Хотяинцовѣ, который къ арміи, мнѣ вѣренной, прибылъ служить волонтеромъ, долженствую всеподданнѣйшее по онымъ чинить исполненіе; а потомъ за милость, Высочайше явленную мнѣ въ поздравленіи съ праздникомъ Пасхи, всеподданнѣйшую благодарность приношу. Ваше Императорское Величество! Всемилоствѣйше простите, что Вашъ всеижайшій рабъ не имѣлъ столько дерзновенія, чтобъ хранимыя въ сердцѣ искреннѣйшія желанія о семъ свѣтломъ торжествѣ, предварительно изъяснить Вашему Величеству въ своемъ всеподданнѣйшемъ привѣтствіи.

Падши къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю честь назвати.

23 Апрѣля, 1770 года.

Отъ А. М. Марковича.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилоствѣйшая!

По изготовленіи тутъ же слѣдующей всеподданнѣйшей моею, получилъ я отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна рапортъ на

ч. II. 8

мой, присланный къ нему, ордеръ о предпріятіи новыхъ поисковъ на Браиловъ, что онъ не находитъ себя въ состояніи съ лучшею надеждою новыя воспріять дѣйствія на сію крѣпость, по предстоящимъ тѣмъ же самымъ препятствіямъ, которыя описалъ онъ въ своемъ рапортѣ о первой экспедиціи, который имѣлъ я честь представить тогда же Вашему Императорскому Величеству, прибавляя къ тому еще и сіе, что ему теперь великую осторожность соблюдать должно отъ Татарской стороны, дабы, когда въ рѣкахъ вода спадеть, внезапного не сдѣлали нападенія на Молдавію, при нынѣшнемъ новомъ Ханѣ; что войскъ изъ Букарештъ отдѣлать также нельзя, потому что Генераль-Маіоръ Замятинъ отъ 18 Марта оттуда рапортуетъ, что пойманный непріятельскій и отъ сего Генерала посланный шпіонъ изъ Туртукая принесли ему извѣстіе, что Турки на послѣдней недѣлѣ поста, или на первой Свѣтлаго праздника, якобы намѣрены вестъ атаку съ трехъ сторонъ на городъ Букарешты. Въ разсужденіи чего Генераль Штофельнъ предписалъ Генералу-Поручику Князю Репнину, имѣющему команду въ Фокшанахъ, чтобы онъ сдѣлалъ Генералу Замятину подкрѣпленіе, или и поискъ на Дунаѣ.

Генераль-Маіоръ Замятинъ дополняетъ свой вышешисанный рапортъ слѣдующимъ: что онъ изъ наѣздовъ частыхъ непріятельскихъ партій, воображаетъ себѣ что либо сокрытое, и отдѣлил команду пѣхоты къ мосту, чрезъ который онъ сообщеніе съ корпусомъ яри Фокшанахъ хранитъ, гдѣ онъ имъ скрыто быть приказалъ и надъ наѣзжающими партіями дѣлать поискъ; а въ тотъ день, имѣючи онъ рапортъ отъ волонтернаго Маіора Яни, что Турки, пришедъ къ Слатину, вели съ нимъ чрезъ рѣку во весь день перестрѣлку и весьма силились чрезъ оную перейти, но какъ тотъ Маіоръ овладѣлъ прежде всѣми перевозами и въ глазахъ ихъ зжегъ оныя, то безъ успѣху потянулись Турки вверхъ по рѣкѣ Олтѣ и, соединясь съ своею пѣхотою при мѣстечкѣ Рымникѣ, покушаются опять воспящаемую имъ переправу чрезъ Олту возобновить, для чего на той сторонѣ Олты находящемуся Полковнику волонтерному Иліе съ одиннадцатю Капитанами слѣдовать къ Рымникамъ и непріятеля тамъ атаковать, означенный Генераль-Маіоръ повелѣлъ, и надѣется по симъ своимъ распоряженіямъ хорошаго успѣху, — я данными отъ меня Генералу-Поручику Штофельну

ордерами далъ знать мое мнѣніе, чтобы онъ всегда непріятельскія собранія упреждалъ своими пойсками, а своихъ бы силъ не совсѣмъ раздѣлялъ, чтобы иногда въ раздробленіи одна какая изъ нихъ часть не претерпѣла, что ему и нынѣ подтверждено, ибо какъ силы его посредственны, то потому и не можетъ онъ на всѣ стороны ихъ равно обращать, но всегда одинъ и главный имѣтъ предметъ: недопущеніе Турковъ въ Молдавію.

Всеподданнѣйшій рабъ.

1770 года.

Апрѣля дня.

РЕЛЯЦІЯ.

Въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго донесенія моего Вашему Императорскому Величеству, подъ № 29, всѣ полки арміи, мнѣ ввѣренной, выступили уже съ зимнихъ квартиръ и продолжаютъ нынѣ свой маршъ къ соединенію. Отъ конца зимы даже до сей поры льющіеся днемъ и ночью безпрестанные дожди, самыя гористыя въ семь краѣ мѣста превратили, такъ сказать, въ болота, а низкія въ топи непроходимыя. Собственное обозрѣніе, съ какими трудностями марширующіе полки преодолеваютъ таковой разверстыи путь, по необходимости склонило меня назначить имъ нѣсколько раздыховъ, сверхъ показанныхъ въ данныхъ имъ маршрутахъ, дабы тѣмъ временемъ собирались всѣ повозки, съ которыхъ многія отъ всѣхъ полковъ отстали при самыхъ еще квартирахъ и не могутъ дойти къ нимъ за безпутицею. Еще сія трудность, какъ жимо идущая, не больше сдѣлать можетъ для арміи остановки, какъ на нѣсколько токмо дней, ибо ясные дни, коихъ ожидать слѣдуетъ, скоро бы осушили землю и исправили дороги; но я, Всемилостивѣйшая Государыня, въ настоящемъ походѣ, къ сожалѣнію, получилъ изъ Молдавіи рапорты, преклоняющіе къ крайнему уваженію описуемаго въ оныхъ. Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, отъ 28 Апрѣля, увѣдомляетъ меня, что въ городѣ Яссахъ показалось моровое повѣтріе, и тамошніе Медицинскіе чины въ общемъ совѣтѣ, разсматривая причины болѣзней и скоропостижной кончины многихъ людей, нашли на нихъ знаки прямыя сея губельныя заразы. Въ слѣдъ за тѣмъ дошли увѣдомленія изъ Фокшанъ

отъ Генерала-Поручика Князя Репнина, что въ деревнѣ Кодепты, по дорогѣ къ Рымнику, въ 2-хъ часахъ отъ Фокшанъ, также морская язва оказалась, по удостовѣренію посланнаго туда, для освидѣтельствованія, лѣкаря, которое поселеніе командою и окружено для пресѣченія всякаго съ онымъ сообщенія. И изъ Букарештъ отъ Генерала-Маіора Замятина, яко и въ ономъ городѣ сія люта язва появилась, по коей причинѣ онъ со всѣмъ войскомъ изъ города вышелъ, и лагеремъ расположился, оставя въ ономъ пристойную команду, во удержаніе грабленія городу отъ тамошнихъ Арнаутовъ. Число умершихъ въ Яссахъ показываетъ Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, отъ 25 Апрѣля по 28-е, изъ полковыхъ нижнихъ чиновъ 17, да тамошнихъ обывателей 46 человѣкъ; отъ 28-го Апрѣля по 1-е Мая, Венгерскаго гусарскаго полка Поручикъ Германъ Тельцинъ, Прапорщикъ Генрихъ Брумаръ, Пермскаго пѣхотнаго Прапорщикъ Алексѣевъ, нижнихъ чиновъ 23 и тамошнихъ жителей 47 человѣкъ. Изъ города Яссъ всѣ полки выступили въ лагери, также и обыватели большею частью въ поле выбрались, и помянутый Генераль-Поручикъ уповаеъ, при Божіей помощи, вскорѣ пресѣченія тамо сей заразы, чрезъ средства, шмъ употребленныя: истребленіемъ зараженныхъ мелкихъ домовъ, а въ каменные закрытіемъ проходовъ. Къ горшей моей заботѣ подоспѣло наконецъ, отъ 2-го Мая, и отъ Генерала-Маіора, правящаго должность коменданта въ крѣпости Хотинской, Вейсмана, такое же увѣдомленіе, что изъ команды, предъ тѣмъ прибывшей изъ Яссъ въ провозденіи плѣнныхъ Турковъ и Татаръ, три человѣка рядовыхъ заболѣли въ Хотинѣ, на коихъ, по осмотру лѣкарей, найдены знаки мороваго повѣтрія. Сіи болящіе хотя тотчасъ въ особое мѣсто, на форштатѣ заключены къ излѣченію, и хотя и всѣ извѣстные способы, служащіе къ удержанію расщиренія заразы и въ Яссахъ и въ Хотинѣ велѣлъ найтѣчнѣе соблюдать, но какъ лютость сего зла превосходитъ силы человѣческія, къ защитѣ противъ онаго, то если бы (отъ чего, Боже, спаси!) язва разширилась въ Хотинѣ, сіе несчастіе опровергаетъ тогда всѣ надежнѣйшія мои мѣры для предстоящихъ дѣйствій, ибо при сей крѣпости я основывалъ главные свои магазейны всѣхъ потребъ вообще, на снабдѣніе арміи мнѣ ввѣренной. Но что бы уже Богъ ни послалъ, я до самой крайности не удаюсь поступать, слѣдствую обоимъ правиламъ въ Высочайшемъ Рескриптѣ, отъ 21 Февраля,

отъ Вашего Императорскаго Величества, мнѣ предписаннымъ, то есть: удерживать за собою завоеванныя княженія и сохранять войска отъ прикосновенія вышеписанной пагубы, доколѣ только можно будетъ сіи оба предмета соединять въ равновѣсіи. И для того, ежели опасность заразы не дозволитъ чрезъ готовый уже мостъ на Днѣстрѣ, при Хотинѣ, перевести арміи, то я однако жъ стараться стану, обошедъ сіе мѣсто, въ другомъ переправиться чрезъ Днѣстръ, и конечно быть на той сторонѣ въ самой скорости, дабы не дать непріятелю почувствовать настоящихъ приключеній, насъ стѣсняющихъ, а напротивъ походомъ моимъ дальшимъ по сей сторонѣ Прута, показать ему виды прямыхъ на него наступательныхъ дѣйствій, и заставить внимать онымъ. А за тѣмъ я принужденъ буду инаго мѣста искать къ сложенію всѣхъ своихъ запасовъ, хотя столько надежнаго, какъ есть Хотинъ, другаго не находится. На томъ и на семъ берегу Днѣстра, при Хотинѣ, велѣлъ я учредить заставы, дабы никого изъ Молдавіи не пропускать безъ освидѣтельствованія и испытанія, сколько время требуетъ, чтобъ узнать человѣка, не прикосновеннаго къ заразѣ, и письма всѣ получаемыя окуривать и въ укусъ обмачивать, а потомъ присылать ко мнѣ съ куріерами отъ командъ, на сей сторонѣ стоящихъ. Хотя разширеніе заразы до такой степени и не доходитъ, чтобъ и въ собственныхъ Вашего Императорскаго Величества границахъ крѣпкое уже противъ оной принимать сохраненіе, но изъ одной предосторожности я сообщилъ Генералу-Губернатору Кіевскому, чтобъ онъ, по мѣрѣ извѣстій ко мнѣ дошедшихъ, приказалъ, при пограничныхъ заставахъ, изъ Молдавіи идущихъ, сколько приличная осторожность требуетъ, осматривать. Для удостовѣренія точнѣйшаго о появившемся повѣтріи въ Хотинѣ и въ Молдавіи, послалъ я въ тѣ мѣста находящагося при арміи доктора Ореуса, который въ своей профессіи искусствомъ видимымъ въ излѣченіи больныхъ и неуспыннымъ о пользѣ ихъ прилежаніемъ весьма себя отличаетъ, дабы онъ на мѣстѣ испыталъ, зараза ли прямаго повѣтрія тамо дѣйствуетъ, или же жестокость другихъ болѣзней, меньше опасныхъ, хотя и прилипчивыхъ, которыя въ теплое время нынѣшнее обыкновенно размножаются, и способы лѣчительныя въ сихъ случаяхъ, тамошнимъ медикамъ, по лучшему своему разумѣнію, преподалъ. При семъ имѣю честь поднести къ Высочайшему усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, въ копіи рапортъ Генерала-Поручика

Фонъ-Штофельна въ объясненіяхъ, съ какимъ успѣхомъ свой поискъ надъ Татарами окончилъ Маіоръ Зоричъ, объ отправленіи коего за рѣку Прутъ доносилъ я Вашему Императорскому Величеству во всеподданнѣйшей моей отъ 23 Апрѣля.

Въ послѣднихъ числахъ истекшаго Апрѣля репортовалъ изъ Фокшанъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ, что по предварительному извѣстію о идущей Турецкой партіи изъ Браила къ Бузео, хотя онъ чрезъ Подполковника Фабриціана, состоящаго въ Рымникахъ, предувѣдомилъ было содержащаго постъ въ Бузео, Арнаутскаго Капитана Яна Николаева, дабы сей въ случаѣ превосходной Турецкой силы, противъ его команды, въ 200 Арнаутовъ состоявшей, засѣлъ въ монастырь Бузейской, который весьма крѣпокъ, и въ ономъ ожидалъ себѣ сикурсу; токмо оный Арнаутскій Капитанъ, коль скоро непріятель показался, остави хранимый постъ, ушелъ съ своею командою въ горы, а между тѣмъ шедшій въ подкрѣпленіе ему, отъ Подполковника Фабриціана, Капитанъ Требинскій съ 200 Козаковъ и Арнаутовъ, приближась къ Бузео и увидѣвъ сіе мѣстечко въ пламени, бросился въ плавь чрезъ рѣку и съ 40 человекъ Козаковъ и Арнаутовъ ударилъ въ непріятеля и его разбилъ, забратыхъ жителей Бузейскихъ освободилъ, въ плѣнъ взялъ трехъ Турковъ, многихъ положилъ на мѣстѣ, а остальныхъ принудилъ бѣжать къ Браиламъ, и потомъ занялъ по прежнему постъ въ Бузео, въ которомъ, при нападеніи, нѣсколько халупъ непріятелемъ выжжено. Помянутаго Арнаутскаго Капитана Николаева Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, какъ безчестнаго чловѣка, велѣлъ скованнаго къ себѣ прислать.

Непріятельскихъ движеній ни къ сторонѣ Букарештъ, ни къ Фокшанамъ, ни отъ Татарской Орды ни мало не открывается и посылаемые нами развѣзды, на сей сторонѣ рѣки Дуная, нигдѣ оныхъ не встрѣчаютъ. Выходцы изъ Турецкаго плѣну и посылаемые для провѣдыванія Волохи согласно приносятъ извѣстія, что при Исакчѣ на Дунаѣ мостъ еще не конченъ, однако уже суда прошлогоднія поставлены, и доски положены, а разливъ Дуная столь необыкновенно расширяется, что и никто противъ нынѣшняго наводненія въ ономъ не помнитъ, ибо въ мѣстечкѣ Карталъ, которое больше часа отъ берега лежитъ, жители лодками ѣздятъ. Визирь находится въ Бабады, при немъ не болѣе 20 т. считаютъ

войска, и сколько оно ежедневно прибывающими ни умножается, столько чрезъ побѣги ежечастные опять оскудѣваетъ. На послѣдокъ въ Букарешты возвращающіеся изъ полону показываютъ слышанное ими въ Турецкой сторонѣ, якобы Турки вездѣ публично говорятъ о предположенномъ своемъ намѣреніи не переходить на сію сторону рѣки Дуная, по той сторонѣ, укрѣпясь, защищаться, и что прежнее предположеніе нападать на Букарешты у нихъ совсѣмъ отмѣнилось. Достоверныхъ же извѣстій чрезъ надежныхъ коммиссіонеровъ, которые посланы до Андрианополя и Царьграда, Генералъ-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ не можетъ скорѣ получить, ибо имъ иной дороги нѣтъ, какъ проходить чрезъ Трансильванію, гдѣ безъ положеннаго карантинна не пропускаются, потомъ чрезъ Венгрію къ Виддину, или къ Бѣлграду слѣдовать, и тако скорѣ двухъ мѣсяцовъ возвратиться имъ нельзя. Я предписалъ упомятому Генералу-Поручику «не полагаться на вышеписанныя увѣдомленія, которыя одно другимъ опровергаются, и кои, можетъ быть, Турки пропускали прежде во устрашеніе намъ, а нынѣ тоже чинятъ нарочно, дабы насъ усыпить; но чтобъ онъ больше свои осторожности противъ того учреждалъ, что непріятель собраніе войскъ, какъ ни есть производить однако жъ за Дунаемъ, что при Исакчѣ и мостъ и запасы провіантскіе приготовляются, а все сіе показываетъ его намѣреніе переходить на сію сторону, слѣдственно необходимость требуетъ избрать мѣсто, удобнѣйшее къ распоряженію въ ономъ всего нашего тамошняго корпуса къ предстоящимъ операціямъ, которое ему Генералу-Поручику я и назначилъ между Бырлатомъ и Васлуи, по дорогѣ Ясской, куда и перенестись войскамъ изъ Букарештъ и Фокшанъ; какъ первое выходитъ совсѣмъ изъ положенія того, въ которомъ должно быть нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, о чемъ я Вашему Императорскому Величеству имѣлъ честь доносить отъ 5-го Апрѣля, а въ послѣднемъ не зачѣмъ держаться, поелику сіе мѣсто, какъ по лучшему обозрѣнію открылось, совсѣмъ есть безъавантажное къ защищенію; охранивъ съ другой стороны достаточнымъ постомъ дорогу отъ Романа, гдѣ касается оной конецъ, или ущелье Трансильванскихъ горъ, и сдѣлавъ для сообщенія между собою симъ постами на Серетъ мосты. Въ расположеніи таковомъ будучи, тотъ корпусъ защищать совершенно можетъ всю сторону между Прутомъ и Серетомъ, и отъ Серета до Трансильванскихъ горъ, по непреходи-

мымъ мѣстамъ и совсѣмъ остается безпеченъ; я примѣтилъ тутъ же оному Генералу-Поручику, и дабы имѣвъ всѣ способы на мѣстѣ узнавать о предпріятіи непріятельскомъ, наблюдалъ онъ время, чтобъ прежде могъ соединиться и войти со всѣми отдѣльными частями своего корпуса спокойно въ вышеназначенное положеніе; нежели бы непріятель, перешедъ Дунай, въ состояніи былъ въ томъ ему нанести, не токмо опасность, но хотя и затрудненіе. Оставляя Букарештъ и Фокшаны, приказалъ я такъ поступать, чтобъ непріятелю не подагъ вида, что сію сторону мы ему оставляемъ изъ утѣшенія, но паче бы онъ думалъ, что мы мѣняемъ одно мѣсто на другое, ища способности лучшей ему вредить, и для того, въ сходство перваго моего ордера, повторилъ, не токмо въ городахъ не дѣлать никакого грабленія и вори, но и жителей заблаговременно предварить о переселеніи оттуда, дабы намъ преданные отъ всякой бѣды могли быть сохранены.»

Расположенные въ Польшѣ команды отъ арміи, мнѣ ввѣренной, въ прошедшемъ Апрѣлѣ имѣли потычки съ Конфедератами слѣдующія: Подполковникъ Елчаниновъ, въ околностяхъ Премысли къ Венгерскимъ границамъ содержащій стражу, съ своею командою подходя до Конечной, передовыми своими, прежде разбилъ разѣздъ Конфедератскій, предводимый Регименторомъ Киркуромъ, положивъ на мѣстѣ до 40 человекъ возмутителей, потомъ когда Пулавскій о семъ уронѣ, свѣдавъ, ретировался къ Конечной, и соединился тамо съ Маршалкомъ Бѣльскимъ Метчинскимъ, то помянутый Подполковникъ преслѣдовалъ его до того мѣста; 4-го числа, Козаки, авангардъ его дѣлающіе, встрѣтили два эскадрона гусаръ Радзивиловыхъ, кои тотчасъ стали отступать, однако, съ такимъ порядкомъ, что только человекъ съ 15-ть и два офицера ихъ въ ретирадѣ Козаками убиты, да въ полонъ взято 4. На послѣдокъ, опровергнувши ихъ пикеты при Конечной, когда на всю партію Конфедератовъ, ставши въ порядокъ къ бою, означенный Подполковникъ повелъ свою пѣхоту, то они всѣ перешли за границу Венгерскую, и за оною построились, а наши команды дальше на нихъ и наступать не могли, и принуждены отойти по перестрѣлкѣ съ обѣихъ сторонъ пушками и охотниковъ. Уронъ при семъ случаѣ Конфедераты понесли не малый, какъ дезертировавшіе отъ нихъ показываютъ, а съ нашей стороны убито

карабинеровъ 3, солдатъ 1, казаковъ 4; ранены вахмистръ 1, карабинеръ 40, солдатъ 1, козаковъ 5, лошадей строевыхъ убито 4, ранено 16.

Изъ Станиславова Полковникъ Ширковъ увѣдомляетъ, по дошедшему къ нему извѣстію, отъ Польскаго Генерала и драгунскаго полку Полковника Винявскаго, что Конфедератовъ до 300 человекъ, противъ 22 числа, подъ командою Полковника Дрозда, прѣхавъ въ мѣстечко Грудокъ, у стоящаго въ ономъ полка, его штабдарты, всю амуницию и лошадей забрали и уѣхали, пробираясь къ Дуклѣ, соображаясь, что сей коронный полкъ имѣлъ на лицо болѣе 200 человекъ, слѣдовательно, и достаточно бы могъ воспротивиться начальникамъ, однако жъ того не чинилъ, то и походить таковъ грабежъ больше на хитрость, и добровольную всего того отдачу во вспоможеніе Конфедератовъ. Въ мѣстечкѣ Ляшкахт, изъ его жъ, Полковника Ширкова, развѣздъ, 21 числа, наѣхавъ на Конфедератскую партію въ 30 человекъхъ убилъ изъ оной 3-хъ человекъ, да 6 взялъ въ полонъ, съ команды жъ нашей легко раненъ 1 карабинеръ. Тогда жъ и отъ Бѣлоховскаго поста посланные 30-ть человекъ Козаки, наѣхавъ на небольшую Конфедератскую партію въ деревнѣ Новокрапивникахъ, которые, увидѣвъ Козаковъ, тотчасъ въ окошки стали по нихъ стрѣлять, разбили оную, при чемъ Козаки одного изъ нихъ отстрѣливающагося закололи, а двухъ положили, а прочіе ушли въ близъ лежащій лѣсъ. 27-го прибывшій ко мнѣ изъ Варшавы Маіоръ Остенъ объявилъ, что на дорогѣ близъ Тартака, напавъ на него Конфедератская партія, разграбила и отбила депешу, которую чрезъ него послалъ ко мнѣ Полномочный, Вашего Императорскаго Величества, Посоль, Князь Волконскій, отъ коего давно уже я не получаю ни о чемъ увѣдомленій; но въ то самое время случилось подѣхать къ тому мѣсту высланной изъ Бродъ Донской командѣ 12-ти человекамъ, которые, соединясь съ командою Владимирскаго драгунскаго полка, слѣдовавшаго до Бродъ, въ препровожденіи плѣнныхъ Конфедератовъ, успѣли настигнуть ту возмутителей партію, изъ коей убили 6-ть, да полонили 6-ть же человекъ, а прочіе разбѣжались. Отбито при томъ бывшихъ въ полону, захваченныхъ сими Конфедератами, изданныхъ отъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка Львовскому Коменданту для высылки съ земли хлѣба, солдатъ 3, да бѣглыхъ Сибирскаго полка одного,

также в одного Козака Малороссійскаго, отхваченнаго ими въ про-
вожденіи куріера, а депеши помянутой отъ нихъ не выручено.

Генераль-Маіоръ Буткевичъ, переѣзжая Броды, рапортуеть
ко мнѣ оттуда, что тамошній Комендантъ, отставной Генераль-
Маіоръ Каленберхъ, открылъ ему слышанное имъ за секретъ отъ
Воеводы Кіевскаго Потоцкаго, яко подъ предводительствомъ Кон-
федератскаго Маршалка Пулавскаго, гдѣ и Князь Мартынъ Любо-
мирскій находится, въ мѣстечкѣ Самборѣ и около онаго знатное
число Конфедератскихъ конныхъ и пѣшихъ войскъ собирается, и
считаютъ оныхъ по крайней мѣрѣ быть въ 5 т. человекъ, между
коими состоитъ одинъ конный полкъ Короннаго Гетмана Ржеву-
скаго, яко бы принужденно Пулавскимъ взятый, что сіи возмути-
тели, раздѣлясь на партіи, укрываются еще по лѣсамъ и прима-
ниваютъ шляхту. По симъ откровеніямъ, когда уже во внутрь пре-
грады, сдѣланной отъ меня на заслону въ Польшѣ заготовленнымъ
нашимъ припасамъ, осмѣливаются въ сію пору влзать и возставать
мятежники, то при дальшемъ движеніи арміи они въ сихъ мѣ-
стахъ еще больше покажутся, какъ я Вашему Императорскому Ве-
личеству всеподданнѣйше доносилъ, что на скромность всего здѣ-
шняго шляхетства вовсе полагаться не можно, и что ихъ доселѣ
удерживалъ въ покоѣ одинъ страхъ присутственнаго оружія; ибо
во всю зиму безпрепятственное имѣвъ убѣжище въ Венгерскихъ
границахъ, Конфедераты, съ коими и отъ разбитія въ великой Поль-
шѣ остатки соединялись, могутъ въ удобную пору, показавшись къ
своимъ вѣтреннымъ собратіямъ, вложить въ нихъ великое упованіе
и охоту послѣдовать своему примѣру. Я теперь въ закрытіе своихъ
магазиновъ еще сдѣлалъ прибавку войскъ Козачьими командами, и
не оставляю Вашему Императорскому Величеству обстоятельно до-
нести изъ радеву, въ коликъ числѣ я выступлю, и сколько
здѣсь войскъ оставляю подъ командою Генерала-Поручика Фонъ
Эссена, которому и далъ я уже повелѣніе принять оставляемыя
въ Польшѣ команды, и коимъ образомъ ему поступать, имѣя, по
отшествіи арміи, начальство въ сей части Польши.

6 Мая, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Всевысочайшіе Вашего Императорскаго Величества отъ 15-го и 22-го Апрѣля, удостоился я вчера получить; въ первомъ, Ваше Императорское Величество, предполагать соизволите охранять мой лѣвый флангъ второю арміею. Я по ея непараллельному ни въ квартирахъ расположенію, ни настоящему движенію со вѣрною мнѣ, осмѣлился Вашему Императорскому Величеству представить и просить всеподданнѣйше о приумноженіи войска легкаго, не могучи лѣвое свое крыло безъ закрытія войсками арміи, мнѣ вѣрною, оставлять. Событіе показало въ прошедшую зиму, что если бы стражи моей тамъ не было, Татары пробрались бы къ моимъ зимнимъ квартирамъ. Теперь я и паче долженъ тамъ держать до 1500 разнаго легкаго войска, потому что Татары вновь, 27 Апрѣля, какъ я сейчасъ получилъ репортъ, нападеніе учинили въ Польскія селенія: Пирожное, Гулубичи, Попелюхи, Зеленянки и Терновки, и забрали въ плѣнъ жителей тамошнихъ съ ихъ пожитками; а сему нашествію попрепятствовать не могла малая Малороссійскихъ Козаковъ команда, въ Жабокричкахъ расположенная, которая хотя въ стычку съ Татарами вступала, но, потерявъ своихъ двухъ Козаковъ и полонивъ одного Татарина, дальше не въ состояніи была преслѣдовать непріятеля въ превосходныхъ предъ собою силахъ. Съ написанной прежде сего и тутъ слѣдующей моей всеподданнѣйшей, Ваше Императорское Величество, соизволите узнать, что я, соотвѣтствуя Высочайшей Вашей довѣренности и, преодолевая встрѣчающіяся трудности, иду съ арміею за Днѣстръ и походомъ моимъ прямымъ по сей сторонѣ Прута, стараюсь въ непріятеля вложить больше мыслей, чѣмъ суть прямыя мои силы, и прикрывать недостатокъ оныхъ видамъ наступательныхъ дѣйствій.

6 Мая, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Вчерашниго дня, то есть, 12 Мая, арміи Вашего Императорскаго Величества, моему предводительству вѣрная, соединилась въ семь лагерѣ при рѣкѣ Днѣстрѣ, противъ крѣпости Хотина. Прежде нежели я могу во всей подробности о числѣ войскъ и всѣхъ

моихъ распоряженіяхъ, которыя теперь устрою, въ разсужденіи обряда полеваго, обстоятельный представить рапортъ, за нужно я призвалъ поспѣшить всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Вашему Императорскому Величеству о слѣдствіяхъ злослѣдствіаго происшествія, то есть оказавшагося мороваго повѣтрія въ Молдавіи и Валахіи. Во всеподданнѣйшей моей отъ 6-го Мая, подъ N. 30, доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что ради испытанія о точности заразы, и къ упрежденію расширенія оной средствами, которыя подаютъ врачебная наука, отпавленъ отъ меня въ тѣ мѣста лучшій въ арміи докторъ Ореусъ. Онъ, освидѣтельствовавъ въ началѣ лазаретъ Хотинскій, не нашелъ въ семъ мѣстѣ прямой опасности отъ язвы, ибо три солдата, на коихъ признаки повѣтрія оказались, день ото дня имѣютъ больше облегченія въ своей болѣзни, а токмо между симъ временемъ одинъ Козакъ тамъ умеръ скоропостижно, не чувствуя въ себѣ немощи прежде одного дня до своей кончины, который тотчасъ погребенъ и пожитки его всѣ также зарыты въ землю. Изъ Хотина, прибывши въ Бутушаны, а оттуда въ Яссы, совсѣмъ въ другемъ видѣ и въ самомъ опаснѣйшемъ, въ обоихъ сихъ мѣстахъ, примѣтилъ онъ въ страждущихъ дѣйствіе сущаго повѣтрія, поражающаго многочисленно тамъ прибывающихъ людей. Къ лучшему усмотрѣнію изъясненія о томъ, я, подношу при семъ экстрактъ, подъ литерою А, изъ рапорта ко мнѣ помянутаго доктора. Генераль-Поручикъ Фояъ-Штофельнъ увѣдопляетъ также, что кромѣ Яссъ, и въ другихъ селеніяхъ въ Молдавіи также отъ заразы люди мрутъ. Ваше Императорское Величество въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 21 Генваря, Всемилостивѣйше предали моему собственному размѣру и уваженію, по показавшемуся тогда въ Яссахъ повѣтрію, дабы безъ самой крайности не оставлять занятыхъ столь нужныхъ непріятельскихъ земель, или напротивъ того не подвергнуть очевидной и совершенной пагубѣ лучшую и большую часть арміи, какова потеря не могла бы уже замѣнена быть въ пользу военныхъ операцій удержаніемъ за собою земель, войною и повѣтріемъ опустошенныхъ. Оба сіи предположенія толь сильнѣе теперь борются между собою, когда и вся Вашего Императорскаго Величества армія переносится къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ будучи, по послѣдней мѣрѣ нельзя уклониться отъ сообщенія со введенными прежде туда войсками, къ коимъ отъ части прикоснулась уже зараза. Всеподданнѣйшее мое раченіе

о славѣ и пользѣ оружія Вашего Императорскаго Величества уваженіе, чтобъ не опоздать всякою помощію корпусу, находящемуся въ Молдавіи и Валахіи, и не дать непріятелю виду къ признаванію въ насъ малодушія, заставляють меня нынѣ предпочтительно взирать на окрестности, относящіяся къ сямъ предметамъ, доколѣ верхъ не возьметъ надъ оными противная крайность, которую, Боже оборони; и потому я съ арміею немедленно, по сдѣланному мосту при Хотинѣ, изъ настоящаго лагеря переходитъ начну за Днѣстръ, и далѣе движеніе мое возьму, по сей сторонѣ рѣки Прута, мѣстами мало обитаемыми, гдѣ по сіе время отъ заразы не слышно опасности, ожидая отъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія, коего всеподданнѣйше испрашиваю на случай дальнѣйшаго настоящаго злоключительнаго происшествія, и ежели пагубная язва въ войскѣ, или въ тамошнихъ окрестностяхъ, съ допущенія Божія, отъ времени паче и паче расширяться станетъ, и преодолѣть дѣйствию ея не возмогутъ всѣ осторожности, которыя неукоснительно предприемлются. Мѣстечко Бутушаны, хотя весьма нужное къ сообщенію между Яссы и Хотина, повелѣлъ я, по умножившейся въ ономъ заразѣ, теперъ оставить и проложить коммуникаціонную дорогу въ другую сторону, примѣтивъ съ прискорбіемъ Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, что онъ не упредилъ изъ сего мѣстечка завременно вывести военной команды, по первымъ знакамъ оказавшейся тамъ болѣзни. Послѣ отправленія послѣдней моей всеподданнѣйшей, имѣлъ я рапорты изъ Молдавіи отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна о слѣдующемъ: 1-го числа сего мѣсяца въ великомъ числѣ Татары учинили нападеніе на нашъ Козачій постъ, стоявшій при деревнѣ Гечи, и превосходными силами принудили оный ретироваться съ потеряніемъ на мѣстѣ 14 козаковъ, а непріятеля убито 15 человекъ. Превозможеніе таковое способствовало Татарамъ ограбить нѣкоторыя Молдавскія пограничныя селенія; но когда сіе Татарское войско съ ясыромъ возвращалось въ свои границы, то посланный для примѣчанія за онымъ со ста человекъ Арнаутовъ, Капитанъ ихъ Лазаревъ, зашедъ въ лѣсу по дорогѣ къ Кишеневу, нечаянное учинилъ на него нападеніе, убилъ до 60 Татаръ, въ полонъ взялъ 5 человекъ, и всѣхъ плѣнныхъ Молдавцевъ освободилъ. По рапортамъ отъ Фокшанъ и изъ Букарештъ, нигдѣ еще не оказывается на сію сторону Дуная непріятельскихъ движеній, и новѣйшія извѣстія, ко-

торыя приносятъ выходцы изъ за Дуная, равно гласятъ какъ и первые, что моста за разлитіемъ воды не могутъ окончить при Исакчѣ, и что Визирь не больше 20 т. имѣеть войска въ Бабады. Отъ Генерала-Поручика Князя Репнина присланные допросы явившимся изъ за Дуная Волохамъ, въ изъясненіи ими видѣннаго, подъ литерою В, также увѣдомленіе одного Волоха, принадлежащаго Хану, который прежде въ Яссы съ письмами (кои и Вашему Императорскому Величеству я представилъ) отъ него былъ присланъ, и дачею 50 руб., равно и другими обнадеживаніями преклоненъ къ доброжелательству нашей сторонѣ, подъ литерою С; а переводъ съ письма Ханскаго, которое подлинное отослано къ командирующему второю арміею Генералу Графу Панину, въ полученіи отправленнаго отъ него Турецкаго шкипера, задержаннаго въ крѣпости св. Дмитрія, при разрывѣ мира, подъ литерою D, такъ какъ и показаніе Молдавцевъ, отвозившихъ сего шкипера, что имъ внушилъ секретарь Ханской, подъ литерою Е; къ сему въ копіяхъ присоединяю купно и экстрактъ, подъ литерою F, изъ рапорта о разбитіи вновь партіи Конфедератской войсками отъ арміи, мнѣ ввѣренной.

По увѣдомленію отъ Каушанъ нашего корреспондента, предвѣрилъ я о такомъ непріятелѣ положеніи командирующаго второю арміею Генерала Графа Папина, совѣтуя корпусъ его передовой, что уже дошелъ къ Ладыжину, подъ командою Генерала-Поручика Эльмпта, подвинуть до Днѣстра и къ тому мѣсту, гдѣ намѣрены переходить сію рѣку, а ежели бъ того учинить не можно, то хотя патрулямъ показывать видъ приближенія той арміи и заставить непріятеля внимать тому. А съ моей стороны, въ преграду оглашаемымъ Татарскимъ нападкамъ, велѣлъ я тремъ карабинернымъ полкамъ, Тверскому, Тобольскому и Московскому, перешедъ Днѣстръ и соединясь съ 400 пѣхоты изъ гарнизона Хотинскаго, взять постъ при Липчанахъ, которое мѣстоположеніемъ своимъ столь есть выгодное, что мимо оногo нельзя отнюдь непріятелю пробраться между Днѣстромъ и Прутомъ. Теперь мое упражненіе веду, наполняя полки людьми и по недостатку два въ одинъ слагаю, ибо рекруты на походъ приводятся, и нѣтъ возможности въ такое уже время сдѣлать ихъ солдатами, слѣдственно и взять съ собою, инако же ведши ихъ въ поле, было бы жертвовать ими непріятелю, а

и больше еще самой натурѣ, какъ не привыкшими къ тягости военныхъ полевыхъ трудовъ, ради чего оставляю я ихъ въ гарнизонѣ Хотинскомъ. Впрочемъ всенижайше доношу, что со вступленіемъ арміи Вашего Императорскаго Величества въ нынѣшній походъ, то есть, съ открытія кампаніи, приказалъ я вести обыкновенный журналъ, который въ назначенное время и отправлять не премину.

13 Мая, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Получа теперь рапортъ отъ Инженеръ-Генераль-Маіора Гербея, что приготовляемые всѣ, по распоряженію моему, для второй арміи къ осадѣ города Бендеръ, артиллерійскіе, лѣсные и прочіе припасы, 11-го сего мѣсяца, отъ Хотина въ мѣстечко Калюсъ, въ полномъ числѣ, по Днѣстру сплавлены, съ которымъ оны полагаютъ отправиться изъ того мѣста внизъ Днѣстра, 18-го сего мѣсяца, за долгу я почелъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести.

13 Мая, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

По написаніи слѣдующей при семъ всеподданнѣйшей моей, подъ № 32, подоспѣли ко мнѣ, отъ 12 Мая, рапорты Генераль-Поручика Фонъ-Штофельна съ увѣдомленіемъ, что всѣ употребленные способы къ искорененію моровой язвы, еще ее не прекращаютъ. Отъ Генерала-Поручика Князя Репнина имѣлъ онъ рапортъ, яко изъ прибывшей въ Фокшаны команды Ширванскаго пѣхотнаго полку, съ полковыми тягостями, 30-и человекъ, 10 моровою язвою померли, въ томъ числѣ одинъ, сожигая ихъ вещи и неосторожно дотрогиваясь, скончался скоропостижно. Изъ Букарештъ Генераль-Маіоръ Замятинъ по тому жъ доноситъ, что и въ томъ городѣ обыватели уже дневно во многомъ числѣ мрутъ, и между военнослужащими, хотя они съ городомъ никакого сообщенія не имѣютъ и въ лагерь стоятъ, однако нѣсколько человекъ въ знакахъ сей лютой болѣзни скончались.

Ясской Митрополитъ и Бояре представляли Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, что въ Валуйскомъ цынутъ, въ 12 часахъ отъ Яссы, находится чудотворная икона пресвятой Богоматери, которая въ таковыхъ злоключеніяхъ приносима бывала въ Яссы, и они тогда великую пользу отъ заразы признавали, на что они и теперь просили дозволенія, тако жъ какъ сей образъ въ богатомъ окладѣ, конвою для безопаснаго перенесенія. Почему упомянутый Генераль-Поручикъ тотчасъ имъ въ томъ способствовать не оставилъ, и та икона въ воскресный день, то есть, 9 Мая, при колокольномъ звонѣ, находящимися тамъ Штабъ и Оберъ-Офицерами и тамошними жителями встрѣчена и въ Яссы внесена, отъ тамошняго Митрополита моленіе и постъ съ 10-го по 13-е число назначенъ, а въ праздникъ Вознесенія Христова имѣлъ бытъ ходъ по всему городу съ чудотворною иконою, которую потомъ къ своему мѣсту отправятъ. Въ сихъ же рапортахъ я и то нахожу, что по великой заразѣ въ мѣстечкѣ Бутушанахъ, реченный Генераль-Поручикъ приказалъ изъ одного всѣмъ выгнати и занять другое мѣсто, разстояніемъ въ 2-хъ часахъ отъ одного, и никому съ тѣмъ мѣстечкомъ не сообщаться. И такъ прежде сего въ изготовленной всеподданнѣйшей моей упомянутое, что я съ прискорбіемъ примѣтилъ сію осторожность Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, послѣдовало токмо по неускоренію его рапорта, что онъ уже надобное исполнилъ. Въ прошедшихъ дняхъ имѣлъ изъ Букарештъ со всемъ деташаментомъ Генераль Замятинъ выступить къ соединенію съ Фокшанскимъ постомъ, а потомъ къ занятію назначеннаго отъ меня поста всему корпусу между Валуй и Бырлата, онъ тамошнихъ жителей предварилъ пристойно о своемъ отбѣгнѣ, и чтобъ они на сіе время избрали безопаснѣйшія къ пребыванію своему мѣста; нѣсколько изъ оныхъ, прямо намъ доброжелательныхъ, намѣрены при войскѣ слѣдовать, большая же часть склонности къ тому не оказываетъ. Отправленные отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельна, для провѣдыванія о непріятельскомъ положеніи, возвратясь изъ за Дуная, увѣряють, сходственно съ прежними вѣстниками, что при Визирѣ не болѣе 20 т. войска считается и мостъ чрезъ рѣку Дунай къ окончанію не приведенъ, что народъ единогласно говоритъ, что Визиръ чрезъ рѣку Дунай переходить не намѣренъ и будетъ подкрѣплять Бендеры отдѣльнымъ войскомъ. Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ увѣдомляетъ меня, что пре-

проваженъ къ нему изъ Букарешть, явившійся на тамошніе наши форпосты Адъютантъ Цесарской службы Генераль-Майора Голберздорфа, прозываемый Вестеръ-Мееръ, который дезертировалъ, укрываясь въ теченіе партикулярной злобы своего Генерала, о выдачѣ коего, яко бѣглеца, партикулярнымъ письмомъ Цесарской Генераль Одонель отзывался къ Генераль-Майору Замятину, но сей предъ нимъ извинился, что уже предъ тѣмъ сей Офицеръ не извѣстно куда дѣвался изъ Букарешть. Какъ помянутый Адъютантъ свое только желаніе объявилъ быть отъ меня отправляемымъ въ Санктпетербургъ къ пребывающему при Высочайшемъ Дворѣ Вашего Императорскаго Величества Цесарскому Послу, Принцу Лобковицу, то и почелъ я приличнымъ, удалясь отъ всякаго предлога, что иногда принять быть можетъ за недовольное уваженіе къ натуральному положенію обоюдныхъ Вашего Императорскаго Величества съ Вѣнскимъ Дворомъ интересовъ, и въ пресѣченіе дезерціи, оказывающейся и отъ нашихъ войскъ, по близости къ границамъ Цесарскимъ, выдать сего дезертира, и писалъ о присылкѣ за нимъ къ Генералу Графу Одонелю, прося при томъ его партикулярно, какъ человѣка мнѣ знакомаго, чтобъ онъ, по своему великодушію, снизошелъ милостиво къ поступку сего Адъютанта. Сей случай принялъ я поводомъ сдѣлать въ письмѣ моемъ сему Цесарскому Генералу предложенія о постановленіи картеля, въ сходство правилъ, предписанныхъ мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 21 Генваря, и каковъ отвѣтъ его будетъ не упущу въ свое время Вашему Императорскому Величеству донести.

14 Мая 1770 года.

Всемилоствѣшая Государыня!

Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества, отъ 8-го сего мѣсяца, письмо съ нарочнымъ куріеромъ, къ коему присоединить указали предварительно дошедшія извѣстія о торжествующемъ оружіи Вашего Императорскаго Величества, которому въ отдаленные концы на пагубу Оттомановъ водная, повинующаяся славѣ Вашей,

стихія, способствовала достигнуть, преисполнило меня обрадованія, подтвердивъ наибольше достовѣрность подобныхъ увѣдомленій, что я уже имѣлъ изъ Варшавы отъ Кнзя Волконскаго. Въ недоумѣннѣ, по истинѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, всѣ нынѣ царства земьяны о толикихъ дѣлахъ Вашей премудрости, когда какъ молнія летить Ваше войско, и уже тамъ производитъ свои завоеванія, куда еще Сѣверныхъ героевъ не досязало могущество. Пройтись моря, касающіяся отдаленныхъ частей свѣта, въ мгновеніе ока и возгрѣмѣть оружіемъ своимъ нечаянно надъ главою гордаго Стамбула, потомство наше сочтетъ чудесами и завидовать станетъ блаженству нашего вѣка, которой Ваше Императорское Величество, именемъ и дѣлами своими толико превознесли. Я съ стороны моего званія не упуцую, Всемилостивѣйшая Государыня, сколько силъ моихъ станетъ, достигать тѣхъ предметовъ, къ которымъ прозорливость и руководство Ваше откываютъ мнѣ новые пути; но настоящія увѣдомленія, которыя мнѣ подаетъ Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, по увѣренію приходящихъ изъ за Дуная, гласятъ, что мостъ при Исакчѣ наипоспѣшнѣе стараются достроить, о обращеніи же Румелійскаго войска къ Мореѣ, тутъ еще нѣтъ точнаго слуху. Я предписалъ Штофельну послать для провѣдыванія о семъ за Дунай вѣрнѣйшаго человѣка, но та бѣда, что коммиссіонеры сіи не могутъ, развѣ черезъ нѣсколько недѣль, возвращаться, ибо надобно имъ проходить черезъ Трансильванію и Венгрію, гдѣ безъ карантина не пропускаютъ, а инако взить прямо путь было бы иттить на извѣстную пагубу, какъ у Турковъ всякой встрѣчающійся отвѣтствуетъ головою; одинъ докторъ изъ Яссы, именемъ Никола, свѣдущъ довольно въ Турецкихъ дѣлахъ, давъ сына своего въ залогъ, взялся поѣхать въ Турецкую армію и наитить способъ остаться у самаго Визири и вестъ съ нами переписку, я велѣлъ его отправить Генералу-Поручику Фонъ-Штофельну, обнадежа довольнымъ воздаяніемъ за произведеніемъ сей услуги. Ваше Императорское Величество съ донесеній моихъ соизволите знать, сколько опасными трудностями въ предстоящихъ подвигахъ страшить меня появившаяся въ завоеванныхъ земляхъ смертоносная язва, равномерно и то, что по разоренію отъ Турокъ сихъ земель, ни на одинъ день пропитанія для войскъ достать тамъ нельзя; но оное должно везть съ собою. Всѣ однако жъ сіи неудобства ищущая преодолѣвать, и осмѣливаюсь удостовѣрить, что ни одинъ случай

пропущенъ мною не будетъ, споспѣшествующій службу Вашего Величества. Падши къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества имѣю счастье назваться.

19 Мая 1770 года.

Дост. А. М. Марковичемъ.

РЕЛЯЦІЯ.

Вашему Императорскому Величеству имѣю честь донести, коимъ образомъ сильная попытка непріятельская изъ за рѣки Прута къ наваденію на Молдавію на сихъ дняхъ отражена командами отъ корпуса Генерала-Поручика Фонтъ-Штофельна. Въ 13 день Мая сей Генералъ-Поручикъ, получа увѣдомленіе отъ Фальчинскаго поста, что при деревнѣ Лунка-Бануль, между Фальчи и Рябой Могилы, на сторонѣ Прута, показался Турецкой и Татарской лагерь со множествомъ повозокъ, тотъ часъ командировалъ къ тому мѣсту Ахтырскаго гусарскаго полка Секундъ-Маіора Зорича для воспріятія вопреки потребныхъ мѣръ съ помощію командъ, которыя повелѣлъ ему отъ другихъ постовъ призвать въ соединеніе. Въ слѣдствіе такового предувѣдомленія, на другой день, то есть 14 Мая, репортовалъ помянутой Секундъ-Маіоръ Зоричъ, что въ самомъ дѣлѣ засталъ онъ непріятеля, переправляющагося чрезъ Прутъ, когорый въ тотъ же день, какъ чрезъ оную рѣку, такъ и чрезъ два широкіе заливы въ бродъ и плавь перешелъ въ 4-хъ т. пѣхоты и конницы, производя стрѣльбу изъ трехъ пушекъ, которыя уставиъ онъ на берегу Прута: приступая къ третьему заливу, гдѣ самое было узкое мѣсто, и занятое капитанами Ахтырскаго гусарскаго полка Требуховичемъ съ 300 легкихъ войскъ, Архангелогородскаго пѣхотнаго Вельяминовымъ съ 200 человекъ пѣхоты и съ двумя пушками, съ великою отвагою сей непріятель стремился достигнуть до нашихъ командъ, и не зирая на сильную пальбу по немъ изъ пушекъ и мелкаго ружья, съ обыкновеннымъ крикомъ бросился въ воду, но какъ сей заливъ до четырехъ сажений ширины, и весьма глубокъ былъ, тако жъ берегъ, на которомъ команда Требуховича состояла, крутъ и высокъ, то до половины въ воду воѣжавъ, непріятельская пѣхота и конница, далѣе за глубиною и крутостью

берега, продолжать нападеніе не могла, и видѣвъ тутъ себя изъ ружья и отъ Козаковъ копіями побиваемыхъ, обратилась въ бѣгъ, подвергаясь пушечнымъ картечнымъ выстрѣламъ. Секундъ-Маіоръ Зоричъ, подоспѣвъ туда же съ нѣсколькими единорогами, приказалъ тотъ часъ по непріятелѣ стрѣлять и гранаты метать, чѣмъ не только къ отступленію, но и къ обратной переправѣ черезъ Прутъ въ прежній свой лагерь его принудилъ. По извѣстіямъ сей Турецкій корпусъ состоитъ до 12 т., въ коемъ большая половина Татаръ, подъ командою Паши Али-Бея. Переправился оный отъ Визирской арміи на судахъ, для примѣчанія съ сей стороны на наши войска, такъ какъ и Крымскій Ханъ, Капланъ-Гирей, съ знатнымъ числомъ Турковъ и Татаръ на рѣкѣ Быпѣ, при мѣстечкѣ Кишеневѣ, кочуетъ, примѣчая равнымъ образомъ на войска, идущія съ нашей стороны къ Бендерамъ. Непріятельскій уронъ при семъ случаѣ считаютъ не малымъ, поелику Турки, подошелъ столь близко къ мелкому ружью, не въ состояніи были за наводненіемъ скоро ретироваться. Съ нашей стороны убитъ одинъ Хорунжій, ранено мушкетеръ пять, волонтеровъ пять, да Козаковъ четыре. Отъ предводительствовашаго при семъ сраженіи непріятеля Секундъ-Маіора Зорича, за отмѣнную храбрость рекомендованы Капитаны Требуховичъ и Вельяминовъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Запрыгаевъ, Козацкій Полковникъ Мартыновъ и Эсауль Яковъ Засѣвскій. Дальнѣйшія предпріятія отъ сего появившагося непріятеля на Молдавской берегъ рѣки Прута больше уже не наводятъ опасности, какъ увѣряетъ въ томъ меня Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ, потому что Секундъ-Маіоръ Зоричъ, противустоящій непріятелю, имѣетъ уже до 700 человекъ пѣхоты, семь пушекъ и до двухъ тысячъ легкихъ войскъ, а между тѣмъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ съ Фокшанскимъ дѣташаментомъ туда же сближается. По ретирадѣ непріятельской въ прежній свой лагерь, на другую сторону Прута, посланные осмотрѣть тѣ мѣста, которыми ихъ войско проходило, нашли въ водѣ великое число побитыхъ тѣлъ, между коими до трехсотъ человекъ въ хорошемъ приборѣ.

20 Мая 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Въ 15 день сего мѣсяца армія Вашего Императорскаго Величества по двумъ сдѣланнымъ мостамъ, одному твердому при Хотинѣ, а другому понтонному противъ Жванца, перешла на сію сторону Днѣстра въ занятой лагерь, въ двухъ верстахъ отъ Хотина. въ правую сторону. Съ самаго того дня усилившійся непрерывный дождь не перестаетъ еще и теперь, и затрудняетъ переездъ обозовъ до сего дня, ибо сверхъ того, что въ рѣкѣ воды столько прибыло, что должно было 22 понтонна къ прежнему мосту прибавить, всѣ повозки загружаются въ топяхъ, и на рукахъ по большей части выносятся, такъ что нельзя на самомъ маломъ разстояніи ничемъ тому пособить въ разсужденіи повсемѣстной вязкости. Весьма мнѣ прискорбно, Всемилостивѣйшая Государыня, что сія воздушная суровость непреборимое сдѣлала препятствіе, прошедшими днями, продолжать мой маршъ къ сторонѣ Лиичанъ, ибо Генераль-Квартермистръ Боуръ подалъ мнѣ рапортъ, по освидѣтельствованію дорогъ чрезъ его подчиненныхъ до перваго назначеннаго лагеря, что армія, а паче артиллерія, за великою грязью нѣтъ способу пройти покудова, хотя мало не осушатся путь и поля; и такъ я въ ожиданіи того, чрезъ день, или два, принужденъ тутъ простоять.

Всеподданнѣйше имѣю честь поднести при семъ табель подъ литерою А, въ коликомъ числѣ людей армія Вашего Императорскаго Величества чрезъ рѣку Днѣстръ, и ордеръ батаміи подъ литерою В, по которому оная располагается. Росписаніе подъ литерою С, гдѣ корпусъ, оставленной въ Польшѣ, подъ командою Генерала-Поручика Фонъ-Эссена, расположенъ, который, исключая бывшихъ въ Покутѣ одного Троицкаго пѣхотнаго и Вятскаго карабинернаго, и во Львовѣ Пермскаго карабинернаго же, составленъ большею частію изъ числящихся въ отлучкахъ, гошпиталяхъ и наличныхъ больныхъ и самыхъ послѣднихъ рекрутъ, о которомъ, получа обстоятельные рапорты, Вашему Императорскому Величеству поднести вѣдомость не умеаю.

Послѣдними рапортами Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ доноситъ, что моровое повѣтріе въ Яссахъ видъ кажетъ уменьшенія

противъ прежняго, помощію средствъ-употребленныхъ, что предписалъ туда посланный докторъ Ореусъ, коего изъ двухъ рапортовъ ко мнѣ присоединяю экстракты, и копию представленія, что онъ учинилъ Генералу-Поручику Фонтъ-Штофельну о способахъ, какъ сохраняться людямъ отъ заразы.

Генераль-Маіоръ Замятинъ съ своимъ деташаментомъ 13 числа сего мѣсяца былъ уже въ Бузео, и поспѣшавъ къ соединенію съ Генераломъ-Поручикомъ Княземъ Репнинымъ въ назначенное мѣсто, то есть, между Бырлата и Васлуй; съ нимъ многое число изъ Волоскихъ Бояръ и обывателей, въ томъ числѣ и Князь Радуканъ Кантакузинъ, братъ тому, что къ Высочайшему Двору Вашего Императорскаго Величества отправленъ депутатомъ, находится. Городъ же Букарешты безъ малѣйшаго разоренія оставленъ съ многими токмо числомъ бѣднѣйшихъ жителей. Въ деташаментѣ сего Генераль-Маіора до 70-ти человекъ отъ моровой язвы померло, и столько же больныхъ еще находится, въ разсужденіи чего Генераль-Поручикъ Фонтъ-Штофельнъ приказалъ сему деташаменту съ Фокшанскимъ не соединяться, но стать въ 25 верстахъ одному отъ другаго, и обозы его въ особое мѣсто отправить; крайнѣйшая осторожность и при арміи соблюдается противъ сообщенія съ прѣѣзжими отъ тѣхъ корпусовъ, изъ которыхъ всякой останавливается на первомъ пикетѣ, а чрезъ Днѣстръ такъ же безъ карантинна запретишь я пропускать.

Возвратившійся изъ за Дуная Волохъ, 17 Мая, увѣдомляетъ Генераль-Поручика Фонтъ-Штофельна, что вода въ Дунаѣ чрезмѣрно умножилась, и мостъ при Исакчѣ, доведенный уже къ окончанію, большею частью разнесло, которой въ скорости трудно будетъ соорудить; почему Визирь съ войскомъ на судахъ переправляться будетъ, коихъ многое число прибываетъ; другой такой же вѣстникъ сказываетъ, что между Турковъ слухъ носится, яко бы подъ видомъ недостатка въ пропитаніи изъ города Очакова Турецкое войско и обыватели почти всѣ вышли; и того жъ времени извѣстиль о семъ предводителя второй арміи Генерала Графа Панина, оставляя въ его рассмотрѣніе отвѣдать пристойнымъ деташаментомъ истину сихъ важныхъ извѣстій.

20 Мая 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Ваше Императорское Величество изъ предыдущій моей соизволите знать, съ коихъ поръ чрезвѣрно ненастливая погода удержала армію Вашу въ первомъ лагерѣ за Днѣстромъ, и послѣ того даже до 25-го числа текущаго мѣсяца по вся дни лился дождь, а въ сей день возникшее ведро, какъ только осушило землю, то и сдѣлалъ я тогда жъ и на другой день маршъ къ урочищу Липчанамъ, гдѣ 27 числа опять случившійся дождь принудилъ меня день цѣлый простоять. Вчера оттуда перешла армія въ сей лагерь на рѣкѣ Прутѣ, при устьѣ рѣчки Бѣлавки. На сіе время здѣшній климатъ попеременно, то дождями обильными, то зноимъ чрезвѣрнымъ насъ тяготить, ибо въ ясные дни, коихъ и немного было, при самомъ почти солнечномъ восходѣ, уже жаръ величайшій настаетъ, котораго на походѣ солдаты, паче изъ новобранныхъ рекрутъ, снести не могутъ, а ночи напротивъ холодомъ не похожи на лѣтнія. Непрiятель изъ за рѣки Прута 20-го сего мѣсяца въ числѣ до 5 т. Турковъ и Татаръ покушался вновь переправиться, между Рябой Могилы и деревнею Подольны, на Молдавской берегъ, на которой лодками и положи свое оружіе на привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ пукахъ изъ камыша, то есть, толстой въ степяхъ растущей сухой травы, человекъ съ 500 уже ихъ перешло было; но обратившійся отъ редута, находящагося при Рябой Могилѣ, Поручикъ Мелишкинъ со ста человекъ пѣхоты и съ однимъ единорогомъ, да двухстами Довскихъ Козаковъ при Полковникѣ Поздѣевѣ, тотъ часъ непрiятеля отразили, который, потерявъ много людей и одно знамя, и паки въ свой лагерь отступили, а съ нашей стороны ранено мушкатеровъ 2, да Козаковъ 10 человекъ. Знамя сіе по нынѣшней предосторожности отъ повѣтріи остается въ Хотинѣ. Отъ форпостовъ по рѣкѣ Пруту прилѣченъ вновь непрiятельской лагерь между Рябой Могилы и Ветрошой. Противъ сего мѣста съ своимъ детапашентомъ сталъ уже Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ, и вскорѣ къ соединенію всего корпуса Геверала-Поручика Фонтъ-Штофельна ожидается отъ Бузео и Генераль-Маіоръ Замитинъ. Вчера повелѣлъ я Генералу-Поручику Фонтъ-Штофельну, если время терпитъ и онъ можетъ быть удостовѣренъ заподлинно, что сіи войски, за Прутомъ показавшіяся, не могутъ усилены быть вскорѣ идущими отъ Дуная, то бы

онъ хранился только отъ ихъ нападковъ на свой берегъ, ибо я, дошедши къ Штефанештамъ, и обратя на себя корпусъ непріятельской, что по извѣстіямъ, подъ предводительствомъ Хана Крымскаго, стоитъ при Кишеневѣ, для примѣчанія нашихъ движеній, къ сторонѣ Бендеръ, если непріятель не отбѣжитъ, пошлю дѣташаментъ отъ арміи отрѣзать его въ горахъ надъ Прутомъ, и тогда подамъ способы какъ и помянутому Генералъ-Поручику съ своей стороны противъ того содѣйствовать удобію. Но когда бѣ были виды, что непріятель отъ Дуная всегда можетъ быть подкрѣпленъ, въ такомъ случаѣ приказалъ я и въ настоящемъ его положеніи всѣми образы истреблять, не допуская до возрастанія, предпочитая славу оружія Вашего Императорскаго Величества и вредъ непріятелю предмету повсемѣстной защиты земель завоеванныхъ, которыя теперь всѣ суть истощенныя и опустошенныя, ибо жители отъ повившейся язвы, по ихъ названію чумы, разсѣялись въ рознь по горамъ и необитаемымъ мѣстамъ.

О движеніяхъ изъ за Дуная подлиннаго ничего еще не слышно, ибо шпіонамъ весьма опасенъ туда проходъ, и нѣсколько человѣкъ отъ Генерала-Поручика, въ тѣ мѣста посланныхъ, чрезъ долгое время къ нему не возвратились, коихъ онъ и считаетъ погибшими, а другіе далекой путь пріемлютъ. Подтверждается, что прибывшая вода при Исакчѣ мостъ разнесла, и что оной исправить вскорѣ отнюдь нельзя, для чего Визирь намѣренъ на судахъ перебираться.

Предводительствующій второю, Вашего Императорскаго Величества, арміею Генералъ Графъ Панинъ сообщаетъ мнѣ, отъ 18-го Мая, о трудности прійтти ему вскорѣ на Днѣстръ, и что онъ до пренесенія всего туда не можетъ облегчить праваго берега Днѣстра своими командами, то и заставляетъ сіе меня, при движеніи впередъ осматриваться на лѣвую сторону сея рѣки, которая по моимъ движеніямъ отъ времени должна обнажиться, и гдѣ всѣ проходятъ къ арміи транспорты. Напоследокъ, къ чувствительному сожалѣнію, я получилъ увѣдомленіе о болѣзни Генерала-Поручика Фонтъ-Штофельна, которой по истинѣ, Всемилоствивѣйшая Государыня, неусыпный былъ рачитель о пользѣ интересовъ Вашего Императорскаго Величества, и онъ и въ самомъ недугѣ послѣднія силы свои на то и теперь истощаетъ. Докторъ Ореусъ въ своемъ

рапортъ изъясняетъ его припадокъ и настоящее состояніе повѣтрія въ Яссахъ, съ коего экстрактъ всеподданнѣйше при семъ подношу. Въ случаѣ изнеможенія крайняго отъ болѣзни сего Генерала-Поручика, я преемникомъ должности его предъозначилъ Генерала Поручика Князя Репнина. Сколько я ни стараюсь всѣ осторожности распространять въ несообщеніи съ заповѣтренными мѣстами, но трудно и почти невозможно, Всемиловѣйшая Государыня, дойти до совершенной безопасности, ибо всѣ транспорты провіантскіе въ Молдавію на Польскихъ подводахъ перевозятся, коней оттуда должно возвращать, а инако, въ Польшѣ, по скудости подводъ, остановился бы подвозъ и разрушилось бы наполненіе заложенныхъ для транспортовъ всѣхъ тамошнихъ магазейновъ. Но при арміи, какъ все состоитъ благополучно, и никакихъ признаковъ опасности, по благодати Божіей, не примѣчено, то и осмѣлился я чрезъ своего куріера сіе отправить; но впредь, если бѣ опасность малѣйшая оказалась, я мои всеподданнѣйшія доношенія къ Вашему Императорскому Величеству провождать только буду съ своими куріерами до нашихъ границъ.

29 Мая, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Во время прошедшей бытности войскъ Вашего Императорскаго Величества въ Польшѣ, и командованія надъ оными Генерала-Мажора Графа Апраксина и Полковника Князя Дашкова, великія услуги оказывалъ, въ разсужденіи пользы интересовъ Вашего Величества, живущій въ Каменцѣ-Подольскомъ Ксендзь Каноникъ и Сурогаторъ тамошній Бржезинскій. Я и самъ, дознавъ его равное усердіе при многихъ случаяхъ, употреби иногда по внушенію Поляковъ, полезныхъ службъ Вашего Императорскаго Величества, и вѣнній, что онъ съ наибольшею преданностію исполняетъ, отводя ихъ отъ фанатизма, имъ свойственнаго, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества о Всемиловѣйшемъ призрѣніи къ сему добронамѣренному Канонику, и о награжденіи его, по Высочайшему разсмотрѣнію, чрезъ Всемиловѣйшее заступленіе у Польскаго Двора, духовнымъ, или каковымъ высокимъ чиномъ, или же инымъ знакомъ отличія.

29 Мая, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Вчера на вечеръ, по отправленіи моеи всеподданнѣйшей къ Вашему Императорскому Величеству, и сегодня по долуни, дѣлалъ я два рапорта отъ Генерала-Поручика Фонъ-Штофельма, отъ 28 го и 29 го сего мѣсяца, яко непріятеля, отступилъ изъ своего лагеря противъ Ветроши и Рябой Могилы; предпринималъ вновь переправляться чрезъ рѣку Прутъ, на Молдавской берегъ, что свидѣавъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ, со всѣми корпусомъ на отраженіе сей попытки туда же обратился, и дѣдуя получилъ увѣдомленіе отъ Секундъ-Маіора Зорича, что непріятель во утру, 27-го числа, въ превосходныхъ силахъ сталъ лагеремъ противъ Подолянъ, и спѣшивъ множество людей, къ берегу Прута приступилъ, имѣя съ собою 10 пушекъ и лодки для наведенія моста. Содержащій постъ у Рябой Могилы Капитанъ Вельминовъ неустрасливо воспротивленіе дѣлалъ въ переправѣ непріятелю, шкудова въ соединеніе съ нимъ съ своею командою подоспѣлъ и Секундъ-Маіоръ Зоричъ, съ коимъ совокупясь, пушечными выстрѣлами не допустили напрыгавашагося всѣми силами непріятеля сдѣлать мостъ на той рѣкѣ, принудили его отступить отъ берега въ лагерь, занятой противъ Подолянъ, въ которомъ замѣчается онъ въ таковыхъ же силахъ, какъ и противъ Ветроши стоялъ, и считается въ 10 т. Турковъ и 20 т. Татаръ. Въ послѣднемъ изъ сихъ рапортѣ поминутый Генераль-Поручикъ Фонъ-Штофельнъ еще мени увѣрилъ, что здоровье его ежедневно поправляется, но вмѣстѣ съ таковымъ увѣдомленіемъ прислалъ ко мнѣ рапортъ Полковникъ и Ясской Командантъ Броунъ, что 30 Мая, въ первомъ часу, въ лагерьъ при Яссахъ сей Генераль-Поручикъ скончалъ свою жизньъ отъ опасной болѣзни. Сіе приключеніе смущаетъ мени несказанно, какъ потерю благоразумнаго полководца изъ рабовъ Вашего Императорскаго Величества, которой изъ усердія наибольшаго, къ службѣ Вашей пожертвовалъ собою, держась тѣхъ мѣстъ, отъ коихъ и ему многократно и для собственной его безопасности приказывалъ удалиться, однако жъ считалъ я на нѣсколько нужнымъ его тамъ бытіе, по снисхожденію на просьбы жителей и для ободренія ихъ упованія на покровительство Вашего Императорскаго Величества. Но мѣсто его заступитъ повелѣлъ я Генералу-Поручику Князю Репнину,

который въ состояніи удержатъ весь порядокъ и предположенія, что покойный предѣстникъ его, по моимъ предписаніямъ, съ тамошнимъ корпусомъ учредилъ. Я какъ преждему командиру, такъ и сему за главное правило предписалъ пешиися токмо о сохраненіи команды, славѣ оружія Вашего Императорскаго Величества и о поврежденіи врага, а не ставить съ ними предметъ защиты тамошнихъ мѣстъ, которыя, по опасности къ заразѣ, сами жители оставили, и кои должно обходить, храния себя, и нашимъ войскамъ; я не сомнѣваюсь, что Ваше Императорское Величество, изъ чело-вѣколюбія, только Вамъ свойственнаго, къ своему воинству, сіи мѣры, тому согласующіяся, Всемилостивѣйшей удостоите апробаціи.

Въ арміи, по благости Божіей, ни малѣйшихъ признаковъ нѣтъ опасности, но впредь, изъ предосторожности, которую внушаетъ мнѣ безопасность, паче всего, не только престольному граду, но и къ самымъ границамъ державы Вашего Императорскаго Величества, я писалъ къ Генералъ-Губернатору Кіевскому, чтобъ онъ на первомъ форпостѣ мои къ Вашему Императорскому Величеству доношенія, приказалъ принимать съ подлежащею предосторожностію, и чрезъ своихъ куріеровъ уже отправилъ оныя, ибо нельзя довольно обезпечиться совершенно отъ всякаго сообщенія съ обывателями Молдавскими, идучи по необитаемой степи и получая въ пищу свою, по необходимости, изъ рукъ ихъ нужные припасы.

Изъ сего лагеря я на разсвѣтѣ пойду далѣе.

Мая 30 дня, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Равстояніемъ отъ Хотина за 131 версту армія Вашего Императорскаго Величества, предводительству моему ввѣренная, со вчерашняго дня находится благополучно въ семъ лагерѣ. Тутъ меня принуждаетъ на нѣсколько остановиться на довольноное обозрѣніе мѣстъ, впереди лежащихъ, которыя предстали въ положеніи, несходномъ съ описаніемъ, мнѣ сдѣланнымъ чрезъ посланныхъ отъ Генерала-Квартермастера, Лейтенанта Медера, чиновъ и другихъ, которые виною клали ихъ на плашъ, видно по наслышкѣ, а не по оче-

видному прищѣчанію, и теперь во извиненіе тому представляютъ, что имъ нельзя было со всякою точностію сію страну осмотрѣть по нападкамъ, въ оной происходившимъ тогда отъ Татаръ. Мѣста, которыми проходила армія его надъ Прутомъ, всѣ гористыя и съ превеликими дефилеями, но впереди и чѣмъ далѣе итти, то весь Прутъ лежитъ чрезъ несравненно большія еще крутизны горъ, глубокіе и узкіе доли, почему и дождусь я, покуда самъ Генераль-Квартериистръ Боуръ навѣдаться можетъ и избереть удобнѣйшіе пути къ проходу, ибо натура столько необычайныхъ высотъ съ глубинами здѣсь помѣстила, что нѣтъ удобства къ извороту, а способы отъ всюду предстоятъ быть заперту. Не меньше сей осмотрительности требуетъ и самое то, что я уже на такомъ далекомъ разстояніи нахожусь отъ второй арміи, которая еще недалеко отъ Днѣстра, а я чѣмъ далѣе подвинусь, тѣмъ болѣе отойду и отъ надежнаго сообщенія съ нею, и открываю мою лѣвую сторону, въ которую отверзаются способы непріятелю иногда отъ Бендеръ сдѣлать покушенія. Я писалъ на сихъ дняхъ къ предводителю той арміи, Генералу Графу Панину, отъ коего имѣлъ увѣдомленіе, коль многія трудности воспяцаютъ ему скорѣе быть на Днѣстрѣ, чтобъ онъ хотя легкія свои войски чрезъ сію рѣку переправилъ съ уваженія къ прикрытію тѣхъ мѣстъ, которыя насъ между собою раздѣляютъ, и удержанія взаимнаго сообщенія. Всѣ однако жъ сіи противоположенія не оставляютъ меня, если нужда будетъ, поспѣшить соединеніемъ съ корпусомъ Генерала-Поручика Князя Репнина, или исторгнуть у непріятеля какіе аванжаи.

Непріятель у Рябой Могилы, надъ Прутомъ стоящій, о коемъ доносилъ я Вапему Императорскому Величеству въ послѣдней всеподданнѣйшей моей, еще не перемѣняетъ поднесъ своей позиціи, но всякъ день продолжается у него взаимная съ нашимъ корпусомъ, на другой сторонѣ Прута между рѣки Жижи ему противустоящимъ, канонада, а иногда и изъ мелкаго ружья огонь, ибо непріятель, удаливши свой лагерь на разстояніе вонъ изъ выстрѣловъ, по берегу рѣки сдѣлалъ батареи и въ траншеяхъ держитъ людей, показывая всѣ виды къ форсированію переправы, противъ чего сильной отпоръ ему дѣлаетъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ; во всѣ дни перестрѣлками съ непріятелемъ уронъ нашъ состоитъ въ убитыхъ двухъ, и раненыхъ егерей и мушкатеръ 16.

Вчера на вечеръ и сегодня по утру отъ Генерала-Поручика Князя Репнина получилъ я, отъ 3-го Юния, рапорты, что при Фальчахъ Татарская партія вълавъ вершила чрезъ Прутъ, и наши пикеты легкихъ войскъ принудила къ ретрадъ, почему первѣе на противостояніе оной командированъ Маіоръ Писаревъ съ 1000 легкихъ войскъ, а на послѣдокъ, получа увѣдомленіе, что непріятель усиленъ до 5 тысячъ, обратилъ онъ къ войску на него Генераль-Маіора Текели съ баталіономъ гренадеръ, съ 250 егерей, съ 6 пушками, съ двумя полками гусаръ, имѣвъ готовымъ и достальное число команды Генерала-Маіора Замятина, съ корпусомъ своимъ уже соединившагося, если нужда будетъ, туда же отправить. Помянутый Генераль-Маіоръ Текели того дня словесный прислалъ рапортъ, что непріятель внизъ по Пруту сталъ ретироваться, коего старается онъ постигнуть. Ушедшій Волохъ изъ лагеря непріятельскаго объявляетъ, что симъ корпусомъ командуетъ Абды-Паша и еще два Паша, конхъ именъ не знаетъ, а надъ Татарами самъ Ханъ Крымскій. Онъ весьма съ уменьшеніемъ противъ примъчаемаго Генераломъ-Поручикомъ Княземъ Репнинымъ показываетъ о числѣ непріятеля, но помянутый Генераль-Поручикъ опровергаетъ его въ той рѣчи собственнымъ испытаніемъ, что всего тутъ непріятельскаго войска будетъ до 30 тысячъ. Отъ Дуная ни о какихъ движеніяхъ непріятельскихъ нѣтъ слуху.

Изъ Польши Генераль-Поручикъ Фонъ Эссенъ увѣдомляетъ, что Подполковникъ Шилингъ, Мая 18-го, близъ мѣстечка Треглядова, партію возмутителей, предводительствуемую Поручикомъ Маевскимъ, своею командою разбилъ; сей Поручикъ убитъ, братъ же его родной раненный и два товарища въ полонъ взяты.

Моровое повѣтріе въ корпусъ Генерала-Поручика Князя Репнина совершенно не прекращается; однако жъ число зараженныхъ не есть велико; 2-го Юния Венгерскаго гусарскаго полка Капитанъ Фридрихъ и его деньщикъ, да одинъ гренадеръ сею болѣзнію умерли, да еще Низовскаго пѣхотнаго полка Поручикъ и квалеръ ордена святаго Георгія отчаянно боленъ. Въ Яссахъ же зараза отъ времени усиливается, и самые того города и отъ арміи туда присланные медики, отъ смерти не спаслись, куда лѣкарства безпрестанно отправляя, нельзя довольнымъ числомъ оныхъ снабдить тотъ городъ. Я, согласуя представленію Генерала-Поручика Князя Реп-

нина и доктора Ореуса, чтобъ для прекращенія гибельныхъ слѣдствій, избраться изъ сего города, какъ отъ извѣстнаго гнѣва, повелѣлъ перевезть изъ оного все то, что тамъ находится, въ безопасное мѣсто, къ сторонѣ Цецоры, между рѣки Жижы и Пруты, и удаляясь отъ всѣхъ окрестностей, зараженныхъ, и провіантскіе мои транспорты приказалъ провождать поводи арміи по лѣвому берегу Прута. Въ арміи, по благодати Божіей, все благополучно и ни малѣйшихъ знаковъ опасности не было и нѣтъ. Все воинство, составляющее оную, помни свой долгъ и усердствуи ревностно славу оружія милующей икъ Монархини, не только не унываетъ, но ниже смущается симъ приключеніемъ; и живость и доброту духа ко брани написаны на ихъ лицахъ, въ чемъ я восподаннѣйше приемлю смѣлость Ваше Императорское Величество удостовѣрить. При запечатаніи сего, прислалъ мнѣ рапортъ Генераль-Квартермистръ Боуръ, что онъ, осмотра положеніе мѣсть впереди, назначилъ лагерь, почему завтра на разсвѣтъ и поѣду и съ арміею далѣе.

5-го Іюня, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Веденный при арміи журналъ съ открытія кампаніи, за истекшій Май мѣсяцъ, имѣю честь при семъ поднести.

5-го Іюня, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Во исполненіе Всевысочайшаго, Вашего Императорскаго Величества, рескрипта отъ 5-го Мая, всемилостивѣйше пожалованный отъ Вашего Величества чинъ Малороссійскаго Полковника Переславскаго, находящемуся при арміи Бунчуковому Товарищу Григорию Иваненку, и объявилъ, а у сего честь имѣю поднести къ Все-милостивѣйшему усмотрѣнію прозбу, мнѣ присланную отъ Бригадира и Малороссійскаго Гадницкаго Полковника Крыжановскаго, которою онъ ищетъ себѣ отставки отъ службы, по старости и болѣзней ради своихъ.

5-го Іюня, 1770 года.

РЕЛЯЦІЯ.

Съ приближивши третьяго дня ко мнѣ курьеромъ имѣлъ я честь получить два Всемилостивѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рескрипта, подписанные въ Сарскомъ селѣ 29-го Мая. Правила, въ одномъ изъ нихъ мнѣ предписанныя, да случая предстоюща, соблюду и непреложу, Всемилостивѣйшая Государыня, въ повеленіи достолюбезномъ толь лучшему руководству Вашей Монаршей воли. Какъ уже изъ воеподданнѣйшей моей, отъ 3-го сего мѣсяца, подъ № 40-ымъ, Ваше Императорское Величество соизволили видѣть, что непріятель, считающійся въ 12 т. Турковъ и 20 т. Татаръ, подъ командою Абды-Паши и Хана Крымскаго, расположась на лѣвомъ берегу Прута противъ Рябой Могилы, стремился перейти чрезъ сію рѣку на Молдавскій берегъ, на коемъ между Рябой Могилы и рѣки Жижи, соединя весь свой корпусъ, Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ отражалъ всѣ его къ тому попытки, то и начну я сіе воеподданнѣйшимъ донесеніемъ того, что происходило потомъ въ слѣдующіе дни. Помянутый Генераль-Поручикъ съ 5-го числа, по доходящимъ къ нему извѣстіямъ, репортовалъ меня, что не только всеневное отраженіе отъ Прута сего непріятели упражняютъ его, но и другой еще усиленный Турецкой корпусъ отъ Браилъ, подъ командою Абды-Паши идетъ изъ за Серета съ намереніемъ на той сторонѣ Прута атаковать наши войска, чтобъ въ то время непріятелю и съ лѣваго берегу свободнѣе было форсировать переходъ. Онъ сіе предпріятіе и свою опасность отъ двойныхъ нападковъ повторялъ мнѣ на всякой день, съ прибавленіемъ разъ, что уже слышны были и пушечные выстрѣлы, знаменовавшіе движеніе непріятельское съ другой стороны Прута; въ другое, яко тѣ Татарскія партіи, впадшия чрезъ Пругъ, истребляютъ огнемъ селенія Молдавскія, грабятъ пожитки обывателей и послѣднихъ варварски погубляютъ. Я со вниманія къ таковымъ извѣстіямъ, принужденъ былъ съ арміею сряду пять дней маршировать безъ роздыха, дабы предварить тѣ крайности, что Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ считалъ себѣ угрожающими отъ усилія непріятельскаго на него съ обохъ береговъ Прута. Не могу я, Всемилостивѣйшая Государыня, толь достаточно изобразить словами, колико труда имѣли войска во всемъ, что совершили по нынѣ, походъ, восходя съ одной превысокой горы на другую, еще превысшую, меж-

ду конни всегда есть глубокия дефилеи, и не видя края, такъ бы сказать въ верхъ цѣпью связаннымъ горамъ; тутъ выдержала артиллерія чрезвычайную пробу, и оказала, въ какомъ она нынѣ наилучшемъ состояніи. Я думалъ въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ насилу вылѣзть и подняться можно было верхомъ всаднику, что должно сокрушиться въ дребезги ея повозкамъ, но напротивъ она вездѣ свои тягости, не только безъ остановки, но почти и безъ порчи возила; на что всѣ иностранныя, при арміи находящіяся, со удивленіемъ взирають, такъ какъ и на подвигъ нашихъ солдатъ, что въ нихъ ни бодрости не умаляетъ, ниже приводятъ ихъ въ утомленіе повсемѣстныя кручи и высоты, которыя пройти со всѣми тягостями армейскими, двигая ихъ больше на раменахъ, нежели лошадьми, только собственный опытъ отъемлетъ невѣроятность.

Достигши равнаго положенія съ урочищемъ на той сторонѣ Прута, называемымъ Цецора, переправилъ я всѣ тяжелыя армейскія обозы, кинувъ понтонные мосты, за Прутъ 9-го Іюня, и находя уже себѣ въ состояніи взять мѣры на пораженіе непріятеля, противостоящаго на Прутѣ корпусу Генерала-Поручика Князя Репнина, отрядилъ изъ сего мѣста свой авангардъ, который составляли пять гренадерскихъ баталіоновъ, и именно: Подполковниковъ Графа Воронцова, Князя Меншикова, Нейбоша, Аршеневскаго, Пейтлинга, одинъ также егерей и команды пикетныя, состоявшіе до трехъ баталіоновъ мушкатель, да кавалеріи 12 эскадроновъ, придавъ къ нимъ 14 полевыхъ орудій, при коихъ просилъ употребиться Генераль-Маіоръ Мелиссино. Какъ Генераль-Квартермистръ Боуръ больше другихъ свѣдуещъ былъ объ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, коими проходить надлежало до непріятеля, то въ надеждѣ сего, а не меньше отличнаго его искусства, препоручилъ я ему быть предводителемъ сему корпусу даже до лагеря непріятельскаго, гдѣ и произвести надъ нимъ атаку, тѣмъ надежнѣе, что я по его слѣдамъ шелъ съ арміею въ готовности ко всякой помощи. Распоряженіе наше было къ атакѣ, чтобъ Генералу-Квартермистру Боуру зайтить въ тылъ непріятелю, сдѣлавъ маршъ ночью противъ 11-го числа сего мѣсяца, а въ то же время и изъ своего корпуса Генералу-Поручику Князю Репнину къ содѣйствию съ нимъ переправить часть войскъ чрезъ Прутъ, въ чемъ оба сіи командира между собою условились, и понтоны къ Князю Репнину для пере-

правы посланы. Одно время нужно токмо было, чтобъ вышолнить сіе предположеніе, но онаго мы не выиграли у Турковъ, ибо они лишь только примѣтили движеніе Генерала Квартермистра Боура, котораго нельзя было ни какъ предъ ними сокрыть, поелику высоты найдалнѣйшее явленіе въ сихъ мѣстахъ ясно представляютъ взору, то 10-го числа, по полудни въ 4-мъ часу, оставивъ часть своей пѣхоты въ ретраншаментѣ противъ Князя Репнина, употребили прочія всѣ свои силы, простиравшіяся до 20 т., на атаку корпуса Генерала-Квартермистра Боура, и для того прямо на него маршировали. Сей Генераль коль скоро ихъ примѣтилъ на себя движеніе, то и повелъ во встрѣчу имъ сопротивное наступленіе съ своей стороны, въ намѣреніи, сошедшись, ударить на нихъ прежде, нежели бы они еще распростерли свои руки. Непріятель, уклоняясь отъ смѣлаго шествія на себя нашихъ войскъ, не сталъ сближаться въ такое разстояніе, чтобъ гренадерамъ можно было имѣть дѣло, и хотя съ своимъ корпусомъ Генераль-Квартермистръ Боуръ къ нему чѣмъ возможно ближе добирался, но наступившая ночь воспрепятствовала съ большимъ успѣхомъ противъ его дѣйствовать. И такъ отбѣжавъ версть 15-ть отъ лагеря, гдѣ теперь стоятъ Генераль-Квартермистръ Боуръ, выше Рябой Могилы, разстояніемъ отъ арміи въ шести верстахъ, остановился непріятель на высотахъ, ведущихъ къ Бендерамъ и Фальчи. Не нашелъ бы онъ спасенія въ семь разъ средствомъ обыкновеннаго ему бѣгства, если бъ въ содѣйствіе корпусу, на него наступавшему, могъ съ своей стороны переслать войскъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ, но того ему никакъ нельзя было исполнить; ибо сколь ни старался онъ найскорѣе привести къ себѣ посланные понтоны, но спѣша всѣми образы, оныя ранѣе не прибыли, какъ предъ вечеромъ, а мость построень не прежде 10-и часовъ по полудни. Погнавши непріятеля, овладѣли мы двумя большими мортирами, и всѣ его понтоны имѣемъ въ нашихъ рукахъ, коихъ онъ, стѣсняемъ будучи, не могъ увезти съ собою; также въ перестрѣлкахъ охотники нѣсколькихъ Турковъ ранили и полонили. Генераль-Квартермистръ Боуръ при дѣйствіи вышеписанномъ за совершенный порядокъ и неустрашимость весьма похваляетъ Баталіонныхъ Командировъ, Графа Воронцова, Нейбоша и Князя Меншикова и прочихъ, не меньше отдаеть справедливость за усердіе къ службѣ Инженеръ-Подполковнику Фалькеншильду, который командовалъ пикетами. Под-

полковнику Князю Долгорукову, командовавшему ротой въ баталіонѣ Графа Воронцова, Маіору Пеутлингу, начальствовавшему надъ Козаками, Капитанамъ Кнорингу, Кутузову, Гайдвигу и Бергу, словомъ, онъ рекомендуетъ всѣхъ чиновъ, при его корпусѣ находящихся, что не боялись ни опасности, ни трудовъ, и шли охотно на непріятеля ударить, да токмо бѣгство его, къ большому отличенію имъ себя, отдалило настоящій случай. Всѣ извѣстія, приходящія изъ Фальчи, Бырлата и околичностей Серета, утверждаютъ о движеніи непріятельскомъ изъ сихъ округовъ, такъ какъ и въ лагерѣ его треть противъ прежнихъ войскъ видится прибавочныхъ. Осмотрѣвшись, сколько требуютъ военныя предосторожности, не оставлю я сего непріятеля въ покоѣ, но прибиратъ съ сего дня опять начну способы на пораженіе его, ежели только останется въ настоящей своей позиціи. О переходѣ Визиря, или другихъ каковыхъ войскъ отъ Дуная, ни каковыхъ я на сихъ дняхъ не имѣю извѣстій, да и трудно оныя доставать, ибо всякъ дорожитъ своею жизнью, а Турецкія войски, что уже противъ насъ стоятъ, преграждаютъ путь и головы рубятъ встрѣчающимся людямъ, что только не изъ числа Магометанъ. Партіи Татарскія, по отбытіи непріятеля отъ берега Прута, больше на той сторонѣ не видны, и Генераль-Поручикъ Князь Решинъ рапортъ отъ своихъ разъѣздовъ имѣетъ, что ихъ на той сторонѣ рѣки Серета нѣтъ, а уповать должно, что они совокупились къ своему корпусу. Самую большую партію Татаръ, которая перебралась вплавъ чрезъ Прутъ при Фальчахъ, какъ я доносилъ Вашему Императорскому Величеству, отъ 5-го Іюня, Генераль Маіоръ Текелли преслѣдовалъ даже до Бырлата, но не могъ настичнуть, а прежде его посланный Маіоръ Писаревъ, близъ урочища Лунка Бакулъ, 4-го числа имѣлъ съ оной стычку. Въ началѣ показавшихся тысячу Татаръ, онъ съ Донскими Козаками и Арнаутами, коихъ всѣхъ было до 600, атаковалъ съ успѣхомъ и убилъ изъ нихъ до 20 человекъ, но въ преслѣдованіи бѣгущихъ, изъ за горъ въ трехъ тысячахъ, въ подкрѣпленіе своимъ, показался непріятель и тотчасъ ударилъ на нашу партію, которая, уступая толь превосходному предъ собою числу, потеряла на мѣстѣ Донскихъ Козаковъ 4, вербованнаго полку 14, Арнаутовъ 37, да ранено Арнаутовъ 6, Хорунжій 1 и Козаковъ 3. Еще 6-го числа Маіоръ Лалашъ разбилъ партію Татаръ въ числѣ 200 человекъ, намѣревавшихся за рѣку Бырлатъ слѣдовать, изъ коихъ убито 8 и три взяты въ полонъ.

Заразительной болѣзни, Богу благодареніе, не было и нѣтъ по сіе время въ арміи ни малѣйшихъ признаковъ, а и въ корпусѣ Генерала-Поручика Князя Репнина, отъ 2-го числа, оной уже ни на комъ не примѣчается, что поелику подаетъ надежду къ безопасности, перешелъ онъ съ своимъ корпусомъ 11-го числа на сію сторону Прута, и въ томъ же мѣстѣ стоитъ въ лагерѣ, гдѣ и корпусъ Генерала-Квартермистра Боура, ради отраженія непріятеля усмивающагося толь близко противъ насъ; въ какомъ случаѣ, Ваше Императорское Величество повелѣваете, въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 29 Мая, присоединить къ арміи отдѣльныя отъ оной части. Войскамъ, оставленнымъ отъ корпуса Генерала-Поручика Князя Репнина на той сторонѣ Прута, ради прикрытія всѣхъ тамошнихъ селеній, повелѣлъ я всѣ виды предпринимать въ даль движеній наступательныхъ, дабы непріятель не могъ проникнуть, на которой сторонѣ той рѣки теперь убавилось, или умножено, нашихъ войскъ. Въ городѣ Яссахъ не перестаетъ дѣйствовать смертоносная язва, о продолженіи оной и послѣдніе гласятъ рапорты находящагося тамъ Доктора Ореуса. Я не оставляю способовъ, къ укрощенію служащихъ сего зла, которые Ваше Императорское Величество Высочайше предполагаете испытывать, и кои съ самаго начала я употреблялъ; теперь какъ всѣ жители изъ сего города выбрались на чистой воздухъ, то, по благодати Божіей, не перейдетъ ли опасность отъ сего мѣста.

Ваше Императорское Величество соизволите Высочайше усмотрѣть, судя по моему нынѣшнему положенію, что я уже выше поступаю Бендеръ, сколько я долженъ внимать не безъ заботъ на всю мою лѣвую сторону, которую позади себя оставляю на обнятіе прикрытіемъ войсками второй арміи, а отъ предводителя оной, Генерала Графа Панина, отъ 1-го Іюня только то извѣстіе имѣю, что онъ еще былъ въ Злынкѣ и дожидаетъ въ соединеніе назидущихъ полковъ, а корпусъ его передовой неподвижно стоитъ при Ладыжинѣ. И такъ его приходъ къ Днѣстру, отъ коего зависятъ и союзныя наши дѣйствія, по толико далечайшему разстоянію одинъ отъ другаго, не можетъ вскорѣ ихъ сопрягать; по сему я, хотя велѣлъ было провіантскимъ транспортамъ слѣдовать по лѣвому берегу Прута, уклоняясь сообщенія съ мѣстами на той сторонѣ зараженными, однако, предпочитая той опасности осторо-

жность противъ покушеній непріятельскихъ отъ стороны Бендеръ, противъ коихъ нѣтъ уже мнѣ способу изворотиться, принужденъ опять тѣмъ берегомъ обратить всѣ подвозы.

Принцъ Брауншвейгскій Вильгельмъ, ожидаемый волонтеромъ къ арміи Вашего Императорскаго Величества, 9-го числа прибылъ, и съ нимъ Прусской службы Полковникъ Лангefeldъ, Маіоры Краковъ, Гаасъ, Менгенъ, Поручикъ Линдеръ и Прапорщикъ Пужетъ, да Англійской Гвардіи Поручикъ Фокнеръ, сынъ того Фокнера, что былъ Посломъ въ Царьградъ, котораго мнѣ присланнымъ чрезъ него изъ Лондона письмомъ рекомендовалъ тамошній Посолъ Мусивъ-Пушкинъ.

О щастливыхъ успѣхахъ оружія Вашего Императорскаго Величества въ Морей, по присланнымъ извѣстіямъ отъ Дѣйствительнаго Каммергера и Кавалера Графа Орлова, сей день въ арміи благодарныя моленія Всевышнему Богу, при пушечной пальбѣ, принесены.

13 Іюня, 1770 года.

Всемиловѣйшая Государыня!

Высочайшею милостию и возободреніемъ удостоенъ я будучи во Всемиловѣйшемъ, отъ 25 Мая, почитаю за долгъ принести Вашему Императорскому Величеству чистосердечную и всеподданнѣйшую признательность такъ какъ великодушной Монархинѣ и Всемиловѣйшей своей покровительницѣ.

Не можно искреннѣе, Всемиловѣйшая Государыня, ни трудиться, ни желать, какъ то чинилъ, и имѣвъ толь величайшую довѣренность въ дѣлахъ, чрезъ которыя отечество наше возводитъ, Ваше Величество, къ вѣнцамъ славы и благоденствію. Не моего усердія, или попеченія, не доставало исполнить всѣ Ваши Высочайшія къ тому предположенія, но стеченіе непреборимыхъ препятствій и недостатокъ силъ, не дозволили простерть подвиги болѣе настоящаго ихъ состоянія, что и питаетъ во мнѣ чувствительность безконечную. Мнѣ причитается замедленіе въ походѣ, но воззрите, Всемиловѣйшая Государыня, опоздалъ ли я ко времени притти въ свою позицію? Ничего мнѣ не остается говорить

противъ изъясненій, идущихъ въ полномъ движеніи и большими шагами, какъ только, что Ваше Императорское Величество сами получаете извѣстія, коликая еще осталась даль до предполагаемаго имъ предмета, и сколько я поздымъ, какъ считаютъ, и медленнымъ выступленіемъ, ранѣ коего не было способу мнѣ двинуться, не подвергая людей и лошадей потерѣ неминуемой, прошелъ разстояніе, въ которое не скоро достигнетъ взаимное отъ второй арміи содѣйствіе.

Я осмѣливаюсь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и теперь и впередъ отвѣчать не словами, но дѣломъ, что я всегда поспѣю и ничего не упушу въ предположеніяхъ, что сопряжены съ возложенною на меня должностію. Труды настоящіе и дѣйствія, что производятъ войски Вашего Императорскаго Величества, мнѣ вѣрныя, собою дали бы примѣры мужества самимъ Римлянамъ, если бы тѣхъ вѣки позже нашего наступили.

Настоящія устремленія на Молдавію собравшагося непріятеля, что я описываю во всеподданнѣйшей моей съ симъ куріеромъ, коимъ соединеннымъ всѣмъ корпусомъ едва могъ противостоять Князь Репнинъ, на всякой день требуя отъ меня помощи, сами по себѣ выводятъ заключеніе, и которыя склонили меня, предвидя сіи дѣйствія, отозвать сіи войски изъ Букарештъ и Фокшанъ, и если бы соединеніемъ ихъ я не ускоришь, то бы Молдавія отъ нашествія непріятельскаго пострадала, и части тамъ бывшихъ нашихъ войскъ, отдаленныя рѣками и неудобнымъ переходомъ отъ взаимной помощи другъ другу, въ нынѣшнее время усиленному непріятелю одна за другою неминуемою были бы жертвою. Что касается до пропитанія и избыточной на поляхъ жатвы, которую яко бы мы оставили въ Валахіи въ пользу непріятелю, то я беру смѣлость Вашему Императорскому Величеству включить здѣсь оригиналомъ рапортъ Князя Репнина, сколь не было тамъ въ самой вещи такого достатка, ниже надежды къ продовольствованію бывшихъ нашихъ войскъ. Осмѣливаюсь такъ же, Всемиловѣйшая Государыня, со клятвою и въ правдѣ, относящейся къ священному обязательству вѣрнаго подданнаго своей Монархій, повторить и здѣсь, что я нимагъйшей возможности отнюдь не предвижу, способствующей завести въ сихъ мѣстахъ пропитаніе, на настоящее время, а тѣмъ болѣе для будущихъ на зимнія квартиры

расположеній войскъ, что Ваше Императорское Величество пред- означать соизволите. Во власти Вашего Императорскаго Величества навѣдаться и особливо о истинѣ моего о семъ случаѣ представленія; а я не отваживаюсь дѣло сіе наименьше поставлять удобнымъ, или представить оное не превосходящимъ мои силы.

Земля здѣсь во всемъ достаткѣ истощена, селенія пусты, а жители, то отъ непріятеля, то отъ возникшей заразы, преселяясь въ горы, совсѣмъ опустили поля и не видно, чтобъ и для пищи ихъ собственной былъ каковъ либо на оныхъ посѣвѣ; то какъ же можно изобрѣсти тутъ средства приготовить пропитаніе для войскъ? Уже и тѣ способы, что имѣли мы оное доставлять сюда изъ Польши, отъ времени не общають надежды, ибо во всей Покуціи и въ Воеводствахъ Русскомъ непрестанно употребляя, отъ Сентября мѣсяца прошлаго года и поднесъ, подводы къ перевозкѣ провіанта, чѣмъ однимъ довольствовался во все время здѣсь находившійся корпусъ, лишили обывателей тамошнихъ и лошадей и воловъ, по дальнему и больше еще по худому пути, ибо собственное обозрѣніе возпрещаетъ мнѣ довольно, сколько понестъ должна будетъ трудностей армія въ слѣдующую осень при ненастливой погодѣ, когда въ сихъ мѣстахъ глубокихъ и гористыхъ, пролившійся и не великой дождь, непроходимымъ путь дѣлаеть, и когда въ сушѣ самой толь тягостно есть движеніе. Все сіе отъ вѣрнаго и рабскаго моего усердія донесши, приемлю счастье пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и назваться съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

13 Іюня 1770 года.

Дост. А. М. Марковичемъ.

РЕЛЯЦІЯ.

Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданнѣйше донести я есть имѣю, коимъ образомъ войски, моему предводительству ввѣренныя, вновь храбрымъ наступленіемъ на непріятеля ушедшаго, 10-го числа сего мѣсяца, на высоты, ведущія къ Бендерамъ, и пакы его обратили въ бѣгство изъ самаго крѣпчайшаго лагеря, которой рекогносцировавъ 14 числа сего мѣсяца, нашель я весьма выгоднымъ для непріятеля и отъемающимъ удобность къ при-

ступу, если прямо всходить къ оному; поелику непріятель утвердился на чрезвѣрно крутой горѣ, окружившись обширнымъ ретраншаментомъ съ 44 пушками, имѣвъ предъ собою и топкой, грязной ручей. На завтра препоручилъ я Генералу-Квартирмистру Боуру, подъ прикрытіемъ пѣхоты и конницы, осмотрѣть еще поближе положеніе того мѣста, гдѣ расположились Турки и Татары; онъ обозрѣлъ потому возможность, токмо съ правой стороны атаковать сей непріятельской лагерь; но возвращаясь, по увѣдомленіи о томъ меня въ тотъ же день, изъ арміи къ своему корпусу, отстоящему въ шести верстахъ, нашелъ, что непріятель, сошедши вокругъ, нападаетъ на оный и на стоявшій вмѣстѣ съ нимъ корпусъ Князя Репнина, и учиненный сильный отпоръ изъ артиллеріи и отдѣленными пѣхотными деташиаментами, хотя тотчасъ принудилъ непріятели, въ одной только конницѣ бывшаго, къ ретирадѣ, а однако жъ Генераль-Квартирмистръ Боуръ подверженъ былъ опасности, покуда доскакалъ къ своему корпусу и отстрѣливался самъ отъ Татаръ и одного Арапа наѣздника, которые близко уже напускали. При отбитіи непріятели, уронъ его отъ удачныхъ карточныхъ выстрѣловъ, весьма былъ примѣтенъ, а нашихъ убитыхъ и раненыхъ число не превосходило 20 человекъ. Въ слѣдующій день, то есть, 16 Іюня, перешелъ я съ арміею впередъ 9 верстъ, и сталъ лагеремъ въ виду непріятели, постановивъ на завтра атаковать онаго, для чего и велѣлъ предъ арміею маршировать, съ своимъ корпусомъ, Генералу-Поручику Князю Репнину и занять предъ высотами одно мѣсто, которое закрывало его отъ глазъ непріятельскихъ, а Генералу-Квартирмистру Боуру стоять неподвижно тотъ день въ своемъ лагерѣ. Непріятель, увидѣвъ движеніе арміи и лагерь, спустился кучами изъ своего лагеря на низшую гору, и во весь день примѣчанія свои на насъ обращалъ издали. По учиненному расположенію къ атакѣ въ наступившую ночь, пошелъ я съ арміею въ правую сторону занять высоты, и подаль сигналъ на разсвѣтъ тремя ракетами Генералу-Квартирмистру Боуру, что я уже обнялъ оныя, почему онъ съ своимъ корпусомъ, который сверхъ прежняго числа на настоящій случай подкрѣпилъ я еще двумя баталіонами пѣхоты, долженствовалъ итти впередъ и занять дефиле, на которыхъ непріятельскіе пикеты поставлены были, и всходить потомъ прямо къ Турецкому ретраншаменту, а въ сіе время Генераль-Поручику Князю Репнину съ своимъ кор-

пусомъ атаковать непріятеля въ лѣвое его крыло, а Генераль-Маіору и Кавалеру Потанкину, наканунѣ того приготовившему себя къ переправѣ чрезъ Прутъ, перешедъ сію рѣку съ своимъ деташаментомъ, ударить непріятелю въ тылъ. По усмотрѣнію сигнала тотчасъ пошелъ Генераль-Квартермистръ Боуръ на высоту съ своимъ корпусомъ, и лишь только приказалъ здѣлать батарею впереди изъ пушекъ и единороговъ, для прикрытія войскъ, туда всходившихъ, то непріятель и сталъ отступать и метаться въ своемъ лагерѣ, дѣлая виды движенія, то на армію, подвигающуюся впереди въ помощь дѣйствіямъ атакующихъ корпусовъ, то на корпусъ Князя Репнина, заходящій ему въ тылъ; напоследокъ ужаснувшись со всѣхъ сторонъ веденныхъ на него движеній, сорвалъ свой лагерь и обратился въ бѣгъ. И хотя Генераль-Квартермистръ Боуръ съ великою поспѣшностію взшелъ на гору къ ретраншаменту съ двумя гренадерскими ротами Графа Воронцова, но ничего не въ состояніи былъ предпріять съ такимъ числомъ. Хотя задніе непріятельскаго корпуса еще переходили дефилею, однако жъ съ прикрытіемъ великимъ, принуждая часто къ ретирадѣ на нихъ тогда посланныя наши легкія войски, а всему корпусу его взойти на весьма утесистую гору требовалось времени, при всей охотѣ и усердіи, съ коими напрягали войски къ тому всѣ свои силы. Я увидѣвъ наглуую ретираду непріятеля, обратился на него тотчасъ отъ арміи всю тяжелую кавалерію подъ предводительствомъ Генерала-Поручика Графа Салтыкова, а между тѣмъ Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ, познавая, что ни положеніе мѣста весьма гористаго, ни легкость непріятеля ретирующагося, не дозволяли ему охватить его своею пѣхотою, приказалъ Генераламъ-Маіорамъ Графу Подгоричани и Текелли его атаковать и преслѣдовать, кои съ полками Гусарскими Сербскимъ и Ахтырскимъ и Харьковскимъ незамедлившись, то учинили. При первой атакѣ помянутой Генераль-Поручикъ самъ былъ свидѣтелемъ, коль храбро опрокинули непріятеля наши гусары, и за нимъ шли въ догонку, а къ подкрѣпленію туда же скакалъ съ своею кавалерію Генераль-Поручикъ Графъ Салтыковъ; непріятельскую ретираду увидѣвъ изъ за Прута, Генераль-Маіоръ и Кавалеръ Потемкинъ, поспѣшилъ переправить своихъ егерей и легкія войска, съ которыми онъ шелъ къ оному на поискъ. Его узрѣвъ въ небольшомъ числѣ и близко себя, непріятель отдѣлялъ своей конницы до 2 т. и атаковалъ съ вели-

кимъ устремленіемъ сей detachementъ, однако жъ Подполковникъ и орденъ св. Георгія Кавалеръ Фабриціанъ, установя при егеряхъ батарею, производимую изъ пушекъ стрѣльбою, не только обратилъ назадъ непріятели, но и подкрѣпилъ тѣмъ гусаръ корпуса Князи Репнина. При семъ отбито у непріятели войсками того Генерала-Маіора Потемкина одно знамя. Вся наша кавалеріи при семъ случаѣ весьма хорошо свое дѣло исполняла и преслѣдовала верстъ до 20-ти непріятели, чрезмѣрно наорягаясь достигнуть его, но онъ по легкости своей отъ времени далѣе ускокаикалъ; гнаться за нимъ болѣе усталость лошадей не позволяла, какъ происходило сіе въ день чрезмѣрно жаркой, а пригомъ непріятели, убравшись на гору, изъ устроенныхъ тамо батарей сталъ по нашимъ стрѣлять, ибо завремени онъ изъ лагеря свою артиллерію и обозы отправилъ, которые съ пѣхотою успѣли взойти на высоты подъ закрытіемъ многочисленной конницы. Съ пѣхотою Генераль-Поручикъ Князь Репнинъ преслѣдовалъ непріятели верстъ шесть, а Генераль-Квартермастръ Боуръ болѣе десяти въ наилучшемъ порядкѣ. Непрiятельскій уронъ, по засвидѣльствованію Генерала-Маіора и Кавалера Графа Подгоричани, соченъ до 400.человѣкъ въ убитыхъ, между коими равную часть имѣлъ Ханскій сынъ, Дели Суланъ Керязъ, который въ глубокомъ яру со ста человѣками выборныхъ Турковъ и Татаръ обхваченъ будучи, не сдался въ плѣнъ на предложеніе, ему дѣланное отъ Графа Подгоричани, но принудилъ какъ себѣ, такъ и всю его отчаянную партію, перестрѣлять; съ нашей стороны о убитыхъ и раненыхъ поимому вѣдомость. Въ плѣнъ взяли Ахметъ-Ага, Селивъ Агаси, то есть, чиновникъ изъ ближайшихъ шаперстниковъ Абазы Паши, да Ханской секретарь, одинъ Турокъ и одинъ Татаринъ. Сей непріятелискій корпусъ...

20 Іюня, 1770 года.

6 Іюля 1770 года.

ОРДЕРЪ

Г. Генераль-Вагенмейстеру Дамсдорфу.

Армія изъ настоящаго лагеря предпринять съ слѣдующей ночи атаку на непріятели, и потому всѣ и легкіи повозки отпущены будутъ въ тяжелый обозъ, за которымъ вашей должности есть

пецися о цѣлости. Ради сего получите Вы отъ Генеральнаго Дежурства приказъ о числѣ команды, на зашищеніе того опредѣленной, а я Вамъ къ тому предписываю слѣдующее: строеіе Вагенбурга располагаете такъ, дабы отдѣленія въ ономъ, одно другое обнимая, служили и къ обоюдной же защитѣ, и чтобъ въ середкѣ могли всѣ лошади помѣститься, для которыхъ корму, по крайней мѣрѣ на цѣлыя сутки велите заготовить. Военными людьми обоймите тѣ найпаче мѣста, на которыя вѣроятнѣе ждуть покушеній непріятельскихъ; а дабы повсемѣстнѣе защиту сколько можно усилить, то и всѣхъ слугъ, коннѣ могутъ найтись ружья, или же орудіе, способное къ отраженію нападающаго, употребите пристойнымъ образомъ къ надобной оборонѣ. Словомъ, какъ всѣ обозы отдаются въ диспозицію Вашу съ полною надеждою на лучшее Ваше о сохраненіи ихъ попеченіе, то и стараетесь вы весь порядокъ соблюсти, котораго требуетъ настоящій случай.

7 Юля 1770 года.

Приказъ въ Армію и въ Корпуса.

Его Сіятельство, Главнокомандующій Господинъ Генераль и Кавалеръ Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, приказалъ объявить совершенное свое удовольствіе съ таковымъ же благодареніемъ всѣмъ Генераламъ, Бригадирамъ, Штабъ, Оберъ и Унтеръ-Офицерамъ и всѣмъ ризовымъ солдатамъ за ихъ мужество, ревность и добрую волю, кои хъ дали они отличные доводы, побѣдивъ вчерашній день гордаго и многочисленнаго непріятеля и взявъ штурмомъ весь его лагерь. Да надѣется каждый, что по мѣрѣ отличія и достоинствъ особо и вообще, почитаетъ за долгъ себя Его Сіятельство праведное учинить предстательство къ Ея Величеству, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, восхваляя сей подвигъ, какъ примѣръ, знаменующій, колико храбры и колико усердны къ славіи своей Монархини всѣ чины, конми онъ имѣетъ честь предводительствовать. Не хотѣлъ бы Его Сіятельство, чтобъ его благодарность и толикое удовольствіе кончилось непріятнымъ примѣчаніемъ, однако жъ относящееся къ подлымъ только людямъ и конечно холопамъ, которое вынуждаютъ изъ него недостойные тѣхъ поступки, когда онъ вчерашній день при вступленіи въ

непріятельскій лагерь присутствую при всѣхъ атакующихъ корпусахъ, видѣлъ съ обрадованіемъ однихъ войскъ благородныхъ, прямо сего имени достойныхъ, которые, не дотрогиваясь до корысти, попирали ея ногами и устремлялись только далѣе поражать непріятеля. Но другіе, къ прискорбію, были столько падки на добычу, что, забывъ славу побѣды, которую умножить бы могли, достигая пораженіями бѣгущаго въ глазахъ ихъ непріятеля и не ревнуя своимъ сотоварищамъ, преслѣдующимъ оною, остановились набогачаться грабленіемъ непріятельскаго лагеря и собирать плоды, не ихъ рукою пріобрѣтенные. Ибо между прочими сіе чинили наибольше Арнауты и барскіе слуги. Извѣстно, что алчба наживы лишила тутъ нѣкоторыхъ и головы, что могло бы случиться и со всѣми, какъ стоило только непріятелю 'большею силою на нихъ обратиться. Съ прискорбіемъ свою чувствительность въ семъ пунктѣ Его Сіятельство обвѣщаетъ во удержаніе впредь отъ таковаго посползновенія, за которое не только изобличенные будутъ жестоко наказаны, но и начальники, ихъ не удерживавшіе отъ отлучки, будутъ отвѣтствовать предъ судомъ военнымъ, поелику симъ нарушается не только благоустройство военная, но и, при совершеніи побѣды, подается способъ верхъ взять побѣжденному надъ самымъ побѣдителемъ.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Въ сей день, то есть, 7-го Іюля, достигнувши непріятеля за рѣчкою Ларгою на высотахъ, примыкающихъ къ лѣвому берегу Прута, одержала армія Вашего Императорскаго Величества величайшую надъ нимъ побѣду. Было тутъ Турковъ и Татаръ преимущественно, а командовали ими самъ Ханъ Крымскій и паши: Абаза, Изманлъ и Абды; послѣдній присоединился къ нимъ съ праваго берегу Прута съ своимъ лучшимъ войскомъ въ 15 т., и такъ считалась вся ихъ армія до 80 т. Непріятель съ таковыми великими силами нѣмъ лагерь на превысокой и неприступной горѣ, съ обширнымъ ретраншаментомъ, и его канонада командовала всею окрестностію. Но чего не можетъ преодолѣть воинство, усердствующее къ славіи своей Монархини? Мы, не смотря на всѣ сіи выгодныя позиціи, на разсвѣтъ съ разныхъ сторонъ поведши

атаку, выбили штурмомъ непріятеля изъ всего его лагеря, шаражан сопротивляющихся и бравъ одно за другомъ укрѣвленіи, коихъ было въ ономъ четыре.

Хотя непріятель сильнымъ огнемъ изъ своей артиллеріи и мелаго оружія продолжая болѣе четырехъ часовъ, устремлялся давать отпоръ, но ни сила орудій, ни персональная его храбрость, которой въ семъ случаѣ надлежитъ отдать справедливость, не постояли противъ превосходнаго мужества нашихъ солдатъ, которые, коль скоро коснулись поверхности горы, то и сдѣлались мы побѣдителями, а непріятель съ превеликимъ урономъ въ наглый обратился бѣгъ; не только мѣсто лагеря, что подъ нашею теперь птою, но и всѣми пушками, коихъ съ перваго взгляда считаемъ до тридцати, артиллерійскими запасами, палатками, разною провизіею, посудою, скотомъ, и каковъ только былъ багажъ, мы въ свою корысть завладѣли.

Я осмѣливаюсь, Ваше Императорское Величество, удостовѣрить, что еще съ толикимъ урономъ не бытъ отъ нашихъ войскъ разсыпанъ непріятель, и никогда въ толикомъ порядкѣ и предприятіи не дѣйствовалъ нашъ фронтъ, какъ при сей щастливой атакѣ. Чужестранные волонтеры, и всѣ, что теперь вообще служатъ, дадутъ по мнѣ въ семъ свидѣтельство; я поспѣшаю поднести всеполданнѣйшее сіе увѣдомленіе съ Подполковникомъ Каулбарсомъ, который участникомъ будучи въ семъ дѣйстви, въ состояніи найдется предварительное сдѣлать Вашему Императорскому Величеству представленіе о подробностяхъ онаго, и коего, какъ храбраго, усерднаго и испытаннаго мною въ томъ Офицера, смѣю препоручить въ Высочайшую милость Вашего Императорскаго Величества. О числѣ плѣнныхъ, трофеехъ, убитыхъ и происхожденіи всего дѣла въ слѣдъ за сими обстоятельнѣйшую буду имѣть честь учинить реляцію; потеря наша въ людяхъ при семъ важнѣйшемъ дѣлѣ есть весьма мала; при отправленіи сего изъ ставки великолѣпной Хана Крымскаго, благодареніе молебны Богу, благодѣвшему намъ, приносить торжествующая Вашего Величества армія. Я есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

7-го Іюля 1770 года.

Все милостивѣйшая Государыня!

Воображать я могу, что Ваше Императорское Величество, первое мое донесеніе о пораженіи арміи непріятельской 7-го Іюля, которою тогда командовалъ Ханъ Крымскій, получить изволяте не прежде сего благополучнаго дня, въ которой войски Вашего Величества, моему предводительству ввѣренныя, вновь торжествуютъ и надъ самымъ уже Визиремъ Турецкимъ, Халиль Беемъ, побѣдивъ найзнаменитѣйшимъ образомъ въ его присутствіи выведенную имъ премногочисленную армію, на сей берегъ Дуная, въ которой находились такъ же изъ первыхъ и знаменитѣйшихъ ихъ чиновъ Янычаръ Ага, Капикирамъ, Топчи Паша, то есть, главный командиръ надъ артиллеріею, Абаза Паша, Абды Паша и Гистайль Паша. Поспѣшность и конецъ въ сей часъ только сраженія позволяютъ мнѣ симъ кратчайшее увѣдомленіе всеподданнѣйше учинить Вашему Императорскому Величеству о томъ славномъ происшествіи.

Достигая послѣ битвы за рѣкою Ларгою бѣгущаго отъ насъ непріятеля, удостовѣрились мы, наконецъ, что оный присоединился къ многочисленной арміи Турецкой, съ которою перешелъ чрезъ Дунай самъ Верховной Визирь; сто пятьдесятъ тысячъ было ихъ войскъ, какъ всѣ плѣнные показываютъ, съ коимъ сей гордищійся глава Магометанъ вчера на вечеръ въ семи верстахъ, въ виду нашей арміи, взялъ свой лагерь при рѣкѣ Кагуль, на лѣвомъ берегу пониже озера, въ которое сія рѣка вливается, какъ и оное въ Дунай, въ наѣречіи будучи сей день насъ агаковать, для чего Ханъ Крымскій со всею своею Татарскою ордою не совокуплялся съ Турками, но первѣе стоялъ на рѣкѣ Сальчъ, противъ лѣваго нашего фланга, а потомъ потянулся намъ въ спину. Хотя въ сіе время отъ арміи, для прикрытія провіантскаго транспорта, идущаго отъ Фальчъ, отдѣлать я долженъ былъ знатную часть пѣхоты и кавалеріи, кои и вели, уже дѣло съ обшедшимъ насъ въ тылъ непріателемъ и покушающимся нападать на обозы, но при всемъ томъ, я рѣшился не дожидать на себя атаки непріятельской, но оною предупредить его вопреки съ своей стороны, презирая великость Визирскихъ силъ предъ усердіемъ и храбростію войскъ, кои въ щастіе имѣю предводительствовать, и потому въ началѣ 5-го часа по полуночи, приступили мы къ Визирскому лагерю,

которой нашли, къ удивленію, въ одну ночь, тремя ретраншамен-
тами и больше укрѣпленный, чѣмъ предпослѣдній, изъ коего вы-
битъ былъ Ханъ Крымскій и Паша Абаза, Абды и Измаилъ. Ни
столько жестокой, ни такъ въ малыхъ силахъ, не вела еще армія
Вашего Императорскаго Величества битвы съ Турками, какова въ
сей день происходила. Пришедшіе съ Визиремъ Янычары совершен-
но были остатокъ тѣхъ славныхъ во всю вселенную рыцарей, ко-
торые въ ужасъ приводили съ ними бѣоущихся своею опромегчи-
востію; надлежало арміи Вашего Величества отверзти себѣ путь
боемъ къ Турецкому ретраншаменту сквозь величайшія таковыхъ
храбрецовъ толпы, которыми встрѣтилъ и окружилъ насъ непрі-
ятель версты за три предъ своимъ лагеремъ, вспомоцествуя сво-
имъ пресильнѣйшею канонадою, которая неумолкну по насъ про-
должалась слишкомъ 5-ть часовъ. Дѣйствіемъ своей артиллеріи и
ружейнымъ огнемъ, а наипаче дружнымъ пріемомъ храбрыхъ на-
шихъ солдатъ въ штыки, пробившись мы въ 9-ть часовъ къ Турец-
кому ретраншаменту, не видя еще того, чтобъ непріятель съ роб-
кимъ лицомъ намъ противился, покуда послѣдней пѣхоты его
вылазку изъ ретраншамента не опровергнули мы храбрымъ отпо-
ромъ. Тутъ, призвавъ въ помощь Господа силъ, благословящаго
оружіе Вашего Императорскаго Величества, и о имени Вашемъ,
Всемилоствѣйшая Государыня, ударили мы во всю мочь на мечъ
и огонь Турецкій, и одержали надъ онымъ верхъ, взоснедъ въ
ретраншаментъ, гдѣ не могъ болѣе держаться Визирь, но со
всѣми своими войсками, между коими былъ Польскій бунтовщикъ
Потоцкій съ Конфедератами, обращенъ въ бѣгъ къ Дунаю, отсто-
ящему отсюда въ 25-ти верстахъ, и завладѣла полнымъ его ла-
геремъ армія Вашего Императорскаго Величества, палатками, обо-
зомъ и нецетнымъ багажемъ, и получила въ добычу всю его
артиллерію, коей по первому щету оказалось 180-ть хорошихъ
пушекъ съ лафетами. И такъ другой разъ Всевышнему хвалу и
благодарность торжественно приносить съ пушечною пальбою въ
непріятельскомъ лагерѣ армія Вашего Императорскаго Величества.

Нашъ уронъ въ людяхъ весьма не великъ, а непріятельскими
тѣлами покрыта вся окрестность; обстоятельнѣйшее увѣдомленіе
о числѣ пѣна и убитыхъ и всей нашей добычи, въ слѣдъ за
снимъ я долженствую учинить; но въ окончаніе да позволено мнѣ

будеть, Всемилостивѣйшая Государыня; настоящее дѣйствіе уподобить дѣламъ древнихъ Римлянъ, въ томъ, въ чемъ Ваше Императорское Величество шлѣ ихъ примѣру подражать велѣли; не такъ ли и армія Вашего Императорскаго Величества поступаетъ, что не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, но ищетъ, гдѣ только онъ? Подноситель сего, Бригадиръ Озеровъ, какъ послѣднее наипослѣднѣе янычарь стремленіе на тотъ часъ, гдѣ я самъ предводительствовалъ, съ своимъ первымъ Гренадерскимъ полкомъ въ глазахъ моихъ отгинулъ съ великою храбростію сопротивныхъ нашихъ ударомъ, начало подалъ къ одержанной побѣдѣ, то и щитаю я за долгъ и справедливость, чтобъ ему быть и первѣйшимъ вѣстникомъ Вашему Императорскому Величеству о семъ благополучномъ успѣхѣ оружія Вашего. Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

21-го Іюля, 1770 года.

Сооб. А. М. Марковичъ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Пропустя всѣ происшествія между тѣмъ временемъ, какъ я шлѣ честь увѣдомить Ваше Сіятельство о разбитіи непріятеля 7-го Іюля, поспѣшаю теперь возвѣстить Вамъ, Милостивый мой Графъ, коль знаменитѣйшею вновь побѣдою благословилъ Всевышній оружіе Ея Императорскаго Величества, предводительству моему вѣренное.

Непріятель, за которымъ я шелъ отъ рѣки Ларги, наконецъ у Дуная соединился съ самимъ Верховнымъ Визиремъ Халилъ Бемъ, который со ста пятидесятью тысячами пѣхоты и конницы переправился на сей берегъ. При лучшемъ ихъ воинствѣ были и знатнѣйшіе ихъ полководцы кунно съ Визиремъ, какъ то: Янычаръ Ага Каникирамъ, Топчи Паша, то есть, главный командиръ надъ артиллерію, Гистанги Паша, и прогнанные до сего отъ насъ три Паша: Абди, Абаза и Измаилъ. Третьяго дни подъ вечеръ Визиръ съ своею арміею перенесся лагеремъ къ устью рѣки Кагуль, по лѣвую сторону, гдѣ она впадаетъ въ озеро, вливающееся

въ Дунай; сіе движеніе было въ виду нашемъ и разстояніемъ не болѣе семи верстъ. Я проникнулъ, что Турки хотѣли меня атаковать, и плѣнные утвердили, что съ тѣмъ приготовились они къ вчерашнему дню; положеніе мое было нѣсколько критическое, ибо впереди я имѣлъ толь многочисленнаго врага, а не мешыше сего въ силахъ, Ханъ Крымскій, не соединившійся съ Турками, отъ рѣки Салчи, обошедъ меня со всею ордою въ тылъ, чинилъ уже нападеніе на идущій къ арміи провіантскій транспортъ. Противъ коего долженъ я былъ отрядить знатную часть пѣхоты къ лучшей своей конницѣ, кои съ нимъ сражались, чѣмъ весьма оскудѣли со мною бывшія войска; но дознавши не разъ, что не числомъ, а храбростію и усердіемъ, пробрѣтаются военные успѣхи, и въ послѣднемъ полагаясь на войска, коими имѣю щастіе командовать, рѣшился не дожидаться на себя Визирской атаки, но упредить его оною съ своей стороны. Въ слѣдствіе того, вчерашній день, то есть, 21-го Іюля, въ началѣ пятаго часа по полуночи, сталъ подходить я съ арміею къ непріятельскому лагерю, который, противъ всякаго чаянія, нашли мы въ одну ночь укрѣпленный пространымъ ретраншаментомъ и тройными глубокими рвами; сперва кинулась и окружила насъ ихъ конница, съ наглымъ устремленіемъ на пѣхотный фронтъ, и сію преграду не могли мы вдругъ сокрушить, но почти до самаго ретраншаamenta отверзали себѣ путь огнемъ, пробиваясь сквозь толпы, на насъ нападающія съ отчаянною наглостію. Приблизившись къ ретраншаменту, хотя мы открыли найсильнѣйшую по немъ канонаду, но Турки, чрезъ пять часовъ, противъ оной держались съ чрезвычайною твердостію, чиня вылазки своею пѣхотою, изъ коихъ послѣдняя была толь отчаянна и стремительна, что коснувшійся уже ихъ батарей нашъ пѣхотный строй нѣсколько было замѣшался; однако жъ я, подѣ Янычарскими саблями, успѣлъ тотчасъ оной въ надлежащій привести порядокъ, и призвавши на помощь Господа силъ, велѣлъ солдатамъ ударить въ штыки и напустить своей кавалеріи, и симъ дѣйствиель, какъ и непрерывнымъ огнемъ ручнымъ и съ артиллеріи, стали мы, въ 10-ть часовъ, пробиваться въ самый уже непріятельскій ретраншаментъ, который, сверхъ стрѣлянія отъ сидѣвшей во рвахъ пѣхоты, защищаемъ еще былъ найсильнѣйшею канонадою изъ многочисленныхъ орудій. На послѣдокъ, коль близки уже мы были и бѣлымъ оружіемъ сокрушать всѣхъ противящихся, то сіи

наши успѣхи надъ частію своихъ войскъ падшихъ, составляющихъ первую стѣну, когда увидѣлъ Визирь и вся его армія не могла болѣе держаться, но стала подаваться назадъ, а мы тѣмъ жесточай ихъ потѣснили, доколѣ выбили съ укрѣпленія и обратили всѣхъ въ наглый бѣгъ къ Дунаю, за тѣмъ завладѣли мы Турецкимъ полнымъ лагеремъ, получили въ добычу весь обозъ и всю ихъ артиллерию въ сто тридцать хорошихъ орудій на лафетахъ и со всѣми къ тому артиллерійскими запасами. О числѣ ставокъ и всякаго прочаго багажу, я не могу щетомъ сказать, но сами, Ваше Сіятельство, представить изволите по мѣрѣ побѣжденныхъ, коль всего того велико число быть должно. Сіи суть вкратцѣ обстоятельства надъ Визиремъ побѣды, отъ которой торжественно благодарныя моленія съ пушечною и ружейною пальбою армія Ея Императорскаго Величества сей день принесла Всевышнему въ самомъ Турецкомъ лагерѣ. Нашъ уронъ не великъ; еще всему, какъ и всѣмъ трофеямъ, не было времени сдѣлать щеть. Преслѣдующіе открываютъ, что Визирь съ войскомъ уже прибѣжалъ къ Дунаю и старается перебраться, на судахъ, на тотъ берегъ, поелику моста нѣтъ. Къ Бендерской сторонѣ не примѣтили отсюда ни какого движенія, и провіантскіе мои транспорты идутъ доселѣ благополучно отъ Фалей.

22 Июля, 1770 года.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Дополняя предыдущее увѣдомленіе, отъ 22 Июля, о успѣхахъ, коими Богъ, нашъ помощникъ, благословилъ въ сей сторонѣ правобѣрныхъ Россовъ, имѣю честь Вашему Сіятельству донести, что по разбитіи Визирской арміи, преслѣдовалъ бѣгущихъ Турковъ до Дуная посланный отъ меня корпусъ, подъ командою Генерал-Квартермейстера Боура.

Турки никогда подобной гибели не имѣли, какъ отъ нынѣшняго удара. Представте, моста не было на Дунаѣ, они всѣ бросались на суда, коихъ хотя до трехъ сотъ было, но торопливость и страхъ погрузили ихъ тѣмы въ водахъ, паче когда нашъ корпусъ

ознаменилъ свое туда шествіе. Захваченные на здѣшнемъ берегу чиновные и рядовые, коихъ число превосходитъ тысячу, бросивъ оружіе, просили у нашихъ войскъ пощады и отдались въ полонъ въ виду самаго Визиря и остатковъ своихъ собратій, кои, уже будучи на другой сторонѣ рѣки, съ воплемъ на сіе позорище взирали. Послѣдній паркъ артиллеріи до 30 орудіевъ, безцѣтное множество обозовъ, лошадей и скота, на берегу Дунайскомъ обрѣтенные, во умноженіе нашей добычи остались. Съ берега видно, что за Дунаемъ подлѣ Исакчи скитаются остатки войска, избѣгшаго пагубы съ своимъ Визиремъ, а здѣшній берегъ уже подѣ нашею пятою.

Я съ корпусомъ обратилъ Генерала-Поручика Князя Репнина завладѣть Измаиломъ, и, по его увѣдомленіямъ, онъ сей день на оный ведетъ атаку.

Ханъ Крымскій, также сказываютъ, своею особою убрался за Дунай, а Мурзы и многіе уже ко мнѣ прислали депутата, прося, чтобы не препятствовали наши войски пройти имъ въ Крымъ, иначе же ихъ до 100 тыс. есть, вознамѣрившихся драться до послѣдняго.

26 Июля, 1770 года.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Вскорѣ по отправленіи всепочтеннѣйшаго Вашего Сіятельства ко мнѣ, отъ 24-го, которое въ сей день я честь имѣлъ получить, и надѣясь придутъ мои къ Вамъ курьеры, сего мѣсяца отъ 22 и 26 чиселъ къ Вамъ посланные, коихъ Вашъ куріеръ и повстрѣчалъ на дорогѣ. Съ первымъ Вы соизволите имѣть увѣдомленіе, что армию Визирскую мы разбили; со вторымъ, что и остатки оной съ ихъ верховныхъ предводителямъ прогнаты за Дунай.

Теперь вновь Вашему Сіятельству поспѣшаю сообщить, что посланный отъ меня корпусъ, подѣ командою Генерала-Поручика Князя Репнина, покорилъ городъ Измаилъ и въ ономъ утвердился. Непрiятеля нашелъ онъ было въ семь городѣ тысячъ болѣе двадцати, который, уклоняясь отъ дѣла, версты за четыре предѣ на-

шми войсками убралися изъ города и потянулся къ Киіи; онъ въ такой дистанціи всегда былъ, коль ни старался преслѣдовать его Князь Репнинъ. Легкія войски и кавалерія полонили нѣскольکو сотъ, а съ семь сотъ убили Турковъ; пушекъ до 30 взято, но обстоятельнаго увѣдомленія и ожидаюсъ съ часа на часть, что въ семь городъ найдено; ибо съ кратчайшимъ токмо извѣстіемъ первый куріеръ оттуда прискакалъ и увѣряеть, что изобилуетъ во всемъ, какъ городъ, такъ и окрестности онаго.

Я велѣлъ Князю Репнину свои легкія войска обратить къ вершинѣ Салпуха и противъ Киіи, а оными беречь, чтобъ непріятель въ мой задъ не пролѣзъ.

27 Іюля, 1770 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь мой!

Отправленное извѣстіе первымъ моимъ курьеромъ къ Ея Императорскому Величеству, съ увѣдомленіемъ вкратцѣ о побѣдахъ, пріобрѣтенныхъ надъ непріятелемъ, поелику еще происходило между дѣломъ меча, то и представляя сіе во извиненіе, что я не имѣлъ чести учинить должнаго отъѣва Вашему Сіятельству, велѣлъ только каждому изъ нихъ къ Вамъ явиться и возвѣститъ словесно. И нынѣ, отправляя обстоятельную реляцію, по долгу не упускаю Вашему Сіятельству донести, что армія, предводительству моему вървенная, 21 Іюля разбивъ Визиря, въ тридцати верстахъ отъ Дуная отшедшаго, со 150,000 отборнаго Турецкаго войска, отряженными потомъ корпусами 23 числа положила захваченной остатокъ непріятеля на семь берегу Дуная, противъ Исаки, въ виду Визиря и ихъ собратій. У Скоритихъ переправился на судахъ чрезъ рѣку, и взирали оттуда съ воплемъ на сіе позорище; а 26-го взяли городъ Измаилъ. Уронъ непріятеля простирался до 20,000, уменьшивая сколько можно противу признанія плѣнныхъ, кои поставляютъ до 40,000; а мы имѣемъ выбытыхъ и раненыхъ меньше тысячи, плѣнныхъ считаемъ тысячу, которые не престають прибавляться всякой день. Артиллерія 203 пушки, легкое ружье все, экипажъ, обозъ, полной лагерь съ ставками, словомъ, что только армія имѣла Турецкая, есть добыча нашихъ войскъ.

Ваше Сіятельство двойное имѣете побужденіе возрадоваться сими благополучными успѣхами арміи Всемилостивѣйшей нашей Монархини, такъ какъ сынъ отечества, и такъ какъ щастливый отецъ, котораго сынъ, Графъ Ивагъ Петровичъ, отличнымъ своимъ мужествомъ спомоществовалъ въ настоящемъ сраженіи одержанной побѣдѣ, въ чемъ я должную справедливость ему отдалъ въ моей реляціи къ Ея Императорскому Величеству, и въ томъ не скрою моего удовольствія, коимъ въ честь себѣ поставляю раздѣлить теперь службу и счастье военное съ сыномъ того, котораго отецъ прежде былъ мнѣ, въ семъ ремеслѣ, руководителемъ, и ко-его милости и теперь ношу.

Непремѣнно пребывая съ найсовершеннѣйшимъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшимъ слугою.

Юля 31 дня, 1770 года.

Изъ лагеря при устьѣ рѣки Кагула.

Графу Петру Семеновичу
Салтыкову.

Опытъ обзорѣн. князя Санов. Соч. А. Терещенка.

Часть 2-я, ст. 169.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Одиннадцатаго числа сего мѣсяца прибывшій въ армію курьеромъ Лейбъ-Гвардіи Поручикъ Хотягинцовъ ошастливилъ меня врученіемъ Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества. Еще вкушеніе въ ономъ благѣ изощрило мои чувствованія, еще привержены были уста и сердце мои достоудожнымъ лобзаніемъ и словъ и милостей Монаршихъ, какъ съ неожиданною и новою милостію на третій день, то есть, 13 Августа, подоспѣлъ ко мнѣ Подполковникъ Ламбъ, чрезъ котораго удостоился я получить другое Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества, съ наименованіемъ и пожалованіемъ меня Всемилостивѣйше въ свои Генералъ-Фельдмаршалы.

Не радость, но восхищеніе во мнѣ подѣйствовало, ощутивъ наиблагодѣйшую милость, по сердцу Вашему, Всемилостивѣйшая Государыня, а не по заслугамъ моимъ воздаваемую. Сіе и первое останется блистательнымъ залогомъ и цѣны не имущимъ во всѣ дни мой, и на всѣ лѣта, доколѣ прейдетъ мой родъ, во мнѣ теперь прославленный и обогащенный проліянными щедротами Вашими, Великая Монархиня!

Похвала въ премудрости слова и толикомъ снисхожденіи изображенная моимъ дѣламъ и Высочайшее благоволеніе Вашего Императорскаго Величества, возносятъ ихъ, а не они сами собою. Св суть вѣнды лестныя военныя славы, которые Ваша десница оружіедержательная дарствуетъ мнѣ. Я оными превышу многихъ вождевъ, которые судіями своихъ подвиговъ не имѣли подобной, какъ я, во бравѣхъ и тишинѣ, величествомъ и премудростію прославленной во всѣ концы земныя Героини.

Сколь ни лестно рабу бытъ ошастливлену изреченіемъ своей Государыни, что и онъ займетъ въ Ея вѣкѣ несомнѣнно превосходное мѣсто предводителя искуснаго и усерднаго, но я не смѣю сего иначе принять, какъ только за безпредѣльную къ себѣ милость, и чту непреложно ту истину, что имя Вашего Величества даетъ великость и вѣку самому, и въ чертоги славы и безсмертія вводитъ по себѣ и своихъ подданныхъ, довольно прославленныхъ и единымъ уже Вашимъ къ нимъ благоволеніемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Не соберу я словъ на изясненіе чувствуемой благодарности, которую долгъ и усердіе внушаютъ, когда я украшаюсь знакомъ священнымъ Высочайшей милости Вашего Императорскаго Величества, возложу на себя нынѣ присланный Орденъ святаго Георгія, когда въ одно время обрадованъ не меньше щедротою Вашею въ пожалованіи мнѣ недвижимаго имѣнія въ Малой Россіи, и когда, къ сугубому удовольствію, въ преклоненіи моего вѣка, какъ уже ремесло долготннее истощиваетъ силы, не только подкрѣпляютъ меня сіи благодѣянія Монаршіи, но и возведенъ я Вашимъ Величествомъ на степень верховную, которую за вѣнецъ уже чтутъ своимъ подвигамъ военачальники. Чего еще я могу желать, все сіе имѣвши отъ Вашего Императорскаго Величества? Сего одного, Всемилостивѣйшая Государыня, да продлятъ Всевышній драгоцѣнный вѣкъ Вашего,

Императорскаго Величества за предѣлъ обыкновенный человѣчеству, для благоденствія нашего отечества, которое посвятило Вамъ имя своей матери, и да воздастъ его Промыслъ, какъ одинъ можетъ, по своимъ щедротамъ за таковы, для меня явленные.

При поверженіи себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, дозвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше лобзать (и мысль на вѣки открыть горящую) ту священную руку, которая сотворила для меня и всего моего потомства великія, славныя и богатыя милости, которыхъ учиниться достойнымъ, если сіе возможно, нигдѣ я не уклонюсь и самую жизнью.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества
всепокорнѣйшій рабъ.

14 Августа, 1770 года.

Милостивѣйшій Государь!

Съ толикою благоугодностію признанные мои подвиги противъ непріятеля Турка, и благоволеніе высокое, оказанное мнѣ отъ Вашего Императорскаго Высочества, въ милостивѣйшемъ Вашемъ письмѣ, еще больше возвышаютъ мое щастіе, которое теперь превознесено щедротами и благодѣяніями Всемилостивѣйшей нашей Монархини. Представьте, Милостивѣйшій Государь, что тогда подданный чувствовать долженъ, когда его Государь любитъ и отлично благоволяетъ объ немъ? Ваше Императорское Высочество словами такой милости произвели во мнѣ ту безконечную радость, мѣра которой не виѣщается и въ самыхъ сердечныхъ чувствіяхъ, колымъ паче есть выше возможнаго изъясненія. Я только съ благоговѣніемъ мои вождельніи смѣю приносить къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества, чтобъ въ дѣлахъ, предоставленныхъ Вашему вѣку, вознеслись, Ваше Высочество, подобнымъ сіяніемъ и славою, съ какими во бранехъ и тишинѣ торжествуетъ родшая Васъ великая Монархиня.

Я осмѣлился приготовить къ отправленію Вашему Императорскому Высочеству одну Турецкую лошадь изъ добычныхъ отъ непріятеля и предварить, однако жъ, что она не есть большого

росту, какъ всѣ породы, которыя предпочтительны у Турковъ, суть малорослыя, и они небольшихъ лошадей находятъ способнѣйшими къ военнымъ оборотамъ. Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

27 Августа, 1770 года.

ОРЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Григорьевичъ!

Въ томъ упованіи, что прїѣздъ Григорія Александровича къ удовольствію общему будетъ, я его отпускаю и въ Санктпетербургъ.

Вся прошедши, вся и вѣсть. И такъ въ немъ посылаю письмо живое. Гдѣ мы? каковы мы? и что намъ для переду предстоитъ? По привычкамъ твоимъ, выслушай, мой Милостивый Графъ, одну мою особую прозбу, въ которой ищю Вашего Сіятельства подкрѣпленія.

Всемилостивѣйшая Государыня соизволяетъ хотѣть, чтобъ всѣмъ войскамъ расположиться въ завоеванныхъ земляхъ, и мнѣ бы свою квартиру тутъ же имѣть. Правда, что до собственности моей, то я не обькъ избирать мѣстъ прохладныхъ, и вездѣ охотно живу, гдѣ только жить можно. Но въ разсужденіи арміи, Ваше Сіятельство сами знаете, сколько подать должно непремѣнныя выгоды людямъ утомленнымъ и приготавливающимся къ продолженію новыхъ подвиговъ. А здѣсь ни пристанища, ни къ содержанію способовъ придумать не можно; сверхъ же того неутолимая болѣзнь гбелью своего духъ каждаго въ уныніе приводитъ. Заступите, Ваше Сіятельство, своимъ усерднымъ стараніемъ, дабы всѣ безъ изъятія войска не подвергнуть опасности, водворивши ихъ въ землѣ зараженной; но часть одну изъ нихъ расположить здѣсь, а другую за Двѣстромъ въ Польшѣ. Мнѣ упованіе даетъ на Вашу помощь и въ сей общей нуждѣ толь извѣстное сердце Ваше благотвореніями.

Впрочемъ, я съ непоколебимымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь.

Сентября 8 дня, 1770 года.

Всемиловѣйшая Государыня!

Въ описаніяхъ прошедшимъ дѣйствіямъ, Ваше Императорское Величество видѣть соизволили, сколько участвовалъ въ оныхъ своими ревностными подвигами Генераль-Маіоръ Потемкинъ; не зная, что есть быть побужденному на дѣло, онъ самъ искалъ отъ доброй своей воли вездѣ употребиться.

Сколько сія причина, столько другая, что онъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ведемъ войну, съ примѣчаніемъ обращался, и въ состояніи подать объясненія относительно до нашего положенія и обстоятельствъ сего края, преклонили меня при настоящемъ концѣ компаніи отпустить его въ Санктпетербургъ во удовольствіе его прозбы, чтобъ пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; между симъ я воспользуюсь щастіемъ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, изъ Всемиловѣйшее Ваше отъ 8-го Августа, о расположеніи войскъ къ будущей зимѣ, что толь проникательныя мысли Вашего Величества съ достоюмнымъ повиновеніемъ я встрѣчаю. Совершеннаго постановленія тому, рѣшеніе прямо зависитъ отъ покоренія крѣпости Бендерской; впрочемъ же, посвятивши жизнь и все удовольствіе мое къ исполненію желаній великой моей Монархини, не ставлю я для себя единаго ни за трудъ, ни за опасность пребываніе въ сихъ мѣстахъ на всякое время, но въ разсужденіи всѣхъ войскъ нудитъ меня званіе повторить всегдашнія мои представленія, что край сей истощенный огнюдъ лишаетъ всякой къ тому удобности.

Соизвольте снизойти, Всемиловѣйшая Государыня, и вообразить землю обнаженную, безъ жителей и всего, что къ содержанію человѣка служитъ, въ которой, сверхъ того, непреоборная опасность отъ неугасающей язвы, всего больше духъ приводитъ въ уныніе во всѣхъ, когда приходится разсуждать о помѣщеніи въ сихъ предѣлахъ. По предварительному Вашего Императорскаго Величества предположенію, я всѣ способы собираю, что только можно здѣлать, но въ дальшемъ, отъ прозорливости Вашей, Всемиловѣйшая Государыня, смѣю ожидать Высочайшаго руководства по соотвѣтствію силъ человѣческихъ, какъ можно превозмогать толь трудной изворотъ. Въ Молдавіи зараза не престаеть,

иногда, однако жъ, доходятъ утѣшительныя извѣстія, что нѣскольکو оная уменьшается въ Измаилѣ, и въ одной деревнѣ изъ уѣзда сего города на сихъ дняхъ дѣйствія оной показалось на нѣсколькихъ человѣкахъ, гдѣ и взяты противъ расширенія осторожности; а и въ Польшѣ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда имѣемъ пропитаніе, равне же зло распространяется; многимъ Генераламъ я теперь учинилъ отпускъ изъ арміи въ Кіевъ, Москву и Санктпетербургъ, убѣжденъ будучи къ сему ихъ крайними прозъбами въ разсужденіи чувствуемыхъ болѣзней, а отнюдь не изъ удовлетворенія ихъ прихотямъ, или нехотѣ къ службѣ, ибо въ такомъ случаѣ они были бы мнѣ еще больше въ тягость, нежели не могуціе служить.

9 Сентября, 1770 года.

Сооб. А. М. Марковичъ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Видѣвши славу моего отечества, и славу имени Царствующей надъ нами, толико превознесенныи чрезъ успѣхи нашего флота, о чемъ Ваше Императорское Величество мнѣ соизволили предложить, и напоследокъ упорную крѣпость Бендерскую, сокрушенную остріемъ праведнаго меча, дерзаю приступить къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ о сихъ совершившихся дѣлахъ, Богу благословящу великія намѣренія Ваши.

По истинѣ, Всемиловѣйшая Государыня, позвольте употребить изреченіе Ваше: Дивенъ Богъ въ чудесехъ своихъ! Ни къ чему столько истина сихъ словъ не приклоняется, какъ къ дѣламъ Вашимъ; въ оныхъ удиви Господь вся хотѣнія своя. Дѣянія царствовавшихъ на земли гдѣ суть подобная Вашимъ? Кто собиралъ лавры на ратномъ полѣ, тому не повиновалось море. Но Вашему Величеству вѣнцы побѣдоносныя приносятъ въ едино время обѣ сіи стихіи. Осталось желать вѣрноподаннымъ отъ Всевышняго поборника своимъ помазаннымъ, дабы сколько уже прославлено въ настоящихъ бытіяхъ, исполненныхъ чудесъ, такъ и въ вождельномъ и полезномъ мирѣ увѣнчалъ онъ имя Вашего Императорскаго Величества бѣзсмертіемъ, противъ чего и самая зависть теперь другихъ ощущеній имѣть не можетъ.

Другое Всемилостивѣйшее, Вашего Императорскаго Величества, въ которомъ соизволили удостоить меня величайшею довѣренностію, позволивъ употреблять къ споспѣшествованію дѣлъ службы имя Ваше, я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ получилъ. Я не рѣдко въ сихъ трудностяхъ бывалъ, къ разрѣшенію коихъ относится повелѣніе Ваше; достиженіе пользы, Всемилостивѣйшая Государыня, требуетъ совершеннаго повиновенія; но есть иногда, что отзываются тамъ только служить, гдѣ сами хотятъ; другіе носятъ любятъ званіе, а не должность онаго; иные недовольны, что я объ нихъ то только свидѣтельствую, что мнѣ точная правда велить, не обыкли увеличивать дѣло больше, нежели оно есть въ самомъ существѣ. Доселѣ, однако жъ, сколько можно, я старался угождать и порядку и не упуская лучшей пользы; а впрочемъ, огорчается ли кто, или недоволенъ, я о себѣ не берегу, а только пекуся о пользѣ интересовъ Вашего Императорскаго Величества, увѣренъ будучи, что покровъ Вашего Величества, коимъ меня обнадеживаете во всѣхъ дѣлахъ, есть мое укрѣпленіе.

Не скрывая, ни въ какомъ случаѣ, своихъ чувствованій сердечныхъ предъ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, откроюсь по поводу сего и въ сихъ: я теперь щедротами Вашими возведенъ на верхъ счастья, а чѣмъ больше благополучія, тѣмъ тщательнѣе противу онаго не усыплеть зависть; человѣку же нельзи угодить на всѣхъ мнѣнія. Но да будетъ прощаніе и великодушіе Вашего Императорскаго Величества мнѣ щитомъ на сокрушеніе всякой клеветы! Се есть смѣлость, которую могъ воспріять вѣрный подданный, обнажая свое сердце предъ своею Монархинею, въ чувствованіи Ея великихъ къ себѣ милостей, который имѣетъ счастье съ глубочайшимъ благоговѣніемъ назваться.

24 Сентября, 1770 года.

Дост. А. М. Марковичъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Предъ симъ Вашему Императорскому Величеству я доносилъ о Подполковникѣ Нейбушѣ, что я его, для сущаго изнеможенія въ силахъ, отпустилъ изъ арміи. Теперь по его просьбѣ, далъ я ему паспортъ изъ Кіева ѣхать въ Санктпетербургъ, чтобъ удостоиться

пастъ къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Я и повторю къ нему, какъ къ вѣлусердѣйшему офицеру, осмѣливаюсь испросить, Вашего Императорскаго Величества Высочайшей милости, чтобы воспользоватся онъ могъ тѣми Вашего Императорскаго Величества щедротами, кѣми награждаете такихъ воиновъ, что званію своему жертвовалъ всѣми силами, заслуживаютъ въ изнеможеніи своемъ прирѣвнѣ на всѣ дни оставшейся имъ жизни. Повергнувъ себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

24 Сентября, 1770 года.

Дост. А. М. Марковичъ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Я имѣлъ щастіе исполненіемъ предварить Всемиловѣйшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе объ отправленіи Генерала-Кваргермейстера Боура въ Санктпетербургъ, которое не прежде получить я удостоился, какъ уже при его отсюду выѣздѣ, ибо я самъ предузнавая, что, при нынѣшнихъ благовознамѣреніяхъ Вашихъ, потребенъ Вашему Величеству человекъ довольнаго свѣдѣнія о сихъ мѣстахъ, гдѣ войска Ваши завоеванія произвели, уже отправилъ его къ Вашему Императорскому Величеству заблаговременно, угождая тѣмъ съ другою причиною и состоянію его здоровья, яко онъ весьма часто недомогаетъ, а при наступившей осенней погодѣ претерпѣлъ бы и болѣе ослабленія въ своихъ силахъ, будучи при арміи.

Съ настоящимъ моимъ курьеромъ имѣю честь поднести къ Высочайшему, Вашего Императорскаго Величества, благоусмѣтрѣнію слабыя мои мнѣнія о расположеніи арміи. Всеподданѣйше прошу, Всемиловѣйшая Государыня, преподать мнѣ къ тому руководство объявленіемъ Высочайшей Вашей воли, о чемъ Ваше повелѣніе чѣмъ скорѣе, тѣмъ полезнѣе будетъ, когда войски не понесутъ на обратномъ пути глубокой осенней непогоды, которая разоряетъ людское здоровье и несказанно гибельна для скота самаго, что везть долженъ тягость по здѣшнимъ крутымъ горамъ и иловатой

землѣ въ дождливую погоду. Въ заключеніе, падиши къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

27-го Сентября, 1770 года.

Всемилоствѣйшая Государыни!

Подносителъ сего, Датской службы офицеръ, находившійся при арміи, мнѣ вѣрной, Инженеръ-Подполковникомъ, Фалькеншальдъ, въ нынѣшнюю компанію отменно храбрымъ и усерднымъ себя явилъ на бывшихъ баталіяхъ, въ чемъ, отдавая ему справедливость, я имѣлъ честь всеподданнѣйше доносить Вашему Императорскому Величеству въ моихъ тогдашнихъ Реляціяхъ. Теперь, по своимъ обстоятельствамъ, принуждающимъ его возвратиться въ свое отечество, онъ слѣдуетъ въ оное, а я за долгъ себѣ приѣмлю препроводить его къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, къ коимъ онъ прежде пасть глубочайшее усердіе имѣеть, моею всенижайшею рекомендаціею, чрезъ которую осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить, явить къ нему Высочайшую милость, за его ревностныя и отличнаго мужества подвиги, въ награжденіи его таковымъ чиномъ, по которому бы онъ, какъ офицеръ, сдѣлавшій свое щастіе, чрезъ нынѣшнюю службу въ арміи Вашего Императорскаго Величества, могъ и въ своемъ отечествѣ носить ту же отличность.

Есмь въпрочемъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

11-го Октября, 1770 года

Сооб. А. М. Марковичъ.

ПАНИИУ.

1770 года,
19-го Октября.

Милостивый Государь мой,
Графъ Петръ Ивановичъ!

Перемѣнивши мое положеніе съ 13-го числа сего мѣсяца, вчера съ арміею перешель я при Фальчахъ рѣку Прутъ, обращаясь теперь къ подлежащимъ мнѣ дѣвствіямъ въ разсужденіи объятія

Валахія и Молдавіи, и покоренія крѣпости Браиловской, которан, приуготовивъ себи подлежащимъ укрѣпленіемъ вѣшнимъ и внутреннимъ. и вспомоествуема будучи водянымъ сообщеніемъ чрезъ рѣку Дунай, отъ войскъ Турецкихъ на той сторонѣ стоящихъ, противится сильно отряженному на атаку оной корпусу.

Прежде моего движенія на защиту страны, между Днѣстромъ и Прутомъ лежащей, и крѣпостей, завоеванныхъ на берегу Дунайскомъ, я оставилъ корпусъ подъ командою Генералъ-Маіора и Кавалера Вейсмана. А въ уваженіи будучи на условіи, по которому Ваше Сіятельство подчинилъ сему Генералу гѣхоту, оставленную въ Бендерахъ, и конницу изъ четырехъ эскадроновъ гусарь, назначилъ и во взаимную связь своимъ и Вашимъ войскомъ посты, и повелѣлъ реченному командиру въ содѣйствіи оныя по Дунаю и Днѣстру такимъ образомъ расположить, чтобъ они бытъ бы могли въ состояніи, по отдаленіи отъ нихъ другихъ войскъ, въ первомъ разѣ удерживать, вспомоествуясь одинъ отъ другаго, покушеніи непріятельскія. Но къ разрушенію сего положенія увѣдомляетъ мени Бендерскій Комендантъ, Г-нъ . . . . ., что Ваше Сіятельство повелѣла ему изъ оставленныхъ легкихъ войскъ въ его команду, обратить въ Очаковскую сторону, куда онъ потому для разѣздовъ большую часть оныхъ и отдѣляетъ, то есть, къ рѣкѣ Тигуль и къ урочищу Гаджибей.

При такомъ предупреденіи, когда Ваше Сіятельство, тѣ войски, которыя я разумѣлъ оставленныя во вспоможеніе мнѣ, и на защиту завоеванныхъ крѣпостей, располагаете толь въ далекой край, котораго и досягнуть, а тѣмъ меньше обезпечить, я не въ силахъ, что по моему настоящему положенію и исчисленію войскъ, Ваше Сіятельство сами довольно представить можете, то и долженъ я, въ повтореніе прежнихъ моихъ отзывовъ, донести Вамъ по необходимости, что въ разсужденіи Бендеръ и стороны Очаковской, что выше и ниже лежитъ по Днѣстру, я не только не имѣю взять на себѣ обезпеченіе, но ниже въ какомъ либо случаѣ отвѣтствовать за то, что тамъ произойдетъ, поелику тѣ мѣста выходятъ изъ моего, а противолежатъ вашему положенію.

Я почелъ за долгъ службы предварить о семъ Ваше Сіятельство, въ надеждѣ, что Вы найдете способъ наградить другими войсками тотъ ущербъ, который по обращенію на Очаковскую

сторону учинится въ числѣ, опредѣленномъ отъ сторожы Вашей, къ совмѣстному упражненію съ корпусомъ, отъ меня поставленнымъ между Прутомъ и Днѣстромъ.

Изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ Генераль-Поручика Фонъ Эссена, Ваше Сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи изъ самыхъ нашихъ войскъ на побережьѣ Польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самаго непріятели, яко они подъ именемъ своихъ вездѣ шорить могутъ и разорять, слѣдственно, противъ нихъ вѣдше лучша стража, нежели противъ Татаръ. Всѣ транспорты, идущіе къ арміи, не минуемо пресѣкутся, если хотя мало дать время таковымъ шайкамъ Гайдамацкимъ, въ Польскихъ, уже и безъ того разоренныхъ, селеніяхъ подѣйствовать. Прошу, Ваше Сіятельство, своимъ постаемъ приказать съ лучшимъ бдѣніемъ заграждать проходъ таковымъ злодѣямъ и истреблять, гдѣ покажутся, да и самому Кошевому Запорожскому велѣть о укрощеніи въ нихъ войскъ оныхъ.

ПАНИНУ.

1770 года.

Октября 19 дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Племянникъ Вашего Сіятельства, Князь Николай Васильевичъ, съ которымъ толь неохотно я разлучаюсь, лучшимъ будетъ изяснителемъ предъ Вами, нежели всѣ мои письменныя изображенія, сколь во мнѣ онъ зрѣлъ признаніи и благодарности къ особѣ Вашего Сіятельства, за всѣ Ваши благодѣянія, которыя превзошли мѣру добротства другъ къ другу тѣмъ славящихся людей.

Повѣрьте, Ваше Сіятельство, что сердце свои чувствованія въ перо влагааетъ, когда я скажу, что мысли мои наполнены усердіемъ во вѣки быть преданну волѣ моего милостивца.

Князю Николаю Васильевичу не положилъ я при отпускѣ сроку. Онъ по дружбѣ ко мнѣ дожилъ здѣсь до того, что уже развѣхались и тѣ отсюда, которыми бы то чинить и не подобало.

Я надѣюсь, что Его Сіятельство, какъ послѣдній отсюда ѣдетъ, такъ первый поспѣшитъ утѣшить меня своимъ возвращеніемъ, коль только случай призывать станетъ.

Пребуду я впрочемъ, какъ шестмъ, съ великомѣрнымъ высокопочитаніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства
вспокорѣйшимъ слугою.

Изъ лагеря за Прутомъ при Фальчѣ.

ПАШИМУ.

1770 года.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Препровожденная ко мнѣ отъ Вашего Сіятельства челобитная Стародубскаго полку Сотеннаго Атамана, Якова Семеки, въ другой уже разъ представляетъ его мнѣ прозбу о Сотничемъ чинѣ. Обстоятельства сіи, что въ полку Стародубскомъ нѣтъ порожняго вристойнаго для него мѣста Сотничего, и что въ ономъ, въ походѣ находится вакансовый Сотникъ Прокоповичъ, который помѣщенія себя, какъ старѣйшій при томъ предъ нимъ и службою, прежде заслуживаетъ, заставляли меня, какъ прежде, такъ и теперь, быть сего мнѣнія, что совсѣмъ не дѣшнее еще для сего молодаго, шаповышка, ежели онъ продолжитъ додѣе свою службу, заслуживая оною вышнее право къ требованію желаемого имъ чина. Я сіе изъясняю по поводу только тому, что Ваше Сіятельство оставили сію прозбу моему единственному разсмотрѣнію, а впрочемъ, я всегда радъ, и въ истинное удовольствіе себѣ сочту, все то исполнить, что угодно Вашему Сіятельству быть можетъ.

Въ разсужденіи коихъ либо Малороссійскихъ чиновъ, служащихъ подъ Вашею командою, за должность службы нахожусь Вашему Сіятельству доносить, что Малороссійскіе Казаки, пребывающіе во второй Арціи, какъ мнѣ извѣстно, высланы будучи прошедшей еще зимы и безъ жалованья служба, употребленіемъ ихъ въ разныя должности презъ всю кампанію, по мѣрѣ своего состо-

няія, заслуживаютъ на себя призрачїе, тѣмъ паче, что большая часть изъ оныхъ потеряли, или привели въ худобу, своихъ лошадей, а перемѣнить ихъ другими, за откомандированіемъ остальнаго ихъ числа, для содержанія форпостовъ по Польской границѣ и въ другіе наряды, не остается кѣмъ: чтобъ ихъ для поправленія отпустить на зиму въ дома, оставя ихъ лучшихъ при арміи самое только потребное число, которымъ и дать содержаніе противъ Донскихъ Казаковъ, какъ я то уже и учинилъ съ находящимися при первой арміи, и Ея Императорскому Величеству о семъ представилъ мое всеподданнѣйшее мнѣніе. Ибо хотя сіе войско и не похвывается въ способности къ военнымъ дѣйствіямъ, однако же при арміи похвально ими исправляются многія должности, которыя требуютъ людей, и потому не можно сказать, чтобъ и они не служили.

Всеимлостивѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества, отъ 17 Сентября, чрезъ вторую армію, я удостоился получить, и повторно имѣю щастіе всеподданнѣйшее приносить поздравленіе Вашему Императорскому Величеству о несравненныхъ успѣхахъ морскихъ Вашихъ силъ, всенижайше благодаря за прилогъ точныхъ о томъ извѣстій. Въ общей радости, отдавъ Всевышнему мольбы, торжествовала армія и всѣ отдѣльныя части войскъ о сей вѣнцевосной славѣ арміи Вашего Императорскаго Величества, и въ честь тѣхъ усерднѣйшихъ своихъ согражданъ, которые удостоились пріобрѣсть ими точныхъ исполнителей въ тѣхъ концахъ великихъ намѣреній Вашихъ.

Еще и поднесъ не получалъ я отъ Визиря полнаго отвѣта, который онъ обѣщалъ прислать скоро, по полученіи отъ Султана резолюціи на мое письмо; и потому удерживаюсь я учащать къ нему моею корреспонденціею, чтобъ иногда не возмечтали Турки, по свойственному имъ высокомѣрію, что мы не отъ единаго побужденія добродѣтели склоняемся на возстановленіе мира. А дождавшись Визирской отповѣди и узнавъ изъ оной расположеніе Порты, я препровожу къ нему найсилънѣйше тѣ внушенія, которыми,

Ваше Императорское Величество, мнѣ повелѣваете предварить его къ негоціаціи безъпосредственной.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

21 Октября, 1770 года.

Сооб. А. М. Марковичъ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Преодолевая главную опасность, что обошла насъ вокругъ, то есть, поражающую язву, недостатокъ и труды въ собраніи пропитавія, поставилъ я предпочтительно всему исполнить Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, приготовляясь къ расположенію арміи на зимнія квартиры за Прутомъ, въ Княжествахъ Молдавскомъ и Волоцкомъ, дабы по всей возможности и елико будетъ въ моихъ силахъ удержаться въ семъ положеніи, и тѣмъ всеподданнѣйше удовлетворить интересамъ Вашего Императорскаго Величества, напередъ предполагаемымъ.

Всемиловѣйшая Государыня! Хотя я не меньше другихъ, по приключившимся припадкамъ здоровья и домашнимъ обстоятельствамъ, дознаю необходимость на время отсюда отлучиться, но собственныя суеты на службѣ меня ни къ чему не преклоняють, а развѣ бы въ такомъ случаѣ я осмѣлился того желать, естли бы угодно было Вашему Императорскому Величеству всемиловѣйше удостоить меня позволеніемъ пасть къ стопамъ Вашимъ, привести достодолжную мою благодарность за Высочайшія ко мнѣ щедроты, и представить изустно слабыя мои мысли въ разсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, что принадлежитъ къ дѣйствіямъ и состоянію вѣранныхъ мнѣ войскъ. Предавъ сіе въ Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

21 Октября, 1770 года.

Сооб. А. М. Марковичъ.

1770 года,
Ноября 9 дня,
N 761.

Циркулярный.

ОРДЕРЪ

Г. Генераль-Аншефу и Кавалеру Петру Ивановичу Олицу.

Коль ни достаточны преподаваемыя отъ времени въ другое Медицинскими чинами правила и наставленія о предосторожности противу язвы, и колико ни обнадеженъ я, что полковые и ротные командиры неуспѣшно бдѣть о храненіи вѣрннхъ попеченію ихъ людей предписываемыми средствами, удаляя ихъ притомъ отъ общества заразившихся, но настоящее расположеніе арміи по квартирамъ даетъ мнѣ причину вновь напаятовать, чтобъ сверхъ нынѣ наблюдаемыхъ осторожностей, по вступленіи въ квартиры, коль скоро въ которомъ селеніи окажется язва, тотчасъ объятыхъ оною удалять. Ежели же гдѣ усиливаться будетъ, то, оставя зараженныхъ, здоровыхъ воинскихъ служителей, помѣщать въ ближнихъ, неподверженныхъ еще язвѣ, деревняхъ, а въ тѣ, изъ коихъ переведены будутъ, отправлять уже изъ прочихъ, всѣхъ зараженныхъ; по невозможности же самыя тѣ селенія раздѣлить такимъ образомъ, чтобъ къ сообщенію между ими всѣ пути препяты были. А къ тому содержать здоровыхъ во всегдашнемъ движеніи, дѣлан малые марши около самыхъ ихъ квартиръ, что почитается столь же полезнымъ способомъ къ сопротивленію язвѣ, какъ и употребленіе уксусу, которой полки имѣють требовать отъ исправниковъ тѣхъ цынутовъ, въ коихъ они расположены. А о доставленіи онаго по требованіямъ отъ полковъ, куда слѣдовало, я уже далъ мои повелѣнія.

(Копія съ подлиннаго за собственноручною подписью Графа Румянцева).

РЕЛЯЦИИ,
ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ И ПИСЬМА
ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО
1771 ГОДА.

1771 года, 31 Января, N. 1.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Долженъ будучи Вашему Сіятельству моимъ благодареніемъ за многомилостивое и дружеское Ваше писаніе, чрезъ Григорія Александровича Г. Потемкина, извиняюсь въ медленной отвѣдѣ тѣмъ, что поздно и только сегодня оное ко мнѣ дошло.

Четвертаго дня я имѣлъ удовольствие получить и послѣднее писаніе Ваше, въ которомъ мой Милостивый Графъ общаетъ мнѣ съ будущимъ куріеромъ благодѣтельскія наставленія о положеніи дѣлъ въ общей связи, чего не зная, часто мнѣ бываетъ трудно располагать своею частицею.

Ни что во мнѣ не погаситъ тѣхъ чувствій, сколько я обязанъ Вашему Сіятельству за усердныя совѣтоподательства, лежитъ всегда то на моемъ сердцѣ, что я ни въ которомъ случаѣ не буду удаленъ отъ покрѣпленія совѣтомъ и милостями, коихъ уже польза толь мнѣ убѣдительна! Не станетъ моего язьясненія въ полномъ видѣ представить Вамъ всю мою преданность. Предамъ, я то вре-

меня, какъ лучшему испытателю сердцецъ человѣческихъ; но вѣрте, Милостивый Графъ, сколько вѣку моего будетъ, всегда Ваше Сіятельство найдете память своихъ добротъ во мнѣ съ тою неизъясненною преданностію, съ которою имѣю честь назваться.

Графской руки приписка:

Р. С. Сына моего, възысканнаго уже милостию Вашего Сіятельства, и другаго его брата въ милость, и протекцію Вашу поручаю, и нижайше прошу имъ позволить чаще себя служить, и строго отъ нихъ добраго поведенія и Вамъ угодный поступокъ възыскивать, чтобы они не могли преткнуться по нѣжной ихъ молодости, которая..... для нихъ бесполезною.

1771 года, Генваря 31 дня.

Всемилоствѣйшая Государыня!

На сихъ дняхъ возвратился къ арміи Генераль-Маіоръ Потемкинъ, отъ котораго я имѣлъ щастіе принять всемилоствѣйшее Вашего Императорскаго Величества, и оцутить въ немъ новое для себя благополучіе, бывъ удостоенъ Монаршаго благоволенія за дѣйствія, коими окончилась минувшая кампанія. Не меньше и тѣ Высочайшія повелѣнія Вашего Императорскаго Величества меня обрадовали, которыми препроводить изволили ко мнѣ сего Генераль-Маіора въ признаніи отиѣнныхъ его качествъ, о которыхъ многократно я честь имѣю подносить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшія мои свидѣтельства. Польза службы всегда меня заставитъ употреблять его, какъ лучшаго себя помощника, въ дѣлахъ предстоящихъ.

Ваше Императорское Величество толикими щедротами меня възыскали, что я считаю себя обязаннымъ служить Вамъ въ отплату гостинцемъ; но когда чрезъ отвѣтъ Графа Ивана Григорьевича я уже знаю, что Вашему Императорскому Величеству угодны показанные образчики приготовленныхъ къ тому парчицъ, сверхъ тѣхъ еще я одну штуку досталъ лучшую предъ первыми, то и тутъ исполненію моего желанія предстали препятствіемъ тѣ осторожности, которыя опредѣлены на нашихъ границахъ о непривозѣ отсюда товаровъ по опасности отъ заразы. Я почитаю все то

за свято, что полагается во воли Вашего Императорскаго Величества, не осмѣлился нарушить въ томъ установленія и чрезъ подносителя сего отправить мой приготовленный гостинецъ, хотя совершенно въ томъ я увѣренъ, по долговременному у меня его содержанію, что ни какого сомнѣнія нѣтъ въ немъ со стороны опасности. А принужденъ дожидаться поры, когда болѣе еще въ безопасности отъ заразы, которая примѣтнымъ образомъ во всѣхъ мѣстахъ уже исчезаетъ, увѣрены будемъ.

Простите мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, смѣлость усердную и великость въ словѣ, что я изъясняюсь предъ Вами о моихъ подаркахъ по образу взаимствъ; впрочемъ, гдѣ мнѣ подданному взять случай возблагодарить дѣломъ Вашимъ величайшимъ благодѣяніямъ премилосердной своей Монархини? Я не въ состояніи я словъ въ себѣ столько найти, чтобъ изобразить безконечное мое признаніе и всеподданнѣйшую благодарность, которыя принадлежатъ къ должности вѣрнаго раба, такъ какъ щедроты добродѣтельныхъ къ свойствамъ царствующимъ.

Закрываю сіе поверженіемъ себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества

всепокорнѣйшій рабъ.

1771 года, Февраля 21 дня.

ЦАРИННУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Простите мнѣ, Ваше Сіятельство, нетерпѣливость, что, имѣвъ уже Ваше обнадеживаніе о снабдѣніи меня вскорѣ полнымъ наставленіемъ о дѣлахъ Вашего служенія, возьму еще и теперь смѣлость моею прозбою преклонить мысль Вашу на исполненіе того.

Нѣтъ по истиннѣ моего любопытства знать больше, какъ то едино, что по общей связи стекается съ дѣлами на меня положенными. Въ семъ подайте, Милостивый Графъ, свѣтъ ходившему доселѣ по Вашимъ благодѣтельскимъ наставленіямъ. Ваше Сіятельство сами въ то проникните, сколько мнѣ было бы удобнѣе натяги-

вать свои струны, если бы я зналъ положеніе тѣхъ дѣлъ, которыя повиненъ сообразоваться. Человѣку, просто взирающему на предстоящее своими глазами, нельзя той видѣть пользы, которую выводитъ познаніемъ сокровенныхъ и оному прилежащихъ обстоятельствъ. Легко ошпобиться мнѣ, не имѣя свѣдѣнія о той части дѣлъ политическихъ, которыя даютъ правила военнымъ; я, какъ человѣкъ, безъ того просматрѣть могу, не зная предметы, или и видѣвъ ихъ иногда не возьму всего вниманія, если цѣну одного предъ другимъ не откуда мнѣ будетъ познавать. Я беру прибѣжище къ Вашему Сіятельству, какъ существу милостивцу и другу, прося всепокорно дать мнѣ участіе въ Вашей откровенности на настоящее время о положеніи политическихъ нашихъ интересовъ, сопрягающихся съ жребіемъ оружія, и какъ шествіе послѣдняго оныя учреждаетъ.

Намъ газеты говорятъ и посторонніе слухи подтверждаютъ, яко бы нашего Двора съ Датскимъ рушилось согласіе, и будто Цесарцы свои войска выводятъ на границы. Я только сіи вѣдомости слышу, а рассуждать объ нихъ не умѣю безъ Вашего, Милостивый мой Графъ, руководства и утвержденія. И для того усугубляю найчувствительшую мою прозбу о снисхожденіи Вашемъ наставить человѣка, которому отиѣнными своими милостями дали Ваше Сіятельство право на Вашу помощь.

Пребываніе при мнѣ Господаря Гики изволите знать, Ваше Сіятельство, для какихъ видовъ поставлено; но какъ его посредству въ негоціаціи мирной участвовать не досталось, и обратилось то другимъ каналомъ, а притомъ и не видя своего жребія, которымъ по обнадеживаніямъ, ему сдѣланнымъ, мнѣ, однако жъ, не извѣстнымъ, льстится, то и приходитъ онъ въ совершенное смущеніе. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать, вѣдавъ его человѣкомъ не только связь противныхъ дѣлъ знающимъ, но уже довольно выкнущимъ и въ наши. Не подаетъ онъ мнѣ ни малой причины подозрѣвать его вѣрность, но Ваше Сіятельство свѣдомы, сколь найдрагоцѣннѣйшій ему залогъ, то есть, фамилія и богатство, оставилъ въ рукахъ непріятельскихъ. При всемъ нашемъ увѣреніи въ лучшемъ видѣ нельзя не оглядываться и на сей важный предметъ. Я увѣренъ, что Ваше Сіятельство обилгнѣе въ состояніи и предвидѣть и сообразить сіе обстоятельство, а я только нужду имѣю доложить Вамъ, что пред-

пишите мнѣ съ симъ Княземъ дѣлать въ разсужденіи мѣста къ его пребыванію на дальнее время, дабы мнѣ не имѣть лишнихъ расходовъ и въ людяхъ для его караулу и услугъ, держа его при арміи. Буде сочтете, какъ до сего, помощникъ мнѣ въ немъ въ разсужденіи внутреннихъ обстоятельствъ обоихъ завоеванныхъ Княжествъ, то кто тутъ можетъ указать порядокъ, гдѣ онаго и тѣнь ни во что не проникла, когда наглость, ложь, обманъ и хищеніе полнымъ образомъ въ сихъ земляхъ княжить. Мы теперь все видимъ уже нашимъ глазомъ, и сколько можно усиливаюсь я, хотя то только учредить, что способствуетъ нашимъ премногимъ военнымъ нуждамъ и пресѣкти очевидныя бездѣльства.

Припоминаю я здѣсь Вашему Сіятельству старое мое представленіе о поселившихся въ Молдавіи Раскольниковъ. Вы мнѣ дали отвѣдъ отъ 26-го марта прошлаго года, предоставляя при мирной негодіаціи произнестъ рѣшительныя объ нихъ намѣренія. Они теперь у меня просятъ опредѣлить къ нимъ изъ нашихъ людей управителя, не бывъ довольны Молдавскимъ начальствомъ, а выбравшій изъ нихъ депутатъ и отѣхавшій въ С.-Петербургъ и доселѣ еще не возвратился. Я почелъ за должность повторить мое мнѣніе предъ Вашимъ Сіятельствомъ, что польза наша требуетъ не оставить сихъ Раскольниковъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, дабы они не были гнѣздомъ и убѣжищемъ бѣглецовъ изъ нашихъ границъ. Предая то въ свое время вашему лучшему благоразсмотрѣнію, я пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

Р. С. Всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, по моему письму отъ 1-го Декабря прошедшаго года, опредѣлить свою резолюціею возстановленіе несчастнаго жребія купцевъ города Полтавы, ограбленныхъ всего имѣнія Польскими Конфедератами, чрезъ способы, о коихъ я имѣю честь онымъ вамъ доложить, а по Вашей отвѣди я вскорѣ представлю ихъ доказательства. Хотя бы позволили изъ нѣкоторой части имѣній вельможъ Польскихъ, что пришли подъ секвестръ войскъ моей команды, употребить доходы на удовольствіе сего купечества. Казна, Ваше Сіятельство, не понесетъ чрезъ то знаменитаго убытку, а бѣдные напротивъ могли бы поправить свое въ конецъ разоренное состояніе.

ПАНИНУ.

1771 года,
Марта 2 дня.
N. 3.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Симъ честь имѣю препроводить къ Вашему Сіятельству письмо Князя Гики, въ которомъ изволите наитить содержаніе того, которое къ нему изъ Царьграда отъ его тестя на сихъ дняхъ, чрезъ С.-Петербургъ, между ординарными письмами прислано въ армию. Не знаю, ошибаюсь ли я, мня, что сіе письмо безъ сомнѣнія дошло до свѣдѣнія Вашего, и что оно сюда отправлено, такъ какъ безъ примѣчанія, дабы Господарь самъ во первыхъ внушенія ему тутъ сообщенныя открылъ. Онъ мнѣ говорилъ: свойство его съ тестемъ употреблено за одинъ предлогъ, и рука только, а не мысли его тутъ участвуютъ; впрочемъ, по переводу Греческому узнаеть онъ штиль Министерства Порты, коимъ оригиналь составлень, что изъясляютъ самыя выраженія, по свойственной имъ надменности, которая, однако жъ, не закрываетъ той прямой нужды, до коей они дошли.

Конечно, они въ худомъ положеніи, но жалѣтъ весьма и весьма должно, что и мы не исправляемся же къ лучшему.

Прошу Вашего Сіятельства наставить меня, какъ я долженъ поступить въ разсужденіи сего отзыва къ Князю Гикѣ, также если вступилъ бы съ нимъ и другой кто въ переписку, кромѣ его тестя, и ежели онъ ближайшій можетъ найти каналъ изъ здѣшней стороны, нежели чрезъ С.-Петербургъ, къ таковой корреспонденціи.

Въ послѣднемъ моемъ я докладывалъ Вамъ, сколько чувствительно мнѣ мое незнаніе о дѣлахъ, къ которымъ относится настоящій случай. Примите, Ваше Сіятельство, и теперь повтореніе моей просьбы о преподаніи мнѣ въ томъ, колько можно, совѣта.

Есмь съ достодолжнымъ высокопочтавіемъ и таковою же преданностію.

ПАНИНУ.

1771 года.

Апрѣля 30

N. 5.

Милостивый Государь мой, .

Графъ Никита Ивановичъ!

Съ наибольшимъ удовольствомъ я честь имѣлъ получить всепочтениѣйшее Вашего Сіятельства отъ 7 апрѣля и, воспользовавшись толь важнѣйшею въ немъ довѣренностію къ себѣ, милостиваго моего Графа, предоставляю на всю жизнь чувствовать его для меня усердныя благодѣянія, а симъ только принесу, какъ моему руководителю, мноую и премноую благодарность.

Если позволите мнѣ самому сказать о себѣ правду, то привязанность моя къ Вашему Сіятельству располагаетъ моею душою, слѣдственно, такой человекъ и не можетъ преступиться противъ права, которое Вы имѣете на мою благодарность, коею, такъ какъ и глубокою скронностію, воздаю и воздавать всегда я буду Вашей дружеской конфиденціи. Все, что я знаю по довѣренности Вашей, такъ властно останется во мнѣ, какъ положенное въ кабинетъ за ключемъ Вашимъ.

Еще въ моей части спокойно по сіе время, но пора уже со дня на день приходитъ, чтобъ узнать о склоненіи крайнихъ силъ непріятельскихъ, чего еще задостовѣрно не видалъ. Сколько мало искусная мысль моя соображать можетъ, то надобно, мнѣ кажется, Туркамъ удѣлить немало своихъ силъ на защищеніе Крыма, пункта, толь имъ деликатнаго своимъ положеніемъ.

Не знаю, что мнѣ сказать, когда и въ другихъ частяхъ не лучшее предъ здѣшнимъ положеніе наши дѣла имѣютъ. Удержаніе доброй къ намъ надежды народовъ съ нами единовѣрныхъ и избавленіе ихъ, по Христіянски разумѣя, должны насъ влекти больше, нежели всѣ другія, съ симъ несвойственныя, пользы.

Заклучу я сіе удостовѣреніемъ нелицемѣрнымъ о моей неограниченной преданности, съ которою есмь

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга.

Копія съ чернаго.

Мая 29 дня,

1771 года.

N. 154.

ОРДЕРЪ

Генераль-Маіору Вейсману.

Изъ Ордера моего, отъ 13 Марта, Ваше Превосходительство знаете о вѣрнной Запорожскому войску комисіи сдѣлать опытъ пройтить на судахъ изъ Сѣчи мимо Очакова и Кинбурна въ Дунай, или до Аккермана. А теперь получилъ извѣстіе, что уже Козаки Запорожскіе дѣйствительно въ оный путь отправились; то и повелѣваетъ мнѣ Высочайшее Ея Императорское Величество тѣмъ, которые съ первою лодкою пройдутъ, въ награжденіе тысячу, кто съ другою, тѣмъ пятьсотъ, а достальнымъ по триста рублей на каждую лодку, сколько ихъ ни будетъ. Ваше Превосходительство предложите Коменданту Аккерманскому, дабы онъ о приходѣ сяхъ Козаковъ наблюдалъ, которые изъ нихъ первые и послѣдніе пройдутъ въ Дунай; а въ слѣдъ за симъ посылаю я къ Вамъ пять тысячъ рублей, на готовую заплату за ихъ подвигъ.

Г. Румянцовъ.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Юля 9 дня,

1771 года.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Препроводить я симъ честь имѣю писаря, изъ той партіи войска Запорожскаго, которая открыла путь Днѣпромъ въ рѣку Дунай, для предъявленія имъ веденнаго журнала своей экспедиціи. Повелѣнное награжденіе по числу лодокъ, то есть, 6,600 рублей, имъ отъ меня выдано, а кромѣ того сей писарь, сверхъ подлежащихъ прогоновъ, получилъ на путевое содержаніе пятьдесятъ рублей.

Я при семъ имѣю крайній для себя случай подтвердить Вашему Сіятельству нелицемѣрныя увѣренія о томъ моемъ высокопочитаніи, съ которымъ пребываю навсегда

Вашего Сіятельства
всепокорнымъ слугою.

1771 года,
Юня 21-го дня.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Ваше Сіятельство въ нынѣшнихъ моихъ донесеніяхъ найдете и пріятное и прискорбное. Последнимъ я разумѣю оборотъ нашихъ дѣлъ въ Валахіи. Вы, Милостивый мой Графъ, въ томъ мнѣ прямо повѣрите, что кромѣ партикулярнаго моего усердія къ Князю Николаю Васильевичу, въ семъ случаѣ и слава и честь вообще насъ съ нимъ вяжутъ. Прискорбнѣе мнѣ всего видѣть, что по приданной себѣ болѣзни, отозвался онъ ко мнѣ о несостояніи продолжать тамъ своей команды, и я сколько ни способствую ему всевозможною моею помощію, только при разореніи его здоровья подвиги ему неудобосносимы кажутся; все однако жъ я не теряю надежды еще, что таковое можно исправить.

Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію.

1771 года, Августа 4 дня.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Съ чувствіемъ соболѣзнованія позналъ печальное обстоятельство Вашего, Милостивый Государь мой, молчанія, о чемъ учинили Вы меня извѣстнымъ чрезъ письмо отъ 15-го Юля. Боже даруй, чтобъ лютое состояніе, въ которомъ я могу довольно вообразить, сколь

велики понестъ должно Вашему Сіятельству тяготы, прекратились въ тѣ же минуты, отъ которыхъ Вы совершеннаго блага ожидали.

Не осмѣливаюсь отяготить, при упражненіяхъ неусыпныхъ нынѣшняго времени, Ваше Сіятельство разсказами о моемъ положеніи, а донесу только Вамъ, что племянникъ Вашъ, Князь Н. В. Репнинъ, имѣвъ отъ меня позволеніе, для излѣченія своей болѣзни переѣхать въ Яссы, пишетъ ко мнѣ оттуда, что уже приходитъ въ выздоровленіе и обнадеживаетъ вскорѣ своимъ прибытіемъ ко мнѣ въ армію, чего я къ удовольствію и съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Я имѣлъ честь писать къ Вашему Сіятельству изъ Яссъ отъ 1-го Февраля сего года о состояніи, здѣсь находящагося, Господари Князя Гику, проси объ опредѣленіи мѣста для его пребыванія, но, не получа на то отъ Васъ увѣдомленія, теперь вновь имѣю причину донести Вамъ: сей Князь, узнавъ противъ своего чаянія, что миръ съ Турками заключается, кромѣ его посредства, покусился нынѣ на предосудительныя дѣла, и таковыми внушеніями началъ въ здѣшнихъ жителяхъ умалять къ нашимъ интересамъ усердіе, толкуя имъ будущее время, чему они подвергнуть себя тогда, какъ придуть и паки въ область Турецкую. Въ семъ видѣ онъ преклоняетъ на невѣрность исправника Браиловскаго, чтобъ онъ доброжелательствовалъ больше Туркамъ, нежели намъ, и хотя его разговоръ до послѣдняго слова открылъ намъ самъ исправникъ, но поелику веденъ былъ оной на единѣ, то я не разсудилъ еще Князя Гику обличить въ томъ явно, а способы только пресѣкъ короткаго съ нимъ обхожденія многими. А Вашего Сіятельства всепокорно прошу, съ первымъ куріеромъ меня увѣдомить, не найдете ли Вы за лучшее по симъ обстоятельствамъ его, Князя Гику, отозвать въ наши границы и развязать меня съ нимъ вовсе. Ибо съ полъ моихъ глазъ отправить его въ здѣшнее которое либо мѣсто, было бы дать лучшій ему способъ успѣвать въ своихъ помыслахъ, потому что какъ онъ самъ, такъ и весь здѣшній народъ, осмѣлясь величествомъ и силами Турковъ, не смѣютъ и очевиднымъ доказательствамъ вѣрить, что мы ихъ власть можемъ унижить.

Ваше Сіятельство довольно проникните, что Князь Гика въ состояніи теперь искать всякаго отъ насъ себѣ огорченія, дабы тѣмъ сохранить, или пріобрѣсть, довѣренность къ себѣ Порты. Усугу-

бляю мою прозбу, Милостивый Государь, объ избавленіи меня отъ такого челоуѣка, котораго долженъ я всегда подозрѣвать поведеніе, не имѣя отъ его бытности ни какой пользы.

Пребываю съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію.

1771 года,
Августа 29-го.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Недавно пріѣхалъ ко мнѣ въ армию старшій мой сынъ, котораго по Всемилоствѣйшему, Вашего Величества, благоволенію, я имѣю своимъ Генерались-адъютантомъ. Осмѣливаюсь, Всемилоствѣйшая Государыня, благодареніе всеподданнѣйшее принести Вашему Императорскому Величеству за сей вновь и толь чувствительный мнѣ знакъ Монаршей Вашей милости. Изобильныя ко мнѣ щедроты Ваши, Великая Монархія, давно уже превзошли возможность сдѣлаться рабскими заслугами достойными оныхъ. Чувствіе едино, и сіе будетъ вѣчно, что я взысканъ толико премудрою и всѣми препрославленною Государынею, сопрегаетъ во мнѣ съ священнымъ долгомъ жертвовать вездѣ всѣми силами моими на угодное Высочайшей волѣ Вашей и пребывать съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Имѣлъ я щастіе обрадованъ быть Всемилоствѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества въ которомъ, по изъявленіи природнаго сердцу Вашему сожалѣніи о случившейся потерѣ въ людяхъ, при атакѣ Журжевскаго ретраншамента, удостоили открыть мнѣ высочайшія мысли, коль свойственно геройскому духу Вашему судить сію неудачу.

И я не могъ быть не тронуть съ стороны сожалѣніи о людяхъ, и что понесенное тутъ нещастіе въ первомъ разѣ пало на командовавшаго Генерала-Поручика Эссена, который всею доброю своею волею въ семъ случаѣ жертвовалъ службѣ, и предпріятіе

его могло имѣть полезныя успѣхи, если бы не воспренятствовали оному неожиданная причины, которыя хотя доселѣ еще не вышли прямо наружу, но проицаніемъ уже познаются. Я осмѣливаюсь въ томъ признаться предъ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, что охотнѣе употреблять я желаю въ дѣло такого Генерала, который руководствуется ко всему доброю волею и усердіемъ, нежели того, что вездѣ находятъ для себя трудности и препятствія.

Ваше Императорское Величество изволили видѣть изъ прежнихъ моихъ донесеній, сколько я непрерывно старался вывести вкореняющееся въ тотъ корпусъ нестроеніе, но возросло оно на послѣдокъ въ немъ до такой степени, что порядокъ, оживляющій службу, весь былъ испроверженъ. Я долженъ былъ взяться за послѣднія мѣры и послать туда лучшихъ Генераловъ, между коими употребилъ Князя Долгорукова. Вводимая чрезъ нихъ строгость приличная и никому непослабленіе даютъ уже свои плоды, что тамъ возставать начинаетъ порядокъ и люди военные, которые въ великомъ числѣ были развачены отъ полковъ по нуждамъ партикулярнымъ, собираются къ своимъ мѣстамъ. Миѣ же самому нельзя изворотиться во всякое мѣсто въ настоящемъ положеніи, гдѣ нѣкоторые пункты привязываютъ меня неотлучно къ себѣ.

Приведеніе арміи въ почтительное состояніе, къ чему изволите являть, Всемилостивѣйшая Государыня, высочайшее намѣреніе подаетъ намъ вообще чувствовать новый примѣръ Вашего на пользу своихъ подданныхъ, а какъ и партикулярный рабъ, дерзаю, открыть мое чувствіе предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ семъ единомъ, что я стыжусь за своихъ многихъ земляковъ, которыя въ настоящее военное время, бывъ обязаны къ службѣ своимъ чинами, и взысканы милостыи великодушной Монархини, уклоняются отъ поля на домашній покой, подъ претекстами, доселѣ необычными.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Сентября 10 дня,

1771 года

1771 года,
Сентября 11 дня.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,
Графъ Никита Ивановичъ!

Въ слѣдствіе всепочтеннѣйшаго Вашего Сіятельства отъ 9 Августа, честь имѣю донести: Алексѣй Михайловичъ Обрезковъ по прозьбѣ моей заѣзжалъ ко мнѣ въ армію, и погостя тутъ дня два, на третій, то есть, 1-го числа сего мѣсяца, отправился обратно въ Яссы, хотѣвъ не медлить ни мало въ своемъ оттуда пути въ С. Петербургъ. Въ проѣздѣ его чрезъ Молдавію старался я всѣми образы уготовить ему возможные выгоды, сколько въ томъ позволить могла здѣшняя во всемъ скудость, и предварилъ приказаніемъ и въ Польшѣ стоящія наши каманды о выгоднѣйшемъ его равномерномъ препровожденіи по дорогѣ до Кіева. А во время свиданья моего, паче же при отъѣздѣ изъ арміи, я ему предлагалъ ко всему мои услуги, но ни слова не сказалъ онъ мнѣ о деньгахъ, ниже о другомъ чемъ либо, что имѣеть нужду.

Стоящій при Кіевѣ, на карантинной заставѣ, Маіоръ Аршеневскій, увѣдомилъ меня, что Его Императорское Высочество чрезъ стѣзжающаго куріера Поручика Ченковскаго, коего реченный Маіоръ удержалъ на заставѣ, приказалъ объявить мнѣ о совершенномъ своемъ выздоровленіи. Я беру смѣлость обременить Ваше Сіятельство моею прозьбою, доложить Его Императорскому Высочеству всепреданнѣйшую мою благодарность за сіе толь милостивѣйшее и ни съ чѣмъ несравненное для меня обрадованіе, и что мольбы Всевышнему всегда я приношу, какъ и всѣ его вѣрные рабы, о ниспосланіи крѣпости его вождеденному здравію въ должайшія лѣта.

Я честь имѣлъ писать Вашему Сіятельству, что племянникъ Вашъ, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, подавалъ мнѣ надежду о скоромъ своемъ выздоровленіи; но послѣ того усилившіеся въ немъ припадки, въ пущее изнеможеніе его ввергли, и онъ ощущая въ себѣ боль и слабость, прирастающія на всякъ день, принужденъ просить себѣ отпущкъ къ лѣчебнымъ водамъ, о чемъ я во

удовольство ему предъ симъ представилъ Ея Императорскому Величеству, дозволивъ, съ полученія на то резолюціи, переѣхать ему въ Польшу изъ мѣстъ во всемъ оскудѣвшихъ. Я не могу Вашему Сіятельству довольно того изъяснить, сколько по партикулярной моей привязаности и дружбѣ, наноситъ мнѣ чувствительность лишеніе его общества и совмѣстной службы.

Пребываю, впрочемъ, съ непоколебимого преданностію и совершеннннъ высокопочитаніемъ

Вашего Сіятельства
всепокорнымъ слугою.

ОРЛОВУ.

1771 года,
Сентября 10 дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Возстановленіе, дражайшій другъ, твоего здоровья, какъ ты чрезъ пріятнѣйшее письмо отъ 12 Августа мнѣ знать далъ, неизреченно меня обрадовало, и потому зачинаю я усерднымъ желаніемъ, чтобы оно навсегда укрѣпилось и не терпѣло ни малѣйшихъ припадковъ, и ты бы былъ веселъ и доволенъ; на этомъ, кажется, основывается все наше прямое благополучіе. Вслѣдъ за симъ получилъ я и второе, отъ 26-го числа, твое письмо, въ коемъ мой дражайшій другъ утѣшилъ меня, что извѣстія о Журжѣ Ея Императорское Величество соизволила принять съ обыкновеннымъ ей великодушіемъ и героичнымъ духомъ, что и Всемиловивѣйшимъ своеручнымъ письмомъ подтверждено.

Настоящее положеніе на толь великомъ разстояніи, каково мы теперь объемлемъ, и при маломъ моемъ искусствѣ и небольшомъ еще числѣ людей, мнѣ не представляетъ никакой перспективы къ полученію звучныхъ авантажей. Нѣтъ скважины, такъ сказать, чтобы лѣзть, не отваживши многого, и частныхъ авантажей, нища не обзираться на всю связь, чтобы вовсе ея не разрушить; а притомъ же при удачѣ, въ которой либо одной части, всю славу от-

носить къ командующему оною я по справедливости обязанъ, а неприятныя приключенія принимать и на свой счетъ. И такъ, Милостивый мой Графъ, про себя только то сказать могу, что терпѣніе лошадиное имѣю, перенося трусъ, потовъ и смертоносную язву, а съ мечъ и огнѣ уже и не говорю, это наше ремесло, но въ крайнеиъ уже однако изнеможеніи и слабости. По сему мой дражайшій другъ отдасть мнѣ справедливость, что употребленіе уксусу, по общему мнѣнію, полезнымъ почитаемое, не во всѣхъ равное дѣйствіе имѣеть, тутъ гдѣ только кисло можетъ быть, а мнѣ нерѣдко и горько бываетъ.

Обрацаюсь теперь къ дѣтямъ моимъ, которымъ ты также благодарствуемъ; я намѣренъ былъ, по поводу письма сестры Прасковьи Александровны, послать средняго къ Г-ну Сальдерну въ Варшаву, воображая себѣ, что посредствомъ сего именитаго въ Министерствѣ мужа, тамъ возстановится покой, и будутъ случаи что либо для молодыхъ людей видѣть, и чему учиться, а по настоящимъ тамъ оборотамъ, не нахожу для нихъ ни малѣйшей пользы; Г. Сальдернъ, ежели смѣю судить, кажется крутенокъ, разбудилъ онъ и тѣхъ, коихъ Князь Михайло Никитичъ, буде несправилъ, то кротостію своею усыпилъ. И такъ, гдѣ замѣшательства пресѣкли всякое сообщество и обхожденіе, тамъ почерпнуть молодымъ людямъ нечего; онъ же и меньшей его братъ вяжутся къ ремеслу моему неотступно, предпочитая его всякому другому состоянію, и желаютъ быть для того въ Берлинѣ, по мнѣнію ихъ, какъ въ высшей школѣ онаго, при Министрѣ нашемъ Дворянши Посольства, если бы только соизволеніе Всемилостивѣйшей Государыни на то было. Сдѣлай мнѣ и имъ сіе благодареніе, и ежели увидишь благоугодность и способы, испроси имъ сію милость. И вѣрь, что до послѣднихъ дней съ чувствительнѣйшею благодарностію, и ненарушимымъ почтеніемъ пребудеть

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего.

Всемиловѣйшая Государыня!

При возвращеніи арміи, по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, Генерала-Квартермистра Боура я не могъ упустить, чтобъ не донести справедливости въ слѣдствіи всегдашнихъ моихъ засвидѣтельствований, что онъ и въ сію кампанію усердно вездѣ трудился для службы.

Не дерзаю я вновь присоединить хвалу о его искусствѣ и способностяхъ, когда уже Ваше Императорское Величество сами оныя въ немъ довольно знаете.

Разливъ и широта рѣки, раздѣляющей насъ съ непріателемъ, преграждала и случай и способы въ сіе мѣсто сдѣлать намъ что либо громкое, и потому всякъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ конца сей кампаніи, чтобъ выйти на будущую изъ положенія столь нынѣ скучнаго.

Подносителю сего препоручилъ я словесно представить Вашему Императорскому Величеству всеподданиѣйшія мои мысли, въ какомъ положеніи остается армія, мнѣ ввѣренная, и сколько нужды имѣеть къ своему совершенному снабженію. Какія угодно будетъ Вамъ, Всемиловѣйшая Государыня, на будущую весну опредѣлить дѣйствія своему оружію, прошу всеподданиѣйше удостоить меня завременно знать о томъ Вашу волю, и такъ бы я могъ, сколько свѣдѣнія на мѣстѣ имѣю и о средствахъ, тому споспѣшествующихъ, а въ случаѣ и невозможности познать и прибѣгнуть съ тѣмъ поспѣшно къ Высочайшему, Вашего Императорскаго Величества, соизволенію, ибо я ласкаю себя, что Ваше Императорское Величество всемиловѣйше увѣрены сколько въ моемъ собственно такъ рабскомъ усердіи, что никакія трудности, кои токмо одолѣвать будетъ въ силахъ человѣческихъ, не удержатъ насъ о имени нашей торжествующей Монархини простерти вдаль руки въ исполненіи Ея воли, опредѣляющей славу и пользу нашего отечества.

Повергаюсь къ освященнымъ стонамъ Вашего Императорскаго Величества

всеподданиѣйшій рабъ.

Октября 12 дня,
1771 года.

ПАНИНУ.

1771 года,
Октября 27.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

По дружескому и благодѣтельскому Вашего Сіятельства ко мнѣ благоволенію, имѣю я надежду, что возьмете Вы участіе во всемъ содѣянномъ намъ въ концѣ сей кампаніи, надѣ чаяніе, конечно, многихъ. При благодати вседарствующаго Бога, поразили войска, мнѣ вѣренныя, и Визиря, и всѣ силы Турецкія, на разстояніи, простирающемся до 400 верстъ на здѣшнемъ и на сопровитивномъ берегу Дуная. Горѣло у насъ чрезъ дней три неутолимо военное пламя, и въ однѣ часы на разныя мѣста, толь между собою отдаленныя ведены были атаки, и потому слухъ одной побѣды, встрѣчаясь съ другою, приводитъ Турковъ зрѣть свою опаснѣйшую гибель. Всѣ крѣпости отъ Тульчи даже за Гирсовъ взяты, всѣ ихъ лагеря, всѣ ихъ припасы и всю многочисленную артиллерію отбили и перевезли на свой берегъ, кромѣ ненужнаго, и чего перевезть было неудобно, то предали огню, равно какъ и всѣ укрѣпленія, служившія къ утверженію ноги непріятелю, до основанія разрушены чрезъ пороховые подрывы; напоследокъ, послѣдствіемъ сего и крѣпость Журжевскую выручили мы дешевою съ нашей, но не дешевою съ непріятельской, стороны цѣною. Славный Мусунъ-Оглу весь свой лагерь и экипажъ потерялъ и крѣпость намъ досталась съ полными артиллерійскими и съѣстными припасами. Подробнѣе рассказать всѣ сіи успѣхи предоставляю подателю сего, Г. Генераль-Маіору Ступишину, котораго хотя достоинство довольно извѣстное уже Вашему Сіятельству, но я еще рекомендую его въ Ваше покровительство, въ той лучшей надеждѣ, что Вы, Милостивый Государь, помощію своею при нынѣшнемъ случаѣ не отречетесь къ полученію милости Монаршей руководствовать ему, какъ человѣку, имѣющему честь быть привязаннымъ благодѣянiami братаца Вашего.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и нелицемѣрною преданностію.

1771 года, 24 Октября.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Почтеннѣйшее писаніе Вашего Сіятельства, отъ 30 Сентября, получилъ я съ чувствительною благодарностію. Могъ я представить себѣ и до увѣдомленія Вашего, что болѣзнь и выздоровленіе Его Высочества, и старанія въ такомъ случаѣ неуспѣшныя, отнимали у Васъ собственное здоровье и время для переписки со мною. Желая, Милостивый Государь, отъ всего сердца моего, чтобъ сіе застало васъ въ полномъ уже успокоеніи душевномъ и возстановленіи силъ.

Двѣ лошади, которыя съ одною запискою моего Флигель-Адъютанта приведены въ С.-Петербургъ, послалъ я для Ея Императорскаго Величества, ибо Григорій Александровичъ Потемкинъ, возвратясь въ армію, сказывалъ мнѣ, что Всемилостивѣйшая Государыня положила на его комиссію достать здѣсь Турецкую лошадь. Я, отъ 30 Марта, о посылкѣ оныхъ, писалъ къ Ея Императорскому Высочеству, и увѣдомилъ я Графа Ивана Григорьевича Орлова, къ которому прошу теперь оныя отослать. Но того я и не знаю, какой тутъ еще припелся скоть, сочинитель записки въ семъ случаѣ оному уподобился.

Сославшись о дѣлахъ здѣшнихъ на мои вынѣшнія ко Двору представленія, имѣю честь съ непремѣнною преданностію и высокопочитаніемъ назваться

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою.

Собственноручная приписка:

Р. С. Неожиданное свѣдаете: Визирь въ Бабагѣ атакованъ, весь лагерь и артиллерія взяты, и весь берегъ противу Молдавіи очищенъ сожженіемъ всѣхъ мѣстъ, подорваніемъ замковъ, изби-тіемъ непріятеля, и взятіемъ всей его на ономъ бывшей артилле-ріи въ большомъ количествѣ. Въ Валахіи было дѣло въ пользу

нашу 20-го. Смятенія непріятельскія въ сей и той сторонѣ облегчатъ и тамошнія дѣйствія и доставятъ въ слѣдствіяхъ хорошіе авантажи. И ежели такъ нечаянно миръ будетъ, какъ атакованъ Визирь, такъ его ждатель надобно скороминутно. Это дѣло пріятелямъ нашимъ подастъ новыя рубрики, непріятелямъ новую грозу.

Всемиловѣйшая Государыня!

Генераль-Маіоръ Фонъ Вейсманъ искалъ щастія повергнуть себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и поднести обстоятельный планъ дѣйствій, имъ произведенныхъ за Дунаемъ. Сему желанію, имъ поставляемому за верхъ своего благополучія, чтобъ пасть предъ лицомъ своей Монархини, и поспѣшествую теперешнимъ его отправленіемъ и за долгъ почитаю возобновить и тутъ справедливое свидѣтельство, что онъ сколь храбрый и искусный Генераль, такъ человекъ усердный и готовый всегда на службу Вашего Императорскаго Величества.

Неисчетные примѣры изливаемыхъ щедротъ Вашихъ, Всемиловѣйшая Государыня, возводятъ мое упованіе, что пріизрите Монаршимъ воздаяніемъ на службу сего Генерала, свои достоинства и ревность дѣлами показавшаго.

Въ покровительствѣ и благодѣяніяхъ ему даруемыхъ чувствовать и я стану властный себѣ опытъ Высочайшей милости, ибо я дерзаю, Всемиловѣйшая Государыня, повергнуть предъ Вами всю ту всеподданѣйшую и искреннюю прозбу въ пользу подносящаго сіе, которую внушаетъ мнѣ чистосердечное признаніе, что я въ немъ имѣлъ прямаго себѣ помощника и споспѣшника лучшимъ дѣламъ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всеподданѣйшій рабъ.

Ноября 29 дня, 1771 года.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,
Графъ Никита Ивановичъ!

Премногіе опыты заступленія Вашего къ людямъ, достойнымъ възысканія, сугубяте мою надежду, что Ваше Сіятельство изъ числа таковыхъ подносителя сего, Господина фонъ Вейсмана, не оставите принять въ свое покровительство. Персонально Ваше Сіятельство познаете его дарованія, о которыхъ предваряетъ его служба. Я уповаю, что Милостивый Графъ, бывъ мнѣ милостивцемъ, будетъ тѣмъ и для всѣхъ таковыхъ, коимъ я желаю добра и кои сохранять память къ Вашимъ благодѣянїямъ и моей же къ себѣ благодарности и высокопочитанія, съ коимъ пребывать честь имѣю.

29 Ноября, 1771 года.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Во всеподданѣшемъ моемъ, отъ 30 Марта, чистосердечно я предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ изъяснилъ, что мнѣ отнюдь незнакомы дѣла вооруженія морскаго, какъ не имѣвшему никогда случая входить въ испытаніе оныхъ, а присланный отъ Адмиралтейства сюда Капитанъ флота Наготинъ искренно и не обвиняя мнѣ признался, что онъ самъ не свѣдуецъ въ части построенія судовъ и распорядить заведеніемъ того не можетъ, и бывъ одолѣваемъ долговременною болѣзнію, отъ сущаго изнеможенія, теперъ подалъ челобитную, прося отставки.

Въ сихъ обстоятельствахъ, Всемилоствѣйшая Государыня, отважился я всеподданѣйше повергнуть мое мнѣніе Высочайшему разсмотрѣнію Вашему. Извѣстны, Ваше Императорское Величество, изъ прежнихъ моихъ донесеній, сколь въ здѣшнихъ мѣстахъ совершенный недостатокъ во всякомъ припасѣ къ строенію флота, доставленіе же на то потребнаго изъ границъ нашихъ, не только съ наибольшимъ трудомъ, но и въ чрезвычайную цѣну обходится; здѣсь нѣтъ ни одного мастера, который бы зналъ счетъ и главное распоряженіе; но если, которые за строителей объявляются, тѣ не больше учены, какъ только плотничному дѣлу, а плату берутъ превеликую, и какъ теперъ, чрезъ завоеваніе Крыма отверзтъ путь въ

Черное море рѣкою Дономъ и на той самой верфи, гдѣ создается флотилія Вице-Адмираломъ Снѣгвинымъ, безъ сомнѣнїя, всѣ запасы есть, построить скорѣе и съ лучшею удобностию суда, нежели на Дунаѣ, гдѣ уже и лѣсу, по объявленію мастеровъ, кромѣ на три шкувы нѣтъ больше для великихъ военныхъ судовъ; то не соизволите ли, Ваше Императорское Величество, указать, чтобъ по вышеписаннымъ неудобствамъ прекратить тутъ строеніе морскихъ судовъ, и сдѣлать оное въ Воронежской Губерніи, избѣгая иждивенія великаго, что приходитъ казнѣ Вашей, если ихъ здѣсь сооружать. На сіе ожидаю Всемилостивѣйшаго повелѣнїя, а когда не обходимо надобно и тутъ производить строеніе, въ такомъ случаѣ всеподданнѣйше прошу опредѣлить сюда человека, знающаго всѣ части ремесла морскаго, который бы своимъ учрежденіемъ снялъ съ меня заботы совсѣмъ неизвѣстныхъ дѣлъ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

Декабря 7 дня,
1771 года.

ПАНИНУ.

1771 года,
Декабря 8 дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Датскою службою Г. Полковникъ Молкъ, коего Вашего Сїятельство препроводили ко мнѣ своимъ всепочтеннѣйшимъ, возжелалъ теперь отправленъ бытъ ко Двору, открывшись мнѣ, въ слѣдствіе изъясненій объ немъ Вашимъ, что по обстоятельствамъ, удивившимъ его на настоящее время удалиться отъ своего отечества, намѣренъ онъ искать о принятїи въ нашу службу, но съ тѣми однакожъ выгодами, какъ принять Полковникъ Анжели, кому данъ полкъ, военный орденъ, деревни и позволено сѣздить въ свою землю. Я не входя въ разсужденіе о тѣхъ кондиціяхъ, ни-

же о заслугахъ предковъ того, на котораго примѣръ онъ ссылается, предаю только его, Ваше Сіятельство, благоволенію какъ офицера здѣсь съ доброю волею и съ хорошимъ поведеніемъ служившаго, имѣя честь впрочемъ пребыть съ непоколебимою преданностію и высокопочитаніемъ.

ПАНИНУ.

1771 года,
Декабря. 14 дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Вручитель сего, Г. Баронъ Бильштейнъ, носящій покровительство Вашего Сіятельства и рекомендованный мнѣ отъ брата Вашего Графа Петра Ивановича, искалъ быть отправленъ въ С.-Петербургъ, для поднесенія Ея Императорскому Высочеству сочиненнаго имъ проекта о удержаніи завоеванныхъ земель подъ Россійскою державою.

Ваше Сіятельство знать изволите безъ моихъ объясненій, сколь мало я удобенъ судить о такой матеріи, гдѣ моральныя и политическія воображенія подкрѣпляются соразсужденіями обширными глубокой пронизательности въ будущемъ, и цитаціями многихъ книгъ, отъ источника коихъ предовольно сей авторъ напоенъ; то не смѣю я ни мало коснуться ни пользы, ни правоты его мнѣнія утверждающихъ первую, а только могу сказать, что примѣчанія его физическія сходствуютъ съ прямымъ состояніемъ. Къ непритворному благожелательству сей землѣ видитъ теперь Г. Бильштейнъ брачныя узы, которыя возложилъ онъ на себя, супругою уже своею имѣетъ одну дѣвицу породы здѣсь именитой. Прошу всепокорно, Милостивый Государь, призрѣть своимъ новымъ заступленіемъ на сего новой страны учинившагося обитателя, и вспомошествовать ему получить благоволеніе отъ Ея Императорскаго Величества, такъ какъ за свою службу похваленъ онъ былъ отъ брата Вашего, и я не менѣе видѣлъ въ немъ доброй воли и усердія.

Пребываю съ непоколебимою преданностію и высокопочитаніемъ.

РЕЛЯЦІИ,
ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ И ПИСЬМА
ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО,
1772 ГОДА.

Генваря 5 дня,
1772 года.
N 1.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Непоколебимое удостовѣреніе въ дружбѣ и милостяхъ Вашего Сіятельства ко мнѣ никогда не даетъ мѣста въ мысляхъ моихъ сомнѣнію объ оныхъ. Потому и не думалъ я инако о молчаніи вашемъ, какъ что происходило оное отъ стеченія тамъ важнѣйшихъ дѣлъ, приходящихъ на исходъ вамъ единственно. Я оцущаю, Милостивый Графъ, что Вы коль только можете, всегда удѣляете время на утѣшеніе своимъ отзывомъ Вамъ преданнаго слугу. Въ чувствованіи опыта толь пріятнаго, благодарю я Васъ всепокорно за письмо ваше отъ 8-го Декабря, коимъ пріемлете участіе въ успѣхахъ оружія, мнѣ ввѣреннаго.

Благодарю также и за доставленіе мнѣ такого же отъ Его Императорскаго Высочества, гдѣ я съ восхищеніемъ цѣловать долженъ былъ слова, знаменующія блистательную добродѣтель души, предуготовленной къ державѣ, осчастливающей народы. О, какъ

сердцу моему сугубымъ было удовольствіемъ видѣть въ томъ плодъ попеченія добродѣтельнаго наставника, которой отъ добротъ своихъ душевныхъ вливаетъ въ чувства нѣжныя благодать и совершенство!

Испросивъ о поднесеніи здѣсь приложеннаго отвѣтнаго моего Его Императорскому Высочеству, имѣю честь пребыть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію.

Р. S. Имѣю честь препоручить въ покровительство Вашего Сіятельства вручителя сего, * Князя Григорія Семеновича Волконскаго, какъ Офицера по службѣ и своимъ дарованіямъ отмѣнно достойнаго, и испросить по тому способствованія Вашимъ заступленіемъ въ его прозбѣ, которую принести имѣеть о возвращеніи ему старшинства въ чинѣ, къ чему онъ доводитъ свое право.

ПАНИНУ.

Генваря 5 дня,

1772 года.

№ 2.

Изъ Яссы.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Перваго числа сего мѣсяца имѣлъ я честь получить здѣсь, чрезъ извѣстнаго куріера, благосклоннѣйшія Вашего Сіятельства отъ 16-го и 20-го Декабря, и въ тотъ же день въ слѣдствіе изясненія въ послѣднемъ для выигранія время, послалъ отъ себя нарочнаго чрезъ Журжу къ Руццуку Сераскиру Пашѣ, сообща ему по точности наставленіемъ о пріѣхавшемъ сюда Прусскомъ куріерѣ, и испрашивая всей безопасности къ проведенію онаго, съ тѣмъ, что если бы онъ собою на принятіе онаго не могъ, то препроводилъ бы о томъ же мое письмо къ верховному Визирю, или кто по немъ командуеть надъ арміею, которое я для доставленія адресовалъ въ его руки. Кромѣ сей дороги, ближайшей избрать я не могъ, потому что всѣ мѣста, сопротивулежащія въ нижней части Дуная, остаются теперь пусты, да и подлиннаго из-

* Полковникъ.

вѣстія не имѣемъ, есть ли Визирь при арміи и въ которомъ мѣстѣ его квартира, ибо одни говорятъ, что оныйъ взятъ изъ Базарчика въ Царьградъ и начальство ввѣрено стоящему близъ того города Абды Пашѣ, другіе оглашаютъ быть Визиремъ Мусень-Оглу, который не далеко отъ Рущука свою квартиру имѣеть.

Между ожиданіемъ изъ за Дуная отповѣди ничего болѣе не могу и теперь донести Вашему Сіятельству, какъ только увѣрить, что я препорученное мнѣ стараюсь найпоспѣшнѣе исполнить, по предписаніямъ Вашимъ.

Исполненнымъ благодарности я никогда быть не прескавалъ къ моему благодѣтелю и милостивцу; но сіи вѣчныя уже обязательства, Ваше Сіятельство, и паче сугубите во мнѣ осязательными доводами новой и безпредѣльной ко мнѣ Вашей довѣренности. Письмо, отъ 16-го Декабря, и приложенія къ оному отверзають двери свѣта новаго очамъ моимъ; познаю я тутъ проицаніе умозрительное въ связь обширную вещей моего наставника, и хотя слабое понятіе мое помѣститъ въ себѣ не можетъ яснаго воображенія всей картины, но съ стороны усердности и повиновенія я проходилъ многократно вниманіемъ все то, что Вы называете красками и тѣнью оныя. Въ родѣ сихъ дѣлъ первое поученіе отъ Васъ мнѣ, не возму я смѣлости входить въ разсужденіе, ибо прилично мнѣ тутъ себя ограничить изреченіемъ нѣкоего мудреца, что я только то знаю, что ничего не знаю. Съ другой стороны взаимство противъ Вашей откровенности и та простота чистосердечная, которая властно я такъ чувствую, какъ руководствуемые къ своему наставнику, нудятъ меня сказать свои мысли не въ примѣчаніе, но въ той надеждѣ, что Ваше Сіятельство имѣете право обличить и исправить оныя въ случаѣ моего заблужденія. Я никогда не бывалъ еще въ такомъ положеніи, чтобъ опредѣлить своими мыслями, что есть вѣрнѣе изъ сей объекціи, легче ли завоевать землю, или удержать навсегда оную? Но теперь, вникнувши чрезъ откровеніе Ваше въ неизвѣстную мнѣ досель связь, вижу, что для послѣдняго способы только найти можетъ великое благоразуміе мужей, искусившихся въ политикѣ.

Разсужденія Вашего Сіятельства о утвержденіи независимости Крыма отдаляютъ всякое сомнѣніе, чтобы сей народъ не чувствовалъ благотвореній отъ руки нашей и не былъ бы навсегда при-

визанъ возведшимъ его на сію степень. Но какъ сіе, такъ и то, Милостивый мой Графъ, заслуживаетъ вѣроятность, что оный самый тотъ удѣлъ претворится уже въ объектъ, разнствующій отъ представляемаго нынѣ, къ которому Турки совсѣмъ другое обратятъ уваженіе. Ибо событія прошедшія довольно примѣровъ намъ показываютъ, что страны малѣйшія восшедши къ той силѣ, что собою стоять могли, ширѣли, возрастали къ ослабленію другихъ послѣдствіемъ, изъ того неминуемымъ. Простите, Милостивый Государь мой, безконечной моею къ Вамъ преданности, что я смѣло и въ самой простотѣ слова изъясню мысли, входя паче другихъ предположеніемъ въ относящееся къ симъ землямъ, гдѣ войска, мнѣ вѣрныя, находятся. Если нашими для нихъ увѣреніями и всѣмъ ихъ спасеніемъ принуждены мы пожертвовать упорству Двора, воспящающаго пользамъ челоувѣколюбія и Христіянства противъ варваровъ и невѣрныхъ, то по долгу службы и изъ партикулярной моей привязанности къ Вашему Сіятельству, не могу я не открыть Вамъ, что сіе постановленіе должно быть найскрѣпѣе трактовано. Дабы непріатели наши завременно не обвѣстили злѣйшей участи симъ народамъ, которые столь ревностно сначала войны прилѣпилися къ нашеѣ сторонѣ, столь ненависть и отчаяніе вооружить ихъ могутъ мщеніемъ противъ насъ, когда познають предаваемыхъ себя во область и паки мучительскую. Я на испытанныхъ уже доводахъ основываю опасеніе, или осторожность мою. Съ начала прошедшаго лѣта пронесли слухъ здѣсь по внушеніямъ нашихъ недоброжелателей, что сіи Княжества опять мы отдаемъ Туркамъ. Ваше Сіятельство видѣли въ тогдашнихъ моихъ ко Двору донесеніяхъ, что уныніе и ужасъ народа, отъ тѣхъ вѣстей происшедшія, заставили меня смотрѣть на ихъ расположеніе не индифферентнымъ окомъ. Покушенія, что предпринимали Турки въ Валахїи, были вѣрно изъ сей надежды попытками узрѣть по своимъ тайнымъ побужденіямъ народъ, отъ насъ отвращенный. Нашлись на послѣдокъ ихъ и писанія къ первѣйшимъ чиновникамъ земли, обѣщающія имъ великія выгоды, и знаменующія сихъ къ тому предательскую уже готовность.

Теперь, какъ Вѣнскій дворъ, показывающій явное недоброжелательство дѣламъ нашимъ, исключается отъ посредства мирной нашей съ Турками негоціаціи, то легко станется, что Турки приволя оный къ большому противу насъ воспаленію и облегчить тѣмъ

свое положеніе, не сдѣлають предъ ними тайны изъ всѣхъ договоровъ, въ которые принуждены вступить съ нами, а потому не менѣе быть можетъ, что Цесарцы заранѣе постараются вложить въ сердца здѣшнихъ жителей, посредствомъ многихъ знатныхъ чиновъ сихъ земель, пребывающихъ въ ихъ границахъ, ненависть и отвращеніе противъ насъ, какъ общаніемъ отъ ихъ заступленія, указавъ имъ прямую дорожку, ведущую къ пользамъ на будущее время, а напротивъ гибельную опасность, сопряженную съ отверженіемъ оной. Я видѣлъ уже, какъ Ваше Сіятельство, въ прошедшемъ годѣ, сколь общую мысль повергало въ колеблемость проникшее сюда о томъ предвареніе, и потому мнится мнѣ, что сіе обстоятельство не неудобно произвести по себѣ здѣсь вредныя для насъ слѣдствія, въ такомъ найпаче случаѣ, когда бы съ Турками предпріемлемая негоціація и примиреніе наше не возымѣло желаемого конца. А хотя бы въ семъ послѣднемъ и полной успѣхъ мы получили, но какъ я уже, Милостивый Государь мой, отъ долгаго времени изнемогаю болѣзненными припадками, которые, истощивъ мое здоровье, часть отъ часу умножаютъ необходимость принести прозбы о увольненіи моемъ ко излѣченію, то я твердо полагаюсь на дознанья Ваши къ себѣ благодѣянія, что Вы не оставите меня здѣсь быть зрителемъ послѣднихъ событій заключенныхъ договоровъ. Ибо Ваше Сіятельство сами можете представить, какъ неприятно было бы для меня по чувствамъ челоувѣчества видѣть народъ, огорчевающійся своими бѣдствіями, для коего обезпеченія въ недостаткѣ сильнѣйшихъ средствъ я долженъ былъ словесно и письменно частыя увѣренія издавать о всегдашней оному защитѣ отъ оружія Россійскаго противу невѣрныхъ, слѣдственно и дать тѣмъ право положить теперь укоризну на мою честность и клятвы, по отдѣлѣ оныхъ. Я прошу Вашего Сіятельства, какъ моего благодѣтеля, не обязать меня дожидаться здѣсь той поры, которая съ собою принести должна для сердца моего сію прискорбность.

Въ окончаніи увѣрить я могу Ваше Сіятельство, что все, переданное мнѣ чрезъ искреннюю откровенность Вашу, не выйдеть никогда изъ надлежащей у меня тайны.

Пребывать я честь имѣю съ непоколебимымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію.

ПАНИИУ.

1772 года,
Генваря 26 дня.
N 4.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Изъ предъидущаго моего, подъ N 2-мъ, Ваше Сіятельство, знать изволите, что я въ тотъ же день, то есть, Генваря 1-го, когда прибылъ ко мнѣ извѣстный куріеръ, отправилъ моего нарочнаго за Дунай съ письмомъ къ Визиру и Рущуцкому Сераскиру, прося о соглашеніи ихъ на принятіе онаго. Обсылка сія хотя въ Рущукъ посѣла 5-го числа, но непрежде 11-го сдѣлали оттуда отповѣдь, и позволили переѣхать на тотъ бокъ моему посланному, котораго Сераскиръ Рущука Изеть Ахметъ Паша, не призывая къ себѣ и не принявъ отъ него писемъ, прямо съ оными отправилъ въ городъ Шумлу, лежащій отъ Рущука въ 150 верстахъ, къ пребывающему въ ономъ Мусунъ Оглу Мегметъ Пашѣ, который возведенъ и паки въ верховные Визиря по низложеніи Селиктаръ Мегметъ Паша, сосланнаго скоро послѣ дѣйствій нашихъ за Дунаемъ въ заточеніе.

Ради нынѣшней здѣсь чрезвычайно грязной дороги, и что за Дунаемъ отъ меня посланной Маіоръ Каспаровъ былъ провождлемъ на однихъ лошадяхъ безъ перемѣны отъ берега, даже до самой квартиры Визиря, гдѣ былъ удержанъ три дни, не могъ онъ ко мнѣ возвратиться какъ уже 25-го сего мѣсяца.

Новаго Визиря отвѣтное ко мнѣ письмо, которымъ онъ даетъ знать о сдѣланномъ отъ его стороны обезпеченіи, для проѣзда Прускаго куріера въ Царьградъ, здѣсь подношу въ переводѣ Латинскомъ, списанномъ съ такого жъ, приложеннаго къ оригиналу Турецкому.

Онъ принялъ моего посланнаго весьма ласково, обдарилъ его при отъѣздѣ кафтаномъ и 150 червонными, и препоручилъ сверхъ гшсьма, при своемъ комплиментѣ, словесно мнѣ сказать, что для него переписка моя всегда будетъ пріятна, и что онъ проситъ меня не прерывать оную.

Въ слѣдствіе сдѣланныхъ въ письмѣ Визирскомъ удостовѣреніи, что уже въ Руцукѣ ожидаетъ ихъ чиновникъ принять отъ нашей стороны Прусскаго куріера, я извѣстнаго человѣка вчерашній же день въ Журжу найпоспѣшнѣе отправилъ, который на четвертый день, и надѣюсь, станетъ за Дунаемъ. Съ чѣмъ я честь имѣть буду донести Вашему Сіятельству по отобраніи рапорта, и если еще произошелъ бы какой отзывъ отъ Визира, къ которому и при семъ случаѣ я писалъ въ изъясненіяхъ относительно къ сему отправленію, и по приличности засвидѣтельствовавъ мое партикулярное удовольствіе и поздравленіе о возвращеніи ему настоящаго достоинства.

Реченный мой посланный видѣлъ при Визирѣ новосдѣланнаго Рейсъ Эфенди, называемаго Абдуль Резакъ, а Кегаю при немъ находился Ахметъ Эфенди, что былъ посломъ при Берлинскомъ Дворѣ.

На сей разъ не имѣю я болѣе ничего къ донесенію Вашему Сіятельству, и восписавъ здѣсь, заключить удостовѣреніемъ въ моемъ непоколебимомъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю быть.

ПАНИЮ.

1772 года,
Февраля 7-го.
N 6.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Имѣвъ честь увѣдомить Ваше Сіятельство подъ N 4 объ отправленіи извѣстнаго Прусскаго куріера за Дунай, донесу теперь Милостивому моему Графу, получа рапортъ, что онъ изъ Журжи переѣхалъ въ Руцукъ 31-го Генваря, на присланной по условію отъ тамошняго Сераскира за нимъ лодкѣ, въ препровожденіи одного Аги, и дана росписка отъ того жъ Сераскира въ принятіи оного на ихъ руки и о препровожденіи дальнемъ въ квартиру Визирскую.

Подъ видомъ многодѣльства отговарился сей Сераскирь того же дня принять на свой берегъ реченнаго курьера, какъ обвѣщено ему было, то есть, 29 Генваря о прибытїи онаго въ Журжу, но уже прислалъ отъ себя лодку въ 31 день изшедшего мѣсяца.

Въ слѣдствіе извѣстныхъ Вашего Сіятельства предположеній, по сей день еще не имѣю я никакого отзыва изъ за Дуная.

Предавъ себя неотмѣнной и милостивой дружбѣ Вашей, имѣю честь пребыть съ истинною преданностію и высокопочитаніемъ.

ПАНИНУ.

1772 года, Марта 3 дня.

№ 7.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Сердечнымъ поздравленіемъ долженъ я начать мой отвѣтъ Вашему Сіятельству на два Ваши всепочтеннѣйшія отъ 1-го и 5-го Февраля. Вы можете лучше то представить въ своихъ мысляхъ, по удостовѣренію о глубокой моей къ Вамъ преданности, нежели я словами изобразить, сколь я обрадованъ обороту дѣлъ противныхъ, къ толь благонадежному притязанію силою великаго разума воздвигнутымъ; которое удивить и злобу, и зависть и зараженныхъ худою надеждою о нашихъ пользахъ. Уступить по справедливости должны Вамъ славу, сколько мы знаемъ ревнительныхъ патріотовъ, и искуснѣйшихъ политиковъ, ибо къ пользѣ и чести нашего отечества, милостивый мой другъ, представляетъ въ особѣ своей свѣтло, коего блистательнаго сіянія въ обоихъ видахъ не затмятъ будущіе вѣки. Я дѣлаю сердцу моему насиліе, прекращая рѣчь и возлагая на время справедливость моихъ мнѣній, которымъ изъясненіемъ не разширяюсь во удовлетвореніе извѣстной мнѣ Вашей умѣренности въ принятїи похвалъ, дарованіямъ Вашимъ принадлежащихъ.

Что до меня собственно, то никогда во мнѣ не упадала надежда, чтобъ мой милостивый Графъ не принялъ участія въ обстоятельствахъ, гдѣ его помощь, такъ сказать, доселѣ спасаетъ

и просвѣщаетъ меня. Я вижу, исполнился истиннаго удовольствія, въ письмѣ Вашемъ, сколько справедливо было и есть мое въ томъ упованіе. Милость и дружбу, что Вы мнѣ сказываете въ безпредѣльной откровенности и своимъ соболѣзнованіемъ объ упадкѣ моего здоровья, безъ лискательства скажу, оживляетъ мои душевныя и тѣлесныя чувства. Обыкши не различать Вашихъ совѣтовъ отъ наставленій благоразумнаго рукоподителя, предаюся я и теперь полнымъ образомъ Вашей воли, не думая о истощеніи своихъ силъ, не общающихся мнѣ инаго, кромѣ сокращенія вѣка, ежели къ тому убѣждаете пользою общемою.

Партикулярныя мои неудовольства, которыя Ваше Сіятельство узнаете сами, вѣрете, Милостивый Графъ, что я къ нимъ до того претерпѣлся, что уже и не ставлю ихъ въ большую себѣ чувствительность. Теченіе лѣтъ и службы моей не скрыты отъ знанія Вашего, и я въ томъ твердо могу положиться на удостовѣреніе собственное Ваше, больше ли пріятнаго, или труднаго и прискорбнаго, доставалось всегда на мою долю.

Если бѣ отъ меня зависѣло къ Вамъ пріѣхать, я бы тѣмъ охотнѣ воспользовался; но не вмѣшиваю къ сему ничего больше, какъ что съ моей стороны я могу сказать, то Ваше Сіятельство могли видѣть, сколь поздно мнѣ доставалось оканчивать компаніи, и сколь рано дѣлалъ я имъ отверзтіе. И такъ краткость времени, остававшаяся отъ полевыхъ дѣйствій, занимала мой трудъ и мысли къ приготовленію вскорѣ къ вновь поступающимъ. Изволите не меньше сего знать, что чины и даже привлзанные по прямому къ неразлучной и совѣстной со мною службѣ, удалялись, когда хотѣли отсюда, сваливая на мой трудъ и дѣла ихъ званія; я работалъ за всѣхъ и безотлучно, и замѣнялъ единымъ своимъ попеченіемъ ихъ выгоды и отдохновенія, не говоря о томъ ни слова, прежде какъ уже почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ до того ослабленіе, что боюсь подъ бременемъ симъ поникнуть.

Я давалъ нѣкоторымъ при отъѣздѣ комисію представить о сущихъ нуждахъ войска, я и писалъ, представляя ближайшіе способы, какъ недостатки въ потребномъ награждать,—мои доклады не удостоены уваженія, тѣмъ извиненіемъ, что не нашли никогда случая говорить о состояніи арміи. А вмѣсто того дѣлаются, то первые багатионы для арміи, которая ввѣрена моему попеченію, и

выдаютъ вновь штаты Генераль-Квартермейстерскіе. Представте, Милостивый мой другъ, есть ли есть радѣніе о пользѣ войскъ, или только ни къ чему не нужная прихоть? Если я говорю о полезномъ, и по лучшему испытанію, противъ того не только дѣломъ, но ниже словомъ не отвѣчаютъ; но ежели другой, трогая деловатность военнаго начальства, вымыслить что нибудь для моей части, то исполняется какъ самонужнѣйшее. Я боюсь сдѣлать безконечнымъ мой разговоръ и отнять у Васъ время, толь нужное для верховной пользы. Богу слава, что струны Вашего изобрѣтенія дадутъ скоро всему конецъ, что мнѣ не останется ни досаждать другимъ противъ своей воли, ниже терпѣть самому то же.

Будьте увѣрены, Ваше Сіятельство, что Г. Симолинъ не дзнаетъ ни въ чемъ, чтобъ я рекомендацію Вашу и описаннымъ его достоинствамъ не удовлетворилъ въ каждомъ случаѣ, всякою для него благоудностію.

Я пребываю съ высокопочитаніемъ и найсовершеннѣйшею преданностію.

ПАНИНУ.

1772 года,
Марта 3-го дня.
N 8.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ 29 день Февраля Г. Симолинъ сюда пріѣхалъ и вручилъ мнѣ депешу, коими Ваше Сіятельство ко мнѣ его препроводили. Все, что я сказать имѣю въ разсужденіи комисіи, предоставленной его персонѣ, состоитъ въ томъ единомъ, что еще по сей день не было никакого отзыва изъ-за Дуная, въ слѣдствіе послышки въ Цареградъ извѣстнаго куріера.

И такъ Г. Симолинъ обще со мною останется въ ожиданіи на всякой часть воспослѣдованія, уповаемаго отъ непріятеля нашего, соглашенія на договоръ. А при откровеніи того, я съ моей стороны споспѣшествующіе лучшему успѣху преподавать не упущу,

сколько дѣла военной части съ тѣмъ сопрягаться могутъ, и Ваше Сіятельство не замедлю во всякое время о теченіи таковомъ поспѣшнѣйшее отиправить увѣдомленіе. Пребываю между тѣмъ, какъ и всегда, съ совершеннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

ПАНИНУ.

1772 года,
Марта 3-го,
N 9.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Наконецъ, по долгомъ ожиданіи, возвратился, 9-го сего мѣсяца, ко мнѣ въ Яссы извѣстный нашъ куріеръ, посланный въ Царьградъ. Чрезъ него я получилъ отъ Гг. Тугута и Цегелина письма, а таково жъ и прямо отъ Верховнаго Визиря, Мегметъ Мосунъ Оглу, съ его Чегодаремъ, нарочно ко мнѣ посланнымъ. Я, списавъ всѣ оныя, приобщилъ къ нынѣшней моей о томъ къ Ея Императорскому Величеству реляціи, и зная, что она въ руки придетъ къ Вашему Сіятельству не дѣлаю Вамъ сугубаго труда, чтобъ тутъ то же повторять, что уже прочесть изволите въ другомъ мѣстѣ.

Съ обзорніемъ убѣдительнаго письма отъ Цесарскаго Министра и слѣдующей при ономъ записки о предопредѣляемомъ постановленіи отъ стороны Порты для перемирія съ нами, Ваше Сіятельство собственнымъ просвѣщеніемъ и по глубокому испытанію сихъ дѣлъ, ощутить предовольно можете, что исканіе не нужной и небывалой гарантіи на самое перемиріе и продолженіе онаго и за окончаніемъ уже опредѣленнаго срока, еще чрезъ три мѣсяца, буде бы не заключили миру, дѣломъ кажется быть Французской интриги, изъ послѣднихъ силъ напряженной для узнанія расположенія Вѣйскаго Двора, при воспріемлемомъ имъ участіи въ настоящемъ содѣйствіи, и для возведенія своихъ, тѣмъ временемъ, толь уже истощенныхъ нынѣ ресурсовъ политической злобы, еще однако дышущей.

Противъ сихъ отзывовъ найдете Ваше Сіятельство, виѣстѣ съ оными, въ копіяхъ и мои отвѣтныя письма къ Визиру и къ помяну-

тымъ Министрамъ. Я въ своей запискѣ сдѣлалъ пристойное внушеніе о тѣхъ кондиціяхъ, которыя мнѣ въ Рескриптѣ, отъ 3-го Генваря, предписаны для заключенія перемирія, коего о срокѣ до 1-го Юня, я не имѣлъ никакого сомнѣнія согласиться; ибо и по собственному благопризнанію отъ Ея Императорскаго Величества, продолженіе сего времени вмѣняется къ пользѣ для дѣлъ нашихъ. Изъ всѣхъ артикуловъ, предлагаемыхъ съ нашей стороны, я думаю найтруднѣйшими покажутся Туркамъ сіи два: чтобъ имъ пересѣкти безъ изыятія всякое сообщеніе на судахъ въ Черномъ морѣ къ берегамъ нашимъ, и оставить безъ прикосновенія, на томъ боку Дуная, мѣста, изъ коихъ отъ нашихъ войскъ были они выбиты. Согласясь на первое, надобно будетъ имъ прекратить свою коммуникацію съ крѣпостью Очаковскою, лежащею на нашемъ берегу; во второмъ натурально представится имъ, что со утвержденіемъ нашихъ постовъ на супротивномъ берегу, стѣснены станутъ ихъ выгоды, а распространится напротивъ толь близко опасность.

Сколь уповать не безъ основанія слѣдуетъ, что по сдѣланнымъ представленіямъ отъ Министровъ Цесарскаго и Прускаго къ своимъ Государямъ, въ разсужденіи объявленнаго желанія отъ Порты, произвестъ съ нами перемиріе подъ ихъ гарантію, станутъ Визирь дожидаться на сіе ихъ отзыву, и не приступитъ до полученія оного къ формальной здѣсь негоціаціи, то будетъ равно и мнѣ время, получить отъ Вашего Сіятельства пополнительнымъ себѣ наставленія, сходствующія симъ новымъ предлобъявленіямъ, какъ сіе превосходятъ собственные мои ресурсы; а если бы Визирь, не дожидаясь того, схотѣлъ вступитъ въ трактованіе, то я со всею поснѣшностію съ моей стороны открою сію негоціацію. Я прошу, Милостивый мой Графъ, сколько о снабдѣніи меня полнымъ образомъ Вашими благодѣтельными наученіями, по лучшему Вашему обнятію настоящихъ обстоятельствъ, и по предувѣдѣнію могущихъ встрѣтиться, такъ и къ производству сихъ политическихъ дѣлъ, прислать мнѣ изъ архива формуляры, служащіе во образецъ, какъ трактовать надлежитъ на письмѣ сію матерію во всѣхъ ея раздѣленіяхъ; ибо не хочу я утаить предъ Вашимъ Сіятельствомъ что сіе превосходятъ собственные мои ресурсы, и безъ Г-на Симолина въ подобныхъ изворотахъ довольно надсадилъ бы я свою и безъ того слабую уже голову.

Я принужденъ цѣлые три дни продержать куріера здѣсь, не отправляя моею экспедиціею ни къ Вамъ, ни за Дунай, потому что переводчикъ Турецкаго языка, котораго мнѣ оставилъ Г-нъ Обресковъ, разбирая, сколь можно прилежиѣе, Визирское письмо, не могъ мнѣ ясно истолковать полное содержаніе онаго, по невольной способности въ понятіи всѣхъ терминовъ Турецкаго штиля. Я больше, доходя самъ по извѣстной мнѣ матеріи, до вразумленія онаго, наклонялъ уже и мои изъясненія по тѣмъ мыслямъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ Визирю. Ради сего разсудилъ я, сверхъ переводу здѣшняго, приложить тутъ сіе оригинальное Визирское письмо, котораго прямой разумъ, Ваше Сіятельство, чрезъ своихъ искуснѣйшихъ переводчиковъ лучше узнаете.

Полученныя два письма отъ Г. Цегелина къ Графу Сольмсу и Алексію Михайловичу Обрескову я здѣсь включаю. Я надѣюсь, что сей Министръ даетъ тутъ знать особливо о предположеніяхъ для Конгресса. Городъ Букарештъ, избираемый къ тому, предъ Измаиломъ, кажется, больше будетъ выгоднымъ; и я не знаю, кому показался Измаиль удобнѣйшимъ, гдѣ не только нѣтъ строенія къ помѣщенію такого съѣзда, но ни прута лѣсу для отопленія обывателямъ, поелику вся та степная страна между Прута и Дуная совершенно пуста и выгодъ къ прожитію въ тамошнихъ городахъ отнюдь не подаетъ. Но какъ и Букарештъ въ семъ краю есть одно только мѣсто, гдѣ войски, назирающія какъ и всѣ запасы наши, хранены быть могутъ, такъ ежели бъ конгрессъ продолжился до осени, то мнѣ трудно будетъ прибрать средство, гдѣ бы тогда военныхъ людей держать.

Не поставьте, Ваше Сіятельство, за противно, что я ирѣхавшаго куріера изъ Цареграда опять отправить принужденъ быть въ тотъ же путь, не имѣвъ здѣсь, кромѣ его, способнаго къ тому челоуѣка, который бы, зная нужные тутъ языки, могъ и съ Турками объясниться, и съ тѣми людьми, коиъ начата корреспонденція.

Остаюсь съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію.

ПАНИНУ.

1772 года,
Марта 22 дня,
N 10.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

При отправленіи сего куріера, не имѣя ничего новаго къ донесенію Вашему Сіятельству, я осмѣливаюсь у моего милостивца занимать время изъясненіемъ только моихъ нуждъ и самыхъ обстоятельствъ, которыми упражнены теперь мои мысли.

Послѣ моего отвѣта Визирю на его отзывъ о вступленіи въ договоръ перемирія, еще я ожидаю, съ часа на часъ, получить отъ него отвѣтъ, опредѣляющій съ его стороны персону къ трактованію о томъ. Я не считаю заблагопристойно домогаться поспѣшнаго теченія сему дѣлу, разсуждая, что Турки по врожденному высокомирью, таковой бы отъ меня отзывъ приняли въ видъ убѣждающей насъ къ тому собственной крайности. Но какъ сіе временное удержаніе военныхъ дѣйствій взаимно поставляется средствомъ, ближайшимъ къ заключенію мира, чрезъ послѣдующій вообще съѣздъ особъ, къ тому уполномоченныхъ, а мнѣ ничего еще знать не доходитъ о конгрессѣ ни съ своей, ни съ противной стороны, то медленность, съ которою дѣла перемирія или соглашенія объ окончаніи войны происходятъ, или происходятъ будутъ, если непріятель въ свою пользу обратилъ бы, то и для насъ самихъ не меньше она полезно сдѣлается, въ разсужденіи исправленія тѣмъ временемъ множайшихъ недостатковъ, каковы имѣетъ армія, на укомплектованіе коей не сомнѣваюсь, что Ваше Сіятельство знаете, сколь великое число требуется рекрутъ, ибо нѣкоторые полки должно снабдить по тысячи оными, а въ половину того почти всякой полкъ требуетъ. Но сіи люди, коими пополнить должно знатную въ войскѣ убыль, еще далеко и по сію пору отъ своихъ мѣстъ, представьте, когда жъ есть время дѣлать ихъ солдатами? Частицы нѣкоторыя рекрутъ, въ дальные полки назначенныя, до здѣшняго мѣста дошедши, уже видятся въ крайнѣйшемъ истощеніи своихъ силъ. Не иначе и отъ прошлогодняго набора осталось таковыхъ, что окрѣпчали къ службѣ. Кавалерія при всемъ рачительномъ

отъ своихъ Полковниковъ стараніи и способахъ, пользующихъ внутреннюю экономію, не можетъ наградить посюдова закупками въ ближайшихъ и дальнихъ мѣстахъ лошадей великаго недостатка въ оныхъ. Не распространяясь о многомъ, тому подобномъ, что ослабляетъ, а не укрѣпляетъ полки къ полевымъ дѣйствіямъ, скажу единымъ словомъ Вашему Сіятельству, что я, вмѣсто усиливанія своей части прибавочными войсками, какъ нынѣшній годъ учинить общана, вижу, напротивъ того, что оная прямыми силами не сравнится и противъ прошлогодняго. Для сихъ точно не лучшихъ обстоятельствъ, я сужу вышеписанное медленіе служащими къ нашимъ немалымъ выгодамъ.

Простите мнѣ, Милостивый Государь, что я затрудняю Васъ повѣствованіемъ хлопотъ, которыя падутъ на одну мою голову; я прекратя о томъ рѣчь, возобновляю тутъ мою къ Вамъ прозбу, удовлетвореніе которой принесетъ мнѣ знаки найудовѣрительнѣйшіе милости вашей. Со мною никогда не встрѣчался случай познать образъ производства дѣлъ Министеріальныхъ, которыя теперь и исполнять долженъ; Г. Симолинъ съ сей стороны, хотя наилучше облегчаетъ мою заботу, сочиня къ тому всѣ потребные инструменты, которые я надѣюсь Вашему Сіятельству представить, но я еще прошу въ одолженіе себѣ отъ Вашего Сіятельства прислать мнѣ къ точнѣйшему свѣдѣнію образцы, какъ постановленія сіи должны быть написаны, дабы я не имѣлъ сомнѣній, послѣдуя тому, что нибудь упустилъ, или оставилъ въ недовольно ограниченной силѣ словъ.

Г. Симолинъ, по слабой своей комплекціи, почувствовалъ сильныя припадки своему здоровью отъ инфлуенціи здѣшняго воздуха; сколько онъ въ себѣ внутренно болѣзнь ощущаетъ, о томъ не меньше я всѣмъ намъ изъ наружи примѣтны дѣйствія оной, а докторъ Ашъ, пользующій теперь его, открывалъ мнѣ конфидентно, что его сложеніе не предъобѣщаетъ ему ничего лучшаго въ здѣшнемъ воздухѣ. Ваше Сіятельство, покровительствуя челоуѣка толь многихъ достоинствъ, не восхотите допустить, чтобъ онъ, чрезъ долгу свою здѣсь бытность, вверженъ былъ въ неминуемую крайность, но сдѣлаете ему милость, чтобъ по окончаніи дѣла, для коего онъ посланъ, безъ замедленія отозвать его къ себѣ, ибо сіе благодѣяніе, съ которымъ связано спасеніе жизни, желательной

всякому, будетъ ему наибольшимъ. Изъявляя такъ искренно, не ниѣю я въ сердцѣ другихъ видовъ, кромя пользы ближняго, и добродѣтели, извѣстныя мнѣ въ Вашемъ Сіятельствѣ; сіи послѣдніи, въско почитая, никогда я не престану быть съ совершенною преданностію

Вашего Сіятельства
вспокорнѣйшимъ слугою.

Проектъ полномочія Коммисару.

Ея Величества Императрицы Всероссійской Главнокомандующій первою арміею Генераль Фельмаршалъ, Малой Россіи Генераль-Губернаторъ, Россійскихъ орденовъ и военнаго Святаго Побѣдоносца Георгія большаго креста Кавалеръ, я, Графъ Петръ Румянцовъ, чиню извѣстно всѣмъ, до кого сіе надлежитъ; какъ возженную пагубную и кровопролитную войну между Пресвѣтлѣйшею и Всесильною Государынею Екатериною Второю, Императрицею и Самодержицею Всероссійскою, моею Всемиловивѣйшею Государынею, и пресвѣтлѣйшимъ и всеильнымъ Государемъ Султаномъ Мустафою Ханомъ, Императоромъ Мусульмановъ Азіи и Греціи, обѣ сіи державы прекратить искренно желаютъ, для отвращенія дальшаго отягощенія народу и разоренія земель, къ чему и Ихъ Величества Императоръ Римской и Король Прусской, будучи обще пріятели, предложили обоимъ воюющимъ державамъ Генеральное заключеніе перемирія, какъ надежное средство къ посвѣшенію скората согласія и къ заключенію твердаго и постояннаго мира чрезъ непосредственное собраніе: то Ея Величество, Императрица Всероссійская, Всемиловивѣйшая Государани моя, не пропуская ни одного случая доказать всему свѣту о своемъ великодушіи, умѣренности, снисходительствѣ и склонности къ миролюбію, уполномочила меня назначить съ своей стороны Коммисара, которой бы снабженъ бывъ отъ меня наставленіемъ и полномочіемъ, могъ вступить въ договоры съ Коммисаромъ, коего верховныя Оттоманской Порты Визирь, равномѣрно къ тому уполномоченный, уполномочить и пришьлетъ отъ своей стороны, для постановленія и заключенія перемирія. Для сихъ причинъ я препоручилъ, повелѣлъ и отправилъ, и чрезъ сіе за подписаніемъ моею руки повѣряю, повелѣваю и отправляю Ея Императорскаго Величе-

ства Господина Статскаго Совѣтника Ивана Симолина, давъ ему полномочіе и повелѣніе, въ качествѣ нашего Коммисара, слѣдовать въ то мѣсто, куда отправленъ будетъ также Коммисаръ, посланный отъ стороны Его Сіятельства, Блистательной Порты Верховнаго Визиря, равномѣрно снабженный полномочіемъ по надлежащему образу, дабы съ нимъ постановить, заключить и подписать перемиріе, соизволяя, чтобы вашъ Коммисаръ Г. Симолинъ при семъ случаѣ дѣйствовалъ такъ, какъ бы самъ я, будучи тамъ, дѣйствовать могъ, и обѣщая все то принять за благо, что помянутый Господинъ Симолинъ за полезное признаетъ нашей сторонѣ. Во увѣреніе чего я сіе полномочіе подписалъ съ приложеніемъ герба моего печати. Давъ въ главной квартирѣ, городѣ Яссахъ. Марта 29-го, 1772 года.

ПАНИНУ.

1772 года,
Апрѣля 13.
N 12.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Къ знакамъ пріимой дружбы я принимаю сдѣланныя пріимчанія отъ Вашего Сіятельства, въ мою предосторожность, во всепочтенномъ, отъ 21-го Марта, по увѣдомленію Вашему партикулярнымъ образомъ, яко бы я отъ поставокъ въ армію провинта уволилъ деревни фамиліи Потоцкихъ и Мнишковь. Я и то удовольствіе для себя тутъ же воображаю, что, Ваше Сіятельство, конечно, не всю вѣру додали таковому увѣдомителю, когда не разсудитѣ объявить мнѣ лица его, котораго клевета неожиданно до самой деликатности противъ меня идетъ.

Експликація сей матеріи, по которой отвѣчать никогда я себя не приготавливалъ, могла бы быть пространною, а я не осмѣливаюсь тѣмъ милостивца моего обременить, и сокращаю мое увѣдомленіе въ семъ единомъ. Мнишка деревни облегченъ, по требованію о томъ ко мнѣ отъ нашего бывшаго Посла, Князя Волконскаго, который рекомендовалъ для него сію выгоду, предобъявляя, что онъ будетъ Шефомъ нашей партіи въ Коронѣ. Считается ли онъ, или

Потоцкій за людей подозрительныхъ въ размноженіи Польскихъ замѣшательствъ, я ничего того о семъ не знаю, а напротивъ съ стороны моего въ семъ краю командованія во все время я не примѣтилъ ничего такого отъ Потоцкаго, Воеводы Кіевскаго, чтобы явило слѣды его для нашихъ войскъ недоброхотства. Войска наши въ его деревняхъ всегда стояли и теперь стоятъ, давалъ и даетъ и нынѣ онъ безъ послабленія всѣ для арміи нужныя поставки съ своихъ маетностей, которыя подвергнуты чрезъ то разоренію больше, нежели другаго его брата, Краковскаго.

Изъ уваженія къ сему послѣднему, я только одну его деревню, а не цѣлое имѣніе, и то ту, въ которой онъ самъ живетъ, уволилъ отъ поставокъ провіантскихъ. Если бъ я удобенъ былъ ходить слѣдами нашихъ Польскихъ партизановъ, то бы давно уже сдѣлалъ его Конфедератомъ, ибо неможно сомнѣваться, чтобы не изобиловалъ онъ серебромъ и золотомъ. Но я не считалъ, чтобы власть, свойственная возложенному на меня званію, была стѣсняема до того, чтобы я не имѣлъ безъ предосужденія, толь малаго угожденія сдѣлать персонѣ, знаменитой въ своей землѣ, въ томъ единомъ намѣреніи, что истощивши сію часть Польши безпрестанными поставками провіантскими на армію до самой крайности, средствомъ сего возможнаго снисхожденія обизывать ихъ, чтобы собою къ успокоенію приводили они и другихъ терпящихъ, кои намъ привержены. Я отлаю Вашему правосудію опредѣлить, можно ли къ сему моему поступку приложить виды особливости, распространеніемъ на всѣ фамиліи вышеписанныхъ дѣлъ законнаго Поляка (?) и увѣрять въ томъ несомнительно; впрочемъ, я порукую себя не даю, на что, Ваше Сіятельство, зная меня отъ дѣтскихъ лѣтъ, не видѣли доводовъ противныхъ, нежели какъ я себя разумѣю, соблюдающимъ во всякомъ случаѣ непреткновенно мое званіе и далекимъ отъ того, чтобы послушать на что либо изъ недостойнаго пристрастія, и для того прошу я Ваше Сіятельство заступитъ меня и предъ другими, до коихъ, безъ сомнѣнія, клеветуцій возметъ прибѣжище, когда уже обносятъ меня предъ Вашимъ Сіятельствомъ, котораго ношу я толь извѣстныя милости.

Пребываю съ непоколебимымъ высокопочитаніемъ и преданностію.

Р. С. Г. Симолинъ уже находится въ Журжѣ, и оттуда я получилъ отъ него увѣдомленіе о теченіи ему вѣреннѣхъ дѣлъ, но о томъ я не доношу здѣсь Вашему Сіятельству особливо; ибо онъ мнѣ объявляетъ, что препровожденнымъ тутъ письмомъ самъ Васъ увѣдомляетъ, равно какъ и меня о всемъ происходящемъ. Послѣ отправленнаго при послѣдней реляціи Визирскаго отзыва, получилъ отъ него два письма, съ которыхъ переводы Французскіе и мои отвѣты на оныя копіи, ко усмотрѣнію Вашего Сіятельства, къ сему присоединяю.

Недавно писалъ ко мнѣ Цесарскій Генералъ Прейсъ, прося позволить отъ него посланному въ границахъ Волоскихъ искать обѣжавшихъ съ ихъ стороны воровъ, и на сихъ дняхъ на нашъ пограничный постъ, а отъ онаго и въ Яссы, къ Генералъ-Маіору Корсакову явился Цесарской Маіоръ, предъъявляя паспортъ, что онъ послалъ для сысканія ушедшаго Кассира. Сей послѣдній объявилъ, да и постороннія извѣстія гласятъ, что самъ Императоръ въ семь мѣсцѣ будетъ въ Трансильванію; говорятъ, что онъ только смотрѣть будетъ пограничныя Волоскіе полки; но Ваше Сіятельство лучше опредѣлить можете, прилично ли подозрѣвать тѣ виды, къ которымъ ведетъ простое разсужденіе.

ПАНИНУ.

1772 года,
Апрѣля 15-го.
N 13.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никшта Ивановичъ!

Спѣша отправленіемъ сего куріера, возвратившагося сей день изъ Царьграда, не повторяю особливо Вашему Сіятельству, содержаніе моея теперешней ко Двору депеши, въ которой соизволите наитить письма, имъ привезенныя ко мнѣ отъ Г. Тугута и Зегелина. Порта всѣ артикулы, предложенныя съ нашей стороны, къ перемирію, присылаетъ, кромѣ назначенія срока оному до 1-го Іюня, и ищетъ, чтобы и по разрывѣ Конгреса продолжалось оное еще чрезъ три мѣсяца.

Турки въ томъ свои нужды чистосердечно открываютъ; но въ чемъ ихъ невольготы, то составитъ наши пользы, и для того, ни привѣровъ, ни убѣжденій, ими приводимыхъ, не вѣдѣя себя въ резонтъ, но по одному уваженію, что въ самомъ дѣлѣ, краткость времени, заключающагося числомъ 1-го Іюня, едва достаточна для сѣзду сюда опредѣленныхъ особъ для Конгресса я позволилъ Г. Симолину срокъ перемирія постановить до начатія и продолженія Конгресса, въ теченіи коего съ нашей стороны не неудобно будетъ обратить дѣла къ лучшей своей пользѣ. Я прошу Ваше Сіятельство всепокорно преподать мнѣ наставленія, въ чемъ найдете за потребно въ разсужденіи обстоятельствъ, въ которыхъ я только то знаю, что Вы, по милостивой своей довѣренности, доселѣ открывали.

Г. Симолинъ, 10-го числа, принявъ визитъ въ своей ставкѣ отъ Турецкаго Коммисара, находитъ его челевѣкомъ яраву веселаго и обходительнаго; на завтра Г. Симолинъ имѣеть сдѣлать ему взаимное посѣщеніе, а потомъ и начнеть открываніе своей комисіи.

Есмь какъ и всегда съ нелицемѣрною преданностію и высокопочтаніемъ.

(Собственноручная приписка Графа:)

P. S. По увѣренію сего подателя, что въ Константинополѣ и въ пути нигдѣ заразительной болѣзни нѣтъ, а и здѣсь она безсильна, и что онъ ни съ кѣмъ почти и сообщенія не имѣлъ, отправляю я его къ Вамъ, считая, что его двукратная тамъ бытность можетъ Вамъ подать лучшее свѣдѣніе о состояніи тамошнихъ дѣлъ по его примѣчаніямъ.

ПАНИНУ.

1772 года,
Апрѣля 17 дня.
N 14. Яссы.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Неумедливая всякимъ донесеніемъ Вашему Сіятельству о обстоятельствехъ негоціаціи, производимой нашими Коммисарамъ въ

Журжъ, препровождаю симъ письмо, коль скоро я получилъ отъ Г. Симолина.

Не зная о содержаніи, думаю однако же, что оное не разнствуетъ съ его ко мнѣ теперешнимъ увѣдомленіемъ, что онъ Комисара Абдуль Керимъ Эфендіи нашелъ человѣкомъ ни мало не упорнымъ, а напротивъ весьма благосклоннымъ къ успокоенію дѣлъ непріязныхъ, и удостовѣряетъ, что вскорѣ по сему перемирію, на основаніи нашихъ предложеній, полнымъ актомъ утверждено будетъ. Между артикуловъ перемирія упоминаніе о войскахъ, посланныхъ и ими оставленныхъ въ Очаковъ и Кимбурнъ, введено, я считаю для одного виду, могущаго дать намъ вниманіе о ихъ силѣ и преднамѣреніяхъ.

О Конгрессѣ, какъ я никакого предписанія не имѣю, то я не могу по вопросамъ, тутъ встрѣчающимся, съ моей стороны изъяснить.

Я теперь ко Двору не дѣлаю особливаго донесенія о семъ увѣдомленіи Г. Симолина, ибо оное есть слѣдствіемъ, сходственнымъ представленію въ моей послѣдней Реляціи, и пользуюсь сіе доставить Вашему Сіятельству съ отправленнымъ нарочно куріеромъ отъ Г. Адмирала.

ПАМЯТЬ.

1772 года,

Апрѣля 23.

№ 16.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Два всепочтеннѣйшія Вашего Сіятельства, отъ 5-го Апрѣля, получилъ в 19-го сего жъ мѣсяца съ тою искренною признательностію, которую умножаютъ во мнѣ доводы Вашихъ милостей, доказываемые во всякомъ случаѣ. Въ тотъ же моментъ отправилъ я къ Г. Симолину проектъ и переводы конвенціи, давъ знать ему полнымъ образомъ о повелѣніяхъ, купно тутъ полученныхъ отъ Двора, чтобъ онъ артикулъ о хожденіи судовъ въ Черномъ морѣ и прочее постановилъ въ перемиріи, сходствуя точности оныхъ.

По разчисленію времени выѣзда куріеровъ отсюда въ Журжу, сообщеніе о томъ мое можетъ еще упредить подписаніе договоровъ, къ чему уже между Коммисарями назначенъ былъ день 22-е сего мѣсяца, какъ увѣдомляетъ меня Г-нъ Симолиня, хотѣвъ, чтобъ о томъ и о прочихъ обстоятельствахъ, происходящихъ съ стороны благосклонности и съ стороны странныхъ уловокъ Турецкаго Коммисара, увѣдомлены Ваше Сіятельство, и сего ради и здѣсь прилагаю копію съ послѣдняго его ко мнѣ письма.

По содержанію повелѣнія въ Рескриптѣ отъ 3-го Апрѣля, и по изясненіямъ въ дополненіе къ онымъ въ письмѣ Вашего Сіятельства, послалъ я 18-го сего мѣсяца письмо мое съ своимъ куріеромъ къ Верховному Визирю, даи знать ему о времени отправления нашихъ двухъ только Пословъ на Конгрессъ, и когда они прибыть имѣютъ въ Яссы. И именуя, что въ семъ качествѣ будутъ Его Сіятельство Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и Алексѣй Михайловичъ, предоставилъ и Визирю увѣдомить Порту, для сходственныхъ тому съ ихъ стороны опредѣлений.

Помѣстилъ я въ семъ же письмѣ и просьбу мою о доставленіи найскорѣйшемъ присоединеннаго къ оному письма къ Прусскому Министру Зегелину, которое Ваше Сіятельство ко мнѣ переслали.

Вчера я получилъ чрезъ нарочнаго куріера отъ Визиря письмо, которымъ онъ только препроводилъ таково жъ ко мнѣ отъ Г. Зегелина, и въ семъ нашелъ я приложенныя одно къ Королю, его Государю, которое и отправилъ я немедленно чрезъ Варшаву, а другое къ Графу Сольису, которое здѣсь сообщая, равно и копію его ко мнѣ письма, въ которомъ онъ увѣдомленіи между прочимъ подаетъ въ нашу пользу о свойствахъ нынѣшняго Верховнаго Визиря.

Я особливаго представленія не дѣлаю о семъ ко Двору, увѣренъ быть, что донеся о томъ къ Вашему Сіятельству, исполню онымъ тоже самое.

Есмь впрочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и велицефирною преданностію.

1772 года,

23 Апрѣля.

Изъ Яссы.

Всеми лостивѣйшая Государыня!

Имѣлъ я честь къ обрадованію своему принять въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 3-го Апрѣля, Вашего Императорскаго Величества Всеми лостивѣйшую апробацію, въ разсужденіи учиненныхъ отъ меня отвѣтовъ, по дѣлу перемирія, Верховному Визирю и министрамъ Дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго, и получить тогда же Высочайшее Вашего Императорскаго Величества, отъ 21 Марта, въ которомъ заключаетъ, что и здѣсь есть люди, ищущіе всячески отдалить событіе великихъ намѣреній Вашихъ. Состояніе мое было бы найгорестнѣйшее, если и я подверженъ сему разумѣнію; но свойственное правосудіе великой душѣ Вашей, Всеми лостивѣйшая Государыня, всё доселѣ подъятыя подвиги и увѣичаные благоволеніемъ Вашимъ, и не скрытое предъ свѣдѣніемъ Вашего Императорскаго Величества состояніе дѣлъ, обуревавшихъ на меня всѣми противностями, которыя преодолевалъ я всегда съ успѣшностью, заимствуемою отъ трудовъ и неуспѣшнаго рачевія о исполненіи воли Вашего Императорскаго Величества, не дозволяетъ мнѣ сомнѣваться, чтобъ Ваше Императорское Величество отвратили милость и довѣренность отъ меня и отъ тѣхъ, что со мною единодушно и ревностно приверженныхъ всѣмъ повелѣніямъ Монаршимъ, и имѣющихъ всю усердность и готовность устремиться на всё предпріятіе, которыя угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству предположить.

Не стѣсняя въ семь пунктѣ доброй моей воли, но по обязанности званіемъ военнаго начальства, дѣлалъ и всеподданнѣйшія моя представленія Вашему Императорскому Величеству съ стороны состоянія вѣрренныхъ мнѣ войскъ и съ стороны свѣдѣнія, которое я могъ по долговременной тутъ бытности пріобрѣсть о локальномъ положеніи здѣшняго края, естественныхъ въ немъ приключеніяхъ и выгодахъ въ томъ своихъ и непріятельскихъ, стараясь, какъ свойственно нашему ремеслу, столько изъ полезныхъ случаевъ дѣлать употребленіе, сколько не пренебрегать и малѣйшихъ объектовъ, которыхъ недовольное уваженіе подвергаетъ нерѣдко трудностямъ самыя большіе и падаетъ на отвѣтъ полководца.

Въ образѣ такого душевнаго во мнѣ расположенія, и когда я послѣдній, по утратѣ своего здоровья, истощаю силы, радѣя найискреннѣйше удовлетворить должности сына отечества и вѣрнаго раба, преисполненнаго благодарнѣйшихъ чувствованій къ щедротамъ Вашего Императорскаго Величества, да позволите мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, прибѣгнуть къ покровительству Вашего Императорскаго Величества и единую въ немъ имѣть надежду противъ всѣхъ ухищреній распалившейся на меня зависти, и не допустите, чтобъ, мѣтя на мою собственность, уполѣзждали власть чина, отъ коего уже отъемяются части, ему прямо присвоенныя, ибо вся взаимная надежда къ начальнику утверждается въ подчиненныхъ упованіемъ на довѣренность и милость къ нему Монаршія.

Относительно до 2-го пункта въ Высочайшемъ, Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести: трактованіе перемирія производится не способомъ краткаго между военными порядками, гдѣ начальникъ въ предметѣ имѣетъ одной только своей части выгоды, но по образцу министеріальныхъ актовъ, слѣдственно, не могъ я отдалиться отъ точныхъ выраженій, въ правилахъ къ тому предписанныхъ въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 3-го Генваря, въ коемъ въ 4-мъ пунктѣ повелѣно: «распространить перемиріе на весь Крымъ и Черное море такимъ образомъ, чтобъ какъ изъ Чернаго моря въ устьѣ Дунайское ни чьи вооруженныя суда не входили, такъ и отъ онаго вдоль берега Бессарабіи до устья Днѣстровскаго, равновѣрно и до Крымскихъ береговъ и гаваней ни какого званія Турецкія суда не касались». Разсуждая, что сіи кондиціи предопредѣлены по возрѣнію на дѣйствиі, вообще располагаемыя всего военнаго плана, и заключаая, и то по извѣстїямъ, дошедшимъ прямо, что Турки весь флотъ въ великомъ числѣ поспѣшаютъ отправить въ Черное море, котораго дѣйствиі, дабы не могли нанести препятствія нашему, у Крымскихъ береговъ приготавливаемому, какъ я имѣлъ увѣдомленія, что оной не въ лучшемъ состояніи находится, и когда не только выходцы увѣряли, но и Министръ Прусской Зегелльнъ, при возвращеніи посланнаго къ нему куріеромъ Корнета Олеса, въ образѣ искренности къ интересамъ Вашего Императорскаго Величества, препоручилъ ему секретно объявить мнѣ, что тотъ флотъ Турецкой уже при самомъ входѣ въ море, то и расположенъ былъ въ проектъ нашего перемирія артикуль, гласящій о хожденіи судовъ, по соображенію сихъ обоюдностей; но въ тотъ же моментъ,

какъ имѣлъ шастіе получить Вашего Императорскаго Величества Высочайшее повелѣніе, я послалъ курьера къ Комисару Симолину съ увѣдомленіемъ, чтобъ онъ всѣми образы старался поправить сей пунктъ и выговорить ходъ судовъ въ Черномъ морѣ, сходствуя точности предписаній отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя я ему сообщилъ въ полной силѣ, что хотя не предварило отверзтія Коммисарскихъ договоровъ, но упредить еще подписаніе оныхъ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшимъ рабомъ.

ПАНИНУ.

1772 года,
Апрѣля 29-го.
N 16.
Изъ Главн. квар.
города Яссъ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичь!

Имѣю честь препроводить сямъ письмо къ Вашему Сіятельству отъ Г. Симолина, въ которомъ, я думаю, онъ увѣдомляетъ Васъ о положеніи своего дѣла по полученіи проекта конвенціи отъ Вашего Сіятельства, мнѣ сообщеннаго, который я ему долженъ былъ доставить въ слѣдствіе сдѣланнаго отъ Васъ удостовѣренія, что оный присвоенъ во всѣхъ своихъ частяхъ положенію дѣлъ и Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества намѣреніямъ.

Г. Симолинъ отъзывается ко мнѣ, что если бы онъ сей перемѣны ожидалъ, то лучше бы дней 15 остался въ Яссахъ. Но мнѣ инако должно было поступить, условившись прежде съ Визиремъ, чтобъ коль скоро одной стороны Коммисаръ пошлется, ѣхать тудажъ и другому. И когда Визирь далъ мнѣ знать о дѣйствительномъ отправленіи своего Коммисара, я что сей послѣдній въ точности того сталъ на противоположномъ берегу, прислалъ я свое обвѣщеніе; я имѣвъ дѣло съ такими людьми, которые во всемъ подозрѣваютъ, и съ природы

упрямы и недовѣрчивы, каковы въ нихъ свойства довольно зная Г. Зегелинъ, въ своемъ письмѣ, совѣтовалъ мнѣ сохранить противъ оныхъ умѣренность и вѣжливость. Я дивлюсь, что онъ, какъ полного искусства и свѣдѣнія человѣкъ, не сыскалъ удобства при разныхъ предложеніяхъ Турецкаго Коммисара, которые отклонялъ, а на иные снисходительствовалъ, продолжить время взаимными объектами, если чаялъ онъ получить отъ Двора проектъ, о коемъ идетъ слово. Г. Симолинъ предоставилъ дать мнѣ знать вперёдъ о расположеніи Коммисара Турецкаго, который нетерпѣливо ждетъ получить отъ меня проектъ конвенціи, бывъ уже увѣдомленъ отъ Г. Симолина, что оный отъ Двора присланъ, и переводится тамъ, для лучшаго вразумленія силы онаго, на Турецкой языкъ.

Сіе только я имѣю Вашему Сіятельству на сей разъ донести, ибо съ стороны военныхъ дѣйствій остаемся въ положеніи, соответствующемъ поступку Визирскому, какъ видѣть изволили въ его ко мнѣ, и моемъ къ нему отвѣтномъ письмѣ, которое я сообщилъ Вашему Сіятельству отъ 13-го числа сего мѣсяца, что во взаимство постаю моимъ, по берегу Дунайскому стоящимъ, приказалъ я, пребывая во всякомъ военномъ бдѣніи, не продолжать, однако жъ, наступательныхъ дѣйствій, когда Турки съ своей стороны видовъ къ тому не подадутъ.

Пребуду я съ непоколебимою преданностію и совершеннымъ высокопочитаніемъ.

Р. S. По мѣрѣ продолжающейся негоціаціи на одно перемиріе, кажется, мирные договоры безконечное время требовать будутъ.

1772 года,
Мая 15 дня.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вчерашній день на вечеръ имѣлъ я удовольствие принять здѣсь Графа Григорія Григорьевича, и видѣть его въ добромъ здоровьи, послѣ понесенныхъ трудностей и невыгодъ въ далекомъ пути.

Теперь я нахожусь въ полномъ обрадованіи, Всемиловѣйшая Государыня, что онъ будетъ очевиднымъ свидѣтелемъ предъ

Вашимъ Императорскимъ Величествомъ положенію здѣшнихъ дѣлъ и моего ревностнѣйшаго усердія къ службѣ. А за симъ я беру смѣлость донести только о всеглубочайшемъ моемъ благоговѣніи, съ которымъ пребывать имѣю щастіе

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшимъ рабомъ.

ПАНИНУ.

1772 года,
Мая 6 дня.
N 17.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ письмахъ Г. Симолина, коихъ три, въ слѣдъ одно за другимъ полученные, симъ препровождаемыхъ, соизволите наитить Вашего Сіятельства увѣдомленія о продолжающейся еще негоціаціи.

Вседневно получая то въ томъ, то въ другомъ споры отъ Турецкаго Коммисара, всячески, однако жъ, мы настаивали, чтобъ во всѣхъ частяхъ и въ точномъ своемъ изъясненіи утверждень былъ проектъ конвенціи, присланный отъ Вашего Сіятельства. Но какъ Абдуль-Керимъ Эфендій напоследокъ, во убѣжденіе насъ, въ образѣ искренности, изъяснился, чтобъ мы сдѣлали какое ни есть снисхожденіе въ семь разъ, изъ уваженія къ благонамѣреніямъ и его и самаго Визиря, дабы инако не подать случая Французской партіи опять при Портѣ возвыситься. Удостоверенія отъ Прусскаго Министра Зегелина, который найсилнѣйше рекомендовалъ мнѣ добрыя свойства и преклонность къ нашей сторонѣ нынѣшняго Визиря, то я сколь по сему резону, такъ и по поводу соотвѣтствующихъ тому, далъ Г. Симолину резолюцію, сообщаемую въ приложенной здѣсь нотѣ, на его отмѣтки противъ артикуловъ проекта, въ слѣдующемъ:

1) Что Турецкій Коммисаръ хочетъ, дабы упомянуто было въ преамбулѣ о старательствѣ, чинимомъ отъ Дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго о примиреніи воюющихъ державъ.

2) О назначеніи, во сколько дней престать военнымъ операціямъ во всѣхъ частяхъ.

3) Противъ артикула 4-го, гдѣ сказано: правой берегъ рѣки Дуная, начиная отъ Журжи до Тульчи очищенъ. Турецкій Комисарь требовалъ, чтобъ именовать положеніе таково: отъ Мачина.

4) Какъ жителямъ быть находящимся въ сихъ мѣстахъ.

5) Противъ 5-го пункта, дабы назначить именно разстояніе, на какое не сѣзжаться и не подходить судамъ въ своемъ плаваніи; и

6) О срокѣ сего перемирія.

Впрочемъ, я долженъ ожидать за симъ уже, по обнадеживаніи Г. Симолина, окончанія сему дѣлу со всѣмъ утвердительнымъ обрядомъ. 3-го числа я получилъ отъ Визиря письмо отвѣтное на мое ему увѣдомленіе, сдѣланное, во исполненіе даннаго мнѣ отъ Двора повелѣнія, объ отправленіи двухъ нашихъ Пословъ на Конгрессъ. Онъ мзясняется весьма благосклоннымъ образомъ, и что въ тотъ же часъ донесъ о томъ своему Государю, и ожидая согласной тому отповѣди, дастъ мнѣ знать, какъ скорѣ оную получить.

Есмь съ неограниченною преданностію и высокопочитаніемъ.

ВЫВНКОВУ.

Мая 13 дня.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ!

Хотя я увѣренъ, что Князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ, во исполненіе моихъ повелѣній, увѣдомляетъ всегда Вася о дѣйствіяхъ, въ его части происходящихъ, но, при отправленіи теперь нарочнаго курьера къ нашему Послу, къ коему я пишу только вкратцѣ, хотѣлъ я сообщить Вамъ полученное увѣдомленіе изъ Польши отъ Г. Генераль-Маіора и Кавалера Князя Долгорукова, что 5-го числа сего мѣсяца къ Подполковнику Гантвигу прибылъ Поручикъ Регимента Подчашаго Потоцкаго Глумбицкій съ

однимъ Хорунжимъ и трубачемъ, бывъ посланъ отъ своей собратіи съ просьбою, чтобъ куча ихъ была допущена безъ оружія къ нашему посту. Гантвигъ сіе имъ дозволялъ, и потому 7-го числа явились они у него въ числѣ 280 человекъ, то есть, Короннаго Компутоваго полку Поручикъ 1, товарищей 22; рядовыхъ 74, мятежническихъ Капитанъ 1, Поручиковъ 6, рядовыхъ и другихъ нестроевыхъ чиновъ 176; они суть часть Барскихъ бунтовщиковъ, вышедшихъ изъ Турціи, и не желая пристать къ бродящимъ въ горахъ, просили принять ихъ. Я повелѣлъ Князю Долгорукову, учиня имъ поименную перепись и отобравъ отъ нихъ рецессы, что они болѣе ни въ какія дѣйствія и сообщенія не войдутъ съ злонамѣренными, отправить тѣхъ, которые изъ Компутоваго Короннаго войска, къ Г. Браницкому, дѣйствующему вообще съ нашими войсками, а прочихъ, желающихъ въ домѣхъ своихъ пребыть спокойно, отпустить въ оныя, въ слѣдствіе сдѣланныхъ обнадѣживаній, что всѣ, желающіе остаться въ жилищахъ своихъ безмятежными, останутся и безопасны отъ прикосновенія оружія. Начальниковъ же сей партіи и тѣхъ, что найдутся изъ нихъ довольно просвѣщенія, приказать и допросить подробно, на какомъ основаніи отпущены они отъ Турковъ изъ за Дуная о всѣхъ обстоятельствахъ, какъ имъ нельзя всѣхъ дѣлать не вѣдать, находившись вмѣстѣ съ бунтовщикомъ Потоцкимъ, отъ временъ Барской Конфедерации до снхъ поръ, въ сторонѣ Турецкой. Если бы прежде сего не успѣло къ Вамъ увѣдомленіе отъ Князя Долгорукова, то прошу Вашего Превосходительства о семъ обстоятельстве донести Г. Послу; я же, впрочемъ, имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтениемъ.

ПАНИИУ.

1772 года,
Маа 20 дня.
N. 19.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Я обязанъ премного знакамъ дружбы Вашей въ сообщеніи мнѣ благодѣтельнаго наставленія въ письмѣ, которое я получилъ

вмѣстѣ съ Рескриптомъ 1-го Мая, содержащимъ повелѣніе на настоящее вступленіе Австрійскихъ войскъ въ Польшу. Я не осмѣливаюсь утружденнаго моего милостивца повтореніями обременять, и ссылаюсь на мое нынѣшнее ко Двору представленіе, что я во исполненіе того предуготовилъ.

Отъ Г. Симолина уже нѣсколько дней я не получаю увѣдомленій, и въ причину ставлю тому, что онъ съ своимъ товарищемъ, или упражняется въ окончаніи дѣла, гдѣ нѣтъ уже никакого противорѣчія, или еще остается въ ожиданіи рѣшенія отъ Верховнаго Визиря на мое послѣднее къ нему письмо.

Пребывать честь имѣю, впрочемъ, съ достодолжными высокопочитаніемъ и преданностію.

ПАНИНУ.

1772 года,
Мая 25 дня.
N 20. Яссы, .

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

По многимъ долгопротяжнымъ преніямъ, совершили, наконецъ, перемиріе взаимные Коммисары. Ваше Сіятельство изволили видѣть изъ сообщеннаго отъ меня письма Визирскаго, что онъ уже подозрѣвалъ наше доброе въ томъ намѣреніе, слѣдственно и льщусь я Вашимъ признаніемъ той необходимости, по которой согласился я утвердить первую конвенцію; и сія содержитъ въ себѣ всѣ выгоды для нашей стороны, когда мы не оставимъ свободы судамъ Турецкимъ отъ Чернаго моря входить въ Дунай, и къ берегамъ Крымскимъ и Бессарабскимъ, не стѣснили себя въ томъ взаимствомъ.

О срокъ перемирія буде бы могло представиться мыслямъ, что Турки стануть для продолженія онаго нарочно откладывать съѣздъ своего Посольства, то въ волѣ нашихъ уполномоченныхъ останется, примѣтя сіе дать, мнѣ знать, а я, учиня Визирю о томъ отзывъ, властенъ буду открыть военныя дѣйствія, если бъ они медлили приступить къ дѣлу, въ споспѣшествованіе коего прекращены оныя.

Генераль-Маіоръ Баронъ Игельштромъ пишетъ ко мнѣ, что Коммисаръ Турецкой, Абдуль-Керимъ-Эфенди, по заключеніи уже перемирія, получа отъ Визири увѣдомленіе, нарочно къ нему приходилъ и изъяснялся, что онъ чаеъ по теперешнимъ обстоятельствамъ видѣть наше участіе въ пріятномъ извѣстіи, что въ ихъ станъ дошло, яко бы Османъ-Паша, слѣдуя отъ Дамаска къ Каиру съ тридцати-тысячнымъ войскомъ, имѣлъ счастье разбить армию Али-Бея, предводимую племянникомъ его, Дагиръ. Послѣ сего войско и народъ взбунтовавъ въ Каирѣ противъ Али-Бея, отрубили ему голову, и будто отдали въ плѣнъ весь его дворъ Османъ-Пашѣ.

По важности матеріи я не хотѣлъ упустить, чтобъ не донести о семъ Вашему Сіятельству, не ручаясь отнюдь, чтобъ тутъ не было, по обычаю Турецкому, великихъ придатковъ, или и совершенной выдумки, къ возбужденію нашего уваженія. Я не больше о такомъ дѣлѣ могу изъясниться; кромѣ что *relata refero*.

Пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

P. S. Вчера по утру имѣлъ я удовольствіе принять здѣсь Алексѣя Михайловича Обрескова. При первомъ свиданіи я удостовѣрился найсилнѣйше о томъ его расположеніи душевномъ, которыми я мѣшусъ пользоваться и удовлетворитъ во всемъ полнымъ образомъ Вашей дружеской откровенности, начертанной своеручно.

ПАНИНУ.

1772 года,
Мая 28 дня.
N. 21.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

При отправленіи настоящимъ, съ моей стороны, не имѣю я ничего достойнѣйшаго къ донесенію Вашему Сіятельству, кромѣ подтвержденій, уже разнствующихъ отъ преподаваемыхъ намъ извѣстій отъ Турецкаго Коммисара о погубленіи Али-Бея; ибо мой курьеръ, на сихъ дняхъ возвратившійся отъ Визири, хотя былъ

свидѣтелемъ празднованія происходившему въ его лагерѣ о сей побѣдѣ, но также ему сказали, что Али-Бей съ четырьмя человекѣми отъ рукъ разбившихъ его унесъ свою голову, которую Абдуль-Керимъ Эфендїй сознавалъ за отсѣченную.

Мой курьеръ повстрѣчалъ на той сторонѣ Дуная двухъ Поляковъ, ѣхавшихъ въ Шумлу; они примѣчены были и отъ нашихъ форпостовъ, какъ переѣзжали изъ Никополя въ Русукъ, что и подало причину Генералу Игельштрому спросить объ нихъ проѣзжающихъ изъ за Дуная въ то время Турковъ, которые сами объявили, что они посланы курьерами отъ Графа Потоцкаго къ Визирю и къ Цесарскому Министру Тугуту съ извѣстіемъ, что онъ въ Польшѣ командуетъ семьюдесятью тысячами войскъ, и отобралъ у насъ семь крѣпостей. Я велѣлъ своему Чегодарю дать знать Турецкому Коммисару о весьма противномъ тому положенію мятежниковъ въ Польшѣ; что ихъ вездѣ давятъ какъ мухъ, и великая уже часть отдалась въ наши руки, прося пощадить ихъ жизнь.

Копія съ черноваго.

ОРДЕРЪ.

Г-ну Полковнику Переясловскому Иваненку.

Имѣя Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества о защищеніи находящихся въ Польской Украинѣ Кіевскаго и Брацловскаго Воеводствъ Греческаго закона исповѣдниковъ, отъ чинимыхъ имъ отъ Римлянъ и Уніатовъ обидъ и гоненій, предлагаю Вашему Высокоблагородію, по просьбѣ теперь ко мнѣ Протопопа Животовскаго Пероровскаго, дать ему на замогу 10 человекъ Козаковъ исправныхъ, притвердя имъ, чтобъ они отъ всякаго наглаго утѣсненія и нападковъ отъ Римлянъ и Уніатовъ дѣлали дому и его особѣ охраненіе, однако жъ бы, вступаясь въ сіе охраненіе отъ гонительства, не дали бы поводу посягать на обиду Католиковъ и Уніатовъ.

1772 года, 19 Іюля.

№ 216.

ПАНИНУ.

1772 года,
Юня 22 дня.
N 25.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

На другой день, какъ я имѣлъ честь получить всеподданнѣйшее Вашего Сіятельства, отъ 8-го Юня, Г-нъ Сямолинъ безъ замедлѣнія отправился отсюда. Въ особѣ его имѣлъ я для себя помощника искуснаго и рачительнаго въ дѣлѣ, которое удостоили Ваше Сіятельство своей аппробаціи. Я никогда не престану чувствовать, сколь милость моего благодѣтеля была велика, въ облегченіи меня отъ труда, чрезъ посредство чловѣка толь отлѣнныхъ способностей. Я не могу ничѣмъ живѣе изобразить моею благодарности, какъ поставить самаго его предъ Вашимъ Сіятельствомъ, быть свидѣтелемъ оной, и той найискреннѣйшей преданности, которую во всякое время съ сердцемъ и устами видѣлъ онъ во мнѣ неразлучную.

Послѣ того, что я перенесъ, и что еще встрѣчается, признаюсь, Милостивый Государь, что ничего я больше не желаю, какъ видѣть конецъ здѣшнимъ дѣламъ, и чтобъ послѣдствіемъ такимъ могъ я возымѣть удовольство персонально изъявить мои чувства другу и милостивцу, котораго добросердечіе и благодѣнія ко мнѣ ни съ чѣмъ я не могу сравнить, развѣ съ собственною моею признательностію. Я напередъ себя обнадеживаю воспользоваться тогда Вашею помощію, въ полученіи выгодъ, относящихся къ отдохновенію, которое нужно для чловѣка, всю жизнь проводившаго въ подвигахъ, истощающихъ силы душевныя и тѣлесныя.

Я честь имѣю пребывать съ неограниченною преданностію и высокопочтаніемъ.

ПАНИНУ

1772 года,
Юня 23 дня.
N. 23.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Изъ нынѣшней моей депеши ко Двору, Ваше Сіятельство соизволите увидѣть, что Австрійскія войска уже насъ выживають изъ Львова. Я долженъ думать по сему ихъ поступку, что еще къ ихъ Двору не дошли тѣ изъясненія, которыя сообщили мнѣ Ваше Сіятельство въ дружескомъ своемъ отъ 1-го Мая, равно и въ Рескриптѣ отъ тогожъ числа дано мнѣ знать, коль старанія негоціаціи уже приняты о изключеніи Бѣльскаго повѣта съ угломъ Красной Руссіи и округомъ Львовскимъ отъ уступка оныхъ Цесарцамъ.

Ваше Сіятельство, въ томъ же письмѣ, сообща мнѣ свои мысли, требовали, чтобъ и я въ отвѣтъ сказалъ Вамъ въ полной откровенности мое мнѣніе. Но мои идеи не могутъ быть больше знанія, а сіе не простирается далѣе подлежащаго моему углу, и я думаю по простому разумѣру, что если Дворъ Вѣнской сопрягается съ нами со всею доброю искренностію, то пользы наши знаменито отъ того возвысятся; но буде бы удостовѣрительность сія подвержена была хотя малѣйшему сомнѣнію, то сами, Ваше Сіятельство, предвидѣть можете, сколь сіи новыя сосѣди и за спиною нашею располагающіеся, собирая свои тутъ магазейны во истощеніе нашихъ въ томъ каналѣ, къ рукамъ своимъ приберутъ вѣсь настоящимъ дѣламъ нашимъ.

Взаимно примите, Ваше Сіятельство, мои мысли, происходящія отъ безпредѣльной моей откровенности, которою удовлетворяю Вашей волѣ.

Я есмь и вѣчно буду съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностію.

ПАНИИУ.

1772 года,
Июля 8 дня.
N. 27.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Бывъ облегчаемъ въ дѣлахъ Турецкихъ трудомъ теперешнихъ нашихъ полномочныхъ, имѣю, однако жъ, и новую и непрестанную для себя въ станѣ заботу, въ которой необходимость принуждаетъ меня утруждать Ваше Сіятельство. Въ соотвѣтствіе Высочайшему повелѣнію, я, елико можно, старался отклонить Австрійцевъ отъ занятія Бѣльскаго повѣта и угла Красной Руссіи съ округомъ Львовскимъ. Но, однако жъ, они въ полномъ маршѣ находятся распространить свой кордонъ и за сіи мѣста. Мою переписку съ Графомъ Гадикомъ, и его объясненіе, которыя мѣста обнялъ онъ и имѣетъ повелѣніе отъ своего Двора, я представилъ при нынѣшней моей Реляціи, и прошу Ваше Сіятельство спомоществовать скорѣйшему послѣдованію на сіе резолюціи.

Въ видѣ той къ Вамъ преданности, которая сердцемъ и перомъ моимъ водить, и въ упованіи взаимно на дружбу и милость Вашего Сіятельства, осмѣливаюсь у Васъ просить для себя откровенія, въ какомъ расположеніи теперь, или впредь, будетъ Вѣнской Дворъ, и беретъ ли онъ участіе во всѣхъ дѣлахъ съ нами, или только въ одномъ подѣлѣ Польши?

Сямъ удостойте Ваше Сіятельство того, который довѣренности Вашей отвѣчаетъ глубочайшею скромностію, и имѣетъ честь быть съ непоколебимою преданностію и высокопочитаніемъ.

Копія съ черноваго.

ОРЛОВУ.

Іюля 8-го дня,

1772 года.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Григорьевичъ!

Архимандритъ, пришедшій съ письмомъ отъ Г-на Адмирала Спиридова, проситъ у меня отправления въ Санктпетербургъ, чтобъ тамъ искать, дабы, при мирныхъ договорахъ, сдѣланы постановленія въ пользу и ихъ Аѳонской горы. Ваше Сіятельство совершенно изволите знать обстоятельства дѣлъ, къ коимъ относится таково его искательство, для того и не могъ я ему ничего на сіе позволить, не испросивъ прежде Вашего мнѣнія, о сообщеніи коего имѣю честь приносить просьбу и пребыть съ непремѣннымъ почтеніемъ.

ГРАФУ ОРЛОВУ И ОБРЕСКОВУ.

Іюля 16-го дня,

1772 года.

N. 208.

Сіятельнѣйшій Графъ Григорій Григорьевичъ и Превосходительнѣйшій Господинъ Алексѣй Михайловичъ,

Милостивые Государя!

Исполненъ бывъ признанія къ той чести, что Вы сдѣлали мнѣ, требуя отъ меня мнѣнія, до котораго времени надобнымъ, или безвреднымъ, бытъ можетъ продолженіе перемирія, хотя я вижу по содержанію рескрипта, въ копіи приложеннаго при всепочтеннѣйшемъ Вашемъ о томъ писаніи, отъ 14-го сего мѣсяца, что полная довѣренность, съ которою Ея Императорское Величество предоставили непосредственно единственному Вашему токмо благоусмотрѣнію располагать срокомъ перемирія, съ воззрѣніемъ въ томъ на пользы настоящихъ дѣлъ и съ ними сопряженныхъ, луч-

ше можетъ руководствовать въ семь случаевъ, нежели мои слабыя мысли; удовлетворить, однако жъ, желая, сколь Васъ я пріятной для меня благосклонности, сколько съ стороны военной ежегодное испытаніе меня удовлетворяетъ, имѣю честь донести Вамъ слѣдующее:

1) Настоящій Іюль и по немъ слѣдующіе два мѣсяца есть то время, въ которое Турецкія войска и отъ всѣхъ отдаленныхъ сторонъ въ полномъ собраніи и въ лучшемъ ополченіи бывають видны въ полѣ. Теперь флотъ непріятель въ Черномъ морѣ имѣетъ многочисленный, но оной по худой рейдѣ въ Очаковъ не остаетя зимовать, но, упреждая осеннюю погоду, возвращается тогда ежегодно въ Царьградъ.

2) Въ сію же пору собирается и вся жатва съ полей, которой лишены были жители по продолженію военныхъ дѣйствій въ минувшія кампаніи, и, пользуясь теперешнимъ спокойствіемъ, насѣяли они свои поля и могли бы мы отъ оныхъ снабдѣніемъ нѣсколько замѣнить запасы, отшедшіе въ Польшу въ руки Австрійцевъ, если таковы плоды были бы собраны безъ препятствія.

3) Что до внутренняго состоянія нашей арміи, то въ ней великая часть новоприведенныхъ и еще необученныхъ рекрутъ, особливо въ кавалеріи; есть и такіе полки, гдѣ большую ихъ половину составляетъ сія слабая неучь. Непривычка къ климату и дальній путь, откуда приводятся къ арміи, подвергаетъ ихъ непрестанно болѣзнямъ, и при самомъ обученіи бремени солдатскому, колыми паче были бы они жертвою, буде ихъ въ такомъ состояніи употребить къ прямымъ военнымъ дѣйствіямъ.

Я предаю все сіе Вашему лучшему провиданію, въ той надеждѣ, что если бы Турки нынѣшнее спокойное положеніе въ коварство употребили, дабы привести себя въ лучшее ополченіе, то по Вашему искусству и предусмотрѣнію, не дадите Вы имъ воспользоваться тѣмъ всеполезнымъ для нихъ временемъ, но паче воспримите способы вывести ихъ изъ такого состоянія, преимущественнаго въ выгодахъ: ибо чѣмъ далѣе наступитъ осень, тогда наипаче ихъ армія оскудѣваетъ въ надобныхъ запасахъ и чрезъ великой побѣгъ изъ нея войскъ, ради отдаленія отъ своихъ жи-

лицъ, приходитъ въ ослабленіе прѣтивъ состоянія своего въ срединѣ лѣта.

Въ заключеніе я больше желаю, чтобъ Вы не имѣли нужды наблюдать сіи осторожности, но утѣшили насъ и отечество вскорѣ благословеннымъ и отъ рукъ Вашихъ принятымъ миромъ. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства и Вашего Превосходительства
всепокорнымъ слугою.

ОРЛОВУ.

1772 года,
Юля 18 дня.
N. 213.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

На имя Вашего Сіятельства полученной мною конвертъ сообщаю при семъ, присоединяя къ сему же копію репорта отъ Офицера флота, который изъ Крыму пришелъ въ Дунай. Тутъ изволите увидѣть происшествіе, несходственное теперешнему положенію, и я прошу, Милостивый Государь, снабдить меня Вашимъ совѣтомъ, нужно ли есть, чтобъ я сдѣлалъ отзывъ въ семъ случаѣ Визирю, во упрежденіе могущихъ дойти къ нему съ своей стороны удѣдомленій, или же умолчать, считая сіе дѣло происшедшимъ отъ невѣжества ѣхавшихъ на корабляхъ Турковъ, которые можетъ быть свой противный перемирію поступокъ и потяютъ безъ обвѣщенія объ ономъ своей командѣ?

Я честь имѣю пребыть съ найискреннѣйшимъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

ОРЛОВУ.

1772 года,
21-го Июля.

Сіятедьнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь мой
Григорій Григорьевичъ!

Слѣдуя совѣту Вашего Сіятельства, вложеннымъ тутъ я увѣдомляю Визиря о случившемся нападеніи на наше судно отъ Турецкихъ судовъ, при берегахъ Чернаго моря. Прошу, Милостивый Государь, повелѣть присоединить къ оному переводъ Италіянскій и отправить, какъ заблагоразсудите, чрезъ нарочнаго, или при случающихся посылкахъ отъ ихъ Посольства.

На сихъ дняхъ на одномъ галіотѣ изъ Измаила посланъ былъ Флота Лейтенантъ Ломанъ, для учиненія промѣру подлѣ Буджацкихъ береговъ Чернаго моря, подъ видомъ яко бы перевозить провіантъ въ Акерманъ и Гаджибей; противная погода, повредя судно, бросила его къ сторонѣ Очакова, а онъ, спасаясь отъ бѣдствія, и присталъ на тамошній рейдъ. Паша Очаковскій не скоро образумился, что съ нимъ дѣлать: сперва брали осторожности, боясь пришествія нашего флота, потому спрашивалъ у Офицера, имѣеть ли паспортъ за моею рукою, а на послѣдокъ, чрезъ нашего Офицера, прислалъ письмо къ командиру въ Бессарабіи, что онъ, оказавъ всякую дружелюбную помощь тому нашему судну, требуетъ, чтобъ присланъ былъ Офицеръ для принятія оного и для свидѣтельства ихъ добродѣянія. Почему и велѣлъ я туда послать Офицера, въ чяніи чрезъ сей случай еще больше освѣдомиться о положеніи и силахъ тамошней крѣпости.

Письмо мое отъ 18-го отправлено съ Прапорщикомъ Н. Смирновымъ: я не упустиу взискать за его некуратность.

Пребывать я честь имѣю съ непоколебимымъ почтеніемъ.

ПАНИНУ.

1772 года,
Августа 1-го
N. 28-й.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ нынѣшнемъ спокойномъ теперъ положеніи, поелику не предстоятъ случаи ни къ какимъ дѣйствіямъ, то и не учащаю я къ Вамъ моими донесеніями; и теперъ хочу только моему милостивцу сказать о себѣ, что я. пользуясь тишиною повсемѣстною и происходящими въ сіе время договорами между Послами о мирѣ, взялъ на нѣсколько дней себѣ отдохновеніе въ сей маленькой деревенькѣ, которую одну я нашелъ съ выгодами, хотя и скудными, для челоуѣка моего состоянія, то есть, что я передалъ себя совсѣмъ въ руки докторскія, ища поправить мое здоровье, которое претерпѣю до крайности отъ разныхъ болѣзненныхъ припадковъ, что тѣмъ удобнѣе расширились, когда во всѣ три прошедшія кампаніи выдерживалъ я зной и стужу, худое имѣя противъ нихъ защищеніе въ палаткѣ.

Я только одинъ самъ здѣсь нахожусь, а весь мой экипажъ и чины, принадлежащіе къ главной квартирѣ, съ начала кампаніи отъправилъ къ арміи; я не далѣе отъ ближнихъ и отдаленныхъ мѣстъ Корпусовъ, какъ въ одни сутки къ первымъ и въ двое къ послѣднимъ могу поспѣть отсюда, если бы служба позвала.

Толь подробно я для того описываю Вашему Сіятельству мои обстоятельства, что могутъ иногда и сей случай истолковать во вредъ мой, противъ чего дозвольте взять прибѣжище къ защищенію Вашего Сіятельства. Теперъ войски, выгоды ихъ ради, расположены малыми отдѣленіями; ни которая часть, или мѣсто, не подають особливыхъ причинъ, чтобъ мнѣ въ нихъ присутствовать, не имѣвъ другаго дѣла, кромѣ ожиданія, что воспослѣдуетъ на мирномъ Конгрессѣ. И такъ Ваше Сіятельство сами милостиво признаете, что я ничего не упуцаю въ разсужденіи службы, бывъ принужденъ, чрезъ упадокъ моихъ силъ, пожить въ семь

мѣстѣ, единственно для лучшаго дѣйствія принимаемыхъ лѣкарствъ и опочитія при болѣзни, которая отнила уже у меня ноги.

Бывъ увѣренъ, что моя польза никогда не будетъ отдалена отъ надзираія Вашего Сіятельства, остаюсь въ той надеждѣ съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ и найискреннѣйшею преданностію.

Копія съ черноваго.

Августа 11-го,
1772 года.
N. 264.

ОРЛОВУ.

Сіятельнѣйшій Графъ!
Милостивый Государь мой,
Григорій Григорьевичъ!

Съ послѣднимъ куріеромъ писалъ ко мнѣ Графъ Никита Ивановичъ, приложивъ копіи Конвенціи, по которой совершенно рѣшился подѣль Польшы; сію его депешу я подлинникомъ представляю Вашему Сіятельству, а по найдостовѣрнѣйшему успокоенію дѣль тамошнихъ, имѣю честь просить Вашего Сіятельства въ слѣдующемъ:

Полки, находящіеся въ Польшѣ, отдѣленные отъ здѣшней арміи, могу я теперь безпрятственно перевести сюда, полагая пользу въ томъ на случай разрыву Конгресса, если бы дошло намъ весною дѣлать демонстраціи, и по увѣренію, что размножившаяся во всѣхъ корпусахъ болѣзнь, толь значительное число людей введетъ въ лазареты, что ужасно просто и слышать.

Ваше Сіятельство, по теченію мирныхъ негоціацій, совершенно предвидѣть можете, при одержаніи желаемыхъ успѣховъ, есть ли нужда умножать намъ здѣсь войски, или былъ бы сей трудъ въ переводѣ и содержаніи оныхъ, которое не легко приходитъ, излишнимъ?

Потому, не приступая ни къ какому предпріятію безъ лучшего и точнаго руководства Вашего, прошу всепокорно подать мнѣ оное въ благосклонномъ на сіе отвѣтъ.

Пребывать я имѣю честь съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ и преданностію.

ВЫШКОВЪ.

1772 года,
Августа 15-го.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ!

Не имѣя сомнѣнiя, что В. П. извѣстны о заключенной формально Конвенции съ нашимъ Дворомъ отъ обоихъ союзныхъ оному Австрiйскаго и Прускаго на подѣль Польши, и какими мѣстами ограничивается cadaго въ томъ участокъ, имѣю честь сообщить Вамъ, что я теперь изъ Корпуса Польской армiи здѣшней, принадлежащаго двумъ полкамъ пѣхотнымъ и двумъ кавалерiйскимъ, съ Г-мъ Генераль-Маiоромъ Каменскимъ, велѣлъ слѣдовать въ Валахию, предвидя надобность тамошней постъ усилить; посему въ Польшѣ моей команды остается токмо небольшая часть регулярныхъ, да весьма малое число легкихъ войскъ. Уступая Австрiйцамъ Львовъ съ Бѣльскимъ Воеводствомъ, приказалъ я свои посты расположить въ Воеводствѣ Воляискомъ и достигать сообщенiя съ Вашимъ Корпусомъ къ Люблину чрезъ Хельмскiй Повѣтъ, не касаясь ни Замостья, ни другихъ мѣстъ, до рѣки Сана, отходящихъ въ сторону Австрiйцевъ. Я прошу Вашего Превосходительства, по связи общей службы, извѣститъ мнѣ, какiя Вы расположенiя для своихъ войскъ учините при нынѣшнемъ, совершенно уже рѣшившемся, означенiи предѣловъ въ Польшѣ каждой Державы изъ трехъ союзныхъ, ибо полезно всегда будетъ сообразоваться каждой части въ своихъ дѣйствiяхъ съ дѣйствiями, другою предопредѣляемыми, и въ собранiи пропитанiя.

Какъ выше я сказалъ, что уже Львовъ займутъ Цесарцы, то переводъ денегъ въ армiю отъ Банкира Теппера, который происходилъ чрезъ его коммиссiонера, въ семъ городѣ живущаго, Пресселя, требуетъ уваженiя, и я буду ожидать отъ Вашего Превосходительства увѣдомленiя, ту ли, или иную, дорогу, по лучшему Вашему разсмотрѣнiю, избрать Вы изволите, для доставленiя денежныхъ суммъ въ армiю безостановочно, со всякимъ обезпеченiемъ?

Вручителя сего, Г. Маiора Вильда, имѣю честь рекомендовать Вашему Превосходительству; и его отправилъ съ ними увѣдомле-

ніями къ Вамъ и къ Послу нашему, и пропу споспѣшествовать, чтобъ онъ, по исправленіи своихъ нуждъ, могъ скоро ко мнѣ возвратиться.

Пребываю съ отличнымъ навсегда почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

ОРЛОВУ.

1772 года,
Августа 16 дня.

Сіятеельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

Слѣдуя благопризнанію совѣтамъ Вашимъ, велѣлъ я Генералу Каменскому, съ двумя пѣхотными и двумя Кавалерійскими полками, немедленно итти въ Валахію. И при семъ выступленіи оттуда большей части нашихъ войскъ, велѣлъ я, по домогательству Австрійскаго Генерала, оставить Львовъ ихъ войскамъ, и свои посты соединить въ Воеводство Вольнское, удерживая еще Броды.

Письмо Господина Адмирала Спиридова и копию перемирія, сдѣланнаго имъ въ Архипелагѣ, которія я получилъ чрезъ Маіора Фелтеринга, имѣю честь представить Вашему Сіятельству подлинныя, для прочтенія.

Пребываю съ нелицемернымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

ОРЛОВУ.

1772 года,
Августа 21 дня.

Сіятедьнѣйшій Графъ
Милостивый Государь мой,
Графъ Григорій Григорьевичъ!

Получа теперь увѣдомленіе отъ Алексѣя Михайловича, что упорство Турецкихъ Уполномоченныхъ разрушаетъ мѣры, предложенныя для взаимнаго добра обѣихъ Имперій, и вводитъ насъ и паки въ продолженіе войны, хотя могу еще думать, что мой Милостивый Графъ, постигая, можетъ быть, притворство Оттомановъ, вооружится противъ того терпѣніемъ, но если бы ничего столько не было вѣрнаго, какъ разрывъ совершенной Вашей негодіаціи, въ такомъ случаѣ прошу я Вашего Сіятельства предварить меня увѣдомленіемъ, нужно ли теперь ознаменить уже движеніемъ войскъ къ Дунаю наши мѣры, относящіяся къ военнымъ дѣйствіямъ? Испрашивая въ томъ Вашего благосклоннаго совѣта, долженъ я донести Вамъ и сію сопротивность, что движеніе всякого полка нынѣ соединено съ наибольшимъ трудомъ и неудобностію, поелику людей, страждущихъ сложными болѣзнями, весьма великое число во всѣхъ Корпусахъ; ихъ оставляя, потребно отдѣлать не мало же и здоровыхъ для призрѣнія. И такъ полки весьма слабы будутъ и многолюдства нельзя намъ показать на нашемъ берегу. Однако жъ, если польза того требуетъ, то я употреблю все, что только можно, въ послѣдованіе Вашему мнѣнію. И самъ, какъ ни слабъ, поѣду къ командѣ, долгъ службы предпочитая всему, что терплю и могу претерпѣть отъ злыхъ болѣзненныхъ припадковъ.

Я не имѣю причины упомянуть здѣсь о состояніи нашего флота, поелику Г. Кенигсбергъ, который отъѣхалъ къ Вашему Сіятельству, можетъ какъ о здѣшнемъ, такъ и о Крымскомъ быть лучшимъ удостовѣрителемъ, осмотра тогъ и другой полнымъ образомъ.

Я пребывать честь имѣю съ совершеннымъ почтеніемъ и лицемерною преданностію.

1772 года,
Августа 25 дня.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Новый и толь великій опытъ щедротъ Вашихъ ко мнѣ, Всемилоствѣйшая Государыня, каковымъ чту взысканіе двухъ сыновъ моихъ въ Камерюнкеры къ Высочайшему Двору, участвивляеть меня повергнуть къ освященнымъ стопамъ Вашего Величества глубочайшую благодарность, которой никакъ я изъяснить не могу, развѣ чрезъ чувствованіи радости, восхищающей сердце отцовское о благополучіи сыновнемъ. И однѣ тѣ милости, которыя изліли Ваше Императорское Величество на меня, приносятъ отличное счастье роду моему, но сверхъ того неограниченное милосердіе Ваше, Всемилоствѣйшая Государыня, учиняеть меня счастливейшимъ рабомъ, по дознанію благодарній Монаршихъ, и пресчастливейшимъ отцомъ, видя въ оныхъ собственнѣй и толь лестнѣй жребій дѣтей моихъ. Что можетъ быть больше настоящей моей радости? Ей подобно едино то благоговѣніе, съ которымъ возсылаю и возсылать буду къ Всевышнему молитвы о умноженіи лѣтъ и здравія Вашему Императорскому Величеству, сколько съ тѣмъ сопряжено истинное добро Россіи и собственное благополучіе повергающагося къ стопамъ Монаршихъ,

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

Примѣчаніе: приложено въ письмѣ къ Графу Ивану Григорьевичу Орлову.

ПАНИНУ.

1772 года,
Сентября 22.
N 31.

Милостивый Государь мой,
Графъ Никита Ивановичъ!

Всякое Вашего Сіятельства письмо, по содержанію и силѣ оныхъ, умножить должноствовало мою къ Вамъ искренность, преданность и почтеніе. Но какъ они достигли до такой уже степени, гдѣ несовмѣстны никакія выраженіи, и къ коимъ ничто уже

присовокуплено быть не можетъ, то оставляю себѣ въ единое обязательство, только сохранить Вашу дружескую милость, какъ драгоценнѣйшее для меня приобрѣтеніе. Духъ Вашъ, прямо патриотическій, является во всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Вашихъ, и что польза и цѣлость Отечества нашего есть предлогъ всѣхъ Вашихъ заботъ и упражненій, а потому и не остается мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ Вы не содѣйствовали всѣми Вашими силами въ прекращеніи сей войны съ Турками, которая не страшна и не тягостна подлинно, какъ многіе ее воображали по свойствамъ и силѣ непріятеля, но по неразрывно съ оною совокупленнымъ болѣзнямъ — прямо пагубна. Неложность сего заключенія испытали мы, къ несчастію нашему, когда моровая язва достигла въ самое сердце отчизны нашей и тамъ толикій вредъ причиняла. Она, такъ сказать, уже вознѣдлась здѣсь, въ лежащихъ позади Польскихъ мѣстахъ ядъ свой отрыгать и паки начала. Бывшая въ Фокшанахъ команда, заразившись оною, и понынѣ ее претерпѣваетъ, а сіе наибольшее мнѣ смущеніе наносить. Боже отврати, чтобъ она далѣе не распространялась и не коснулась вновь предѣловъ нашихъ! Другія прилипчивыя болѣзни, и особливо странныхъ родовъ лихорадки, сдѣлались, при истощеніи нашихъ силъ, яко слѣдствіи неминуемомъ долговременнаго здѣсь пребыванія, такъ общими и всемѣстными, что рѣдко кто изъ Генераловъ и Полковниковъ не приведенъ въ сущее и крайнѣйшее изнеможеніе, страдая долговременно самыми мучительными припадками. Изъ сего Ваше Сіятельство можег судить о числѣ больныхъ Офицеровъ и рядовыхъ, и что всѣ предпринимаемыя къ выгодѣ и лѣченію способы безсильны отвратить, чтобъ мы не теряли великаго количества людей умирающими. Въ самыхъ врачахъ мы терпимъ толикій недостатокъ, что къ осмотрѣнію и пользованію болящихъ не достаетъ почти силъ ихъ, поелику большая часть ихъ тѣмъ же самымъ немощамъ жизнию своею пожертвовали. Я, не хотя слѣдовать прежней войны полководцамъ, чтобъ начинать тутъ, гдѣ кончить, а кончить, гдѣ начинать кампаніи, искалъ захватить въ свои руки Дунай и крѣпости, по берегамъ его и Чернаго моря лежащія, пресѣчь удобнѣе толь вредное съ нимъ сообщеніе; поданные случаи самимъ непріятелемъ оказывали удобность поставить и, на противоположномъ берегу твердую ногу; но, среди многихъ обстоятельствъ, а особливо для выше объясненныхъ, я долженъ былъ уклониться отъ сихъ авантажей.

Прискорбныя сія обстоятельства, конечно, подвигаютъ на жалость и соболъзнованіе нѣжное и сострадательное сердце Ея Императорскаго Величества; изъ сей предосторожности я часто умѣриваю свои доношенія, но, можетъ быть, сія умѣренность не подаютъ ли причины къ такъ великимъ съ отвагою предпріятіямъ, которыя особливо съ настоящимъ нашимъ положеніемъ несходны?

Тебѣ, мой Милостивый Графъ, какъ безпристрастному судіи и милостивцу моему, открываю найчистосердечнѣйшимъ образомъ внутреннее и наружное мое состояніе.

Изъ всеподданнѣйшей моей реляціи къ Ея Императорскому Величеству, Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть содержаніе моей послѣдней съ Визиремъ переписки, и что я всеусердно пособствую началу и успѣхамъ сего дѣла, приуготовляю Алексѣя Михайловича къ вступленію въ новые переговоры.

Пребуду, впрочемъ, съ истинною преданностію и высокопочтениемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою.

Р. S. (собственною рукою Графа:)

Письмо къ Г. Цегелину, по нѣкоторымъ резонамъ въ томъ времени удержался отправить съ общаго съ Ал. Михайловичемъ разсужденія. Прилагаемую при семъ всеподданнѣйшую мою къ Ея Императорскому Величеству реляцію, прошу Вашего Сіятельства поднести.

ВИВКОВУ.

1772 года,
Сентября 23.

Милостивый Государь мой,
Александръ Ильичъ:

Взятіе Ченстохова, относящееся наибольше къ Вамъ, яко распорядителю всего, равно какъ и окончаніе войны Польской, совершившееся при благоразумномъ Вашемъ предводительствѣ, подають мнѣ случай принести Вамъ искреннѣйшее мое поздравленіе и пожелать отъ всего сердца, чтобъ Ваше Превосходительство воспользовались какъ найскорѣе плодами трудовъ и заботъ, къ добру отечества Вами подъятыхъ, къ общему удовольствію всѣхъ, истиннымъ почтеніемъ Вамъ обязанныхъ.

На сихъ дняхъ, по отзыву Верховнаго Визиря Порты Оттоманской, который, скоро по разрывѣ Конгресса, домогался прежде отъ Россіи перемирія на шесть мѣсяцовъ, соглашенось взаимно продолжить оное чрезъ сорокъ дней, считая отъ 10-го Сентября, во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи артикуловъ, постановленныхъ при Журжѣ уполномоченными Коммисарами, со стороны моея Г. Стацкимъ Совѣтникомъ Симолинымъ, а отъ Верховнаго Визиря Сеидъ-Абдуль-Керимъ Эфендіемъ, и прерванную мирную негоціацію возобновили. Я ожидаю только отъ Визиря полнаго увѣдомленія о особѣ, къ тому назначиваемой, и соглашенія о мѣстѣ къ съѣзду, послѣ чего Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Обресковъ готовъ для вступленія въ новыя переговоры отправиться.

Считая послѣдовавшимъ уже отъѣздъ Г. Посла изъ Варшавы, и не имѣя извѣстія о прибытіи преемника его, и прошу Ваше Превосходительство сообщить о такомъ продолженіи перемирія тому, кто, въ отсутствіи его, дѣла Посольства управляетъ, для надлежащаго обвѣщенія Министрамъ, отъ другихъ Дворовъ пребывающимъ.

Препоручая, впрочемъ, сохраненіе драгоцѣннаго Вашего дружества и благосклонности, не престану быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

ВИВКОВУ.

1772 года,
Октября 9 дня.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ?

Черезъ Гг. Вильда и Трейдена, два отъ Октября всепріятнѣйшія Ваши письма, я имѣлъ честь получить. Увѣдомленіе въ первомъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Вамъ ордена Святаго Александра, весьма меня обрадовало по пріемлемому мною истинному участию во всемъ, къ пользѣ и удовольствію Вашимъ относиться. Знакъ сей Высочайшей милости давно принадлежалъ Вашимъ заслугамъ, а потому я и желаю, чтобъ Ваше Превосходительство получили вскорѣ новые въ возданіе трудовъ Вашихъ, толико отечеству полезныхъ.

Сообщивши въ моемъ предъидущемъ о приступленіи съ обѣихъ сторонъ къ возобновленію прерванной негодіаціи, здѣсь честь имѣю дать знать Вашему Превосходительству и о слѣдствіяхъ того. По взаимному соглашенію между мною и Верховнымъ Визиремъ, учреждается вновь Конгрессъ въ Букарештѣ, на которой уполномоченные Чрезвычайные Послы, со стороны Ея Императорскаго Величества Господинъ Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Алексѣй Михайловичъ Обресковъ, а съ Турецкой Елгази-Абдуль-Резакъ Рейсъ-Ефенди, вскорѣ съѣхаться имѣютъ. Въ разсужденіи, что срокъ послѣдняго перемирія можетъ миновать прежде съѣзду ихъ, и приказалъ, чтобъ и по исшествіи онаго до будущаго новаго отъ Уполномоченныхъ о томъ постановленія, непріязненныя дѣйствія удержаны были.

Никогда не престану, впрочемъ, быть съ истиннымъ и совершеннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

ПАНИНУ.

1772 года,
Октября 9.
N 33.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ предъидущихъ моихъ уже изволилъ видѣть мой многосивый Графъ, что, по возобновившейся съ Верховнымъ Визиремъ перепискѣ, возстановляется вновь Конгрессъ для мирныхъ переговоровъ. Ваше Сіятельство теперь усмотрите изъ всеподданнѣйшей моей реляціи, съ приложениями здѣсь включаемой, для поднесенія Ея Императорскому Величеству, что назначенный Посломъ со стороны Турецкой Елгази-Абдуль-Резакъ Рейсъ-Эфенди вскорѣ изъ Визирскаго лагеря отправляется. Посему и Алексѣй Михайловичъ 10-го сего мѣсяца отъѣзжаетъ въ мѣсто сѣзда, Бухарестъ. Странно, подлинно, для насъ многое въ отзывахъ и предложеніяхъ Турецкихъ; но для меня всего страннѣе было требованіе о возвышеніи въ чинъ Г. Обрескова и уравненіи его съ уполномоченнымъ ихъ Рейсъ-Эфендіемъ, по объявленію его, высокую степень при Портѣ имѣющаго. Высокомѣріе, имъ собственное, тутъ явно оказалось, когда Г. Верховный Визирь степень Рейсъ-Эфендію, которая есть ниже всѣхъ трехъ бунчужныхъ Пашей, поставляетъ выше дѣйствительнаго чину нашего Министра, рангъ Генералъ-Поручика имѣющаго. Но я истолковавъ ему, по возможности, о преимуществѣ послѣдняго, принужденъ былъ, во удовольствіе желанія его, представить о томъ Всемилостивѣйшей Государыняѣ. И въ счастіе вмѣнилъ бы себѣ, ежели бы сей случай послужилъ къ награжденію извѣстныхъ Вамъ болѣе другихъ усердія и ревности сего достойнаго и заслуженнаго человѣка.

Въ моеѣ къ нему отвѣди Ваше Сіятельство найти изволите, что я, касательно артикуловъ, отъ его мнѣ сообщенныхъ, предлагаемыхъ имъ во основаніе предлагающему миру, изъяснился, отнюдь ничѣмъ не компрометировавшись безъ вѣдома Двора, а даль только разумѣть, что конечно не будутъ настаивать на что либо кромѣ чего прямая польза и другія убѣдительныя причины требовать будутъ.

Все, впрочемъ, у насъ пребываетъ тихо и безъ переменъ въ положеніи непріятельскомъ. Язна отъ нѣкотораго времени начала въ здѣшнихъ мѣстахъ утѣляться; но другіа жестокія немощи занимають еще и нынѣ великую часть людей. Предсказаніе моего милостиваго Графа, въ одномъ изъ почтеннѣйшихъ его писемъ выраженное, что скоро я освобожденъ буду со стороны военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, нынѣ исполнилось, ибо по всѣмъ увѣдомленіямъ, такъ называемые Конфедераты исчезли и слуху о нихъ нѣтъ; но со стороны пропитанія часть отъ часу большія настають трудности и неудобства. Австрійцы отъ времени до другаго распространяють свои границы далѣе въ Воеводствахъ Волинскомъ и Подольскомъ и тянутъ свои кордоны. Не находя рѣки Подоржи, границею участку ихъ положенной, и по видимому съ умысломъ ихъ и выбранной, смѣшиваютъ съ оною рѣку Збручъ и, полагая предѣлы свои по теченію оной, въ Днѣстръ впадающей близъ мѣстечка Окопы, не въ дальнемъ разстояніи отъ Каменца лежащаго, хотять занять и Броды, гдѣ главный нашъ постъ, по способности и для имѣющейсѣ тамъ крѣпостцы, находится. Безпосредственно о семъ еще они ко мнѣ не отзывались, но къ Князю Щербатову, Управляющему Провіантскимъ Департаментомъ. Графъ Гадикъ пишетъ, требуя, дабы изъ мѣстъ, ими занимаемыхъ, включая туго и Броды, наши войска и магазейны выведены были. Почитан явное тому сопротивленіе съ настоящими обстоятельствами и положеніемъ взаимнымъ обоихъ Дворовъ не совѣстнымъ, я стараюсь отводить ихъ отъ того разными видами, ожидая, что Ваше Сіятельство, не оставляя меня надолго въ нерѣшимости, снабдите о томъ надобнымъ наставленіемъ.

Изъ Крыму отъ Господина Генераль-Поручика Щербинина получилъ я увѣдомленіе о тамошнихъ замѣшательствахъ, и что увидѣвъ собраніе многочисленное Татарскихъ кучъ, и не находя и въ самомъ Ханѣ преклонности къ совѣщаніямъ, что таковы сборища съ добрымъ союзомъ несовѣстны, рѣшились съ командующимъ на разогнаніе оныхъ силою, но не исполнили того, а отъ одного виду войскъ Татары разбѣжались. Не сомнѣваясь, что Дворъ наставилъ его попятымъ образомъ, и особливо на случай упорства Татаръ и невниманія ко всѣмъ пріемлемымъ о добрѣ ихъ попеченіямъ, въ отвѣтъ моемъ къ нему я сказалъ ему мое сожалѣніе, что они неисполнили своего намѣренія, конечно, на прямомъ

и точномъ разумѣ инструкціи его основаннаго, касающагося до усмиренія мятежниковъ, и особливо, когда оныя единого токмо виду войскъ нашихъ устрашились, то наилучше было, воспользовавшись робостію ихъ, притѣснить и далѣе, и если не истребить, такъ, по крайней мѣрѣ, привести въ несостояніе и отнять всю охоту къ подобнымъ покушеніямъ, въ чемъ и ни какого препятствія не настояло, ибо продолжающееся перемиріе охраняло ихъ отъ содѣйствія и пособія Турецкаго злонамѣреннаго. Что до средствъ Турецкихъ, то, конечно, онъ не имѣетъ недостатка въ тѣхъ самыхъ, которыми непріятель чрезъ своихъ въ томъ Эмисаріевъ употребляетъ, а сверхъ того искусство и усердіе его къ службѣ достаточны предупѣть надъ всѣми хитростями непріятельскими и преодолѣть всѣ трудности. Впрочемъ, я его увѣрилъ, что и дальшее продолженіе перемирія съ непріятелемъ не токмо ему помѣшательствомъ быть не можетъ, но еще послужить въ пособіе дѣлу его, ибо тутъ, если силою образумить ихъ счелъ онъ несходно, то по крайней мѣрѣ, можетъ успѣть въ переговорахъ съ ними, и что сила и содержаніе сего перемирія и наче предохраняетъ сей полуостровъ отъ непріятельскаго нападенія и помощи, намъ недоброжелательныхъ. Не надлежитъ также тревожиться и въ разсужденіи морскихъ Турецкихъ судовъ, чтобъ оныя въ Мартъ не успѣли прибыть къ Крымскимъ берегамъ; потому что въ сіе время, кромѣ самой крайней нужды, суда ихъ въ морѣ непоказываются; да и можно довольно обезпечить себя стражею пребывающаго тамъ нашего флота, изъ котораго, по сообщенію мнѣ отъ Господина Вице-Адмирала Сенявина, восемь новоизобрѣтенныхъ кораблей крейсируютъ; а притомъ и здѣшнія суда, какъ только приведены будутъ въ состояніе, не преминутъ появиться въ морѣ, для отдаленія отъ края того опасности. Со стороны писемъ, отъ его мнѣ сообщенныхъ, писанныхъ къ Портъ отъ тамошнихъ, намъ недоброхотствующихъ, перехваченныхъ въ Еникольскомъ проливѣ, сказалъ я ему, что, привыкнуши изъ практики познавать хитрости Турецкія, можно сказать самыя простыя, и разсуждая, что по свободному сообщенію ихъ съ Азіятскимъ берегомъ, не было нужды и бирать сію дорогу для таковой корреспонденціи, но, по видимому, онѣ и посланы были нарочно съ умысломъ, дабы въ наши руки попались, къ устрашенію предприемлемыми яко бы мѣрами къ истребленію войскъ нашихъ, тамъ пребывающихъ.

Я, впрочемъ, остаюсь навсегда съ истиннымъ высокопочита-
ніемъ и неограниченною преданностію.

Р. S. На сихъ дняхъ явились у меня волонтеры Англійской
службы, Подполковникъ Д'Энзликъ, командующій полкомъ Эллиот-
товымъ, и Г. Эллиотъ, племянникъ Генерала сего жъ имени, съ ре-
комендаціею отъ Г. Барона Стакельберга, который увѣдомляетъ
меня при томъ, что онъ о сихъ волонтерахъ не преминулъ и Ваше-
му Сіятельству представить.

ПАНИНУ.

1772 года,
Октября 25.
N 34.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Два письма Вашего Сіятельства, отъ 29 Сентября и 5-го Ок-
тября, я имѣлъ честь получить. Съ тою же самою искренностію и
чистосердечіемъ, которыя полагалъ я во основаніе всѣмъ моимъ
къ Вашъ отзывамъ, скажу, что въ ослабленіи здоровія моего и но-
выхъ ежевременно болѣзненныхъ моихъ припадкахъ, они служатъ
однимъ изъ лучшихъ подкрѣпленій, а въ дѣлахъ настоящихъ по-
даютъ мнѣ свѣтъ и руководство.

Послѣ отправленія моего, отъ 9-го Октября, я считалъ, что
въ сіе время буду имѣть честь увѣдомить Ваше Сіятельство объ
отъѣздѣ Гг. Пословъ, но по неготовности къ принятію Рейсъ-Ефен-
діи, за неотдѣлкою дома для него, сіе еще не послѣдовало. По
извѣстіямъ отъ Визиря и сего Посла, мною полученнымъ, послѣд-
ній выѣхалъ изъ лагеря Визирскаго, 11-го Октября, въ Руцукъ
прибылъ онъ 16-го, а Алексѣй Михайловичъ пишетъ, что пере-
правился чрезъ Дунай 22-го, пріѣздъ же въ Бухарестъ 26-го онъ
полагаетъ.

Получивъ вчера отъ Г. Генераль-Поручика и Кавалера Щер-
бинина извѣстіе о перемѣнѣ обстоятельствъ Крымскихъ перегово-
ровъ, къ лучшей нашей пользѣ, что Татары вовсе отлагаютъ вся-
кое совѣстіе въ правленіи и обрядахъ ихъ, точно Порты, и скло-
няются на отдачу добровольно требуемыхъ крѣпостей: два пункта,

главнѣйшее претыканіе въ переговорахъ бѣвшаго Конгресса составляющіе, и нашедши между приложеніями, отъ Г-на Щербинина миѣ доставленными, въ письмѣ Вашемъ къ нему отъ 18-го Сентября, когда еще Ваше Сѣтельство и не предполагали возстановленія настоящей негодіаціи, мысль Вашу, что «Актъ, получаемый отъ Хана и Правительства, свидѣтельствующій Портъ и всей Европѣ о дѣйствительномъ бытіи свободной области Татарской, съ твердымъ намѣреніемъ всѣхъ народовъ, изъ коихъ корпусъ ея состоитъ, защищать сіе свое вновь полученное преимущество, съ пользою употребленъ быть можетъ, при возобновляющейся негодіаціи; а въ случаѣ, ежели бы она и не состоялась, и цѣлому свѣту предъявленъ во уличеніе Турецкаго, не ко времени, упрямства въ сохраненіи власти своей надъ народами, которые сами уже оной не признають,» сообщилъ я Алексѣю Михайловичу безъ предложенія мѣръ, и оставляя, впрочемъ, собственному его расположенію, а соображаясь болѣе вышеупомянутому Вашему благо-разсужденію, что въ случаѣ, когда бы Посолъ Турецкій ускорилъ своимъ прибытіемъ, не лучше ли, подъ пристойными видами, продлить время, не рѣшаясь ни на что, до Крымскихъ дѣлъ касающееся, и особливо на упомянутые два артикула, до полученія отъ Г-на Щербинина пополнительныхъ увѣдомленій, между чѣмъ будемъ снабдены и отъ Двора наставленіями по новымъ перемѣнамъ относительно къ сей матеріи. Извѣстіе о заключеніи переговоровъ съ Татарами, каналомъ своимъ неминуемо и скорѣй дойдетъ и къ свѣдѣнію Турковъ, изъ чего и настанетъ большее удобство, по познанію ихъ мыслей и намѣреній, расположить намъ свои; и надлежитъ ожидать, что коль Татары торжественнымъ актомъ изъ-явить свое согласіе съ нашими предложеніями, то надежда къ развращенію ихъ и ухищренія Турковъ исчезнуть, и сіи послѣдніе въ намѣреніяхъ и предложеніяхъ своихъ преклоняѣ будутъ къ соглашенію съ нашими.

Что до продолженія перемирія, то какъ по содержанію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества рескрипта, повелѣвается поступать въ томъ по степенямъ и успѣхамъ негодіацій и по усмотрѣнію податливости со стороны Турецкой, и Алексѣй Михайловичъ полагаетъ сперва оному срокъ до 1-го Генваря, а потомъ, по надобности, и до Марта, которое время и отъ меня ему намѣ-

каемо было. Я не преминулъ дать ему знать о моемъ на то соглашеніи, и что, какъ по открытіи переговоровъ явны учинятся ему намѣреніи и преклонность Турковъ на главные артикулы мирныхъ нашихъ предложеній, то Его Превосходительство, по собственному ему проицанію и знанію образа мыслей и характера трактующихъ съ нами, можетъ изъ оныхъ вывести способъ къ сему постановленію, по степенямъ и успѣхамъ своей негодіаціи, по точной силѣ Высочайшаго повелѣнія. Но при томъ, по поводу благосклонной Вашей ко мнѣ милости и взаимной откровенности, сообщу здѣсь мою мысль, что краткіе термины не къ усиленію непріятели служатъ, но возраждають въ немъ подозрѣнія, какъ то Визирь неоднократно въ отзывахъ своихъ изъяснялся, слагаясь на мое только чистосердечіе, и заставляютъ его содержать себя во всегдашнемъ бдѣніи и готовности къ военнымъ дѣйствіямъ, призывая его къ мѣстамъ, по Дунаю лежащимъ, для пребыванія войскъ способнымъ, и ожидая, что при всякомъ оборотѣ дѣлъ, хотя суровость времени и не дозволить отважиться на какое либо надежное и казистое предпріятіе, не преминетъ, онъ однако жъ, ежевременно нашимъ, въ квартирахъ по неволѣ занимающимъ, уже отъ части странъ отъ Дуная отдаленныхъ, стоящимъ наводитъ тревоги и безпокойствія, и тѣмъ отымать время и способы къ упражненіямъ, на таково время подлежащимъ. Напротивъ того, продолженіе перемирія къ одному довольному сроку весьма полезно для насъ могло бы быть для слѣдующихъ причинъ: 1-е ради знатнаго количества больныхъ, къ выздоровленію которыхъ нужную выгоду и удобность нельзя сыскать инако, какъ введеніемъ въ квартиры и спокойнымъ въ нихъ пребываніемъ. 2-е. Отдѣливши нѣсколько полковъ, изъ арміи мнѣ вѣрренной, въ команду Князя Василія Михайловича, должно будетъ стараться обнять тѣ мѣста войсками изъ оставшихся. 3-е. За отшествіемъ многихъ земель въ участокъ Австрійскому Двору, необходимо предлежитъ искать способовъ, запасы въ оныхъ бывшіе для пропитанія, замѣнить въ другихъ Польскихъ и здѣшнихъ мѣстахъ; а при семъ, по случаю могущихъ иногда произойти упорства и упущенія, дойдетъ дѣло до посылки командъ для экзекуціи. 4-е. Строеніе шкуновъ и снаряженіе другихъ судовъ, окончить, яко нужное для показанія непріятелю разныхъ военныхъ видовъ, и что, сверхъ того, и самое свойство времени не оставляетъ уже удобства къ какимъ либо знат-

нымъ операціямъ. Судить сіи обстоятельства и соглашать оныя съ прочими я оставляю Вамъ, мой милостивый другъ, по колику заключенія мои основаны могутъ быть, по большей части на одномъ военномъ знаніи, а впрочемъ за себя и за всѣхъ мнѣ подчиненныхъ ручаюсь, что, для пользы интересовъ Ея Императорскаго Величества, мы всѣми нашими выгодами жертвуемъ.

Касательно до единодушнаго содѣйствія, я хочу свидѣтельствоваться самымъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ готовности къ удовлетворенію всѣмъ его отъ меня могущимъ быть требованіямъ, и что я дѣло, къ которому интересовано столько благоденствіе отчизны, всему тому, что только собственность ласкать можетъ, предпочту, и потому отъ благосклоннѣйшей Вашей милости ожидаю, что Ваше Сіятельство въ семь за меня вездѣ, гдѣ надобно, и ручательство Ваше дать не откажетесь.

Пребуду съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію.

ПАНИНУ.

1772 года,
Ноября 1 дня,
N 35.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Симъ имѣю честь препроводить всеподаннѣйшую мою реляцію, въ которой доношу я о сѣздѣ Пословъ и первой ихъ конференціи, на которой размѣнялися полномочіями и постановили продолженіе перемирія по 9-е Марта. Алексѣй Михайловичъ не писалъ теперь ни къ Ея Императорскому Величеству, ни къ Вашему Сіятельству, бывъ озабоченъ договорами и распоряженіями, относящимися до Посольскихъ обрядовъ, а полагаетъ не далѣе какъ чрезъ день, или два, то исполнить.

Въ слѣдствіе письма моего къ Вашему Сіятельству, отъ 9-го Октября, гдѣ просилъ я не оставить меня въ нерѣшимости касательно до требованія Графа Гадика о Бродахъ, я теперь представляю всеподаннѣйше Ея Императорскому Величеству, по причинѣ

безъ посредственнаго, уже дошедшаго ко мнѣ отъ упомянутаго Генерала, отзыву. Содержаніе его изъ сдѣланнаго отъ меня отвѣта Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть изъ приложеній при Реляціи, и найти, что я старался менажировать и настоящія обстоятельства, и положеніе Дворовъ, и отвожу ихъ въ намѣреніи выиграть время, надобное для полученія о сей матеріи Высочайшей Ея Императорскаго Величества резолюціи.

Я тутъ сообщаю также копію другаго его письма, которымъ объявляя, что какъ имѣнія Мартына Любомирскаго, его зятя, состоящія въ нашемъ секвестрѣ, утверждены отъ него прежде женѣ его, дочери Графа Гадека, за приданое, которая, конечно, ни какого участія въ дѣлѣ мужа своего не имѣетъ, просить снять съ оныхъ секвестръ и отдать ей во владѣніе. Понимая сіе болѣе вымысломъ, чтобъ прибрать къ рукамъ толь великія имѣнія, я сдѣлалъ ему отвѣтъ, въ копіи тутъ же приложенный, слагаясь на Министра, въ Варшавѣ пребывающаго; поелику и дѣйствительно, по отзывамъ Посольства тамошняго, секвестръ на оныя добра положень. А между тѣмъ могу получить надобное мнѣ о томъ отъ Вашего Сіятельства наставленіе.

Не токмо не въ предложеніе мѣръ, но ниже и въ совѣтъ, чувствуя, что къ благоучрежденіямъ Милостиваго моего Графа ничего я отъ себя присовокупить не могу, а единственно по чистосердечію моему скажу, что, при теперешнихъ прибавкахъ, полезно бы было воззрѣть и на край отъ Кіева до Сняюхи, гдѣ она поворачиваетъ въ Бугъ, отдѣлится отъ Польши и до Буга лежащій. Правда, что земля, присоединенная прежде облегчаетъ комерцію, но немногіе въ себѣ имѣетъ къ тому запасы, которыми упомянутый край несравненно изобилуетъ. Плодоносіе его превосходитъ всѣ другія Польскія мѣста, и въ нынѣшнее время, когда доставленіе провіанта въ магазины наши толико стѣснено, сія одна земля болѣе всѣхъ другихъ наполняетъ оныя, и можно сказать, что житницы обывателей тамошнихъ не истоцимы. А сей уголь входящій не будетъ и крайнимъ къ Турецкимъ границамъ.

ПАВЛУ.

1772 года,
Ноября 9 дня.
N. 37.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Едва только успѣлъ я отправить курьера съ депешами отъ 1-го Ноября, получилъ отъ Графа Гадека два письма, изъ коихъ въ одномъ повторяетъ онъ свои требованія о Бродахъ, въ другомъ даетъ знать, что имѣетъ онъ отъ Двора своего повелѣніе, въ согласіе принятымъ мѣрамъ между нашимъ и Вѣнскимъ, о вступленіи войскамъ его команды далѣе границъ участка ихъ, въ томъ числѣ Вольнію и Подолію, въ коихъ и выговариваетъ онъ себѣ Почаевъ, Вишневецъ, Горынецъ, Грудекъ и Смотричъ съ окружностями. Содержаніе писемъ его Ваше Сіятельство лучше усмотрѣтъ изволите изъ копій, подносимыхъ при всеподданнѣйшей моей Реляціи, здѣсь вложенной. Въ отзывахъ его объясняется онъ мнѣ о дѣлѣ семъ, такъ какъ бы оно мнѣ извѣстно было, хотя и ни какого свѣдѣнія не имѣю о сихъ обстоятельствахъ, и особливо, по взаимному ли обоихъ Дворовъ соглашенію и мѣроположеніямъ сіи движенія предвоспріяты.

Чтобъ не погрѣшить въ сей неизвѣстности, я ищю помощи у Милостиваго моего Графа, отъ котораго благосклонной милости и дружеской довѣренности заимствовалъ я всѣ просвѣщенія, въ дѣлахъ моего званія имѣющихъ связь съ системою политическою; и несумнѣнно надѣюсь, что наставленія, коими снабдѣнъ по сему быть уповаю, разрѣшать всѣ затрудненія мои и откроютъ, какимъ образомъ поступать я долженъ въ сихъ обстоятельствахъ, согласно со взаимнымъ между собою договоромъ положеніемъ. Съ тѣмъ самымъ чистосердечіемъ, на которомъ основывалъ я всю мою переписку съ Вашимъ Сіятельствомъ, смѣю объяснить, что сіе движеніе войскъ Австрійскихъ меня наиболѣе озобочиваетъ со стороны предприемлемаго ими положенія уже позади Каменца, между нашими границами, арміею и магазейнами, и такъ уже стѣсненнымъ въ семъ одномъ углу, за отходомъ къ владѣнію Бѣнскаго

Двора многихъ земель, прежде оныя наполнявшихъ. Число войска въ письмѣ Графа Гадека упоминается малое, но можно ли отвѣчать, чтобъ провіантъ и фуражъ на оное только собираемъ былъ, а не заимствовали бы того и другія ихъ войска, когда располагать и собирать они, а не наши, будутъ; особливо, ежели они примутъ тѣ же самыя предосторожности, какія въ другихъ мѣстахъ ими обыкновенно употребляются, учрежденіемъ кордоновъ и карантинныхъ; то сколь великое препятствіе и неудобство въ сообщеніяхъ, какія тутъ новыя трудности и невыгоды для собственной нашей войны съ Турками предстанутъ, я оставляю судить собственному Вашему проищанію. Въ ожиданіи Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества о томъ рѣшенія, я сдѣлалъ ему отвѣтъ, котораго содержаніе такъ умѣривалъ, чтобъ и не привести себя у него въ подозрѣніе, и убѣдить къ удержанію сего движенія и требованія тѣхъ мѣстъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть, если оное дѣйствуетъ только въ согласіе предположеніямъ Двора нашего; а инако я ожидаю наставленій.

Не знаю, мой Милостивый Графъ, вѣкъ ли уже мой достигнулъ той стени, съ которою неразрывно сопряжены ослабленіе и болѣзни, или же припадки, мною отъ времени далѣе больше ощущаемые, суть слѣдствіе безпокойствъ и трудовъ моихъ. До сего къ поправленію употреблялъ я за лучшее средство движеніе, но отъ нѣкотораго времени ощущаю, что и сіе средство не токмо не пользуетъ, но и повергаетъ меня въ щемное чувствованію моихъ болѣзней. Бодрствуютъ во мнѣ только усердіе и ревность къ службѣ Ея Императорскаго Величества, отъ коихъ все подкрѣпленіе мое заимствую. Желаю всеискреннѣйше, чтобъ мой Милостивый Графъ не дознавалъ въ здоровьи своемъ никакихъ непріятностей, и чтобъ оное отъ дня въ день укрѣплялось къ пользѣ Отечества и къ совершенному удовольствію всѣхъ, преданностію и высокопочитаніемъ обязанныхъ, изъ числа коихъ я пребуду навсегда непрѣмнно.

ПАНИНУ.

1772 года,
 Ноября 20-го,
 N. 39.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичь!

Куріеровъ, отъ Алексѣи Михайловича посылаемыхъ къ Вашему Сіятельству, ни мало не удерживая, отправляю. По содержанію всепочтеннѣйшаго Вашего Сіятельства письма отъ 29 Октября, которое имѣлъ я честь получить 12-го сего мѣсяца, наблюдая обязательство, налагаемое на меня безпредѣльною моею къ Вамъ преданностію, повиноваться всѣмъ Вашимъ повелѣніямъ, я не преминулъ рекомендовать Алексѣю Михайловичу о показаніи выраженного въ ономъ удовольствіи Графу Петру Кириловичу Разумовскому. Въ честь и счастье себѣ поставлю исполненіе того, удовлетворивъ и долгу моему къ Вашему Сіятельству и оказавъ усердную мою услугу Его Сіятельству Графу Кирилѣ Григоріевичу.

Изъ увѣдомленій Алексѣя Михайловича видно, сколь великія трудности настоятъ въ теченіи дѣлъ его; а въ моей съ Визиремъ перепискѣ оказывается острота со стороны обстоятельствъ, происходящихъ въ Архипелагѣ, не соответствующихъ здѣшнимъ мѣроположеніямъ, хотя я всегда при возобновленіи перемирія давалъ о томъ знать. По доходящимъ оттуда извѣстіямъ можно видѣть, что тамъ совсѣмъ другимъ образомъ постушаютъ и инья предполагаютъ мѣры. Несходствію сему причины не знаю иной, какъ отдаленное разстояніе: на сему основаніи я дѣлалъ прежніе мои отвѣты Визирю; равнымъ образомъ и теперь Алексѣй Михайловичъ, къ успокоенію съ сей стороны, не преминулъ учинить надлежащія объясненія и внушенія. Въ отношеніе подобныхъ затрудненій, я совѣтовалъ Его Превосходительству дать знать Главнокомандующему въ Архипелагѣ о настоящемъ дѣлѣ положеніи, и что какъ часто бываютъ намъ о тамошнихъ дѣлахъ запросы, на кои мы должны отвѣчать, то и надлежитъ намъ взаимно соглашать и учреждать оныя, такъ какъ пособствованіе пользѣ настоящей негодіяціи требуетъ, дабы подобныхъ провществій не взяли

они иногда за поводъ къ нарушенію съ нашей стороны сдѣланныхъ постановленій, во вредъ положенію нашему.

Вчера получилъ я изъ Крыма, отъ Евдокима Алексѣевича, пріятное извѣстіе о благополучномъ окончаніи тамошнихъ дѣлъ подпискою Ханомъ и Полномочнымъ Общества Татарскаго Акта. Я поспѣшилъ отправить оное въ ту же минуту къ Алексѣю Михайловичу. Счастливый оборотъ дѣла сего, бывшаго главнымъ камнемъ запинанія въ нашей съ Турками негоціаціи, коль скоро извѣстенъ имъ будетъ, то и надобно думать, что онъ послужитъ къ умягченію высокоумія въ предпріятіяхъ и предложеніяхъ ихъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію пребуду навсегда.

ПАНИНУ.

1772 года,
 Ноября 27 дня.
 N. 40.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Я имѣлъ честь получить, при письмахъ Вашего Сіятельства отъ 29-го Октября, Всевысочайшій Ея Императорскаго Величества Рескриптъ, о пособствованіи, по всей возможности, тѣмъ изъ Молдавскихъ и Волоскихъ Бояръ, которые пожелаютъ переселиться въ Россію; а 20-го Ноября, прибывшій сюда Князь Гика, вручилъ мнѣ и другой Всевысочайшій, до дѣлъ его касающійся. Неумедлилъ я тогда же сообщить копіи оныхъ Алексѣю Михайловичу; но при томъ, какъ во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ только настояла для меня какая либо трудность и неудоборѣшимость, имѣлъ я обыкновенно себѣ совѣтодателемъ моего Милостиваго Графа, отъ котораго благосклонной милости и дружеской довѣренности заимствовалъ я всѣ надобныя наставленія и руководства, то и теперь тѣхъ самихъ испросить у Вашего Сіятельства осмѣливаюсь, въ слѣдствіе перваго Ея Императорскаго Величества повелѣнія. Не объявлено

миѣ здѣсь мѣсто, на таковое переселеніе ихъ назначиваемое, равно какъ и основанія, для того полагаемыя; почему и не нахожу себя въ состояніи отвѣчать на дѣлаемые миѣ о томъ вопросы. Отъ откровенія и просвѣщенія меня въ сей матеріи я буду заимствовать способы къ удовлетворенію претензій таковыхъ переселяющихся, располагая по достоинству и состоянію здѣсь и заслугамъ ихъ. Сіе послужитъ къ отвращенію и отъ Васъ многихъ безпокойствій, которыя, по окончанію нынѣшнихъ дѣлъ, могутъ нанести Вашему Сіятельству требованія ихъ, иногда и излишнія. Ваше Сіятельство можете при томъ совершенно быть удостовѣрены, что я никогда не сдѣлаю изъ сей довѣренности ненадлежащаго и не ко времени употребленія, и конечно поступлю въ томъ, какъ пользы высокихъ Ея Величества интересовъ того требовать будутъ.

Посоль Турецкій учинилъ отзывъ, въ переводѣ здѣсь прилагаемый, чрезъ посредство Алексѣя Михайловича къ Князю Гикѣ, въ которомъ старается онъ ласкать его обнадеживаніемъ награжденій и разныхъ пользъ, по окончаніи настоящихъ негоціацій, и препроводилъ сіе съ подаркомъ, ничего незначущимъ, въ кускѣ Индійской матеріи состоящемъ. Въ удовольствіе желанія Князя Гики, прошу Ваше Сіятельство почтить меня сообщеніемъ Вашего наставленія, какъ пристойно отвѣчать на сіи учтивости, поелику онъ, безъ позволенія Вашего, на то поступать не смѣетъ. Ежели совмѣстно миѣ представить Вашему Сіятельству разсужденія мои, то я осмѣлюсь сказать, что содержаніе сего отзыва, поступки его съ нашими и образъ въ трактованіи, гдѣ онъ являетъ и жаръ и умѣреніе въ своихъ предложеніяхъ попеременно, заставляютъ считать его подлинно, такъ какъ многіе знающіе его описываютъ, слѣдующимъ правиламъ не Турецкимъ.

Князь Кауницъ письмомъ своимъ препоручаетъ Генералу Барко ходатайствовать у меня о дозволеніи Волоскому Боярину Бранковану отъѣхать въ деревню его. Въ письмѣ своемъ къ нему не изъясняетъ, чтобъ онъ на сіе поступалъ по повелѣнію Двора своего, но какъ бы слѣдуя собственному своему побужденію. Вашему Сіятельству извѣстны дѣла, до сего Боярина касающіяся, изъ моихъ всеподданнѣйшихъ къ Ея Императорскому Величеству Реляцій, отъ 5-го Генваря и 30-го Марта настоящаго года. Въ самомъ дѣлѣ, поползновенія его причиною не что иное я считаю, какъ стѣсне-

ніе собственнаго его разсудка, которымъ пользуюсь, другіе на то его обратили. А въ пребываніи его здѣсь не примѣтилъ я въ немъ ничего сомнительнаго; въ слѣдствіе чего и буду ожидать Вашей отвѣди, дозволить ли ему отѣхать въ деревни, или еще удержать здѣсь.

Отвѣтное письмо, отъ Г. Зегелина мною полученное, здѣсь въ копію прилагаю. Впрочемъ, Милостивый Государь мой, къ умноженію безчисленныхъ знаковъ Вашей ко мнѣ благосклонности и дружбы, я получилъ новый тѣхъ опытъ въ почтеннѣйшемъ Вашемъ отъ 24 Октября письмѣ, гдѣ Ваше Сіятельство, по склонности своей къ благодареніямъ, приемлете на себя попеченіе о устроеніи счастья брата моего, Князя Мещерскаго. Преисполненный найпризнательнѣйшей благодарности, подтверждаю нелицемѣрныя мои увѣренія о истинномъ высокопочитаніи и неограниченной преданности, съ которыми есмь и навсегда останусь.

P. S. Часто бываетъ, что гдѣ мы что либо къ найдостовѣрнѣйшему и лучшему сдѣлать полагаемъ, тамъ противное ожиданію нашему случается. Я теперь въ такомъ положеніи. При отѣздѣ отсюда въ С.-Петербургъ Маіора Тира, считая его быть скорымъ куріеромъ, поручилъ я ему письмо мое къ Вашему Сіятельству, съ приложеніемъ моего всеподданнѣйшаго къ Ея Императорскому Величеству о Всемилостивѣйшемъ соизволеніи на принятіе и употребленіе присланнаго мнѣ отъ Его Величества Короля Прускаго портрета, и въ ожиданіи отвѣди, не отвѣтствовалъ Г. Графу Солмсу. А теперь увѣдомился, что оный Тиръ находится въ карантинѣ. Въ семъ случаѣ всепокорнѣйше прошу Вашего Сіятельства пристойнымъ образомъ, между разговоромъ, молвить Графу Солмсу, чтобъ молчаніе мое не причтено было мнѣ въ небреженіе, потому что я счелъ за долгъ ожидать Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія.

P. S. Англійскіе волонтеры, Гг. Энзликъ и Эліотъ, которыхъ Вашему Сіятельству угодно было мнѣ рекомендовать, пожелали отправиться въ Константинополь; я съ Алексѣемъ Михайловичемъ согласился на то, въ удовольствіе любопытства ихъ; и въ слѣдствіе того, 13 Ноября, въ препровожденіе Чегодаря, отъ Турецкаго Посла имъ даннаго, съ рекомендаціею къ Верховному Визирю отѣхали.

ОВРЕСКОВУ.

1772 года,
 Ноябрь 28.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Почтеннѣйшее Ваше отъ 23 Ноября съ приложеніями письмо я имѣлъ честь получить 26-го, и въ слѣдствіе чего письмо Ваше къ Евдокиму Алексѣевичу вчера отправилъ. Присланнаго отъ него съ пріятною вѣдоностью о подпискѣ Крымскихъ дѣлъ Офицера, хотя онъ и не моего предводительства, прозвезеть, однако жъ, не упушу.

По содержанію письма къ Вамъ отъ Господина Дедескула, какъ моему вселюбезному другу, скажу искренно: служба его на ряду съ прочими его сотоварищами вѣстима мнѣ была; равно съ ними же онъ, при всякомъ малѣйшемъ оборотѣ военныхъ нашихъ дѣлъ въ томъ краѣ, подвергалъ себя колеблемости и искалъ удалиться, не считая для себя быть довольной обороноѣ и безопасности въ войскахъ нашихъ. Не знаю, гдѣ могъ онъ сдѣлать великія издержки. Всѣ сіи господа власть и довѣренность, съ чинами ихъ связанныя, считали за средства къ выполненію своего корыстолюбія. Умалчивал о жалобахъ отъ обывателей, упрекающихъ ихъ наглостями и разореніями, для собственнаго своего прибитка соземцамъ причиняемыми, не упустили не коснуться и къ суммамъ, казнѣ Ея Императорскаго Величества точно присвоеннымъ, и употребляли оныя въ венадлежащіе и партикулярные расходы. Всѣ мои напоминанія и увѣщанія ни мало не подѣйствовали къ обращенію ихъ къ должности; ибо и прежде, и послѣ того искали они всячески, либо подъ образомъ расходовали, или при совершеніи договоровъ съ откупщиками казенныхъ доходовъ, уменьшая откупную сумму въ контрактахъ, по сдѣланнымъ съ откупщиками частнымъ сдѣлкамъ, присвоивали себѣ деньги, казнѣ надлежащія, въ чемъ и обличены были Господиномъ Бригадиромъ Медеромъ, при продажѣ прошлогодняго овечьяго сбора.

Г-ну Дедескуло иждивенія его не даютъ права прикасаться къ казнѣ, и безъ Высшаго распоряженія дѣлать самому себѣ изъ оной

удовлетвореніе, и безъ сомнѣнія, Г-нъ Медеръ, ежечасно отъ меня напоминаемый о взысканіи всего захваченнаго, видя нескорое того исполненіе, принужденъ былъ поступить на средства, въ такихъ случаяхъ обыкновенныя и законами предписанныя. Не въ предѣлахъ возможности моею состоятъ дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ уступки Государева; но какъ Вашему Превосходительству положеніе настоящее дѣлъ болѣе открыто, и если Вы находите показаніе имѣть снисхожденіе надобнымъ для славы и пользы Двора, то я буду ожидать Вашего дружескаго увѣдомленія и сообразоваться Вашимъ совѣтамъ, а между тѣмъ, однажды навсегда указавъ Г. Бригадиру Медеру держаться Вашихъ наставленій, Вашему Превосходительству остается только давать ему оныя на подобныя случаи.

Съ искреннимъ высокопочитаніемъ пребуду навсегда

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

Р. S. Къ собственному знанію Вашему, мой вселюбезный другъ, здѣсь скажу еще въ дополненіе о Дедескулѣ, что, по пораженіи и прогнаніи, въ концѣ прошлогодней кампаніи, непріятеля, перехвачено нашими письмо, писанное къ Дедескулѣ отъ ближайшихъ при бывшемъ тогда въ Руцукѣ Сераскиромъ Ахметъ-Паши, въ которомъ трактовано съ нимъ, такъ какъ съ извѣстнымъ уже въ преклонности къ Турецкимъ интересамъ, и обнадеживано, что онъ уже пожалованъ Княземъ Волоскимъ. По изслѣдованію, о семъ сдѣланному, не открылось, какъ только, что нарочный съ симъ посланъ былъ отъ самаго Ахметъ-Паши. Можетъ быть, что Турки употребили сіе орудіе, для приведенія его у насъ въ подозрѣніе, но и то быть можетъ, что сей Бояринъ поползнулся на обнадеживанія Турецкія; и такъ дѣло сіе осталось въ двоякомъ заключеніи. Григорій Александровичъ Потемкинъ увѣрялъ меня, что онъ отъ достовѣрныхъ людей слышалъ о полученномъ и принятомъ имъ Дипломѣ на Княжество Волоское.

ПАНИИУ.

1772 года,
Декабря 2 дня,
N. 41.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Случившійся въ домъ подателя сего, Князя Василія Владиміровича Долгорукова, печальный припадокъ, убѣждаетъ его отлучиться отсюда въ С. Петербургъ. Сколь ни потребно для меня, по настоящимъ обстоятельствомъ, присутствіе его здѣсь, какъ Дежурнаго при арміи Генерала, но нужды его преобладаютъ всѣмъ надобности и обяываютъ меня согласиться на удовлетвореніе его желанія. Въ надеждѣ благосклонной дружбы и милости, которыхъ неисчетными знаками почтенъ я отъ Вашего Сіятельства, осмѣливаюсь препоручить его благоволенію Вашему, и просить всепокорнѣйше Вашего Сіятельства о показаніи ему Вашего милостиваго пособія во всѣхъ надобностяхъ его. Зная склонность Вашу и готовность благодѣтельствовать всѣмъ тѣмъ, которые ревностію, трудами въ службѣ отечества и достоинствами въ обществѣ отличаются, къ числу коихъ, конечно, принадлежитъ онъ, я совершенно удостовѣряю себя въ неотриновенномъ принятіи Милостивымъ Графомъ моимъ сего моего прошенія. Для себя употребляю въ пользу случай сей, возобновляя мои чистосердечныя увѣренія о искреннемъ высокопочитаніи и безпредѣльной преданности, съ которыми навсегда останусь.

Р. S. Испросивши у моего Милостиваго Графа благосклонное позволеніе обезпокоить его предстательствомъ моимъ, осмѣляюсь принести оное за Г. Генераль-Маіоромъ Римскимъ-Корсаковымъ. Въ теченіи долговременной его службы, являлъ онъ отиѣнное усердіе и добрую волю во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ токмо употребленъ былъ, какъ то, и съ прибытія его къ арміи, мнѣ ввѣренной, и особливо въ кампаніи 1770 года. Не меньше, опредѣленъ отъ меня будучи къ управленію Земскихъ дѣлъ въ Княжествѣ Молдавскомъ, ревностнѣйшимъ своимъ радѣніемъ и неусыпными трудами привелъ все, отъ него зависящее, въ лучшій, по возможности, порядокъ, и со стороны

надобныхъ заготовленій, и доставленія всего потребнаго, всемѣрно пособствуетъ пользѣ службы. Прошу всепокорнѣйше Вашего Сіятельства подать ему милостивую Вашу помощь, чтобы и онъ удостоился быть участникомъ Всевысочайшей милости Ея Императорскаго Величества, щедро награждающей заслуги вѣрныхъ ея рабовъ, пожалованіемъ ему Ордена Святыя Анны.

ПАМЯТУ.

1772 года,
Декабря 5 дня.
N 42.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичь!

Слѣшу доставить съ симъ Вашему Сіятельству депешу Алексѣя Михайловича. Знаю, мой Милостивый Графъ, что мнѣ невмѣстно судить о дѣлахъ политическихъ, такъ какъ слѣпому невозможно разсуждать о краскахъ и разбирать искусство живописи; но, слѣдуя моему чистосердечію въ перепискѣ съ Вашемъ Сіятельствомъ, за правило принятому, испросивши милостивое Ваше позволеніе, осмѣлюсь представить здѣсь мои мнѣнія. Изъ сообщаемыхъ Вашему Сіятельству отъ Алексѣя Михайловича Протоколовъ Конференціи, видно, сколь по времени и мѣсту кстати прибираются у него матеріалы, надобныя для строенія сего дѣла; а равнымъ образомъ и Посоль Турецкій готовностью своею отвѣчаетъ на дѣлаемые ему предложенія, и объясненіями съ своей стороны являетъ, что и онъ имѣетъ запасъ, надобный къ трактованію. Но со стороны отдаленнаго разстоянія, между Дворомъ и нами встрѣчаются великія затрудненія, которыя мой Милостивый Графъ наибольше ощущаетъ, потому что, когда по дошедшимъ отсюда, либо другимъ обстоятельствамъ, Ваше Сіятельство учивите свои расположенія, и наставленія Ваши сюда сообщить успѣете; то, между тѣмъ, обстоятельства, либо на лучшее, или на противное тому, новые виды воспріемлютъ и произведутъ новыя трудности и нерѣшимости, какъ то и нынѣ случилось въ разсужденіи дѣла о Татаряхъ, когда Министры дружескихъ Дворовъ

не имѣя извѣстія о окончаніи нашей тамъ негоціаціи, въ отзѣвахъ своихъ, Поргѣ учиненныхъ, сообщили сдѣланныя отъ Высочайшаго Двора нашего модификаціи.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію пребыть честь имѣю.

Р. S. Копію письма Графа Гадека, которымъ даетъ онъ мнѣ знать на мое, въ копіи при всеподданнѣйшей моей отъ 9-го Ноября Ея Величеству поднесенное, что онъ касательно до вступленія дѣташаментовъ изъ Корпуса его въ часть мою поудержится до полученія резолюціи о томъ отъ Двора; а о испраженіи Бродовъ, какъ принадлежащаго въ участокъ, яко бы Вѣнскому Двору города, настаиваетъ, здѣсь прилагаю, и повторяю мою просьбу у Вашего Сіятельства, чтобъ я снабдѣнъ былъ въ семъ дѣлѣ надлежащими наставленіями.

ПАНИНУ.

1772 года,
Декабря 5 го.
N 43.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Его Величество, Король Польской, прислалъ Г. Генераль-Маіору Князю Щербатову Орденъ свой Св. Станислава, на принятіе и возложеніе котораго не имѣя онъ отъ Высочайшаго Двора позволенія, ко мнѣ отозвался. Я осмѣливаюсь сообщить о томъ Вашему Сіятельству и просить всепокорно исходатайствовавъ ему оное, меня почтить увѣдомленіемъ. Знаю, мой Милостивый Графъ, что толь частыми о другихъ ходатайствами безпокою Ваше Сіятельство и прерывая важныя Ваши упражненія, дѣлаю непозволенное употребленіе дружбы и милости Вашей; но отъ тѣхъ же самыхъ я жду и благосклоннаго въ томъ извиненія, тѣмъ болѣе, что къ настоящему утружденію Васъ убѣждаюсь я со стороны усердной службы

и достоинства помянутаго Князя Щербатова, трудящагося, по вѣренному ему Департаменту, съ особливою прилѣжностію, и похвальными своими распоряженіями снискавшаго себѣ въ томъ краю уваженіе и общее удовольствіе.

Пребуду, впрочемъ, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію.

ПАНИНУ.

1772 года,
Декабря 5-го дня.
N. 44.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ землѣ Галицкой, доставшейся нынѣ, по подѣлу Польскому, Вѣнскому Двору, при горахъ Карпатскихъ находящійся монастырь, именуемый Крестовоздвиженскій Великоскитскій, отъ временъ блаженнаго памяти Государя Царя Феодора Алексѣевича, пользовался милостіями и защищеніемъ Государей Всероссийскихъ, и пожалованъ былъ утвердительными грамотами, какъ то и въ прошломъ 1771-мъ году, по прошенію, принесенному чрезъ посланныхъ изъ братіи своей, таковою же отъ Ея Императорскаго Величества, нынѣ благополучно царствующей, получить удостоился. Короли Польскіе снабдили оный также своими привилегіями, на свободное безпрепятственное исповѣданіе закона Греческаго Неунитскаго, въ слѣдствіе коихъ сей монастырь пользовался совершенною вольностію и безопасностію, не дознавъ тѣхъ самыхъ притѣсненій, которымъ другіе въ томъ краю подвержены были со стороны властвующаго въ ономъ фанатизма, обращеніемъ насильнымъ въ Унію. Все пропитаніе живущихъ въ ономъ монаховъ состоитъ изъ деревень Молдавскихъ, монастыря Сочавицкаго, отъ Господаря и Митрополитовъ здѣшнихъ приписаннаго къ нему въ давнихъ временахъ. Теперь, по перемѣнѣ въ землѣ той господствованія, дознали они нѣкоторую трудность въ полученіи изъ деревень приписныхъ къ себѣ, нужнаго для пищи и одѣянія; а притомъ ища и подѣ новымъ обладаніемъ обезпечить свою свободу и спокойствіе, чрезъ посред-

ство Высочайшаго нашего Двора, съ симъ прошеніемъ у меня явились. Я хотя и рекомендовалъ ихъ Управляющему всѣмъ Цесарскимъ краемъ, отъ Польши взятымъ, Графу Бергену, въ его призрачїе, и просилъ его оказать имъ снисхожденіе въ исканїяхъ ихъ, но не считаю, чтобъ сіе могло имъ принести облегченіе и пользу, какъ только на короткое время; а потому и смѣю ихъ препроводить къ Вашему Сїятельству, въ той несумнѣнной надеждѣ, что Ваше Сїятельство, по склонности своей благодѣтельствовать всѣмъ, къ помощи Вашей прибѣгающимъ, не оставите снискать симъ единовѣрнымъ сильное Ея Императорскаго Величества защищеніе и Всемиловѣннѣйшее покровительство, подъ которымъ и въ новомъ владѣнїи проживутъ они столь же мирно и благоденственно, какъ и прежде.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію навсегда пребывать честь имѣю

Вашего Сїятельства

всепокорнѣйшимъ слугою.

ПАНИНУ.

1772 года,
Декабря 5 дня.
N. 45.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Графъ Ходкевичъ, Староста Жмудскій, недавно ко мнѣ отозвался, что онъ, по преданности своей къ Ея Императорскому Величеству, и видя честь и славу, вѣнчающія подвиги воинства Ея Величества, желаетъ, чтобъ сынъ его, Вацлавъ, могъ въ свое время достигнуть оныхъ; и для того просить исходатайствовать ему принятіе и опредѣленіе его Лейбъ-Гвардіи въ Конный полкъ, съ тѣмъ, дабы упомянутый сынъ его могъ остаться при немъ для ученія, до возраста, въ которомъ онъ придетъ въ состояніе несть службу Ея Императорскаго Величества. Сіе его исканіе осмѣливаюсь сооб-

шить на благоразсмотрѣніе Вашего Сіятельства, и просить всепокорно почтить меня Вашимъ наставленіемъ, дабы я могъ учинить ему отвѣдь. Позвольте, впрочемъ, мой Милостивый Графъ, въ надеждѣ благосклонной Вашей ко мнѣ дружбы и милости, принести мое ходатайство, если только оное здѣсь вмѣстно, въ пользу его, какъ мнѣ знакомаго и пріятеля. Случай сей тѣмъ болѣе для меня пріятенъ, что я тутъ могу подтвердить нелицемѣрныя мои увѣренія о непремѣнномъ высокопочитаніи и совершенной преданности, съ которыми пребывать честь имѣю.

ПАПИСУ.

1772 года.

Декабря 15 дня.

N. 47.

Изъ Яссы.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Стеченіе критическихъ дѣлъ полагаю я причиною неполученія мною съ послѣднимъ куріеромъ Вашихъ милостивыхъ писемъ, и не желаю, чтобы оно произошло отъ какого либо (Боже Васъ сохрани!) болѣзненнаго припадка.

Третьяго дня получилъ я указъ изъ Военной Коллегіи объ отправленіи изъ арміи, мнѣ ввѣренной, еще восьми пѣхотныхъ полковъ къ Пскову, безъ общанія подкрѣпленія въ замѣну отдѣленныхъ, ниже преподанія по оскуднѣнію силъ на здѣшній край новаго наставленія. Не хочу скрыть предъ Милостивымъ моимъ благодѣтелемъ нечаянности и удивленія моихъ: нечаянности въ томъ, что я въ подобныхъ случаяхъ прежде удостоенъ былъ непосредственно Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній, и что во Всевысочайшемъ Рескриптѣ, отъ 28-го Сентября, повелѣно мнѣ стараться помѣстить войска, мнѣ ввѣренныя, въ здѣшнихъ земляхъ, для лучшей пользы въ дѣлахъ настоящихъ; удивленіе же, что въ такое время, когда дѣла на Конгрессѣ едва только начали являть видъ нѣкоторой наклонности, подобное движеніе

войскъ предприимается: а кто еще можетъ ручаться, чтобы причины онаго не достигли до знанія непріятеля, хотя я оное скрылъ и совсѣмъ другіе виды давать ему непремину, и не произвели въ немъ, не только упорства въ переговорахъ, но и по употребленію ими несходныхъ нашимъ правилъ, не подали поводу искать ухищреннымъ образомъ причины къ разрыву и возобновленію не ко времени непрізнанныхъ дѣйствій; и что такъ великое число войскъ собирается противъ Шведовъ, которыхъ ополченіе, въ лучшее силъ ихъ состояніе, едва имъ соотвѣтствовало да и въ разсужденіи особы Короля, ежели позволено мнѣ судить, всѣ окрестности не показываютъ его стремительнымъ въ предпріятіяхъ, а являютъ болѣе систематическимъ, когда онъ дѣлитъ время свое на часы, для упражненія на пользу общества, вводитъ бѣлыя платки, для обнаженія успѣховъ и порядка въ войскѣ, и другія малыя правила. А развѣ наступательно? Пѣтъ, однако жъ, кажется, удобства, не обнадежившись окончаніемъ въ одной сторонѣ, начинать въ другой, въ разсужденіи далекости отстоянія сихъ двухъ предметовъ: инако же и оборонительно, кажется, доставало бы отряженныхъ предъ симъ изъ второй арміи и Польши, въ разсужденіи союза съ Датскимъ, и добрыхъ услугъ Вѣнскаго и Берлинскаго Дворовъ, обезпечивающихъ границы наши: развѣ открылась и тутъ невоображаемая двоякость въ ихъ расположеніяхъ, и что послѣдніе не равное усердіе оказываютъ въ прочихъ дѣлахъ нашихъ, какъ въ раздѣлѣ Польскомъ?

Простите мнѣ, Милостивый Государь мой, что и смѣю обременять Васъ начертаніемъ чувствъ моихъ, слѣдуя единственно откровенности и чистосердечію, къ которымъ благосклонная милость и дружба Ваши меня обязываютъ. Извѣстно Вашему Сіятельству, какимъ неизвѣстностямъ и опасностямъ подвергались наши здѣсь силы, и сколь счастливымъ образомъ, благодареніе Богу, насъ благословящему, сохранена честь оружія. Съ распространеніемъ успѣховъ и притяжаніемъ завоеваній, какъ наставала нужда и въ приумноженіи силъ военныхъ, то Ея Императорское Величество и благоизволила Всевысочайше, по временамъ, присовокуплять сюда войска изъ другихъ частей. Теперь, можетъ быть, полагается исполненіе Высочайшаго Ея Величества повелѣнія, въ Рескриптѣ отъ 23 Апрѣля изображеннаго, чтобъ, по благопризнанію большею на Конгрессѣ

въ Фокшанахъ Посломъ, Князя Григорія Григоріевича Орлова, пригото­вить здѣшнія крѣпости къ подорванію, которыя и пригото­вовлены, а съ тѣмъ соединено и испраженіе краевъ здѣшнихъ. Подобное и неизвѣстное дѣлъ состояніе наноситъ сердцу моему найчувствительнѣйшее прискорбіе и смущеніе, со стороны рвенія моего къ исполненію Всевысочайшей воли Всемиловитѣйшей моей Государыни, и службъ Ея, и опасности быть подвержену какимъ либо непріятнымъ обстоятельствамъ, а особливо въ крайнемъ из­нуренія силъ и здоровья моихъ. Въ сихъ смѣшенныхъ моихъ раз­мышленіяхъ, и прошу помощи у того, котораго имѣлъ я во всѣхъ дѣлахъ свѣтодателемъ и наставникомъ, въ твердомъ упованіи, что отъ дружеской и милостивой его ко мнѣ откровенности, снабдѣнъ и подкрѣпленъ буду надобнымъ въ семъ дѣлѣ просвѣщеніемъ и наставленіемъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною предан­ностію пребуду навсегда

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою.

ПАНИНУ.

1772 года,
Декабря 17-го.
N. 48.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Депеши Алексѣя Михайловича, мною сей часъ полученныя, отправляю къ Вашему Сіятельству, ни мало не удерживая. Онъ теперь и паче имѣетъ надобность въ скоромъ полученіи рѣшитель­ныхъ отъ Двора наставленій, въ такихъ артыкулахъ, которые глав­нѣйшее записаніе составляютъ въ дѣлахъ его, достигшихъ, кажет­ся, въ прочихъ частяхъ до наклонности и сближенія къ желаемому порядку и согласію. Сославшись на послѣднее мое къ Вашему Сія­тельству отъ 15-го Декабря, касательно до отправленія еще восьми полковъ Пѣхотныхъ въ Псковъ, я смѣю здѣсь повторить, что дви­женіе сіе, безъ сомнѣній, дастъ ощутить новыя упорливостя въ

Туркахъ, и затрудненія въ переговорахъ, тѣмъ наибольше, что вѣтъ почти ни одного, и самаго простаго, Турка, который не любопытствовалъ бы вѣдать о Шведскомъ, въ разсужденіи насъ, положеніи; а иные изъ нихъ и затѣваютъ уже и ложные слухи, будто Шведы поступили на отборъ у насъ и въ некоторыхъ городовъ и крѣпостей. Впрочемъ, Милостивый Государь мой, я ожидаю отъ милости и дружбы Вашей, что Ваше Сіятельство благосклонно меня простите въ утружденіи Васъ подобнымъ сообщеніемъ мыслей моихъ, которыя, можетъ быть, и не вовсе сходствуютъ съ обстоятельствами происшествій и положеніемъ дѣлъ, поелику и нельзя намъ прямо о томъ судить въ отдаленности нашей, и что надобнымъ просвѣщеніемъ и наставленіями, какъ въ разсужденіе сего, такъ и по другимъ такимъ, прежде отправленнымъ, представленіямъ рѣшеніемъ снабдить не оставите, пріемля милостиво здѣсь подтвержденіе нелицемѣрныхъ увѣреній о искреннемъ высокопочитаніи и неограниченной преданности, съ коими есмь и буду.

ПАНИНУ.

1772 года,
Декабря 27 дня.
N. 49.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ депешахъ Алексѣя Михайловича, при семъ доставляемыхъ, Ваше Сіятельство найти изволите, сколь рано начали, къ сожалѣнію, оправдаться предчувствованія мои, которыя осмѣлялся я сообщить Вашему Сіятельству въ послѣднихъ моихъ отъ 15 и 17 Декабря. По слабому моему мнѣнію, источника оказавшейся со стороны Посла Турецкаго переменны, искать надлежитъ не въ собственномъ къ тому его побужденіи, но наибольше во внушеніяхъ и обнадеживаніяхъ Дворовъ, не доброжелательствующихъ нашему. Съ куріерами ли, предъ послѣдними Конференціями къ нему прибывшими, получилъ онъ въ томъ наставленія, или же, можетъ быть, достигла знанія его сдѣланная въ войскахъ диверсія; поелику послѣ того явилъ онъ новое высокоуміе и упорство въ пред-

ложеніи, въ замѣну ко удовлетворенію нашей стороны, вещей, въ видѣ только нѣчто, а въ самомъ существѣ ничего не содержащихъ. Я предаю на собственный судъ моего милостиваго благодѣтеля, какии трудностямъ подверженъ и со стороны обнятія оставшихся мѣсть, стражу и примѣчанія на себя обращающихъ, и удержанія непріятели, чрезъ настоящую войну въ гордости укрощеннаго до той, которой прежде не свойственной ему степени, въ надлежащемъ для лучшей пользы вниманія на наше дѣль состояніе. Нѣтъ способовъ, Милостивый Государь мой, къ сокрытію движеніи, мнѣ предписаннаго, предъ непріятеlemъ; и вѣроятіе всѣхъ видовъ, каковы бы и только могъ дать ему, опровергнутся однимъ склоненіемъ Марта. По дальнему отстоянію мѣста, назначеннаго симъ войскамъ, не могутъ они поспѣть къ тому благовременно; и если уважить, что сіи полки, обращавшись въ мѣстахъ, гдѣ зараза вкоренилась, и сами оную отъ части потерпѣли, въ отвращеніе пагубныхъ слѣдствій, не должны впущены быть безъ надобныхъ предосторожностей въ границы наши, то и легко быть можетъ, что они, вышедши отсюда и не дошедъ, куда предположено, будутъ въ недѣйствіи, безъ пользы обѣимъ пунктамъ; а между тѣмъ, чтобъ не потеряло оружіе Ея Императорскаго Величества въ краю здѣшнемъ, что (ежели совмѣстно мнѣ судить о томъ) на обстоятельства и послѣдствія онаго взирають, и мѣры и покушенія свои основываютъ на оныхъ, вновь вооружающіеся непріятели. Во всеподданнѣйшемъ моемъ, которое прошу поднести Ея Императорскому Величеству, и принявъ дерзновеніе представить, неужодно ли будетъ Ея Величеству, въ разсужденія малого числа явличныхъ людей въ сихъ полкахъ, понесшихъ отъ тяжкихъ болѣзней уронъ, отъ далекаго походу и паче еще уменьшиться неминуемо имѣющаго, которое не великое тамошнимъ силамъ принесетъ подкрѣпленіе, оставить ихъ, а въ замѣну того, рекрутами по близости и способности положенія Провинціи, изъятыи изъ Польши, и оставшіе въ Россіи полки, достаточное количество старыхъ солдатъ въ себѣ содержащіе, дополнить и усилить прибавленіемъ баталіоновъ, или въ другомъ образѣ, по Всевысочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества, войска умноженіемъ. Такимъ образомъ и здѣшняя страна не понесетъ оскудѣнія силъ, которое не столь въ числѣ людей, какъ въ видѣ полковъ, ощутительно, а снерьхъ того, рекруты сохранены и между тѣмъ, къ службѣ съ лучшею пользою приучены

будутъ, вомѣсто, что знатная часть оныхъ отъ дальняго пути, болѣзней, качествамъ воздуха здѣшняго свойственныхъ, прежде употребленія ихъ, смерти подвержены бывають. Не сомнѣваюсь я, мой милостивый Другъ, что Ваше Сіятельство изъясненія мои благоволите принять за дѣйствія моего рвенія къ службѣ и вите-ресамъ Ея Величества, и что если найдется въ нихъ погрѣшность со стороны отдаленности моей и свѣдѣнія связи обстоятельствъ настоящихъ, то милостивымъ просвѣщеніемъ и руководствомъ исправить и наставить меня не отречется.

Заключаю сіе принесеніемъ должнаго моего поздравленія Вашему Сіятельству сближающимся Новымъ Годомъ. Отъ искреннѣйшаго сердца моего желаю, чтобъ Ваше Сіятельство, въ теченіи сего и будущихъ многочисленныхъ, пользовались здравіемъ, отъ дня въ день укрѣпляющимся, и благосостояніемъ найсовершеннѣйшимъ, сколь то есть угодно и драгоцѣнно для всего Отечества, въ пользу котораго толикіе труды Вы подъемлете.

Я поручаю себя въ дружескую и благосклонную Вашу милость и есмь съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію.

ПАВЛУ.

1772 года,
Декабря 27.
N. 50.
Изъ Яссы.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

По поводу дошедшаго ко мнѣ слуха, что, изъ главнѣйшихъ, бывшей Конфедераціи, возмутителей принимаются нынѣ въ Россіи не съ такою строгостію, какъ прежде, а особливо по неотступнымъ почти просьбамъ Господина Чацкаго, Подчашаго Короннаго, и Щенявскаго, Старосты Трехтемировскаго (кой, при вступленіи Россійскихъ войскъ въ Польшу, взятъ въ Могилевъ, и какъ не найдено за

нимъ большой винности, оставленъ въ Глуховѣ и содержится тамо помынѣ), о увольненіи ихъ изъ подъ ареста. Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, можно ль имъ дать свободу, или нѣтъ, увѣдомить не оставить.

Пребываю съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

Р. С. Прошу всепокорно, мой милостивый Графъ, здѣсь вложенное мое всенижайшее и всеусерднѣйшее поздравленіе Новымъ Годомъ Его Императорскому Высочеству поднести.

ПАМЯНУ.

1772 года,
Декабря 28.
N. 51.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

По отправленіи моего курьера, вчерась я имѣлъ честь получить всепочтеннѣйшее Вашего Сіятельства отъ 10-го сего мѣсяца, исполненное тѣми же самыми выраженіями дружбы и милости Вашихъ, каковыми и во всѣхъ предыдущихъ я, превъше заслугъ моихъ, предъ Вами почтенъ былъ. Ничто отраднѣе и полезнѣе для меня быть не можетъ, какъ та благосклонная откровенность, съ которою Вы, милостивый Графъ, удостоиваете меня сообщеніемъ благоразсужденій Вашихъ, прямой свѣтъ мнѣ показующихъ и на путь надлежащій наставляющихъ; но съ моей стороны излишно уже я наскучиваю Вашему Сіятельству толь частыми объясненіями и размышленіями, которыя могутъ не сходствовать съ прямымъ дѣль состояніемъ, которыхъ связь познавать отдаленность и несвѣдѣнія въ томъ препятствуютъ, а дозволяютъ только дѣлать заключенія по ближайшимъ видамъ. Я жду отъ милости и дружбы Вашей, что Ваше Сіятельство мнѣ отпустить изволите все то, какъ происходящее единственно отъ искреннѣйшей моей преданности.

Благодарю Ваше Сіятельство всепокорнѣйше за доставленное мнѣ увѣдомленіе о предпріятыхъ мѣроположеніяхъ въ разсужденіи Польскихъ дѣлъ, общихъ намъ съ Австрійцами, которыя ввергали мени въ крайнія затрудненія и неудобности. Но что до Бродъ, то позвольте, Милостивый Государь мой, сказать мнѣ здѣсь чисто-сердечно, что положеніе, укрѣпленное состояніе и знатный торгъ сего города, преклонять, безъ сомнѣнія, Австрійцевъ настоятъ на уступленіи его. Какъ почти уже послѣдній срокъ проходитъ, и мнѣ, конечно командующему ихъ, рѣшительный уже отвѣтъ учинить должно будетъ, то, въ отвращеніе новыхъ изъ сего затрудненій и безпокойствъ, а особливо и по уменьшенію войскъ, армію, мнѣ ввѣренную, составляющихъ, и найпаче въ томъ краѣ, принужденъ я буду, испразднивъ оный, имъ оставить, хотя и надобный для сохраненія нашихъ запасовъ.

Изъ письма Алексѣя Михайловича, мною сегодня полученнаго, извѣстился я, что 23 Декабря почувствовалъ онъ болѣзненный припадокъ, который, не знаетъ онъ еще, простудѣ ли, или лихорадкѣ, приписать должно. Соболезную о семъ случаѣ и желаю ему совершеннаго изцѣленія, какъ по усердію моему къ нему, такъ и для пользы дѣла, на его возложеннаго, тѣмъ болѣе, что время истекаетъ, а степень, до каковой достигли переговоры ихъ, изъ послѣднихъ его донесеній Вашему Сіятельству извѣстна.

Съ истиннымъ и всесовершеннымъ высокопочитаніемъ остаюсь навсегда непремѣнно.

ПАННУ.

1772 года,
Декабря 31 дня.
N. 52.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ сію минуту отъ Алексѣя Михайловича полученныя депеши, къ Вашему Сіятельству поспѣшаю отправить. Изъ нихъ усмотрѣть изволите, что первые три Артикула въ порядокъ приведены и размѣнены, столь согласно, что Посоль Оттоманскій, кромѣ прибавки

въ третьемъ, о Кабардахъ, въ число совѣтующихъ Хану Чингисской фамиліи, никакой перемѣны не учинилъ. Лучше моего извѣстно Вашему Сіятельству, что сіи Артикулы коль суть не самыя важныя, то и не подають надежды къ сближенію желаемого согласія въ другихъ; ибо дѣло о Еникале съ Керчью и мореплаваніе остающееся, составляетъ главное претыканіе, о чемъ уже Ваше Сіятельство увѣдомлены. Оно поставило себя въ такое положеніе, что Г-нъ Зегелинъ, какъ то изволите увидѣть изъ отзывовъ его къ Алексію Михайловичу и ко мнѣ, признаеть упорство ихъ въ томъ, даже до намѣренія разрыву Конгресса. Въ письмѣ Его къ Алексію Михайловичу Ваше Сіятельство найдете также начертаніе поступковъ и дѣйствій, съ ею несогласныхъ, съ другой стороны и подозрѣнія, изъ того заключаемыя. Знаю, мой милостивый Графъ, сколь чувствительно то быть должно Вашему Сіятельству, когда, вмѣсто пособія и облегченія, отъ добрыхъ услугъ ожидаемаго, новыя и вищія только затрудненія умножаются. Боже, пособи Вамъ преодолѣть ихъ и успѣть найсчастливѣйшимъ образомъ въ устроеніи пользы Отечества, и удержаніи равновѣсія посреди всѣхъ недоброжелательствъ и препятствій!

Отъ сего обращаюсь я къ другому пункту, которымъ я надокучалъ уже моему милостивому благодѣтелю. Въ предъидущихъ моихъ осмѣлился я объяснить, сколь не лучшими слѣдствіями предобнадеживаетъ насъ повелѣнное движеніе полковъ изъ Арміи, мнѣ ввѣренной. Къ сожалѣнію, весьма рано начинаютъ оправдываться мои заключенія. Высокомѣріе непріятели нашего, когда произойдетъ разрывъ, то надобно будетъ, или съ ихъ стороны ожидать оказательныхъ дѣйствій, или же своими упреждать не лучшую пользу. По свойству климата здѣшняго, Мартъ, въ коемъ истечеть перемиріе, удобенъ уже ко всякимъ поискамъ, вмѣсто того, что въ Финляндіи и Швеціи, и два мѣсяца спустя послѣ, еще не способны ни сухимъ путемъ, ни водою предпринимать что либо важное. Въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ, прошу всепокорнѣйше Ваше Сіятельство исходатайствовать, по послѣднему моему всеподданнѣйшему представленію, Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества сходное тому повелѣніе. Полки сіи уже выступили, но удержаніе ихъ и поворотъ сюда, тѣмъ полезнѣе и для дѣлъ нашихъ благопоспѣшнѣе будетъ, что какъ симъ непріятелю, льстивыми

надеждами полонутому, посреди самаго его упорства, новые откроются виды, то и послужать сіе къ обращенію его на умѣренность и лучшую податливость; а услѣвъ въ сей сторонѣ, отъ которой, по слабому моему мнѣнію, прочія зависятъ, удобнѣе уже будетъ достигать своихъ предположеній и въ другихъ. Впрочемъ, Милостивый Государь мой, по свойственному Вамъ проицанію, искусству и свѣдѣнію всѣхъ окрестностей, Вы лучше можете располагать, опредѣлять въ томъ, въ чемъ и на милостивое Ваше благо-разсмотрѣніе и предаюся.

Отъ прибывшихъ изъ Бухареста увѣдомляюсь, что здоровье Алексѣя Михайловича поправилось, какъ то отъ 27-го и въ Конгрессѣ уже быть могъ. Радуюсь сему, сколь нужно оно въ настоящемъ особливо дѣлѣ положеніи, и когда уже срокъ предполагаемой для окончанія сближается. Пользуюсь симъ случаемъ, возобновляя пелищемѣрныя мои увѣренія о искреннемъ высокопочиніи и безпредѣльной преданности, съ которыми навсегда пребуду.

РЕЛЯЦІИ,
ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ И ПИСЬМА
ГР. П. А. РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО
1773 ГОДА.

ОБРЕСКОВУ.

1773 года,
Генваря 2 дня.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Третьяго дня я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее Вашего Превосходительства, отъ 29 Декабря, съ приложеніями, и увидѣвъ изъ онаго постановленія и размѣну трехъ первыхъ артикуловъ, поздравляю Васъ всеусердно симъ началомъ; но съ Вами, мой вселюбезный другъ, согласенъ я, что симъ еще конецъ не приближается и споръ въ главнѣйшихъ пунктахъ останавливаетъ теченіе негоціаціи. Содержаніе письма Г-на Зегелина заключаетъ нѣчто похожее на Русскую пословицу: «я волчій ротъ, и лисій хвостъ.» Когда Турки между объясненіями, упорность ихъ являющими, поговариваютъ уже, что меньше было бы препятствій, если бы предложено было подорвать всѣ крѣпости въ Крыму и на Кубани, не жели уступить двѣ пристани толь важныя, то, можетъ быть, видя съ нашей стороны твердое настояніе, податливость свою произведутъ и далѣе.

Депеши Ваши къ Графу Никитѣ Ивановичу, я того жъ часа отправилъ, а теперь возвращаю письмо Г. Зегелина и Журналъ Вашъ, прилагая тутъ же постъ-скриптъ Князя Василья Михайловича, который прошу обратно прислать.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію пребуду навсегда.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

1773 года,
Генваря 9 дня.

№ 9.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Третьяго дня я имѣлъ честь получить благосклонное Ваше, отъ 5 Генваря, съ приложеніями, и препровожденную тѣмъ депешу къ Графу Н. И. отправилъ. Семь артикуловъ, еще вновь въ порядокъ приведенные и размѣненные, могутъ имѣть силу и пользу свою, но въ слѣдствіе токмо другихъ; итакъ остается только ожидать рѣшенія Двора о важнѣйшихъ, служащихъ дѣлу основаніемъ, и тѣмъ болѣе, когда ни малыхъ признаковъ къ податливости и снисходительности со стороны Турецкой не является.

На письмо Рейсъ-Эфенди къ Князю Гикѣ, онъ удерживалъ отвѣчать до полученія отвѣди Графа Никиты Ивановича на мое къ нему отъ 5-го Декабря; но теперь, считая занепристойно и подозрительно медлить далѣе, и особливо, когда пребываніе его здѣсь извѣстно, поручилъ мнѣ влагаемое здѣсь подъ отверстою печатью съ переводомъ, изъ котораго В. П. соизволите усмотрѣть, что онъ не съ великимъ менажементомъ отзывается о своемъ у насъ пребываніи; но въ томъ извиняется необходимостью говорить такимъ образомъ съ Турками, которые совсѣмъ другое имѣютъ понятіе о обстоятельствахъ его. Отъ благоразсмотрѣнія Вашего зависитъ, отдать ли оное въ надлежащія руки, или удержать до полученія резолюціи.

Прибывшій на сихъ дняхъ изъ Бухареста, Архимандритъ Кесаріи, между разговорами, сказывалъ мнѣ, что онъ былъ съ позволеніемъ Вашимъ, отъ Пресвященнаго Митрополита, къ переводчику Порты съ приличнымъ Новымъ Годомъ поздравленіемъ. На вопросъ мой, какія между ними, при семъ случаѣ, происходили разговоры? отвѣтствовалъ, что сей старый сумазбродъ, прославляя великодушіе и несравненное милосердіе Турко́въ, котораго якобы они еще не познали, и также чело́вѣколюбивыя расположенія ихъ въ разсужденіи тѣхъ, кои приняли участіе въ войнѣ сей противъ ихъ, старался дѣлать такіа внушенія, которыя не въ собственномъ бы его знаніи оставались, но и для уловленія другихъ сообщены быть могли; и съ такимъ чувствомъ, что какъ бы онъ познаніемъ вѣры Христіанской и всѣхъ добродѣтелей одолженъ былъ симъ Богобоязливымъ и великодушнымъ мужамъ: Муссу-слогу и Абдуль Резаку. Племянникъ его, сказываютъ, по обхожденію со многими тамошними, имѣеть способы всѣвать подобныя плевела; слышу однако жъ, что Вашимъ Превосходительствомъ, къ пресѣченію того, взяты надлежащія мѣры. Но что дѣлать, любезный другъ: въ настоящее время имѣютъ они къ тому и случай и привилегіи, какъ то я объяснилъ въ моемъ отъ 6-го Генваря; а потому и повторю тутъ тою же просьбу мою, чтобы Ваше Превосходительство, на подобные случаи прямо Господяну Бригадиру Медеру и другимъ начальникамъ преподали наставленія къ соблюденію, по крайней мѣрѣ, нужной для насъ осторожности. Если бы я, впрочемъ, зналъ, что дѣла ваши подвержены сомнѣнію, то, въ отвращеніе колеблемости въ жителяхъ отъ сихъ разглашеній, старался бы я обнаруженіемъ, съ своей стороны, Манифестовъ, подать увѣренія въ противномъ и ободрить ихъ надеждою защищенія и милости Ея Императорскаго Величества; со всѣмъ тѣмъ, я буду ожидать дружескаго Вашего о томъ совѣта, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

1773 года,
Генваря.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Послѣднюю депешу Вашего Превосходительства ко Двору отселя, 5-го числа сего мѣсяца, отправилъ и чрезъ Вашего жъ курьера, Капитана Князя Голицына. А третьяго дня послалъ въ Крымъ, чрезъ нарочнаго, содержаніе на Русскомъ и Турецкомъ языкахъ 11-го артикула, касающаго до вольности Татаръ, отписавъ къ Резиденту, Г. Веселицкому, сходствуя вашимъ мыслямъ, чтобъ употребленіе онаго, для успокоенія тамъ волнующихся, опредѣлялъ по своему благоразсужденію.

Ваше Превосходительство соизволите усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь въ копіи рапорта ко мнѣ Князя Прозоровскаго, сколь мало доброй вѣры обѣщаютъ намъ новые союзники, и съ какою уловкою Турки свои въ нихъ ухищренія ведутъ къ дѣйствию. Можно дивиться, что Г. Якоби не рѣшился собою схватить войска непріятельскія, скрытно къ нимъ входящія, ибо сила артикула 7-го въ заключенномъ трактатѣ, гдѣ дозволено, для сообщенія съ Кубанцами, имѣть Крымцамъ суда и перевозъ при Еникале, не даетъ имъ права перевозить къ себѣ, найпаче же въ теченіе войны, Турецкія войска.

Я видѣлъ въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ къ Графу Никитѣ Ивановичу, что примѣчаетъ ему мой любезный другъ объ отзывѣ ко мнѣ Визиря, въ разсужденіи продолженія перемирія учиненномъ, яко бы во мнѣніи найти въ мнѣ больше къ тому склонности, нежели въ Васѣ Посоль ихъ видѣлъ. Станется, что и такъ онъ мои расположенія мѣрять, но въ томъ больше еще достовѣрности, что онъ полагаетъ гораздо дальше предѣлы моей власти, нежели како Вы ее сокращаете. Ибо сами Вы знаете, что во всѣхъ перемирияхъ не дѣлалъ я собою перемирія иначе, какъ по тѣмъ видамъ и предписаніямъ, которые предлагались въ поспѣшествованіе мирныхъ негодіацій; сроки тому располагаемы были со ува-

женіемъ на обстоятельства таковаго дѣла, а я клалъ иногда мои разсужденія съ стороны всякой части, что касается только до времени преимущественно удобнаго возвысить пользу непріятельскую предъ нашими невыгодами. Такъ и теперь я ожидаю отъ В. П. дружескаго увѣдомленія, въ какое время и какимъ образомъ должно мнѣ будетъ отвѣчать Визирю на его письмо, съ чемъ не совѣтовали Вы мнѣ, чтобъ я сдѣлалъ.

РЕЗИДЕНТУ ВЕСЕЛИЦКОМУ.

1773 года,
Генваря дня.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Получаемыя извѣстія изъ Крыму даютъ намъ видѣть безпрерывно продолжающія въ тамошнемъ народѣ колеблемость въ разсужденіи своего состоянія и недовѣрствіе въ томъ къ нашей сторонѣ, что могли вселить въ оный злостныя ухищренія Порты по совсѣмъ застарѣлымъ того приверженности къ оной. Во уваженіи такого въ Татарахъ расположенія, и дабы открыть ихъ душевныя очи къ ощущенію истиннаго своего благополучія, отъ котораго буйство ихъ отвращаетъ, я, слѣдуя совѣту Полномочнаго Посла нашего на Конгрессѣ, сообщаю Вамъ здѣсь первонадесять артикуль, предложенный отъ него Турецкому Послу, касательно до вольности и независимости Татаръ. Если Вы заблагоразсудите употребить объявленіе онаго, какъ средство лучшее поправить неустройство, и убѣдить народъ въ томъ истинномъ намѣреніи Высочайшаго Двора нашего, съ которымъ настоятъ видѣть вольность Татаръ, а нераздѣльно съ нею и благоденствіе ихъ, навсегда прочное, о чемъ и простираются найсильнѣйшія старанія на Конгрессѣ нынѣшнемъ, то къ удобнѣйшему внушенію того, посылаю здѣсь тотъ же артикуль, слово отъ слова переведенный на Турецкомъ языкѣ, полагаясь въ употребленіи сего средства, для приведенія народовъ въ желаемое положеніе, на собственное Ваше просвѣщеніе.

Я пребываю, впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Высокородія
покорнымъ слугою.

Кошія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

21 Генваря,
1773 года,
N. 16.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Доставляя при семъ на имя Вашего Превосходительства, въ сей день полученныя мною отъ Двора, депеши, и зная, по сообщенію мнѣ отъ Графа Никиты Ивановича, содержаніе рѣшительнаго, на наши представленія, рескрипта, который тутъ слѣдуетъ, предвижу я, Милостивый Государь, сколь нелегко Вамъ будетъ преоборотъ претительность прежнюю своего товарища, которую, однако жъ, называютъ только упорнымъ стремленіемъ противу одной мечты. Я не знаю, какіе неизвѣстные намъ виды удостовѣряютъ нашъ Дворъ о всемъ противномъ, нежели что я знаю изъ Вашихъ сообщеній въ разсужденіи податливости и склонности Порты, по рѣчамъ Посла, съ Вами трактующаго на заключеніе мира. Тамъ разумѣютъ искреннюю склонность Турковъ къ нашимъ мирнымъ предложеніямъ, и уже льстятся увидѣть вскорѣ моментъ счастливаго онымъ утвержденія. Судите по сему, Ваше Превосходительство, сколько вдали вещи въ другомъ образѣ могутъ представляться, нежели какъ мы ихъ ощущаемъ подъ глазами. Излишне бы всякое было отъ меня разсужденіе о сихъ дѣлахъ предъ Вашимъ Превосходительствомъ, яко человѣкомъ, ознаменяющимъ въ каждомъ пунктѣ его званія высоту своего благоразумія и проницательности. Не скрою, однако жъ, Милостивый Государь, моею мысли, что обнаженіе нашихъ силъ морскихъ съ стороны Азовской, признаніе, какого существа наша тутъ флотилія, и сколько неудобствъ мы находимъ къ судоплаванію по мѣлководію въ Черномъ морѣ, коль сими предложеніями велятъ прямо Вамъ убѣждать Рейсъ-Эфендія къ соглашенію на артикулы объ уступкѣ Еникале и Керчи и свободнаго намъ мореплаванія, можетъ иногда открыть глаза Туркамъ, что они ощутятъ сіи обстоятельства къ той мѣрѣ, что, не познавая страха по предразсужденіямъ политическимъ, на будущее время, отложить и ту боязнь, которую они, въ настоящее

военное, имѣють противъ нашего морскаго съ той стороны вооруженія. Слѣдственно, деликатность и осмотрительство въ такомъ пунктѣ простираются съ такой степени, что только очистка сей матеріи обнадеживается однимъ просвѣщеніемъ и изворотомъ Вашего Превосходительства. Открываясь Вашему Превосходительству въ образѣ искреннаго и преданнаго Вамъ друга, не могу сомнѣваться, что въ изъясненіи своихъ разсужденій покажете Вы равное и для меня всенужное взаимство. Не престану я быть во всю жизнь съ высокопочитаніемъ и проч. и проч.

P. S. Сіе отправляя, получилъ я отъ Вашего Превосходительства депеши съ Г. Корбіемъ, и подлежащія ко Двору немедленно отсылаю. Изъ предъидущаго моего отъ 18 Генваря, видѣть соизволите, Милостивый Государь, сколь согласно встрѣчается мысль моя съ признаніемъ Вашимъ, въ разсужденіи страха и волнованія жителей. Подобное смущеніе объемлетъ и всѣхъ здѣшнихъ. Колико бы не успѣли загражденіемъ путей прикоснуться къ намъ зложелательнымъ внушеніямъ отъ стороны прямой, но чрезъ Трансильванію открыта есть дверь, чтобъ пугать ихъ непріятными разглашеніями. Я ожидаю, въ слѣдствіе моего прошенія, Вашего совѣта: найдете ли удобнымъ въ настоящее время подать на письмѣ (какъ я въ томъ сказалъ вамъ свою мысль) приличное обнадеживаніе къ ихъ успокоенію? Графъ Никита Ивановичъ пишетъ ко мнѣ, что Гишпанской Полковникъ де Ласказасъ почитается подосланнымъ шпиономъ Французскаго Министерства, и для того желаетъ, чтобъ я его отбоярилъ, не компрометируя ни себя, ни Министерство, подъ какимъ либо пристойнымъ претекстомъ. Во исполненіе того, прошу я Вашего Превосходительства приличнымъ образомъ дать ему почувствовать, что уже время ему ко мнѣ возвратиться, а я также понцу мѣръ сжить его съ рукъ. Гдѣ дозволено пребываніе безъ изъятія всѣмъ чужестраннымъ волонтерамъ, тамъ трудно охранить себя, чтобъ между многихъ не было и сему подобнаго.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Генваря 23 дня,

1773 года.

N. 23.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Вашему Превосходительству въ 21-й день сего мѣсяца на полученныя отъ Васъ письма, не упомянулъ я тамъ, что въ тотъ же день привезенъ былъ ко мнѣ Барономъ Паленбергомъ извѣстный человѣкъ, и объ ономъ письмо Вашего Превосходительства отъ 18-го. Дабы удалить отъ него всѣ способы, по нашему разумѣнію въ немъ шпиона, я въ минувшую ночь отправилъ его на почтовыхъ, подъ препровожденіемъ того жъ Паленберга до Серпухова, гдѣ есть послѣдняя карантинная застава, приказавъ имъ тамъ дожидаться повелѣнія, куда далѣе слѣдовать, отъ Графа Н. И., и предварилъ сего послѣдняго подлежащимъ увѣдомленіемъ и отсылкою на его разсмотрѣніе имѣвшихся бумагъ, которыя представляетъ въ доводъ своей свѣтлой природы и службы.

Здѣсь включаю я въ копію, для прочтенія Вашего, письмо Графа Н. И., относящееся къ рѣшительности жребія здѣшнихъ жителей: прошу Вашего дружескаго совѣта, можно ли изъ онаго въ настоящую пору употребленіе дѣлать, или же предоставить то послѣдующему времени, поелику открывать имъ, при нынѣшнихъ разглашеніяхъ, смущающихъ народъ, сіи предложенія, было бы подавать явное удостовѣреніе, что мы оставляемъ ихъ край въ прежнюю власть, толь имъ ненавистную. Если бы мы благонадежны были въ одержаніи теперь мира, то обстоятельство менѣе бы уваженія стоило; но когда въ томъ полной еще надежды не имѣемъ, то и требуетъ еще благоразуміе соображать слѣдствія.

Знаю, и знаю предовольно, Милостивый Государь мой, что я имѣю дѣло съ Министромъ, отъ котораго проницанія ни которые случаи быть не могутъ сокровенны, касающіеся до положенія нашего, но обыкши говорить съ Вашимъ Превосходительствомъ, какъ персональнымъ моимъ другомъ, побуждаюся симъ обстоятельствомъ изъяснить Вамъ мою мысль въ разсужденіи пред-

писанных Вамъ словъ въ послѣднемъ рѣшительномъ Рескриптѣ, чтобъ, во убѣжденіе прекословія Турецкаго Посла, сказали Вы ему, что перемиріе далѣе 9-го Марта продолжено не будетъ. Объявить сіе и такъ заблаговременно, было бы власно, что разбудить Турковъ отъ настоящаго усыпленія, и понудить ихъ повсемѣстно взять должныя, на такой случай, мѣры. При чемъ не только не легко уже намъ булегъ ударить на какой нибудь чувствительной для нихъ пунктъ, но можемъ иногда, по нынѣшнему войскъ ослабѣнію, упреждены быть и огъ нихъ и потерпѣть случающійся уронъ, найпаче въ слабыхъ частяхъ. Я не сомнѣваюсь, чтобы искусство и благоразуміе, толь явственное въ дѣлахъ Вашихъ, не преодолѣли буйственнаго упорства Порты въ окончаніи блаженнаго дѣла; но ежели бы нужно было добиваться миру оружіемъ, въ такомъ случаѣ, чѣмъ внезапнѣйшія, тѣмъ и полезнѣйшія быть бы могли наши дѣйствія; и для того я мню, что буде настоятъ сомнѣніе заключить желаемый миръ, то лучше усыплить непріятеля въ настоящемъ военномъ нерадѣніи и тишинѣ, нежели устрашеніемъ побудить его устроить свои обороны, ибо всякому, кому бы ни сказать, что готовлюсь тебя бить, натурально приметъ къ отвращенію мѣры взаимствъ.

Я еще повторю, чтобъ сіи мои изъясненія приняли Ваше Превосходительство въ видѣ единственной моей и безпредѣльной къ Вамъ откровенности, и въ побужденіе той отличной преданности, съ которою честь имѣю быть.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

27 Генваря, 1773 года.

№. 28-й.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Вчера на вечеръ имѣлъ я честь получить всепочтеннѣйшее Вашего Превосходительства отъ 28 настоящаго теченія, и присоединивъ къ сему съ моимъ благодареніемъ приложенія, которыхъ возвращенія Вы требовали.

Ч. П.

30

Соизволи ли иждѣть Вы, Милостивый Государь мой, изъ предьидущаго моего, сколь согласно повстрѣчались наши мысли въ разсужденіи содержанія послѣднихъ Вамъ отъ Двора повелѣній? Я полагаю равномыслие наше быть плодомъ усердныхъ стараній въ исполненіи должности теперешняго нашего служенія. Присвоивъ себѣ правило, чтобъ ничего не имѣть въ моей душѣ закрытаго предъ Вашимъ Превосходительствомъ, такъ какъ предъ моимъ искреннимъ другомъ, отвѣчаю Вамъ въ семъ истинномъ расположеніи на вопросъ Вашъ объ окончаніи продолженія перемирія. Ваше Превосходительство находите въ послѣднихъ отъ Двора предписаніяхъ, что угроженіе не возобновлять перемирія, сочтено тамъ за лучшее убѣжденіе принудить Порту на ширтыя ниши договоры. Я Вамъ сказалъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ мое мнѣніе, что поступокъ такой можетъ родить по себѣ предосудительныя слѣдствія ополченія, и что хотя бы самая крайность вынуждала прервать перемиріе, по истеченіи срочнаго времени, то и тогда полезнѣе въ разсужденіи сего пункта держать Турокъ до послѣдняго дни въ невѣдѣніи, или во усыпленіи, чтобъ пособила ихъ оплотнѣсть нашимъ на нихъ первымъ дѣйствіямъ военнымъ.

Но что лежитъ до того, чтобъ мнѣ собою принять резолюцію прервать, или продолжать вновь, перемиріе, въ томъ, Милостивый Государь, предстоятъ моему разсужденію сіи трудности: я ношу въ сію войну имя Главнаго въ цѣломъ войскѣ. Правда, что учиненныя мною здѣсь постановленія относятся ко всѣмъ частямъ, но, впрочемъ, власть моя есть власть, подобная частному предводителю, ибо всѣ другія отдѣленныя войска отъ меня не зависятъ, и командующіе оными располагаютъ свои дѣла по собственному воображенію. Примѣръ сему видите въ письмахъ Графа Алексѣя Григорьевича Орлова, когда онъ считаетъ себя обезоруженнымъ, удержаннымъ отъ расширенія своихъ побѣдъ, и подвергнутому опасности чрезъ продолженіе на нѣкоторые мѣсяцы настоящаго перемирія. Хотя извѣстно и Вамъ и всѣмъ, что по дальнему разстоянію мѣсть, и по вооруженію неодинакому, и не могу имѣть отъ его стороны вспоможенія къ подкрѣпленію своихъ силъ, или на облегченіе здѣшнихъ дѣйствій. Тѣ ли предѣлы остаются на моряхъ тамошнему сосѣдству непріятельскому, каковы мы здѣсь имѣемъ, будучи съ онымъ раздѣлены одними только берегами Дуная? По доходящимъ къ намъ извѣстіямъ, сами видите

Ваше Превосходительство, коль Порта беретъ свои наибольшія осторожности противъ воображаемыхъ нашихъ дѣйствій съ стороны Чернаго Моря. Вы сами были въ трудности, которая еще не кончилась, преобороть пренія Турецкаго Посла, коль онъ, не обинуясь, въ конференціяхъ съ Вами изъяснился, сколь Порта должна страшиться разрушенія своей столицы, при нашемъ государствovanіи на Черномъ Морѣ Я не понимаю, почему опасность и предосужденіе своимъ дѣламъ полагаетъ Графъ А. Г. отъ сдѣланнаго здѣсь перемирія. Можно навѣрно угадывать, сходствуя доходящимъ къ намъ извѣстіямъ, что Порта теперь свои морскія силы обращаетъ больше для отраженія нашихъ предпріятій отъ Чернаго Моря, заградя, впрочемъ путь, къ поискамъ нашему Архипелагскому флоту укрѣпленіемъ Дарданель, слѣдственно, и получаетъ онъ изъ сего своей сторонѣ, не только облегченіе, но и спокойствіе; да и что тутъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцовъ, говоря на обѣ стороны, Турки нашимъ, а наши Туркамъ могли бы учинить? И развѣ чрезъ три года не было къ тому довольнаго времени? Вотъ, Милостивый Государь. обстоятельства, которыя меня, признаюсь, замѣшиваютъ, и такія мысли наши часто встрѣчаются между собою и нудятъ прибѣгать къ совѣтамъ другъ друга. Сей ради причины я немогъ, по требованію Вашему, руководствоваться собственною резолюціею, а послалъ въ сію ночь нарочнаго курьера къ Графу Никитѣ Ивановичу, представи на его судъ и Ваши мысли и мои, во всемъ томъ согласующіяся; мы можемъ надѣяться получить его резолюцію къ половинѣ Февраля, а между тѣмъ прилагаю здѣсь мое запасное письмо къ Вашему Превосходительству, которое тогда можете предъявить своему товарищу, когда бы нужду предвидѣли, по его домогательствамъ, удостовѣригъ его о моихъ мысляхъ въ разсужденіи перемирія. Я расположилъ мой отвѣтъ держась съ тѣмъ, чтобъ не разбудить спящихъ прежде времени угрозами. Включаю здѣсь копію перемирія, постановленнаго Г. Спиридовымъ; по 3-му артикулу не могли Турки предпринимать никакого движенія своимъ флотомъ, слѣдственно, въ поступкахъ своихъ Графъ Орловъ долженъ быть оправдаемъ, и не можетъ сего, въ такомъ случаѣ, уничтожить силы артикула 8-го, на которомъ утверждаютъ Турки свои жалобы. Неспокойствія въ Египтѣ могли ихъ понудить воспользоваться настоящею тишиною, дабы усмирить тамошнія волненія. Я не говорю, чтобъ сіе бодьше было быточно, нежели тѣ замахи, которые Графъ Орловъ доведенъ былъ отражать силою оружія.

Все сіе я пишу въ дружескую конфиденцію и прошу Милостиваго Государя сохранить мои откровенія безъ проницанія всѣмъ другимъ.

Р. S. По написаніи сего, получилъ я изъ Спб. курьера и, не медля ни мало, къ Вамъ депеши посылаю. Дворъ согласился по моей реляціи отобранныя полки отсюда опять оставить при здѣшней арміи; а Графъ З. Ч., не считая безопасности отъ Шведовъ, совѣтуетъ, на случай востребованія, расположить ихъ въ Польшѣ и вывѣтривать изъ нихъ заразу. Изъ приложенныхъ здѣсь оригинальныхъ писемъ отъ Графа Н. И. и Вице-Канцлера (которыя прошу мнѣ возвратить по прочтеніи) увидите Ваше Превосходительство настоящую причину, понудившую отдать взятые войска. Во уваженіе рекомендаціи Вашего Превосходительства, присланнаго отъ Васъ Сержанта Варламова я произвелъ Прапорщикомъ. Мое удовольствіе и обязательство всегда будетъ непреложно, чтобъ во всѣхъ случаяхъ исполнять Ваши требованія.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Генваря 27 дня,
1773 года,
N. 29.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

По условію Вашему съ Полномочнымъ Посломъ Порты, испрашиваете Ваше Превосходительство отъ меня резолюціи на возобновленіе перемирія, коль срокъ истеченію онаго сталъ близокъ, и что сіе самое пріялъ на представленіе Верховному Визирю и Г. Рейсъ-Эфенди.

Обстоятельство сіе тѣмъ меньше въ сію пору подлежить таковымъ предположеніямъ, сколь больше и найдостовѣрнѣйше основываю я мою надежду на истинныхъ склонностяхъ къ тишинѣ и ко благу народному обоихъ Державъ, вступающихъ въ примиреніе, на благосердіи ихъ Государей и на искренномъ попеченіи тѣхъ

людей, которые отъ нихъ избраны къ сему великому служенію. Его Сіятельство Верховный Визирь въ своихъ отзывкахъ, всегда благосклонныхъ, далъ мнѣ найсильнѣйше чувствовать, какъ велико всегда было, и нынѣ есть, его стараніе, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ кровопролитной войны и содѣлать миръ благословенный, сопригающій найпрочнѣе пользы обѣихъ народовъ. Сіи склонности, благородныя и великой хвалы достойныя, ознаменуютъ въ своемъ поведеніи и Г. Рейсъ-Эфенди, Посоль съ Вами Полномочной, съ которымъ Вы уже согласились и подписали многіе артикулы мирнаго Трактата. Я не имѣю причины ослабить мое упованіе, что и остающіеся подъ прекословіемъ постановленія, которыхъ утверженіемъ долженъ существовать желаемый миръ, скорѣ заключены будутъ изъясненіемъ отъ Порты согласія и признанія къ справедливости и умѣренности въ нашихъ кондиціяхъ. Меня удостовѣряетъ въ томъ благоразуміе, правосудіе и прочія качества добродѣтельной души, которыми украшается самъ Верховный Визирь и сей Министръ мира. А подобно сему не могу я отложить того мнѣнія, что гдѣ воюющія Державы искренно желаютъ прекратить вражду между собою, тамъ несовмѣстна долговременность, для заключенія къ тому договоровъ, слѣдственно, и должны мы надѣяться, до истеченія настоящаго перемирія, не только узрѣть совершенное прекращеніе войны, но и самыя плоды блаженнаго мира. Съ чемъ я искренно желаю принести мои поздравленія участвовавшимъ въ томъ, а между тѣмъ пребывать честь имѣю съ непоколебимымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

всепокорнымъ слугою.

Копія съ черноваго.

ОБЪЕКСКОВУ.

1773 года.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Подъ N 13, 14 и 15 имѣлъ я честь получить всепочтеннѣйшія Вашего Превосходительства, въ отвѣтъ на мои предыдущія

и со увѣдомленіемъ въ двухъ послѣднихъ, сколь близко Ваше дѣло къ разрушенію. Не изъ проницаіи, свойственнаго политикамъ, но по обыкновенному моему прегъ Вами чистосердечію, изъясняю я Вамъ мои мысли по поводу сей матеріи. Нѣтъ сомнѣнія, что зависть, и коварство не дремлющими глазами наблюдаютъ наши дѣла, и найпаче при нынѣшнемъ ихъ состояніи; столько жъ не закрыто провидѣнію Вашего Превосходительства, что участвующія въ томъ Державы, имѣя у себя свободныя руки, не могутъ иначе возбудиться къ рѣшительной содѣятельности, развѣ бы интересы ихъ почувствовали подобное бремя, каковымъ отягощаются обѣ воюющія. И тако, польза и вредъ нашъ зависятъ отъ положенія, въ которомъ они доднесь остаются, и въ которое могутъ впредь войтить, при нынѣшнемъ дѣлѣ сліиіи, каждаго интересующемъ. Надобно, чтобъ Турки сильно возбодрены были убѣдительными средствами, отъ нашихъ недоброжелателей имъ предъставляемыми, когда они изъ за всѣхъ своихъ проигрышей еще дѣлать вознестись превыше нашихъ успѣховъ, хотя, впрочемъ, какъ бы имъ счастливою оборотъ взяло ихъ оружіе, они бы не больше приобрѣли, какъ то же, что и миръ собою имъ приноситъ.

Но удивительнѣе и больше того, что мы, когда возвышаемъ наши требованія, тогда не ищемъ тѣхъ способовъ, которые въ такихъ случаяхъ сущимъ суть подкрѣпленіемъ, то есть, чтобъ умножить свои силы противу непріятеля, но паче ихъ ослабляемъ въ виду, такъ сказать, враговъ, на то взирающихъ. Оставленіе взятыхъ полковъ, которые къ первому дѣлу, по дальнему переходу, и поспѣтъ уже не могутъ, не надѣюсь, чтобъ въ непріятель ту же имѣло содѣятельность, каковую онъ получилъ къ своему возбодренію отъ ихъ прежняго движенія. Дни долгаго перемирія не послужили намъ къ достаточному себя снабдѣнію къ военному дѣлу; еще не бываю рекруты, многихъ нужнѣйшихъ амуничныхъ вещей не привезено, а потому, ежели въ Мартѣ открывать кампанію, то не только не будетъ здѣсь силъ къ предпріятію какому либо знаменитому, но едва ихъ станетъ на защиту себя и удерживаемаго края противъ стремленій непріятельскихъ. Я говорю съ Вашимъ Превосходительствомъ съ полною дружескою довѣренностію, что у меня ни здоровья, ни смысла не станетъ уже для такихъ трудныхъ изворотовъ, въ которыхъ не имѣю вспоможенія, но паче ослабляютъ прилагаемые

туды къ трудамъ. Всѣ другіе держутся правилъ, что, желая твердаго мира, надобно быть готовымъ къ войнѣ, а у насъ сему противное видимъ: ибо армія здѣшняя, Вы сами видите, сколько не имѣетъ для себя надобнаго по такому предположенію.

Благодарю, Милостивый Государь мой, за предостереженіе меня въ разсужденіи поврежденія судовъ стоявшихъ при Журжѣ: я взыщу съ виновныхъ тому; но ежели сіе послѣдовало не отъ крайней нашихъ оплошности, но по неотвратимому стремленію стихій необоримой, то и думаю, что равной вредъ, на своемъ берегѣ, долженъ претерпѣть и непріятель, о чемъ, буде Вы можете свѣдать, прошу меня увѣдомить.

Пребываю и проч:

Копія съ черноваго.

29 Генвара,
1773 года,
N. 31.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Отправивъ сего дня ко Двору двухъ курьеровъ изъ Архипелага, препровожденныхъ ко мнѣ всепочтеннѣйшимъ Вашимъ отъ 26-го настоящаго теченія, а чрезъ нихъ и депеши Ваши къ Графу Никитѣ Ивановичу, прилагаю здѣсь всѣ письма къ Вамъ, которыя сей день и получилъ изъ Санктпетербурга.

Я не имѣю съ симъ курьеромъ вичего новаго, кромѣ Рескрипта, объ оставленіи командированныхъ шести полковъ, въ слѣдствіе предварительнаго о томъ уже увѣдомленія; и тутъ, однако жъ, предписуеютъ, чтобъ до превращенія мирной негодіаціи въ военное замѣшательство, расположить ихъ въ Польшѣ, при магазинахъ. Разсудите, какое разстояніе границъ Польскихъ съ тѣми предѣлами, гдѣ намъ должно внезапно, по истеченіи перемирія, показать оружіе, слѣдственно, и войски имѣть готовыми.

Прошу я Вашего Превосходительства, сколько искусство и способы Вамъ дозволятъ вывѣдать отъ своего товарища, точное

расположеніе Порты въ разсужденіи окончанія перемирія и возобновленія военныхъ дѣйствій, и меня о томъ заранѣе увѣдомить, дабы я по тому прямо и рѣшительныя могъ воспріять мѣры къ готовности и открытію военныхъ дѣйствій. Сего ожидая, включаю здѣсь, для прочтенія Вамъ, въ оригиналѣ репортъ Князя Прозоровскаго о колеблемости Крымцевъ и покушеніяхъ непріятельскихъ ихъ таковыми учинить. Пребываю съ величезъною преданностію

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

ВИВКОВУ.

1773 года,
Февраля 1 дня.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ!

Въ теченіе сего времени и считаю у Васъ уже быть полному собранію Сената, и слѣдственно скорѣе надлежитъ ожидать, что по предположенію участвующихъ въ раздѣлѣ Дворовъ, дѣла ихъ свое окончаніе воспримуть. Судя, мой дражайшій другъ, о тѣхъ трудностяхъ, которыя и между самыми союзнѣйшими войсками предстоятъ обыкновенно, въ разсужденіи соблюденія равновѣсія въ содѣйствіи, знаю предовольно, сколь велики быть должны ваши заботы.

Со стороны нашей, на сихъ дняхъ ожидаемъ мы открытія, что дѣла наши достигли до той степени, которую можно себѣ вообразать, когда срокъ перемирія къ истеченію сближается; съ обохъ сторонъ равное настояніе и твердость въ разсужденіи соглашенія на главнѣйшіе артикулы пребываютъ.

Я не престану быть съ истиннымъ и непремѣннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Р. S. Касательно поступка здѣшняго Коммиссаріята, я, жалѣя о происшедшемъ отъ неосмотрѣнія онаго Вамъ неудовольствіи, не оставляю ихъ лучше наблюдать должность наставить.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Февраля 1-го,
1773 года.
N. 32.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Въ пополненіе моихъ отвѣтовъ, учиненныхъ на предыдущія всепочтеннѣйшія Вашего Превосходительства, имѣю честь сообщить Вамъ, по поводу письма, присланнаго ко мнѣ отъ Васъ въ переводѣ и знаменующаго страхъ и смущеніе Бояръ Волоскихъ. Я здѣсь спрашивалъ выѣхавшаго изъ Трансильваніи Гику, брата Господарскаго, были ли отъ нихъ каковы отзывы къ Верховному Визирю? Сей не уклонился правду мнѣ сказать, что они писали къ нему, и рѣшиться на то должны были изъ единой предосторожности, которую присовѣтовала имъ опасность для передо видѣть свой жребій во власти Турковъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія разумѣть сію осторожность за дѣйствіе ихъ сердечной воли и приверженности къ прежней Державѣ, но, съ другой стороны, Милостивый Государь мой, видѣли Вы сами въ тѣхъ увѣдомленіяхъ, которыя я Вамъ сообщилъ отъ 22-го Ноября, получа ихъ отъ Двора, что многія знатныя фамиліи преднаписаны къ гибели. Я оставляю собственному Вашего Превосходительства благоразсужденію пунктъ удаленія тѣхъ людей, которыхъ поведеніе находятъ ихъ собратія подозрительнымъ, ибо въ томъ я не могу ни за одного изъ здѣшнихъ жителей ручаться, чтобъ они не были подобны Янусу, имѣющему два лица и два сердца, и оба лукавыя. Но не рѣдко примѣчно, Милостивый Государь мой, и то между здѣшними Боярами, что для своихъ частныхъ корыстолюбивыхъ видовъ, не мучить ихъ совѣсть жертвовать родствомъ и всякою священною привязанностію, лишь бы только на другаго гибели основать могли свою пользу.

Ваше Превосходительство вопрошаете, что я подъ именемъ Ра я разумѣю? Симъ словомъ называются здѣсь уѣзды: Хотинскій, Бен-
ч. II.

дерскій, Браиловскій, которые въ послѣднія времена Турки изключили изъ вѣдѣнія, принадлежащаго Молдавцамъ.

Есть, какъ и всегда, съ истиннымъ почтениемъ и непоколебимою преданностію.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

13 Февраля,

1773 года.

№ 45.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Вчера на вечеръ имѣлъ я честь получить всепочтѣннѣйшее Ваше отъ 9 сего мѣсяца, и препровожденную онымъ депешу къ Графу Никитѣ Ивановичу тогда жъ отправилъ съ Г. фонъ Визинимъ, при моей всеусерднѣйшей рекомендаціи въ пользу сего достойнаго Офицера. Остается мнѣ только пожелать Вамъ, вселюбезному другу, чтобы ультиматы Ваши, которые, кажется, поколебали упорство товарища Вашего, произвели скоро плодъ желаемый и вѣнчающій труды Ваши.

Отъ 5-го числа письмо Ваше я только вчера получилъ; мой курьеръ, съ онымъ отъ васъ отправленный, пропилъ, по видимому, на пути многіе дни Сыропустной недѣли, и за то и дано ему почувствовать, сколь неприятно похмѣлье послѣ такой гульни. Ваше Превосходительство предваряете меня, чтобы я былъ готовъ къ предпріятіямъ военнымъ: не нетрудно сіе исполнить, ибо у насъ еще ни рекруты не прибыли; и если часть какихъ запасовъ для одѣянія получена, то въ сіе только время принимаются обшивать солдатъ; доставленіе онымъ всякаго снабдѣнія заблаговременно не зависитъ отъ меня, но тѣмъ располагають другіе. И такъ отверзтіе кампаніи при исходѣ зимы придетъ ни по числу силъ, ни по готовности у насъ полнаго снабдѣнія. Но я живу всегда вопреки Русскаго присловья: хоть не радъ, да готовъ, то есть,

ко всему радъ, хотя готовности и мѣшаютъ всѣ противоборства. И для того прошу я Вашего Превосходительства, буде бы Вы познали, по теченію своей негоціаціи, что не достигнетъ оная желаемаго конца, то, предъ истеченіемъ срока перемирія, предварить своими увѣдомленіями Генераловъ нашихъ, Корпусами командующихъ въ близости Дуная, сходствуя воспріятымъ мѣрамъ отъ Турецкаго Посла, какъ Вы пишете, что онъ послалъ обвѣщеніе къ своимъ Посламъ, дабы готовы были къ воспріятію оружія.

Я видѣлъ въ письмахъ къ Вамъ Графа Алексѣя Григоріевича, сколько онъ рошеть на здѣшнія перемирія, запинаящія ему путь къ новымъ побѣдамъ. Предзаявленія его въ мою сторону не должны обращаться; я собою и ни для военныхъ дѣлъ не-востановлялъ артистиціи, а надежда къ одержанію мира и негоціаціи о томъ Министерская опредѣляли сроки и надобность въ ономъ по своимъ предъуваженіямъ. Впрочемъ, флотъ нашъ имѣетъ путь открытый и не привязываетъ его къ себѣ никакой островъ, во мѣсто того, что здѣсь всякій шагъ земли нельзя оставить безъ предсужденія оружію, слѣдственно и защита земель пространныхъ, приобрѣтенныхъ завоеваніемъ, весьма разнствуетъ отъ плаванія по водамъ безпрепятственнымъ. Флотъ нашъ, я говорю по описанію, столько властенъ въ тамошней сторонѣ, что Турецкое ни одно судно и украдкою не проходитъ, то для чего же бы не достигать главнаго предмета, коль и недавно способствовали нечаянный случай, доведшій къ разбитію Дулциніотской эскадры и къ одержанію въ другихъ мѣстахъ поверхности? Признаюсь, Милостивый Государь, что я коль ни давно уже упражняюсь всегда въ одномъ ремеслѣ, но ни испытаніе, и ничто другое не могло мнѣ никогда присовѣтовать за лучшее, предпринимать такіа дѣла, въ которыхъ получаемые успѣхи не дѣлали бы преломленія силамъ сопротивныхъ и не подавали бы по себѣ слѣдствій рѣшительныхъ; еще признаюсь, что я и отъ сего правила добровольно отстать не могу, чтобы цѣною великой утраты въ людяхъ достигать приобрѣтеній не самоважнѣйшихъ. На примѣръ, можемъ мы поискъ сдѣлать за Дунаемъ на близлежащій какой либо городъ, но истребленіе онаго можетъ ли препятствовать положенію непріятельскому при берегахъ въ такую пору, когда ему всѣ выгоды будутъ стоять въ лагеряхъ?

Не могу я скрыть предъ Вами, въ разсужденіи моеѣ искренней дружбы, моихъ мыслей, до коихъ меня доводитъ жестокой упадокъ тѣлесныхъ силъ. Многія лѣта проводилъ я, слѣдуя движеніемъ любви къ отечеству и усердной склонности къ дѣлу военному, не будучи никогда въ счастливомъ положеніи, чтобы по собственному желанію избирать себѣ случай, но что на насъ возлагали, то я исполнялъ безъ подобныхъ другимъ жалобъ. Теперь болѣзненные припадки такъ меня обезсиливаютъ, что я едва могу препроводить короткое время, ежели зимняя кампанія, а въ дальшихъ уже продолженіяхъ я не лщу себя участвовать.

Къ понесенію военныхъ трудовъ, во первыхъ, надобна естественная сила, а я уже лишился оной. Бой Вашъ политической въ самомъ жаркомъ воспаленіи имѣеть средства къ своему утолнѣнію, но наши схватки всегда кровопролитны, такъ что разъ опрокинутая ихъ тягость рѣдко низложенному даетъ подняться на ноги, и рѣшенному однимъ сраженіемъ не воспротивляются цѣлые вѣки. Военныя битвы и способы къ тому явны всей публикѣ, и слѣдственно судъ и обвиненіе тутъ неизбѣжны, а оправданію едва бываеетъ мѣсто; но связь и пружины силъ Вашихъ и ихъ дѣйствія скрываютъ Кабинеты отъ всякаго другихъ проніцанія.

На сихъ дняхъ я намѣренъ для военныхъ распоряженій, проѣхать по Дунаю даже до Журжи, и какъ сія поѣздка способствовать будетъ къ свиданію моему съ Вами, чего я больше желаю, то и прошу меня о томъ увѣдомить, могу ли я тѣмъ пользоваться, заѣхавъ въ Бухарестъ, и не подвергая себя ни какому тамъ церемоніальнымъ формалитетамъ Вашего товарища? Если бы онъ хотѣлъ казаться предо мною въ полномъ своемъ характерѣ, ибо онъ въ моемъ Фельдмаршалствѣ не увидитъ никакого блеску. Ожидая на сіе Вашего отвѣта, имѣю честь пребыть съ моимъ и пр.

ВИБНКОВУ.

1773 года,
Февраля 13 дня.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ!

Симъ благодарить и честь имѣю Вашему Превосходительству за послѣднее всепочтеннѣшее отъ 1-го Февраля, приѣмля дружескія увѣдомленія въ ономъ знакомъ непремѣнной ко мнѣ благоклонности Вашей.

Я могу измѣрять заботы Ваши чрезъ мои собственныя, въ которыя ввергаютъ насъ помѣщеніе, къ нашему утѣсенію, союзниковъ дружественныхъ. Нечему дивиться, что они пользуются временемъ, когда лики дерутся, и когда у насъ заняты руки многими предметами, вомѣсто того, что ихъ ничто не упражняетъ, кромѣ готовыхъ приобрѣтеній, а сихъ достигнувши, кто знаетъ ихъ намѣреніе, равнымъ образомъ вступить въ чужіе интересы?

Сколько по дружбѣ, такъ и со стороны долга службы, хотѣлъ бы я Вашему Превосходительству подать лучшія увѣдомленія о теченіи мирной нашей негодіаціи, но того еще я и теперь учинить не могу, находясь между нѣкоторою надеждою и полнымъ сомнѣніемъ ко всему будущему. На сихъ дняхъ Послы сказали одинъ другому свои ультиматы, прѣвіе у нихъ происходило до послѣднего градуса, предложеніе, однако жъ, съ нашей стороны, кажется, поколебало упорство Рейсъ-Эфенди, и онъ съ нѣкоторою податливостію принялъ пунктъ главнаго преткновенія на донесеніе Султану, отъ котораго резолюціи, ожидаемой къ 25 числу, зависить успѣхъ и неудача двукратно уже воспріемлемаго политическаго оружія. Вотъ все тутъ, что я могу Вамъ, Милостивому Государю моему, сказать о мирномъ дѣлѣ, на которое обращены глаза многихъ и въ которомъ не дремлютъ завидующіе и коварствующіе нашимъ пользамъ.

Благодарю всепокорно за отправление Г-на Раутенфельда, и еще благодарю за старанія выписать мнѣ книги Энциклопедіи, что я уже отдалъ на попеченіе Г. Аша, которому прошу только на мой счетъ заплатить погребное число денегъ.

Я слышалъ, что Г. Игельштромъ обнадеженъ годовымъ отпускомъ, но я увѣренъ въ его доброй волѣ къ службѣ, что при возобновленіи здѣсь военныхъ дѣйствій, онъ не будетъ въ числѣ тѣхъ, которые отъ огня бѣгутъ къ водамъ.

Извѣстія, которыя написали своеручно, имѣлъ я уже приватнымъ образомъ. Родившіеся къ счастью, не тѣми ступнями идутъ, что люди, предпочитающіе всему свою службу. Думай, кто что хочетъ, и хотя завидуютъ до изнеможенія, однакъ отличныя воздаянія отличаютъ предъ другими и его заслуги.

Прошу вѣрить твердо, что я съ искреннею преданностію и таковымъ же почтеніемъ всегда буду и есмь

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Марта 5 дня,
1773 года.
N. 74.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Я считаю, что въ тотъ же день, въ который отпустили послѣднее свое ко мнѣ, подъ N. 29, получите Ваше Превосходительство въ равной тому матеріи и отъ меня отъ 2-го сего мѣсяца. Я писалъ тогда, не представляя еще вопросы мои толь необходимыми, какъ уже даетъ силу онымъ собственныи Вашъ отзывъ о обезпеченіи города Бухарешта, при открытіи военныхъ дѣйствій, въ случаѣ перерванія мирной негоціаціи.

Когда я Ваше имѣлъ требованіе о заготовленіи подводъ для проѣзда Вашего въ началѣ Марта, нельзя мнѣ было не уповать, что Ваше Превосходительство то опредѣлили, вычтя срокъ проѣзда въ оба пути курьера, отправленнаго въ Цареградъ, и время, потребное, чтобы Портъ сдѣлать рѣшеніе по предложеннымъ отъ Васъ ультиматамъ.

Изъ за сего я долженъ былъ ожидать миру, или войны, и къ сей послѣдней сколь всѣ части войскъ приготовлены, я давалъ Вамъ знать. Но чтобы и дѣло военное, и дѣло мирное могло быть виѣсть продолжаемо, я тѣмъ меньше надѣялся, что о продолженіи Конгресса, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, не предположено никакихъ между Вами, или между мною и Визиремъ, договоровъ, при первомъ и другомъ разѣ учрежденія Конгресса. Срокъ перемирія былъ устанавливаемъ всегда по теченію и обстоятельствамъ не дѣлъ военныхъ, а мирной негоціаціи, и если перемиріе основаніемъ тому полагаетъ, чтобы мирнымъ договорамъ не быть производимымъ подъ звукомъ оружія, то коль срокъ перемирія истекъ, и больше не продолженъ, тѣмъ самымъ рушится и Конгрессъ. Я говорю Вамъ мои мысли съ стороны простаго только разсужденія, а отнюдь не имѣю смѣлости учиниться въ семъ случаѣ, какъ непредвидѣннымъ, такъ и неопредѣленнымъ съ обстоятельствемъ чего либо точнаго. Все то, что я Вашему Превосходительству могу сказать на учиненные отъ Васъ вопросы, въ разсужденіи города Бухарешта, ежели бы не престалъ онъ быть мѣстомъ пребыванія Посольскаго, состоитъ въ единомъ и найважнѣйшемъ уваженіи: первое, что сей городъ, какъ я Вамъ и писалъ, есть одинъ только во всемъ томъ краю хранилищемъ, гдѣ всѣ наши военные и сѣбствыя запасы помѣщаются. Но обезпеченіе мяѣ онаго, такимъ образомъ, какъ Вы считаете, что въ немъ и внутренняя война, отъ свиты Посольской, можетъ загремѣть, не только трудно, но и едва возможно есть соразмѣрное тому опредѣлить число войскъ, по причинѣ небольшого количества ихъ, что составляетъ и всю армію, упражненную, не безъ недостатку и въ людяхъ, дѣйствіями, которыя ей, въ разсужденіи оборонительныхъ и по случаю наступательныхъ поисковъ, предстануть; да и какую бы могло, разсудите, Милостивый Государь мой, принести безопасность тому городу, съ моей только стороны о томъ учрежденіе? Надобно, чтобы такое мѣсто, гдѣ бы безмятежно, во время военной бури, теченіе свое имѣла мирная негоціація съ обоихъ воюющихъ сторонъ, было обнадежено всею безпечностію, во удостовереніе коей далъ бы намъ отъ себя ратификацію Верховный Визирь, равно какъ и я ему. Инако же я не въ состояніи поручиться ни за безприкосновенность оружія къ тому мѣсту, ни за безопасность самой особы Турецкаго Посла, ниже быть спокоенъ въ

томъ, чтобы Турки, узнавъ прибавку нашихъ войскъ въ томъ городѣ, не отвѣдали туда, на вредъ нашъ, покуситься. Ибо сколько съ откровеній моихъ Вамъ извѣстно, я и самъ на тѣ пункты преимущественно веду мои приготовленія, гдѣ ихъ считаю предъ прочими усиленными.

Второе, если бы довелось продолжить Конгрессъ купно съ военными дѣйствіями, на такой случай не считаю я отнюдь для перваго удобнымъ быть городъ Бухарештъ, поелику, сверхъ вышеписанныхъ неудобностей, одно положеніе его для пребывающихъ въ немъ Турковъ обнажить все наше состояніе; а близкое ихъ сообщеніе оттуда съ своею стороною произвестъ потому весьма можетъ вредныя слѣдствія. Говоря правду, нельзя уже при теперешнемъ состояніи дѣлъ смотрѣть равнодушно на свободной перѣздъ курьеровъ Турецкихъ въ Букарештъ, столь несомвѣстнымъ съ нашею позиціею, которую они открывать чрезъ то всѣ способы имѣють въ рукахъ.

Не могу я больше предъ Вами, Милостивый Государь мой, объясниться въ казуѣ, на который ни въ повелѣніяхъ Двора, ни же въ договорахъ, опредѣлявшихъ Конгрессъ, нѣтъ никакого пред-установленія, и которой по существу своему приходилъ паче на собственное Ваше благоразсужденіе, нежели касается до дѣлъ моей собственной части. Коль дошло перемиріе до истеченія, я долженъ уже считать войну и паки возобновленною, а потому и учреждать мои немиротворныя да бранноносныя предпріятія. Ибо и сами Вы меня предувѣдомили, что Турецкой Посоль, когда не видѣлъ Вашей податливости къ отсрочкѣ перемирія, предварилъ всѣхъ своихъ войскъ начальниковъ о приготовленіи воспріять оружіе.

Я Ваше Превосходительство имѣю честь увѣдомить, что по первому Вашему обвѣщенію, всѣ частныя командиры готовы поднять оружіе; я имъ предписалъ, коль только первой врагъ покажется, всякому выступя занять свои посты, и пользоваться пріобрѣтеніемъ поверхности надъ непріятелемъ, коль подадутся къ тому случай, по собственнымъ ихъ предусмотрѣніямъ. А теперь велѣлъ я Генералу-Маіору Князю Трубецкому, чтобы онъ, не смотря на всю, въ настоящую пору, полевую невыгоду, учинилъ своими войсками движеніе, дабы, при усмотрѣніи непріятельскихъ къ чему либо равныхъ предпріятій, уничтожить оныя, и одержать всю пользу въ свою сторону, съ которой предстали бы стороны.

Впрочемъ, споспѣшествуя всѣми образы теченію дѣла, въ которомъ Ваше Превосходительство отъ Ея Императорскаго Величества уполномочены, я честь имѣю предоставить собственному Вашему искусству и благоизобрѣтенію: что ежели бы Вы находили для пользы интересовъ Ея Величества, совершенно Вамъ извѣстныхъ, за нужно продолжить сверхъ сроку перемирія мирную негоціацію, или же и остановить на который часъ военныя дѣйствія, то въ томъ опредѣлите лучшее, по Вашему предусмотрѣнію и благопризнанію, заимствуя свой изворотъ въ сихъ послѣднихъ минутахъ, оставшихся къ истеченію перемирія, отъ свойственнаго Вамъ благоразумія; а инако, мнѣ кажется, двойное дѣло на рукахъ у насъ будетъ, ежели Вы не сбудете съ Вашихъ же рукъ своего гостя. Вы сами говорите въ послѣднемъ письмѣ, подозрѣвая, что Рейсъ-Эфенди не разорветъ Конгресса за изшествіемъ перемирія, въ ожиданіи успѣховъ первыхъ военныхъ предпріятій; слѣдственно, и должно мнѣ тѣмъ вяцше стараться, чтобы онъ поскорѣ увидѣлъ печальныя опыты тщетной своей надежды; а къ Визирю писать мнѣ въ семъ случаѣ отзывъ я почитаю не только за несходственное моему званію, но выѣнилъ бы оное мнѣ и въ партукулярное мое униженіе.

Все сіе написалъ я по поводу Вашихъ вопросовъ, и въ сердцѣ питаю еще надежду, что, можетъ быть, мой любезный другъ возвеселитъ насъ радостнымъ извѣстіемъ, котораго тѣмъ болѣе пріятность умножится, чѣмъ меньше было ожидаемо.

Съ истиннымъ почтеніемъ я пребываю.

Копія съ черноваго.

ВИВИКОВУ.

7 Марта,
1773 года.
N. 76-й.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ!

Курьера Вашего, Г. Маіора Закревскаго, нарочно удерживалъ я, въ чаяніи подать Вашему Превосходительству пріятныя и для любящаго отечество свое патріота, въ числѣ коихъ и Васъ изъ

первыхъ почитаю, радостныя извѣстія, о самомъ совершеніи вожделѣннаго мира; но не дождавшись того, и особливо, что худое свойство воздуха здѣшняго оказало и надъ нимъ свое дѣйствіе, отправляю его, имѣя честь сообщить Вамъ съ тою самою откровенностію, которую полагалъ я всегда во основаніе моей съ Вами переписки, и которою я драгоцѣнному дружеству Вашему обязанъ, что дѣла наши Польскія остаются въ ихъ неизвѣстности. Не преподано намъ касательно до возобновленія непріязненностей ни какихъ предположеній; посланный въ Константинополь съ дѣлами, которыя Посоль Оттоманскій взялъ ad referendum, къ своему Государю, еще не возвращается; день срока перемирія уже сближается; Рейсъ-Эфенди, ни отвѣта своего не сообщаетъ, ниже упоминаетъ объ отъѣздѣ, въ намѣреніи, по видимому, имъ свойственному, чтобы послѣ упрекать насъ разрывомъ съ нашей стороны Конгресса; а ни между Послами условія, ни между мною и Визиремъ постановленія не учинено, на случай, если бы переговоры далѣе срока перемирія протянулись, и въ продолженіи оныхъ настояла надобность. Подобныя обстоятельства отягощаютъ меня не сравненно болѣе, нежели возобновленіе военныхъ дѣйствій, и всѣ съ тѣмъ сопряженныя трудности и заботы. Я желаю всеискреннѣйше, мой дражайшій другъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Вашей стороны лучшіе видимы были успѣхи, и чтобы оныя на пользу и облегченіе здѣшнихъ послужили; но столь же чистосердечно говорю, кажется, что духъ нечистый и тамъ уже поселившись, во всѣхъ нашихъ намѣреніяхъ раждаетъ намъ всякія затрудненія и неудобства, и тѣмъ останавливаетъ событіе всѣхъ нашихъ предположеній. Всѣ окрестности являютъ, что друзья непріятелей нашихъ и намъ прямые враги суть, но наши пріятели, напротивъ того, добротство и пособіе имъ и намъ раздѣляютъ собственною своею пользою и выгодною. Признали уже они артикулы, Вамъ извѣстныя, главнѣйшее записаніе въ совершеніи настоящей мирной негодіаціи составляющіе, болѣе значущимъ въ мнѣніи, а не существенную опасность содержащимъ; но не видѣли мы еще отъ ихъ добрыхъ услугъ, или сильныхъ убѣдительныхъ представленій, которыя могли бы склонить трактующихъ съ нами къ соглашенію на оныя. Все сіе предаю Вашему провиданію и суду; а между тѣмъ, благодаря всепокорно за всѣ знаки дружества и благосклонности, коими толь часто въ пріятнѣйшихъ отзывкахъ

Вашихъ повторяемыхъ, къ которымъ искреннѣе мое признаніе окончится развѣ съ жизнію, и сокращая сіе желаніями благополучія во всѣхъ намѣреніяхъ Вашихъ, сколь можетъ токмо усердствовать человѣкъ, Вамъ совершенно преданный, и остаюсь навсегда съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ.

Копія съ черковаго.

ОВРЕСКОВУ.

Марта 7 дня,
1773 года.
N. 77.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Сугубо я познаю тѣсноту, въ которую ввергаютъ Васъ непредвидимо настоящія обстоятельства, читая Ваши о томъ извѣстія въ послѣднемъ подъ N. 31-мъ отъ 5-го сего мѣсяца, и измѣряя оную по собственному моему ощущенію. Но сколь мало я способовъ имѣю отвратить собою сіи трудности въ толь короткомъ времени, и при полномъ, такъ сказать, ихъ уже совершеніи!

Я повторялъ неоднократно мои представленія ко Двору, при случаѣ доставленія Вашихъ; не имѣю, однако жъ, ни на что по сію пору рѣшенія, а только третьяго дня получилъ я, отъ 22-го Февраля, одно письмо отъ Графа Захара Григорьевича слѣдующаго содержания: «Въ ожиданіи пріѣзда сюда съ Конгресса курьера, удержалъ я на одни сутки нынѣшнее отправленіе; но какъ оной и теперь еще сюда не бывалъ, то вручителя сего посылаю съ донесеніемъ, въ дружеской откровенности и тайнѣ, что въ держанномъ вчерашняго числа при Дворѣ военномъ совѣтѣ положено, дабы, по истеченіи времени продолжающагося теперь перемирія, больше уже онаго не отсрочивать. Какія жъ тогда дѣйствія вновь противъ непріятели зачать, о томъ не замедлить, чаю, отправленіе Высочайшаго Рескрипта.»

Если тамъ всѣ другіи обстоятельства, Милостивый Государь мой, во уваженіе приемлются, то, по крайней мѣрѣ, надобно изъ тогс

выключить время; ибо Вы сами увидите, что на оное не дѣлается счету, когда мнѣ не прежде обѣщаютъ наставленія въ разсужденіи военныхъ дѣйствій, какъ уже срокъ перемирія истечеть и сила возымѣетъ свое производство.

Такимъ образомъ, Милостивый Государь мой, на то положеніе, въ которомъ Вы себя быть предвидяте, то есть, если Посолъ Турецкой не схочетъ выѣхать изъ Букарешта, или же не послѣдуетъ разрывъ Конгрессу по истеченіи перемирія, нахожу я себя въ полномъ недоразумѣніи, какой я Вамъ могу дать совѣтъ.

Изъ прелыдущихъ моихъ Вы знаете, не меньше и собственнымъ испытаніемъ удостовѣрены, сколько городъ Букарештъ, по своему положенію пунктомъ дѣлается главнымъ для нашей опоры, и яко вмѣстилище нашихъ магазейновъ. Пребываніе въ немъ Турковъ во время войны найдостовѣрнѣе послужить ко всякому, предосудительному и вредъ за собою влекущему, сообщенію съ ихъ стороною, весьма къ тому мѣсту приближенною. А посредства заградить имъ симъ пользоваться прибрать больше невозможно, нежели трудно, поелику путь долженъ быть открытъ для проѣзду къ Послу своихъ курьеровъ, не упоминая о другихъ способахъ, которые получить могутъ пребывающіе въ многлюдномъ городѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, подъ видомъ добронатурныхъ, могутъ быть духи, зломыслиемъ обольщенныя. Да и одному мнѣ нельзя опредѣлить нейтральнымъ городъ Букарештъ, и не меньше трудно быть поручителемъ за безопасность пребыванія въ немъ Посольскаго, если Верховный Визирь равнаго на сіе не дастъ отъ себя условія, а отзываться же къ нему о томъ, Вы сами благоразумно находите, коль не сходствуетъ съ славою оружія, намъ приобрѣтенной. Ежели оставить два полка въ Букарештъ, какъ Вы требуете, отдѣленіе сіе послужило бы только къ умаленію силъ, на дѣйствія опредѣленныхъ, и что они не сдѣлаютъ уже того, что могли бы сдѣлать; правда, они могутъ отразить покушеніе въ малыхъ силахъ непріятельское отъ города, но обнять весь городъ, по его пространству и для стражи виѣшней и внутренней, ихъ числа совершенно не доставеть. Я меньшезираю на силу свиты Посольской, хотя и ее обуздать Вы считаете не за маловажно, нежели на быть могуція слѣдствія отъ самыхъ жителей, которыхъ поднять на все злое легко сыскать мѣры, при ежедневномъ обращеніи съ ними толь

многаго числа Турковъ, а найпаче когда бы имъ еще удалось и увидѣть часть своихъ войскъ на нашемъ берегу; я всегда подозревалъ отпускъ съ той стороны Дуная великаго числа жителей, и велѣлъ всѣ способы употребить къ помѣщенію ихъ въ селеніяхъ обезпеченныхъ; но теперь еще больше думаю, что посылку ихъ учинили Турки для какой нибудь проповѣди. Еще разсудите, Ваше Превосходительство, и на самыя неудобности, въ проѣздъ Вамъ и Турецкому Послу предстоящіе; Вамъ всякъ, видѣвшій въ той сторонѣ военныя дѣйствія, сказать можетъ, что коль скоро непріятель покажется на нашемъ берегу, хотя въ малѣйшей кучѣ, жители изъ всѣхъ поселеній, не только побережныхъ, но и внутри земли, разбѣгаются въ горы и мѣста необитаемыя. Ведя только одни дѣйствія военныя, мы на сей пунктъ могли взирать спокойнымъ окомъ; но гдѣ кушно будетъ трактоваться и дѣло о мирѣ, или же случится къ своимъ мѣстамъ возвратиться Посольству, тутъ неизбежныя предстанутъ невыгоды и по сему обстоятельству.

Все, что я могъ бы совѣтовать Вашему Превосходительству съ стороны долга службы, и съ стороны найискреннѣйшей моей преданности къ особѣ Вашей, нахожу въ семъ единомъ, что въ чаяніи получить резолюцію отъ Порты, если Вы не заблагоразсуждаете между тѣмъ открыть военныя дѣйствія, то можно бы Вамъ на нѣсколько часовъ, или дней, онымъ отсрочить, уговорясь съ своимъ товарищемъ о точномъ времени, въ которое долженствовалъ бы объявить Вамъ оную непременно. Но, съ другой стороны, представляется, что и сіе будетъ всуе: ибо по ѣздѣ куріеровъ въ Цареградъ, совершенно заключить можемъ, что ежели бы Порта хотѣла принять предложенныя ультиматы, и поспѣшить объявить своему Послу на то согласіе, то бы уже могъ онъ то имѣть предъ вступленіемъ перемирія. А видно по всему, что въ молчаніи своемъ полагаетъ онъ умыселъ къ какой ни есть цѣли.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.Марта 8 дня,
1773 года.

N. 78.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Вслѣдъ за всепочтеннѣйшимъ Вашимъ отъ 5-го числа, имѣлъ я честь получить и послѣднее таковое жъ подъ N. 33. Ваше Превосходительство прежде сего увидѣть изволите въ отвѣтномъ моемъ, вчера въ Вамъ отправленномъ, образъ моихъ мыслей и утѣсенныхъ чувствій, въ которыя приводитъ меня искреннее соучастіе въ томъ Вашемъ положеніи, которое толь больше долженствуетъ угнѣтать сердце, сколь важнѣе рѣшится на такой пунктъ, гдѣ должно отдать неизвѣстному жребію оружія дѣло успокоенія обоихъ Имперій, до толикой уже высоты трудомъ Вашимъ доведенное. Но что я могу и тутъ сказать, кромѣ моего безмѣрнаго сожалѣнія, возбуждаемаго во мнѣ и усердіемъ къ отечеству, и персональною къ особѣ Вашей привязанностію.

Я отъ Двора ни въ разсужденія Вашихъ, ни по моимъ представленіямъ, никакой доднесь не получилъ резолюція, кромѣ предувѣдомительнаго письма отъ Графа Захара Григорьевича, котораго содержаніе отъ слова и помѣстилъ въ моемъ вчерашнемъ. По тѣмъ всѣмъ уваженіямъ, которыя Ваше Превосходительство благоразумно приѣмлете, чтобы не привлечь на себя нареканія за разрушеніе Конгресса, я не предвижу, чтобы заслуживало то какого либо предосужденія, если Вашему Превосходительству, въ чаяніи одержать успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, предопредѣливъ, по своему благоразумію, нѣсколько дней во удержаніе дѣйствій военныхъ, что и предаю я собственному Вашему предусмотрѣнію, сколь искусство Ваше въ дѣлахъ политическихъ постигать можетъ происходящія отъ того пользы; или, напротивъ, отвратить Ваше упомянутое порицаніе, которое толь меньше можетъ на насъ пасть въ семъ дѣлѣ, яко истощившихъ въ споспѣшествованіи онаго всѣ способы, зависящіе отъ нашихъ собственныхъ ресурсовъ. Что же

касается до опасности Вашей, видѣть упреканія себѣ съ стороны успѣховъ военныхъ дѣйствій, теченіемъ дѣла Вашего пріостанавливаемыхъ, въ томъ, Милостивый Государь, я первой поборникъ по той правдѣ буду, что въ нынѣшнее время, по всему еще къ напольности неспособное, нельзя намъ никакихъ предпріятій дѣломъ самимъ начать. А по воображенію того, что когда мы подъ конецъ кампаніи 1771 года, на той сторонѣ Дуная разбили и Верховнаго Визира, побѣдили всѣхъ Пашей, командовавшихъ въ расположеніяхъ ихъ ко берегу арміи, завладѣли ихъ полными ставками и всею многочисленною артиллерією, испровергли города и крѣпости, служившіе къ ихъ опорѣ; а все сіе, однако жъ, не принудило Порту ни къ чему больше, какъ только отзвѣвъ сдѣлать трактовать о мирѣ, и продолжать договоры одни по сіе время; то можетъ ли не только превъсидеть сдѣланное тѣми побѣдами убѣжденіе, но и сравняться въ томъ въ чемъ либо всякой теперешній поискъ, который учинить можемъ, перевесть часть войскъ за Дунай? Нбо, по извѣстіямъ, которыя имѣемъ, непріятель ко берегу ни гдѣ еще не находится въ великомъ собраніи, а овладѣть городомъ опустошеннымъ, въ какое состояніе, сказываютъ, привели они при Дунаѣ стоящія, или побѣдить ихъ тутъ малочисленный какой либо постъ, едино только будетъ трудъ и изнуреніе, и не произведетъ ни для насъ важной пользы, ниже во вредъ Турковъ что либо значущее. Предпріятія жъ свои чтобъ намъ распространить въ даль на той сторонѣ рѣки, вообразите Ваше Превосходительство, сколько предстоить неудобствъ отъ испражненія всей той стороны и въ жителяхъ и со всего достатку; такъ, что извѣстія гласятъ, что маленькія частицы войскъ Турецкихъ, въ ней разсыяныя, претерпѣваютъ всю нужду въ своемъ прокормленіи, а жители и голодомъ погибаютъ. Съ стороны сего обстоятельства мы будемъ правосудными, всегда оправдаемы противъ всякой злостной клеветы.

Въ поступкахъ Г. Тугута не ознаменуются, мнѣ кажется, еще тѣ услуги, о которыхъ увѣдомленіе намъ сдѣлалъ Князь Дмитрій Михайловичъ. Когда Порта хочетъ отдать мирное дѣло на судъ нашихъ союзниковъ, то въ томъ уже не можетъ быть сомнѣнія, чтобъ они не вѣдали прежде ихъ расположенія, и что они для нея въ такомъ случаѣ опредѣлятъ.

Въ пополненіе всѣхъ моихъ предыдущихъ, по сей матеріи къ Вамъ отправленныхъ, и здѣсь прошу Вашего Превосходительства,

если не предвидите Вы лучшихъ успѣховъ мирной негодіаціи, стараться вскорѣ товарища своего, или съ рукъ сбыть, или же, для общаго Вашего пребыванія, условиться о другомъ мѣстѣ и всѣхъ на такой случай потребныхъ, по резонамъ, которые не сходствуютъ съ нашею пользою въ дѣлахъ военныхъ, чтобъ оставить для того городъ Букарештъ. Какъ сіе, такъ и все вышешисанное, предавъ Вашему благоразсужденію, искусству и полному свѣдѣнію въ дѣлахъ политическихъ, и въ дѣлѣ Вамъ ввѣреннаго, для пользы коего лучшее предизбрать Вы можете, остаюсь съ моимъ нелицемѣрнымъ почтеніемъ, и пр.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссийская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Во всеподданнѣйшей моей подъ N. 4-мъ имѣлъ я честь донести всенижайше Вашему Императорскому Величеству, что въ приближеніи срока истеченію перемирія не видя желаемаго окончанія мирной негодіаціи, приложилъ я съ стороны долга званія моего всѣ старанія пріуготовить ввѣренные мнѣ войска къ потребному движенію, какъ на обнятіе постовъ, лежащихъ при возобновленіи дѣйствій военныхъ, такъ и во отраженіе непріятельскихъ покушеній на нашъ берегъ. И теперь я, Всемилостивѣйшая Государыня, упражненъ въ томъ же раченіи, и еще вѣще, когда уже свой конецъ имѣетъ перемиріе. Но продолжающаяся здѣсь по сіе время безъ перемѣны зимняя стужа, не дозволяетъ всей арміи выступить въ поле, сверхъ воздушной суровости, человѣчеству вредной и вестерпимой, и по одному тому, что еще вся земля лежитъ замерзлою, и ни малѣйше не произрастаетъ на ней подножный кормъ; велѣлъ, однако жъ, я по обращенію оружія, и въ такое время нужному, заготовить командамъ для лошадей зимнимъ кормомъ, посредствомъ перевозки онаго съ собою на нѣкоторые дни, и учрежденіемъ на пути магазейновъ.

Непріятель, въ своемъ положеніи на супротивномъ берегу Дуная, противъ прежняго находится безъ отгѣны. Не слышно выгдѣ

ни о собраніи знатномъ вновь его войскъ, кромѣ тѣхъ, которыя всегда посты хранили, ниже примѣты гдѣ, либо виды какогонибудь военнаго предпріятія, къ котороту бы онъ стремился.

При вскрѣптіи льда въ Дунаѣ, повреждены остались нѣсколько нашихъ судовъ, паче въ Корпусѣ Генераль-Маіора Потемкина, которыя теперь исправляются потребною подчинкою.

Хотя Посолъ въ слѣдъ за симъ не умедлить донести Вашему Императорскому Величеству, въ какомъ положеніи находится мирная негоціація, но не смѣлъ умолчать и я, не предъувѣдомя о томъ, сколь мнѣ извѣстно по его увѣдомленіямъ.

Противъ 6-го числа, въ ночи, пріѣхалъ къ Рейсъ-Эфендію ожидаемой изъ Царяграда курьеръ, а назавтре имѣли Послы конференцію, въ которой, сверхъ всякаго чаянія, и вмѣсто рѣшительнаго отвѣта на предъявленной отъ Посла Вашего Императорскаго Величества, Обрескова, ультиматъ, онъ, Рейсъ-Эфенди, сбъявилъ всю претительность противъ главныхъ артикуловъ, то есть: о вольности Татарской, о кораблеплаваніи въ Черномъ морѣ, и объ уступкѣ Еникале и Керчи, требуя, чтобъ, прежде рѣшенія дѣла о сихъ послѣднихъ, освидѣтельствовать чрезъ искуснаго математика островъ въ Таманскомъ проливѣ, предложенный отъ Обрескова для построенія крѣпости, удобенъ ли онъ къ тому; въ чемъ и нѣтъ другаго намѣренія, кромѣ выиграть время. Посолъ Вашего Императорскаго Величества, отвергая все то, коль далъ знать ему, Рейсъ-Эфендію, что срокъ перемирія уже есть при самомъ своемъ истеченіи, по которому военныя операція имѣютъ начаться, то онъ на сіе отвѣтствовалъ, что находится здѣсь гостемъ, и такъ состоятъ въ волѣ Обрескова сказать ему всячь ѣхать, или тамъ жить, потому что отъ Порты онъ не имѣетъ ни какихъ повелѣній, возвратиться, или здѣсь держаться. Но между тѣмъ, говоря, что противъ полученныхъ повелѣній отъ Порты ничего отмѣнить не можетъ, скотѣлъ еще и назавтре имѣть конференцію приватную, которая не меньше первой бесплодна была, а только вынудилъ Обресковъ, что Посолъ Турецкій изъяснился, что и паки желаетъ съ нимъ конферировать, чему и положили быть въ 9-й день сего мѣсяца. Тутъ оба Послы условились на нѣсколько сутокъ, или до ихъ впередъ увѣдомленія, удержать оружіе между вой-

скомъ, находящимся въ Журжѣ и Руцукѣ, дабы не быть пресѣчену потребному еще сообщенію съ супротивнымъ берегомъ.

Теперь Посолъ Вашего Императорскаго Величества, не имѣя ни какого въ конвенціяхъ предположеніи, на такой случай, ежели перемиріе истечетъ, и Конгрессъ не былъ бы разорванъ, несетъ всю трудность сбѣтъ съ рукъ своего товарища, по несогласію его на предложенныя кондиціи къ миру, а самъ онъ къ тому добровольнаго вида не оказываетъ. Настаивать же на отъѣздъ его нельзя, не опасаясь понестъ нареканія въ поданіи причины къ разрыву Конгресса. Но сколько Посла толь деликатное обстоятельство упражняетъ, такъ не меньше съ другой стороны, то есть, военной, я чувствую себя стѣсненнымъ, ежели городъ Букарештъ, который одинъ только и есть въ томъ краю, что служитъ къ нашей опорѣ, и въ хранилище всѣхъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ, не престанетъ быть мѣстомъ Конгресса при открытіи военныхъ дѣйствій; ибо пребываніе въ немъ Посла Турецкаго съ многочисленною его свитою, произвестъ можетъ непріятныя слѣдствія на такъ близкомъ разстояніи къ сообщенію съ противною стороною, что и не можетъ быть ни какъ терпимо ради необходимой осторожности. Да сверхъ того, никакого взаимнаго съ обоихъ сторонъ условія о неутральности сего города не принято, слѣдственно и недостаточно бѣ было одно мое ручательство за безопасность пребыванія тамъ Посольскаго.

Я, видя подъ разными доселѣ отговорками, что Рейсъ-Эфенди тщится протянуть негоціацію безъ окончанія, за срокъ перемирія, и почитая въ томъ быть умывленное коварство, предъувѣдомилъ Посла Вашего Императорскаго Величества, что въ такомъ случаѣ, по многимъ военнымъ, отъ меня ему сказаннымъ, резонамъ, городъ Букарештъ не можетъ быть мѣстомъ, приличнымъ для продолженія тутъ Конгресса, когда оружіе въ тоже время восприметъ свое дѣло. Онъ собственнымъ признаніемъ согласно встрѣтилъ мои мысли, требуя наконецъ, чтобъ я ему указалъ другое удобное мѣсто; но сіе хотя бы я и наименовалъ, такъ Посолъ Турецкій возьметъ на донесеніе къ своему Двору, въ слѣдствіе предварительнаго своего отъѣзда, что онъ отъ Порты ни на отъѣздъ, ни на требованіе, не снабденъ никакими повелѣніями, въ чемъ, безъ сомнѣнія, кроется какой ни есть коварный умыселъ.

Въ единое предъувѣдомленіе Вашему Императорскому Величеству я осмѣлился довести о семъ дѣлѣ, которое съ подробнымъ описаніемъ Посоль Вашъ представить вскорѣ. Я же, не удостоившись поднестъ получить Высочайшія повелѣнія въ разсужденіи положенія дѣла, о коихъ чинилъ мои всеподданнѣйшія донесенія, приешлю смѣлость всенижайше просить о снабдѣніи меня оными, коль собственные наши ресурсы, заимствуемые хотя отъ полного усердія и ревности къ службѣ, не могутъ, однако жъ, быть ко всему достаточны.

всеподданнѣйшій рабъ.

1773 года,
Марта дня.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Матра 10 дня.
1773 года.
N. 79.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

На канунъ сего дошло ко мнѣ всепочтеннѣйшее Вашего Превосходительства подъ N. 34-мъ. Я вижу въ немъ въ совершенномъ удостовѣреніи то происшествіе, о которомъ сначала однимъ предугаданіемъ я встрѣтилъ Ваши мысли, а въ четырехъ уже тому послѣдовавшихъ моихъ письмахъ изъяснилъ пространно ту же самую матерію, въ силу моего объ ней разумѣнія. Нѣтъ уже теперь сомнѣнія, что гость Вашъ въ полномъ ухищреніи сколько въ пользу своихъ дѣлъ мастерить, дабы продолжить недѣйствіе оружія чрезъ продолженіе своей бытности на нашихъ рукахъ, столько и коварствуетъ противъ насъ собственно, поставя теперь насъ въ крайнюю нерѣшимость въ таковомъ предпріятіи, къ каковому бы можно было прицѣпиться ему всякимъ нареканіемъ.

Я не знаю, Милостивый Государь мой, что теперь можетъ еще удерживать Конгрессъ, когда перемиріе, предопредѣленное въ поспѣшествованіе производимаго тутъ дѣла, свой конецъ имѣеть, и когда Вы, Послы, другъ другу объявили, что ни одинъ не можетъ

уступить ничего изъ своихъ ультиматовъ, а оныя между собою никакъ не сообразны. Ежели я говорю главные пункты къ совершению мира, Вы отъ ихъ стороны предложенные отвергаете, а они Ваши, и находите взаимно совершенную невозможность согласить полную, съ обвѣихъ сторонъ, претительность; то изъ за сего чемъ бы уже существовать Конгрессу? И какому быть можно въ такомъ противномъ расположеніи для Васъ дѣлу? Но дай Богъ, чтобъ послѣдняя надежда, которая остается на свиданье между Вами, которое условились имѣть назавтре, послѣ сдѣланнаго мнѣ увѣдомленія, не была тщетна, и чтобы дѣло, по слѣдствіямъ видимымъ уже отчаянное, нежели что нибудь обвѣщающее, преобразилось во всемъ въ лучшій видъ.

Ваше Превосходительство требуетъ, чтобъ я назначилъ другое мѣсто для пребыванія Вашего съ Посломъ Турецкимъ; по сему хотя бы я указалъ на Сочаву, гдѣ всякая тишина быть бы могла, въ разсужденіи удаленія оттуда всѣхъ войскъ; хотя бы и другое сему подобное, или нейтральное какое предложилъ, но Вы сами слышали хитрый отвѣтъ отъ Посла Турецкаго, что отъ Порты онъ не имѣетъ ни какихъ повелѣній возвратиться, или остаться въ Букарештѣ, слѣдственно и о преѣздѣ своемъ оттуда, хотя бы мы ему предложили другое мѣсто, онъ собою не согласится, да возметъ на донесеніе Двору, дабы, продолжая время такими переписками, продолжить и для насъ прямую тягость имѣть его во время произведенія дѣйствій военныхъ на своихъ рукахъ, и въ такомъ паче мѣстѣ, гдѣ ближайшае было бы ему сообщеніе съ своимъ берегомъ, и за котораго обезпеченіе мнѣ нельзя никакъ поручиться безъ обоюднаго условія; ибо мы видѣли въ минувшихъ кампаніяхъ, что непріятель, при переходѣ чрезъ Дунай, всегда сильныя свои устремленія производилъ на Букарештѣ. Можетъ подобный случай быть, и легко иногда сдѣлается и фальшивый алармъ въ городѣ, то какъ уже тутъ за безопасность особы Посольской и всего ему принадлежащаго отвѣчать? Я признаюсь, что не только меня беспокоить можетъ уваженіе подвергнуться порицаніямъ за разрывъ Конгресса, сколько подвергнетъ тому же въ случаѣ неотвратимомъ всякое худое происшествіе противъ безопасности пребываемаго въ томъ мѣстѣ Посла. Кромѣ сего, и другая тягость для самыхъ дѣлъ военныхъ быть можетъ, что Турки, свѣдавъ, яко мы городъ Букарештъ уважаемъ преимущественно, по

случаю сего обстоятельства, употребятъ въ пользу свою нашихъ войскъ привязанность къ сему мѣсту, и предпримуть въ другомъ, ослабленномъ чрезъ то, мѣстѣ, искать своихъ успѣховъ.

Сказавши Вашему Превосходительству въ предыдущихъ, что съ моей только стороны, хотя бы учреждено было обезпеченіе для пребыванія Посольскаго, но то одно безъ Визирскаго равнаго удостовѣренія не могло бы предохранить надлежащую безопасность отъ всякаго прикосновенія среди военныхъ дѣйствій. Говорилъ я также, что искать моимъ отзывомъ у Визиря на сіе соглашеніе, почитаю за поступокъ, моему званію неприличной. Но и того меньше имѣлъ я въ помысленіи выставить Васъ на подобное тому неприличіе, какъ пишете, чтобы изъясниться своему товарищу, требуя о томъ его донесеній Визирю. Прошу, мой любезный другъ, отложить всякое въ томъ сомнѣніе: я свидѣтельствуюсь моими письмами, которыя въ себѣ того не содержатъ.

Въ разсужденіи Вашихъ предложеній Г. Потемкину и другимъ Генераламъ, и донести Вамъ имѣю, хотя давалъ Вамъ знать о приготовленіи войскъ во всѣхъ частяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, однако предоставлялъ также въ Вашу волю, ежели бы Вы находили для пользы интересовъ Ея Императорскаго Величества за нужно остановить на которой часъ военныя дѣйствія, опредѣлять въ томъ лучшее по Вашему благопризнанію: ибо непріятель, когда не смягчаетъ своего упрства, видя войски и приготовленія наши къ всчатію войны, то мало есть надежды преклонить его къ лучшему, хотя откроемъ самымъ дѣломъ военныя дѣйствія весьма въ неудобную пору, о которыхъ хорошо Ваше Превосходительство въ письмѣ своемъ къ Потемкину изъясните, коль они не произведутъ желаемаго убѣжденія. Но зависитъ оное, по вѣдному, отъ дальнихъ слѣдствій, которыя непріятель, по своему расположенію предопредѣляетъ. И теперь, Милостивый Государь, я равномѣрно повторяю предоставленіе сколько сихъ мѣръ на Ваше собственное разсужденіе, такъ и уладить по лучшему Вашему разумнію, если бы успѣхъ въ дѣлахъ мира видѣли Вы въ полномъ отчаяніи, чтобы Посолъ безъ принужденія, а по самой пристойности, рѣшился оставить то мѣсто, гдѣ ему нѣтъ больше дѣла, когда претительность крайняя съ его стороны на учиненныя предложенія разрушаетъ собою Ваше собраніе. Я есмь и пр.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Марта 16 дня,

1773 года.

N. 83.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичь!

Поспѣшая доставить при семъ ордеръ мой къ Командующему въ Валахїи Генералу, чтобъ онъ къ надлежащему Вашего Превосходительства препровожденію далъ команду, каковую настоящія обстоятельства отдѣлить позволяютъ, я въ искреннѣйшемъ чувствованіи изображаю здѣсь мои сожалѣнія, что всѣ труды, подъятыя Вами для доставленія отечеству нашему блаженнаго мира, не достигли желаемаго конца. Въ соболѣзнованіи семъ одно только имѣю утѣшеніе, что Вы, дражайшій другъ, и при самомъ разрывѣ сѣзда Вашего предоставили намъ не суетную надежду видѣть подвиги Ваши, увѣнчанныя благополучными успѣхами. Ваше Превосходительство совершенно увѣрены быть можете, сколь найощутительнѣйшее обрадованіе событія сего ожиданія во мнѣ воспричинствуетъ какъ со стороны любви къ отчизнѣ, такъ и личной съ Вами нелицемѣрной дружбы. Отъ соизволенія Вашего, впрочемъ, зависитъ избрать мѣсто, для пребыванія Вашего удобнѣйшее, въ которомъ я, по мѣрѣ всей возможности моей, споспѣшествовать обязанъ всегда и вездѣ, пребывая съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ.

P. S. Въ Варшаву съ послѣднимъ курьеромъ я оставилъ впредь увѣдомить, чѣмъ окончится дѣло, тогда бывшее, отложено до резолюціи, и такъ къ стати Г. Поликарповъ туда ѣдитъ.

Копія съ черноваго.

ВИВКОВУ.

Марта 17 дня,
1773 года.
N. 83.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ильичъ!

Пребывши въ некоторые дни между надеждою и сомнѣніемъ о успѣхѣ мирнаго дѣла, увидѣли, на послѣдокъ, что и сей Букарештской Конгрессъ столь же безплодно оконченъ, какъ и первой Фокшанскій; ибо Посоль Турецкой, вомѣсто уповаемаго соглашенія отъ Порты, коль взиты были отъ его, на донесеніе оной, наши ультиматы, получилъ резолюцію, всю противность противъ того изъясляющую: послѣ чего оба Посла не нашли уже за пристойно продолжать свою бытность въ городѣ Букарештѣ, яко въ сторонѣ, ближае другихъ мѣсть, подверженной звуку оружія, которое восприметь и паки свои дѣйствія, по истеченію уже нынѣ дней перемирія, и Полномочный Турецкой отъѣхалъ за Дунай 12-го сего теченія. Симъ отъѣздомъ каждаго въ свою сторону, не прервали, однако жъ, они теченія мирной негоціаціи, но заключили между собою конвенцію, чтобы имъ продолжать оную чрезъ взаимную переписку изъ тѣхъ мѣсть, что каждый избереть въ удобнѣйшее своему пребыванію, дабы все, ими постановляемое, чрезъ таковую переписку, туже власно имѣло силу, какъ бы учиненное на мѣстѣ Конгресса, и дабы считать тогда только совершенно разорванною и мирную негоціацію, когда обвѣстятъ другъ друга о невозможности согласиться, ниже имѣть надежды о успѣхѣ примиренія. Симъ образомъ, вселюбезный мой другъ, не прекращаютъ они ни войны, ниже надежды на политическія силы, и препоясуемъ теперь елико можно во броню, свойственную битвѣ и непріязни.

Не задерживая депеши Алексѣя Михайловича къ Г. Штакельберху, хотя въ кратцѣ сказалъ, однако жъ, я Вашему Превосходительству всю силу положенія настоящаго мирнаго дѣла, не препятствующаго, съ окончаніемъ перемирія, уже ни которой сторонѣ

производить военныя дѣйствія, подробно же Вы узнаете изъ Посольскаго описанія; а я при семъ прошу въ одолженіе мнѣ сдѣлать милость вручителю сего, Г. Капитану Поликарпову, который бытъ въ Россіи имѣеть необходимую нужду, причиненную смертію отца его, чтобы его отправить куріеромъ въ Санктпетербургъ, если способъ Вы имѣете къ тому непосредственно, или же отъ Посольской экспедиціи; по сему усугубляю мою просьбу, и имѣю честь быть съ непоколебимымъ почтеніемъ.

Копія съ черноваго

ОВРЕСКОВУ.

Марта 20 дня,
1773 года.
N. 86.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичь!

Нѣтъ сомнѣнія, мой милостивый другъ, что бывшіе Ваши гости, какъ во время пребыванія своего, имѣя отверстыя способы, такъ особливо во время склонности уже дѣла къ безплодному на сѣздѣ окончанію, не приминули посвятить въ народахъ здѣшнихъ плевелы, и однихъ коварствомъ обольщеній своихъ, а другихъ страхомъ угрозъ, уловить къ себѣ преданность. Предупреждая не лучшія изъ сего для пользы дѣлъ нашихъ слѣдствія, которыя Ваше Превосходительство проницаніемъ Вашимъ постигали и предчувствовали, имѣлъ я честь отзываться и прежде къ Вашему Превосходительству, дружескаго Вашего испрашивая совѣта на обвѣщеніе Манифеста, къ разрушенію лести непріятельской, жителей здѣшнихъ заражающей, и къ извлеченію ихъ изъ сомнѣнія и смущенія; но, по поводу почтеннѣйшаго Вашего отъ Февраля, по тогдашней неизвѣстности мирной негодіаціи, какъ препорученіе письма моего съ открытымъ листомъ Митрополиту Муляянскому, предоставилъ я на волю Вашу, какъ и здѣсь съ подобнымъ обнадеживаніемъ удерживался до полученія Вашихъ рѣшитель-

ныхъ увѣдомленій. При настоящихъ обстоятельствахъ, хотя къ толь нужному для насъ ободренію народа не вижу я никакихъ препятствій; но въ разсужденіи, что Вашему Превосходительству сохраненіемъ негоціаціи Вашей и по разъѣздѣ съ Полномочнымъ Оттоманскимъ, предположили намъ не тщетное упованіе узрѣть плоды трудовъ и подвиговъ Вашихъ, я почитаю себя обязаннымъ просить и паки всеприлѣжно, подать мнѣ благосклонный и дружескій Вашъ совѣтъ, будетъ ли сходствовать нынѣшнему дѣлу Вашихъ положенію, и не послужитъ ли къ вящему здѣшнихъ людей злополучію, когда чрезъ отзывъ мой къ властямъ ихъ духовнымъ, или обвѣщеніемъ листовъ поданы имъ будутъ ободренія надеждою покровительства Ея Императорскаго Величества и огвращеніе отъ всякаго вѣроятія поманкамъ, или угрозамъ непріятельскимъ, обвѣщая благонамѣреннымъ намъ воздаяніе и милость, и злодѣйствующимъ и недоброжелательнымъ казню.

Я буду ожидать Вашей о семъ отповѣди, съ истиннымъ высокопочитаніемъ пребывая,

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Марта 27 дни

1773 года.

№. 93.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Два почтеннѣйшія Ваши отъ 23 сего теченія съ прилож ми и имѣлъ честь получить, и приношу мою благодарность за доставленіе письма моего Рейсъ-Эфендію. Въ отвѣтъ на письмо Визирское, заключающее въ себѣ ратификацію конвенціи, между Вашимъ Превосходительствомъ и Полномочнымъ Оттоманскимъ заключенной, я посылаю тутъ въ равной силѣ мое, въ которомъ старался я держаться мыслей Вашихъ, въ постскриптѣ Вашемъ преднаписан-
ч. н.

ныхъ, проси Васъ всеприлѣжно доставить оное, а ежели что либо находите несходственное, мнѣ возвратить, подавъ Ваши въ томъ дружескія наставленія.

За излишно почитая повторять здѣсь, что всѣ смущенія и волнованія Волосскихъ жителей, безъ сомнѣнія, суть плоды поучекій бывшими гостями Вашими проповѣданныхъ, скажу только здѣсь, что никогда въ нынѣшнія времена подобный манифестъ не былъ обвѣщенъ въ народъ, которымъ вызывались бы охотники на преселеніе къ намъ и выводителямъ обвѣщаемы бы были награжденія. Къ сему неосновательному слуху, я думаю, дало поводъ прибытіе недавно одного Маіора Поселеннаго Бахмутскаго Гусарскаго полку, который и отъ меня получилъ ордеръ открытый о подаваніи ему всякаго пособія въ порученномъ ему дѣлѣ набора изъ вольныхъ людей, къ наполненію того полка людьми. Къ успокоенію сихъ безпокойствъ ихъ, которыя въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ, какъ Ваше Превосходительство сами признавать изволите, не лучшія для пользы дѣлъ нашихъ слѣдствія имѣть могутъ, нужно благовременно употребить всѣ возможные способы: а потому, ежели Вы, мой Дражайшій Другъ, въ прежде отъ меня сообщенномъ на разсмотрѣніе Ваше манифестѣ къ народу, нашли какое либо несходство дѣлъ положенія, то съ симъ посылаемое письмо къ Митрополиту прошу, прочтя съ вниманіемъ Вашимъ, и ежели заблаго признаете, приказать ему доставить оное. Въ совѣтѣ Вашемъ, чтобъ въ таковомъ обвѣщеніи не коснуться возвращенія ихъ подъ прежнее иго, какъ о такой матеріи, которая уже съ Вашей стороны во всей ея полности на Конгрессѣ предложена, дабы не подвергнуть тѣмъ собственнаго моего достоинства, познанія чувства истинной дружбы и благосклонности Вашей ко мнѣ неощенныхъ; но, Милостивый Другъ, отъ начала войны, такъ сказать, истощивши всѣ слова на обвѣщанія и обнадеженія сихъ бѣдныхъ народовъ, ничего бы мнѣ было уже опасаться себя и авторитетъ слова моего компрометировать, и ежели бы могъ я вѣрить, что подобныя обнадеживанія достаточны послужить къ приведенію разстроенныхъ дѣлъ въ порядокъ, то не обинуясь поступилъ бы на сіе, предпочитая пользу Ея Императорскаго Величества всѣмъ собственнo относящимся нареканіямъ. Найдете притомъ Ваше Превосходительство, что я какъ въ прежнему, такъ особливо въ семъ моемъ къ Митрополиту не подавъ никакихъ точныхъ и формаль-

ныхъ увѣреній, но въ генеральныхъ выраженіяхъ ободрялъ и упованіемъ на Высочайшую милость и сильную защиту Всемило- стивѣйшей нашей Государыни.

Прискорбны мнѣ увѣдомленія о безпокойствіяхъ и невыгодахъ, кои Вы сносите въ разсужденіи отъѣзда Вашего, по худому состоянію лошадей и быковъ, и по крайнему недостатку на пути фуража. Множество транспортовъ, въ прошедшемъ и настоящемъ годахъ бывшее, пособствовало и больше къ истребленію заготовленнаго, въ которомъ скудость умножается отъ суровости настоящаго времени. На сихъ дняхъ ощутилъ я болѣзненные припадки, которые въ себѣ имѣютъ нѣчто тягостнѣйшее и мучительнѣйшее, нежели всѣ, которымъ я подверженъ былъ, и уже цѣлыя четыре (?) пребываю почти въ постели. Я тебѣ, Любезный Другъ, желаю пользоваться наилучшимъ здоровьемъ, благополучнѣйше проводить сближающейся праздникъ и множество лѣтъ, и паки въ предполагаемомъ Вами на первое время для пребыванія, такъ и во всякомъ мѣстѣ, находить всякія выгоды и довольствія. Съ испиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію пребуду непремѣнно.

Р. S. Ежели Вы, мой Любезный Другъ, съ послѣднимъ Санкт-петербургскимъ курьеромъ ничего новаго не получилъ, то позвольте Вамъ сообщить оное изъ моихъ: Ея Императорское Величество, по дошедшимъ Вашимъ донесеніямъ, усматривая въ непріятелѣ непреклонность на всѣ, умѣренности исполненныя, Ея предложенія, за нужно находить изволить, чтобъ вынудить у непріятели силою оружія то, чего не могли доселѣ переговорами достигнуть, и для того отъ 28 Февраля повелѣваетъ мнѣ съ арміею, или частью ея, перешедъ Дунай, атаковать Визиря и главную его армію. Тебя я, мой Дражайшій Другъ, такъ сказать, по Богѣ свидѣтелемъ имѣю нашего здѣсь состоянія, а потому и не затрудню тебя дальнѣйшими объясненіями, зная, что твое проицаніемъ лучше всѣхъ видятъ наши и малыя силы и удобства, особливо когда надлежитъ сломить прежде крѣпкія преграды, то есть, разбить силы непріятельскія и овладѣть городами, станъ Визирской закрывающими, и когда на всѣ стороны осматриваться надобно, чтобъ не проронить чего либо къ предосужденію безопасности мѣстъ, мало оберегаемыхъ, то сколь способно мнѣ къ одному мѣсту тронуться. А по дружеству и благосклонности ко мнѣ, легко заключить можешь мои тутъ затрудненія. Присовокупить надобно, что и время не сходствуетъ для таковыхъ поисковъ,

когда стужа заставляетъ искать всякаго убѣжища въ избѣ. А преодолевая суровство времени, себя только преодолевая, и приведемъ себя въ несостояніе въ удобное время къ дѣйствию.

Р. С. При самомъ запечатаніи сего, полученныя мною отъ Князя Василія Михайловича, при письмахъ его отъ 24 Марта, Крымскія вѣдомости, тутъ доставляю и Вашему Превосходительству, прося всепокорно возвратить оныя. Между прочимъ, касательно до артикула 11, отъ Васъ Турецкому Послу предложеннаго, который я, слѣдуя совѣту Вашему, отправилъ къ Г. Веселицкому, чтобъ онъ сдѣлалъ употребленіе изъ того къ открытію колеблющимся Татарамъ душевныхъ очей на ощущеніе ихъ истиннаго благополучія, отъ котораго ихъ буйство отвращаетъ, и къ истребленію всякихъ подозрѣній въ какихъ либо нашихъ, на вредъ имъ сокровенныхъ, намѣреній. Князь Василій Михайловичъ сообщаетъ мнѣ слѣдующими словами: «Присланный къ Г. Веселицкому артикулъ 11-й, доставленъ былъ надежному къ сторонѣ нашей Татарскому Калгѣ Султану, который будучи изъ всѣхъ Крымцевъ намъ преданнѣйшій, читая то, оплакивалъ оный и судьбу свою, что долженъ онъ по пятицамъ молиться о Султанѣ Турецкомъ, а тѣмъ не меньше, чтобъ и судіи всѣ отъ Турецкаго Духовенства были поставляемы, и отъ онаго Кираселе получали, изъ чего заключаетъ онъ совершенную власть Порты и сущее знаменованіе прежде бывшей ихъ приверженности къ оной, что онъ ни какъ и никогда не ожидалъ. А какъ уже и безъ того всѣ Ширины и первѣйшіе люди отъ должнаго послушанія Хану отошли, а симъ пунктомъ духовенство, какъ власть свою надъ чернею простирающее, и сія послѣдняя имъ слѣпо повинуется, то никакъ имъ удобнѣе случай не преподается, какъ сей, наущать и утверждать, что Крымъ болѣе Туркамъ, нежели Россіи, принадлежитъ, тѣмъ болѣе, что уже два года о Султанѣ не упоминалось; а тутъ вдругъ опять начнется симъ употребленіемъ воспоминаніе имени его, къ преуспѣянію въ большемъ развратѣ. А при томъ, сей человекъ, на коего вся была надежда, говоритъ, что его жизнь весьма коротка, и если бы таково извѣстіе получилъ онъ отъ Порты, никогда бы оному не повѣрилъ.»

На сихъ дняхъ я буду отвѣчать ему, что сіе предложено было, но не совершенно, и что сила сего артикула, кромѣ пользы для нихъ, въ немъ заключающая, въ настоящее время меньше всего тревожить ихъ должна.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Мая 17 дня,
1773 года.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Пользуясь отъѣздомъ Г. Трегубова, имѣю для себя пріятный случай сообщить Вашему Превосходительству, вложенною тутъ выпискою, о пріобрѣтенныхъ поверхностяхъ надъ непріятелемъ, послѣ сдѣланныхъ Вамъ о томъ отъ меня увѣдомленій о поискѣ, удачно произведенномъ на Туртукай, о чемъ я получилъ извѣстіе, выѣзжая въ Фокшаны.

Г. Суворовъ, тутъ побѣдившій Турковъ, описываетъ, что мѣсто сіе довольно было укрѣплено, довольно было въ немъ и строенія, и пожитковъ, и запасовъ, и что скинувъ сей постъ съ толкимъ вредомъ непріятелю, разсыпалъ остатки его здѣсь бывшихъ войскъ, спасшихся бѣгствомъ къ разсѣянію другимъ страха. Я желаю, чтобы сія происшествія открыли глаза нашему непріятелю познать оныя плоды тѣхъ убѣжденій, которыми уловили его завистники, и дабы онъ тѣмъ скорѣе обратился къ пути истинному и спасительному.

Присоединеннаго къ сему на ими Цегелина я не имѣю случая переслать: не найдете ли Ваше Превосходительство онаго по своимъ дѣламъ?

Пребывать и честь имѣю съ неліцемернымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Копія съ черноваго.

ОБРЕСКОВУ.

Мая 24 дня,
1773 года.
N. 160.

Милостивый Государь мой,
Алексѣй Михайловичь!

Съ открытія нынѣшней кампаніи, не рѣдко подавалъ я Вамъ пріятныя извѣстія о успѣхахъ оружія. Случилось, однако жъ, дознать и неудачу, которую я Вамъ симъ обвѣщаю, какъ слѣдствіе жребія военнаго, не всегда приверженнаго одной сторонѣ. 15-го сего мѣсяца, Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ отряжалъ, для поиску на сопротивной берегъ Дуная, версть съ 15-ть въ лѣвую нашу руку отъ Рущука, Г. Полковника и Кавалера Князя Репнина, чтобы тамъ сорвать непріятельскій постъ. Его детащаментъ состоялъ изъ полку пѣхотнаго Абшеронскаго, двухъ Гренадерскихъ ротъ, и двухъ эскадроновъ кавалеріи. Я еще не получилъ обстоятельнаго увѣдомленія, какъ посланные производили дѣйствіе, имъ назначенное, но о томъ одномъ, къ сожалѣнію, имѣю уже репортъ, что самъ Князь Репнинъ получилъ три раны, два Маіора Дивовы, и еще нѣсколько Оберъ-Офицеровъ достались въ плѣнъ непріятелю съ двумя пушками, которыхъ онъ захватилъ на суднѣ, кое, безъ сомнѣнія, сѣло на мель, и наша потеря во всѣхъ чинахъ рядовыми больше двухъ сотъ человекъ простирается. Поверхность, непріятелемъ въ семь разъ пріобрѣтенная, ничего и наималѣйше не перемѣняетъ въ нашемъ положеніи, да и утрата толь малаго числа людей ничего бы по себѣ не значила, ежели бы въ ней не было персоны Князя Репнина, каковыхъ знатныхъ плѣнниковъ во всю войну еще не имѣли Турки, и по сему пункту, а наибольше и по персональному моему доброжелательству къ ихъ фамиліи, чувствительно мнѣ прискорбень сей случай.

Между тѣмъ наши движенія идутъ, чтобы заплатить врагамъ съ лихою: Г. Вейсманъ съ своимъ Корпусомъ уже за Дунаемъ, а я, въ споспѣшествованіе дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, подвигаюсь берегомъ въ верхъ сей рѣки.

Благодарю Вашему Превосходительству за Цареградскіе увѣдомленія. Тугутовы изъясненія желаю, чтобы понравились его стараніемъ.

Р. С. Черезъ куріера, который недавно пріѣхалъ изъ Спб., ни одной строки я не получилъ ни отъ кого и ни о чемъ. А къ Вамъ письмо включаю.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Мая 29 дня,

1773 года.

N. 185.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Препровождая здѣсь полученное на имя Ваше отъ Дмитрія Михайловича и ко мнѣ писанное, съ приложеніемъ Цареградскихъ извѣстій. Дѣлаю я мои заключенія, по содержанию сихъ послѣднихъ, что въ Туркахъ не столько есть склонности къ миротворенію, сколько мы въ нихъ ее считали, и что не вся надежда есть къ продолженію Вашей переписки съ Рейсъ-Эфендіемъ, развѣ данная власть Визирю, о которой тутъ гласится, не сдѣлаетъ ли всему лучшей склонности?

Армія, мнѣ ввѣренная, торжествовала въ сей день одержанную побѣду Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Вейсманомъ на супротивной сторонѣ Дуная 27 го сего мѣсяца, надъ непріятельскимъ Корпусомъ въ 12,000 пѣхоты и конницы, стоявшимъ въ Карасу, подъ Командою Абдуль-Арнаутъ и Черкесь-Гасанъ-Паши, да одного Татарскаго Султана Багичегъ-Гирей, при чемъ болѣе 1000 убитыми пало непріятельскихъ войскъ, 100 человекъ въ полонъ взято, а въ добычу 16 пушекъ, 9 знаменъ, весь непріятельской лагерь и обозъ. Сіе только изъ перваго и краткаго рапорта извѣщанъ Вашему Превосходительству, имѣю честь принести Вамъ поздравленіе съ таковымъ успѣхомъ оружія Ея Императорскаго Величества.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Послѣ моего Вашему Превосходительству увѣдомленія о разбитія Турецкаго Корпуса при Карасу, избралъ я, по ближайшему осмотру, удобнѣйшую переправу чрезъ Дунай у Горабала или Бали-Багасъ по Турецки называемаго, мѣста. Но сію пристань, на правомъ берегу, подъ стражей своею имѣетъ непріятель, усиливъ въ защиту оной тамошній постъ 6 т. войска и пушками. Не смотря, однако жъ, на все, тутъ приготовленное непріятелемъ къ воспротивленію, велѣлъ я отъ Карасу съ Корпусомъ Барону Вейсману итти на сихъ Турковъ, если можно, зайти имъ въ тылъ, а Г. Потемкину, спусти суда, высадить свои войска отъ воды ниже въ лицо. Такимъ образомъ тѣ оба Генерала, поутру 7-го Іюня, одновременно приступили къ лагерю непріятельскому, а я, съ главною частью, ведя Дунаемъ на равнѣ съ своимъ движеніемъ суда, собранныя для переправы, показался на лѣвомъ берегу у той же высоты.

Непріятель, сколь скоро обозрѣлъ веденную на него атаку отъ рѣки и отъ сухопутной стороны, показалъ тотчасъ виды своего крайняго смятенія, и отъ первыхъ выстрѣловъ кинулся въ бѣгъ съ своими Пашами; наша конница, гоня его, положила убитыми болѣе 300 человекъ, въ плѣнъ достались Енычарской Турнаджи-Баша, одинъ Ага, Байрактаровъ два и рядовыхъ 57. Въ добычу взяты весь лагерь, обозъ, мѣдныхъ пушекъ 8 и три знамя; командовали тутъ двухбунчужные: Джаферъ-Али и Абдуль-Паши. Чрезъ сіе уничтоживъ господство въ томъ мѣстѣ непріятеля, къ вреду его собственному продолженное, получили мы тутъ безпрепятственную переправу чрезъ Дунай, и я съ того дня поспѣшилъ, соединя всѣ суда, съ низу и съ верху приведенныя, перевозить на оныхъ войска: съ частью первою переѣхалъ я и самъ чрезъ сію рѣку 11-го числа, а въ ожиданіи перевозу достальныхъ

полковъ, не тратя времени, велѣлъ я назавтра весьма узкія дефилеи, ведущіе къ Силистріи, перейти Корпусамъ Генераль-Поручиковъ Ступишина и Потемкина, и взявъ лагерь въ виду непріятельскаго стана, расположеннаго при Дунаѣ, въ пяти верстахъ отъ Силистріи, въ которой, послѣ Горобалскаго разбитія, перевелъ свой Корпусъ Османъ-Паша, стоявшій выше города, ограждался рвами и пушечными бойницами. Г. Ступишинъ, перейди рѣку Голицу, какъ только поднялся на противулежація тамъ высоты, то непріятель изъ своего лагеря съ первою перепалкою между легкими войсками, въ полномъ стремленіи кинулся сквозь нихъ и наскочилъ на первой Гренадерской полкъ и одинъ баталіонъ Егерей, которые были отъ Корпуса отдѣлены впередъ, подъ предводительствомъ Генераль-Маіора Вейсмана. Атака непріятельская въ большихъ силахъ на сію малую часть нашей пѣхоты была одна изъ самыхъ наглыхъ. Обвѣхали полкъ со всѣхъ сторонъ, и захватя въ тылъ, рубили уже и между самихъ пушекъ, огнемъ, однако жъ, и штыками и подоспѣвшею на помощь кавалеріею, вся сія отчаянная толпа опрокинута съ толикимъ успѣхомъ, что, не давъ непріятелю исправиться, воспользовались реченные предводители гнать его до лагеря, въ которомъ, видя надъ собою руку атакующихъ, не осмѣлился держаться, но побѣжалъ къ городу въ полномъ страхѣ. И такъ симъ скоротечнымъ своимъ нападеніемъ успѣшилъ самъ непріятель подать намъ случай побѣдить его вновь, ибо и тутъ взялъ весь его станъ съ обозомъ, 18 мѣдныхъ пушекъ, 8 знаменъ, также въ плѣнныхъ и убитыхъ чувствуетъ онъ свой уронъ.

Корпусъ непріятельскій, здѣсь разбитый, нашимъ глазомъ казался тысячъ до десяти, а плѣнные считаютъ оный до шестнадцати тысячъ. Сии показываютъ, что съ конницею и съ лучшимъ новоприбывшимъ Босняцкимъ войскомъ самъ Османъ-Паша вступилъ въ атаку и раненъ въ сраженіи, какъ онъ, такъ и Арнаутъ-Паша. Наша потеря въ приобрѣтеніи сего состоитъ въ нѣсколькихъ раненыхъ и убитыхъ, и чувствительна наиболѣе лишеніемъ убитаго на повалъ пистолетною пулею 1-го Гренадерскаго полка Маіора и Кавалера Олсуфьева.

Разбивши непріятеля, въ тотъ же день, оба боковые Корпуса расположились въ трехъ верстахъ отъ Силистріи, а въ вечеръ

и я съ главною частью, по окончаніи всѣхъ полковъ переправы чрезъ Дунай, взялъ лагерь, не доходя оныхъ въ 4-хъ верстахъ, и ѣздилъ самъ за крайнихъ своихъ часовыхъ въ сады Силистріи осматривать городъ, и нашелъ оный вокругъ окопанный рвомъ съ достаточными батареями. Визирь еще въ Шумлѣ. Вотъ, Милостивый Государь мой, все то, что я на сей разъ, во исполненіе обязательствъ моихъ для Васъ, донести могу къ увѣдомленію Вашему, о дѣйствіяхъ же дальнихъ я не оставляю извѣщать своевременно. Я больше бы радъ быть Вамъ вѣстникомъ о исполненіи послѣднихъ условій между Вами и Рейсъ-Эфенди, но сквозь облакъ кровавый еще не проникаютъ лучи того постановленія.

Больше не получилъ я на Ваше имя писемъ, кромѣ одного, сей день Г-мъ Барко врученное мнѣ, изъ Вѣны, и препровождаемое. Съ моимъ непремѣннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Юня 14 дня,

1773 года.

N. 226.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Предвидя, что персональные мои непріатели выводятъ меня на пробу жестокою, тогда, какъ силы, мнѣ ввѣренныя, приведены въ великое ослабленіе, дерзнулъ я, Всемилоствѣйшая Государыня, по чистой совѣсти и долгу всеподавнѣйшему, донести Вашему Императорскому Величеству о всѣхъ трудностяхъ въ настояннй перехода за Дунай. Воображенія моя тогдашнія съ испытаніемъ настоящимъ въ томъ токмо разяствуютъ, что казавшееся съ сей стороны многотруднымъ, далеко больше найдено неудобнымъ. Будучи на той сторонѣ, бывшіе со мною тамъ, Генералы остаются свидѣтели, сколько я старался до послѣдней черги, не щадя ни трудовъ, ни жизни, выполнить Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, имѣя токмо подъ именемъ арміи Корпусъ небольшой въ 13 т. пѣхоты, на всѣ дѣйствія съ Визирскими силами, которыя, однако жъ, побиты и рассыпаны: словомъ, не испытано развѣ только то, чего одолѣть не можетъ человѣчество.

Через сей походъ многотрудный весьма утомлены люди, а лошади дошли до крайняго изнуренія, и я не могу сокрыть предъ Вашимъ Величествомъ угнетающихъ меня теперь трудностей по пункту оборонительнаго положенія, въ которое нелегко мнѣ попастьъ съ прежнею твердостью, рушившись изъ онаго до самой пяты.

Еще я дерзаю, Всемилостивѣйшая Государыня, язъяснить предъ Вами духъ усерднаго и вѣрнаго раба о положеніи сопротивнаго Дунайскаго берега по очевидному ужé моему дознанію, что естли продолжать на немъ военныя дѣйствія, то не удвоить, а утроить надобно армію; ибо толикаго числа требуетъ твердая нога, которой безъ того имѣть тамъ не можно въ разсужденіи широты рѣки, позади остающейся, и трудныхъ проходовъ, способствующихъ отрѣзанию со всѣхъ сторонъ, для прикрытія которыхъ надобно поставить особливые Корпусы, не связывая тѣмъ руки наступательно дѣйствующаго, которой чрезъ лѣса и горы себѣ путь самъ долженъ вновь строить.

Пораженъ давно уже духъ мой прискорбною, что я не удостоиваюсь на письмѣ видѣть знаки Монаршаго благоволенія, естли только доходить къ Вашему Императорскому Величеству мои всеподданнѣйшія; сокрушаетъ и то, когда ходатайство мое о многихъ здѣсь служащихъ, не служить на ихъ пользу, а безъ того и упадаетъ въ подчиненныхъ ревнованіе, которыхъ и не имѣю ни чѣмъ другимъ ободрить; да и многія моя донесенія о недостаткахъ и нужномъ ополченіи не приобрѣтають содѣятельности: и чувствую и предвижу, Всемилостивѣйшая Государыня, что когда не въ усердіи, на которое никто неправды положить не можетъ, то находятъ во мнѣ недостатки въ способностяхъ, и дѣлая меня человѣкомъ, встрѣчающимъ во всемъ трудности, лишаютъ меня Всемилостивѣйшей довѣренности Вашей. Но воззрите, Всемилостивѣйшая Государыня, окомъ милосердымъ на службу и въ ней уже состарѣвшагося раба Вашего, который ни о чемъ больше не мыслить и не печется, какъ вѣрностію, правдою и снисканіемъ прямой пользы отвѣчать повелѣніямъ Вашимъ. Во удовлетвореніе зависти посигающихъ на мя, я радъ пожертвовать моею собственностію, естли бъ не былъ я въ семъ положеніи, гдѣ съ участію моею многое сопряжено. Сознаю предъ Ващимъ Императорскимъ Величествомъ, что служа не первую войну, пять лѣтъ сряду ощущалъ я ослабленіе въ себѣ душевныхъ и тѣлесныхъ

силъ, а полагаю щастіе свое во угожденіи Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества и въ благѣ отечества моего, охотно я такового желаю увидѣть на своемъ здѣсь мѣстѣ, кто лучше находятъ моего способы удовлетворить обоимъ симъ драгоценнымъ предметамъ.

Повергаясь къ священнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, есмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества,
всеподданнѣйшій рабъ.

30 Іюля,
1773 года,

Изъ лагеря при деревнѣ Жигалѣ.

(Копія изъ Переписки Екатерины II съ Графомъ Румянцовымъ, напечатанной въ Москвѣ 1805 года).

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Іюля 14 дня,
1773 года,
N. 248.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Увѣренъ будучи о доброжелательствѣ ко мнѣ и искреннемъ Вашего Превосходительства, не оставлю я донести Вамъ, что сынъ мой, Михайло, который носить на себѣ милости Ваши, пожалованъ отъ Ея Императорскаго Величества въ армію Полковникомъ.

Онъ самъ, и я бы хотѣлъ, чтобы онъ для дальшаго своего профиту, а не одного ради отдохновенія, пожилъ еще у Васъ, воздая, хотя симъ уже малымъ удовлетвореніемъ Вашей волѣ, неплатнымъ, впрочемъ, Вашимъ благодѣяніямъ. Но какъ должность,

съ чиномъ его теперешнимъ сопряженная, обязываетъ его бытностью при полку, то сіе самое во извиненіе, что онъ не ѣдетъ, я представляю Вашему Превосходительству.

Я получилъ чрезъ Яссы письмо къ Гикѣ, отъ его тестя. Прислано оное подъ моимъ однимъ только конвертомъ, но ни рука, ни печать мнѣ неизвѣстныя вовсе, и для того я оной конвертъ тутъ влагаю купно съ письмомъ, прося Васъ спросить Гику о имени сего пересыльщика, котораго онъ долженъ, конечно, знать, хотя и не сказывая о полученіи въ ономъ къ нему письма, если Вы не заблагоразсудите отдать ему оное; которое, конечно, писано подъ диктатуру Министрства Турецкаго, какъ лучше изволите усмотрѣть то изъ перевода оному, здѣсь прилагаемаго.

Съ вторичнымъ письмомъ посылалъ я Маіора Касперова къ Визирю, прося о выгодномъ содержаніи Князя Петра Васильевича, и не согласится ли онъ обмѣнить его на каковыхъ своихъ у насъ плѣнныхъ. Касперова чрезъ Силистрію провезли даже до Шумлы; но не дожда версть за пять, выѣхали къ нему Караджа и Башъ-Бакухи-Селимъ-Эфенди, и остановл его тамъ, извинялись, что по военнымъ резонамъ, не можетъ Визирь его принять въ своемъ лагерѣ. Они взяли отъ него письмо мое и назавтре тотъ же Караджа привезъ ему Визирское ко мнѣ отвѣтное, и при врученіи онаго говорилъ отъ лица Визирскаго, чтобъ мнѣ пересказать сіи слова, которые изражены на приложенной здѣсь цedulaкѣ А.

Письмо ко мнѣ отъ Визиря написано съ обыкновенною благосклонностію; онъ изъясняется, что на первое письмо отвѣтъ отправилъ чрезъ Силистрію, но поудержанъ оный безъ отсылки, по причинѣ бывшихъ тамъ на то время военныхъ дѣйствій. Князю Репнину обѣщаетъ всѣ выгоды, но въ разсужденіи размѣны, отзывается, что ни подъ какимъ видомъ учинить оной нельзя въ настоящее время; Князь Репнинъ, при вступленіи нашихъ войскъ на противный берегъ, отправленъ въ Царьградъ и съ нимъ два Маіора Дивовы.

ОГЛОВОУ.

1773 года.

Юляя дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Григорьевичъ!

Получа Вашего Сіятельства благосклоннѣйшее отъ 16-го прошедшаго Юня, видѣлъ я въ немъ, коль велико Ваше ко мнѣ усердіе, и сколько я несчастливъ въ благоволеніи къ себѣ публики. Если бы такой былъ парламентъ, въ которой бы можно позвать общество на судъ, и если бы и теперь рѣшались дѣла прииѣромъ судилища, что древняя Греція имѣла подъ именемъ Ареопага, я бы счетъ повелъ съ нашею публикою: кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ, я ли еще оной, или уже она мнѣ должна? Вѣкъ провождая въ потъ и трудахъ, не вкусилъ я той радости, что ощущаемъ, получа воздаяніе своимъ заслугамъ. Всѣ трудящіеся имѣють мѣру и цѣну своимъ дѣламъ, но для одного меня предоставлено всегда дѣлать, и тѣмъ только заслуживать негодованіе. Пускай забыты дѣла прежнія, и я ихъ не вспоминаю, но неужели настоящее положеніе мое не трогаетъ публику, когда торжествуютъ войска надъ Оттоманами, гдѣ не сражаются въ помощь водныхъ стихій, но все учреждаетъ непрерывный трудъ.

Изъ Рима и изъ Греціи неудовольство публики прогоняло лучшихъ полководцевъ, ихъ заслуги припоминали только въ нуждѣ, и иногда и поздно. И мой жребій, по видимому, къ тому же приклоняетъ мое отечество: я былъ уже гонимъ отъ общаго неудовольства, и готовиться должно и въ старости ту же претерпѣвать участь, когда моему несчастію причина токмо та, что я не умѣю себя рекомендовать инако, какъ моею службою.

Я увѣренъ, что мой Милостивый Графъ не пріемлетъ участія въ публичныхъ обо мнѣ заключеніяхъ; и такъ я Вашу милость и дружбу ко мнѣ поставляю стѣною, о которую сокрушатся всѣ ухищренія ищущихъ мнѣ зла. Между тѣмъ скоро мы станемъ

уже пить воду Дунайскую, а на сей разъ удовольствуйся, мой Милостивый Графъ, исполнительными вѣстями, что сей куріеръ привезетъ Вамъ о нашихъ дѣяніяхъ, а не о праздности, какъ внушаетъ обо мнѣ гласъ публички.

Всегда я съ непоколебимымъ почитеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Копія съ черноваго

ОВРЕСКОВУ.

1773 года.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Съ прибывшимъ сей часъ изъ С.-Петербурга куріеромъ полученныя мною къ Вамъ доставляя, желаю всеусердно, чтобъ Вы, Милостивый мой Другъ, къ удовольствію Вашему, нашли въ нихъ служащее въ пособіе трудамъ Вашимъ, или по крайней мѣрѣ рѣшительное въ разсужденіи настоящихъ въ оныхъ неудобства. Въ нетерпѣливости знать, ежели содержаніе сихъ депешей таково, прошу Васъ всеприлѣжно почтить меня дружескимъ Вашимъ о томъ увѣдомленіемъ, такъ какъ и о состояніи дѣлъ Вашихъ, по времени уже что либо извѣстное оказавшихъ.

Я желаю, чтобы настоящая суровость времени, почти и необычайная въ здѣшнихъ мѣстахъ, не коснулась дражайшему здравію Вашему; а что до меня, то я дѣйствіе сего худаго времени довольно ощущаю, не выходя нѣсколько уже дней сряду съ избыт, по причинѣ флюса и лихорадкѣ подобныхъ припадковъ.

Я не престану быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ.

Всеимпостивѣйшая Государыня!

Всевысочайшее своеручное Вашего Императорскаго Величества отъ 18-го Іюля, которымъ благоугодно было, по свойственному великой душѣ Вашей легкосердому образу, покровительство и до-

вѣренность Вашу къ ободренію моему, подтвердить, я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ 30-го того жъ мѣсяца принять удостоился.

Чувствую, Всемилостивѣйшая Государыня, премного отрады отъ словъ и милостей Вашихъ; но боль во мнѣ душевная не можетъ исчезнуть, съ которою поступить принужденъ я былъ на обратной переходъ изъ за Дуная, не находя возможности достигнуть большихъ предположеній. Злословія недоброхотовъ избѣжать бы не можно, въ которую бы пору не случилась обратная наша переправа; ибо твердой ноги своей мы тамъ удержать не могли, по немнѣяю пропитанія. Всѣ, однако жъ, и самъ непріятель, всеконечно, то сознають, что мы перешли на свой берегъ не отъ силы нудящей, но бывъ побѣдителями надъ его войсками, отъ насъ троекратно разбитыми.

Изъ дѣйствій въ первую мою здѣсь кампанію извѣстны Ваше Императорское Величество, какъ и всемѣрно старался поставить твердую ногу на берегу Дунайскомъ, и чѣмъ скорѣе добирался къ сей рѣкѣ, чтобъ не починать будущихъ военныхъ дѣйствій, и пакы съ прежняго пункта зимнія квартиры я тутъ взялъ противъ чаянія и представленія многихъ, и симъ образомъ утвердившись, сколькократно я дѣлалъ поиски на сопротивный берегъ къ чувствительному вреду непріятельскому.

Кагульская побѣда одержана подлинно съ малымъ числомъ людей надъ превосходнымъ; но не сей одинъ примѣръ, Всемилостивѣйшая Государыня, низверженія непріятельскаго оружіемъ, мнѣ ввѣреннымъ; въ 1771 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, разбить оныя былъ весьма знаменитѣ. Сіянія дѣйствія сего всячески затѣвно, но слѣдствіемъ оного вдругъ увидѣли предположенія мирныя въ прекращеніе дальшихъ дѣйствій; ибо въ упомянутомъ сраженіи непріятель потерялъ до того всю многочисленную артиллерию, что теперь всѣ пушки, которыя мы беремъ, уже вылиты 1772 года.

Сие доказываетъ, естли бы по чувствамъ ударомъ и своей потери, велъ непріятель съ нами военное дѣло, то бы давно уже, по дознанному вреду, кончилъ оное; но упорство его въ заключеніи мира не есть упованіе на оружіе, но на тѣ посредства, которыми унать ему не дадутъ, или падающаго кстатѣ и ко времени подьемаютъ, и которые не подходятъ подъ остріе меча сражающихся.

Я воображаю мои чистосердечныя и на прямой вѣрности раба основанныя представленія Вашему Императорскому Величеству, которыя я чинилъ, мнѣ имѣть къ тому долгъ и полное право со стороны званія и со стороны Высочайшей довѣренности Вашей, сколько ни время, ни силы наши, ни мѣста сопротивнаго берега, гдѣ мы должны были дѣйствовать, не отвѣчали предположеніемъ, и вспомня еще прежнія съ прибытія къ сей арміи мои всеподданнѣйшія донесенія о неудобствахъ, въ которыя приведена наша пѣхота и кавалерія, чтобъ по тому прибавить людей въ роты первой, а другую поставить на легкую ногу, ради пользы службъ и ко уменьшенію казенныхъ на оную теперешнихъ безплодныхъ расходовъ и еще тогда жъ я докладывалъ, что приводъ рекрутъ поздною не подкрѣплить, но обременяетъ армію; поелику нужно толпу сей неучи охранять и учить съ расходомъ людей служащихъ. И коль мало изъ нихъ, яко изнуренныхъ дальнимъ путемъ и безъ всякаго отдохновенія вводимыхъ вдругъ подъ все бремя солдатское, остаются прочными для службы, тому явнымъ есть доказательствомъ число ежегодныхъ наборовъ, и не видя, чтобъ обо всемъ томъ мои доклады заслужили уваженіе, хотя въ томъ и удостоверенъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что клевета неприкосновенна свищенному слуху Вашему, наипаче собственнымъ моимъ примѣромъ, удерживаясь единымъ покровительствомъ Вашимъ пять лѣтъ съ ряду на такомъ посту, гдѣ, подобно мнѣ бывшіе начальники, въ нашемъ и прежніе вѣка дознали всегда уязвленія отъ зависти. Ибо я никогда не имѣлъ повода собственностію моею нажить себѣ недоброжелателей, не зная, отъ дѣтскаго возраста до дней уже моей нынѣ старости, жизни выгодной; но что и ихъ къ нещастію имѣю, то къ чему мои объясненія о томъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, яко Монархинею премудрою и проницающею глубоко во всѣ дѣйствія и ихъ причины, которыми они противъ меня прямо идутъ, и своими новоизобрѣтеніями, во опроверженіе моихъ, представляютъ и надобности и возможности и удобства, и иной видъ въ щотъ даютъ на бумагѣ войску, нежели оной ееть въ дѣлѣ, и тѣмъ ставятъ меня во исполненіи непреодолимыхъ обстоятельствъ, или неготовымъ, или неискуснымъ, и всяческими образы смѣшиваютъ къ полученію награжденія прямыхъ военноподвижниковъ, не только на ряду старшинства съ находящимися въ войны, но и съ тѣми, кои, подъ разными видами,

явно удаляясь отъ службы и не рѣдкія въ нареканіяхъ и неудовольствіи противъ меня по новымъ штатамъ, находятъ для себя выгодныя и полезныя мѣста, присволяютъ двойное жалованье, при прежнемъ отправленіи службы и должности, изъемятъ изъ вѣдѣнія моего чиновъ, привязанныхъ прямо ко мнѣ и неотлучно бытностию, по вѣренному надъ арміею начальству, а чрезъ то честолюбіе, какъ лучшая подпора въ службѣ, и уваженіе къ начальнику упадать, негодованія же и происки умножаться должны. Имѣлъ я сіи обстоятельства въ мысли моей, когда доносилъ Вашему Императорскому Величеству о моихъ непріятеляхъ, и что для произведенія на томъ берегу дѣйствія и охраненія твердымъ образомъ нашихъ завоеваній, надобно удвоить армію, и словомъ сямъ удвоить и утроить, не разумѣлъ я, по числу людей, въ какомъ она считается по сотоянію, въ какомъ она есть въ количествѣ людей, несущихъ прямую службу; ибо всѣ рекруты, поздно, а нѣкоторыя токмо что сей день приводимые, не составляютъ подкрѣпленія оной, но еще для збереженія и науки ихъ должны отдѣлять знатную часть солдатъ старыхъ, а полки, упражнены будучи дѣйствіями противъ непріятеля, не имѣли времени ни выучить, ни обшундировать ихъ, и для того по сію пору большія ихъ кучи въ своемъ образѣ остаются, то есть, въ сѣрыхъ мужичьихъ кафтанахъ.

Зрите, Всемилостивѣйшая Государыня, во всѣхъ строкахъ сихъ продолженіе чистосердечной моей исповѣди предъ Вами, которую извлекають изъ меня вѣрность раба, правота души моей и ободреніе, что я чиню оную Монархинѣ великодушной и въ полномъ признаніи Ея къ себѣ Высочайшихъ благовореній.

Не запынался я дѣйствовать въ другую уже войну съ малыми силами, зная весьма мои обстоятельства, и избравъ по склонности своей сіе ремесло, переносилъ терпѣливо всегдашнюю участь, что скудные способы мнѣ достаются противъ изобильнаго ополченія. Храбрость, конечно, замѣняетъ во многихъ случаяхъ недостатокъ числа: сіе можно бы присвоить за непремѣнное правило, если бы сей рѣдкой души талантъ врожденъ былъ каждому оруженосцу, изъ коихъ многіе, однако жъ, по моему дознанію, въ дѣлѣ мѣряютъ числомъ тѣлесныя силы, а не свойствами душевными, и какъ на первомъ свое упованіе и подпору утверждаютъ, такъ въ послѣднемъ явно оказываютъ, ежели не страхъ, то сомнѣніе.

Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите изъ реляціи и журнала, при семъ слѣдующихъ, что я, устремляя все, что только въ возможности есть, къ нанесенію въ томъ вреда неприятелю и къ смягченію его упорства, и упражняясь въ томъ при возвращеніи изъ за Дунай, съ первыхъ дней высматривая наилучше положеніе его и способы, чрезъ которые въ свое время къ тому приступить; но по всѣмъ пропозиціямъ своимъ, Графъ С. . . не отходитъ отъ своихъ предположеній, и не съскиваетъ во всей своей части никакой пользы въ наступательныхъ дѣйствіяхъ на противномъ берегу, а по дальнему разстоянію не остается мнѣ надежды, заимствовать подкрѣпленіе въ нынѣшнюю кампанію отъ полковъ, назначенныхъ изъ Польскаго Корпуса; въ противномъ же усердному желанію моему состояніи, и при истощеніи крайнихъ моихъ силъ, бывъ и теперь нѣсколько уже дней въ постели, надѣюсь на Высочайшую милость Вашего Императорскаго Величества, щедрымъ образомъ всѣмъ вѣрно и усердно служащимъ являемую, что и мнѣ дозволите на подобной случай отлучиться по крайней мѣрѣ куда нибудь подъ кровлю, ради спасенія послѣднихъ моихъ жизненныхъ силъ; ибо терпя всю суровость воздуха, въ нынѣшнюю наипаче кампанію, чрезъ такъ чувствительныя и жестокия перемены погоды наипоразительнѣе разорено мое здоровье. Но какъ не удалялся я никогда отъ случаевъ, гдѣ могъ пользу принести службѣ, такъ и на сію мою отлучку не смѣю поступить безъ Высочайшаго на то Вашего Императорскаго Величества благоволенія. Повергнувъ себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества

верноподданнѣйшій рабъ.

8-го августа,
1773 года.

Въ лагерь при рѣкѣ Яломницѣ,
близъ деревни Малергу

(Копія съ печатныхъ писемъ. Москва 1803 года.)

Всемиловѣйшая Государыня!

Въ сію минуту удостоился я принять Всемиловѣйшее Вашего Императорскаго Величества своеручное отъ 8-го Сентября, коего содержаніе, или, лучше сказать, образъ Вашего милосердія и довѣренности ко мнѣ, оживилъ меня, въ гробъ уже гонимаго жестокииъ недугоиъ.

Всемиловѣйшая Государыня! Ваши слова и Богоиъ вліянія въ душу Вашу мысли, ободряютъ меня до толикой безопасности, что я не боюсь ни зависти, ни клеветы, и пойду тѣиъ смѣлѣе по той же стезѣ, что всегда и теперъ предполагаютъ вѣрность и рабское усердіе.

Не умеаю я выполнить во всѣхъ пунктахъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, всеподданиѣишимъ донесеніемъ моимъ въ разсужденіи о будущей кампаніи предположенія; однако жъ, сіе много еще зависить отъ воспослѣдованій, которыя конецъ дадутъ нынѣшней кампаніи; а и того больше въ состояніи бы я былъ соображать удобность и пользу предопредѣляемыхъ дѣйствій, естля бы благоугодно было Вашему Императорскому Величеству удостоить меня знать положеніе дѣлъ союзныхъ и сосѣднихъ Державъ, и каковы дѣйствія назначены будутъ другимъ частямъ войскъ Вашихъ, сухопутныхъ и морскихъ; ибо безъ того я больше не могу понимать состояніи военнаго, какъ только, что вижу въ одной моей части; а дѣйствія здѣшнія должны, безъ сомнѣнія, сливаться съ другими, слѣдственно, удобно ихъ только согласить, зная всю общую связь.

Послѣ перваго донесенія моего, еще я претерпѣлъ два жестокіе припадка, отъ которыхъ нахожусь въ тягчайшей слабости; но доколѣ не былъ удостоенъ Высочайшею резолюціею, не осмѣлился я выѣхать изъ лагеря, сколько не убѣждали къ тому меня совѣты доктора, зная и въ болѣзненномъ состояніи непремѣнно мои обстоятельства, чтобъ ради службы не щадить ни себя, ни жизни. Теперъ же, пользуясь милосердыиъ Вашего Императорскаго Величества дозволеніемъ, и послѣдуя убѣжденію медиковъ, шницу какою нибудь кровли, для защищенія отъ наставшей уже суровости воздушной, неудобомосной въ теперѣшнемъ моемъ ослабленіи,

въ такой, однако жъ, близости отъ войскъ, чтобъ ни отъ дѣла, ни отъ службы, ежели обстоятельства возтребуютъ, не удалиться.

Въ заключеніи осмѣливаюсь упомянуть, единственно со стороны усердіи къ пользѣ службы, что подвижность начальника въ моемъ мѣстѣ одушевляетъ подчиненныхъ и возбуждаетъ въ нихъ надобное уваженіе къ его особѣ, и что сіе упадаетъ въ положеніи его болѣзненнымъ; то же во мнѣ дѣйствуетъ воображеніе, ежели не отъ другихъ причинъ, то отъ припадковъ самой болѣзни. Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ.

25 Сентября,
1773 года.

Въ лагерь при рѣкѣ Ялоницѣ,
близъ деревни Малергу.

(Копія съ печат. Москва 1805 года.)

Копія съ черноваго.

ВАРОНУ ОТТО СТАКЕЛЬВЕРГУ.

Сентября 17 дня,
1773 года,

N. 326.

Милостивый Государь мой!

Симъ имѣю честь благодарить Вашему Превосходительству за почтеннѣйшее Ваше отъ 28-го числа Августа, приѣмля въ одолженіе себѣ здѣланныя мнѣ увѣдомленія о состояніи дѣлъ Министеріальныхъ, въ которыхъ съ произведенными успѣхами я Васѣ поздравляю, и желаю всеусердно, да воспріимуть оныя вскорѣ свое совершенство.

Въ разсужденіи тѣхъ пунктовъ, въ коихъ Ваше Превосходительство требуетъ моего содѣйствія, полагая въ томъ быть пользу

Высочайшихъ интересовъ, спѣшу Васъ увѣдомить слѣдующимъ: я имѣю повелѣніе, находящимся въ Польской Украинѣ, Кіевского и Брацлавскаго Воеводства Греческаго закона исповѣдникамъ, чрезъ наши команды, въ томъ краю пребывающія, въ случаѣ чинимыхъ имъ отъ Уніатовъ обидъ, оказывать заступленіе. По мѣрѣ сего предписанія, а отнюдь не болѣе, распространилось отъ нашихъ войскъ покровительство на единовѣрцовъ, въ неисчетныхъ удрученіяхъ, о которыхъ они непрестанно чинятъ прозобы на своихъ гонителей Римско-Католиковъ и Греко-Унитовъ. Не считалъ я никогда своимъ дѣломъ разбирать обоюдныя прошенія духовнаго чина, въ разсужденіи ихъ правъ парафіальныхъ, и по случаю отзыва ко мнѣ о томъ Бискупа Львовскаго, Шептицкаго, писалъ какъ къ нему, такъ и нашему Епископу Перелесовскому, въ образѣ совѣта, чтобъ каждый съ своей стороны не расширили больше ни Уніи, ни Православія, какъ которыя токмо церкви и жители издревле принадлежать властямъ того и другаго исповѣданія. Но дабы слѣдовать во всемъ удовлетворенію, которое отъ меня Ваше Превосходительство имѣть желаете, то посылаю я теперь повелѣнія чрезъ Генераль-Маіоровъ и Кавалеровъ Ширкова и Князя Щербатова, вообще для всѣхъ войскъ, въ томъ краю состоящихъ въ вѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали никакой помощи въ присоединеніи Унитскихъ церквей къ Православію, запрещая, и того больше, всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ, или имѣнію поповъ или жителей Унитовъ, хотя и доселѣ въ томъ никогда оружіе наше не участвовало. Словомъ, чтобы и парафіи и отправленіе Богослуженія осталось для одной и другой стороны въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ теперь находится, чего, разумѣю, я требуетъ израженіе Ваше *Statum in quo*. Но не думаю, чтобъ фанатизмъ Римской вѣры былъ тѣмъ успокоенъ; они и изъ за сего удовлетворенія вознесутъ свои жалобы, по привычкѣ вѣнчать и то себѣ за обиду, ежели не могутъ удручать варварски нашихъ единовѣрцовъ въ настоящемъ положеніи оружія. Не мѣшансь знать причины системы политической въ семь пунктѣ, скажу я только въ партикулярную конфиденцію Вашему Превосходительству, что доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе, мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными. А потому и мню я, что на истребленіе сего душевнаго и отъ предковъ наслѣдуемаго въ народѣ расположенія, на-

прягаются тѣ настояніи, кои идутъ на лишеніе всѣхъ способвъ существовать въ тѣхъ мѣстахъ единовѣрію съ нами.

Ваше Превосходительство собственнымъ проицаніемъ лучше объять можете настоящую и будущую судьбину сихъ угнетенныхъ одновѣрцевъ нашихъ, а я, взирая часто только на состояніе ихъ, сколько приносить слінніе дѣлъ таковыхъ съ дѣлами моей части, весьма въ томъ увѣренъ, что положеніе *Statum in quo* обратятъ духовныя и мірскія власти на исполненіи своего мщенія надъ людьми, ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ приверженностію своею къ намъ по единовѣрію. И сколько сіи послѣдніе къ горести своей воспримуть, узнавъ, что ихъ жребій, противу ихъ упованія на наше покровительство, преданъ въ руки ихъ гонителей, когда и въ настоящемъ положеніи наши одновѣрцы, которые только попались въ руки Католиковъ, не видятъ больше свѣта, то что уже тогда съ ними будетъ, когда месть и злобу употреблять каждый можетъ по собственному произволенію. Вы видите сами, Ваше Превосходительство, даже въ подаваемыхъ отъ Польскаго Министерства нотахъ, что они и говорить о семъ не могутъ инако, какъ употребляя термины ругательныя, которые, по крайней мѣрѣ, не прилично бы предлагать нашей сторонѣ.

Я увѣренъ, что Ваше Превосходительство, по своему благоумію и искусству изыщете средства удалить, елико можно, грозу крайней гибели для нашихъ одновѣрцевъ, предохраня въ актахъ, заключаемыхъ ихъ пользу и свободу, дабы не пало, въ сосѣднемъ народѣ и толь твердымъ узломъ сопряженномъ съ нами, всякое къ намъ упованіе, которое питать въ ономъ не бесполезнымъ кажется моему соображенію. Все сіе сообщаю Вашему Превосходительству въ видѣ моего испытанія дѣлъ, какъ они теперь суть, не присвоая отнюдь себѣ того, что свойственно проицанію дальновидныхъ политиковъ, и для того я все исполнилъ, что Вы отъ меня требовали.

Включаю здѣсь дошедшія ко мнѣ отъ Генералъ Маіора Щербатова увѣдомленія о проискахъ, которые Бискупъ Шептицкій уже заранѣе разсѣваетъ, и еще челобитную, поданную мнѣ отъ общества всѣхъ чиновъ, исповѣдующихъ Греческую Вѣру въ Воеводствахъ Брацлавскомъ и Кіевскомъ, съ прошеніемъ покровительства на утвержденіе ихъ древнихъ правъ. Предоставляю собственному

благоразсужденію Вашего Превосхонительства здѣлать изъ оныхъ таково употребленіе, въ чемъ бы Вы находили какову либо пользу.

О полахъ, держимыхъ въ Бердичевѣ, коль только дошло мнѣ вѣдать прежде сего, я приказалъ Генералу-Маіору Ширкову освободить всѣхъ, кромѣ, ежели которые нашлись бы взятыми по особливымъ каковымъ преступленіямъ, а не по причинамъ, относящимся до религіи; ибо о винахъ и ихъ заключеніи еще не дошли и поднесъ ко мнѣ репорты. Но чтобъ не замедлить ихъ освобожденія, я и теперъ послалъ повелѣніе реченному Генералу о выпускѣ оныхъ, кромѣ виновныхъ какому либо злодѣянію.

О возвращеніи секвестрованнаго имѣнія Князю Мартыну Любомирскому, получить въ слѣдъ за симъ мое повелѣніе Г. Ширковъ. Впрочемъ, по толь убѣдительному требованію Его Королевскаго Величества о непереводѣ войскъ Г. Стемшковскаго, я принужденъ ихъ терпѣть въ тѣхъ только округахъ, которые, по условію съ Княземъ Щербатовымъ, для ихъ пропитанія и помѣщенія предоставлены, хотя я въ томъ и самъ увѣренъ, и Васъ обядежить могу, что оныя не отъ нужды снабженія себя здѣсь водворились, но дабы удержать жителей порубежныхъ отъ переселенія въ наши границы, и неистовствовать надъ оными гонительствомъ въ томъ пунктѣ, что они настоящее время считаютъ благословеннымъ себѣ, для исповѣданія вѣры предковъ своихъ, которая превращена чрезъ насиліе Папистовъ.

Пробываю съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

Государь мой,

Петръ Ивановичъ!

Получа письмо Ваше, которымъ Вы просите, чтъ бы я учинилъ предстательство о награжденіи Старшинъ и Козаковъ войска Запорожскаго, пришедшихъ 772 года, медалями, по примѣру ихъ Товариства, что оныя получили за свою здѣсь службу, не хотѣвъ и

упустить, чтобъ не обнадежить Васъ, что сіи усердные службъ
воины, во многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличившіеся,
обязали меня по должности, также ходатайствовать по ихъ подви-
гамъ о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставлю я учинить.
Пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ

Вашъ, Государя моего,
доброжелательнымъ слугою.

20 Октября,
1773 года.

Изъ Фокшанъ.
Кошевому Атаману
Кальнишевскому.

Октября,
1773 года.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Милостивый Государь мой,
Алексѣй Михайловичъ!

Извините меня, Любезный Другъ, на сіе время моими заботами,
что я нѣсколько опоздалъ увѣдомить Васъ о успѣхахъ нашихъ
войскъ, водимыхъ за Дунаемъ Генералъ-Поручиками, Барономъ
Унгерномъ и Княземъ Долгоруковымъ. Сіи оба предводители, со-
единивши свои Корпусы, 17-го сего мѣсяца разбили непріятеля въ
Карасу, гдѣ командовалъ Дегастанли-Паша, 'сидѣвшій Нуметь-
Пашу, который, по своимъ несчастіямъ въ войнѣ, сосланъ въ заточ-
ченіе; и при немъ были Трехъ-бунчужный Омеръ и Чаушъ-Баши
и еще три Двухъ-бунчужные Паши.

Тутъ непріятель недождался въ своемъ стану нашей атаки,
но опередя нашихъ войскъ, на него наступавшихъ, кинулся въ бѣгъ:
однакожь, предпріятіе сіе не было ему спасительнымъ; наша кон-
ница, вслѣдъ ему устремленная, настигла его, и сильно поразила,
и побѣда свершилась тѣмъ, что взять непріятельской лагерь, один-
надцать пушекъ, знаменъ 18, три бунчука, военныхъ премного

снарядовъ и разныхъ экипажей. Убито непріятеля до 1500, въ плѣнь взяты: Трехъ-бунчужный Омеръ-Паша и Искиръ-Мегметъ Чаушъ Баши, Османъ Чубеджи и нижнихъ чиновъ 772.

Какъ только на сей пунктъ мои предположенія съ успѣхомъ выполнены, то и велѣлъ я реченнымъ предводителямъ, пользуясь слѣдствіями нанесеннаго удара, распространить далѣе, во внутрь земли непріятельской, свои дѣйствія; и во первыхъ, на городъ Базарчикъ, куда они потому 23 числа и приступили; но Черкесь-Паша, бывши тамъ съ 3000-ми войска, въ перестрѣлкѣ съ нашими передовыми не устоялъ также, коль только приближилась большая часть кавалеріи, и побѣжалъ оттуда. Сей остатокъ разбитыхъ войскъ, преслѣдуя до 20 верстъ, получили мы въ полонъ Визирскаго Чегодаря и 22 Турка; убитыми жъ ихъ пало 22 человекъ, а по прогнаніи непріятеля, занять нашими войскамъ городъ Базарчикъ. Отбито въ полѣ у непріятеля 4 пушки и 4 знамя, а въ городѣ взято 28 пушекъ и 1 мортира; жители изъ города почти всѣ разбѣжались, но на всякой день приходъ ихъ семействъ къ нашимъ войскамъ составляетъ уже тысячи.

Теперь я жду дальшихъ успѣховъ на Варву и на Шумлу, предоставя стараться упомянутымъ Генераламъ, чтобъ схватить и тѣ почты. А между тѣмъ привезенъ ко мнѣ сюда Омеръ: будучи уже въ глубокой старости, видъ и поступки кажетъ добродеречнаго человекъ, а Чуашъ-Баши есть одинъ изъ угрюмыхъ Турковъ; онъ, по увѣреніямъ, имѣетъ великую довѣренность въ дѣлахъ отъ Султана и отъ Визиря, сказываетъ, что онъ знакомъ и Вашему Превосходительству. Я къ нимъ опредѣлялъ приставомъ Г. Полковника Петерсона, и на сихъ дняхъ отправлю ихъ ко Двору на Ромая, въ томъ мнѣніи, что Ваше Превосходительство образомъ, Вамъ лучше свѣдомымъ, извѣдать изъ нихъ можете расположеніе Порты въ разсужденіи войны и мира, равно и какія внушенія ей въ томъ чинять другія Державы. Впрочемъ, что до меня, то я, по слабости моей, хотя имѣю Высочайшее дозволеніе переѣхать и въ выгоднѣйшее мѣсто, но покудова дѣйствія кончатся, пробуду уже здѣсь.

Прилагаю письмо изъ Вѣны къ Вамъ и газеты, ко мнѣ сообщенныя оттуда, и есмь съ непоколебимою преданностію и почтеніемъ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества, отъ числа Октября, я удостоился получить. Извѣстія, присоединенныя къ оному, показываютъ безпристрастіе увѣдомителя, а жалѣть токмо о томъ должно, что оныя къ нему поздно приходятъ, и послѣ тѣхъ, которыя противъ правды разглашены непріателемъ и сообщаемы были въ публичныхъ вѣдомостяхъ и приватно мнѣ отъ нашихъ Министровъ.

Ваше Императорское Величество соизволите быть извѣстны изъ моихъ тогдашнихъ донесеній о настоящихъ резонахъ, по которымъ не могъ я ни за собою оставить города Силистріи, ниже учинить формальной приступъ на преодоленіе толь видимыхъ тутъ силъ непріятельскихъ, производившихъ упорно свою оборону, ибо въ семъ послѣднемъ надобно бы неминуемо отважиться на потерю не малой части людей, и еще въ самомъ началѣ кампаніи. Взирь же, по извѣстіямъ на то время отъ плѣнныхъ, былъ уже за горами, слѣдственно достигнуть и тотъ пунктъ, которой податель извѣстія полагаетъ, яко важнѣйшій въ прогнаніи его особы. Я питаю и теперь въ себѣ ту же прискорбность, съ которою поступилъ я на обратный переходъ изъ за Дуная; но Ваше Императорское Величество въ моихъ донесеніяхъ, кромѣ причинъ, къ тому нудившихъ, соизволили видѣть исполненіе, въ томъ послѣдовавшее, согласнаго совѣта всѣхъ Генераловъ, изъ которыхъ ежели бы хотя одинъ тогда вызвался знать лучшіе къ чему нибудь способы, я бы конечно въ томъ каждому послѣдовалъ.

Щастливо произведенныя дѣйствія, которыя описываю въ теперешней реляціи, воспримите, Всемиловѣйшая Государыня, за выполненіе тѣхъ самыхъ предвѣстій и залоговъ моего непрерывнаго бдѣнія и всегдашняго попеченія о пользѣ ввѣреннаго мнѣ оружія.

Я ждалъ времени и случая, и сими обоими воспользоваться знаменитѣе, нежели иногда отъ самихъ большихъ предположеній. Плѣнь изъ непріятельскихъ войскъ не малый, и между онымъ первостепенныхъ чиновъ; получили всю артиллерію непріятельскую, и городъ Базаржикъ сталъ въ нашихъ рукахъ безъ всякой почти

потери и безъ пушечнаго выстрѣла; ибо мѣры поступленія и дѣйствій нашихъ толь удачно приняты въ сію пору, что непріятель толико стѣсненъ и нуждою и страхомъ, что бѣжитъ отъ лица идущихъ на него войскъ, потерявъ свой станъ и лишась толь нужныхъ ему приготовленій для зимы.

Пріобрѣтенія сіи, Всемилостивѣйшая Государиня, полезны оружію Вашему, какъ, напротивъ, весьма чувствительны будутъ непріятелю.

Что до плана операцій на будущую кампанію, то я, по окончаніи предположенныхъ дѣйствій и по расположеніи войскъ въ зимнія квартиры, поколику и то и другое обстоятельство войти должно въ разсужденіе о таковыхъ мѣроположеніяхъ, долженствую исполнить Высочайшую волю и повелѣнія Ваши. Не скрѣль я, однако жъ, и напередъ сего ни въ чемъ моихъ мыслей предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и доносилъ Вамъ, Всемилостивѣйшая Государиня, обо всемъ, что я предвидѣлъ неудобствомъ утвержденія ноги вашей за Дунаемъ, и что разумѣлъ полезнымъ, или противнымъ, успѣхамъ оружія Вашего, и ежели я больше и лучше не въ состояніи былъ проникнуть и сообразить, хотя ревность и труды мои на службу остаются въ полномъ всегда напряженіи, то въ томъ единственно виною природные мои недостатки.

Планы, обыкновенно дѣлаемые въ началѣ только войны, или въ началѣ кампаніи, для согласнаго учрежденія движеній и содѣйствій, предполагаемыхъ отъ разныхъ и дальнихъ пунктовъ, или въ общемъ дѣлѣ съ союзниками, бывають, однако жъ, подвержены не рѣдкой перемѣнѣ, но при сближеніи къ непріятелю, предается тогда искусству военначальника располагать дальнія предпріятія на него, по видимой на то время и удобства и предстоящимъ обстоятельствамъ; и я долгое уже время со вѣренными мнѣ войсками раздѣляюсь съ непріателемъ, и то не вездѣ, одною только рѣкою: слѣдственно, сколько ежедневно можетъ перемѣнять свое положеніе, столько неудобно, а найпаче теперь, назначить и нагъ свои противъ него дѣйствія на будущее время, которыя, по моему мнѣнію, зависятъ болѣе отъ случаевъ и начальнаго на то время усмотрѣнія; ибо сія послѣднія часто открываютъ путь къ знаменитымъ предпріятіямъ, нежели великія предположенія быть могутъ выполнены безъ препятствія и затрудненія.

Я льщу себя, Семилюбовѣйшая Государыня, и благоволеніемъ и довѣренностію въ томъ Вашими, что я нигдѣ еще не проронилъ ни времени, ни способвъ, служившихъ къ низверженію непріятеля и къ распространенію пользы оружія Вашего.

Естьли къ своимъ дѣламъ что либо соображается отъ приѣровъ войны Европейской, то во оной могли быть предположенія завременно для дѣйствіи, на основаніи извѣстнаго удостовѣренія о мѣстоположеніяхъ, гдѣ вся земля, до послѣдней стежки, со всѣми въ натурѣ ея неудобностями, описана; но здѣсь сопротивной берегъ Дуная намъ неизвѣстенъ; невѣрность картъ, которыя на ту сторону имѣются, познаемъ изъ собственнаго испытанія, и только тѣ ближнія, опустошенныя уже, части знакомы, которыя были подъ нашею пятою.

Я, на основаніи вышеписанныхъ обстоятельствъ, всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества удостоить меня прежде увѣдомленіемъ, какія предположенія имѣютъ и имѣть будутъ въ будущую кампанію другія части войскъ Вашихъ, въ моряхъ и на сухомъ пути дѣйствующихъ? ибо доселѣ между собою мы столько отстоимъ, что ни я имъ, ни они мнѣ ни какого вспоможенія учинить не могли; равно, буде уже благоизволили Ваше Императорское Величество назначить каковыя мѣроположенія для будущихъ военныхъ операцій и ко удержанію твердой ноги войскъ Вашихъ за рѣкою Дунаемъ.

Духъ мой исполненъ ревности, чтобы послѣднія силы предать на исполненіе въ томъ Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, не меньше и донести Вамъ чистосердечно, естьли что примѣтилъ я несходственно съ пользою вѣреннаго мнѣ оружія; ибо пространство нашихъ завоеваній на здѣшнемъ, а положенія непріятельскаго на сопротивномъ, великую наводятъ трудность во избраніи пункта, на которой можно было устремить намъ свои дѣйствія и не быть въ опасности отъ диверсіи, перенесшись за рѣку широкую и прямо между насъ и непріятеля протекающую, и въ семъ Высочайшаго руководства дозволите мнѣ, Семилюбовѣйшая Государыня, ожидать отъ милосердія и Высочайшей ко мнѣ довѣренности Вашей.

Подносителъ сего, Генераль-Маіоръ Князь Долгорукой, несъ стѣнныя труды въ нынѣшнюю кампанію въ должности Дежур-

наго Генерала; по своему усердію онъ бы находился и въ дѣйствіяхъ нынѣшнихъ за Дунаемъ, ежели бы я его не удержалъ при себѣ, ради помощи въ потребныхъ распоряженіяхъ, на случай моего крайняго изнеможенія отъ одоляющей меня болѣзни. Его я осмѣливаюсь, какъ ревностнаго къ службѣ Генерала, и могущаго словесно донести Вашему Императорскому Величеству о положеніи здѣшнемъ, повергнуть ко освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и пребывать съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

28 Октября,
1773 года.

Въ Фокшанахъ.

Копія съ печатнаго, издан. въ Москвѣ, 1805 году.

ПАНИНУ.

1773 года,
Декабря 20 дня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Наступленіе Новаго Года не усердіе во мнѣ обновляетъ, но одно только удовольствіе, когда я приношу Вашему Сіятельству найскреннѣйшее поздравленіе, о чемъ я теперь желаю, чтобъ Владѣющій временами и мѣстами укрѣпилъ Ваше здоровье и ниспослалъ вся благая по сердцу Вамъ.

Ваше Сіятельство прежде меня, я надѣюсь, свѣдомы, что, по предстательству Французскаго Министра, Князь Петръ Васильевичъ Решнинъ получилъ себѣ свободу: я отъ него имѣлъ два письма, чтобъ позволить ему прямо ѣхать въ Санктпетербургъ, чему согласуя, я къ нему уже писалъ.

Услуга Французская въ семь разѣ, мнѣ кажется, являетъ ихъ расположеніе, чтобъ какъ въ худомъ были, такъ и въ доброе вмѣ-

шаться. Но чрезъ кого бѣ то ни было, да доровалъ бы только Богъ конецъ войнѣ!

Ваше Сіятельство съ нѣкотораго времени рѣдко мои отзывы имѣете; представьте мои обстоятельства купно съ жестокимъ недугомъ, въ гробъ уже гонящимъ, и найдете въ оныхъ мое въ томъ справедливое извиненіе. Впрочемъ, благодарность и признаніе таже во мнѣ, которая была прежде, и вѣчно къ Вамъ пребудеть, равно какъ почтеніе и совершенная преданность, съ которыми честь имѣю быть.

Р. С. Я хотѣлъ здѣсь открыться Вашему Сіятельству о моемъ весьма печальномъ состояніи. И кому же я могу говорить о семъ съ болышею довѣренностію, какъ не Вамъ, моему Милостивцу и Другу? Чрезъ долговременныя и жестокія болѣзни лишился я всего здоровья, а не меньше того сражаютъ и духъ разныя потаенныя скорби сердца. Я бы хотѣлъ искать пользы въ теплое время у водъ цѣлительныхъ, но и на сію дорогу не достанетъ ни здоровья, ни денегъ: а естли помышлю и о уединеніи, какъ ближайшемъ средствѣ, то и оное, не знаю, гдѣ найдти, ибо, радѣя весь вѣкъ о службѣ, не радѣлъ я о домовствѣ и не имѣю еще и теперъ своего жилаго угла. Вотъ обстоятельства толь тѣсныя, что прибѣгаю къ Вашему дружескому совѣту, не могучи самъ себѣ ничего присоветывать. Я желаю, Впрочемъ, чтобъ всѣ дни Вашего Сіятельства проходили въ полномъ для васъ удовольствіи.

Декабря, 1773 года.

Князю Василю Владиміровичу Долгорукову.

Не только знаю, что ты пріѣхалъ, но и къ удовольству моему получилъ отъ Ея Императорскаго Величества удостовѣреніе, что Ей благоугодно было принять о тебѣ собственное мое свидѣтельство. Но зная сіе, не знаю, однако жъ, гдѣ ты усѣлъ, а вижу, что тебя ятъ съ нами. Письма я отъ тебя ни одного не получилъ, а ввѣрилъ я тебѣ о многомъ учинить донесеніе; по крайней мѣрѣ, коротко скажи: времени ли нѣтъ, или уже ни какого мѣста не

имѣють здѣшнія обстоятельства, чтобъ внимать истинному ихъ положенію и выслушать, что есть нужно и что неудобно? Пожалуй, увѣдомь, не обинуясь; слухъ мой къ всему отверзну! Ежели не доселѣ, то дальше твое молчаніе будетъ мнѣ прискорбно. Послѣ твоего отъѣзду, пріятнаго и радостнаго у насъ ничего не было, а отъ болѣзни, въ которой ты меня и оставилъ, изнемогаю я пуще на всякой день и до самой уже крайности. Прости, и будь ты уже здоровъ!

Вашего Сіятельства
покорный слуга.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ И ПИСЬМА
ГР. П. А. РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО,
1774 ГОДА.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОМУ.

1774 года,
Февраля 10 дня.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Имѣя недовѣрку къ часто разглашаемымъ здѣсь по пустому извѣстіямъ, удержался я Вашему Превосходительству сообщать по онимъ о смерти Султана. Но какъ теперь возвратился ко мнѣ изъ Шумлы посланный Офицеръ съ письмомъ моимъ къ Верховному Визирю, препровождавшій туда письма павънныхъ Пашей, который, тамъ будучи, слышалъ отъ самаго Рейсъ-Эфенди, что ихъ Султанъ умеръ, и возведетъ по немъ на престолъ братъ его, Абдуль-Хамидъ, то я спѣшу я о семъ подать Вамъ достовѣрное извѣстіе, прося Вашего Превосходительства сообщить мнѣ Ваши мысли по довольному своему и свѣдѣнію и примѣчанію въ дѣлахъ, общаетъ ли что нибудь лучшее сія перемѣна въ царствующихъ?

Рейсъ-Эфенди навѣдывался у сего Офицера о Вашемъ здоровьи, и о мѣстѣ пребыванія, токмо онъ, не будучи свѣдомъ о томъ, ему не могъ подать увѣдомленія. Впрочемъ, въ Шумлѣ Визирь и всѣ чины прежніе находятся.

Пробывать я честь имѣю съ непоколебимымъ почтеніемъ и преданностію.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

1774 года,
13 Февраля

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичь!

Мысли Вашего Превосходительства, чего можно ожидать отъ воцарившагось вновь Султана, подтверждаютъ во всемъ имъ сходныя увѣдомленія, которыя прежде кончины брата его были писаны, и которыя для прочтенія Вамъ сообщаю. Лучшій въ томъ удостовѣритель будетъ намъ время, весьма уже близкое, для котораго, чтобъ быть готовымъ, несу теперь и вѣще прежняго уточняющія меня заботы.

Здѣсь влагаю два конверта, дошедшіе ко мнѣ на имя Ваше, и имѣю честь быть съ непоколебимымъ почтеніемъ.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Марта 17,
1774 года,

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичь!

Купно съ возвратившимся Офицеромъ изъ Шумлы, посланнымъ отъ меня туда по случаю доставленія писемъ отъ плѣнныхъ Пашей, и въ провожаніи того Чегодаря, называемаго Сеидъ, который былъ присланъ отъ Визиря и отъ меня къ нимъ отправленъ въ Васильковскій карантинъ, Верховный Визирь и паки его прислалъ ко мнѣ Письма, при семъ полученные отъ Визиря и отъ Рейсъ-Эфендія ко мнѣ, а отъ послѣдняго и къ Вамъ, влагаю здѣсь подлинныя и переводы онымъ Италіянскія, чтобъ Вашему Превосходительству яснѣе изражаемую въ нихъ силу позвать, нежели мнѣ то удобно, не имѣя у себя переводчиковъ, совершенно знающихъ тотъ и другой языкъ. Извините меня, Милостивый Государь мой, что

не поводомъ любопытства, да причиною къпы накладыныхъ предъ меня писемъ Турецкихъ, имѣлъ я неосторожность распечатать къ Вамъ письмо Рейсъ-Фендія. Въ томъ будьте увѣрены, что я онаго не читалъ, чуждъ будучи знанія сего языка.

Предавши Вамъ всѣ сія депеши, которыхъ содержаніе отъ-емлетъ, кажется, сомнѣніе, чтобъ Порта не искала теперь отверзти къ примиренію прямую дверь, нуженъ мнѣ есть совѣтъ Вашъ, какъ мужа испытаніемъ и искусствомъ одареннаго въ сихъ дѣлахъ, какъ друга моего, и какъ чрезъ довѣренность, могущую содѣйствовать мнѣ, обязаннаго самымъ тѣмъ предписаніемъ, которымъ я уполномоченъ нынѣ къ миротворенію непосредственно.

Потому и прошу я Вашего Превосходительства преподать мнѣ свое мнѣніе, въ каковыхъ выраженіяхъ прилично мнѣ отвѣчать на сія отзѣвы. Я мню, если сказать, что я теперь отъ Двора своего уполномоченъ на взаимное сношеніе съ Визиремъ и на заключенія мира, то могутъ въ нихъ толки быть и слѣдствія удобъ вообразимыя, что къ сему принуждаютъ насъ внутреннія неспокойствія, о которыхъ онъ уже довольно знаетъ, а упреждая сіе, не покажется ли Вамъ моя мысль больше пристойною въ слѣдующемъ, чтобъ изъяснить и сослаться на то уполночіе, которое мнѣ дано по разрывѣ Фокшанскаго Конгресса, и котораго не пресѣкалъ силы между тѣмъ происходившія непріязненныя дѣйствія, поелику заключенная между Вами и Рейсъ-Фендіемъ Конвенція послѣ того и въ силу другой не отвергнута. Паче всего нужно, Милостивый Государь мой, и думаю, извлекти съ ихъ стороны прежде отзѣвъ на тѣ отъ насъ предложенія, которыя были послѣдними въ теченіи мирныхъ договоровъ, а потомъ уже исполненія для насъ изъяснить объ умѣриваніи оныхъ, какъ Дворъ заблагоразсудитъ, пріемли то, въ свое время, на донесеніе оному.

При семъ включаю копию письма ко мнѣ Г. Цегелина, вмѣстѣ дошедшаго: какъ мнѣ неизвѣстенъ проектъ, о которомъ онъ тутъ упоминаетъ, то я и расположу и мой отвѣтъ ему въ незнаніи того изъясненіемъ только той надежды, что его Король, яко добрый пріятель, конечно расположитъ и беретъ участіе къ совершенной и взаимной пользѣ. А ежели еще, что къ сему приложить потребнымъ Ваше Превосходительство заблагоразсудите, то прошу я въ семъ подать мнѣ Ваши мысли.

Чегодарь Сеидъ просился, чтобъ ему самому видѣть Ваше Превосходительство, и что препоручено ему отъ Рейсъ-Эсенди; я его съ Г. Мельниковымъ ради того къ Вамъ отправляю, а сего послѣдняго намѣренъ я съ моимъ отвѣтомъ послать за Дунай къ Визирю, считая, что онъ лучше другаго можетъ такую комиссію исполнить, по знанію языка и по самому знакомству.

Какія перемѣны въ Министерствѣ Порты послѣдовали, оставляю на словесное донесеніе гостю, а отъ Васъ прошу себѣ увѣдомленія, каковыхъ расположеній были низверженныя и вновь возведенныя, какъ Вамъ то лучше свѣдомо.

Еще прошу на все вышеписанное посилъшить Вашимъ отвѣтомъ, чтобъ я, тому слѣдуя, учинить могъ донесенія Двору и отправленіе за Дунай.

Есмь, какъ и всегда и былъ, съ непоколебимую преданностію и почтеніемъ.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Марта 21 дня,
1774 года.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Почтеніе и дружба, во вѣкъ неизмѣнныя къ Вашему Превосходительству, дали бы мнѣ почувствовать всю прискорбность, если повелѣнія, которыя я получалъ отъ Двора, трактовать съ Визиремъ о мирѣ, причинить могли что либо для Васъ непріятное. Языкъ в сердце мое не знаютъ противъ Васъ двоякости, и я чужой трудъ, тѣмъ меньше особы, которую привыкъ я почитать, ни мало не удобенъ обращать единственно въ славу себѣ собственную. Ваше Превосходительство сами можете вообразить, что намъ съ Верховнымъ Визиремъ для лицезрительныхъ договоровъ не позволяють многія сѣбствательства гдѣ либо съѣхаться, а верепискою сочинять трактатъ, было бы въ нучину ввергнуться медленія и работы. И такъ сіе дѣло, какъ Вамъ уже основанное, если Богъ

благословитъ, и до желаемаго конца должно быть доведено посредствомъ Вашего личнаго участія, о чемъ я, конечно, учиню предложеніе Визирю, слѣдуя во всемъ Вашей мысли, ежели только оныя о послѣднихъ кондиціяхъ не сухою отвѣтъ дасть.

Прилагаю здѣсь копію (для единственнаго Вашего знанія) Рескрипта, возлагающаго на меня миротвореніе. И я весьма желаю, ежели силы здоровья Вашего могутъ Вамъ то позволить, чтобъ увидѣться мнѣ здѣсь съ Вашимъ Превосходительствомъ, прежде выѣзда моего къ волкамъ въ поле. Сообщаю тутъ и списокъ моего отвѣтнаго къ Визирю, которое сей день отправилъ чрезъ Мельникова. Жена моя пишетъ, что съ курьеромъ, къ Вашему Превосходительству изъ С. Петербурга посланнымъ, она отправила мнѣ книги, то прошу увѣдомить, былъ ли у Васъ пріѣзжіи кто оттуда.

Остаюсь съ велицемѣрнымъ почтеніемъ и преданностію.

Копія съ черноваго.

ОБРЕСКОВУ.

Апрѣля 11,
1774 года.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Вчера возвратился нашъ Мельниковъ съ тѣмъ же Чегодаремъ Визирскимъ, который въ послѣдній разъ былъ къ намъ присланъ. Я ихъ отправляю къ Вамъ, для врученія писемъ, къ Вамъ привезенныхъ, а здѣсь влагаю оригиналами и тѣ, что я чрезъ нихъ получилъ. Удоставряютъ сіи предложенія, которыя Ваше Превосходительство въ полномъ ихъ пространствѣ усмотрите, что тщетно возлагаемъ мы надежду успѣхъ въ томъ одержать иными средствами, къ чему ближайшія убѣжденія на двухъ Конгрессахъ ни мало не наклонили Порту. Ненужно мнѣ предъ Вашимъ Превосходительствомъ, яко строителемъ сего дѣла, расширять объясненія, сколько Порты ощущаетъ существенный свой интересъ противиться нашимъ хотѣніямъ въ обладаніи Крымскими крѣпостями и въ пріобрѣтеніи неограниченнаго мореплаванія.

Но какъ мнѣ Дворъ, во основаніе мира, предположилъ тѣже правила, которыми Ваше Превосходительство послѣдуя, видѣли наконецъ разрушеніе всѣхъ миролюбивыхъ договоровъ, то и готовлюсь я на тѣ письма, которыми Визирь желаетъ извлечь отъ меня смягченіе ультиматуму, въ чемъ я невластенъ, расположить ему мой отвѣтъ симъ образомъ: что я, во мѣсто ожидаемыхъ отъ него и самыхъ ближайшихъ пособствованій къ заключенію полезнаго мира, обрѣтаю въ семъ его письмѣ настояніе о тѣхъ же самыхъ артикулахъ, которые предлагая, есть власно тоже, что не имѣтъ ни какой склонности къ прекращенію войны, ибо ему извѣстно изъ тѣхъ же самыхъ конференцій, на которыя онъ ссылается, бывшихъ между Послами обѣихъ Державъ, что независимость Татаръ, уступка въ Крыму крѣпостей Еникале и Керчи и неограниченное мореплаваніе, было главными пунктами со стороны Имперіи Россійской къ миротворчеству: что я излишнимъ почитаю въ сей разъ объяснять ему, сколько умѣренности и снисходительства Россія, при толь благополучномъ оружія своего производствѣ, оказала въ присвоеніи завоеваній своихъ и въ распространеніи оныхъ; что Ваше Превосходительство, трактуя съ Рейсъ-Эфендіемъ въ Бухарестѣ, достаточно изразили право и причины, по которымъ нельзя никакимъ образомъ сторонѣ нашей принять сихъ артикуловъ въ ихъ точной силѣ, которые Визирь мнѣ выписываетъ, и что миръ сущій и чистосердечное желаніе онаго долженъ быть утвержденъ тѣми самыми постановленіями, кои предложены были о сихъ пунктахъ на Конгрессѣ отъ Вашего Превосходительства. Послѣ сего упомяну я, что самая справедливость даетъ нынѣ неоспоримое право Имперія Россійской требовать больше по учиненнымъ въ войнѣ издержкамъ, нежели какъ она своя требованія предлагала Портѣ, желая заключить съ оною миръ, два года назадъ, что соглашеніе предъ симъ на нѣкоторыхъ кондиціяхъ возвратитъ Портѣ провинціи завоеванныя, соображать должно нынѣ съ настоящимъ положеніемъ Россійскаго оружія, поелику все право Россія имѣетъ переимѣнить о томъ прежнія кондиціи и требовать сходнаго и принадлежащаго себѣ удовлетворенія по цѣнѣ убытковъ, прирастающихъ чрезъ продолженіе войны. Въ заключеніи я скажу Верховному Визиру, сколь ни лестна мнѣ слава участвовать съ нимъ обще въ примиреніи обѣихъ Державъ, но когда съ ихъ стороны не тѣ средства предлагаются, которыя бы могли къ тому споспѣ-

шествовать, но паче претягнѣя въ сей доброй надеждѣ, то и долженъ я буду слѣдовать по той уже дорогѣ, которая остается въ томъ случаѣ, когда не дѣйствуютъ во благое всѣ истощенные способы миролюбные. Сколько случая дозволили намъ взаимно познать другъ друга, то не имѣю я уже нужды удостовѣрять его, колико желательнѣе мнѣ бы было видѣть плоды отъ миротворства, къ которому я отъ Ея Величества уполномоченъ, нежели отъ неминуемыхъ дѣйствій оружія, предводительству моему ввѣреннаго.

Я прошу Вашего Превосходительства дружески меня увѣдомить, если Вы найдете что нужнымъ переимѣнить, или прибавить, въ вышеписанномъ моемъ отвѣтѣ, начертанномъ только крайнимъ содержаніемъ, который я располагаю прямо на отрѣзъ, чтобъ отнять у нихъ мнѣніе, можетъ быть, не лучшее, о состояніи нашемъ продолжать войну.

Я ожидаю, что Вы полнымъ образомъ совѣтъ и свои мысли преподадите тому, который имѣетъ честь быть съ истиннымъ почтеніемъ.

P. S. Я хочу помѣстить въ моемъ отвѣтѣ Верховному Визирю, въ тѣхъ строкахъ, гдѣ стоитъ NB, «что съ стороны возвращенія Крыма, сколь ни велики дѣлались въ прошедшіе года отъ Порты приготовленія, но однако жъ, при помощи Божьей, оружіе Россійское пребываетъ вездѣ твердо въ своихъ завоеваніяхъ.» Прошу меня увѣдомить, покажется ли Вамъ потребнымъ сіе мое изреченіе? Да еще, Милостивый Государь мой, нуженъ мнѣ Вашъ дружеской совѣтъ и въ томъ, какъ бы приличнѣе сообразовать свой отвѣтъ, по тому уваженію, что когда Визирь въ своемъ первомъ письмѣ объявляетъ, что Министръ Прусской извѣстилъ ему, яко посредствомъ его Государя примиреніе сдѣлается, можетъ слѣдственно думать подобно, что медиаторъ сей, можетъ быть, извѣстилъ каковыя либо предположенія къ одержанію взаимнаго согласія и тѣхъ пунктовъ, которые доселѣ претягъ заключенію мира, а я о томъ ни какого увѣдомленія отъ Двора не имѣлъ. Посовѣтуйте, Вселюбезный Другъ, по Вашему достаточнѣйшему свѣдѣнію, какъ бы наилучше въ семь разъ составить мою отповѣдь Верховному Визирю. Прилагаю, для свѣдѣнія Вашего, экстрактъ извѣстія Князя Василья Михайловича о разсыпаніи въ Крыму той кучи недоброжелательныхъ, которая всеконечно подавала Портѣ лучшую надежду, нежели какъ сей есть оборотъ.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.Апрѣля 14-го,
1774 года.

Милостивый Государь мой,
Алексѣй Михайловичъ!

Повторяю мою благодарность и удовольствие, съ которыхъ я ожидалъ и получилъ дружеское Ваше чрезъ Мельникова. Я съ наибольшою признательностію пріемлю отъ Васъ сдѣланныя прѣмѣчанія; но прежде нежели могъ ихъ употребить, увѣдомляю Ваше Превосходительство, что третьяго дня, чрезъ возвратившагося моего сына, получилъ я отъ Графа Никиты Ивановича письмо, которымъ онъ меня предувѣдомляетъ о будущихъ наставленіяхъ въ смилженіе кондицій или препонъ, предстоящихъ миру доселѣ. Я включаю здѣсь сей оригиналъ, для прочтенія Вашего, а по поводу въ немъ предвозвѣщенія, я полагаю, Вселюбезный Другъ, отправленіе настоящаго моего письма къ Визирю поудержать, и дожидаться сихъ новыхъ повелѣній, которыя по письму Графа Н. И. должны быть ко мнѣ вскорѣ. Я разсуждаю, что ежели Дворъ нашъ преклоняется, для внутреннего своего положенія, умѣрить кондиціи, то и нужно мнѣ не подать причины къ прерванію нашей негоціаціи съ Верховнымъ Визиремъ, къ чему можетъ иногда послужить мой изготовленный отвѣтъ, въ незнаніи новыхъ намѣреній Двора, а только въ слѣдъ прежнимъ повелѣніямъ полагаемымъ. Я прошу Ваше мнѣніе о сихъ моихъ мысляхъ сказать.

Впрочемъ, я неизреченно радуюсь, встрѣчая мысли и желанія Графа Н. И. объ особѣ Вашей, во всемъ моимъ равнѣя, которыя я Вамъ открывалъ съ тою чистосердечною признательностію, которою я долженъ, и найточнѣе храню къ Вашимъ заслугамъ и возвышеннымъ дарованіямъ.

ОВРЕСКОВУ.

1774 года,
Апрѣля 22.
N. 78.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Взаимствую моимъ поздравленіемъ Вашему Превосходительству съ наступившимъ Свѣтлымъ Праздникомъ, желая всѣ дни онаго и долгія лѣта со удовольствомъ провождать.

Вчера на вечеръ получилъ я другаго курьера отъ Верховнаго Визиря: его письмо и препровожденное имъ Прусскаго Министра Цеголина, здѣсь сообщаю. Соизволите найтить въ послѣднемъ, что Османъ-Эфенди, если не копецъ уже, то послѣдніе дни своей жизни лижетъ печальные. Но какъ тутъ же упоминаетъ Г. Цегелинъ о важной нѣкоей перемѣнѣ, говоря послѣ того объ Османѣ-Эфенди, такъ какъ о знакомомъ намъ чловѣкѣ, то я не знаю, какое бы происшествіе разумѣть онымъ, и не то ли, что газеты публичныя гласятъ о самой перемѣнѣ Султанской.

Татаринъ пріѣхавшій есть обыкновенный куріеръ, и чловѣкъ, ни о чемъ не свѣдущій, а я еще Чегодаря Сейда отсюда не отправилъ, шибя, впрочемъ, тому и основаніемъ теперешніе дни праздничные и Христіянское благочестіе.

Копія съ черноваго

Мая 14 дня,

1774 года.

NN. 100-й и 101-й.

ОРДЕРЪ

Ширкову и Князю Щербатову.

По жалобѣ находящихся въ Польской Украинѣ Кіевскаго и Брацлавскаго Воеводствъ Греческаго закона исповѣдниковъ, о чинимыхъ имъ отъ Римлянъ и Уніатовъ разныхъ обидахъ и гоненіяхъ, предлагалъ я, Февраля отъ 23-го, 1772 года, командовавшему тогда въ Польшѣ Генералу-Маіору Князю Долгорукову, дать свои повелѣнія, чтобъ въ упомянутыхъ Воеводствахъ обитающимъ исповѣдникамъ Греческой вѣры наши ближайшія команды давали охраненіе отъ насильствъ и гоненій, происходящихъ отъ Римлянъ и Уніатовъ; но притомъ означеннымъ командамъ подтвердить, чтобъ онѣ, вступаясь въ охраненіе гонимыхъ, не дали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ, или же бы посягать на обиду Католиковъ и Уніатовъ. А прошедшаго 773 года, Сентября 17-го, по требованію отъ пребывающаго при Польскомъ Дворѣ нашего Полномочнаго Министра, Господина Дѣйствительнаго Каммергера Барона Стакельберга, приказано отъ меня Вамъ в Генераль-Маіору Князю Щербатову подтвердить вообще для всѣхъ войскъ, въ Польшѣ состоящихъ, ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали ни какой помощи въ присоединеніи Унітскихъ церквей къ Православію, запрещая и того больше всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ, или имѣнію Поповъ, или жителей Уніатовъ, словомъ, чтобъ и парафіи и отправленіе Богослуженія осталось, для одной и другой стороны, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ тогда находилось, и о семъ бы имѣли Ваше Превосходительство наблюденіе.

Но какъ и за тѣмъ приносятся отъ Делегациі нашему Министерству жалобы въ утѣсненіи отъ войскъ, въ Польшѣ находящихся, подъ командою Вашею и Генераль-Маіора Князя Щерба-

това, Уніятскихъ церквей и обывателей, * то въ прекращеніе сколь оныхъ, такъ и другихъ причинъ ради, относящихся къ настоящему дѣлу положенію, рекомендую я симъ Вашему Превосходительству, въ подтвержденіе вышеписаннаго, даннаго Вамъ отъ меня Ордера, предписать всѣмъ, въ Польшѣ находящимся, войскамъ команды Вашей, чтобъ они собою, и безъ требованія Министра Г-на Стакельберга, отнюдь не вступались во внутренныя Польскія дѣла, ни въ распри тамошнихъ разнозаконниковъ, менѣе же всего въ отнятіе церквей Уніятскихъ, а довольствовались только наблюдать во внутренности своей всю нужную военную осторожность противу всякихъ ** злодѣйствъ вредныхъ. Равнаго сему содержанія данъ отъ меня Ордеръ нынѣ и Генераль-Маіору Князю Щербатову.

Копія съ черноваго.

ОВРЕСКОВУ.

Мая 15 дня,

1774 года.

Фокшаны.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Михайловичъ!

Сей день возвратился изъ Шумлы посланный отъ меня Маіоръ Касперовъ, купно съ прежде присланнымъ Визирскимъ Чегодаремъ Сеидомъ. Я спѣшу сообщить Вамъ переводы Италіянскія письма ко мнѣ Визирскаго и отъ Рейсъ-Эфендія. Мнѣ содержаніе перваго изъяснилъ, на сіе время случившійся здѣсь быть, Графъ Семень

* Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ было написано: «что изъ приложенной при семъ копій записки усмотрите. А состояніе политическихъ и нашихъ дѣлъ требуетъ всячески менажировать теперь въ Польшѣ духи, дабы толь великое дѣло, торжественной чрезъ трактатъ уступки взятыхъ во владѣніе Польскихъ земель, не могло встрѣтить новыхъ затрудненій, доколѣ настоящій Сеймъ продолжаться будетъ и не достигнетъ своего формальнаго конца, то я повелѣваю.»

** «Непріятельскихъ нападеній, кои въ Польшѣ, при малѣйшимъ развратѣ, легко случиться могутъ совсѣмъ съ неожиданной стороны.»

Романовичъ Воронцовъ; и если я не ошибаюсь, то при всей надѣльности, которую свойственно Туркамъ всегда казать, occupy тутъ можно ихъ склонность близкую къ трактованію о мирѣ, хотя она еще прикрывается нѣмъ обычными увещаніями. Для сего я прошу Васъ, Вселюбезный мой Другъ, сколько можно поспѣшить сюда ко мнѣ Вашимъ прѣздомъ, взявъ съ собою всѣхъ чиновъ нужныхъ Вашей Канцелири; ибо нужно намъ, пройдя общимъ разсужденіемъ предложенія съ ихъ стороны, учинить чѣмъ скорѣе отвѣдъ Верховному Визиру, основываясь на послѣднихъ предписаніяхъ, которыя отъ Двора я имѣю.

Рейсъ-Эфенди словесно изъяснился Каспарову, что ежели бы Визиру сближаться ко мнѣ предстали неудобства, ради великолѣнія и многочисленной свиты, съ нимъ нераздѣльныхъ, то онъ самъ готовится уже на такой случай къ намъ приблизиться, что и подастъ удобность Вашему Превосходительству употребить себя въ ближайшее съ нимъ сообщеніе, и такъ, не назначая ничего, я Васъ ожидаю, желая отъ всего сердца увидѣть Васъ въ самой скорости и въ лучшемъ здоровьи.

Всемиловѣйшая Государыня!

Отъ самаго войны начала, предводя оружіе, мнѣ вѣренное, противъ непріятеля, имѣлъ щастіе силою онаго одержать и миръ нынѣ.

Ваше Императорское Величество соизволите быть извѣстны изъ послѣднихъ моихъ донесеній изъ Болгаріи, что я отъ Верховнаго Турецкаго Визира не принялъ предложеній ни о перемиріи, ни о возобновеніи Конгреса, но требовалъ, чтобъ онъ прислалъ уже ко мнѣ полномочныхъ особъ принять и утвердить точно кондичіи къ тому; а между тѣмъ армія Вашего Императорскаго Величества больше и больше свои дѣйствія и успѣхи расширяла, причиняя крайнее утѣсненіе непріятелю, котораго войска вездѣ были заперты, разбиты, гдѣ только выходили изъ своихъ укрѣпленій; ибо достигали ихъ уже пораженіями и въ самыхъ Балканахъ, въ сорокъ верстахъ за Шумлею.

По сему Верховный Визирь, 5-го числа Июля, прислалъ ко мнѣ въ Главнѣйшій Станъ арміи Вашего Императорскаго Величества въслѣдствіи шира съ стороны Блистательной Порты Уполномоченныхъ: первымъ Кигаю-Бен, на сей случай приняшаго чинъ Кесанесши Раи-Ахметъ-Эфендія, вторымъ, Абрахимъ-Мюмидъ Рейсъ-Эфендія, чтобъ постановить и заключить миръ.

Отъ меня взяты были къ одержанію того кратчайшія способы, сходствуя къ положенію оружія; Генералъ-Поручикъ Князь Реннинъ былъ отъ меня уполномоченъ къ взаимному постановленію и подписанію пунктовъ мира съ Полномочными Турецкими, а Тайной Совѣтникъ Обресковъ, хотя я его предупредилъ, прызывая къ сему дѣлу, не могъ ко мнѣ поспѣть пріѣздомъ, ради разлитія воды на лѣвомъ берегу Дуная. Симъ образомъ, Всемилостивѣйшая Государыня, въ 10-й день сего мѣсяца трактатъ вѣчнаго шира между Имперіею Россійскою и Портою Оттоманскою подъ моими очами и взаимными Полномочными заключенъ и подписанъ въ здѣшнемъ лагерѣ, и въ существѣ онаго одержаны слѣдующія кондиціи: 1-е, Всѣмъ Татарамъ быть вольными, и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ сообразоваться имъ правлямъ Магометанскаго закона, безъ малѣйшаго, однако жъ, предосужденія вольности и независимости; имъ утверждены всѣ земли и всѣ крѣпости, въ нихъ владѣніи прежде бывшія; имъ отдаются отъ меня Еникуль и Керчь, которыя Порта Россіи съ ихъ гаванями и уѣздами съмъ трактатомъ уступила. 2-е, Также Россіи замокъ Кинбурнь съ его округомъ и всею степью между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; Портѣ оставленъ Очаковъ съ его древнимъ уѣздомъ. 3-е, Молдавія и Валахія и Архипелажскіе острова возвращены на выгодныхъ для жителей кондиціяхъ; коммерція и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ, каковыя другія Державы употребляютъ на всѣхъ водахъ, взаимнымъ образомъ дозволены, равно какъ плаваніе онымъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое, а изъ Бѣлаго въ Черное, и присвоены въ семъ пунктѣ Россійскому кораблеплаванію и торговлѣ, въ разсужденіи выгодъ и преимуществъ, капитуляціи, кои Франція и Англія съ Портою имѣютъ. 4-е, Заплатить обязалась Порта за убытки Россіи 4,500,000 рублей. Въ прочихъ десяти артикуловъ, подписанныхъ на Бухарестскомъ Конгресѣ, утвер-

ждены, и другіе таиъ же предположенныя, всѣ приняты въ ихъ силѣ. Пріимите, Всемилостивѣйшая Государыня, дѣло сіе и возвѣщеніе объ ономъ, яко плодъ силы оружія Вашего, яко доводъ Божіяго благословенія въ такихъ Вашихъ предиріятіяхъ, и яко пользу тѣхъ наставленій и руководство, которыми Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше учреждали къ тому мой подвигъ.

Сколь скоро получу я отъ Верховнаго Визиря утвержденія, по точному договору въ пять дней, что сей мирной трактатъ принять властно, какъ мною съ нимъ лично учинень, то буду имѣть честь оный представить Вашему Императорскому Величеству, чрезъ Генераль-Поручика Князя Репнина, которой полное участіе имѣлъ по полномочию отъ меня въ заключеніи мира.

Оканчиваю краткое сіе донесеніе принесеніемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшаго поздравленія о семъ заключенномъ мирѣ, въ коемъ да продлитъ Всевышній дни Вашего вѣка къ благоденствію всего народа!

Сына моего и Маіора Князя Гагарина, подносящихъ сіе, и себя повергалъ къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, емь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшимъ рабомъ.

Изъ лагеря въ Болгаріи, при Кучукъ-Кайнарджи.

Юля 11 дня,
1774 года.

Копія съ подлиннаго.

ЖУРНАЛЪ,

**ВЕДЕННЫЙ СЪ ПРИВЪТІЯ ГГ. УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ МИНИСТРОВЪ
ВЕРХОВНЫМЪ ВИЗИРЕМЪ, АХМЕТА-РЕСМИ, КЕГАЯ-БЕЙ НИШАНДЖИ-
ЭФЕНДІА И ИБРАГИМА-МУНИБА, РЕЙСЪ-ЭФЕНДІА, НА КОНГРЕСЪ, ВЪ
ДЕРЕВНЮ БЮ-КАЙНАРДЖИ, ДО ОТЪЪЗДА ИХЪ, ПОЛКОВНИКОМЪ И
КАВАЛЕРОМЪ ПЕТЕРСОНОМЪ.**

ЖУРНАЛЬ,

веденный съ прибытія Уполномоченныхъ Министровъ отъ Верховнаго Визиря Нишанджи-Эфендія и Рейсъ-Эфендія въ деревню Бію-Кайнарджи, назначенную къ пребыванію ихъ во оной, и мѣстомъ для мирныхъ переговоровъ между Императорскимъ Всероссійскимъ Дворомъ и Оттоманскою Портою, до отъѣзда, съ 5-го Іюля 1774 году.

5 го Іюля.

Его Сіятельство, Главнокомандуюцій арміею, Господинъ Генераль-Фельдмаршалъ, всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеръ, Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, получа увѣдомленіе отъ Г-на Маіора Князя Вадбольскаго, что Уполномоченные Министры отъ Верховнаго Визиря для переговоровъ въ мирныхъ предложеніяхъ, въ Бію-Кайнарджи 4-го Іюля прибыли, изволилъ послать Полковника и Кавалера Петерсона поздравить ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, нарядивъ его при томъ быть ихъ приставомъ во все время ихъ тамъ пребыванія; за нимъ посланъ былъ еще эскадронъ Карабинеровъ, подъ командою Маіора Князя Кекуатова, для умноженія конвою Министерскаго

Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ, прибывъ туда въ 8-мъ часу поутру, пошелъ, имѣя при себѣ Князя Вадбольскаго и прочихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, конвоевавшихъ свиту Министерскую, въ ставку Нишанджи Эфендія, въ которой обои Министры, Бейликчи Эфендіи, * Драгоманъ и множество Турковъ собраны находились. Онъ сдѣлавъ имъ отъ Его Сіятельства поздравленіе, увѣрялъ ихъ въ отмѣнной Его къ нимъ благосклонности, увѣдомивъ при томъ, что онъ находится въ Кючукъ Кайнарджи, ** и для

---

* То есть, первенственный управитель секретною ихъ канцеларіею и третья персона при семъ Посольствѣ.

** Деревни, отлежащей оттуда въ трехъ, или четырехъ, верстахъ.

того избралъ за благо имъ остаться со всею ихъ свитою въ той деревнѣ, гдѣ они уже находятся, считая ее способнѣйшею какъ по близости ея, такъ и по довольствію въ ней прочихъ надобностей. Министры благодарили чрезъ своего Драгомана, со всѣми знаками признанія и искреннаго высокопочитанія, за пріятствіе Его Сіятельства, показывая при томъ, сколь они чувствительно тронуты стараніемъ, что у его пріемлютъ въ доставленіи имъ всякихъ удобностей. Они угощали Полковника и Кавалера Петерсона и всѣхъ Офицеровъ, за нимъ пришедшихъ, шербетомъ, кофемъ и сластями, поднесли одному ему только трубку съ табакомъ. Пропустя малое сіе время въ дружескихъ разговорахъ, объявили они, сколь ревностно желаютъ свиданія съ Его Сіятельствомъ, не только чтобъ увѣрить его въ дружественныхъ мыслей расположеніяхъ Верховнаго Визиря, и не только для изъявленія ему изустно своего высокопочитанія, но чтобъ предложить ему причины ихъ пріѣзду и приступить къ скорѣйшему исполненію наложенной на нихъ должности. Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ, выслушавъ ихъ, сказалъ, что намѣреніе Его Сіятельства согласно съ ими; что дѣла его позволяютъ ему принять ихъ посѣщеніе, и для чего уже получилъ повелѣніе имъ объявить его волю, но чтобъ избѣжать всѣ излишности этикета, въ лагеряхъ не приличествующія, трудности и медленности, съ ими совокупленныя, требуетъ Главнокомандующій арміею Г-нъ Генералъ-Фельдмаршалъ, чтобъ они для своей свиты избрали малѣйшее число знаменитыхъ своихъ услужниковъ, оставя всѣхъ прочихъ въ своемъ лагерѣ; ибо онъ и самъ, убѣгая излишняго многолюдства и пышности, на той же ногѣ ихъ допустить къ себѣ намѣренъ, предполагая сіе единственнымъ равенствомъ, которое онъ въ теченіи дѣлъ съ ими наблюсть предпринялъ. Послѣ сего объясненія, далъ онъ знать, что они могутъ сами выбрать часть, который только заблагоразсудятъ. Министры приказали своимъ подчиненнымъ готовиться къ отъѣзду, и опредѣлили изъ ихъ кому ѣхать за ими. Когда уже все изготовлено было, то чауши ихъ, по Турецкому обряду, объявили своимъ крикомъ, что начальники ихъ намѣрились ѣхать; что самое они также повторили, когда оныя въ свои кареты сѣли. Церемонія оная продолжалась слѣдующимъ порядкомъ:

Конвой Карабинеровъ, изъ 10-ти человѣкъ состоящій; передъ ими Офицеръ.

Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ, за нимъ всѣ Штабъ и Оберъ-Офицеры, конвоевавшіе и приставленные къ свитѣ Министерской.

Драгоманъ.

Двое конюшихъ Министерскихъ съ заводными лошадьми ихъ.

Двое чаушей рядомъ.

Карета Нишанджи-Эфендія, въ которой онъ и самъ сидѣлъ.

Карета Рейсъ-Эфендія съ нимъ.

По сторонамъ знаменитѣйшіе ихъ услужники верхами и нѣсколько пѣшихъ.

Бейликчи-Эфендіи верхомъ, за ними нѣкоторое число Турковъ.

Конвой Карабинеровъ, арріергарду составляющихъ.

Подъѣзжая къ лагерю Его Сіятельства, остановилась авангарда ихъ шаговъ за 200, и построилась по правую сторону, вступя въ цѣпь пикетовъ, противъ которыхъ по лѣвую построилась послѣ и арріергарда. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ конвой ихъ остановился, Нишанджи-Эфенди, и Рейсъ-Эфенди приказали сдержать свои кареты, и вышедъ, умывались по своему обыкновенію и перемѣнили платье. Вошедши опять въ свои кареты, везены были нѣсколько шаговъ и остановлены, хотя съ малымъ съ ихъ стороны упорствомъ, шаговъ за 50-ть. Господинъ Дежуръ-Маіоръ Его Сіятельства, Князь Гаврила Гагаринъ, пришелъ тутъ къ нимъ на встрѣчу и сдѣлалъ первое имъ привѣтствіе. Двое чаушей Министерскихъ, за которыми слѣдовалъ Князь Вадбольской съ прочими Офицерами, принадлежащими къ свитѣ, потомъ Князь Гагаринъ, за нимъ Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ съ Драгоманомъ; тутъ шли рядомъ Уполномоченные Министры, имѣя за собою Бейликчи-Эфендіи и весь штатъ свой. Передъ ставкой Его Сіятельства встрѣтилъ ихъ Дежурный Генераль-Маіоръ и Кавалеръ Баронъ фонъ Игельштромъ и при первомъ вступленіи, Его Сіятельство Г-нь Генераль-Поручикъ и разныхъ орденовъ Кавалеръ, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, который и подвелъ ихъ къ Его Сіятельству Главнокомандующему арміею Ея Величества, Господину Генераль-Фельдмаршалу. Турки, въ свитѣ пришедшіе, всѣ остановлены были и отведены въ павильонъ, недалеко отъ того поставленный. По взаимномъ привѣтствіи, угощаемы были Господа Уполномоченные кофеемъ и сластями, и вошли въ переговоры, мира касающіеся, которые и

продолжались отъ 11-и часовъ утра до 2-хъ по полудни. Между тѣмъ офиціанты и ливрейные служители Его Сіятельства подчивали посаженныхъ Турковъ въ другой палаткѣ кофеемъ и сластями, по ихъ обыкновенію.

Когда Его Сіятельство, Главнокомандующій арміею, Г-нъ Генераль-Фельдмаршалъ, и Его Сіятельство, Князь Репнинъ, окончили съ Министрами свои переговоры, тогда Уполномоченные пошли изъ ставки и дошли до своихъ экипажей, гдѣ они оныя оставили, и возвратились въ томъ же порядкѣ, какъ и упомянуто.

—

Іюля 6-го дня.

Путру Министры просили позволенія, вторично имѣть свиданіе съ Его Сіятельствомъ, что имъ и позволено было съ тѣмъ же Офицеромъ, который былъ отъ Полковника и Кавалера Петерсона прісланъ.

Церемонія ихъ продолжалась тѣмъ же порядкомъ, какъ и первый день была, съ тою только разницею, что когда Министры пробыли, отъ 11 часовъ до половины перваго, въ ставкѣ Его Сіятельства, то введены были въ приуготовленную конференцъ-залу, въ особливомъ павильонѣ, гдѣ они еще два часа проводили въ переговорахъ съ Его Сіятельствомъ, Князь Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Министры того дня просили позволенія послать своего курьера въ Чумну * къ Верховному Визирю, что имъ и не воспрещено, только съ тѣмъ, чтобъ нашъ курьеръ при томъ быть могъ. По отъѣздѣ Господь Уполномоченныхъ, остался Драгоманъ для переводовъ къ завтешнему дню, и не возвратился прежде 10-го часу вечера. Курьеры поѣхали тогожь числа, въ 2 часа по полуночи, съ данными съ обѣихъ сторонъ депешами. Курьеръ нашъ былъ перваго Гранадерскаго полку Квартирмейстеръ Кульбшцкой, а съ ихъ Чегодарь.

Іюля 7-го дня.

Его Сіятельство, Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, взявъ намѣреніе пригласить Министровъ къ своему столу, изво-

* Вѣроятно: Шумлу.

лилъ на кануиѣ предъ тѣмъ приказать привезти повара ихъ (акчи) въ его лагерь, для изготовленія имъ яствъ. Въ 9-мъ часу поутру, оный туда и былъ свезенъ, при Офицерѣ, ежедневно посылаемомъ для испрошенія позволенія отъ Его Сіятельства пріѣхать Господамъ Министрамъ; и того дня, помянутый Офицеръ имѣлъ повелѣніе освѣдочиться о ихъ здоровьи, и обнадежить ихъ въ его пріятствіи и благосклонности. Церемонію нѣтъ нужды повторять, ибо она слѣдовала обыкновеннымъ порядкомъ.

По пріѣздѣ ихъ были введены прямо въ конференцъ-залу. * По обыкновенномъ угощеніи вошли въ переговоры о оставшихся еще пунктахъ, что самое продолжалось съ отдохновеніями съ 11 часовъ утра до половины 5-го по полудни. Во все сіе время они не были еще допущены до свиданья съ Его Сіятельствомъ, Главнокомандующимъ арміею. ** Во время собранія были туда допущены довѣренныя особы въ дѣлахъ: при Министрахъ Турецкихъ были Драгоманъ ихъ, и допущенный къ дѣламъ чиновный Турокъ писарь; съ нашей же стороны, при Его Сіятельствѣ, Князь Николаѣ Васильевичѣ Репнинѣ, были при письменныхъ дѣлахъ въ присутствіи, Г-нъ Полковникъ и Кавалеръ Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, Г. Полковникъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, и имѣли въ Совѣтѣ каждый свой табуретъ; къ тому же, Г. Подполковникъ Вильде, находящійся при чужестранныхъ дѣлахъ, въ Канцеляріи Его Сіятельства, Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ, для переводовъ Господинъ Панаюдеръ, и Г. Мельниковъ.

* Она была въ особливомъ павильонѣ, разбитомъ поперекъ лагеря, на лѣвой сторонѣ ставки Его Сіятельства, имѣя за собою шагихъ въ 20-ти саубтахъ. По срединѣ оной былъ поставленъ столъ, покрытый сукномъ краснымъ; у котораго сидѣлъ Его Сіятельство, Князь Репнинъ, а по обѣимъ сторонамъ, Уполномоченные Министры; въ сторонѣ побочъ, подлѣ Нишанджи-Эфендіа, сидѣлъ Бейликчи; въ нѣкоторомъ отстояніи имѣли свои табуреты: Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ и Петръ Васильевичъ Заводовскій, Полковники; противъ ихъ, по другую сторону чиновный Турокъ и вѣранный въ дѣлахъ ихъ. Повали были поставлены два стола еще, изъ которыхъ у одного сидѣлъ Г. Подполковникъ Вильде съ бумагами.

** Примѣтить надлежитъ, что во время всякой конференціи, когда матерія о мирныхъ предложеніяхъ для отдохновенія прерывалась, то Нишанджи и Ретси-Эфенди исправляли свою молитву въ конференцъ-залѣ.

Поелику обыкновеніе Восточныхъ народовъ есть въ разсужденіи опущи ихъ, чтобъ послѣ утренней молитвы и обѣдать, а ужинать въ 5-ть, или въ 6-мъ часу вечера, то Его Сіятельство, Главнокомандующій арміею, Г. Генераль-Фельдмаршалъ, изволилъ приказать себя увѣдомить, когда конференція минеть и время ихъ ужину наступить. Прежде нежели совѣтъ совсѣмъ кончился, то Его Сіятельство, уважая всегдашнее почтеніе и пріятство къ его особѣ, отъ Абдуль-Розакъ, Рейсъ-Эфендіа, бывшаго Чрезвычайнымъ Посломъ при Бухарестскомъ и Фокшанскомъ конгресахъ, изволилъ освободить слугу его, взятаго въ плѣнъ при рѣшителномъ дѣлѣ подъ мѣстечкомъ Козлуджи.

Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, въ 6-мъ часу закрылъ Совѣтъ, и увѣдомилъ въ томъ Его Сіятельство, Главнокомандующаго арміею Ея Императорскаго Величества. Министры скоро послѣ того позваны были къ столу, куда они, умывшись и изготавившись, пошли безъ замедленія. *

Повелитель Императорскихъ Всероссійскихъ войскъ, встрѣтивъ я приласкавъ Гг. Уполномочныхъ Министровъ предъ своею ставкою, пошелъ съ ними въ столовую, гдѣ и сѣли за столъ, приготовленный въ Турецкомъ вкусѣ. Подлѣ его сидѣлъ Его Свѣтлость, Принцъ Гессенъ-Дармштатскій, а по лѣвую сторону Его Сіятельство, Князь Н. В. Репнинъ, потомъ знаменитѣйшія особы изъ арміи, находящейся при немъ. Напротивъ его помѣщенъ былъ Нишанджи-Эфенди, подлѣ котораго по правую руку сидѣлъ Рейсъ-Эфенди, потомъ Бейлюкчи-Эфенди, за нимъ Мекмандаръ (или надзиратель всей ихъ свиты и обозу), а за тѣмъ чиновной Турокъ, допущенный въ дѣлахъ. Смиреніе, воздержность и умѣренность показывали ясно, сколь велико ихъ почтеніе къ особѣ Фельдмаршала, и удовольствіе отъ отдаваемой имъ почести. Музыка гѣхотныхъ, Санктпетербургскаго и Куринскаго, полковъ играла во все время стола, и послѣ даже, до отъѣзда ихъ.

Драгоманъ ихъ, природою Грекъ, по чину не имѣющій права засѣдать за столомъ съ ними, отведенъ былъ и угощаемъ въ

* Въ теченіе Конференціи выходилъ Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, неоднократно съ Драгоманомъ, и одинъ, въ кабинетъ къ Графу, Петру Александровичу.

палаткѣ Его Сіятельства, Графа С. Р. Воронцова, гдѣ онъ и пробылъ до самаго отъѣзду Министровъ.

Его Сіятельство, Графъ Петръ Александровичъ, просидѣвъ часть за столомъ съ ними, пошелъ послѣ того въ конференцъ-залу, гдѣ нѣкоторое время съ ими проводилъ въ разговорахъ и угощеніяхъ; послѣ чего Министры чрезъ переводчика просили повелителя арміи Ея Императорскаго Величества, чтобъ показать имъ сына Его Сіятельства, объ которомъ они отъ Абдуль-Розакъ Рейсъ-Эфендія слышали неоднократную похвалу, и для того желаютъ познакомиться взаимнымъ его знакомствомъ. Его Сіятельство обѣщаль прислать къ нимъ на другой день Графа Михайла Петровича съ визитомъ, что 8 го числа и воспослѣдовало. Симъ кончился сей день свиданія, и Министры возвратились въ свой лагерь. По отъѣздѣ ихъ, имѣлъ долгой разговоръ съ Господиномъ Маномъ, Драгоманомъ Турецкимъ, Его Сіятельство Графъ, Петръ Александровичъ, и Его Сіятельство, Князь Н. В. Репнинъ.

Іюля 8-го дня.

Его Сіятельство, Графъ Михайла Петровичъ, пріѣхаль сего числа въ Бію-Кайнарджи, въ 8-мъ часу утра, съ приличною для его чина свитою, и пришелъ сперва въ палатку Полковника и Кавалера Петерсона, откуда пошелъ съ ними къ Министрамъ, ниѣя за собою всѣхъ Россійскихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, при свитѣ находящихся. Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ представилъ Графа М. П. Нишанджи-Эфендію, который его принялъ со всѣми знаками учтивости и нелицемѣрнаго почтенія къ его фамиліи. Свита его старалась угощать, наблюдая Восточные обряды, табакомъ, сладьми и кофьемъ, потомъ подвели ему, въ подарокъ, Турецкаго жеребца. По окончаніи сей церемоніи, Его Сіятельство, отблагодаривъ, пошелъ къ Рейсъ-Эфендію, гдѣ всѣми образы угощаемъ былъ, какъ табакомъ, кофьемъ, шербетомъ, сладьми, умываніемъ водъ благоуханныхъ и куреніемъ. При разставаніи подарилъ Рейсъ-Эфенди Его Сіятельству различныя шелковыя матеріи въ Турецкомъ вкусѣ.

Между тѣмъ возвратился Офицеръ, къ Его Сіятельству посланный, для истребованія отъ его позволенія Министрамъ ѣхать къ нему: ояъ привезъ къ нимъ не только оное, но его Сіятельство освѣдом-

лялся о ихъ здоровьи, говоря, что онъ не только имъ позволяетъ, но что ему ихъ посѣщеніе небезпріятно будетъ,

Спустя малое время, Гг. Уполномоченные отправились въ путь съ обыкновеннымъ порядкомъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій арміею Ея Величества, принялъ ихъ персонально въ той же конференцъ-залѣ, гдѣ, сдѣлавъ имъ угощеніе и выслушавъ нѣсколько ихъ доводы, также и пункты, о которыхъ въ тотъ день говорено было мѣть, изволилъ откланяться и пойтить съ своимъ штатомъ въ кабинетъ, остави въ конференцъ-залѣ однихъ негосіаторовъ и вѣрныхъ въ дѣлахъ съ обомъ сторонамъ. Конференція продолжалась сего дня отъ 11-ти часовъ утра до 5-ти часовъ вечера, послѣ чего уполномоченныя особы отъ Верховнаго Визиря возвратились въ свой лагерь, оставя для переводовъ и письма шість, потребныхъ къ другому дню, своего Драгомана, который уже въ 8-мъ часу вечера возвратился въ Бію-Кайнарджи.

Іюля 9-го дня.

Поелику желаніе негосіаторовъ съ стороны Турецкой было поспѣшить великое сіе дѣло какъ можно скорѣе, то Драгоманъ ихъ имѣлъ повелѣніе рано по утру ѣхать въ лагерь Его Сіятельства, чтобы успѣть заготовить съ переводчиками нашими оставшіея артикулы еще не подписанными. Министры же не прежде туда отправились, какъ Офицеръ, посланный къ Его Сіятельству, назадъ возвратился съ его пріятствіемъ и приглашеніемъ. Гг. Уполномоченные также были и наканунѣ приняты имъ самими въ конференцъ-залѣ, откуда онъ также въ скорости удался въ свой покомъ. Сего числа совѣтъ продолжался отъ 12-го по полудни до половины седьмаго послѣ обѣда. * Господа Министры прибыли въ свой лагерь въ 8-мъ часу вечера, Драгоманъ послѣ ихъ остался въ Кучукъ-Кайнарджи, для заготовленія съ прочими переводчиками нужныхъ писемъ для будущей конференціи, а возвратился не прежде 10-го часу вечера. Бейликчи-Эванди равномерно и самъ возвратился не прежде, какъ часъ спустя послѣ отъѣзду Уполномоченныхъ.

* Напрасно и упоминать, что ежедневно они, во время отдохновенья, въ совѣтѣ исправляли свою молитву; также и то, что чиновные ихъ Турки были ежедневно потчиваы офиціалтомъ въ другой палаткѣ.

Юля 10-го дня.

Г-нъ Квартирмейстеръ перваго Гренадерскаго полку Кульбицкой, отправленный курьеромъ въ Чумну съ Турецкимъ курьеромъ же 6-го Юля, возвратился сего числа по утру въ 7-мь часовъ, и привелъ былъ прямо въ лагерь Его Сіятельства. Драгоманъ за три часа передъ Министрами пріѣхалъ, которые, дождавшись прибытія ежедневно посылаемаго Офицера, для истребованія позволенія, отправились въ путь въ 11-ть часовъ.

Его Сіятельство, Главнокомандующій арміею Ея Императорскаго Величества, Г-нъ Генераль-Фельдмаршалъ, принявъ ихъ въ конференцъ-залъ, пошелъ въ свой кабинетъ, оставивъ ихъ читать Верховнаго Визиря депеши. Гг. Уполномоченные, посылавъ неоднократно къ Его Сіятельству своего Драгомана, ходили потомъ и сами въ его ставку особенно, только не долгое время. Прочитавъ поминутыя депеши, Господа негосіаторы зачали опять свои переговоры, въ чемъ и провели отъ полудня до 7 часовъ вечера. Сего числа были назначены двое чегодарей (офиціантъ или чиновный изъ слугъ) курьерами въ Чумну, также и Г-нъ Шершневъ, Дежуръ-Маіоръ при Баронѣ фонъ Игельштромъ, которые тогожъ числа, въ 10-ть часовъ вечера, получивъ подписанный трактатъ, были отправлены къ Верховному Визирю. Драгоманъ Министерской остался, по отъѣздѣ ихъ, въ лагерь у Его Сіятельства, Князя Н. В. Репнина, и возвратился уже въ свой лагерь въ 11-ть часовъ вечера. Графъ Михайла Петровичъ Румянцовъ отправленъ сегодня въ Санктъ-Петербургъ, къ Ея Императорскому Величеству, съ радостнымъ извѣстіемъ о заключеніи мира, съ нимъ Господинъ Маіоръ Князь Гагаринъ.

Юля 11-го дня.

Сей день Гг. Уполномоченные употребили на отдохновеніе, въ своемъ лагерѣ. Поутру въ 9-мь часу ѣздилъ Драгоманъ въ лагерь Его Сіятельства, и возвратился въ три часа послѣ обѣда. А въ вечеру въ 7 часовъ ѣздилъ туда, для нѣкоторыхъ объясненій, Бейликчи-Эфенди съ малою свитою и съ Драгоманомъ, откуда уже въ 10-мь часу вечера возвратился въ свой лагерь.

Господинъ Поручикъ Арбути посыланъ былъ въ Силистрію къ Гассанъ-Пашѣ съ увѣдомленіемъ, что мирные договоры всѣ

подписаны. Куринскаго полку Г. Капитанъ Марковъ отправленъ тогожь дня въ Варшаву съ извѣстіемъ о подписанномъ мирномъ трактатѣ уполномоченными Министрами.

Іюля 12-го дня.

Гг. Министры также въ лагерь Его Сіятельства не ѣздили, а посылали только туда своего Драгоманъ, который тамъ ужиналъ и возвратился уже поздно вечеромъ.

Іюля 13-го дня.

Полутру, въ 9-мъ часу, былъ отправленъ къ Его Превосходительству, Г. Генераль-Поручику и разныхъ орденовъ Кавалеру, Михайлѣ Ѳедотовичу Каменскому, въ Корпусъ, курьеромъ Куринскаго полку Г-нъ полковой Адъютантъ Трескинъ, получившій повелѣніе оттуда ѣхать и въ Чумну къ Верховному Визирю съ курьеромъ Турецкимъ, посланнымъ съ нимъ вмѣстѣ.

Въ 11-мъ часу уполномоченные Министры поѣхали къ Его Сіятельству, Главнокомандующему армію, Г. Генераль-Фельдмаршалу, въ обыкновенномъ своемъ порядкѣ. Они были приняты и угощаемы по прежнему въ конференцъ-залѣ. Вся свита Его Сіятельства и офицерство, при немъ находящееся, были допущены въ ставку, гдѣ онъ и знатнѣйшія особы сидѣли. Повелитель арміи Ея Императорскаго Величества познакомилъ ихъ съ прибывшимъ за день предъ тѣмъ Его Высокопревосходительствомъ, Тайнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ, Алексѣемъ Михайловичемъ Обресковымъ также съ Свѣтлостями: Принцемъ Гессенъ-Дармштатскимъ, Принцемъ Ангальтъ-Бернбургскимъ, Принцемъ Голштинскимъ и Принцами фонъ Вальдеками. Все сіе общество, какъ и Его Сіятельство, Князь Н. В. Репнинъ, и многія знатнѣйшія особы въ арміи Ея, Величества, проводили болѣе трехъ часовъ въ разговорахъ партикулярныхъ, послѣ чего Гг. Уполномоченные отправились назадъ въ свой лагерь, куда и приблжи въ 3-мъ часу послѣ обѣда, а Драгоманъ ихъ не прежде шестаго.

Іюля 14-го дня.

Сего числа, инаго внести въ Журналъ не можно, какъ только то, что курьеръ Маіоръ Шершневъ, ѣздившій къ Визирю въ Чумну, возвратился съ ратификацію, и съ извѣстіемъ, что Г.

Генерал-Поручикъ Каменскій отступаетъ отъ Чуины. Драгоманъ, для нѣкоторыхъ объясненій, ѣздилъ послѣ обѣда въ лагерь Его Сіятельства, и воротился уже предъ вечеромъ.

Іюля 15-го дня.

Главноконандующій арміею Ея Императорскаго Величества, Г. Генералъ-Фельдмаршалъ, назначилъ сей день для размѣненія мирныхъ трактатовъ. Наканунѣ предъ тѣмъ приглашены были Министры, и для чего они, поутру собрався жъ въ отличныхъ, по своимъ обычаямъ, нарядахъ, отправились въ лагерь.

Эскадронъ Сумскихъ Гусаровъ за 200 шаговъ отъ лагеря высланъ былъ на встрѣчу, который, отдавъ имъ честь, проводилъ до самаго лагеря, гдѣ и во все время ихъ дожидался. Гг. Министры, прибывъ, поведены были прямо въ ставку Его Сіятельства, подходя къ которой и поровнявшись противъ караулу, была имъ онымъ отдана честь съ барабаннымъ боемъ и съ салютаціею караульныхъ Офицеровъ. Пробывъ нѣсколько времени въ ставкѣ Его Сіятельства, гдѣ Князь Репнинъ, Его Свѣтлость Принцъ Дармштатской, Алексѣй Михайловичъ Обресковъ и Генералъ Маіоръ Муромцовъ находились, пошли Гг. Министры въ конференцъ-залу, для оставшихся еще нѣкоторыхъ дѣлъ. Они дожидались тамъ долгое время, пока ратификація, для Его Сіятельства Главноконандующаго арміею, Г. Генералъ-Фельдмаршала, была совсѣмъ заготовлена и изъ подписана. Между тѣмъ, прибыли девять чегодарей, отъ Визиря назначенныхъ, для развозу по городамъ извѣстій отъ Верховнаго Визиря о заключеніи мира и о запрещеніи продолжать непріятельскія дѣйствія, которые отъ Нишанджи-Эфендія и приняли для того повелительныя Визирскія грамоты.

Въ 4-мъ часу послѣ обѣда пошли Послы вторично въ ставку Его Сіятельства, гдѣ ему поднесли ратификацію Верховнаго Визиря, на Турецкомъ языкѣ, а онъ, ихъ поздравивъ, вручилъ имъ свою. Мирныя статьи, на Италіянскомъ языкѣ писанныя, вручилъ Графъ С. Р. Воронцовъ Его Сіятельству, Князю Н. В. Репнину, а Г. Полковникъ, Петръ Васильевичъ Завадовскій, подалъ ему мирныя артикулы на Русскомъ языкѣ, который, отъ нихъ принявъ, поднесъ къ Графу, а онъ вручилъ оныя Господамъ Уполномоченнымъ. Министры же, принявъ взаимно отъ Драгомана своего мир-

ныя статьи на Италіянскомъ языкѣ, поднесли ихъ къ Его Сіятельству. Въ самое то время выстрѣлено было главною артиллерією 101 разъ изъ пушекъ. По окончаніи сей церемоніи, Министры, изъявивъ свое удовольствіе и благодарность за ласки, имъ оказанныя, и просидѣвъ нѣкоторое еще время, возвратились съ тою же церемонією въ свой лагерь. Сего дня отправился въ Петербургъ Господинъ Ефимовичъ, Генерались-Адъютантъ Его Высокопревосходительства, Григорья Александровича Потемкина, а съ нимъ Капитанъ Турчаниновъ съ словеснымъ рапортомъ о заключеніи мира. По прибытіи Гг. Уполномоченныхъ въ ихъ лагерь, послали они къ Его Сіятельству, и Князю Николаю Васильевичу Репнину, въ знакъ благодарности и почтенія, по двѣ верховыхъ лошади съ уборами (ковюшіе, приведшіе оныхъ лошадей, получили награжденіе, составляющее почти цѣну подарковъ).

Курьеры, посланные въ различныя мѣста съ извѣстіемъ о мирномъ заключеніи 15-го Іюля:

1. Въ Архипелагъ Преміеръ-Маіоръ Бѣличъ.
2. Въ Варшаву Капитанъ Ранцовъ.
3. Во 2-ю армію Капитанъ Трандафиловъ, съ нимъ двое чегодарей Визирскихъ.
4. Къ Его Превосходительству, Федору Ивановичу Глѣбову, Поручикъ Князь Циціановъ, съ чегодаремъ, а оттуда въ Силистрію и на островъ къ Генералъ-Маіору Лойту.
5. Къ Генералу Рейзеру, а оттолѣ въ Варну, Подпоручикъ Безбородко, съ нимъ чегодарь Мустафа.
6. Въ Очаковъ Вахмистръ Гусарской Постельниковъ, съ чегодаремъ Біюкліемъ, къ Командиру нашихъ войскъ противъ Очакова.
7. Въ Русчукъ чегодарь Бентъ-Али.
8. Въ Систовъ чегодарь Хаджи - Ахметъ.
9. Въ Никополь чегодарь Кучукъ-Али.
10. Въ Видинъ, чегодарь Пегливанъ Ахметъ.

Всѣ четверо отправлены къ Его Сіят., Гр. Салтыкову, а для провожденія въ тѣ города ихъ посланъ съ нимъ Комисаръ Корпнискій.

Юля 16-го дни.

Его Сіятельство, Главнокомандующій армією, Г. Генераль-Фельдмаршалъ, уважая трудъ, лѣта, а больше снисхожденіе Уполномоченныхъ сихъ особъ, принялъ намѣреніе обрадовать ихъ своимъ посѣщеніемъ. Они, получивъ сіе извѣстіе, дѣлали всевозможныя приуготовленія, для принятія столь лестнаго для нихъ посѣтителя, сколько лишь обстоятельства и отдаленіе отъ своей отчины позволить могли. *

Наканунъ предъ тѣмъ разставили они въ своемъ лагерѣ лучшій свой шатеръ. Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ, взявъ съ собою Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, при свитѣ находящихся, также имѣя при себѣ посланныхъ отъ Гг. Министровъ, Драгомана, Мекмандара, Секретаря Нишанджи-Эфендія, и двухъ чаушей, съ нѣкоторыми отѣннѣйшими Турками поѣхалъ впередъ для встрѣчи, и для перваго изъясненія почтеніи Его Сіятельству. Сами же Гг. Министры, оставивъ чегодарей и всю свою свиту по обѣимъ сторонамъ дороги передъ шатромъ, дожидались въ ономъ. Эскадронъ Карабинеровъ преслѣдовалъ, подъ командою Маіора Князя Кекуатова за Полковникомъ и Кавалеромъ Петерсономъ, на встрѣчу Его Сіятельства, а другой ожидалъ при входѣ въ лагерь.

Входъ Его Сіятельства въ Турецкой лагерь Гг. Уполномоченныхъ Министровъ:

Эскадронъ Карабинеровъ.

Нѣсколько Турокъ верхами.

Полковникъ и Кавалеръ Петерсонъ, за нимъ всѣ Штабъ и Оберъ-Офицеры изъ свиты Министерской.

Флигель-Адъютантъ Его Сіятельства.

Полковникъ и Кавалеръ Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ, съ нимъ рядомъ Г-нъ Полковникъ, Петръ Васильевичъ Завадонскій, Мекмандаръ и Секретаръ Нишанджи-Эфендія, Дежурный

---

* Прежде нежели туда ѣхать, Его Сіятельство изволилъ послать къ Министрамъ самыя драгоцѣнныя подарки, состоящіе въ лучшей рухляди, въ дорогихъ каменныхъ и въ золотыхъ вещахъ; также и Его Сіятельство, Князь Репнинъ, послалъ подарки отъ себя. Оныя получили семь человекъ, двое Министровъ, Бейликчи-Эфендія, Драгоманъ, Мекмандаръ и двое Секретарей-повѣренные въ дѣлахъ.

Генераль-Маіоръ и Кавалеръ-Баронъ фонъ Игельстромъ, и Г. Генераль-Квартирмейстеръ Муромцовъ.

Два чауша, между ими Драгоманъ (долгъ чаушей есть, чтобъ ѣхать напередъ первой особы), Его Сіятельство, Главнокомандующій арміею, Господинъ Генераль-Фельдмаршалъ, при немъ Его Сіятельство, Князь Репнинъ, и Его Превосходительство, Алексѣй Михайловичъ Обресковъ.

Весь Штатъ и Офицерство.

Эскадронъ Сумскихъ Гусаровъ.

Подъѣзжая къ лагерю, эскадронъ Карабинеровъ, ѣхавшій предъ Его Сіятельствомъ, построился съ тѣмъ, что при въѣздѣ въ лагерь дожидался, и отдалъ честь. За нѣсколько шаговъ отъ шатра, встрѣченъ былъ Его Сіятельство двумя Турками, несущими курильницы, которые предъ нимъ шли до внутрь шатра. Его Сіятельство сошелъ съ лошади у самаго входу въ шатеръ. Тутъ встрѣтили Его Сіятельство Гг. Министры и повели внутрь. Когда Его Сіятельство, Графъ Петръ Александровичъ, также Князь Николай Васильевичъ, Алексѣй Михайловичъ Обресковъ, и знатнѣйшія особы изъ свиты, на пріуготовленномъ диванѣ заняли своя мѣста, то офиціанты начали подносить кофей, трубки и потомъ конфекты. Означенный диванъ былъ фигуροю покон, вдоль шатра поставленъ, въ первыхъ мѣстахъ котораго сидѣлъ Его Сіятельство Фельдмаршалъ, подлѣ его, по лѣвую руку, Князь Репнинъ, и за нимъ Рейсъ-Эфенди; на лѣвой сторонѣ, на углу дивана, подлѣ Его Сіятельства, сидѣлъ первенственный Министръ Нишанджи-Эфенди; на концѣ дивана сидѣлъ, спустя ноги свои на внѣшнюю сторону, Бейликчи-Эфенди. По правой рукѣ поянутаго дивана были помѣщены Его Превосходительство А. М. Обресковъ и прочія знатнѣйшія изъ свиты. Штатъ Его Сіятельства стоялъ разсыпанъ по всей стаякѣ, а Турки стояли позади ихъ начальниковъ.

Господа Уполномоченные, слѣдую этикету, у нихъ установленному, перемѣняли Графу три раза трубку и подносили два раза кофе. Потомъ, въ продолженіи разговоровъ, подали шербеть, варенье, конфекты, за тѣмъ слѣдовало умыванье водъ благоуханныхъ, а тамъ куренье; словомъ, они старались, слѣдуя своему обычаю, удовольствовать чувство обонянія и вкуса. Между тѣмъ возобновили они увѣренія своей благодарности Главнокомандующему

армію, Господину Генераль-Фельдмаршалу, чувствительнѣйшими выраженіями, обѣщая, что они никогда не забудутъ ласки, пріятствія и снисхожденія къ нимъ.

Поелику должность, на нихъ наложенная, благополучно доведена до окончанія, то они, не хотя больше отягощать своимъ присутвіемъ, просятъ увольненія; а какъ возвращеніе ихъ въ Чумну требуетъ большихъ приуготовленій, по дальности ея, то они разсудили за выгоднѣйшее прямо возвратиться въ Силистрію, куда они себѣ испрашиваютъ, для безопасности, конвой самый малочисленный. Его Сіятельство, принявъ ихъ прозъбу, сказалъ, что онъ, уважая санъ, на нихъ возложенный, намѣренъ былъ съ ними приказать послать конвой приличный; но, снисходя больше на ихъ прошеніе, нежели на этикету, онъ даетъ число эскарту ихъ на волю Г. Уполномоченныхъ Министровъ, и что въ слѣдствіе сего, отдавъ Г. Полковнику и Кавалеру Петерсону, при ихъ приставленному, наставленіе, принимать ихъ требованія, какъ собственныя Его приказанія.

Симъ окончилось сіе посѣщеніе, послѣ чего Его Сіятельство, откланявся за ихъ учтивости, пошелъ изъ шатра съ упомянутою церемонією, провождаемъ бывши до выхода изъ шатра (подлѣ котораго держали его лошадей) Господами Министрами. Предъ нимъ несли до выѣзду изъ лагеря курильницы съ духами. Драгоманъ, Мекмандаръ, Секретарь Нишанджи-Эфендія, провождали съ многими Турками верхами особу Фельдмаршала почти до половины дороги. Его Сіятельство приказалъ дать знать Драгоману, когда онъ на дорогѣ разставался, чтобъ онъ, по отъѣздѣ Министровъ, заѣхалъ еще въ его лагерь.

Симъ образомъ кончились свиданія Его Сіятельства, Главноконандующаго армією, Г. Генераль-Фельдмаршала всѣхъ Россійскихъ и разныхъ орденовъ Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, съ уполномоченными Министрами отъ Верховнаго Визиря, и съ знатнѣйшими особами, при Оттоманской Портѣ, не виданными съ начала Оттоманской Имперіи въ лагеряхъ державъ Европейскихъ: очевидное и неоспоримое доказательство униженія ихъ гордости, величія и славы Россіи.

Съ радостною сею вѣдомостью былъ отправленъ съ дороги Г-нъ Подполковникъ Вильде курьеромъ въ Чумну къ Верховному

Визирю, что миръ совершенно заключенъ, празднество уже происходило и ратификаціи съ обѣихъ сторонъ вручены.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Его Сіятельства, Гг. Уполномоченные Министры, собравшись со всею своею свитою и сдѣлавъ нѣкоторые подарки (въ сукнѣ и полушелковыхъ матеріяхъ состоящіе) всѣмъ Господамъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, при ихъ находящимся, отправились въ путь къ Силистріи. Въ провожденіи ихъ былъ Г-нъ Секундъ-Маіоръ, Князь Вадбольской, Капитанъ Надгелферъ и Поручикъ Челищевъ, съ малымъ числомъ Карабинеровъ, какъ они требовали. Господинъ Манъ, Драгоманъ ихъ, заѣзжалъ въ лагерь и былъ допущенъ еще на нѣкоторые переговоры съ Его Сіятельствомъ, отколь онъ съ Г. Ротмистромъ Мерлинымъ отправился и догналъ на половинѣ дороги Гг. Министровъ. Вся конница и большое число первѣйшихъ Турокъ, находящихся въ Силистріи, высланы были навстрѣчу Гг. Министровъ. Они остановились въ лагерь предъ городомъ, не въѣзжая въ оной; оттуда, съ новыми засвидѣтельствованіями своего высокопочтанія Его Сіятельству, отпустили на другой день Господина-Маіора, Князя Вадбольскаго, Капитана Надгелфера и прочихъ, подаривъ Г-ну Маіору двѣ верховыхъ лошади.

Чины и имена Господъ Министровъ, Первенственныхъ чиновъ изъ ихъ свиты, допущенныхъ въ дѣла, и приставленныхъ къ онымъ Верховнымъ Визиремъ.

1. Ахметъ-Резми, Кегая Бей, Нишанджи-Эфенди, Уполномоченный Министръ, и первая особа при Кайнарджицкомъ Конгрессѣ.

2. Ибрагимъ-Мунипъ, Рейсъ-Эфенди, второй Уполномоченный Министръ при Конгрессѣ.

3. Бейликчи-Эфенди, третья особа при Конгрессѣ, управляющій Канцеляріею.

4. Господинъ Манъ, Драгоманъ при Посольствѣ.

5. Тевтердаръ-Эфенди или Мекмандаръ, то есть, надзиратель свиты и обоза.

6. — Секретарь Нишанджи-Эфендія.

7. — Секретарь Рейсь-Эфендія, Писарь Эфендія; чинъ который онъ выбираетъ, а Диванъ конфирмуетъ.

(Всѣ сіи получили подарки.)

Число людей при Нишанджи-Эфенди:

21 официантъ.

12 чегодарей или пажей.

40 слугъ при конюшняхъ, кухняхъ, обозѣ и прочее.

Число людей при Рейсь-Эфенди:

10 официантовъ.

10 камердинеровъ.

10 чегодарей.

30 слугъ.

При Бейликчи-Эфенди:

5 чегодарей.

15 слугъ.

При Тефтердаръ-Эфенди:

24 человекъ.

Всей свиты при Посольствѣ, считая слугъ Драгомановыхъ, Секретарскихъ и прочей черни, было въ лагерѣ ихъ 200 человекъ, которые и получали таянъ.

Суточный таянъ или порція, отправляемая ежедневно на удовольствіе пріѣхавшаго Посольства и свиты онаго:

Барановъ.	16	
Куръ	15	
Муки крупчатой	15	оковъ
Масла коровьяго	25	окъ
Крупъ Сарачинскихъ	80	окъ
Луку.	7	окъ
Соли.	8	окъ
Свѣчъ восковыхъ	1½	ока

Свѣчь салныхъ	5	окъ
Кофе	6	окъ
Масла Прованскаго	1	банка
Оливковъ	1	б.
Капорцовъ	1	б.
Сахару	5	окъ
Перцу	20	золо.
Корицы	10	золо.
Гвоздики	10	золо.
Мушкатныхъ орѣзовъ	4	
Изюму	2	ока
Миндалю	2	ока
Винныхъ ягодъ	2	ока
Сыру овечьяго	6	окъ
Лимоннаго соку	1 ¹ / ₂	ока
Меду сыраго	8	окъ
Вина для Драгомана	2	ока
Гусей	2	
Булокъ крупчатыхъ	12	
Булокъ простыхъ пшенич. въ 1 фунтъ	430.	

Подлин. подписалъ:

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Ш

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПОХВАЛЬНЫЯ СЛОВА.

СЛОВО

ПОХВАЛЬНО НА ПАМЯТЬ СВАТІІМІА И ПРѢОЛЛАВЪНІІМІА
ОУЧИТЕЛІІМІА СЛОВѢНЬОКОУ МАЗІКОУ, БЛАЖЕНОМОУ
КУРИЛУ И АРХІІВПІСКОПОУ ПАНОНЬОКОУ МВ.ДОДИЮ.

I

Изъ пергаментнаго Сборника, въ листъ, въ два столбца, уставомъ XII—XIII вѣка, принадлежащаго Московскому Успенскому Собору, № 175 (18), съ оборота 109-го листа, строка 10-ая столбца 1-го сверху, по 6-ую строку 2-го столбца оборота 115-го листа.

МѢѢ ТОГОѢ ВЪ .Ѣ. СЛОВО ПОХВАЛЬНО НА ПАМѢѢ ОТЪИМА
 И ПРѢСЛАВНЫМА ОУЧИТЕЛЕМА СЛОВѢНЬСКОУ ВЪЗЫКОУ,
 СЪТВОРШЕМА ПИСМЕНЪИ КЪМОУ, ПРѢЛОЖШЕМА НОВЫИ И
 ВѢТХЪИИ ЗАКОНЪ ВЪ ВЪЗЫКЪ ИХЪ, ВЛАЖЕНОМОУ КУРИЛОУ
 И АРХИЕППОУ ПАНОНЬСКОУ МЕЛОДИЮ. ГИ ВЛАГВИ ОЧЕ.

БѢУ И СѢСОУ НАШЕМОУ ІС ХѢУ, МНОГЫМЪ И НЕИЗДРЕУЕННЫМЪ УЛѢ-
 КОЮБИЕМЪ ПОМИЛОКАВШЪ РОДЪ УЛѢУСЪИИ, И НЕ ТЕРПАЩЮ СЪЗДА-
 НИА СВОЕГО ЛЬСТЮ ДЪШЕОЛѢЮ ѠДЪРЖИМА, НИЗЪЛОЖИ СЕБЕ ВЪ СЪМЪ-
 РЕИИЕ ВОЛЬНОЕ, И ВЪПЪЩЪСА ОТЪ СТГО ДХА И Ѡ ПРЪУИСТЫИ И Ѡ
 СЛАВНЫИИ БІА И ПРИСНО ДѢУИ МАРИИ, НА ЗЕМЛИ СВѢЛСА И СЪ УЛѢКЪИ
 ПОЖИЕ, И СЪѢБРАЗНЪ БЫЕЪ ТЕЛЕСИ НАШЕМОУ, ѠСОУДИ ГРѢХЪ ПЛЪТНЮ
 СЛОКЮ, ДА ОУМИРАЮЩИИ Ѡ АДАМЪ, О ХѢ ОЖИВОУТЬ. ТЪ БО ЕСТЬ МИРЪ
 НАШЪ СЪТВОРИ И ѠБОИ И ЕДИНО ПРЪГРЪЖЕННИЕ Ѡ ГРАДѢ РАЗДРОУШЪ,
 КРѢМЪ ОУЕМЪЪ ВРАЖДОУ, И ПРЪВЪИЦЪ БЫТЬ ИЗЪ МЪРТВЫИХЪ, СОБОЮ
 НАСТАВАЪ РОДЪ УЛѢУЪ НА НЕИСТЪЛЪНЫИИ ПОУТЬ, ВЪШЪДЪ ЖЕ НА НѢСА, 10
 СЪДЕ Ѡ ДЕСНОЮЮ ПРЪСТОЛА ВЕЛНУЪСТВНИЮ НА ВЪСОКЫХЪ, ЗАПОВЕДЪ ДАВЪ
 ИСКОУСЪНОУ РОДОУ УЛѢУЮ, ХОТЪИ ВЪ ПОСЛѢДНЪИИ ВРЪМЕНА ПРИТИ СОУ-
 ДИТИ ЖИВЫИМЪ И МЪРТВЫИМЪ, И ВЪЗДАТИ КОМОУЖДО ПО ДЪЛОМЪ ЕГО,
 КИИ ПРАВЪДНЫИ СОУДИИ. НЕ ХОЩЕТЪ БО СЪМЪРТИ ГРѢШНИКОУ, НЪ
 ѠБРАЩЕНИЮ ЕГО И ПОКАИНИЮ, АЩЕ НАИПЪАЕ ПРИЛЕЖИТЬ НА ЗЛОБОУ 15

кѣждо уѣкъ. не ѿстави бо създаннѣ своего мнѡстнѣн бѣ, ни
забы дѣла роукоу своею, нѣ на кажѣдо лѣта и времена избѣра
моужа, и яки дѣла ихъ и подвигы людѣмъ, да быша, са тѣмъ по-
добаше, животъ бескомьуннѣ обрѣти, и по тѣхъ прѣкы, по прѣ-
цѣхъ же апѣлы, по апостолахъ мѣнкы, и правдыныи моужа и оу-
чителя, еже са и събѣсть въ .Ѱ. кѣкъ нашъ. рѣша бо ѿни сѣ-
пни прозѣратъ, глѡущи оуслышать слово книжное, и вси въз-
гѣютъ разануныи шзыкы велунни бѣни.

Бѣ же въ селоуныстѣмъ градѣ моужъ ѣтеръ, именьмъ левъ, уѣкъ
непороуны, истинныи и бѡутьць, оубѣвѣса ѿ всѣакомъ злобы и
испѣланѣ всѣа заповѣди бѣни, яко же нѡбѣ. живыи же въ кро-
тости и говѣнни, седмѣроднѣ обрѣтѣса, яко же нѡбѣ. ѿ нѣкомъ же
и прѣкъ глѣтъ: блѣни моужъ боиѣса бѣ, въ заповѣдѣхъ его възхо-
щѣтъ зѣло, силно на земли боудѣтъ сѣма его, родѣ правыхъ
бѣтѣса, слава и бѣтѣство въ домоу его, и правѣда его прѣбывѣютъ
въ вѣкы вѣкоу. ис того бо корене възсѣста нздраднѣ дѣкѣ лѣто-
расли, свѣтозарнѣ, блѣнъ плодѣ на себѣ носѣща, житнѣ же непо-
роуно ѿ оуности нмоуща. прѣмоудрѡсть бо себѣ яко и сестроу
створѣша, тою оубѣсѣста и дѣшо и оумъ, любѣвнѡ же и вѣроу,
дроугъ дроуга иѣо прѣспѣвѣста, моудрѡстнѡ цвѣтоуща присно, яко
цвѣтьць благооуханнѣнн. родѣмъ сы мѣнни блѣннѣнн бѡстаннѣнн, а
оумѣмъ и добродѣтельнн вѣспрѣ възлѣтамъ, яко же ѡрѣль дѣхов-
нынѣа крѣлома, ти бѡзарнѣннѣмъ свѣтѣмъ оума просвѣщѣ си, сѣ-
соудѣ избѣранѣ сѣомоу дѣоу, и тѣмъ свѣтѣса всѣмъ оуеннѣмъ
фѣлософскѣмъ, нескоуднѡе сѣкровище ѡбрѣтѣса. яко же бо
истоуникѣ късю испѣланѣмъ всѣелѣноуоу, напои жаднѣннѣмъ словѣсе
бѣни, яко же реуѣ самѣ гѣ бѣ нашъ иѣ хѣсѣ: вѣроуѣни въ ма, яко
же кѣннѣгъ рекоша, рѣкы отъ урѣва иѣо потекоутѣ воды живы,
снрѣуѣ, дарѡе животворѣщаго дѣа. тѣ бо вѣскыпѣ въ немъ, нздѣн-
са оустѣнама иѣо и всѣю всѣелѣноуоу сластѣно възвѣсѣли, слово
расѣкамъ комоужѣдо шзыкѡу, прѡтнвоу своѣмъ разоумѡу. бѣ бо
иѣмоу данѣ дарѣ дѣховнѣннѣмъ шзыкы глѣти, яко и апѣлоу. старѣннѣнн
же иѣо братѣ, прѣблѣннѣнн мѣфѡднн нзмѣлада житннскѣмъ самѣ на-

уати примати. моудростню бо яко цвѣтъ бл҃гоуханьнъ цвѣтън,
 въсьми бладыкамн бѣи любнмъ. въ бесѣдахъ бо яко соломонъ жк-
 лашеса, днѣвнмъ прнтѣа и наказаннмъ и въпрашаннмъ износн
 и(зъ) срдѣнааго села, и на слоужбѣ въсьмъ оугоднъ, яко и крн-
 латъ ѡбрѣташеса, и на воинѣ яко и самѣсонъ, и гедеѡнъ, и ісѣ
 навѣннмъ страшнмъ клалшеса. тѣмъ же и воєводьскыи санъ при-
 нмъ, побысть въ немъ мало, и разоумѣвъ многоматѣжнмъ сѣ-
 сѣтъ, яко сѣнь прѣходашъ непользѣно, пауче же гнѣ слово, яко и
 стрлоу въ срдѣн сн прнмъ, яко же реуче: какъ польза єсть уѣв-
 коу, аѣре въсь миръ прнѡбрѣщеть, а дшю свою отъщѣтитъ, ли по- 10
 роубнтъ; ли уѣто дастъ уѣлкѣ нзмѣноу на дшн скоен; прѣмѣнъ же
 зѣмьнмънн нѣснамъ, вѣрѣмьнаш оубо ѡмѣтам ѡ себе, прѣзѣра, въ
 вѣуьмѣмъ подвнгноуся. и ншѣдъ въ ѡлѣмѣъ, пострнже сѣ въ уѣрнѣ
 рнзѣ, уаѣ прнмѣн бллоу и иетѣльннноу англѣскоую одежю. и бѣ
 повннноуся въсьмъ сѣ покореннѣмъ и сѣмѣреннѣмъ, въ бѣдѣннн и 15
 молнтѣъ, въ сѣтоуженнѣ и слоужбѣъ, въ нздраднѣ пощеннѣ, въ
 трѣзвѣннѣ вьсѣгда, въ ѡунищеннн дѣховьнѣмъ, въ плауи блазѣ, ѡ ѡубю
 нстоуьнннка нспнщѣа, яко рѣкоу, и тою ѡмѣвакѣ вьсе тѣло своѣ,
 пѣтьскаго покоѣ отнпоудъ не вѣдын, какъ єсть, нѣ на вьсакоу
 ноцѣ стоѣ, ѡ заходаща сѣнца до вьсходаща, не дамъ сѣна оунма 20
 свонма, ни вѣжѣма сн дрѣманнмъ, ни покоѣ вѣрѣвѣма свонма, проу-
 таѣса въ псалмѣхъ и пѣнннхъ и пѣснѣхъ дѣховьннхъ, сѣ подвнзѣмъ-
 са сѣпостнгноути жнтнѣ сѣтнхъ оцѣ. ѡвѣ же прѣспѣ кротостню
 и мѣлауаннѣмъ, а дроуѣмъ постѣмъ и бѣдѣннѣмъ и мѣтвомъ, и сѣмѣ-
 реннѣмъ нздраднѣно, и тако нменнтѣ бѣыть въ вьсѣхъ оцнхъ, по- 25
 добнѣнъ велнкомоу арьсенню, и антонню, и сѣвѣ, вьсѣхъ жнтнѣ со-
 бою сѣвѣршѣа. мнѣаостнѣвнѣн же бѣ, вндѣвъ и въ толнцѣ трѣдѣ прѣ-
 вѣвающа, вѣложн въ срдѣе братнн, нже, вндѣвъше подвнѣгъ єго
 нздраднѣнъ на слоужбеоу бѣнню, дроуѣгъ къ дроуѣгоу днѣлахоуся и
 прославѣлахоу бѣ, дающааго бл҃гдѣтъ сѣвѣше троуѣжающнмъса єго 30
 радн. доидѣ же патрнѣархъ, оуслышѣвъ подвнѣгъ єго, бѣднша и по-
 ставннн мнтрополнѣта въ уѣстьнѣ мѣстѣ, и не могъше єго томъ при-
 вѣднѣти, поставнша и нгоумена въ мѣнастырн, нже нарнцѣѣтѣса

ИМЕНЬМЪ ПОАНХРОМЪ, ВЪ НИЕМЪ ЖЕ БЫШЕ ОИѢ .О., И ПО ТО СЯ КИТЪ,
 ПРЪЗЫВАШЕ ЯКО И БЕС ПЛЪТИ, ВЪ МЛТВАХЪ ПРИСНО, ВЪСЪМЪ ВЪСАУСЪМЪ,
 ДАСЪ ВЪСА ПРИОБЪЗЛЪ. И СТЫМЪ БО КНИГЫ О ТАКОЕМО ВЪПНЮТЬ, ПО-
 ХВАЛНО ГЛЮЩА ПРЪМОУДРОСТИ ДРЪВНИХЪ ВЪЗНИЩЕТЬСА, И ВЪ ПРЪУ-
 5 СТВЕНХЪ ПОЖИВЪТЕ. ПОВЪСТИ МОУЖЪ ИМЕННТЫНХЪ СЪХРАНИТЕ, И ВЪ ИЗ-
 ВЪТНИХЪ ПРИТОУНЫНХЪ ИЗИДЪТЕ. ПОСРЪДЪ ВЕЛМОЖЪ ПОСЛОУЖИТЕ, И
 ПРЪДЪ ИГОУМЕНЪ ИВНЕСА. ПО ЗЕМЛИ ТОУЖНИХЪ ИЗУКЪ ПРОИДЪТЕ,
 ДОБРО И ЗЪЛО ВЪ УЛЦЪХЪ ИСКУШЕНА БОУДЕТА. СРДЦЕ СВОЕ ДАСТА ОУТРИЕ
 БЫТИ КЪ ГОУ СЪТВОРИВЪШЕМОУ А, И ПРЪДЪ ВЪШЫННМЪ ПОМОАИНАСА, И
 10 ШЪВЪРЗОСТА ОУСТА СВОМЪ НА МОАИТВОУ, И О ГРЪСЪХЪ СВОИХЪ ПОМОАИНАСА.
 АЩЕ ЖЕ БЪ ВЪСХОЦИЕТЪ ВЕЛНКИН, РАЗОУМЪМАГО ДХА НАПЪЛНИТЕСА.
 ТЪ БО ПОТОУНТЬ ГЛЪ И МОУДРОСТЬ КЕЮ, И ВЪ МЛТВЪ ИСПОВЪСТАСА ГИИ.
 ТЪ БО ИВНТЬ КАЗАННІЕ И ОУЧЕНІЕ КЕЮ, И ВЪ ЗАКОМЪ ЗАВЪТА ГИА ПО-
 ХВАИНАСА. ВЪСХВАЛАТЪ КЕЮ РАЗОУМЪ МНОЗИ, И ДО ВЪКА НЕ ПОТРА-
 15 БИТЬСА, И НЕ О(Т)СТОУПНТЬ КЕЮ, И НИМА КЕЮ ЖИВЕТЪ ВЪ РОДЫ И РОДЫ.
 МОУДРОСТЬ КЕЮ ПОВЪДАТЪ ИЗУЦИ, И ПОХВАЛЪ КЕЮ ИСПОВЪСТЪ ЦРКЪ,
 ЕИ ЖЕ БЫСТА КРЪПКА ПОСОБИНИКА И НЕДВИЖИМА СЪЛЛА, ОСНОВАМА НА
 ТЪВРЪДЪМЪ КАМЕНЕ, КЪРЪ. ПОСЛЕДЪСТВОВАВЪША ПЪРЪВООЦЕМЪ И ПАТРИ-
 АРХОМЪ, ВЪРОЮ И ПОДВИГЪМЪ ДЪКАНИИ НХЪ И ТРОУДЪ СОБОЮ СЪКОМЪ-
 20 УВАЮЩА, ЯКО ЖЕ И ВЕЛНКИН ПАТРИАРХЪ АВРАМЪ, ПРЪДЪДЪ ХЪЪ, ВЪ-
 РОЮ ПРЪСЕЛННИКЪ БЫЕЪ, И ПРИШЪЛЬЦЪ ВЪ ЗЕМЛИ ТОУЖЕИ, ДРОУГЪ
 БЖИИ НАРЕУЕСА, И ЗАВЪТЪ ШЪВЪРЪЗАННЮ Ш БЪ ПРИНИЪ, ВЪРОЮ ОЦЪ
 МНОГОМЪ ИЗУКОМЪ НАРЕУЕСА.

СНА ЖЕ СЪЛА И ПРЪСЛАВНАШ ОИДЪ И ОУЧНТЕЛА, ТОЮ ЖЕ ВЪРОЮ
 25 ОУКРАШИШАСА, ТЫЖЕ ДЪТЕЛИ СЪКОМЪАСТА. ПРЪСЕЛННИКА БО БЫСТА
 ОУЪСТВА СВОЕГО И ПРИШЪЛЬЦА НА ЗЕМЛИ ТОУЖЮ. ЗАКОМЪ ЖЕ Ш БЪ
 ПРИНИЪША, НЕ СВОЕМЪ ПЛЕМЕНИ, ЯКОЖЕ АВРАМЪ, ИЗЪ ИЗУКОУ, ИЖЕ
 НЕ РАЗОУМЪША ДЕСНИЦА СВОЕМЪ, НИ ШОУНЦА, ИЗЪ КЕМЪ ЖЕ СЯ ПРИТЪ-
 КНАХЪ, ТО ТОМОУ СЯ ПОРАБОУЩИШЕ, КЛАИДАХОУСА, ЯКО БОУ, ТЪАРИ, ВЪ
 30 ТВОРИЦА МЪСТО. ЗАВЪТЪ ЖЕ НЕ ОБЪВЪЗАННЮ ПРИНИЪНІЕ, ЯКО ЖЕ АВРА-
 МЪ, ИЗЪ КРЪЩЕННЮ, ВЪ ОСТАВЛЕННЪ ГРЪХОВЪ, ВЪ ВЪКЪ ПРЪЗЫВАЮЩЪ,
 САМЪМЪ СЪКОМЪАНЪ И ПРЪДАНЪ ГЪМЪ НАШИМЪ ІС ХЪМЪ. МОИИ ТАКО
 ЖЕ СЪ АРОНЪМЪ ВЪ НЕВЪНХЪ БЖИИХЪ, БЪ ФАРОНОКИ НАРЕКЪСА, МОУКАМИ

РАЗЛУЧЬНАМИ ЕГИПТА ОУМОУУ, БЖИНА ЛЮДИ ИЗ ДРАБОТЫ НХЪ ИЗВЕДЕ, ВЪ
 ДИЕ СТЬЛПЪМЪ ОБЛАУЧЪМЪ, А ВЪ НОЩИ СТЬЛПЪМЪ ОГНЬНЪМЪ, И РАЗ-
 ДЪЛЪ МОРЕ, ПО СОУХОУ ПРОВЕДЕ ВЪ ПОУСТЫНИЮ, А ПРОТНВЪНЪМЪ ПОГРОУ-
 ЗИ ВЪ БЕЗДЪНЪ, ВЪ ПОУСТЫНИ ЖЕ БЕЗВЕДЪМЪ НАПОНЪ, ПРОРАЖЪ КА-
 МЕНЬ, И ХЛЪБА АНГЛЪСКА НАСЫТИ, И ЗАКОНЪ ЖЕ ѿ БЖИ ПРИНИМЪ, БЖИ- 5
 КЪМЪ ПЪРСТЪМЪ НАПИСАНЪ. НА СКРИЖАЛИ БО КАМАНЪ ПРЪДАСТЬ ЛЮДИ
 ВЪ СОХРАЩЕННЪ И ПОСЛОУШАННЪ. И СМЪ ЖЕ ПРЪБЛЪЖАКЪ И КЪОУГОДЪ-
 НАВЪ УЛЪВА НИ УНЪМЪ ЖЕ МЪМЪНА ТОЮ КЪВНТАСА, ТОГО ЖЕ БЖИНА ДХА
 НАКОЕНА СЪВЪШЕ, СОУГОУБЪ БЛГОДАТИ СЪПОДОБЪЛЪШАСА, ЛЮДИ ИЗВЕДО-
 СТА ИЗ МЪНОГАМРАУНАГО ДИКЪКОЛЬСКАГО МОРА, МЫСЛНАГО ФАРАОНА 10
 ПОГРОУЖЪША, И ВЪСЮ СИЛОУ ЕГО ПОТРЕБСТА, И ВЪРОЮ ВЪОРУЖЪШАСА
 И СИЛОЮ КРЪСТНОЮ, НЕ ВЪ ПОУСТЫНИЮ ЖЕ КЪ ИЗВЕДОСТА, НЪ НА СВЪТЪ
 БЪРАЗОУМЪНЪМЪ НАСТАВНСТА, НЕ ИС КАМЕНЕ ВОДОУ ИЗВЕДЪША, НЪ ВЪРОЮ
 СЛОВЕСЕ БЖИНА ЖАДЪНЪМЪ НАПОНСТА, НЕ ИС НЕ УНОВЪСТВЪНА ЖЕ КАМЕНЕ,
 ВОДОУ ИЗВЕДЪША, КАКО ЖЕ И ОНА, НЪ ИСТЕКЪШЕЮ КРЪВЕНЮ И КОДОЮ 15
 ѿ ПРЪУНСТЫНЪХЪ РЕБРЪ ГЛЪ НАШЕГО ІС ХА, ВЪРЪНЪМЪМЪ ВЪУМНОЮЮ ИИЦЮ
 И БЕСКОНЪУМЪНЪМЪ ЖИВОТЪ ВЪ СПІСЕННЪ ПРЪДАСТА, ВЪ ѿДАННЪ ГРЪХОМЪ
 ПОДАЮЩА, НИ ХЛЪБА АНГЛЪСКА НАПИТАЮЩА, НЪ ИСТОЮ ТЪЛО ГЛЪ НАШЕ-
 ГО ІС ХА. ЗАКОНЪ ЖЕ БЖИНА СОУГОУБЪ ПРЪЛОЖЪША, ВЪ НОВЪМЪ МЪЗЫКЪ
 ПРЪДАСТА, ПИСМЕНА СЪТВОРЪША КЪМОУ. КЪЖЕ БЪ СА ѿ ПРЪМОУДРЪНЪХЪ 20
 И РАЗОУМЪНЪНЪХЪ ОУТАНО, ТО ѿКРЪВЕНО БЫСТЬ МАДЕНЪЦЕМЪ, ВЪ ПО-
 СЛЕДЪННЪ ВЪКЪ СИМА, НЕ НА СКРИЖАЛИ КАМАНЪ НАПИСАНЪ, НЪ НА
 СРДЦЪ СКРИЖАЛИ ПЛЪТАНЪ, НИ СКВОЗЪ ѿБЛАКЪ, НИ МЪГЛОЮ И БОУРЕЮ
 ГЛАНЪ, САМЪМЪ ГЛЪ ІС ХСЪМЪ СЪКОНЪУАНЪ И ПРЪДАНЪ, НЕ СЪНИ СЛОУ-
 ЖИТЕЛА, НЪ ИСТИНЪ ПРОПОВЪДЪНКА БЫСТА, НИ КРОПЛЕННЪМЪ КРЪВЕ 25
 ОУНЪУА И КОЗЪЛА, КРОПАЩА И ОУИЩАЮЩА СКВЪРНЪНЪМЪ КЪ ПЛЪТЪСЦЕН
 УИСТОТЪ, НЪ СЪНЪМЪ КРЪЩЕННЪМЪ, НЕ ТЪЛО ЕДИННО ОУИЩАЮЩА, НЪ
 ДШЕВЪНОЮ СВЪЦИЮ ВЪ СРДЦЪНЪМЪ СЕЛЪ, ВЪСЪМЪ ВЪСНИМЪВЪША, НИ ЗА-
 КОЛЕНЪНЪНЪ ЖЪРТЪ ПРЪПОВЪДЪНКА БЫВЪША, НИ СЛОУЖИТЕЛА, НЪ БЕ-
 СКВЪРНЪНЪНЪ И МИРЪНЪНЪ ХЪВЪНЪНЪ СЛОУЖЪБЪ СЛОУЗЪ И ПРОПОВЪДАТЕЛА 30
 КЪВНТАСА, АПЛОМЪ СОУПРОУЖЪНКА, НА ТО ЖЕ ДЪЛО ИЗВЪРАНА, КРЪ
 СЪМЪСЛЪНО НА РАМОУ СВОЕЮ ВЪСПРИМЪВЪША, ВЪСЮ ВЪСЕЛЕНОЮ ОБИ-
 ДОСТА, ИСПЪЛНАЮЩА ОУУЕННЪМЪ ТА МЪСТА, ВЪ НИХЪ ѿНЪ НЕ ПОСТОУША,

ли оудѣлженнемъ поутн, ли за оумноженне ннхъ странъ блжн-
 ннхъ, въ ннхъ же рашдѣшеса, яко лоуца слнхнхъ свѣтъмъ бо-
 разоумннмъ просвѣтнша въсь миръ. по тѣмъ же стопамъ и си
 ходаша, и тогоже дѣа напоена ѿ бѣ, томоу же словеси быста
 5 проповѣдннка и новаа апла, не на тоужемъ основани своемъ дѣло
 полагающа, нъ нзнова писмена въображнша, и съвршнста въ
 мзыкѣ новѣ. послѣ же въснмѣшша, яко оутрнмѣ зевзда, ѿ слнца
 свѣтъ прннмлющн, свѣтлншн въсхъ швлжѣтса, и якоже наутн
 дѣлателю въ внноградѣ, понесѣшен таготоу днѣ и варѣ, съ прн-
 10 шдѣшнннмъ въ .лѣ. уѣ, равннхъ съподобени быша мѣздѣ бжн
 блгодатн, тако нзвольшн въ послѣдннн вѣкъ томоу же дѣлоу пен-
 ти сна новаа проповѣдннка и свѣтнлннка въсен въселеннн, пакъ
 подвнгмъ добрымъ и вѣроу крѣпѣко прѣпожсавѣшша урѣсла свои,
 прндоста, яко слнце, тьмнаа мѣста стопамн своимн, просвѣщаю-
 15 ща въсакоу мглоу поганьскоую, дѣховннхъ ѡгньмъ попаллюща и
 ѣретнхъскоую, не пощадаща дѣша своимъ, ни пощадаща телесе сво-
 его, нъ въсьгда готова свѣщн за правоую вѣроу сластьно испнтн
 хѣоу уашѣ. въ срацннхъ же и козарѣхъ швлжшаса непобѣднма, нъ
 якоже дѣдѣ ннопламенннкоу ннгда ннзлаожнѣ грѣдыню, его
 20 потребен, прообразовавъ тронцю трьмн камени, и своимъ ёмоу меуымъ
 главоу ѡсѣкъ, похвалоу прнмѣ въ тьмахъ ѿ снѡвъ нзлѣкъ, тако
 же и сна оїѣа, трноупостасьноу бжѣствоу слоузѣ соуща и пропо-
 вѣдннка, въ съборѣхъ срацннхъ н жндовьскнхъ обрѣтѣшаса,
 своимн нмъ кннгамн и мзыкѣмъ, бохмннтовы блдн и жндовь-
 25 скоую злобоу дѣховннхъ меуымъ ѡсѣкъша, потребнста, ако плѣ-
 белѣ, и попалнста дѣховною блгодатню, а слово гнѣ въсѣмста, яко и
 пышеницю, въ срдѣхъ селѣ, и въса насладнста медотоуымнн
 словеси, трѣбзнауальнаго же бжѣства, ясно исповѣдаста, оуказа-
 ста въ єднномъ соущствѣ равннствѣмъ снѣюща оїѣа и снѣа и стго
 30 дѣа. тако и оуловнста, яко и рыбы словесною мрежею и крѣстнста
 ѿ козарѣ устьнхъ уадн до двою сътоу, развѣ женѣ и дѣтнн,
 трьгоубоу похвалоу ѿ всеа црѣкве прннмѣшша, прндоста ѡтвдоу
 на западнхъ странъ, блговѣствствоуща слово бжн въ мзыкѣ

новъ, и весь црѣквынъ законъ прѣложыша ѡ грѣуьскаго, въ скон
 ныъ шзѣкъ прѣдаста, трѣсзѣуьникомъ же зѣлобоу инзѣложыша,
 потрѣвенста, яко пѣвелъ ѿ пышенница ѿвращыша, ти унсто црѣкен и
 свѣтообразно жнто прѣдаста. въ западннхъ же странахъ, панонь-
 стѣхъ и моравьскахъ странахъ, яко слнцн въснѣвъша, мрака грѣ- 5
 ховьна ѿгнѣвъша, просвѣтнста боукъвами, и наоуъша оуѣеннкы
 црѣквыному унноу испѣльнъ. и тако теуеннѣ съконъуавающа, поути
 са вѣста римьскаго, апавьскому прѣстолоу поклоннтнса, ведоуща
 съ собою на сѣеннѣ дхъовьнъ плодъ, еже слышавъ апостолнкъ
 андрнѣмъ, нзнде протнвоу нма далече ѿ града римьска, и тако же 10
 к прнмѣтъ, яко амьгѣа бжнѣ, и оуѣеннѣ кю прнлюбѣь, поставн
 блаженаго мѳоднѣ на презвоутерьство, и оуѣеннкы кю.

Прнкланн же са врѣма покон прнматн прѣстоому и прѣѣжнномуу
 оѣю нашемоу и оуунтелю константнноу фнлософоу. вндѣвъ же швле-
 ннѣ ѿ бѣ ѿ покон своѣмъ, обѣзѣса въ уьрнѣ рнзѣ, и днѣ же 15
 нарѣкъ поком своѣго, прѣбысть до нѣго днѣ, веселаса и слава
 бѣ, и тако поуи ѡ гн въ дѣто .ѣ. ѣ. ѣ. ѣ., и прнложнса къ оѣемъ
 сконнмъ, прѣкомъ н апломъ, мѣнкомъ и въсьмъ стѣннмъ. и поло-
 жнша и въ црѣкен стѣго клнмента, ндеже науаша мнѣнога нцѣленнѣ
 бѣватн ѿ уьстьнаго гроба ѣго, слѣпнн ѣбнѣ науаша просвѣщатн- 20
 са, ведоуьннн цѣлнтнса, бѣсн нсходнтн, еже вндѣвъше римлане,
 паѣе са прнложнша къ стѣнн кѣго. сѣвъше же прѣуьстьнаго и бѣ-
 уьстьнаго мѳоднѣ на архнепѣство, на столъ стѣго андроннка апѣа
 въ паноннн ѿ .ѣ., поуштнша и на странѣ словѣнскыѣ оуунтѣ въ
 вѣзѣкъ нхъ, напнсавъше епнстоалю сню къ княземъ странѣ тоѣ, 25
 ростнславоу, и стѣпѣлкѣ, и коцѣлоу ардрнѣмъ епѣпъ, рабѣ въсьмъ
 рабомъ бжнѣмъ, къ ростнславоу, и стѣпѣлкоу, и коцѣлоу. слава въ
 вѣшнннхъ бѣу, и на земан мнрѣ, въ уѣвѣцѣхъ бѣговоленнѣ. яко
 ѿ васъ слышавѣше дхъовьнѣ радостн, шже нмате на сѣеннѣ,
 слѣмъ врата нашего, уьстьнаго мѳоднѣ, сѣѣна на архнепѣство, 30
 на странѣ вѣша, шкоже кѣсте прнслнн оу насъ, да вы оуунтѣ, въ
 вѣзѣкъ прѣлагаѣ книгы, да са испѣлннтѣ прѣуьскоѣ слово, шкоже
 рѣша хвалнтѣ гѣ въсн вѣзѣцн, и похваалнтѣ кѣго въсн люднѣ, и

всакаъ мзыкъ исповѣсть, яко же г҃ъ іс҃ хс҃ъ въ славоу боу оцю. аминь. и въ евангѣлиі рече г҃ъ, посылаа́ своа оуѣеникы шьдѣше, наоуѣнте вса мзыкы, крѣстаще ꙗ въ нма оїѧ и сїа и ст҃го д҃ха, оуѣаще ꙗ блюсти вса, ꙗеико заповѣдахъ вамъ, и се азъ съ вами
 5 ꙗсмь въ вса дїи до коньунны вькоу. аминь. вы же, ꙗда възлюбленамъ, послоушанте оуѣениа божїа, ꙗже въ послѣднма времена прѣдано бѣ, вашего ради сп҃сеннма, да пооуѣающеса разоуменно, плодъ достоннъ сѣтворите, и приммате вѣнцыи нетлѣнннъ и въ сь вькъ и въ градоушнн сь вьсѣмн ст҃ннмн въ вькы. аминь.

10 Дошѣдѣшию же емь въ страны моравьскы, вьси людїе съ радостїю нздюша въ сѣртеннїе ꙗмоу, и тако и прїиша, и яко ан҃гла бѣша. и ѿвѣрзюшася оуеса слѣпнннъ и оушеса глаоухыхъ, и мзыкн вьлсноующен възглаша мнра, и ннн же оусты вьша пьрвѣе жьртвы непримзнннъ въздаша, на клдазнхъ и на вьсехъ мьстехъ хило-
 15 баи бѣ, тьм же дѣти нхъ словеснннъ и бесквѣрнннъ слонужьбы боу въздають за вьсь мнръ, и въ вьсакомь мьстѣ нма бѣнїе прославлѣтьса въ мзыкъ новъ, ꙗмоу же ꙗвнса проповѣднннъ и аплъ нокъ, вьснннъ яко с҃нцѣ, мьглоу невѣднннъ ѿгона, и бо-разумннннъ свѣтѣмь вьсѣмь срд҃ца просвѣти, кротостїю же и сл-
 20 стнїю, вьсакъ себе любвнїю прївллаа, теуеннїе своѣ ськоньла, вьроу сьблюдѣ, цр҃квн пѣснннн оукрасн и пѣннн дх҃овнннннн, и тако поухи ѿ г҃н, въ лѣ ѿ тварн вьсего мнра .г҃ъ. т̄. ѣ. д̄., и прїаожнса къ оїѣемъ своннъ, патрнархомъ аврамоу, нсакоу, нкаковоу, вьсѣмь себе оуподобѣ, вьсехъ ѡбразъ на себе помоншь, ѿвѣмь равнъ
 25 вьвѣ, ѿвѣхъ мннн, а дроугнхъ прѣспѣвѣ слоню, и дѣтелню, и подвѣгьмь, вьснннвѣ яко с҃нцѣ лоуѣамн прнтѣуьнамн и казаннїемь, ꙗго же помъшлалюшн медотоуьнма́ словеса, нѣсть уемь сласти ꙗго дх҃овнннъ прїаожннн.

Тьм же кьм оубо хвалы въздамь вама, троужнннмаса толико
 30 хѣ ради въ вьстоуьнннхъ, и западнннхъ, и сѣверьскннхъ странахъ, не нцюшн временаьнннхъ и тьлѣюшнннхъ, нъ възумнннхъ и бесконьуьнннхъ, крѣсть г҃н моужьскы на рамъ вьспрнннмша, и тьм ѡладѣвѣшню грѣхьмь землю, потрѣбьлша, разорнста, и вьсѣпста

дѣховномѣ сѣма, и ѹнсто црѣквн прннесоста жнто, днѣномѣ оуѣеннѣ,
 нмѣ же снмѣта стѣам ѡко свѣтнаѣ, къ всѣмѣ мнрѣ дѣмоньскѣю
 хоулоу и всакоу ерѣсѣ прогнѣнавша. велнка оуѣо стѣлапа хѣѣ
 црѣквн бѣста, нѣсѣнамѣ хѣвка и зѣмьнамѣ анѣла, въ плѣтн бѣсплѣт-
 номѣ жнтнѣ сѣтажавша. бѣжнѣомѣ въ нстннѣоу ѹрѣво, моншьемѣ бѣ 5
 и въздѣнѣвша гла многоплодна, нмѣ же напнтѣста алѣюущамѣ
 мзѣкѣ и жаднѣнѣмѣ напѣнста жнвотнѣнаго пнѣва, непрѣстающѣоу пнщю
 нстоуѣшѣа всѣмѣмѣ обнѣльно. кѣто оуѣо възможѣтѣ достѣннѣоу похѣвалоу
 ваю нспѣвѣдатн; поднѣнѣсноуѣю въсю прошьдѣшѣа стопамн скѣннн,
 всѣ мнрѣ ѡстнста. бѣгнѣ мзѣкѣ ваю, нмѣ же насѣмѣста дѣховнамѣ 10
 словѣса въ сѣсенѣе бѣцнслѣноу мзѣкѣ, бѣдѣхокѣнѣѣ дарѣ ѡ бѣ прн-
 нмѣшѣа, мрѣкѣ невѣдѣннѣмѣ въсюдоу прогнѣнаста. собою ѡбразѣ въсѣмѣмѣ
 прѣдѣлагающѣа, ѡ оуѣстнѣоу дѣховнѣоуѣю сладѣстѣ нстауѣющѣа, поганѣ-
 стѣоу же всакомѣоу рѣздѣроушнѣннѣкѣ шѣнстѣасѣкѣ, керѣтнѣкомѣ соуѣпѣста-
 та, вѣсомѣ прогонѣннѣкѣ, свѣтѣ ѡмрѣуѣенѣннѣмѣ, оуѣнтѣла младѣнѣ- 15
 цѣмѣ, нстауѣющѣа дѣховнѣоуѣю сладѣстѣ, алѣюущннѣмѣ нѣскоуѣднѣмѣ
 пнщѣа, жаднѣннѣмѣ непрѣстаѣннѣ нстоуѣннѣкѣ, нагнѣннѣмѣ обнѣльноѣ
 ѡдѣннѣ подѣающѣа, снрннѣмѣ помѣощнѣннѣкѣ, стрѣннѣннѣмѣ прннмѣннѣкѣ,
 болнѣннѣмѣ посѣтнѣтелѣкѣ, пѣуѣалнѣннѣмѣ оуѣтѣшнѣтелѣкѣ, напѣстѣннѣмѣ
 зашнѣтнѣннѣкѣ, вѣдовѣмѣ и снротѣмѣ помѣощнѣннѣкѣ, слѣпнѣннѣмѣ свѣто- 20
 датѣлѣкѣ, вѣлающннѣмѣса въ морн жнтнѣнсѣѣмѣ велнка анѣкѣра, стѣна
 и покрѣвѣ прннѣдающннѣмѣ къ вама, нюдѣѣмѣ соуѣпѣстѣа, нспѣ-
 вѣднѣннѣкѣ стѣн трѣнцн, свѣврѣшнѣтелѣкѣ бѣжнѣю сѣмотрѣннѣю, велнѣѣстѣоу
 бѣжнѣю слоуѣжнѣтелѣкѣ, нстоуѣннѣкѣ бѣжнѣо словѣсн, недѣвнжнѣмѣ стѣлапа
 хѣн црѣквн, пѣхѣтѣ прѣвѣдѣ, шнѣтѣ вѣрѣ, шѣлѣмѣ сѣсеннѣю, клѣсѣ 25
 многоплоднѣ, лоѣа мѣдѣотоуѣна, сѣтн мѣдѣвннн слѣкѣса ваю, нмн
 же насѣаднѣста въсю всѣселѣноуѣю, ѡко внсѣрѣ многоцѣннѣнѣ нстоуѣ-
 шѣа, сѣкрѣвнѣцн гнн, вѣхѣстнѣлѣннѣ бѣжнѣкѣ сѣмотрѣннѣмѣ, обнѣтѣлѣннѣ бѣжнѣю
 сѣмотрѣннѣю, сѣсоудѣа стѣомѣоу дѣхоу нзѣбранѣмѣ, прѣнесѣшѣамѣ нмѣ
 хѣо по всѣн зѣмлн, крѣтоу похѣвалоу на сѣбѣ помѣсѣшѣа, врѣмѣнѣ- 30
 нѣмѣ прѣзѣрѣвѣшѣа, а вѣѣѣннѣмѣ насѣлаженнѣ прннмѣшѣа, непрѣстанѣ-
 номѣ прѣдѣнамѣ и нстннѣнамѣ настыра, за нзѣбранѣомѣ стадо ваю по-
 дѣвнжнѣо помѣлнтѣса, стрѣстн ѡженѣоуѣшѣа, бѣдѣ и напѣстн нзѣбѣ-

ЛЮЩА, ПРОСВѢТНА НМЪ СЪРЪДЪУЪНЪН ОУН, И ОУМЪ ОУТВЪРДИТА ДО-
СТОИНО ПОСЛѢДОВАТИ СТОПАМЪ ВАЮ, НЕМОЩИ НАША НА СА ВЪЗНИМАЮ-
ЩА, СЪВЪШЕ СИЛОУ ПОДАДИТА, ДА ДОСТОИНО ПОЖИВЪШЕ О ХЪ, НАСАДЪ-
НИЦИ ТРЕДОУ ВАЮ ОБРАЩЮТЬСА, И ПРОПОВѢДНИЦИ ПРАВЪН ВЪРЪ, ЮЖЕ
К НМЪ КЕСТА ПРЕДАЛА, ДА ВЪСИ ЕДИНОГЛАВНО ПРОСЛАВАТЬ ТРЪСТОЕ БЪЖЪ-
СТВО ОЦА И СНА И СТАГО ДЪА, ИЪНА И ИРИСНО И ВЪ КЪКЪ ВЪКОМЪ.
АМНЪ

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

- 1, 8. Въ подлин. *ѡбѡмъ ѡдною и.*
2. 7. Евангеліе отъ Матѡ. XI, 5.
- 13. Псал. СХІ, 1—3.
- 27. Еванг. отъ Іоан. VII, 38.
- 3, 9. Еванг. отъ Матѡ. XVII, 26.
- 15. Въ подлин. *было къ заждѣннн.... всѣхътоуженнн. но выскоблено въ первомъ за, а во второмъ се.*
- 27. *видѣкы и вм. видѣтъ и.*
- 4, 4. Спр. XXXIX, 1—2, 4—8, 10—13.
- 9. *прѣ вм. прѣдѣ.*
- 5, 14. *не уюкъсткыла же не ис камене вм. не ис не уюкъсткыла же камене.*
- 7, 33. Псал. СХVІ, 1.
- 8, 1. Фялипп. II, 11.
- 2. Матѡ. XXVIII, 19—20.

II

Изъ большихъ Макарьевскихъ Четивъ-Миней Московской Патріаршій (Синодальной) Библіотеки, прежде Московскаго Успенскаго Собора, мѣсяца Февраля 14-го дня, въ слѣдъ за Житіемъ Кирилла Философа, съ оборота 922-го листа, 4-ая строка 1-го столбца снизу, до конца 1-го столбца 929-го листа.

В ТОЙ ДНЬ ГЛОВО ПОХВАЛНУ НА ПАМѢ СѢТЪМЪ И ПРЕГЛАВНЫМЪ ОУУТЛЕМЪ ГЛОВЕНЬСКЪ АЗЫКЪ, СЪТВОРШЕМА ПИСМЕНИ ЕМОУ И ПРЕЛОЖШЕМА НОВЫ И ВЕЧХЪ ЗАКОНЪ ВЪ АЗЫКЪ НХЪ, ВЛЖНОМЪ КИРИЛЪ ФИЛОСОФЪ И АРХІЕПИСКОПЪ ПАНОНОКОУ МЕФОДИУ. ВЛВИ Ѡ.

БѢУ И СПСОУ НАШЕМЪ ІСОУ ХЪ, ИНОГНМЪ И НЕИЗРЕУЕИНЫМЪ УЛКОЛЮБИЕМЪ ПОМИЛОВАШИХЪ РѠ УЛЧЕСКИИ, И НЕ ТЕРПАЩЕ СЪЗАНІА СВОЕГО, ЛЕСТИЮ ДІАВОЛЕЮ ѠДРЪЖИМА, ИИЗЛОЖИ СЕБЕ ВЪ СМІРЕНІЕ КОЛНОЕ, И ВЪПЛОСА Ѡ СѢГО ДХА И Ѡ ПРЧЕСТІА И Ѡ СЛАВНЫА ВІІА И ПРНО ДЪМЪ МРІА, НА ЗЕМЛИ ІАВН И СЪ УЛКИ ПОЖИВЕ, И СЪѠБРАЗЕНЪ БЫБЪ ТЕЛЕСИ НАШЕМЪ, ѠСОУДИ ГРѢ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, ДА ОУМИРАЮЩІИ Ѡ АДАМЪ, Ѡ ХЪ ѠЖИВОУТЬ. ТЪ БО ЕСТЬ МИРЪ НАШЪ СЪТВОРИ И Ѡ БОА И ЕДИНО ПРЕѠГРАЖЕНІЕ Ѡ ГРАДЪ РАЗДРОУШЪ, КРТОМЪ ОУБЕНЪ ВРАЖОУ, И ПЕРВЕНЕЦЪ БЪ ИЪ МРТВЫХЪ, СОБОЮ НАСТАВЛЪ РѠ УЛЧУ НА НЕИСТАВННЫИ ПОУ,
 10 ВЪШІЕ ЖЕ НА ИБСА, СЪДЕ Ѡ ДЕСНОУЮ ПРТАА ВЕАНУЕСТВІА НА ВЫСОКЪ, ЗАПОВѢ ДАВЪ ИСКОУСНЪ РОДЪ УЛЧЮ, ХОТАИ В ПОСЛЕДНАА ВРЪМЕНА ПРИНТИ СОУДИТИ ЖИВЫМЪ И МРТВЫМЪ, И ВЪЗДАТИ КОМОУЖѠ ПО ДЪЛОМЪ ЕГО, ІАКО ПРАВЕДЕНЪ СОУДИИ. НЕ ХОЩЕТЪ БО СІМРТИ ГРЪШНИКЪ, НО ѠБРАЩЕНІЮ ЕГО И ПОКААНІЮ, АЩЕ НАИПАЧЕ ПРИЛЕЖИТЬ НА ЗЛОБЪ КОЖѠ
 10 УЛКЪ. НЕ ѠСТАВИТЬ БО СЪЗАНІА СВОЕГО МЛТНЫИ БЪ, НИ ЗАБЫ ДЛА

роукажъ своею, но на коужо лѣта и времена изъбра моужа, и мѣн
дѣла ихъ и подвиги людемъ, да быша, тѣ подобашеса, животъ въз-
ны ѡбрѣли, и по тѣ прѣкы, по прѣцѣ же аплы, и по аплѣ мѣени-
кы, и прѣныа моужа и оуѣтла, еже са и зыбеть въ сѣмынъ къ нашъ.
рѣша бо ѡни: слышии прозрѣти, глаоу си оуслышати слово книж- 5
ное, и вси возглаголють разануны азыки величїа бжїа.

Бѣ же в селоуныстаи гради мѣ икѣи, именьмъ левъ, члкъ не-
пороуенъ, истиненъ и бгоутецъ, ѡгрѣбаѣса ѡ всакїа злобы и не-
полнаа вса заповѣди бжїа, ѡко же їѡкѣ. живыи же въ кротости и
говѣиѣ, сѣморѡденъ ѡбрѣтеса, ѡко же и їѡкѣ. ѡ икѣемъ же и 10
прѣкѣ глѣтъ: блжнъ моужъ боанса гѣ, в заповѣдехъ его възхоцеть
глаго, силно на земаи боудеть сыма ѣ, рѡ правѣныи блѣнѣтса, слѣва
и богѣство в домѣ его, правда ѣ пребываѣтъ въ вѣкѣ вѣка. ис того
бо корене восѣаста израднѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блѣвенъ пѡѡ
на себе носѣща, житїе же непорѡчно ѡ юности имоуѣща. премѣ- 15
рѡсть бо себе ѡко сестроу сътворша, тою оуѣкрасїстаса и дшѣю
и оумѡмъ, любовїю же и вѣрою, дроугъ дроуга ею преспѣваста,
мрѡстїю цвѣтоуѣща прѣно, ѡко цвѣтець блгоухаїнныи. родѡ сынъ мнїи
блжнныи коньстантинъ, а оумѡмъ и доверѣательныи выпрѣ възле-
таѣ, ѡко же ѡрѣлъ дховныма крилома, ти бгозарнымъ свѣтомъ 20
оумѣ просвѣщѣ си, съсоу избранъ стѣмъ дхоу, и тѣмъ свѣтаса
всѣмъ оуѣнїемъ филосѡфскїи, нескоудное съкрѡвнїце ѡвратѣ. ѡко
же бо истоунникъ исполнаа всю вселенноую, напои жадныа словесе
бжїа, ѡко же реуе сѣ гѣ бѣ нашъ їс хс. вѣроуанъ в ма, ѡко книги
рѣша, рѣкы ѡ урѣва его потекоутъ воды живы, сї рѣуѣ дарове 25
животворящаго дха. тѣ бо възкипя в немъ, излїаца оуѣстнама его
и всю вселенноую сластно възвесели, слово рѣсѣваѣ коемоужо азы-
ковъ, противъ своему разоумѣ. бѣ бо ему данъ даръ дхвныи азы-
ки глѣти, ѡко и аплоу. старѣиши же ѣ братъ, преблжѣнныи мефо-
дїи, измлада житїи скїа саны науѣтъ прїимати. мдртїю бо ѡко цвѣтъ
блгоуханенъ цвѣтнѣ, всамъ вѣкамъ бѣлюбимъ. и бесѣдахъ бо ѡко 30
соломонъ шѣлашѣ, дневныа прѣтѣа и наказанїа и вопрошанїа износи
и(зъ) сѣунѣ села, и на слоужбѣ всѣмъ оуѣгодно, ѡко крилатъ ѡбрѣ-
ташѣ, и на воинѣ ѡко и самсонъ, и гедеѡнъ, и їсѣ навгннѣ стрѣ-

шенъ швѣлашеса. тѣмъ же и воєводскыи сѣтъ прїимъ, побѣ в немъ
 мало, и разоумѣвъ многоматемныи сѣ съзвѣтъ, ѿ сѣнь прѣходящѣ
 неподѣзмено, плаче же гнѣ слѣво ѿко и стрѣлу в сѣрци сї прїимъ,
 ѿко же рече: каа полза єсть у лѣж, аще весь миръ прѣвѣрацетъ,
 5 а дшю свою ѿшетитъ, ли погубитъ; ли что дастъ у лѣжъ нзмижъ
 на дшн своен; прѣменижъ же зѣмыи лѣмал, кремеина оубо ѿме-
 тал ѿ себе, презра, въ вѣчнмъ подвѣгнуоуса. и ишѣдъ въ ѡлнѣжъ,
 пострѣжеса в урныа рнзы, уаа прїати белъ и металнмъ анѣвъ
 ѡдежоу. и въ поквиоуаа всамъ с покоренїемъ и смиренїемъ, въ
 10 заведѣнїи и мѣтвѣ, в стуженїи и служенїи, въ нзрѣнѣ пощенїи,
 въ трезвенїи всегда, въ ѡтнщенїи дхвнѣмъ, въ плауи блазѣ, ѿ
 ѡтню истоунника нсноушаа, ѿко рѣкы, и тою ѡмываа все тѣло своє,
 плѣскаго покоа ѡноу не свѣдыи, каиъ є, но на всакъ ношъ стоа ѿ
 захода сѣнца до вѣсходаша, не даа сна ѡумма свонма, ни вѣжамъ
 15 сї дреманїа, ни покоа бровьма своїма, побуааа въ фламѣ и пѣ-
 нїнхъ и пѣснѣ дхвннхъ, сподвнзаааа спостнгнуоти житїа стѣ ѡцѣ.
 ѡвмъ же прѣспѣ кротостїю и молчанїемъ, а дроугмъ постомъ и
 вднїемъ, и мѣтною, и смиренїемъ нздрано, и тако именовнть бѣ въ
 всѣхъ ѡцѣ, побенъ велнкомъ арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣ жи-
 20 тїа совою съвершаа. мѣтннмъ бѣ, видѣвъ и въ толицѣ троудѣ прѣ-
 бывающа, вложи б сѣрце братїи, иже, видѣвнє подвѣ єго нзрадепъ
 на слоужбѣ бжїю, дроугъ къ дроугѣ днѣлахуса и прославлаху бѣ,
 дающаго благодать свѣше троужающїмъ єго радн, донде же патрї-
 архъ, оуслашавъ подвнжъ єго, бзднша и оставннн мнтрополнта і
 25 утнѣ мѣствѣ, и не могше єго томъ прнбздннн, оставннша и нгоу-
 мена в манастырн, иже парнїаѣтса нменѣ полнхронъ, в немъ же
 ваше ѡцѣ .ѡ., и по то са ємъ, прѣбывааше ѿ и бесплѣтенъ, і
 мѣтвѣ прїно, всамъ всѣскы, дабы вса прнѣвѣрлѣ. и стѣа бо кнннгу
 ѡ таковою вопїютъ, похвално глїуща: ярїѡвстн древнїи взнщѣтса,
 30 и въ ярїѡвствїнхъ пожякѣте. повѣстн моужъ именовннѣ съхраннте,
 и въ нзвнннхъ прнтоуннѣ нзднѣте. посрединъ вельможѣ послуужнте,
 и прѣ нгоумены мѣнѣтса. по землн тоуднѣ азмыкъ прондѣте, до-
 брѣ и зло въ у лѣжѣ нскоушнєна воудѣта. сѣрце своє даста оутрѣше

быти изъ гѡу сѣтворивъшешмоу ѧ, и предъ вышнимъ помолнстася, и
 бверзоста оуста своа на мѣтвѣ, и ѡ грѣсѣ своихъ помялнстася.
 аще же бѣ восхоцеть великій, разумнаго дѣла манолинтася. тѣ бо
 потоунтъ гѣлѣ и мѣртѣ єю, и въ мѣтвѣ исповѣдастѣ гѣлѣ. тѣ бо
 вѣнть казаніа и оуѣнтіа єю, и в законѣ завѣта гѣла пожевалнстася. 5
 въсхваалтъ єю разумъ многои, и до вѣка не потребѣтса и не
 бстѣпнтѣ єю, и нма єю живеть в роды и роды. мѣрость єю повѣ-
 датъ азѣци, и похваалъ єю исповѣсть цѣрквѣ, єн же быста крѣпка
 побитна и недвижна стоана, ѡснована на твердымъ каменн, кѣрѣ.
 послѣствовавша первоѡцѣмъ и патрїархомъ хрою и подвигѡ, дѣла- 10
 нїа нхѣ и троуды собою сѣконувавающа, ѡко же и великій патрїархъ
 авраамъ, прадѣ хѣбъ, кѣрою преселникъ бывъ и приимецъ в земли
 тѣждеи, дронтъ вѣжн нарекуеса, и закѣ ѡвразданїю ѡ бѣ прїимъ,
 кѣрою ѡцѣ многомъ азѣкомъ нарекуеса.

Сїа же сїа и преславила ѡцѣа и оуѣтла, тою же кѣрою оуѣрашьса, 15
 ты же дѣтели сконуаста. преселника вѣ быста ѡѣтства своѣго и при-
 шелца на землю тѣужоу. законъ же ѡ бѣ прїимша, не своѣму пле-
 менн, ѡко авраамъ, но азѣкѣ, иже не разумаше десница своѣа, ни
 швѣнца, но ємѣ же са прѣтнахоу, то томоу са перевоцѣше, клана-
 хоуса, ѡко боу, тѣарн, вѣ теорца мѣсто. завѣтъ же не ѡвразданїю 20
 прїимше, ѡко же авраамъ, но крѣпѣнїю, вѣ ѡставленїѣ грѣхоу,
 вѣ кѣкы прѣкываюцѣ, самѣмъ сконумъ и преданъ гѣлѣ наинмъ,
 иѣ хѣлѣ. моусян такоже съ арономъ вѣ іерѣихѣ вѣжнхѣ, вѣ фараѡ-
 ноки нарекса, моукаин разлнчнмн єгѣпта оумоуу, вѣжнѣ людн нз
 ракоты нхѣ нзведе, ко дѣне стѣлномъ ѡвлаумымъ, ѧ в нѡцн стол- 25
 помъ ѡгненнымъ, и раздѣлъ море, по соухѣ проведе вѣ поустыинн, ѧ
 противнѣа погроуєн вѣ безѣнѣ, в поустыинн безводнѣ напои ѧ, пораждѣ
 камѣ, и хлѣба англѣа насыти, и законъ ѡ бѣ прїимъ, вѣжнмъ пѣр-
 стѡмъ написанъ. на скрижаал вѣ каменѣ предасть людн вѣ схра-
 менїѣ и послушанїѣ. и сїа же прѣбѣжѣна и бѣгоуѣна уѣлка ни унѣ 30
 же менша тою вѣнстася, того же вѣжнѣ дѣла напоєна свѣше, соугже
 вѣтн сподобавнша, людн нзведѡста нзъ многа уермѣнаго дѣаволь-
 стѣа моря, мысленаго фараѡна погрѣжыша, и всю снаю єго потре-

виста и вѣрою възороужистася и силою крѣтною, не в поустынию и
 ижеведоста, но на свѣтъ бгѣоразоумныхъ настависта, не ис камени
 водѣ ижевѣша, но вѣрою словесе бжѣа жѣдныа напоиста, не иже неучѣ-
 ствена же камени водѣ ижевѣша, яко же и ѡна, но истекшею
 5 кровію и водою ѿ преунствъ ребръ гѣ нашего, іса хѣ, вѣрнымъ пи-
 цѣ възноуію и бесконечнымъ животѣ во спсѣеніе предаста, въ ѡда-
 ніе грѣховъ подаіуща, ни хлѣба ангѣла напитаіуща, но и стѣе
 тѣло гѣ нашего, іса хѣ. законъ же бжѣи соуджео преложиша. в но-
 выи азыкѣ предаста, писмена сотвориша емѣ. еже въ са ѿ прѣд-
 10 рыхъ и разоумны оутайло, то ѡкровено бы мѣнцемъ, в послѣднѣи
 вѣкѣ сѣма, не на скрижали камани написанъ, но на срѣцѣ скрижа-
 ли плотанъ, ни сквозѣ ѡблѣ, ни иже лоу и воуреію гѣанъ, но самѣ гѣи
 іс хѣи скончанъ и преданъ, не стѣи слоужитела, но истиннѣ про-
 повѣдника быста, ни кроплениемъ крове оунѣа и кола кропаща и
 15 ѡуниціаіуща скверненнѣ къ плѣстѣи утѣтѣ, но стѣимъ крещениемъ, не
 тѣло єдино ѡуниціаіуща, но дшевноуію свѣцѣ въ срѣцихъ селе всѣмъ
 восіавша, ни заколеннѣи жертьвѣ проповѣдника бывша, ни слоу-
 житела, но бесквѣреннѣи и мирнѣи хрѣтовнѣи слоужбѣ слоужѣ про-
 повѣдателя вѣнѣстася, апѣломъ соупроужника, на то же дѣло иже
 20 брана, крѣтъ смыслено на рамѣ своєю възспрѣиша, всю вселєниюу
 ѡбнѣдоста, исполнаіуща оуучениемъ та мѣста, в нѣ ѡни не постоаша,
 ли оудолженіемъ поутѣи, ли за оумноженіе ижехъ странъ блжннѣхъ,
 в ннѣ же рашѣшеся, яко лоуѣа сѣнеуныа свѣтомъ бгѣоразоумнымъ
 просвѣтѣиша весь мирѣ. по тѣ же стопамъ и ти ходиша, и то же
 25 дѣа напоєна ѿ бѣ, томоу словесн быста проповѣдника и новаа
 апѣла, не на тоужемъ ѡснованіи своє дѣло показаіуща, но иже новаа
 писмена възображиша, и свершиста въ азыкѣ новѣ. посла же ко-
 сіавша, яко оутрєнаа звѣзда, ѿ сѣнца свѣтъ прѣемляіущи, свѣтлѣиши
 всѣ мѣлаєтсѣ, и яко же наатѣи дѣлателе въ вногрѣа, понесшеи та-
 30 готѣ дѣе и вѣра, съ пришѣшнми въ .лѣ. устѣ, равнѣмъ сподоблєни
 быша мѣзѣ бжѣи блгодати, тако иже волиши в послѣднѣи вѣкѣ томоу
 же дѣлу мѣнѣи сѣа новаа проповѣдника и свѣтлѣнника всєи всє-
 леннѣи, иже пѣвнгомъ добрымъ и вѣрою крѣпко прѣпоасавша урєсла

своа, прайдоста, яко сѣнци, темнаа мѣста стопамъ своимъ, просвѣ-
щающа всакъ мѣглоу поганьскоую, дѣвнѣ огнѣ попалающа и бретнѣ-
скоую, не попадаща дѣла своѣа, ни попадаща телеси своѣго, но
всегда готова същи за правдоу въру сластоу испити хѣбу уамъ.
къ срацимѣ же и козарѣ шельшаса неперѣдѣна, но яко же дѣдѣ ѿ
иноплеменикии иногда низлаожнѣхъ горьдыно, ёго потреби, про-
бравовѣхъ трѣхъ трѣми каменѣ, и своимъ ёмоу меуемъ главу
ѡсекъ, похвалоу вѣратъ въ тмахъ ѡ сѣовѣ и ѡбѣвѣ, такоже же и
сѣа ѡѣа, трноупостаснѣ вѣтнѣ слоуза соуща и проповѣдника, въ
соборѣхъ срауннѣстѣ и жидовскыхъ ѡвѣртшаса, своимъ нѣмъ-ни-
гамъ и ѡзуконѣхъ, бахметовы владн и жидовскыю злобѣ дѣ-
нымъ меуемъ ѡсекша, потребиста, яко павелъ, и поаласта
дѣокноу блѣтнѣ, а слово тѣе вѣаста, яко и пиеница, въ срунѣмъ
селѣ, и вса насладѣста медотоунымъ словесы, трѣвезнаучалнаго жо-
вѣства ѡсно испорѣдѣста, оуказѣста къ ѣдномуу соущесствѣ ра-
веньствомъ сѣающа ѡѣа и сѣа и сѣго дѣа. тако а ѡуловѣста, яко
и рыкы, словесноу ирежею, и крѣпѣста ѡ козарѣ тѣмъ уадр-
до двоюу стору, развѣ жемъ и дѣтѣмъ, трѣвоуѣхъ похвалѣ ѡ всѣмъ
црѣкѣмъ прѣимѣша, прѣйдоста ѡ доуниа на западнѣа страны, блѣ-
вѣстѣскоуѣща слово вѣтѣ въ азукѣмъ новѣ, и вса црѣкнѣмъ законѣ
прѣложнѣша ѡ грѣтескѣ, къ своимъ азукѣмъ вредѣста, трѣвѣду-
никѣ же злобѣмъ низлаожнѣша, потребиста, яко павелъ ѡвѣрающа
ѡ писемѣмъ, ти тысто црѣкнѣ и свѣтозарно житѣ прѣдѣста. в да-
наднѣхъ же странѣ, панѣнѣстѣ и моравскѣ странѣ, яко сѣнци во-
сѣавша, мрѣва грѣковна ѡгнѣмѣна, провѣктнѣста боукедѣмъ и наоуѣхъ,
ша оуѣмнѣ црѣковномъ уннѣ испоанѣ и тако теуеѣе сконѣвѣюща,
поути са мѣста римьскаго, а павьскомуу прѣавъ поклонитнѣса, ведоуша
съ собою на сѣрѣнѣе дѣвнѣмъ плѣ, ёже слышавѣхъ апостоанкѣ андрѣанѣ,
нзнде противѣ нимъ далѣуе ѡ града римьска, и тако же а прѣатѣ,
яко ангѣа вѣѣа, и оуѣненѣе ёю прѣлюбѣ, поставнѣ блженѣаго ме-
фодѣа на прозвѣтерьство, и оуѣнкы ёю.

Приваннѣ же са время подохъ вѣратнѣ прѣстоумъ и прѣсѣлѣномуу
ѡнѣ нашѣмъ и оуѣтѣлю коньстантинѣ философу. видѣвъ же вѣленѣе

ѿ ба ѿ покои себѣмъ, ѿблеуеса в уерныа ризы, и дѣ же на-
 ревъ покои своѣго, пресѣмь до него дѣмъ, веселаса и слава ба,
 и тако похи о гн в ад .рѣ. тозъ, и приближиса къ оимъ своимъ,
 пррнѣ и алтомъ, микомъ и веа стѣмъ и положиша и въ цркви стго
 5 кнмента, идеже: мнѣша многа исцеленїа бывати ѿ утнато гроба
 его, савпн абѣ мауаша просвѣщатица, медуужнїи ицлантица, вси
 сходнїи. еже видѣше римлаане, плаче са приаожнша къ стнн его.
 сцѣше же прѣтнаго и бгоутнаго мифодїа на архїепископство, на
 столъ стго амрѣмва, апла въ панонїи ѿ .б., поустиша и на стра-
 10 ны словѣнскїа оуунти въ азыкъ ихъ, написавше еписистолю снѣ
 къ кнзевмъ страны тоа, ростиславъ, и стѣполкъ, и коцелъ амрѣ-
 анъ еппъ, рабъ вса рабѣ бжннмъ, къ ростиславъ, и стѣполкъ, и
 коцелъ. сѣва в вышнїи бгъ, и на земли мнрѣ, въ улицехъ бгговоле-
 нїв. яко ѿ ба слышавше дхвны радостн, иже имате на спасенїе,
 15 слемъ врата мнцарго, устнаго мифодїа, сцѣна на архїепископство, на
 страны ваша, якоже есте просмѣя оу ма, да вы оуунти, въ азыкъ
 прелагаа книгн, да са исполнитъ бррѣуьскре слово, яко рѣща хва-
 лите гѣ вси азыци, и похвалите его: вси людїе. и всак азыкъ ис-
 поваетъ, яко же: и гѣ .їс .хс въ славу боу бжцѣ амннѣ, въ сѣлаи
 20 рече гѣ, посмала оууемнмь скда мѣснѣ, наоуунте вса азыци,
 крѣще а во нма бжца и сна и: стго дха, оууаце вѣюсти вѣа, ели-
 ко заповѣда вамъ, и се а с вѣмн есмь вса дѣмъ до конуны вѣоу.
 амннѣ. вы же, уада возмвслїаа, поблаоууните оуунїа сжїа,
 еже в послѣднїа время предано въ, нашего ради спїїа, да поууа-
 25 юреса разумно, илѣ достойнъ створите и приаите вѣмнъ не-
 тлѣннѣ и в сн какъ и въ грауцнн съ вѣмн стнн въ вѣмн.
 амннѣ.

Дошѣноу же емъ въ страны моравскы, вси людїе с радостїю
 нздѣша во срѣтенїе емъ, и тако прїаша и, яко амгла сжїа. и
 30 ѿверзошаса оуеса савпнмъ и оушеса глаухы, и азыци волсноующен
 възгласа мнрѣ, и нмн же оусты вѣша первѣе жрѣтвы непрїазнени
 въздѣаан на владзѣхъ и на всѣ мвотехъ хвалоу ба, тѣмъ же дѣ-
 ти ихъ словѣснѣмъ и вснверннѣмъ слоужен боу въздѣають за вѣ

мирѣ, и въ всакомъ мѣстѣ нма бжѣ прославляѣтся въ азыкъ новѣ, ёмоу же швенса проповѣдникъ и аплъ новѣ, восіавъ ёко сѣнце, агл невндѣнѣа ѿгона, и вбразоуинымъ свѣтомъ всѣмъ срѣца просвѣти, вротостію и сластію, вса к себѣ любовію привлауа, теуеніе своё сконуа, веру соблюде, цркен пѣсньми оукраси и пѣнн дховнымн, и тако поун ѿ гѣ в лѣто ѿ твари всего мира .ѣ. тѣд., и приложнса къ ѿѣмь своимъ, патрїархомъ авраамъ, исакъ, іаковъ, всѣмъ себе оуподобавъ, всѣ ѿбразъ на себе поношь, ѿвѣ равенъ бывъ, ѿвѣ мнн, а дрзгыхъ преснавъ силою, и дятелію, и подвигомъ, восіавъ ёко сѣнце лоуудамн прнтоунамн и казаніемъ, ёго же помы- 10 шляюще медотоунаа словеса, нѣ уемъ сласти ёго дховнымъ приложитн.

Тамже, кма оубо похвалы въздѣмъ кма, троушнмаса толкно хѣ ради въ востоуннѣ, и запамѣ, и саверьскїи странахъ, не ншрцпа временнѣ и тлаюцихъ, но възуннѣ и бескомбуцихъ, крѣсть гнѣ моужьски на рацѣ воспрїимша, и тамъ ѿладанѣшию грахомъ зем- 15 лю, потребавша, разорїста, и всаѣста дховное сѣмѣ, и унсто цркве принесоста житр, днѣное уѣеніе, нм же сіаѣста, ёко свѣтлн, въ всемъ мирѣ, дѣмоньскоую хвалу и всакъ ёресъ прогнакша. велика оубо столапа хѣе цркве быѣста, нѣнаа улка и земнаа англа, въ плоти бесплатное житіе стажавша. блжѣнно ё во нстинѣхъ урево ношь- 20 шеё кѣ, и въздѣнѣша гласа многоплѣна, нм же напнтѣста алуюциаа азыки, и жѣнмѣ напоиѣста животнаго пїва, непрестаюиу пицѣхъ нстоуыша всѣмъ ѿбнано. кто убо вѣможеть достоинѣхъ похвалу каю исповѣдатн; нѣнѣнѣю всю прошѣнша стопами своимн, кѣ мирѣ ѿстнста. блженъ азыкъ каю, нм же насаѣста дховнаа словеса въ спсѣнїе 25 бесунсленѣхъ азыкоу бгѣодхїовенннхъ дарѣ ѿ бѣ прїимша, мракъ невндѣнѣа всюду прогнаста, собою ѿбразъ всѣ прѣлагающа, ѿ оустнѣхъ дховноу сласть нстауающа, погайствѣхъ же всакомѣхъ разроушннка швн- стаса, ёретнкомъ соупостага, вѣсомъ прогонннка, свѣ ѿмрауеннымъ, оуутѣла мѣнцѣ, нстауающа дховнѣю сласть, алуоцимъ нескоу- 30 наа пища, жѣнмѣхъ напанаа нстоуннкѣ, нагнмъ ѿбнально ѿданїе по- ающа, снрымъ помощннка, страннмъ прїимннка, болнымъ пося- тнтелѣ, псуалнымъ оутѣшнтелѣ, напѣстнымъ заштнннка, вдовамъ и

шрота помощника, сазлымъ святодатеа, зааюцимся к мори хл-
 теи стемь великаа аныкѣра, стема и покровъ припадающимъ к вамъ,
 іудѣомъ соупостѣта, и сповѣдника стѣи троици, свершителя сѣію
 5 смотренію, величествоу сѣію слоужителя, истоумника сѣію словеси,
 и недвижима столпа цркви хѣи, певать правду, шитъ вѣри, шлещь
 спсенію, клаа многоплодеи, лоза медотоумла, соти медвеніи слоке-
 са вѣю, и ми же насладиста всю вселенноую, яко бисеръ многоц-
 10 менъ истоуша, сокровици гни, въмѣстници сѣіа смотреніа, ѡси-
 телници сѣію смотренію, сосоуда стѣи дѣхъ и збранлаа, пронесши
 и ма хѣо по всен земли, крѣи похвалѣ, на свѣи помесши, времен-
 наа презрѣши, а вѣуныхъ наслаженіе прииши, непрестанно пре-
 подоблаа и истиннаа пастыра, за и збранное стадо вѣю подвижно
 помолтаса, страсти ѡженоуца, вѣдъ и напастѣи и збавляюца, про-
 15 свѣгнѣи и мѣ сѣуиши ѡи и ѡи мѣ оутвердѣта достойно посаждовати
 да, достойно пожвешѣ ѡ хѣ, наслаици троуду вѣю ѡбращѣтса и
 проповѣдници правѣи вѣри, юже и мѣ ѣста предади, да вси едино-
 глѣно прославатъ трисѣое бжтѣо ѡца и сѣа и стѣо дѣа, и мѣ и прии
 и вѣи вѣкомъ. аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

12. 2. въ заглавіи сѣтворшемъ вм. сѣтворисемъ.
 — 3. предложѣшемъ вм. предложьшемъ.
 — — на покъ ѿ ветхѣ вм. покъ ѿ ветхѣ.
 — 4. къ дѣмъ вм. къ дѣмь.
 — — ѿ передъ мѣфодію вм. того, чтобъ стоять передъ архіепископу.
14. 10. въ вѣстужемъ служеніи. вм. въ стуженіи ѿ служеніи.
 — 18. ѿменисть вм. ѿменитъ.
 — 32. ѿнитиса вм. ѿнитеса.
 — — проидятъ вм. проидятъ.
 — 33. ѿскоудъ вм. ѿскоудемъ.
15. 1. пре вм. предъ.
16. 3. не уюмьствена же не ис намене вм. не ис неюмьствена же
 намене.
 — 6. предасть вм. предаста.
 — 8. соугжеъ вм. соугжео.
 — 12. гѣа вм. гѣамъ.
 — 25. пмтаста вм. кмста.
 17. 13. косіаста вм. ксіаста.
 — 22. ѿвращаша вм. ѿвращаша.
 — 23. предасть вм. предаста.
 18. 16. ѿже вм. ѿко же.
 — 30. колкоующей вм. колскоующей.
 — 31. миръ, а сверху надъ ѣ приписано еще ѧ.
19. 3. невидѣнѣа вм. невидѣнѣа.

Стран. Строк.

- 19, 10. **наизаи́емъ** вм. **изаи́емъ**.
 — — **ѣже поизгаи́ше** вм. **ѣго же помышляи́ше**.
 — 13. **Проп. ради**.
 — 18. **хизаи** вм. **хиза**.
 — 25. **настаи́ста** вм. **настаи́ста**.
 — 26. **неиздаи́и** вм. **неиздаи́и**.
 20, 13. **помоли́стася** вм. **помолитася**.

III

Изъ большихъ Макарьевскихъ Четивъ-Миней Московской Патріаршей (Синодальной) Библиотеки, прежде Московскаго Успенскаго Собора, мѣсяца Апрѣля 6-го дня, съ слѣдъ за Житіемъ Мефодіа, съ 181 листа, 2-го столбца, до конца 2-го же столбца оборота: 187-го листа.

В ТОЙ ДНЬ.

Мѣа того въ .5. днѣ слово похвалоу на памѣ оуби
и преолавнымъ оубителемъ олованьскѣмъ ѡзвѣдѣ, вотвор-
шема писмены емѣ и предложшема новыи и ветхыи
законѣ въ ѡзвѣдѣ и, влженномѣ кѣрилѣ и архіепѣс-
паноньскѣмъ мефодію. влгви ѡче.

Бгѣ и спсѣи нѣшемъ иу хѣу, многыиъ и неизреченныиъ хлѣколю-
кнѣмъ помножавшию роу хлѣвскыиъ и не трѣпашѣ созданіа своѣго,
лестію днаволою одрѣжнма, низложи себе въ смиреніе водное,
и воцпоишѣса ѡ стѣго дѣа и ѡ прѣтѣа и ѡ славыа бѣа и прѣно дѣи
мрѣа, на земан ѡкальса, и съ хлѣкы пожнве, и сообразенъ бывѣ те-
лесн нѣшемъ, ѡсвди грѣ плотію своѣю, да оумирающии ѡ адаамѣ,
ѡ хѣ ѡжнвѣтъ. той бо ѣ мирѣ нѣшь сътвори и ѡбоа и єдино пре-
ѡграженіе ѡ градѣ раздрѣвшѣ, крестомѣ оубнѣвѣ вражѣ, и прѣвѣ-
нецѣ бысть нѣз мертвыиъ, собою наставлѣ родѣ хлѣу на неистлѣнныи
пѣтъ, вше же на нѣса, съде ѡ десныю прѣтла величѣствіа на высокыиъ, и
заповѣдѣ давѣ исквсноу родѣ хлѣу, хотанъ в послѣднѣа времена
прѣти свдѣти и живыиъ и мрѣвѣ, и козати комѣжо по дѣлоу єго, ѡко

праведенъ судни. не хоше бо смерти грѣшникуу, но ѡбращенію его
 и покаанію, аще наипаче прилежи на злобуу кожо уакъ. не ѡста-
 ки бо созданиа своего мѣтнвыи бѣ, ни злбы дѣла рѣкы своею,
 но на кажда лѣта и времена нѣбра мѣжа, и мѣн дѣла и и подкн-
 5 ги люде, да быша, тѣмъ подобашеса, живѡ взуным ѡбразн. и по тѣ
 прѣкы, по прѣцахъ же апам, и по аплахъ мѣкы, и правенма мѣж
 и оуунтала, еже са и сѣмъ въ .ѡ. какъ нашъ. рѣша бо ѡни сѣ-
 лни прозратъ, гласни оуслышиа слово книжнѡе, и вси возглаголютъ раз-
 дунны кзыки велнута бѣна.

10 Бѣ же в селунствѣмъ градѣ мужъ кзыки, именовъ левъ, уакъ
 непороуенъ, истиненъ и богоутецъ, ѡгрѣбася, ѡ всакы злобы и
 исполнаа вса заповѣди бѣга, яко нѡвъ. живнн в кротости и говѣ-
 ннн, седьмороденъ ѡбратеса, яко ѡвъ. ѡ нѣкомъ же и прѣкъ гѣтъ
 блженъ мужъ, боанса гѣ, в заповѣдѣ его восхоше глѡ, снано на
 15 земанъ бѣдѣ сѣмѣ его, рѡ праведныхъ блвнтса; слава и богѣство
 в домѣ его, правда его прѣсвѣтѣ в вѣкы вѣноу. ис того бо воре-
 не восѣласта изрѣмъ двѣ дѣторасн, свѣтозарнъ, блгословенъ пао
 на свѣъ носѣща, житнѣ же непороуно ѡ юности нмѣща. прѣ-
 мрѡсть бо свѣъ яко и сестрѣ сотворша; тою оуѣраснста и дшю и
 20 оумъ, любовію же и крѡю, другѣ другѣ еѡ прѣспѣваста, мрѡ-
 стню цѣлѣюща прио, яко цѣлѣецъ блгоюханннн. родѡ сѣ ми
 блженыи константн, а оумѡ и добродѣтельнн выпрѣ възлѣтаа нѡ
 ѡрелъ дѣховныма крилома, ти блгозарнымъ свѣтѡ оума проскыш
 сн сосоу нѣбранъ стѣмъ дхѣ, и тѣмъ свѣтаса всѣ оуѣеннѣ фило-
 25 софскѣ, нескоудное скрѡкнціѣ ѡбратеса. яко бо истѡтннкъ всю
 исполнаа вселенюу, напои жадныа словесе бѣга, якоже рече сѣ
 гѣ бѣ нашъ, іс хсѣ взрѣан в ма, якоже кннгы рѣша, рѣкы ѡ уре-
 ва его потекытъ воды живы, снрѣу, дарове животѡрѣщааго дѣ-
 тѣ бо воскнпѣ в немъ, нзлѣаса оустнама его и всю вселенюу
 30 сластно возвесеан, слово раскѣаа коѣмоужо кзыкоу, прѡтнѣвъ своѣмъ
 развѣмъ. бѣ бо емѣ данъ даръ дѣховннн кзыки глѣтн, яко и апо-
 столѣ. старѣншн же его брѣ, прѣблженнн мѣфодн, нз маада жи-
 тннскыа саны науѣ прнмѣтн. мрѡстню бо яко цѣлѣъ блгоюханенъ

цвѣтхн, ксѣмн вѣкхмн бѣ любовнѣ. к бесѣдѣ бо ꙗко соломонѣ шѣлаки-
шеса, дивнѣмѣ притѣмн и наказаніѣ и вопрошаніѣ и зноса и (зѣ)
срѣнаго села, и на службѣхъ всѣмъ оугоднѣ, ꙗко и крнлатѣ шѣбрѣтаа-
шеса, и на воинѣхъ ꙗко и самсонѣ, и гедеѡнѣ, и пѣ навгннѣ стрѣ-
шентѣ шѣлакиѣ. тѣмъ же и воєводьскыи самѣ прїимѣ, побѣ в нѣ ма- 5
ло, и разумѣвѣ многоматѣжнхн сън свѣ, ꙗко сън преходащѣ не-
полезисно, пѣуе же гнѣ слѡво, ꙗко и стрѣлахъ к срѣнн сн прїимѣ,
ꙗко же рече: каѣ полза єсть ѹлкъ, ꙗще весь мирѣ приѡбращетѣ, ꙗ
дшю свою ѡтщетѣ, ли погубнѣ; ли утѡ дастѣ ѹлкъ и змѣнѣ на доу-
ши своѣн; премѣннѣ же земнхнмн ибѣнаѣ, врѣмѣнна оубо ѡметаѣ 10
ѡ себе, презрѣ в вѣнѣмѣ подвигнѣтисѣ, и шѣ вѣ ѡлнмѣхъ, пострн-
жеса в уернѣмѣ рнзы, уѣл прїати вѣлхъ и металннхъ аггѣльскх ѡде-
жѡу. и вѣ повинѡуѣса всѣмъ с покореніемъ и смиреніемъ, вѣ бѣдѣ-
ннн и мѣтвѣ, в стѣженнн и слѣженнн, вѣ и зраднѣ пощеннн, вѣ
трѣзвѣннн всѣгѣ, вѣ ѡшнщеннн дѣхнѣмъ, вѣ плаунъ блазѣ, ѡ ѡннѣ 15
нстоуннѣкѣ и спнщѣаѣ, ꙗко рѣкоу, и тою ѡмывѣаѣ все тѣло своѣ, плоть-
скѣаго покоѣ ѡннѣодѣ некѣднн, какѣ єсть, но на всѣкѣхъ ношѣ столѣ ѡ
захода сѣнѣца до восходащѣ, не даѣ сна ѡннѣма своѣмѣ, ни вѣжѣма
сн дрѣманнѣ, ни покоѣ бровьѣма своѣмѣ, поѡуѣаѣса вѣ шѣлѣхъ, и пѣ-
нннхъ, и пѣснѣ дѣховннѣ, сподвнзѣаѣса спостнгнѣтн жнтнѣ стѣмъ ѡцѣ, 20
ѡкѣ же прѣспѣ кротостнѣю и молѣаннѣ, ꙗ дрѣгѣмѣ постѡ и бѣднѣемъ,
и мѣтвѡю, и смиреннѣ и зраднѣ, и тако и меннѣ бѣ вѣ всѣ ѡцѣ, подо-
бенѣ велнкомѣ арсеннѣю, и антоннѣю, и сѣвѣ, всѣ жнтнѣа собою соврѣ-
шѣаѣ. мнѣаостнѣкѣмъ же бѣ, вндѣвѣ и в толнѣхъ трѣдѣ прѣбывѣающѣа, вло-
жн к срѣце вратнн, и, вндѣвшѣ подвнгѣ єго и зрадѣнѣ на службѣхъ бжннѣю, 25
дрѣгѣ ко дрѣгѣ днѣлаѣахоуѣса и прославѣлаѣхъ бѣ, даѡущѣаго блгѣтѣ свѣ-
ше трѣжающнмъса єго радн. дондеже патрнѣархѣ, оуслѣшѣавѣ под-
внгѣ єго, бѣднѣша и поставннн мнѣрополнѣта в ѹтнѣхъ мѣстѣ, и не
могѣше єго в томѣ прнбѣдннн, поставннѣша и нгѣмѣна в манасты-
рн, и нарнѣцѣтѣса и менемъ полнѣхронѣ, в немъ же блше ѡцѣ .ѡ., и 30
по то са ємъ, прѣбывѣаѣше, ꙗко и бесплѡтенѣ, бѣ мѣтвѣ прнѣо, всѣмъ
всауѣскѣ, дабѣмъ всѣа приѡбрѣлѣ. и стѣмѣа бо кнннѣгѣ ѡ таковоуѣ во-
плнѣютѣ, похѣалнѣо глнѣющѣа прнѣрѡстн дрѣвннѣ взыщѣтѣса, и вѣ прѣрѣуѣ-

ствннхъ пожнете, повесть мужъ именнтѣ сохраните, во ѡзвнтнѣ
 прнтоунѣ ѡзудете. посреѣ велмѣ послужнте, ѡ предѣ ѡгьмены авн-
 теса. по зѣлн твждѣ ѡзыкъ проѡдете, добро ѡ зло къ ѡлцѣ ѡскоу-
 шена бѣдета. срѣце свое даста оѡтрене бѣти къ гоѡ, сотворнвшемъ
 5 вы, ѡ предѣ вышннмъ помолнстаса. ѡ ѡврѣзоста оѡста своѡ на млтвхъ,
 ѡ грѣсѣ своѣ помолнстаса. аще же бѣ восхоѡцѣ велнкнѣ, разум-
 наго дѣа наполнстеса. тѣ бо потоунѣ глѣ ѡ мрѡсть єю, ѡ в мо-
 лнтвѣ ѡсповѣстаса гѣн. тѣ бо кѡвѣ казанѣ ѡ оѡуенѣа єю, ѡ в за-
 конѣ завѣта гѣа похвалнстаса. восхвалать єю разумъ мнози, ѡ
 10 до вѣка не потребнстса ѡ не ѡ(т)стѡпнѣ єю, ѡ нма єю жнвѣ в родѣ
 ѡ родѣ. мрѡсть єю повеѡать ѡзыцн, ѡ похвалѣ єю ѡсповѣсть
 црѣквн, єн же быста крѣпка пособннка ѡ недвижнмѡ столпа, ѡсно-
 вана на тверѡмъ камене, вѣрѣ. послѣѡствовавша первоѡцѣмъ ѡ
 патрѣархомъ, вѣрою ѡ пѡвнгомъ дѣлнѣа ѡ ѡ твѡды собою сконѡта-
 15 ваѡща, ѡкѡ ѡ велнкнѣ патрѣархѣ авраѡмъ, прадѣ хѣѣ, вѣрою пре-
 селенн бѣвѣ ѡ прншлецѣ в землн тѡжѣн, дрѡгъ бѣтн нареѡеса, ѡ
 завѣтъ ѡбрѣзанѣю ѡ бѣ прннмъ, вѣрою оѡцѣ многѣ ѡзыкѡмъ на-
 реѡеса.

Сѣа сѣа ѡ преславнаа ѡѡа ѡ оѡунтала, тоѡ же вѣрою оѡукрашнѣ-
 20 са, ты же дѣтели сконѡаста. преселннка бо быста ѡѡѡства своѣго ѡ
 прншельца на землѡ тѡжѣ. закон же ѡ бѣ прннмша, не своѣмъ пле-
 мени, ѡкѡ авраѡ, но ѡзыкѣ, ѡже не разумѣаше десннца своѣа, нн
 шннца, но емъ же са прнтѣкнахѣ, то томѣ са порабоѡшьше, кланѡа-
 хѣса, ѡкѡ бѣѣ, тварн, в творца мѣсто. завѣтъ же не ѡбрѣзанѣю прѣ-
 25 ємнше, ѡкѡ авраѡмъ, но крѣщенѣю, вѣ ѡставленѣе грѣховѣ, в вѣкѣ
 пребываѡщѣ, самѣмъ сконѡанѣ ѡ преданѣ глѣ ншнмъ ѡ хѣѣ. моѡсѣѣ
 такоже со авраѡ во єрѣѣ бѣтнѣ, бѣ фараѡновн нарекъса, мѡкѡмн
 разлѡчнмн єгѣпта оѡмѡвѣ, бѣтѣа людѣ ѡз работы нѣх ѡзведе, во дѣе
 столпѡ ѡблауннѣ, а в ношн столпѡ ѡгненнѣ, ѡ разѡль море, по сѡхѣ
 30 провеѡе в пѡстыню, а прѡтнвнѣ погрѡзнн в бѣзѣнѣ, в пѡстынн же в
 бѣзводнѣ напѡн а, пораѡжъ камень, ѡ хлѣба аѡглѣка насытн, ѡ за-
 кон же ѡ бѣ прннмъ, бѣтнѣ прѣстѡ напнсанъ. на скрѣжалин бо кама-
 ны прѣдасть людн в сохрѡненѣе ѡ послѡшанѣе. ѡ сѣа же прѣблѣжѣ-

нла и бгооуднаа улка, ни уни же менша тою авнстася, того бжїа
 дха напоена свыше, свгвзъ блгтн сподобнстася, людн нзведоста
 нзо многамрлунѣ дьявольскаго мора, мысленаго фараѡна погрвжъ-
 ша, и всю снлѣ его потребнста, и вѣрою въѡрвжышѣ и снлою кре-
 стною, не к пвстыню же а нзведоста, но на свѣтъ бгѡразумныи ѡ
 наставнста, не нз камени водѣ нзведша, но вѣрою словесе бжїа
 жадныа напоїста, не нс нечюбвствена же камене водѣ нзвѣша,
 ꙗко же и ѡна, но нстекшею кровню и водою ѡ преутѣ ребръ гѣ
 ншего, иу хѣ, вѣрныи въуню пнщѣ и бесконечныи животъ во
 спсенїе предаста, ко ѡданїе грехѡ подающа, не хлѣба аггльска 10
 напнтлюща, но нстоѡ тѣло гѣ ншего, ис хѣ. закон же бжїи свгоу-
 бо преложыша, в новыи аззыкъ предаста, писмена сотворша емѣ.
 еже въ са ѡ прїмрыи и разумныи оутайло, то ѡкровено бѣ младен-
 цемъ, в послѣднни въкъ снма, не на скрнжалн каманы напнсанъ, но на
 срѣцѣ скрнжалн плотанъ, ни сквозъ ѡблѣ, ни мьглою и взрею глѣмъ, 15
 но самъ гѣ ис хѣ скончанъ и преданъ, не съни слвжнтела,
 но нстннъ проповѣдннка быста, не кропленнѣ крове оуньча и козла
 кропаща и ѡунцающа скверныа к нлѡсцви утѡтъ, но стѣи крщенї-
 емъ, не тѣло едно оунцающа, но дшеснью свещѣ в срѣнѣмъ селѣ
 всѣ восѣавыша, не заколснннѣ жерткѣ проповѣдннка бѣвшя, илн 20
 слвжнтела, но бесквернннѣ и мнрнѣи хрѡвѣи слвжбъ слвзѣ и про-
 повѣдателя авнстася, аплѡ свпрвжннка, на то же дѣло нзбрама,
 крѣтъ смыслено на рамѣ своѡю въспрїнмша, всю вселензю ѡкндо-
 ста, нсполнлюща оученнѣ та мѣста, в нѣ ѡин не постолѣша, лн оу-
 должннѣ пѣти, лн за оумноженїе ннѣхъ странѣ блжннѣ, в нхъ же 25
 рашѣнѣса, ꙗко лвуа слпунѣа, свѣтѡ бгѡразумнымъ просвѣтнша весь
 мнръ. по тѣмъ же стопамъ и сї ходѣша и того же дха напоена ѡ
 бѣа, томѣ же словесн быста проповѣдннка и новѣа апла, не на
 твждѣ ѡснованнн своѡ дѣло полагающа, но нзнова писмена воѡбражъ-
 ша, и совершнста въ аззыкъ новъ. послѣ же росѣавыша, ꙗко оутрен- 30
 на звѣзда, ѡ слнца свѣ прнѣмлющи, свѣтлѣншн всѣ квалѣтса, и
 ꙗко же напнтн дѣлателе в виногрѣ, понесъшѣн таготѣ днѣ и вара,
 с прншѣннма въ .лї. усѣ, равнѣмъ сподобленн бѣша мьздѣ, бжїи

ѿ ея ѿ поном сребръ, ѿклеуеса в уерныа ризы, и днь же на-
 ревъ, покои своѣго, прещысть до него днь, веселса и слава ея,
 и тако поун ѿ дн в аа .ѣ. тоз., и приелажиса къ ошмь свошъ,
 прѣиди и ашомъ, мнкомъ и всѣ стѣ, и положиша и къ цркви стго
 5 кнѣмента, идеже: научаиа многа исцуденїа выврати ѿ утнаго греха
 его, сакпн авѣ научаша провѣщатица, недоужнїи и цлантїца, вси
 сходїти. еже видавше рїмаане, науча са приложнша къ стнм его.
 сїцїше же прѣутнаго и кгоутнаго мѣфодїа на архїеписѣство, на
 столъ стго аѣфонїа, аѣла къ паномїн ѿ .Ѧ., поустїиша и на стра-
 10 ны словѣнскїа оуунты къ азгыкъ ихъ, малцєавше єпїстолю сїю
 къ кнѣземъ страны тоа, ростнсаахъ, и стополкы, и коцєау аѣр-
 анъ єпїтъ, рабъ всѣ рабѣ бжїимъ, къ ростнсаахъ, и стополкы, и
 коцєау. сѣва є кышнїи бгъ, и на зєман мнрѣ, къ уацєхъ бгволе-
 нїє. ꙗко ѿ ея самшавше дхѣны радостї, иже имате на сїсєнїє,
 15 славы врата нашєго, уєстнаго мѣфодїа, сїцєна на архїєписѣство, на
 страны каша, ꙗкоже єсте проснїи оу ма, да вы оуунты, къ азгыкъ
 прєлагѣ книги, да са испомнїтє прѣрѣчьскє слово, ꙗко рѣща хла-
 лїтє гѣ всї азгыци, и похвалїтє его всї людїє. и всак азгыкъ ис-
 повѣсть, ꙗко же и гѣ .їс. хс лѣ славу боу ѿнѣу, аѣмнїи, въ єуаѣлїи
 20 рєтє гѣ, посмїла оууємнїкїи свѣа дѣшєа, наоуунтє вса мѣзкн,
 крѣщє а во нма ѿца и сїа и стго дха, оууамє заюстї вса, єли-
 ко заповѣдѣ вамъ, и се а о вѣмнї єстѣ вса дїєдо кокушны вѣкоу.
 аѣмнїи. вѣ же, уада возмєвєлїялѣ, послѣоушїтє. оуунїа єжїа,
 еже в послѣднѣа врємѣ прєдїлѣ вѣ, нашєго радн сїшїа, да повѣта-
 25 юрєса разоумно, пѣо достїоннѣ сътворїтє и прїамлєтє вѣснѣцъ не-
 тлѣнєнъ и в сїн вѣкъ и въ грѣшїнї съ вѣмнї стїи въ вѣмн.
 аѣмнїи.

Дошєшоу же єму въ страны моравьскы, всї людїє с радостїю
 нздїоша во срєтєнїє єму, и тако прїаша и, ꙗко аѣгла єжїа. и
 30 ѿвєрзошасѣ оуєса слѣпымъ и оушєса глаоухъ, и мѣзгыцн волєноуѣошєн
 вѣзгѣлаша мнрѣ, и нмн же оусты вѣша прєвѣє жртвы непрїазнємы
 вѣздѣаан на младазѣхъ и на всѣ мѣстєхъ хѣлованѣ ея, тѣм же дѣ-
 тн ихъ словєстнѣа и всєвєрнїоннѣа слоужбн боу вѣздаютє за вѣ

мирѣ, и въ всакомъ мѣстѣ нма бжѣе прославлѣтса въ азукѣ новѣ,
 ёмоу же швенса проповѣдникъ и аплѣ новѣ, восіавѣ ꙗко слнцѣ, мгла
 невндѣнїа ѿгона, и кбразоуинымъ свѣтомъ всемъ срца просвѣти,
 крѣтостїю и сластїю, вса к себѣ любовїю привлауа, теуенте свое
 сконуа, вѣрѣ соблюде, цркви пѣсньми оукраси и пѣнїи дховными, и
 и тако поун ѿ гѣ в лето ѿ тварн всего мира .ѣ. туд., и прило-
 жиса къ ѿцемъ своимъ, патрїархамъ авраамъ, исакъ, іаковъ, всемъ
 себе оуподобѣ, все образъ на себя поношь, ѿвѣ ракенъ бмѣ,
 ѿвѣ мнн, а дръгыхъ преспѣвъ слою, и дѣтелїю, и поденгомъ,
 восіавѣ ꙗко слнцѣ доудами прїтоунами и казанїемъ, ёго же помы- 10
 шлїюще медотоунаа словеса, иѣ уемъ сласти ёго дховнаа приложити.

Тамже, выа оубо похвалы въздѣмъ вама, троушнмаса толко
 хѣ ради къ востоунїи, и зацѣмїи, и сѣверскїи странахъ, не ншнща
 временнїи и тлїюшнхъ, но възнїи и бесконсуныхъ, крѣсть гнѣ моу- 15
 жьски на рацѣ воспрївша, и тамъ ѿладнїавшїю грэхомъ зем-
 лю, поцрѣвальша, разорїста, и всѣста дховное стма, и унсто
 цркви принесѣста жнтро, днвное вѣуенте, нм же сіаста, вко свѣтлн,
 въ всемъ мирѣ, днмоньскоую хвалу и всакъ ёресь прогнавш. велика
 оубо столпа хѣе цркви быста, нѣнаа улка и земнаа англа, въ плоти
 бесплотное жнтіе стажавша. блжѣннѣе е во нстиннхъ урево ношь- 20
 шеѣ вѣ, и възднѣвша гласа многоплѣна, нм же напитокста алуюцїаа
 азукн, и жѣннїа напоїста жнкотнаго пїва, непрестаюцнхъ ннрѣхъ нс-
 тоуьша всемъ ѿбнано. кто убо коможетъ достоннхъ похвалу ваю нс-
 повѣдати; понѣнїю всю прошѣста стонами своимн, вѣ мирѣ ѿстнста.
 блкенъ азукъ ваю, нм же насѣвѣста дховнаа словеса въ спсѣнїе 25
 бесупсленнъ азукѣ бгоднїовенннхъ дарѣ ѿ бѣ прїїмша, мракъ невндѣ-
 нїа всюду прогнаста, собою ѿбразъ все прѣлагающа, ѿ оустнхъ
 дховноу сласть нстауающа, поганствѣ же всакомъ разроушнника кнѣ-
 стаса, ёретникомъ соупостѣта, вѣсѣмъ прогонннка, свѣ ѿмрауен-
 нымъ, оутѣла мѣнцѣ, нстауающа дховннзїю сласть, алуюшнмъ нескоу- 30
 наа ннща, жѣннмъ напалаа нстоунннкъ, нагнмъ ѿбнально ѿднїе по-
 ающа, сїрымъ помощннка, страннмъ прїїмннка, болнмъ посе-
 тнтѣла, псуаанымъ оутѣшнтѣла, напѣстнмъ зацнтннка, вдокамъ и

шрота помошника, сазлымъ свѣтодателя, влѣющима к мори жа-
 теи стемъ великаа амьвѣра, стѣна и покровъ припадающимъ к вамъ,
 іудѣомъ соупостѣта, исповѣдника стѣнъ тройци, свершителя бжю
 5 смотренію, величествоу бжю слоужителя, истощника бжю словеса,
 медвнжна столпа цркве хѣмъ, пѣвать правдъ, цитъ вѣры, шасъ
 спсенію, кла многоплоденъ, ложа медотоушла, соти медвеннъ сло-
 са вѣю, ими же насладиша всю вселенноую, яко енсеръ многоц-
 10 ненъ истощиша, сокровищн гни, възвѣстаници бжя смотреніа, ѡжи-
 телници бжю смотренію, сосоудѣ стѣмъ дхъ избраннаа, пронесша
 има хко по всен земли, кртѣ похваля, на себѣ понесша, времен-
 наа презрѣвша, а възвнхъ наслаженіе прїимша, непрестанно пре-
 подобнаа и истиннаа пастыра, за избранное стадо вѣю подвижно
 помолнѣса, страсти ѡженоуща, вѣдъ и напастнъ избавляюща, про-
 свѣтита имъ сручнн ѡун и оумъ оутвердита достойно послѣдовать
 15 стопѣ вѣю; немощи наша на са взимающа, свѣше словъ поддѣта,
 да, достойно пожнѣше ѡ хѣ, наслащници трюудѣ вѣю ѡбращѣвѣса к
 проповѣднници правѣнъ вѣрѣ, юже имъ ѣста предѣми, да вси єдино-
 глѣно прослѣвѣтъ тристое вжтво ѡца и сѣа и стго дха, нмѣ и прѣмъ
 и ѣ вѣки ввкомъ. аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

12. 2. въ заглавіи сътворшешъ вм. сътворшеша.
— 3. предложѣшеша вм. предложеша.
— — на нокы ѿ ветхы вм. нокы ѿ ветхы.
— 4. къ дѣмъ вм. къ дѣмъ.
— — ѿ передъ мѣфодію вм. того, чтобъ стоять передъ архіепископомъ.
14. 10. въ вѣстуженіи служешіи. вм. въ стуженіи ѿ служеніи.
— 18. ѿменисть вм. ѿменитъ.
— 32. ѿжитиса вм. ѿнитеса.
— — пройдати вм. пройдате.
— 33. ѿсноудъ вм. ѿсноудеша.
15. 1. пре вм. предъ.
16. 3. не уиѣстисена же не ис намеше вм. не ис неуюкыстисена же
имене.
— 6. предасть вм. предаста.
— 8. соугжезъ вм. соугжево.
— 12. глѣ вм. глѣшъ.
— 25. пмтаста вм. виста.
17. 13. косѣаста вм. вѣаста.
— 22. ѿбрацѣшаа вм. ѿбрацѣша.
— 23. предасть вм. предаста.
18. 16. ѿже вм. ѿдо же.
— 30. колноуѣнѣи вм. колсноуѣнѣи.
— 31. миръ, а сверху надъ ѣ приписано еще а.
19. 3. неидяѣа вм. неидяѣа.

III

Изъ большахъ Макарьевскихъ Четив-Миней Московской Патріаршей (Синодальной) Библиотеки, прежде Московскаго Успенскаго Собора, мѣсяца Апрѣля 6-го дня, въ слѣдъ за Житіемъ Меодія, съ 181 листа, 2-го столбца, до конца 2-го же столбца оборота: 187-го листа.

В ТОЙ ДНЬ.

Мѣца того въ .5. днѣ слово похвалоу на памѣ стѣмъ и преславнымъ оуучителемъ оловяньковъ ѡзыкъ, воуворшема писмены емъ и предложшема новыи и ветхыи законъ въ ѡзыкъ нъ, влженномъ кѣрилъ и архіеппъ паноньковъ мефодію. влѣви шче.

Бгъ и спсв ншемъ іу хѣу, многыиъ и неизреченнымъ хлѣколю-енемъ помножавшю рѣ ульскыи. и не трѣпашу созданіа своѣго, лестію днакодею одръжиа, низложи себе въ смиреніе колноѣ, и вощощьса ѡ стго дха и ѡ прутыа и ѡ славыа бѣа и прѣно дѣмъ мртѣ, на земан ѡвальса, и съ улькы пожнве, и сообразенъ бывъ те-лесн ншемъ, ѡсудн грѣ плотію своѣю, да оумирающии ѡ адаамъ, ѡ хѣ ѡжнвуть. тои бо ѣ миръ ншъ сътвори и ѡбоа и ѣдно пре-ображеніе ѡ градѣ раздрвшь, крестомъ оубнвъ вражъ, и прѣвенець высть изъ мертвыи, собою наставль родъ ульхъ на нействанныи пѣть, вше же на нѣса, съде ѡ десныю прѣтла величїствїа на высокыи, ио заповѣдь давъ нскысноу родъ улью, хотанъ в послѣднѣа времена прити судити и живыи и мртвы, и козати комужо по дѣло ѣго, ѡко

праведенъ судни. не хоше бо смерти грѣшникуу, но ѡбращенію его
 и покаінію, аще наипаче прилежи на злобоу кожо уакъ. не ѡста-
 ки бо созданиа своего мѣткыи бѣ, ни заны дѣла рѣкы своею,
 но на кажда лѣта и времена нѣбра мѣжа, и кѣи дѣла и и поден-
 5 ги люде, да быша, гѣмъ подобашеса, живѡ вѣчнымъ ѡбращи. и по тѣ
 прѣкы, по прѣцехъ же апамъ, и по аплахъ мѣкы, и правенма мѣжы
 и оуунтаа, еже са и семъ въ .х. какъ машь. рѣша во ѡмнъ сла-
 вни прозратъ, гласни оусамниа слово мнжнѡе, и вси возглаголютъ раз-
 лунны кзыки велнута бѣна.

10 Бѣ же в селнствѣмъ града мѣжъ мѣкыи, именовъ левъ, уакъ
 непороуенъ, истиненъ и богоутецъ, ѡгрѣбася, ѡ всакы злѡмы и
 исполнаа вса заповѣди бѣга, яко нѡвъ. живнн в кротости и говѣ-
 ннн, седьмороденъ ѡбратеса, яко іѡкъ. ѡ нѣкомъ же и прѣкъ гѣтъ
 блженъ мѣжъ, боіса гѣ, в заповѣдѣ его восхоше гѣдо, силно на
 15 земанъ бѣдѣ свѣа его, рѡ праведнынхъ блвнтса; слава и богѣство
 в домѡ его, правда его прѣсвѣае в вкы вѣноу. ис того бо боре-
 не восіаста издрѣмъ двѣ дѣтораси, свѣтозарнъ, блгословенъ лю
 на себѣ носаша, житнѣ же непороуно ѡ юности нмѣша. пре-
 мрѡсть бо себѣ яко и сестрѣ сотворша; тою оуѣраснста и дшю и
 20 оумъ, любовію же и крѡю, другъ друга бо прѣспѣваста, мрѡ-
 стню цвѣтѣюща прио, яко цвѣтець блгоюханннн. родѡ сы мнн
 блженнн константн, а оумѡ и добродѣтельнн выпрѣ възвѣтаа ко
 ѡрелъ двѡкыма крилома, ти бгѡзарннмъ свѣтѡ оума проскѣщъ
 си сосоу нѣзеранъ стѣмъ дхѣ, и тѣмъ свѣтаса всѣ оуѣеннѣ фило-
 25 софьскѣ, нескоудное скрѡкнціѣ ѡбратеса. яко бо истѡтннкъ всю
 исполнаа вселеннѡю, напои жадныа словесе бѣга, якоже рече сѣ
 гѣ бѣ нашъ, іс хсъ вѣрѣай в ма, якоже кннгы рѣша, рѣкы ѡ уре-
 ва его потекытъ воды живы, срѣхъ, даровѣ живѡтѡрѣцааго дхѣ.
 тѣ бо воскнпѣ в немъ, нѣзѣаса оуѣтнама его и всю вселенѡю
 30 сластно возвѣсели, слово расѣваа коѣмоужо лзыкоу, прѡтнѣв своѣмъ
 развѣмъ. бѣ бо емѣ данъ даръ дхѡвнынн лзыкн глѣти, яко и апо-
 столѣ. старѣнннн же его брѣ, прѣблженннн мѣфодн, нѣз маада жи-
 тннскыа саны наудѣ прнмѣти. мрѡстнѡ бо яко цвѣтъ блгоюханенъ

цвѣтн, ксѣмн вѣкми бѣ любимъ. к бесѣдѣ бо ꙗко соломонъ ꙗвлѣа-
шеса, днвнмѣ прѣтун и наказаніа и вопрошаніа и зносѣ и (зъ)
сѣунаго села, и на службѣ всѣмъ оугоднъ, ꙗко и крнлатъ ѡбрѣтаа-
шеса, и на воинѣ ꙗко и самсонъ, и гедеѡнъ, и пѣ навгннъ стрѣ-
шентъ ꙗвлѣашѣ. тѣмже и воєводьскыи санъ прѣимъ, побѣ в нѣ ма- 5
ло, и разумѣвъ многоматѣжнмъ сынъ свѣ, ꙗко сынъ преходащъ не-
полезнамо, пѣче же гнѣ слѡво, ꙗко и стрѣлѣх к сѣи си прѣимъ,
ꙗко же рече: каѣ полза єсть улькѣ, аще весь миръ приѡбращеть, а
дшю свою ѡтщетѣ, ли погубѣ; ли утѡ дастъ улькѣ и змѣнѣ на доу-
ши своѣн; премъннѣ же земнымн нѣнаѣ, врѣмнна оубо ѡметаѣ 10
ѡ себе, презра в вѣунѣ подвигнѣтнса, и шѣ въ ѡлнмѣ, пострн-
жеса в уернмѣ рнзы, уаѣ прѣати вѣлѣ и метавннѣ аѣгльскѣ ѡде-
жѡу. и бѣ повинѡуѣса всѣмъ с покореніемъ и смнреніемъ, въ бдѣ-
нн и мѣтѣ, в стѣженн и слѣженн, въ и зраднѣ пощенн, въ
трѣзвннн всѣгѣ, въ ѡушценнн дхѣнѣмъ, въ плаунъ блазѣ, ѡ ѡуню 15
нстоунннка и спнщаѣ, ꙗко рѣкоу, и тою ѡмываѣ все тѣло своѣ, плоть-
скаѣго покоѣ ѡмнодѣ невѣднн, какъ єсть, но на всакѣ ноцѣ стол ѡ
захода сѣнца до восходаща, не для сна ѡунма своѣма, ни вѣжѣма
си дрѣманнѣ, ни покоѣ бровьма своѣма, пооууааса въ флѣхѣ, и пѣ-
ннхѣ, и пѣснѣ дхѡвннѣ, сподвнзѣса спостнгнѣтн жнтнѣ стѣ ѡцѣ, 20
ѡкѣ же прѣспѣ кротостню и молуаннѣ, а дрѣгѣ постѡ и бдѣннѣмъ,
и мѣтѡю, и смнреннѣ и зраднѡ, и тако и менн бѣ въ всѣ ѡцѣ, подо-
бенъ великомѣ арсенню, и антонню, и савѣ, всѣ жнтнѣ собою соврѣ-
шѣа. и маостнѣкн же бѣ, вндѣвъ и в толицѣ трѣдѣ пребывѡущѣ, вло-
жн в сѣце братн, и, вндѣвшѣ подвигъ єго и зраденъ на службѣ бжню, 25
дрѣгъ ко дрѣгѣ днѣлаѡхоуѣса и прославлаѡхъ бѣ, даѡущѣаѣго блгѣтѣ свѣ-
ше трѣжаѡущнмъса єго радн. дондеже патрнѣрхъ, оуслѣшавъ под-
внѣгъ єго, бѣднша и поставннн мнтрополнта в утнѣ мѣстѣ, и не
могъше єго в томъ прнѣвдннн, поставннша и нгѣмена в манасты-
рн, и марнѣѣтѣса и менемъ полнхронъ, к немъ же башѣ ѡцѣ .ѡ., и 30
по то са ємъ, пребывѣашѣ, ꙗко и бесплотенъ, б мѣтѣ прѣно, всѣмъ
всауѣскѣ, дабы всѣ приѡбрѣлѣ. и стѣла бо кннгѣ ѡ таковоу
копнютъ, похвално глѡущѣ: прѣмрѡстн дрѣвнн взыщѣтѣса, и въ прѣуѣ-

ствнихъ пожнете, повесть мужъ именитъ сохраните, во ѱзвѣтнѣ
 прѣтоунѣ ѱзидете. посреде велмѣ послужите, ѱ прѣдѣ ѱгумены кѣн-
 теса. по зѣлан тѣждѣ кѣзыкъ проидете, добро ѱ зло въ ѱлѣцѣ ѱскоу-
 шена бѣдета. срѣце свое даста оѣтрене бѣти къ гоѣ, сотворившемъ
 5 вы, ѱ прѣдѣ вышнимъ номолнстаса. ѱ ѡвръзоста оѣста своа на мѣтѣхъ,
 ѡ грѣсѣ своѣ номолнстаса. аще же бѣ восхоцѣ великынѣ, разум-
 наго дѣа наполнитеса. тѣ бо потоунѣ глѣ ѱ мрѣость єю, ѱ в мо-
 лнтѣхъ ѱповѣстаса гѣн. тѣ бо кѣвѣ казаніе ѱ оѣуеніа єю, ѱ в за-
 конѣ завѣта гѣа похвалнстаса. восхвалать єю разумъ мнози, ѱ
 10 до вѣка не потребнстса ѱ не ѡ(т)стѣпнѣ єю, ѱ нма єю жнвѣ в роды
 ѱ роды. мрѣость єю повѣдаты азыци, ѱ похвалѣ єю ѱповѣсть
 црѣкви, єн же быста крѣпка пособника ѱ недвижнаа стоана, ѡсно-
 вана на твердѣмъ камене, вѣрѣ. послѣдствовавши первоѡцѣмъ ѱ
 патрїархомъ, вѣрою ѱ повнгомъ дѣланіа ѱ ѱ трѣды собою сконуа-
 15 вающа, ѡкѣ ѱ великынѣ патрїархѣ авраамъ, прадѣ хѣбъ, вѣрою пре-
 селени бѣвъ ѱ пришлецъ в земан тѣжѣнѣ, дръгъ бѣжнѣ нареуеса, ѱ
 завѣтъ ѡвръзанію ѡ бѣ прннѣмъ, вѣрою оцѣ многи кѣзыкѣмъ на-
 реуеса.

Сїа сїа ѱ преславнаа ѡїа ѱ оѣунтала, тою же вѣрою оѣкрѣпш-
 20 са, ты же дѣтели сконуаста. преселника бо быста ѡѣѣства своєго ѱ
 пришельца на землю тѣжѣхъ. законъ же ѡ бѣ прннѣмша, не своємъ пле-
 мени, ѡкѣ авраамъ, но азыкѣ, ѱже не разумѣашѣ десниця своєа, ни
 шѣнца, но емъ же са прнѣкнахѣ, то тому са порабоцѣше, кланяа-
 хѣса, ѡкѣ бѣхъ, тварн, в творца мѣсто. завѣтъ же не ѡвръзанію прї-
 25 емше, ѡкѣ авраамъ, но крѣщенію, въ ѡставленіе грѣховъ, в вѣкы
 пребывающѣ, самѣмъ сконуанъ ѱ преданъ глѣ мѣшнѣмъ ѱ хлѣмъ. моѣсѣ
 такоже со аронѣ во єрѣ бѣжнѣ, бѣ фараѡновн нарекѣса, мѣками
 разлунаннн єгѣпта оѣмѣувъ, бѣжнѣ людї ѱз работы нѣхъ ѱзведе, во дѣе
 столпѣ ѡблѣучннѣ, а в ноцн столпѣ ѡгненнѣ, ѱ разѣль море, по сухѣ
 30 проведе в пѣстыню, а прѣтнвнѣ погрузи в бѣжнѣ, в пѣстыни же в
 безводнѣ напон а, поражѣ камень, ѱ хлѣба аѣглѣка насыти, ѱ за-
 конъ же ѡ бѣ прннѣмъ, бѣжнѣ перстѣ напнсанъ. на скрѣжлан бо кама-
 ны предасть люди в сохраненіе ѱ послѣшаніе. ѱ сїа же прѣблѣжѣ-

наа и бѣоугоднаа уѣка, ни умъ же менша тою лѣвстаса, того бѣжа
 дѣа напоена скыше, свѣтъ блѣтъ сподобстаса, людн нѣведоста
 нѣо многамраунѣ дѣвольскаго мора, мысленаго фараѡна погрѣжъ-
 ша, и всю славу єго потребста, и вѣрою вѣѡрѣжъша и слаюю кре-
 стноюю, не к пѣстыню же а нѣведоста, но на свѣтъ бѣоразумныи
 наставнста, не нѣз каменн водѣ нѣведша, но вѣрою словесе бѣна
 жадныа напоиста, не нѣс нечюбѣствена же камене водѣ нѣвѣша,
 ꙗко же и ѡна, но нѣстекшею крокию и водою ѡ прѣутѣ ребрь гѣ
 нѣшего, иѣ хѣ, вѣрныи вѣуню пищѣ и бесконечныи животѣ во
 спсѣніе предаста, во ѡданіе грѣхѡ подающа, не хлѣба агѣльска
 напоитающа, но нѣстоє тѣло гѣ нѣшего, иѣ хѣ. законъ же бѣнъ свѣроу-
 бо прѣложъша, в нокнѣ азыкъ предаста, писмена сотворша ѡмѣ.
 єже бѣ са ѡ прѣрыи и разумны оутѣло, то ѡкровено бѣ младен-
 цемъ, в послѣдннн вѣкъ снѣа, не на скрижали каманы написанъ, но на
 срѣцѣ скрижали плотанъ, ни сквозѣ ѡблѣа, ни мѣлаю и вѣрею глѣмъ,
 но самѣмъ гѣмъ иѣ хѣмъ скончанъ и прѣданъ, не сѣни слѣжитѣла,
 но нѣстннѣ проповѣдникъ быста, не кропленіе кроке оѣнѣла и козла
 кропаща и ѡуниающа скверныа к плѡсцѣнѣ утѡтѣ, но стѣи крѣщені-
 ємъ, не тѣло єдино ѡуниающа, но дѣшекнѣю скѣщѣ в срѣунѣмъ сѣлѣ
 всѣ восѣавша, не заколенннѣи жерткѣ проповѣдникъ бѣвша, ни
 слѣжитѣла, но бесквернннѣи и мирннѣи хрѣтовѣи слѣжѣ слѣжѣ и про-
 повѣдѣтѣла лѣвстаса, аѣлѡ свѣрѣжннѣка, на то же дѣло нѣзбрама,
 крѣтъ смыслено на рамѣ своєю вѣспрѣнннша, всю вселензю ѡбидѡ-
 ста, нѣсполнающа оѣченіе та мѣста, в иѣ ѡни не постоаща, ни оѣ-
 должннѣ пѣти, ни за оѣмноженіе ннѣхъ странѣ блнжннѣ, в ннѣ же
 рашѣннѣса, ꙗко лѣва слѣунѣа, свѣтѡ бѣоразумнымъ просвѣтннша весь
 мирѣ. по тѣмъ же стопамъ и сѣи ходѣща и того же дѣа напоена ѡ
 бѣа, томѣ же словеснѣ быста проповѣдникъ и новѣа аѣла, не на
 тѣждѣ ѡснованннѣи своє дѣло полагающа, но нѣнова писмена воѡбражъ-
 ша, и совершнста вѣ азыкъ новѣ. послѣ же восѣавша, ꙗко оѣтрѣн-
 на звѣзда, ѡ слнѣца свѣ прнѣмлющи, свѣтлннши всѣ лѣвлѣтѣса, и
 ꙗко же наѣтннѣ дѣлатѣле к виногра, понѣсѣшнѣи таготѣ днѣ и кара,
 с прнѣшнннма вѣ .лѣ. уѣ, равнѣмъ сподобленнѣ быша мѣздѣ, бѣнн

БАГТИ, ТАКО НЗВОЛШН В ПОСЛЕДНИИ ВЪКЪ ТОМУ ЖЕ ДЪЛУ КВЕНТИ СІА
 НОВАА ПРОПОВѢДНИКА Н СВЪТНАНИКА ВСЕН ВСЕЛЕННЪН, ІА ПОДВИГОМЪ ДО-
 БРЫМЪ Н ВЪРОЮ КРЪПКО ПРЪПОАСВШЕ УРЕСЛА СКОЛ, ПРОНДОСТА, ІАКО
 СЛНЦЕ, ТЪМНАА МЪСТА СТОПАМИ СВОИМИ, ПРОСВЕЩАЮЩА ВСАКУ МЫГЛУ
 5 ПОГАНЬСКВЮ, ДХОВНЫИМЪ ОГНЕМЪ ПОПАЛАЮЩА Н ЁРЕТНУЬСКВЮ, НЕ ПО-
 ЦИДАЩА ДША СВОЕА, НИ ПОЩАДАЩА ТЪЛЕСЕ СВОЕГО, НО ВСЕГДА ГОТОВА
 СВЩН ЗА ПРАВЮ ВЪРХ СЛАСТНО НСПИТИ ХЪВ УАШЮ. В СРАЦНИИХЪ ЖЕ Н
 КОЗДРЪХЪ ІВНВШАСА НЕПОВЕДНА, НО ІАКО ЖЕ ДКЪ ННОПЛЕМЕНИНИКУ НМОГ-
 ДА НИЗЛОЖИКЪ ГОРДЫНЮ, ЕГО ПОТРЕБН, ПРОЩЕБРАЗОВАІ ТРОИЦЮ ТРЕИ
 10 КАМЕНИ, Н СВОИ ЕМУ МЕУЕ ГЛАВУ ШСЪКЪ, ПОХВАЛУ ПРИАТЪ ВО ТИА Ш
 СНОКЪ ІНЛЕВЪ, ТАКОЖЕ ЖЕ Н СІА ОЦА, ТРОИЦПОСТАСНУ БЖСТВОУ СЛЪЗУ
 СВЩА Н ПРОПОВѢДНИКА, В СОБОРЪ СРАЦНИИСТЪ Н ЖНДОСКЪ ОБРЪТЪШАСА,
 СВОИМИ Н КНИГАМИ Н ІЗЫКО БОИМТОВИ БЛАДИ Н ЖИДОВЪСКВЮ ЗЛОУ
 ДХОВНЫМЪ МЕУЕМЪ ШСЪКИНА, ПОТРЕБНСТА, ІАКО ПЛЕВЕЛЪ Н ПОПАЛИСТА
 15 ДХОВНОЮ БАГТИЮ, А СЛОВО ГНЕ ВСЪАСТА, ІАКО Н ПШЕНИЦЪ, В СРЪУНЪШ
 СЕЛЪ, Н ВСА НАСАДНСТА МЕДОТОННЫМИ СЛОВЕСЫ, ТРИБЕЗНАУАМАІГО
 БЖТВА ІАСНО НСНОВЕДАСТА, ОУКАЗАСТА ВО ЕДНОМЪ СВЩЕСТВЪ РАВЕНЬ-
 СТВОМЪ СІАЮЩА ШЦА Н СНА Н СТГО ДХА. ТАКО А ОУЛОВИСТА, ІАКО Н
 РЫБЫ, СЛОВЕСНОЮ МРЕЖЕЮ, Н КРЕСТНСТА Ш КАЗАРЪ УТИНА УАДИ ДО
 20 ДВОЮ СТУ, РАЗВЪ ЖЕНЪ Н ДЪТЕН, ТРЕГЪБЪ ПОХВАЛУ Ш ВСЕА ЦРЪКВЕ
 ПРИИИША, ПРЕНДОСТА Ш ДУНАА НА ЗАПАДНЫА СТРАНЫ, БАГОВЪСТВУЮЩА
 СЛОВО БЖІЕ ВЪ ІЗЫКЪ НОВЪ, Н ВСЕ ЦРЪКВНЫН ЗАКОМЪ ПРЪЛОЖША Ш
 ГРЕУЬСКААГО, ВЪ СКОИ НИЪ ІЗЫКЪ ПРЕДАСТА, ТРЕКЪЗУНИКОМЪ ЖЕ ЗЛОУ
 НИЛОЖЪША, ПОТРЕБНСТА, ІАКО ПЛЕВЕЛЪ Ш ПШЕНИЦА ШВРАЩЪША, ТИ УИ-
 25 СТО ЦРЪКВИ Н СВЪТОШБРАЗНО ЖИТО ПРЕДАСТА. В ЗАПАДНІИ ЖЕ СТРАНА,
 ПАНОНЪСТЪ Н МОРАБЪСКЪ СТРАНА, ІАКО СЛНЦЕ ВОСНАВЪША, МРАКА ГРЪХОУ-
 НА ШГНАВША, ПРОСВЕЩНСТА БУКЪВАМИ, Н НАУУЪША ОУУИНИКУ ЦРЪКВНОМУ
 УНИУ НСПЛЪНЪ. Н ТАКО ТЕУЕНІЕ СКОУАВАЮЩА, ПОУТИ СА ІАСТА РИМЪ-
 СКІАГО, АЙЛЪСКОМУ ПРТАУ ПОКЛОНИТИСА, ВЕДУЩА СЪ СОБОЮ НА СЦЕНІЕ
 30 ДХВНЫ ПЛШ. ЕЖЕ СЛЫШАВЪ АПОСТОЛНИКЪ АНДРИАНЪ, НЗИДЕ ПРОТИВЪ НМА
 ДАЛЕУЕ Ш ГРАДА РИМЪСКА, Н ТАКО ЖЕ ІА ПРИАТЪ, ІАКО АГГЛА БЖІА, Н
 ОУУЕНІЕ ЕЮ ПРИЛОБЕЛЪ, ПОСТАВИ БАЖЕНАГО МЕФОНА НА ПРОЗВІТЕРЬ-
 СТВО, Н ОУУЕНИКУ ЕЮ.

Приближися крѣма покон прїати прѣстмы и преблженому ѡцю
 ншѣму и оцунтелю, константнѣ философу. видѣ же квлєнїе ѡ бѣ ѡ
 покон своѣ, ѡблеуєса в уерны рнзы, и днѣ же нарекъ покола своѣго,
 прѣкы до него днѣ, веселася и слава бѣ, и тако поун ѡ гдѣ в лѣто
 78. 7. 0. 3., и приложнса къ ѡцѣмъ своимъ, прркомъ и апломъ. 5
 мкомъ и вскмъ стмъ. и положиша и в црквн стго клмента, иде
 же науаша многн ицелєнїа бывати ѡ утнаго гроба єго. сзкннн
 абнє науаша просвѣщатнса, недужннн цѣлнтнса, всн нсходнтн, єже
 видѣвшє рнмладнє, наує са приложнша къ стымн єго. сцѣ же прѣутъ-
 наго и бгѡутнаго мѣфоднѣ на архнєпїство, на столъ стго андро- 10
 нннн, апла в паноннн ѡ .0., пвстнша и на страны словєньскыѣ оцун
 въ кзыкъ н, напнсавшє єпнстолю сню ко кнзѣ страны тоѣ, ростн-
 славъ, и стѡполкы, и коцєлъ андрїанъ єпнпъ, рабъ вскмъ рабѡ бжїемъ,
 к ростнславъ, и стѡполкоу, и коцєлъ. слава в вышнн бгъ, и на
 зєман мнрѣ, в уцѣ бгвоколєнїє. ѡко ѡ вѣ слышавшє дхѡвны ра- 15
 достн, ѡже нматє на спсєнїє, слѣ брата ншєго, уєстнаго мѣфодїа,
 сцѣна на архнєпїство, на страны ваша, ѡко же єстє проснан оц
 нѣ, да вы оцун, въ аззыкъ прєлагѣ кнїгы, да са нсплннтъ пррѣ-
 скѡє слѡво, ѡко же рѣша хвалнтє гѣ всн аззыкн, и похвалнтє єго
 всн люднє. и всѣ аззыкъ нсповѣсть, ѡкоже и гѣ іс хс въ славъ 20
 бгѡу ѡцю. аминь. и въ євалїн реує гѣ, посылѣ своѣ оцункы шѣ-
 шє, нлоцунтє всѣ кзыкы, крєстѣ и во нма ѡца и сна и стго
 дха, оцунѣ блкѡстн всѣ, єлнко заповѣдѣ вамъ, и сє азъ с камн
 єсмь всѣ днн до конунны вѣкы. аминь. кѣ, уада возлюбєлєнѣѣ, по-
 славнѣнтє оцунїа бжнѣ, єже в послѣднѣѣ времена прєданѡ бѣ, ва- 25
 шєго радн спсєнїа, да, пооцунѡщєса разумно, нлѡ достѡннѣ ство-
 рнтє, и прїнмѣтє вѣнєцъ мєтѣлєнєнъ и в сєн вѣкъ и в градоцуннн,
 со вскмн стымн в вѣкы. аминь.

Дошєннѣ же єму во страны моравьскы, всн люднє с радостнѡ
 нзднша во срєтєннє єму, и тако прїѣша, ѡко аггла бжїѣ. и ѡвєр- 30
 зошасѣ ѡуєса слѣпн, и оцунєса глѣхн, и аззыкн клѣснѣющєн возглѣ-
 ша мнра, и нмн же оцусты вѣша нєркѣє жєртвы нєпрнѣзнєны воз-
 даѣлн на клѣдєнхъ, и на всѣ мєстѣ хвалєвалн бѣѣ, тѣм же дѣтн и

СЛОВЕСНЫА И ВЕСКВЕРНЫМА СЛѢЖЫ БГҪ ВОЗДѢЮТЬ ЗА ВСЕЪ МИРЪ, И ВО
 ВСАКОМЪ МѢСТЕ ИМА БЖІЕ ПРОСЛАВЛЯЕТСА ВЪ АЗЫКЪ НОВЪ, ЕМУ ЖЕ
 МѢНСА ПРОПОВѢДНИКЪ И АПЛЪ НОВЪ, ВОСНѢКЪ, ЯКО СѢНЦЕ, МЪГЛУ НЕВИ-
 ДЕНІА ѠГОНА, И БГОРАЗУМНЫМЪ СВѢТО ВСѢМЪ СРЦА ПРОСВѢТИ, КРОТО-
 5 СТІЮ И СЛАСТІЮ, ВСАКЪ СЕБЕ ЛЮБОВНІЮ ПРИВЛАУА, ТУЧЕНІЕ СВОЕ СКОУ-
 ЧА, ВЪРХЪ СЪБЛЮДЕ, ЦРКВЕН ПЪСНЫМН ОҪКРАСИ И ПЪНИИ ДХОВНЫМН, И
 ТАКО ПОУИ Ѡ ГДѢ В ЛЕТО Ѡ ТВАРИ ВСЕГО МИРА .҃҃҃ Т. ҃҃. ҃҃., И ПРИЛО-
 ЖИСА КО ѠЦЕМЪ СВОИ, ПАТРИАРХОМУ АВРААМУ, ИСААКОУ, И ИКОВУ, ВСЕМЪ
 СЕБЕ ОҪПОДОБѢ, ВСѢ ѠБРАЗЪ НА СЕБЕ ПОМОШЬ, ѠКЪМЪ РАВЕНЪ БИ,
 10 ѠВѢ МИИ, А ДРУГЫ ПРЕСПѢВЪ И СИЛОЮ И ДѢТЕЛІЮ, И ПОДВИГО, ВОСТАКЪ
 ЯКО СѢНЦЕ ЛУЧАМИ ПРИТОУНАМИ И КАЗАНІЕ, ЕГО ЖЕ ПОМЫШЛАЮЩИ МЕ-
 ДОУОУНАА СЛОВЕСА, МѢСТЬ УЕМЪ СЛАСТИ Е ДХОВНЫА ПРИЛОЖИТИ.

ТѢМЖЕ, КМА ОҪБЕ ХВАЛЫ ВОЗДѢ ВАМА, ТРУЖЫНИМАСА ХѢ РАДИ ТОЛКО
 ВЪ ВЪСТОУНЫИХЪ, И ЗАПАДНЫ, И СЪВЪРЬСКЫ СТРАНА, НЕ ИЩУЩА ВРЕ-
 15 МЕННЫ И ТЛѢЮЩИХЪ, НО ВЪУНЫ И БЕСКОУЕУНЫИ, КРѢТЬ ГНѢ МУЖЕСКИ МА-
 РАМЪ ВОСПРИИША, И ТѢ ѠЛАДЪВШЮ ГРѢХО ЗЕМЛЮ, ПОТРЕБЪЛША, РАЗО-
 РИСТА, И ВСѢАСТА ДХОВНОЕ СЪМА, И УТО ЦРКВЕН ПРИНЕСОСТА ЖИТО, ДНІНОЕ
 ОҪУЕННЕ, ИМ ЖЕ СІАСТА И СВѢТНАЪ ВО ВСѢ МИРЪ, ДЕМОНСКЮ ХВАЛЪ
 И ВСАКЪ ЕРЕСЬ ПРОГНАША. ВЕЛИКА ОҪБЕ СТОЛПА ХИИ ЦРКВЕН ВЪСТА,
 20 ИЕНАА УЛКА, И ЗЕМНАА АГГЛА, КО ПЛОТИ БЕСПЛОТНОЕ ЖИТИЕ СТАЖАВ-
 ША. БЛЖЕНО Е ВЪ ИСТИННУХЪ УРЕКО, ПОИШШЕЕ ВЫ, И ВОЗОНВША ГЛАСА
 МНОГОПЛОА, ИМ ЖЕ НАПИТЪСТА АЛУЮЩАА АЗЫКН, И ЖАДНЫА НАПОИСТА
 ЖИВОТНАГО ПИВА, НЕПРЕСТАЮЩЮ ПИЩА ИСТОУЩА ВСѢ ѠБНАМО. КТО
 ОҪБЕ ВОМОЖЕ ДОСТОИИХЪ ПОХВАЛЪ ВАЮ ИСПОВѢДАТИ; ПОНЕНІЮ ВСЮ ПРО-
 25 ШЕИША СТОПАМИ СВОИМИ, ВСЪ МИРЪ ѠСТІСТА. БЛГНЪ АЗЫКЪ ВАЮ, ИМ
 ЖЕ НАКАЗАСТА ДХОВНАА СЛОВЕСА ВЪ СПІСЕННЕ БЕСУИСЛЕНУ АЗЫКОУ, БО-
 ДХОВЕННЫИ ДАРЪ Ѡ БГА ПРИИМША, МРАКЪ НЕВИДЕНІА ВСЮДУ ПРОГНАСТА,
 СОВОЮ ѠБРѢ ВСѢ ПРЕЛАГАЮЩА, Ѡ ОҪСТНУ ДХОВНУ СЛАСТЬ ИСТАУАЮЩА,
 ПОГАНЬСТВЪ ЖЕ ВСАКОМУ РАЗДРЪЩИНИКА АВНСТАСА, ЕРЕТНКО СУПОСТАТА,
 30 БЕСѠ ПРОГОННИКА, СВѢ ѠМРАУЕННЫИ, ОҪУТЛА МЛАНЦЕ, ИСТАУАЮЩА ДХОВ-
 ННЮ СЛАСТЬ, АЛУЮЩИ НЕСКЪДНАА ПИЩА, ЖАДНЫИ НЕПРЕСТААИ ИСТОУНИИ,
 НАГЫ ѠБНАМО ѠДЕНІЕ ПОДАЮЩА, СИРЫ ПОМОЩНИКА, СТРАННЫИ ПРИИИ-
 НИКА, БОЛНЫ ПОСЪТИТЕЛА, НЕУДНЫ ОҪТЪШИТЕЛА, ПЛАСТНЫИ ЗАИРИТНИКА.

вдовѣ и сиротѣ помощника, слѣпымъ свѣтодателя, вляющима в мо-
 ри житѣнствѣ великаѣ анкѣра, стѣна и покрѣ принадлежащѣ к вама,
 іоудеѡмъ съпостата, исповѣдника стѣн трѣицн, свершителя бжїю смо-
 тренїю, величествъ бжїю служителя, истоунника бжїю словесн, не-
 движима столпа хѣи цркви, пеуѣ правдѣ, цнѣ вѣрѣ, шлѣ спсенїю, 5
 каасъ многоплодемъ, лоза медотоуна, сотн медвенїи словеса ваю,
 нмн же насладнста всю вселензю, вко енсеръ многоцѣненъ нстоуъ-
 ша, сокровищн гнн, вмѣстнлщн бжїа смотренїа, сосуда стмъ дхъ
 нзбранаѣ, пронесшаѣ нма хѣо по всен земли, крѣв похвалъ на се-
 бѣ понесъша, временнаѣ презрѣвша, а вѣунѣ наслаженїе прїнїмша, 10
 непрестаѣо прїбнаѣ и нстиннаѣ пастыра, за нзбранноѣ стадо ваю
 подвижно помолнтася, стрѣти ѡженѣца, вѣдъ и напастен нзбавляю-
 щя, просвѣтита нмъ срѣунѣн ѡун и оумъ оутверднста достоинно по-
 слѣдовати стопамъ ваю, немощн нша на са взнмающа, свѣше снах
 подаднста, да, достоинно пожнвшѣ ѡ хѣ, наследнннн трѣдъ ваю ѡбра- 15
 щнстса и проповѣднннн правѣн вѣрѣ, юже нмъ ѣста предала, да всн
 єдиногласно прославать трїстоѣ бжтво ѡца и сна и стго дха, ны-
 нѣ и прїсно и въ вѣкы вѣкѡмъ. аминѣ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

- 23, 3. Въ заглавіи: соткоршеиъ вѣ. соткоршеиѣ.
 — — на передѣ нокыи.
 — 4. къ ѡзумыи вѣ. къ ѡзумиѣ.
 — 5. ѡ передѣ мѣоодиоу вѣ. того, чтобѣ стоятъ передѣ ѡрѣиениѣ.
 24, 3. ѡстатиѣ вѣ. ѡстати.
 — 19. дѣиоу ѡ оумоу вѣ. дѣиоу ѡ оумѣ.
 25, 3. оумодио вѣ. оумодиѣ.
 — 14. к вестыженіи вѣ. к стыженіи.
 — — Проп. и передѣ слыженіи.
 — — и пощеніи вѣ. пощеніи.
 26, 1. ѡзкыстиѣ вѣ. ѡзкытиѣ.
 — 2. ѡзудеть вѣ. ѡзудете.
 — 3. проиде вѣ. проидете.
 — 4. ѡсноуѣ вѣ. ѡсноушениѣ.
 — 5. ѡ вѣ. на передѣ ѡлѣтѣ.
 — 27. ко ѣрѣ вѣ. ко ѣрѣѣ.
 — 31. поражиѣ вѣ. поражиѣ.
 — — ѡ ѡ хлѣба вѣ. ѡ хлѣба.
 27, 4. къѡрзъшиѣ вѣ. къѡрзъшиѣ.
 — 5. са вѣ. а.
 — 7. не уюиѣсткениѣ же не ѡс ѡмѣне вѣ. не ѡс неюиѣсткениѣ же ѡмѣне.
 — 11. сыгоко вѣ. сыгоуко.
 — 15. гла вѣ. глаиѣ.
 — 17. провѣдника вѣ. проиовѣдника.
 — — ни вѣ. не.
 28, 23. предѣсть вѣ. предѣста.

Стран. Строк.

— 29. Прош. съ.

29, 4. поюти в. поути.

— 5. приближиса в. приложиса.

— 9. са приложиса в. са приложиша.

30, 4—27. невидѣиѣ в. неведѣиѣ.

31. 1. Прош. слѣпы.

ОПЕЧАТКА.

24. 21. прио в. прио

Изъ большихъ Макарьевскихъ Четив-Миней Московской Патріаршей (Синодальной) Библіотеки, прежде Московскаго Успенскаго Собора, мѣсяца Октября 14-го дня, въ слѣдъ за Житіемъ Константина Философа, съ оборота 909 листа, 2-го столбца строка 18, до половины 1-го столбца оборота 918-го листа.

В ТОИ ЖЕ ДНЬ СЛОВО ПОХВАЛНО НА ПАМАТЬ СѢМЪ
И ПРЕСЛАВНЫМЪ ОУЧИТЕЛЕМЪ СЛОВЕНЬСКЪ ЯЗЫКЪ, СОТВО-
ШЕМА ПИСМЕНЫ ЕМОУ И ПРЕЛОЖИШИМА ВѢТХУИ И НОВИИ
ЗАКОНЪ ВЪ ЯЗЫКЪ И, БЛЖЕННОМУ КИРИЛУ И АРХИЕПКОУ
ПАНОНЬСКОУ МЕФОДИЮ. БЛГВИ ОЧЕ.

БГОУ И СПСХ НАШЕМОУ ІС ХОУ, МНОГЫМЪ И НЕИЗРЕЧЕННЫМЪ УЛВ-
КОЛЮБѢ ПОМНОВАШНО РОДЪ ЧЕЛОВѢЧЬСКИИ, И НЕ ТЕРПАЦИЮ СОЗДАНІА
СВОЕГО ЛЕСТИЮ ДІАВОЛЕЮ ОДРЪЖИМА, НИГЛОЖИ СЕБЕ ВЪ СМИРЕНІЕ КОЛ-
НОЕ, И ВОПЛОЩСА О СГО ДХА И О ПРУТЫА И О СЛАВНЫА БІДА И ПРНО
Б ДБЫ МРІА, НА ЗЕМЛЯ КВАЛСА, И СЪ ЧЕЛОВѢЧЬСКОЮ ПОЖИВЕ, И СОБРАЗЕНЪ
БЫВЪ ТЕЛЕСИ НАШЕМОУ, ОСУДИ ГРѢХИ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, ДА ОУМИРАЮЩИИ
О АДАМЪ, О ХЪ ОЖИВЪТЬ. ТЪ БО ЕСТЬ МИРЪ НАШЪ СЪТВОРИ И ОБОА
И ЕДИННО ПРЕОБРАЖЕНІЕ О ГРАДЪ РАЗДРОУШЪ, КРТОМЪ ОУБЕНЪ ВРАЗЪ,
И ПЕРВЕНЕЦЪ БЫСТЬ ИЗЪ МРТВЫХЪ, СОБОЮ НАСТАВАЛЪ РОДЪ ЧЛВЧЬСКОУ НА
10 ИСТИТЕЛЬНИИ ПОУТЬ, ВЪШЕДЪ ЖЕ НА НБСА, СЪДЕ О ДЕСНОЮЮ ПРТАА ВЕЛИ-
ЧЕСТВІА НА ВЫСОКЫХЪ, ЗАПОВЕДЪ ДАВЪ ИСКОУСНОУ РОДОУ ЧЛВЧЬСКОУ, ХОТЯИ
ВЪ ПОСЛѢДНАА ВРЕМЕНА ХОДИТИ СОУДИТИ ЖИВЫМЪ И МРТВЫМЪ, И ВОЗ-

ДАТИ КОМОУЖДО ПО ДѢЛОМЪ ЕГО. ІАКО ПРАВЕДЕНЪ СОУДИИ. НЕ ХОЩЕТЬ
 БО СМЪРТИ ГРѢШНИКОУ, НО ѠБРАЩЕНІЮ ЕГО И ПОКАІАНІЮ, АЩЕ НАИПАУС
 ПРИЛЖИТЬ НА ЗЛОБОУ КОЖДО УЛЪВЪКЪ. НЕ ѠСТАВИ БО СОУДАНІА СВОЕГО
 МАТНЕМЪ БГЪ, НИ ЗАБЫ ДѢЛА РУКЪ СВОИЮ, НО НА КОЛѢАА ЛѢТА И
 ВРЕМЕНА ИЗЪРА МУЖА, И ІАКИ ДѢЛА НХЪ ИПОДВИГЪ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫ- 5
 ША, ТЪМЪ ПОДОБАЩЕСА, ЖИВОТЪ ВЪУНЫИ ѠБЪРАТИ, И ПО ТѢ ПРЪКЪ, ПО
 ПРРЦЪХЪ ЖЕ АПЪЛ, И ПО АПЪЛЪХЪ МОУЧЕНИКЪ И ПРАВЕДНЫА МОУЖА
 И ОУЧИТЕЛА, ЁЖЕ СА И СЪБЫСТЬ ВЪ .Ъ. ВЪКЪ НАШЪ. РЪША БО ѠНИ
 СЪВЪПЪИ ПРѠЗРАТЬ, ГЛАХЪИ ОУСЛЫШАТЬ СЛОВО КНИЖНОЕ, И ВСИ ВОУЗГЪЮТЬ
 РАЗЛУНЫ ІАЗЫКИ ВЕЛНУІА БЖІА.

10

БЪ ЖЕ ВЪ СЕЛОУИСТЕМЪ ГРАДЪ МУЖЪ НЕКІИ, ИМЕНЕМЪ ЛЕВЪ, УЛЪКЪ
 НЕПОРУЧЕНЪ, ИСТИНЕНЪ И БГОУТЕЦЪ, ѠГРѢБАСА Ѡ ВСАКІА ЗЛОБЫ,
 ИСПОЛНАА ВСА ЗАПОВѢДИ БЖІА, ІАКО ЖЕ ІѠВЪ. ЖИВЫИ ЖЕ ВЪ КРОТОСТИ
 И ГОВЪНИИ. СЕДЬМОРОДЕНЪ ѠБЪРЪТЕСА, И ІАКО ЖЕ ІИ ѠВЪ. Ѡ НЕКОЕМЪ И
 ПРРКЪ ГЛЪТЪ БЛЖЕНЪ МОУЖЪ, БОІАИСА ГЪ, В ЗАПОВѢДЕХЪ ЕГО ВОСХОЩЕТЬ 15
 ЗЕЛО. СІАНО НА ЗЕМЛИ БУДЕТЬ СВІА ЕГО. РОДЪ ПРАВЕДНЫХЪ БЛВНТСА.
 СЛАВА И БОГАТСТВО В ДОМОУ ЕГО, ПРАВДА ЕГО ПРЕБЫВАЕТЪ ВЪ ВЪКЪ
 ВЪКЪ. ИС ТОГО БО КОРЕНЕ КОСІАСТА ИЗРАДНЪ ДВѢ ЛЪТОРАСИ СВЪТО-
 ЗАРНЪ, БЛВНЪ ПЛОДЪ НА СЕБЪ НОСАЩА, ЖИТІЕ ЖЕ НЕПОРУЧНО Ѡ ОУ-
 ЧНОСТИ ИМЪЩА. ПРЕМЪДРОСТЬ БО СЕБЪ ІАКО И СЕСТРЪ СЪТВѠРША, ТОЮЖ
 ОУКРАСИСТА И ДЪШЮ И ОУМЪ, ЛЮБОВІЮ ЖЕ И ВЪРОЮ, ДРОУГЪ ДРУ-
 ГА ЕЮ ИРЕСПЪВАСТА, МОУДРОСТІЮ ЦВѢТОУЩА ПРИСИЩО, ІАКО ЦВѢ-
 ТЕЦЪ БЛГООУХАННЫИ. РОДОМЪ СЫ МИИ БЛЖЕННЫИ КОСТАИТИИ, А ОУ-
 МОМЪ И ДОБРОДѢТЕЛЬМИ ВЫСНРЪ ВОЗАСТАА, ІАКО ЖЕ ѠРЕЛЪ ДХОВНЫМА
 КРИЛОМА, ТИ БГОЗАРНЕМЪ СВЪТО ОУМА ПРѠСЪВЪЩЪ СИ, СОСЪДЪ ИЪ- 25
 БРАНЪ СТОМОУ ДХОУ, И ТЪМЪ СВѢТАСА ВСѢ ОУЧЕНІЕМЪ ФИЛОСОФЪСКЪ,
 НЕСКОУДНОЕ СЪКРОВНИЦЕ ѠБЪРЪТЕСА. ІАКО ЖЕ БО ИСТОУНИКЪ ИСПОЛНАА
 ВСЮ ВСЕЛЕНІЮЮ, НАПОИ ЖАДНЫА СЛОВЕСЕ БЖІА, ІАКО ЖЕ РЕУЕ САМЪ ГЪ
 БЪ НАШЪ, ІС ХСЪ ВЪРОУІАНЪ В МА, ІАКО ЖЕ КНИГЪ РЪША, РЪКИ Ѡ УРЕВА
 ЕГО ПОТЕКОУТЬ ВОДЫ ЖІВЫ, СИРЪУЪ, ДАРОКЕ ЖИВОТВОРАЩАГО ДХА. ТОИ 30
 БО КОСКИПЪ В НЕМЪ, ИЗЛАНЪСА ОУСТНАМА ЕГО, И ВСЮ ВСЕЛЕНІЮЮ СЛА-
 СТОНО ВОЗВЕСЕЛИ, СЛОВО РАСЪВАА КОЕМЪЖДО ІАЗЫКОУ, ПРОТИВЪ СВѠМОУ
 РАЗУМОУ. БЪ БО ЕМОУ ДАНЪ ДАРЪ ДХОВНЫИ ІАЗЫКИ ГЛАТИ, ІАКО И АПО-

столоу. старѣнши же єго братъ, пребѣженный мѳодїи, нъ млада жи-
 теиסקыа саны научать прїимати. моудростїю бо кко цвѣтъ бѣгоуѣх-
 иенъ цвѣтъи, всьми вѣками бѣсть любимъ. в бесѣдахъ бо кко соло-
 монъ ѡкалѣшеса, днвныя притѣа и наказанїа и вопрошанїа нзносѣ
 5 и(зъ) срунаго свѣа, и на службѣхъ всьмъ оугоднѣхъ, кко и крилатъ, бѣрѣ-
 ташеса, и на конѣхъ кко и самсонъ, и гедеонъ, и їсѣ навгннъ, стра-
 шенъ ѡкалѣшеса. тѣмъ же и коеводскїи санъ прїимъ, побѣсть в
 немъ мало, и разумѣвъ многоматежныи сенъ свѣтъ, кко сьмъ пре-
 ходѣць неволеужмено, пауе же гнѣ слово, кко и стрѣлъ, въ срѣци
 10 сїи прїимъ, кко же рече: каа полѣза єсть ѡлѣвкоу, аще весь миръ
 прїоѡрацѣтъ, а дїно свою ѡцѣтитъ, аи погоубитъ; аи утѣ дастъ
 ѡлѣвкѣ нзїемоу на доуши своєи; прѣменнкъ же земныи нбїаа,
 времєннѣ оубо ѡметѣа ѡ себе, презра. въ вьзунѣа подвнгоуса.
 и ишедъ во ѡлнмь, пострѣжеса в уерныа рнзы, уаа прїати бѣахъ
 15 и нестѣннѣоу аггльскоу ѡдежу. и въ повиньвеса всьмъ с покоренїє
 и смиренїємъ, въ забданїи и мѣтвѣ. въ стоуженїи и слоуженїи, во
 нзраднѣ поренїи, въ трезвенїи всегда, во ѡнцѣнїи дховнємъ, въ
 плауи баагѣ, ѡ оубїю нстоуника нспоуцаа, кко рѣкоу, и тою ѡмы-
 влѣа ксе тѣло своє, плотьскаго покоа ѡнюдѣ не вьднѣ, ккѣ єсть,
 20 нѣ на всакоу ноцѣ стоа ѡ захода снїца до восходаица, не дѣа сна
 ѡунѣа своиѣа, ни вѣжама сїи дремѣнїа, ни покоа брѣвѣа своиѣа,
 ноубуаѣса во фалмѣхъ и пѣнїихъ и пѣснѣ дховныхъ, и снѣдвнза-
 ѣса снѣстнгоути житїа стѣхъ ѡнѣ. ѡвы же прѣснѣ кротостїю и
 молуанїємъ. а дръгнѣа постѣ и смиренїємъ нзрадно, и тако нше-
 25 нитъ бѣсть во всѣхъ ѡнѣхъ, подобенъ велнкомѣ арсенїю, и анто-
 нїю, и сѣкѣ, всѣхъ житїа собою совершлѣа. мѣтнѣи же бгѣ, ви-
 дѣвъ и в тознѣ трѣда пребывающа, вложи к срѣце братїи, нже, ви-
 дѣкнше подвнгъ єго нзраденъ на слоужьбоу бгїю, дроугъ во дръгѣ
 днѣахѣоуса и прославаахѣоу бгѣ, дающаго бѣгодать свьше трѣужаю-
 30 щнмса єго ради. доидѣже патриѣрхъ, оуслышавъ подвнгъ єго. бѣ-
 днша и поставити мнтрополнта въ уестнѣ мѣстѣ, и не могнше єго
 томъ прнбѣднти, поставнша и нгоумена в мнѣастырь, нже нарнца-
 ѣтса нменѣ подлхронъ, в немъ же баше ѡнѣ. ѡ. и по то са ємъ.

пресываше яко и бесплотенъ, въ молитвахъ присно, всемъ всау-
ски, дабы вса пріобрелъ. и стѣхъ кнѣгы ѿ таковою коніють, по-
хвало глѣуща премудрости древнихъ възшестса, и къ пррѣствіихъ
пожнете. повести моужь именитыхъ сохраните, и во нзвѣтїихъ прн-
тоуныхъ нзудѣте. посреде велможь послаужите, и предъ нгоумѣ- 5
ни ѣкнѣтса. по земли тоужихъ ѣзыкъ прондѣте, добро и зло къ
уеловѣцѣ нскоушена боудете. срце свое даста оутрне быти ко
гоу, сътворишемъ а, и предъ вышнимъ помолнѣтса, и ѿверзоста
оуста своѣ на мѣтѣоу, и ѿ грѣсехъ своїхъ помолнѣтса. аще же
бѣ възхоцетъ великїи, разоумнаго дѣа наполнѣтса. тои бо потоуи 10
гѣл и моудрость ею. и въ мѣтѣхъ нсновѣдастса гѣн. тои бо ѣкнѣ
кзлнїе и оученїа ею, и в законѣ завѣта гѣа похвалнѣтса. вос-
хвалатъ ею развѣмъ ммѣзи, и до вѣка не потребнѣтса и не ѿстоу-
ннѣт ею, и нма ею живѣт в рѣды и роды. моудрость ею повѣдѣт
ѣзыци, и похвалоу ею нсновѣтѣ цркви, ем же бѣста вѣрїка побн- 15
тїа и недкнжнма столпъ, ѿснована на твердемъ камени, вѣрѣ. по-
слѣдствоклѣша шервоѿцѣмъ и патрїархомъ, вѣрою и подкнгомъ,
бдѣнїа нхъ и троуды собою сконуваїюща, яко же и великїи па-
трїархъ авраамъ, правдѣхъ хѣт, вѣрою преселннѣкъ вѣхъ и прншлѣцъ
в земли тоужденї, дроуѣ бжїи наречѣса, и завѣтъ ѿбрѣзлнїю ѿ 20
бга прїнѣмъ, вѣрою ѿцѣ многомъ ѣзыкомъ наречѣса.

Сїа же стѣа и преславнаѣ ѿца и оуунѣтѣла, тою же вѣрою оукрашѣ-
шася, тѣ же дѣтели сконуаста. преселннѣка бѣ бѣста ѿхѣствѣа скоѣ-
го и прншлѣца на землю тѣждоу. законъ же ѿ бга прїнїиша, не
своѣмоу племени, яко же авраамъ, но ѣзыкѣ, иже не развѣмѣнѣне 25
десннѣа своѣѣ, ни шоуїнѣа, но емъ же са прнѣткнѣхъ, то томоу
са порабѣцнше, кланѣхоуѣса, яко бгоу, твари, въ творїа мѣсто. за-
вѣтъ же, не ѿбрѣзлнїю прїнѣмше, яко же авраамъ, но крѣщенїю,
во ѿставленїѣ грѣховѣ, во вѣкы пребываїюшѣ, самѣмъ сконуанѣ и
прѣданѣ гдѣмъ нашнмъ, їс хїмъ. моуши такоже со арѣномъ во їс- 30
рѣсѣхъ бжїи бѣ флраѣновн нарекѣса, моукамн разлнѣнымн ѣгїпта
оушвѣтъ, бжїа люди нз работы нхъ нзведе, во днѣ стомїомъ ѿклау-
номъ, а в ношн столпомъ ѣгнѣнымъ, и раздѣлѣ море, по сѣхоу

прѡведе в поустыни, и протнвнмѣ погроузи въ безѣмъ, в поустыни
 же безводнѣ напои а, проражъ камень, и хлѣба аггальска насыти, и
 законъ же ѿ бѣа прїимъ, бѣжїи перстомъ написанъ. на скрѣжани бѣ
 каманы предасть люди въ сохраненїе и послушанїе. сїа же прелѣ-
 5 жейнаа и бѣоубоднаа ульвѣка ни уни же менша тою вѣнстаса, того
 же бѣжїа дѣха напоена свѣще, сѣгоубъ блгтн спѡдобльшася, люди
 иъведоста иъзъ многамраунаго дѣвольскаго мора, мысленаго фа-
 раѡна погрѣжшиа, и всю сїлоу єго потребнста, и вѣрою коѡроужь-
 шася и сїлою крестною, не в пустыню же а. иъведоста, но на
 10 свѣтъ бѣоразоумныи наставнста, не ис камене водоу иъведѣша,
 но вѣрою словесе бѣжїа жаднмѣ напоиста, не ис неубвьствена же
 камене водоу иъведѣша, ꙗко же и ѡна, но истекшею кровїю и во-
 дою ѿ прѣтѣхъ ребрѣ гѣ нашего їс хѣ, вѣрнмѣ пищю вѣрующю и
 бесконечнмѣ жнкотѣ ко спїїе предаста, во ѡданїе грѣхомъ подаю-
 15 щя, ни хлѣба аггальска напитающя, но и стѡе тѣло гѣ нашего їс
 хѣ. законъ же бѣжїи соугоубо преложшиа, в новнмѣ иъзыкѣ пред-
 ста, писмена створша ємоу. єже въ са ѿ премоудрыхъ и разоум-
 ныхъ оутало, то ѡкровено бѣсть мадеїцемѣ, в послѣднїи вѣкъ
 сїма, не на скрѣжани каманы написанъ, но на срѣцѣ скрѣжани плѡ-
 20 танѣ, ни сквогѣ ѡблакъ, ни мѣглою, ни коурѣю гланѣ, но самѣмъ
 гїм їс хїмъ скончанъ и преданъ, не сани слоужнтеля, но истиннѣ
 проповѣдника бѣста, ни кропленїемъ крѡве оуїнуа и когал кропа-
 щя и ѡунцающа скверненнѣ къ плотьстїи чистотѣ, но стѣмъ кре-
 ценїемъ, не тѣло єдино ѡунцающа, но дїшевною свѣщю въ сѣу-
 25 нѣмъ сель, всѣмъ восїабшя, ни заколенїенѣ жертвѣ проповѣдника
 бѣкша, ꙗн слоужнтеля, но бескверненнѣ и мнрїенѣ христѡвннѣ
 слоужѣе слоужѣ и проповѣдателя вѣнстаса, апломъ сѣпроужнника, на
 тоже дѣло иъбрана, вртѣ смыслено на ramoу своєю воспринѣшя,
 всю вселеннѣю ѡбидоста, исполнающа оууенїемъ тѣ мѣста, в ннхъ
 30 ѡни не постѡиша, а оудѡаженїемъ поути, аи за оумноженїе ннхъ
 странѣ блжннхъ, в нн же ранїешеса, ꙗко лоуѣа сїнумѣа, свѣтомъ
 бѣоразоумнмѣ просвѣтнша весь мнрѣ. по тѣмъ же стопамъ и си
 ходаща и того же дѣа напоена ѿ бѣа, томоу же словесн бѣста про-

повѣдника и новла апла, не на тѣжемъ ѡснованіи своѣ дѣло пока-
 зающа, но и знока писмена воображыша, и совершнста въ и языкъ
 новъ. послѣ же восіаіаши, яко оутрена звезда ѿ сїа свѣтъ прїем-
 люци, свѣтлѣиши всѣхъ мѣлаѣтса, и яко же нагїтїи дѣлателе въ
 виноградѣ, понесшеи таготѣ дїе и вара, съ пришѣшнми въ .аї. 5
 уасъ, равнѣ сподобленн быша мѣзѣ бжїи блгїти, тако и звоіиши ѣ
 послѣднїи языкъ, томоу же дѣлоу швнги сїа новла проповѣдника и
 свѣтланика всен вселенїи, иже поденгѣ добрымъ и вѣрою крѣпко
 препоксабша урсла своа, прѣидоста, яко сїици, тѣмла мѣста
 стѡпамн скѡнми, просвѣщающа всакѣ мѣглоу погаіскїю, духов- 10
 нымъ огнемъ попадающа и ѣретнѣскою, не пощада дїа своѣа,
 ни пощадаща телесн своѣ, но дсегда готова соущи за правоу
 вѣрѣ сластно испити хѣрѣ уашоу. въ срацинехъ же и козарехъ мѣль-
 шаса непобѣдїа, но яко же дѣдѣ иноплеменнкоу иногда и нг-
 луживѣ гордыню, ѣго потреби, прообразовавѣ трїцю тремн каменн, 15
 и своимъ ѣмоу меуемъ глакѣ ѡсѣкѣ, похвалоу прїатѣ въ тїмахъ
 ѿ снѣвъ и нлѣкѣ, такоже же и сїа ѡїа, трїоупостасноу бжїтѣвѣ
 слоузи свѣца и проповѣдника, въ соборехъ срацинехъ и жидов-
 скыхъ ѡбрѣтїшаса, своимн имъ книгамн и языкомъ, бохмнтови
 блади и жидѣскїю главоу дховнымъ меуемъ ѡсѣкша, потребнста, 20
 яко плевель и попалнста дховною блгодатїю, а слово гнѣ въсѣмста,
 яко и пшееницю, въ срѣтѣмъ селѣ, и вса насладнста медотоуны-
 ми слѡвесы, трїбезнаудалнаго же бжїтва існо исповѣдаста, оука-
 заста въ ѣдиноу соуществѣ равенствѣ сїающа ѡїа и сїа и стго
 дха. тако а оуловнста, яко и рыбы, слѡвесною ирежею, и крестнста 25
 ѿ козарѣ утїмла уади до дїою стѣ, развѣ женѣ и дѣтїи, трегубоу
 похвалѣ ѿ всеа церквен прїиїмша, прѣидоста ѿ дхнла на западѣ-
 нмѣ страны, блгѡвѣствоуща слѡво бжїѣ въ языкъ новъ, и весь
 црковнн законъ преложыша ѿ греуескаго, въ свои имъ языкъ
 прѣдаста, трїязынникомъ же главоу мнзложыша, потребнста, яко 30
 плевель ѿ пшееница ѡбращыша, ти унсто цркви и свѣтообразно
 жнто прѣдаста. в западнн же странѣ, паноньстѣхъ и моравьскнхъ
 странахъ, яко сїици восіаіаши, мрака грѣховна ѡгнавша, просвѣтнста

БЮККАМИ, И МОУУУШИ ОУУЕНИКИ ЦРКОВИМОУ УПНУ ИСПОЛНЬ. И ТАКО
 ТЕУЕНИЕ СКОУЗАЮЩА, ПУТИ СА ИСТА РИМСКАГО, АПКОМОУ ПРЛОУ ПО-
 КЛОИТИСА, ВЕДОУЩА Е СОБОЮ НА СВАЩЕНИЕ ДХОВНИИ ПЛОДЪ, ЕЖЕ
 СЛЫШАВЪ АПОСТОЛНКЪ АНДРЪАНЪ, ИЗНДЕ ПРОТНВОУ ИМА ДАЛЕУЕ О ГРАД
 5 РИМСКА, И ТАКО ЖЕ А ПРІАТЬ, КАКО АГГЛА БОЖІА, И ОУУЕНИЕ ЕЮ ПРН-
 ЛЮБЪ, ПОСТАВИ БЛЖЕННАГО МЕФОДІА НА ПРОЗВНТЕРСТВО, И ОУУИКИ ЕЮ

ИРИБЛИЖИ ЖЕ СА ВРЕМЯ ПОКОИ ПРІАТИ, ПРЕСТОМОУ И ПРЕБЛ-
 ЖЕННМОУ ОЦОУ НАШЕМЪ И ОУУИТЕАЮ, КОСТАТИНИХ ФИЛОСОФУ. ВНДЪ
 ЖЕ ИКЛЕНІЕ О БГА О ПОКОИ СВОЕМЪ, ОБЛЕУЕСА В УЕРНЫ РИЗЫ, И ДНЬ
 10 ЖЕ НАРЕКЪ ПОКОА СВОЕГО, ПРЕБЫСТЬ ДО НЕГО ДНЬ, ВЕСЕЛАСА И СЛВА
 БГА, И ТАКО ПОУИ О ГИ В КЪТО .Г. .Т. .О. И .З., И ПРИЛОЖИСА КЪ
 ОЦМЪ СВОИМЪ, ПРОРОКОМЪ И АПЛОМЪ, МОУУЕНИКОМЪ И ВСМЪ СТЫМЪ.
 И ПОЛОЖИША И ВЪ ЦРКВИ СТГО КАММЕНТА, ИДЕЖЕ МАУАША МИОГА ИСЦЕ-
 ЛЕНІА БЫВАТИ О УТНАГО ГРОБА ЕГО. СЛВНИ АСІЕ МАУАША ПРФСВЪЩАТИ-
 15 СА, НЕДОУЖИИ ЦЕЛИТИСА, БАСИ СХОДИТИ, ЕЖЕ ВНДЪВШЕ РИМЛАНЕ, ПАУЕ
 СА ПРИЛОЖИША КЪ СТЫМИ ЕГО. СЦЫШЕ ЖЕ ПРУТНАГО И БЛАГОУТНАГО МЕ-
 ФОДІА НА АРХИЕПІПСТВО, НА СТОВА СТГО АДРОНИКА, АПЛА ВЪ ПАНО-
 НИИ О .О., ПУСТНИША НА СТРАНЫ СЛОВЕНСКІА ОУУИТЬ ВЪ ИЗЫКЪ ИХЪ,
 НАПИСАШЕ ЕПНСТОЛІЮ СІЮ КО ВІЗЕМЪ СТРАНЫ ТОА, РОСТИСЛАВОУ, И
 20 СТОПОЛКЪ, И КОЦЕЛЪ АИРИОМЪ ЕПІПЪ, РАБЪ ВСМЪ РАБОМЪ БЖІИМЪ, КЪ
 РОСТИСЛАВОУ, И СТОПОЛКОУ, И КОЦЕЛОУ. СЛВА Е ВЫШНИХЪ БГОУ, И НА
 ЗЕМЛИ МИРЪ, ВЪ УЛВЦЕХЪ БЛАГОВОЛЕНІЕ. ИАКО О ВАСЪ СЛЫШАШЕ ДХОВ-
 НЫ РАДОСТИ, ИЖЕ ИМАТЕ НА СПАСЕНІЕ, СЛЕМЪ БРАТА НАШЕГО, УТНАГО МЕ-
 ФОДІА, СЦІЕННА НА АРХІЕПІСКОПСТВО, НА СТРАНЫ ВАША, ИЖЕ ЕСТЕ ПРО-
 25 СНАИ ОУ НАСЪ, ДА ВЫ ОУУИТЬ, ВЪ ИЗЫКЪ ПРЛАГАА КНИГЫ, ДА СА ИС-
 ПОЛНИТЬ ПРОРОУЬСКОЕ СЛОВО, КАКО ЖЕ РЕША ХВАЛТЕ ГА ВСИ ИЗЫЦИ,
 И ПОХВАЛТЕ ЕГО ВСИ ЛЮДІЕ. И ВСИ ИЗЫКЪ ИСПОВЕЬТЬ, КАКО ЖЕ И ГЪ
 ІС ХСЪ ВЪ СЛВОУ БГОУ ОЦЮ. АМИ. И ВЪ ЕУАЛІИ РЕУЕ ГЪ, ПОСЫЛАА
 СВОИ ОУУЕНИКИ ШЕШЕ, МОУУИТЕ ВСА ИЗЫКИ, КРТАЩЕ А ВО ИМА
 30 ОЦА И СНА И СТГО ДХА, ОУУАЩЕ ВЛЮСТИ ВСА, ЕЛНКА ЗАПОВЕДАХЪ ВАМЪ,
 И СЕ АЗЪ С ВАМИ ЕСМЪ ВСА ДНИ ДО КОИУИНЫ ВЪКОУ. АМИИ. БЪ ЖЕ,
 УДА ВОЗАЮБЛЕННА, ПОСЛОУШАИТЕ ОУУЕНИА БЖІА, ЕЖЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕ-
 МЯ ПРЕДАНО БЫСТЬ, ВАШЕГО РАДИ СГ СЕНІА, ДА, ПРОУУАЮЩЕСА РАЗОУИМО.

плѣдъ достѣинъ створите. и прїимате вѣнецъ нестаченъ и въ
 снъ вѣкъ и въ градѣцїи со всьми стѣми въ вѣмь, аминь. дошед-
 шх же ёмоу въ страны моравьски, вси людіе с радостїю и зидоша
 къ срѣтенїе ёмоу, и тако прїаша и, яко аггѣа бжїа, и ѡкврзошася
 ѡтеса сазпїи и оушеса глаукихъ, и пзыци кольсноующеи коузгѣаша
 мира, и нми же оусты бѣша перитѣ жертвы испрїазнени козѣмѣи,
 на каадазихъ и на всьхъ мьстехъ хоулован бѣа, тамъ же дѣти
 ихъ словесима и бескверима слоужбь бѣоу коздамѣ за весь
 миръ, и во всакомъ мьстѣ има бжїе прославалѣтса въ пзыкъ
 нѣкъ, ёмоу же кѣнса проповѣдникъ и апѣлъ нѣкъ, косїакъ яко 10
 сѣнце, мѣглоу некнднїа ѡгона и бѣоразоуимымъ свѣтомъ всьмъ
 срѣца прѣсвѣти, кротостїю же и сластїю, всѣа к себе люковїю при-
 мауа, теуенїе скѡе сконуа, крѣоу собяуде, црѣквн писнымъ оуѣра-
 си и пѣнни дѣховнымъ. и тако поухи ѡ гдѣ в лѣто ѡ теарн всего
 мира. .ѣ. .ї. .ѣ. и приложиса ко ѡщемъ своїи патриархѣ, ак- 15
 рѣамъ, и нсаакоу, и аакоу, всѣ себе оуподобѣ, всьхъ ѡбразъ на
 себе помѡшь, ѡвѣмъ равенъ быкъ, ѡвѣхъ мїїи, а дроугїи преспѣкъ
 сіаюи и дѣтелїю, и подвѣгомъ, косїакъ яко сѣнце, лоугами при-
 тоунами и казанїемъ, ёго же помышляющи медотоунаа слѡвеса,
 нїсть уемъ сластн ёго дѣховнаа приложити.

Тамъ же, кїа оубо похваам коздамъ вама, троужїшемася толн- 20
 ко хѣ радн въ восточныхъ, и западныхъ, и сѣверьскихъ странѣ,
 не ищѡуща временїныхъ и тѣлющихъ, но вѣуныхъ и бесконечнїи,
 крѣтъ гнѣ на рама мужески въспрїїмїши, и тѣ ѡладѣвшоу грѣ-
 хомъ земляю, потребавше, разорнста и всѣмѣста дѣховноє сіама и 25
 чистѡ црѣквн принесоста жнто, дѣбноє оууенїе, нмъ же сіаѣта, яко
 свѣтнаа во всемъ мирѣ, дѣмоньскою хваоу и всакоу ёресь про-
 гнаша, велика оубо стопа црѣквн хѣмъ вѣмѣта, нѣнаа уеловѣка и
 земнаа аггѣа, во плѣти бесплотноє жнтіе стажакаша. бжїенно є къ
 истїнноу урево, ношїшеє вѣ и въздѡнѣша класа многоплаѣдна, зо
 нмъ же напнтнста алующаа пзыкы и жадынаа напоїста живот-
 наго пїва, непрестающоу пицоу истоушн всьмъ ѡбнано. кто оу-
 бо возможетъ достѡнноу похваоу ваю и спѡвѣдати, поднѣноуїю

всю прошедша, стопами своими весь миръ оствиста; блгословешъ
 языкъ каю, имъ же насвѣста дховная словеса во спасеніе безз-
 учаслагоу языкоу, бгдхновеиннъ даръ ѿ бга прїимъша, мракъ
 невиденїа всюдоу прогнаста, собою ѡбразъ всякъ предълагающа,
 5 ѿ оустногоу дховноу сласть нстауающа, поганьствоу же всакомоу
 раздръшника шквстаса, ерѣтникомъ супостата, въсомъ прогомїника,
 свѣтъ ѡмраченїимъ, оуутела младенцемъ, нстауающа дховноію
 сладость, алуощимъ нескоуднаа пища, жадныхъ нападѣ нстоунникъ,
 нагымъ ѡбнаго ѡдѣнїе подавающе, сирымъ помощника, страннымъ
 10 прїимника, боляимъ посетителя, неуглаимъ оутѣпитела, на-
 пастнымъ защитника, вдовамъ и сиротамъ помощника, сазлымъ
 скитодателя, влающимса к морю житїистѣ великаа акира, стана и
 покровъ припадающимъ к вамъ, имѡдѣ супостата и исповѣдникъ
 стѣн трїцн, совершителя бжїю смѡтренїю, величествъ бжїю слоу-
 15 житела, нстоунника бжїю словеса, неденжна стѡана цркви хем,
 пеуать правдѣ, шїтъ вѣры, шлемъ спсєнїю, класъ многоплодєнъ,
 ложа медотоуна, соти медовнїи словеса каю, имъ же насладиста
 всю вселєннѣю, яко блсеръ многоцємєнъ нстоуша, скривннн гни,
 выстпаниши бжїа смѡтренїа, ѡбнтелиши бжїю смѡтренїю, сосоудъ
 20 стѡмоу дхъ нзбранїнаа, провєсїлаа нма хко по всєн зєман, крѣоу
 похвалоу на себѣ помєсїша, кремїнаа презрѣша, а влчмхъ на-
 слаженїа прїимша, непрєстайно прѣвнаа и нстїнїнаа пастыра, за
 нзбранїноє стадо каю подвижно помолнтаса, страстн ѡжєшоуца,
 ездѣ и напастїи нзбаваающа, просвѣтїта имъ сердеуннъ оун и
 25 оумъ оутвєрдїта достоинно послѣдовати стѡпамъ каю, немоуши
 наша на са взїмаающа, скыше силѣ подадїта, да, достоинно по-
 жнїше ѿ хѣ, насзднїцѣ троудѣ каю ѡбращїются и проповѣднїцѣ
 правонъ вѣре, юже имъ єста предала, да всѣ єдиногласно просла-
 вимъ трїностѡє бжткѡ ѡца и сїа и стго дха, ннѣ и прїсно и къ вѣ-
 30 кмъ вѣкѡ. аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

Въ заглавін: сътвори́шмоу вм. сътвори́шма.

34, 3. на покънѣ кєтѣхмѣ вм. покънѣ ѡ кєтѣхмѣ.

— — къ ѡзъмкѣ вм. къ ѡзъмкѣ.

— — кнрилоу архидѣйниоу паноуьскоу ѡ мєфодію вм. кнрилоу „ архидѣйниоу паноуьскоу мєфодію.

— 11. законѣданъ вм. законѣдѣ данъ.

35, 3. ѡстанитѣ вм. ѡстанѣ.

— 21. оу̀красистасѣ ѡ дѣшю ѡ оумомѣ вм. оу̀красистѣ ѡ дѣшю ѡ оумѣ.

36. 5. оу̀годно вм. оу̀годнѣ.

— 16. кєстоуженіѣ вм. стоуженіѣ ѡ.

— 25. ѡмєинствѣ вм. ѡмєинствѣ.

37, 6. ѡмєнтсѣ вм. ѡмєнтсѣ.

— 7. ѡсноудѣ вм. ѡсноушєнѣ.

— 8. прє вм. прєдѣ.

— 26. по вм. то.

— 28. прѣѡмѣшю вм. прѣѡмѣшє.

— 30. їєрєхѣ вм. їєрєєхѣ.

38, 14. прєдѣствѣ вм. прєдѣствѣ.

— 20. глѣ вм. глѣмѣ.

— 23. ѡушѣрѣ вм. ѡушѣрѣрѣ.

39, 11. Проп. ѡгнємѣ.

— 32. прєдѣствѣ вм. прєдѣствѣ.

40. 5. сѣ вм. ѣ.

— 11. лѣтѣ вм. лѣто.

— 16. сѣшє вм. сѣшєсѣ.

Стран. Строк.

- 31. ѡмнны вѣ. ѡмннѣ.
- 41. 1. сѣтвористе вѣ. сѣтворите.
- 5. колѣсноѡубрѣѣ вѣ. колѣсноѡубрѣѣѣ.
- 7. неперѣлѣзны вѣ. неперѣлѣзены.
- 13. Проп. оубраси.
- 42, 4. ѡ оубности вѣ. ѡ оубности; предѣлѣжѣща вѣ. предѣлѣжѣща.
- 14. намѣ вѣ. намѣ.

О П Е Ч А Т К А.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читайте:
34,	1.	VI.	IV.

V

По Четъ-Минен Синодальной (Патріаршей) на мѣсяць Апрель, XVI
 вѣка № 91, съ оборота листа 170 — 181.

Въ тѣнъ же дѣнь слово похвално на памѣть свѣтымъ и
 преславнымъ оубунтелѣ оловеньокоу азъкъ, оутворшема
 писмены емъ и преложышема новыи и ветхыи за-
 конъ въ азъкъ ихъ, влжѣнномъ кирилоу і мелаѡдію,
 архієпѣу панѡньокъ. влѣи ѡче.

Бгѡу и спсѣи нашемъ ісѣ хрѣтѣ, многымъ и незречѣннымъ убо-
 любіемъ помилѡвавшъ рѡмѣ убоуьскыи, и не терпѣщъ съзѣнѣи своѣго,
 лѣстїю діавѡлею ѡдержѣма, низложи себе въ смиренїе волюѡе, и
 въплѡщса ѡ стѣго дѣа и ѡ прѣтѣи и ѡ славыи еѣе и прѣно
 дѣи мрѣи, на зѣмли авѣса и съ убоуь пожне, и съѡбращеиъ быкъ с
 тѣлесе нашемъ, ѡсвди грѣплѡтїю своѡю, да змирѡющїа ѡ адѣи
 ѡ хѣ ѡжнѡуѣтѣ. тѣ бѡ еѣсть миръ нашъ створѣи и ѡбоѡ едѣнѡ,
 прѣѡбращѣнїе ѡгрѣдѣи разѣрушь, крѣѡмъ оубѣнѣвъ враждѣи и перѣве-
 нецъ быкъ иѣз мрѣиъ, собою настѡвѣи рѡмѣ убоуь на неистѡвѣиыи
 поѣтѣ. ише же на нѣса, сѣде ѡ деснѣю прѣтѣи величѣствїа на вы- 10
 сокъ, заповѣи дѡвъ искѣсны рѡдѣ убоуь, хотѣи въ послѣднѡи вре-
 мѣи прѣити свѣити жѣиы и мрѣиыи и въздѡти комѣждѡ по дѣ-
 лѡ еѣго, иѣко правѣденъ свѣи. не хѡщѣт бѡ смрѣтн грѣшннѣи, нѡ
 ѡбращѣнїю еѣго и покаѣнїю, аѣще наипѡче прилѣжѣитъ на злобѣи ,

КОЖО УЛКЪ. НЕ ОСТАВИ БО СЪЗДАНА СКОЕГО МАТНВНИ БГЪ, НИ ЗАКМ
 ДѢЛА РУКЪ СВОЕЮ, НО НА КААЖДО ЛЪТА Н КРЕМЕНА НЗБРА МЪЖА, Н
 КЪН ДѢЛА НХЪ Н ПОДКИГН ЛЮДЕМЪ, ДА БЫША, ТЪМЪ ПОДОВАЩЕСА, ЖИ-
 5 ВѢО ВЪЗУНЫИ ОВЪРЪЛН. Н ПО ТЪХЪ ПРРКМЪ, ПО ПРРЦЪХЪ ЖЕ АПЛН, Н ПО
 АПЛАХЪ МВУЕИНИКМЪ, Н ПРВНЫА МЪЖА Н ОУУТЛА. ЁЖЕ СА Н ЗЪМЪСТЬ В
 СЕМЫИ КІКЪ МАШЪ. РѢША БО ОНИ: СЪЛПІИ ПРОЗРА, ГЛОУХІИ ОУСЛЫШАТЬ
 СЛОВО КНИЖНОЕ, І ВСН ВЪЗГЛЮТЬ РАЗАУНЫИ КЪЗЫКМЪ ВЕЛІУІТА БЖІА.

БЪ ЖЕ Ъ СЕЛОУНЫСТЕМЪ ГРАДЪ МОУЖЪ НІКЫИ, ИМЕНЕМЪ ЛЕВЪ, УЛКЪ
 НЕПОРѢУЕНЪ, ИСТИНЕМЪ Н БГОУТЪЕЦЪ, ОВРЪБААСА О ВСАКЪА ЗЛОБЫ Н
 10 ИСПОЛНАА ВСА ЗАПОВѢДИ БЖІА, ИКѢО ІОВЪ. ЖИВІИ ВЪ КРѢОТѢСТИ Н ГОВЪ-
 НИИ, СЕДМОРѢДЕНЪ ОВЪРЪТЕСА, ИКО ЖЕ ІОВЪ. О НЪКОМЪ ЖЕ Н ПРРКЪ
 ГЛЕТЪ: БЛЖЕНЪ МЪ БОАИСА ГА, В ЗАПОВѢДЕХЪ ЕГѢО ВЪСХОЩЕТЬ ЗЛАѢ.
 СИАНО НА ЗЕМАН БОУДЕ СІМА ЕГѢО, РѢДЪ ПРАВЕДНЫХЪ БЛЖЕНСА, СЛАВА
 Н БОГІАТСТВО В ДОМЪ ЕГѢО, ПРАВДА ЕГѢО ПРЕВЪДЕТЬ ВЪ ВЪКЪ ВЪКА. ИС
 15 ТОГО БО КѢРЕНЕ ВЪСІАСТА ИЗРАДНЪ ДВѢ ЛѢТОРАСАН СВЪТОЗАРНЪ, БЛГО-
 СЛОВЕНЪ ПЛѢ НА СЕКѢ МОСАЩА, ЖИТІЕ НЕПОРѢУНО О ЮНОСТИ ИМОУЩА
 ПРѢМЪРОСТЬ БО СЕБѢ ИКО Н СЕСТРЪ СЪТВѢРША, ТОЮ ОУВРАСИСТА Н
 ДШЮ Н ОУМЪ, ЛЮБѢВІЮ Н ВѢРОЮ, ДРУГЪ ДРУГА ЕЮ ПРЕСПЪВАСТА,
 ИРѢОСТИЮ ЖЕ ЦВѢТЪЩЕ ПРНО. ИКО ЦВѢТЕЦЪ БЛГОЮХАННЫИ. РОДО СЫН
 20 МИИ БЛЖЕННЫИ КОИСТАИТИНЪ, А ОУМОМЪ Н ДОБРОДѢТЕЛИИ ВЪСПРЪ
 ВЪЗДЕТАА, ИКО ОРЕЛЪ ДХѢВНЫИМА КРЫЛОМА, ТИ БГОЗАРНЫМЪ СВѢТОМЪ
 ОУМА ПРОСКЪЩІ СІ, СЪСОУ ИЗБРАИИ СТОМУ ДХЪ, Н ТЕМЪ СВѢТАСА ВСЕМЪ
 ОУУЕИТЕМЪ ФНАСОФЪСКИМЪ, НЕСКЪДНОЕ СЪКРОВИЩЕ ОВЪРЪТЕСА. ИКО
 БО ИСТОУИНИКЪ ВСЮ ИСПОЛНАА ВСЕЛЕННЮЮ, НАПОМЪ ЖАДНЫА СЛОВЕСЕ
 25 БЖІА; ИКО ЖЕ РЕУЕ САМЪ ГЪ БГЪ МАШЪ, ІС ХСЪ ВЪРЪВАНЪ В МА, ИКѢО
 КНИГИ РѢША, РЪКМЪ О УРЕВА ЕГѢО ПОТЕКОУТЪ ВѢДЫ ЖИВЫ, СІ РѢ ДА-
 РОКЕ ЖИВОТВОРАЩАГО ДХА. ТЪМЪ БО ВЪСКНИИ В НЕМЪ, ИЗАЛІСА ОУСТ-
 МАША ЕГѢО Н ВСЮ ВСЕЛЕННЮЮ: СЛАКО ВЪЗВЕСАИ, СЛОВО РАЗСЪВАА КОЕ-
 МОУЖДО АЗЫКЪ ПРОТИВЪ СКОЕМЪ РАЗУМЪ. БЪ БО ЕМУ ДАНЪ ДАРЪ
 30 ДХѢВНЫИ, КЪЗЫКЪ ГЛАТИ ИКО Н АПЛА. СТАРИШИИИ ЖЕ ЕГѢО БРАТЪ, ПРЕ-
 БЛЖЕННЫИ МЕФѢДІЕ, ИЪ МАЛАДЪ ЖИТИНСКІА САМЪ МАУАТЪ ПРИМАТИ.
 ИРѢОСТИЮ БО ИКО ЦВѢТЪ БЛГОЮХАНЕНЪ ЦВѢТЫИ, ВСЪМИ ВЛКАМИ БУ
 ЛЮБИИ. Ъ ВЕСЪДАХЪ БО ИКО СОЛОМѢНЪ ИВЛААШЕСА, ДИВНЫА ПРИТУА

и наказаніа и въпросаніа иъносѧ и(зъ) срънаго села, и на служ-
 бы всѣмъ оугоднѣ, како и крылатъ, ѡбраташеся, и на вѣиинѣ яко
 и самсонъ ѡбраташеся, и гедеѡнъ, и ісусъ на крѣпнѣ страшнѣмъ ив-
 лашеся. тамъ и воєводскы сѧнъ чрѣемъ, побѣсть в не малѡ, и
 разумѣвъ многоматѣжннх сѧнъ скѣтъ, яко сѧнъ преходѧщъ непо-
 леужено, пауче же гнѣ слово, яко и стрѣлъ въ сръцѣ сн прѣимъ,
 какѡ реуче: кѧа полза єсть уѧкъ, аще весь мнръ прѡвѣращеть, а
 дшх свою ѡтщѣтнть, лн погубнть; лн утѡ дѧсть уѧкъ иъзмѧноу на
 дшн скорп; преманнѣ же зѣмннми нѣнаѧ, времѣнна бѡ ѡмѧтѧѧ
 ѡ себѣ, презрѧ, в вѣуннѧ подвѣгнуса. и шѣдъ въ алнмѣъ, по-
 стрнже са в уѣрннѧ рнзы, уѧм прѣатн бѧлоу и металннх ѧггѧкъ
 ѡдѣждѣ. и бѧ повннѣася всѣмъ с покорѣнѣемъ и смнрѣнѣемъ, въ
 бдѣннн, и мѧтѣъ, въ стѣжѣннн и служѣннн, въ иъзраднѣ пощѣннн,
 въ трезвѣннн всегдѧ, въ ѡунщѣннн дхѡвннхъ, въ плаунъ блѧзъ, ѡ
 ѡтѣю нѣстоунннка иъспнщѧѧ, яко рѣкъ, и тою ѡмѣкаѧше все тѣло
 свое, пѧдскаго покѡѧ не вѣднн ѡноудъ кѧкъ єсть, нѡ на всѧкъ
 нѡщъ стоѧ ѡ захѡда сѧнѣа до вѣсходѧща, не даѧ снѧ ѡуннѧ сво-
 ннѧ, ни вѣждѣма сн дреманнѧ, ни покѡѧ брѡѧма своннѧ, кооу-
 уѧсѧ въ фѧлмѣхъ и пѣнннхъ и пѣснахъ дхѡвннхъ, сподвнзѧѧса
 постнгноути жнтнѧ стѣхъ ѡнѣъ. ѡвѣ прѣснѧ крѡтѡстню и молуѧ-
 ннѣмъ, а другнѧ постѡ и бдѣннѣемъ, и мѧтвою, и смнрѣнѣемъ
 иъраднѡ, и тѧко именнть бѣсть въ всѣхъ ѡнѣхъ, подѡбенъ велн-
 комоу ѧрсѣнню, и ѧнтѡнню, и сѧкъ, всѧхъ же жнтнѧ собою съвер-
 шѧѧ. мѧтнвнн же бѣъ, вндѧвъ и в толнѣъ трудѣ прѣбывѧющѧ, вло-
 жн въ сръце брѧтнн, иже, вндѧвшѣ подѣннъ єго иъзрадѣнъ на служ-
 бы єжню, другѣ къ другѣ днѣмѧѧхуса, и прославѧѧхѡу бѣѧ, дѧю-
 щѧго блѧтъ свѣннѣ трѡужѧющннмса єго рѧдн. дѡнде же патрнѧрхъ,
 оусамнша подвннъ єго, вѧдннша и постѧвннн мнтропоантѧ въ утнѣ
 мѣстѣ, и не мѡгнн єго в томъ прнѣздѧтн, постѧвннша и иъгѣ-
 мѣнѧ в монастырн, иже нарнѣѧетса именѣмъ полнхронъ, в нѣмъ
 же бѧше ѡнѣъ сѣмѣдѣсѧтъ. и по то са ємъ, прѣбывѧѧше яко и
 беспѧѡтенъ, в мѧтѣвахъ, всѣмъ прѣмо вслуьскы, даѣмъ всѧ прѡвѣ-
 рѧмъ. и стѣма бѡ кннѣгы ѡ таковоу вѣпнютъ, похѣѧѧно гѧющѧ:

прѣмѣсти дрѣвнѣ възъмѣтса, и въ прѣручствѣиѣ пожикете. повѣсти
 мѣжъ именованіи съхраните, и въ ижевитихъ приуоумныхъ ижеудѣте.
 посредѣ велико послужите, и прѣ игоумены ижеишестса. по земан
 тѣждѣихъ ижезкъ пройдѣ, добро и зло въ уще ижеишема вѣдетл.
 5 сѣце свое даста оутрене быти къ гдѣ, сътворшемоу вы, и, прѣ
 вышнимъ помолѣстася. и ѡверзоста оуста своя въ мѣтѣхъ, и ѡ
 грѣсѣхъ своихъ помолѣстася. аще же бѣ възхоушесть великыи, раз-
 зумаго дѣа напоумитса. тои бѡ потоумѣт гдѣ и мѣрѣсть єю, и въ
 мѣтѣхъ ижеишестася гдѣ. тѣ бѡ ижеитъ казаніе и оуѣнѣ єю, и і
 10 законѣ завѣта гдѣ похваишестася. възхвалят єго разумъ мнѣи,
 и до вѣка не потребѣтса. и не ѡстѣнитъ єю, и иже єю ижеетъ
 в рѣды и рѣды. мѣрѣсть єю поведатъ ижеици, и похвалоу єю ижеи-
 вѣсть цркви, єи же бѣста крѣпка посѣбника и недеишима стола,
 ѡснована на твердыхъ каменн вѣры, послѣдствокаѣша перко-
 15 ѡцѣмъ и патриархомъ, вѣрою и подвигомъ дѣаніа ихъ и тѣмъ
 собою конѣубающа, иже великыи патриархъ авраамъ, прѣдѣдъ хѣ,
 вѣрою пресѣлникъ бывъ и пришелецъ бѣ земан тѣждѣи, дроугѣ бѣи
 нареуѣса, и завѣ обрѣзанію ѡ бѣа прѣимъ, вѣрою ѡцѣ мнѣи
 ижеишестася.

20 Сѣа же сѣа и пресѣлнѣа ѡиѣа и оуѣнѣтѣла, тою же вѣрою оуѣрѣи-
 шѣса, тѣ же дѣтели сконѣаста. пресѣлника бѡ бѣста ѡуѣства сво-
 єго, и пришелица на землю тѣждѣ. законѣ ѡ бѣа прѣимѣша, не сво-
 ємоу племени, иже же авраамъ, но ижезкъ, иже не разумѣше де-
 сиѣца своѣа, ни шоуѣнца, но єи же са прѣиѣнахъ, тѣ томоу са по-
 25 рабѣише, каѣнаахоуѣса, иже бѣоу, тѣари, въ творца мѣсто. завѣтѣ
 не обрѣзанію прѣишѣ, иже же авраамъ, но брѣиѣнѣю, въ ѡстѣвѣ-
 иѣ грѣхѣхъ, въ вѣкы прѣбывающѣхъ, самѣмъ сконѣуанъ и прѣдѣмъ
 гдѣ нашимъ, іс хмѣ. моуѣсенъ такожде съ аарѣномъ въ іерѣѣхъ
 вѣишѣхъ, бѣа ѡараѣишѣи нареуѣса, моуѣкамн разлѣунамн єгѣиѣта оу-
 30 мѣуѣнкъ, вѣи люди иже рабѣты ихъ ижевѣдѣ, въ дѣне столпомъ ѡб-
 лѣуномъ, а въ моуѣн столпомъ ѡгненнымъ, и радѣль мѣре, по сѣ-
 хъ прѣведѣ в пѣстѣню, а прѣиѣишѣхъ погрѣзѣи въ бѣзѣнѣ, бѣ пѣстѣни
 же безвѣдѣи напаѣа и, пораждѣ каменъ, и хѣѣа аггѣлѣскаго насыти,

Ѳзыкъ нѡвъ, послѣднѣ же възсѣста, ꙗко оутреннаѡ звезда, Ѳ сѣнца
 свѣтъ прѣмлющн, свѣтлѣншн ѡсвѣтъ ѡваѡбѣса, н ѡнѡ налѣтн дѣ-
 лателе къ вногрѡ, помѣсшеѡ таготѡ днѣ н вѡрѣ, съ прншеѡшн-
 мн ѣ пѣрѣхннѡдесатѣ гѡ равнѣтъ сподѡбеленн къша мѣдѣ, сѣн
 5 блгодѡтн, тако нзвѡлшн, ѣ послѣднѣнн възкъ томоу же дѡав ѡвѣтѡ
 сѣѡ нѡваѡ проповѣдннка н свѣтлннка всѣѡ вселѣнннн, н подѡвгоуѡ
 дѡберымъ н вѣрою крѣпко препѡдѡсавше треслѡ скоѡ, прѡнѡдѡста,
 ꙗко сѣнце, тѣмнѡѡ мѣста стѡнѡмн своѡмн, просвѣщѡющѡ всѡкъ
 ѡглѡв поганскоу, дхѡвнѡымъ ѡгнѣ попѡлѡющѡ ѣ ѣретнѡуьскоу, не
 10 поцѡдѡщѡ телесн своѣго, нѡ ѡсѣгда гѡтѡва свѣца за прѡвѣтѡ възъ
 слѡстнѡ нспѣтн хѡоу уѡшѡ. въз срѡуннѣхъ же н козѡрѣхъ ѡваѡшѡса
 непѡвѣднѡ, нѡ ꙗко же дѣдѣ, нноплеменннкѡ нмогѡ ннзлѡжнѣтъ
 гордѣннѡ, ѣго потребнѣ, прѡѡбразѡваѡвъ трѣцѡ трѣмн кѡмѣнн. н сво-
 мѣтъ ѣмоу мѣуѣмъ главѣ ѡсѣкъ, н хвалѡу прѣѡтъ въз тѣмѡ ѡ сѡѡвъ
 15 нѡлѣкъ, тѡкождѣ н сѣѡ ѡцѡ трѣпоуѡстѡстѡу вѡтѡвѡ слѡвѣ свѣца н
 проповѣдннка, въз собѡрѡхъ ератннѡскѡхъ ѡвѣрѣшѣса, своѡмн нцѡ
 кннгамн н ѡзыкъѡ вохнмѡтѡвн владн н жндѡвскоу злобоу дхѡв-
 нѡмъ мѣуѣмъ ѡсѣкше, потребнѣста, ꙗко мѣвѣлъ н попѡлнста дхѡв-
 нѡю влѡгѡтнѡ, ѡ слѡво гнѣ възсѡста ꙗко н пшѣннцѡ въз сѣрунѣ сѣлѡ,
 25 н всѡ насладнѣста медѡтѡутнмн слѡвесѡ, трѣбезнѡуѡлѡнѡго же вѡтѡвѡ
 ѣсно нспѡвѣдѡста, оуѡказѡста въз ѣдннѡмъ соуѡществѡ, равѣнѡствомъ
 сѣѡющѡ, ѡцѡ н сна н сѣго дхѡ, тако ѡ оуѡловнѡста, ꙗко н рыѡн
 слѡвѣсноу мрѣжею, н крѣстнѣста ѡ кагарѣ утнѡмѡ уѡдн до двѡѡ
 сѣѡ, разѡвѣ жѣнѣ н дѣтѣн. трѣтѡвѡ похвалѡу ѡ ѡсѣѡ црѣкѣн прѣннѡ-
 20 шѡ, прѣѡдѡста ѡ доуѡнѡѡ нѡ западнѡѡ стѡрѡнѡ, блговѣствѡющѡ слѡво
 вѣжѣ въз ѡзыкъ нѡвъ, н всѣѡ црѣкѡвннѡн законѡ прѣлѡжшѡ ѡ грѣуь-
 скаго, въз свѡнѡ нмъ ѡзыкъ прѣдѡста, трѣѡзыннѡкомѡ злобѡ ннзлѡж-
 шѡ, потребнѣста, ꙗко пѡвѣлъ ѡ пшѣннцѡ ѡвѡрѡщнѡнѡ, тн уѡсто
 црѣкѣн н свѣтѡѡвѡрѡзно жнѡ прѣдѡста. ѣ западнѡхъ же стѡрѡнѡхъ пѡ-
 30 нѡнѣстѡхъ н морѡвѡскѡхъ стѡрѡнѡ, ꙗко сѣнце възсѣѡвѡшѡ, мѡрѡкѡ грѡ-
 хѡвнѡго ѡгнѡвѡшѡ, просвѣтнѣшѡ вѣкѡмн н мѡоуѡннѡшѡ оуѡннѡмъ црѣкѡв-
 ному уѡнѡ нспѡлнѣ. н тѡко теуѣмѣ скоуѡвѡѡющѡ, пѡтн сѡ ѡста
 рѣмѣскаго, ѡплѡкомѡ прѣтѡвѡ поклѡннѣтнса, ведѡущѣ съ собоуѡ нѡ сѣѡнѣѣ

дхонѣмъ плѣ. ѣже слышавъ апостоинкѣ аѣрѣанъ, и зиде протѣкъ
иша далеуе, ѿ града рѣмьскя, и тако же а прѣятъ, яко аггѣла бжѣа,
и оуѣенію. прилюбѣль, постави бжѣннаго мѣфодѣа на прозвѣтер-
ство, и оуѣини єгѣ.

Приблѣжнѣса время покѣн прѣяти прѣстѣомъ и преблѣжѣннѣмоу
ѡцѣ нашѣму и оуѣителю, константѣнѣмоу ѡнаосѣѡх. видѣвѣ шѣленіе
ѡ гѣа ѡ покѣн своѣ, ѡблѣуеса ѣ черны ризы, и днѣ же нарѣкъ
покѣа своєгѣ, прѣбывѣть до негѣ днѣ, веселѣса и слѣва бжѣа. и
такѣ поун ѡ гдѣ в лѣто гѣтоу. є. и приложнѣса къ ѡцѣемъ своѣмъ,
прѣкомъ и аплѣомъ, мѣнкѣ и всѣ стѣмъ. и положнѣша и в црѣви
стѣаго клѣнѣнѣа, и дѣже науѣаша мнѣга и сѣвлѣнѣа бывѣти, ѡ уѣстнѣ-
го грѣба єгѣ, сѣвпѣи науѣаша просѣщѣатѣса, недужнѣи цѣлѣнтѣса,
бѣси и сходяитѣ. ѣже видѣвѣше рѣмьланѣ, науѣ са приложнѣша къ стѣ-
ни єгѣ. сѣѣ же прѣуѣтнаго и блѣгоуѣтнаго мѣфодѣа на архієписѣство,
из стѣлъ стѣго аѣронѣка аплѣа в памѣнѣи ѡ седмѣдѣсѣ, поуѣстнѣша и
на страны словѣньскѣа оуѣитѣ къ азѣмъ ихъ, написѣвѣ еписѣтолѣю
сѣю къ княземъ страны тоѣ, ростнѣславъ, и свѣтопѣлкоу, и къцѣлѣу
аѣрѣанъ єписѣ, рабъ всѣмъ рабѣ бжѣемъ, къ ростнѣславъ, и свѣто-
пѣлкѣ, и къцѣлѣу. слѣва ѣ нышнѣ бжѣ, и на землѣи миръ, въ уѣцѣ
блѣгоколѣнѣе. яко ѡ вѣ слышавѣше дхѣвнѣа радости, иже имѣте на
спѣсѣнѣе. слѣмъ врата нашѣго, уѣтнаго мѣфодѣа, сѣѣнна на архієписѣ-
ство на страны ваша, яко єсте просѣли оу нѣ, да вы оуѣитѣ, въ
азѣмъ вашѣ прѣлагаѣа кнѣигы, да са и сѣполнѣитѣ прѣѣвѣскоѣе слово,
яко рѣша. хвалѣте гѣ всѣи кѣзѣци, и похвалѣте єгѣ всѣи людѣе. и
всѣкъ азѣмъ и спѣвѣсть, яко и гѣ іс хс въ слѣвѣ бжѣ ѡцѣ. аминѣ. и
и въ єѣвѣлѣи рѣуѣ гѣ, посмѣлаѣ своѣа оуѣеннѣкѣ шѣше, наоуѣитѣ всѣа
кѣзѣци, крѣтѣще а въ иша ѡцѣа и сѣа и стѣго дхѣа, оуѣуѣще блѣусти
всѣа, єлѣнка заповѣдахъ вамъ, и сѣ азъ с вами єсѣмъ всѣа днѣи до
своуѣтанѣа вѣка. аминѣ. вы же, уѣда въздѣлюблѣеннѣа, послѣшѣнѣте оуѣ-
уѣнѣа бжѣа. ѣже к послѣднѣа времена прѣдѣано бѣтъ, вашѣго раднѣо
спѣсѣнѣа, да, прооуѣуѣющѣса разумно, плѣ достѣннѣкъ сѣтворѣте, и прѣ-
имѣте вѣнѣцъ металѣнѣвъ в сѣи вѣкъ и въ градѣцѣи, съ всѣми
стѣмъи въ вѣкы. аминѣ.

Дошѣшоу же ємоу въ страны моравьскы, вси людїе с радостїю
 ѡзвѣдоша въ срѣтѣнїе ємоу, и тако прїаша ѡ, яко аггѣла бжїа, и
 ѡвѣрзошася ѡуеса слѣпымъ, и оушеса глухымъ, и азѣцы блѣснущен
 възгѣлаша мїра, и ѡмн же оусты бѣша жертвы непрїазнени въздѣ-
 5 лан на владдзехъ и на всѣхъ мѣстѣхъ хуловани бѣа, тѣмъ же дѣти ихъ
 словесныа и бескверныа слѣжбы бгѡу въздѣають за весь миръ. и
 въ всѣакомъ мѣстѣ ѡма бжїе прославлѣетса въ азѣкѣхъ нѡвѣхъ. ємѣ
 ѡвѣнса проповѣдникъ и апѣлѣ нѡвѣхъ, възстѣвъ, яко сѣнце, мѣгѣ неен-
 дѣнїа ѡгонѣ, и бгѡразумнїи свѣтомъ всѣмъ срѣца просвѣти, крѣсто-
 10 стїю же и сладостїю, всѣа ѣ себѣ любовѣтю привлачѣа, теуѣнїе своѣ
 сконуѣа, взрѣ съблюде, црѣкви пїсньми оукраси и пѣнїи дхѡвными.
 и тако поухѣ ѡ гдѣхъ ѣ лѣто ѡ тварн бсегѡ мїра, гдѣ. тѣд. є., и при-
 ложїса въ ѡцѣшъ своихъ, патрїархомъ авраамѣ, и ислакоу, и акѡ-
 воу, всѣмъ себѣ оуподобѣа, всѣхъ ѡбразѣхъ на себѣ понѡшѣ, ѡвѣмъ
 15 равенъ бѣше, ѡвѣхъ мнїи, а другїхъхъ преспѣвъ, снлою и дѣтелїю
 и поденгѡ, възстѣвъ, яко сѣнце, лзуѣми прїтоунами и казанїемъ.
 єго же помышляющїи медотѡунаѣ словеса, нѣсть чѣмъ сластн єгѡ
 дхѡкныа приложїти.

Тѣмъ же оубѡ, кѣмъ похвалы въздѣмъ вама, троуждышнмаса то-
 20 лѣко хѣ ради въ вѣстоуныхъ, и западныхъ, и сѣвернїи странахъ,
 не ѡцѣща временнїи и тлѣющнхъ, но кѣуныхъ и бесконѣуныхъ,
 крѣтъ гнѣ мужескы на рѣмѡ възпрїнїше, и тѣмъ ѡладѣвшю грѣ-
 хомъ зѣмлю, потрѣбѣлаша, разорїста, и ксѣласта дхѡвнѡе сѣмѣ, и
 унїсто црѣкви прїнесосте жито, днѣнѡе оуѣнїе, ѡмъ же сїѣета, яко
 25 свѣтїлѣ въ всѣмъ мирѣ, дѣмоискѣю хоуѣхъ и всѣмъ єресь прогнѣ-
 ша; велика оубѡ стоѣпа хѣн црѣкви бѣста, нѣмаѣ уѣла и зѣммаѣ
 аггѣла, въ плѡтн бесплѡтнѡе житїе стажѣвша. блжѣно є урѣко во
 истїннѡу нѡшшеє вѣ, и въздойвша глѣса мнѡгоплѡна, ѡмъ же на-
 пнтѣста алѣущаѣ азѣжы, и жадныа напоїста жнкѡнаго пїва, не
 30 престѣющѣхъ пїщѣхъ истѡуїша всѣмъ ѡбнѣмо. кто оубѡ възмѡжетъ
 достѡннѡу похвалѣ ваѡ ѡспѡвѣдати, пѡнѣнѡуѡю всѡю прошѣдша
 стопами своими, весь миръ ѡстїнѣста; блѣвенъ азѣкѣхъ ваѡ, ѡмъ же
 наказѣста дхѡкнаѣ словеса, въ спсѣнїе бесчлѣннѣхъ азѣжы. бгѡ-

дохнѡвѣнныи дъръ ѿ зѣа прїи́мша, мрѧкъ невѣдѣнїа всюдѡу про-
 гнѧста, собою ѡбразъ късамъ прѣлагѧюща, ѿ оустнх дхѡвнх сласть
 ѡстаѧюща, поганствѡу же всѧкому разрѣшннка шѣнстаса, ѣрети-
 комъ свлостата, вѣсомъ прогѡнннка, свѣтъ ѡмрачѣнныиъ, оу́тѣте-
 ла маадѣнѣемъ, ѡстаѧюща дхѡвнзю сладость, ѧлѧющныиъ нескоуд-
 наѧ нїира, жѧдныиъ непрестѧнѡ ѡстоуникъ, нагѧмъ ѡбѣнносѡ ѡдѧнїе
 подающе, снрмыиъ помощннка, страинныиъ прїи́мннка, болнмѧ по-
 сѣтѣтѣла, пѣуѧныиъ оутѣшнтелѣ, напѧстныиъ зашѣтннка, ѣдѡвѧмъ
 и снротѧмъ помѡщннка, свѣтодѧтелѣ, вѧлѧющныиъса в мѡрн жнтен-
 стѣмъ велннка ѧнкѣра, стѣнѧ и покрѡвъ прннадѧющнѣ к влѧа, іоу- 10
 дѣѡмъ свлостѧтѧ, ѡсповѧдннка стѣн трѣцн, свѣршннтелѣ ѣжїю смѡ-
 трѣнїю, велнѡуствѣ ѣжїю слоужнтелѣ, ѡстоуника ѣжїю словесн, не-
 дѣнжнма стоѧпѧ хѣн ѡркѣн, нечѧтъ прѧвѣдѧ, шннть вѣрѧ, шлѣмъ снсѣ-
 нїю, вѧлѧсь мнѡгоплѡдѣнъ, ложа медотѡуна, сѡтн мѣдвенїн словеса
 вѧю, ннн же насладнста всю всѣлесннзю, вѧѡ бнсеръ мнѡгоцѣнѣнъ 15
 ѡстоуниша, свѣрѡннща гнн, вѣмѣстнлнщѧ ѣжїѧ смѡтрѣнїа, ѡбнтелнщѧ
 ѣжїю смѡтрѣнїю, съсѣда стѡму дхѡв нзѣрѧннѧа, прѡнесѧѧ нѧа хѣѡ
 по всѣн зѣмлн, вѣтѣ похвалѣ нѧ сеѣѧ понѣсѧша, временнѧ прѣзрѧк-
 ша, ѧ вѣуныиъ наслаждѣнїе прїи́мша, непрестѧннѡ прѣгнаѧ, и ѡстннн-
 нѧ пастырѣ, за нзѣрѧннѡе стѧдо вѧю, подѣнжно помолнѧтѣса, стрѧ- 22
 стн ѡженнщѣ, вѣдѣ и напѧстенѣ нзѣвѧвѧюща, просѣвнѧтн нѧа сѣуѧнн
 ѡуѧ, и оу́мъ оутѣврднѧтѣ достѡннѡ послѣдовѧтн стопѧмъ вѧю, немо-
 щн нѧша нѧ са кзнмѧюща, свѣше слѧѣ подаднѧтѣ, да достѡннѡ по-
 кнѣше ѡ хрѣтѣ, наслѣднцн трѣдѣ вѧю ѡбѣрѧщѣтѣса и прѡповѣднцн
 прѧвѣн вѣрѣ, юже нѧмъ ѣста прѣдалѧ, да всн ѣдннѡглѧсно прѡслѧ- 25
 вѧтъ трѣстѡе ѣжѣтѡ, ѡѣѧ и снѧ и стѣѡ дхѧ, и ннѣ и прѣѡ и бѣ вѣ-
 кмъ вѣкомъ. ѧмїнь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

Въ заглавіи: сътворшеми ви. сътворшема.

— — на нѣкыи вѣтхыи законѣхъ въ азѣимъ ихъ ви. вѣтхыи и нѣкыи законѣхъ въ азѣимъ ихъ.

— — архіеѣвъ павѣльскыи і месоѣдію ви. месоѣдію, архіеѣвоу павѣльску.

46, 1. не ѡстанутъ ви. не ѡстанѣи.

— 18. оуѣрасістася и дѣшею и оуѣиѡ ви. оуѣрасіста и дѣшо и оуѣиѡ.

47, 2. оуѣгодно зм. оуѣгоднѣ.

— 13. въ костюжѣніи ви. въ стужѣніи.

— 29. Въ текстѣ и немѡгмы, но на полѣ вынесено и немѡгмс.

48, 2. иузастіи ви. иузитіихъ.

— 4. искиаи ви. искишема.

— 6. пре ви. прѣ.

49, 9. неумѡвѣстиски ше ше исе ви. не исе не умѡвѣстиски.

— 13. Проп. тѣло, которое написано на полѣ.

— 18. гѣа ви. гѣанѣ.

— 22. Проп. въ.

50, 1. На полѣ вынесено къслѣиша.

— 22. предѣсть ви. предѣста.

51, 2. Противъ слѣиѣи на полѣ вынесено ѡвѣ.

— 15. Было павѣльскыи, но хъ зачеркнуто киноварью.

52, 4. После кѣша вынесено на полѣ перкѣтѣ.

— 31. прошедши ви. прошедши.

— 32. ѡсѣиша, но на полѣ исправлено въ ѡсѣиства.

VI

*По Четь-Минеи Макарьевской Царя Ивана Васильевича Грознаго
№ 179, съ половины оборота 636 листа. См. подробности Житіе
Кирилла № XI.*

—

Слѡво похвално на память свѣтымъ и преславнымъ оу-
чѣнцѣмъ славенскѣмъ ѡзвукѣ, сътворшема помены емѣ
и преложшема нѡвыи и ветхїи законѣ бжъ ѡзвукѣ
и хъ, блженомѣ кѣрилѣ филозофѣ и мѣфѡю, архіепѣс-
копскѣмъ. блвн ѡ.

Бжъ и спсв шїемъ, ісхъ хѣ, и многѣмъ и неизреченимъ ѡблагодѣемъ
помѣлокашъ рѡмъ ѡуескѣмъ и не терпашъ създанїа своѣго, лестїю
дѣволею ѡдѣржнма, нѣложн себе въ смиренїе колное, и въплъщѣ-
са ѡ свѣтѣ дѣа и ѡ прѣтѣа и ѡ славнма бѣа и прѣно дѣмъ мѣта,
на землѣмъ авѣса и съ ѡлѣмъ пожнве, и съѡбразенъ бывъ телеснъ ;
нашемъ, ѡсудн грѣплѣтїю своєю, да оумирающїи ѡ адамѣ, ѡ
хѣ ѡжнвуть. тѡн бо ѣ миръ нашъ створи, и ѡбѡа і єдно
прѣѡграженїе ѡ градѣмъ разрѡушь, крѣтомъ оубѣнвѣ краждѣ, и пер-
венецѣмъ бжѣмъ нз мѣтѣмъ, собою наставѣ рѡмъ ѡуѣмъ на неїстѣнннн
поутѣ. въшѣ же на нѣса, съде ѡ деснѣю прѣтѣа велнѣствїа на кы-
сокыхъ, заповѣдавъ нскоуснв рѡдѣмъ ѡуѣю, хотѣнъ въ послѣмѣа вре-
мена прїпнн свѣднн жнѣмъ и мѣтѣмъ и въздатн комѣдо по дѣ-
ломъ єго, ѡко праведенъ соуднн. не хѡщѣ бо смѣртн грѣшннкѣ, но
ѡбращенїю єго и покаянїю, аще маннѣае прилежнть на злѡбѣ

КОЖО УЛКЪ. НЕ ОСТАВИ БО СЪЗДАНА СВОЕГО МАТНВЫИ БГЪ, НИ ЗАКЪ
 ДѢЛА РОУКЪ СВОЕЮ, МО НА КОЛЖО ЛЪТА И КРЕМЕНА НѢРА МОУЖА, К
 ИВѢИ ДѢЛА ИХЪ И ПОКНИГЪ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫША, ТЕМЪ ПОВОДАЩЕСА, ЖИ-
 ВОТЪ ВЪУНЫИ ОБРАТИ. И ПО ТАХЪ ПРРКИ, ПО ПРРЦЕХЪ ЖЕ АПЛАШ, И ПО
 5 АПЛАХЪ МЪНИКИ И ПРАВЕНЫА МОУЖА И ОУУТАА. ЕЖЕ СА И ЗЕМСТЬ КЪ .Ъ.
 КЪКЪ ИШЪ. РЪША БО ОНИ СЛАПТИН ПРОЗРАТЬ, ГЛОУСИИ ОУСЛИШАТЬ СЛ-
 ВО КНИЖНОЕ, И ВСИ ВЪГЛЯЮТЬ РАДНУНЫ КЪЗЫКИ ВЕЛНУТА БЖІА.

БЪ ЖЕ В СЕЛНУСТѢ ГРАДЪ МОУ НЪКЫИ, ІМЕНЕ ЛЕВЪ, УЛКЪ НЕПОРО-
 УЕМЪ, ИСТИНЕНЪ И БГОУТЕЦЪ, ОГРЕВААСА О ВСАКЫА ЗЛОКЪ И ИСПОЛ-
 10 НАА ВСА ЗАПОВѢДИ БЖІА, ІАКО ЖЕ ІОКЪ. ЖИВЪИ ВЪ КРОВОСТИИ И ГОЕ-
 НИИ, СЕМОРОДЕНЪ ОВРТЕСА, ІАКО ЖЕ И ІОКЪ. О НЪКОЕМЪ ЖЕ И ПРРКЪ
 ГЛЕТЪ: БЛЖЕНЪ МЪ БОАНСА ГА, В ЗАПОВѢДЕ ЕГО ВЪСХОЩЕТЬ ЗЛО.
 СИЛНО НА ЗЕМАН БОУДЕ СЪМА ЕГО, РО ПРАВЕНЫИ БЛЕНТСА. СЛАВА И
 БОГАСТВО В ДОУМЪ ЕГО, ПРАВЕДА ЕГО ПРЕБЫВАЕТЪ ВЪКЪ ВЪКА. ИС ТОГО
 15 БО КОРЕНЕ ВЪСІАСТА ИЗРАМА ДВѢ ЛЪТОРАСИ СВЪТОЗАРНЪ, БЛВЕНЪ ПЛО
 НА СЕБЪ ИОСАША, ЖНЕ ЖЕ НЕПОРЪУНО О ЮНОСТИ ИМОУЩА. ПРЕ-
 МЪОСТЬ БО СЕБЪ, ІАКО СЕСТРЪ СВЪТОРША, ТОЮ ОУКРАСИСТА И ДИВО И
 ОУМЪ. ЛЮБОВІЮ ЖЕ И ВЪРОЮ, ДРОУГЪ ДРОУГА ЕЮ ПРЕСПЪВАСТА, МЪО-
 СТІЮ ЦЕВЪЩА ПРНО, ІАКО ЦЕВЪТЕЦЪ БЛГОУЖАННЫИ. РОДОМЪ СЫ МИИ
 20 БЛЖИНЫИ КОНЪСТАНИИЪ, А ОУМОМЪ И ДОБРОДѢТЕЛНЫИ ВЫСПРЪ ВЪЗЛА-
 ТАА, ІАКО ОРЕЛЪ ДХЪВНЫИА КРЫЛОМА, ТИ БГОЗАРНЫИ СВЪТО ОУИ
 ПРОСВЪЩЪ СІИ, СЪСОУ ИЗБРАМЪ СЪМЪ ДХЪ. И ТЕМЪ СВЪТАСА ВСЪ ОУУИ-
 ЕМЪ ФИЛОСОФСКЪИ, НЕСКОУНО СЪКРЪВИЩЕ ОВРТЕСА: ІАКО БО ИСТОУ-
 НИИ ИСПОЛНАА ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ, НАПОИ ЖАДНЫА СЛОВЕСЕ БЖІА, ІАКО
 25 ЖЕ РЕЧЕ САМЪ ГЪ БГЪ ИШЪ, ІС ХСЪ ВЪРЪАН В МА, ІАКО ЖЕ КНИГЪ РЪ-
 ША, РЪКЪ О УРЕВА ЕГО ПОТЕКУТЬ ВОДЫ ЖИВЫ, СІИ РЪУЪ, ДАРОКЕ ЖИ-
 ВОТВОРАЩАГО ДХА. ТОН БО ВЪСКНИЪ В НЕМЪ, ИЗЛАІАСА ОУСТНАМА ЕГО И
 ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ СЛАСТЪНО ВЪВЕСЕЛИ, СЛОВО РАЪСЪЛА КОЕМЪЖО КЪЗЫКЪ,
 ПРОТНІКЪ СВОЕМЪ РАУМЪ. КЪ БО ЕМУ ДАНЪ ДАРЪ ДХЪВНЫИ КЪЗЫКИ
 30 ГЛАТИ, ІАКО И АПЛАШ СТАРАШИИ ЖЕ ЕГО БРА, ПРЕБЛЖИНЫИ МЕФОДИИ.
 И МААДА ЖИТИНСКЫА САИ МАУАТЪ ПРІИМА. МЪОСТІЮ БО, ІАКО ЦЕВЪТЪ
 БЛГОУЖАНЕНЪ, ЦЕВЪТИИ, ВСЪМИ ВЛКАМИ БЪ ЛЮБИИ. В БЕСЪДЪ БО ІАКО СО-
 ЛОМОИЪ ШЛАШЕСА, ДИВНЫА ПРІТУА И НАКАЗАНИА И ВЪПРОШАНИА ИЗНОСА

и(зъ, сѣунаго села, и на слоубѣ всѣмъ оубоднѣ яко крилатъ обрѣтаиеса, и на воннѣ яко и самсонъ. и гедеонъ, и іс маѣгннъ, страшенъ квалашеса. тѣм же и воєво́скимъ сѣмъ прѣимъ, побѣи немѣ малѡ, и разумѣвѣ мно́гоматежныи сѣи свѣтъ, яко сѣнь преходащѣ неполезнено, пауче же гѣе слѡво, яко и стрѣлу въ сѣрцы сѣи прѣимъ, яко же реуче каа польза бѣ улѣхъ, аще весь мнрѣ прѣобрѣретъ, а дѣюю свою отъцѣстѣи, ан поговѣнтъ; ан что дастъ улѣхъ нзмѣннъ на дѣшн своен; прѣемннъ же земными нѣнаа, кременьнаа оубо ѡметаа ѡ себе, презра в вѣнума, подвнгнуа, и шѣ вѣ ѡлнѣхъ, построижеса в уернума рнзы, уаа прѣати вѣлу и нестланнъ агглѣхъ ѡдежу. и бѣ повнннѣса всѣ с покоренѣмъ и смиренѣмъ, вѣ бдѣннѣи, и мѣтѣа, бѣ стовженнѣи и слоуженнѣи, вѣ нзрѣаннѣ пощеннѣи, вѣ трезвеннѣи всегда, вѣ ѡунщѣннѣи дѡхоннѣи, вѣ плаун бѣгѣ, ѡ ѡуію ѡстоуниаа исповцаа, яко рѣкѣхъ, и тою ѡмыаа все тѣло своѣ, плѡскаго покѡа ѡмоу ме вѣдын, какъ ѣ, но на вса- 15 кѣ нѡщѣ стоа ѡ захода слнца до вѣсхода, ме даа сна ѡунма свонма, ни вѣжама сѣи дреманнѣа, ни покѡа бровѣма сконма, поубуаа вѣ фламѣ и пѣннѣи и пѣснѣ дѡхоннѣи, спѡвнзѣаа спостнгниннѣи жнтіа стѣхъ ѡіѣ. ѡвы же прѣснѣ крѡтостію и молуанѣмъ, а дроугѣа постомъ и бѣдѣнѣмъ, и мѣтѣю и смиренѣмъ нзрѣа- 20 но, и тако нменнтъ сѣи вѣ всѣ ѡіѣхъ, подѡбенъ велнкому арсеннѣю, и антоннѣю, и савѣ, всѣ жнтіа собою сѣвершаа. мѣтнвыи же бѣгѣ, вндѣвѣ и в толннѣи трѡудѣ прѣемвѣающа, влѡжн в сѣрце брѣннѣи, иже, вндѣвшѣ пѡвннѣгѣ ѣго нзраденъ на слоубѣхъ бѣію, дроугѣ кѣ дроугѣ днвлахвѣса и прѡславлахвѣ бѣа, дающаго бѣгѣтѣ скыше трѡу- 25 жающнмса ѣго радн. дѡнде же патрїархъ оубслышавъ пѡвннѣгѣ ѣго, бѣднша и поставнннѣи мнтрополннѣа вѣ утнѣ мѣстѣ, и не могнѣе ѣго томъ прнвѣдннѣи, поставннша и нгоумена в монастырн, иже нарнцѣа сѣи менѣ полнхронъ, в немѣ башѣ ѡіѣ .ѡ. и но то сѣа ѣмъ, прѣемвѣашѣ, яко и беснлотенъ, бѣ мѣтѣа прѣно, всѣмъ вслѣескы, зѡ даѣа всѣ прѣобрѣвѣлъ. и стѣа ко кнннѣи о таковою вѣпнютъ, похкѣаано глѣаща прѣемрѡстн дрѣвннѣхъ взыщѣтса, и вѣ прѣрѣхствннѣхъ пожнкетс. повѣстн моу ннсннѣтѣи сѣхрнннѣи, и вѣ нзнннѣтннѣхъ прн-

ТОУИИ НЪЗЫДЯТЕ. ПАСРЕДИ ВЕЛМОЖЬ ПОСЛОУЖИТЕ, И ПРЕ ИГОУСИИ
 ПЕНТИ. ПО ЗЕМЛИ ТОУЖИИХЪ ШЪЗЫКЪ ПРОИДЕТЬ, ДОБРО И ЗЛО КЪ УАЦЕ
 ИСКУШЕНА БОУДЕТА. СРЦЕ СВОЕ ДАСТА ОУТРИНЕ ВЪТН КЪ ГЪ, СЪКО-
 РНВШЕМОУ Д, И ПРЕ ВЪШНИИ ПОМОЛНСТАСА. И ШВЕРХОСТА ОУСТА СЛОА
 5 КЪ МЛТЪХ, И О ГРЪСЪ СВОИ ПОМОЛНСТАСА. АЩЕ ЖЕ БЪ ВЪСХОЩЕ В-
 ЛНКЫ, РАУМНАГО ДХА ИСПОЛНИТЕСА. ТОН БО ПОТОУИТЬ ГЛЪ И ШРЪСТЬ
 ЕЮ, И ВЪ МЛТЪХ ИСПОВЪДАСТАСА ГЪИ. ТОН БО АВНТЬ КАЗАНІЕ И ОУУ-
 НИА ЕЮ, И К ЗАКОМЪ ЗАВЪТА ГИА ПОХВАЛНСТАСА. ВЪСХВАЛА ЕЮ РАЗОУ
 10 МИОГН, И ДО ВЪКА НЕ ПОТРЕБИТЕСА, И НЕ ШСТВИИТЬ ЕЮ, И ИМА ЕЮ
 ЖИВЕТЬ К РОДЫ И РОДЫ. МРЪСТЬ ЕЮ ПОВЪДА ШЪЗЫЦЫ, И ПОХВАЛОУ ЕЮ
 ИСПОВЪСТЬ ЦРКВИ, ЕИ ЖЕ ВЪСТА КЪРЪНКА ПОВЕНТИИ И НЕДЪВЖИМА СТЪЛ-
 ПА, ОСПЪВАНА НА ТВЕРДЕМЪ КАМЕНИ, ВЪРА, ПОСЛАШТВОВАННА ПЕРВО-
 ШЦЕМЪ И ПАТРИАРХОМЪ, ВЪРОЮ И ПОДВИГОМЪ ДІАНИА ИХЪ И ТРЪДЫ СО-
 БОЮ СКОМУЕВАЮЩА, ШКО И ВЕЛИКИИ ПАТРИАРХЪ АВРАМЪ, ПРАДЪ ХЪ,
 15 ВЪРОЮ ПРЕСЕЛИНИКЪ БЫВЪ И ПРИШЛЕЦЪ ВЪ ЗЕМЛИ ТОУЖИИ, ДРОУГЪ БЪИИ
 НАРЕЧЕСА, И ЗАВЪТЬ ОБЪРАЗАНІЮ Ш БГА ПРИИМЪ, ВЪРОЮ ШЦЕ МИОГОМЪ
 ШЪЗЫКОМЪ НАРЕЧЕСА.

СІА ЖЕ СІА И ПРЭСЛАВНАА ШЦА И ОУУТА, ТОЮ ВЪРОЮ ОУКРАШЬША-
 СА, ТЫ ЖЕ ДЪТЕЛИ СКОМУАСТА. ПРЕСЕЛИНИКА БО ВЪСТА ОУЕСТВА СВОЕГО,
 20 И ПРИШЛЕЦА НА ЗЕМЛИ ТОУЖИИ. ЗАВЪИ ЖЕ Ш БГА ПРИИМША, НЕ СВОЕ-
 МУ ПЛЕМЕНИ, ШКО ЖЕ АВРАМЪ, НО ШЪЗЫКЪ, ИЖЕ НЕ РАЗУМЪЛШЕ ДЕСИИ-
 ЦА СВОЕА, НИ ШЪИЦА, НО ЕИ ЖЕ СА ПРИИНАХЪ, ТО ТЪХ СА ПОРА-
 БОЩЬШЕ, КЛАНАХУСА, ШКО БЪ, ТВАРИ, КЪ ТВОРЦА МЪСТО. ЗАВЪТЬ ЖЕ
 НЕ ШЪРАЗАНІЮ ПРИИМЪШЕ, ШКО ЖЕ АВРАМЪ, НО КРЩЕНІЮ, ВЪ ШСТА-
 ШЪ ЛЕНИЕ ГРЪХОУЪ, ВЪ ВЪКЫ ПРЕВЪВАЮЩЪ, САМЪМЪ СКОМУАНЪ И ПРЪДАМЪ
 ГДМЪ ИШИИТЬ, ІС ХИЪ. МОУСЪИ ТАКОЖЕ СЪ АРОНОМЪ ВЪ ІЕРЪХЪ БЪИ-
 ИХЪ БЪ ФАРАОНОИ НАРЕКАСА, МОУКАМИ РАЗАНУИМИ ЕГІПТА ОУМОУТЬ,
 БЪИА ЛЮДИ ИЪЗЪ РАБОТЫ ИХЪ ИЪВЕДЕ, ВЪ ДНЕ СТЪЛПОМЪ ОБЛАУИИМЪ,
 А КЪ ШЦИИ СТЪЛПОМЪ ОГНЕНИИ, И РАЗДЪАЪ МЪРЕ, НО СОУХЪ ПРОВЕДЕ
 30 ВЪ ПОУСТЫНИЮ, А ПРОТИВИМА ПОГРОУИИ ВЪ БЕЪИИ, ВЪ ПОУСТЫНИИ ЖЕ БЕЗ-
 КОДНЪ НАПОИ ШЪ, ПОРАЖЪ КАМЕНЬ, И ХЛЪКА АГГАКА НАСИТИ, И ЗАКОМЪ
 ЖЕ Ш БГА ПРИИМЪ, БЪИИИМЪ ПЕРСТОМЪ НАПІСАМЪ, НА СКРЫЖАИИ БО КА-
 МЕНИ, ПРЪДАСТЬ ЛЮДИ ВЪ СЪХРАМЕНІЕ И ПОСЛУШАИИЕ. И СІА ЖЕ

прелѣжама и ероугоднаа улка ми уимъ же мѣша тоу мѣнѣста, тогѡ бжѣа дха напоена скыше, соугвѣзъ блггн спѡдобльшася, людн нзведоста нзъ многа уеръзнаго дѣвольскаго шѡра, мысленаго фараона погружьша, и всю силу егѡ потребѣста, и вѣроу въ ѡрѡужистѣ и сілоу крѣтноу, не ѣ поустыню же ѡ нзведоста, но на свѣтъ вѡраѡумннхъ наставнста, не ис камени водѣ нзвѣшл, но вѣроу словеса бжѣа жѣны напѡнста. не ис камене неуювьственѣ водѣ нзвѣшл, ѡко і она, но истекшею кровію и водою ѡ преунстѣ рееръ гѣ ншего, іса хѣ, вѣрнѣ пищю влунзю и бесконсуннхъ жнкѡтъ въ спсѣніе предаста, въ ѡданіе грѣхѡ подающа, ни хлѣба аггѣла напнтающа, но и стѡе тѣло гѣ ншего, іса хѣ. закѡнъ же бжѣи соугвѣзо преложьша, в новыи ѡзыкъ предаста, писмена сътворшл емѣ. еже къ са ѡ премѣрѣхъ и рѣумнѣ оутанѡ, то ѡткровено бѣ младенцемѣ ѣ послѣннѣи къкъ снма. не на скрѣжалн клмѣны напнсанъ, но на срѣцѣ скрѣжалн плотанъ, ни сквозѣ ѡблакъ, ни мѣглоу и боурею гѣланъ, но самѣ гѣдмъ, іс хѣ, сконуанъ и преданъ. не сѣни савжнтѣла, но истиннѣ проповѣдннка быста, ни крѡплѣніе крѡве оумьа и козлѣ крѡпаща и оумцающа сквернѣма къ плѡтѣстн утѡтѣ, но стѣмъ крѣщеніемъ, не тѣло ѣднно оумцающа, но дшѣвнзю свѣщѣ ѣ срѣумъ сѣлѣ всѣ косѣлкшл, ни закоѣннхъ жертезъ проповѣдннка быкшл, илн слоужнтѣла, но бескверннхъ и мирнхъ хрѣтовнхъ слоубъ слоужѣ и проповѣдѣтѣла мѣнѣстася, ѡплѡмъ соупрѣжннка, на то же дѣло нзѣрана, крѣтъ смыслѣно на рамѣ своѣю въспрѣімъшл, всю вселѣннзю ѡбндѡста, испѡлнюща оуѣнѣемъ та мѣста, в ннхъ ѡнн не постѡдншл, лн оудѡлженѣсмъ поутн, лн за оумноженіе ннѣ странѣ блжннѣ, в ннхъ же рѣшѣшѣса, ѡко лѡуѣа сѣпунѡа, свѣтѡ вѡраѡумнѣ просвѣтѣшл весь мнръ. по тѣмъ же стопамъ и сн ходѣща и тогѡ дха напоена ѡ бѣа, томъ же словесн быста проповѣдннка и новѣа ѡплѣ, не на тоужемъ ѡснѡвлнн своѣ дѣло показѡюща, но нзнѡва писмена въ ѡбѣрѣшл, и свершнѣста въ ѡзыкъ новѣ. послѣ же въсѣлкшл, ѡко оутренаа звѣзда, ѡ сѣнца свѣтъ прѣемлѡущн, свѣтлѣннхъ всѣ влѣдется, и ѡко нащѣтн дѣлатѣле въ вногрѣа, понѣсѣшенъ таготѣ дѣе и вѣра, съ прннѣ-

шнынъ въ .аї. уа раѣнѣ сподобаети быша мьздѣ, бжѣи блгтн, тако
 нзвѡашн в послѣднѣи вѣкъ томъ же дѣлв кѡвнтн сѣа новѣа про-
 повѣдникъ и свѣтлникъ всен вселеннѣн, шже пѡдвнго добръ и вѣ-
 рою крѣпко преподавша урсла своа, прндѡста, шко сѣнцы, тем-
 5 наа мѣста стопаин сконнн просвѣщающа, всакъ мьгав погань-
 скзю дхѡвнѣ огнемъ попалающа і еретнческзю, не пощадаща
 дша своа, ни пощадаща телесн своѣго, но всегда готова соуща
 за прѣвѣю вѣрѣ сладно испити хѣв уашѣ. въ срацинѣ же и во-
 здрѣ швѣлшаса ненобѣна, но шкѡ дѣдѣ іноплеменникъ иногдѣ,
 10 инзлѡжнѣвъ горднню ѣго, потребн, проѡбразокавъ трѣцю тремн кѣ-
 менн, и своѣ емѣ меуѣ главѣ ѡсѣкъ, похвалѣ прѣятъ въ тмѣ ѡ
 снѡкъ нѣлѣвъ, такоже же и сѣа ѡца трѣхпостаснѣ бжтѣв слогѣ
 соуща и проповѣдникъ, въ соборѣхъ срауннствѣ и жндовскѣ ѡбѣт-
 шасѣ, сконнн нмѣ кнѣгамн и шзыкомъ, сахметовы блади и жндѡв-
 15 скзю глобѣ дхѡвнмъ меуемъ ѡсѣкша, потребнста, шко плекель,
 и попалнста дхѡвною блгдтїю, а слѡво гнѣ вѣсѣаста, шко и пше-
 ницѣ, въ сердцеунѣ селѣ, и всѣа насладиста медотоунымн словесы,
 трѣбсзнауалнаго же бжтва шсно и сповѣдаста, оуказаста въ ѣдн-
 номъ соуществѣ равенствомъ сѣающа ѡца и сѣа и стго дхѣ,
 20 тако ш оуловнста, шко и рыбы, слѡвесною мрежею, и крѣтнста ѡ
 козарѣ утнѣа уади до дѡю стѣ, разѣв жѣнѣ и дѣтен. трегоуѣв
 похвалѣ ѡ всеа црѣкѣ прѣннша, прендѡста ѡ доунаа на злѣанѣа
 стрлны, блговѣствствующа слѡво бжтѣе въ шзыкѣ нѡвѣ, и весь
 црѣковнѣ законъ преложша ѡ греуескѣ, въ своѣ нмѣ кззыкѣ пре-
 25 даста, трѣшзыуннкомъ же глобѣ ннложнша, потребнста, шко плѣ-
 велѣ, ѡ пшеница ѡвращшша, ти утѡ црѣкѣн и свѣтоѡбрѣно житѡ
 прѣдаста. в западнѣхъ странахъ, нанонствѣ и моравьскѣ стрлнѣ,
 шко сѣнцы вѣсѣавша, мрака грѣховна ѡгнавша, просвѣтнста боук-
 ваин и наоуѣыша оуѣнны црѣковномъ уннѣ испѡванѣ. и тако теуѣ-
 30 нїе сконуавлющѣа, поутн сѣа шста рнскаго, айльскомъ прѣлазѣ покло-
 шнтнса, ведоуща съ собою на сѣнїе дхѡвннн плѡ. ѣже слышавѣ
 апостолнкѣ амрѣанѣ, и знде протнвѣ нмѣ далеуѣ ѡ града рнскѣ,
 и тако же а прѣятъ, шко аггѣа бжтѣа, и оуѣнїе ѣю прнѣмѣль,

восташи едѣжнаго мѣфодіа на прозвѣтерство, и оуѣтны ею.

Приближи же са время покон прѣати прѣтвы и преблѣжнѣму ѡцѣ
ншѣму и оуѣтлю коньстантинѣ философу. видѣв же явленіе ѡ
бга ѡ покои своемъ, ѡблеуеса в уерныа ригы, и днѣ же нарекъ
шюкоа своего, прѣкѣ до него днѣ веселаса и слава бѣ. и тако
поуми о гѣ в лѣ рѣтоз, и приближиса къ ѡцѣмъ своимъ, прѣкомъ
и мѣломъ, мѣнкомъ и всѣмъ стѣмъ, и положиша и въ цркви стго
ванмента, и дѣже науща многа ищцѣленіа бывати ѡ утѣнаго грѣба
его, слыпн акіе науща просвѣщатиса, недоужнн ищцѣнтиса, всн
схѣднн. еже видѣвшѣ римлане, пауе са приложиша къ стѣн его. 10
сѣпше же прѣтѣнаго и бгоутѣнаго мѣфодіа на архієпископство, на столѣ
стго анроника, апаа въ паноннѣ ѡ .б., поуѣтнша и на страны слав-
венскыа оуѣтн въ ѡзыкъ н, написавше епископлю сїю къ кнѣземъ
страны тоа, рѣстиславѣ, и стѣполакѣ, и коцелѣ. анрѣмѣ иѣпнѣ,
рѣкъ всѣмъ рѣбомъ бжѣемъ, къ рѣстиславѣ, и стѣполакѣ, и коцелѣ. 15
слава в вѣшнихъ бѣ, и на земан мирѣ, въ улѣцѣхъ блѣгоколеніе.
ѡко же ѡ вѣсѣ слышавше дѣховны радости, іже имате на спсѣніе,
слѣмъ брата ншѣго, утѣнаго мѣфодіа, сѣпна на архієпископство на
страны ваша, иже есте проснан оуѣ на, да вы оуѣтнѣ, въ ѡзыкъ
прѣлагла кннги, да са ищцѣлннѣ прѣрѣеское слово, ѡко же рѣша 20
хвалнѣ гѣ всн ѡзыцѣ, и похвалнѣ его всн людіе. и всѣкъ ѡзыкъ
ищцѣствѣ, ѡко и гѣ іс хс въ славу бгѣ ѡцѣ. аминь. въ еѣлѣн
рѣуе гѣ, послала скоа оуѣтны шѣше, наоуѣтнѣ всѣ ѡзыкн, крѣ-
ще ѡ въ нма ѡца и снѣ и стгѣ дѣа, оуѣаще блюстн всѣ, еанко
заповѣдахъ вамъ, и сѣ ѡ с вами есмь всѣ днн, до конѣнны вѣкѣ. 25
аминь. вы же, уада възлюбеннаа, послоушанте оуѣтнѣа бжѣа, еже к
послѣднѣа время прѣдано бѣ, вѣшего радн спсѣніа, да, пооуѣаю-
щеса разумно, плѣ достѣннѣ створнѣ, и прнмѣте вѣнецъ ищцѣ-
ненъ и въ сен вѣкъ и въ градѣпнн, съ всѣмн стѣмн въ вѣкѣ. аминь.

Дошѣшѣ же емѣ въ страны морѣбскы, всн людіе с радостію 30
нзидоша к срѣтеніе емѣ, и тако прѣапа и, ѡко аггѣла бжѣа, и ѡкѣр-
зошаса оуѣса слыпнымъ и оуѣсеса глоухѣ, и ѡзыцѣ вѣсноуѣщен
кѣглѣаша мира, і имн жс оуѣсты вѣша прѣвѣе жертвы ищцѣнны

ВЪЗДААН НА КЛАДЪЦѢХЪ И НА ВСЯХЪ МѢСТЕХЪ ХОУДОВОАН БГА, ТЫМЪ ЖЕ
 ДѢТИ НХЪ СЛОВОЕСИМА И БЕСКВЕРИМА СЛОУБЫ ЕГОУ ВЪЗДАЮТЬ ЗА ВСЮ
 МИРЪ, И ВЪ ВСАКОМЪ МѢСТѢ ИМА СЖИТЕ ПРОСЛАВЛЕНА ВЪ КЪЗЫКЪ НОУВЪ,
 ЕМОУ ЖЕ КЪМЪСА ПРОПОВѢДНИКЪ АПЛЪ НОУВЪ, ВЪСІАЕТЪ ЯКО СЛНЦЕ,
 И МГЛАВЪ НЕВИДѢНІА ШОГНА И БГОРАЗУЧИМЫ СЕВТОМЪ ВСѢ СРЦА ПРОСВЕТИ,
 КРОТОСТІЮ И СЛАСТІЮ, ВСА КЪ СЕБѢ ЛЮБОВОЮ ПРИВЕЛАУА, ТЕУЕПІЕ
 СНОЕ СКОУА, ВІРУХЪ СЪМОДЕ, ЦРКВЕН ПАСИМЫ ОУКРАСИ И ЯЗЫКИ ДХОВ
 НЫМИ. И ТАКО ПОУПІ О ГДА ВЪ ЛѢТО Ш ТЕЛРН ВСЕГО МИРА .ѡ. .Ѣ. .Ѣ.
 И ПРИЛОЖИСА КЪ ШЦЕМЪ СВОИМЪ, ПАТРИАРХОМЪ АЕРАИМЪ, ИСАКЪ, ІА-
 10 КОУВЪ, ВСІМЪ СЕБѢ ОУПОДОБЪ, ВСѢ ОУКРА на себя попомъ, ОБЕМЪ РА-
 КЕМЪ БЫКЪ, ШВѢ МИИИ, А ДРЕВУХЪ ПРЕСПІВЪ СІМОЮ, И ДЪТЕЛІЮ, И
 ИОДЕНГОМЪ, ВЪСІАЕТЪ ЯКО СЛНЦЕ, ЛОУУАМИ ПРИТОУАМИ И КАЖАІЕШЪ.
 ЕМЕ ПОМАГАЮЩИ МЕДОУОУМА СЛОВОЕСА, НІСТЬ УВЫМЪ СЛАСТИ ЕГО ДХОВ-
 НЫА ПРИЛОЖІТИ.

15 ТЫМЪ ЖЕ, КЛА ОУБО ПОХВАЛЪ КОУДА ВАМА, ТРОУЖИМЪСА ТОЛКО
 ХА РАДИ, ВЪ КОСТОУНІИ, И ЗАПАДНІИ, И СВЕРСКИИ СТРАНА, НЕ ИЦІЦА
 КРЕМЕНИХЪ И ТАЮЦІИХЪ, НО КЪУНІИ И БЕСКОНЕУНІИ, КРѢТЬ ГИИ МОУ-
 ЖЕСКИ НА РАМЪ ВЪСПРІИМІА, И ТЫМЪ ОЛАДИНЪВШЮ ГРѢХО ЗЕМЛЮ,
 ПОТРЕБАВША, РАЗОРСТА И ВЪСІАСТА ДХВНОЕ СІМА, І УТО ЦРКВЕ ПРИ-
 20 НЕСОСТА ЖИТО, ДИВНОЕ ОУУМІЕ, ИМЪ ЖЕ СІАСТА, ЯКО СВЪТЛИИ ВЪ
 ВСЕМЪ МИРѢ, ДЪМОНЬСКЮ ХУЛА И ВСАВЪ ЕРЕСЬ ПРОГНАША. ВЕЛИКА
 ОУБО СТѢПЛА ХЪВЪ ЦРКВЕ БЫСТА, ПІИЛА УЛКА И ЗЕМЛАА АГГЛА, ВЪ ПАѢ-
 ТИ БЕПЛОТНОЕ ЖИТІЕ СТАЖАВША. БЛЖЕНО ВЪ ВЪ ИСТИННУ УРЕВО, ПОШЪ-
 ШЕЕ ВЪ И ВЪЗДОУВША ГЛСА МИНОРОПЛОА, ИМЪ ЖЕ НАПНЪСТА АЛУЮЦІА
 25 КЪЗЫКЪ, И ЖАДНАА НАПОНСТА ЖИВОТНАГО ПИВА, НЕПРЕСТАЮЩУ ИЦІЦ
 ИСТОУША ВСІМЪ ОБЕАНО. КТО ОУБО ВОЗМОЖЕТЪ ДОСТОИНУ ПОХВАЛУ
 ВАЮ ИСПОВѢДАТИ; ПОНЕИЗЮ ВСЮ ПРШЕША, СТОПАМИ СВОИМИ ВСЮ
 МИРЪ ОСТІСТА. БЛВЕНЪ КЪЗЫ ВАЮ, ИМЪ ЖЕ НАСЪКАСТА ДХОВНАА СЛОВОЕСА
 КЪ СПСЕНІЕ БѢУИСЛЕНУ КЪЗЫКЪ, БГОДХИОВЕННЫИ ДАРЪ Ш БГА ПРИИМША.
 30 МРАКЪ НЕВИДѢНІА ВСЮДУ ПРОГНАСТА, СОБОЮ ОБРАЗЪ ВСІМЪ ПРѢЛАГАЮ-
 ЦА, Ш ОУСТНУ ДХОВНУ СЛАСТЬ ИСТАУАЮЩА, ПОГАИВЪСЪЖЪ ЖЕ ВСАКОМЪ
 РАЗРОУШНИКА ШВІСТАСА, ЕРЕТИКОМЪ СОУПОСТАТА, БЕСОМЪ ПРОГОИНИКА,
 СВЪТЬ ОБРАУЕИИ, ОУУТЛА МААДЕНЦЕМЪ, ИСТАУАЮЩА ДХОВНИЗЮ СЛАСТЬ,

алующимъ несквднаа пица, жаднымъ напада истощникъ, нагимъ
 обѣнано одѣнїе подающа, слрымъ помощника, страннымъ прїимъ-
 ника, болнымъ поствителл, печалнымъ оутѣшителл, напастнымъ
 защитникка, вдовамъ и сиротамъ помощника, слзпымъ свѣтодате-
 лл, влающимъса въ морн житенстемъ великаа амькѣра, стѣна и по- 5
 крокъ припадающїи к вама, іудѣомъ соупостата, исповѣнника стѣ
 грѣцы, свершителл бжїю смотренїю, величествъ бжїю слзжнїтелл,
 истощника бжїю словесн, недвижима стѣлла цркви хѣм, печатъ прав-
 дѣ, шнїтъ вѣры, шлемъ свѣсенїю, влѣ многоплоденъ, ложа медо-
 тоуна, свѣти мѣвенїи словеса ваю, ями же насладиста всю вселен- 10
 нзю, яко енсеръ многоцѣненъ истощива, сърѣвннцн гнн, въмѣстн-
 лнцн бжїа смотренїа, обнтелици бжїю смотренїю, съсоуда стмъ
 дхъ избрѣннаа, пронесъшлѣ нма хѣо по всен зѣман, крестъ по-
 хвалѣ на себя понесшлѣ, временнаа презрѣвшлѣ, а вѣныхъ наслажде- 15
 нїе прїимшлѣ, непрестанно прїбнлѣ и истиннаа пастырлѣ, за нзъ-
 бранное стадо ваю подвижно помоантаслѣ, стрѣти ѡженоущлѣ, въ и
 напастнн изгавлающлѣ, просвѣтнлѣ нмъ сѣуннн ѡун и оумъ оутвер-
 днлѣ достойно послѣдовати стопамъ ваю, мѣмѣщн наина на сл
 взнмающлѣ, скыше слзх подаднлѣ, да достойно пожннше ѡ хѣ,
 насладннцн трокдѣ ваю ѡбращнцтсѣ и проповѣдннцн урѣкен вѣре, 20
 юке нмъ ѣста предаллѣ, да всѣхъ ѣдннголласно прославати трїстѣе
 бжтѣо ѡца и снл и стѣго дхѣ, ннѣ и прѣо и в вѣкы вѣкомъ. Амѣнь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- Стран. Строк.
- Въ заглавіи 2. сътворѣшемъ вм. сътворѣшма.
3. на помыи вм. помыи,
— въ мѣзыи вм. въ мѣзыиъ.
4. архидіако́нъ папоскыи и мѣфо́ю вм. и мѣфо́ю архидіако́нъ папоскыи.
- 56, 1. ѡстанѣтъ вм. ѡстанѣи.
- 17—18. дѣшею и оумѣ вм. дѣшо и оумъ.
- 57, 1. оугодно вм. оугоднъ.
- 12. бестоуженіи слоуженіи вм. стоуженіи и слоуженіи.
- 21. именованъ вм. именованъ.
- 58, 3. ижева вм. ижешена.
- 18. оузрашася вм. оузрашашася.
- 26. сконуахъ вм. сконуахъ.
- 56, 7. неумоуственнѣ не ие именованъ вм. не ие неумоуственнѣ именованъ.
- 10. предастъ вм. предаста.
- 12. соугоубъ вм. соугоубо.
- 16. гѣа вм. гѣахъ.
- 18. оумира вм. оумирающа.
- 22. Проп. и передъ проповѣдателя.
- 29. пытаста вм. вьста.
- 60, 4. преподавахъ вм. преподавахъ.
- 18. ижеи вм. ижеи.
- 25. предастъ вм. предаста.
- 28. иже вм. ижеи.
- 33. его вм. ею.
- 61, 32. вѣсноующей вм. вѣсноующей.
- 62, 16. Проп. ради.
-

СВОЮГОМУНЛОСТНКИНЪТЪ.
 НИЗУДАБЪЛДРОУКОУСКОЕ
 Ю. НИМИКАНАЖДОУБЪТЪ
 НКРЪМЕНИЗУБЪРАМОУЖА
 НИКНДЪВАНУЗНПОДЪВН
 ПЪЛАНУДАМЪЗ. ДАБЪЗШАСА
 ПЪМЪЛЪПОДОБАЩЕЖНКО
 ПЪЗБЕСКОНЫТЪНЪЗНОБРЪ
 ДН. ПЛОТУУЗПРЪКЪЗ. ПО
 ЖЕНПРЪКЪТЪАЕТЪ. БУЖНЪЗ
 МОУЖЪБОМАНСАБЪВЪЗУДА

ПОВЪДАУЖНЕГОВЪЗХОЩЕТЬ
 ЗУДО. СНАМНОНАЗУЕМАНБОУ
 ДЕТЬСЪМАНЕГО. РОДЪПРАВЪ
 УЗБАТЬСА СЛАКАНБАТЪСЪВО
 ВЪДОМОУНЕГО. НПРДЪВЪДАНЕ
 ГОПРЪБЪЗІКАНЕТЪКЪВЪКЪЗІ
 ВЪКОУ. НЕТОГОБОКОРЕНЕВЪ
 СНАСТАНУЗДРЪЛДЪНЪДЪВЪ
 АЪТОРАСН. СВЪТОУЗДРАНЪ.
 НЕКОУДАНОНЕСЪКРОВНЦЕ
 ШЪРЪШЕСА. ТАКОЖЕБОНОСТО

IV

МАТЕРІАЛЫ ІНОСТРАННЫЕ

ЮАННЪ НЕЙГОФФЪ.

Въ то время, какъ въ продолженіе полу столѣтія выходилъ изъ неизвѣстности и вступалъ въ область нашихъ географическихъ свѣдѣній полуостровъ Задней Индіи, на который прежде совсѣмъ почти не обращали вниманія и посѣщали его мало, оставалось совсѣмъ неизвѣстнымъ величайшее царство въ Азій, Китай. Въ IX-столѣтіи напрасно старались утвердиться тамъ Арабы; Христіанскіе миссіонеры задаромъ проливали тамъ свою кровь. Въ новѣйшее время важнѣйшія морскія державы могли только силою пріютиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая. Отъ того-то скудныя извѣстія, доходившія къ намъ до сихъ поръ о Китаѣ и, кромѣ только не многихъ, не основанныя на собственномъ возрѣніи Европейскихъ путешественниковъ, цѣнятся самымъ удовлетворительнымъ изслѣдователемъ гораздо выше, нежели заслуживаютъ на самомъ дѣлѣ. Въ тотъ славный для Португальцевъ періодъ, когда ихъ имя приводило въ трепетъ сильнѣйшихъ Государей Востока, они, можетъ быть, успѣли бы завязать тѣсныя торговыя сношенія съ Китайскою Имперіею, но грубая ихъ надменность навсегда удалила отъ нихъ гордыхъ Китайцевъ, нарочно замкнувшихъ себя для всего остальнаго свѣта. Португальцы съ крайними только усиліями довели свои сношенія до того, что успѣли получить для заведенія факторіи не большой клочокъ земли на Южной оконечности утесистаго острова Амагао (Макао), лежащаго противъ гавани славнаго торговаго города Куанг-тунга (Кантона). Когда Голландцы положили конецъ единовластію Португальцевъ въ водахъ Восточной Азіи и основали свое могущество на обломкахъ Португальскихъ владѣній, они считали для себя одною изъ первыхъ задачъ — установленіе торговыхъ сношеній съ Китаемъ, такъ богатымъ самыми драгоценными произведеніями. Нѣсколько попытокъ имъ уже не удалось, когда Іезуитъ Мартіенъ Мартъенсонъ, болѣе десяти лѣтъ проживавшій въ Татаріи, для распространенія Христіанской Вѣры, прибылъ въ Батавію съ извѣстіемъ, что династія Мингъ, до времени занимавшая Китайскій престолъ, низложена Манджурскими Татарами (1644), и новый Императоръ, первый изъ цар-

ствующей до сихъ поръ династія Теингъ, разрѣшилъ всѣмъ народамъ свободную торговлю въ своей Имперіи. Остъ-Индская компанія положила не упускать такого благопріятнаго случая: въ Генварѣ 1653 года, она отправила въ Куанг-тунгъ купца Фридриха Шеделя съ хорошо нагруженнымъ фрегатомъ; однако жъ его приняли тамъ очень дурно, и съ презрѣніемъ бросили къ ногамъ его кредитивныя грамоты и привезенные подарки. Шедель тотчасъ замѣтилъ, что за такое позорное обхожденіе съ нимъ онъ обязанъ завистливымъ Португальцамъ и старался тотчасъ же расположить къ себѣ мандариновъ, наблюдавшихъ за иностранцами; это сверхъ ожиданія удалось ему, благодаря нѣсколькимъ бутылкамъ превосходнаго вина, которыми онъ угостилъ ихъ. Мандарины, сдѣлавшись довѣрчивѣе, подъ вліяніемъ пріятнаго напитка, сознались, что Португальцы не гнушались ни какихъ средствъ, чтобы заподозрить Голландцевъ у Китайскихъ властей, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали вѣрное обѣщаніе похлопотать за Шеделя. Уже на другой день онъ получилъ приглашеніе къ Вице-Королю Тинг-на-монгу, который принялъ его очень вѣжливо и, распросивъ о цѣли его приѣзда, велѣлъ подать ему съ товарищами вкусный обѣдъ на 32 серебряныхъ блюдахъ и въ золотыхъ чашкахъ. Вскорѣ потомъ послѣдовало позволеніе завести факторію въ Куанг-тунгъ; но потомъ оно отиѣвлено опять по указу изъ Пекина: въ указѣ было намекнуто, что бы Остъ-Индская компанія, если ей такъ понадобится торговля съ Китаемъ, отправила посольство къ Сыну Неба, какъ называетъ себя изъ скромности Императоръ, хотя Голландцевъ и считаютъ не лучше бродягъ, мошенниковъ и морскихъ разбойниковъ. По этому лестному приглашенію, въ Батавіи рѣшились поздравить формальнымъ посольствомъ Повелителя Китая съ восшествіемъ на престолъ, а при этомъ случаѣ похлопотать также и о заключеніи торговаго договора. Юаннъ Маатцуйкеръ, Губернаторъ въ Батавіи, поручилъ рѣшеніе этого труднаго вопроса двоимъ купцамъ, Петру Гойеру и Іакову Кейзеру; отпустилъ съ ними двухъ факторовъ, шестерыхъ служителей, кастеляна, двухъ переводчиковъ, трубача, барабанщика и много подарковъ, состоявшихъ въ дорогихъ сукнахъ, тонкомъ Голландскомъ полотнѣ, пряностяхъ, кораллахъ, зрительныхъ трубкахъ, ружьяхъ и равныхъ товарахъ. Кастеляну этого посольства, Юанну Нейгоффу, мы обя-

заны первымъ описаніемъ Небесной Имперіи: это чрезвычайно удачное произведеніе еще и теперь занимательно для читателя по своему, столь же важному и обильному, какъ заманчивому содержанию.

Юаннъ Нейгоффъ, родившійся въ первомъ десятилѣтїи XVII вѣка, въ Юльгенѣ, въ Бентгеймскомъ Графствѣ, съ ранней молодости находился на службѣ Остѣ-Индской компаніи и занималъ должность смотрителя за товарами (супер-карго). Въ 1640 году онъ отправился въ Бразилію, гдѣ, въ 10-ти-лѣтнюю бытность свою, собралъ дѣльныя извѣстія о разныхъ частяхъ этой страны, а особливо объ окрестностяхъ Фернамбуко: этѣ извѣстія явились потомъ и въ печати. Въ 1649 году онъ возвратился въ отечество. Когда же Голландцы должны были уступить Бразилію, онъ сталъ служить въ Остѣ-Индской компаніи, которая умѣла оцѣнить многоопытнаго человѣка и послала его въ качествѣ агента въ Багавію, куда и прибылъ онъ 30 Мая 1654 года. Онъ тотчасъ же назначенъ кастеляномъ посольства, отправлявшагося въ Китай. Не смотря на подчиненную должность, его надобно считать душою этого предпріятія.

14 Іюня 1655 года, двѣ яхты взяли это посольство въ Багавію, и послѣ двухъ-мѣсячнаго плаванія бросили якорь въ Гейтамонѣ, очень красивой и удобной гавани при устьѣ Та-си-Кіанга. Тотчасъ же явилась вооруженная барка съ распросами о причинѣ ихъ приѣзда и взяла одного писца у Голландцевъ въ жилище Намѣстника, который принялъ его хоть вѣжливо, но выразилъ удивленіе, что Голландскіе корабли, не смотря на прежнее запрещеніе, осмѣлились беспокоить Небесную Имперію своимъ присутствіемъ. Впрочемъ спустя нѣсколько дней явился Гайто-ну (адмиралъ гавани), для разсмотрѣнія кредитивныхъ грамотъ у посланниковъ; при этомъ онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что они не запаслись письмомъ къ Тутангу (губернатору) Куанг-тунга, и что письма къ Императору не хранились въ золотомъ ящикѣ или мѣшкѣ, а это доказываетъ недостатокъ уваженія. На другое утро Голландцевъ съ многочисленнымъ прикрытіемъ отвели въ Куанг-тунгъ, гдѣ и представили Вице-Королю, который сначала заставлялъ ихъ прождать два часа у своихъ дверей; а потомъ отвели для нихъ тотъ же домъ, гдѣ прежде жилъ Шедель.

Тутъ они должны были выдержать третій допросъ у Шут-си-зи-сина (казначей); этотъ заботливо осведомился объ ихъ лѣтахъ, происхожденіи и званіи, и насмѣшливо спросилъ, отъ чего грамоты къ Императору написаны на такой же красивой бумагѣ, какъ и къ Вице-Королю. Спустя нѣсколько дней имъ вѣжливо было опять ити на корабль, гдѣ строго стерегли ихъ военныя суда, и наконецъ, спустя три недѣли, пришло для нихъ позволеніе перенестись жить въ городъ, однако жъ не оставлять ни на минуту жилища. Подъ рукою дано имъ знать, что едва ли они добьются цѣли, если не расположатъ въ свою пользу Императорскій совѣтъ въ Пекинѣ подаркомъ, по крайней мѣрѣ, въ 300 талей серебра (въ 1000 гульденовъ). Они отказались пожертвовать этою суммою подъ тѣмъ предлогомъ, что не смѣютъ употреблять никакихъ подкуповъ; однако жъ послѣ долгихъ переговоровъ согласились заплатить 136 талей. Послѣ того ихъ тотчасъ же пригласили и отвели на пиръ къ Вице-Королю. На открытомъ мѣстѣ, не подалеку отъ ихъ жилища, было разбито десять великолѣпныхъ палатокъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ; въ самой пышной, стоявшей по срединѣ, сидѣли оба Вице-Короля и Тутангъ на дорогихъ коврахъ, очень искуснаго тканья; палатка на лѣво назначена была для посланниковъ, на право для музыкантовъ, которые при появленіи общества подняли оглушительный набатъ въ трубы, тромбоны и другіе духовые инструменты. Стеченіе любопытнаго народа, какъ водится и въ Европейскихъ столицахъ при такихъ случаяхъ, было ужасное, однако жъ соблюдался строжайшій порядокъ. Когда Голландцы сдѣлали Вице-Королямъ узаконенные поклоны, ихъ отвели въ назначенную палатку, гдѣ быстро, точно волшебствомъ, накрыли много столовъ и устали ихъ множествомъ кушаньевъ и конфетъ, приготовленныхъ съ такимъ вкусомъ и такъ сладкихъ, что и самый избалованный лакомка могъ бы вдоволь потѣшить свою прихотливость. Во время стола самая мелодичная музыка чередовалась съ чрезвычайно пріятнымъ пѣніемъ. Обѣдъ начался чаемъ, который Голландцы сначала сочли за бобовый супъ, чаемъ же и окончился. Тѣмъ же чаемъ Вице-Короли пили и здорье посланниковъ, а этѣ отвѣчали имъ испанскимъ виномъ, которое такъ понравилось Китайцамъ, что они бросили свой напитокъ. Когда пиръ кончился, ихъ отпустили съ большими учти-

востями и опять отвели въ ихъ жилище. Наконецъ, спустя пять мѣсяцевъ по приѣздѣ пословъ, явились изъ Пекина резолюція на ихъ просьбы: одна разрѣшала имъ приѣздъ къ Императорскому Двору, съ небольшою свитою и необходимыми переводчиками; другая позволяла торговать въ Куанг-гунгъ, прибавивъ, въ видѣ замѣчанія, что въ столицѣ ожидаютъ ихъ личной благодарности за эту милость. Съ этого времени, когда Сынъ Неба удостоилъ ихъ благосклоннаго отвѣта, ихъ осыпали вѣжливостями, давали для нихъ праздники за праздниками и даже были до того внимательны, что занимаемыя ими комнаты убрали картинами и дорогими шелковыми матеріями. Межъ тѣмъ изготовляли имъ паспорта и снаряжали на казенный счетъ 50 барокъ, для отправленія пословъ въ Пекинъ съ возможною пышностью; туда же послѣдили передовые гонцы, для приготовленій къ ихъ приему по всей дорогѣ. Они покинули Куанг-гунгъ 17 Марта 1656 года и плыли покойно вверхъ по рѣкѣ, которую украшали по обоимъ берегамъ безчисленные города и мѣстечки. Суда тащили люди съ большимъ напряженіемъ: уже здѣсь посланники имѣли случаи наблюдать невнимательность правительства къ его поданнымъ: переднихъ, тащившихъ суда, людей погоняли солдаты рысью, безъ всякой жалости, а когда кто нибудь падалъ отъ изнуренія, его били до тѣхъ поръ, пока онъ опять не вскакивалъ, или не умиралъ.

Въ Сии-и-вунгъ, куда они приѣхали около полуночи 21 числа, рѣка была очень быстра, по тому что тутъ впадаютъ въ нее много лѣсныхъ ручьевъ, стекающихъ съ сосѣднихъ горъ, которыя въ Китаѣ самыя высокія и постоянно одѣты облаками; 4 Апрѣля проѣзжали городомъ Нам-гунгомъ, раздѣленнымъ рѣкою на двѣ половины: повидимому, онъ былъ сильно населенъ, и замѣчательнъ уже тѣмъ, что въ немъ готовится лучшій во всемъ Китаѣ фарфоръ. Здѣшнія власти, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, приняли ихъ отличнo и угощали великолѣпно. Отсюда до Нан-чан-фу они должны были продолжать путешествіе сухимъ путемъ; въ послѣдкахъ спокойно перенесли ихъ черезъ страшную горную тѣснину, которую Намѣстникъ провинціи, на собственный счетъ, сдѣлалъ удобной для ходьбы и за это признательные жители построили ему храмъ. Въ Нан-чан-фу послы обли

опять на суда и съ каждымъ днемъ все больше изумлялись точности и быстротѣ, съ какою исполнялись всѣ приказанія ихъ провожатыхъ, и боязливой совѣстливости чиновниковъ въ исправленіи ихъ обязанностей. Одинъ изъ нихъ, въ чемъ-то провинившійся передъ послами, навлекъ на себя выговоръ и до того разобидѣлся, что непременно закололъ бы себя, если бъ, по счастью, не удержалъ его за руку слуга одного мандарина.

Далѣе, вверхъ по рѣкѣ, путь проходилъ прекрасною, плодосною странюю, гдѣ былъ воздѣланъ и употребленъ съ пользою каждый клочокъ земли, съ такимъ стараніемъ, что Голландцы подумали, что путешествуютъ въ своемъ отечествѣ; великолѣпные города и чистенькія деревни сѣнялись необозримыми полями до Нанкина, самаго большаго и знаменитаго города въ Южномъ Китаѣ, куда они приѣхали 4 Мая. На другой день они сдѣлали визитъ каждому изъ 3 Намѣстниковъ, какъ требовалъ Китайскій обычай, и были всѣми приняты съ изысканною ласкою; младшій изъ нихъ, красивый Татаринъ, долго разговаривалъ съ ними въ своей комнатѣ, въ присутствіи очень остроумной своей жены, которая все приступала къ Голландцамъ съ распросами и велѣла подать имъ чаю съ молокомъ и солью; потомъ они опять отравились на суда, на которыхъ должны были проводить ночи въ продолженіи всего путешествія. Нанкинъ лежитъ на разстояніи получаса отъ рѣки, однако жъ соединенъ съ нею множествомъ широкихъ каналовъ, пересѣкающихъ его по всѣмъ направленіямъ, и прежде имѣлъ хорошую гавань, такую обширную, что въ ней стоялъ на якорѣ весь флотъ Китайцевъ; но послѣ завоеванія Татары сдѣлали ее негодною посредствомъ загороды, и сломали, по крайней мѣрѣ, третью часть города, въ которой наблюдалъ за порядкомъ сорока-тысячный гарнизонъ. Стѣна въ 30 футовъ вышины, окружающая собственно городъ, съ сторожевыми башнями и брустверами, идетъ на шесть миль и имѣетъ 13 воротъ, въ которыя безпрестанно входитъ и выходитъ такая толпа народа, что чрезвычайно трудно бываетъ продираться чрезъ нее. Предмѣстія занимаютъ очень большое пространство; два всадника съ ранняго утра, изъ однихъ и тѣхъ же воротъ, объѣзжая границу города съ разныхъ сторонъ въ галопъ, съѣзжаются опять только позднимъ вечеромъ. Число жителей

показываютъ различно: прежде оно простиралось даже до 10 милліоновъ, но это явно преувеличено; нынче считаютъ до милліона. При такомъ множествѣ народа соблюдается самый строгій порядокъ, а ночью глубокая тишина, которая достаточно доказываетъ, какъ мало расположеніи въ Китайцѣ къ распущенности. Главныя улицы совершенно прямыя, въ 28 шаговъ ширины, и вымощены очень хорошо. Общественныя зданія, дворцы, храмы, башни и триумфальныя арки обнаруживаютъ расточительную роскошь, но частныя дома малы, только въ одинъ этажъ и безъ большихъ удобствъ: въ нихъ всего одна комната. служащая столовою и спальней, съ однимъ же и окномъ, или лучше съ четверугольною дырой, вмѣсто стекла закрытой плетенымъ тростникомъ; всѣ дома совершенно походятъ другъ на друга, крыты бѣлою черепицею и снаружи выкрашены также бѣлою краскою, отъ чего улицы дѣлаютъ очень скучное впечатлѣніе. Во многихъ почти однѣ только лавки съ шелковыми и хлопчато бумажными матеріалами, фарфоромъ, жемчугомъ, брилліантами и другими вещами; у каждой доска съ именемъ купца и названіемъ его товаровъ, написаннымъ золотыми буквами; возлѣ нея поднимающійся надъ домомъ шестъ, къ которому привязываютъ знамя, флагъ или другой какой нибудь знакъ. Вмѣсто битой монеты пользуются маленькими кусочками серебра различного вѣса: отъ того-то, чтобы не быть обманутымъ, всегда надо носить съ собою вѣсы и вѣсовики, по тому что у Китайцевъ всегда двойные вѣсы, которые они умѣютъ подмѣнивать очень ловко. Каждые три мѣсяца ходятъ изъ Нанкина въ Пекинъ пять кораблей, роскошно оснащенныхъ и украшенныхъ живописью и позолотой; они отвозятъ самые драгоценныя товары и лучшіе продукты провинціи къ Императорскому Двору.

Отдохнувъ нѣсколько дней съ дороги, Голландцы воспользовались позволеніемъ осмотрѣть городъ и отправились сначала въ знаменитый храмъ Пау-линь-чингъ, занимающій съ принадлежащими къ нему зданіями большое пространство, на которое избираются по 12 каменнымъ ступенямъ. При входѣ очень вѣжливо встрѣтили ихъ Китайскіе жрецы и водили по всѣмъ отдѣленіямъ: въ самомъ большомъ стояли по стѣнамъ идолы многими рядами, одни надъ другими, маленькіе, по крайней мѣрѣ, въ числѣ 10-ти

тысячъ внизу, большіе на верху: они были разной величины, отчасти вызолочены, отчасти расписаны яркими красками; по срединѣ двора возвышалось самое художественное изъ всѣхъ зданій, славная фарфоваѣ башня, должно бытъ, построенная побѣжденнымъ народомъ, по приказанію Татаръ, завоевавшихъ Китай въ X столѣтіи, въ знакъ побѣды. Она состоитъ изъ 9-ти выпуклыхъ этажей съ безчисленными сквозными окнами, расцѣпывающими на блестящее освѣщеніе; каждый этажъ окруженъ галлереею искусной работы и укращенной самою разнообразною живописью. Наружная стѣна выполирована гладко, какъ зеркало, такъ что нигдѣ нельзя замѣтить пазовъ и выкрашена красною, желтою и зеленою краской. Галлерей съ зубчатыми кровлями, къ которымъ привѣшено безчисленное множество колокольчиковъ, звенящихъ очень пріятно, когда слегка качаетъ ихъ вѣтромъ. Вершина башни, на которую поднимаются по внутренней лѣстницѣ и откуда можно видѣть не только городъ, но и всю окрестность, увѣнчана большою сосновою шишкой изъ лигатаго золота. Весь храмъ окруженъ прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ находятъя могилы прежнихъ Императоровъ, имѣвшихъ резиденцію Нанкинъ. Императорскій дворецъ, четырехугольникъ, каждая сторона котораго, длиною съ милю, лежитъ теперь въ развалинахъ

Изъ города Нанкина, гдѣ жители самые вѣжливые и образованные люди во всей Небесной Имперіи, посланники были отправлены далѣе на пышныхъ Императорскихъ яхтахъ; но сначала чиновники, ихъ провожавшіе, принесли одному идолу жертву, состоявшую изъ свиней, козъ и пѣтуховъ, за благополучное окончаніе путешествія. Страна, по которой они продолжали теперь свое плаваніе, была также плодоносна и хорошо обработана, какъ и прежняя, лежащая ниже, однако жъ они видѣли гораздо больше нищихъ, нежели прежде, старавшихся выханжить милостыню у путешественниковъ иногда очень страннымъ образомъ: двое стукались головами такъ страшно, что трещалъ черепъ, другой терся о камень лбомъ до тѣхъ поръ, пока не подали ему милостыни; увѣряютъ, что этѣ люди не прежде бросаютъ такія занятія, пока не достигнутъ цѣли, или не упадутъ въ безсидіи на землю. Послѣ двух-мѣсячнаго путешествія, Голландцы наконецъ добрались до Пекина и вѣхали въ городъ двумя великолѣпны-

ни воротами, гдѣ принялъ ихъ Императорскій «кавадо» (кастелянъ) и отвелъ въ приготовленное для нихъ жилище, передъ которымъ тотчасъ же былъ поставленъ почетный караулъ. Уже на другое утро явилось множество чиновниковъ освѣдомиться отъ имени Императора объ ихъ здоровѣ, цѣли ихъ посѣщенія и о числѣ и качествахъ привезенныхъ съ ними подарковъ. Распросы ихъ были безконечны и доходили до постороннихъ мелочей. Они никакъ не могли получить яснаго понятія о положеніи Нидерландовъ, выпросили себѣ ландкарту и взяли ее съ собою для представленія Императору. Республиканскій образъ правленія былъ совсѣмъ необъяснимъ для нихъ, по тому что они знали одишь монархическій; они даже изъявили сомнѣніе, позволить ли еще Сынъ Неба представиться къ нему людямъ, отправленнымъ не Государемъ, да и не родственникомъ кому нибудь изъ такихъ высокихъ особъ. Когда же наконецъ посланники, измученные допросомъ; стали отвѣчать небрежище, чиновники привели въ извиненіе себѣ точныя приказанія Императора, взяли кредитивныя грамоты на большомъ серебряномъ блюдѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ и удалились. На другой день послы приглашены были въ Государственный совѣтъ показать свои подарки: на верхнемъ концѣ залы, въ которую ввели ихъ, сидѣлъ Канцлеръ на широкой и низкой скамьѣ, крестъ на крестъ подогнувъ подъ себя голыя ноги; на право возлѣ него Татарскій членъ совѣта, на лѣво Адамъ Шааль, Нѣмецкій Іезуитъ изъ Кельна, тридцать лѣтъ уже пользовавшійся при Дворѣ большимъ значеніемъ въ званіи переводчика. Этотъ привѣтствовалъ Голландцевъ на Нѣмецкомъ языкѣ и велѣлъ имъ сѣсть, пока вынимали изъ ящика подарки и считали ихъ съ большою точностію. Между тѣмъ Канцлеръ почувствовалъ аппетитъ и безъ всякихъ церемоній велѣлъ принести въ совѣтъ кусокъ жареной свинины, которую, не смотря, что она была еще полусырая, терзалъ и глоталъ съ такою жадностію, что скорѣе походилъ на мясника, чѣмъ на члена совѣта. Наѣвшись до сыта, онъ велѣлъ подать обѣдъ и посланникамъ; однако жъ они довольствовались нѣсколькими конфектами, а полусырыя мясные кушанья предоставили совѣтникамъ, которые напали на нихъ съ такою алчностью, точно не ѣли ничего многіе дни. Въ это промежуточное время, Шааль, человекъ уже очень старій, съ длинною сѣдою бородою и въ Татарскомъ платьѣ, разсказалъ

посланникамъ, что назадъ тому четыре мѣсяца прибыло ко Двору Московское посольство съ свитою изъ 400 человекъ и просило позволенія одинъ разъ въ годъ посѣщать Китайскіе рынки, впрочемъ не получило его. Это извѣстіе было чрезвычайно не пріятно Голландцамъ: они вернулись не очень веселые въ свое жилище, куда провожали ихъ также съ большою пышностью. Однако жъ они опять получили надежду, когда вскорѣ потомъ было объявлено, что Императоръ отозвался довольнымъ подарками, а наконецъ явился и слѣдующій Императорскій приказъ къ верховному совѣту: «Высокопочтенные липусъ (государственные совѣтники)! Сюда пришли съ подарками Голландскіе послы, чтобы привѣтствовать Императора и засвидѣтельствовать ему свою покорность. Сколько могутъ припомнить люди, этого не случалось даже за тысячу тысячъ лѣтъ назадъ; я принялъ ихъ и позволяю имъ явиться передъ мое лицо, когда буду сидѣть на тронѣ въ своемъ новомъ дворцѣ, и засвидѣтельствовать мнѣ почтеніе, чтобы получить благосклонный отвѣтъ и поскорѣе отправиться въ обратный путь на родину. Такова моя воля, тѣмъ болѣе, что они, увлеченные далеко разносящеюся славою моего имени, сдѣлали невообразимо дальнюю дорогу водою и сушею и изъ мрачной сѣни занесли свои ноги въ Пекинъ, чтобы отдохнуть тамъ и созерцать во всѣ глаза лучезарность солнца на небѣ: можно ли быть не милостивымъ къ такимъ людямъ и отказать имъ въ просьбѣ?»

Не смотря на такой милостивый приказъ, Государственный совѣтъ, предубѣжденный противъ Голландцевъ Португальскими купцами и миссіонерами, все еще имѣлъ какія-то опасенія, которыя очень трудно было разсѣять; этѣ опасенія кончились тѣмъ, что посольству дано, ничего не выражающее, позволеніе являться при Дворѣ въ продолженіи 8-ми лѣтъ для засвидѣльствованія почтенія Императору. Однако жъ они все еще надѣялись достигнуть цѣли на торжественной аудіэнціи и просили назначить имъ день для того; послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ, что они могутъ быть допущены на аудіэнцію тогда только, когда окажутъ сначала почтеніе престолу, стоявшему въ старомъ дворцѣ. Этотъ престолъ, говорили мандарины, старѣе Императора, который самъ преклоняется предъ нимъ, пока еще не признанъ въ

этомъ санѣ; то же дѣлають и всѣ гоусдарственные чиновники передъ вступленіемъ въ должность. Когда посланники, хотъ и не безъ противорѣчій, изъявили на это готовность, ихъ отвели въ большую залу, въ которой стояло кругомъ множество людей въ длинныхъ одеждахъ и съ книгами въ рукахъ, а оттуда на дворъ, гдѣ подъ высокою аркой увидѣли за рѣшеткою старинный тронъ. Теперь Герольдъ громко закричалъ: Ка-шанъ (Богъ послалъ Императора) кве-е (становитесь на колѣни), кан-то, (опустите голову), ке-е (вставайте); когда они три раза исполнили эту команду, Герольдъ прокричалъ: ко-е (отойдите въ сторону). Потомъ они удалились и вернулись къ себѣ на квартиру. Такова церемонія, послужившая поводомъ ко множеству толковъ, изъ за которой не имѣли успѣха всѣ посольства, по тому что всѣ они гнушались такимъ поклоненіемъ стулу.

Наконецъ, 2-го Октября, вскорѣ послѣ полуночи, мандарины пришли за посланниками и отвели ихъ въ новый дворецъ; тамъ на одномъ изъ переднихъ дворовъ подъ открытымъ небомъ и на голыхъ камняхъ, они должны были терпѣливо ждать приказанія явиться предъ очи Императора вмѣстѣ со многими другими посольствами изъ Татаріи, Монголіи и Тибета. Ворота, которыми они вошли, охранялись большою толпою богато одѣтыхъ солдатъ также и черными слонами, съ позолоченными на спинахъ башнями прекрасной рѣзной работы. Спустя часъ послѣ разсвѣта, по данному знаку, явилось двое Татарскихъ придворныхъ чиновниковъ и повели всѣхъ посланниковъ другими воротами на другой дворъ, также занятый сильнымъ карауломъ, а потомъ на третій, гдѣ находились тронная зала и комнаты Императора и его семейства. Кругомъ по стѣнамъ этого двора опять были войска, всѣ въ пышныхъ шелковыхъ платьяхъ; въ передней части тронной залы, возвышенной и построеной съ большимъ вкусомъ, стояли 112 сильныхъ солдатъ; на которыхъ были черныя шапки съ желтыми перьями: каждый держалъ знамя, отличавшееся видомъ отъ знаменъ всѣхъ другихъ его товарищей, и одного цвѣта съ его одеждой, которая у всѣхъ была разная. Возлѣ трона стояли 22 самыхъ знатныхъ придворныхъ съ дорогими желтыми зонтиками въ видѣ солнца; подлѣ нихъ еще десять съ позолоченными похожими на солнце кружками, и потомъ

шестеро другихъ съ кружками же, но похожими на полный мѣсяцъ. За ними слѣдовали 11 человекъ съ пиками и шестами, на которыхъ висѣли пестрыя шелковыя кисти и наконецъ множество другихъ людей: каждый изъ нихъ протягивалъ впередъ расписанное знамя съ дракономъ или другимъ какимъ чудовищемъ и еще палицу. Передъ самыми ступенями къ трону, по обѣимъ сторонамъ его, красовались 6 бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей въ богато вытканныхъ попонахъ и въ сбруѣ, облитой жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Между тѣмъ какъ посланники смотрѣли съ изумленіемъ на все это великолѣпіе, зазвонилъ пріятнаго звука колокольчикъ и выскочилъ придворный служитель съ какимъ-то орудіемъ, похожимъ на ливеръ изъ множества подвижныхъ штукъ: онъ взмахнулъ имъ три раза и произвелъ трескъ, сильнѣе хорошо заряженнаго пистолета. Всѣ поднялись по этому сигналу: сначала медленно и важно подвинулись къ трону Тутангъ Куанг-тунга и знатнѣйшіе сановники Имперіи въ златотканыхъ платьяхъ, по возгласу Герольда, стали на колѣни и десять разъ дотронулись головами до полу; во все это время раздавалась чудесная музыка и пріятное пѣніе. Исполнивъ ту же церемонію съ другими высшими сановниками, Канцлеръ Имперіи подошелъ къ посламъ и спросилъ ихъ, въ какихъ чинахъ были они на родинѣ? Китайскаго Теуп-тенга (помощника Намѣстника), отвѣчали послы. Тогда отвели ихъ на десятый изъ камней, лежавшихъ передъ трономъ одни за другими, съ цифрами, означавшими чинъ допущеннаго къ аудіенціи. Тутъ имъ надобно было исполнять быстро и аккуратно приказанія Герольда, слѣдовавшія одни за другими въ очень короткихъ промежуткахъ времени: «подойдите къ трону, ступайте на мѣсто, станьте на колѣни, наклоните голову до пола три раза, вставайте, ступайте опять на мѣсто.» Тотчасъ послѣ того повели ихъ на помость въ 20 футовъ вышины, обнесенный алебастровыми перилами, на которомъ стоялъ тронъ. Тутъ, послѣ неваго колѣнопреклоненія и земнаго поклона, угощали ихъ чаемъ съ молокомъ въ маленькихъ деревянныхъ чашкахъ. Межъ тѣмъ какъ придворные все наливали чашки и обносили кругомъ, вдругъ снова раздался колокольчикъ и трескъ, а потомъ всѣ припали къ землѣ. Явился Императоръ, окруженный Принцами, подвластными Королями и 44-мя человекъ Татарской стражи, одѣтой очень просто и во-

оруженной стрѣлами и луками. Онъ взомель на престолъ, сіявшій золотомъ и дорогими каменьями, хотя и очень высокій, но до того закрытый перилами по сторонамъ его, въ видѣ драконовъ, что посланники, которые при томъ же должны были уставить глаза въ полъ, не много могли видѣть лицо Императора; однако жъ замѣтили, что онъ былъ еще молодой, полный мужчина, средняго роста, съ очень бѣлою кожей. Одежда его казалась совсѣмъ облятою золотомъ, но на Приицахъ и зависимыхъ Короляхъ были снѣіе шелковые кафтаны, съ вытканными по нимъ золотыми драконами,—Императорскимъ гербомъ; на головѣ носили шапки съ золотыми пуговками, формою и украшеніемъ означавшія чинъ каждаго. Посидѣвъ съ полчетверти часа на тронѣ, Императоръ всталъ и удалился, не сказавъ ни слова посланцъ; они возвратились къ себѣ на квартиру, проведенные сильной стражей черезъ массу народа, напиравшую со всѣхъ сторонъ. Но только что они пришли туда, какъ прибыли два члена Государственнаго совѣта съ увѣдомленіемъ, что Императору угодно видѣть голландскій нарядъ; тотчасъ же исполнили его желаніе и послѣ узнали, что онъ со вниманіемъ осмотрѣлъ нарядъ во всѣхъ частяхъ, но всего больше дивился бобровой шапкѣ и подумалъ, что нарядъ Государя, у подданныхъ котораго такое дорогое платье, долженъ быть выше всего по великолѣпію. Послѣ аудиэнціи посланники, по Китайскому обычаю, приглашены были на три пира, которые будутъ даны для нихъ черезъ каждыя десять дней. Голландцы хотѣли какъ можно скорѣе отправиться въ обратный путь, по тому и просили уволить ихъ; но они требовали невозможнаго по Китайскимъ понятіямъ о важности; только послѣ многихъ размышленій, рѣшено было дать эти пиры въ три дня къ ряду. На всѣхъ пирахъ придворные въ ихъ государственныхъ платьяхъ подавали на 30 серебряныхъ блюдахъ все одни и тѣ же кушанья, превосходные плоды въ сахарѣ и плохо приготовленную рыбу. Передъ тѣмъ, какъ садиться посланникамъ надобно было, повернувшись на Сѣверъ, дѣлать три поклона, что бы почтить такимъ образомъ отсутствующаго Императора. При концѣ стола каждый разъ они должны были выпивать за его здоровье нѣсколько чашъ саунука, наливка, похорожаго спиртуозностию на водку, и брать съ собою остатокъ кушаньевъ. Тотчасъ же послѣ пировъ дали давно ожидаемый

отвѣтъ на ихъ просьбы, хотя и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, однако жъ онъ ограничивался неопредѣленнымъ позволеніемъ прѣзжать каждый годъ въ продолженіи 8-ми лѣтъ въ Китай и сбывать тамъ привезенные товары. Потомъ ихъ отдаривали и велѣли тотчасъ же ѣхать, по тому что, по тамошнему обычаю, ни одно посольство не можетъ оставаться въ Имперіи долѣе двухъ часовъ, по окончаніи своихъ дѣлъ. Впрочемъ и на возвратномъ пути обходились съ ними съ большимъ вниманіемъ и предупредительностію, только много страдали они отъ холода и суровой погоды; при томъ чиновники подъ вымышленными предлогами позволяли себѣ кое какія прижимки, и Голландцы очень рады были, когда опять сѣли на корабли въ Куанг-тунгъ. 31-го Марта 1657 года оны прибыли въ Батавію, проведя въ путешествіи 20 мѣсяцевъ и 6 дней. Успѣхъ посольства, котораго издержки простирались до 100 тыс. гульденовъ, совсѣмъ не отвѣчалъ ожиданіямъ Остъ-Индской компаніи; за то надобно высоко цѣнить его въ ученомъ отношеніи, по тому что дневникъ Нейгоффа, наблюдателя осторожнаго и проницательнаго, впервые разоблачаетъ внутренній бытъ Небесной Имперіи и сообщаетъ превосходныя извѣстія о природѣ страны и ея жителяхъ, такъ что поправки и прибавленія къ нимъ возможны только при описаніи отдѣльныхъ подробностей, сужденіе о которыхъ необходимо требуетъ высшаго ученаго образованія. Предоставляемъ это описанію Англійскаго посольства, отправленнаго подъ начальствомъ Графа Макартнея, въ исходѣ прошлаго столѣтія *. Китайцы все еще остаются на той же степени образованности, которой достигли больше 2000 лѣтъ до того: это явленіе объясняется само собою и достаточно облегчаетъ повѣрку и сравненіе извѣстій, сообщенныхъ Нейгоффомъ и другими путешественниками. Въ предѣлы нашего пробнаго сочиненія не входитъ географическое описаніе величайшаго изъ всѣхъ Азіятскихъ государствъ, которое у туземцевъ называется «Тшонг-куэ» (царство середины), а у прочихъ народовъ «Сина» или «Хина», по имени династіи Тамъ, царствовавшей еще до нашего лѣтосчисленія. Надобно только замѣтить; что Китайъ съ подвластными ему землями, Манджурією, Монголією, Турфаномъ и государствами, состоящими подъ его

* Оно явится въ слѣдъ за путешествіемъ Нейгоффа.

его покровительствомъ: Тибетомъ, Корею и архипелагомъ Ликео, занимаетъ пространство почти въ 250 тыс. квадр. миль, слѣдовательно 4-ю часть Азіятскаго материка и считаетъ до 300 милліоновъ жителей, изъ которыхъ собственно на Китай приходится больше 200 милліоновъ. Китай простирается отъ 20-го до 42-го градуса сѣверной широты и граничитъ къ Сѣверу съ Монголіею и Манжуріею, къ Западу съ Тибетомъ и Заднею Индіей, съ Юга и Востока омывается малодоступнымъ моремъ.

Природа страны намъ мало извѣстна: въ изображеніи горныхъ цѣпей и рѣчныхъ системъ до сихъ поръ еще господствуетъ величайшій произволъ. Однако жъ въ общемъ видѣ земли преобладаетъ, кажется, тоже скучное однообразіе, какъ и въ быту и дѣятельности ея жителей: горы тянутся однообразными цѣпями и рѣдко, какъ увѣряютъ, образуютъ живописныя купы: вершина одной кажется точно такою же, какъ и другой; наибольшая часть горъ, замѣченныхъ путешественниками, имѣетъ недостатокъ въ убранствѣ лѣсовъ; рѣки, изъ которыхъ всѣхъ больше и оживленнѣе Янтсе-Кіангъ (синяя рѣка) и Гоанго (желтая), пробіраются по красивымъ равнинамъ и долинамъ, но по мѣстности и обработанности похожи одна на другую; многочисленныя озера мало помогаютъ украшенію страны и только считаются пригодными водохранилищами, изъ которыхъ получается необходимое орошеніе для полей; города, всего чаще очень большіе и сверхъ того сильно населенные, скрываются почти невидимые за своими стѣнами, притомъ всегда одной и тою же постройкой не могутъ нравиться Европейцу: кто видѣлъ одинъ китайскій городъ, видѣлъ ихъ всѣ.

Климатъ хоть и не можетъ быть вездѣ совершенно одинаковъ въ такой обширной странѣ, однако жъ противоположности не такъ значительны, какъ бы слѣдовало полагать по разстоянію между обоими самыми крайними градусами сѣверной широты. Въ Южныхъ провинціяхъ, не смотря, что всѣ онѣ лежатъ въ жаркомъ поясѣ, жары никогда не достигаютъ чрезвычайно высокой степени, по тому что здѣсь преобладаютъ Сѣверовосточныя вѣтры, въ гористыхъ странахъ даже сильно морозитъ зимою; въ полосахъ поровнѣе, особливо въ ближайшихъ окрестностяхъ Куанг-тунга, погода въ продолженіи всего года очень пріятная:

въ Декабрѣ цвѣтутъ розаны, амаранты, жасмины и другіе цвѣты. Въ среднихъ провинціяхъ, ролниѣ чая, камфары, лучшей и благороднѣйшей зелени и житницѣ Имперіи. Лѣто хотя и очень жаркое, однако жъ жары никогда не бывають до того чрезвычайны, чтобы могли отбить у людей охоту къ труду; высокія горы, которыя здѣсь имѣють спуски къ Востоку, масса стекающихъ съ нихъ водъ и всегда дующіе къ берегу сильныя вѣтры уменьшаютъ зной. Въ Сѣверной странѣ зима продолжается довольно долго и обрыцковенно такъ холодна, что замерзають рѣки; а лѣто, которое слѣдуетъ прямо за зимою, за недостаткомъ весны, очень жарко: зной былъ бы почти не выносимъ, еслибъ не сильныя Сѣверо-восточныя и Юго-западные вѣтры, поднимающіеся и падающіе съ солнцемъ, не продували засѣянныхъ полей. Дожди зимою очень рѣдки и снѣга падаетъ не много. Самые сырые мѣсяцы: Іюнь, Іюль и Августъ, самый сухой Ноябрь; въ Декабрѣ и Январѣ часто поднимаются густыя туманы. Вообще во всей странѣ климатъ очень сносенъ и здоровъ, что доказывается уже и глубокою старостію, до которой доживаетъ большая часть Китайцевъ. Злокачественныя болѣзни рѣдки: одна оспа дѣлаетъ часто большія опустошенія, по тому-то, если встрѣтится хорошій видъ этой болѣзни, стараются распространять ее, вкладывая въ носъ дри хлопчатую бумагу, напоенную оспенною матеріею, либо надевають платья одержимаго этой болѣзнію, либо спятъ съ нимъ на одной постели: почти всеобщій въ Европѣ способъ прививанія въ Китаѣ не извѣстенъ. Накожныя болѣзни рѣдко посѣщаютъ Китайца, не смотря на его неопрятность; подагры онъ не знаетъ совсѣмъ и приписываетъ это предохранительному дѣйствию чая. Въ низшихъ слояхъ народа и особливо у поселянъ очень распространена главная болѣзнь. Причины тому надобно искать не въ частомъ употребленіи риса, слѣдуя Китайскимъ врачамъ, но въ сильно населенныхъ низкихъ домахъ: въ нихъ очень тяжелый воздухъ отъ дыма жаровень, табаку и свѣчь изъ пыли сандалнаго дерева, употребляемыхъ для означенія часовъ дня, и вредныхъ испареній грязи и нечистотъ, которыхъ никогда не выкидываютъ вонь.

Почва очень плодородна почти во всѣхъ частяхъ Китайской Имперіи. Въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ природа оказывается не

такъ выгодно, трудъ человѣка принудилъ ее къ плодородію, по тому что чрезвычайно сильное населеніе необходимо требуетъ особенныхъ заботъ о земледѣліи: видъ городовъ только рѣдко видны необработанныя мѣста. Поселянинъ не терпитъ ни платней, ни заборовъ, по тому что боится изъ за нихъ потерять часть своей земли; даже самыя крутыя горы приспособлены къ земледѣлію посредствомъ уступовъ, вырубленныхъ съ трудомъ, покрытыхъ черноземомъ и похожихъ издали на огромныя многоярусныя пирамиды. Главная пища Китайцевъ рисъ; но безъ обильнаго орошенія онъ не родится, и по тому не опускаютъ ни какого случая, не оставляютъ неиспытаннымъ ни одно средство, для скопленія запасовъ воды, чтобы въ извѣстное время проводить ее на поля. Въ низменностяхъ страны, прорѣзанной многочисленными рѣчками, это дѣлается легко и скоро, съ помощію простыхъ черпальныхъ колесъ изъ бамбуковаго тростника; на горахъ выкапываютъ водоемы, чтобы удерживать воду и во время обработки полей проводить ее во всѣ стороны желобами, гдѣ же это не возможно, тамъ съ трудомъ поднимаютъ воду изъ долины съ уступа на уступъ посредствомъ удобныхъ для носки цѣпныхъ насосовъ, приводимыхъ въ движеніе двоими людьми. Поля не оставляютъ никогда подъ паромъ, а потому и самый простой плугъ исправляетъ всякую службу, какой можно требовать отъ такого орудія: рѣзца у него не нужно, по тому что нѣтъ надобности перерѣзывать дернъ; сошникъ обыкновенно желѣзный, но часто и изъ крѣпкаго дерева, для открыванія почвы, внизу закривленъ и такимъ образомъ отвѣчаетъ за борону, для засыпанія землею бороздъ, въ которыя падаетъ сѣмя, изъ воронки, придѣланной къ стойкѣ плуга. Плугъ тащитъ одинъ буйволъ, либо нѣсколько воловъ или ословъ и старухъ, которыхъ нерѣдко встрѣчаютъ въ такой упряжкѣ. При такомъ способѣ, взрываютъ всегда только самый верхній слой почвы и понуждаютъ его каждый годъ безъ исключенія къ производительности: отъ того каждый разъ при обработкѣ полей необходимо хорошее удобреніе, и хлопотливая заботливость Китайца о томъ, какъ бы достать его въ довольнономъ количествѣ, подлинно доходить до смѣшнаго и отвратительнаго. Мы не будемъ входить въ этѣ подробности, только замѣтимъ для примѣра, что даже циркульникъ носить съ собою маленькій мѣшокъ, чтобы собирать въ него добычу своей бритвы.

Но благодаря такому общему участию, земледѣліе достигло высокой степени, и государство не только даетъ для него правила и охраняетъ его мудрыми постановленіями, но и самъ Императоръ старается собственнымъ примѣромъ поощрять къ тому своихъ подданныхъ. Каждый годъ въ первыхъ числахъ Марта онъ отправляется съ торжественною процессією къ одному холму, не далеко отъ столицы, Сіан нонг-тану (возвышенности почтеннаго поселяннина), приноситъ жертву Высочайшему Существу и потомъ собственной рукою проводитъ плугомъ по маленькому лоскутку поля, межъ тѣмъ какъ крестьяне, стоящіе кругомъ въ нарядныхъ платьяхъ, распѣваютъ иѣсны въ похвалу земледѣлію; потомъ бросаетъ въ борозды сѣмена разнаго хлѣба, какія считаетъ нужными: риса, пшеницы и проса. Принцы и высшіе сановники исправляютъ въ его присутствіи ту же работу, въ отвѣчающемъ ей крестьянскомъ платьѣ. Прибыль съ поля, обработаннаго такимъ образомъ, тщательно собирается и, какъ утверждаютъ очень серьезно Китайцы, превышаетъ добротой и количествомъ прибыль со всякой другой полосы такой же величины. Рисъ, предметъ вывоза изъ Китая, сѣютъ вездѣ, гдѣ достаточно воды, но приходитъ онъ, по самой большей мѣрѣ, самъ тридцать, межъ тѣмъ какъ въ Индостанѣ черѣдко одно зерно даетъ прибыль въ 800 разъ. На хорошей почвѣ въ томъ же году сѣютъ сперва пшеницу, и когда сожнутъ ее, что бываетъ въ началѣ Іюня, сажаютъ въ бороздахъ перепаханнаго поля молодые рисовые побѣги, выросшие въ другихъ мѣстахъ; часто вмѣсто риса сѣютъ просо, или какіе-то маленькіе бобы для вторичной жатвы; всегда стараются пользоваться полемъ два раза, гдѣ и какъ только это возможно. Для обмолачиванія риса употребляютъ что-то въ родѣ толчен, приводимой въ движеніе колесомъ посредствомъ воды; эта толчая состоитъ изъ длиннаго вала съ желѣзными или деревянными зубьями, укрѣпленными на немъ въ извѣстныхъ промежуткахъ, и изъ горизонтально положенныхъ рычаговъ, которыхъ столько же, сколько и зубьевъ на валу, и которые движутся на крючкахъ, прикрѣпленныхъ къ кирпичной стѣнѣ, параллельной съ валомъ и въ двухъ футахъ разстоянія отъ него. На одномъ концѣ каждого рычага привѣшиваютъ вогнутый внизу пестъ надъ большой, опущенною къ землѣ каменною, либо желѣзною иготью, другой конецъ достаетъ до стѣны и посредствомъ зубьевъ при-

давливается къ вертящемуся валу: отъ этого пестъ поднимается и потомъ собственною тяжестью падаетъ въ иготъ. Одинъ валъ часто поднимаетъ отъ 15 до 20 пестовъ и съ помощію не многихъ людей доставляетъ въ короткое время большую груду выщелушеннаго риса. Въ округахъ, гдѣ нѣтъ текучей воды, пользуются крѣпкимъ каменнымъ сосудомъ, похожимъ на горшокъ, съ приложеннымъ къ нему деревяннымъ пестомъ, который приводятъ въ движеніе рычагомъ, наступивъ на него ногою. Спрашивается, возможно ли, чтобы, при такомъ состояніи земледѣлія, въ Китаѣ часто случался голодъ и, какъ рассказываетъ Исторія, похищались сотни тысячъ людей! Причина, кажется, заключается не столько въ естественныхъ бѣдствіяхъ, случающихся въ большіе промежутки времени, каковы, напримѣръ, засуха, градъ и наводненія, и въ дикости смежныхъ странъ, которыя въ нужное время не могутъ доставить никакихъ пособій, сколько въ большой раздробленности воздѣланной почвы. Въ Китаѣ нигдѣ не встрѣчаются помѣстья значительнаго объема: пахатное поле, принадлежащее каждому семейству, въ обыкновенные годы доставляетъ хлѣба достаточно на его содержаніе и на подушную подать, платимую государству продуктами, а небольшой излишекъ тотчасъ же продается ремесленникамъ, которые не занимаются хлѣбопашествомъ, и на винокурни. Такъ же поступаютъ и при самой изобильной жатвѣ, по тому что трудъ уборки хлѣба въ житницы совсѣмъ не вознаграждается, если на слѣдующій годъ будетъ только очень обыкновенный урожай. Если же случится неурожай, недостатокъ тотчасъ же дѣлается ощутительнымъ, по тому что всѣ хлѣбные запасы обращены уже въ водку, и магазины, заведенные государствомъ, не могутъ прокормить голодную толпу вдоволь и при томъ долгое время.

Кромѣ пшеницы, въ Китаѣ разводятъ также разныя кухонныя растенія: картофель, рѣпу, цвѣтную капусту, огурцы, лукъ и особливо «петсай», родъ капусты, столько же превосходную, какъ и полезную зелень, которая всего лучше растетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ и отъ первыхъ заморозей дѣлается только ибѣжнѣе. Ея потребляется множество, доходящее до невѣроятности: въ Октябрѣ и Ноябрьѣ всѣ ворота Пекина почти заперты телегами, привозящими эту зелень, онѣ съ утра до вечера ѣдутъ

одна за другой непрерывною вереницей. «Петсан» заготавливают и на зиму съ солью и сахаромъ и дѣлаютъ изъ нея очень вкусное кушанье съ прибавкою риса. Хотя садоводство у Китайцевъ можетъ считаться образцовымъ, однако жъ они не позаботились о разведеніи плодовыхъ деревьевъ, и породы, посылаемые природою по ея доброй волѣ, только мало улучшены; самыя вкусныя плоды ихъ много уступаютъ вкусомъ Европейскимъ и Американскимъ. Также мало занимаются и виноградомъ, который во многихъ округахъ растетъ очень хорошо, однако жъ ягоды не отдають въ давяльни, а употребляютъ исключительно въ изюмъ. Тѣмъ боѣе заботливости посвящаютъ другимъ растеніямъ и, безъ сомнѣнія, всего больше чаю, предмету вывоза, который расходится почти по всему свѣту и сдѣлался выгоднымъ товаромъ, по тому-то и не можетъ не понравиться подробнѣйшее описаніе его разведенія и приготовления, по изслѣдованіямъ на мѣстѣ нашего соотечественника Ф. Ф. Зибольда, проницательнаго наблюдателя и славнаго путешественника.

Чайный кустъ, уроженецъ только Китая и Японіи, всегда зеленое, похожее на дерево, растеніе съ прямымъ стволомъ и тугими прямыми вѣтвями; растущее само собою, оно достигаетъ отъ 6-ти до 8-ми футовъ вышины. Когда стануть возвращать его искусственнымъ образомъ и обрывать у него листья, оно покривляется и даетъ неправильныя, неуклюжіе и толстыя сузя и несравненно большіе листья. Кожа на пѣ его сѣрая, на сучкахъ, особливо такихъ, которые помоложе, каштаново-темная, древесина твердая и имѣетъ особенный запахъ. Въ остроконечныхъ почкахъ, покрытыхъ шелковистою и волосатою шелухою, которая сваливается при срываніи, находятся молодыя листья, собранныя продольными складками. Выросши, этѣ листья, чередующіеся, съ короткими хвостиками, жесткіе, кожовидныя, по краямъ зазубрены, блестящаго зеленаго цвѣта, иногда свѣтлѣе или темнѣе; зимою верхняя сторона дѣлается темнозеленою, при наступившихъ заморозкахъ темноватою. Цвѣты являются въ уголкахъ листьевъ на короткихъ, пестовидныхъ стебляхъ возлѣ молодой почки, обыкновенно по два, часто по одному, рѣже по три въ одной связи и поддерживаются слабымъ маленькимъ прицвѣтникомъ; короткая плоская чашечка состоитъ изъ пяти листочковъ: они

круглые, не равной величины, кожеевидные и лежатъ одни на другихъ на подобіе черепицы. Вѣтчикъ изъ шести вогнутыхъ, тупыхъ и неравныхъ листовъ. Многочисленные тычинки срослись въ одной общей трубкѣ съ двойными, растворяющимися вдоль пыльниками; почти круглая, мохнатая завязь сидитъ свободно на нѣсколько возвышенной плодовой ножкѣ, трехъ-гнѣздная съ тремя и до шести сѣменами въ каждомъ гнѣздѣ и имѣетъ шилообразный столбикъ. Плодъ — трех-гранная и трех-гнѣздная коробочка, раскрывающаяся сверху внизъ и заключающая въ себѣ одно, рѣдко два круглыхъ сѣмени, употребляемая въ пищу. Чайный кустарникъ часто встрѣчается по тропинкамъ между полями, дорогамъ и выгонамъ, точно брошенный на свою волю, либо по срединѣ пахатныхъ полей въ мѣстахъ не такъ плодородныхъ; такимъ образомъ поселане разводятъ этотъ кустъ для живой загороди и тамъ, гдѣ отдѣльные мѣста ихъ деревни менѣе способны къ хлебопашеству, для напитка, сдѣлавшагося необходимою для него потребностью. Разведеніе въ правильныхъ плантаціяхъ всего лучше и простѣе и дѣлается посредствомъ сѣмянъ. При этомъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: на хорошо обработанномъ и удобренномъ полѣ садятъ въ одномъ кругу отъ 8 до 10-ти сѣменныхъ коробочекъ и оставляютъ между кругами столько пространства, чтобы подростящіе кусты могли раскинуться на 4 фута, и для удобнѣйшаго ухода за ними. Изъ сѣмянъ, посѣянныхъ осенью, съ Мая до Юля начинаютъ показываться ростки; которые послабѣе, тѣ выдергиваютъ, чтобы тѣмъ роскошнѣе могли разрастаться лучшіе. Еще на первомъ году отрѣзываютъ у нихъ верхушку, чтобы они не росли просто простымъ стволомъ и не такъ были богаты сучьями и листьями. Такъ молодое растеніе перерождается въ многоствольный, многовѣтвистый кустъ, съ котораго въ четыре или пять мѣсяцевъ можно получать чай. Для плантацій всего лучше выбираютъ гористыя страны, въ которыхъ текутъ ручьи и ключи, гдѣ низко носящаяся облака часто прислоняются къ высотамъ. Плантаціи располагаютъ, гдѣ можно, такъ, чтобы онѣ пользовались солнцемъ и вообще орошались сколь возможно менѣе; такъ же удаляютъ ихъ отъ жилья и отдѣляютъ отъ прочей пашенной земли, чтобы ни дымъ, ни другія испаренія не могли имѣть вреднаго вліянія. Лучшее всего, кажется, этотъ кустарникъ растетъ на тяжелой почвѣ, однако жъ

она должна быть тщательно загорожена со всѣхъ сторонъ и хорошо удобрена. Способъ удобренія разсчитанъ многолѣтнею опытностію, для почвы, какую любитъ это растеніе: онъ требуетъ не малаго вниманія, по тому что онъ, навѣрное, имѣетъ влияние на лучшее качество чая не меньше мѣстности. Дальнѣйшая заботливость опытнаго плантатора обращена на то, чтобы помочь сильному росту. Старые сучья, взохшіе отъ частаго срыванія листьевъ, у основанія обрѣзываются, и кусты, утратившіе растительную силу отъ глубокой старости, истребляются совсѣмъ. Обыкновенно обрѣзываютъ и водянистые побѣги, легко замѣтные по особенной величинѣ листьевъ. Жгутъ старыя дрова и удабриваютъ плантацію угольями и золою. Собираніе происходитъ съ начала Апрѣля до исхода Мая; при первомъ сборѣ снимаютъ молодые побѣги отъ двухъ и до трехъ дюймовъ длиною, листья съ нихъ срываютъ и сортируютъ: листья потверже на нижней части побѣга большею частію стираютъ въ мелкій порошокъ и назначаютъ для, такъ называемаго, «сѣвснаго» чая, а верхніе, болѣе нѣжные, употребляютъ для настояннаго чая; изъ самыхъ верхнихъ листочковъ, лучшей части побѣга, получаютъ самый нѣжный и душистый сортъ чая. Послѣ этой первой сортировки отдѣльные листья разбираются въ другой разъ по ихъ добротѣ на многіе низшіе сорта. На полѣ срѣзываютъ съ куста однѣ вѣтки; снимаютъ и разбираютъ листья женщины и дѣти у себя дома, при томъ до невѣроятности скоро, благодаря долгому упражненію; однако жъ каждый разъ срываютъ столько листьевъ, сколько могутъ ихъ высушить, какъ слѣдуетъ, въ тотъ же день, по тому что не высушенные листки получаютъ особенный травянистый вкусъ, если сберегаются долго; Китайскіе знатоки различаютъ даже, утромъ или вечеромъ собирався чай. Собственно приготовленіе чая дѣлается двумя способами: мокрымъ и сухимъ. Въ первомъ случаѣ разсортированнымъ листьямъ даютъ завянуть въ плоской желѣзной сковородѣ со стѣнками, на умѣренномъ жарѣ, и при томъ безпрестанно мѣшаютъ руками и точно жарятъ мало по малу, не давая слишкомъ нагрѣваться; потомъ высыпаютъ на разостланную рогожу, и пока они еще мягки и горячи, свертываютъ ихъ руками, не сжимая слишкомъ. Они лежатъ все время, когда очередь свертыванія доходитъ до второго и третьяго сорта, пока совсѣмъ не остынутъ; потомъ опять

относятъ ихъ на сковороду и еще разъ свертываютъ такимъ же образомъ. Это повторяется отъ трехъ до 6-ти разъ и больше, пока листья совсѣмъ не просохнуть и не свернутся какъ должно, по тому что въ Китаѣ и Японіи цѣна чая бываетъ выше или ниже, смотря по тому, лучше или хуже свернуты листья. Нѣкоторые приготовители чая продолжаютъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ не засохнетъ и, слѣдовательно, не будетъ готовъ; другіе, поджаривъ его три или четыре раза, относятъ въ сушильную печь, въ которой и даютъ ему просохнуть совсѣмъ. Эта печь состоитъ изъ деревяннаго станка, который обитъ по сторонамъ бумагой и имѣетъ много выдвигаемыхъ ящичковъ съ бумажными днами; эти послѣдніе безпрепятственно допускаютъ вліяніе на чай въ ящикахъ легкаго огня, разведеннаго внизу на угольяхъ. Приготовка чая мокрымъ способомъ: только что сорванные листья вялятъ въ устроенномъ для того резервуарѣ надъ паромъ кипящей воды и потомъ сушатъ на желѣзной сковородѣ, какъ обыкновенно. Этотъ чай остается свѣтлозеленымъ, по тому что при сушкѣ отдѣляетъ меньше сока: этому обстоятельству надобно приписать и одуряющее свойственное ему дѣйствіе. Чай, приготовленный сухимъ способомъ, получаетъ совершенно темно-зеленый цвѣтъ, переходящій въ коричневый и предпочтается зеленому по тому, что онъ по большей части состоитъ изъ листьевъ понижнѣе. Когда пройдетъ весеннее дождливое время, приготовленный чай обыкновенно сушатъ въ другой разъ въ сушильныхъ печахъ, чтобы предохранить его отъ сыраго запаха, который онъ принимаетъ легко; вообще свѣжій чай очень воспримчивъ къ запаху другихъ пахучихъ веществъ, качество, на которое обращаютъ недовольно тщательное вниманіе при его сбореніи и готовкѣ. Думаютъ, что прибавленіе въ тонкій чай благовонныхъ корней и цвѣтковъ сообщаетъ чаю этотъ свойственный ему запахъ фиалки, это не правда: его запахъ заключается въ эфирномъ маслѣ, которымъ напоены чайные листки и которое улетучивается, когда нальютъ на нихъ горячей воды, отъ того и искусство готовить чайный настой, болѣе или менѣе вкусный, больше всего зависитъ отъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ развитію этого масла. Китайцы стали великими мастерами въ этомъ дѣлѣ: до чего они пристрастились къ чаю, это доказываютъ безчисленныя стихотворенія, которыя прослав-

ляютъ и ставятъ его выше всего. Мы довольствуемся однимъ мѣстомъ изъ похвального гимна Императора Кіэнлонга: * «На умирно тлѣющей огонь, говоритъ высокій гастрономъ, поставить сосудъ о трехъ ножкахъ, цвѣтомъ и формою показывающей свою долготѣльную службу, налить его чистою водою изъ талаго снѣга; кипятить ее до тѣхъ поръ, пока она не будетъ въ состояніи сдѣлать блѣдную рыбу и краснымъ рака, потомъ поскорѣе налить ее въ чашку, сдѣланную изъ земли юэ на нѣжные листья драгоцѣннаго чая; дать постоять ей до тѣхъ поръ, пока пары, которыхъ сначала подымается множество и образуетъ густыя облака, не сдѣлаются меньше и не будутъ носиться по краямъ легкимъ туманомъ, и потомъ медленно прихлебывать драгоцѣнный напитокъ, это значитъ укрѣпляться силами противъ пяти началъ черной досады, которыя обыкновенно грозятъ обрушиться на людей: это отрадное спокойствіе, какииъ обязаны приготовленному такъ чаю, можно испытать и чувствовать, но нельзя передать словами »

И въ Европѣ, особливо въ Сѣверной, мало по малу получили вкусъ къ чаю, который считали сначала вреднымъ, а съ половины XVII столѣтія такъ полюбили, что потребленіе его нынче простирается болѣе нежели до 400 тыс. центнеровъ.

Ко множеству многочисленныхъ, дорогихъ и прибыльныхъ растений Китая принадлежитъ также и камфарное дерево, доставляющее не только превосходный строевой лѣсъ, но и извѣстный по всему свѣту аптекарскій товаръ. Для добыванія послѣдняго вѣтки и листья дерева варятъ до тѣхъ поръ, пока камфора не всплыветъ на верхъ, гочно масло, и не пристанетъ въ видѣ клея къ палочкѣ, которою мѣшаютъ ее; теперь къ полученному веществу примѣшиваютъ глины, кладутъ его въ глиняный сосудъ и прикрѣпляютъ надъ нимъ другой такой же вели-

---

* Современника Императрицы Екатерины II-й. При немъ-то Калмыки, вслѣдствіе чиновническихъ притѣсненій, опять откочевали отъ насъ въ Китай. Императоръ-поэтъ на представленіи Императрицы отвѣчалъ, что его новые друзья воротились въ свои старыя жилища: пусть Императрица останется съ Кишенскимъ (главнымъ притѣснителемъ Калмыковъ). Кіэнлонгъ царствовалъ съ 1735 по 1796 годъ. — Пр. Перев.

чины и закупоренный герметически; потомъ нижній сосудъ ставятъ на легкій огонь, такъ что камфара мало по малу пройдетъ сквозь глину и улетучится къ стѣнкамъ верхняго сосуда. Эта камфара однако жъ далеко не такъ хороша, какъ та, которая добывается на островѣ Борнео кусками въ расщелинахъ камфарнаго дерева. Кромѣ того Китайскіе купцы поддѣлываютъ этотъ товаръ самымъ безстыднымъ образомъ. То же любятъ дѣлать и съ лакомъ, придающимъ столько блеска и достоинства красивымъ Китайскимъ товарамъ. Въ Европѣ считали его сначала смѣсью разныхъ веществъ, сохраняемою втайнѣ, но теперь извѣстно, что это продуктъ дерева, принадлежащаго къ роду сумаха (*rhus coriaria*) и называемаго въ Китаѣ тси-чу. Прежде нежели можно будетъ добывать изъ него лакъ, оно должно быть 7-ми или 8-ми лѣтъ, а стволъ его имѣть до 5-ти футовъ въ поперечникѣ. Чтобы можно было вытекать изъ него соку, вечеромъ дѣлаютъ на корѣ дерева на 7 дюймовъ отъ земли разрѣзы и продолжаютъ это въ такомъ же разстояніи на стволѣ и главныхъ сучьяхъ: употребляютъ для того закривленный ножикъ и, держа его въ правой рукѣ, лѣвою тотчасъ же вставляютъ въ разрѣзы край маленькой раковины, которою и перенимаютъ сокъ, вытекающій ночью. Такую работу продолжаютъ каждый вечеръ до конца лѣта; однако жъ сокъ каплетъ такъ тихо и скупю, что съ тысячи хорошихъ деревьевъ въ одну ночь едва только получается до 20 фунтовъ. Пока онъ свѣжъ, изъ него испаряется сильный ядъ, и работники, собирающіе его, должны тщательно закутывать голову и обертывать не только руки, но и все тѣло въ чехолъ изъ козлиной кожи, если хотятъ избѣжать опасности каталепсїи и смерти въ жестокихъ страданіяхъ. Въ послѣдствіи лакъ совершенно безвреденъ и доставляетъ ничтожную выгоду купцу, который обыкновенно снимаетъ за деньги землю съ этими деревьями и платитъ работникамъ. Гораздо больше пользы приноситъ сальное дерево: плодъ его, скрытый въ стручкѣ и состоящій изъ бѣлыхъ зеренъ, величиною въ орѣхъ, имѣетъ цвѣтъ, запахъ и всѣ качества сала. Изъ него дѣлаютъ свѣчи, которыя была бы гораздо лучше нашихъ, если бы Китайцы старались очищать сальную массу, и тѣмъ самымъ избѣгать дыму отъ нихъ. Китаецъ, неохотно занимающійся пчеловодствомъ, добываетъ и воскъ изъ дерева, называемаго тонг-тсинъ, или лучше изъ на-

сѣкомаго, которое на немъ водится. Это насѣкомое, вѣроятно, червецъ (coccus), расплывается ялицами, которыя кладеть въ гнѣздышкахъ то на томъ, то на другомъ деревѣ. Оно вылупается весною, а въ Іюнѣ замѣчаютъ уже нѣсколько тонкихъ ниточекъ мягкой и нѣжной шерсти, которая выступаетъ на древесной корѣ вокругъ насѣкомаго; сначала этѣ ниточки содержатъ пухъ или тину, которая въ лѣтніе жары дѣлается все гуще и гуще и наконецъ покрываетъ все дерево, а въ Сентябрѣ обращается въ воскъ и лупится. Этотъ воскъ топять на огнѣ и потомъ опять дають ему сгустѣть въ водѣ; онъ очень бѣлъ, чистъ и прозраченъ; съ нѣкоторой примѣсью масла легко дѣлать изъ него свѣчи, такъ что считаютъ его гораздо лучше пчелинаго.

Извѣстно изъ Исторіи, что Европейцы обязаны шелководствомъ Китайцамъ, которые занимались имъ съ большимъ успѣхомъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ до того. Только въ VI-мъ столѣтіи онъ сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ отъ двоихъ монаховъ, пришедшихъ изъ Китая въ Грецію; но Европейскіе шелководы и до сихъ поръ далеко уступаютъ Китайскимъ, которые все еще производятъ чрезвычайно блестящій шелкъ самой чистой бѣлизны, какой и необходимъ для лучшихъ матерій. Шелковица, какъжется, не различается отъ обще-Европейской, но на нее обращаютъ больше вниманія. Молодые побѣги растутъ въ грядкахъ, въ 10-ти или 12-ти футахъ одни отъ другихъ, на влажной, однако жъ не слишкомъ сырой, глинистой землѣ, которой накладываютъ на футъ толщины надъ нижнею почвою. Побѣги постоянно обрѣзываютъ, и такимъ образомъ обращаютъ ихъ въ малорослыя деревца, чтобы вынудить отъ нихъ тѣмъ больше сучковъ и листьевъ, по тому что молодые и нѣжные листья лучшая пища для шелковичныхъ червей, которыхъ содержатъ въ домикахъ, построенныхъ по срединѣ плантацій и сколько можно удаленныхъ отъ всякаго шума по тому, что думаютъ, что для нихъ вреденъ какой бы то ни было шумъ, даже лай собаки; въ дурную погоду закрываютъ ихъ рогожами. Яица складываютъ на бумагу, гдѣ они и остаются до поры высиживания; какъ скоро придетъ она, немного смачиваютъ бумагу водою и вскорѣ потомъ появляются червячки. При этомъ предоставляютъ дѣйствовать натуральной теплотѣ климата, и тогда только пользуются

искусственнымъ тепломъ, когда захотятъ имѣть приплодъ ранѣе обыкновеннаго. Насѣкомыхъ всегда задушаютъ, прежде нежели размотанъ шелкъ: для того личинки кладутъ въ корзинку, или въ сосудъ съ дырочками, и пропускаютъ въ него пары горячей воды. Размотанная личинка служитъ пищею для Китайца, который вообще охотно ѣстъ червей, даже и дождевиковъ. Потребленіе шелка въ Китаѣ чрезвычайно: почти всякой, даже самый бѣдный, носитъ платье изъ шелковой матеріи, безъ сомнѣнія, очень различной по своей добротѣ; со всѣмъ тѣмъ шелка такое изобиліе, что вывозъ сырца и шелковыхъ тканей все еще очень значителенъ. Искусство ткать шелкъ, какъ шерсть и хлопчатую бумагу и красить его такъ же великолѣпно, какъ и прочно, очень древне и весьма развито въ Небесной Имперіи; но какъ мода тамъ не мѣняется и манеръ выдѣлки и крашенія одицы и тотъ же, то Европейцы и потеряли вкусъ къ Китайскимъ матеріямъ.

Какъ прекрасно развита промышленность Китайцевъ и почти ни въ одной изъ своихъ отраслей не отстала отъ Европейской, но даже въ нѣкоторыхъ и превзошла ее, такъ ничтожно скотоводство въ этой огромной Имперіи, гдѣ только мало большихъ луговъ и разведеніе кормовыхъ травъ не вышло еще изъ младенческаго состоянія. Въ плугъ запрягаютъ воловъ, буйволовъ и ословъ; этихъ же животныхъ употребляютъ и для возки различныхъ машинъ. Но молочное хозяйство не значительно: не дѣлаютъ ни масла, ни сыра. Скота бьютъ мало не по религіознымъ предразсудкамъ, но считаютъ его такъ полезнымъ, что и не могутъ употреблять его въ пищу. Простолюдныи рѣдко станеть ѣсть мясо, пока животное не падеть или не околѣетъ отъ болѣзни; въ такихъ случаяхъ аппетитъ Китайцевъ устраняетъ всякое опасеніе: ему нравится все, будетъ ли это волъ, верблюдъ, овца, или оселъ. Разборчивость, какую въ этомъ отношеніи показываетъ Европейецъ, считаютъ глупымъ предразсудкомъ, и бѣдный довелъ это до того, что даже гады для него очень вкусны. Для стола богатыхъ любимѣйшія блюда доставляютъ свиньи и собаки, которыя умѣютъ сыскать себѣ пищу безъ всякаго другаго ухода за ними. Лошадь не употребляется для земледѣлія: ее разводятъ только для военной службы и Двора. Во всѣхъ провинціяхъ есть конскіе заводы, но они никакъ не въ состояніи доставлять для

кавалеріи нужно число лошадей, которыхъ для того по большей части приводятъ изъ Монголіи и Манджуріи, Китайская лошадь, которую кормятъ только просяною соломой и бобами, не имѣетъ ни красоты, ни силы, ни быстроты Европейской, и при томъ до того пуглива, что обращается въ бѣгство даже тогда, когда заржетъ чужая лошадь. Осель гораздо сильнѣе и хорошо разводится: въ Китаѣ вообще употребляютъ его, какъ вьючное животное, и мясо считаютъ лакомствомъ. Въ сѣверныхъ и среднихъ провинціяхъ пользуются также верблюдомъ по его сносливости при возкѣ большихъ грузовъ. Между дворовыми животными Китайцевъ первое мѣсто, безспорно, занимаетъ свинья: она не такъ велика, какъ Европейская, имѣетъ выемчатую спину безъ гривы и такія короткія ноги, что животь часто тащится по землѣ; ея мясо, которое вездѣ славится вкуснымъ и здоровымъ, служитъ всеобщимъ кушаньемъ: почти во всякомъ домашнемъ хозяйствѣ ежегодно убиваютъ, по крайней мѣрѣ, одну свинью, и едва ли не всѣ кушанья готовятся съ свиной, чтобы сдѣлать ихъ вкуснѣе. Въ прибрежныхъ странахъ кормятъ свиней по большей части рыбой, отъ чего мясо получаетъ горькій вкусъ, неприятный для Европейца.

Изъ дикихъ звѣрей Китая, о которыхъ до сихъ поръ имѣютъ только очень недостаточныя извѣстія, назовемъ здѣсь носорога, который всего больше живетъ у болотъ, тигра, который здѣсь чрезвычайно хищенъ и опасенъ, душистую лань, доставляющую превосходный бизамъ, желтую обезьяну ростомъ съ собаку, почти съ совершенно человѣческимъ лицомъ и чисто женскимъ голосомъ, и слона, который впрочемъ уроженецъ только южной части страны; тамъ есть и ручные слоны: они больше всего служатъ для украшенія Императорскаго Двора и получаютъ для корма рисъ и просо.

Дворовой птицы въ Китаѣ вдоволь, особливо же многочисленны утки, разведеніемъ которыхъ занимаются съ большимъ вниманіемъ. Яица отчасти высиживаютъ въ печахъ и посвящаютъ вылупленію цыплятъ такую постоянную заботливость, что въ домашнемъ хозяйствѣ всегда употребляютъ молодыхъ утокъ, за исключеніемъ трехъ зимнихъ мѣсяцевъ. Утки въ Китаѣ гораздо понятливѣе, нежели въ Европѣ: видають, что онѣ всегда плава-

ютъ на каналахъ большими стадами, а вечеромъ собираются въ пичники, по свистку своего хозяина. Китай также родина фазановъ, изъ которыхъ особливо отличаются красивымъ видомъ и великолѣпными цвѣтами перьевъ золотой и серебряный фазаны, которые разведены также и въ Европѣ. Множество другихъ птицъ, украшенныхъ самыми пестрыми перьями, выдають на превосходныхъ рисункахъ на приходящей къ намъ Китайской посудѣ. Изъ нихъ легко убѣдиться, что въ Китайской Имперіи есть почти всякая рыба, встрѣчаемая въ Европейскихъ моряхъ и рѣкахъ и сверхъ того много такихъ рыбъ, которыя свойственны только ей одной. Изъ послѣднихъ назовемъ только золотого карпа, который въ Китаѣ называется «кин-ю» (золотая рыба), и теперь часто содержится и у насъ въ бассейнахъ и большихъ стеклянныхъ сосудахъ. Онъ уроженецъ озера при подошвѣ высокой горы Піанкинга при городѣ Чаня-гу, откуда вывезенъ былъ въ другія провинціи Имперіи и въ Яюнію. Въ Европѣ явился онъ въ первый разъ около 1611 года. Въ Китаѣ, Японіи и по всей Индіи его держатъ для забавы въ прудахъ и сосудахъ, и съ не малыми издержками, по тому что онъ чрезвычайно чувствителенъ и надобно обходиться съ нимъ съ осторожною заботливостію. Его можетъ умертвить каждый сильный шумъ, ударъ грома или пушечный выстрѣлъ, сильный запахъ, колебаніе сосуда, въ которомъ онъ плаваетъ, и даже прикосновеніе руки. Впрочемъ онъ бодръ, легокъ, очень живъ и любитъ играть на поверхности воды; онъ легко также дѣлается ручнымъ и даже приучается являться къ корму по звуку бубенцовъ или погремушки. Впрочемъ онъ требуетъ очень мало корма: на содержаніе ему достаточно почти не видныхъ маленькихъ червяковъ, заводящихся въ водѣ, и тинистыхъ частицъ этой воды; Впрочемъ по временамъ бросаютъ въ тазъ и другіе сосуды маленькіе шарики изъ тѣста или неквашеннаго хлѣба, который, распутившись въ водѣ, дѣлается похотимъ на кашу: рыба хватаетъ его съ большою жадностію, также охотно ѣстъ и сухое мясо, высушенное на солнцѣ и истолченное въ мелкій порошокъ. Зимой надобно относить его въ теплую комнату, гдѣ ставятъ его въ фарфоровыхъ сосудахъ и перемѣняютъ въ нихъ воду по два или по три раза въ недѣлю; при чемъ однако жъ не должно трогать его руками, а держать въ маленькой сѣти. Хозяева сами смотрятъ за этѣмъ, также и кормомъ, и тра-

тять много времени на присмотръ за этой игрушкой. Въ странахъ теплѣе карпы распложаются чрезвычайно; но изъ икры, плавающей по верху, надобно выводить рыбокъ въ особенныхъ сосудахъ, въ противномъ случаѣ карпъ съѣдаетъ ее. Изъ яичка выходятъ они черные, нѣкоторые и остаются такими; у другихъ на концѣ хвоста появляется золотистый цвѣтъ и постепенно распространяется по всему хребту. Золотыя рыбы въ Китаѣ рѣдко больше пальца и стоятъ отъ 3 до 4 талеровъ каждая; въ Европѣ dorстають они до фута и чувствительны гораздо меньше. Межь тѣмъ какъ знатный свѣтъ въ Китаѣ посвящаетъ столько заботливости этой красивой рыбкѣ, народъ не менѣе старательно занимается ловлею годной для пищи рыбы, по тому что она съ рисомъ и зеленью составляетъ обыкновенное кушанье Китайцевъ. Рыбу ловятъ не только, какъ вездѣ, сѣтями, плетенками, вершинами и острогами, но и другимъ замысловатымъ способомъ. Такъ, прикрѣпляютъ къ бокамъ узкихъ лодокъ доски, съ загибомъ на верху, вымазанныя блестящимъ лакомъ: рыба, принявъ ихъ за воду, при свѣтѣ мѣсяца, прыгаетъ на нихъ и падаетъ въ лодку. Еще удобнѣе ловля рыболовную птицу (лиу-тѣ), карманомъ, котораго приучаютъ доставать рыбу съ рѣчнаго дна: эти птицы сидятъ по 10 даже по 12 на челиокѣ или на плотѣ. По знаку, данному хозяиномъ, онѣ ныряютъ въ воду, изъ которой и вытаскиваютъ самыхъ большихъ рыбъ, и при этомъ помогаютъ другъ другу: тѣмъ, которыя еще не со всѣмъ приучены, надѣваютъ кольца на шею, чтобы не глотали рыбы. И водяную птицу стараются поймать также посредствомъ оригинальной хитрости. Пускаютъ по водѣ пустые сосуды или большія тыквы, чтобы птицы къ нимъ попривыкли; когда ихъ соберется довольно, охотникъ надѣваетъ такой сосудъ или тыкву на голову, медленно пробирается въ бродъ къ безпечной птицѣ, схватываетъ ее за ноги и осторожно утаскиваетъ подъ воду, такъ что не спугиваетъ и не тревожитъ другихъ, пока не наполнитъ ими взятый съ собою мѣшокъ.

Ни въ какой отрасли промышленности Китайцы не отстали такъ отъ Европейцевъ, какъ въ горномъ дѣлѣ. Китайская политика запрещаетъ, подъ смертною казнію, добываніе благородныхъ металловъ, которые однако жъ всего больше подстрекають

корысть и дѣтельность людей: она боится, чтобы исканіе богатствъ не повредило болѣе полезному занятію, земледѣлію. Но что въ Китайскихъ горахъ есть золото, это достаточно доказываютъ золотыя зерна, находимыя во многихъ рѣкахъ. Изъ существующаго небольшого количества золота и серебра не бьютъ монеты, а выдѣлываютъ однѣ галантерейныя вещи: маленькая монета, встрѣчающаяся по всей Имперіи, дѣлается изъ желтой мѣди. Есть и бѣлая мѣдь, называемая «пе-тунгъ», чрезвычайно тонкая и звенитъ, какъ серебро; чтобы сдѣлать ее еще ковче, прибавляютъ къ ней «тутенака», смѣси изъ мѣди и галмен, которую ошибочно считали за особенный металлъ. Желѣзо, свинецъ и олово добываютъ по всей Имперіи, только очень затруднительнымъ, не совершеннымъ способомъ; но тѣмъ не менѣе получаютъ огромную прибыль, по тому что этѣ металлы повсемѣстно очень обыкновенны и дешевы. Литье металловъ въ Китаѣ очень древне: больше двухъ тысячъ лѣтъ назадъ, тамъ уже знали искусство лить колокола разной величины; нынѣ всѣ башни силошъ увѣшаны колоколами, изъ которыхъ многіе не уступаютъ извѣстнѣйшимъ исполинскимъ колоколамъ Европы. Въ ковкѣ металловъ Китайцы достигли только посредственности, и всѣ ихъ товары изъ кованнаго желѣза очень не важнаго достоинства не только по работѣ, но и по добротѣ металла. За то въ производствѣ глиняной посуды, на сколько нужно для того приготовленіе составныхъ ея частей, они дошли до такой высокой степени совершенства, которой до сихъ поръ еще не можетъ достигъ ни одинъ народъ, за исключеніемъ Японцевъ. Красота ихъ фарфора болшею частію зависитъ отъ чрезвычайнаго труда и вниманія, съ какими они готовятъ его составныя части: это «каолинъ», родъ глины и «петун-се» кварцевая порода съ нѣкоторымъ блескомъ; расписываютъ и промываютъ ихъ съ большою тщательностію. Каждая вещь, сдѣланная изъ этой нѣжной массы, пока еще не пошла въ печь, кладется въ глиняный ящикъ, до тѣхъ поръ, пока не получитъ точно предписанной степени сухости; послѣ того женщины и дѣти расписываютъ ее съ тѣми чудными фигурами и картинами, которыя такъ часто смѣшатъ насъ. Лучшіе и въ самомъ большомъ ходу товары доставляетъ мѣстечко Кинг-тшынъ, лежащее въ провинціи Кіанси, съ миллиономъ жителей, которые всѣ занимаются выдѣлкою самой разнообраз-

ной фарфоровой посуды. Для обжиганія форфора пользуются каменнымъ углемъ, находимымъ въ сѣверныхъ округахъ Имперіи, паромъ, и потомъ опять сушатъ. Китайская почва вообще богата минералами: въ одной соли, кажется, чувствуется недостатокъ, по тому что принуждены вываривать ее изъ морской воды. Для того выбираютъ близъ берега большія равнины съ глинистою почвой; ихъ совершенно выравниваютъ, выглаживаютъ и обводятъ по краямъ валомъ вышиною около шести дюймовъ; туда и проводятъ, во время прилива, морскую воду посредствомъ шлюзовъ или насосовъ, до высоты двухъ или 3 дюймовъ и предоставляютъ солнечному жару въ лѣтніе мѣсяцы произвести испареніе водяныхъ частицъ; оно происходитъ медленно, но равномерно, и оставляетъ соль большими кубическими кусками. Запасы ея складываются, въ назначенныхъ мѣстахъ, въ мѣшкахъ, часто во многія сотни милліоновъ фунтовъ. Эта соль продается подданнымъ отъ казны съ большою выгодою.

Уже изъ этой монополіи государства необходимѣйшей потребностью для жизни видно, что оно не мало обращаетъ вниманія на доставленіе себѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Торговля солью и пошлины должны приносить до 19 милліоновъ, подать съ земли 80 милліоновъ гульденовъ; доходы вообще простираются до 600 милліоновъ гульденовъ. Но это явно преувеличено: этѣми доходами покрываются всѣ обыкновенные и всѣ непредвидѣнные расходы тотчасъ же на мѣстѣ изъ казны провинцій; излишекъ идетъ въ Императорское казначейство въ Пекинъ. Въ управленіи такими огромными государственными доходами, не смотря на строжайшія приказанія, бываютъ самыя грубыя кражи со стороны кассировъ и другихъ финансовыхъ чиновниковъ; но онѣ опять уравниваются нѣскольکو тѣмъ, что въ большей части случаевъ имѣніе такихъ разбогатѣвшихъ мошенниковъ берется въ казну. Собственно налоги, состоящіе изъ десятой части земныхъ продуктовъ, не очень обременительны и до того не чрезмѣрны, что съ каждаго Китайца едва придется одинъ талеръ въ годъ. Правительство соображается въ своихъ нуждахъ съ обыкновенными государственными приходами, и подданный тогда только обязанъ помогать чрезвычайнымъ расходамъ, когда они необходимы для усмиренія мятежа. Почва,

а, следовательно, и богатства раздроблены въ Китаѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; отъ того и совсѣмъ не извѣстны заведенія для вспомошествованія бѣднымъ, или законы для нихъ, законы, чрезвычайно обременительные для трудолюбиваго челоуѣка и выгодные только для праздношатающихся. Старыхъ людей должны содержать ихъ дѣти либо, за неимѣніемъ ихъ, родные; также и родители обязаны воспитывать дѣтей и пристроивать ихъ къ такому занятію, которое можетъ прокормить ихъ. Впрочемъ ошибочно прежнее, много распространяемое, мнѣніе, будто въ Китаѣ нѣтъ нищихъ: достовѣрныя новѣйшія извѣстія сказываютъ, что у городскихъ стѣнъ Пекина лежитъ множество: чрезвычайно бѣдныхъ людей въ отвратительной наготѣ, или только прикрытые рогожными лоскутьями, въ ямахъ, покидаемыхъ ими только для броженія по улицамъ и сбора милостыни; что въ Куанг-тунгѣ: нищіе часто жмутся густыми толпами на народныхъ площадяхъ, чтобы защититъ себя отъ холода, однако жъ это имъ не всегда удается, и многіе замерзаютъ. Мало заботятся объ этѣхъ бѣднягахъ, которые, разумѣется, отребіе всего населенія; при томъ и состраданіе не принадлежитъ къ главнымъ добродѣтелямъ Китайцевъ, которые вообще имѣютъ всѣ добрыя и худыя качества торговаго народа, скованнаго деспотизмомъ, да при томъ еще падшаго на прибыль и нечувствительнаго.

Почитатели и панегиристы стародавней Китайской образованности, безъ сомнѣнія, найдутъ этотъ приговоръ очень строгимъ; но онъ основанъ на наблюденіяхъ вѣрныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эту страну въ новѣйшее время и наблюдавшихъ ея жителей вблизи и въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Да и можегъ ли казаться даже только сношымъ положеніе такого народа, который стонаетъ въ самомъ унижительномъ рабствѣ и ни разу не почувствовалъ въ себѣ мужества и энергии, чтобы сложить съ себя это иго? Прежде самый оцѣпенѣлый деспотизмъ, по крайней мѣрѣ, сохранялъ внѣшнія формы патріархальнаго правленія; но съ тѣхъ поръ, какъ несоразмѣрно меньшее число Манджуровъ покорило трусливыхъ Китайцевъ и овладѣло престоломъ, Татарскій кнѣзь, заодно съ патріархальною исправительною, розгой:отережетъ рабство трехъ сотъ милліоновъ людей.

Хоть и есть партія, стремящаяся къ лучшей будущности и ищущая тайныя сходки для распространенія своихъ мнѣній; но ея дѣятельность можетъ быть только очень маловажна, по тому что полиція здѣсь бдительнѣе и хитрѣе, нежели въ какой нибудь другой странѣ, и каждый, навлекшій на себя только отдаленное подозрѣніе въ правилахъ, опасныхъ для государства, безъ милосердія подвергается смертной казни. Единственное учрежденіе, которое, кажется, сдѣлано съ цѣлю ограниченія прмизвола, принадлежащее высшимъ судилищамъ — право дѣлать представленія Императору противъ какого нибудь его дѣйствія; но это всегда должно происходить «всеподданнѣйше» и можетъ имѣть успѣхъ только при разсудительномъ Государѣ. Императоръ считается общимъ отцомъ своихъ подданныхъ, отъ того-то, натурально, и дана ему вся исполнительная власть, приличная отцу надъ его дѣтьми, и въ этомъ смыслѣ онъ носитъ титулъ «великаго отца»; но какъ онъ въ тоже время воображаетъ себя выше всякаго земнаго могущества, то называется также и «самодержцемъ міра» и «сыномъ неба.» Приносятъ жертвы его портрету и его трону; обожаютъ его самого и падаютъ предъ нимъ ницъ; его высшіе придворные сановники должны выслушивать его приказанія на колѣняхъ и съ наклоненною головою. Этѣ божескія почести раздѣляетъ съ нимъ и его семейство: отъ имени Императора не рѣдко царствуютъ многочисленныя его жены съ охраняющими ихъ свнухами. Когда онъ изволитъ выходить, поскорѣе запираютъ ломы и лавки, мимо которыхъ онъ пойдетъ: нечаянно повстрѣчавшійся съ нимъ на дорогѣ можетъ избѣжать мгновенной смерти только тѣмъ, что тотчасъ же бросится на землю и спрячетъ свое лицо въ пыли. Передъ нимъ ходитъ 2000 палачей, несущихъ цѣпи, сѣкиры и другія орудія, которыя считаются символомъ его неограниченной власти надъ жизнью и смертью.

Впрочемъ, если бы по этой гордости, выставляемой на показъ, безъ сомнѣнія, не изъ очень основательныхъ государственныхъ причинъ, захотѣли заключать о пышномъ и роскошномъ содержаніи Двора, на которое тратится лучшее достояніе народа, то очень бы ошиблись, по тому что въ этомъ отношеніи Повелитель Небесной Имперіи ближе къ его подданнымъ, нежели другой какой Государь и первый подаетъ имъ примѣръ строгаго

исполненія очень спасительныхъ, ограничивающихъ роскошь, законовъ Зданія дворца и находящіяся въ немъ утвари, если откинуть окраску, лакъ и позолоту, не имѣютъ ни какихъ не нужныхъ и дорогихъ украшеній: кто войдетъ въ Пекинскій дворецъ, самый большой и важный изъ всѣхъ другихъ, съ тѣмъ ожиданіемъ, какое внушено ему описаніями, созданными воображеніемъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, тотъ не мало удивится и найдетъ себя обманутымъ. Всѣ зданія, составляющія этотъ знаменитый дворецъ, устроены точно такъ же, какъ и прочіе дома во всей странѣ, въ видѣ шатра, и покажутся великолѣпными тогда только, когда сравнятъ ихъ съ другими и примутъ въ соображеніе ихъ число, которое, безъ сомнѣнія, такъ значительно, что одни они могли бы составить городъ. Стѣны ихъ выше, чѣмъ у обыкновенныхъ домовъ; деревянныя колонны больше въ поперечникѣ, крыши не окинешь взглядомъ, и на многихъ окраска и позолота разнообразнѣе; однако жъ между ними есть много незначительныхъ хижинъ и нѣтъ ни одного двухъ-этажнаго зданія. Каменные или глиняные полы хоть иногда и обиты коврами и стѣны оклеены цвѣтною бумагой, но нѣтъ ни печей, ни каминовъ: ширмы изъ бамбуковыхъ нитей замѣняютъ двери, окошки не стеклянныя, а изъ масляной бумаги; постелью служитъ деревянная скамья или нѣсколько выпуклая возвышенная стѣна въ альковѣ, на которую кладутъ рогожи или набитые тюфяки и, смотря по времени года, жесткія или мягкія подушки. Вообще можно утверждать смѣло, что послѣдній камердинеръ у Европейскихъ Государей живетъ лучше и покойнѣе самаго знатнаго придворнаго сановника въ дворцѣ Китайскаго Императора. Самъ онъ при всемъ могуществѣ ведетъ чрезвычайно однообразную, скучную жизнь и не можетъ сдѣлать почти ни шагу, безъ соблюденія множества предписанныхъ церемоній. Его единственныя собесѣдники въ тѣ часы, когда онъ свободенъ отъ дѣлъ правленія, евнухи да жены, изъ которыхъ только одна въ санѣ Императрицы. На ряду съ нею стоятъ двѣ королевы съ ихъ многочисленными служанками; дальше за ними слѣдуютъ шесть королевы съ ихъ прислугою. За этѣми тремя классами его женъ идутъ сто женщинъ, которыхъ обыкновенно называютъ его наложницами, не смотря что онѣ также, какъ и другія, составляютъ законную часть придворнаго штата, и всѣ ихъ дѣти считаются

отраслями Императорскаго Дома, но право престолонаследія обыкновенно остается за сыномъ Императрицы, хотя и тутъ Императоръ можетъ поступить по произволу и выбрать себѣ преемника изъ своего или изъ другаго семейства. Дочери Императора выдаются за Татарскихъ Князей и дворянъ; но очень рѣдко за Китайцевъ. При восшествіи на престолъ новаго Государя самыя знатныя семейства Имперіи торопятся представить ему своихъ дочерей и считаютъ за большую честь для себя, если одна изъ нихъ удостоится милости быть принятою въ число Императорскихъ наложницъ. По смерти Императора, всѣхъ его женъ отводятъ въ особенное зданіе, которое называется «дворцемъ цѣломудрія,» гдѣ онѣ должны проводить остальное время своей жизни. Изъ за многочисленнаго женскаго штата почти всѣ придворные чиновники и дворцовая прислуга, евнухи, или такіе, которыми никогда не достанется удовольствіе быть отцами, или, такъ называемые, черные евнухи, утратившіе всѣ слѣды мужскаго пола. Первые, которыхъ тотчасъ узнаютъ по связкѣ ключей или метлѣ, смотрять за зданіями, садами и дворами; но только послѣднимъ дозволяется доступъ во внутреннія комнаты дворца. Этѣ презрѣнныя твари румянятся, изысканны въ своемъ нарядѣ и такъ же кокетливы, какъ и женщины, для прислуги которыхъ и охраненія они употребляются всего больше. Самый большой любимецъ спитъ въ одной комнатѣ съ Императоромъ, чтобы всегда быть готову исполнять его желанія; на этой службѣ онъ постоянно имѣетъ случай предубѣждать Императора противъ обидѣвшихъ его, или негодныхъ ему: извѣстно довольно предѣровъ, что самыя значительныя и заслуженныя лица Имперіи попадали въ немилость по наговорамъ евнуховъ. Отъ того-то, какъ ни гнушаются ими, однако жъ и сами Императорскіе принцы щадятъ ихъ, а чиновники видятъ себя принужденными льстить имъ и безпрестанно поддерживать ихъ подарками въ хорошемъ расположеніи духа. Вообще пребываніе при Дворѣ для чиновниковъ чрезвычайно непріятно и скучно: каждый изъ нихъ, по окончаніи занятій, удаляется въ свою одинокую келью, гдѣ съѣдаетъ свой обѣдъ, обыкновенно состоящій изъ риса и нѣсколькихъ мясныхъ блюдъ, потомъ ложится и спитъ; сходбища или общественныя бесѣды тотчасъ навлекутъ подозрѣніе.

Чиновники, называемые мандаринами, вознаграждают себя за это стѣсненіе тѣмъ, что заставляютъ народъ чувствовать свою неограниченную власть. Ничего нѣтъ смѣшнѣе старанія нѣкоторыхъ Европейскихъ писателей изобразить этѣхъ мандариновъ глубокомысленными философами, которые выше всякихъ земныхъ страстей; заняты однимъ только душевнымъ и тѣлеснымъ благомъ своимъ подвданныхъ и стараются безпрестанно защищать ихъ привилегіи и права, даже съ опасностію своей жизни: они ни больше ни меньше, какъ цокорные служители деспотическаго правительства и всѣ пользуются даже самыми постыдными средствами, чтобы имѣть прибавку къ своему бѣдному жалованью. Ложное мнѣніе о превосходныхъ качествахъ мандариновъ, вѣроятно, имѣло своимъ источникомъ Китайское государственное правило, что одни только ученые люди могутъ получать почетныя мѣста и должности, а происхожденіе и богатство не даютъ ни малѣйшаго права; но упустили изъ вида, что при опредѣленіяхъ къ должностямъ обращается мало или совсѣмъ никакого вниманія на характеръ и что неограниченное самовластіе въ рукахъ ученаго плута гораздо опаснѣе, нежели у дурака, достигшаго разныхъ степеней, благодаря происхожденію. Правда, что, по мысли Китайскаго гражданскаго устройства, чиновники — посредники между Государемъ и народомъ; но они только притѣснители народа, по тому что этотъ рѣдко можетъ пособить себѣ, или довести свои жалобы до свѣдѣнія Императора. Въ Китаѣ нѣтъ средняго сословія, нѣтъ людей, которымъ состояніе и понятіе о свободѣ давали бы всѣ въ тѣхъ мѣстахъ Имперіи, гдѣ живутъ они, которыхъ мнѣніе и вліяніе не могли бы оставлять безъ вниманія государственныя власти: есть только лица, отдающія приказы, да повинующіяся. Если кто нибудь въ кругу своихъ занятій и наживетъ богатство торговлею или трудолюбіемъ, ему надобно держать его и пользоваться имъ тайно, если не боится, чтобы завистливый сосѣдъ не обличилъ его передъ начальствомъ округа, которое никогда не опуститъ, подъ какими бы то ни было предлогомъ, показать на немъ силу закона о расточительности и отобрать у него все имѣніе. Издано множество строгихъ указовъ, запрещающихъ чиновникамъ притѣсненія и прижимки; часто наказываютъ того или другаго чиновника, у котораго не достало благоразумія. Но жалкое поло-

женіе народа ни сколько не стало отъ того лучше. Государственные чиновники, число которыхъ доходитъ до сорока тысячъ, раздѣляются на гражданскихъ и военныхъ мандариновъ и различаются знакомъ, вытканнымъ на верхнемъ платьѣ: у первыхъ этотъ знакъ состоитъ въ птицѣ, у послѣднихъ въ тигрѣ; чинъ каждаго изъ нихъ узнается по разноцвѣтнымъ шарикамъ, которые вертятся на крючкахъ сверху шапокъ. Для большаго отличія Императоръ учредилъ два ордена, раздаваемые только въ особенное ознаменованіе его благосклонности, именно орденъ желтаго исподняго платья и павлинаго пера.

Китайскіе законы, имѣющіе силу въ настоящее время, собранные и объясненные въ Та-чинъ-диу-лигъ (законникъ династїи Та-чинъ) опредѣляютъ точно и сильно каждое преступленіе и слѣдующее за него наказаніе; они впрочемъ со всѣмъ не жестоки, и еслибы исполненіе шло на равнѣ съ теорїей, то не многіе народы могли бы похвалиться болѣе кроткимъ и вмѣстѣ дѣйствительнымъ наблюденіемъ правосудія. Жизнь человѣка нигдѣ не считается священною, и никогда не спускается убійство, развѣ только при опасномъ обычаѣ подкидывать дѣтей, о чемъ будемъ говорить послѣ. Въ этомъ отношеніи Китайскій законъ можно скорѣе обвинить въ невнимательности, по тому что онъ не дѣлаетъ почти никакой разницы между добровольнымъ и невольнымъ убійствомъ и часто въ своемъ усердіи разитъ и невиннаго. Такъ, чтобы привести одинъ примѣръ: тотъ, кого видѣли въ одномъ обществѣ съ смертельно раненымъ, или скоропостижно умершимъ, долженъ умѣть дать точное, подтвержденное свидѣтелями свидѣніе объ этомъ смертномъ случаѣ, чтобы не подвергнуться казни. Правда, что ни одинъ уголовный приговоръ не совершается безъ Императорскаго утвержденія; но оно рѣдко запаздываетъ, и только при очень облегчающихъ вину обстоятельствахъ Императоръ обращаетъ наказаніе, положенное закономъ въ денежный штрафъ и ссылку. Всѣ уголовныя дѣла, прежде поступленія на конфирмацію Императора, еще разъ просматриваются верховнымъ судомъ въ Пекинѣ, который во всѣхъ случаяхъ, исключая государственной измѣны, долженъ поступать съ строжайшимъ безпристрастіемъ. Если бы такая же апелляція позволялась и въ гражданскихъ дѣлахъ, правосудіе въ Китаѣ шло

бы гораздо лучше, и прекратилась бы продажность судей, очень явная и всеобщая. Когда преступникъ не сознается въ своей винѣ, прибѣгаютъ къ пыткѣ; однако жъ это жестокое средство употребляется только тогда, когда преступленіе, по многимъ постороннимъ обстоятельствамъ, вѣроятно. Въ тюрьмахъ заведенъ превосходный порядокъ: преступниковъ стерегутъ отдѣльно по степени ихъ вины, до совершенія казни, которая бываетъ одинъ разъ въ годъ около назначеннаго времени. Казни происходятъ въ отдаленныхъ мѣстахъ и безъ зрителей. Правительство руководится здѣсь справедливымъ мнѣніемъ, что нравы народа не могутъ выиграть отъ того, если станутъ водить его смотрѣть на мгновенную муку, какая необходима для лишенія жизни его собрата. Но всѣ другія наказанія, не касающіяся жизни, совершаются во множествѣ и сколько можно открытѣе, на людскихъ глазахъ. Побои бамбуковой тростью едва считаются наказаніемъ, а гораздо скорѣе легкимъ выговоромъ, не причиняющимъ безчестія; такое отеческое исправительное наказаніе не ограничивается толпою, но простирается на всѣ классы и чины до подножія трона: каждый чиновникъ можетъ во всякое время задать порядочную баню своимъ подчиненнымъ, а Императоръ присуждаетъ къ палкамъ своихъ министровъ и придворныхъ, если только это покажется ему нужнымъ для исправленія ихъ нравственности. Всѣ безъ исключенія, получивъ назначенное число ударовъ, должны становиться на колѣни передъ тѣмъ, кто отсчиталъ ихъ, и съ полнымъ смиреніемъ благодарить за отеческое добро, которое онъ сдѣлалъ своему сыну, напомнивъ ему объ его ошибкѣ. Позорное наказаніе «тша», тяжелая деревянная доска: къ ней привязывается нарушитель закона за шею и за руки, и иногда долженъ таскать ее многіе мѣсяцы и недѣли. Это мучительное наказаніе разсчитано на то, чтобы остановить другихъ отъ совершенія преступленія, которое всегда пишется на доскѣ большими буквами. Странно, что каторжной работы и заключенія преступниковъ въ одиночную тюрьму нѣтъ въ числѣ наказаній, предписанныхъ Китайскимъ закономъ.

Военные мандарины поступаютъ такимъ же образомъ въ арміи, какъ гражданскіе съ гражданами; однако жъ военныя учрежденія Китайской Имперіи гораздо болѣе жалки, нежели

гражданское управленіе. Правда, что военныя силы, по новымъ вѣрнымъ извѣстіямъ, состоятъ больше нежели изъ 800 тыс. человекъ и 400 пушекъ, не считая 500 тыс. легкой Монгольской кавалеріи, которую можно располагать въ случаѣ надобности; однако жъ не очень сильное Европейское войско побѣдило бы эти массы безъ большаго труда и завоевало Китай въ короткое время. Татары, въ числѣ 70 тысячъ человекъ, цвѣтъ арміи: они стоятъ на сѣверныхъ границахъ и въ покоренныхъ провинціяхъ и составляютъ гарнизоны большихъ городовъ; прочіе солдаты, Китайскаго происхожденія, стоятъ въ маленькихъ городкахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ и служатъ тюремщиками, шпионами, сборщиками податей, сторожами при запасныхъ магазейнахъ и вообще помощниками для разныхъ надобностей общественнаго правосудія и полиціи. Кроме того, чрезвычайно много становятся ихъ въ караулы по дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ; эти посты маленькія, четверугольныя, похожія на укрѣпленія, зданія съ сторожевой башнею, на которой развѣиваеся флагъ, въ полчасѣ разстоянія другъ отъ друга; въ каждой по семи человекъ, которые смотрятъ не за тѣмъ только, чтобы не было грабежей и ссоръ на улицахъ, рѣкахъ и каналахъ, но также обязаны смотрѣть за казенными пакетами, идущими въ столицу и изъ столицы. Китайскій солдатъ женатъ и имѣетъ возлѣ своей караульной клочекъ поля, которое и обрабатываетъ для своего семейства; сыновья его при самомъ рожденіи записываются въ полковые списки и выросши поступаютъ на вакантныя мѣста. Но Татары получаютъ отъ правительства оружіе, лошадей, квартиру, съѣстные припасы и кроме того жалованье, на которое должны обмундироваться и содержать въ исправности свой военный скарядъ; но такое распоряженіе имѣетъ слѣдствіемъ пеструю наружность, нечистоту и другіе немаловажные недостатки. Одежда солдатъ въ мирное время отличается отъ гражданской только верхнимъ платьемъ: оно должно быть одного цвѣта съ знаменемъ, къ которому принадлежитъ солдатъ. Но въ полѣ, для защиты головы онъ носитъ круглый шлемъ, сверху конусообразный, съ лошадиною гривой, окрашенной въ красный цвѣтъ, и покрывающій спереди весь лобъ, а сзади всю шею; платье получаетъ тогда очень страшную наружность, по тому что все выложено маленькими, тонкими дощечками, мѣдными или же-

лѣзными, и придаетъ каждому солдату видъ исполинскаго суи-
дука, обитаго гвоздями, будучи такъ длинно, что закрываетъ и
голую часть шеи, не покрытую шлемомъ; оно прикрѣпляется къ
шлему съ обѣихъ сторонъ, и оба конца его подвязываются спе-
реди подъ самымъ ртомъ, такъ что ничего не остается не за-
щищеннымъ, кромѣ однихъ глазъ. Большая часть Китайской ар-
мін вооружена луками и стрѣлами, съ которыми этѣ люди лучше
всего умѣютъ обходиться, либо щитами и копьями, а другая
часть носитъ фитильныя ружья безъ замковъ и шомполовъ, —
такое же неудобное какъ и негодное оружіе, по тому что фи-
тиль всегда мѣшается, а выстрѣлъ не плотно забитою пулею без-
силенъ и невѣренъ; въ еще худшемъ состояніи пушки и морти-
ры, которыя въ Европѣ рѣшаютъ битвы, а Китайской армін
служать только помѣхою, по тому что не умѣютъ обходиться съ
ними, и службу яри нихъ предоставляютъ иностраннымъ невѣж-
дамъ, бродягамъ или даже миссіонерамъ. Сабля общее оружіе
для всѣхъ отрядовъ армін, но виситъ не на лѣвомъ, а на пра-
вомъ боку, и при томъ лѣзвеемъ обращена впередъ. Ничего нѣтъ
снѣшнѣе для Европейца, какъ парадное построеніе Китайской
пѣхоты: она всегда вытягивается въ одну линію, въ которой
каждый солдатъ находится въ трехъ шагахъ отъ другаго; не
безпокоясь слишкомъ о выправкѣ или сомкнутомъ строѣ, они
стоятъ или сидятъ, какъ имъ угодно, большая часть съ труб-
ками во рту и большими вѣерами въ рукахъ, чтобы защитить
себя отъ солнца и навѣять себѣ прохладу. Каждый третій чело-
вѣкъ всегда съ маленькимъ знаменемъ: древко знамени воткнуто
за шею въ платье и выставляется почти на два фута надъ го-
ловой солдата, у котораго, слѣдовательно, руки свободны; на
каждые 12 человекъ одно большое знамя, которое носятъ двое
солдатъ безъ всякаго оружія. Лучше впечатлѣніе дѣлаетъ Та-
тарская конница, сохранившая свою старинную храбрость и из-
воротливость и владѣющая лукомъ и стрѣлами съ удивительной
ловкостью. Лукъ, для напряженія котораго необходима сила, рав-
ная тяжести отъ 60 до 100 фунтовъ, сдѣланъ изъ эластичнаго
дерева и загнутъ рогомъ, раздвояющимся съ середины, гдѣ онъ
связывается на два особенные лука, которые съ концовъ ши-
ре; тетива сдѣлана изъ плотно сплетенныхъ нитокъ; стрѣлы,
съ стальными остреями, хорошо выточены и съ перьями. Соби-

раясь натянуть лукъ, берутъ его нѣсколько на откосъ въ лѣвую руку, кладутъ тетиву за агатовое кольцо на большой палецъ правой руки, котораго передній суставъ загибаютъ впередъ, сохраняютъ его въ этомъ положеніи съ помощію средняго сустава указательнаго пальца, прижатаго къ нему, и натягиваютъ тетиву до тѣхъ поръ, пока лѣвая рука вытянется, а правая подойдетъ къ уху; намѣтивъ свою цѣль, отнимаютъ указательный палецъ отъ большаго, въ ту же минуту тетива соскакиваетъ съ агатоваго кольца и кидаетъ стрѣлу съ значительной силой. Однако жъ едва ли нужно замѣчать, что эта конница, не смотря на свою храбрость, ловкость и безчисленность, ничего не можетъ сдѣлать противъ самой обыкновенной Европейской пѣхоты. Еще меньше Китайскія морскія силы могутъ отваживаться на бой съ Европейскимъ флотомъ, хотя онъ состоитъ изъ 9999 кораблей. Но эти корабли такой жалкой постройки, что не могутъ уходить далеко отъ берега, и Китайцы такіе плохіе и не смѣлые моряки, что никогда не могутъ усмирить дерзкую шайку морскихъ разбойниковъ, которая гнѣздится на островкахъ, лежащихъ передъ Куанг-тонгскимъ заливомъ, и постоянно причиняетъ жителямъ много вреда.

Морская жизнь, кажется, вообще не по характеру Монгольскому племени, къ которому явно принадлежать и Китайцы, какъ и ихъ завоеватели, Манжуры, отъ того-то такъ легко и усвоившіе одежду, нравы и обычаи покоренныхъ. Сходство обоехъ племенъ въ чертахъ лица такъ велико, что по наружности едва можно различать ихъ другъ отъ друга: Китайца нѣсколько выше и на видъ худощавѣе и нѣжнѣе, и Татаръ обыкновенно малорослыхъ, толстыхъ и коренастыхъ. Маленькіе, къ носу продолговато-круглые глаза, высокія скулы и остроконечный подбородокъ общи и Татарамъ, и Китайцамъ; и тѣ, и другіе брѣютъ волосы, отъ чего голова ихъ походитъ на опрокинутый конусъ. Цвѣтъ лица, оттѣнокъ между бѣлымъ и смуглымъ, больше или меньше переходитъ въ тотъ или другой, смотря по климату, или по большому или меньшему вліянію погоды. Такъ, люди изъ высшихъ сословій и жители Сѣверныхъ провинцій бѣлѣе жителей Юга и рабочаго класса, особливо земледѣльцевъ и моряковъ. Волосы у Китайцевъ темно-черные, на подбородкѣ жидкіе, носъ сплюсну-

тый съ широко раскрытыми ноздрями, лобъ открытый, уши широкія и по большей части прокалотыя. Между Татарами чаще встрѣчаютъ мужчинъ, нежели женщинъ съ очень русыми волосами, свѣжимъ, бѣлымъ лицомъ, свѣтло-голубыми глазами и красивымъ ястребинымъ носомъ, что, можетъ быть, указываетъ на прежнюю смѣсь съ Западными народами. Китаецъ, какъ ни худощавъ отъ природы, очень расположенъ къ тучности; статное, хорошо убитанное тѣло знакъ довольной жизни и даетъ право на уваженіе: на тощихъ смотреть, какъ на мелочныхъ людей, безъ таланта и разсудка. Тоже можно отнести и къ женщинамъ, которыя, особливо въ высшихъ сословіяхъ, должны быть очень полны, если хотятъ отвѣчать вкусу образованнаго, знатнаго Китайца; но вообще онѣ нисколько не безобразны, многихъ даже называлъ бы красавицами и очень взыскательный Европейскій знатокъ, если бы онѣ не безобразили нѣжный цвѣтъ своихъ лицъ румянами, которыя употребляютъ еще съ 7 года возраста, а свои ноги, уже маленькія отъ природы, усиленнымъ шнурованіемъ. Это безразсудство, для происхожденія и значенія котораго по сю пору еще не могутъ отыскать никакой разумной причины, почти всеобщее и до того укоренилось, что если двѣ сестры совѣмъ походятъ одна на другую въ нравственныхъ и тѣлесныхъ преимуществахъ, но одна уродуетъ свои ноги, а другая не мѣшаетъ ихъ природному развитію, то послѣднюю на вѣрное сочтутъ заброшенною, не заслуживающею обхожденія съ прочимъ семействомъ и осужденною на хлопоты служанки въ постоянномъ удаленіи отъ семьи. Нога Китайки имѣетъ такой видъ, что передняя часть ея точно отрублена, а оставшіяся обрубокъ обвить перевязками: пальцы, придавленные подъ подошву, кажется, врѣзались въ нее и ужъ нельзя отдѣлать ихъ отъ ней. Это уродованье начинается еще въ очень ранней молодости: одна изъ самыхъ первыхъ заботъ матеря состоитъ въ строгомъ присмотрѣ за дочерью, чтобы онѣ не снимали бинтовъ, которыми сошнурованы у нихъ ноги и лодышки. Маленькія дѣвочки, начавъ ходить, должны опираться обо что нибудь гораздо дольше, и даже послѣ онѣ пошатываются и только пятками дотрогиваются до полу. Причину такого нелѣпаго обычая, чрезвычайно вреднаго для здоровья, хотятъ отыскивать въ ревности мужей и въ происходящемъ отъ того стараніи ограничить женщинъ своей

семьи домашнимъ кругомъ; но можно бы достигъ этой цѣли, не лишая такъ жестоко ихъ члены натурального движенія: отъ того-то скорѣе можно обвинять въ томъ предразсудокъ самихъ женщинъ, которыя воображаютъ нравиться чрезвычайно маленькими ножками. Кто припомнитъ себѣ то время, когда въ большей части Европейскихъ городовъ господствовала мода на обтянутое и стройное платье, сколько труда принимали на себя, сколько выносили муки, чтобы перещеголять въ этомъ отношеніи, тому нечего очень удивляться, если въ другихъ мѣстахъ такая же суетность уродуетъ какуюнибудь другую часть тѣла.

Кромѣ того, такой ужъ характеръ Китайцевъ, что они не поколебимо держатся старинныхъ обычаевъ, даже и въ томъ случаѣ, если нынче, благодаря сношеніямъ съ другими народами, признаютъ этѣ обычаи бесполезными и даже нелѣпыми; да и вообще тщеславіе народнымъ превосходствомъ, на которое они имѣютъ претензіи, и высокое понятіе о своемъ собственномъ значеніи не покидаютъ ихъ ни въ какомъ случаѣ: когда приведется имъ заимѣть преимущества другихъ, они навѣрное притворятся, что ихъ не видятъ. Каждый годъ получаютъ они новыя и несомнѣнныя доказательства превосходства Европейцевъ во многихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности; однако жъ все таки упрямо считаютъ ихъ варварами и въ глупой гордости заходить такъ далеко, что вещи, привезенныя Европейцами, стараются заклеить Китайскимъ названіемъ, точно онѣ произведенія его собственной промышленности. Съ такимъ высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ Китаецъ соединяетъ непобѣдимое дарованіе обманывать и надувать иностранцевъ, особливо въ торговыхъ дѣлахъ. Въ самомъ Китаѣ купецъ считається низкимъ человѣкомъ, который не совѣстится надувать другихъ, какъ и гдѣ только можно, и даже вмѣняетъ себѣ за честь почитаться продувнымъ плутомъ. Капитаны Англійскихъ кораблей старались перещеголять ихъ въ этомъ отношеніи, однако жъ рѣдко съ какимънибудь успѣхомъ. Вспомнимъ только того тонкаго sneкулянта Остъ-Индской компаніи, который обмѣнялъ въ Куан-тонгѣ на окорока грузъ плохихъ стѣнныхъ часовъ и думалъ нажить значительный барышъ; но вскорѣ, по приѣздѣ въ Калькутту, убѣдился, что большая часть окороковъ — мошеннически поддѣланные куски дерева.

Всѣ эѣ плутовства удаются Китайцу тѣмъ легче, что онъ умѣетъ прикрывать ихъ вѣжливостію и предупредительностію и не совѣстится каждую минуту говорить, съ чрезвычайною наглостію, самую грубѣйшую ложь, если она согласна съ его видами или выгодами. Онъ считаетъ грѣхомъ противъ хорошаго образа жизни отказывать въ чемъ нибудь прямо, и потому тотчасъ же соглашается на всякое предложеніе, общается, не размышляя долго, все, но обыкновенно не держитъ слова подъ какимъ нибудь лукавымъ предлогомъ. Этотъ образъ дѣйствій въ такомъ общемъ ходу, что изъ за нарушенія слова или обмана рѣдко бываютъ ссоры, даже перебранки: каждый лучше спокойно дожидается времени, когда можно будетъ ему отплатить тѣмъ же. Ругательства необыкновенны даже между самыми низшими классами, еще рѣже бываютъ драки; если же ссора и дойдетъ до того, сраженіе никогда не имѣетъ болѣе серьезной развязки, кромѣ потери длинной косы, спускающейся съ половины головы, или изодраннаго платья. Обнаженной шпаги или протянутаго пистолета достаточно, чтобы перепугать Китайца до спазмовъ. Безъ преувеличеній можно назвать Китайцевъ самымъ трусливымъ и малодушнымъ народомъ въ свѣтѣ. У нихъ, кажется, вовсе нѣтъ личнаго мужества и ни малѣйшаго присутствія духа въ опасностяхъ и въ случайныхъ невзгодахъ: отъ того-то нигдѣ такъ не часты самоубійства, между мужчинами и женщинами, какъ въ Китаѣ. Такой образъ дѣйствій, почитаемый трусостію у народовъ съ болѣе твердымъ характеромъ, совсѣмъ не считается сдѣсь постыднымъ; само правительство поощряетъ его, позволяя преступнику казнить себя, какимъ ему угодно способомъ, и считаетъ это смягченіемъ наказанія.

Но какъ равнодушно Китаецъ лишаетъ себя жизни, такъ же безчувственнымъ и хладнокровнымъ онъ остается при самой крайней нуждѣ, даже при очевидной опасности своихъ собратій. При переправѣ черезъ рѣку, посланники видѣли, что тонуло много людей, случайно упавшихъ въ воду, однако жъ ни зрители, стоявшіе на берегу, ни судовщики не обращали никакого вниманія на ихъ жалобные крики о помощи; одинъ изъ судовщиковъ схватилъ багоръ для того только, чтобы переловить шапки несчастныхъ. Никто также не заботится и о такихъ бѣднѣгахъ, кото-

рые имѣли несчастіе переломить руку или ногу, либо получить какую нибудь опасную рану: это отчасти сѣдствие слишкомъ строгого закона, по которому всякой, на чьихъ глазахъ или въ чьемъ домѣ умеръ кто нибудь, подвергается смертной казни, если не можетъ удовлетворительно доказать, какую рану получилъ умершій и жилъ ли до 40 дней послѣ того. Впрочемъ видѣтъ съ такими дурными сторонами характера Китайца есть нѣсколько и хорошихъ: вообще нельзя отнять у него кротости, дружеской вѣжливости и приличія, и не смотря на чрезвычайное любопытство, онъ однако жъ почти никогда не безотвязенъ и не наглъ; вообще онъ имѣетъ нѣсколько достойныхъ уваженія общественныхъ добродѣтелей: великое благочестіе, неизмѣнное благоговѣніе къ тѣмъ, которые дали ему жизнь и содержать его, высокое уваженіе къ старости и непоколебимая приверженность къ нравамъ и обычаямъ предковъ. Онъ показываетъ необыкновенный талантъ въ ремеслахъ и искусствахъ, дѣлательно, хоть и не со всѣмъ честно, занимается торговлею и ремеслами, одаренъ великимъ общественнымъ тактомъ и до того настойчивъ, что разъ начатое дѣло доводитъ до конца, даже съ самыми значительными пожертвованіями. Свои работы онъ исправляетъ въ порядкѣ и аккуратно, къ чему, разумѣется, еще съ молодыхъ лѣтъ првучила его бамбуковая палка, но всегда съ большимъ, какъ только можно, шумомъ: шумливость при работѣ, кажется, свойственна всѣмъ безъ исключенія классамъ Китайскаго народа.

У Китайцевъ нѣтъ положенныхъ, регулярно возвращающихся дней отдохновенія, какъ у большей части народовъ, когда они отдыхаютъ отъ дѣла. Да и религія не предписываетъ имъ никакого назначеннаго времени для богослуженія, еще менѣе извѣстны имъ какія нибудь собранія для этой цѣли: отъ того жизнь ихъ получаетъ то скучное однообразіе, которое такъ несносно для Европейца, привыкшаго къ веселью и развлеченіямъ воскресныхъ дней. Начало года собственно единственный праздникъ для рабочаго народнаго класса. Самый бѣдный крестьянинъ является тогда въ своемъ лучшемъ, по возможности, новомъ платьѣ, навѣщаетъ своихъ родныхъ и друзей, получаетъ и самъ дѣлаетъ вѣжливости и подарки. Люди изъ высшихъ сословій, занимающіе гражданскія должности, даютъ пиры и угощенія, но даже и у

нихъ нѣтъ общественной веселости, которая въ такомъ случаѣ главное дѣло у Европейца. Гости никогда не объѣдаютъ вмѣстѣ за однимъ столомъ, у каждаго изъ нихъ особенный; иногда садятся по двое, но никогда болѣе четырехъ. О разговорахъ со всѣмъ нельзя и думать, по тому что все вниманіе каждаго гостя должно быть непремѣнно обращено на хозяина и его движенія: надобно замѣчать каждый кусокъ, который онъ кладетъ въ ротъ, каждый стаканъ, подносимый имъ ко рту: хорошо воспитанный Китаецъ безъ особенныхъ церемоній не станеть ни ѣсть, ни пить, и требуетъ, чтобы видѣли это. Когда приглашенный не можетъ явиться по нездоровью, или по другой какой причинѣ, доля его въ обѣдѣ торжественно посылается къ нему на домъ, — обычай, который одинъ уже доказываетъ достаточно, какъ мало цѣнятъ общественное развлеченіе обѣда: главное дѣло кушанья, и множество ихъ отвѣчаетъ уваженію, которымъ считаютъ себя обязанными къ гостямъ. По Китайскому мнѣнію, мѣра желудка опредѣляется не по величинѣ его и аппетиту, а по чину человѣка, которому принадлежитъ этотъ желудокъ: отъ того-то начальникъ посольства всегда получаетъ впятеро больше всякаго другаго изъ его свиты. Главная часть каждаго обѣда рисъ. Многіе изъ низшихъ классовъ почти и не имѣютъ другаго кушанья: «кушали ли вы свой рисъ»? обыкновенное привѣтствіе при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ. Богатый не знаетъ почти никакихъ другихъ удовольствій, кромѣ хорошо уставленнаго кушаньями стола: его обѣдъ продолжается нѣсколько часовъ и опьянѣніе, если только не выставляютъ его на показъ, ничего не имѣетъ соблазнительнаго; даже говоря о комънибудь, что у него «полная мѣра», т. е. онъ много можетъ выпить, не пьянѣя, дѣлаютъ комплиментъ ему. Европейецъ легко оставитъ безъ вниманія эту слабую сторону Китайцевъ, но жестоко долженъ осуждать ихъ гнусное обыкновеніе объѣдаться другъ у друга: они набиваютъ себѣ животъ до удушья, и чѣмъ больше показываютъ гости признаковъ объѣдѣнія, тѣмъ довольнѣе хозяинъ. Кромѣ ѣды, главное развлеченіе въ обществахъ игра, любимая Китайцемъ до того страстно, что онъ рѣдко выходитъ, не спрятавъ въ карманъ картъ или костей; когда же у него ихъ нѣтъ, онъ прибѣгаетъ къ «теои моі», для чего употребляетъ одни пальцы. Двое усядутся другъ противъ друга, въ одно время поднимутъ руки, каждый прикричитъ чис-

сло, какое выйдет по его предположенію, если сосчитать протянутые пальцы у него и противника. Проигравшій долженъ заплатить напередъ положеннымъ штрафомъ; если же это на пире, то выпить нѣсколько стакановъ какого нибудь крѣпкаго напитка. Этой дѣтской игрою не рѣдко занимаются двое серьезно спорящихъ игроковъ до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ возможности видѣть и считать пальцы другъ у друга. Всѣ игры Китайцевъ, какъ карты и кости, такъ и шахматы, гораздо сбивчивѣе нашихъ. Играютъ вездѣ, особливо въ городахъ, съ такою страстью, что почти во всѣхъ углахъ видны группы, убивающія такъ свое время. Китайцевъ даже обвиняютъ въ томъ, что они нерѣдко ставятъ на кости женъ и дѣтей; да и въ такой странѣ, гдѣ по закону отецъ можетъ продавать своихъ дѣтей въ рабы, станетъ ли долго раздумывать игрокъ, которому больше нечего ставить на карту, чтобы воспользоваться принадлежащимъ ему правомъ? Одно изъ любимѣйшихъ развлеченій высшихъ сословій пѣтушій бой, столь же жестокая, какъ и не мужская забава, которая, къ сожалѣнію, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ краяхъ Европы; не такъ зажиточные приучаютъ для такой же цѣли перепеловъ и смотрятъ съ удовольствіемъ, какъ этѣ бѣдныя птицы терзаютъ другъ друга. Глубокомысленный Китаецъ даже открылъ при своихъ наблюденіяхъ, что насѣкомыя изъ породы саранчи нападаютъ другъ на друга съ такимъ остервененіемъ, что расходятся не прежде, пока не потеряютъ какого нибудь члена; для того кормятъ этѣ маленькія созданія по одиночкѣ въ клѣткахъ изъ бамбуковаго тростника, и отвратительная забава спускать ихъ для пожиранія другъ друга въ такомъ общемъ употребленіи, что лѣтомъ увидишь рѣдкаго мальчика, у котораго не было бы своей клѣтки съ саранчею. До такого испорченнаго развлеченія доводитъ Китаецъ совершенный недостатокъ общественныхъ развлеченій, которыя въ другихъ странахъ можно найти въ публичныхъ мѣстахъ. Хотя у Китайцевъ и есть что-то похожее на гостиницы, однако жъ только люди изъ низшихъ классовъ заходятъ туда выпить чашку чаю или сау-чуга, напитокъ перегнаннаго изъ риса и другаго хлѣба, но совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы искать тамъ общества; въ этѣхъ гостиницахъ и не засиживаются, чтобы напиться до неприличія, по тому что Китайскій простолудинъ совершенно свободенъ отъ гнуснаго порока пьянства. Богатый лакомится опіумомъ въ

своихъ четырехъ стѣнахъ, гдѣ не видитъ его никто. Этотъ, такъ вредный для здоровья, товаръ, не смотря на строжайшее запрещеніе ввозить его, тайно привозится въ Китай въ такомъ большомъ количествѣ, что можно считать его однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ торговли. Для простаго народа обіумъ слишкомъ дорогъ, по тому вредное и даже смертоносное его дѣйствіе падаетъ преимущественно на высшія сословія.

Надобно бы полагать, что Китаецъ именно по тому, что не находитъ никакого развлеченія въ общественныхъ мѣстахъ, старается сдѣлать сколько можно пріятнѣе домашнюю жизнь, къ которой возвращается, по окончаніи своихъ занятій; но и тамъ онъ такой же черствый и церемонный человѣкъ и играетъ деспота въ миниатюрѣ, жена и дѣти содержатся не много лучше прислуги и совершенно лишены мелочныхъ ласкъ и молчаливой внимательности, отъ чего рождается взаимная пріязнь между членами семейства, живущими подъ одною кровлей. Мальчиковъ еще по 10 му году разлучаютъ съ сестрами, и такимъ образомъ подавляютъ братскую любовь, которую не столько рождаетъ природа, сколько ежедневное обхожденіе и взаимныя угожденія. Члены одного семейства наблюдаютъ относительно другъ друга холодное, подчиненное правилу, церемонное обращеніе: жена не можетъ ни ѣсть вмѣстѣ съ мужемъ, ни сидѣть въ одной комнатѣ съ нимъ, слѣдовательно, дѣтская любовь и уваженіе не имѣютъ для себя никакой опоры. Небольшія сцены и приключенія, которыя въ родственномъ семейномъ быту другихъ народовъ служатъ предметомъ вечернихъ разговоровъ, для Китайцевъ не существуютъ совсѣмъ или проходятъ въ молчаніи. Даже изъ училища, единственнаго сборнаго мѣста для юношества, изгнано всякое сколько нибудь свободное движеніе, всякая шумная радость. Китайскій молодой человѣкъ безжизненъ, натянута и церемоненъ: его старанія, согласно съ правиломъ, обращены исключительно къ одному подражанію серьезности взрослыхъ мужчинъ. Съ восьмымъ годомъ начинается обученіе правиламъ нѣжливости: ему говорятъ, какъ надобно себя держать при входѣ въ домъ и выходѣ изъ него и въ присутствіи старшихъ и знатныхъ людей; по 9-му году онъ изучаетъ календарь, по 10 начинаетъ читать, писать и считать, что составляетъ страшную муку, по тому что у Китайцевъ нѣтъ азбуки,

а для изображенія понятій и предметовъ есть безчисленное множество знаковъ, къ чему мы еще возвратимся послѣ. Изученіе стараются облегчить приложенными рисунками соответствующихъ предметовъ; но пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ доведутъ ученика до нѣкоторой бѣглости, и при этомъ помогаютъ его прилежанію ударами палки. Единственный отдыхъ его мѣсяцъ вакаціи около новаго года. Школы отчасти Государственныя, отчасти частныя заведенія; но всѣ находятся подъ надзоромъ мандариновъ, которые для этой цѣли объѣзжаютъ всю Имперію и дѣлаютъ экзамены. Первая книга, какую даютъ ученику, содержитъ изреченіе и правила, потомъ слѣдуютъ изреченія изъ твореній Конфутсе (Конфуція), самаго знаменитѣйшаго изъ Китайскихъ философовъ, особливо такія, которыя трактуютъ о нравственности, гдѣ въ краткихъ предложеніяхъ высказываются похвалы добродѣтели и безобразіе порока; позднѣе переходятъ къ сочиненіямъ, относящимся къ Государственной Администраціи, Законодательству и Исторіи. Когда молодой человѣкъ достигнетъ 15 года, съ школьнымъ ученіемъ соединяются гимнастическія упражненія, особливо стрѣльба изъ лука и верховая ѣзда. Успѣвъ достигнуть необходимой твердости въ предписанныхъ учебныхъ предметахъ, онъ можетъ подвергнуться испытанію и получить первую степень, дающую ему право на низшую должность; къ высшимъ должностямъ онъ долженъ пролагать себѣ дорогу неоднократными послѣдующими испытаніями: они состоятъ въ письменныхъ задачахъ, взятыхъ обыкновенно изъ ученія о Нравственности и Исторіи; но о достоинствѣ разсужденія судятъ не по богатству развиваемыхъ въ немъ идей, а только по способу письма: онъ считается превосходнымъ, если каждая буква нарисована чисто и точно, удачно выбрана, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и не встрѣчается два раза. Въ этомъ отношеніи поступаютъ съ такою строгостью, что однажды авторъ превосходнаго по содержанию разсужденія не получилъ мѣста за то только, что по недосмотру позволилъ себѣ сокращеніе въ буквѣ, означающей лошадь; при этомъ ему замѣтили съ насмѣшкою, что какъ же можетъ онъ надѣяться, что лошадь его поидетъ впередъ, когда у ней не всѣ ноги. Нужно ли болѣе доказательствъ, что, при такомъ образѣ дѣйствій, много пустоголовыхъ и невѣжественныхъ

Людей встрѣчается на самыхъ важныхъ мѣстахъ, не смотря на прославленную ученость Китайцевъ.

Воспитанію дочерей не посвящается ни малѣйшей заботливости: въ ихъ невольномъ одиночествѣ онѣ не могутъ заниматься ни чтеніемъ, ни какимъ нибудь другимъ умственнымъ дѣломъ, и по тому для нихъ остается одно прибѣжище — трубка: каждая дѣвушка, начиная съ 8 года, носитъ маленькій шелковый кисетъ съ трубкою и табакомъ. Женщины высшихъ сословіи считаютъ недостойнымъ для себя занятіе какимъ нибудь рукодѣльемъ: съ нихъ довольно заботъ о своемъ нарядѣ и присмотра за дѣтьми. Жены и дочери ремесленниковъ и купцовъ умѣютъ лучше прогнать скуку за мелкимъ шитьемъ шелками, либо за рисованьемъ насѣкомыхъ и цвѣтовъ на тонкомъ газѣ. Женщина въ Китаѣ должна совсѣмъ отказаться отъ собственной воли не только относительно мужа, но и родителей. На всѣхъ безъ исключенія дѣвушекъ смотреть, какъ на товаръ: женихъ долженъ сторговаться въ цѣнѣ съ отцомъ невѣсты, которая не можетъ выбирать сама, но достается тому, кто больше дастъ за нее. Не много имѣетъ передъ ней преимущества и женихъ, по тому что можетъ увидать ее только тогда, когда торгъ конченъ, деньги заплачены и ее принесутъ къ его дому въ запертыхъ носилкахъ въ сопровожденіи музыкантовъ и факельщиковъ; онъ отпираетъ дверцы ключомъ, поданнымъ ему заранѣе. Если же невѣста ему не понравится, или не отвѣчаетъ описанію, которое сдѣлано о ней, онъ въ правѣ отослать ее назадъ, однако жъ теряетъ заплаченную за нее сумму. Будучи доволенъ ею, онъ уводитъ ее въ комнату, гдѣ представляетъ своей роднѣ, мужскаго и женскаго пола, по томъ тотчасъ отдаетъ на руки женщинамъ, съ ними она и празднуетъ свадьбу, которая идетъ цѣлый день; новобрачный веселится съ гостями въ другой части дома. Такое раздѣленіе обоеихъ половъ, строго соблюдаемое при всякихъ случаяхъ, не даетъ приниматься непритворной радости и пріятной бесѣды и имѣетъ вредное вліяніе на характеръ Китайцевъ, по тому что для нихъ не существуетъ такое состояніе сердца, которое рождаетъ взаимную склонность и бываетъ началомъ или самыхъ счастливыхъ, или самыхъ бѣдственныхъ мгновеній жизни. Мужчина беретъ себѣ жену по тому, что это предписано законами страны и введено

стариннымъ обычаемъ, и послѣ брака жена остается такою же безжизненною и безстрашною вещью, какъ была и дѣвушкой въ отцовскомъ домѣ. Она не чувствуетъ ни безчестья для себя, ни ревности или досады, если мужъ покупаетъ себѣ другую жену: она довольна тѣмъ, что располагаетъ домомъ въ качествѣ первой жены и что отъ другихъ женъ дѣти зовутъ ее матерью. Впрочемъ многоженство, дозволенное закономъ, совсѣмъ не всеобще въ Китаѣ: только высшіе сановники и богатые купцы пользуются такимъ дорого стоящимъ позволеніемъ. Уже содержаніе трудами своихъ рукъ дѣтей одной жены, (навѣрное, бываетъ тяжело для девяти десятыхъ частей населенія, что достаточно доказывается гнуснымъ обычаемъ убивать и подкидывать новорожденныхъ. Это преступленіе, въ молчаніи терпимое правительствомъ, совершается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что въ столицахъ, а особливо въ Пекинѣ рано утромъ разбѣзжаютъ люди, получающіе жалованье за то только, чтобы подбирать несчастныя созданія, большею частію дѣвочекъ, выброшенныхъ ночью на улицу. Не дѣлая никакихъ допросовъ о родителяхъ, тотчасъ же сваливаютъ ихъ въ общую яму за стѣнами города, даже, какъ утверждаютъ, не смотря и на то, мертвыя ли онѣ или живыя. Число дѣтей, убитыхъ или погребенныхъ заживо такимъ не натуральнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, въ теченіи года должно доходить до 30 тысячъ. Сверхъ того, многихъ спасаютъ миссіонеры, которые воспитываютъ ихъ, назидаютъ въ Христіанской Вѣрѣ и дѣлаютъ самыми усердными распространителями этой религіи. Уже равнодушіе, съ какимъ ежедневно смотрятъ въ Китаѣ на такое не натуральное преступленіе, не можетъ дать выгоднаго понятія о родительской любви Китайцевъ; но послѣдующія отношенія родителей къ дѣтямъ еще болѣе утверждаютъ насъ въ этомъ мнѣніи. По закону отецъ имѣетъ неограниченную и произвольную власть надъ сыновьями и дочерьми; онъ можетъ даже продавать въ рабство, что и не рѣдко случается либо изъ своенравія, или отъ бѣдности, либо по другимъ причинамъ. Но все же требуется отъ дѣтей не только безусловное повиновеніе, но и безпредѣльныя пожертвованія. Китайская заповѣдь не говоритъ: «чти отца твоего и мать, да долготѣнъ будешь на земли», а «работай для твоего отца и матери, пока они живы, продай себя, если нужно, на всегдашнее рабство для содержанія

ихъ, и знай, что все существованіе твое должно быть посвящено имъ». Распространеніе этого правила на мать — единственное вознагражденіе за подчиненность ея мужу, который можетъ развестись съ нею по малѣйшему подозрѣнію, или въ случаѣ неладовъ между ними. Впрочемъ собственно проступки противъ супружеской вѣрности случаются рѣдко между Китайскими женщинами, по тому что не представляется къ тому случаевъ въ имъ невольномъ заточеніи, и замкнутое жилище ихъ находится въ такой части дома, куда и самый лучший другъ хозяина не можетъ войти или пробраться незамѣтно. Всѣ дома, отъ хѣжины ремесленника до дворцовъ вельможъ, кирпичные, въ одинъ этажъ, и построены внутри двора, всегда обнесеннаго высокою каменною стѣною, такъ что съ улицы почти не видно крышъ; одиѣ лавки прислонены къ наружнымъ сторонамъ стѣны. Жилища богатыхъ занимаютъ довольно большое пространство, имѣютъ много, нерѣдко отъ 10 до 12, вымощенныхъ плетнякомъ дворовъ, и на каждомъ изъ нихъ отъ двухъ до четырехъ домовъ, стоящихъ на возвышеніяхъ и обыкновенно въ видѣ шатровъ; простыя соединительныя галлерей, состоящія изъ кровли на деревянныхъ колоннахъ, идутъ отъ одного двора и зданія до другаго, такъ что можно посѣщать каждую часть дома, не подвергаясь ни дождю, ни солнцу. Высокія кровли съ углубленіемъ по срединѣ внутри стѣнами, загнутыми вверхъ и выступающими изъ за стѣны, покрыты черепицею, по цвѣту которой можно узнать уже чинъ хозяина: желтая означаетъ Императорскіе дворцы, зеленая дома высшихъ сановниковъ, на прочихъ зданіяхъ обыкновенно сѣрая. Большія окна, заклеенныя масляной бумагой, занимаютъ всю переднюю стѣну дома, которая всегда, гдѣ только дозволяетъ мѣстность, обращена къ Югу; комнаты довольно высоки, стѣны обиты бѣлыми и пестрыми бумажными обоями и по большей части украшены замысловатыми изреченіями (дунд-сю). Простѣнки и двери у зажиточныхъ людей изъ дорогаго, душистаго дерева съ рѣзьбою; у бѣдныхъ вмѣсто того обои или рогожи. Столы, стулья и шкапы также больше или меньше великолѣпные, смотря по средствамъ владѣльца, и покрыты лакомъ. Самую большую роскошь выказываютъ въ пріемной комнатѣ (гостиной), которая устроивается впереди всѣхъ комнатъ и такъ, чтобы людямъ, введеннымъ туда, не было прохода во внутреннія комнаты. Въ Китаѣ не зна-

ютъ печей, употребляемыхъ въ Европѣ, но нагрѣваютъ комнату каменнымъ углемъ, тѣющимъ въ мѣдныхъ сосудахъ, или въ ямахъ, сдѣланныхъ подъ широкими каменными скамьями. Этѣ скамьи ставятся или прямо подъ окнами, или въ углубленіи задней стѣны и служатъ днемъ для сидѣнія, а ночью вмѣсто постели. Впрочемъ у знатныхъ и богатыхъ Китайцевъ есть и кровати, часто прекрасной работы, съ шелковыми занавѣсками. Для уменьшенія пара отъ угольевъ ставятъ мраморные тазы и наливаютъ ихъ водою, принимающею въ себя вредный газъ; но чтобы и эту необходимую утварь обратить въ украшеніе, держать въ тазахъ золотыхъ рыбокъ. Почти при всякомъ домѣ, гдѣ только можно, есть садъ, по тому что у Китаеця особенная страсть подражать въ миниатюрѣ великой природѣ. При этомъ онъ обыкновенно впадаетъ въ ошибку, искажающую подражаніе въ смѣшную карикатуру: на крошечномъ пространствѣ не рѣдко видны утесы, пропасти, горные потоки, озера и водопады и между ними посажены искривленныя нарочно деревья и растенія, даже часто рисуются на стѣнахъ, если нельзя сдѣлать иначе; гдѣ совсѣмъ нѣтъ сада, по крайней мѣрѣ, окошки украшаются цвѣтами въ прекрасныхъ фарфоровыхъ вазахъ. Это пріятное для глазъ украшеніе замѣчаютъ даже на корабляхъ, стоящихъ на рѣкахъ, каналахъ и въ морскихъ гаваняхъ.

Китаецъ, не изъ самаго низшаго сословія, обращаетъ большое вниманіе на устройство гостиной, по тому что тутъ можетъ онъ показать въ полномъ блескѣ свою, тщательно изученную, вѣжливость. Случаи, при которыхъ дѣлаютъ визиты другъ другу — большіе праздники, опредѣленіе къ должности, супружества, рожденіе сына, отправленіе въ дальнее путешествіе и смертные случаи: при этомъ обыкновенно приносятъ подарокъ, отвѣчающій вкусу и нуждамъ того, кому дѣлается визитъ. Приличіе требуетъ дѣлать визиты до обѣда и натошакъ или, по крайней мѣрѣ, не пивши ничего хмѣльнаго. Подошедши къ дому, надобно подать привратнику визитную карточку (tie tse), сложенную въ видѣ опахала: при радостномъ событіи красную, слегка раскрашенную золотыми цвѣтами, при печальномъ просто бѣлый лоскутокъ бумаги, на которомъ написано имя, съ какою нибудь форменною вѣжливостью. Когда хозяинъ хочетъ уклониться отъ

визита, онъ принимаетъ карточку и велитъ сказать ожидающему посетителю, что проситъ его избавить себя отъ безпокойства и не выходить изъ носилокъ. Отплата визита происходитъ въ тотъ же день и точно такимъ же образомъ. Если визитъ принять, слуга приводитъ гостя въ пріемную, гдѣ хозяинъ приглашаетъ его движеніемъ руки войти, что и дѣлаетъ тотъ съ словами «пу-кан» (не смѣю). Потомъ хозяинъ отвѣшиваетъ низкій поклонъ стулу, назначаемому для почтившаго его своимъ присутствіемъ, и проводитъ по стулу концомъ своего платья, чтобы стереть съ него пыль или, лучше, показать, что нѣтъ ея. За тѣмъ садятся и говорятъ какъ только можно серьезно, съ безчисленными взаимными поклонами, о предметѣ, послужившемъ поводомъ къ визиту. Въ продолженіи разговора каждый держится на стулѣ прямо, не прислоняясь къ нему спиною, не много опутивъ глаза, положивъ на колѣни руки и вытянувъ до прѣма передъ собою ноги; всякой любопытный, нескромный взглядъ, всякое движеніе, обличающее разсѣянность, считается за великую обиду. Межъ тѣмъ слуга, одѣтый болѣе или менѣе богато, смотря по званію и состоянію хозяина, приноситъ столикъ съ чашками чаю, по числу лицъ въ комнатѣ: манера брать чашки, подносить ихъ ко рту и отдавать опять также соображается съ точными, строго соблюдаемыми правилами. Такъ же точно происходитъ отъѣздъ и разставанье: хозяинъ провожаетъ гостя до носилокъ, смотритъ, какъ онъ садится, ждетъ, пока двинутся носильщики, и при этомъ еще разъ обмѣниваются привѣтствіями. Письменные сношенія соединяются съ неменьшими церемоніями, какъ и личныя. Письмо состоитъ изъ бѣлой бумаги, сложенной въ 10 или 12 складокъ; начинать письмо можно только на второй страницѣ, на послѣдней ставится имя писавшаго; величина буквъ располагается по обстоятельствамъ, и чѣмъ онѣ меньше и тоньше, тѣмъ больше показываютъ уваженія; разстоянія между строками отвѣчаютъ чину лица, къ которому пишутъ, точно также и выраженія, которыя всегда и во всякихъ обстоятельствахъ должны быть отборныя и отличаться отъ обыкновеннаго разговорнаго языка. Печать прикладываютъ въ двухъ мѣстахъ: при начальныхъ буквахъ письма и потомъ у имени писавшаго. Самое письмо вкладываютъ въ два конверта, съ вѣжливыми украшеніями, которыя всегда можно купить готовыл; на первомъ пишутъ толь-

ко «шюй чаи» (туть письмо), и кладуть его въ другой обвитый листомъ бумаги, обыкновенно краснаго цвѣта, съ означеніемъ имени, чина и мѣста жительства того, къ кому идетъ письмо, потомъ заклеиваютъ его сверху и снизу и запечатываютъ съ прибавленіемъ «гу-фонгъ» (берегите и запечатайте). Письма разносятся гонцами и доходятъ аккуратно и довольно скоро до мѣста ихъ назначенія. Здороваться на улицѣ также водится и въ Китаѣ, какъ и въ Европѣ; только это соединено съ большими околнностями. Обыкновенное привѣтствіе состоитъ въ томъ, что держать свои руки въ рукахъ другаго передъ грудью, дружески повертываютъ ихъ, немного опускаютъ голову и говорятъ: «тсин-тсинъ», вѣжливая формула, почти отвѣчающая нашему: «хорошее время» или «добраго дня». Если встрѣтившееся лицо высшаго чина, надобно сложить обѣ руки, поднять ихъ надо лбомъ, потомъ опять опустить и наклониться всѣмъ тѣломъ. Когда встрѣчаются два пріятеля въ первый разъ послѣ долгой разлуки, они падаютъ на колѣни другъ передъ другомъ, наклоняются до земли, опять встаютъ и повторяютъ эту церемонію два или три раза. При обыкновенныхъ свиданіяхъ почти всегда слышится вопросъ: «какъ ваше здоровье?» и отвѣтъ: «очень хорошо, благодаря вашему изобильному счастью». Такъ же часто слышны выраженія: «у васъ счастливое лице», чѣмъ выражаютъ радость о здоровьѣ другаго, и еще: «вы расточаете ваше сердце», въ признательность за сдѣланное одолженіе; но принимаютъ его не иначе, какъ послѣ часто повторяемаго «пу-канъ» (не осмѣливаюсь). Эта чрезмѣрная вѣжливость проводится по всѣмъ случаямъ жизни и доходитъ до того, что Китаецъ почти никогда не говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, но всегда ищетъ другаго оборота, гораздо раболѣпнѣе. Такъ, онъ не скажетъ: «благодарю васъ за сдѣланную мнѣ услугу», но — «услуга, оказанная господиномъ своему слугѣ, очень пріятна для него». Иногда употребляетъ онъ и свое имя, какое носить въ то время, по тому что у Китайца разныя имена, сообразно съ лѣтами и чиномъ. Фамильное имя получаетъ онъ при рожденіи, мѣсяць спустя родители даютъ ему дѣтское имя, обыкновенно заимствованное отъ цвѣтка, или отъ какого нибудь животнаго; когда въ ребячествѣ ходитъ онъ въ школу и показываетъ способности и прилежаніе, получаетъ въ награду отъ учителя другое имя, которое прибавляетъ къ своей

Фамиліи; достигнувъ мужскаго возраста, онъ проситъ друзей дать ему новое имя, отвѣчающее его тѣлеснымъ или душевнымъ качествамъ, и носить его потомъ всю жизнь, если не займетъ Государственной должности; въ этомъ случаѣ получаетъ еще имя, указывающее на его чинъ, и этому уступаетъ даже семейное имя: атѣмъ именовъ зовутъ Китайца всѣ, если не хотятъ обидѣть его.

Вообще, чтобы не прослыть простымъ невѣжливымъ человекомъ, надобно оказывать каждому уваженіе, слѣдующее его званію и должности; это, впрочемъ, и не трудно, по тому что общественное положеніе каждаго тотчасъ же можно узнать по строго предписанному знаку на платьѣ и особливо по прическѣ. Впрочемъ самое платье во всѣхъ классахъ почти одно и то же, а различается только цѣной его, высокою или низкою. Китаецъ заимствовалъ свою теперешнюю одежду отъ татарскихъ завоевателей, однако жъ только по принужденію, и съ тѣхъ поръ сохраняетъ ее постоянно, такъ же, какъ и татарскіе нравы и обычаи, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ измѣненій по своему или чужому вкусу. Эта одежда сообразуется съ климатомъ, шире и удобнѣе Европейской. Главная часть ея — длинный, плотно прилегающій къ тѣлу кафтанъ съ подкладкою и длинными рукавами, которые вверху на плечахъ очень широки, къ локтямъ идутъ все уже и оканчиваются въ видѣ подковы, такъ что остаются видными только концы пальцевъ: лѣвая пола этого платья, на которой у чиновниковъ спереди и сзади прорѣзъ, запакивается на другую и съ правой стороны застегивается 4-мя и болѣе золотыми или серебряными пуговицами. Сверхъ этого платья надеваютъ легкую верхнюю одежду, достающую до икръ, съ широкими и короткими рукавами; ноги покрываютъ покойные панталоны. Всѣ эти части одежды у обыкновенныхъ людей дѣлаются изъ нанки или бумажной матеріи; у богатыхъ онѣ шелковыя, либо изъ тонкаго сукна съ большими кругами или узорами. На мужскомъ платьѣ преобладаютъ синій и черный цвѣта, на женскомъ зеленый и красный, желтый — исключительное преимущество Императора и Императорской Фамиліи. Зимомъ платье подбиваютъ ватой, либо мехомъ; молодые господа носятъ въ это время года верхнее платье изъ соболей, либо изъ черныхъ кошачьихъ ла-

покъ съ бѣлыми пятнами. Этѣ верхнія платья часто также коротки и похожи на наши, такъ называемыя спенсеры; благодаря такому покрою, ихъ надѣваютъ особенно для легкости и удобства при верховой ѣздѣ. Ко всякому наряду, простой ли онъ, или пышный, не можетъ недоставать широкаго шелковаго пояса, который придерживается красивою пряжкой; всего обыкновеннѣе этотъ поясъ черная тесьма или шерстяная лента, концы которой спускаются до колѣнъ. Съ лѣвой стороны къ нему обыкновенно привязываются ножны съ ножемъ, обыкновенно черепаховые, съ украшениями, и двѣ палочки изъ слоновой кости, отвѣчающія вмѣсто вылокъ; съ правой стороны привѣшиваютъ шелковый кошель, въ который кладутъ табакерку, а лѣтомъ еще опахало. Для симметріи, которую Китайцы вездѣ соблюдаютъ строго, привязываютъ такой же кошель и съ лѣвой стороны, съ острыми, ароматическими орѣхами, которые жуютъ послѣ кушанья для пищеваренія. Подъ кафтаномъ большая часть Китайцевъ, не изъ самаго низшаго класса, носятъ легкій шлафрокъ, полотняный или шелковый, замѣняющій рубашку; только никогда не моютъ его и мѣняють не прежде, пока онъ не развалится въ куски отъ ветхости и грязи; по тому что пріятность чистаго бѣлья въ Китаѣ одинаково неизвѣстна какъ Императору, такъ и послѣдному простолюдину. Вообще неопрятность одно изъ самыхъ странныхъ явленій въ характерѣ Китайцевъ, столь мелочномъ почти во всѣхъ другія вещахъ. Самая отвратительная грязь на улицѣ и дома мало беспокоитъ ихъ; имъ никогда не приходитъ въ голову помыться въ холодной или теплой ваннѣ или по крайней мѣрѣ, умытъ себѣ иногда лицо и руки теплой водой. Настѣкомыя, которыя больше всего заводятся отъ грязи, у нихъ не рѣдки: даже высшіе сановники, не раздумывая долго, открыто подзываютъ къ себѣ слугъ, чтобы снимать у себя съ кожи кое-какихъ докучливыхъ звѣрковъ. Имъ неизвѣстны также и посовые платки: они утирають носъ маленькими четвероугольными лоскутками бумаги, даже руками, которыя обтирають потомъ о рукава платья.

Обувь Китайцевъ лѣтомъ состоитъ изъ льняныхъ или шелковыхъ, зимою изъ выстеганныхъ на ватѣ чулковъ, длиною почти до лодыжки съ бархатными или плющевыми краями, и сапо-

говъ, или башмаковъ изъ нанки, шелковой матеріи или атласа, рѣдко изъ кожи, съ поднятыми вверхъ носками; подошва картонная, только обитая тонкою кожею; она не долго носится и ходить на ней трудно, по тому что она не гнется. Въ теплую погоду Китайцы ходятъ совсѣмъ съ голой шеей, зимою повязываютъ ее лентою изъ атласа, либо собольяго и лисьяго мѣха. Лѣтомъ накрываютъ голову шапкой, похожей на опрокинутую воронку, очень искуснаго и мелкаго плетенья изъ бамбуковаго тростника: ее обыкновенно подбиваютъ атласомъ и украшаютъ сверху пучкомъ коровьей шерсти, выкрашенной красною краскою и распущенной по сторонамъ. Люди высшихъ чиновъ носятъ продолговато-круглые колпаки изъ атласа съ черною оторочкою и красною шелковой кистью; на чиновническихъ шапкахъ каменные шарики, которыхъ цвѣтъ отвѣчаетъ ихъ общественному положенію. Зимою шапки подбиваются какою нибудь теплою матеріею или мѣхомъ, что и необходимо, по тому что Китаецъ, по обыкновенію, навязанному ему Татарами, брѣетъ волосы спереди на вискахъ, а оставшійся клочокъ собираетъ въ косу, висящую по спинѣ. Эту косу, называемую «пентсе», и часто въ два аршина длины, Китаецъ считаетъ главнымъ своимъ украшеніемъ и если природная отрасла недостаточно, прибѣгаетъ къ искусству парикмахера; отрѣзать косу считается величайшимъ безчестіемъ. Это дѣлаютъ только у преступниковъ, которые, выдержавъ наказаніе и получивъ опять свободу, считаютъ всего нужнѣе запастись фальшивою «пентсе.»

Одежда женщинъ только мало различается отъ мужской: платье достаетъ до шеи и плотно закрыто; рукава широкіе и такіе длинные, что не только закрываютъ руки, но если не засучить ихъ, они спустятся до самыхъ ногъ. Женщины помоложе и такія, которыя больше занимаютъ собою, бѣлятъ себѣ лицо и шею, подкрашиваютъ карминомъ губы и подбородокъ и подводятъ черною краскою брови въ видѣ дуги. Китайская красавица должна быть нѣжна и тонка, брюнетка и имѣть брови дугою, длинныя ногти на пальцахъ, а особливо тѣ изуродованныя ноги, о которыхъ мы уже говорили. Чтобы больше выказывать ихъ, трагятъ особенно большія суммы на пышныя башмаки и ленты, которыми обвиваютъ ноги до икръ. Молоденькія дѣвочки носятъ

длинные распущенные волосы, взрослые заплетаютъ ихъ и завиваютъ въ круглое руло, женщины подвязываютъ и собираютъ ихъ въ узелъ; для убора служатъ волосныя булавки или искусственные цвѣты, не рѣдко и пестрыя бабочки.

Едва ли нужно замѣчать, что въ низшихъ сословіяхъ женское и мужское платье гораздо менѣе красиво и дорого. Эта разница больше всего бросается въ глаза въ приморскихъ городахъ, гдѣ обыкновенно на пристаняхъ для иностранныхъ кораблей тѣснится чрезвычайно много людей обоаго пола и разного возраста. Всѣ путешественники согласны въ томъ, что эти массы народа встрѣчались имъ не такъ чтобы особенно довольныя и веселыя. Одежда мужчинъ обыкновенно состояла изъ большой соломенной шляпы, синяго или темнаго бумажнаго балахона, широкихъ матросскихъ штановъ изъ той же матеріи и тяжелыхъ сапоговъ изъ толстой кожи, не рѣдко и изъ соломы; бумажные чулки носили только немногіе, у большей части ноги были голыя, а у очень многихъ, принадлежавшихъ впрочемъ къ низшей черни, не замѣчалось на ногахъ ничего другаго, кромѣ плохихъ подштанниковъ. Женщины одѣты были не много лучше, только балахоны и брюки были посвѣтлѣе цвѣтомъ, обыкновенно красныя или свѣтлозеленыя; панталоны были плотно обтянуты выше икръ, чтобы дать видѣть маленькую обезображенную ногу; лицо и шея были не искусно набѣлены, брови черныя, намалеванныя, по срединѣ нижней губы, также и на концѣ подбородка два большія пятна изъ кармина, величиною въ облатку; черныя, какъ смоль, волосы были также не красиво завиты и придерживались большими булавками, мѣдными или желѣзными. Впрочемъ легко узнать изъ этого описанія, что путешественникамъ случилось наблюдать до сихъ поръ только самыя высшіе и низшіе слои Китайскаго народа: отъѣнки и особенности прочихъ сословій въ обыкновенномъ быту для насъ почти совсѣмъ еще неизвѣстны, по тому что въ Китаѣ люди всякихъ званій и обоеихъ половъ не показываются вмѣстѣ ни въ общественныхъ мѣстахъ, ни въ торжественныхъ случаяхъ, по тому и сравненіе невозможно для иноземца, которому строго запрещено каждый шагъ въ ихъ жилища и каждый взглядъ на ихъ домашній бытъ.

Самая вѣра въ этой скудной странѣ не составляетъ соединительной среды, по тому что, такъ называемой, государственной религій нѣтъ. Политика Манчжурскаго Двора, между другими мѣрами къ удержанію подъ своей властью разноплеменныхъ народовъ, соединенныхъ въ Китайское Государство, приняла также и мѣру сохраненія свободнаго вѣроисповѣданія предковъ у всякаго народа. Кромѣ религій Жидовъ, съ теченіемъ времени вошедшихъ въ Китай, Магометанъ и Христіанъ, иногда терпимыхъ, иногда преслѣдуемыхъ, тамъ собственно три религій, принимаемая Правительствомъ, или лучше три «ученія», какъ выражаются Китайцы. Первое и древнѣйшее Конфутсе, (Конфуція), которое беретъ за основаніе природу, а за предметъ поклоненія небо. Его можно выразить почти въ слѣдующихъ положеніяхъ: изъ ничего не можетъ быть ничто, по тому и элементы существовали отъ вѣчности; причина вещей (лиг) современна съ предметами, отъ того она вѣчна, безконечна, неразрушаема, безпредѣльна, всемогуща и вездѣсуца; среда вліянія (сила, откуда первоначально дѣйствуетъ эта причина) — синяя твердь (Тіен), отсюда же истоки ея распространяются по всему міру; по тому высшій и священнѣйшій долгъ Государя приносить отъ имени подданныхъ жертвы Тіену, а особливо въ оба равноденствія: въ первое за благополучную пору посява, въ другое за изобильную жатву. Изъ мнѣнія, распространеннаго и между другими народами, что небо главное мѣсто и источникъ творящей силы, объясняется древній обычай приносить жертву на вершинахъ высокихъ горъ, гдѣ полагаютъ ближе быть къ божеству: и теперь еще жертвенники должны находиться почти на всѣхъ высокихъ горахъ Китая. Въ послѣдствіи, когда населенность сгустилась, жертвоприношеніе на горахъ сдѣлалось неудобнымъ: тогда, по крайней мѣрѣ, стали выбирать для того мѣста повозвышеннѣе: къ Цекви, который возвышается на песчаной равнинѣ, стоитъ алтарь неба (тіен-тан), алтарь земли (тиг-танъ) и алтарь древнихъ поселенъ (сіан-нонганъ) на искусственныхъ холмахъ внутри стѣнъ дворца: здѣсь до сихъ поръ въ извѣстное время приносятъ жертву Императоръ, какъ сынъ неба и единственное существо на землѣ, достойное заботиться о своемъ народѣ; по тому что, по ученію Конфутсе, разстояніе между всетворящею силою и народомъ такъ велико, что народъ имѣетъ нужду въ Государѣ, какъ въ посредникѣ,

и только при безусловномъ повиновеніи его волѣ можетъ ожидать исполненія своихъ желаній. Кромѣ этого и подобныхъ правилъ, противныхъ здравому смыслу, да еще глупой вѣры въ прихвѣты и ворожбу, религія Конфутсе содержитъ много превосходнаго, особливо относительно нравственности: она гораздо чище почти всѣхъ древнихъ религій тѣмъ, что не представляетъ божества личностію и не изображаетъ его въ какомъ нибудь образѣ. Никогда не ставили статуи и основателя этой религіи, никогда не воздавали ему божескихъ почестей; но во всякомъ городѣ есть общественное зданіе, въ которомъ производятся экзамены на какую нибудь степень въ Государственной службѣ: это зданіе называется «домъ Конфутсе.» Тутъ, по навѣстнымъ днямъ, собираются ученые для празднованія памяти своего государя и учителя, и въ назначенной для того большой залѣ ставится простой столъ, на которомъ написано золотыми буквами: «о Конг-фу-тсе. нашъ почтенный учитель! да сойдетъ на землю духовная часть твоя для принятія отъ насъ высокаго уваженія, которое теперь смиренно оказываемъ тебѣ». Потомъ кладутъ на столъ яблоки, виноградъ, цвѣты и другія приношенія и сжигаютъ благовонныя смолы, ладонъ, свѣчи изъ сандалнаго дерева и позолоченную бумагу. Уже одна эта церемонія указываетъ на вѣру въ загробную жизнь, если бы ученіе Конфутсе не высказывалось о ней еще яснѣе; но оно говоритъ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, что тѣло человѣка состоитъ изъ двухъ началъ: изъ легкой, невидимой и грубой чувственной, и роковая минута, когда оба они отдѣляются и первое поднимется на воздухъ, а другое упадетъ въ землю, будетъ смерть человѣка. Слово «смерть» однако жъ не употребляетъ Конфутсе, да и Китаецъ не говоритъ его, по тому ли, что не любитъ, или что это не принято. Объ умершемъ онъ лучше выражается такъ: «онъ возвратился въ свою семью,» по тому что хотя и думаютъ, что тѣло распадется со временемъ на свои составныя начала и сдѣлается частью вселенной, однако жъ твердо увѣрены; что души тѣхъ, которые исполнили свой долгъ на землѣ, живутъ за могилою и даже получаютъ разрѣшеніе не только навѣщать свои прежнія жилища, но и дѣлать добро своимъ почитателямъ, потомкамъ. Отсюда непремѣнный долгъ каждаго добраго человѣка соблюдать въ точности старинные обряды, установленные въ воспоминаніе о предкахъ; на-

рушитель этого священнѣйшаго долга наказывается за свою небрежность по смерти тѣмъ, что его духовной части не дозволяется находиться въ чертогахъ блаженныхъ и сходять на землю для принятія уваженія отъ потомковъ. Это ученіе необходимо помогло укорениться вѣрованію въ добрыхъ и злыхъ духовъ, въ хранительныя божества семействъ, городовъ, домовъ, горъ и долинъ и довести до смѣшнаго преувеличенія церемоній не только поклоненія усопшимъ, но и погребенія ихъ. Въмѣсто прежняго, столь простаго чествованія плодами, цвѣтами и благовоаніями, мало по малу стали дѣлать приношенія все богаче и богаче: пшеницею, мясомъ, виномъ и даже благородными металлами, тратитъ ужасныя суммы на похороны и украшеніе кладбищъ, и въ похоронныя обряды, свачала очень простые, внесли натянутую и стѣснительную церемоніальность. Трауръ по предписанію продолжается теперь три года: во все это время нельзя занимать какой бы то ни было общественной должности, а надобно предаваться скорби въ строгомъ уединеніи. Умершаго выставляютъ до похоронъ на 7-мь дней; друзья и родные оплакиваютъ его; многіе доводятъ даже до того свое благочестіе, что какогонибудь дорогаго для нихъ покойника сохраняютъ у себя въ домѣ цѣлыя мѣсяцы, даже годы въ закрытомъ гробѣ. Это поклоненіе умершимъ и ихъ хранительнымъ духамъ теперь почти всеобще въ Китаѣ, хотя и обязано своимъ происхожденіемъ Конфутсе.

Другая, гораздо болѣе рассчитывающая на расположеніе толпы, религія явилась въ одно время съ ученіемъ Конфутсе, принятымъ прежде всего учеными, чиновниками и богатыми, или не много спустя послѣ него. Она введена и принята съ похвалами философомъ Лаокунгомъ, долго проживавшимъ въ Тибетѣ у жрецовъ Ламы и ознакомившимся съ ихъ догматами. Онъ называлъ своихъ приверженцевъ Та о-тсе (сыны безсмертія) и принималъ за правило положеніе, что цѣль человѣка — веселая и счастливая жизнь и что задача его состоитъ только въ томъ, чтобы пользоваться настоящей минутой, не заботясь ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; но какъ неизбѣжны несчастія, а болѣзни и смерть являются общею людскою участію, то обязанность мудрыхъ отыскать напитокъ безсмертія, и тѣмъ осчастливить людей. Сдѣсь очевидно непонятое ученіе жрецовъ Ламы о переселеніи душъ,

передѣланное въ ученіе о продолженіи жизни: и обращенное въ искусство производить обновленіе жизненныхъ силъ въ одномъ в томъ же тѣлѣ посредствомъ состава, взятаго маѣ трехъ царствъ природы. Натурально, былъ изобрѣтенъ жизненный элексиръ; его держали въ секретѣ. Обманутые люди старались доставать его всячески и за большія суммы; даже Государя добивались этой драгоцѣнной жидкости-и, благодаря тому, дали своимъ коварнымъ врагамъ самое удобное средство избавлять себя отъ нихъ. Напитокъ, вѣроятно, состоитъ изъ опиума и крѣпкихъ пряностей, усиливающихъ раздраженіе и на минуту возбуждающихъ жизненные силы; расслабленіе, неизбежно слѣдующее за тѣмъ, требуетъ втораго и третьяго приѣма, до тѣхъ поръ, пока наконецъ раздражительность не истощится и искатель безсмертія не умретъ жалкимъ образомъ. Какъ ни смѣшно покажется такое заблужденіе, однако жь Европейцамъ никакъ не слѣдуетъ смѣяться надъ нимъ: мы также пользуемся панацеями у нашихъ шарлатановъ и даемъ себя спроваживать на тотъ свѣтъ за большія деньги. Исходя изъ убѣжденія, что счастливая жизнь бываетъ только тогда, когда нечего заботиться о завтрашнемъ днѣ, также и о семействѣ, жрецы Лаокунга предпочитаютъ холостую жизнь и живутъ вмѣстѣ въ монастыряхъ: тамъ дѣлаютъ своимъ приверженцамъ предсказанія и занимаются ворожбой, заклинаніями духовъ, магіею и другими таинственными продѣлками, которыя сами понимаютъ такъ же мало, какъ и глазѣющая на нихъ толпа. Все повторяя такія глупости передъ легковѣрнымъ народомъ, они ходятъ въ длинной процессіи кругомъ алтаря, на которомъ днемъ и ночью горитъ священный огонь, поддерживаемый воскомъ, ворванью, щепами сандалнаго дерева и душистой смолою, поютъ непонятную монотонную пѣснь и кланяются каждый разъ, проходя передъ алтаремъ. Въ продолженіи хода бьютъ въ большія литавры и въ маленькія металлическія дощечки, висяція на станкахъ, для устрашенія злыхъ духовъ и уничтоженія очарованія, въ которомъ эти духи держатъ народъ. Безобразныя изваянія добрыхъ и злыхъ боговъ изъ дерева, камня или обожженной глины, запачканныя краскою, либо лакомъ, а иногда и позолоченныя, стоятъ по обѣимъ сторонамъ храма другъ противъ друга и должны изображать контрасты радости и печали, удовольствія и боли, любви и ненависти. Если отнять у ученія Лаокунга пыш-

ную обстановку, окружающую его нынче до бессмысленной непонятности, основное правило его, кажется, будетъ побѣда надъ страстями или, лучше, полное равнодушіе ко всѣмъ земнымъ дѣламъ, отъ того-то оно и могло найти доступъ и терпимость въ одномъ только деспотическомъ Государствѣ.

Третья религія Фо, находившаяся подъ особеннымъ покровительствомъ прежнихъ Государей Китая, а по тому и имѣеть очень многихъ приверженцевъ. Она была введена изъ Индіи Государемъ Фо, и въ очень многихъ мѣстахъ согласуется съ религіей Будды. Жрецы Фо называются Бонзы и живутъ одною милостыней, хотя число ихъ очень велико и доходитъ больше, чѣмъ до милліона. Подъ невзрачною наружностію они скрываютъ необузданную гордость и ненасытное корыстолюбіе и умѣютъ держать въ рабской зависимости Китайцевъ, отъ природы малодушныхъ и робкихъ, и ослѣпляютъ ихъ множествомъ суевѣрныхъ обрядовъ. Они живутъ всѣ вмѣстѣ не женатые въ большихъ монастыряхъ или храмахъ, и носятъ на шеѣ что-то въ родѣ вѣвка изъ коралловъ, которые считаютъ во время молитвы; при всякомъ кораллѣ они произносятъ таинственное слово «ом-и-то-фо» и наклоняютъ смиренно голову. Когда шнурокъ сосчитанъ, они кладутъ замѣтку и такъ отмѣчаютъ себѣ число своихъ молитвъ. Фо, жившій за 1000 лѣтъ до нашей эры, родился чудеснымъ образомъ; живя пустынникомъ, достигнулъ высшей степени совершенства и на 30-мъ году жизни сдѣлался богомъ. По его первоначальнымъ догматамъ, которымъ нельзя отказать въ мудрости и здоровой нравственности, но которые теперь искажены и для простаго народа почти совсѣмъ неизвѣстны, высочайшее Существо, первобытное начало всѣхъ вещей, живетъ искони, невидимое, непостижимое, всемогущее, премудрое, благое, праведное, сострадательное и имѣеть начало въ себѣ самомъ. Никакое изображеніе не можетъ его представить: ему нельзя и молиться, по тому что оно выше всякаго людскаго почтенія, и только знаки его качествъ достойны нашего поклоненія. Когда это высокое Существо пожелало сотворить міръ, оно воплотилось, по тому что, будучи духомъ, только посредствомъ такого превращенія могло войти въ сношенія съ тѣлесными существами: при этомъ оно отдѣлало мужскія добродѣтели отъ женскихъ, которыя всѣ

были соединены въ немъ. Для всѣхъ существъ оно назначило лѣствицу, и душа должна проходить чрезъ различныя степени очищенія, то оживляя человѣка не такъ совершеннаго, то болѣе совершеннаго; когда она очистится до того, что человѣкъ увидитъ, что не можетъ сдѣлать ничего лучше, какъ бросить все земное, тогда становится онъ святымъ. И въ качествѣ святаго онъ можетъ достигать разныхъ степеней; высшая степень добродѣтели и блаженства будетъ возвращеніе къ тому «ничто,» изъ котораго вышли мы всѣ, но это ничто есть высочайшее Существо, первобытное начало всѣхъ вещей. Впрочемъ, кромѣ высочайшаго Существа, ученіе Фо допускаетъ еще многихъ подчиненныхъ боговъ, или лучше хранительныхъ духовъ: тѣмъ самымъ оно подало поводъ къ самымъ страннымъ нелѣпостямъ, замѣнявшимъ теперь древнюю, простую религію Фо, и особенно замѣчательнымъ тѣмъ, что онѣ согласны съ догматами другихъ вѣроисповѣданій, даже и съ нѣкоторыми Христіанскими. Мы не можемъ здѣсь прослѣдить это сходство, а по тому ограничиваемся нѣсколькими замѣчаніями о Китайской богинѣ, которую называютъ всего чаще и чтутъ всего больше: разумѣемъ Шинг-ту, или св. матеръ, или лучше магъ совершеннаго разума. Первые Христіанскіе миссіонеры, приходившіе въ Китай, были не мало изумлены рѣзкимъ сходствомъ этой богини съ Дѣвой Маріей. Они обыкновенно находили ее очень тщательно закрытою отъ глазъ мірянъ въ нишѣ, подъ шелковымъ покрываломъ, въ сіяніи вокругъ головы и съ младенцемъ на рукахъ, либо на колѣняхъ; изумленіе ихъ увеличилось, когда они услышали исторію Шинг-ту: имъ рассказывали, что она зачала, не переставъ быть дѣвицей, и родила сына, по тому что съѣла цвѣтокъ растенія лян-хва (водяной лиліи), нашедши его у себя на платьѣ на берегу рѣки, въ которой она купалась; по окончаніи срока ея беременности, она удалилась на то мѣсто, гдѣ нашла цвѣтокъ, и тамъ разрѣшилась мальчикомъ; этотъ брошенный ребенокъ, найденный и воспитанный однимъ бѣднымъ рыбакомъ, скоро выросъ и творилъ чудеса. Еще болѣе сходства встрѣчается между Китайскою, Египетскою и Греческою Θεογονіей: можетъ быть, общій источникъ ихъ надобно искать въ Египтѣ.

Мы уже упоминали выше о склонности Китайцевъ къ ворожбѣ и звѣздочетству: не легко найти другой народъ, который бы

предавался такъ легко этому суевѣрію. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, въ лѣсахъ, на горахъ, въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ построены маленькіе храмы, которыхъ двери почти всегда отворены, чтобы всякой, кому угодно, могъ входить туда и узнавать свою судьбу, не требуя для себя жреца. Когда кто собирается путешествовать, покупать жену, строить домъ, или предпринимаетъ какое нибудь другое важное дѣло и хочетъ увѣриться, ожидать ли ему благополучнаго успѣха, онъ отправляется въ ближайшій храмъ, становится на колѣни предъ алтаремъ, беретъ стоящую на немъ чашу, наполненную множествомъ палочекъ, съ извѣстными знаками по концамъ, и трясетъ ее до тѣхъ поръ, пока одна изъ палочекъ упадетъ на землю. Потомъ онъ смотритъ на знаки на ней и ищетъ отвѣчающихъ имъ въ книгѣ, обыкновенно висящей на стѣнѣ, и находитъ въ ней объясненіе знаковъ. Если первый знакъ благопріятный, онъ съ благодарностію бросается лицомъ на землю, сожигаетъ въ жертву нѣсколько листовъ бумаги, рисованной или обложенной листочкомъ олова и потомъ смѣло идетъ приниматься за свое предпріятіе. Если онъ не доволенъ первою палочкой, вытряхиваетъ другую, а если и эта не отвѣчаетъ его желанію, третью, которая рѣшаетъ дѣло. Хотя и женщинамъ позволено посѣщать храмы, для узнанія ихъ судьбы, но онѣ, по обыкновенію, ходятъ туда чрезвычайно рѣдко, и только въ крайнихъ случаяхъ, и обращаются лучше къ ворожеямъ, которыхъ много ходитъ по странѣ и предсказываютъ будущее за деньги. Ихъ узнаютъ по пронзительной флейтѣ, на которой онѣ играютъ по временамъ, и, когда нужно, зазываютъ ихъ въ домъ. Узнавъ, въ какой день и часъ кто родился, онѣ записываютъ числа, дѣлаютъ свои исчисленія и съ дерзкой самоувѣренностію предсказываютъ судьбу спрашивающаго. Впрочемъ приверженцы всѣхъ вѣроисповѣданій преданы этому гнусному суевѣрію, даже по временамъ и Манджуры, теперешніе повелители Имперіи, хоть имъ и нѣтъ никакой надобности ни до Конфуція, ни до Лаокунга, ни до Фо, по тому что они держатся своей вѣры, Шаманской. Вообще Манджуры не только во многомъ различаются отъ Китайцевъ, но имѣли вліяніе, впрочемъ кажется не вредное, и на ихъ нравы, характеръ и образованность; отъ того и не будетъ излишнею попытка сдѣлать краткое описаніе этого народа, извѣстнаго своими завоеваніями.

Манджуры или Манжу, которые, какъ доказываютъ ихъ языкъ и наружныя отличія, принадлежатъ къ великому Тунгусскому племени, распространившемуся почти по всей Сѣверовосточной Азій, еще въ исходѣ XVI столѣтія были не замѣтный горный народецъ; но, благодаря смѣлости и хитрому благоразумію нѣкоторыхъ вождей, распространились отъ Сѣверныхъ границъ Китая до Сибири и отъ Монголіи до Японскаго моря. Въ 1610 году они отважились впервые вторгнуться въ Китай и сдѣлали огромную добычу, которою завлекли и всѣхъ прочихъ соплеменниковъ и вскорѣ сдѣлались до того сильными, что уже въ 1662 году провозгласили Китайскимъ Императоромъ своего храбраго вождя Тайтсонга, подъ именемъ Канги, и большею частію покинули свои первоначальныя жилища, разумѣется, уступавшія красотой и плодородіемъ Китайскимъ нивамъ, однако жъ не такія же дикія и не гостепріимныя, какъ полагали прежде, когда еще не знали Китайскихъ описаній этой страны. Собственно Манджурія, до сихъ поръ еще не изслѣдованная ни однимъ Европейцемъ, хотя и кажется почти Альпійскою страной, однако жъ до нѣкоторой высоты плодородная и покрытая роскошною растительностію, особливо по берегамъ обильнаго водою Амура, текущаго по широкимъ долинамъ и принимающаго многіе притоки. Климатъ холоднѣе, и зима, когда всѣ рѣки и воли покрываются твердымъ льдомъ, продолжается отъ Сентября до Апрѣля; весна коротка и тотчасъ же переходитъ въ лѣто, приносящее сильныя жары, отъ чего быстро развивается растительность и все созрѣваетъ скоро. Отъ того почва почти вездѣ была бы способна къ земледѣлію, если бы жители захотѣли лучше согласиться на оскѣдную жизнь, чѣмъ бродить подобно пастухамъ и рыболовамъ. Въ Южныхъ округахъ, гдѣ нѣкоторыя племена въ новѣйшее время выбрали себѣ постоянное жилище, полевое хозяйство идетъ уже съ хорошимъ успѣхомъ; но большая часть Манджуровъ занимается только скотоводствомъ и рыбною ловлей. Вездѣ по рѣчкамъ, озерамъ и засѣкамъ, по самымъ тучнымъ пастбищамъ бродятъ большіе табуны лошадей, стада рогатаго скота, овецъ и козъ; а по Сѣверной границѣ держатъ и оленя. Рѣки и лѣтомъ, и зимою доставляютъ довольно рыбы, особливо вкусной семги, изъ кожи которой дѣлается обыкновенное платье. Нѣтъ недостатка и въ дичи: въ обширныхъ лѣсахъ охотятся на медвѣдей, волковъ, каба-

ночь, оленей, соболей и другихъ хищныхъ, пушныхъ и идущихъ въ пищу дикихъ звѣрей. Изъ растительнаго царства, почти совсѣмъ еще не извѣстнаго, можно назвать здѣсь только «жин-зенгъ», растеніе, почитаемое народами Высокой Азіи однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ природы. Императоръ Кіэнлонгъ, превосходный натуралистъ, говоритъ, что оно могло бы сдѣлать людей безсмертными, если бы это было возможно для нихъ. Особенная сила жинзена состоитъ въ его смолянистомъ корнѣ, очень ароматическомъ и горьковато-сладкаго вкуса. Съ самаго древняго времени Китайцы знаютъ этотъ корень, какъ сильное раздражающее средство, а потому велѣтъ искать его весною и около зимы; но онъ такъ рѣдокъ, что платятъ за него втрое противъ вѣса золота. Онъ гонитъ испарину, согрѣваетъ все тѣло, даже точно волшебствомъ восстанавливаетъ силы, изнуренныя напряженною умственною и тѣлесною работою, не даетъ развиваться заразительнымъ болѣзнямъ и сыпамъ, или облегчаетъ ихъ, дѣлаетъ моложавѣе и полиѣе и имѣетъ другія чудныя дѣйствія, по чему въ Китаѣ и кладутъ его во всѣ лѣкарства. Онъ растетъ только въ одномъ мѣстѣ, очень ограниченномъ, неплодородномъ и обитаемомъ одними дикими звѣрями пространствѣ, въ провинціи Киринъ, самомъ Сѣверномъ краю Манджурии. Императоръ ежегодно два раза велѣтъ десятитысячному войску проходить эту степь и собирать отъ корня подъ присмотромъ чиновниковъ. Европу познакомили съ жинзеномъ Голландцы, привезшіе его изъ Японіи, и продавали на вѣсъ золота, по тому что всѣ богатые люди хотѣли быть молодыми и крѣпкими; но какъ ожидаемаго дѣйствія не послѣдовало, то его и позабыли теперь совсѣмъ.

Оставшіеся на родинѣ Манджуры, которыхъ не болѣе милліона, раздѣляются на четыре племени, впрочемъ отличающіеся другъ отъ друга только высшею или низшею степенью образованности, но наружный видъ ихъ обличаетъ одно и тоже происхожденіе. Настоящій Манджуръ правильно сложенъ, стройнаго, однако жъ только умѣренно высокаго роста, съ маленькими глазами и крошечнымъ носомъ, какъ у Монгола, но не съ такимъ широкимъ лицомъ, съ черными волосами и желтоватою кожей; у него чрезвычайно острое зрѣніе и необыкновенно тонкій слухъ. Не столько красивымъ является Юпи, племя, живущее на берегахъ

Уруса, откровенное и добродушное, только неуклюжее и неповоротливое, еще стоящее на низкой степени образованности и ничего почти не знающее, кромѣ рыбодовства; этѣ Юпи рѣдко выше четырехъ футовъ, у нихъ не соразмѣрно толстая голова, плоское, почти четверугольное лицо, маленькій, круглый, нѣсколько вдавленный лобъ, выходящіе наравнѣ съ нимъ и почти совсѣмъ закрытые глаза, едва замѣтный при основаніи носъ, раздутыя щеки, большой ротъ, толстыя темно-красныя губы и смугловатая кожа, обыкновенно покрытая копотью и рыбьимъ жиромъ. Почти надобно думать, что Юпи принадлежатъ къ другому народу, особливо если сравнить это племя съ его одноплеменниками, живущими въ Китаѣ, которые, смѣшавшись съ покореннымъ народомъ, усвоили много особенностей его, и по наружности не показываютъ своего Манжурскаго происхожденія: такихъ выродившихся Манжуровъ видають даже съ голубыми глазами, ястребинымъ носомъ, русыми волосами, густою бородою и такимъ свѣжимъ прекраснымъ цвѣтомъ лица, какого едва можно ожидать и у Европейца. Гораздо похожѣ между собою остались Манжурскія племена характеромъ: главными чертами его славятся мужество, честность, прямота и гостепріимство. Манжуръ съ гордостью смотритъ на Китайцевъ, столько же трусливыхъ и раболѣпныхъ, сколько лукавыхъ и кровожадныхъ; гнушается воровства и обмана, такъ частыхъ между ними пороковъ, и гораздо мягче, человѣчнѣе въ домашнемъ быту къ своимъ подчиненнымъ, хоть и бываетъ грубѣе и суровѣе ихъ, и не легко переноситъ какую нибудь несправедливость, особливо отъ Китайца, даже если тотъ и богатъ и пользуется высокимъ общественнымъ положеніемъ. За то большаго порицанія заслуживаетъ его почти безпримѣрная неопрятность какъ въ жилищѣ, такъ и одеждѣ; иностранецъ съ перваго взгляда отличить по ней Манжура отъ приличнаго Китайца. Многія изъ Манжурскихъ племенъ, оставшіяся на своихъ родовыхъ мѣстахъ, особливо живущія на берегахъ Японскаго моря, отпугиваютъ деликатнаго Европейца своею, въ самомъ дѣлѣ, отвратительною грязнотою: путешественники рѣшались только съ большимъ самоотверженіемъ принимать ихъ гостепріимное приглашеніе и навѣщать ихъ хижины, насквозь пропитанныя рыбною ворванью и кишасія наскочными. Пища этѣхъ дикихъ дѣтей природы почти исключительно

но ограничивается рыбой: большую бьютъ стрѣлами, помевше ловятъ неводами; изъ невкусной готовятъ масло для горѣнія, необходимое для нихъ, особливо зимою, которую они проводятъ въ ямахъ покрытыхъ бревнами, кустарникомъ и землею. Нужда заставила кормиться рыбою большую часть этѣхъ племенъ: звѣри не только очень рѣдки въ этой странѣ, но и мясо ихъ такого отвратительнаго вкуса, что и самъ очень неразборчивый Манджуръ едва ли рѣшится ѣсть его. Впрочемъ образъ жизни гораздо лучше у тѣхъ племенъ, которыя, живя въ глубинѣ страны, могутъ располагать превосходнѣйшей дичью. Вліяніе, оказываемое пищею на образованность человѣка, очевидно и здѣсь. Только въ этѣхъ странахъ можно узнать Манджура со всѣми его особенностями: отсюда же вышли и тѣ воинственные толпы, которымъ достался въ добычу Китай въ такое короткое время. Они охотно усвоили гражданскія учрежденія побѣжденныхъ, какія казались имъ лучше, не отказавшись однако жъ отъ своихъ народныхъ отличій, религіи и языка. Манджуръ пообразованнѣе совсѣмъ не знаетъ ни храмовъ, ни идоловъ; онъ поклоняется высочайшему Существо, которое называетъ Царемъ неба; большинство расположено лучше къ шаманскимъ обрядамъ, состоящимъ больше всего въ призываніи душъ или тѣней предковъ. Языкъ Манджуровъ чрезвычайно богатъ и по своей превосходной организаціи способенъ къ наибольшему развитію; но что удивляетъ въ немъ всего больше, это изумительное сходство во множествѣ коренныхъ словъ съ Латинскими и Нѣмецкими, отъ того-то почти можно производить происхожденіе Манджуровъ изъ Персіи или Индіи.

Изъ трехъ великихъ народовъ Средней Азіи—Монголовъ, Татаръ и Манджуровъ, послѣдніе, безспорно, способныѣе всѣхъ къ высшей культурѣ: имъ, можетъ быть, мало по малу достанется навсегда владычество надъ другими племенами этой полосы. Это предположеніе достаточно оправдывается ихъ быстрыми успѣхами въ наукахъ и искусствахъ, неусыпнымъ стараніемъ династій, вышедшей изъ ихъ среды, служить примѣромъ въ этомъ отношеніи. Уже первый Манджурскій Императоръ Канги, одинаково превосходный какъ полководецъ, правитель, философъ и поэтъ, распространилъ предѣлы своей Имперіи далеко на Сѣверъ и За-

падѣ. Благодаря энергіи и благоразумію его преемниковъ, продолжавшихъ слѣдовать по проложенной имъ дорогѣ, эта Имперія заключаетъ въ себѣ, кромѣ собственнаго Китая и Манчжуріи, Монголію и Турфанъ, въ качествѣ подвластныхъ областей, а Тибетъ, Бутанъ, Корею и архипелахъ Ликео, какъ Государства, состоящія подъ его покровительствомъ. О Монголіи и Турфанѣ поговоримъ въ слѣдующей біографіи; о прочихъ странахъ скажемъ ниже.

Теперь возвратимся опять къ Нейгоффу, повѣренному Голландскаго посольства, которому обязаны большею частію этого описанія Китайской Имперіи. Мы оставили его въ Батавіи. Тотчасъ по возвращеніи туда, онъ отплылъ въ Европу и прибылъ въ Амстердамъ 6 Іюля 1658 года; но уже въ слѣдующемъ году получилъ приказаніе опять отправиться въ Восточную Азію по дѣламъ Восточно-Индійской компаніи. Въ качествѣ зрителя за товарами онъ посѣтилъ въ этомъ путешествіи большую часть Индійскихъ береговъ и самые значительные острова Восточнаго архипелага, потомъ, по порученію Правительства, ходилъ въ Малабаръ, для заключенія союзовъ и торговыхъ договоровъ со многими тамошними Князьями и былъ назначенъ Губернаторомъ Голландскихъ владѣній на Цейлонѣ. Здѣсь образъ дѣйствій его, кажется, не соотвѣтствовалъ желаніямъ компаніи, по тому что вскорѣ отозвали его въ Батавію, три года не давали ему никакого назначенія, и 17 Декабря 1670 года онъ отправился изъ Батавіи въ отечество для оправданія. Директоры Остъ-Индской компаніи не только признали безукоризненными его дѣйствія, но и дали такой вѣсъ его замѣчаніямъ и указаніямъ, что въ третій разъ послали его на службу въ Индію. Онъ оставилъ Голландію въ Декабрѣ 1671 года, а въ Сентябрѣ слѣдующаго года достигъ береговъ Малабара. Здѣсь онъ вышелъ на землю, чтобы завязать торговые сношенія съ туземцами, однако жъ не воротился назадъ. Самые тщательные розыски о его мѣстопребываніи и судьбѣ не имѣли никакого успѣха: нѣтъ никакого сомнѣнія, что хищные дикари убили его изъ за товаровъ, которые были съ нимъ для обмѣна. Къ счастью, онъ уже отдалъ тогда въ печать не только свои извѣстія о Голландскомъ посольствѣ въ Китай, но и всѣ замѣчанія, собранныя имъ въ другихъ путешествіяхъ въ послѣднюю

отлучку изъ отечества, ввѣрилъ надежнымъ людямъ; въ послѣдствіи они обнародованы. Не смотрѣлъ, что у насъ есть много новѣйшихъ извѣстій о посѣщенныхъ имъ краяхъ, они и теперь еще ни мало не потеряли достоинства, по тому что Нейгоффъ превосходный наблюдатель и постоянный почитатель истины. *

ГЕОРГІЙ МАКАРТНЕЙ.

Хотя Голландцы, какъ мы видѣли, своимъ чрезвычайно дорого стоившимъ посольствомъ въ Пекинъ и не достигли главной цѣли, заключенія выгоднаго торговаго договора, однако жъ вошли въ болѣе близкія сношенія съ Китайскимъ Дворомъ и вскорѣ потомъ нашли случай оказать ему большую услугу и получить для себя важныя привилегіи. Въ половинѣ XVI столѣтія, усилился страшный пиратъ Кошинга: онъ побѣждалъ Китайскій флотъ и раззореніемъ Китайскихъ береговъ внушилъ Правительству такія серьезныя опасенія, что оно охотно согласилось на предложеніе Голландской Остъ-Индской компаніи смирить его. Истребленіе опаснѣйшаго врага Имперіи удалось ей, сверхъ ожиданія, скоро и доставило такія же важныя преимущества, какъ и Португальцамъ, также пособившимъ когда-то Китаичамъ на войнѣ. Но тѣмъ строже и своенравнѣе поступали съ торговыми кораблями другихъ Европейскихъ народовъ: меньше всѣхъ удавалось Англичанамъ утвердиться въ Китайской Имперіи. Іезуиты, проживавшіе въ Китаѣ въ качествѣ миссіонеровъ и по своимъ астрономическимъ свѣдѣніямъ пользовавшіеся при Дворѣ большимъ почетомъ, не мало содѣйствовали своими происками къ удаленію Англичанъ, появившихся рѣшительно вездѣ: отцы боялись потерять черезъ нихъ свое вліяніе. Нельзя однако жъ оспа-

* Путешествіе Нейгоффа приводится и у Аделунга въ его извѣстномъ сочиненіи: «Uebersicht der Reisenden in Kussland. Это путешествіе, по извѣстію Аделунга, издано на Латинскомъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Iohannis Neuhovii Legatio Batavica ad magnum Tartariae Chanum Sungtejum. Latinitate donata per Georgium Hornium. Amstelodami 1668 fol.*—Uebers. d. Reis. in Russl. Band II. страница 33'.—Примѣч. Перев.

ривать, что гордый Повелитель Китая имѣлъ довольно причинъ къ неудовольствіямъ на этотъ народъ, мореходы котораго въ своей заносчивости вели себя во многихъ мѣстахъ на Китайскомъ берегу такъ грубо и неуважительно, что въ Китаѣ не могло образоваться выгодное понятіе объ ихъ землякахъ: ихъ честили однимъ презрительнымъ названіемъ «варваровъ съ рыжими щетинами». При очевидной важности торговли съ Китаемъ, особливо изъ Индіи, Англійское Правительство не могло оставаться равнодушнымъ къ этому, глубоко укоренившемуся, мнѣнію: благо-разуміе рѣшительно требовало внушить Пекинскому Двору лучшее понятіе о степени образованности сильнѣйшаго на морѣ народа и заставить его думать выдигнѣе объ Англичанахъ. Полагали всего лучше достигнуть этой цѣли пышнымъ посольствомъ, и послѣ долгихъ и здравыхъ соображеній выбрали Начальникомъ этого посольства Лорда Макартнея, который приобрѣлъ уже опытность на Государственной службѣ и казался способнѣе всякаго другаго для исполненія такого труднаго предпріятія.

Георгій Макартней, родившійся, 14-го Маія 1737 года, въ Ирландіи, въ Лисбурнѣ, близъ Бельфаста, посвятилъ себя изученію Правъ и по окончаніи курса путешествовалъ по Западной Европѣ, чтобы посредствомъ личнаго наблюденія узнать состояніе, средства и политику каждаго Государства. По возвращеніи изъ путешествія, вліятельные друзья рекомендовали его Государственному секретарю, Лорду Сандвичу. По его ходатайству, Макартней назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при Русскомъ Дворѣ, чтобы быть посредникомъ при заключеніи торговаго договора. Въ 1765 году онъ приѣхалъ въ Петербургъ и скоро заслужилъ особенное расположеніе Русской Императрицы; но, слишкомъ самовольно подвигая впередъ переговоры, навлекъ на себя неудовольствіе Англійскаго министерства и былъ отозванъ, по исполненіи возложеннаго на него порученія. Послѣ того въ званіи секретаря при Вице-Королѣ Ирландіи, Лордѣ Таунлендѣ, онъ отправился съ нимъ на этотъ островъ и въ этой должности дѣйствовалъ всѣми силами ко благу своего, разнообразно оскорбляемаго, отечества, котораго былъ представителемъ и въ парламентѣ. Хотя Правительство и не отдало справедливости его заслугамъ, однако жъ въ 1775 году его назначило Губернаторомъ

Вестъ-Индскихъ острововъ Гренады и Табаго. Онъ старался уладить раздоры между жителями этѣхъ Англійскихъ владѣній, и въ 1779 году долго и храбро защищалъ Гренаду отъ нападеній Французовъ; но по недостатку въ необходимыхъ способахъ долженъ былъ сдать ее и отведенъ военноплѣннымъ въ Кадиксъ, однако жъ получилъ отъ Лудовика XVI позволеніе воротиться въ Англію и скоро былъ обмѣненъ. Уже въ слѣдующемъ (1780) году его назначили Президентомъ Мадраса: въ этой, чрезвычайно трудной должности въ то время, когда Англія занята была войною съ Франціею и Голландіею, онъ умѣлъ такъ благоразумно соблюсти интересы своихъ соотечественниковъ, что Правительство, по возстановленіи мира, сдѣлало его Генераль-губернаторомъ Бенгаліи; однако жъ онъ уклонился отъ этой чести по очень разстроенному здоровью и по другимъ, такъ же важнымъ причинамъ. Онъ воротился въ Англію, гдѣ министерство, повидимому, забыло его совсѣмъ; но наконецъ, въ 1792 году, сдѣлало начальникомъ посольства, назначеннаго въ Китай. Ему предоставили самому назначить тѣ лица, которыя должны сопровождать его, также и всѣ другія распоряженія, ни сколько не стѣсняя его въ расходахъ. Въ подарки особливо выбирали такія вещи, которыя служили для объясненія ученыхъ вопросовъ и для усовершенствованія искусствъ, очень дорогіе и прекрасныя астрономическіе инструменты, по тому что знали, что въ Китаѣ Астрономія уважается болѣе всѣхъ наукъ, образцы лучшихъ произведеній Англійской промышленности и почти всѣ новыя изобрѣтенія, дѣлающія общественную жизнь покойнѣе и пріятнѣе. Секретаремъ Макартней выбралъ Георга Стаунтона, человѣка опытнаго, который со времени пребыванія Лорда въ Гренадѣ, всегда находился въ числѣ окружающихъ его; производителемъ дѣлъ ученаго Джона Баррова, знаменитаго своими географическими свѣдѣніями и многостороннимъ образованіемъ; вторымъ секретаремъ даровитаго Энея Андерсона; наконецъ І. К. Гюттнеръ отправлялся въ званіи гофмейстера у сына Стаунтона. Всѣ они описывали путешествіе: Стаунтонъ ехъ оффісіо, но всѣхъ скучнѣе, Барровъ всѣхъ ученѣе, Андерсонъ всѣхъ остроумнѣе и Гюттнеръ всѣхъ короче. Совсе неожиданно явился пятый и совершенно подлинный дневникъ Самуила Гомпеса, солдата Макартнеевой гвардіи, состоявшей изъ пѣхотинцевъ и артиллери-

стовъ, съ одною легкою пушкою. Мы пользуемся извѣстіями всѣхъ ихъ для составленія подробнаго описанія этого, хотя и безусѣшнаго, однако жъ, безъ сомнѣнія, очень замѣчательнаго и для науки полезнаго путешествія; но во избѣжаніе частыхъ повтореній начинаемъ его съ тѣхъ поръ, когда эскадра, везшая посольство и оставившая Спитгедъ 20-го Сент. 1792 года, прибыла въ Туронскій заливъ, въ Кохинхинъ, 26 Маія 1793 года.

Большіе Англійскіе корабли сначала заставили тамошнихъ жителей опасаться нападенія; однако жъ скоро успѣли разсѣять этѣ опасенія. Когда же установились взаимныя дружескія сношенія, первую заботою начальника посольства было помѣщеніе больныхъ и слабыхъ на удобной и здоровой мѣстности на берегу, а вторую снабженіе себя свѣжими съѣстными припасами, которыхъ получили вдоволь за сходную цѣну. Гавань кишѣла рыбой: ловля ея, кажется, составляла исключительное занятіе множества людей, по тому что они жили на своихъ лодкахъ подъ круглою кровлей со всѣми своими семействами. У дѣтей ихъ около шен были широкіе ломти тыквы, чтобы, въ случаѣ паденія съ лодки, они могли держаться на водѣ до тѣхъ поръ, пока прибѣгутъ къ нимъ на помощь. Окрестность залива очень живописна: между высокими горами виднѣлись низменныя, засѣянныя рисомъ поля и роскошныя пастбища, на которыхъ паслось множество буйволовъ. Съ Южной стороны впадаетъ рѣка, ведущая въ городъ Туроно: туземцы называли его Ганъ-санъ. Изъ большаго прежде города онъ обратился теперь въ бѣдную деревушку, послѣ невыразимаго бѣдствія, причиненнаго этой странѣ кровопролитною войною за наслѣдство престола. Онъ прилегаетъ къ окраинѣ рощи изъ апельсиновыхъ, пизанговыхъ и арековыхъ деревьевъ, между огороженными полями, засѣянными табакомъ, рисомъ и сахарнымъ тростникомъ. Дома по большей части построены изъ бамбуковаго тростника, крыты кунсуромъ и рисою соломой и разбросаны въ безпорядкѣ, между красивыми купами деревьевъ. Начальникъ города (пригласилъ къ себѣ знатнѣйшія лица съ кораблей и далъ для нихъ обѣдъ, который состоялъ изъ свиного, буйволоваго и оленьяго мяса, дичи и рыбы, приготовленныхъ очень разнообразно, большею частію подъ соусами, такъ что на столъ подано было болѣе сотни фарфоро-

выхъ горшковъ. Передъ каждымъ гостемъ стоялъ вареный рисъ вмѣсто хлѣба, а при немъ лежали двѣ дикобразовыя щетины, служившія вмѣсто ножей и вилокъ; ложки были фарфоровыя, съ вида почти похожія на лопатки. Послѣ стола подавали въ высокихъ чашкахъ очень горячій и пьяный напитокъ, перегнанный изъ сарачинскаго пшена; потомъ довольно искусныя комедіанты представляли комедію. При этомъ имѣли случай вблизи наблюдать жителей города, пришедшихъ въ качествѣ зрителей. Почти всѣ они были очень хорошо сложены, съ довольно чистую кожей, но съ непріятнымъ запахомъ. Одежда у знатныхъ походила нѣсколько на Персидскую и состояла изъ длинныхъ панталонъ, очень широкаго, достающаго до лодыжекъ кафтана изъ темнаго ситца или шелковой съ цвѣтами матеріи и муслиноваго тюрбана. Женщинъ нельзя было по платью отличить отъ мужчинъ: полъ ихъ дѣлался замѣтнымъ только по болѣе нѣжному тѣлосложенію; нѣкоторыя изъ немногихъ, которыхъ удалось увидеть, а особливо комедіантки, были замѣчательной красоты. Одежда бѣдныхъ людей была очень жалка и состояла почти въ однихъ штанахъ изъ грубой матеріи. Разныхъ съѣстныхъ припасовъ было вдоволь не только въ городѣ, но и во всей странѣ; однако жъ рыба, вареная съ рисомъ, составляла, кажется, любимое кушанье жителей.

Запасшись свѣжею водою и другимъ необходимымъ, эскадра снялась съ якоря 15-го Іюня, послѣ недолгой остановки въ гавани Чусанъ, поплыла въ Желтое море и 5-го Августа явилась передъ устьемъ Шейго, гдѣ уже ожидали посольство джонки, чтобы принять его на бортъ со всѣмъ обозомъ и подарками и отвезти къ пристани, откуда оно будетъ продолжать путешествіе въ легкихъ яхтахъ до Пекина. На берегу видна была вереница зданій, построенныхъ, повидимому, наскоро для приѣма пословъ и убранныхъ самымъ страннымъ образомъ разными пестрыми лентами и шелковыми матеріями. Макартней, которому хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до цѣли своего назначенія, сначала не хотѣлъ выходить на берегъ; но чиновники, которымъ поручено было провожать его, извинялись полученными приказаніями и увѣрили, что совсѣмъ не нужно такъ торопиться, по тому что еще долго до дня рожденія Императора. Явно, что этѣ

люди имѣли такое понятіе о посольствѣ, что имъ хотять слѣ-
 лать честь могущественному Повелителю Небесной Имперіи, да в
 желтые флаги на хохлатыхъ мачтахъ рѣчной флотиліи, нагру-
 женной подарками и состоявшей изъ 17-ти судовъ, не давали
 другаго смысла этому посольству по тому, что на всѣхъ ихъ было
 написано большими черными буквами: «Англійскій посланникъ
 везетъ дань Китайскому Императору.» Между тѣмъ какъ обще-
 ство путешественниковъ содержали и угощали съ чрезвычайною
 вѣжливостію и вниманіемъ въ отведенной для нихъ квартирѣ,
 снаряжались яхты и нагружались такимъ множествомъ съѣстныхъ
 припасовъ и вина, что надо было думать, что плаваніе продол-
 жится, по крайней мѣрѣ, съ годъ. Этѣ почетныя яхты, предостав-
 ляемыя въ такихъ случаяхъ Правительствомъ въ распоряженіе
 приѣзжихъ, устроены чрезвычайно удобно и соотвѣтственно ихъ
 назначенію: онѣ уходятъ въ воду на 12-ть дюймовъ, имѣютъ плос-
 кое дно и высокое строеніе наверху такъ, что походятъ на плю-
 вучіе дома. Для путешественниковъ назначены 3 помѣщенія:
 первое, передняя комната для прислуги и обоза, среднее, ве-
 личиною въ 15-ть квадратныхъ футовъ, служитъ для жилья и
 обѣда, а въ третьемъ находятся двѣ или три спальни; за ними
 слѣдуетъ кухня, а еще дальше назади пристроено для матросовъ
 много клѣтушекъ, не больше собачьихъ конуръ. Расхаживая туда
 и сюда по широкимъ доскамъ по обѣ стороны судна, матросы
 ни сколько не беспокоятъ пассажировъ своими работами для управ-
 ленія и хода яхтъ. Во всякой яхтѣ для находившихся въ ней лю-
 дей изъ посольства готовили обѣдъ, который каждый день бо-
 гато уставленъ былъ обыкновенными блюдами, а иногда и всѣми
 тамошними лакомствами: къ послѣднимъ особливо принадлежал
 птичьи гнѣзда, извѣстныя также и въ Европѣ, и плавательныя
 перья акулы, которыя имѣютъ много питательнаго сока, но тре-
 буютъ сильной приправы, если кто захотѣлъ бы найти въ нихъ
 вкусъ. вмѣсто хлѣба обыкновенно употребляли вареный рисъ
 или другой родъ хлѣбныхъ растений. Китайцы утверждаютъ, что
 рисъ отъ варки дѣлается такъ же легкимъ, какъ хлѣбное тѣсто
 отъ броженія. Хотя и мѣсятъ хлѣбцы изъ гречневой муки, но
 пекутъ ихъ не по Европейски, а на рѣшеткахъ надъ кипящей водой,
 отъ чего они дѣлаются едва на столько твердыми, какъ клецки:
 разрѣзанные ломтями и поджаренные, они еще лучше замѣняютъ

печеный хлѣбъ. Очень вкусны были плоды, особливо абрикосы, персики, виноградъ и апельсины, которыхъ можно достать довольно во всякую пору. Для питья подавали вино, которое не было ни чисто, ни вкусно, превосходную дистиллированную воду и чай, однако жъ онъ пришелся не очень по вкусу Англичанамъ по тому, что Китайцы берутъ для того свѣжіе листья.

Утромъ, 9-го Августа, подавъ сигналъ къ отъѣзду яхтъ, въ сопровожденіи безчисленныхъ челноковъ и лодокъ. Въ Китаѣ такіе сигналы подаются не выстрѣлами изъ пушки, а ударами деревянныхъ молотковъ по круглому тазу изъ мѣди, съ примѣскою олова или цинка, чтобы сдѣлать его звончѣе. Этотъ инструментъ, оглушающій стоящихъ вблизи своимъ звукомъ и слышный изда-лека, въ Китаѣ называется «лу», а въ другихъ странахъ Азіи «гонгъ». Приближеніе посольства было такое событіе, о которомъ быстро разнеслась молва по сосѣднимъ городамъ и деревнямъ, кое-гдѣ виднымъ съ судовъ. Вездѣ на обоихъ берегахъ стояли толпы нетерпѣливыхъ людей, и многіе изъ нихъ, навѣрное, давно уже дожидались плывущей процессіи; женщины, хотя не менѣе любопытныя, оставались въ приличномъ отдаленіи и смотрѣли изъ за дверей или стѣнъ на дворахъ. Впередъ подвигались медленно, по тому что, по случаю множества излучинъ рѣки, вѣтеръ никогда не оставался попутнымъ на долго и ночью всегда утихалъ. Китайская стража, провожавшая флотъ берегомъ, каждый вечеръ дѣлала привалъ и разбивала палатки; тогда, точно волшебствомъ, берегъ освѣщался разноцвѣтными огнями, для чего употреблялись легкіе фонари съ прозрачными стѣнками изъ цвѣтной, большею частію, красной, бѣлой и синей бумаги; въ то же время такіе же фонари, формою и наружнымъ видомъ означавшіе чинъ путешественника на яхтѣ, развѣшивались на верхушкѣ мачтъ и отражались на водѣ вмѣстѣ съ свѣтомъ изъ каютъ. Эта иллюминація дѣлала высокое впечатлѣніе: за то чрезвычайно непріятны были пронзительные звуки тазовъ «лу», въ которые били всю ночь, съ небольшими антрактами, при смѣнѣ стражи. По утрамъ плаваніе продолжалось всегда въ одну и ту же сторону, въ томъ же порядкѣ судовъ и съ такими же церемоніями. Въ три первые дня плаванія не получали особеннаго понятія о плодородіи этой части Китая, о зажиточности и довольствѣ ея

жителей. По обѣ стороны рѣки, сколько можно обнять глазами, земля была низкая и ровная, во многихъ мѣстахъ покрытая болотами и поросшая дикою зеленью, ситникомъ и тростникомъ; купы деревьевъ замѣтны были только вблизи бѣдныхъ деревушекъ, въ которыхъ разбросано лежавшіе одноэтажные дома были построены изъ бамбуковаго тростника и глины и крыты соломой. Тѣмъ пріятнѣе впечатлѣніе сдѣлалъ населенный городъ Тіань-сингъ, который лежитъ при слияніи Юн-ліанг-го и Пейго и ведетъ очень важный торгъ пшеницей и солью. Громады большихъ судовъ, стоявшихъ плотно другъ къ другу на якорѣ, разныя мелкія суда, двигающіяся въ разныхъ направленіяхъ, городъ, не много менѣе Лондона, разныя мастерскія и магазины, тянувшіеся вдоль обоихъ береговъ показывали торговый духъ, далеко превосходившій все до сихъ поръ видѣнное путешественниками. Суда, берегъ, стѣны, окружавшія дома, и даже кровли сплошь были заняты зрителями: самые любопытные даже стояли по лядвею въ водѣ, чтобы посмотрѣть чужеземцевъ; однако жъ всѣ наблюдали примѣрную тишину и порядокъ, и чтобы не заслонять вида другъ другу обнажали свои лысыя головы, хотя было очень душно и солнце бросало знойные лучи. Высадились почти посреди города у одного мѣста, оцѣпленного солдатами, гдѣ находились уже чиновники для пріема и угощенія посланниковъ. Изъ увеселеній, данныхъ для ихъ забавы, самыя замѣчательныя, безспорно, были комедіи: ихъ играли на открытой, прекрасно убранной сценѣ; пантомимы чередовались съ фарсами и историческими піесами и продолжались, съ небольшими перерывами, почти весь день.

Въ Китаѣ нѣтъ постоянныхъ театровъ: актеры, которыхъ считаютъ презрѣнными людьми, такъ же и обходятся съ ними, ѣздятъ изъ города въ городъ и нанимаются мандаринами и другими вельможами для каждаго представленія. Сюжетъ самыхъ любимыхъ піесъ, всего лучше исполняемыхъ ими, большею частію историческій и взятъ изъ прежнихъ временъ; чаще всего является на верху счастья Китайскій Императоръ съ своею женою. Вдругъ подданные поднимаютъ бунтъ, начинается междоусобная война, даютъ сраженія; наконецъ полководецъ мятежниковъ, обыкновенно начальникъ кавалеріи, побѣждаетъ Госу-

даря, убиваетъ его своими руками и обращаетъ въ бѣгство набранную имъ армію. Послѣ того выходитъ пѣвнiя Императрица въ отчаянномъ горѣ, натурально, отъ потери сана и мужа, также и отъ страха за безопасность своей чести. Межъ тѣмъ какъ она рветъ на себѣ волосы и наполняетъ воздухъ жалобными стонами, является побѣдитель: онъ подходитъ къ ней со всѣми знаками уваженія, ласково разговариваетъ съ ней, смягчаетъ ея горестъ своимъ участіемъ, говоритъ о любви и обожашии и, менѣе чѣмъ въ полчаса, доводитъ до того Шарицу, сперва столь неутѣшную, что она отираетъ слезы, забываетъ убитаго мужа и бросается въ объятія побѣдителя. Заключение дѣлаетъ свальба и блестящая торжественная процессія. Фарсы, въ которыхъ встрѣчается всегда паяцъ, получающій отъ толпы, какъ и на нашихъ сценахъ, большія похвалы за свои шутки, почти безъ исключенія напичканы такими мерзостями, что Европейскій зритель убѣжитъ отъ нихъ съ отвращеніемъ. Во всѣхъ пѣсахъ какъ серьезныхъ, такъ и комическихъ, разговоръ ведется чѣмъ то похожимъ на речитативъ, который иногда возвышается, иногда понижается на нѣсколько тоновъ, чтобы передать страстное или жалобное выраженіе. При каждомъ куплетѣ, актера прерываетъ громкая, пронзительная музыка, большею частію духовая; болѣе долгія остановки замѣщаются оглушительнымъ звукомъ «лу» и боемъ въ литавры; за тѣмъ слѣдуетъ пріятная арія. Музыка занимаетъ мѣсто въ глубинѣ сцены, очень широкой, но не глубокой. Радость, печаль, гнѣвъ, отчаяніе, бѣшенство стараются выразить пѣніемъ или лучше крикомъ, и Европейскій зритель, пожалуй, легко соблазнится подумать, что это Китайское представленіе—сатира на какую нибудь известную въ его отечествѣ оперу. Женскія роли исполняются мальчиками, либо евнухами по тому, что Китайская женщина, даже изъ самаго низшаго званія, не можетъ являться на сценѣ. Единство дѣйствія обыкновенно соблюдается; но не такъ строго смотрятъ на его продолжительность: не рѣдко оно заключаетъ въ себѣ событія цѣлаго вѣка или цѣлой династіи, царствовавшей лѣтъ двѣсти. Что касается единства мѣста, сцена никогда не перемѣняется, но зритель очень часто долженъ самъ воображать перемѣну ея; а такъ какъ кулисы совсѣмъ неизвѣстны, то ему каждую минуту приходится прибѣгать къ помощи воображенія. Такъ актеръ, чтобы

показать, что уходитъ въ другую комнату, дѣлаетъ видъ, будто отворяетъ двери, и заноситъ ногу, точно хочетъ перешагнуть черезъ порогъ, хотя порога и нѣтъ; когда берется приступить къ укрѣпленный городъ, часть солдатъ ложится на полъ, штурмующіе лѣзутъ черезъ нихъ; когда посылается въ дальній край полководецъ на войну съ непріателемъ, или для утишенія мятежа, онъ садится верхомъ на палку, размахиваетъ вилутикомъ, объѣзжаетъ нѣсколько разъ кругомъ сцены и поетъ арію; прощавъ ее, онъ останавливается, начинаетъ опять свой речитативъ, и его путешествіе считается конченнымъ. Въ наше время много извѣстныхъ Китайскихъ драмъ переведено на Европейскіе языки, но онѣ слишкомъ далеки отъ нашего быта и образа жизни и могутъ только обратить на себя вниманіе ученаго, который захочетъ сравнить поэтическія произведенія разныхъ народовъ.

Въ Тіан-сингѣ Макартней узналъ, что Императоръ находится не въ Пекинѣ, а въ своей лѣтней резиденціи, Джеголь, въ Монголіи. Посланникъ счелъ за лучшее притвориться нѣсколько разсерженнымъ на Китайскихъ проводниковъ, за такую медленность его путешествія, однако жъ очень радъ былъ при этомъ случаѣ посмотришь на посѣщаемый рѣдко край и даже на великую Китайскую стѣну, о которой слишкомъ горячо выразился одинъ Англійскій географъ, что даже внукъ счастливца, успѣваго увидеть ее, долженъ гордиться тѣмъ. 11-го Августа, посольство продолжало свое путешествіе, но только очень медленно, по тому что рѣка стада уже и быстрѣе, и дѣйствіе морскаго прилива, которое до сихъ поръ было очень ощутительно и помогало плаванію, прекратилось. Когда вѣтеръ дулъ попутный, или утихалъ совсѣмъ, надо было прибѣгать къ шестамъ и съ ихъ помощію съ трудомъ подвигать яхты; однако жъ матросы, повидимому, съ удовольствіемъ исправляли эту напряженную работу подъ тактъ простой, но живой пѣсни, которую запѣвалъ рулевой и повторялъ согласнымъ хоромъ весь народъ. Когда недовольно помогали весла, всю флотилію тащили съ берега, только не лошадьми и не мулами, а людьми, которые въ прибрежныхъ деревняхъ только и жили этой работой: въ этѣхъ деревняхъ можно было доставать ихъ очень скоро. Чтобы тащить одну яхту, нужно было 15 человекъ, а по тому число всѣхъ тянувшихъ доходило

до 1000, которые въ положенное время сбѣгали другъ друга. Припряженные веревками къ главной бичевѣ, они шли вереницею другъ за другомъ, распѣвая народную пѣсню, которая раздѣляла ихъ шаги, соединяла силы и заставляла нѣсколько забывать тяжелую работу; впрочемъ всѣ они были крѣпкаго сложения, здоровые, толстые и, повидимому, такъ же довольные своею участію, какъ и матросы; вмѣстѣ съ ними они составляли незначительную, хотя и не 10-ю часть всего населенія, какъ думаютъ нѣкоторые. Большая часть ихъ живутъ съ семействами на той стѣнѣ, которая ихъ кормитъ, въ большихъ корабляхъ (шампаннахъ): посланники каждый день проѣзжали болѣе 600 такихъ судовъ, на которыхъ, по счету ихъ, должно было находиться, по крайней мѣрѣ, 30,000 человекъ населенія. 16 Августа, достигли Тонг-чу, откуда путешествіе должно было продолжаться сухимъ путемъ. Выгрузка многочисленныхъ вещей и приготовленіе ихъ къ отправкѣ требовали долгаго времени: странная процессія могла тронуться только спустя 5 дней. Впередѣ шло до 3 тысячи крѣпкихъ людей, которые сбѣгались подъ руководствомъ поставленныхъ смотрителей: они носили сундуки и ящики, числомъ до 600, отчасти очень тяжелые; за ними ѣхало 85 телегъ и 39 одноколокъ, съ виномъ, пивомъ и другими Европейскими припасами, также съ аммуниціей и разными тяжелыми, не очень ломкими товарами, а потомъ восемь легкихъ долевыхъ пушекъ, назначенныхъ въ подарокъ Императору. Тотчасъ же за ними слѣдовали придворные чиновники, сопровождавшіе посольство, съ ихъ блестящей прислугой, одни въ носилкахъ, другіе верхомъ, а другіе пѣшіе; за ними гвардія, музыканты и мастеровые посланника; потомъ самъ посланникъ съ своими секретарями и спутниками въ прекрасныхъ носилкахъ, а за нимъ его прислуга въ крытыхъ тележкахъ о двухъ колесахъ; процессію заключало множество чиновниковъ, съ людьми необходимыми для наблюденія за порядкомъ.

Чѣмъ ближе подходили къ столицѣ, тѣмъ гуще становилась толпа любопытныхъ, которые нѣпкомъ, верхомъ и въ коляскахъ занимали обѣ стороны дороги, пролегавшей по ровной, песчаной и плохо обработанной странѣ. Солдаты, идущіе возлѣ процессіи, для удержанія толпы, махали длинными бичами, однако жъ

били по землѣ, не трогая зрителей, которые съ покорностью разступались передъ ними. Изнурительный жаръ, пыль, поднимавшаяся столбомъ, и медленность, съ какою подвигалось шествіе, привели бы въ отчаяніе Англичанъ, если бы все это нѣсколько не выкупалось для нихъ новостью зрѣлища, ироническими сѣхотомъ и насытъпливыми гримасами глазѣвшей черни, а особливо напряженнымъ ожиданіемъ входа въ величайшій на землѣ городъ; больше всѣхъ должны были страдать тѣ изъ Англичанъ, которые, увлекшись любовью къ комфорту, сѣла въ крытыя телѣжки, безрессорныя и привязанныя прямо къ колесамъ, внутри совѣсь безъ мѣстъ для сидѣнья: лежа на днѣ ихъ и мучимые безпрестанными толчками, пассажиры съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ждали цѣли своего странствованія, которая наконецъ показалась, не отвѣчая однако жъ ихъ ожиданіямъ. Приближаясь къ славному городу, Европейецъ привыкъ замѣчать еще издали выдающіеся предметы: башни, великолѣпныя зданія, памятники, и соединять съ ними свои наблюденія и сличенія. Но въ Пекинѣ не поднимается и дыма надъ кровлями домовъ, которые всѣ почти въ одинъ этажъ и одинаковой величины и выѣстъ взятыя очень похожи на лагерь. Городъ составляетъ продолговатый четвероугольникъ, котораго самая крайняя граница въ 40 ли (считая ли въ 600 шаговъ), такъ что окружающая стѣна простирается на 10 часовъ окружности; на Южной сторонѣ ея трое воротъ, на каждой изъ прочихъ двое, отъ чего часто и называютъ эту столицу «городомъ съ девятью воротами», но обыкновенное ея названіе Пи-чингъ (Сѣверный дворъ), искаженное Европейцами въ Пекинъ.

Сперва миновали рядъ красивыхъ загородныхъ домовъ, потомъ вошли въ одно изъ Восточныхъ предмѣстій, на полчаса длиною, повидимому, очень населенное. Хорошо вымощенная улица, проходившая черезъ него, представляла отралный видъ неутомимой промышленной дѣятельности: она кипѣла людьми, которые, какъ легко было замѣтить, пробѣгали кругомъ не по случаю входа иностранцевъ «съ рыжими щетинами», а по своимъ дѣламъ, по тому что зрѣлище, проходившее мимо и совершенно новое для нихъ, развлекало ихъ только на мигу, и они тотчасъ же послѣ того усердно принимались опять за свои занятія. Когда посоль-

ство было уже недалеко отъ города, его привѣтствовали громомъ пушекъ и пригласили отдохнуть и освѣжиться за самыми воротами, для чего приготовлено было все нужное. Охотно согласившись на это приглашеніе, имѣли случай осмотрѣть въ подробности обводную стѣну: она поднималась за глубокимъ ровомъ, по крайней мѣрѣ, на 30 футовъ вышины и окружалась 4-угольными башнями, которыя выставлялись изъ за нея на 40 футовъ, въ разстояніи 70 шаговъ или на выстрѣлъ изъ лука одна отъ другой: внизу стѣна имѣла 25 футовъ, сверху 12 футовъ толщины, такъ что ея стороны выходили почти наискось, внутренняя кость наружной. Только обшивка ея была каменная, въ срединѣ была земля, взятая изъ рва. Ни на стѣнахъ, ни на башняхъ не было пушекъ, но пристройки надъ воротами, въ нѣсколько этажей, загоразивались амбразурами съ красивыми дверцами, а снаружи были нарисованы на нихъ пушки. Ворота Китайской крепости двойныя и находятся по бокамъ четвероугольнаго или полукруглаго бастиона: первыя ведутъ на большую площадь, обставленную казармами, арсеналами и запасными магазейнами; съ этой площади, на одномъ изъ боковъ, ведутъ въ городъ другія ворота, надъ которыми такъ же, какъ и надъ первыми, построено высокое зданіе.

Отдохнувши нѣсколько времени и оправившись, опять пустились въ путь и вышли на главную улицу, шириною въ 120 футовъ, гдѣ представилась новая изумительная картина. По обѣимъ сторонамъ тянулся длинный рядъ строеній, состоявшихъ изъ однихъ лавокъ, передъ которыми разложены были груды самыхъ разнообразныхъ товаровъ. Почти у всѣхъ домовъ стояли деревянные столбы, далеко выставлявшіеся изъ за краевъ кровель, съ золотыми надписями, объяснявшими для прохожихъ, что можно купить тамъ и притомъ безъ обмана. Чтобы обратить вниманіе, соперничали въ украшеніи столбовъ сверху до низу множествомъ разноцвѣтныхъ флаговъ и лентъ; стѣны домовъ также пестрѣли разными красками: обыкновенный цвѣтъ былъ лазоревый, или зеленый съ золотомъ. Между разложенными товарами особливо бросались въ глаза чрезвычайно пышныя, накрытыя балдахинами, свадебныя носилки, одры и гробы: на все это въ Китаѣ роскошничаютъ до безумія. Проходили и мимо Импе-

раторскаго дворца, который тянется на цѣльй часть и самъ собою составляетъ городъ: это продолговато-четвероугольная площадь, обнесенная стѣною, въ 20 футовъ вышины, сдѣланною изъ большихъ красныхъ вышпированныхъ кирпичей и крытою желтою черепицей. Эта стѣна окружаетъ не только домъ и садъ Императора, но и судища, присутственныя мѣста и жилища министровъ, ремесленниковъ и разныхъ другихъ людей, принадлежащихъ къ Двору. Ручей, извивающійся по этому кварталу, не только доставляетъ много воды, но и чрезвычайно увеличиваетъ красоту мѣста: этъмъ ручьемъ воспользовались для каналовъ, озеръ и бассейновъ, которые вмѣстѣ съ искусственными пригорками, утесами и роцями — чрезвычайно удачно подражаніе природѣ. Не подалеку отъ дворца пересѣкаются двѣ главныя улицы: на всякомъ такомъ мѣстѣ возвышается одно изъ тѣхъ странныхъ зданій, которыя Китайцы называютъ «пайлу», слово, переводимое не совсѣмъ правильно триумфальною аркой; по тому что этъ строенія ничто иное, какъ памятники людямъ, оказавшимъ услуги Государству или дожившимъ до необыкновенно глубокой старости. Иногда выстроенныя изъ рыхлаго камня, а иногда изъ дерева, они состоятъ изъ большихъ воротъ по срединѣ и маленькихъ по бокамъ, и расписаны самымъ великолѣпнымъ образомъ, покрыты лакомъ и позолочены. Вокругъ пайлу собралось большою массою низшее сословіе Пекинскихъ жителей, чтобы посмотреть не столько на пословъ, сколько на подарки, которые везли они Императору и о которыхъ, какъ услышали потомъ, ходили самыя странныя толки: такъ, будто бы между привезенными звѣрями былъ слонъ ростомъ съ обезьяну и съ львиною свирѣпостью, да еще пѣтухъ, котораго кормятъ угольями. Теперь находились, повидимому, въ самой оживленной части города: подвижныя мастерскія кузнецовъ, починивателей башмаковъ и цирульниковъ, палатки и лавки, гдѣ пролавали чай, плоды, рисъ и другіе припасы, товары, выложенныя передъ лавками, стѣсняли широкую улицу въ такую узкую дорожку, что едва могли вѣхать рядомъ двѣ телѣжки. Сверхъ того, надобно было еще сторониться то передъ Государственнымъ сановникомъ съ его многочисленными провожатыми, которые несли зонтики, флаги, разноцвѣтные фонари и другія странныя отличія его сана, то передъ толпою, провожавшею въ могилу покой-

ника съ жалобными стenanіями, либо невѣсту къ жениху съ пронзительною музыкой. Иногда оттѣсняло пословъ въ сторону стадо дромедаровъ, идущихъ изъ Татаріи и навьюченныхъ угольемъ, или длинная вереница телѣжекъ съ землею. Глухой гулъ этой смѣшенной толпы, крикъ продавцевъ, выхвалявшихъ свои товары или спорившихъ съ покупателями, предостерегательные крики носильщиковъ и извозчиковъ, знаки, похожіе на свистъ варгана, которые подавали своими щипцами цырульники, шумъ фокусниковъ, ворожей, предсказателей, разнощиковъ, шарлатановъ, фигляровъ и музыкантовъ, громкія шутки и хохотъ въ разныхъ группахъ: все это дѣлало впечатлѣніе огромной ярмарки. Не смотря однако жъ на эту постоянную тѣсноту и дѣятельность, безопасность жителей нарушается только рѣдко, по тому что городская полиція образцовая. На всякой улицѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ большой караулъ, который ставитъ по всѣмъ сторонамъ сторожевые посты и разсматриваетъ патрули. Сверхъ того, обитатель каждаго десятаго дома обязанъ смотрѣть за своими сосѣдями, и когда поднимется какой нибудь шумъ, тотчасъ же долженъ позвать ближній караулъ. Ворота на азіатскія боковыхъ улицахъ запираются, и войска, обходящія городъ и каждый часъ возвѣщающія свое присутствіе ударами по коротенькому бамбуковому отрубку, издающему глухой звукъ, берутъ, не разбирая, всякаго, вышедшаго изъ дома безъ крайней надобности. Гораздо меньше, кажется, заботливости со стороны Правительства о чистотѣ, о хорошей водѣ для питья и удаленіи вредныхъ испареній. На улицахъ песокъ и пыль; онѣ вымощены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Водопроводы здѣсь неизвѣстны совсѣмъ, а устройство ихъ сдѣлалось неизбежною необходимостью въ большихъ городахъ Европы. Хотя и въ Пекинѣ не бросаютъ на улицу никакой дряни, однако жъ не изъ чистоты, а изъ бережливости: каждое семейство держитъ большую бочку, въ которую тщательно собирается все, что можетъ служить для удобренія; когда она наполнится, ея содержанія никогда не трудно обмѣнять на зелень или деньги. Тѣ же телѣжки, которыя снабжаютъ городъ кухонными растеніями, каждый разъ возвращаются съ грузомъ жидкаго помета для полей и садовъ. Длиныя вереницы такихъ телѣжекъ встрѣчаются вездѣ и оставляютъ отвратительный запахъ, который не проходитъ весь день.

Посланники, употребившіе не менѣе двухъ часовъ на проѣздъ города въ ширину, наконецъ выбрались противоположными западными воротами опять на улицу, вымощенную плитнякомъ. Ихъ провели къ строенію, находившемуся въ чрезвычайно плотномъ состояніи: оно должно было служить жилищемъ для нихъ во всю ихъ бытность въ Небесной Имперіи. Но какъ Макартней горько жаловался на такое презрительное обращеніе, весь проѣздъ отведенъ былъ въ Пекинъ опять, и для его помѣщенія назначенъ пустой, обвалившійся и грязный домъ: его описывали самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, которыми могли распорядиться. Межъ тѣмъ пришелъ приказъ; чтобы Англійскій посолъ представился Императору въ торжественный день его рожденія, и Макартней немедленно отправился въ путь съ нѣсколькими изъ своихъ людей и отборными подарками, какіе только можно было взять съ собою; вещи потяжеле и большая часть свиты остались въ столицѣ подъ надзоромъ даровитаго Баррова, пронизательнаго наблюдателя: онъ воспользовался досужнымъ временемъ, особливо для того, чтобы поточнѣе узнать отъ мандариновъ о состояніи наукъ, промышленности и торговли и сравнить ихъ извѣстія съ дѣйствительностью. Попробуемъ собрать его наблюденія въ возможно краткомъ обзорѣ.

Начнемъ съ языка, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ какимъ нибудь другимъ. Во всѣхъ своихъ элементахъ онъ кажется точно такъ же страннымъ для Европейца, какъ и самъ Китаецъ: это языкъ изъ односложныхъ словъ, и каждый слогъ всегда означаетъ цѣлое понятіе. Склоненія существительныхъ и прилагательныхъ, спряженія глаголовъ извѣстны ему такъ же мало, какъ и согласованіе рода и числа; только нѣкоторыя не многія частички означаютъ прошедшее, настоящее и будущее. Общее число всѣхъ слоговъ чрезвычайно не велико и доходитъ до 350-ти; но Китаецъ, благодаря раннему навыку, приобрѣлъ также власть надъ органомъ языка и такъ искусно можетъ высвистать и понижать голосъ, что каждый изъ этѣхъ слоговъ выражаетъ 5-ю или 6-ю разными звуками, и такъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ 1200 до 1300 коренныхъ словъ, которыхъ, вѣсть съ составными словами, вполне достаточно для выраженія всѣхъ его погрѣбностей. За то письменный языкъ соединенъ съ

чрезвычайными затрудненіями. Въ немъ считается не меньше 80 тысячъ письменныхъ знаковъ: у каждаго свое названіе, слѣдовательно, 60 письменныхъ знаковъ круглымъ числомъ, имѣющіе столько же и значеній, должны необходимо называться однимъ и тѣмъ же односложнымъ звукомъ. Отъ того-то, когда громко читаютъ какое нибудь сочиненіе, оно совсѣмъ не понятно для слуха, да и не можетъ быть понятно, пока его не увидятъ. Въ занятіяхъ повседневной жизни легкія пониженія голоса, посредствомъ которыхъ надобно высказывать 1300 коренныхъ словъ, можно выразить 15-ю тысячами письменныхъ знаковъ, такъ что каждый односложный звукъ имѣетъ почти 12-ть разныхъ значеній. Это повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ должно быть необходимою причиною частыхъ и большихъ двусмысленностей въ разговорѣ: отъ того, въ самомъ дѣлѣ, часто происходятъ ошибки, особливо у иностранцевъ. Такъ, тотъ старикъ миссіонеръ, который хотѣлъ переночевать у одного крестьянина и просилъ у него тюфяка, не мало изумился, когда хозяинъ привелъ ему молодую дѣвушку, по тому что оба этѣ разнородные предметы выражаются двумя словами, совершенно сходными въ произношеніи: то или другое изъ нихъ требуетъ дополненія. Не лучше было и съ посланниками: они старались говорить по Китайски, но, благодаря двусмысленностямъ, которыя вырывались у нихъ почти при каждомъ словѣ, постоянно смѣшили своихъ провожатыхъ. Если слово двусмысленно, Китаецъ легко помогаетъ себѣ тѣмъ, что изображаетъ письменный знакъ его въ воздухѣ пальцемъ либо опахаломъ, и тотчасъ же понимаютъ его. Китайцы очень предубѣждены въ пользу своихъ буквъ, не смотря что трудно ихъ выучить, и Европейское письмо сравниваютъ насмѣшливо съ цѣпочкою изъ погнутыхъ колець, либо съ слѣдами, которые оставляютъ мухи на запыленныхъ покрытыхъ лакомъ столахъ. Древнѣйшими, еще существующими памятниками Китайской литературы считаются «пять Кинговъ», образцовыхъ книгъ, собранныхъ за 500 лѣтъ до Христіанскаго лѣтосчисленія: «Шу-кингъ» и «Чунг-чу» историческаго содержанія, «Линг-кингъ» религіознаго и нравственнаго, «Шиг-кингъ» и «Ин-кингъ» поэтическаго; но многіе отдѣлы этѣхъ сочиненій теперь непотятны, или, по крайней мѣрѣ, загадочны, даже для величайшихъ Китайскихъ ученыхъ. О позднѣйшихъ ученыхъ трудахъ Китайцевъ не много можно сказать славнаго, по

тому что и въ этомъ отношеніи они остались неподвижно на той же степени, которой достигли 2000 лѣтъ назадъ. Привязанность къ старинѣ, доходящая до смѣшнаго, трудность письма, котораго изученіе требуетъ почти всей жизни человѣка и глупо-гордое презрѣніе ко всему иноземному задерживаютъ всякой прогрессъ. Этотъ народъ походить на машину, которая, бывъ заведена однажды, имѣетъ правильный ходъ. Даже въ Естественныхъ Наукахъ, которыя, по особенной любви Китайцевъ къ земледѣлію, принесли бы имъ безчисленную пользу, они еще дѣти и остаются съ тѣмъ, что знаютъ по опыту, не заботясь о началѣ или причинѣ вещей. Такъ они плавятъ металлы, дѣлаютъ стекло, бумагу, самую деликатную посуду и тысячи другихъ вещей, работаютъ самыя прочныя и полезныя маховыя колеса, рычаги и другія орудія, но только по существующимъ правиламъ и образцамъ. Уже дѣля столѣтія они знаютъ силу паровъ, однако жъ до сихъ поръ не пришло имъ въ голову воспользоваться ею, какъ средствомъ для движенія; въ Математикѣ дошли они не дальше простой Арифметики, а Астрономію очень уважаютъ по тому только, что она для нихъ все то же, что Астрологія, къ которой прибѣгаютъ почти во всякомъ дѣлѣ. Необыкновенныя небесныя явленія приводятъ ихъ въ безпредѣльный страхъ: не только при появленіи кометы, но и при обыкновенныхъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, Императоръ, такъ же, какъ и самый послѣдній нищій, одинаково пресмыкается въ прахъ съ стенаніями, и однако жъ Китайскіе ученые знаютъ такъ точно время этѣхъ явленій, что исчисленія многихъ путей кометъ, сдѣланныя ими болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ впередъ, признаются за самыя вѣрныя славнѣйшіи натуралистами нашего времени. За то Географія, въ томъ значеніи, въ какомъ принимается она у насъ, для нихъ чуждая область. Труды ихъ по этой части, безъ сомнѣнія, очень обширныя и подробныя, ограничиваются ихъ отечествомъ и зависимыи отъ него провинціями. Также и предметомъ своего мышленія они выбрали только Китайца, а не вообще человѣка, да и въ своихъ поверхностныхъ изслѣдованіяхъ не дошли ни до какихъ полезныхъ результатовъ, по тому что не занимались ни Анатоміей, ни вообще изслѣдовали природныя свойства живыхъ существъ. Легко заключить изъ того о сосгоянніи Медицины. Все знаніе Китайскихъ лѣкарей обращается около ученія о пульсѣ:

они думаютъ, что у каждой части человѣческаго тѣла есть особенный пульсъ, и что всѣ этѣ пульсы отвѣчаютъ одному, въ рукѣ, по которому и надобно открывать болѣзнь и мѣсто, гдѣ она гнѣздится. Но лѣкарямъ, такъ же, какъ и всякому другому, не позволяется брать за руку постороннюю женщину; чтобы не потерять однако жь положенныхъ за то 50-ти тшенъ (почти 2 гроша), Китайскіе врачи придумали одинъ затѣйливый способъ распознавать болѣзнь. Къ рукѣ больной привязываютъ шелковый шнурокъ, притягиваютъ ее черезъ отверстіе въ стѣнѣ въ сосѣднюю комнату, гдѣ лѣкаръ съ торжественною важностію кладетъ на шнурокъ свою руку, не много подумавъ, сказываетъ свое мнѣніе о болѣзни и наконецъ прописываетъ нужное лѣкарство. Оно обыкновенно состоитъ въ жиизенгѣ, ревенѣ, хинномъ корнѣ и другихъ растительныхъ сокахъ, рѣже въ животныхъ или минеральныхъ веществахъ. Всѣ лѣкарственные средства назначены исключительно однимъ обычаемъ; ихъ примѣненіе не требуетъ никакихъ свѣдѣній, по тому что въ Китаѣ Медицинѣ не учатъ и не уважаютъ ее. Лѣкаря большею частію принадлежатъ къ низшему званію, и ремесло ихъ не доставляетъ ни почетнаго мѣста, ни богатства.

Впрочемъ, не смотря на это жалкое состояніе такъ называемыхъ факультетскихъ наукъ, у Китайцевъ никакъ нельзя отнять дара глубокомыслія. Въ ихъ философскихъ сочиненіяхъ есть превосходныя мнѣнія и замѣчанія; но, не приведенныя въ систему, они имѣютъ только цѣну разсыпанныхъ золотыхъ зеренъ. Объ ихъ историческихъ сочиненіяхъ мы знаемъ до сихъ поръ слишкомъ мало, однако жь многія изъ нихъ значительнаго объема, а нѣкоторыя ведутъ начало еще съ 8-го тысячелѣтія до нашего лѣтосчисленія. Можно только заподозрѣвать ихъ вѣрность при деспотической власти, тяготѣвшей всегда надъ Китаемъ. Объ этой вѣрности должно судить по придворной газетѣ въ Пекинѣ, выходящей подъ надзоромъ Правительства: она описываетъ всѣ происшествія такъ, какъ должно и можно смотрѣть на нихъ подданному, и служить единственнымъ источникомъ Исторіи, — однако жь и у Китайскаго народа свобода книгопечатанія! Но печатныхъ книгъ въ соразмѣрности очень не много, по тому что подвижныя буквы не въ употребленіи, а придерживаются изобрѣтшіи,

сдѣланнаго еще въ древнѣйшее время въ Китаѣ: вырѣзаваютъ литтеры всего сочиненія на деревянныхъ доскахъ, и такъ распространяютъ его посредствомъ печати. Большая часть книгъ, распространяемыхъ такимъ образомъ въ Имперіи, поэтического содержанія и особливо служатъ для развлеченія высшихъ сословій. Впрочемъ языкъ и характеръ Китайцевъ не кажутся особенно свойственными для поэзіи: ихъ стихотворенія, по крайней мѣрѣ, судя по образцамъ, извѣстнымъ для насъ до сихъ поръ въ переводахъ, не представляютъ ни высокихъ мыслей, ни особеннаго вдохновенія. О большихъ стихотвореніяхъ въ повѣствовательномъ родѣ не слышно еще ничего, за то безчисленны романы: нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ въ новѣйшее время начинаютъ быть доступными для Европейскихъ читателей въ передѣлкахъ, однако жь она не много встрѣтили похвалъ. Лучшее, кажется, можно найти въ мелкихъ стихотвореніяхъ, и очень жаль, что никто еще изъ немногихъ знатоковъ Китайскаго языка и литературы не попробовалъ выбрать чего нибудь особенно хорошаго. Чтобы дать, по крайней мѣрѣ, поверхностное понятіе о Китайской поэзіи, приводимъ здѣсь два извѣстнѣйшія стихотворенія изъ Шш-квнга, которыя, конечно, много утратили красоту въ переводѣ.

Братская любовь. Ни одно дерево не можетъ сравниться съ Чангъ-ти (камфарное дерево), которое весна увеличала тысячу цвѣтовъ; никого изъ людей на землѣ нельзя сравнить съ братомъ. Братъ оплакиваетъ другаго брата искренними слезами. Если трупъ его виситъ на вершинѣ утеса надъ пропастью, или опущенъ въ воду сирадной лужи, онъ доставитъ ему могилу. Одинокое тоскуетъ горлица въ лѣсной тиши, а у меня въ печали есть братъ, который раздѣляетъ со мной горе: братъ мой такъ же чувствуетъ его, какъ и самъ я: это его горе. Гнѣвъ можетъ прокрасться въ наше жилище и не давать нашимъ сердцамъ покоя своимъ ядовитымъ дыханіемъ; но при видѣ опасности братъ закрываетъ меня своимъ тѣломъ. Сколько радости для него, когда онъ знаетъ, что я спасенъ! Сколько удовольствія, если видитъ меня счастливымъ! Наши родные берутъ участіе въ нашемъ счастьѣ; но присутствіе брата: умножаетъ его. Самые пріятные праздники тѣ, на которыхъ вижу моего брата; самый вкусный обѣдъ тотъ, за которымъ сидитъ онъ возлѣ ме-

ня: его присутствіе раскрываетъ мнѣ душу, я изливаю ее всю въ его сердце. Братская дружба заключаетъ въ себѣ всѣ нѣжности любви: любезная добродѣтельная жена опьяняетъ насъ сладостями брачнаго союза, дѣти, достойныя насъ, вѣнчаютъ наши желанія; но чтобы нашему счастью достигъ до самой вершины, чтобы оно было неизмѣнно, пусть запечатлѣветъ его братская дружба. «Кинъ» (цитра) и «ше» (арфа) подкрѣпляютъ и украшаютъ всѣ голоса въ музыкальной забавѣ: о братская любовь, счастливы тѣ семейства, въ которыхъ царить ты! Твое очарованіе заманиваетъ всѣ добродѣтели въ ихъ кружокъ и гонитъ изъ него всѣ пороки.

Довольство мудраго. «Мой дворецъ комнатка, втрое больше меня; роскошь никогда не переступала за мой порогъ, опрятность никогда не выходитъ изъ моей хижины; тюфякъ — моя постель, кусокъ полотна — мое одѣяло: этого и довольно, чтобы днемъ сидѣть на тюфякѣ, а ночью спать на немъ. На одной сторонѣ лампа, на другой сосудъ съ благовоніями. Пѣнье птицъ, свистъ вѣтра, журчанье ручья — единственный шумъ, который я слышу. Окно мое открывается, двери отворяются, однако жъ это бываетъ только для мудрыхъ, злые остаются далеко. Я не стригусь, какъ бонза (монахъ), не пошусь, какъ таотсе (пустынникъ); истина царитъ въ моемъ сердцѣ, невинность руководитъ моими поступками. Безъ учителей и учениковъ, я не трачу своей жизни ни на кропотливое изслѣдованіе ни о чемъ, ни на писанье словъ, еще меньше на изощреніе стрѣлъ на смѣшны или на румяна дешевыхъ похвалъ. У меня нѣтъ ни цѣлей, ни плановъ: богатство затрогиваетъ меня такъ же мало, какъ и слава; всякія наслажденія не выманиваютъ у меня никакого желанія. Мое высшее занятіе — наслажденіе моимъ одиночествомъ и спокойствіемъ; досугъ притекаетъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ и тревоги бѣгутъ отъ меня. Гляжу на небо, и получаю мужество; смотрю внизъ на землю, и почерпаю отраду; живу въ мирѣ, не живя въ немъ; одинъ день приводитъ ко мнѣ другой; годъ слѣдуетъ за другимъ годомъ; послѣдній приведетъ меня къ престани, и я буду жить для себя.»

Въ прекрасныхъ искусствахъ Китайцы слѣдали только оченъ немного успѣховъ, не смотря на свою необыкновенную способ-

ность къ большей части ремеслъ, и ихъ произведенія, за которыми, по крайней мѣрѣ, можно признать заслугу отчаяннаго прилежанія, каррикатуры, или вычурны, и безъ всякаго вкуса. Одинъ бѣглый взглядъ на гнусные и не рѣдко внушающіе отвращеніе идола въ ихъ храмахъ, также на безобразныя, кривляющіяся изваянія звѣрей, которыми часто украшаются ихъ общественныя зданія, башни, пайлузы и мосты, достаточно подтверждаютъ это сужденіе. Говорить о живописи Китайцевъ почти не стоитъ труда, по тому что они не умѣютъ нарисовать отчетливо контуры многихъ предметовъ, поставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ и тѣни и наводитъ легкій оттѣнокъ, такъ чтобы все казалось въ его натуральномъ цвѣтѣ. Такъ же мало имѣютъ они понятія о перспективѣ; за то передаютъ пестрые переизвы цвѣтовъ, птицъ и насѣкомыхъ съ такою отчетливостью, какою нѣдо сию пору не могутъ достигъ Европейцы. Музыка и пѣніе въ Китаѣ едва считаются искусствами, и служатъ только для обыкновенной забавы и похожи на разноголосицу; инструменты, которыхъ число не значительно, очень не совершенны, исполняютъ на нихъ плохо, и такъ какъ въ этой странѣ все, по нашимъ понятіямъ, является на изворотъ, на духовыхъ инструментахъ играютъ женщины, на деревянныхъ мужчины. Танцы тяжеловатый Китаецъ считаетъ такимъ смѣшнымъ усиліемъ, что никогда не требуетъ отъ своихъ ногъ такого не нужнаго движенія, но, по крайней мѣрѣ, смотреть, когда нанятые люди исправляютъ эту работу для его забавы.

Архитектурныя произведенія Китайцевъ заслуживаютъ упоминанія только въ такой мѣрѣ, въ какой это искусство относится къ ихъ мостамъ и каналамъ; особливо надобно упомянуть здѣсь о такъ называемомъ Императорскомъ каналѣ (Йуго), который соединяетъ Пекинъ съ серединою и Югомъ Имперіи и требовалъ для своего построенія не менѣе 12-ти столѣтій и многихъ милліоновъ рукъ. Какъ боевая артерія всѣхъ внутреннихъ торговыхъ и другихъ сношеній въ Китаѣ, онъ проходитъ пространство 250 географическихъ миль; для ододвѣнія полой воды имѣетъ хорошо устроенныя шлюзы и береговыя плотины со стѣнами, между которыми масса воды, почти достаточная для ношенія довольно большихъ ластовыхъ судовъ, протекаетъ въ прямомъ на-

правленіи по низменнымъ долинамъ и черезъ широкія озера. Мосты, вѣдущіе черезъ него, вездѣ безчисленны и отчасти очень смѣлой постройки, но такъ не прочны, что въ поврежденіи какой нибудь части ихъ обыкновенно слѣдуетъ паденіе всего моста. Впрочемъ всѣ Китайскія постройки страдаютъ этѣмъ недостаткомъ: отъ того-то Китай такъ и бѣденъ памятниками древности, какъ ни одна страна, и надобно считать такими нѣкоторыя большія оборонительныя стѣны и безобразныя храмы (пагоды). Самыя этѣ пагоды такъ же, какъ и великолѣпныя Императорскіе дворцы, возвышающіеся во многихъ мѣстахъ, не отказываются отъ характера архитектурнаго Китайскаго стили, въ которомъ вездѣ проглядываетъ палатка. Это происхожденіе очевидно въ закривленной кровлѣ или множествѣ кровель, одна на другой, и въ подпирающихъ ихъ деревянныхъ колоннахъ, изъ которыхъ состояются галлерей вокругъ плохо выстроенныхъ кирпичныхъ стѣнъ. И для большей части ремеслъ, помогающихъ наружному и внутреннему устройству красиваго зданія, недостаетъ необходимаго совершенства, потому что, для облегченія или ускоренія работъ, не пользуются никакой механической силой въ большихъ размѣрахъ: вообще главнымъ правиломъ, кажется, считается простота во всѣхъ снарядахъ, относящихся до искусствъ и ремеслъ. Орудіе каждаго ремесленника сдѣлано сколько можно простѣе и однако жъ устроено такъ, что служитъ для многихъ цѣлей. Такъ мѣхи кузнеца, которые больше ничего, какъ выдолбленный деревянный валъ съ шишкою и клапаномъ, не только употребляютъ для раздуванія огня, но и для смѣнья и вмѣстѣ для укладки прочихъ снарядовъ, принадлежащихъ къ кузницѣ; столяръ пользуется своимъ масштабомъ вмѣсто трости для прогулки, а шкафъ, гдѣ онъ хранитъ свои инструменты, замѣняетъ ему верстакъ; бамбуковая корзинка цирюльника не только сохраняетъ бритвенный приборъ, но и служитъ стуломъ для покупателейъ у этого ремесленника; молочный торговецъ, кромѣ ящика съ товарами, носитъ еще большой зонть, и обѣ этѣ вещи составляютъ лавочку, которую онъ ставитъ, гдѣ ему угодно.

Хотя Китайцевъ въ большой части родовъ промышленности нельзя сравнить съ Европейцами, однако жъ они ни въ чемъ такъ не уступаютъ послѣднимъ, какъ въ кораблестроеніи. Не смо-

тря, что собственно Китай съ Восточной и Южной стороны омывается моремъ, жителямъ недостаетъ однако жъ многихъ качествъ, необходимыхъ для доставленія народу могущества и славы на морѣ. Ихъ суда, устроенныя почти исключительно для торговли, страдаютъ такимъ множествомъ важныхъ недостатковъ, что даже назначаемыя для дальнихъ поѣздокъ едва могутъ выдерживать сильную бурю, даже и на короткое время. Надводная часть корабля почти имѣетъ видъ прибывающаго мѣсяца: носъ, на которомъ обыкновенно видны два нарисованные глаза, не закругленъ, какъ у Европейскихъ кораблей: это четвероугольная плоскость, такъ же, какъ корма, на которой не замѣтно ни рукоятки, ни киля; руль, которымъ правятъ съ помощію канатовъ, идущихъ по обѣимъ бокамъ корабля, такъ вѣланъ въ большое отверстіе, что, подходя къ мели, можно поднимать его; оба конца корабля подняты чрезвычайно высоко надъ палубой; мачты, обыкновенно двѣ или три, у большихъ купеческихъ кораблей или шуановъ (джонокъ) четыре, очень толсты и крѣпки, но состоятъ изъ цѣльнаго куска дерева, и такимъ образомъ не могутъ быть укорачиваемы; на каждой мачтѣ по одному парусу или лучше, по рогжѣ изъ бамбуковыхъ нитей, которая либо растянута либо сложена подобно опахалу и далеко не такъ послушна какъ полотняный парусъ: отъ того-то Китайскій мореходъ тогда только проѣзжаетъ такое разстояніе, о которомъ стоило бы сказать, когда плыветъ по вѣтру. Этотъ недостатокъ и отсутствіе необходимыхъ свѣдѣній для нахождения долготы и широты даннаго мѣста, или посредствомъ вычислений по мѣрѣ проплываемаго разстоянія, или чрезъ наблюденіе, извѣстными инструментами, небесныхъ тѣлъ, принуждаетъ Китайскихъ плователей держаться сколько можно ближе къ берегу и никогда не терять изъ вида землю; отъ того-то плаваніе въ Японію, Батавію и Кохинхину, въ которомъ надобно переплыть открытое море, считается уже отважнымъ предпріятіемъ, невозможнымъ для нихъ безъ компаса (Тинг-нан-чинъ), а онъ однако жъ былъ извѣстенъ въ Китаѣ за долго до XIII вѣка и даже Китайское изобрѣтеніе. Зная направленіе гавани, къ которой плывутъ, они стараются съ помощію компаса держать носъ корабля какъ можно ближе къ цѣли путешествія, въ чемъ обыкновенно и успѣваютъ при попутномъ вѣтрѣ; когда же застигнетъ

ихъ буря, погибель дѣлается почти неизбежною: изъ одной Кохинхинской гавани каждый годъ 10-ть или 12 тысячъ человѣкъ погибаетъ отъ кораблекрушеній. Купеческія суда, плавающія въ дальніе края и почти всегда очень большія, нерѣдко до 1000 тоннъ, имѣютъ до 500 матросовъ, не считая пассажировъ, искателей счастья въ чужихъ краяхъ, и рѣдко принадлежатъ одному хозяину, но 40, 50 даже и 100 партнерамъ, изъ которыхъ каждому надобно особенное мѣсто для себя и своихъ товаровъ. Каждое изъ этихъ отдѣленій въ трюмъ со стѣнами изъ досокъ, толщиною въ дюймъ; чтобы не дать проходить водѣ, пазы досокъ замазаны составомъ изъ извести, масла и истертаго въ порошокъ бамбука: отъ того-то часто и случается, что товары одного купца приходятъ совершенно неповрежденные, а другого очень пострадавшіе отъ течи въ томъ мѣстѣ, гдѣ они лежали, по тому что, когда Китайское судно натолкнется на утесъ, оно еще не тонетъ отъ того, такъ какъ напирющая вода остается въ томъ только отдѣленіи, которое повреждено. Кто найметъ разныя мѣста для отправки товаровъ можетъ надѣяться, что въ случаѣ несчастія сохранится, по крайней мѣрѣ, часть его собственности. Китаецъ не довѣряетъ своему земляку, если онъ не родня ему: отъ того всякой купецъ или самъ провожаетъ свои товары, либо посылаетъ сына, либо кого нибудь изъ близкихъ родныхъ. Постели для путешественниковъ въ длину и ширину въ обыкновенный ростъ человѣка; на нихъ обыкновенно нѣтъ ничего, кромѣ маленькой, посланной на полу рогожи и подушки. Позади компаса, помѣщаемого тамъ же, гдѣ на Европейскихъ корабляхъ нактоузъ, всегда устроивается маленькій храмъ съ алтаремъ, на которомъ постоянно горитъ спиральная свѣча изъ воска, ворвани и порошка сандалнаго дерева. Этотъ священный огонь служитъ для двойной цѣли: тамъ исполняетъ свой долгъ набожность, и въ то же время 12-ть, точно размѣренныхъ, частей свѣчи показываютъ 12-ть часовъ дня. Не подвержено впрочемъ никакому сомнѣнію, что Китайцы, не смотря на все несовершенство своего мореплаванія, въ прежнихъ столѣтіяхъ вели значительную торговлю, не только съ большею частию острововъ Восточно-Азіатскаго архипелага, также съ Индією и Персією, даже съ Восточнымъ берегомъ Африки; но мы не станемъ здѣсь входить въ подробныя изслѣдованія о томъ, посѣщали ли

они Америку, какъ утверждаютъ нѣкоторые, и оставили штабъ, именно въ Мексикѣ, слѣды своей высшей образованности, и возвращаемся къ Англійскому посольству, съ которымъ разстались въ Пекинѣ.

Макартней, съ частію своей свиты и многочисленными Китайскими проводниками, выѣхалъ изъ столицы 2-го Сент. 1793 года, чтобы продолжать путешествіе въ резиденцію Двора въ Джеголъ. Дорога сначала шла широкою равниною, скудно поросшею деревьями, но, повидимому, не безплодною; потомъ она мало по малу поднималась въ гору до границъ Монголіи, обозначаемыхъ знаменитою Китайскою стѣною. Англичане едва не позабыли цѣли своего путешествія при видѣ этой защиты, построенной за два столѣтія до нашего лѣтосчисленія, и были вѣ себя отъ радости, когда провожавшіе чиновники нисколько не колебались удовлетворить вполне ихъ любопытству. Такъ какъ объ этомъ чудесномъ произведеніи упоминается часто, мы не хотимъ лишать читателя главныхъ результатовъ тщательнаго изслѣдованія, сдѣланнаго инженеромъ посольства, капитаномъ Парисомъ. Корпусъ великой стѣны состоитъ изъ земляной насыпи, шириною въ 11 футовъ: сверху — площадка изъ четверугольнаго, обожженаго плитняка, а съ обѣихъ сторонъ сдерживаетъ ее высокая кирпичная стѣна; въ низу она до 5 футовъ ширины, а къ верху съужена, высота ея 25 футовъ. По обѣимъ сторонамъ ея брустверы. Основаніе стѣны составляютъ тесанья плиты, выдающіяся на два фута надъ землею и будто слѣдуютъ за всѣми неровностями почвы. Оба бруствера снабжены амбразурами въ равномъ разстояніи, одна отъ другой, точно также и квадратныя башни, поднимающіяся надъ стѣною обыкновенно въ промежуткѣ 100 сажень; но въ тѣхъ мѣстахъ, которыя надобно было защитить лучше, онѣ не только ближе другъ къ другу, но и обширнѣе и крѣпче постройкою. Углы дверей, отверстіе окошъ и амбразуръ, также лѣстницы и квадратныя камни, служащіе подпорою башнямъ, изъ крѣпкаго сѣраго гранита, прочія части стѣны изъ квадратныхъ обожженныхъ камней, лежащихъ рядами одинъ на другомъ, цементъ между каменными пластами въ полдюйма толщины, и въ гашеной известкѣ такъ мало примѣся, что первоначальная бѣлизна ея почти совсѣмъ еще не измѣнилась. Это укрѣ-

леніе, можетъ быть, и недоступное для конницы степныхъ народовъ, но не долго бы устоявшее отъ 12-ти фунговыхъ ядеръ, теперь развалилось во многихъ мѣстахъ: его совсѣмъ не поддерживаютъ со времени соединенія Монголіи съ Китаемъ подъ властію одного общаго Государя; однако жъ стѣна вездѣ занята караулами, не для того, чтобы отгонять приступающія непріязненныя орды, но чтобы не пускать множество дикихъ звѣрей Монгольскихъ пустынь въ плодоносныя Кигайскія провинціи, не давать ускользатъ преступникамъ и препятствовать переселенію людей недовольныхъ, строго запрещенному Правительствомъ. Вообще, какъ видно изъ нашего описанія, приводитъ въ удивленіе не крѣпость стѣны, а ея огромное протяженіе, по тому что она идетъ на 700 географическихъ миль, черезъ высокія горы, низменныя долины и широкія рѣки; математика на ея постройку, по выводамъ одного крохотливаго математика, пошло больше, чѣмъ на всѣ дома въ Англіи и Шотландіи, и стало бы на двойную ограду кругомъ всего Земнаго Шара.

8 Сентября, посольство вступило въ Джеголь, но не нашло тамъ ни внимательнаго приѣма, чего ожидали навѣрное, ни уваженія, даже не было и снабжено достаточно съѣстными припасами. Только въ слѣдующіе дни обмѣнялись визитами и подарками. Макартней получилъ позволеніе явиться ко Двору и подать свои вѣрющія грамоты; но торжественная аудіенція должна была послѣдовать только 17 Сентября, въ день рожденія Императора. И такъ 17 Сентября посольство еще до разсвѣта, по заведенному въ Китаѣ порядку, отправилось въ большой дворцовый паркъ, гдѣ, подъ просторными и прекрасно убранными палатками, Императоръ хотѣлъ принимать поздравленія подчиненныхъ ему Князей данниковъ, также и Короля Великобританіи. Только что разсвѣло, звукъ инструментовъ и глухой говоръ отдаленныхъ голосовъ возвѣстили приближеніе Императора. Скоро послѣ того увидали и выходъ его изъ за высокой, поросшей лѣсомъ, горы, точно изъ священной рощи; впереди его шла толпа лѣвчихъ, прославлявшихъ его добродѣтели и могущество въ громкихъ пѣсняхъ. Самъ онъ сидѣлъ на чемъ-то похожемъ на триумфальную колесницу или открытыя носилки, которыхъ несли 16 носильщи-

ковъ; рядомъ и позади шли тѣлохранители, придворная прислуга, люди съ большими знаменами, съ зонгиками, музыканты. Нарядъ Императора былъ очень простъ и состоялъ изъ широкаго темнаго шелковаго платья и бархатной шляпы, украшенной большою жемчужиной; межъ тѣмъ какъ сопровождавшіе его государственные сановники красовались въ пышныхъ одеждахъ. Онъ вошелъ въ палатку очень осанисто и занялъ мѣсто на тронѣ, къ ступенямъ котораго подвели Макартнея, чтобы ему можно было подать письмо своего Государя. Императоръ принялъ его очень пріятливо и на объяснительную рѣчь посла, безпрестанно возвращавшуюся къ заключенію торговаго договора, отвѣчалъ очень вѣжливыми, но ничего не выражавшими словами, что его чрезвычайно радуешь уваженіе и дружба къ нему Повелителя Великобританіи, къ которому и онъ питаетъ тѣ же чувства. Послѣ того поданъ былъ роскошный обѣдъ, въ которомъ принялъ участіе и самъ Императоръ; въ заключеніе обѣда онъ лично подавъ послу кубокъ тенлаго вина, потомъ сошелъ съ трона и, не смотря на свои 85 лѣтъ, держась прямо, безъ малѣйшаго признака дряхлости, отправился твердою поступью къ своимъ носилкамъ, въ которыхъ тотчасъ же и унесли его. Англичане, обманутые въ своихъ надеждахъ, воротились на квартиры, гдѣ были теперь вдоволь снабжены всѣмъ нужнымъ; однако жъ Китайцы обращались съ ними, какъ съ Государственными плѣнниками. Наконецъ удивили ихъ извѣстіемъ, что Императоръ возвращается въ Пекинъ и они должны отправляться туда же, чтобы услышать рѣшеніе ихъ дѣла. Но прежде нежели оставимъ вмѣстѣ съ ними Монголію, бросимъ взглядъ на эту малоизвѣстную часть Китайской Имперіи и соберемъ, на сколько можно въ краткомъ обзорѣ, скудные извѣстія посольства объ этой странѣ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новѣйшими свѣдѣніями.

Земля Монголовъ или Татаръ, какъ обыкновенно называютъ этотъ народъ Китайцы, обширная плоская возвышенность, заключающая въ себѣ степи, между Китаемъ и Сибирью: она граничитъ къ Востоку съ Манчжуріею, а къ Западу съ Джагатаемъ или областью независимыхъ Татаръ. Она родина страшныхъ завоевателей, но по большей части покрыта для насъ такимъ же непроходимымъ мракомъ, какъ и внутреннія страны Африки; знаемъ

только вообще, что въ Сѣверной, или такъ называемой Халлас-Монголіи, почва, иногда возвышающаяся высокими горными грядами, состоитъ наиболѣе изъ чернаго песку и камней; въ рѣчныхъ областяхъ и горныхъ ущельяхъ изобиліе въ хорошей травѣ; множество мѣстъ на рѣчныхъ берегахъ даже способны къ земледѣлію, которымъ однако жъ не занимаются почти совсѣмъ, по тому что тамошніе жители только мѣстами имѣютъ постоянныя жилища. Нѣкоторыя горы, особливо Алтай, должно быть, богаты золотыми и серебряными жилами, но туземцы и не думаютъ разрабатывать ихъ, по тому что совершенные невѣжды въ горномъ дѣлѣ. По утвержденію Китайскихъ географовъ, очень печальный видъ представляютъ среднія страны Монголіи, обыкновенно называемыя Гоби (степь): каменисто-древяная почва производитъ никакихъ полевыхъ цвѣтовъ, трава очень низкая и жидкая и при небольшой засухѣ пропадаетъ совсѣмъ; воду находятъ только въ родникахъ, но, къ счастью жителей, только на глубинѣ 7 или 10 футовъ. Отъ того-то, какъ ни бѣдна здѣсь кажется природа, видны однако жъ многочисленныя стада большихъ верблюдовъ, крѣпкихъ лошадей и жирныхъ овецъ, козъ и воловъ: такъ превосходно разводится скотъ, не только благодаря свѣжей родниковой водѣ и вездѣ находящейся вдоволь соли, но и посланному для него безмятежному спокойствію: по тому что отъ сухости воздуха и постоянно дующихъ вѣтровъ сдѣсь не бываетъ никакихъ насѣкомыхъ даже и лѣтомъ. У туземцевъ нѣтъ ничего, кромѣ скота: они должны доставать издалека все, начиная съ юрты (жилыхъ хижинъ) до самыхъ мелочныхъ потребностей своего бѣднаго хозяйства; вмѣсто дровъ служитъ для нихъ сухой пометъ. А въ нѣкоторыхъ полосахъ степи Гоби нѣтъ и ключевой воды, и проѣзжіе караваны должны нерѣдко бороться со множествомъ большихъ затрудненій. Пастбища къ Югу отъ степи Гоби до Китайской стѣны, гдѣ живутъ Сахары, Ортоссы и другія Монгольскія племена, имѣютъ плодородную почву, хорошо орошены рѣками и представляютъ довольно удобствъ для скотоводства; во многихъ мѣстахъ занимаются и земледѣліемъ съ счастливымъ успѣхомъ. Климатъ во всей Монголіи, по ея возвышенной мѣстности, суровый, однако жъ сильная стужа бываетъ только какъ исключеніе, снѣга падаетъ значительно много въ однихъ низменныхъ долинахъ; сдѣсь лѣтомъ бываютъ часто проливные дожди, густые

туманы и холодные утренники; за то въ степяхъ, самыхъ возвышенныхъ и открытыхъ, гдѣ сильный, почти постоянно дующій Сѣверозападный вѣтеръ разгоняетъ снѣговья и дождевыя облака, не рѣдко бываетъ засуха, чрезвычайно вредно для скотоводства. Кромѣ приведенныхъ уже породъ скота, которыя пасутся стадами, назовемъ еще здѣсь двугорбаго верблюда, свинью, зайца, медвѣдя, тигра, леопарда, лось и сурка: чрезвычайно странно, что всѣ почти наши домашнія животныя встрѣчаются здѣсь въ дикомъ состояніи. Въ рѣкахъ много рыбы, особливо осетровъ, пеструшекъ, ливней, щукъ, и окуней. Минеральное царство почти совсѣмъ не изслѣдовано, но, кажется, можетъ доставить богатую прибыль; соль и селитра встрѣчаются вездѣ; замѣчены также и благородные металлы и драгоценныя камни, особливо карнеолы и халцедоны. Всего бѣднѣ растительное царство, однако жъ оно доставляетъ два драгоценнѣйшія растенія: ревень и жинзеньгъ; въ Сѣверныхъ гористыхъ странахъ растутъ и пихты, сосны, березы, ясени и вязы, мѣстами даже кедры и бѣлые тополи.

По безпечности Монголовъ, земледѣліе, которымъ во многихъ мѣстахъ можно было бы заниматься съ большою выгодною, находится въ жалкомъ положеніи: хоть и сѣютъ нѣсколько проса, ячменя и пшеницы, но до того мало и нерадиво, что трудъ ихъ нельзя назвать земледѣліемъ въ строгомъ смыслѣ. Правда, что недостатокъ въ зеленомъ кормѣ для стадъ часто заставляетъ степныхъ жителей перемѣнять свое мѣстопробываніе: такъ какъ они, въ собственномъ смыслѣ слова, ищутъ травы, то лѣтомъ не рѣдко переходятъ на такіе луга, которые очень отдалены отъ мѣстъ, гдѣ они жили зимой и весною и, можетъ быть, обрабатывали тамъ землю. Сверхъ того, люди, ведущіе всю жизнь подъ открытымъ небомъ на необозримыхъ степяхъ и бродящіе съ мѣста на мѣсто съ своими стадами, естественно, чувствуютъ отвращеніе къ постояннымъ жилищамъ. Если прибавить къ тому еще расположеніе къ бездѣйствію и боязнь всякаго постоянного труда, такъ свойственныя дикимъ кочевникамъ, больше берегущимъ свой потъ, нежели кровь, то легко понять, по чему Монголы, подобно Бурятамъ, Калмыкамъ и Киргизамъ, такъ мало заботятся о трудной обработкѣ своихъ полей, хотя во время падежа скота и завидуютъ преимуществу тѣхъ, которые питаются хлѣбомъ. Не

смотря однако жъ на то, любовь къ праздности такъ велика, что они не заготавливаютъ на зиму сѣна даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ травы вдоволь; но и во время самаго глубокаго снѣга, въ самую сильную стужу, даже при болѣзненномъ состояніи скота, оставляютъ его на волю случая, отъ чего часто лишаются всего своего имущества. Не трудно видѣть, что у народа съ такими свойствами не можетъ быть и рѣчи о промышленной дѣятельности, о ремеслахъ и торговлѣ: человекъ, всегда имѣющій при себѣ лукъ и стрѣлы и привыкшій носиться на рѣзвѣ конѣ, едва ли сядетъ по доброй волѣ за станокъ или примется за пилу и рѣзецъ. Монголы, сколько запомнить Исторія, почти всегда занимались великими завоевательными походами и даже теперь сохраняютъ этотъ воинственный характеръ: у нихъ безчисленное множество смѣлыхъ наѣзтниковъ и превосходныхъ стрѣлковъ, которые почти никогда не дадутъ промаха; но едва ли найдутся искусные художники, даже только годные ремесленники: каждый домохозяинъ самъ выдѣлываетъ необходимую утварь, какъ умѣетъ, либо вымѣниваетъ ее на скоть, или кожи у Китайскихъ торговцевъ, бродящихъ по Монгольскимъ степямъ.

Жители Монголіи, раздѣляющіеся на три главныя племена: Монголовъ, Калмыковъ или Элатовъ, и Бурятъ, въ числѣ 3-хъ милліоновъ, принадлежатъ въ великому племени Юговосточной Азіи, но отличаются особеннымъ тѣлосложеніемъ. Монголъ вообще не можетъ имѣть претензій на красоту: онъ малорослъ, кривоногъ, можетъ быть, отъ образа жизни, у него круглое лицо, темножелтаго цвѣта кожа, черные волосы, жидкая борода, большія, очень оттопыренныя уши, выдавшіяся скулы, плоскій лобъ, широкія орбиты глазъ, малые, впалые и накосъ лежащіе, но пронизательные глаза, силюснутый носъ, широкія, мясистыя губы и короткій загнутый подбородокъ; часто встрѣчаются и зобы; у женщинъ такая же наружность, только онѣ нѣжиѣе, и черты лица мельче. Замѣчательна легкость, съ какою Монгольская наружность переходитъ къ другимъ племенамъ, межъ тѣмъ какъ сами Монголы, кажется, совсѣмъ нечувствительны къ подобнымъ впечатлѣніямъ. Монголъ, хотъ и погрязъ въ невѣжествѣ и ведетъ беззаботную жизнь, какъ простое дитя природы, не заслуживаетъ однако жъ за то названія необразованнаго дикаря: гор-

дый военною славою предковъ, чувствительный къ обидѣ, а по тому и легко склонный къ ссорамъ, вообще онъ гостепріименъ, ласковъ, услужливъ, добросердеченъ и откровененъ; онъ ненавидитъ, какъ гнусный порокъ, воровство и еще больше разбой, и беспощадно преслѣдуетъ всякаго виноватаго въ такомъ преступленіи. Мужчина почти исключительно занимается охотой и оружіемъ; заботы о хозяйствѣ, воспитаніе дѣтей, уходъ за скотомъ, добываніе и заготовку разнаго платья и почти все содержаніе семьи онъ предоставляетъ женѣ. Ему не запрещается имѣть многихъ женъ, однако жъ онъ обыкновенно доволенъ одною, которую беретъ очень молодую. Женихъ и невѣста не могутъ принадлежать къ одному и тому же изъ безчисленнаго множества родовъ (яссу), на которые раздѣляются Монголы, по чему каждый тщательно ведетъ свою родословную; очень также смотрятъ на то, чтобы женихъ и невѣста не были рождены подъ взаимно враждебными созвѣздіями, особливо, чтобы созвѣздіе невѣсты не было слыше женихова: думаютъ, что въ такомъ случаѣ первая возьметъ верхъ надъ послѣднимъ. Сватовство ведется чрезъ постороннихъ людей. Получивъ согласіе, отецъ жениха отправляется вмѣстѣ съ свагомъ и нѣсколькими близкими родными въ юрту невѣсты, для заключенія договора, состоящаго въ томъ, что на пиру, гдѣ въ присутствіи идоловъ ѣдятъ теленка и пьютъ водку, назначается, сколько скота надобно дать за невѣстой. Вторая пирушка бываетъ тогда, когда отецъ невѣсты приводитъ условленный скотъ, а третью даетъ женихъ всей роднѣ, выбравши счастливый день для свадьбы съ совѣта жрецовъ, которые спрашиваютъ о томъ звѣзды. Во всѣхъ такихъ случаяхъ женихъ не имѣетъ удовольствія побесѣдовать съ невѣстой; по тому что она, по Монгольскому обычаю, со дня своего обрумовки избѣгаетъ всякихъ свиданій съ нимъ, даже и съ его родней. Въ это время она навѣщаетъ своихъ ближнихъ родныхъ, у которыхъ поочередно проводитъ, по крайней мѣрѣ, по одной ночи, въ обществѣ подругъ за играми, въ пляскахъ или гуляньи. Наканунѣ свадьбы и въ самый день ея являются жрецы для совершенія множества молитвъ, а между тѣмъ, какъ отправляется къ жениху приданое, собираются всѣ невѣстины подруги въ домъ къ ней, садятся съ нею близко дверей и составляютъ около нея тѣсный кружокъ, чтобы мужчинамъ, которые придутъ взять ее, было

какъ можно труднѣе сдѣлать это; мужчины принуждены выпроваживать дѣвушекъ поодиночкѣ изъ юрты, прежде нежели возьмутъ невѣсту. Тогда они закутываютъ ее въ плащъ, выносятъ на плечахъ къ лошади и объѣзжаютъ съ нею три раза кругомъ зажженнаго жертвеннаго огня; потомъ отправляются въ дорогу въ сопровожденіи матери и близкихъ родныхъ; отецъ остается дома и приходитъ къ ней черезъ три дня узнать объ ея здоровьѣ. Въ прежнія времена уводъ * невѣсты встрѣчалъ болѣе сопротивленія, особливо когда у ней было много взрослыхъ подругъ, по тому что онѣ обыкновенно обвивали себя веревкой, продѣвали ее сквозь рукава своихъ платьевъ и привязывали къ столбамъ юрты. Когда невѣстѣ останется только съ полчетверти часа пути до жилища жениха, онъ посылаетъ ей со всѣми ея провожатыми мяса и водки, по тому что невѣста должна находиться подъ открытымъ небомъ и подъ покрываломъ до тѣхъ поръ, пока не приготовятъ для нея собственной ея юрты и не снабдятъ нужною для хозяйства утварью. Туда вводятъ ее подруги, сажаютъ на постель, заплетаютъ въ двѣ косы ея дѣвическія косички, которыхъ обыкновенно много, надѣваютъ на нее платье, приличное замужнимъ женщинамъ и отводятъ въ жилище свекра, гдѣ собрались уже всѣ родные и гости жениха для поздравленія (Muguleku). Поздравленіе состоитъ въ томъ, что пока одна женщина прочитываетъ невѣстѣ обязанности, которыя надобно соблюдать ей, невѣста, съ закрытымъ лицомъ, сначала кланяется огню, горящему на очагѣ, а потомъ свекру и свекрови и подаетъ имъ нѣсколько подарковъ, послѣ чего они благословляютъ ее. Теперь она возвращается опять въ свою юрту, гдѣ мать остается съ нею нѣсколько дней; но при разставаньи дочь не провожаетъ ее, даже не смѣетъ и посмотреть въ слѣдъ за нею. Спустя мѣсяцъ послѣ свадьбы новобрачная съ мужемъ, или въ сопровожденіи кого нибудь изъ родныхъ, отправляется съ визитомъ къ своимъ родителямъ и остается тамъ надолго, часто на цѣлый годъ, только съ однимъ расчетомъ получить еще больше скота. Свекру и свекрови, также дядямъ и теткамъ мужа, она должна оказывать величайшее уваженіе: не можетъ ходить къ нимъ или принимать

---

* Bulazolda.

ихъ у себя безъ верхняго безрукавнаго платья, называешаго «удси», и безъ шапки на головѣ; когда они входятъ къ ней въ юрту, она тотчасъ встаетъ, потомъ становится на одно колено и остается въ этомъ положеніи въ ихъ присутствіи, если не надобно прислуживать имъ, да и въ этомъ случаѣ никогда не должна оборачиваться къ нимъ спиною; въ домѣ свекра она должна занимать мѣсто возлѣ самыхъ дверей. Разводы не рѣдки и могутъ произойти при малѣйшемъ неудовольствіи съ какой нибудь стороны. Но если мужъ захочетъ развестись безъ всякой законной причины, то долженъ отдать ей одно изъ лучшихъ ее платьевъ и осѣдланнаго коня, чтобы она могла возвратиться къ родителямъ; прочее приданое онъ удерживаетъ у себя въ вознагражденіе за уплаченный за нее скоть, однако жъ лишается права требовать уплаты другихъ расходовъ. Жена, которая не можетъ терпѣть мужа, уходитъ тайкомъ отъ него къ родителямъ, которые впрочемъ обязаны три раза отводить ее назадъ къ нему; если же уйдетъ и въ 4-й разъ, бракъ считается расторгнутымъ: все приданое достается мужу, сверхъ того онъ получаетъ отъ тестя часть заплаченной за жену суммы. Нужность родителей къ дѣтямъ, также привязанность сыновей и дочерей къ матерямъ не имѣетъ предѣловъ, и истинно трогательна у этого дикаго народа; сыновья послѣ женитьбы обыкновенно имѣютъ общій съ отцомъ выгонъ, сколько это позволяетъ мѣсто, нужное для скотоводства.

Какъ скоро корма на лугу начнетъ недоставать, что случается 10 или 15 разъ въ году, все племя снимаетъ свои юрты и въ лѣтнее время уходитъ къ Сѣверу, въ зимнее къ Югу: стада, мужчины, женщины, дѣти составляютъ процессію въ строгомъ порядкѣ, которую заключаютъ распѣвающія дѣвушки. Лишь только найдутъ пригодное мѣсто, юрты ставятся опять. Остовъ такой юрты составляетъ рѣшетка изъ тонкихъ, крестъ на крестъ связанныхъ ремнями, прутьевъ: на нее кладутъ длинныя, шести мѣсто стропила, сверху соединяютъ ихъ вмѣстѣ, оставляя только маленькое отверстіе для выхода дыма: все это покрываютъ зимою войлоками въ три ряда одинъ на другомъ. Съ южной стороны придѣлываютъ довольно низкую и узкую дверцу и насыпаютъ песку у основанія палатки; по срединѣ ея устрояютъ очагъ и прикрѣпляютъ къ нему чугунный котелъ для варенія мя-

са, чаю и молока. Прогивъ входа, на особенномъ столѣмъ, красуются мѣдные идолы съ разными сосудами, назначенными для жертвоприношеній: мѣсто между этими домашними богами (бурханами) и очагомъ почетное (хойморъ). Сторона юрты на право отъ двери назначена для женскаго пола; тутъ же находится и деревянная кровать, накрытая войлочнымъ одѣяломъ; на лѣво помѣщаются ящики и кѣтушки для платьевъ и другого имущества; возлѣ двери стоятъ ушатъ, ведро и прочая посуда, принадлежащая къ хозяйству. Зажигочные стелютъ на полу большія войлочные подстилки, вытеганныя разными узорами, богатыя Персидскіе и Туркастанскіе ковры. Юрты такихъ людей, такъ просторны и высоки, что можно входить въ нихъ, не наклонившись; часто многія юрты въ одной связи одна съ другою и составляютъ такое же число комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ особенное назначеніе. Стульевъ нѣтъ нигдѣ: садятся на полу, поджавъ ноги, по общему Азіатскому обычаю. Такъ какъ въ большей части степныхъ мѣстъ нѣтъ дровъ, то вмѣсто ихъ употребляютъ сушеный коровій пометъ (аргаль). Впрочемъ въ холодныя зимы это топливо очень недостаточно; тогда принуждены бываютъ закутывать маленькихъ дѣтей въ овечью шерсть, либо въ мѣха дикихъ звѣрей. Для варенія не разводять большаго огня, по тому что пища и питье Монголовъ наиболѣе состоятъ въ молокѣ, которое получаютъ они отъ стада, въ маслѣ и сущеномъ сырѣ; отъ того они обыкновенно слабосильны, за то легки и проворны, такъ что шестидесятилѣтній мужчина сидитъ на лошади молодцоватѣе молодаго и опытнаго Европейскаго кавалериста, и въ одинъ день безъ усталы дѣлаетъ разстояніе въ 30 миль. Мясо, особливо баранье, ѣдятъ они охотно, впрочемъ не каждый день и не во всякой юртѣ, еще рѣже дичь и рыбу; за лошадиное и верблюжье мясо принимаютъ только по недостатку въ другомъ сѣтеномъ. Въ дорогѣ жарятъ всего барана и ѣтъ шкурѣ, а снявши ее, дѣлаютъ изъ нея родъ мѣшина, который наполняютъ водою, снятымъ съ костей бараньяго мяса и раскаленными камнями: тогда мясо доспѣетъ совсѣмъ, и отвари его превосходенъ. Воды Монголъ не пьетъ безъ особенной нужды; чай, сложенный въ видѣ кирпичей и привозимый изъ Китая, главный напитокъ богатыхъ и бѣдныхъ; котель съ чаемъ, свареннымъ съ молокомъ, масломъ и саломъ, можно встрѣтить на оча-

гѣ во всякой юртѣ; хозяинъ пьетъ его, когда нужно и когда захочется. Смѣло входитъ въ юрту и усталый путникъ и, по закону гостеприимства между степняками, можетъ во всякое время утолять голодъ и жажду киричнымъ чаемъ; но для того долженъ употреблять свою деревянную чашку, которую каждый носитъ съ собою въ дорогѣ, какъ необходимую утварь. Одежда Монголовъ такъ же проста, какъ ихъ лица: лѣтомъ мужчина носитъ широкіе шальвары и длинный кафтанъ изъ нанки или шелковой матеріи, обыкновенно темнаго цвѣта, подпоясанный кожанымъ поясомъ, съ мѣдными или серебряными пряжками, на которомъ висятъ ножикъ и трутница; голову гладко брѣветъ, кромѣ одного клочка, и накрываетъ круглою шапкою изъ шелковой матеріи, съ чернымъ плюшевымъ околышемъ и двумя или тремя красными лентами, упاداющими на спину: зимою это платье смѣняется шубой, или, по крайней мѣрѣ, кладется на мѣхъ; сорочки извѣстны только людямъ побогаче; сапоги носятъ кожаные, а большею частію сафьянные, съ чрезвычайно толстыми подошвами. Женское платье очень походитъ на мужское, только изысканнѣе; волосы упاداють двумя косами, украшенными по концамъ кусками серебра, кораллами, стеклянусомъ или цвѣтными камешками. Такъ же украшаютъ и лошадиную сбрую и оружіе, которое впрочемъ состоитъ только изъ луковъ, стрѣлъ и короткаго тесака; ружья рѣдко бывають видны, да Монголъ и не желаетъ ихъ: онъ особенно привязанъ къ своему старинному вооруженію. Кромѣ конскихъ скачекъ, охоты и борьбы, стрѣльба изъ лука въ цѣль его любимое развлеченіе; другихъ удовольствій онъ не ищетъ, а о пляскѣ не имѣетъ даже понятія. Если въ дурную погоду ему должно ограничиться курткою, онъ проводитъ часы досуга, даннаго ему въ такой богатой долѣ, въ кружкѣ друзей: сидя около тлѣющаго всегда аргаля и прихлебывая аракъ (крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго и овечьаго молока), или водку, онъ погружается въ грустныя воспоминанія о славѣ давно пролетѣвшаго времени и подвиговъ богатырей своей родины и забываетъ трудъ жизни и иго Манджурской власти. Тогда у него, вдохновеннаго водкой, льются остроумныя шутки, забавныя исторіи или рассказы про удалъ и счастье охотниковъ, про быстроту знаменитыхъ наѣздниковъ и тому подобныя приключенія; иногда раздаются также заунывные наѣвы ихъ пѣсенъ,

съ аккомпаниментомъ флейты или балалайки. Сообщаемъ здѣсь три такихъ пѣсни, записанныя Русскимъ путешественникомъ въ Монголію, Георгіемъ Шинковскимъ (въ 1821 году). Двѣ первыя описываютъ тоску по родинѣ и соплеменникахъ живущей на чужбинѣ Монгольской дѣвушки; третья приглашаетъ къ удовольствіямъ пира.

1.

Иноходецъ рыжеватый,
 Въ табунѣ родномъ гуля,
 Ты, краса своей породы,
 Гордый ростъ соединяешь
 Съ цвѣтомъ волоса чудеснымъ.
 А красивая дѣвица,
 Проживая на чужбинѣ,
 По родной странѣ тоскуетъ,
 И на все для ней чужое
 Смотритъ пристально дѣвица.
 «Вѣкъ бы вмѣстѣ была я, другъ милый, съ тобой,
 Да Шангайгора стала межъ нами стѣной,
 И въ любви съ тобой вѣчно хотѣла бъ я жить,
 Да судьба насъ велѣла на вѣкъ разлучить.»

2.

Забѣгшии съ ноща конь ретивый
 Въ другой табунѣ чужихъ долинь
 Гуляеть тамъ всегда одинъ,
 Скучая по друзьяхъ игривыхъ.
 Въ землѣ и людной, и большой,
 Княжна, дѣтя иного края,
 Живеть печальная, не зная,
 Какъ угодить страцѣ чужой. —
 И тяжело Княждѣ одной.
 «Плыветъ ли туча, все чернѣй
 Темнѣя на небѣ уныломъ,
 Миѣ вспомнится въ краю постыломъ
 Мятели родины моей.»

Шляхъ дорога межъ полей,
 Мнѣ сердце шепчетъ: ѣдетъ милый!
 «Несется ль бѣлой пеленой
 По небу туча дождевал,
 Я жду — идетъ зима родная;
 Встаешь ли пыль въ дни пустой,
 Скажу: вотъ онъ, любезный мой!

3.

Цѣлительный, чудный напитокъ аракъ,
 Которымъ насъ вождь угощалъ,
 Какъ медъ, онъ приятенъ и сладокъ въ устахъ:
 Такъ выпьемъ его въ круговую скорбь!
 Безумье — всегдашняя доля того,
 Кто пьетъ невоздержно аракъ,
 Воздержный въ восторгъ лишь придетъ отъ него.
 Ликуй-же здоровье, и юность, и сила!
 Намъ рѣдко доводится вмѣстѣ бывать
 И сокъ молока благодатный вкушать,
 А братскій пиръ — сердцу завѣтная радость!

Монгольскій языкъ коренной, не смотря на множество твердыхъ звуковъ очень выразительный и, кажется, способенъ къ большому развитію; Монгольскія буквы выражаютъ цѣлые слоги и состоятъ изъ 187 знаковъ, которые, подобно Китайскимъ, пишутся кистью на листѣ перпендикулярно, сверху внизъ, но строки считаются слѣва направо. Литература Монголовъ, очень воспримчивыхъ къ знаніямъ, уже довольно богата, но до сихъ поръ еще большею частію состоитъ изъ переводовъ Китайскихъ и Индостанскихъ сочиненій. Самое древнее изъ произведеній ихъ собственнаго ума — Законникъ, во многихъ составныхъ своихъ частяхъ доходящій до времени Чингисхана. Въ 1691 году онъ пересмотрѣнъ законовѣдами въ Пекинѣ, совсѣмъ передѣланъ по сличеніи его съ древними и новыми преданіями и отдѣльными постановленіями Монгольскихъ вождей и напечатанъ на Монгольскомъ, Манчжурскомъ и Китайскомъ языкахъ. Онъ назна-

часть строгія наказанія за вѣсныя преступленіе, и за многія (на прим. за убійство, зажигательство и разбой) осуждаетъ на смертную казнь; но особливо замѣчательны постановленія относительно военныхъ дѣлъ. Бѣжавшій отъ непріятеля такъ же точно лишается головы, какъ и тотъ, кто на походѣ не позаботился зажечь сторожевой огонь; кто необдуманно бросается въ опасность и своею горячностью причиняетъ вредъ войску, подвергается то же очень строгому наказанію. Не должно разворять храмовъ и жилищъ, прѣзжихъ умышленно: не убивать и не дѣлать имъ никакого вреда; умерщвлять только такихъ непріятелей, которые сопротивляются, а о тѣхъ, которые сдаются, еще надобно имѣть попеченіе; съ плѣнниковъ не снимать платья, и женъ не разлучать съ мужьями. Одна часть Законника занимается способами взноса податей, таже покорностію и обязанностями къ вождямъ и начальникамъ. Монголія раздѣляется на многія отдѣльныя Княжества, которымъ хотя всѣ признають верховнымъ Государемъ Китайскаго Императора, но каждое управляется однимъ изъ старшихъ вождей (вансъ). Манджурская династія тщательно старается сохранить это раздѣленіе, по тому что если какому нибудь сильному вождю посчастливится соединить всѣ племена страны подъ свою верховную власть, Китайской Имперіи придется плохо: она, можетъ быть, еще разъ попадегъ въ руки Монгольскаго завоевателя. Всякой Монгольскій Князь считаетъ своею собственностію управляемую имъ землю и требуетъ у жителей вѣ видѣ дани извѣстное число скота, пастуховъ для своихъ стадъ и другихъ служебныхъ обязанностей; но за то онъ разбираетъ случающіяся межъ вами ссоры, проступки и преступленія. Всѣ Князья обязаны по временамъ являться къ Пекинскому Двору, въ доказательство своей зависимости отъ Императора, который обыкновенно отпускаетъ ихъ съ очень богатыми подарками. Князья находятъ свои выгоды въ такихъ миролюбивыхъ отношеніяхъ, по тому и не легко ожидать возмущенія: Монголь безусловно повинуется своему вождю и считаетъ священнѣйшимъ долгомъ слушаться его приказаній, какія бы они ни были, и исполнять ихъ, даже съ опасностію своей жизни. Почти такое же уваженіе онъ оказываетъ своему жрецу (Ламѣ), который назидаетъ его въ религіи, обыкновенно называемой Лахайскою, хотя въ самой странѣ она называется Шигемуніевою вѣрой, отъ основателя ея

Шигемунн, который жилъ въ Индіи и у Китайцевъ называется Фо. Эта вѣра основывается на главныхъ положеніяхъ: что бытіе всѣхъ вещей оживляется непостижимымъ духомъ, являющимся до безконечности въ различныхъ образахъ; душа безсмертна, но такъ, что переходитъ изъ одного животнаго тѣла въ другое, по чему Монголъ и не вѣстъ никакого животнаго, убитаго или самимъ, и вообще не мучить и не умерщвляетъ умышленно никакого живаго созданія; по смерти добрыя дѣла награждаются вѣчнымъ блаженствомъ, состоящимъ однако жъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, а злыя наказываются муками, болѣе или мене жестокими или легкими. Верховный глава Шигемуннѣевоу религіи Далай-Лама, живущій въ Тибетѣ, его намѣстники въ Монголіи — Кутухтасы. Остальное духовенство (Ламы) въ умственномъ и нравственномъ образованіи не далеко отстоитъ отъ простыхъ людей: но не смотря на запрещеніе жениться, оно очень многочисленно, такъ какъ всякой отецъ семейства считаетъ долгомъ посвящать одного изъ сыновей духовному званію. Главное занятіе Ламъ состоитъ въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, къ которымъ они обязаны въ храмахъ и въ жилищѣ каждаго Монгола, однако жъ за плату, да еще въ чтеніи молитвы «*ing tanı radme ong*», которую должны повторять какъ можно чаще и, по крайней мѣрѣ, нѣсколько тысячъ разъ; о значеніи ея они такъ же мало могутъ сообщить свѣдѣній, какъ и Европейскіе ученые, входившіе въ самыя тщательныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ. По объясненію одного Тибетскаго жреца, который почерпнулъ его изъ первоначальнаго источника Ламайской вѣры, эта молитва означаетъ ничто иное, какъ: «алмазъ обилія Будды истинно проявляется въ цвѣткѣ лотоса.» Тѣла Ламъ и Князей по смерти или сожигаются, а прочихъ предаются погребенію.

Китайцы причисляютъ къ Монголіи и Турфанъ, который у Восточныхъ географовъ называется Восточнымъ Джагатаемъ, или Малою Бухаріей; съ Запада онъ граничитъ съ областью независимыхъ Татаръ, съ Юга Тибетомъ, а съ Востока и Сѣвера съ Монголіей. Высокія, снѣгомъ покрытыя, горы чередуются съ большими плоскостями изъ мелкаго рѣчнаго песка и полосами способной къ обработкѣ и тучной почвы, гдѣ растутъ пшеница, пенька, стручковые плоды, яблоки, зелень и хлопчатая бумага;

песчаная степи совсѣмъ безлюдны, мертвы; путника, на сколько можетъ обнять глазомъ, не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, не имѣетъ другой точки опоры для отысканія своей дороги, кромѣ верблюжьяго помета, или костей согниваго животнаго, брошеннаго караванами: они каждый годъ прибываютъ изъ Китая, Кашмира, Тибета и Бухары, и съ великими опасностями проѣзжаютъ эти негостепримныя мѣста, для обиха золотаго нескя, драгоценныхъ камней, жемчуга, мускуса, ревеня, сальміака, полотня, шелковыхъ матерій и хлопчатобумажныхъ товаровъ въ торговыхъ городахъ, особливо въ Яркендѣ и Кашгарѣ, гдѣ складываются продукты края. Богатства, принадлежащія Турфану изъ 3 хъ царствъ природы, извѣстны намъ очень несовершенно, но обѣщаютъ, повидимому, не маловажную прибыль для будущаго счастливаго испытателя, суля по Китайскимъ извѣстіямъ, разумѣется, перемѣшаннымъ съ самыми недѣльными баснями. Они рассказываютъ о черномъ орлѣ (скорпионѣ) не менше верблюда, который уноситъ лошадей и воловъ и наводитъ своимъ появленіемъ такой страхъ, что люди прячутся; о коричневомъ, чрезвычайно ядовитомъ паукѣ (біо), величиною съ куриное яйцо: онъ нападаетъ на людей, и укушение его приноситъ неизбежную смерть, при томъ такую ужасную, что все тѣло укушеннаго разомъ приходитъ въ гніеніе; они говорятъ о множествѣ другихъ звѣрей, растений и минераловъ. Особенную чудесную силу туземцы приписываютъ камню безоару, который, по уверенію ихъ, находится въ желудкѣ лошадей, коровъ и свиней: если молятся о дождѣ, они привязываютъ этотъ камень къ шесту изъ песочной ивы (*salix agerapha*) и ставятъ его въ чистую воду; если молятся о вѣтрѣ, привязываютъ его къ конскому хвосту, а желая прохлады, привѣшиваютъ къ своему поясу. Но чтобы не замедлилось желанное дѣйствіе, во всѣхъ такихъ случаяхъ надобно читать положенныя молитвы и заговоры. Такіе заговоры нашептываютъ про себя, когда ищутъ въ рѣкахъ драгоценныхъ камней, особливо красивой яшмы, которая вся идетъ къ Китайскому Двору: эта работа продолжается непрерывно весь годъ, такъ какъ зимою никогда не бываетъ большой стужи, и снѣгъ выпадаетъ очень рѣдко. Въ Юго-Западной части страны все гдѣ стоятъ несносные жары: небо пышетъ пламенемъ, вѣтры крутятъ клубомъ раскаленный песокъ; за то въ Восточныхъ полосахъ

вѣтры имѣютъ благотворное дѣйствіе: едва подуютъ они весною, распускаются деревья и цвѣты, плоды появятся быстро и во множествѣ; за вѣтромъ слѣдуетъ обыкновенно густой туманъ, такъ сильно орошающій землю, точно пролилъ продолжительный дождь. Но самые дожди хотя и чрезвычайно рѣдки, но до того вредны, что цвѣты и плоды опадаютъ съ деревьевъ, точно облиты горячимъ масломъ. Самый жестокий и опасный бичъ большихъ песчаныхъ степей—сильныя бури, которыя поднимаются по временамъ. По словамъ немного преувеличенныхъ Китайскихъ извѣстій, вдругъ послышится шумъ, какой бываетъ при землетрясеніи; онъ тотчасъ же перестаетъ, и начинается буря: она сноситъ кровли съ домовъ и крутитъ въ воздухѣ большіе камни, такъ что они наполняютъ пространство неба, отбрасываетъ телѣги, даже съ грузомъ въ 1000 фунтовъ, и разметываетъ во всѣ стороны находящіяся въ нихъ вещи; людей и животныхъ, идущихъ поодиночкѣ, она заноситъ за 10 или даже за 100 ли (расстоянія въ 2 съ половиною и въ 15 часовъ), такъ что часто не находятъ и слѣдовъ ихъ; весною и лѣтомъ дуетъ этотъ вѣтеръ очень часто, за то зимой и осенью чрезвычайно рѣдко. Если на утренней зарѣ Сѣверныя и Южныя горы видны совершенно ясно и не въ пыли, въ этотъ день навѣрное не будетъ бури; но если широко раскинется черноватое облако, которое закроетъ обѣ горы, въ тотъ день несомнѣнно поднимется буря: тогда ужъ и не отваживаются ѣхать въ дорогу.

Жители Турфана, которыхъ числомъ можно полагать до милліона, Татары и изъ Бухарскаго племени, какъ видно по языку и письму ихъ; они походятъ на этотъ народъ тѣлосложеніемъ и характеромъ, также исповѣдаютъ Магометанскую вѣру и усердно читаютъ Коранъ, только имѣютъ много особенностей въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и праздникахъ. Въ послѣдній мѣсяцъ передъ Новымъ годомъ, всѣ, кому минуло 10-ть лѣтъ отъ роду, безъ различія пола, должны поститься и послѣ разсвѣта не могутъ ни ѣсть, ни пить; многіе доводятъ свою набожность до того, что не глотаютъ и слюны; впрочемъ по захожденіи солнца, когда появятся звѣзды, всякой можетъ ѣсть и пить, сколько хочетъ; однако жъ молитвы и рможенія всего тѣла чистой водой продолжаются день и ночь. Въ послѣднюю ночь предъ окончаніемъ

постнаго времени бьютъ вездѣ въ барабаны и играютъ на духовыхъ инструментахъ; на слѣдующій день Ахуны (чиновники) и Календеры (монахи) каждаго мѣста съ Акимбекомъ (начальникомъ) ходятъ въ мечеть, а по окончаніи молитвы съ поздравленіемъ въ домъ Акимбека, за что угощаются богатымъ пиромъ. На этѣхъ пирахъ, гдѣ дѣло не обходится безъ музыки на литаврахъ, дудкахъ, флейтахъ, гусляхъ (арфахъ) и цитрахъ, также безъ пѣнія и пляски, всѣ ѣдятъ и пьютъ до послѣдней возможности и пока не охьянѣютъ совсѣмъ; оставшіяся кушанья гости дѣлятъ между собой и уносятъ домой. Почти всѣ большія торжества оканчиваются пирушкой; но за то просто обыкновенное богослуженіе, состоящее особливо въ намазѣ (молитвѣ), которую пять разъ въ день совершаютъ муллы (жрецы) съ музыкой на высокой земляной насыпи, находящейся въ восточной сторонѣ каждаго города. Когда кто нибудь умираетъ, собираются кругомъ его всѣ родные, молятся и поютъ съ Календерами, которые должны сидѣть на кровлѣ дома до минуты погребенія, происходящаго на другой же день. Трупъ безъ гроба и безъ одежды, только завернутый въ бѣлое полотно, уносятъ въ приготовленную для него могилу на кладбищѣ, находящемся виѣ города, по возможности у большой дороги, чтобы путникъ помолился за умершаго и просилъ для него будущаго блаженства. Спустя два мѣсяца послѣ Нового года совершаются большія поминки; всѣ ходятъ тогда на могилы къ роднымъ и читаютъ свои молитвы, съ безпрестанными поклонами. Многіе прорѣзываютъ себѣ сквозную ранку на шеѣ между кадыкомъ и кожей и продѣваютъ въ нее пучокъ тесьмы: кровь, текущая по всему тѣлу, по ихъ мнѣнію, самая угодная жертва душѣ умершаго.

Уваженіе, оказываемое Турфанцами покойникамъ, надобно огносить, по крайней мѣрѣ отчасти, къ чрезвычайному дружелюбію между ними. Отношенія между супругами примѣрныя и только изрѣдка возмущаются неприличными поступками, хотя мужъ и покупаетъ жену за положенное число воловъ или овецъ и можетъ каждую минуту прогнать ее отъ себя, если захочетъ лишиться заплаченнаго за нее скота. Обрученіе совершается при чтеніи множества молитвъ; въ день свадьбы отецъ или братъ отвозитъ невѣсту на лошади и съ музыкою, однако жъ подѣ покры-

ваго въ домъ жениха. Тамъ распускаетъ она волосы, которые въ дѣвушкахъ заплетала въ 30 косичекъ, и оставляетъ ихъ распущенными на цѣлый мѣсяцъ; послѣ того она опять ихъ причёсываетъ и, перевивши красными лентами, жемчугомъ или другимъ украшеніемъ, опускаетъ ихъ очень низко. Она должна заботиться о домашнемъ хозяйствѣ, готовить съѣстные припасы и шить платье. Дома имѣютъ крѣпкія глиняныя стѣны, толщиною отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ, не рѣдко много этажей и плоскую кровлю, по которой можно ходить, если не сочли за лучшее засѣять ее пшеницей или кухонными растеніями. Внутреннее расположеніе очень просто: нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ, всѣ помилки обыкновенно лежатъ въ нѣсколькихъ стѣнныхъ шкапахъ, или на досчатыхъ стѣнкахъ; по возлѣ дома обыкновенно устрояютъ часовню для отправленія намаза и, по возможности, садъ съ прудомъ. Въ кушаньѣ они строго соблюдаютъ съ предписаніями Ислама и за-вседневымъ обѣдомъ являются такъ же умѣренными, какъ бывають невоздержны на большихъ пирахъ. Жидельные напитки они любятъ до страсти, и пьянство — единственный порокъ, которымъ можно легко соблазнить ихъ. Одежда обохъ половъ, за исключеніемъ равноцѣтныхъ украшеній у жепцианъ, одинакова и состоитъ изъ нижняго платья до колѣнъ, верхняго кафтана съ большимъ воротникомъ и узкими рукавами, обложенной мѣхомъ, шляпы и яркочерныхъ кожаныхъ башмаковъ съ деревянными каблукани. Наружность этихъ людей, вообще очень добродушныхъ, дѣлаетъ довольно пріятное впечатлѣніе на Европейца; притомъ они имѣютъ держать себя очень вѣжливо и предупредительно въ обращеніи съ иноземцами.

Англійское посольство имѣло случай увидать и нѣсколькихъ Турчанцевъ въ Джеголь, куда со всей Китайской Имперіи съѣхались уполномоченные для принесенія поздравленій Императору. Но при постоянно строгомъ наблюденіи за Англичанами днемъ и ночью, имъ нельзя было входить въ сношенія съ Турчанцами и собрать свѣдѣнія поподробнѣе о землѣ ихъ. По окончаніи праздниковъ, Императоръ покинулъ свою лѣтнюю резиденцію; представители каждой провинціи воротились домой; Макартней то же получилъ приказаніе тотчасъ же вѣхать съ своею свитою въ Пекинъ.

На пути туда наши путешественники видѣли странный примѣръ смѣшной подозрительности Китайскаго Правительства ко всѣмъ иностранцамъ: подошедши къ рашелинѣ Великой стѣны, гдѣ они осматривали ея составныя части, нашли, что это отверстіе старательно задѣлано тесаными камнемъ и мусоромъ. Въ Пекинѣ послы были приняты съ большою вѣжливостію, получили блестящее угощеніе и богатые подарки; но какъ Макартней еще въ Джеголъ не бросился на землю предъ Императоромъ и не коснулся лбомъ пола, по Китайскимъ правиламъ, а только, по Англійскому обычаю, преклонилъ правое колѣно, то всѣ дальнѣйшіе переговоры были прерваны, послѣ передачи Англійскихъ и полученія Китайскихъ подарковъ. Когда же упрямые Англичане положили было остаться на зиму въ столицѣ, чтобы, можетъ быть, со временемъ получить какія нибудь дозволенія, имъ вышло рѣшительное приказаніе отправляться домой, по самой большей мѣрѣ, въ два дня. Ни представленія, ни просьбы не могли измѣнить желѣзную волю оскорбленнаго Сына Неба: не смотря, что былъ представителемъ могущественнаго Короля Великобританіи, гордый Лордъ нашелъ себя принужденнымъ, со всею своею свитою, послушаться мандариновъ, торопившихъ его отъѣздомъ съ такою лоспѣшностію, что едва могли сдѣлать самыя нужныя приготовленія къ дорогѣ. Андерсонъ, безспорно, самый остроумный чело-вѣкъ изъ этого общества путешественниковъ, очень рѣзко описы-ваетъ въ немногихъ словахъ всю исторію этого посольства, предпринятаго съ такою пышностію. Онъ откровенно говоритъ: мы пришли въ Пекинъ какъ нищіе, проживали тамъ какъ плѣн-ные, и были выгнаны какъ мошенники. Досада Англичанъ на это изгнаніе умножалась съ каждымъ днемъ на дорогѣ въ Куанг-тонгъ, которую они сдѣлали большею частію по Императорско-му каналу; угощеніе и обхожденіе Китайцевъ было постоянно вѣжливо, однако жъ становилось все небрежнѣе. Нигдѣ не дозволяли имъ останавливаться подолѣе; подъ разными предлогами отнимали у нихъ всѣ случаи поосмотрѣться въ провинціяхъ, которыми проѣзжали, и собрать подробнѣе свѣдѣнія. Такъ, 19 Декабря, они прибыли въ Куанг-тонгъ, гдѣ ихъ такъ же посѣбно, но съ большими учтивостями, спровадили на ихъ корабль. Обрат-ное плаваніе шло скоро и счастливо, и 3-го Сентября 1794 го-да посольство прибыло въ Свентгедъ, послѣ труднаго, но напрас-

наго, почти 2-хъ лѣтняго путешествія. Правительство доказало, что оно довольно стараніями Макартнея, сдѣлавшаго все возможное, возведя его въ графское достоинство, и на другой же годъ отправило его съ важными тайными порученіями въ Италію. По возвращеніи онъ сдѣланъ Перомъ Великобританіи и Губернаторомъ колоніи на мысъ Доброй Надежды; но, уже въ исходѣ 1798 года, онъ долженъ былъ оставить эту должность, по тому что разстроенное здоровье дѣлало невозможнымъ для него всякой усиленный трудъ. По этой же причинѣ онъ скоро совсѣмъ удалился изъ службы и умеръ въ графствѣ Суррей, 31 Марта 1806 года.

Если вѣрить Раумеру, Макартней отправленъ въ Россію съ тѣмъ, чтобы образовать союзъ между Англіею, Россіею и Пруссіею, наперекоръ фамильному договору Бурбоновъ. Съ Фридрихомъ II Прусскимъ имѣлъ по этому предмету разговоръ Митчель Фридрихъ отвѣчалъ ему на предложеніе союза Итальянскою поговоркою: *chi sta bene, non si muove*. Макартней велъ переписку съ Митчелемъ, описывалъ особенно вліятельныя лица при Русскомъ Дворѣ, между прочимъ говорилъ о Панинѣ, что это первый, если не единственный, министръ у Екатерины II. Безъ него не бываетъ никакихъ совѣщаній и не рѣшается ничего; всѣ внутреннія и иностранныя дѣла идутъ черезъ его руки. Онъ, конечно, честный (*uncorrupted*) человекъ, и хотя не безъ кое-какихъ недостатковъ (напр. гордъ, непреклоненъ, медлителенъ), однако жъ, по мнѣнію Макартнея, самый способный для его высокаго мѣста вельможа въ Россіи. Относительно своихъ дѣлъ, Макартней съ отчаяніемъ писалъ къ Митчелю: я долженъ вамъ сказать по секрету, что ничто не сравнится съ тѣмъ пренебреженіемъ, въ какомъ находится сдѣсь политика Англіи, не только у Императрицы и ея министровъ, но и у всѣхъ дипломатовъ. Какъ ни благоразумна и необходима частая перемѣна въ управленіи для внутренняго состоянія страны, однако жъ вѣрно, что это дѣлаетъ насъ смѣшными и презрѣнными въ глазахъ иностранцевъ. (Онъ намекаетъ на выходъ изъ министерства Лорда Гренвиля въ 1766 году). Далѣе онъ пишетъ къ Митчелю: Прусскій Король обна-

руживаетъ самую постоянную преданность къ особѣ Императрицы и величайшее удивленіе къ ея добродѣтелямъ и совершенствамъ. Въстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ особенное удивленіе къ дарованіямъ и мнѣніямъ Цанина. По словамъ Макартнея, Панинъ однажды сказалъ ему, что съ Королемъ Прусскимъ бывають частые припадки меланхоліи (spleen), которые иногда совсѣмъ разстраивають его здоровье. Хотя это держать въ большомъ секретѣ и прикрываютъ другими названіями, но ничего нѣтъ вѣрнѣе того. «Если бы Россія, прибавилъ Панинъ, не удерживала Короля, онъ былъ бы очень способенъ надѣлать большихъ глупостей». Въ это время Екатерину больше всего занимали Польскія дѣла. При началѣ послѣдняго Польскаго сейма, пишетъ Макартней, Вѣнскій Дворъ дѣлалъ какія-то важныя предложенія Королю Станиславу чрезъ брата его, Князя Понятовскаго: ему совѣтовали сбросить съ себя непріятную зависимость отъ Россіи и принять дружбу Австріи; даже предлагали ему въ супруги одну изъ Эрцгерцогинь и планъ, какъ исполнить и сохранить въ тайнѣ этѣ предложенія; братъ Короля горячо уговаривалъ его принять предложенія Австріи. Самъ Станиславъ сперва живо оспаривалъ это, потомъ казался умѣреннѣе и уступчивѣе, но ни на что не рѣшился. Этѣ извѣстія очень вѣрны. Beilage z. neuer. Gesch. v. Rußher. (Примѣч. Перев.).

У

СМЪСЪ

СОДЕРЖАНІЕ ДОКЛАДА,

**ПОДАННАГО СЕИМУ ОТЪ ДЕПУТАЦИИ, НАЗНАЧЕННОЙ ДОПРА-
ШИВАТЬ ОБВИНЯЕМЫХЪ ВЪ БУНТАХЪ,**

ВЪ ЗАСЪДАНІЕ 26 МАРТА, 1790 ГОДА.

ИЗДАНО ПО ПОВЕЛѢНІЮ ДЕПУТАЦИИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ погрома, разразившагося надъ Польшей весною 1775 г., когда треть ея владѣній отошла къ тремъ сосѣднимъ Державамъ, казалось, что она опомнится, перестанетъ своей безурядицей держать ихъ вѣчно на сторожѣ, пойметъ свое положеніе и мало по малу устроится. И точно, въ Польшѣ наступила было тишина, какой давно уже въ ней никто не помнилъ: промышленность проснулась, науки опять показались, благодаря заботливости о воспитаніи юношества, на что обращены были всѣ доходы уничтоженнаго тогда Ордена Езуитовъ, какъ извѣстно, самаго богатаго между Орденами Католическими; занялись собраніемъ законовъ, приведеніемъ въ порядокъ Государственной казны; предпринимались повсюду улучшенія; даже Сеймы стали доканчиваться благополучно. Всѣ видѣли, что Польша крѣпла, поправлялась и, вѣроятно, со временемъ избавилась бы въ большей мѣрѣ отъ тѣхъ недостатковъ, которые постоянно не допускали ее наслаждаться благоденствіемъ. Окрѣпши во внутреннемъ, она окрѣпла бы и во вѣншемъ, процвѣла бы и долго, долго существовала бы, какъ Государство образованное и сильное. Къ крайнему изумленію, Польша не поняла тогдашняго своего положенія, ни задачи, вытекавшей для дѣятельности изъ онаго. Вмѣсто добраго отношенія къ Россіи, позже всѣхъ и неохотно согласившейся на отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ краевъ, отнюдь же не на конечное раздѣленіе, при чемъ отошла къ ней лишь часть древняго достояніи Русскаго (Бѣлоруссія между Днѣпромъ,

Западной Двиной и Дручемъ), вмѣсто того, чтобы держаться Славянской Державы, она склонилась на внушенія народности, вѣчно недоброжелательной Славянскому племени и, опираясь на обѣщанное ей заступленіе и пособіе, спѣшила воспользоваться представившимся ей случаемъ довольно затруднительнаго положенія нашего, когда мы принуждены были вести вдругъ двѣ войны на двухъ совершенно противоположныхъ оконечностяхъ, на сѣверѣ съ Шведами, и на югѣ съ Турками. Душею всего была Пруссія, которая, боясь болѣе всего, чтобы Русскіе и Поляки не сошлись когда либо между собою и, разгадавъ ея политику, не положили бы предѣловъ стремленію созидать свое благо на счетъ ближайшихъ сосѣдей, теперь неслась на всѣхъ парусахъ къ предполагаемой цѣли, даже мало скрывая свои намѣренія, и прямо говорила, что усиленіе Польши, хоть бы то самое незначительное, противно ей, и по тому обязываетъ противоборствовать всему, что можетъ этому содѣйствовать. Такая беззастѣнчивость возбуждала глубокое отвращеніе къ Пруссіи въ сердцѣ Екатерины II-й, и вызвала ее однажды на откровенное сообщеніе своихъ мыслей о ней Потемкину, жаловавшемуся на плохую помощь Австрійцевъ въ войнѣ Русскихъ съ Турками: «Каковы Цесарцы ни были бы и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели Прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано поноснымъ и несноснымъ. Мы Прусаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣтъ ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!» (Октября 18 дня, 1789 г.). И въ другомъ мѣстѣ: «Прусакъ деретъ и съ живаго и мертваго.» Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, Поляки потребовали созванія Сейма, который продолжался съ конца 1788 года цѣлыхъ четыре года. На этомъ-то продолжительномъ Сеймѣ задумано было совершенно преобразовать Польское Государство, сообщивъ ему новое устройство въ Уложеніи 3 Мая, 1791 г., воплотивъ противо-

положномъ Уложенію 19 Марта, 1775 г., охраненіе котораго возлагалось на Россію особымъ договоромъ, тогда же заключеннымъ въ Варшавѣ. Ни уничтоженіе вольнаго голоса (*nie rozwaliam, liberum veto*), ни такого же избранія Короля, ни непремѣннаго при немъ Совѣта, ни многое другое, больше или меньше необходимое и полезное, по мнѣнію установлявшихъ, для блага Польскаго края, не вызвало бы тѣхъ послѣдствій, какія обрушились потомъ на Поляковъ, если бы они не вздумали уничтожить обязательства касательно предоставленія Разновѣрцамъ (Диссидентамъ) свободы Богослуженія и правъ, наравнѣ съ Католиками. Въ число же Разновѣрцевъ входили и Русскіе, которые, какъ Православные, отбиваясь сами съ оружіемъ въ рукахъ отъ посягательствъ на нихъ Поляковъ, искали прежде всего заступленія у своихъ единоутробныхъ и единовѣрныхъ, наши оное, и теперь опять должны были его лишиться, въ силу преобразованій, благопріятствовавшихъ съ первой до послѣдней буквы одной лишь шляхтѣ. А чтобы оправдать сколько ни есть свои мѣры по этому дѣлу, Поляки старались сообщить имъ характеръ Государственной необходимости, именно, что онѣ вызваны были чувствомъ самохраненія, такъ какъ во всѣхъ областяхъ Югозападной Руси показались явные признаки, предсказывающіе близкое наступленіе новой Хмельнищины, въ которой, какъ и въ первой, также присуща рука Москвы. Тотчасъ наряжена была особая Коммиссія или, какъ тогда выражались, Депутація, которой и поручено допросить подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Москалями, разузнать, отъ чего волнуется, благоденствующая подъ воскрыліемъ Польши, Русь на Украинѣ, Волыни, Подолѣ и Полѣсьѣ? Точно ли она задумала освободиться отъ самаго свободнаго народа въ мірѣ, но теперь, стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, подпавшаго влиянію чуждой власти?

Депутація съ жаромъ принялась за возложенное на нее порученіе, и представила донесеніе свое въ, такъ назван-

номъ ею: «Содержаніи доклада, поданнаго Сейму отъ Депутациі, назначенной допрашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ, въ Засѣданіе 26 Марта, 1790 года,» которое сдѣсь предлагается мною въ современномъ переводѣ, и которое сохранилось въ числѣ бумагъ, принадлежавшихъ некогда братьямъ Кречетниковымъ, изъ коихъ нѣкоторыя я уже года полтора тому назадъ помѣстилъ въ «Чтеніи» (1863 г., кн. 3 и 4, именно: Журналы и Переписка Петра и Михаила Никитичей).

Этотъ докладъ Депутациі — чрезвычайно любопытное явленіе въ своемъ родѣ и весьма важный Государственный памятникъ того времени. Судя по надписи на немъ, онъ издавъ былъ тогда же на Польскомъ языкѣ «по повелѣнію Депутациі Иностранныхъ Дѣлъ,» но подлинникъ его мнѣ не извѣстенъ. Депутациа безъ дальняго отправляется въ немъ отъ той мысли, что «единственнымъ источникомъ данныхъ въ Польшѣ бунтовъ была дикость и безпокойное Козаковъ своевольство, бунтовъ же и возмущеній позднѣйшихъ матерью сдѣлалась злобная сосѣдственнаго Кабинета политика. Когда, какими слѣдами, по какимъ степенямъ приключеніе домашнее перешло въ чужую систему, внутренній бунтъ въ Польшѣ перемѣнился въ политическое теченіе Россіи (сказано далѣе), открылъ ясно Докладъ Депутациі, назначенной допрашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ. Видъ того же политическаго плана, его начало и восхождение представить есть цѣль сего письма (сочиненія).» И подлинно, все въ этомъ письмѣ представлено съ такой точки, что, читая его, не вѣрится, чтобы можно было такъ извращать всему свѣту извѣстную правду въ кривду, бѣлое въ черное, такъ дерзко наругаться надъ истиною! «Сколь многія по раздѣленіи Греческой Церкви въ Украинѣ ни случались возмущенія,» говоритъ эта Депутациа, «и дѣла и права Польскія свидѣтельствуя, что они не имѣли ни какого сцѣпленія съ разностію Вѣры; различные способы въ отпращеніи Богослуженія раздѣляли толь-

ко единовѣріе между обывателями, но Религія не вошла ни дѣйствиюмъ, ни именемъ въ производство замѣшательствъ, которыхъ бытіе хранится въ Государственныхъ запискахъ и которыхъ неложность являютъ плачевные памятники въ могилахъ и опустошеніяхъ.» И все въ этомъ родѣ съ начала до конца Доклада. Отличаясь самой отъявленной нетерпимостью въ дѣлахъ Вѣры, Польскіе Депутаты, въ заключеніе его, восклицаютъ: «Кто бы ожидалъ, дабы волюность исповѣданія Вѣры, данная Диссидентамъ, могла проложить дорогу и путь къ неволи Поляковъ!» Забывая, что этотъ даръ отнюдь не былъ слѣдствіемъ признанной цѣнности его для нихъ самихъ и тѣхъ, кому онъ назначался. И по тому, съ какой же стати жаловаться на то, что нашлись мстители, не дозволившіе имъ долге играть, сколько собственнымъ ихъ благомъ, столько же и благомъ другихъ, соединенныхъ съ ними не естественнымъ теченіемъ дѣлъ человѣческихъ, но единственно разными происками, кознями, обманомъ и всевозможными возмутительными средствами, выданными потомъ съ нахальной беззастѣнчивостью за добровольное соединеніе Руси съ Польшей? Чего же дивиться, если дурное сѣмя принесло и дурной плодъ? Если вѣковыя неправды и обиды наконецъ навлекли на виновниковъ ихъ кару Божию? Все го принимши ножъ, можемъ погнѣзять. Дѣйствительно, Польша пала отъ Руси, но Руси поруганной, низведенной ею на степень животнаго, которое, однако, нашло въ себѣ еще столько мощи, что приподнялось изъ грязи и, встряхнувшись, далеко отбросило своего сѣдока: паденіе было такъ мѣтко и крѣпко, что, не смотря ни на какія усилія его, онъ съ тѣхъ поръ уже не поднимался, и Русь воссоединенная навалила и во рога своего въ конецъ собой задавила.

Напрасно Польша того времени думала, что пришла пора, въ которое чужіе Государя, «сколько благородною и добродѣтельною политикою (по ея мнѣнію), столько и могуществомъ силъ извѣстные, ту полагаютъ славу и поступкамъ

своимъ цѣль, дабы умаленіемъ силы чрезъ мѣру подвизавшагося на Сѣверѣ Престола, возвратить Польшѣ прежнюю ея свѣтлость, обезпечить ее на будущія времена.» Такъ думать могли только одни Поляки, никогда, какъ извѣстно, не отличавшіеся Государственнымъ умомъ: Польскій вѣтеръ, Польская недалновидность, вошедшія въ пословицу, довѣрились Пруссіи, давно уже, повторяю, не скрывавшей своего намѣренія въ отношеніи къ Польшѣ, бывшей главной виновницей и перваго раздѣла ея и старавшейся въ одинаковой степени оружіемъ, словомъ и хитростью ослабить, а, если возможно, и стереть съ лица земли свою восточную сосѣдку, которая, оправившись, могла бы, рано, поздно, то же самое сдѣлать съ Пруссіей, возникшей преимущественно на Польской почвѣ и на счетъ Польской. Прикинувшись другомъ Поляковъ, Пруссія попрекала ихъ Королемъ, какъ навязаннымъ имъ Россіей, находящимся подъ ея вліяніемъ, и возбуждала къ освобожденію себя отъ этого вліянія, обѣщая свою и своихъ союзниковъ помощь (особенно Англіи), и тутъ же, въ благодарность за то, требуя уступки ей Гданска и Торуня, необходимыхъ для округленія ея владѣній, въ особенности же важныхъ по ихъ торговому значенію. Къ этому предъявленію относится: «Голосъ Лещинскаго, Посла Иновроцлавскаго, на засѣданія Сейма 1-го Апрѣля, 1791 года» (помѣщаемый мною за Докладомъ Депутаціи), который сильно содѣйствовалъ къ тому, что Поляки, увидавъ Прусскія штуки-шпеки, къ чему стремятся Нѣмецкіе челоуѣки, отвергли требованіе своего мнимаго доброжелателя, послѣ чего тотъ съ товарищи повернулся къ нимъ тутъ же спиной, и тѣмъ поставилъ Поляковъ въ то положеніе, въ какомъ желалось ему ихъ видѣть, въ случаѣ отказа его требованію, т. е., Польша очутилась въ одиночествѣ, но окруженная отовсюду недоброжелателями. Россія вновь была разобижена намѣренно высокоумными и легкомысленными раздраженіями и затѣями, въ родѣ прогнанія Москалей за

Двѣири и Западную Двину и т. п. «Мы взирали на Польшу,» писала Екатерина II къ своему Послу въ Польшѣ (Булгакову, 12 Октября, 1790 г.), «яко на Державу, посреди четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служащую преградю отъ многихъ сосѣдственныхъ раздоровъ. Сію преграду сохранить елико возможно долѣе мы пеклись до нынѣ, и пещись будемъ, дондеже злостныя затѣи враговъ нашихъ и самой Польши насъ не принудятъ перемѣнить наше объ ней благое расположеніе, и всякой благомыслящій Полякъ въ насъ найдетъ, слѣдовательно, во всякое время защиту свою и Отечества его.» Оно такъ и было, по тому что самое участіе Государыни Русской въ первомъ раздѣлѣ Польши «послѣдовало по тогдашнимъ неотступнымъ докукамъ», какъ она выразилась въ наказѣ своемъ тому же Булгакову (отъ 25 го Сентября, 1790 г.), «теперешнихъ союзниковъ нынѣшняго Сейма Польскаго,» т. е., «по заключенной съ Прусаками и Вѣнскимъ Дворомъ Конвенціи,» которые объявили, что они не могутъ долѣе терпѣть усобицы Поляковъ, какъ сосѣдей своихъ, отважившихся посягнуть даже на своего Короля (похищеніе его Конфедератами въ 1771 г.), и приглашали Русскую Императрицу поставить Польшу въ такіе предѣлы, чтобы неурядица ея и волненія не въ состояніи были вредить другимъ. Между тѣмъ Турки, не смотря на побѣды наши, обнадеживаемые вмѣшательствомъ Запада, не соглашались на уступку занятыхъ нами въ войну съ ними Молдавіи и Валахіи, вмѣсто коихъ Пруссія и Австрія предлагали намъ получить участокъ, какъ вознагражденіе за издержки, въ Польшѣ, чѣмъ достигалась главная и задушевная ихъ цѣль — обезсиленіе сосѣдки, могущей въ послѣдствіи сдѣлаться опасной для нихъ по прежнему, и недопущеніе укрѣпленія Россіи на счетъ другой Державы, съ нѣкотораго времени гораздо менѣе бывшей для нихъ страшной, между тѣмъ какъ ослабленіе ея сообщило бы особенный вѣсъ Русской Имперіи въ ряду Европейскихъ Государствъ. Къ этому открылись

въ ту пору внутри самой Россіи разныя тревоженія: чума, занесенная продолжительной войной съ Турками, мятежъ по случаю ея въ Москвѣ, возстаніе на Янкѣ, разлившееся по всему сѣверо-востоку и достигавшее уже не совсѣмъ еще успокоившейся древней столицы. Все это заставляло Екатерину II уступить настояніямъ Австріи и Пруссіи, которыя объявляли открыто, что онѣ въ крайности готовы и безъ нея привести свои планы въ исполненіе, и дѣйствительно начали было приводить ихъ занятіемъ смежныхъ областей Польскихъ.

Оставленные самимъ себѣ, Поляки, предвидя близкое окончаніе войны Россіи съ Турціей (въ концѣ 1791 г.), когда она, имѣя развязанными себѣ руки, могла прежнее наблюдательное положеніе перемѣнить въ дѣятельное, возвысить тонъ и потребовать расчета отъ нихъ за все неистовство ихъ поведенія (выражалась словами Русской Царицы), рѣшились предупредить это вмѣшательство, провозгласивъ, какъ замѣчено выше, новую Конституцію (Уложеніе). Но, вмѣсто того, чтобы, какъ они надѣялись, помѣшать тѣмъ усиленію приверженцевъ старины и Россіи и разумѣется, отклонить опасность отъ себя, только ускорили ее: приверженцы стараго порялка въ Польшѣ, видя себя подавленными, немедленно бросились за помощію туда, куда только и могли въ то время броситься, къ Русской Государынѣ, поручившейся, какъ мы видѣли, за сохраненіе старой Конституціи, и по тому имѣвшей полное право вмѣшаться въ происходившее тогда у себя подъ бокомъ, съ цѣлію не допустить, чтобы иностранное золото и происки овладѣли Польшей, в тѣмъ внесли въ послѣдствіи страшный, ни чѣмъ не вознаградимый вредъ Россіи, ближайшей ей и по сосѣдству, и по происхожденію и по вѣковымъ взаимнымъ отношеніямъ. «Я мышлю», писала она къ тому же своему Послу въ Варшавѣ «что въ ихъ (Поляковъ) дѣло мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не приззоветъ, развѣ откроется впредь случай такой, гдѣ съ пристойно-

востію къ тому приступить могу, котораго не упушу, конечно.» Послѣдняго не приходилось долго ждать. Поляки сами потребовали помощи для возстановленія прежнихъ законовъ ихъ, «попранныхъ», какъ сказано въ письмѣ невольныхъ, «только пятою частью засѣдавшихъ на Сеймѣ, вопреки большинству голосовъ противорѣчившихъ Сенаторовъ и Пословъ, присутствовавшихъ при томъ, и противъ данныхъ отъ Воеводствъ наказовъ, и, слѣдственно, и противу общественнаго соизволенія.» Извѣстно, что Русская Императрица не обманулась въ своихъ предположеніяхъ: она слышала, какъ къ ней, съ одной стороны, звали: «Великая! Ты, которая сподобна Божеству, не величіемъ могущества своего, отъ него низпосланнаго, но безпримѣрною благостію, Ты едина сіе благотворное Божество для возстановленія вольности нашей. Соединенное Гражданство Польское молитъ Тя, что Бога, и призываетъ, яко къ защитницѣ своей: сотвори, да Полякъ, сосѣдъ и союзникъ твой, обязанъ будетъ тебѣ своею вольностію!» и проч. А съ другой видѣла, что и случай открылся ей такой, гдѣ точно съ пристойностію могла она приступить къ вмѣшательству, такъ какъ необъятный пожаръ, вспыхнувшій во Франціи, невольно отвлекалъ вниманіе Австріи и Пруссіи отъ Востока на крайній Западъ, заставляя ихъ при томъ, вмѣсто прежняго соперничества, заискривать даже сближенія съ Россіей. Мы подали руку помощи просившимъ, въ челѣ коихъ было большинство Польской знати, до самозабвенія негодовавшей на уничтоженіе прежняго порядка, съ которымъ сроднились уже цѣлыя поколѣнія до нихъ и они сами, и которому Ясневельможные были обязаны всѣмъ своимъ значеніемъ, богатствомъ и вліаніемъ, равнаго коему едва ли можетъ представить намъ Исторія новой Европы. Послѣдствія извѣстны: готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи, Пруссія объявила, что она не можетъ къ нимъ приступить, не обезпечивъ себя съ тылу отъ Польши, гдѣ выходцы Французскіе крамольствуютъ, особливо въ сосѣд-

нихъ съ нею областяхъ, и по тому считаетъ необходимымъ занять послѣднія, что и было ею исполнено зимой 1793 г.; а весной объявлена была и Русская Декларация, въ которой, кромѣ прочаго, говорилось, какъ подданные наши, находившіеся въ Польшѣ по разнымъ дѣламъ, злостно были обвинены въ подущеніи мѣстныхъ жителей къ возстанію, схвачены и брошены въ темницы, пытались и казнились, какъ Православные по прежнему подвергались новымъ ужаснымъ гоненіямъ и пр., и пр.; въ слѣдъ за тѣмъ двинулись наши войска съ юга и сѣверо-востока, вошедшія, послѣ одержанныхъ всюду побѣдъ, одновременно въ самую Польшу, послѣ чего послѣдовало, какъ извѣстно, второе ограниченіе предѣловъ ея — второй раздѣлъ Польши.

Къ этому-то времени относятся тѣ акты, которые слѣдуютъ здѣсь за Докладомъ Депутации и Голосомъ Лещинскаго, т. е., три письма Феликса Потоцкаго, главы торговниковъ старыхъ порядковъ Польскихъ и основателя Торговичской Конфедерации, и товарища его, Северина Ржевускаго, писанные ими по провозглашеніи Уложенія 3-го Мая, и Плакатъ Генералъ-Аншефа и Главнначальствующаго Русскимъ войскомъ, дѣйствовавшимъ со стороны Литвы, М. Н. Кречитникова, при вступленіи его въ оную. Голосъ Лещинскаго, Письма Потоцкаго, Прошеніе къ Русской Императрицѣ и Плакатъ находятся въ томъ же самомъ собраніи Кречетниковскихъ бумагъ, какъ и Докладъ Депутации, въ переводѣ на Русскій, сдѣланномъ въ то же время. Письмо же Ржевускаго, равнымъ образомъ въ современномъ переводѣ, взято изъ моего собранія. Все это, сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ является у насъ въ печати, по крайней мѣрѣ, въ одеждѣ того времени.

О. Водяновскій.

Мая 2, 1865.

Москва.

ПРИМЪЧАНІЕ

§ 50-го на стихъ 9-й, которой, начинаясь съ половины, читается такъ: «Что край польской» и прочая.

«Замысль Россіи, чтобъ получить въ совершенное свое обладаніе ту часть области Польской, которая раздѣляетъ Западную Церковь отъ Восточной, не есть новой и когда либо отлагаемой; между многими обстоятельствами, показывающими древность сего намѣренія, стоитъ только взять на замѣчаніе слѣдующее. На сеймѣ 1768 года, когда все насилію Князя Репнина, основанному на могуществовѣ стоящихъ тамъ войскъ Россійскихъ, уступить приуждено было, по точной и непремѣнной его волѣ, въ полномочіи для трактованія съ нимъ, данномъ избраннымъ отъ Рѣчи Посполитой особамъ, изъ титула Короля Польскаго, въ заглавіи оцаго дѣла положеннаго, оставлены сіи названія: «Подольской, Брацлавской, Кіевской и Черниговской». Итакъ уже въ 1768 году Россія почитала для себя опредѣленными тѣ четыре Воеводства. А что она полагаетъ и до сихъ поръ въ таковомъ разчетѣ, доказываетъ прилагаемое здѣсь отъ Садковскаго къ Императрицѣ письмо; свидѣлствуютъ такъ же новѣйшія учрежденія, по которымъ возвращена Козакамъ прежняя въ образѣ ихъ жизни самовольность и необузданность и данной Князю Потемкину титулъ ихъ Гетмана».

Излишняя Правительства строгость, или чрезмѣрная управленскихъ жителей грубость, непросвѣщеніе и невоздержность суть обыкновенные поводы, которые заставляютъ подчиненныхъ

возставать противъ Начальства. Такогого роду бунты возгораются во всѣхъ Государствахъ; таковымъ безпокойствамъ подвержена была и Польша; новыми и страшнѣйшими обуреваются она теперь возмущеніями. Всякое жителей противъ Государственной власти движеніе, всякой родъ истребленія людей и земель строгимъ и ужаснымъ есть ударомъ. Но Польшѣ гораздо ужаснѣйшія грозятъ пораженія. Что въ другомъ мѣстѣ было бы временнымъ и переменнымъ случаемъ, но въ Польшѣ вѣрнымъ и всегда есть близкимъ несчастіемъ; что въ иномъ мѣстѣ происходитъ внезапно, въ Польшѣ же вырабатывается всего того расположеніе ея непріятельми, уже есть совершеннымъ и удачливымъ системы ихъ дѣйствіемъ. Самая дикость и безпокойное Козаковъ своевольство было единственнымъ источникомъ давнихъ въ Польшѣ бунтовъ; бунтовъ же и возмущеній позднѣйшихъ матерью сдѣлалась злобная сосѣдственнаго Кабинета политика. Когда, какими слѣдами, по какимъ степенямъ приключеніе домашнее перешло въ чужую систему, внутренней бунтъ въ Польшѣ переменился въ политическое теченіе Россіи, открылъ ясно Докладъ Депутаціи, назначенной допрашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ. Видъ того же политическаго плана, его начало и восхожденіе представить есть цѣль сего письма. Въ помянутомъ Докладѣ, наполненномъ многими письмами и вѣрными доказательствами, связь съ точностію соглашена. Хотя краткость письма сего удерживаетъ наблюсти подобную точность, однако важнѣйшія обстоятельства, важнѣйшія доказательства помѣщены быть могутъ; но ежели желаніе сокращенія многія особенныя происшествія пропустить дозволяетъ, то долгу, обязывающій строго хранить правду въ Докладѣ, не допускаетъ положить ничего такого, что не было бы основано на достовѣрныхъ доказательствахъ и свидѣтельствахъ.

Козаки, народъ, въ степяхъ обитающій, безъ правленія, безъ правды морализаціи, безъ власти, единовременно поставленной, и, что всего хуже, безъ просвѣщенія, народъ, не умѣющій господствовать и не терпящій правоправленія, первый далъ Польшѣ познать ния бунта, давалъ же многократно испытывать и пагубныя слѣдствія онаго.

До 1648 года всѣ внутреннія возмущенія, происходившія со стороны Козаковъ, раждались отъ единой ихъ распущенности. Труды, хлѣбонашествіе, порядочныя ослѣдствія не была для нихъ

обычайными, вѣра не служила имъ свѣтлыиномъ, не предшривала для нихъ наставленій, но и не побуждала къ каковымъ либо возмущеніямъ. Ежели свѣтъ ея распространился позже до дикихъ пустынь, гдѣ Козаки заблуждали и скитались, вѣра Греческая въ то время была безпреткновенно исповѣдуема всеми оной земли жителями; раздѣленіе вѣры послѣдовало въ 1595 году, когда Митрополитъ Кіевскій, Архіепископъ Іюлецкой и Холмской посланы были засвидѣтельствовать Папѣ именемъ другихъ единогласіе съ Римскою Церквою. Почему Князь Константинъ Острожской, прогнѣвавшись за несношеніе въ томъ съ нимъ, и уговоривши многихъ, ему преданныхъ, въ единомышленность съ собою, положили начало распрямъ и недоувѣрчивости въ послѣдстванныя времена.

Сколь многія по раздѣленіи Греческой Церкви въ Украинѣ ни случались возмущенія, и дѣла и права Польскія свидѣлствуютъ, что они не имѣли ни какого сдѣленія съ разностию вѣры; различные способы въ отправленіи Богослуженія раздѣляли только единовѣріе между обывателями, но религія не входила ни дѣйствіемъ, ни именемъ въ производство замѣшательства, которыхъ бытіе хранится въ Государственныя записки, и которыхъ неложность являютъ плачевныя памятники въ могилахъ и опустошеніяхъ.

1648 годъ былъ годомъ чрезвычайныхъ злоключеній: Польша лишилась Владислава IV; Хмельницкой, поссорившись съ Губернаторомъ Чегринскимъ, отнявшимъ деревню, подаренную ему Гетманомъ Конецпольскимъ, возмущаетъ Козаковъ, однимъ вуншя прятѣсеніе ихъ вольности, другимъ нарушеніе вѣры. Сіе-то есть первое время, въ которомъ фанатизмъ вѣры, соединившись съ таковымъ же вольности, употреблены были лучшими средствами къ произведенію возмущеній.

Сперва Хмельницкой соединилъ дикость свою съ дикостію Татаръ. Сіи, будучи прельщены добычами, а не представленіями его, не могли быть совершенно полезными и годными для него сотоварищами, по тому онъ и искалъ иной связи. Москаль, котораго фанатизмъ вѣры, равно какъ невѣрность къ сосѣдамъ, былъ національнымъ характеромъ, обѣщаетъ Хмельницкому дать руку помощи и посылаетъ въ Польшу опустошеніе: вотъ первой шагъ,

при которомъ Россія объявляетъ себя покровительницею Польскихъ Неуніатовъ; вотъ первое замѣшательство, къ порожденію котораго Вѣра служитъ побужденіемъ. Въ то время хотя можно сказать, что Россія завела натуральную съ единовѣрцами своимъ въ Польшѣ партію, однако жъ, управляясь тогда Вѣрою, признавая начальство Восточнаго Патріарха, а не такъ какъ позже управляясь Вѣрою своею, не утвердила основательной системы для владычествованія надъ Поляками, но, стараясь при всякомъ случаѣ пользоваться ослабленіемъ Польши, заграбивъ въ ней земля, населенныя больше Неуніатами, Кіевъ, столичный городъ, которой, по силѣ Андрушевскаго мира въ 1667 году обѣщалась по двухъ дѣтахъ возвратить Польшѣ, въ противность онаго договора, удержала за собою. Сей городъ, прославленный пещерами, есть сильнымъ и привлекательнымъ предметомъ Польскихъ Неуніатовъ. Въ тѣ времена Греческая Вѣра, водворяющаяся въ Польшѣ, зависѣла отъ высочайшей власти Константинопольскаго Патріарха; въ Россіи духовная власть управляла самими Царями. Когда между побужденіями къ бунтамъ обманъ Хмельницкаго присоединилъ ревность къ Вѣрѣ и наследникамъ предалъ искусство посредствомъ сего ослѣпить народъ, Дорошенко возмутилъ Козаковъ и, согласясь съ Татарами, былъ виновникомъ продолжительной, кровопролитной и убыточной войны: ея слѣдствіемъ было отпаденіе Каменца, къ чему способствовали измѣны Неуніатовъ, кои, подъ видомъ духовныхъ надобностей, выходя въ Турцію, пріускоряли тѣмъ несчастіе своего отечества. По поведѣнію чего воспрещено было 1676 года закономъ выѣзжать за свои предѣлы и всякое отношеніе къ Патріарху Константинопольскому было заповѣдано.

Такое удержаніе, нужное по тогдашнимъ обстоятельствамъ, обратилось со временемъ во вреднѣйшее паче прежняго слѣдствіе. Неуніаты Польскіе, не имѣя болѣе сообщенія съ начальствомъ въ Турціи, увеличили свои побужденія, чтобъ быть въ Кіевѣ, яко мѣстѣ прелестномъ и другими своимъ надобностями.

Въ 1686 году при Іоаннѣ III воспослѣдовало подтвержденіе Андрушевскаго замиренія, Кіевъ одѣлался столицею Митрополіи, и Греки, живущіе въ Польшѣ, пріобыкли почитать Греховъ Російскихъ начальниками своимъ, или, по крайней мѣрѣ, пріятель-

скимъ обществомъ. Пришло время царствования и закивательства Августа II, Достоянная Петра Великаго для него дружба можетъ считаться началомъ основательнаго соединенія Польскихъ съ Россійскимъ Духовенствомъ. Сей Государь предпріялъ укрѣпить власть Россійскаго Духовенства насамомъ нравственнымъ состояніи, объявляя себя главою Церкви и правленіе духовное совокупитъ съ политическимъ. Съ тѣхъ поръ Владѣтель Россіи есть Государемъ Свѣрь, и повелѣнія Синода суть начертанія руки Монаршей. Происшествіе, случившееся по смерти Августа II, послужило къ тѣснѣйшему соединенію народа Польскаго съ Россійскимъ. Тогда партія, желающая въ Короли Станислава Лещинскаго, призвала въ помощь Козаковъ, бывшихъ подъ покровительствомъ Турецкимъ, которые, по повелѣнію Хана Татарскаго, отдавшись Царицѣ Россійской, Аннѣ Іоанновнѣ, Украинцу, Подолію и Волынію разорили.

Владѣніе Августа III хотя освобождено было отъ всѣхъ возмущеній, но частымъ нападеніемъ со стороны Сѣчи Запорожской было обезпокоиваемо, и хотя въ то время по видимому царствовала тишина въ Польскихъ предѣлахъ, однако пограничная часть Россійской Украины, будучи всегда жителей Польскихъ въ опасности, совѣтъ почти лишена кѣнобашества Польскую Украину.

Молодежь Украинская, Сѣчь и Запорожцы имѣли училищемъ своимъ Духовенство Греческое; Кіевъ почитался раздавателемъ спасенія. Рѣчь Посполитая ни мало не мыслила о себѣ, не имѣла власти подать помощь Правительству, управлялась сама собою, и не видно было Начальства, которое потеряла она разногласіемъ на Сеймахъ. Миръ и роскошь усыпали бѣднѣе будущее, опасностей и общественныхъ нуждъ даже и видѣти въ Польшѣ не хотѣли. Россія не преминула обратить въ свою пользу таковое нерадіе Поляковъ, не упустила областять Неушаговъ, и чрезъ то поселить и умножить въ нихъ склонности къ чужой Державѣ, а увеличить отвращеніе и ненависть къ своей собственной. Тутъ настало время ужаснѣйшее: въ немъ бунты уже не случайныя, набѣги зависятъ уже не отъ одной временной безпечности и неосторожности.

Послѣ установленнаго въ 1676. году права, которымъ запрещено сообщаніе Неуміатовъ Польскихъ съ Патриархомъ Восточнымъ, послѣ неправильнаго отпаденія города Кіева отъ Польши, Неуміаты тамошніе, а особливо епископъ Духовенство, и науки, да и самое пострижаніе являлось отъ Россіи. Матривою же Кіевская вышняя была ихъ начальствомъ, поименно Неуміаты, по своему мѣстопробыванію, принадлежали Польшѣ, а умысливъ и склонности къ Россіи; словомъ, Польское Неуміаты были Россійскою Епархією.

Могилевъ и Полоцкъ и части, послѣдними кордею забранныя, принадлежали еще къ Польшѣ. Кониской, Епископъ Могилевской, былъ подданный Правительства Польскаго; но будучи невольникомъ Синода Петербургскаго, сдѣлался пружиною Россійскихъ намѣреній и учинился измѣнникомъ Польши. Онъ первый началъ вводить догматы Вѣры въ соединеніе съ политическою правительствующею властію. Онъ первый обучалъ согласовать приверженность къ Вѣрѣ съ политическою подчиненностію Россіи; онъ употребилъ усилившійся фанатизмъ средствомъ для введенія Неуміатовъ въ Россійскую народю, Поляковъ опредѣлилъ добычею Россійскимъ невольникамъ; онъ обучалъ такъ, какъ умѣлъ, а умѣлъ такъ, какъ былъ обученъ; учителемъ его былъ дукъ Россійской, вѣнчанъ Польскою службою за заслугами Россіи, въ такой-то школѣ и подъ руководствомъ такого-то учителя началъ въ 1758. году проходить Садковской науки, со временемъ сдѣлавшись по своему понятію Архимандритомъ Слуцкимъ, а потомъ, ради своей къ таковымъ наукамъ вѣрности и прилежанія, за почетомъ учителя, вышелъ Епископомъ Переясловскимъ.

Виды, сколь измѣнническіе въ разсужденіи Польша, столь доверные Россіи, способность, злобному желанію соответствующая, штиль хитрый, сходный съ фанатизмомъ, видѣнь въ двухъ рѣчахъ Конискаго, говоренныхъ 1765. году Императрицѣ и Императрицу въ Петербургѣ. Онъ, будучи тогда Польскимъ жителемъ и подданнымъ, описывалъ въ нихъ Вѣру, господствующую въ краю, хищнымъ волкомъ, благодарилъ посторонней Государынѣ за принятіе средствъ, преподанныхъ имъ на защищеніе пасомыхъ его овецъ; въ оныхъ, отдавая себя въ ея подданство, обѣщается приобучать свою паству къ одинаковой зависимости, Кониской, получивши Могилевское Епископство, первѣйшимъ почелъ долгомъ

оглашать процессомъ сестоядіе Цоцскихъ Неучіатовъ, описывая въ немъ простоту Духовенства. Не духовная ревность была причиною онаго оглашенія, ниже незнаніе наукъ, свойственнаго тому званію, простотою почитаемо было, а подчиненность Петербургскому Синоду начинала становиться повинностію духовнаго званія и членомъ Вѣры; тотъ назывался простакомъ и достойнымъ презрѣнія, которой раздѣлялъ свою подчиненность между Синодомъ и другимъ Начальствомъ, или не соединялъ вѣру въ Бога съ вѣрою въ Синодъ.

Дабы таковую простоту дѣйствительно видѣти въ просвѣщеніе и науку, и дабы вдохнуть слѣдѣ къ Россіи повнорочіе, монаховъ и поповъ ма ншшіа и дысшіа старени, хитрыхъ, фаматиковъ и къ исполненію злобнаго плана приспособленнаго насылать стали изъ Россіи въ Польшу, хотя опытъ распространяемаго сими способомъ просвѣщенія скоро и не удадеа. Въ 1765 году Харько, Сотникъ Жаботинской, началъ поднимать бунтъ, Князь Черторыйской, Воевода Русской, парти Украинской тогдашній регементарь, предварилъ несчастія, ускорилъ опасность. Его команду возмутителя пойманъ и наказанъ, сообщники же, потерявши предводителя, разсѣлись, чрезъ что пагубный бунтъ обратился въ спрѣкшіе. Между тѣмъ Россія, присвоивъ себѣ право возмущать Поляковъ и раздѣлять ихъ, укрѣпляла свою систему, дабы владѣть ими. Диссиденты, будучи обмануты, возстали противу Начальства, поставленнаго въ ихъ отечествѣ, а оружіе содѣлственное, больше себѣ, нежели для нихъ полезное, предписывало законы въ Польскихъ предѣлахъ; измѣны, безчестія и насилиства, коими Россія нещадно жаловала Поляковъ, не могли для нихъ болѣе бытъ емоеными и ниже сильны изгладиться изъ памяти до сего времени. Шаги люгѣйшаго въ чужомъ правленіи деспотизма великое произвели неудовольствіе въ Европѣ, чрезвычайно оскорбили человѣческое и народныя права, ища сокрытиса отъ пронципальности публики. Напротивъ того ясно открываются перевороты Россійской политики, ежели только вспомнить ихъ, а не начинать доказывать. Россія не искала спокойствія между господствующею Вѣрою и Диссидентами, будучи прилѣплена ко принятымъ ею правиламъ: «Раздѣли и управляй!» искала случаевъ производить волненія въ Польшѣ и тамъ господ-

сѣдовать. Въ такомъ то духѣ Диссиденты ревнато исповѣданіи сѣдинены, и Греховъ Восточнай Неуніатскай Вѣра черышь считалась предложомъ ея вниманія.

Сеймъ 1768 года Трактатомъ для Диссидентомъ, безчестіемъ для Престола и народа Польскаго, насиліемъ для столицы, неволю для лицъ законодательствующихъ, границею установлений въ вольномъ краю памятный, положили основаніе къ вѣщнымъ злоключеніямъ Поляковъ. На ономъ Сеймѣ Коняской, Епископъ Могилевской, считается еще жителемъ Польской области, былъ предетелемъ со стороны Неуніатовъ, или лучше сказать, управителемъ Россійскимъ въ Польшѣ дѣлъ. Гордость и хитрость веводомъ, несправедливость основаніемъ, обманъ и насиліе орудемъ, а неволя Поляковъ была намѣреніемъ оного дѣла, названнаго трактатомъ 1768 года. Объясненіе всего основанія оного Трактата было бы явнымъ насиліемъ и обидѣ, причиненныхъ отъ Россіи Польшѣ, доказательствомъ, и чрезъ сіе открылось бы пространѣйшее къ разсужденію поле. Но какъ ближе подходитъ къ содержанию сего письма и яснѣе открываетъ замысль, Россіи, дабы установить свою власть между Неуніатами Польскими, особенное дѣло о Диссидентахъ, возложеное на Поляковъ при томъ же Трактатѣ, то и нужно упомянуть о нѣкоторыхъ статьяхъ того дѣла.

Артикуль 1-й § 1.

Россія признаеть въ помянутомъ дѣлѣ, что Вѣра Католическая вѣчно имѣеть владычествовать.

Дѣло заслуживаетъ быть вообщеннымъ, что сей Трактатъ, данный отъ Синода Архимандриту Сажновскому, за враніемъ, и въ его Архивѣ найденный, перепечатанъ въ Россіи, но въ немъ оудены сіи слова: «и вѣчно имѣеть владычествовать.»

Лишь сей объявляетъ уголовнымъ дѣломъ всякое отступленіе отъ Римской Церкви и прилѣпленіе къ другой Вѣрѣ, а въ наказаніе назначаетъ изгнаніе изъ Государства.

Убвидають доказательства, что Россія тудидась съ умыслу пресоблать таковымъ преступленіямъ въ Польшѣ, дабы по сему, какъ преступленіями, такъ и наказаніями, могла пользоваться.

Польша, не наказывая, видитъ у себя ежечасное умноженіе подданныхъ Россійскихъ, а наказывая, узнѣла бы появившіяся дустыни отъ потерянныхъ жителей; въ обоихъ случаяхъ едѣла Россія положенія, по видимому, благоприятствующія Польшѣ, въ самомъ же дѣлѣ полезныя для себя.

Далѣе, позволяетъ Диссидентамъ установить Синодъ, собственныя Консисторія, и исключаетъ отъ всякой зависимости; напротивъ того Неуніатамъ не назначаетъ ни какого начальства и высвобождаетъ ихъ изъ подгосударственнаго правленія.

§ 5, 6 и 7.

Бѣлорусское Епископство, бывшее въ управленіи Конискаго, предлагая высшимъ Начальствомъ Митрополію Кіевскую и обезпечивая отъ всякой другой зависимости, отдаетъ прямо Польскихъ Неуніатовъ Россіи въ подданство.

§ 8.

Исключаетъ Семинаріи и школы Неуніатскія отъ всякаго краеваго Начальства, оставляя ихъ подъ властію Неуніатскихъ Епископовъ, подверженныхъ уже Россійской власти.

§ 11 и 14.

Устанавливаетъ помѣщичье право для помѣщиковъ всякой Вѣры, но также ограничиваетъ для помѣщиковъ Католическихъ, обязывая ихъ, чтобъ представляли рекомендованныхъ Епископами Священниковъ. Здѣсь нарушенное право умѣла Россія уничтожить позднѣйшимъ исполненіемъ.

Оставить уже можно другія части того Трактата, ибо здѣсь приведенныя довольно могутъ доказать, какъ Россія приспособляла для себя между Неуніатами подданныхъ въ чужомъ владѣніи, какъ въ нарочитомъ видѣ расширила свою власть надъ всѣми частями владѣнія Польскаго и, основывая оную на внутреннемъ несогласіи, думала, что, поддерживая междоусобіе въ Полякахъ, получить въ свои руки право защищать однихъ противъ другихъ и возметъ Королевство Польское въ свое достояніе.

Такимъ образомъ Россія, обезстрашивая свои корысти, тщалась дать видъ важной неправильнымъ своимъ шагамъ; къ оказанному Императрицею Диссидентамъ защищенію, присоединяя согласіе на то союзныхъ Королей, Англійскаго, Прусскаго, Шведскаго и Датскаго; но ни одинъ изъ сихъ Дворовъ ни подписаніемъ, ниже ратификаціею справедливость сего содѣйствія не подтвердилъ, а недавные ихъ поступки, какъ то великодушная пріязнь, сдѣланная ближайшимъ сосѣдомъ Фридерикомъ Вильгельмомъ, Польшѣ, возстающей изъ подъ развалинъ своихъ и свергающей чужое иго, доказываетъ разницу сего Государя между намѣреніями Россіи: оный умножаетъ славу свою возвращеніемъ Польшѣ ея правъ, сія же ищетъ всегда вознестя и возвеличить гордость свою на пониженіе и невольничество Поляковъ.

Исполнилось уже желаніе и приуготовленіе Россіи; Шляхетство не вытерпѣло всѣхъ обидъ, которыми обременяла его сія Имперія, народъ Польскій раздѣлился: одни покорились превозможеніямъ несчастія, другіе въ немъ жить не хотѣли; повсемѣственное возмущеніе раждало въ братѣ на брата подозрѣніе: тотъ, которой искалъ дѣла спокойствія, сталъ добычею Россійской ненасытности; тотъ, который вышелъ на поле для обороны, былъ жертвою ихъ жестокости. Но не довольно казалось сего несчастія для тѣхъ, кои жаждали гибели Поляковъ; употреблено другое орудіе, котораго дѣятельность остается навсегда: положено возстановить бунтъ. Желѣзнякъ, Тименко, Бондаренко, предводители Запорожскіе, пришли къ Мотренскому монастырю, возмущая народъ внушеніемъ насильства яко бы Вѣры; онъ, прельстившись покровительствомъ Монархини Россійской, торжественное отъ поповъ и монаховъ принималъ благословеніе на замысль свой: тридцать тысячъ собралось вооруженныхъ; опасность, сопровождаемая кровопролитіемъ и опустошеніемъ, переходила изъ Украйны въ Волинію и Подолію. Браницкой, Гетманъ Великій Коронный, бывши въ то время Ловчимъ Короннымъ и Генераломъ артиллерійскимъ, усмирилъ сей бунтъ. Гоцга, Шило, предводители Рѣзы Уманьской, и прочіе ихъ сообщники во разныхъ Украйны Воеводствахъ, въ Русскомъ, Волинскомъ и Подольскомъ казнены; Запорожцы, участвовавшіе въ томъ бунтѣ, охранены Россійскимъ войскомъ отъ наказанія, будучи взяты въ

Россію. Польша жестокость ихъ понесла, но не видѣла должнаго на нихъ ищенія; въ глазахъ Правительства Россійскаго больше награжденія, нежели наказанія, достойными явились тѣ, которые помогали обогреть кровію Польскую землю и устлать ее бездыханными трупами; опека Россійская исхитила ихъ изъ рукъ правосудія того края, въ которомъ происходили тѣ злодѣянія. Сіе должно приписать недреманному бдѣнію и осторожности, дабы Начальство Польское, по признаніи собственныхъ виновниковъ, не уразумѣло перваго и существеннаго побужденія къ бунту. Но не уже ли таковая осторожность послужила къ оправданію Россіи? Напротивъ того, больше обвиняетъ ее. Запорожцы Россійскіе суть заводчики бунтовъ.

Монахи и попы Неуніатскіе благословляютъ замыслъ, Россія охраняетъ предводителей отъ наказанія, не токмо защищаешь, но и чинами награждаетъ.¹

Узнавши сіе, можно ли сомнѣваться, откуда вдохновеніе, помощь и покровительство бунта происходитъ? Прикрытый, а не угашенный, тотъ огонь возгарается тѣмъ же орудіемъ въ слѣдующемъ году.

Тименко, тотъ самый, что и въ прошедшемъ году, Паченко и Журба, Запорожцы, въ трехъ партіяхъ около 1000 человекъ, причинили чрезвычайное опустошеніе, первой подъ Звенигородкою, второй между Звенигородкою и Лисичкою, а третій подъ деревнею Ольховкою, разбиты и разогнаны командою Степиковскаго, Региментаря партіи Украинской.

Ежели они далѣе не подвигались и не возобновляли послѣ того ударовъ на Польшу, въ чаяніи добычи, то не человѣчеству, ниже справедливости, удержатъ и пресѣчь кровопролитіе усвоить надобно. Но когда весь край Польской довольно уже былъ при-

¹ Мельхиседекъ Яворской, Неуніатской монахъ, поощряющій во время той рѣзни, котораго дѣйствіемъ нѣсколько десятковъ приходоу Уніатскихъ дерѣвнѣны на Неуніатскіе, котораго занятіемъ было безчеловѣчіе и жестокость, живетъ и понынѣ въ Россійскомъ Государствѣ и имѣетъ высокой чинъ; самаго Желѣзняка недавно тѣмъ же видѣли, живущаго въ волѣ и въ изобиліи.

тѣнень, дабы Россія безопасно могла его презирать, почему и сочла за нужное оное охранить отъ коварнаго разоренія ту часть, которая въ теченіе войны съ Портою кормила ея солдатъ, и которая съ тѣхъ поръ по имени была Польскою, а въ самомъ дѣлѣ чужою: оная часть (какъ ниже откроеть замысль и доказательства) назначена была для Россіи.

Съ 1768 года, оной эпохи, полезной для Россіи, а для Поляковъ вредоносной, до второй, которая назваться можетъ произведеніемъ первой, то есть, 1773 годъ, когда край Польской захваченъ и новыя тамъ предписаны были права, въ сокровенности, которая есть обыкновеннымъ убѣжищемъ возникающимъ злодѣйствамъ, усиливалась нечувствительно система, готовящая Россіи владѣнію, Польшѣ измѣны, замѣшательства и нестастія; неослабно изыскиваемы были надлежащія средства къ возбужденію фанатизма, для приученія жителей Польскихъ къ правленію постороннему; все Польское старались преогорчевать, а Россійское растворять сладостію. Орудіемъ опредѣленъ былъ, по исполненію предположенныхъ замысловъ, Садковской, тогдашній Намѣстникъ Епископа Могилевскаго; онъ упражнялся подъ смотрѣніемъ своего учителя, временемъ и трудами жертвовалъ преуспѣнію въ наукѣ, какъ быть послушнымъ, искуснымъ и вѣрнымъ въ служеніи касательно злобнѣйшаго противъ Польши намѣренія.

1773 годъ предопредѣлилъ къ новымъ занятіямъ Садковскаго: онъ Конискимъ, Епископомъ (какъ называлъ его Трактатъ 1768 года) Бѣлорусскимъ, приведенъ былъ духовникомъ къ господину Штакельбергу, Россійскому Посланнику въ Варшавѣ. Нуженъ на то мѣсто Садковской для сохранения переворотовъ, какіе положены были къ произведенію скрытной системы въ разсужденіи Неуніатовъ Польскихъ: было то мѣсто способное къ исцѣтанію его искусства въ службѣ, была то новая школа для преподаванія ему того, чтобы могло недоставать въ немъ къ совершенному дальнѣйшихъ предпріятій исполненію. То время предупредило оный Трактатъ, памятный потерями и уничтоженіемъ Польши, котораго слѣдствія открылись прежде раздѣленіемъ земли, нежели былъ онъ заключенъ.

Россія, желая прикрыть нѣсколько шаговъ своихъ неистовствъ, общается въ Трактатѣ, единымъ своимъ насильствомъ диктован-

номъ; гарантировать на вѣчныя времена дѣйствительныя и настоящія ея владѣнія; спустя пять лѣтъ онѣ обидѣваются и сосѣдствъ отнятыми, посредствомъ таковой гарантіи, удѣлами и собственными распространить границы. Но не тутъ еще конецъ небрежности и олобы, отрясающей къ погубленію Полковъ. Похищеніи земли Польскія, себѣ сопредѣльныя, исполнить дѣйствіе однихъ вѣнысловъ, къ дальнѣйшимъ прокладывать дорогъ не оставляетъ, для утвержденія своего господствованія и въ прочіихъ частяхъ Польши.

Удивленія и разбирательства достойнъ шагъ Россіи, сколько смѣлой, столько и искусной. Неуніатовъ Польскихъ, которыхъ доселѣ тайно къ подданству своему приспособляла, въ другомъ дѣлѣ, при Трактатѣ 1775 года, гласно уже называетъ своими подданными; пріотѣненіе, обманъ и искусный оборотъ въ словахъ, ежели съ перваго взгляду подлиннаго ихъ значенія, примѣтитъ не дозволяетъ, при повторительномъ со вниманіемъ чтеніи они довольно ясными представляются.

Артикулъ 9-й, гдѣ, для разбирательства, обоюдныхъ между Грекоуніатами и Неуніатами жалобъ, созвана была Коммисія, оканчиваютъ сіи слова: Между тѣмъ, дабы отнять случай къ подобнымъ жалобамъ, обѣ стороны, заключающія сіе согласіе, издадутъ строгое повелѣніе взаимнымъ своимъ подданнымъ, дабы ожидали въ совершенномъ спокойствіи рассужденія помннутой Коммисіи, а воецнымъ въ то же время возбранено будетъ вмешиваться и защиту давать, или вооруженную помощь, кому ни будь въ вышесказанныхъ разбирательствахъ. Чтобы хорошо въразумѣть сей артикулъ, надобно помнить, что стороны заключающіяся суть Россія и Польша, что взаимныя подданныя есть Нѣмцы и Уніаты, обитающіе въ Польшѣ.

Трактатъ 1775 года умалаетъ нѣсколько тѣ выгоды и прерогативы, которыя Диссидентамъ дозволены Трактатомъ 1768 года; все то, въ чемъ Трактатъ 1768 года утвердилъ господствованіе надъ Польскими Неуніатами, всѣ кондиціи, изъемающія ихъ изъ подначальства Польскаго и поручающія во власть Россійскую, всѣ артикулы, вышеупомянутые въ семъ письмѣ, не только не нарушены, но и болѣе подтверждены были.

Новое и ясное представляется доказательство, что Россія, маня Диссидентовъ Польскихъ и возмущая ихъ противу своего собственного отечества, ни Вѣру, ни Диссидентствъ, ниже:вольность разновѣрія, но приращеніе гордости и господствованія, имѣла тайною своею цѣлю. И такъ весть тѣмъ, что пособствовало ихъ свободѣ, улобно вожегтовала Россія основанію своихъ замысловъ, свергъ того воложила Неуніатовъ Польскихъ учинить своими подданными. Да и успѣла въ томъ много: уже въ Трактатѣ отважилась назвать ихъ своими подданными; не нужна была политика болѣе къ сильнѣйшему произвожденію дѣла, потребно было единое ихъ отвращеніе отъ Поляковъ. Ласкательство, очаровавшее Неуніатовъ предварительными выгодами, послужило средствомъ къ поощренію ихъ ненависти противу правленія Польскаго. Такъ точно толкуеть непремѣняемая никогда политика Россійская и открываетъ дѣйствительную причину переменъ, изображенныхъ въ Трактатѣ 1773 года, лестныхъ Польшѣ по одной наружности.

Въ слѣдующихъ годахъ не утомилась зоботливостъ Россійская прилежнымъ поддерживаніемъ предпринятаго плана. Время и обстоятельства втекали въ усугубленіе таковой попечительности и сближали гибель правленію Польскому. Изъ нѣсколькихъ тысячъ писемъ, которыя приводятъ нѣтъ нужды, да и наблюденіе краткости не дозволяетъ ихъ вносить здѣсь, очень видно, какую должность отправлялъ Садковской подъ именьемъ духовника Посольства, какое имѣлъ смотрѣніе въ защищеніи Неуніатовъ Польскихъ, какія прилагалъ старанія, чтобы неудовольствія тѣхъ Польскихъ жителей не ослабѣвали противъ Римлянъ, какъ порядочно велъ переписку, сберегая ее въ нарочныхъ журналахъ. Превратная политика признала фанатизмъ дѣятельнѣйшею дружиною, стараясь его возжигать и всячески распространить. Новы и прочее духовенство, издавна по представленіямъ помѣщиковъ устанавливаемое, приобыкшее признавать старшинство Патріарха Восточнаго, не могло дать Россіи, по желанію ея, неограниченной подчиненности, и, напротивъ того, будучи подозрѣваемо въ своей способности, не могло равно выиграть Россійскую довѣренность. Почему новыхъ и въ фанатизмъ испытанныхъ поповъ, безъ требованія представленій помѣщичьихъ, не взирая ни на какія олобренія, помѣщали на всѣ почти вакансіи въ Польшу.

Наконецъ, прѣстерши свое вниманіе на обстоятельства, по вливному, маловажному, желала Россія, дабы самое имя напоминало Неуніатамъ Польскимъ новое ихъ начальство; вмѣсто названія Греко-Восточными, какое до того имѣли, въ сходствіе своихъ намѣреній и по свойству дѣла, Греко-Россійскими именовать ихъ начала въ партикулярныхъ и публичныхъ письмахъ.

Все сіе приготавлило господствованіе Россіи надъ Польскими Неуніатами. Перейдемъ ко временамъ, въ которыхъ мы узримъ дѣйствительнаго господствованія доказательства.

Изъ таковыхъ первымъ есть убѣжденіемъ Указъ Императрицы Россійской, изданный въ 1780 году, Февраля 24 дня, присланный изъ Синода Петербургскаго въ Консисторію Переясловскую, въ Польшу, монаху Орлову, которому жительство имѣть предписывалъ въ Богуславскомъ монастырѣ на Украинѣ Польской.

Указъ, слово, въ Польшѣ незнаемое, тѣмъ больше не испытанное въ такомъ стилѣ распоряженій, постороннее господствованіе въ правленіи вольнаго народа, удивитъ точно читателя, но приближаются ужаснѣйшія времена, въ которыхъ и оныхъ писаній родъ сдѣлался обыкновеннымъ, и всѣе ознаменовываютъ деспотизмъ Россійской Императрицы, вводимой ею въ чужомъ Государствѣ. Напоминаніе объ Указѣ Синодскомъ, кажется, требуетъ описанія, что то есть Синодъ? Не описанія слова общаго значенія, но такого, которое собственно приличествуетъ Петербургскому Синоду. Оный Синодъ не значитъ собраніе духовное, которое бы, трактуя объ однихъ дѣлахъ Вѣры, обрядахъ и обычаяхъ, предписывало правила духовныя, но есть собраніе членовъ, подчиненныхъ главѣ, какова есть Монархиня. Синодъ есть часть кабинета, получающая повелѣнія для распубликованія и для исполненія помощію дѣятельнѣйшей пружины, какова есть фанатизмъ, которой возбуждать и удерживать долженствуетъ Россійское Духовенство.

Опредѣленія Монархини почитаются Святыми отъ Синода. Синодъ ведаеть то только для обнародованія, что велитъ Монархиня. Вѣра въ ономъ Государствѣ есть существеннѣйшею частью политическаго правленія, служить стражемъ повиновенія слѣпому деспотизму, а Духовенство инструментомъ оного. Та-

новъ есть Синодъ Россіи, таковымъ же и для Польши сдѣлать его старались.

1783 годъ объясняетъ болѣе систему и тайности обнаруживаетъ: трудности и препятствія преодолѣнныя воспособствовали далѣе подвинуться въ исполненіи замысловъ.

Смерть Волчанскаго, Слуцкаго Архимандрита, послѣдовавшая въ томъ году, можетъ почтеться полезнымъ для Россіи приключеніемъ. Онъ не упражнялся въ той школѣ, гдѣ приобучали къ фанатизму и неистовству тѣхъ, которымъ назначали жить въ Польшѣ. Возросъ и состарѣлся, зная разницу между народами, зная вѣрность къ отечеству и почтеніе къ начальству его, зная главу въ Восточныхъ Патріархахъ, чего для не имѣлъ довѣренности и не былъ употребленъ къ исполненію секретныхъ порученій.

Въ сходственность замысловъ Россійскихъ, исчезли тѣ вредныя препятствія; съ тѣхъ поръ смѣлые ея шаги одинъ за другимъ послѣдовали, и не видно ни какой разницы между поступками Россіи съ своими подданными и съ подданными Польскими.

Касательно малѣйшихъ распоряженій воля Императрицы Россійской объявляема была въ Польшѣ чрезъ Синодскіе Указы; перемены Епископовъ и чиновъ Духовныхъ въ Россіи были матеріею таковыхъ въ Россіи Указовъ, изъ которыхъ одинъ объявилъ возведеніе Конискаго на Архіепископство и опредѣленіе его Синодальнымъ Членомъ.

Независимость чужаго правленія насиліе терпитъ отъ Монарха, который распубликовываетъ свои повелѣнія въ предѣлахъ не подвластнаго себѣ Государства; но Императрица Россійская, не полагавшая границъ присвоенной своей власти, далѣе и далѣе распространяетъ незаконное свое владычество въ посторонней Державѣ. Указъ ея, безъ вѣдома Правительства Польскаго, поставилъ чиновника, главнаго начальника Духовенства Неуніатскаго, вмѣсто представленій владѣльческихъ, которымъ должны предходить такое комплектованіе, выдаетъ новой формалитетъ, то есть, рекомендацію Послапшина и Совѣтника того же

Посольства.¹ Вступилъ въ правленіе должности Архимандритъ Садковской, опредѣленный Указомъ Россійскимъ, безъ одобренія владѣльца Польскаго помѣстья, которое и не скоро послѣ того получилъ отъ Князя Радзивила, Воеводы Виленскаго. Не скрывала Россія, что почитаетъ себя выше всякаго права чужаго Государства, не ожидала одобренія и не сомнѣвалась въ успѣхахъ своего постановленія.

Мѣсто предшественника, мало способствующаго предпріятіямъ Россіи, лучше умѣлъ заступить преемникъ, долговременноотію и довольнымъ испытаніемъ приспособленный къ исполненію замысловъ, будучи семнадцать лѣтъ сообщникомъ Конискому и потомъ живучи девять лѣтъ при Посланникѣ въ Варшавѣ, Его ревности одолжена Россія основательнѣйшимъ внушеніемъ подданства себѣ въ Польскихъ Неуніатовъ; при жизни Волчанскаго подброшенная книжка въ Польшѣ, стараніемъ Садковскаго роздана была всему Неуніатскому народу, который творцемъ былъ фанатизмъ съ деспотизмомъ; она называется: «Сокращеніе Катихизиса», общааетъ преподавать правила, какъ чтить Бога и хранить челоуѣколюбіе, но содержаніе и цѣль ея есть: дабы обучать и располагать народъ къ богопротивнѣйшимъ и несовѣстнымъ съ челоуѣчествомъ замысламъ; изъ той-то книжки, въ которой вѣрность интересамъ, подданство Монархамъ Россійскимъ, артикуломъ Вѣры и кондиціею спасенія почтены суть, взято и оное очевидное доказательство злобнѣйшихъ замысловъ, и служитъ доводомъ искусства подкрѣплять оныя, каковымъ есть предписанная отъ Синода для Священниковъ присяга. Указъ Императрицы изъ Синода, въ 1768 году въ Россіи объявленный, установилъ, чтобы всякой посвящаемой Священникъ присягалъ, и такъ оную присягу дѣлали всѣ тѣ, которые посвящались въ Россіи для Польши, а наблюденіе, чтобы то же исполняли и въ Польшѣ живущіе, предоставлено ревности Садковскаго.

Читающій ту присягу пусть разсудитъ, кто въ ней первой, Богъ, или Москаль? Кому прежде, кому торжественнѣе обѣщана Вѣра, Богу, или интересамъ Россійскимъ? Пускай размыслитъ, къ

¹ Смотри о томъ Указъ Императрицы и Синода.

какому то роду замысловъ секретъ нужнымъ быть могъ? А знаешь, что Синодъ и Кабинетъ Петербургскій значать одно, нуль самъ пріищеть свойственнѣйшее политикѣ Россійской значеніе и названіе; для писателя найострѣйшее выраженіе показалось слабымъ и недовольнымъ.³

Многочисленные доказательства подтверждаютъ сказанное о прошедшихъ временахъ. Еще больше писемъ на будущія времена доставляетъ порядочная Садковскаго Архива. Весьма часто пересылаются Указы отъ Императрицы и изъ Синода въ Польшу чрезъ Кіевскую Консисторію, частые Универсалы, повелѣнія шіе отправлять торжественныя празднованія Россійскія, публичныя молебствія за Императрицу и ея Царской Дочъ. Не рѣже такъ же переходятъ репорты регулярныя отъ Архимандрита о исполненіи Указовъ въ Синодъ и о приключеніяхъ, въ Польшѣ воспослѣдовавшихъ. Попы Россійскіе безъ одобреній воеводъ вступаютъ въ Польскіе приходы; словомъ, въ Россіи дѣлались распоряженія всему тому, что слѣдовало къ исполненію, хотя бы было маловажно; въ Россіи хотѣли знать обо всемъ, не допускали другихъ видовъ, могущихъ показывать иное каковое либо Начальство, кромѣ ея единого.

Садковской, будучи въ непрерывной связи съ Конискимъ, первымъ изобрѣтателемъ прожектовъ противу Польши, замышляютъ соединить всѣхъ Неуніатовъ подъ права Россійскія. Ибо находятся еще въ Польшѣ Греко Восточные Неуніаты, которые не хотятъ называться Греко-Россійскими и не соотвѣтствуютъ намѣренію, подъ симъ именемъ пріемлемому. Итакъ, дабы соединить первыхъ съ послѣдними, Кониской почелъ необходимо нужнымъ постановить въ Польшѣ Россійскаго Епископа и, смесивъ съ Садковскимъ, подалъ о томъ прошеніе Императрицѣ чрезъ Синодъ. Въ немъ прописываетъ, что таковое установленіе дѣятельнѣе воспослѣшествуетъ господствованіе въ Польшѣ; приводя въ примѣръ прежнихъ во Львовѣ и Кіевѣ Епископовъ, совѣтуетъ, чтобы произведенный Епископъ имѣлъ жительство въ Слуцкѣ и былъ при томъ Намѣстникомъ или Кoadьюторомъ Митрополіа Кіевской,

³ Смотри присягу для Священниковъ.

дабы, иѣли власть управлять въ Польшѣ Неуніатами, самъ управ-
ляемъ быть Синодомъ, посредствомъ Кіевской Митрополіи; да-
лѣе подаетъ сирсобы, какъ править и распространять церкви;
законоуцъ аттестуетъ Садковскаго, совершенно ему знакомаго и
знающаго связь въ Польшѣ, способнымъ и достойнымъ таковой
довѣренности; въ другомъ, подобномъ тому, сочиненіи присовѣты-
ваетъ онъ средства для исходатайствованія у Короля Польскаго
привилегіи, и подтверждаетъ, что ежели оную не дастъ, яко
новому Епископу, то дана быть должна, яко намѣстнику Ми-
трополіи.

Синодъ принялъ таковое предложеніе, и немедленно послѣ-
довало исполненіе замысла; измѣны Польши — изряднѣйшая для
Россіи заслуга, новое дается награжденіе: Садковской произво-
дится Епископомъ Переясловскимъ.⁴

Восхожденіе на высшую степень, пріобрѣтеніе большія вла-
сти и принятіе дальнѣйшія повѣренности заставляютъ дѣлать но-
вую и строжайшую присягу, дабы точно и вѣрно исполнять
репоручаемое отъ Россіи; симъ же самымъ обязательствомъ объ-
щается, что ни какая власть, ниже множество народа, не сильны
отвратить его отъ истиннѣйшаго повновенія.⁵

Тутъ уже открывается во всей пространности замысль Рос-
сіи и должности Садковскаго, тутъ оказывается принятая для
переду цѣль, къ которой стремились всѣ Россійской политики
поступы, доводъ ясный тѣмъ подлиннѣе, чѣмъ болѣе открываетъ
глубину секрета въ томъ, что премудрость Императрицы и силь-

⁴ Къ прежнему суевѣрію, привязывающему Польскихъ Неуніатовъ къ Кіеву,
изобрѣтено и другое мѣсто, то есть, Переяславль. Когда помянутой Мель-
хиседекъ, за благословеніемъ и уговоромъ Епископа Переясловскаго, бунтъ
поднималъ, Давило, Клиторъ Россійской, одинъ изъ предводителей гра-
бительства Уніатскую Церковь, топталъ ногами выбранныя пресофры
и злословилъ; пойманъ будучи подъ Ольшавою, казненъ былъ смертію.
Голова его украдена изъ стопа и завезена въ Переяславль. Епископъ по-
слалъ объявленіе въ Украину Польскую, созвалъ нѣсколько тысячъ тамош-
нихъ жителей и, яко Первосвященникъ, похоронилъ съ великолѣпною cere-
моніею оную голову, будто бы страдальческую, въ каедральной церкви.

⁵ Смотри присягу Епископскую.

нав ея рука довлѣла оную посреди стоящую стѣну испровергнуть, которая отдѣляетъ Восточную Церковь отъ Западной, что край Польской назначенъ былъ для соединенія владѣнiя Россiйскаго, начиная отъ нынѣшнихъ границъ, съ тѣми, которыя удѣлать отъ Востока обѣщали военныя дѣйствiя.⁴

Учреждено Епископство въ Польшѣ, безъ доклада Правительству Польскому; ибо оное имѣть хотѣли не для подчиненности тамошнему Правительству, назначено производить Епископу жалованье изъ Россiи, обязавъ его для себя, увѣрились помощiю присяги о вѣрности и послушности его, а тогда, послѣ даннаго чина и власти управлять, послѣ того, какъ предписали ему правила, и послѣ вступленiя во исполненiе ихъ, по видимому, вѣшли за нужное истребовать у Короля Польскаго привилегiю, которая бы утвердила Епископа. Всякъ, кому обманъ Петербургскаго Кабинета извѣстенъ, а именно Полякъ, который испыталъ толикократно дѣйствiе его, примѣтитъ подлинно и въ этомъ поступкѣ обыкновенную тонкость хитрой Россiйской политики, которою старались усыпить бдѣнiе и осмотрительность краеваго правленiя и отвратить глаза отъ гнѣздящейся измѣны.

Въ то время, когда сила Россiйская дѣйствовала въ высочайшемъ степени въ Польшѣ, тамошнiй Король, по требованiю Царицы Россiйской, не могъ отказать совсѣмъ въ требованной привилегiи, а только отлагать ее, однако жъ вынудили оную у Короля съ договоромъ, чтобы представлена была особа достойная украшаться таковою привилегiею для приведенiя Епископа къ присягѣ на вѣрность Королю и Рѣчи Посполитой, но Посланникъ Россiйской умѣлъ уничтожить оное намѣренiе. Не прежде явился Епископъ въ Варшаву, пока не разрѣшенъ былъ на то Синодомъ, а когда предложено было явившемуся [присягать, то Посланникъ не велѣлъ ему болѣе являться, а вынудивъ привилегiю, приказалъ Епископу выѣхать изъ Варшавы, безъ Королевскаго позволенiя и отпуску.

Ожиданiе привилегiи не мѣшало власти Епископской, ниже препятствовало господствованiю Россiи надъ Польшею; ни

⁴ Читай Садковского благодарительное письмо къ Императрицѣ за повышениe на Епископство,

что не воспящало производству повелѣній Россійскихъ; продолжалось всегда между подданнымъ, обязаннымъ присягою, Епископомъ, и ему врученными Неуніатами, начальствованіе и подданство Монархинѣ Россійской, основанныя на фанатизмъ и деспотизмъ. Митрополитъ Кіевской, Архіепископъ Могилевской Кониской, а въ Польшѣ Посланникъ Россійской, надсмотрщики поступковъ и вѣрности Садковского, не давали ему отдохновенія, понуждая исполнять принятія имъ повинности и обязательства.

Миновалъ 1786 годъ, а Садковской, снабжденный и утвержденный привилегією, чиновникъ Польской, не предъявивъ ни какихъ для Польши обязательствъ, исполнялъ все то, что предписывали ему Россійскіе Указы, требуемая же Королемъ Польскимъ присяга должна была послаться прежде въ Россію.

1787 годъ назначенъ былъ къ чрезвычайному Императрицы Россійской путешествію въ Херсонъ, въ продолженіе котораго приближилась она и къ области Польской; былъ то годъ обоюднаго между Монархами свиданія, которое нынѣ воспричинствовало замѣшательства во всей Европѣ, а Польшѣ подало благоприятный случай свергнуть съ себя ненавистное иго.

По причинѣ прибытія Императрицы въ Кіевъ, приказано было и Садковскому явиться туда же. Тамъ утвердили его въ томъ, къ чему былъ предназначенъ, тамъ разбирали силу присяги, требуемой отъ Садковского Польшею, тамъ размышляли о ея значеніи и сообразовали ея выраженія съ выраженіями его присяги для Государыни Россійской, тамъ позволили ему присягнуть, и даны наставленія, по которымъ оную присягу и въ какомъ смыслѣ долженъ принимать.

Оная присяга или, лучше сказать, этотъ пустой формы обрядъ, отправлялся, въ присутствіи Короля, въ Тульчинѣ; краткое разсужденіе объяснить, какъ хитрость обманчивыхъ Россійскихъ богослововъ, то не пополняя, то давая иное значеніе словамъ и положивъ готовую двусмысленность (*restrictionem*), могла сдѣлать оную присягу ни чего не значущею.⁷

---

⁷ Смори Садковского присягу въ Тульчинѣ.

Между требованною и данною присягою можно видѣть ту разницу, что въ первой сказано: «црва края Польскаго, Вѣра господствующая Католическая», а въ другой, въ тѣхъ же мѣстахъ слова: «Польскаго и Католическая» опущены, а сложивши между собою учиненную Садковскимъ для Польши присягу и такую же для Россіи, найдешь между ими очевидную разницу, что присяга Польская не могла причинять ни переменъ въ предпріятіяхъ Россійскихъ, ниже препонъ въ событіи сихъ. Напротивъ того многи, для Польскихъ Неуніатскихъ монастырей вновь оказанныя, новое прибавленіе жалованья Садковскому, новыя, по представленіямъ его, казною Россійскою исправляемыя нужды, сколько доказываютъ непремѣнимость прежнихъ намѣреній, столько и не могли побуждать Садковского, дабы благопріятствовать Полякамъ и блюсти вѣрность къ Правительству того края. Да и не та въ самомъ дѣлѣ была цѣль щедрости Государыни Россійской.

Достоувѣрнѣйшими доказательствами Россійскаго плана служить могутъ присланные въ то же время Указы. Прейди молчаніемъ другіе, достоинъ особеннѣйшаго вниманія тотъ, которой предписываетъ репортовать о состояніи Епархій, о доходахъ и расходахъ, о числѣ прихожанъ по прилагаемымъ изъ Синода формуларамъ. По классамъ людей, не только полъ, возрастъ вступившихъ въ бракъ и не вступившихъ, но исповѣдывающихся считать велѣно особенно, и не безъ причины: исповѣдь есть тайная дорога секрета, исповѣдующій и исповѣдающийся могутъ быть дѣятельнѣйшею пружиною фанатизма; желали знать, сколько онымъ ослабленныхъ, и сколько къ тому способныхъ имѣть можно. Сіе не есть безосновательная догадка изъ признанія обвиненныхъ за соучаствованіе въ произведенномъ бунтѣ въ прошедшемъ году. Изъ свидѣтельствъ, открывшихся при допросахъ, замѣчено, что исповѣдь употреблена была ередствомъ для вѣренія тиранническаго таинства производить жестокой замысль, и что при семъ таинствѣ заставляли на таковой секретъ присягать. Богъ, Вѣра, и что можно разумѣть найсвященнѣйшаго въ той, служило инструментомъ безчеловѣчной политикѣ Россійской, къ жестокому господствованію ея надъ Поляками.

Не меньшаго достоинъ воспоминанія и второй Указъ, изданный того жъ году, явно прекословящій 9 Артикулу Трактата

1768 года, но къ поддерживанію фанатизма весьма способный, Указъ. запрещающій печатать книги учебныя и церковныя гдѣ ни будь, кромѣ типографіи Синодской, не употреблять другихъ, кромѣ апробованныхъ Синодомъ.

Можно такъ же видѣть изъ репортовъ Садковскаго чрезвычайное его прилежаніе, по которому изъ 94 Неуніатскихъ церквей, существующихъ до его вступленія, появилось съ треста въ нынѣшнемъ году.

Уже приближается время, приходить обстоятельства, долженствующія поставить конецъ замысламъ Россійскимъ, уже довершилъ бы, можетъ статья, 1788 годъ несчастія Поляковъ, ежели бы Творецъ не далъ случая въ то время взять осторожность! Утверждается совсѣмъ тѣмъ и въ томъ году то, что приуготовлено и начато въ прошедшемъ.

Россійскіе Указы объявляютъ въ Польшѣ постановленіе Епископовъ, уничтоженіе монастырей, прощеніе бѣглымъ, и разныя перемены особъ и правленій; все бы постороннимъ было для Польши, если бы она сама не была опредѣлена быть чужою; между прочими, объявляютъ Манифестъ о войнѣ Турецкой и Шведской совершенно въ такомъ же стилѣ, въ какомъ онъ объявленъ и въ Россіи, въ такихъ точно словахъ, которыя приказываютъ поданнымъ дѣлать молебствія, объявляютъ и самыя молебны, приготовленные въ особенныхъ книжкахъ, ежели можно назвать молебномъ клятвы не только противу воюющихъ, но и на всѣхъ вѣрующихъ — изрядное средство возбуждать фанатизмъ, истребить человѣчество и повсемѣстное согласіе въ Польшѣ.

Въ концѣ 1788 года Очаковъ взятъ, тотъ часъ и объявлена сія побѣда въ Польшѣ, и немедленно тамъ загремѣли молебны для возбужденія фанатизма. Россія не скупилась на деньги, а Садковской не переставалъ бодрствовать надъ заведеніемъ замысловъ: удача на войнѣ, казалось, споспѣшествовала жестокимъ дѣйствіямъ злонамѣренностей Россійскихъ, а между тѣмъ дѣла въ самой Польшѣ воспріали другой видъ.

Три уже мѣсяца продолжался тогда Сеймъ; цѣль, отъ которой онъ начался и которая нынѣ состоитъ, сформировалась не

преоруженіями и насиліемъ Россійскимъ, но взаимнымъ Поляковъ желаніемъ, дабы спасти погибающее отечество.

Условіемъ связи было соединеніе Короля съ народомъ, а дѣянія Сейма стремились низвергнуть гарантію Россійскую и сбросить тѣ узы, которыя связали вольныя руки и свободныя мысли.

Гордость ослабилась долговременнымъ господствованіемъ, сперва начала презирать Поляковъ, а потомъ снабжать ихъ своими угрозами; взаимное пренебреженіе и угрозы, воспламенивъ сердца Поляковъ, оживотворили силу желаній, дабы привести въ совершенство свои предпріятія.

Въ концѣ 1788 года и въ началѣ наступающаго 1789 почувствовала Россія препятствія своему замыслу, и ежели не лишилась надежды завладѣть Польшею, по крайней мѣрѣ, потеряла чаяніе, которымъ себя питала, что овладѣетъ всѣми умами Польскихъ жителей; переменна внутреннихъ увѣреній произвела переменну и въ предпріятіяхъ; всячески старались исполнить то, что повѣрено было Садковскому, а между тѣмъ съ разныхъ сторонъ приходили донесенія на Сеймъ о опасности, посѣдующей изъ замѣченныхъ знаковъ бунта.

Когда Поляковъ то страхъ поражалъ, то успокоивала ихъ недовѣрчивость признакамъ онаго, тогда продолжалось непрерывно сношеніе Россіи съ ея орудіемъ, находящимся въ Польшѣ, продолжались со стороны Россіи повелѣнія, а со стороны Садковского исполненія оныхъ, новая и съ обстоятельствами согласная употреблена осторожность; учредивъ нарочные и секретные для пересылки экспедицій транспорты, въ прочемъ исправлялъ все Садковской по прежнему, объявлялъ Указы и отправлялъ молебны за Очаковъ, а Императрица не приминула наградить своею щедростію его вѣрность и чрезъ то поощрить, пожаловавъ ему 15,900 рублей жалованья въ томъ году.

Въ теченіе сего времени слухи о бунтѣ вѣрнѣйшими въ Польшѣ становились, частыя извѣщенія отъ вѣрныхъ патріотовъ, доношенія, приходящія изъ провинція, возбудили заботливость Правительства. Собранный Сеймъ ежечастью умножалъ свои попеченія о сохраненіи общества отъ несчастія, почему и принималъ

Садковской нѣкоторое за собою названіе. Известно уже было въ Петербургѣ, что Поляки, для своей безопасности, учреждали и что совѣтовали въ извѣщенныхъ объ оной Европейскихъ Кабинетахъ. Сверхъ того, нельзя уже было не знать Петербургскому Кабинету; что на условіе Россіи и ослабленіе Польши взирать равнодушно перестали многіе Дворы, каковая вѣсть побудила его скрывать нахальство своихъ замысловъ.

Въ слѣдствіе того 1789 года, Марта 12, Указъ изданъ, противный прежнимъ, запрещающій объявлять въ Польшѣ Манифесты относительно войны Турецкой и Шведской, которые уже были опубликованы. Бумаги при томъ же Указѣ, отъ Кіевскаго Митрополита писанныя, дошли въ Польшу тогда, когда секретныя ихъ пересылки открылись и Садковской представленъ уже былъ подъ стражею въ Варшаву, объясняютъ намѣреніе, съ которымъ помянутый Указъ, по причинѣ слѣдствій, вышедшихъ изъ прежнихъ Указовъ, противныхъ ему, препровождается отъ Митрополита.

Дабы напуганныхъ Поляковъ успокоить и дабы отвратить ихъ подозрѣніе, а чрезъ сіе прекратить начатыя ими разбирательства, было то средствомъ, употребленнымъ отъ Россіи для выигранія времени; въ которомъ могла бы обезпечить исполненіе своихъ замысловъ, которымъ предварить хотѣла таковое объявленіе оныхъ.

Но не такъ сдѣлалось. Провидѣніе Божеское сохранило Польшу отъ новыхъ напастей и опустошеній: бунтъ истребился; однако жъ не должно изъ того заключать, яко бы не былъ онъ замышляемъ и подуцаемъ.

Явившееся вдругъ необычайное число поповъ, маркитантовъ, Филипоновъ, извозчиковъ и прочихъ Россійскихъ бродягъ въ Польшѣ, ножи и другія разбойническія орудія, подъ видомъ торга ввезенныя ими въ край Польской, свѣдѣтельства, изъ допросовъ открывающіяся, что одинъ и тотъ же самый день назначенъ былъ во всей Польшѣ, Литвѣ и Украинѣ для начатія кровопролитія, что исповѣдь (какъ упомянуто выше) между прочими служила средствомъ тому неистовому заговору, судебныя приговоры, по которымъ столь многіе изобличенные въ соуча-

отвоаніи въ безчеловѣчномъ томъ дѣлѣ, казнены были смертію, суть очевиднымъ доказательствомъ справедливости в началѣ подущеннаго бунта, и сомнѣваться не должно, чтобъ Россія того, что дриготовляла въ теченіе толь многихъ лѣтъ политическимъ стараніемъ; и что доказать успѣла въ 1768 году, не замышляла произвести въ дѣйствіе въ 1789 году.

Всегдашняя ненависть Россіянъ къ Полякамъ гораздо умножилась тогда, когда предприняли они изъ подъ власти ихъ выдираться. Россія, имѣя всегда силу свою раздѣленною для ополченія противъ двухъ ея непріятелей, положила губить и истреблять Поляковъ помощію ихъ же самихъ; благовременнымъ распоряженіемъ Сейма; прежнему оныхъ выполненію краевыми Присутственными Мѣстами и оказанной вѣдикодушнымъ Вильгельмомъ оборою цѣлости, независимости и благополучія Поляковъ, должествуетъ Польша своимъ сохраненіемъ отъ погибели и удержаніемъ прежняго и вожделѣннаго спокойствія.

Но виситъ еще надъ ея высоко мечъ несчастія, отъ котораго недавно себя сохранила; въ тѣхъ рукахъ, которыя Поляковъ угнѣтали, находится еще способность, стяжанная долговременнымъ насиліемъ и обманомъ на разореніе ихъ; содержитъ Россія подъ своею властію въ Польшѣ орудіе, двигающее на бунты, содержитъ его двоякою силою: силою духовною, правительствуя фанатизмомъ чрезъ Синодъ, котораго начальство распростерла по всѣмъ частямъ Польши; силою политическою, господствуя надъ тѣми мѣстами, въ которыхъ, водворившись, фанатизмъ обитаетъ, какъ то: Переяславль, Кіевъ, Могилевъ, Орша и Полоцкъ; имѣя людей, управляющихъ фанатизмомъ, управляетъ и Польскихъ жителей деспотически.

Держава Россійская, желая основать таковую силу, старалась утвердить сію по волѣ своей въ Трактатахъ, а Королей, себѣ союзныхъ, видомъ толеранціи (терпимостью всякаго исповѣданія), обольстивъ, поставила имена ихъ между своими въ заглавіи дѣла, въ которомъ, будучи помѣщенъ главнѣйшій толеранціи непріятель фанатизмъ Россією, и основывая ея господствованіе въ Польшѣ, насильствуетъ тѣ очевиднѣйшія права, которыя чтить хотѣли и умѣли тѣ Монархи. Кто бы ожидалъ, дабы вольность исповѣда-

ніа вѣры, данная Диссидентамъ, могла проложить дорогу и путь къ неволи Поляковъ? Время и опыты показали сего истину; нынѣ же, когда обнаружился обманъ, кто не долженъ повѣрить безпрекословно, что обрльщенные въ то время Дворы, увидѣвъ фанатизмъ тамъ, гдѣ представляла толеранцію, тамъ тиранство, гдѣ общала опеку, тамъ интересъ предположенной, гдѣ хвасталась безкорыстнымъ великодушіемъ, будутъ остерегаться впредь испытанной онаго Двора политики; которая умѣетъ часто наряжать въ хорошій видъ умыслы обыкновенно измѣнническіе, и что ни явнымъ, ниже постороннимъ вспоможеніемъ не восхотятъ подавать горделивому насилію способы на притѣсненіе несчастныхъ?

Никто не споритъ, что Польша есть Государство, которому опредѣлила недоброхотная судьба терпѣть наибольше всѣхъ отъ насильства Россійскаго; но она не есть одно Королевство, которому только грозитъ безмѣрная и страшливая власть великой Монархіи Россійской.

Сіе письмо, предлагающее одну часть деспотическаго Россійскаго въ Польшѣ правленія, не есть первѣйшимъ изъ тѣхъ, которыя доказали, что гордость Россійская не умѣетъ нигдѣ полагать себѣ границы.

Наступило время, въ которое Европа видитъ, что вся Россійскаго Кабинета политика состояла въ непремѣнномъ намѣреніи производить вездѣ замѣшательства и вездѣ предводительствовать; пришло время, въ которое Монархи, сколько благородною и добродѣтельною политикою, столько и могуществомъ силъ извѣстные, ту полагають славу и поступкамъ своимъ цѣль, дабы, умаленіемъ силы чрезмѣру поднявшагося на Сѣверѣ престола, возвратитъ всей Европѣ благополучное и незыблемое при мирѣ и справедливости царствованію. Оное же время общаетъ и Польшѣ возвратитъ прежнюю ея свѣтлость и благоденствіе; уже не вяжутъ рукъ Полякамъ долгоносимыя ими узы, уже не стѣсняютъ чужая сила вольныхъ мыслей. Народъ, соединенный съ Королемъ своимъ въ желаніяхъ и намѣреніяхъ, подкрѣпленный изрядною сильнымъ сосѣда помощію, не пощадивъ принести въ жертву свое шибніе, усугубивъ соединеніемъ ревностныя старанія, грядетъ къ шолученію силы, вольности, независимости и того уваженія въ

Европѣ, котораго купно съ благополучіемъ лишился онъ, отъ Россійской ненависти. Могъ ли сей народъ обмануться въ надеждѣ, которая его оживляетъ, что дабыѣйшія его, для основанія независимости и безопасности своей, рвенія пріятельмъ, будутъ предметомъ въ глазахъ прочихъ народовъ, что возвращеніе драгъ, у Польши вынуженныхъ, правъ, всѣмъ независимымъ Государствамъ свойственныхъ, будетъ общою цѣлію желаній и стараній, какъ для Польши, такъ и для другихъ Царствъ, и что, наконецъ, Государя, коимъ въ руки ввѣрло Провидѣніе жребій покоя и состоянія Европы, видя посреди правленія Польскаго тайное, но дѣйствительное, господствованіе власти Россійской, побудятся обезпечить себя и Польшу на будущія времена и возжелаютъ не допустить, дабы возрастала и усиливалась болѣе гордость и счастье Россовъ чрезъ злоключенія Поляковъ.

ГОЛОСЪ

ЛЕЩИНСКАГО, ЭКИСКАГО ПОСЛА ВОВЕДСТВА ИНОПРОЦДВСКАГО, НА ЗАСЪДАНІИ
СЪВЪЩЕНЫ

4-го Апрѣля, 1791 года.

Пресвѣтѣйшіи Король,

Всемилоstinѣйшіи Государы,

Свѣтлѣйшіе соединенные Чины Республики

Толикое здѣсь множество добродѣтельныхъ Голосовъ, произнесенныхъ вчера въ защищеніе Гданска, подлинно ничего не оставило, что только открываетъ новый способъ къ защищенію онаго. Кончилось засѣданіе, однако на томъ, что отдать не желаемъ: пускай только повѣренные Сейма, управляющіе чужестранными дѣлами, говорятъ о томъ, что можемъ уступить, но для явныхъ пользъ.

Позвольте, Свѣтлѣйшіе Чины, въ столь важной матеріи приступить къ Вашему просвѣщенію, не для того, будто бы я отъ лучей онаго желалъ уклониться, но по тому: дабы я, участвуя въ толь важномъ народномъ дѣлѣ, не умолчалъ тогда, что въ моемъ предубѣжденіи полагаю самымъ большимъ существомъ.

Подлинно въ семъ собраніи Членовъ Сейма никого не сыщу, кто бы мнѣ явно сказалъ, что должно отдать Гданскъ Королю Прусскому; подлинно никто не признаетъ, что, платя за истинную его приверженность, не можно полагаться на союзы: дружбы, пока, для сохраненія оныхъ, не отдадутъ народнаго имѣнія на его

произволеніе; подлинно никто мнѣ не скажетъ, что чего не могъ въ Европѣ доказать Фридрихъ Великій, найсильнѣйшій политикъ, то есть, отнять у насъ Гданскъ, въ самомъ бѣдственномъ тогда нашемъ состояніи, то мы теперь, возрастая въ благополучіи-шихъ минутахъ, должны принести сію жертву.

Подлинно никто не скажетъ, что частная нѣкоторыхъ польза, которая всю систему сей машины и сего жребія отечества поддерживать у насъ предприняла, никому иначе не удастся, то есть, чтобъ достигнуть высочайшей степени благополучія, какъ только отдать Гданскъ; подлинно никто не признаетъ основательнымъ сего извѣстія, что Прусской Министръ, Герцбергъ, увѣдомившись здѣсь отъ насъ давно, что Гданска не отдадутъ, сказалъ публично въ Берлинѣ: «Хотя бы Гданскъ былъ цѣпями привязанъ къ облакамъ, однако онѣ должны будутъ разорваться, и Гданскъ имѣетъ достаться Королю Прусскому!» Если бы каждый изъ васъ, Свѣтлѣйшіе Чины, содрогнулся принять основательными сіи его доводы, и ежели бы я согласился отдать Гданскъ, клявою утвердилъ бы я, что иныя не могутъ быть причины, по моему предубѣжденію, какъ сіи имянно.

Представлены здѣсь были вчера слѣдствія нашего благополучія и пользы. Представлено было, что торговля притѣснена, что каналъ засыпанъ, что привилегіи жителей Гданскихъ не допускаютъ намъ самимъ выходить въ море, что пришедшій въ упадокъ сей городъ оставитъ намъ со временемъ печальное позорище и свидѣтельство своихъ развалинъ, что Гданскъ произвольную полагаетъ цѣну на Польскіе продукты; а по сему, ища явныхъ пользы и избѣгая худыхъ слѣдствій, отдать оной должно Королю Прусскому.

Свѣтлѣйшіе Чины Республликъ! Здѣсь лежатъ представленныя и слышанныя причины чьей души не преклонять къ сей истинѣ, что мы могли бы отдать Гданскъ подъ видомъ вѣщшей пользы!

Но вопрошаю васъ, Свѣтлѣйшіе Чины, кто, въ противность трактата, притѣснилъ торговлю? Король Прусскій. Кто ввелъ притѣствія города Гданска? Король Прусскій. Кто отвергнулъ въ бѣдность жителей Гданска? Король Прусскій. Кто ихъ привелъ до той степени нищеты, что не могутъ вычистить канала? Король

Прусскій. Кто, налагая на нихъ насильственнымъ образомъ пошлину, унижаетъ цѣну нашихъ продуктовъ? Король Прусскій. И какъ же мы можемъ того самаго просить, чтобъ взялъ Гданскъ (уже, какъ вижу, нѣкоторымъ омерзѣвшій), который есть причиною упадка нашего и Гданска? Развѣ для подкрѣпленія еще сильнѣйшихъ и безконечныхъ его предпріятій? Нѣтъ, Свѣтлѣйшіе Чины! Король Прусскій самъ знаетъ, что приведеніе въ бѣдность Гданска, чрезвычайныя пошлины и нарушеніе трактатовъ суть его причины, и для того въ нотѣ своей объявляетъ, что ничего брать отъ насъ не хочетъ, и еще говоритъ, что цѣлость владѣній нашихъ его озабочиваетъ. Итакъ соединимъ дружбу нашу съ его намѣреніемъ, и скажемъ явно, что «не отдадимъ.»

Правда, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ отказать, есть совершенно то же, что пресѣчь переговоры, а тѣмъ самымъ и политическіе союзы; пришедъ до сей степени, надобно бы возвратиться къ Москвѣ съ униженіемъ нашимъ, и только подъ дозы, какъ вчера сказано. Но, Свѣтлѣйшіе Чины, ежели которой Полякъ, приступая къ заключенію союза, имѣлъ то намѣреніе, чтобъ, для своихъ частныхъ обстоятельствъ, подъ видомъ общаго блага, приступить къ союзу съ тѣмъ, чтобъ отдать Королю Прусскому Гданскъ, то ничто не можетъ быть негоднѣе такого чело-вѣка; ежели жъ сія система произошла отъ союзника нашего, то по справедливости цѣль его не клонилась къ нашему благополучію. Когда имѣете, Свѣтлѣйшіе Чины, между убѣждающими васъ доказательствами, представленіе самой вещи, то ищите истины, ищите оной явственно, какъ тѣ, которыхъ всѣхъ одинакая польза соединять должна.

Когда Король Прусскій отрекся обижать насъ, и еще поручился за цѣлость владѣній нашихъ, а Англія и Голландія гарантируютъ для него отдачу Гданска, то кажется мнѣ, что такова въ семь есть политика: «Я говорить для себя не хочу, но ты говори для меня!» Здѣсь явно все дѣло открывается.

Когда желаемъ, для соблюденія политическихъ союзовъ, оставить предохранительно отдачу Гданска, о чемъ управляющіе чужестранными дѣлами повѣренные разсуждать будутъ? Они, на вопросъ отъ Англійскаго Посланника и на понужденіе къ отвѣту, отвѣтствовали, что надобно донести о семъ тѣмъ самымъ Чи-

намъ, которые цѣлостъ владѣній положили въ число первоначальныхъ законовъ. Слѣдуетъ теперь намъ отвѣчать: «Производите переговоры о торговлѣ!» Но Англійскій Посланникъ скажетъ: «Объявите, отдадите ли вы Гданскъ?» Они принуждены будутъ сказать: «Гданска отдать не можемъ, но переговоры продолжать можемъ.» Такіе полумертвые и тщетные переговоры, вопрошаю васъ, что будутъ значить, и какъ впредь наши союзы сохранять?

Свѣтлѣйшіе Чины Республики! Мнѣ бы казалось, по моему разсмотрѣнію и по правотѣ способствъ, каковыхъ употребленъ, отвѣтствовать Послу Англійскому, что «уступимъ Гданскъ, но только Англичанамъ. Когда Король Прусскій не хочетъ брать и отрекается, то вы возьмите, заключите съ нами торговой договоръ: поручитесь, что уменьшены будутъ пошлины по содержанію трактата, заключеннаго съ Королемъ Прусскимъ въ 1773 году!» Такимъ образомъ сохранимъ политическіе союзы и удалимъ произвольное Короля Прусскаго обладаніе нашимъ имѣніемъ. Конечно, Англія, которая намъ таковыя пользы представляетъ, сама своею рукою будетъ ихъ удерживать, и мы останемся въ томъ достоинствѣ.

Ежели кто мнѣ представитъ, что изъ благодарности должны мы имѣть дѣло съ Королемъ Прусскимъ, то какую ему представимъ пользу, когда съ его стороны объявилъ Посолъ Англійскій, что при насъ останутся выгоды, что то наше добро, а не другаго. То что жъ останется Королю Прусскому? Правда, что благодарность есть существо добродѣтельной души: ищите жъ, Свѣтлѣйшіе Чины, у прежнихъ одноземцовъ вашихъ, какъ съ ними поступаютъ, взявъ ихъ подъ свое владѣніе! Я понынѣ увѣрю васъ, что они суть рабы, не пользуются ни какими преимуществами, принуждены платить то, что имъ воляеть, и, что всего болѣе, подданные прежней Пруссіи и бѣднѣйшіе люди Короля Прусскаго, опредѣлены господствовать надъ ними по своей волѣ. Но скажетъ кто ни будь мнѣ, что «иное дѣло торговля, а иное владѣніе.» Но я ссылаюсь на Пословъ Княжества Литовскаго, которые продаютъ свои продукты въ Кенигсбергъ: пускай объявятъ, что на каждомъ пришедшемъ туда суднѣ таможенные служители того жъ часа печатаютъ съѣстные припасы; люди, приплывшіе на суднѣ, принуждены бывають покупать съѣстные при-

пасы въ Кенигсбергѣ, и такъ платить, какъ имъ велятъ. Приведенный на суднѣ работникъ остается свободный въ Кенигсбергѣ, а для выгрузки продуктовъ надобно нанимать и платить такъ, какъ велятъ; продавъ товары, надобно просить пашпорта, для свободного выѣзда изъ Кенигсберга. Но нужно его дожидаться недѣлю одну и другую, а между тѣмъ тратить напрасно деньги и время. То неподвержены ль будемъ и мы тому жъ самому, ежели Гданскъ отданъ будетъ въ тѣ самыя руки, которыя всегда захватить хотѣли торговлю? Но скажетъ кто, что «содержаніе трактата все сіе ограничить.» Правда, что содержаніе его будетъ со исключеніемъ сего, но вольность хранить оной ненарушимо не останется при насъ.

Настоящій опытъ не довольно ли насъ научаешь? Турокъ третій годъ сражается, въ крови своей плаваешь, земли потерялъ, но имѣлъ ли онъ вспомогательныя войска? Король Шведскій, на договорахъ увѣрившись, объявилъ войну, истощился ш, не видя исполненія, принужденъ мириться. Нидерланды оставленные окончили начатое дѣло съ безчестіемъ и потеряніемъ привилегій. Венгерцы побужденные, сами только собою сильныя, имѣли какую помощь? Нѣтъ. Но еще, когда договорились съ своимъ Государемъ, когда имъ возвращены права и привилегіи, то выданы были на отщепеніе, какъ бунтовщики. Мы, Свѣтлѣйшіе Чины, имѣемъ ли Галицію? Но союзъ имѣемъ; имѣемъ и надежду потерять Гданскъ.

Пресвѣтлѣйшій Государь! Никто больше не можетъ полагаться на сердце Вашего Величества, какъ я; ибо знаю, что оно преисполнено благодати; и я увѣренъ, что не только жребій цѣлаго Государства, но и жребій одного даже жителя трогаетъ всегда Вашего Величества попеченіе и душу.

Всемогуществѣйшій Государь! Возвеличить твою славу, а въ тебѣ и моего отечества, я готовъ, ш, въ залогъ моего обязательства, отдалъ бы я смѣло остатокъ дней жизни моей.

Всемогуществѣйшій Государь! Ты лучше знаешь, ты лучше проникаешь, ты желаешь, дабы твой народъ былъ наиблагополучнѣйшій; такъ, ты всегда, будучи чужестранными Державами прельщаемый, искалъ истинной для твоего народа надежды. Чужестранная политика, чрезъ свои пронырства, имѣла столько

уваженія въ нашемъ краю, что ты не могъ простереть руки къ народу.

Видишь, Государь, въ собраніи нашемъ, можетъ быть, тѣхъ самихъ, можетъ быть, потомковъ тѣхъ, которые народъ отъ тебя удалили, которые, оставивъ край, разоренный Конфедераціями, предали оной въ добычу тремъ Державамъ и Сейму 1773 года.

Противуборствовали Вамъ Величество, но, какъ говорятъ: *Vana sine viribus ira*, то есть, тщетной гнѣвъ, лишенный силъ. Край нашъ разорванъ; жители, отланные съ собственною ихъ землею и съ безчестіемъ, отдыхаютъ теперь подъ чужимъ правленіемъ, или лучше сказать, за каждой день платятъ они слезами, когда слышатъ, что мы находимся въ надеждѣ благополучія.

Пресвѣтлѣйшіи Государы! Сіе должно было сдѣлаться неперемѣнно, по тому что три Державы сосѣдственныя восхотѣли, по тому что ихъ войска въ нашемъ краю были, по тому что край внутренними замѣшательствами приведенный въ разореніе, не могъ, въ нѣдрахъ Отца и Короля, положить жертвы вѣрности; по тому, на конецъ, что сдѣлался тогда возставшимъ противу его: но сіе уже сдѣлалось, уже невозвратно, какъ уплывшая вода!

Всемилоствѣйшіи Государь! Взираешь теперь на народъ, называющій тебя Королемъ и Отцемъ; взираешь, повторяю, на народъ, и весь имѣши при себѣ; видишь, Государь, приближенныхъ вѣрностію тѣхъ, которые прежде хотѣли потрясти престоль. слѣдовательно, имѣешь все при себѣ. Прежде погубляло насъ несогласіе; ежели теперь то же произведетъ и согласіе, то по что и жить въ такомъ отечествѣ, которое погубляетъ только себя умѣть, а не спастись?

Милостивѣйшіи Государы! Происходить дѣло о жребіи Вашихъ подданныхъ, о Вашей славѣ: позвольте же мнѣ сказать, сколько я полагаю надежды на Ваше Величество.

Хотите, Ваше Величество, видѣть народъ въ благополучіи; хотите узрѣть пользы его: сіе есть нѣчто иное. Но скажу смѣло, что не всѣ такъ думаемъ. Прежде нежели подано было мнѣніе отъ управляющихъ иностранными дѣлами, принесенные сочи-

няющии законы), а именно: Высокопочтеннымъ Господиномъ Трембицкимъ, послѣмъ Лифляндскимъ, проекты городовъ исключили Гданскъ и Торунь въ проектъ. Что жъ это значитъ? Управляющіе чужестранными дѣлами сокрыли отъ насъ тайну, а предъ нами разъяснились, что въ проектахъ писано о городахъ.

Пресвѣтлѣйшій Государь! Сіе меня останавливаетъ, сіе меня приводитъ въ удивленію, что мы всѣ достойны благонадежной довѣренности, а не нѣкоторыя токмо особы.

Милостивѣйшій Государь! Обращаю голосъ мой къ Вашему Величеству. взываю: Дай намъ помощь, Государь! дай помощь тому отечеству, въ которомъ ты родился; помни, что ты принялъ жизнь въ томъ краю, который воззвалъ тебя ко престолу и дозволялъ тебѣ обладать собою! Помни, Ваше Величество, что области у насъ отняты насильственнымъ образомъ, и ежели теперь добровольно отдадимъ Гданскъ, то приведемъ во удивленіе потомковъ, а Ваше Величество откроешь, что ты не отдалъ преемнику своему такъ обширнаго края, каковъ принялъ. Пресвѣтлѣйшій Государь! Воиляли мы, чтобъ умножить войска, дали подать; ты, Государь, насъ къ сему возбудилъ, ты лишилъ себя драгоценныхъ украшеній; что жъ намъ всѣмъ отъ сего, когда невозможно будетъ ничего употребить на искупленіе земель нашихъ?

Уже говорено съ величайшимъ презрѣніемъ, что сабля не поразить никого больше, какъ только ученаго. Правда, что ученой побѣдитъ своимъ прѣніемъ; я то и самъ признаю: могъ бы ученой доказать своими прѣніями, что сей кафтанъ, сія одежда не есть моя; могъ бы доказывать отъ десятой степени, что сія шерсть была на его овицѣ, и что она и теперь ему принадлежать должна; но пусть только такой мудрецъ осмѣлится снять съ мене одежду, а я имѣю при себѣ саблю, то спрашиваю, можетъ ли онъ сіе сдѣлать?

Оканчиваю голосъ мой, Свѣтлѣйшіе Чины, что сію матерію должно привести къ концу; исключенія Гданска не полагають еще, а только производить общіе переговоры. Но чтобъ по томъ дѣло сіе могло быть приведено къ желаемому концу, то я увѣряю, что неограниченное время держанія Сейма изыщеть сред-

ства такъ умалить число совѣтующихъ; что едва останется нѣсколько особъ, соглашающихся на уступку Гданска. Говорю смѣло, что я никому не вѣрю. Кто хочетъ, пусть и мнѣ не вѣритъ. Представляю мой проектъ, отъ котораго не удалюсь, на такомъ основаніи: чтобъ, до представленія отъ управляющихъ чужестранными дѣлами, проекта торговаго трактата съ Англією, Голландією и Королемъ Прусскимъ, увѣдомить всѣ Воеводства о присылкѣ Земскихъ пословъ, которыхъ здѣсь еще недостаетъ.

Сія матерія отдачи Гданска не есть маловажный предметъ; мы, послы, не можемъ позволить; мы имѣемъ данныя намъ отъ нашихъ Воеводствъ наставленія, мы имѣемъ первоначальныя права. Можетъ быть, Свѣтлѣйшіе Чины, мое противоположеніе признано будетъ пристрастнымъ; но сказываю, что я не Россіянинъ: слышу, что здѣсь есть кто-то въ сей маскѣ; я еще и прошу, пусть тотъ ревностнѣйшій герой, который обѣщаетъ ее снять, пусть, говорю, сниметъ, дабы мы могли узнать, кто Россіянинъ, и чрезъ то не соединяться съ нимъ! Пусть неповинное мнѣніе, основанное на данныхъ предписаніяхъ, не подвергается осужденію; я не Прусакъ, и сіе почитаю за одинъ грѣхъ. Съ первымъ желалъ бы я, чтобъ открытой Россіянинъ открылъ Прусака, у зналъ бы каждый, гдѣ общее благо, и гдѣ частная польза.

Когда я такъ говорю, то, статья можетъ, что не буду имѣть способности находиться на томъ засѣданіи, на которомъ послѣдуетъ рѣшеніе о Гданскѣ, и такъ заключаю сими словами:

Полякъ! Возьми ту глыбу земли, которую предшественникъ твой кровію и мужествомъ купилъ, которую храброю рукою распространилъ, возьми и сожми ее: увидишь, что не лавръ славы оттуда возрастетъ, но потекутъ слезы, которыми житель, отданный добровольно въ чужое владѣніе, наполѣе ее. Полякъ! Повторяю, ежели теперь отдашь Гданскъ съ хладнокровіемъ, ежели ты убѣжденъ будешь къ тому коварными причинами, то я всегда стану говорить, что въ народѣ нашемъ нѣтъ честнаго человѣка.

ПИСЬМО

ГРАФА ФЕЛИКСА СТАНИСЛАВА ПОТОЦКАГО,

бывшаго Воеводы Русскаго (а по сложениі съ себя сего Сенаторскаго достоинства, теперь Генерала Артиллеріи Коронной), писанное къ Королю Польскому о 3-ій Мая, 1791 года.

Имѣлъ я честь получить письмо Вашего Величества, 13 Мая писанное, которымъ изволите меня увѣдомлять о сдѣлавшейся пагубной революціи для вольности благороднаго Польскаго народа, которую я называлъ бы заговоромъ противу Республики, ежебы не виѣлъ Короля предводителемъ ея. Не удивляюсь ни мало, что Ваше Величество, какъ въ письмѣ своемъ писать изволите, долго прежде колебались, нежели къ исполненію сего дѣла склонились. Подалъ бы Богъ, чтобъ Ваше Величество никогда такихъ совѣтовъ не слушали, которые, сибѣо скажу, слишкомъ отважно даваны были, дабы Ваше Величество сами разрывали тѣ союзы, которые васъ съ вольнымъ народомъ соединяють, дабы нарушали святость договоровъ, на которые присягали при вступленіи своемъ на престоль, и дабы, вмѣсто того, учинили ту присягу, къ которой нація ни какъ Вашего Величества не обязывала, и которая учинена безъ вѣдома и предписанія ея. Спроситесь, Ваше Величество, сердца своего, которую присягу сохранить вы должны? ту ли, за которую вольной народъ далъ Вашему Величеству корону, и на которой основано право Вашего Величества

къ престолу? или ту, которую нѣсколько, либо нѣсколько десятковъ, особъ выдумало на погибель Короля и народа? Но положимъ, чего вовсе не было, чтобы Сеймъ нынѣшній единодушно и безъ всякаго сопротивленія смѣлъ уволить Ваше Величество отъ тѣхъ обязанностей, на которые вы народу присягли при своемъ избраніи; спрашиваю, былъ ли Сеймъ къ такому дѣлу уполномоченъ отъ націи? Которое жъ Воеводство дало такое предписаніе представляющимъ его? Ежели священныя и присягою утвержденныя договоры Короля съ вольнымъ и удѣльнымъ народомъ можно такъ разрывать въ шумѣ и смятеніи, то что жъ священное останется? Ежели позволительно будетъ уничтожать одну присягу совсѣмъ добровольную, непринужденную, и ни какъ не предписанную другою лестнѣйшею и выгоднѣйшею, то гдѣ люди искать будутъ безопасности и чему въ свѣтѣ вѣрить будутъ? Я увѣренъ, что Ваше Величество чувствуете себя быть обманутымъ и, не переставши быть человѣкомъ даже и на престолѣ, могли ошибиться; но будьте высшими прочихъ людей и благоволите, для славы своей и благополучія отечества, возвратить Республикѣ прежнюю вольность, которой лишилъ ее третій день Мая. Нѣтъ тутъ извиненія для тѣхъ, которые Республику пресуществовали въ Монархію; что слышали, будто сосѣди подѣлиться ею хотѣли. Ежели сіи вѣсти были истинны и не приспособлены къ обстоятельствамъ того дня, то должно было всѣмъ вмѣстѣ присягнуть, что каждый погибнетъ прежде, нежели снесетъ убытокъ Республики. Ваше Величество должны были присягнуть, что лучше дадите себя погребсти предъ развалинами Республики, нежели позволите на раздѣленіе вольнаго Государства, которое вы украсили своею короною. Таковая присяга была бы славна и для вольнаго народа, и для Короля, который есть главою его. Но утраченный нашъ народъ избралъ домашніе оковы вмѣсто огражденія Республики отъ опасностей, и почитаетъ за одно разорить ее и присягать на ея погибель, что и защищать. Скажу и теперь, какъ и прежде имѣлъ я честь говорить Вашему Величеству, искренно и откровенно, что сія, погубляющая вольность, революція не можетъ принести Польшѣ ни тишины, ни безопасности, ни благополучія, и развѣ только будетъ источникомъ боевъ, опустошенія и неволи; что она предпринята въ угожде-

не только интересамъ одного сосѣда, который всегда алчетъ либо цѣлаго, либо частей нашихъ, и какъ по природѣ, такъ и по положенію своему, таковымъ быть долженъ; что несчастный оный третій день Мая есть пагубою вольности народа и существованія Республики, которую совсѣмъ разрушилъ, а установилъ Монархію. Каждый истинный Полякъ не можетъ иначе говорить и чувствовать; и надобно еще разсудить, можно ли его обмануть обѣщанною тишиною, и что для нея должна быть принесена въ жертву вольность и Республика? Я думаю, что, кромѣ уничтоженія правъ вольнаго народа и возвышенія престола до той степени, что Польшу уже не Республикою, но Монархією называть должно, такъ учреждено наследованіе престола, что, кромѣ разрушенія Республики, будетъ вездѣ возжигать пожаръ несогласія. Знаемъ уже, что Республика превращена въ Монархію, что Государемъ и Владѣтелемъ Польши будетъ Курфистъ Саксонскій, который хотя и достоинъ того, чтобъ вольный народъ, желающій еще имѣть Короля, опредѣлилъ его къ престолу, но неизвѣстно, дождетъ ли онъ короны послѣ Вашего Величества, а еще кажется не извѣстиѣ, кому съ дочерью Курфирста отдана будетъ Монархія. Та минута можетъ быть ужаснѣ всѣхъ избраній Королей, по жизнь владѣющихъ; кто знаетъ, можетъ быть будетъ стоить кровопролитія Польшѣ и Европѣ. Но хотя бы и будущая фамилія, владѣть имѣющая, извѣстна была чрезъ супружество дочери Курфирста, то, однако, неизвѣстно, увеличится ли чрезъ то какое древнее Государство, или Польша, какъ особая область, принадлежать, будетъ владѣющему дому? Никто о семъ сомнѣваться не можетъ, что какъ только война въ Европѣ начнется, то сія новая Монархія будетъ театромъ войны, а отродившійся отъ предковъ своихъ Полякъ, желающій быть невольнымъ, будетъ окупать свои узы собственною кровію и разореніемъ. Такой-то проектъ выдуманъ съ пожертвованіемъ вольности Польской, подъ видомъ любви спокойствія. Слышу здѣсь, что не позволено Поляку вносить протестъ въ публичные акты по дѣлу, касающемуся отечества и вольности, и что возложенныя насильно кандалы принужденъ носить безъ роптанія; но пусть мнѣ будетъ еще позволено имѣть надежду, что Ваше Величество не отырате ушей и, милостиво выслушавъ вопль народа,

благоволите возвратить ему вольность Сіа надежда оживляет меня, и признаюсь откровенно, что ежели народъ будетъ предпочитать сію неспокойную неволю вольности, и ежели Король, имѣющій корону отъ вольнаго народа, не захочетъ выгнать его вольнымъ, то я съ десятью дѣтьми пойду искать иного отечества.

Я увѣренъ, что Ваше Величество пріймете милостиво сіи выраженія, которыя происходятъ отъ сердца, желающаго вольности, благополучія Республики и славы Короля; диктуетъ мнѣ оныя сердце откровенное и простое, которое обманывать не умѣетъ, хотя молчить, хотя правду говорить.

П И С Ь М О

ЕГО ЖЪ КЪ ИГНАТІЮ ПОТОЦКОМУ,

Маршалу Великаго Княжества Литовскаго.

Получилъ я письмо Вашего Высокопревосходительства, писанное 13 Мая, изъ рукъ Господина Мощинскаго, увѣдомляющее о совершившейся, какъ говорятъ, революціи или превращеніи Республики въ Монархію. Нѣтъ, кажется, нужды описывать мнѣ пространно образъ мыслей своихъ, поелику вы знаете меня довольно; знаете, что меня наружными видами и пустыми словами обмануть не можно; что извѣстно мнѣ, что тамъ нѣтъ Республики, гдѣ Государь потомственный владѣетъ казною и повелѣваетъ Государственному войску; что равно познаю, что мечтательная власть законодательная, предоставленная націи и ограниченная созываніемъ конституціонныхъ Сеймовъ въ 25 лѣтъ только, исчезнетъ предъ тою властію, которая и казною награждаетъ, и вооруженною силою угрожаетъ, какъ то и вы думали прежде. Ежели еще что ни будь чувствую послѣ разрушенія Республики, то не что иное, какъ безчестіе фамиліи нашей, которая доселѣ была вѣрна Республикѣ, а теперь слѣбалась оружіемъ гибели ея. Простите откровенности моей, которой отречься есть для меня дѣло невозможное.

Графъ Ф. С. Потоцкій.

30 Мая, 1791 года.

ПИСЬМО

ЕГО ЖЪ КЪ МАЛАХОВСКОМУ,

Маршалу Сейма.

Не знаю, что мнѣ отвѣтствовать должно на полученное мною письмо ваше. Знаете довольно, какъ я былъ приверженъ Республикѣ, а по сему догадаетесь, какъ я долженъ быть тронуть, когда она обманута руками обманутыхъ Поляковъ. Можетъ быть, непроницательный Полякъ будетъ льстить себя, что еще имя Республики не уничтожено, что власть законодательная будто предоставлена народу; но что жъ значить имя Республики, когда Государь потомственный обладаетъ войскомъ и казней, когда всякое равновѣсіе уничтожено, а власть Королевская во всемъ имѣеть перевѣсъ? когда вѣтъ ни какихъ договоровъ между Королемъ и народомъ? да и не могутъ быть ни какіе; ибо къ чему бы его обязывали, когда онъ не долженъ давать отчета, можетъ свободно нарушать договоры, сдѣланные съ народомъ, уничтожить законы и, однако, быть Королемъ, поелику вся власть народа вручена Королю новою Конституціею; чтобъ и наибольшее зло могъ дѣлать безъ наказанія; защитою страстей его и дѣлать, хотя бы они были преступническіе, сдѣланы Министры, обманутому народу предоставлена какъ бы ребяческая власть отклонить ложу, которою онъ наказанъ, однако руку наказующую цѣловать долженъ? Но и сія власть ребяческая потолику можетъ дѣйствовать, поелику Король задобрять себѣ будетъ Министровъ; ибо кто сомнѣвается, чтобы тотъ, который имѣеть въ рукахъ казну и войска, который раздаеть чины и украшаетъ достоинствами, не могъ защитить того, кого захочеть? Крестьянинъ Польскій бу-

детъ съ своимъ владѣльцомъ заключать контрактъ, который долженъ быть исполненъ, ибо правительствующая опека будетъ сего наблюдать. Итакъ крестьянинъ Польскій получилъ большую вольность, нежели вся нація Польская; ибо потомственный ея Государь, хотя бы все нарушалъ и разорялъ и былъ тираномъ, имѣеть, однако, власть быть тѣмъ, чѣмъ захочетъ, безъ отвѣта. И такъ пропала уже Республика, пропала вольность: Варшава ее погубила. Ежели народъ будетъ находить удовольствіе въ тѣхъ узахъ, ежели не будетъ надежды освободиться изъ оныхъ, то я исполню, что я сказалъ Чинамъ Республики, и пойду съ десятью дѣтьми искать новаго отечества. Дружба моя, которую я особѣ вашей посвятилъ, не позволяетъ мнѣ скрывать того, что чувствую. Правда, что сіе письмо мое не заслужитъ уваженія, при множествѣ ласкательствующихъ сочиненій и восклицаній; но увидите, Государь мой, что скажетъ народъ, когда разсмотрится; что скажутъ потомки, кого обвинять будетъ Полякъ, бывшій прежде свободнымъ, когда увидитъ себя невольникомъ. Однако, еще не невозвратное дѣло: если только захотѣтъ, то можно и наибольшее зло поправить и перемѣнить. Я, будучи другомъ вашимъ, долженъ надѣяться, что вы будете способствовать къ освобожденію Республики изъ той погибели.

Графъ Ф. С. Потоцкій.

30 Мая, 1791 года.

Въ н а.

П И С Ъ М О

КЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ.

Великая Государыня!

Древняя вольность и независимость Поляковъ есть виномъ, что смерть и рабство единочувственныя дѣйствія въ насъ производятъ. Жертвуя вольностію, ни чѣмъ толико заняты не были, какъ ея сохраненіемъ. На сей конецъ установили образъ такого правленія, гдѣ каждый былъ Королемъ въ правѣ своемъ и гдѣ возводили надъ собою единого не иначе, какъ вольнымъ гласомъ общества избраннаго. Властелины и купно подвластные, мы предписывали законъ, кой съ благоговѣніемъ исполняли. Вольность намъ господствовала. Всѣ повиновались закону. Король былъ избранный, члены общества свободны, Польша — Республика. Се образъ нашего общественнаго состоянія, Всемиловѣйшая Государыня! Но увы, исчезъ онъ, аки призракъ! надлежитъ умереть, или возстановить его. Горсть сочленовъ нашихъ, при помощи Варшавской черни и ополченія народной гвардіи, похитивъ законодательную власть и презрѣвъ древнія установленія отечества, пожертвовали Королю правами Республики. 3-ье Мая истекшаго года есть эпоха сего преобращенія. Избраніе Королей отринуты, престолъ поставленъ наследственнымъ, войска, доходы общественные и право милованія преступниковъ, преданы власти Королевской; пакта конвента похищены, клятвенное предъ цѣлымъ обществомъ обѣщаніе его разрѣшено освобожденіемъ отъ священныхъ обязательствъ, возложившихъ корону на главу его; объявленъ врагомъ отечества тотъ, кто дерзнетъ противомыслить новой Консти-

туціи; словомъ, Республика истреблена, преступленія предписаны, Самодержавіе постановлено. Всего прискорбите, что все сіе содѣлано пятою частію засѣдавшихъ на Сеймѣ, въ отсутствіе четырехъ прочихъ, вопреки большинству голосовъ противорѣчившихъ Сенаторовъ и Нунціевъ, присутствовавшихъ при переворотѣ, и противъ данныхъ отъ Воеводствъ наказовъ, а слѣдственно, противу общественнаго соизволенія; наконецъ, все сіе сдѣлано съ насиліемъ неприимѣрнымъ и съ презрѣніемъ важнаго сана Нунція, оскорбленнаго въ особѣ Господина Сухоржевскаго, коего едва могли спасти отъ смерти, ожесточеніемъ попиравшихъ его ногами наносимое.

Такое совершивъ преступленіе, стремились поддержать его силою, и для того, обратясь къ войскамъ, повелѣли имъ присягать Конституціи, для вѣщаго утвержденія новоустановленнаго рабства! Итакъ оружіе Республики устремлено въ собственное ея сердце; защитникъ права народнаго сдѣлался противу желанія собственно себя гонителемъ, и Поляки, набравъ и устроивъ 65,000 войска съ крайнимъ отягощеніемъ, стремились, омраченные, къ своей гибели; съ другой стороны подъятый правосудія мечъ приводилъ въ трепеть тѣхъ, которые расположены были противостать новой Конституціи, отвергать ее, или представлять существенныя оной погрѣшности. Учрежденъ совѣтъ обвинительный, дабы воздвигнуть гоненія и преградить пути къ остановленію непосредственно собою правъ своихъ. Всѣ стонуть, но никто безъ собственной гибели не можетъ главы подъять. Созванный на шесть недѣль Сеймъ присвоилъ себѣ право законодательное въ теченіе съ половиною трехъ лѣтъ, противу воспрещающаго гласа законовъ и, содѣлавшись совершенно незаконнымъ, простерся на похищеніе всецѣлой власти Республики. Законодатель былъ купно судіею и исполнителемъ и, по умноженію преступленій своихъ, самое право доносителя себѣ присвоилъ. Возникло пронаписаніе или осужденіе. Гетманъ Ржевускій и Генераль Артиллеріи Потоцкій, безъ суда и выслушанія оправданій обвиненные, лишенные важныхъ достоинствъ своихъ, были первыми мщенія жертвами. Верховный законъ Республики, повелѣвающій «не брать подъ стражу ни кого, кромѣ существенно виновнаго», испровержемъ въ лицѣ Господина Сухоржевскаго, коего арестовали безъ производства суда за то, что имѣлъ сочиненія, изъясняющія неудобства новой Конституціи.

Вышній Литовскій Трибуналъ принудили вооруженною рукою сдѣлать присягу новой Конституціи; Епископа Литовскаго, Косаковскаго, повлекли изъ дома его во храмъ, дабы принудить воспѣть «Тебе Бога хвалимъ;» за сіе, ими содѣянное Трибуналу оскорбленіе, дерзнули провазводить судъ надъ гражданами, вольности приверженными. Города наущали противу властей, а наконецъ произвели самое ослушаніе и развратъ въ поселянахъ противу владѣльцовъ ихъ, для того, чтобъ послѣдними понизить первыхъ, оба чиновостоянія подвергнуть рабству. Не все еще сіе. Они постановили, что собраніе двадцати благородныхъ нигдѣ терпимо быть не можетъ и предполагаетъ скопъ, бунтующій противу правленія, поразивъ чрезъ положеніе сіе ужасомъ и самыя единокровныя сообщества. Покровительство записывающимся въ мѣщанство произвело, что никто изъ благоурожденныхъ не можетъ благонадеженъ быть на слугу своего, не вѣдая, имѣетъ ли онъ за достойную плату ближняго услужника, или врага себѣ? Похищенные письма, ограбленные курьеры, задержанные путешественники, отняли всякое между гражданами сношеніе и лишили способовъ ко облегченію судьбы своей. Никто не пріобрѣтетъ въ тяжбахъ законной пользы своей, естли не будетъ ползать у Двора Королевскаго. Единъ защитникъ рабства выигрываетъ тяжбы; словомъ, нѣтъ болѣе вольности, собственности и вѣрности. Дошли до того, что законодателя принудили преобразиться въ клеветника и унизили его до такой степени для утвержденія жестокостей, коими неповинныхъ гражданъ обременить взялись. А что всего болѣе, дерзнули, въ полномъ собраніи Сената, представлять Королю... Но да умолчимъ и да сокроемъ отъ потомства нынѣ токмо возродившееся въ Польшѣ преступленіе и которое безъ строгаго взысканія существуетъ.

Се настоящій образъ Польши!

Благомыслящій гражданинъ всѣ средства, въ нѣдрахъ отечества открывающіяся, долженъ обратить на возстановленіе Республики. Но когда соборъ утѣсняющихъ похитилъ всю власть Республики, когда, до установленія Самодержавія, для усиленія себя, присвоилъ себѣ управленіе надъ войсками и общественными доходами, словомъ, когда овладѣлъ всѣми способами притѣсненія, отнял и само-

малѣйшій къ противоположенію, такъ что гражданинъ, не содѣлавшись преступникомъ, не можетъ уже гласно требовать права своего и вольности, ниже главу подзять; не лишившись оныхъ, въ такомъ случаѣ долгъ истиннаго сына отечества зоветъ къ снисканію вышшаго, благоспѣшествующаго вольности нашей, божества, когда для оной нѣтъ болѣе боговъ отечественныхъ. Сіе ниже земное, по возстановленіи Республики, пребудетъ въ роды родовъ божествомъ спасительнымъ.

Великая Екатерина! Ты, которая сподобна божеству, не величіемъ могущества своего, отъ него ниспосланнаго, но безпричѣнною благостію, ты едина сіе благотворное божество для возстановленія вольности нашей! Обладательница полкруга земнаго, превышающая собою всѣ свои пространныя владѣнія, ты предписываешь законы врагамъ твоимъ. Удивленная Европа безгласна предъ тобою... Нѣтъ болѣе ни противоборника тебѣ, ни соперителя. Соединенное гражданство Польское молить тя, яко Бога, благоспѣшествующаго вольности нашей, и взываетъ, яко къ защитницѣ своей. Величіе души твоея подвигаетъ тебя къ тому; дружба съ Республикою Польскою, запечатлѣнная торжественными договорами, есть священный законъ, коего исполненіе для тебя прехвально, а для Поляковъ благоденственно. Въ тебѣ единую надежду полагаемъ и отъ тебя единой благосостояніе свое обрѣсть надѣемся. Всемилостивѣйшая Государыня! Ты, которая наполнила вселенную величіемъ имени и побѣдъ твоихъ, а паче благосердіемъ, нежели ужасомъ сильнаго оружія твоего, даешь прибѣжище владыкамъ земнымъ и народамъ, ты ли поколеблешься простерть десницу твою угнетенной націи, союзной тебѣ и сосѣдней? Уже ли Король нашъ, по его же прошенію войска твои не единой разъ въ Польшѣ подвизались, щастливѣйшій въ помощи твоей, нежели тысячи и тысячи гражданъ, кои все упованіе на тебя возлагають и кои, противоборствуя самовластію, безъ могущей десницы твоей, бессильны расторгнуть узы, беззаконнымъ Сеймомъ на нихъ наложенныя? Нѣтъ, Великая Государыня, познаніе тебя вселестныя упованія наши утверждаетъ; всегда единомысленна и всегда превосходна, являешься величественнѣйшею при вниманіи жалобамъ поработченнаго гражданства. Всемилостивѣйшая Самодержица! Колико народовъ, подвластныхъ скипетру

твоему, одолжены тебѣ благоденствіемъ своимъ!.. Сотвори, да Полякъ, сосѣдъ и союзникъ твой, обязанъ будетъ тебѣ своею вольностію! Имя твое впечатлѣется въ потомствѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ истиннаго величія признанія... Сдѣлай, да и въ позднѣйшемъ потомствѣ Поляковъ то жъ благоговѣйное признаніе воспыхаетъ!

ПИСЬМО

КЪ КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ О 3 МАЯ.

Всепресвѣтлѣйшій Король,

Всемилоствѣйшій Государы!

Письмо Вашего Королевскаго Величества, которымъ повелѣваете, дабы я, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, явился въ Варшаву къ должности моей, привело меня въ крайнее удивленіе.

Позвольте, Ваше Королевское Величество, съ глубочайшимъ почитаніемъ спросить: чего отъ меня ожидаютъ въ Варшавѣ, гдѣ бы я явился въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, и какія то суть мои должности, который бы, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, я обязанъ исполнить? Потребенъ ли я тамъ находиться, яко Гетманъ? Но время предсѣданія моего уже миновало, и Гетманъ-Предсѣдатель въ Военной Коммисіи въ сіе время не долженъ.

Надобенъ ли я тамъ, яко засѣдающій на Сеймѣ Военный Министръ? То на сіе нѣтъ ни какого узаконенія, которое бы требовало, чтобы Военнаго Министра присутствіе на Сеймѣ безотлучно было нужнымъ, и чтобы Сеймъ безъ его отправляться не могъ.

Прошествіе 3-го Мая научило меня и весь свѣтъ, что тамъ ничего не значитъ Министръ, гдѣ насиліемъ, гдѣ множествомъ вооруженнаго и къ Сенату насланиаго общества, законы на весь народъ налагаются, коиъ, за согласіемъ народнымъ, удержать надежды не предвидится.

Желають ли меня имѣть тамъ для одержанія команды надъ войскомъ? Но нынѣ, когда уже власти Гетманской нѣтъ, и когда тотъ Гетманъ токмо войскомъ управляетъ, которому стражъ управлять онымъ дозволить, то позволять ли онымъ управлять больше тому Гетману, который Конституція 3-го Мая противень!

Ожидають ли, наконецъ, отъ меня совѣта? Но сей и изъ отдаленнаго мѣста подавъ быть можетъ, да и въ дачи онаго надобности не предвижу; ибо Сеймъ, конечно, ему не послѣдуетъ, вѣдая, что оный всегда будетъ одинаковъ, и всегда таковъ, что бы преклонить Республику къ памятованію, что оковы всегда суть оковами, и хотя оныя общественною, хотя частною возложены рукою, равно суть тягостны. Какія убо суть мои должности, которыя, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, присутствія моего требуютъ? Нѣтъ ни какихъ. Ежели жъ нѣтъ ни какихъ, то для чего жъ бытности моей въ Варшавѣ неотиѣнно требовать и принуждать меня явиться тамъ, гдѣ нѣтъ къ тому ни какихъ причинъ?

Ежели присутствія моего требуютъ безъ надобности, то требовать того, въ чемъ нѣтъ ни какой причины, есть несправедливо. Буди же сіе дѣлается въ такомъ намѣреніи, дабы, во время бытности моей, удобнѣе было меня преслѣдовать, то сіе ни пристойно, ни достойно. Съ какой стороны ни взять, вездѣ вижу, что меня тамъ не надобно, что безъ меня тамъ обойтись можно.

Ваше Королевское Величество въ письмѣ своемъ присовокупяете и то, дабы я явился въ Варшавѣ для утвержденія присягою Конституціи, 3-го Мая учиненной; но можно ли сей присяги отъ меня требовать? Случается, дѣйствительно, что требуютъ повиновенія даже несправедливому закону, который въ состояніи установить насиліе; однако, извѣстно и то, что требовать нельзя, чтобы гражданинъ былъ обязанъ признать законъ добрымъ тотъ, о которомъ увѣренъ, что онъ не есть таковъ, ниже принудить его можно, дабы онъ равнаго мнѣнія былъ о томъ законѣ со всѣми тѣми, которые его установили. Искать сего есть жестокое насиліе, а принуждать къ присягѣ на положеніе другихъ есть жестокость въ найвысшей степени. За тѣмъ слѣдуетъ, что никто, меня къ перемѣнѣ мнѣнія моего, относительно до Конституціи, принуждать не долженъ, а вѣще того принуждать меня до присяги, безъ содѣланія мучительства, не можно.

Позвольте, Ваше Королевское Величество, дѣло сіе обстоятельнѣе разсмотрѣть и испытать, кто сію присягу на Конституцію 3-го Мая дѣлать повелѣваетъ? Тѣ токмо, которые безъ бытности пяти частей Сеймующихъ законы писали, и изъ коихъ еще половинная часть противъ той Конституціи протестовала, что дневныя записки нынѣ уже запрещены, чему доказательствомъ есть Манифестъ Воеводства Волынскаго.

По какому жь узаконенію ту присягу назначаютъ? По тому, котораго нѣтъ, ибо Воеводства въ наставленіяхъ своихъ, сохраненіе вольнаго выбора Королей, сохраненіе вольной Республики, а не установленіе наслѣдней Монархіи власти Королевской, повелѣли.

Налагать присягу на Конституцію отъ 3-го Мая, т. е., на наслѣдство престола Монархіи, значитъ налагать присягу на то, на что народнаго соизволенія не было. А присягать на томъ, гдѣ народнаго соизволенія не было, никто права не имѣетъ. На какую жь, наконецъ, Конституцію присягу налагаютъ? На Конституцію, которую уланы, гвардія Коронная и общество Варшавское, во множествѣ къ Сенату собранное, заглушивъ свободной голосъ Пословъ, устрашили смертію тѣхъ, которые бы прекословить осмѣлились, сылясь угроженія свои свершить на освященной особѣ Посла Г. Сухоржевскаго, коего поверженнаго на землѣ и погами попраннаго, изъ подъ ногъ, попирающихъ его, едва освободить удалось, насильно Польскому дали народу. Все сіе въ точности происходило.

О всемъ семъ неустрашимый мужъ, истинный Полякъ, вѣрный сынъ отечества, помянутый Г. Сухоржевскій, манифестомъ своимъ доносилъ народу.

Позвольте, Пресвѣтлѣйшій Король, позвольте Ваше Королевское Величество, доложить себѣ, возможно ли присягать на Конституцію, которая десятою частію народа, мимо вѣдома девяти частей онаго, усгановлена, которая, наконецъ, насиліемъ (коего дай Богъ никогда въ Польшѣ не знагы!) учреждена? Чтобы такая Конституція было законная, чтобы она была полезная, того ни какой вольный гражданинъ сказать не можетъ. Еслии жь доказано, что она не есть законная, но есть вредная, то какъ

онъ можетъ присягать въ томъ, что она полезна? Имени Божіаго призывать всуе не должно, и горе тому, кто присягу, яко вещь величайшаго благоговѣнія требующую, несчастною поставляетъ себѣ игрою!

Наконецъ, какая надобность предлежитъ въ сей присягѣ, когда Конституція 3-го Мая есть либо полезная, либо вредная? Если она полезная, то присяга для ней ненужна, по тому что народъ, вѣдая свое благополучіе, приметъ оную и блюсти ее стараться будетъ; ежели жъ вредная, то присягою ее утвердить не можно; ибо въ такомъ случаѣ и гражданинъ и воинъ не могутъ иначе на ее присягнуть, какъ токмо будучи или устрашены, или обольщены; обольщеніе же и устрашеніе важности присяги не составляютъ.

Я, будучи ни устрашенъ, ни обольщенъ, присяги на Конституцію отъ 3-го Мая учинить не могу; самаго бы себя стыдиться долженъ, если бы я съ сердцемъ моимъ уста имѣлъ не согласныя.

Я бы измѣнилъ Богу, если бы на имя его обѣщалъ то, чего сдержать желанія не имѣю.

Наконецъ погрѣшилъ бы противу отечества, если бы я, родившись въ ономъ вольнымъ, учинилъ присягу на его рабство. Что я за отечество терпѣть умѣю, Ваше Королевское Величество извоили видѣть. Ваше Величество также знаете, что сохраненіе вольнаго правленія предпочитаю я моему чину, моему имѣнію и всему тому, что имѣю; что потеряннѣ всего, что послѣдняя нищета отъ доброжелательства къ моему отечеству отворотить меня никогда не возможетъ, узреть Ваше Королевское Величество можетъ быть и сіе.

Но никто сего не увидитъ, чтобы я, для какихъ либо видовъ, Королямъ Польскимъ жертвовалъ отечественною вольностію. Наслѣдство престола есть гробъ вольности Польской; то могу ли я быть тѣмъ, который гробъ вольности ископалъ?

Ваше Королевское Величество есть первѣйшій Полякъ; то можете ли требовать отъ меня, дабы не быть мнѣ онымъ? Нѣтъ, Пресвѣтлѣйшій Государь, мы оба Поляками, какъ Ваше Королев-

ское Величество, такъ и я, родились, и для того по Польску обомъ намъ должно вми слить.

Ваше Королевское Величество изволили присягать въ договорныхъ статьяхъ, что о наслѣдствѣ Престола и помыслить не должны; и если бы Ваше Королевское Величество на семъ пунктѣ въ то время не присягали, то бы, конечно, Короны Польской не получили. За присягою убо сею, Богу и народу всему собранному послѣдовавшею, отъ такого условія, подъ которымъ вы Корону получили, ничто Вашего Величества уволить и никто разрѣшить не можетъ, о чемъ и вѣрный въ сохраненія Республики Посоль Подольскій, Г. Злотницкій, въ нещатный оный день 3-го Мая, по средѣ самой революціи, Вашему Королевскому Величеству докладывалъ.

Присягалъ и я на вѣрность Республикѣ, но на пагубу ея въ другой разъ, конечно, присягать не стану. Жестокостію казней, 3-го Мая опредѣленныхъ, тщетно угрожаютъ мнѣ; тому угроженія страшны, кто въ чемъ либо свои интересы имѣеть. Невинный пропасть можетъ, но смущеннымъ быть не можетъ. Если гибнетъ, то гибнетъ онъ съ спокойствіемъ, и въ самую ту минуту, когда рука непріязненная его достигнетъ, жалѣть онъ болѣе объ оной, нежели о себѣ. Жребій мой въ рукахъ Божіихъ, и какой мнѣ ни опредѣлитъ, прійму его съ благоговѣніемъ. Знаю, однако жъ, что есть Шляхтичъ, что есть вольный: защиту сію, отъ Бога мнѣ данную, самой моей жизни предпочитаю. Знаю и то, что никто права не имѣеть налагать на меня оковы. Если же бы наложить оныя кому либо удалось, то остается мнѣ всегда право низвергнуть оныя, какъ только бы удобность открылася.

Симъ-то правомъ нынѣ пользуюсь, протестую, чрезъ сіе мое писаніе (понеже въ актахъ протестовать противъ положеній Сеймовыхъ, хотя бы были насильственные, Сеймъ уже запретилъ), противу наслѣдства Престола, новымъ закономъ установленнаго, противъ Конституціи 3-го Мая, яко Правительство Республиканское на Правительство Самодержавное превращающій, наконецъ противу всѣхъ тѣхъ насилій, которыя до учрежденія той Конституціи проишествіямъ 3-го Мая спосишествовали.

Готовъ терпѣть за отечество, и въ полной надеждѣ, что народъ Польскій, народъ благородный, добродѣтельный, снявъ омыжды завѣсу, коею глаза его покрываютъ, не попуститъ погубить тѣхъ, кои, для защищенія вольнаго Правительства, для сохраненія Польскаго имени, всѣмъ жертвуютъ.

Въ писаніи моемъ, за нѣсколько лѣтъ противу наслѣдства Престола изданномъ, говорилъ я, что установленіе наслѣдства и Самодержавія въ Польшѣ влечетъ за собою раздѣленіе Польши.

Ни одна сосѣдственная Держава наслѣдственного и самодержавнаго, вновь устроеннаго при границахъ своихъ, Престола терпѣть не можетъ. И какъ только отвратить того и другаго не въ состояніи, то пожелаетъ лучше раздѣла, нежели Самодержавію остаться. По тому что, чрезъ первое усилившись, сдѣлается равная съ другими, а чрезъ послѣднее, когда новая Самодержавная Монархія съ непріателемъ ея въ союзъ вступитъ, то въ безсміе прійти можетъ.

Говорю сіе я нынѣ, дабы предъ Богомъ и отечествомъ не быть виновникомъ, и говорю, что единственное средство сохранить Государство Польское состоятъ въ томъ, чтобы возвратитъ ей Республиканское правленіе. Не дай Богъ, чтобы нынѣшнее Правительство, которое ни вольности, ниже сосѣдямъ нашимъ не полезное, могло навлечь на насъ сію угрозу!

Отвратить оную значить любить отечество; преслѣдовать же невиннаго гражданина за то, что онъ вѣрный Республикѣ, что вольность народную защищаетъ, не знаю, можетъ ли назваться любить отечество?

Въ заключеніе прошу Вашего Королевскаго Величества милости, ради общаго нашего отечества, коего будучи вмѣстѣ сыномъ и отцомъ, благоволили принять во уваженіе то, что не тотъ есть великъ, который единоземцевъ своихъ лишаетъ вольности, но тотъ, который, имѣя въ рукахъ своихъ, возвратитъ оную добровольно народу; что тѣхъ самыхъ присяги угроженія, запрещенія говорить, писать и печатать противъ Конституціи 3-го Мая, которыя дѣлаются для удержанія той же Конституціи, явнымъ суть доказательствомъ; что Конституція сія съ народною

вольностию не совмѣстна, и что народъ ее терпѣть только принужденъ по разнымъ обстоятельствамъ; что народъ принужденный не есть народъ увѣренный; что народъ не увѣренный, когда принужденъ молчать, принужденъ таковъ и терпѣть. Богъ вѣсть, что язь всего сего произойти можетъ. Но что бы ни произошло, имѣеть отдать отчетъ Вышнему тотъ, кто Поляковъ до отчаянія приводитъ. Остаюсь

Вашего Королевскаго Величества,
Милостивѣйшаго моего Государя,
вѣрный Совѣтъ и Военный Министръ,
Северинъ Ржевускій,
Гетманъ Полній Коронный.

Генваря 1-го,
1791 года.
Въ Яссахъ.

П Л А К А Т Ъ

ГЕНЕРАЛЬ-АНШЕФА МИХАЙЛА НИКИТИЧА КРЕЧЕТНИКОВА О ПРИЧИНѢ ВСТУПЛЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ.

Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей, Генераль-Аншефъ, командующій Россійскими войсками, вступающими въ Великое Княжество Литовское, Сенаторъ, Тульскій и Калужскій Генераль-Губернаторъ, воинскій Инспекторъ, и Орденъ Велико-Россійскихъ Святаго Александра Невскаго и Святаго Равноапольскаго Князя Владимира первой степени, Польскаго Бѣлаго Орла и Святаго Станислава, и Велико-Княжескаго Голстинскаго Святыя Анны Кавалеръ, Михайло Кречетниковъ.

Объявляемъ симъ всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Получивъ повелѣніе отъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, съ войсками, начальству нашему ввѣренными, вступить въ предѣлы яснѣйшей Республики Польской, на помощь и оборону гражданъ ея, несправедно угнѣсненныхъ и древней вольности лишенныхъ насильствомъ беззаконной Конституціи, въ 3-й день Мая, минувшаго 1791 года, введенной ими, сѣшимъ, для успокоенія всѣхъ благонамѣренныхъ и невинныхъ всякаго состоянія жителей, сообщить имъ при семъ всенародно изданную въ Варшавѣ Министромъ Ея Императорскаго

---

* См. его «Дневныя Записки», напечатанныя въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1863 г., кн. 4, стр. 59 — 60.

Величества Декларацию, * изъясняющую истинныя причины, побудившія Ее къ повелѣнному намъ поступку. Всякъ благоразумный, добрый и безпристрастный Полякъ, долженъ усмотрѣть изъ онаго непорочность и благость Ея намѣренія въ пользу древней Ея пріятельницы и союзницы, Республки Польской, недавно процвѣтавшей въ свободѣ и независимости, нынѣ же, къ крайнему Ея сожалѣнію, въ сущее порабощеніе вверженной. По чему и уповаю, что вступленіе наше въ сіи земли, вмѣсто страха и смятенія, разсѣетъ повсюду удовольствіе и отраду; ибо оно не въ иномъ видѣ дѣлается, какъ для поданія помощи и подкрѣпленія самимъ вѣрнымъ сынамъ отечества, сконфедеровавшимся для освобожденія онаго отъ ига, на него возложеннаго и для возстановленія прежнихъ его правъ и преимуществъ. Предупредивъ таковымъ объявленіемъ всякое недоразумѣніе, могущее иногда произвестъ неприятельныя дѣйствія, мы приглашаемъ всѣхъ, ревнующихъ къ сему спасительному подвигу, ихъ соотчичей, и приступить къ нимъ и содѣйствовать благому ихъ предпріятію, обнадеживая, впрочемъ, таконыхъ въ сильномъ и дѣятельномъ нашемъ покровительствѣ, а другихъ, оставшихся спокойно при ихъ жилищахъ и благопріятствующихъ нашимъ войскамъ, въ томъ, что каждый изъ нихъ останется при его свободѣ, имуществѣ и упражненіи безопасно и непринужденно, судъ расправа и внутреннее управленіе во всякомъ мѣстѣ, гдѣ вступитъ войско Россійское, сохранятся отъ всякаго отъ него прикосновенія, воинская дисциплина соблюдется въ самой вышней степени, и всякому оказано будетъ охраненіе отъ обидъ и разоренія; напротивъ того тѣ, которые, не уваживъ сего нашего объявленія, будутъ противоборствовать великодушнымъ намѣреніямъ Ея Императорскаго Величества, клонящимся къ спасенію собственнаго ихъ отечества, съ таковыми, яко съ неприятелими Россійской Имперіи, поступлено будетъ безъ всякой пощады. Данъ, за подписаніемъ нашимъ и съ приложеніемъ печати герба нашего, въ главной квартирѣ нашей при Вильнѣ, 14 Іюня, 1792 года.

* Яковомъ Булгаковымъ. См. Полное Собраніе Россійскихъ Законовъ, томъ 23, № 17,044, 1792 г., Мая 6 дня.

РОССІЯ И ПОЛЬША

въ XVII-мъ столѣтіи.

Семнадцатый вѣкъ можетъ почитаться временемъ, опредѣленнымъ Провидѣніемъ для совершеннаго укрѣпленія Россіи и для начала паденія Польши. Не будемъ входить въ описаніе главныхъ причинъ, доведшихъ Польшу до ея упадка. Не станемъ говорить о ничтожности Королевской власти въ сравненіи съ самовольствомъ пановъ и шляхетства; не будемъ описывать нелѣпаго фанатизма Католическаго духовенства, желавшаго придать крѣпость Польшѣ посредствомъ насильственнаго обращенія Православныхъ въ Латинство. Все это извѣстно. Но нельзя не замѣтить, что всѣ эти разрушительныя силы подкапывали существованіе Рѣчи Посполитой въ то самое время, когда Россія, окрѣпнувъ, послѣ смутнаго времени, подъ сѣнію единодержавія, становилась ежедневно сильнѣе и сильнѣе. Можно ли было Польшѣ продолжать существованіе свое возлѣ того исполина, который, побочъ съ нею, росъ да росъ? Очевидно, что нельзя. Поляки не составляли сплошной многочисленной и тѣсной народности. Устройство Польши не только стояло ниже устройства современныхъ народовъ, но не достигало даже устройства древнихъ Азіійскихъ Монархій, Ассирійской, Мидо-Персидской, Египетской. Въ древнихъ Азіійскихъ Монархіяхъ населеніе раздѣлялось на нѣсколько кастъ. Были земледѣльцы, ремесленники, торговцы, военные и проч. На лѣствицѣ Государственной іерархіи нѣкоторыя касты стояли выше другихъ. Но къ какой бы кастѣ кто ни принадлежалъ, всѣ были лично люди свободные, и всѣ были граждане одного Государства. То ли видимъ мы въ Польшѣ? Въ городахъ одни только отвратительные Жиды, сосавшіе народную кровь и угождавшіе панамъ и

Католическому духовенству содѣйствіемъ своимъ къ истязанію Православнаго духовенства и Православнаго населенія. Въ городѣ пьяные, буйные и не подчиненные ни Королю, ни закону, паны и шляхтичи. Всюду алчные и безпощадные ксеназы, отдавашіе Православные храмы на откупъ Жидамъ, въ той надеждѣ, что, измученный различными истязаніями, Православный народъ обратится, наконецъ, въ Латинство. А народъ что? Народъ, т. е., не нѣсколько тысячъ пановъ и шляхтичей, не каста малочисленная ксендзовъ, а вся масса жителей Польши, вся ея сила, все ея богатство, народъ этотъ — быдло, скоть, рабъ, надъ которыми панъ имѣлъ право жизни и смерти. Вотъ Польша въ 17 и 18-мъ столѣтіяхъ. Не пожалѣть должно о паденіи подобнаго Государства, но радоваться тому, что гражданское общество, основанное на столь уродливыхъ, незаконныхъ и отъратительныхъ началахъ, пало, наконецъ, подъ сѣкирою того Государства, которому опредѣлено было Провидѣніемъ призвать массы народныя къ новой религіозной и гражданской жизни.

Русскіе Цари почувствовали святость этого призванія въ 17 столѣтіи. По смерти Сигизмунда III, случившейся 30 Апрѣля, 1632 года, былъ избранъ въ Короли Польши старшій сынъ покойнаго Короля, Королевичъ Владиславъ. «Хотя въ царствованіе этого Государя, говоритъ Г. Лоренцъ въ своемъ «Руководствѣ ко Всеобщей Исторіи», господствовалъ ббльшую частію миръ, однако въ это самое время въ Польшѣ начала разгораться бодѣ и бодѣ религіозная вражда. Сознавая свой перевѣсъ, Католическая партія, господствовавшая въ Сенатѣ и на Сеймѣ, дошла до того, что уничтожила основное положеніе религіознаго мира, ограничивъ названіе Диссидентовъ одними только не Католиками. Съ этого времени Католическое исповѣданіе сдѣлалось въ Польшѣ господствующимъ, всякая же Церковь, отступавшая отъ него, пользовалась только правами терпимости. И хотя Король долженъ былъ дать клятву въ охраненіи религіознаго мира, однако эта клятва заключала въ себѣ не тотъ смыслъ, какъ прежнія». Чувствуя свою силу (ибо ее поддерживало все шляхство), Католическая партія увлекла за собою Правительство въ самое жестокое гоненіе на Разновѣрцевъ. Въ 1638 году подверглись гоненію Социніане или Унитаристы, отвергавшіе ученіе о Святой

Тромцѣ. Въ 1645 году (20 Августа) послѣдовало знаменитое прѣше, происходившее въ Торуцѣ и кончившееся слышѣйшимъ ожесточеніемъ Католиковъ противъ Протестантовъ. Наконецъ дѣло дошло и до Греческой Церкви.

Извѣстно, до какой степени Сигизмундъ III былъ преданъ Латинству, Вѣроисповѣданіе этого Государя доходило до того, что вовлекло его въ войну съ роднымъ дядею. Карломъ IX, возведеннымъ на Шведскій престолъ единственно по той причинѣ, что Сигизмундъ, бывши въ одно время Королемъ Польши и Швеціи, не хотѣлъ посѣщать Шведовъ, какъ людей, отлученныхъ отъ Церкви. Послѣ неудачной войны своей съ Густавомъ Адольфомъ, сыномъ Карла IX, кончившейся въ 1629 году миромъ (въ Альтмаркѣ, 26 Сентября), лишившимъ Польшу ея правъ на Ливонію, Король Сигизмундъ предался еще болѣе своему Католическому изступленію. Латиняне получили рѣшительный перевѣсъ въ Королевствѣ, по тому что ихъ духовенство пріобрѣло политическое значеніе, чего не имѣли ни Епископы Греческіе, ни проповѣдники Протестанскіе. Унія, введенная въ Литву въ 1596 году (9 Октября) на Соборѣ въ Брестѣ и проповѣданная орденомъ Езуитовъ съ величайшимъ рвеніемъ, увлекла за собою значительную часть жителей Литвы и Бѣлоруссіи, и многочисленные приверженцы Греческой Церкви, въ слѣдствіе Католическихъ козней и гоненій, были доведены до соединенія съ Римской Церковію, на основаніи постановленій Флорентійскаго Собора. Но ежели многіе изъ сыновъ Восточной Церкви и перешли силою въ Унію, однако еще большее число людей, исповѣдававшихъ Православіе, осталось вѣрно своему убѣжденію и, не взирая на насилія Католиковъ, продолжало исповѣдывать правила Восточной Церкви. Эта вѣрность и непоколебимость въ Вѣрѣ, выказывая высокую нравственную силу, заслуживаютъ влиятѣйшей похвалы. Въ то же время онѣ послужили въ пользу Россіи, ибо содѣйствовали къ усиленію взаимной вражды между Католиками и Православными. Съ тѣхъ поръ, какъ близорукіе правители Польши, не предвидя пагубныхъ послѣдствій, которыя должны были поразить Польшу, предалися своему вѣроисповѣданному ослѣпленію, перевѣсъ Россіи надъ Польшою сдѣлался неизбѣженъ. Съ одной стороны находилось Правительство сильное,

давшее Русскому Государству могучее устройство, военное и политическое, правительство, уважавшее вѣромсповѣдныя убѣжденія каждаго, начиная отъ Буддиста и оканчивая Православнымъ народомъ, съ другой стороны Правительство, Духовенство и Дворянство, почитавшія всякаго не Дворянина животнымъ, и всякаго не Католика изычникомъ.

Лишь только послѣдователи Восточной Церкви увидѣли себя въ когтяхъ у Католиковъ, какъ первымъ ихъ побужденіемъ было прибѣгнуть къ Россіи. Мудрый Алексѣй Михайловичъ понялъ немедленно, что настала часъ возвратить все, утраченное въ прежнее время, и приступилъ къ войнѣ съ Польшею. Даже и Михаилъ Ѳedorовичъ, по смерти Сигизмунда, предпринималъ походъ противъ Поляковъ, для возвращенія Смоленска Россіи. Но этотъ походъ былъ неудаченъ, и 15 Іюня, 1634 года, Россія заключила съ Владиславомъ миръ (на р. Поляновкѣ, близъ Вязьмы), по которому за Польшею утверждены снова всѣ владѣнія, уступленныя ею прежде. Но при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣла пошли лучше.

Въ 1654 году началось, съ одной стороны, рѣшительное возрастаніе Россіи, а съ другой быстрое паденіе Польши. Польское духовенство и свѣтскіе вельможи хотѣли придать Польшѣ искусственную силу, преслѣдуя Русскую народность и Русскую Вѣру; но Русская народность, обороняя свои права, бросилась въ объятія Россіи. Не взирая на самый положительный и точный договоръ, заключенный Гетманомъ Хмельницкимъ съ Іоанномъ Казимиромъ, Королемъ Польскимъ, 1649 года, въ Зборовѣ, по которому Малороссійскимъ Казакамъ даровались большія права и льготы, по которому востановлялось ихъ прежнее правленіе, по которому Король отказывался отъ введенія Уніи въ Малороссіи, предоставляя имъ во владѣніе всѣ земли по рѣки Горынь и Днѣстръ до нынѣшней Бессарабіи, Буковины и Галиціи, не смотря на этотъ священный договоръ, вѣроломныя Польскіе паны, руководимые Католическою партіею, не сдержали слова. Поляки тѣснили Казаковъ на всѣхъ точкахъ, а Казаки, съ своей стороны, волновались противъ Поляковъ. Надѣясь на свою силу, Король Польскій рѣшился, наконецъ, покончить съ безпокойными Казаками и, собравъ сильное войско, напалъ на нихъ. Открылась жестокая война, шедшая съ переменнымъ счастіемъ. Тогда

Вогданъ Хмельницкій, постигая всю трудность своего положенія, рѣшился воззвать къ Алексію Михайловичу съ просьбою о принятіи Малороссіи въ соединеніе съ Россіей.

Царь, увлекаясь чувствомъ миролюбія и страшась войны съ Польшою, явилъ себя сначала только ходатаемъ за Малороссійскихъ Казаковъ, и требовалъ, чтобъ Польское правительство подтвердило права ихъ и не посягало болѣе на ихъ вѣру. Но Іоаннъ Казимиръ и паны его отвергнули сіе требованіе. Тогда Царь, снисходя на прошеніе Казаковъ, принялъ ихъ подъ свою высокою руку. Казаки учинили ему присягу въ вѣрности. Малороссія объявлена была навсегда соединенною съ Россією. Въ присутствіи Царскихъ посланниковъ учинено было, по сему случаю, въ городѣ Переяславѣ (8-го Января, 1654 г.), постановленіе. Казаки сохранили права самоуправленія, но утратили Государственную самостоятельность. Гетманъ призналъ себя подручникомъ Царя. По 6-й статьѣ Переяславскаго постановленія, вновь избранный Казаками Гетманъ долженъ былъ являться предъ Царя; для полученія отъ него знаковъ своего достоинства и подтвердительной на то грамоты. А согласно седьмой статьѣ того же постановленія, Гетману не дозволялось принимать посланниковъ отъ иностранныхъ Государствъ, которыхъ онъ долженъ былъ отсылать къ Царю, также и отъ себя не имѣлъ Гетманъ права, безъ Царскаго Указа, отправлять посланниковъ къ чужимъ Государямъ. Переяславскій договоръ послужилъ вызовомъ къ войнѣ между Россіей и Польшою. Прежде нежели Поляки успѣли образумиться, Царь завладѣлъ Смоленскомъ (при помощи Малороссійскихъ Казаковъ), Невелемъ, Могилевомъ, Шкловомъ и Полоцкомъ. Въ то же время войска его заняли Стародубъ, Нѣжинъ, Переяславъ, Кіевъ и всю Украину. Не смотря на отчаянную защиту, Поляки не могли охранить своихъ владѣній отъ нападенія Русскихъ, и Царь за тѣмъ овладѣлъ Минскомъ, Городномъ и Вильною, гдѣ соединились Царскія войска съ Гетманскими (1655 года). Вся Бѣлая Русь и Литва были въ рукахъ Царскихъ. На югѣ Хмельницкій покрывалъ себя неуздаемой славою. Разбивъ Поляковъ, онъ проникнулъ до Львова, а Бояринъ Бутурлинъ овладѣлъ Люблиномъ. Уничтоженная Польша не постыдилась тогда воззвать къ Крымскому

Хану, и Ханъ вооружился на защиту Католицизма, точно также, какъ, спустя два вѣка, Католицизмъ вооружился на защиту Исламизма. Католицизмъ, по враждѣ своей къ Православію, никогда не прочь отъ союза съ Исламизмомъ. Франція, старшее чадо Католической Церкви, живетъ въ союзѣ съ Исламомъ съ царствованія Франциска 1-го, т. е., съ 16-го столѣтія. Въ 1854 году Французское духовенство не стыдилось тоже молиться за Турокъ въ церквахъ и съ кафедры вызывало Католиковъ къ борьбѣ противъ Русскихъ и Грековъ за Вѣру, въ соединеніи съ Турками и Англичанами.

Вооруженіе Хана вынудило Хмельницкаго и Бутурлина оставить Польшу. Послѣ переговоровъ съ Гетманомъ, принужденъ былъ Ханъ отступить въ Крымъ. Польша, увидѣвъ себя потерянною (ибо Шведы воевали ее въ одно время съ Русскими), рѣшилась просить мира у Русскаго Царя. Римскій Императоръ явился посредникомъ. Предложенныя условія были очень выгодны, и по тому Царь склонился на мировую, и 21 Сентября, 1656 года, было заключено перемиріе. Царю предоставлено было временное владычество надъ всѣми, покоренными его оружіемъ въ Польшѣ, городами и мѣстами. Согласились также, что на первомъ Сеймѣ будетъ разсуждаемо объ избраніи наслѣдникомъ Іоанну Казимиру или Царя Россійскаго, или сына его. Заключивъ сіе перемиріе, Царь началъ войну съ Швеціею, въ защиту Польши, какъ будущаго своего наслѣдства. Война эта окончилась Кардискимъ мирнымъ договоромъ, подписаннымъ 28 Марта, 1661 года, по которому Русскіе оказались отъ своихъ завоеваній въ Ливоніи и т. д.

Въ одво и то же время и Поляки помирились со Шведами. Имѣвъ въ виду одно только избавленіе себя отъ натиска Русскихъ, Поляки, обѣщавшіе торжественно Польскій Престолъ Русскому Царю по смерти Іоанна Казимира, не думали болѣе объ исполненіи этого условія, съ тѣхъ поръ, какъ миръ ихъ со Шведами былъ подписанъ въ Оливѣ. Напротивъ, они помышляли о томъ только, какъ бы отмстить Русскимъ, за ихъ вторженіе въ Польшу. Со стороны Украйны они не опасались никого. Хмельницкаго не было болѣе на свѣтѣ (ум. 1657 г.), а новый Гетманъ, Вьговскій (изъ плѣнныхъ Поляковъ), былъ на ихъ сторонѣ. И такъ, заключивъ въ 1660 году миръ со Шведами въ Оливѣ, и,

надѣясь на содѣйствіе Виговскаго и Крымскаго Хана, Поляки направили всѣ свои силы противъ Россіи. Война производилась восемь лѣтъ (1659 — 1667), съ величайшемъ ожесточеніемъ, и хотя успѣхи наши на полѣ брани были въ первые 4 года незначительны, за то въ послѣдніе 3 мы снова овладѣли Бѣлоруссіей, а на югѣ всѣмъ лѣвѣмъ берегомъ Днѣпра. Въ это время какъ Польша, такъ и Россія почувствовали наконецъ необходимость взаимно примириться. Польша, изнуренная долгими войнами и раздражаемая внутренними несогласіями и разными партіями, между которыми Разновѣрцы, т. е., Протестанты и Православные, преслѣдуемые ненасытными Католиками, играли главную роль, Польша непремѣнно погибла бы, если бы Россія не согласилась на миръ. Съ другой стороны, Россія также чувствовала необходимость успокоиться; ибо 1) истощеніе казны и великая нужда въ деньгахъ заставили Царя, вмѣсто серебряныхъ монетъ (копѣекъ), каковыя до того времени обращались въ Государствѣ, пустить въ обращеніе мѣдныя копѣйки, съ присвоеніемъ имъ внутренняго достоинства прежнихъ серебряныхъ. Народъ не ропталъ на эту новость, такъ какъ все оставалось въ прежней цѣнѣ. Но корыстолюбіе нѣкоторыхъ Бояръ, кои, пользуясь обстоятельствомъ, собирали серебряныя монеты, а въ обращеніи оставляли однѣ только мѣдныя, и, въ слѣдствіе сего, возвышеніе цѣны на всѣ произведенія, возбуждали напоследокъ въ народѣ ропотъ, превратившійся потомъ въ возстаніе, грозившее великою опасностію Россіи. Казнь, однако, главныхъ зачинщиковъ и уничтоженіе ложной монеты прекратили это бѣдствіе. 2) Малороссійскіе Казаки были недовольны введеніемъ у нихъ мѣдной монеты и, подстрекаемые неблагонамѣренными людьми, начали волноваться, распались на нѣсколько становъ съ особыми Гетманами, призвавшими Пляковъ къ себѣ (Юрій Хмельницкій и Тетера), съ которыми едва справились оставшіеся вѣрными Царю, соединясь съ его войсками. 3) Турецкій Султанъ, видя дурное положеніе Польши, раздражаемой внутренними и внѣшними врагами, не скрывалъ намѣренія воспользоваться тѣмъ. Замыслы Султана привели Польшу въ ужасъ; Россія они показались также очень опасными. Чтобъ сберечь себя отъ столь опаснаго сосѣда, Рѣчь Посполитая и Русь рѣшились примириться. Обоюдные послы съѣхались въ деревнѣ Андрусовѣ, между Смоленскомъ и Мстиславлемъ, и въ 1667 году за

ключили на тринадцать лѣтъ съ половиною перемиріе между Россією и Польшею.

Андрусовскій договоръ, содержащій въ себѣ 29 статей, составилъ не легко. Тридцать разъ съѣзжались полномочные, и расходились, не окончивъ дѣла, наконецъ на тридцать первомъ за сѣданіи договоръ былъ подписанъ. Въ силу III статьи Царю остались: Смоленскъ съ Сѣврскою областію, Дорогобужь, Бѣлой, Невель, Себежъ, Красный, Велижъ, также города и земли на лѣвой сторонѣ Днѣпрѣ, простирающіяся отъ Кіева до Путивля. Жители городовъ и селъ, взаимно уступленные, удерживали свободу своего Богослуженія, т. е., Грекороссійскаго и Католическаго. Россія, вмѣсто подражанія Польскому изуверству, обезпечивала каждому изъ своихъ подданныхъ свободу Вѣроисповѣданія. Польша хотя и согласилась на ту же списходительность, но самимъ дѣломъ доказала послѣ, что она поступала недобросовѣстно.

По статьѣ IV Украинскіе Казаки, обитавшіе на правомъ берегу Днѣпра, оставались подъ властію Короля Польскаго, обитавшіе же по лѣвому берегу сей рѣки оставались за Русскимъ Царемъ. Кіевъ съ округомъ его и со всѣмъ, находившимся въ немъ, удерживался Россіей, до открытія переговоровъ о заключеніи окончательнаго мира.

Въ Андрусовскомъ договорѣ явился, безъ возбужденія споровъ со стороны Польши, полный титулъ Русскаго Царя: Царь признавъ Польшею «всая Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ.»

По нашему мнѣнію, съ Андрусовскаго договора открывается рядъ раздѣловъ Польши, тѣхъ раздѣловъ, которые положили конецъ ея существованію. Перейдемъ теперь къ договору 26-го Апрѣля, 1686 года.

Отъ Андрусовскаго перемирія до заключенія Московскаго договора прошло 16 лѣтъ. Въ это время въ Польшѣ и Россіи совершились важныя событія. Польша вступила въ послѣдній періодъ своей жизни, въ періодъ Королей, избранныхъ изъ Домовъ Польскихъ. По смерти Іоанна Кизимира, Польша могла избрать знаменитаго Герцога Конде, поддерживаемаго Людовикомъ XIV,

могла избрать Карла V, Герцога Лотарингскаго, наконецъ могла избрать Царевича Федора Алексѣевича, предложеннаго его родителемъ. Но выборъ Сейма палъ на Поляка, и Королемъ былъ избранъ Князь Михаилъ Вишневецкій, человекъ безъ характера, безъ денегъ и безъ ума. Въ слѣдъ за вступленіемъ Вишневецкаго на престолъ, Польша, по причинѣ раздоровъ между панамъ, пала въ безурядицу. Пользуясь смутными обстоятельствами и слабостію Польши, Гетманъ Казаковъ правой стороны Днѣпра, Дорошенко, задумалъ, помощію Турокъ и Татаръ, сдѣлаться независимымъ, и въ 1672 году Порты вторглась во владѣнія Польши. Верховный Визирь, Кюпрели, завоевалъ Подоль. Испуганный Король поторопился заключить миръ, и 18 Октября, 1672 г., въ м. Бучачѣ былъ подписанъ договоръ, по которому Подоль уступленъ Туркамъ, а Украина отдана Казакамъ. Этотъ миръ показался, впрочемъ, Королю унижительною. Захворавъ острою болѣзнію, Михаилъ Вишневецкій скончался 10-го Ноября, 1673 года, на 35. году отъ рожденія. Въ жалкомъ положеніи находились при Вишневецкомъ дѣла Разновѣрцевъ. Для снисканія благоволенія Папы, Король не допустилъ Русскихъ Епископовъ засѣдать въ Сенаатѣ, и удалялъ отъ должностей всѣхъ Разновѣрцевъ, особенно людей Греческаго исповѣданія, людей, которые, однако, составляли большинство народонаселенія Рѣчи Посполитой.

По смерти Вишневецкаго былъ избранъ Королемъ Юаннъ Собѣйскій. Въ слѣдъ за избраніемъ, Король приступилъ къ войнѣ съ Турками. Эта война, сопряженная съ неудачами, кончилась миромъ, подписаннымъ 17 Октября, 1676 года, въ Журавнѣ. Польша уступила третью часть (Чигиринскую) Украины съ Сѣчью Казакамъ и признала ихъ подданными Порты. Подоль остался за Турками. Король Польскій скорбѣлъ объ условіяхъ мира, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что, въ угодность Католическому Духовенству, выговорилъ слѣдующую статью, разлившую между Католиками Польши всеобщую радость: «Храмы Божіи въ Святой Землѣ, отобранные у Католиковъ Греками, снова будутъ возвращены Католикамъ.» Короли Польскіе, вмѣсто того, чтобы мириться съ своими Православными подданными, безпрестанно ихъ раздражали, отъ того шесть лѣтъ протекли въ бездѣйствіи, во внутреннихъ спорахъ и въ проискахъ Королевы, Маріи Казимиры, супруги Юанна

Собѣйскаго. Но въ 1683 году опять зашло дѣло о войнѣ съ Турками. Турки были тогда грозю Европы, въ особенности Польши и Нѣмецкаго Императора. Въ 1683 году, Марта 31-го, былъ заключенъ въ Варшавѣ союзъ между Леопольдомъ I-мъ и Королемъ Польскимъ, съ цѣлю воевать Турокъ, до заключенія съ ними выгоднаго мира. Въ статьѣ X-й договора было также сказано: «Обязанность обоихъ Государей будетъ пригласить и другія Державы къ сему же союзу.»

На основаніи этой статьи, было отправлено Поляками чрезвычайное посольство, подъ начальствомъ Цановъ Гримультовскаго и Огнискаго, съ цѣлю заключить союзъ между Россією и Польшею противъ Турокъ. На престолѣ Русскомъ воссѣдали тогда малолѣтніе Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Правительницею Государства была сестра ихъ, Софія Алексѣевна. Главнымъ совѣтникомъ ея — Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Договоръ былъ заключенъ безъ особыхъ прѣвій и возраженій, и подписанъ въ Москвѣ 26 Апрѣля, 1686 года. Этотъ достопамятный актъ, по которому Россія возвратила подъ свое владычество столько областей и приобрѣла право вступать въ дѣла Польши, состоялъ изъ 33-хъ статей. Россія вступила во владѣніе вѣчное Смоленскомъ и нѣкоторыми округами Бѣлорусскими, далѣе всею Малороссією на лѣвомъ берегу Днѣпра, Кіевомъ съ округомъ по Стугну, равноѣрно и землю Запорожскихъ Казаковъ, начиная отъ Сѣчи до Чернаго моря. Но самая важная изъ всѣхъ статей есть статья IX-я. Въ ней сказано: «Монастыри и церкви Грекороссійскія Вѣры, находящіяся въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, останутся при всѣхъ своихъ правахъ и вольностяхъ. Исповѣдывающіе Грекороссійскую Вѣру не будутъ принуждаемы къ Уніи, а Духовенство ихъ будетъ постановляться Кіевскимъ Митрополитомъ и отъ него зависѣть.» Говорятъ, будто Собѣйскій заплакалъ, узнавъ о содержаніи мирнаго договора. Неудивительно: ибо статья IX являла Польшу ея самостоятельности.

Эта статья Московскаго договора впесена была въ Польскіе законы. Но въ послѣдствіи она подвергалась частому нарушенію. Разновѣрцы остались по прежнему предметомъ ненависти Католиковъ, и на Сеймѣ 1736 года ихъ права были чрезвычайно

ограничены. Но чѣмъ болѣе ограничивались права Разновѣрцевъ, составлявшихъ большинство жителей Польши, Литвы, Бѣлоруссін и Польской Украйны, чѣмъ выше подымались Католики, тѣмъ ниже падала Польша.

Россія, съ другой стороны, ежедневно болѣе росла и крѣпла. Московскій договоръ увеличилъ ея поверхность 2000 квадрати миль и даровалъ ей области изобильныя. Но что еще важнѣе, онъ далъ IX-ю статью Россіи право входить во внутреннее управленіе Польши и быть покровительницею многихъ милліоновъ Польскихъ подданныхъ. Съ тѣхъ поръ Россія становилась все болѣе и болѣе могучимъ тѣломъ, Польша же неудержимо пошла къ паденію, и съ небольшимъ черезъ сто лѣтъ пала совершенно.

Михаилъ Волковъ.

ПИСЬМА

ШУМАХЕРА И ЭЙЛЕРА О ЛОМОНОСОВЪ.

1.

Шумахеръ къ Эйлеру.

Hochgeborener,

insonders

Hochehrender

Professor!

Dass H. R. und Professor Lomonossow ein besonders gutes Genie sey, und dass er einen besondern Vorzug vor andern habe, sind die hiesige Professores und Academici nicht in Abrede, nur können Sie seinen Hochmuth und Presumption nicht vertragen. Er praetendirt, dass die in seiner Dissertation vorgrebrachte Gedanken neu und so zu rigueur seyen, welches sie Ihm nicht zugeben wollen, sondern geben vor, dass andere schon vor Ihm solche Gedanken gehabt hätten. Insonderheit können Sie Ihm nicht vergeben, dass Er in seinen Noten in der Republique der Gelehrten so berühmte Leute anzugreifen sich unterstande. Mit einem Wort, sowohl Einheimische, als Ausländer sind mit des H. Autors Conduit gar nicht zufrieden.

1-ro Jan. 1754.

2.

Онъ же къ Фёлькнеру.

Mein Herr Voelkner!

Es ist mir lieb, dass die Auflösungen derer chymischen Problematum im Uebersetzen wohl gerathen sind. Man hat damahls dem H. Rath Lomonossow in der Conferenz genugsam gesagt, es werde

wohl niemand so thörigt seyn, dass arcanum, wann er es besitzet, um 100 Ducaten zu offenbaren. Allein sobald er des H. Geheimen Raths Czernischeffs Nahmen dabey brauchte, so schwieg Jederman still.

31 Jan. 1754.

3.

Онъ же къ Штелинну.

Hochgeborener

Herr Professor!

Dem Herrn Professor Müller habe heute das Cameleon littéraire N 20 gegeben, darin ein Brief von Ew. Hochg. u. Hr. Rath Lomonossow steht, weilen sie vermuthlich nicht in der Absicht geschrieben, dass er sollte publicirt worden.

D. H. Rath Lomonossow verlangt zum Frontispice seiner Russischen Historie folgende von ihm selbst inventirte Vorstellung.

8. Octob. 1758.

4.

Эйлеръ къ Графу Разумовскому.

J' ai été extrêmement ravi d'apprendre les glorieux succès de la dernière assemblée publique de l' Académie Impériale. Les pièces, qui ont été lues à cette occasion mériteront les éloges de tous les savants, et surtout le Panégyrique de Mr. Lomonossoff me paroît un chef d'oeuvre dans son genre. La belle Illumination y doit avoir apporté un relief, dont aucune autre Académie n'est capable.

Berlin, 3 Janv. 1750.

М Н Ъ Н І Е,

КАКОВОЕ, ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОВЕЛѢНІЮ, СОБРАВШИЕСЯ ГЕНЕРАЛЫ-ГУБЕРНАТОРЫ И ПРАВЯЩІЕ ИХЪ ДОЛЖНОСТЬ ПОЛОЖИЛИ, КЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ НЕДОСТАТКА ВЪ ХЛѢБѢ, ПО ПРИЧИНѢ НЫНѢШНЯГО НЕУРОЖАЯ.

При семъ слѣдуютъ пункты:

1-е. Во всѣхъ городахъ, какъ Губернскихъ, такъ и Уѣздныхъ, гдѣ нынѣшняго года рожь посѣянная пропала, нужно опредѣлить, для заведенія магазиновъ, сумму, въ которые, какъ нужное количество ржи и ржаной муки, такъ закупку всего онаго возложить на попеченіе Генералъ-Губернаторовъ и правящихъ ту должность. Въ сіи магазинны стараться немедленно купить на посѣвъ рожь, какъ для ссуды неимущимъ казеннымъ крестьянамъ, такъ и для отпуска, въ крайней надобности, бѣднымъ дворянамъ; во оныя магазинны купить тоже нѣкоторую часть и ржаной муки, для городскихъ жителей, которые, получавши прежде на торгахъ хлѣбъ отъ окружавшихъ селеній, безъ магазинновъ потерпѣть могутъ иногда и недостатокъ, когда поселяне, имѣющіе и сами нужду въ хлѣбѣ, въ города на продажу возить не станутъ; покупку таковую дѣлать въ Намѣстничествахъ, гдѣ ржи теперь изобильно, по сношенію съ тамошними Генералъ-Губернаторами, которымъ въ томъ подавать надобно нужное пособіе. Изъ сихъ магазинновъ отпускать казеннымъ крестьянамъ, могущимъ заплатить, за деньги, безъ потери казенной, а вовсе бѣднымъ—и безъ денегъ, на посѣвъ, съ возвратомъ на будущій годъ послѣ урожая; наблюдать при томъ по всей возможности, чтобы всѣ поля засѣяны были,

а ржаную муку въ необходимой надобности отпускать городскимъ жителямъ, стараясь при томъ понижать цѣну у торгующихъ хлѣбомъ, которыхъ прибыль дабы не была чрезмѣрная, должно тоже ограничить, или, по примѣру Указа блаженной памяти Петра Перваго, отъ 1723 года, или какъ благоугодно будетъ.

2-е. Подтвердить всѣмъ помѣщикамъ, дабы каждой, не имѣющей въ запасѣ ржи, не упуская времени, стараясь доставать оную, по всей возможности изъ Намѣстничества, гдѣ оной изобильно, или гдѣ кому удобнѣе, какъ для посѣву, такъ и для пропитанія своихъ крестьянъ, въ помощь яровому хлѣбу, которой почти повсемѣстно хорошую надежду подаетъ къ урожаю, и къ которому прибавя хотя третью часть ржи, можно будетъ крестьянамъ доставить нужное пропитаніе. Сіе подтвержденіе тѣмъ болѣе нужно сдѣлать, дабы всякой прилагалъ самъ возможное стараніе заблаговременно доставать себѣ рожь, не обнадеживаясь на одну помощь казенную, или общественную; ибо неудобовозможно всѣмъ помѣщиковъ взять на попеченіе Правительства, ежели сами при томъ ни какого старанія прилагать не будутъ; въ крайней, однако же, нуждѣ надобно будетъ дворянъ немущихъ ссужать рожью отъ общества дворянскаго, на которое и возложить, дабы оно обязывало понудительно, а не одними словами, дворянъ, имѣющихъ въ запасѣ хлѣбъ, ссужать онымъ немущихъ и бѣдныхъ своихъ собратій, какъ на посѣвъ, такъ и на нужное пропитаніе, съ полученіемъ возвратно послѣ урожая, хотя и съ нѣкоторымъ ростомъ.

3-е. Въ казенныхъ селеніяхъ переписать всю у имѣющихъ крестьянъ въ запасѣ рожь, и расположить оную между жителями каждаго селенія міромъ такимъ образомъ, чтобы имущіе ссудили немущихъ, какъ на посѣвъ, такъ и на пропитаніе, получая, по расчету, въ возвратъ себѣ на будущей годъ, послѣ собранія съ поля, данную имъ рожь, хотя и съ малымъ ростомъ, по общему мірскому положенію, употребляя между тѣмъ въ общую селенія работу недостаточныхъ въ хлѣбѣ, за подаваемое имъ пропитаніе, за чѣмъ наблюсть должно Економіи Директору со стороны его хозяйственнаго вѣдомства, не имѣющимъ же селеніямъ ни малаго запаса ржи, какъ для посѣва, такъ и нѣкоторую часть для нужнаго пропитанія, сдѣлать помощь отъ стороны казенной.

4-е. Для сбереженія ржи нужно нынѣшней годъ, какъ въ Намѣстничествахъ, гдѣ неурожай, такъ и въ тѣхъ, гдѣ хлѣба довольно, ограничить винную ситку по двумъ причинамъ. По первой, чтобы чрезъ винокурение не уменьшать хлѣба и не возвышать цѣны, по другой, что и поставщики, подрядившіеся по прежнимъ и обыкновеннымъ цѣнамъ хлѣба, въ тѣхъ Намѣстничествахъ, гдѣ теперь во ономъ неурожай, не могутъ, не только по обязательству своему, поставить полнаго количества, по ниже и со уменьшеніемъ пропорціи, не понесли большаго убытка; партикулярной ситки убавить половину, по прежнему положенію, по чинамъ, взявъ такія при томъ мѣры, чтобы поставщиками конечно больше выкурено не было, какъ то число, которое они въ казенные магазены поставить обязались, а тѣмъ, которые не обязаны поставкою, половинное число, и для того на такую пропорцію сидятъ вино въ клейменныхъ кубахъ. А дабы казна, по ненадежности поставщиковъ, по причинѣ недостатка ржи, не понесла убытка отъ недопродажи полной сложности, то дозволить поставщикамъ вывозить для вина спиртъ изъ Польши, или доставлять недостающее число въ питейные дома съ казенныхъ заводовъ, ежели сходно будетъ по цѣнѣ хлѣба, гдѣ оныя находятся. или покупать изъ казны спиртъ въ Польшѣ на вино, сочтя, что для казны полезнѣе будетъ. Все сіе полагается на одинъ случай нынѣшняго неурожая въ хлѣбѣ.

5-е. Но какъ, по причинѣ неурожая въ нѣсколькихъ Намѣстничествахъ, недовольно можно обнадѣжиться на продовольствіе всѣхъ находящеюся въ Государствѣ рожью до новаго урожая, то и нужно достать знатное количество ржи изъ Польши, особливимъ на то Высочайшимъ учрежденіемъ.

6-е. Объявить всѣмъ, чтобы каждой непременно старался засѣять свои поля озимымъ хлѣбомъ, и что таковой получить сумму на пропитаніе; а кто изъ владѣльцевъ, достаточныхъ хлѣбомъ, выставитъ онаго на продажу знатное количество по умѣренной цѣнѣ, согласующейся общественной пользѣ, нежели своей выгодѣ, такового, яко радѣтельнаго челоуѣка, удостоивать и награжденію.

7-е. По воспослѣдованіи урожая въ хлѣбѣ, строжійше наблюдать о исполненіи заведенія магазинновъ во всѣхъ селеніяхъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія.

8-е. Нужно обратить тоже вниманіе на нынѣшней годъ и на отпускъ ржи и ржаной муки изъ Поволжскихъ городовъ въ верхнія мѣста и къ городу Архангельску.

РЕЛАЦІЯ

ОБЪ ОТКРЫТІИ КІЕВСКАГО НАМЪСТНИЧЕСТВА.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня
Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Я выполняю мой всеподданнѣйшій долгъ донесеніемъ Вашему Императорскому Величеству, что, по силѣ Всевысочайшаго Вашего, отъ 16 дня Октября, 1780 года, даннаго мнѣ Указа, Кіевское Намѣстничество 9 числа сего мѣсяца торжественно открыто, и что при семъ случаѣ найпаче къ великолѣпнѣю сего торжества присовокупили Просвященный Митрополитъ Кіевскій, Гавріилъ, и Архимандритъ Печерскій, Зосимъ, встрѣтившіе собраніе, первый при входѣ въ церковь, а послѣдній во вратахъ обители, въ священныхъ облаченіяхъ со кресты и кадилы, и держанными словы въ церкви Архимандритомъ Братскаго Училищнаго монастыря, Кассіаномъ, а при вратахъ Типографомъ Печерскимъ, Теофаномъ, самочувствительную благодарность и несумнѣнную обзати сей, въ Высочайшихъ о ней предположеніяхъ, надежду наилучшимъ образомъ изъявили.

При семъ случаѣ долженъ я отдать справедливость и Губернатору Кіевскому, Генераль-Поручику Шаркову, что оный, въ надобныхъ приуготовленіяхъ, наибольше мнѣ спомоществовалъ, и что все здѣшнее общество, съ доказательнымъ ощущеніемъ

своего будущаго добра, при всѣхъ обстоятельствахъ оказывало свою готовность и къ землѣматерному о нихъ Вашего Императорскаго Величества попеченію, совершенное признаніе.

Позвольте мнѣ, Ваше Императорское Величество, при поверженіи меня къ стопамъ Вашимъ, испросить Высочайшее Ваше благоволеніе къ подносителю сего, Казенной Палаты Совѣтнику, Туманскому, коему я тѣмъ паче иныхъ сіе щастіе сдѣлать предпочелъ, что оной, при опредѣленіи меня въ Малую Россію, будучи Старшимъ Войсковымъ Канцеляристомъ, при дѣлахъ Вашего Императорскаго Величества былъ первымъ мнѣ служителемъ, и за тѣмъ, продолжая свою службу въ иныхъ чинахъ, при разныхъ должностяхъ, управлялъ оныя съ усердіемъ и ревностію.

За симъ, при продолженіи открытія сего Намѣстничества, что происходитъ будетъ, Вашему Императорскому Величеству не премину о всѣхъ обстоятельствахъ всеподданнѣйше донести.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Румянцевъ - Задунайскій.

1782 года,
Генваря 10 дня.
Кіевъ.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ,

ПО КОТОРОМУ, ВО ВРЕМЯ ВЫСОЧАЙШАГО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ШЕСТВИЯ, ВЪ ТУЛЬСКОМЪ НАМѢСТНИЧЕСТВѢ ИСПОЛНЯТЬ НАДЛЕЖИТЬ.

1-е. На границѣ сей Губерніи съ Орловскою, гдѣ устроены отъ Дворянства ворота и галерея, находятся Господинъ Губернаторъ, Господинъ Губернской Предводитель съ Предводителями Чернскаго, Новосильскаго и Бѣлевскаго Уѣздовъ, съ Судьями тѣхъ округъ и Дворянствомъ.

2-е. Губернской Землемѣръ, съ Губернскою картою и съ картами каждой почтовой станціи, съ описаніемъ дорогъ.

3-е. При Оберъ-Офицерѣ 30 человекъ Губернской роты и рядовыхъ съ барабаномъ, а для конвоя 12 конныхъ изъ штатныхъ городовыхъ командъ, оная жъ конная команда предъ каретою препровождаетъ до другой станціи.

4-е. Какъ прибытіе въ оное мѣсто послѣдуетъ предъ полуднемъ, то въ близости галереи поставить большой наметъ, въ которомъ столъ съ завтракомъ для будущихъ въ Свѣтъ Ея Величества, а для угощенія отряжается Господиномъ Губернскимъ Предводителемъ двое изъ Дворянъ, оные имѣютъ алое сукно для насланія по лѣстницѣ до самыхъ дверей, что и наблюдать при всѣхъ на станціяхъ домахъ.

5-е. Подъ карету Всемилоствѣйшей Государыни приготовляются отъ Дворянства 10 лошадей одношерстныхъ, съ пристойными хомутами и тремя одѣтыми почталіонами.

6-е. Отъ Дворянства того Уѣзда четверомѣстная запасная карета въ 8 лошадей, которая готовится на случай, иногда потребной въ пути, по чему и должна слѣдовать до другой станціи.

7-е. Для порядочнаго распредѣленія поставленныхъ на станціи лошадей, Господинъ Губернаторъ опредѣляетъ одного отъ верхняго Земскаго Суда Засѣдателя, при немъ двое Офицера и 6 человекъ изъ капраловъ и рядовыхъ. Сей опредѣленной получаетъ завременио росписаніе о числѣ экипажей, назначаетъ по тому лошадей съ роздачею билетовъ, а во время прибытія печется и строго наблюдаетъ, чтобъ безъ канфузій и безъ малѣйшаго замедленія лошади по экипажамъ разведены и впряжены были; на основаніи сего снабдить на станціи съ довольнымъ изъясненіемъ каждаго инструкціей.

8-е. Господинъ Губернскій Предводитель назначаетъ того Уѣзда Уѣзнаго Предводителя, Уѣзнаго и Земскаго Суда съ Членами, къ препровожденію до другой станціи верхомъ, которые и слѣдуютъ за коннымъ конвоемъ, предъ самой каретой Ея Императорскаго Величества, съ наблюденіемъ того, что естли иногда пыль отъ вѣтру будетъ назадъ, въ такомъ случаѣ должны далѣе быть впереди отъ кареты.

9-е. Губернскій Предводитель, учредя по сему назначенію на каждой станціи, отправляется изъ села Лопаткова въ Губернскій городъ, для исполненія по его званію въ томъ мѣстѣ.

10-е. Господинъ Губернаторъ долженъ быть впереди, встрѣчая при каждомъ ночлегѣ, а съ ночнаго, то есть, изъ села Лопаткова, отправляется впередъ, какъ для осмотра дороги, такъ и наблюденія въ Губернскомъ городѣ, дабы все по сему постановленію исполнено и ничего пропущено не было.

11-е. Въ Большомъ Скуратовѣ, при построенномъ дворцѣ, поставить наметъ для другога стола, а опредѣленные двоя отъ Дворянства заботятся, всѣ ли потребности приуготовлены, что да будетъ главнѣйшимъ ихъ попеченіемъ.

12-е. Отъ Большаго Скуратова до перемѣны въ Меньшомъ Скуратовѣ, на половинѣ пути, поставить палатку съ двумя при-

стойвыми шалашами, гдѣ также быть двумъ Дворянамъ, приготове нѣсколько фруктовъ, имѣя и ледъ.

13-е. Въ Меньшомъ Скуратовѣ приготовить столъ въ комнатѣ съ фруктами, а между оной станціи и Сергіевскаго, на половинѣ пути, то же самое исполнить, что въ 12 пунктѣ сказано.

14-е. Въ селѣ Сергіевскомъ, если приготовленія не будетъ со стороны хозяина, то, по вышеписанному, то же самое исполнить отъ Дворянства, опредѣля къ угощенію двухъ Дворянъ, такъ какъ между онаго и села Лопаткова то же самое сдѣлать.

15-е. Ночной ночлегъ въ селѣ Лопатковѣ, въ разсужденіи приготовленія покоевъ Ея Императорскому Величеству и для находящихся всѣхъ въ Свитѣ, предоставляется попеченію хозяина, а для караула рота отъ Ямбургскаго карабинернаго полка.

16-е. Изъ Лопаткова перемѣна въ Колпнѣ, куды отправить тотчасъ большой наметъ, въ которомъ приготовить столъ съ завтракомъ, а изъ сего мѣста въ Губернской городъ.

17-е. Тутъ ожидаетъ Губернской Почтмейстеръ съ 12 баталіонами, которые впереди, а за ними Губернской Почтмейстеръ, ѣдутъ до Губернскаго города.

18-е. При въѣздѣ въ границу каждаго Уѣзда, Предводитель Уѣздный, Судья съ Засѣдателями, Исправникъ съ Засѣдателями, Уѣздный Землемѣръ и Дворянство того Уѣзда, встрѣчаютъ не на границѣ, а у дома почтовой станціи, и хотя послѣдняя перемѣна въ Колпнѣ находится и въ Крапивненскомъ Уѣздѣ, но тутъ еще должны ожидать и Тульскій Предводитель съ Дворянствомъ и прочіе Чины.

Примѣчаніе. На всѣхъ перемѣнахъ караулъ и для препровожденія конная команда назначается по тому, какъ описано о первой станціи.

При въѣздѣ въ Губернской городъ наблюдается слѣдующее:

1-е. За версть отъ города находятся при мнѣ верхами Господинъ Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Господинъ Генералъ-Маіоръ съ Штабъ-Офицерами Ямбургскаго полка, екскадронъ того

жъ полку, для конвоа Господинъ Губернской Предводитель съ Предводителями и Дворянствомъ, сколько можетъ быть съ хорошо прибранными конскими уборами.

Сверхъ оныхъ 12 наряженныхъ почетныхъ молодыхъ Дворянъ, имѣющихъ на кафтанахъ эксельбанты и одинаковые конскіе уборы, которые слѣдуютъ за почталіонами, а когда Городничей съ командою встрѣтитъ, то тогда ѣдутъ за оною, а за ними Уѣздные Предводители съ Дворянствомъ, потомъ карета Ея Величества, за которой верхами всѣ вышесказанные Чины слѣдуютъ при нѣ.

2-е. Наряженной ескадронъ въ конвой, отдавши честь Ея Императорскому Величеству, ѣдетъ за каретою, а бывшіе въ препровожденіи конные съ послѣдней станціи, когда Городничей на чертѣ градской съ новою конною командою встрѣтитъ, то первое, не вѣзжая въ городъ, остается, отъѣхавъ съ дороги на сторону.

3-е. При вѣздѣ въ ямскую слободу Городничей со всѣми Офицерами, служащими при Управѣ Благочинія, и конною командою, встрѣтя, ѣдетъ за почталіонами, а отъ вѣзда въ ямскую слободу, чрезъ всю оную по обѣ стороны поставить оружейниковъ, съ ихъ цеховыми значками, которые должны быть всѣ въ одинаковомъ платьѣ, а старшины въ мундирахъ.

4-е. Предъ воротами Градской Голова съ лучшими гражданами, раздѣлясь по обѣ стороны, а между воротъ и каменныхъ пирамидъ, въ устроенномъ мѣстѣ поставить по обѣ стороны Губернской и Городовой Магистраты и все купечество и мѣщанство въ два, или три, ряда, какъ удобнѣе помѣститься можно, а для женскаго пола, позади устроеннаго парапета. въ два ряда построить лавки, такъ какъ и предъ вѣздомъ въ Триумфальныя ворота, таковыя жъ за парапетами сдѣлать лавки, дабы никто не перебѣгая по улицѣ, былъ въ своемъ мѣстѣ.

5-е. Какъ шествіе имѣетъ быть мимо домовъ Народнаго Училища и Воспитательнаго, то изъ оныхъ выводятся съ одной стороны, при Директорѣ и Учителяхъ, всѣ ученики, одѣтые по классамъ въ одинаковомъ платьѣ, поставя оныхъ въ одинъ или два ряда, какъ позволитъ мѣсто, а съ другой стороны, при Членахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія воспитывающіяся дѣти, исключая самыхъ младенцовъ и инвалиды.

6-е. Всѣ присутствующіе противу обонхъ каменныхъ корпусовъ становятся по порядку, а за ними въ два ряда Канцелярскіе служители, ежели въ одну линію помѣститься не могутъ.

7-е. Отъ Намѣстническаго Правленія и Палатъ, чрезъ всю площадь и по большой улицѣ, до другой площади, такъ какъ и въ крѣпости; отъ первыхъ до другихъ воротъ, гражданамъ стоять по обѣ стороны, въ случаѣ жъ непомѣщенія, по великости степенія онаго, позволить быть на кровляхъ и заборахъ, только во всѣхъ мѣстахъ сихъ въ должной тишинѣ и порядкѣ, чего наблюдать опредѣленнымъ Чинамъ отъ Управы Благочинія, которые, каждой въ своей части строго сего назирають, не допуская отнюдь тѣснить улицы и между Крѣпостныхъ Воротъ, гдѣ шествіе послѣдуетъ, и кои должны быть очищены и представлены въ устроенномъ видѣ и порядкѣ.

8-е. Какъ уже всѣмъ мѣста назначены, гдѣ кому быть, то строго запрещается, чтобъ никто съ одного на другое мѣсто не переходилъ, а паче, во время Высочайшаго шествія, чрезъ улицы не перебѣгать. Лавки въ городѣ вездѣ должны быть заперты.

9-е. Какъ скоро показываться будетъ шествіе въ городъ, стрѣлять начать изъ пушекъ, а при всѣхъ церквахъ звонить въ колокола, на Триумфальныхъ воротахъ и на башняхъ, гдѣ поставлены трубачи, играть, продолжая оное дотолѣ, покудава Ея Величество во дворецъ прибыть изволить.

10-е. Если Высочайшее соизволеніе послѣдуетъ прежде быть въ Соборѣ, Духовенство, съ своей стороны, сохраняетъ подлежащей къ тому свой обрядъ, а находящіяся въ городѣ дамскія особы ожидаютъ такъ же Ея Величества въ Соборной церкви.

11-е. 12 человекъ почетныхъ, Господинъ Губернской Предводитель дву Офицеровъ на ординарцы представляетъ дежурному Генераль-Адъютанту, а Господинъ Губернаторъ караульной роты и ескадрона, въ койвоѣ находящагося, Ротмистры подаютъ дежурному Генераль-Адъютанту репорты.

12-е. Къ первенствующимъ особамъ, находящимся въ Свѣтѣ Ея Величества, такъ какъ и къ чужестраннымъ Министрамъ, назначить по одному изъ способныхъ Офицеровъ для посылокъ, и

завременно распisać для пребыванія ихъ дома и назначить экипажи для ѣзды въ городъ.

13-е. Касательно времени пребыванія Ея Величества, въ которое естли что повелѣно будетъ представить ко обозрѣнію, о томъ въ то время дается особое приказаніе, а что слѣдуетъ до представленія по Оружейному Заводу, о томъ наставленіе дается Оружейной Экспедиціи Совѣтнику.

14-е. При отбытіи Ея Императорскаго Величества изъ города то жъ самое наблюеть, что къ сострѣченію описано, такъ какъ и на станціяхъ до самой границы Московской Губерніи.

15-е. При послѣдней же перемѣнѣ, состоящей въ Каширскомъ Уѣздѣ, поспѣшаетъ туда Господинъ Губернской Предводитель съ Предводителями Алексинскаго, Веневскаго и Каширскаго Уѣздовъ, съ Судьями тѣхъ Округъ и Дворянствомъ, гдѣ и будутъ имѣть счастье откланиваться, а Каширскіе препровождаютъ до самой границы.

16-е. Выѣздъ изъ границы сей Губерніи имѣеть послѣдовать въ вечеру, по чему и можетъ случиться сіе въ ночное время, и для того, при устроенныхъ на границѣ воротахъ, приуготовить для освѣщенія площадки, а по числу людей коннаго кошвоя имѣть факелы, а на здѣшнемъ берегу рѣки Оки приуготовить довольное число лодокъ, дабы, во время шествія чрезъ мостъ, могли оное по сторонамъ освѣщать.

Общее наблюденіе, что слѣдуетъ исполнить:

1-е. Во всѣхъ на дорогѣ селеніяхъ жителей поставить по обѣимъ сторонамъ улицы, такъ какъ и изъ окружной близъ лежащихъ селеній приказать быть при тѣхъ же самыхъ деревняхъ, кои на трактѣ, гдѣ будутъ удобнѣе мѣста при дорогѣ для пастбы скота, то изъ окружныхъ селеній приказать на оныхъ мѣстахъ на тотъ день, когда будетъ шествіе, пригнать, дабы въ проѣздѣ отъ поселянъ во всѣхъ частяхъ лучшей видѣ былъ представленъ.

2-е. При всѣхъ оныхъ крестьянахъ должны быть тѣхъ селеній начальники, кои наблюдаютъ между ими тишину и порядокъ, чтобъ всѣ крестьяне мужеска и женска пола были въ

пристойной крестьянской чистой одеждѣ; такъ же строго смотрятъ того, чтобъ между сими поселянами не было больныхъ и увѣчныхъ.

3-е. Исправники нагрѣшко подтверждаютъ, а начальники селеній строго исполняютъ, чтобъ поставленные наъ своихъ мѣсть не перебѣгали, и во время шествія, какъ подлѣ кареты, такъ и позади оной, не дерзали бѣгать.

4-е. Гдѣ шествіе будетъ мимо церкви, Священники въ лучшемъ облаченіи со крестомъ выходить на улицу, продолжая звонъ, доколѣ карета въ виду будетъ.

5-е. Улицы въ селеніяхъ наметать травкою съ полевыми цвѣтами, не густо посыпанными, но ельнику нигдѣ не употреблять и деревьями не усаживать.

6-е. Хотя дорога всевозможно устроена наилучшимъ образомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть спуски, о которыхъ особое приказаніе отъ меня Губернскому Землеѣру сдѣлано, чтобъ онъ Исправникамъ тѣхъ Уѣздовъ далъ приказаніе, дабы при тѣхъ мѣстахъ по нѣскольну человекъ для спуска находилось, имѣя при надежныхъ канатахъ прикрѣпленные крючья.

7-е. У кого въ домѣ случится оспа, корь и тому подобная прилипчивая сыпь, онимъ запрещается во время шествія Ея Величества изъ дому выходить, подъ опасеніемъ строгаго за то взысканія.

8-е. Городничей, чрезъ Управу Благочинія, строго подтверждаетъ, чтобъ ко времени ожиданія пришествія Ея Величества ни камахъ повозокъ по большой улицѣ не терѣтъ и никто бы на встрѣчу не ѣздилъ.

Отъ Управы Благочинія до прибытія Ея Величества обвѣстить въ городѣ:

1-е. Чтобъ благороднымъ дамамъ и первостепеннымъ отъ купечества быть въ Соборѣ въ назначенномъ часу, а послѣ онаго времени никто не можетъ уже пріѣзжать, дабы экипажами не сдѣлать замѣшательства.

2-е. Въ Соборъ никто, oprичъ дамъ, не долженъ быть впу- щенъ, дабы не сдѣлать тѣсноты.

3-е. Екипажи ставить къ одной сторонѣ, въ крѣпости у во- ротъ Ивановскихъ, и не трогаться онымъ дотолѣ, пока вся Свита выѣдетъ изъ крѣпости.

4-е. Всѣмъ гражданамъ, живущимъ и прїѣзжимъ, обвѣстить, съ строгимъ подтвержденіемъ, дабы каждой по своему званію въ пристойной были одеждѣ, а въ изодранной и безобразной никто не казался, подъ опасеніемъ строгаго за то взысканія.

5-е. За день прибытія Ея Величества, всѣ улицы вычистить такъ, чтобы на оныхъ грязи, сору, пыли, щепъ, словомъ, ни какой нечистоты и лѣсу не было, и усыпать пескомъ, а на сторонѣ Оружейной оставить усыпку песку до особаго приказанія, въ раз- сужденіи, что если шествіе послѣдуетъ на другой день въ Ар- сеналь, то къ тому времени оное приготовить.

6-е. Во время пребыванія Ея Величества въ Туль со всею строгостию наблюдать, чтобы улицы были въ чистотѣ, а въ ве- черу зажигать въ фонаряхъ и во всемъ городѣ въ окнахъ свѣчи, а кто пожелаетъ противъ своего дома ставить плошки, онымъ не только предоставить на волю, но и отъ Начальства похвалены будутъ.

7-е. Касательно до иллюминированія всей каменной стѣны и башенъ, оное предоставить попеченію Градскаго Головы съ Магистратомъ.

8-е. Къ устроенной противу Дворца иллюминаціи Городни- чей опредѣляетъ изъ надежныхъ Офицеровъ одного смотрителя и ему помощниковъ съ командою, такъ какъ и для предохране- нія имѣть въ близости заливныя трубы.

9-е. Въ Намѣстническомъ Правленіи, Палатахъ и впрочихъ Су- дахъ, во все время пребыванія Ея Императорскаго Величества въ Туль, не только предъ полуднемъ, но и по полудни, остаются дне- вальной Офицерскаго чина оданъ и третья часть Канцелярскихъ служителей безотлучно, а въ Правленіи сверхъ того находится опредѣленной къ Екзекуторской должности, которой наблюдаетъ вышесказаннаго; отъ каждаго жъ Присутственнаго Мѣста назна-

чается предсѣдающимъ ежедневно одинъ Членъ, который наблюдаетъ въ своемъ мѣстѣ изъясненной порядокъ.

10-е. Отъ каждаго Присудственного Мѣста по одному Канцелярскому служителю должны быть въ домѣ Правящаго должность Генераль-Губернатора, въ вѣдомствѣ его Секретаря, для принятія приказа къ другому дню.

Сіе учрежденіе установлено въ Тульскомъ Намѣстничествѣ Генераль-Порутчиномъ, разныхъ Орденовъ Кавалеромъ, Генераль-Губернаторомъ Калужскаго и Тульскаго Намѣстничествъ, Генераль-Инспекторомъ арміи, Михайломъ Никитичемъ Кречетниковымъ, для встрѣчи Всемилоствившей Монархини.

Въ 1787 году,

Іюнь мѣсяцъ. *

---

* Послѣднія 7 строчекъ написаны собственноручно М. Н. Кречетниковымъ.

П Л А Н Ъ

Дворянскихъ должностей во время шествія Ея Величества чрезъ Губернію Новгородъ Сѣверскую, въ собраніи Уѣздныхъ Проводителей
учиновенный,

Ноября 6-го, 1786 г.

1-е По резолюціи Его Сіятельства, Уѣзднымъ Проводителямъ съ Дворянствомъ своихъ Уѣздовъ учинить встрѣчи при Уѣздныхъ своихъ городахъ, на пути лежащихъ.

2-е. Для препровожденія Ея Величества отъ Уѣзда до Уѣзда, отъ каждаго быть Уѣзда по 12-ти человекъ молодыхъ Дворянъ верхоконныхъ; а въ какихъ Уѣздахъ Дворянъ недостаточно, то тѣмъ заимствовать оныхъ изъ другихъ Уѣздовъ, на пути лежащихъ, слѣдовательно, Уѣздъ Суражскій и Погарскій имѣютъ получить въ помощь себѣ по 6-ти человекъ Дворянъ для конвою отъ Проводителя Уѣзда Мглинскаго, въ коемъ Уѣздный Судъ составляющіе всѣ Дворяне молодые, тако жъ Господа Щербы, Базилевичи и Покорскіе, къ верховой услугѣ способные, кои всѣ сими уже назначаются.

Итакъ, во первыхъ, Проводитель Уѣзда Суражскаго дѣлаетъ встрѣчу у пирамидъ, на границѣ нашей Губерніи, съ своимъ Дворянствомъ и съ 12 человекъ верхоконныхъ Дворянъ, кои препровождаютъ Ея Величество до Новаго Мѣста, въ Несвоевкѣ, во Дворцѣ, и имѣютъ своихъ гостепріимцевъ, а запасъ, и цугъ лошадей, и опровожателей даетъ до Новаго Мѣста, какъ уже сказано, Новомѣскій Проводитель съ своимъ Дворянствомъ. При въѣздѣ въ Новое Мѣсто дѣлаетъ встрѣчу, даетъ цугъ, препровождастъ 12

верховыми Дворянами до большаго крыльца, во Дворцѣ же имѣютъ гостепріимство и запасъ.

Предводитель Мглинскій въ Большомъ Кривцѣ, безъ встрѣчи имѣеть своихъ гостепріимцевъ, и запасъ, и цугъ, и опровожателей, коихъ даетъ до Нижняго; онъ же даетъ почетнѣйшихъ Дворянъ 10 человѣкъ Предводителю Суражскому, по немнѣнію у него должнаго числа Дворянства, для встрѣчи у пирамидъ за Несвоевкою.

Въ Нижнемъ Предводитель Стародубовскій во Дворцѣ имѣеть своихъ гостепріимцевъ, и запасъ, и цугъ, и опровожателей, коихъ даетъ до Стародуба.

Въ Стародубѣ тотъ же Предводитель съ своимъ Дворянствомъ встрѣчаетъ, имѣеть своихъ гостепріимцевъ, запасъ, и цугъ, и опровожателей, коихъ даетъ до Мишковки.

Въ Мишковкѣ безъ встрѣчи; то же имѣеть и даетъ Предводитель Погарскій до Андрійковичъ.

Въ Андрійковичахъ безъ встрѣчи; то же имѣеть и дѣлаеть Предводитель Глуховскій до Смячи.

Въ Смячи Предводитель Глуховскій имѣеть своихъ гостепріимцевъ, свой запасъ, и цугъ, и опровожателей, коихъ даетъ до Новгорода Сѣверскаго.

Въ Новгородѣ Сѣверскомъ Предводитель Новгородскій и Предводитель Кролевецкій сами присутствуютъ, имѣютъ своихъ гостепріимцевъ и запасы отъ обохъ Уѣздовъ, опровожателей же и цугъ даетъ Предводитель Кролевецкій до Блистовой.

Въ Блистовой Предводитель Коропскій, кой самъ и гостепріимцы его безъ встрѣчи, имѣеть свой запасъ, цугъ, и опровожателей даетъ до Вербы.

Въ Вербѣ Предводитель Конотопскій съ своими гостепріимцами и запасомъ, имѣеть и цугъ, опровожателей даетъ до Змитнева.

Въ Змитневѣ Предводитель Новгородскій имѣеть и дѣлаеть по вышеписанному безъ встрѣчи.

Въ Сосницѣ Предводитель Сосницкій дѣлаетъ встрѣчу съ Дворянствомъ, имѣетъ своихъ гостепріимцевъ, опровожателей, цугъ, запасъ.

Въ Менѣ гостепріимцы, и запасъ, и опровожатели до конца Губерніи отъ Уѣзда Сосницкаго же, а цугъ изъ 12 лошадей сборной отъ Уѣздовъ Сосницкаго, Конотопскаго и Коропскаго по 4 лошади.

3-й. Во второмъ пунктѣ упомянуто о гостепріимцахъ, то оныхъ во всякой станціи должно быть по 3 человѣка изъ почетнѣйшихъ Дворянъ, и по 3 человѣка имъ помощниковъ изъ Дворянъ же; главный же надъ ними и первый гостепріимецъ самъ Уѣздный Предводитель, и онъ хозяинъ во всѣхъ тѣхъ станціяхъ, гдѣ его гостепріимцы, запасы и цуги.

4-й. Во 2-мъ пунктѣ упомянуто о запасахъ, то оныя должны быть нижеслѣдующіе: на тѣхъ станціяхъ, гдѣ назначено быть обѣденнымъ столамъ, или ночлегамъ, надобно имѣть въ заготовленіи кормныхъ рогатыхъ скотинъ, на станціи по три, телятъ, хорошо напоенныхъ, трое, барановъ 10-ть, птицъ: курей 15-ть, гусей 15, и дикихъ птицъ сколько можно, муки крупчатой 2 пуда, сыръ Голландской, масла коровья пудъ, сливокъ 2 ведра, яицъ 500, окороковъ 6-ть, чаю фунтъ, кофе $\frac{1}{2}$ пуда, масла Прованскаго $\frac{1}{2}$ дюжины, сельдей боченокъ, сахару 2 пуда, самовары, чайники большіе, доски подносныя, чайныя приборы, тако жъ вина бѣлаго и краснаго Французскихъ по 3 ведра, водки Французской по 3 ведра, сладкой и крѣпкой водки штофовъ по пяти, Аглицкаго пива по 4 дюжины, лимоновъ 50-ть, столовое бѣлье, столовые приборы, посуда столовая и поваренная, поваровъ, и прочее, что до столовъ нужно, и служителей въ хорошемъ одѣяніи.

5-й. Что жъ, касается до тѣхъ станцій, гдѣ ни обѣда, ни ночлега не означено, тамъ должно быть въ заготовленіи блюдъ съ жареными разнаго рода холодными блюдами холодными, пирогами, сыръ, масло; окороки, словомъ, съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ со всѣхъ, о коихъ выше упомянуто, поставлять половинное количество противъ 3-го пункта.

6-й. Въ тѣхъ же домахъ, гдѣ ночлеги означены, было бы плешекъ числомъ столько, сколько положеніе мѣста и обширность этого дома требуютъ.

7-й. Во 2-мъ пунктѣ сказано о цугахъ, то оныя должны состоять изъ 12 лошадей и имѣть хорошую упряжь, и буде кто изъ Дворянъ одинъ пожелаетъ свой цугъ, или больше отъ себя поставить, тотъ для чести своей пожелаетъ, и людей своихъ, поставляя въ нихъ, на каждой цугъ по 3 челоуѣка, по надлежащему одѣть; а когда оныя цуги и прочее собраны будутъ отъ разныхъ Дворянъ, то въ такомъ случаѣ, по силѣ Указа Намѣстническаго Правленія, люди въ куртки должны быть одѣты, лошади же сборныя должны быть цѣною не меньше, какъ по 50 рублей, и въ цугъ ходить завременно приобученные.

8-й. Во 2-мъ пунктѣ сказано объ опровожателяхъ, то, конечно, разумѣются оныя Дворяне молодые, на лошадяхъ уборы, по возможности, хорошіе, сами въ Губернскихъ мундирахъ, въ шляпахъ съ бантами, въ перчаткахъ, въ щиблетахъ, что разумѣется объ уборѣ Нѣмецкомъ.

9-й. Всѣ генерально Господа Дворяне въ должностяхъ своихъ, на сей случай опредѣленные, должны быть въ Губернскомъ мундирѣ.

10-й. Во всѣ выше писанныя наряды Уѣзднымъ Предводителямъ употребить Дворянъ на сей, шествія Ея Величества, великій случай, не только свободныхъ, ни какими должностями не занятыхъ, но и тѣхъ, кои по выборамъ состоятъ въ должностяхъ въ Присутственныхъ Мѣстахъ по Губерніи, исключая изъ сего наряду только Городничихъ, Земскихъ Исправниковъ, съ ихъ Засѣдателями и Казначеевъ, и кто именно гостепріимцы и во опровожатели въ каждомъ Уѣздѣ будутъ опредѣлены, представить Губернскому Предводителю списки неукоснительно.

11-й. Впрочемъ, за нужное почитается и о семъ упомянуть, что буде бы, надъ чаяніе, свыше писанныхъ нарядовъ, или въ другомъ чемъ, до сего случая касающемся, кто изъ Господъ Дворянъ ослушнымъ, или нерадивымъ, оказался, таковой подвергается честь, жизнь и имѣніе свое опасности.

12-й. За сими, ежели что Уѣздные Предводители, каждой, по возможности своего Уѣзда и по лучшему разумѣнію и встрѣтившейся нуждѣ, или благопристойности, учинить, т. е., приумножить можетъ, за общимъ согласіемъ своего, Уѣзднаго его, Дворянства,

90 планъ высоч. шествія чрезъ новгородъ сѣверскую губернію.

въ чемъ разумѣются иллюминаціи, на границахъ ворота наъ ельнику и прочее, то будетъ къ большому общему всего Дворянства нашего удовлетворенію.

13-й. Желательно, и Уѣздные Предводители все стараніе свое приложить должны, чтобъ многіе съѣстные припасы, а если можно, и всѣ, въ 3-мъ пунктѣ написанные, кои въ хозяйствахъ Дворянскихъ имѣются и малаго имъ стоятъ, не были покупаемы, да и покупать зазорно, а даны бѣ были изъ домовъ Дворянскихъ безденежно, яко то: волю, птицы, бараны, масло коровье, молоко, сливки, окороки, водка крѣпкая, мука крупчатая, телата и все подобное, что все болѣе 50 руб. въ каждомъ Уѣздѣ, а во всѣхъ болѣе 500 руб. дѣлаетъ; ибо денежный расходъ еще на многое надобенъ, какъ имъ, Предводителямъ въ Уѣздахъ на случаи непредвидѣнные и на не написанное, яко то: пряное коренье, конфеты и прочее, такъ и въ Губернскомъ городѣ, въ которомъ, кромѣ что Коммисія не имѣетъ чѣмъ себя докончатъ, и ворота совсѣмъ не уплачены. Еще необходимо надобна иллюминація, которой есть ли быть въ Губернскомъ городѣ, то Предводителя, за объявленіемъ сего плана Дворянамъ, за ихъ согласіемъ, имѣютъ съ первою почтою прислать къ Губернскому Предводителю отъ каждаго Уѣзда по 6 рублей денегъ.

Губернскій Предводитель Полковникъ Афанасій Лобичевичъ.

Надворный Совѣтникъ и Новгородскаго Сѣверскаго округа Предводитель Леонтій Тинковъ.

Предводитель Дворянства Уѣзда Стородубскаго, Надворный Совѣтникъ Иванъ Миклашевскій.

Предводитель Дворянства Уѣзда Сурожскаго, Надворный Совѣтникъ Григорій Искрицкій.

Р ъ Ч ъ,

ГОВОРЕННАЯ ЧЕРНИГОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА ГУБЕРНСКИМЪ ДВОРЯНСТВА
ПРЕДВОДИТЕЛЕМЪ, НАДВОРНЫМЪ СОВѢТНИКОМЪ, АНДРЕЕМЪ ПОЛЕТИКОЮ,
НА ВСЕВЫСОЧАЙШКЕ ПРИШЕСТВІИ КЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ
ГРАНИЦЫ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПРИ ПУБЛИЧНОЙ АУДИЕНЦИИ ВЪ ГУ-
БЕРНСКОМЪ ГОРОДѢ ЧЕРНИГОВѢ,

1785 года, Генваря 26 дня.

Всемиловѣйшая Государыня!

Естьли кому изъ Государей, въ нынѣшнемъ столѣтіи пре-
стола свои добродѣтелями и высокими дарованіями украшаю-
щихъ, попеченіе о благѣ общемъ приписуется, то наименованіе
матери, о чадѣхъ своихъ пекущейся, по справедливости прилично
быть Вашему Императорскому Величеству долженствуетъ. Ни
время, ни мѣсто, ни благопристойность подробно сея истины
многими и почти безчисленными доказательствами утвердить мнѣ
не дозволяютъ; одно только въ примѣръ привести мнѣ дозволите,
Всемиловѣйшая Государыня, что, не щадя драгоцѣннѣйшаго
своего здоровья, презирая зной солнечный, мразъ и бурную не-
погоду, толь трудныя путешествія въ мѣста, отъ престольнаго
града отдаленныя, единственно для пользы своихъ подданныхъ,
часто водою и сухимъ путемъ предприимете. Щасливымъ себя
почитаетъ Намѣстничество сіе, узрѣвъ священную особу Вашего
Величества, и, будучи преисполнено радости, приноситъ всепод-
данническое поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ въ пре-
дѣлы его, и спѣшитъ повергнуть къ стопамъ Вашимъ чрезъ уста
мои сіе усерднѣйшее желаніе. Господь да будетъ вождемъ во
всѣхъ путяхъ Вашихъ, храня отъ всякихъ вредныхъ здравію при-
ключеній! Господь да благословитъ повсюду вхожденіе и исхож-
деніе Ваше, отвращая всякое неудовольствіе и исполняя сердце
Ваше радостію и веселіемъ, какъ единственнымъ трудовъ и под-
виговъ Вашихъ удовольствіемъ!

Д О Н Е С Е Н І Е

О

ВОЛНЕНІИ ЛИВОНСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ. *

(1841 года.)

Предмѣстнику Вашего Высокопревосходительства угодно было командировать меня въ Лифляндскую Губернію, для собранія свѣдѣній о причинахъ возникшаго между крестьянами сей Губерніи волненія.

Прибывъ въ Дерптъ, я обратился къ людямъ совершенно безпристрастнымъ, любящимъ Россію, и собралъ отъ нихъ свѣдѣнія, большею частію согласныя съ доставленными Коллежскимъ Совѣтникомъ Кузминскимъ, командированнымъ сюда по сему же дѣлу до меня. Изложеніе всѣхъ было бы повтореніемъ того, что уже Министерство имѣетъ въ виду; а по тому я ограничиваюсь представленіемъ на вниманіе Вашего Высокопревосходительства только нѣкоторыхъ, заслуживающихъ по моему мнѣнію уваженія.

Высшее Начальство здѣшняго края, а равно Дворяне, всегда съ гордостью говорятъ, что на крестьянахъ ихъ нѣтъ недоимки. Съ перваго взгляда, особливо при настоящемъ разоренномъ положеніи крестьянъ, оно кажется удивительнымъ; но когда разобрать предметъ сей вблизи, откроется, что крестьяне, вмѣсто долга казнѣ, несутъ на себѣ частный, неоплатный, помѣщику.

* Донесеніе это и слѣдующія за нимъ «Очерки Ливоніи» принадлежать одному и тому же перу. О. Б.

Недому за своего крестьянина вносить, а равно покупаетъ ему, въ случаѣ надобности, рекрутскую кнѣжанцію, помѣщика. Употребленный имъ на сіе капиталъ получаетъ онъ въ возвратъ не наличными деньгами, а рабочими днями, которые оцѣняются самимъ помѣщикомъ и имъ же засчитываются крестьянину по произволу. По обширности многихъ здѣсь имѣній, крестьянинъ имѣеть иногда отъ мызы 15, 20 и даже 30 верстъ. Чтобы преѣхать это пространство, на однодневную работу и отдыхъ лошади долженъ онъ употребить день, другой на самую работу (но часто урокъ ему съ намѣреніемъ данъ такъ великъ, что онъ кончаетъ его въ два дни) и день на обратный путь. Вотъ четыре дня, что онъ употребилъ на помѣщика, а они ему засчитываются за одинъ; а также, если крестьянинъ пріѣдетъ на работу и погода испортится, его отсылаютъ обратно. Всѣ вообще полевые работы опредѣлены въ контрактъ меньшимъ числомъ дней, нежели дѣйствительно ихъ въ натурѣ исполнить можно, и вообще содержатся какъ четыре къ одному.

Такимъ образомъ,отяченный работами крестьянинъ, не имѣя времени, по здѣшнему короткому лѣту, обрабатывать надлежащимъ образомъ собственные поля и своевременно снимать хлѣбъ, терпитъ и въ самомъ урожаѣ, и тогда, какъ съ полей помѣщика снимается обильная жатва, у крестьянина ничего не родилось. Самовластіе и несправедливость нѣкоторыхъ помѣщиковъ не смирился даже предъ хорошамъ, трудолюбивымъ крестьяниномъ. Ежели онъ замѣтитъ, что у крестьянина земля, надъ которою трудились и предки его, хорошо обработана и удобрена: онъ беретъ ее подъ мызу, а крестьянину отказываетъ. Перейти къ другому помѣщику онъ не можетъ: переселенцевъ они не принимаютъ; это условіе между ними хотя тайное, но извѣстное. Такимъ образомъ, скитаясь отъ одного владѣльца къ другому, возвращается онъ къ прежнему, и тогда положеніе его дѣлается еще ужаснѣе. Приносимыя на подобныя насилія жалобы въ Судебныя мѣста всегда рѣшаются въ пользу помѣщика по весьма очевидной причинѣ: предсѣдатели сихъ Судовъ такыя же Дворяне и, слѣдовательно, сами находятся въ такомъ же положеніи. Котъ чѣмъ награждается здѣсь трудъ крестьянина и ограждается его личная свобода.

Рациональное хозяйство, въ усиленномъ видѣ въ Лифляндіи распространяющееся, ставитъ крестьянина между двумя крайностями: помѣщикомъ и работникомъ; одинъ съ каждымъ годомъ требуетъ отъ него болѣе и болѣе работъ, отъ которыхъ онъ отказаться не смѣетъ, находясь у него въ долгу и, слѣдовательно совершенной зависимости; другой, сообразно новымъ трудамъ, ему предстоящимъ, возвышаетъ наемную плату, которая поставляетъ крестьянина въ необходимость, чтобы расплатиться съ работникомъ, продать послѣднюю корову. И тамъ, гдѣ прежде достаточно было одного работника, по нынѣшнему хозяйству потребно имѣть двухъ. Рациональное хозяйство полезно имѣть тамъ, гдѣ мало земли и много рукъ; а здѣсь это совершенно обратно. Вотъ причины, породившія въ крестьянахъ сначала ропоть, долго таившійся отъ высшаго Правительства, а потомъ рѣшимость покинуть родимый край и искать лучшей участи въ отдаленныхъ странахъ Имперіи, имъ совершенно чуждыхъ.

Главное несчастье здѣшняго крестьянина, что онъ потерялъ всякое довѣріе къ помѣщику, купцу, судѣ, пасторамъ и даже къ Гражданскому и Генералъ-Губернаторамъ. Послѣдній, при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ, * давалъ имъ деньги съ тѣмъ, чтобы они возвратились въ дома. Этимъ онъ не успокоилъ ихъ, а напротивъ усилилъ приливъ; и когда увидѣлъ, что толпы начали увеличиваться, велѣлъ ихъ наказывать, сажать въ тюрьму, брить головы. Крестьяне, утраченные подобными мѣрами, вынужденными нашлись обратиться къ Епископу Рижскому и просить его о вспоможеніи имъ въ переселеніи и вмѣстѣ изъявляли желаніе перейти въ Православіе. Преосвященный Иринархъ принялъ ихъ просьбу, собственно до перехода въ Греческую Вѣру относящуюся, а въ прочемъ указалъ имъ обратиться къ Гражданскому Начальству. Между тѣмъ увѣщавалъ ихъ возвратиться въ жилища свои, быть послушными помѣщикамъ и ожидать окончанія дѣла. Крестьяне внявъ словамъ Владыки, возвратились къ своимъ полевымъ работамъ, и спокойствіе начинало

---

* Первые были изъ прихода Мариенбургъ, Валкскаго Уѣзда, принадлежащаго Барону Фитингофу, который въ прошедшую осень выдавая крестьянамъ, въ замѣнъ муки, барду, записывалъ на нихъ въ долговую книгу за пудъ барды полпуда муки.

было водворяться, какъ вдругъ Генералъ-Губернаторъ, отправляясь по Губерніи, далъ приказаніе всѣхъ, являвшихся въ Ригу, выслать на большую дорогу, и тутъ, въ присутствіи своемъ, велѣлъ ихъ наказывать. Всѣ обвиненія Начальства и Дворянъ, вводимыя на Православное Духовенство, слабы, не подтверждаются событіями. Побудительная же причина, по которой крестьяне хотѣли перейти въ Православіе, какъ мнѣ здѣсь передали, есть дурное обращеніе съ ними пасторовъ, которые болѣе пекутся о распространеніи своего собственнаго рациональнаго хозяйства, нежели о исполненіи духовныхъ обязанностей; и по сей-то причинѣ, имѣя въ виду собственныя выгоды, во всякомъ случаѣ берутъ сторону помѣщика, а не крестьянина. Намѣреніе крестьянъ перейти въ Православіе, не смотря на всѣ наказанія, становится фанатизмомъ. Они объявляютъ, что ежели ихъ половины не станутъ, или всѣхъ сошлютъ въ Сибирь въ наказаніе, то и тогда не перестанутъ желать быть одной Вѣры съ своимъ Государемъ. Разгаръ этихъ желаній становится повсемѣстнымъ, и ему не мало содѣйствуютъ строгія мѣры вышшаго мѣстнаго Начальства жестокими наказаніями за малѣйшую попытку исполнить свою мысль. Ожесточеніе ихъ растетъ по мѣрѣ неудачъ. Видя себя оставленными противной силѣ, они рѣшаются, во чтобы то ни стало, упорствовать въ своемъ намѣреніи, полагая, что бѣдственное положеніе ихъ, при всѣхъ ихъ неудачахъ, не можетъ ухудшиться.

Дерптскій помѣщикъ и Ландмаршалъ Э.* и Венденскій Ландратъ В. первые подали совѣтъ Генералъ-Губернатору просить войско. Этимъ хотѣли они устрашить Правительство и показать, что опасаются общаго возстанія. Большая часть помѣщиковъ желаетъ, чтобы крестьяне были усмирены силою оружія, какъ предположить должно, для того, чтобы отнять у нихъ на будущее время всякую надежду на защиту Правительства, и по томъ завладѣть ими безусловно. Но кто будетъ продовольствовать войско? Помѣщики откажутся, а крестьяне не имѣютъ

---

* Человѣкъ, единодушно здѣсь нелюбимый, большую часть имѣнія содержитъ въ арендѣ и крестьянъ притѣсняетъ до немовѣрности. Имѣя, по званію своему, вѣсь въ Губерніи и лично сильное вліяніе на Генералъ-Губернатора, мѣста Судей и Исправниковъ предоставилъ людямъ, ему приближеннымъ, и этимъ средствомъ оградилъ себя отъ всѣхъ жалобъ.

средствъ: они и безъ того разорены. Не ежели помещики и согласятся, то, конечно, съ тою мыслию, чтобы собрать все это въ послѣдствіи съ крестьянъ. При появленіи войска въ большой массѣ крестьяне, нѣтъ сомнѣнія, разбѣгутся. Но ежели они, убитые уже своимъ жестокииъ положеніемъ, противостанутъ имъ и вступать съ ними въ борьбу, край погибнетъ, а Государство понесетъ важныя потери.

Въ теперешнемъ положеніи Лифляндіи можно ее назвать пашалыкомъ, гдѣ произволъ расправы предоставленъ сильному. Непонятно, какъ до сихъ поръ не вникли мѣстныя власти въ положеніе здѣшнихъ крестьянъ и называютъ бунтомъ то, что неминуемо должно было образоваться въ народѣ при переиѣнѣ политическаго быта, то есть, дарованіи личной свободы, которою, однако, они пользуются только номинально.

Мысль о благосостояніи должна была у нихъ родиться вмѣстѣ съ потребностію религіи Христіанской. Сравненіе же между религіею Православною и Лютеранскою у нихъ въ глазаѣтъ, и естественно, что они отдають преимущество первой. Вотъ все ихъ преступленіе, вотъ по чему они въ осадномъ положеніи: вездѣ гоненіе за мысль, за желаніе Христіанства. Весною, въ началѣ полевыхъ работъ, должны возникнуть безпорядки и неповиновеніе. Вмѣсто того, чтобы предупредить преступления, они готовятся принятыми теперь мѣрами. Надо знать характеръ Чухонъ и ихъ историческую ненависть къ своимъ притѣснителямъ, чтобы убѣдиться, что при настоящемъ направленіи дѣлъ, они спокойно не кончатся. Согласить двѣ противоборствующія стороны невозможно, и одна изъ нихъ должна проиграть; но вопросъ: которая?

Все упованіе въ настоящее время возлагають они на защиту Правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, «готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое.» Вотъ причина, по чему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоять въ полѣ, въ скирдахъ, ни кѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ.

Генералъ-Губернаторъ, принимающій участіе въ помѣщикахъ и ограждающій ихъ предъ Правительствомъ, лично удостовѣрялся, что не всѣ пекутся о крестьянахъ. Въ проѣздъ свой изъ Риги въ Дерптъ свидѣтельствовалъ онъ сельскіе запасные магазины, и во многихъ не нашелъ хлѣба, который, по показанію крестьянъ, употребленъ на винокуреніе. Впрочемъ, помѣщики къ нему не расположены, и въ послѣднее пребываніе его въ Дерптѣ изъявили свое неудовольствіе явно. Они упрекали его, что онъ, при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ, не принялъ строгихъ мѣръ. На это онъ, въ оправданіе имъ, представилъ, что при самомъ началѣ писалъ онъ къ Графу Строганову и, не получая три недѣли отъ него разрѣшенія, вынужденъ былъ донести Государю Императору. Дѣло о водненіи крестьянъ Лифляндской Губерніи показываетъ противное. Баронъ Паленъ писалъ въ первый разъ объ этомъ событіи 8 Іюля, и то въ слѣдствіе вопроса, сдѣланнаго ему Министерствомъ. Къ чему хотѣлъ онъ предъ здѣшнимъ Дворянствомъ, постоянно недовольнымъ нашимъ Правительствомъ, сказать такую неправду, остается загадкою. А что онъ дѣйствительно это говорилъ, подтверждается единогласно.

Генералъ-Губернаторъ, въ донесеніи своемъ Государю Императору, между прочимъ, излагаетъ, что Дворянство желаетъ разсмотрѣть положеніе о крестьянахъ (Bauerordnung), на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Разсмотрѣніе сихъ правилъ арѣлое, безпристрастное и утвержденіе оныхъ потребуетъ много времени, а между тѣмъ крестьяне будутъ терпѣть нужду въ хлѣбѣ, и наконецъ и вовсе его лишатся. А по тому я полагалъ бы необходимымъ открыть для нихъ сельскіе магазины, и вмѣстѣ съ симъ вмѣнать въ непремѣнную обязанность Коммиссіи Народнаго Продовольствія неусыпно смотрѣть, чтобы крестьяне не нуждались въ хлѣбѣ. За этимъ успокоительнымъ средствомъ надо будетъ приступить къ мѣрамъ дѣйствительнымъ и оградить крестьянина отъ доселѣ бывшихъ притѣсненій. Первымъ закономъ должно быть, чтобы помѣщикъ не могъ отказать крестьянину по произволу отъ земли. Она должна быть не собственностію его, но вѣчнымъ потомственнымъ достояніемъ, какъ это существуетъ въ Финляндіи. Тогда крестьянинъ, увѣренный въ пользѣ трудовъ, прилагаемыхъ къ землѣ своей, успокоится, и край процвѣтетъ.

Но Дворянство ищетъ лишь собственной выгоды. На бывшемъ здѣсь домашнемъ совѣщаніи положило оно, чтобы на Конвентѣ въ Ригѣ сдѣлать слѣдующее положеніе: прежнее положеніе о крестьянахъ (Bauerverordnung) оставить въ своей силѣ. Но какъ во время составленія сего положенія не имѣлось въ виду раціональнаго хозяйства, которое въ послѣдствіи ввелось здѣсь повсемѣстно, то и производить это хозяйство одними работниками, то есть, бобылями (Knechtwirtschaft). Результатъ этому будетъ уменьшеніе народонаселенія, по тому что крестьянинъ, лишенный оубдлости, не можетъ имѣть ни какой собственности и, слѣдовательно, устраненъ будетъ отъ семейной жизни. Такое заключеніе Дворянъ легко было предвидѣть. Захотятъ ли они сознать себя виновными въ злоупотребленіяхъ надъ крестьянами и уступить имъ сколько ни будъ своихъ выгодъ?

Вообще законы Остзейскихъ Губерній должны получить болѣе стройный видъ и быть болѣе принаровлены къ настоящему ихъ политическому положенію. Законы и разнообразныя привилегіи городовъ, нынѣ существующіе, есть одно историческое свидѣтельство постояннаго перехода страны сей изъ подъ одного владычества къ другому.

7 Октября, 1841 г.

ОЧЕРКИ ЛИВОНІИ.

Протекло сто тридцать лѣтъ, что Лифляндія находится подъ владычествомъ Россіи, а Лифляндцы смотрять на нее, какъ на все чуждое имъ Государство. Причина сему ясная: Русскіе всѣхъ состояній лишены многихъ тамъ правъ, а выходцы изъ Германіи пользуются всѣми безъ исключенія. Лифляндцы свободно пріобрѣтаютъ имѣнія во всемъ Государствѣ, а Русскіе покупаютъ въ Лифляндіи условно: до девяти мѣсяцевъ туземець, заплативъ по купчей деньги, можетъ взять его за себя. Съ тѣхъ поръ, какъ Лифляндцы пожелали уничтожить у себя крѣпостное состояніе и даровать крестьянамъ своимъ личную свободу, слѣдовало бы или ихъ лишить права покупать въ Имперіи крѣпостныя имѣнія, или Русскимъ дозволить безусловно пріобрѣтать земли въ Лифляндіи. Петръ Первый, покоривъ страну сію, многимъ изъ сподвижниковъ своихъ пожаловалъ тамъ земли. Цѣль Великаго, нѣтъ сомнѣнія, была водворить въ странѣ сей Русскихъ и права ихъ слить съ правами жителей сего края.

Императрица Екатерина Вторая, вѣрная исполнительница предназначеній Петра, постепенно вводила въ Остзейскихъ провинціяхъ общее Государственное управленіе. Въ Ригѣ открыла Намѣстничество, городамъ даровала Городовое положеніе; однимъ словомъ, начинала облекать край сей въ Русскія формы; но Императоръ Павелъ Первый все отмѣнилъ — и Лифляндія отступила отъ Россіи на нѣсколько лѣтъ. При всѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло о централизаціи, Лифляндскіе фанатики приводятъ тяжкій для Россіи примѣръ сей, и тѣмъ хотятъ доказать, что Лифляндія должна управляться не общими, но собственными законами и привилегіями. Люди благомыслящіе и граждане вообще сожальютъ о перемѣнѣ сей. Положеніе послѣднихъ съ того времени

сдѣлалось чрезвычайно стѣснительнымъ. Если бы не послѣдовало сего измѣненія, Лифляндцы въ сорокъ лѣтъ много бы сроднились съ Россією. Люди того времени почти всѣ говорятъ по Русски.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи Лифляндія много отдалилась отъ Россіи. Началомъ было учрежденіе Дерптскаго Университета на правахъ Германскихъ.

Настоящее поколѣніе Лифляндцевъ, состоящее изъ студентовъ, кончившихъ курсъ, или не кончившихъ, даже исключенныхъ, напитанное духомъ новѣйшаго Германизма, вносимаго изъ Германіи или Профессорами, или самими Лифляндцами, часто путешествующими за границу, образовало корпорацію подъ названіемъ Юной Лифляндіи. Они разсѣялись по всему краю, и каждый, въ кругу своего состоянія, клевететь на Россію, возстаетъ противъ Правительства за введеніе Русскаго языка. * Дворяне шумятъ на Ландтагѣ, прочіе въ толпѣ народной, ** и не вступаютъ въ службу Государственную. Юная Лифляндія сія возбуждается и поддерживается въ дѣйствіяхъ своихъ, какъ предположить должно, Герингутерами, Піетистами и Мукерами. Послѣдніе свили гнѣздо въ Кенигсбергѣ и оттуда въ развратѣ вскормленныхъ птенцовъ своихъ распустили по всей Германіи и въ Остзейскія провинціи. Прусское Правительство открыло ихъ и преслѣдуетъ.

Въ послѣднее время болѣе нежели когда обращено вниманіе на изученіе Русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Остзейскихъ провинцій и Дерптскомъ Университетѣ. Дѣйствительно, обучаются оному съ пользою имѣющіе намѣреніе вступить въ службу внутри Имперіи, прочіе только для полученія аттестата. А какъ большая часть студентовъ по окончаніи курса не покидаетъ края и не вступаетъ въ службу, то и языкъ, не ниѣ случая

---

* Баронъ Н., извѣстное лицо въ Лифляндіи, заставилъ дѣтей своихъ прінести клятву, что они никогда не будутъ Русскому языку учиться.

** Во время послѣднихъ возмущеній въ Лифляндіи крестьяне говорили, что скоро явится Вильгельмъ Тель и освободитъ ихъ. Кто могъ передать имъ это имя?

упражнялся въ ономъ, скоро забываютъ. Съ успѣхомъ распро-
страняется и водворяется языкъ тамъ, гдѣ потребность въ ономъ
рождается между самимъ жителями.

Пруссія во вновь присоединяемыхъ провинціяхъ вводитъ
языкъ и законы свои чрезъ посредство опредѣляемыхъ отъ Ко-
ролевства чиновниковъ. Финляндія, чтобы водворить Шведскій
языкъ въ Выборгской Губерніи, которая, находясь съ 1721 по
1809 годъ, подъ общимъ Государственнымъ управленіемъ, забы-
ла оный и усвоила Нѣмецкій, предоставила всѣ почти мѣста чи-
новникамъ, знающимъ только Шведскій и частію Финскій язы-
ки. Сямъ средствомъ она достигла своей цѣли. Что же касается
до Лифляндіи, то едва ли можно надѣяться, чтобы Русскій языкъ
утвердился тамъ: много пропущено времени. Къ тому же ихъ ба-
луютъ, и они, или ихъ предоставители, во всемъ успѣваютъ. Въ
успокоеніе ихъ смѣненъ Епископъ Иринархъ, и это было торже-
ствомъ Иновѣрія и Раскола; и смѣненъ въ то время, когда ожи-
дала его, можно сказать, слава Апостола. Здѣшніе крестьяне по-
теряли всякое довѣріе къ пасторамъ, и вообще Лютеранизмъ мо-
жетъ ли внушить религіозныя чувства народу, у котораго раз-
виты только способности сердца, а не ума? Однѣ внѣшнія фор-
мы могутъ еще на него дѣйствовать, а результатъ тотъ же, ка-
кой имѣетъ проповѣдь на человѣка просвѣщеннаго, ежели еще
не сильнѣе. Простолудинъ вѣритъ безусловно, и хочетъ быть
Христіанниномъ въ дѣйствіи, и для того ему необходимы обряды
церкви. По тому-то и не должно желаніе Чухонъ принять Правос-
лавіе приписывать исключительно одному какому ни будь обетод-
тельству, и не жертвовать слишкомъ милліономъ людей корысто-
любивымъ видамъ клеветниковъ Россіи. Мысль ужасная—отринуть
просьбу людей, желающихъ усилить свою преданность къ Госу-
дарю и Россіи принятіемъ ея господствующей Вѣры. Поставлен-
ные между развратомъ своихъ пасторовъ и злоупотребленіемъ
власти помѣщичьей, что осталось дѣлать народу, какъ не искать
правды въ Православной Вѣрѣ?

Законы Лифляндіи, при всемъ ихъ недостаткѣ и запутан-
ности, остаются неприкосновенны. Они руководствуются закона-
ми Шведскими, Любскими, Гамбургскими, Бременскими и даже
Папскими, Си разныхъ странъ и въковъ постановленія дню

свидѣтельствуютъ, что Лифляндія никогда не была самостоятельнымъ Государствомъ, всегда съ покорностію принимала законы своихъ временныхъ повелителей, а по тому и нынѣ, находясь подъ постояннымъ владычествомъ Россіи, домогается особыхъ для себя постановленій безъ основанія. Древняя смѣсь сія есть пища Адвокатовъ: они иногда въ дѣлахъ подводятъ такіе законы, которые въ настоящемъ политическомъ отношеніи Лифляндіи все неумѣстны. Между законами сими есть одинъ подъ названіемъ: «право бѣдности (Armenrecht),» который въ прежнія времена, когда не дерзали его употреблять во зло, былъ полезенъ. Онъ оберегалъ бѣднаго отъ притѣсненій богатаго и равнялъ ихъ передъ судомъ. Законъ сей даетъ бѣдному право всѣ жалобы въ Судебныхъ Мѣстахъ приносить и Адвокатовъ на пользу дѣйствовать безденежно. Право сіе въ старину давалось по убѣжденію; нынѣ пользуется онымъ всякій слуга и служанка. Прежде не смѣли входить въ Суды съ ложными просьбами; нынѣ сдѣлалось это промысломъ, и подаются онѣ большею частію на людей достаточныхъ, которые, чтобы токмо не имѣть тяжбы, кончаютъ ихъ деньгами. Адвокаты охотно принимаются за подобные процессы и, какъ говорятъ, возбуждаютъ ихъ. На это почти есть доказательство: никогда тяжбъ между двумя, пользующимися правомъ бѣдности, не бываетъ. Губернское Правленіе дѣлаетъ свои мѣстные постановленія, которыя, безъ утвержденія Верховною Властію, получаютъ силу закона.

Распоряженія Высшаго Начальства въ краѣ семь или измѣняются, или вовсе не исполняются. Въ прошедшемъ году Штадтъ-Физикъ города Дерпта изъявилъ письменно Гражданскому Губернатору желаніе занять тамъ же должность городского врача при полиціи безденежно. Губернаторъ вошелъ о семъ съ представленіемъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и послѣдовало утвержденіе. Бюргермейстеръ едва узналъ это, объявилъ Штадтъ-Физику, что ежели онъ вступитъ только въ новую должность, то немедленно прекратится ему выдача жалованья, по настоящему званію отъ ратуши получаемого. Врачъ отказался отъ новаго назначенія своего.

Много приносятъ въ Лифляндіи вреда хотя избирательныя, но всегда пожизненныя, должности Ландратовъ и Бюргермейсте-

ровъ. Первыхъ полагается двѣнадцать: обязанность ихъ застѣвать помѣсячно въ Ландгерихтѣ. Дворянство весьма желало бы освободиться отъ нихъ: они ему стоятъ очень дорого, а отъ ежемѣсячной смѣны затрудняется и замѣняется теченіе дѣлъ. Бюргермейстеры же суть явные притѣснители городскихъ жителей, пользуются большими преимуществами и дѣйствуютъ совершенно самовластно; по чему въ городахъ Лифляндской Губерніи, полиція не имѣетъ силы. Въ послѣднее время Губернское Правленіе, Гражданскій и Генераль-Губернаторы, распоряженіями своими уничтожили и послѣднюю ея власть. Городъ Дерптъ вмѣщаетъ въ себѣ двѣнадцать тысячъ жителей, 959 домовъ, изъ коихъ 657 деревянныхъ; получаетъ до 36 тысячъ рублей серебромъ дохода, чего многіе Губернскіе города не имѣютъ; находится на большой, весьма проѣзжей, дорогѣ; ежегодно бываетъ тамъ три ярмарки, и при всѣхъ сихъ средствахъ и условіяхъ не имѣетъ ни полицейской команды, положенной Высочайше утвержденнымъ штатомъ 13 Іюня, 1805 года, ни Сѣзжихъ домовъ, ни въ надлежащемъ устройствѣ пожарныхъ инструментовъ, ни лошадей, ни даже будокъ. Полицеймейстеръ дѣлалъ о всѣхъ сихъ предметахъ представленія, и высшія мѣстныя Власти, а также и Губернское Правленіе, предварительно во всемъ съ нимъ соглашались и находили необходимымъ; въ послѣдствіи и убѣждаясь отзывами Бюргермейстера, отказали ему, а Губернское Правленіе, за дурное состояніе пожарныхъ инструментовъ, сдѣлало ему замѣчаніе, котораго онъ не могъ заслужить, по тому что чинить ежегодно инструменты Ратуша. Въ Дерптѣ три полиціи: городская, земская и Университетская. Полиція городская не имѣетъ права взять преступника въ квартирѣ студента, безъ содѣйствія Университетской; равнымъ образомъ теряетъ свою силу, можно сказать, въ самомъ городѣ, гдѣ одна сторона улицы принадлежитъ городу, другая Уѣзду. Вышнній Полицеймейстеръ, Маіоръ Гильденштуббе, преданъ совершенно Россіи, а по тому на каждомъ шагу въ дѣйствіяхъ своихъ встрѣчаетъ препятствія. Вообще въ Лифляндіи всякаго рода преступники могутъ удобно скрываться отъ преслѣдованій. По существующему тамъ положенію, всякій проѣзжающій получаетъ свободно на станціяхъ лошадей безъ подорожной, или другаго вида. Студентъ убьетъ на дуэли товарища своего, другіе дадутъ ему и деньги, и возможность скрываться.

Во время управления Остзейскими провинціями Маркизом Паулуччи Бюргермейстеры не имѣли нынѣшней власти своей: Губернское Правленіе было осмотрительнѣе и вообще все шло въ другомъ видѣ. Люди благомыслящіе доселѣ съ признательностію вспоминаютъ объ немъ, а чиновники, коихъ отличалъ онъ, находясь нынѣ внѣ службы, пользуются всеобщимъ уваженіемъ, кромѣ окружающихъ Барона Палена и другихъ, дѣйствующихъ не въ духъ нашего Правительства. Паулуччи былъ иностранецъ по имени, но въ душѣ онъ истинно Русскій. Всѣ дѣйствія его клонились къ послабленію привилегій, кои, безъ всякаго доказательства и основанія, пользуются Остзейскія провинціи. Сиямъ средствомъ онъ хотѣлъ уравнивать Русскихъ въ правахъ съ мѣстными жителями. Лифляндцы вообще недовольны настоящими властями своими: Генералъ-Губернаторъ управляется другимъ: Губернаторъ слабъ; нѣсколько лѣтъ не объѣзжалъ Губернію, и всѣ дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ и мѣстъ остаются безъ повѣрки.

ПИСЬМО

БНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКАГО. *

Я нѣсколько разъ, по необходимости, пускался въ путь по понедѣльникамъ, и всегда прѣблагополучно, а какъ-то все такъ и что-то боюсь уже испытанной пустой примѣты; и по сей, такъ сказать, глупости моей и многихъ, рѣшился выѣхать изъ Харькова въ Ахтырку, хотъ и въ понедѣльникъ, да за полночь. Послалъ за лошадьми... «Нѣтъ, будутъ къ 2-мъ часамъ»; опять послалъ: «Будутъ къ 4-мъ»; а на третью посылку отвѣтъ: «Непремѣнно въ 6 часовъ». Наконецъ я выѣхалъ въ 8-мъ, и тотчасъ заснулъ; проснулся передъ первой станціей (Ольшаны), очнулся и спохватился, что долженъ пріѣхать къ Голицынымъ ночью и всѣхъ безпокоить. Взглянулъ на право: барскій каменный домъ съ садомъ въ хорошемъ вкусѣ. «Чей?» — «Н. В. Абазы». Тутъ я вспомнилъ, что этотъ Абаза былъ у меня нѣсколько разъ въ Харьковѣ, а я все собирався у него побывать: такъ заѣду, не собираясь. Заѣхалъ: на дворѣ нѣсколько экипажей. «Баринъ дома?» — «Дома: у него братецъ Савва Васильичъ». Тѣмъ лучше.... Хозяинъ встрѣтилъ съ радостнымъ лицомъ, и по чему же думать, что я не съ веселымъ сердцемъ? Намъ съ нимъ нечего дѣлать! Онъ проводитъ меня

---

* Письмо это было писано къ племянницѣ поэта, Павлѣ Бакуниной; вручено И. Е. Б-му лично Княземъ, съ которымъ тотъ жилъ въ это время на одной квартирѣ, откуда писано сіе письмо, то есть, въ домѣ бывшаго въ то время Харьковскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, Князя В. И. Голицына.

через столовую, за столомъ сидятъ 14 малолѣтнихъ дѣтей его и брата его, и всѣ премиленькія. Хозяинъ мнѣ сказалъ, что они всей взрослой семьей обѣдаютъ у Максима Максимовича Ковалевскаго, Харьковскаго Дворянскаго Предводителя, живущаго въ Ольшанахъ, и я не преминулъ воспользоваться сей вѣрной оказіей расплатиться за многія посѣщенія и съ Максимомъ Максимовичемъ. Ъду, обѣдаю очень хорошо, и хозяинъ точно былъ мнѣ радъ: я ему могу быть пригоднымъ. Послѣ обѣда открывается, что Савва Васильевичъ держитъ на откупъ Богодуховъ, первую станцію до Ахтырки, что ѣдетъ по одной со мною дорогѣ 20 верстъ, что жена его хотѣла ѣхать на праздникъ и заложеніе монастыря въ Ахтырку, да отдумала, а передовой посланъ заготовить ей ужинъ и ночлегъ въ Богодуховѣ на виноконторскомъ дворѣ, такъ же комнаты въ Ахтыркѣ, которыми предложили мнѣ воспользоваться. Я, разумѣется, не отказался. Приказанія повѣреннымъ мнѣ выданы, и я пью чай, ужинаю и ночую въ Богодуховѣ за Анну Сергѣевну Абаза. Мой землякъ Смольянинъ, съ бородой почти два длиннѣе Терентьевой, меня угощаетъ. Городничій является съ почтеніемъ; в такъ же былъ принятъ и въ Ахтыркѣ повѣреннымъ С. В.: ростовщикъ съ бородой, хотя не такъ длинной, но окладистой. Я у него пробылъ только до перемѣны лошадей, что, не смотря на мою и откупщикову важность, и не скоро сдѣлалось, но я все таки успѣлъ къ завтраку въ Тростянецъ (въ 20 верстахъ отъ Ахтырки). Вы уже знаете эту прекрасную усадьбу и дружбу мою съ Княгиней Голицыной: такъ объ нихъ и писать нечего; а я тороплюсь сообщить вамъ новое и очень, по моему, интересное.

Въ Ахтыркѣ, куда мы съ Княгинею Голицыной пріѣхали на третій день, въ праздникъ Ахтырской Божіей Матери, къ обѣднѣ, которую служилъ въ прекрасномъ, Византійской архитектуры, соборѣ Преосвященный Иннокентій и говорилъ сильно назидательное слово о чудотворномъ явленіи Иконы и о милосердіи Ея къ городу, который едва ли заслуживаетъ его; тутъ онъ, начавъ съ помѣщиковъ, и кончилъ крестьянами: перебралъ всѣ состоянія и уличалъ большинство ихъ: однихъ въ нерадѣніи о благѣ своихъ крестьянъ, другихъ въ несправедномъ судѣ (и этии крѣпко досталось), третьихъ въ корыстолюбіи торга, особливо винномъ, обезумленіемъ людей, и четвертыхъ въ лѣности, въ нерадѣніи о вѣрѣ и въ пьянствѣ, и представя не очень благовидную

картину общаго быта, закончилъ тѣмъ, что Богородица, храня подъ кровомъ своимъ Ахтырку, конечно, надѣется и ожидаетъ покаянія и исправленія, которое легко можетъ совершиться, если всѣ будутъ помышлять, что истинное благоденствіе наше не на сей землѣ, но на сей землѣ мы должны изготовить его для себя, и кончилъ слово очень умилительною и поучительною молитвою Пресвятой Богородицѣ, обращаясь къ Ея иконѣ.

Надобно вамъ сказать, что мы пріѣхали уже послѣ часовъ, и я, отъ тѣсноты, взобрался на хоры, гдѣ Иннокентій меня замѣтилъ и прислалъ Діакона проводить въ алтарь; тамъ я препокойно отслушалъ обѣдню, послѣ которой мы пошли въ Архіерейскій домъ, построенный съ церковью Графиней Чернышевой, которая въ немъ жила. Къ Преосвященному собрались всѣ Ахтырскіе чиновначальники, помѣщики и пріѣхавшіе изъ Харькова, въ томъ числѣ и самъ Губернаторъ Мухановъ, съ женой и священницей, похожей на Катерину Михайловну. Преосвященный пригласилъ Голицына и меня на монашескую трапезу, въ 2 часа, и въ то же время позвалъ насъ здѣшній начальникъ дивизіи, Генералъ Гельфрейхъ, обѣдать *à la fortune de pat*, и мы разочли, что, помонашествуя у Епископа, успѣемъ еще поскоромничать у Нѣмца, и такъ уговорились съ нашими хлѣбосолами. Да Архіерей, который хотѣлъ пообѣдать келейно съ нами и своими духовными сановниками, вдругъ вспомнилъ, что Губернаторъ можетъ этимъ обидѣться, послалъ звать и его, а онъ, между тѣмъ, поѣхалъ осматривать городскія заведенія, отъ чего наша трапеза началась уже въ 3 часа. Я за ней работалъ только изъ за усть, а въ уста, по запрещенію Владыки ѣсть рыбное и пивное, пропустилъ только три оливки, въ надеждѣ дообѣдать у Генерала. Но увъ! я забылъ, что онъ Нѣмецъ, стало быть, человѣкъ аккуратный и экономный, а по тому не могъ насъ ждать больше часу противъ урочнаго времени, и обѣдъ его былъ слишкомъ хозяйственный; къ тому же еще съ нами случилась непріятность отъ большаго размноженія Нѣмцевъ-Генераловъ: нашелся въ той же дивизіи Бригадный Генералъ Врангель, которому отвели квартиру за городомъ; насъ привезли, вмѣсто одного Нѣмецкаго Превосходительства, къ другому, и этотъ шпациръ затянулъ насъ до 4¹/₂ часовъ; да потрачено четверть часа на экскузаціи, прежде чѣмъ мы

уѣхали за холодный и вовсе необъятельный столъ; словомъ, мы, отобѣдавъ два раза, отправились опять къ Иннокентію преголосные, и я не разъ вздохнулъ о угощеніи моимъ землякомъ въ Богдоховѣ. Иннокентій ожидалъ насъ ѣхать въ монастырь, чтобы осмотрѣть приготовленную дорогу для хода съ Образомъ и показать намъ мѣстоположеніе и замѣчательности возобновляемой нш обители, но, прежде чѣмъ буду вамъ описывать видѣнное, нужно рассказать слышанное, хоть не вовсе вѣрное и подробное.

Никто не знаетъ, когда и кѣмъ былъ построенъ этотъ монастырь, упраздненный со многими въ 1740-мъ году, но всѣмъ извѣстно, что еще существующая пространная и нѣкогда ботатая соборная церковь его была сооружена Тимоѣемъ Васильевичемъ Надоржинскимъ, въ ней подъ именемъ Іеромонаха Товія погребенымъ; а самъ сей строитель церкви и настоятель монастыря очень любопытное, но малозвѣстное, историческое лице. Онъ былъ духовникомъ Петра Великаго и Екатерины 1-й, по написанному надъ гробомъ его эпитафіону, о которомъ вы уже знаете. Видно, что онъ изъ Польскихъ Дворянъ, родился въ Тростянцѣ, гдѣ а теперь, былъ въ немъ помѣщикомъ и Священникомъ, взявъ въ духовники Петра Великаго, названъ Протопресвитеромъ Московскаго Архангельскаго Собора, оказалъ великія заслуги Государю, а какія, не извѣстно, и, какъ сказано, умилялъ его душу, пользовался его довѣренностію и получилъ такое же имѣніе въ Ахтыркѣ, какъ Меньшиковъ въ Рязанской Губерніи, и такъ же, какъ Меньшиковъ, награжденъ финифтянымъ портретомъ Петра Великаго подъ Императорскою короною, осыпаннымъ крупными алмазами; послалъ его на голубой лентѣ; а на другой сторонѣ портрета двуглавый орелъ, окруженный орденомъ Андреевской цѣпью, что видимо замѣняло самый орденъ, которыхъ тогда не давали еще духовенству; но оставя послѣ смерти Императрицы Екатерины 1-й всѣ свои земныя богатства (которыя заселены слишкомъ 50 тыс. душъ) и почести, пошелъ въ монахи и кончилъ смиренную жизнь въ обители, гдѣ и погребенъ. Надъ гробомъ его поставленъ его портретъ, очевидно возобновленный, а вокругъ его чуть уже видны разныя символическія изображенія съ надписями, которыя всѣ, равно какъ эпитафіонъ, мы заказали списать съ возможною точностію, и я ихъ вамъ пришлю; но въ самомъ низу сихъ изображеній, составляющихъ раму портрета, я только могъ разо-

братъ одну: гробъ, въ которомъ лежитъ монахъ, вѣроятно самъ Тодій, а подписано: «Весело на небесахъ». Говорятъ по преданію, что это были послѣднія слова, имъ произнесенныя. Любопытный Иннокентій употребляетъ всѣ старанія, чтобы отыскать все, касающееся до сего необыкновеннаго челоуѣка, и заключаетъ, что онъ былъ одаренъ или чрезвычайнымъ умомъ, или сильною душою: ибо Петръ Великій вовсе не свитоша, ни какъ безъ того, или другаго, не сталъ бы награждать, какъ перваго любимца, своего духовника; у него, какъ у Людовика XIV, не могъ быть душеправителемъ отецъ Lachaise и никто изъ обыкновенныхъ духовниковъ. Но пока не узнаю чего больше, оставляю догадки и пересказы, а расскажу, что самъ видѣлъ, подѣзжая къ монастырю.

Представьте себѣ пространную, зеленую какъ изумрудъ, долину, окруженную амфитеатромъ горъ, покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ, а въ промежуткахъ желтыми нивами; это совершенно ровное междугорье обмывается съ трехъ сторонъ рѣкою Ворсклою и ея рукавами въ полномъ разливѣ отъ дождей, такъ что во многихъ мѣстахъ дорога наполнена водою до каретныхъ осей; по самой срединѣ долины круглый холмъ, ровно возносящійся болѣе ста сажень; на сглаженной вершинѣ его пирамидальный соборъ, напоминающій церковь въ Фляхъ, и отъ него въ 200 шагахъ старая, не высокая, но довольно широкая, колокольня, вросшая нѣсколько въ землю, подернута мохомъ, съ уступами и выпусками до самой маковки, обросшими кустарникомъ, какъ въ Царичинѣ, неоконченныя стѣны дворца. Вотъ все, что осталось отъ монастырскаго строенія бывшаго при Надоржинскомъ. А новая гостиница, трапеза и кельи выстроены въ прошлой осени и въ нынѣшней веснѣ отцемъ Сергіемъ. Этотъ отецъ Сергій, тотъ самый карло и горбунъ Архіерейскій духовникъ, о которомъ я уже давно вамъ писалъ: ростъ его въ 1½ аршина, горбъ съ ½ аршина, а носъ безъ малаго въ 3 вершка. Но прозорливый Иннокентій, мѣрившій его благочестивую душу не на земной аршинѣ, вѣрилъ его дѣятельному усердію къ церкви Божіей возобновленію монастыря, и не ошибся. Избранный имъ Игуменъ, котораго Иванъ Михайловичъ зоветъ жучкомъ въ епанечкѣ, устроилъ съ невѣроятною скоростію, толкомъ, прокомъ и даже приличіемъ, все

приволе, необходимое для обители. Мое воображеніе, возбужденное живымъ разсказомъ Иннокентія, уже представило ее обнесенною предположенной оградой съ башнями, любовалось будущей красотой ея. Мы трое: Преосвященный, я и Князь Голицынъ, едва могли въ легкой коляскѣ на 6 лошадяхъ взѣхать въ монастырь, хотя дорога проложена для удобства излучиною, захватывающей треть горы.

Внутренность церкви еще остается такъ, какъ она была при упраздненіи монастыря; иконостасъ, восходящій до самаго свода, рѣзной работы, былъ нѣкогда весь вызолоченъ; образа гораздо лучше рисункомъ тѣхъ, которые находимъ въ нашихъ старыхъ церквахъ; полъ очень замѣчательнъ: онъ выстланъ въ узоръ бѣлыми и оранжевыми кирпичиками (формы, похожей на Овнскіе щиты, или скрипки безъ ручекъ), и почти весь уцѣлѣлъ. Правый отдѣлъ Греческаго креста, которымъ построень соборъ, видимо былъ возобновленъ лѣтъ 40 назадъ; большой образъ Богородицы, Утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ, и въ углу надгробный портретъ Надоржинскаго, еще свѣжи. Книгиня Голицына обѣщалась устроить тутъ придѣлъ, въ которомъ тѣло ея предка будетъ подъ горнымъ мѣстомъ. Отдлушавъ въ соборѣ вечерню, мы обошли поверхность горы, гдѣ отецъ Сергій проложилъ покойную дорожку, и въ мѣстахъ, откуда лучше смотрѣть на прелестныя окружности, поставилъ скамейки; мы ихъ обновили и, налюбовавшись досыта ближними и дальними видами, поднялись съ нихъ, чтобы спуститься до входа въ пещеры по стремлянкѣ, утыканной въ должности ступеней камнями, на которой безъ дородства идущаго подлѣ меня монаха я бы скатился внизъ. Въ грустные два года нашей разлуки я такъ постарѣлъ и изнемогъ, что уже мое не подлѣтное молодечество никого не ожесточитъ противъ меня. Однако кое какъ я спустился до пещеръ; при входѣ въ нихъ я спросилъ Игумена Сергія: «Не слишкомъ ли тѣсенъ и низокъ проходъ?» — «О! (отвѣчалъ онъ мнѣ): просторной и высокой, не бойтесь, идите смѣло!» и простодушно оправдалъ басню Химнецера: «Карлики и великанъ;» я хотя не великанъ, но въ иныхъ мѣстахъ насилу могъ пробраться, и все шелъ нагибаясь почти до пояса. Эти пещеры видимо подражаніе, только въ меньшемъ размѣрѣ, Кіевскимъ, идутъ лабиринтомъ подъ всею горою, такъ что безъ про-

водника можно въ нихъ заблудиться. Замѣчательна въ нихъ ископанная между камней келья: въ ней на стѣнѣ вычерченъ крестъ съ надписью: «Симъ оружіемъ побѣдиши врага.» Почва, въ которой вырыты пещеры, составлена изъ словъ камней (большихъ и рыхлыхъ) и песку, а подъ ними, какъ видно, въ иныхъ мѣстахъ, красноватая глина. Вѣроятно, что нѣсколько иноковъ, изгоняемыхъ изъ за Днѣпра, еще до переселенія при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Казаковъ на его Украйну, перешли къ едва ли существовавшей еще тогда Ахтыркѣ, нашли положеніе мѣста удобнымъ и прекраснымъ, поселились тутъ, построили церковь, составили обитель, обрабатывали окружную землю, ловили въ Ворсклѣ рыбу и, въ воспоминаніе Печерской Лавры, выкопали похожія на нее пещеры, гдѣ спасались отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, какъ показано въ надписи. Татарамъ нечего было у нихъ грабить, да и Мусульмане вообще оставляли въ покоѣ наше духовенство, гонимое Западными Христіанами. Когда край населялся, то обитель сдѣлалась значительною, особливо при Надоржинскомъ, но попала подъ общее уничтоженіе нѣсколькихъ монастырей; изъ упраздненнаго выбрали богатые утвари въ пользу Бѣлгородскаго, гдѣ тогда была Епархія, но теперь, по сильному настоянію Иннокентія, послѣдовало уже три раза отказанное благословеніе Синода, на возобновеніе въ Ахтыркѣ общежительнаго монастыря, вся собственность его возвращается, и Преосвященный Иліодоръ нашелъ справедливымъ удѣлять на него по 600 рублей въ годъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на Курское монашество. Къ сему благодѣянію Князь Голицынъ прибавилъ проценты съ 15 тыс. рублей, положенныхъ въ Ломбардъ, на память знаменитаго предка его жены (Надоржинскаго), отъ котораго она наслѣдовала было 10 тысячъ душъ. И такъ, еще съ помощію богомольцевъ, можетъ существовать Ахтырская общежительная пустыня, дѣятельнымъ благочестіемъ нашего знаменитаго оратора, истиннаго пастыря Православной Церкви, доблестнаго Христіанина, ревностнаго Русскаго Священника и, смѣло скажу, друга и красу рода человѣческаго. Да, Иннокентій во всей силѣ таковъ, какимъ долженъ быть Священнослужитель Бога любви и мира: для доказательства сего, если оно нужно, я вамъ долженъ рассказать, прежде описанія хода съ Образомъ и заложенія церкви, нѣкоторыя временныя обстоятельства.

Жители Ахтырки возроптали на переносъ чудотворнаго Образа въ возобновленную обитель, боясь, чтобъ его, не смотря на увѣреніе Епископа, онъ тамъ не оставилъ: вотъ первое неудовольствіе отъ Ахтырянъ; а второе отъ Харьковскаго чиновначалія. Въ Курскѣ перенесеніе Образа дѣлается руками Губернатора и Губернскаго Предводителя, а Муханову не захотѣлось раздѣлить этой почести съ Голицынымъ. Онъ тайкомъ предложилъ Старшему Генералу, Нѣмцу Гельфрейху, нести вмѣстѣ съ нимъ образъ; тотъ хотя отвѣчалъ, что онъ Лютеранинъ, однако не смѣлъ отказаться; и тогда Мухановъ объявилъ Епископу, что Генералъ желаетъ показать свое усердіе къ Русской Церкви. Голицынъ это узналъ, дѣло объяснилось, и онъ, какъ слѣдуетъ, красовался съ Губернаторомъ подъ священной ношей, и эти два обстоятельства внушили назидательному проповѣднику сильное пастырское поученіе и противъ ропота Ахтырцевъ, и противъ неумѣснаго чванства сановниковъ. Иннокентій загремѣлъ укорительнымъ словомъ и противъ тѣхъ и противъ другихъ, и когда дѣло дошло до вышнихъ тщеславцевъ, то прежде словъ, его глаза сказали мнѣ о чемъ будетъ рѣчь, заключенная убѣжденіемъ и молитвою къ Матери Божіей, о соединеніи Христіанскимъ братствомъ, усердіемъ къ Православной Церкви, и къ общему благу отечества всѣхъ сердець, сподобившихся нести и препровождать ея Святую Икону. Преосвященный миротворецъ былъ очень доволенъ, когда я ему сказалъ, что послѣ поученія Губернаторъ дружески вошелъ къ Предводителю, и мы въ троемъ пробесѣдовали болѣе часа, по братски. Надобно отдать имъ справедливость, что они оба добрые и честные люди, но геенскій змѣй искушаетъ чиновныя души не яблокомъ, а мѣстомѣніемъ я. Хотя мнѣ случалось не разъ имъ и многимъ доказывать, что у насъ (и слава Богу!) одно только есть большое я, и что всѣ другіе лично — безгласные ѣ и даже ѣ, которыми только помѣщенія ихъ придаютъ гласные звуки, соответственные ихъ обязанностямъ; но, кажется, я проповѣдывалъ и проповѣдую въ пустынѣ, и заглавная литера змѣйнаго яблока никогда не перестанетъ самоурить. Да не объ этомъ дѣло: кто отъучитъ ребятишекъ лѣзть въ большіе, карликовъ тарачить въ рослые, и я будетъ всегда раздувать нравственную или мѣстную важность, какъ Езопову лягушку, пока она не лопнетъ; да Богъ съ нею! Возвратимся въ Ахтырку.

Образъ Божіей Матери явился въ 1740 году Священнику, косившему траву на погостѣ собора: онъ взялъ его къ себѣ, но во снѣ услышалъ повелѣніе поставить Образъ въ соборѣ, гдѣ уже, по многимъ чудесамъ, увѣрились въ словахъ Священника, отданнаго, какъ лжевыдумщика, подъ судъ. Стеченія богомольцевъ обогатили церковь и дали способы къ созданію нынѣшняго собора и обложенію Иконы въ драгоценную ризу изъ алмазовъ и изумрудовъ; но многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, колетъ глазъ привѣшенная къ ней Графиней Чернышевой брилліантовая звѣзда и орденъ Святой Великомученицы Екатерины: то, чѣмъ красовалась придворная Штатсъ-Дама, можетъ ли украшать изображеніе Божіей Матери, и земное тщеславіе должно ли пятнать духовное веледѣніе Чудотворной Иконы? Преосвященный Иннокентій вѣрно бы отвѣтилъ: «не можетъ и не должно»; но что было допущено въ началѣ и освятилось временемъ, того нельзя перемѣнять. Итакъ Святую Икону, вовсе съ не святой прикрасою людскою гордыни, подняли на другой день ея правдника, въ 7 часовъ, боясь жара; а Княгиня Голицына, не зная этого, опоздала не только къ выносу, да и переносу, на который я отъ усталости не смѣлъ пуститься и уѣхалъ впередъ съ Мухановой и ея сестрой, чтобы съ монастырскаго холма видѣть весь ходъ изъ города черезъ узенькую плотинку, проведенную среди разлива, затопльшаго дорогу пѣшеходцамъ. Мы уѣхали подъ деревомъ, на скамейкѣ отца Сергія; какой-то инженеръ отыскалъ намъ большую артельную трубу, да въ ней нашлось маленькое неудобство: какъ мы ее ни раздвигали, ни ворочали, а ничего не могли видѣть, даже и такъ, какъ своими глазами. Ходъ былъ очень хорошо устроенъ: ремесленные значки, всѣ новые, зеленые, вышитые золотомъ, предваряли шествіе, за ними неслись Церковныя хоругви, передъ Образомъ (который подняли и внесли на гору Губернаторъ и Предводитель) шелъ Епископъ со всѣмъ своимъ клиромъ, а за Образомъ пѣвчіе, чиновники, граждане и всякой, кто могъ ити изъ Ахтырки. Монастырскій причетъ за своимъ крошечнымъ Игуменомъ встрѣтилъ ихъ съ крестами и образами. По освященіи возобновленнаго храма, Иннокентій, отслуживъ обѣдню, произнесъ вышесказанное поученіе, которое подѣйствовало не на однихъ чиновниковъ: многіе Ахтырскіе жители внесли значительную казну въ монастырь, только, кажется, уже по возвращеніи въ городъ его Иконы. Пре-

освященный' со всѣмъ великолѣпіемъ 'обошелъ и окропилъ святою водою будущую ограду монастыря, по томъ заложилъ страннопріимный домъ и церковь, и наконецъ, со всѣми значительными посѣтителями обители, завтракалъ въ трапезѣ и кельяхъ. Отецъ Сергій угощалъ всѣхъ съ величайшимъ радушіемъ. Я рѣдко видывалъ такъ ошастливленное лицо, какъ у новаго Игумена возобновленной ншъ обители: онъ плакалъ отъ радости, и не по тщеславію. Когда Святитель благодарилъ его за богоугодное дѣло, исполненное ншъ съ невѣроятною скоростію и усердіемъ, и предлагая Ахтырскимъ помѣщикамъ, по примѣру Репенбургской (Ряванокон) Губерніи, учредить нхъ родовыя кладбища въ семь монастырѣ (ибо нхъ села могутъ переходить изъ рукъ въ руки и поминанія о нихъ совсѣмъ опѣмѣтъ), на это многіе согласились, и тутъ же собрано вкладовъ въ монастырь до тысячи рублей.

Во время обѣдни пріѣхала Княгиня Голицына, однако я возвратился по прежнему въ городъ. Благодаря Бога, я не смотря на всѣ развлеченія, успѣлъ усердно помолиться предъ Образомъ Богоматери, какъ всегда и вездѣ молюсь, не за себя только, а за кого? кажется, не нужно вамъ говорить: душа моя полна желаніемъ всѣхъ благъ вамъ и вашимъ; такъ за кого же она прежде всего изольется моленіемъ къ Господу Богу и Пречистой Его Матери? Да, я молился за васъ, сколько могъ. Изъ Ахтырки мы созвратились въ тотъ же день къ Княгинѣ Голицыной въ Тростянецъ, гдѣ наши Француза: фокусника, о которомъ, помнится, я вамъ писалъ изъ Харькова. Онъ, проѣздомъ на Роменскую ярмарку, заѣхалъ, по приглащенію Князя, который его оставилъ, чтобы увеселить гостей, обѣщавшихся быть къ нему 5-го числа. Преосвященный посѣтилъ Тростянецъ 4-го. Онъ былъ встрѣченъ всѣми стариками: селенія (1500 душъ) съ хлѣбомъ и солью, а у входа въ церковь такъ же самими козневанами, и, выходя возъ немъ, благословлялъ по одиначкѣ весь народъ, сбѣжавшійся со всѣхъ окрестныхъ деревень, что продолжалось болѣе получаса. Преосвященный Святитель согласился видѣть проворство Француза, удивившаго смѣтливый умъ Иннокентія кольцами, которыя въ рукахъ его связывались и развязывались мепонятно: какъ. Мы всѣ ихъ разсматривали: они мѣдныя и нигдѣ не разнвленныя, а

захватываются одно въ другое, будто обыкновенные крючки, и сцѣпляются скорѣе подъяческихъ (отъ которыхъ избави Богъ всякаго честнаго человѣка! . Послѣ ужина мой душевный другъ, какъ Иннокентій себя называетъ, пригласилъ меня въ свою комнату, и мы пробесѣдовали за полночь. 5-го числа, въ день Свят. Сергія, Епископъ служилъ въ церкви благодарственный молебенъ Угоднику, и былъ очень обрадованъ: мнѣ казалось, что этотъ молебенъ былъ предвѣстникомъ освѣщенія придѣла въ Роганской церкви, который, какъ вы знаете, я хочу построить во имя Преподобнаго Сергія, заступника и помощника святой Руси и вашего. Послѣ ужина Преосвященный, желая выѣхать, для избѣжанія жара, очень рано, простился со мною, до свиданія у Нахимова, сосѣда Голицыныхъ по дорогѣ въ Харьковъ, и мы дали взаимно слово пріѣхать къ нему на угощенье въ Всесвятское, а онъ заняться тамъ внимательнымъ просмотрѣніемъ вашей Поэмы *

---

* Конца недостаетъ. О. Б.

СВЯТОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. *

Правый берегъ рѣки Сѣвернаго Донца вообще возвышенъ, и обрывистые мѣловые холмы, отчасти покрытые лѣсомъ, сопровождаютъ извилистое теченіе рѣки. Особенно отъ Изюма горы эти принимаютъ дикій и своеобразный характеръ: крутыми обрывами на верху ослѣпительной на солнцѣ бѣлизны ниспадають они въ рѣку, а въ небо возвышаются острыми шпичами. Но болѣе всѣхъ величественно мѣсто, получившее издревле названіе Святыхъ Горъ: тутъ отвѣсная скала съ пятью возвышеніями, отчасти напоминающими куполы, поднимается надъ Донцомъ нѣсколько въ наклонномъ положеніи. Эта странная скала, чудная игра природы, обставлена другими возвышеніями, по которымъ лѣнятся разнаго рода деревья, иногда самыхъ большихъ размѣровъ. Возвышенія эти нѣсколько отходятъ отъ берега, оставляя узкую полосу ровной земли. Подъемъ на гору очень крутъ даже теперь, когда искусство человѣка много хлопотало облегчить восхожденіе на верхъ. Дикость этого гористаго и лѣсистаго мѣста не могла не приманить издавна охотниковъ къ уединенію, какъ добровольному, такъ и принужденному, и прежде чѣмъ тутъ поселились Христіянскіе отшельники, въ многочисленныхъ уступахъ скалъ и природныхъ пещерахъ жили отверженцы общества, грабившіе и убивавшіе проѣзжавшихъ черезъ рѣку и плывшихъ по ней; и здѣсь, съ тѣхъ поръ, какъ при-

---

* Матеріалами для этого изслѣдованія, кромѣ личныхъ впечатлѣній и изысканій, послужили слѣдующія изданія: 1) Обновленіе Святогорской Успенской общежительной пустыни. С.-Петербургъ, 1850. 2) Святогорская Общежительная Успенская пустынь; издан. 4-ое. Харьковъ. 1862. 3) Святые Горы; изд. 2-ое съ дополненіемъ. Харьковъ 1860 г.

брежье Днѣпра отдѣлалось частью достояніемъ Польши, тѣснившей Православныхъ, частью (низовье его) смѣлыхъ Запорожскихъ Козаковъ, пролегъ путь, которымъ послы и купцы наши ѣздили въ Крымъ и Турцію, а Святители по теченію Донца отправлялись въ Константинополь и на Востокъ, какъ за поставленіемъ, такъ и другими требами.

Собственно названіе Святыхъ Горъ встрѣчается въ первый разъ въ Лѣтописяхъ нашихъ около половины XVI вѣка, а именно: въ 1547 и 1555 годахъ. * Книга Большаго Чертежа также упоминаетъ о нихъ. Она указываетъ самое мѣсто, гдѣ находятся Святыя Горы: «Отъ устья рѣки Оскола на Донцѣ съ Крымской стороны Святыя Горы». Отъ чего они названы Святими? Конечно, не отъ монастыря, по тому что его достовѣрное историческое существованіе начинается съ первой четверти XVII вѣка. Вѣроятно, самая мѣстность подала поводъ къ этому названію: видъ ослѣпительной бѣлизны возвышеній, среди темнаго и густаго лѣса поднимавшихся къ небу, для человѣка дѣвственныхъ и недоступныхъ въ проѣзжавшихъ путникахъ вызвалъ на память идею святости, и такъ она и соединилась съ понятіемъ этихъ горъ, сначала на словахъ, а потомъ, съ основаніемъ монастыря, и на дѣлѣ.

Первоначально (во второй половинѣ XVI вѣка) въ той мѣстности, гдѣ теперь монастырь, была воинская стража, да и та на лѣвомъ берегу Донца, такъ какъ правой, считался за предѣлами Россіи и можно сказать, что его въ этомъ мѣстѣ завоевали для нея мирныя отшельники; ибо и послѣ основанія монастыря, въ началѣ XVII столѣтія, и даже много времени спустя, Святогорскій монастырь назывался монастыремъ «что за Чертою», т. е., границею Россіи: правая сторона Донца носила въ то время наименованіе Крымской стороны. Страніе нѣкоторыхъ, преимущественно духовныхъ, писателей придать отдален-

---

* Львов. Лѣтоп. 4, 144. «Изъ Рыльска прибылъ станичникъ толмачъ Гаврило коего Князь Петръ Ивановичъ Кашинъ посылалъ къ Святимъ Горамъ.» Тамъ же, 5, 78: «а шли (Боярнякъ Шереметевъ и другіе) Муравскою дорогою, и какъ Воеводы пришли верхъ Мжан и Коломака, прибылъ сторожъ отъ Святыхъ Горъ.»

ную древность монастыря (даже относя ко времени Татарскаго разгрома) и самое названіе Святыхъ Горъ объяснить святостью подвизавшихся здѣсь иноковъ, совершенно напрасно. То, что во второй половинѣ XVII вѣка монастыря здѣсь еще не было, доказывается росписаніемъ Дошецкихъ сторожей; такъ въ росписи Князя Воротынскаго, 1571 года, говорится: «5 мая сторожа Святогорская, отъ Изюмской стороны полднища, а сторожемъ на ней стояти изъ тѣхъ же городовъ (Рыльска и Путивля) шти человекомъ, изъ города по три человекъ; а беречи имъ по Донцу до Савинскаго перевозу, а на лѣво внизъ по Донцу до усть Оскола, днища съ полтора.» Въ другой росписи, Князя Тюфякина, того же 1571 года, сказано: «5 ая сторожа... стояти сторожемъ на Святогорской сторонѣ, на сей сторонѣ (на лѣвой)... стояти имъ, укрываясь въ лукѣ противъ Святыхъ Горъ и по онымъ мѣстамъ.» Очень понятно, что если бы въ то время существовалъ монастырь Святогорскій, то о немъ непременно было бы упомянуто въ этихъ росписаніяхъ сторожей, да и самая сторожевая стража, чѣмъ ей прятаться по измѣннымъ мѣстамъ лѣвой стороны Донца, нашла бы пріютъ въ самомъ монастырѣ.

Вѣрно опредѣлить время заселенія Святогорья, этого передоваго полка Русской гражданственности, монахами, не возможно, но основательно можно сказать, что оно послѣдовало въ началѣ XVII столѣтія; и не мудрено, что первые поселенцы были выходцы изъ Кіева, ушедшіе въ слѣдствіе притѣсненія, которому подвергалось тамъ въ то время Православіе. О томъ свидѣлствуютъ, кромѣ пещеръ, храмовые праздники Святогорья, сходные съ Печерскими (Св. Успенія, Антонія и Θεодосія), и память Святителя Николая, особенно чествуемая въ Кіевѣ и вѣроятно отсюда сюда перенесенная. Есть и другое, весьма любопытное, преданіе объ основаніи Святогорской обители. Рассказываютъ, будто однажды иноки Аѳонскіе, плывшіе въ Россію, приняли ошибкою устье Донца за рѣку Донъ и, подымаясь вверхъ по рѣкѣ, увидѣли эту величественную мѣстность, живо напомнившую имъ ихъ родныя горы Аѳонскія, они поселились будто бы здѣсь и были первыми основателями обители.

Первый разъ съ историческою достовѣрностью упоминается въ актахъ Святогорскій монастырь подъ именемъ Успенія Пре-

святыя Богородицы * Святгорскаго монастыря въ 1624 году. Народные же преданіе, чествуя особенно память Св. Николая, на поклоненіе чудотворному образу котораго стекаются толпы богомольцевъ издавна, приписываетъ особенную древность храму Св. Николая, вѣщченному въ мѣловой горѣ. **

Въ Святгорской ризницѣ соранился Синодикъ Святгорскаго монастыря 1710 года; въ немъ написано, какъ и когда начался монастырь, кто ископалъ келіи и первый въ нихъ пустынно-жительствовалъ, не извѣстно, въ слѣдствіе набѣговъ и разореній отъ Татаръ и частой переменны прежде бывшихъ Строителей, потомъ Игуменовъ и Архимандритовъ. Въ этомъ Синодикѣ помѣщена Царская грамота, и въ ней содержатся въ извлеченіи еще двѣ другія, относящіяся къ Святгорскому монастырю.

Тамъ, между прочимъ, сказано, что: «въ Царской грамотѣ 179 (1671) года, на Валуйку, къ Воеводѣ Леонтію Кобыкову написано: билъ челомъ Сѣверскаго Донца Строитель, черный попъ Гавріиль съ братією о выдачѣ новой Царской грамоты на Царское жалованье вмѣсто прежней.» По справкѣ въ Разрядѣ оказалось, что въ прежней грамотѣ 159 (1651) года къ Валуйскому Воеводѣ и Стольнику, Михаилу Дмитріеву, за приписью Дьяка Ивана Сѣверова, было написано: «въ прошломъ 132 (1624) году, по Указу Великаго Кнзя Михаила Федоровича всея Россіи, велѣно Успенія Пресвятыя Богородицы Святгорскаго монастыря Строителю, черному попу Симеону съ братією, или хто по немъ въ томъ монастырѣ будетъ, давать годовыя руги въ Бѣлгородѣ ржи по 12 четвертей, овса по тому жъ, изъ Бѣлгородскихъ изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ. И въ прошломъ 148 (1640) году

* Слѣдственно, Шидловскій; Полковникъ Ивюмскаго полка, построившій въ 1698—1708 году соборную церковь Успенія Божіей Матери, только возобновилъ, вѣроятно, прежде бывшую церковь того же престола.

** По преданію тутъ же являлась уважаемая всею окрестною странюю икона Св. Николая. Простой народъ посѣдая во множествѣ это мѣсто и во время заустнія Св. Обители, вѣруя, что адшая земля есть пѣлительная отъ недуговъ, бывъ употреблена съ вѣрою, изгрызъ мѣловую скалу, на которой находится храмъ, такъ что для крѣпости вынуждены были обложить его камнемъ.

по челобитью Свитогорскаго монастыря Стронтеля, чернаго по-па Кирилла съ братією, велѣно денежное и хлѣбное жалованье, годовую ругу, для дальняго проѣзду, давать на Валуйкѣ. И дана, де, имъ о томъ грамота была, и съ той грамоты на Валуйкѣ въ Приказную мабу взять былъ у нихъ списокъ. И въ пожарное, де, время на Валуйкѣ въ Приказной избѣ та грамота сгорѣла. А подлинную Великаго Государя грамоту на дорогѣ отняли у нихъ воровскіе Черкасы; и на Валуйкѣ, де, имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, годовыя руги, имать не по чему. И Великій Государь пожаловалъ Святогорскаго монастыря чернаго по-па Игнатія съ братією, или кто въ томъ монастырѣ по немъ будетъ: велѣно имъ по прежнему Указу годовую ругу давать на Валуйкѣ, хлѣба по 12 четвертей ржи, овса по тому жъ, да изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ по десяти рублей денегъ. Изъ этого видно, что съ самага начала своего существованія Святогорскій монастырь обратилъ на себя вниманіе нашихъ Государей. При томъ самая мѣстность его на границѣ, или правильнѣе за границею тогдашнихъ Русскихъ владѣній, въ Украинѣ, была во многихъ отношеніяхъ очень важна: не только молитвами своими, но и дѣйствительностью могли быть полезны Святогорскіе иноки, стоя на передовой стражѣ Христіанства и просвѣщенія. Когда тысячи плѣнныхъ Христіанъ были безпрестанно уведены Татарами въ неволю, Святыя Горы были первымъ, относительно безопаснымъ, мѣстомъ, гдѣ находили пріютъ плѣнники, которымъ удавалось вырваться изъ власти Турокъ, Крымскихъ Татаръ и Ногайцевъ. Кромѣ того, здѣсь же была лучшая наблюдательная стража за намѣреніями и движеніями Крымскихъ Татаръ, все еще тревожившихъ грабительскими набѣгами крайніе предѣлы Россіи, а по тому, по приказанію Царей Михайла Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, находилась тутъ постоянно военная стража, какъ для охраненія монастыря, такъ и для наблюденія за Татарами и Черкасами (иначе Запорожцами). Въ гратотѣ отъ 21 Марта, 1644 года, къ Чугуевскому Воеводѣ было писано: «и ты бѣ, Воевода, сослався въ Бѣлгородѣ съ Никитой Бабарыкинымъ, велѣлъ быти въ Святогорскомъ монастырѣ Чугуевскимъ служилымъ людямъ тремъ человекомъ съ Бѣлоградскими служивыми людьми вмѣстѣ, а отпускалъ бы въ Святогорскій монастырь на байдарахъ (суда своего рода) со всякими запасы, и велѣлъ быти въ Святогорскомъ

монастырѣ непремѣнно по три мѣсяца; а посылалъ бы въ Святогорскій монастырь Чугуевцевъ неотложно, чтобы безъ живаго чину не было. А какъ Чугуевцы въ Святогорскій монастырь на перемѣну Валуичанъ пришлешь, и ты бѣ имъ приказалъ, чтобы они Святогорскій монастырь приняли у Валуичанъ со всѣмъ строеніемъ. Да Чугуевцамъ приказалъ бы, чтобъ они въ Святогорскомъ монастырѣ были съ большимъ береженіемъ, чтобъ надъ ними Татары и воры Черкасы безвѣстно украдомъ и обманомъ какого дурна не сдѣлали. А будетъ Донецкіе Черкасы учнутъ къ нимъ проситься въ монастырь, для моленья и для иныхъ какихъ дѣлъ, и они бѣ Черкасъ въ монастырь не пускали и отъ нихъ отговаривались всякимъ обычаемъ, чтобъ надъ ними Черкасы обманомъ какого дурна не учинили. А будетъ, придутъ въ Святогорскій монастырь, изъ Крыма, или отъ Нагай, или изъ Царьграда, или иныхъ земель полоненники, Русскіе люди, или иноземцы, и они бѣ полоненныхъ про Татарскій приходъ и про всякія вѣсти спрашивали; а за которыми полоненниками будутъ вѣсти большія, или у нихъ въ Святыхъ Горахъ отъ иныхъ кого какія вѣсти большія объявятся, и они съ большими вѣстями присылали бѣ товарищей своихъ въ наши польскіе города, которые къ Святогорскому монастырю податны, и которые полоненники изъ Святыхъ Горъ похотятъ ити въ наши польскіе и Украинные города, и ты бѣ тѣхъ велѣлъ отпускать изъ Святыхъ Горъ безъ задержанья.»

Жившіе въ Святыхъ Горахъ отшельники приносили большую пользу Россіи, извѣщая о движеніяхъ Татаръ и Черкасовъ, которые въ то время дѣлали вреда не менѣ первыхъ. Такъ Юля 13-го, 1664 года, Святогорскій старецъ Іовъ и оставленные, въ видѣ сторожи, Бѣлогородцы и Чугуевцы объявили: «въ Іюлѣ приходили къ нимъ въ Святые Горы Черкасы, восемь человекъ, и сказали, что они съ Атаманомъ своимъ, Иваномъ Безнерстымъ, въ числѣ семидесяти человекъ, были въ Мордвѣ, а теперь ожидаются въ окрестности горъ Крымскихъ гонцевъ и посланниковъ Государевыхъ, чтобы обобратъ ихъ.» И они же прибавили, что кромѣ этой шайки, «другіе воровскіе Черкасы лежатъ около Св. Горъ по Донцу и около Посольской дороги.» Въ такихъ неприященныхъ дѣйствіяхъ Черкасовъ подозрѣвались не безъ осно-

ванія Поляки. Такъ Полякъ Станиславъ Игульчевскій, начальствовавшій въ одномъ изъ городовъ Заднѣпровскаго края, отправилъ двѣ шайки Черкасовъ на Донецъ, одну подъ начальствомъ Грицка Торскаго, на дорогу, проходившую мимо Борисова, съ цѣлью грабить Русскихъ и Крымскихъ посланниковъ, ѣздившихъ обыкновенно по этой дорогѣ; другую грабить Русскихъ, занимавшихся рыбными ловлями по Донцу и Осколу. Злодѣйства случались тамъ не рѣдко и посланники платились имуществомъ очень часто, а иногда и жизнью; такъ въ 1642 году шайка Грицка Торскаго убила Турецкаго посланника съ шестью человекѣми при переправѣ черезъ Донецъ, а Русскій посланникъ съ своимъ поводомъ, тогда же возвращавшійся изъ Константинополя, едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. И Святогорскій монастырь подвергался нападеніямъ Татаръ и Черкасовъ; и онъ ограбленъ былъ послѣдними, въ какомъ именно году, съ точностью опредѣлить трудно, но до 1651 года, когда при Строителѣ монастыря, Иеромонахѣ Игнатіѣ, состоялась Царская грамота, въ которой сказано, что при этомъ Строителѣ воровскіе Черкасы отняли у монастыря Царскую жалованную грамоту. Но еще до этого времени въ монастырѣ постоянно находилась Русская сторожа, хотя и весьма малочисленная. Уже грамотою 20 Февраля, 1645 года: «велѣно съ Оскола да изъ Яблонова, служилымъ людямъ шести человекѣмъ, быть на Царской службѣ въ Святогорскомъ монастырѣ съ Мая мѣсяца 1645 года, на перемѣну Бѣлогородцевъ и Чугуевцевъ.»

Вопросъ объ интересахъ мірскихъ и владѣнія поземельною и другою собственностью былъ не послѣдній важности для Святогорскаго монастыря: онъ съ самаго основанія своего владѣлъ обширными угодьями по обѣимъ берегамъ Донца; сначала и мѣры не зналъ онъ своимъ владѣніямъ;* но плодородіе почвы, прелесть климата примаанивали сюда переселенцевъ, не смотря на довольно еще тревожное положеніе въ слѣдствіе набѣговъ Татаръ и Черкасовъ. Правительство Русское всѣми силами содѣйствовало

---

* Въ Царской грамотѣ 1704 года сказано: «съ поселенія городовъ Малцаго и Тора внизъ по рѣкѣ Донцу до устья Чернаго Жеребца дѣсами и обширными покосы и всякими угодьями владѣли Святогорскаго монастыря старцы по дачѣ.»

заселенію края, и по тому о землѣ съ переселенцами не спорило, лишь бы брали да селились. Но монастырю становилось тѣсно вато отъ притязаній новыхъ сосѣдей; жители не за долго до этого времени заведенныхъ поселеній Малковъ на Донцѣ и Царевборисова на Осколѣ стали занимать тѣ угодья, которыя монастырь привыкъ считать своими. Въ слѣдствіе этого Строитель, Архимандритъ Гавріилъ, просилъ, Августа 18-го, 1665 года, Бѣлгородскаго Воеводу, Князя Бориса Александровича Репнина, обмежевать вновь монастырскія земли, и такимъ образомъ положить конецъ притязаніямъ сосѣдей. По Указу Царя Алексѣя Михайловича просьба отца Гавріила исполнена: земли отмежеваны и монастырю дана выписка изъ Межевыхъ Книгъ, 29 Февраля, 1666 года (приложена она къ Царской грамотѣ 1679 года). Остановимся на этой выписи, какъ не лишеной интереса. Въ просьбѣ своей, поданной 18 Августа, 1665 года, на имя Царя Алексѣя Михайловича, въ Бѣлгородѣ Боярину и Воеводѣ, Князю Борису Александровичу Репнину, Строитель Гавріилъ съ братією излагаютъ: «Святюгорской, де, монастырь построенъ съ давнихъ лѣтъ на рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ, а къ тому монастырю крестьянъ и бобылей иѣтъ; владѣли же въ продолженіи многихъ лѣтъ прежніе Игумены и Строители, черные попы, того Успенскаго монастыря, угодьемъ Сѣвернымъ Донцомъ рыболовьями, и по рѣкѣ затонами, и по обѣ стороны рѣки озерами, и лѣсомъ, и сѣнокосами и всякими угодья, которыя были по обѣ стороны монастыря, выше его отъ устья рѣки Оскола внизъ по Донцу, пониже монастыря по Кавачьи юрты по Сухаревъ да по рѣчку Черный Жеребецъ, да съ другой стороны Донца по рѣчку Бахмутову. Да у нихъ же повыше монастыря черезъ рѣку Донецъ былъ перевозъ съ давнихъ же лѣтъ на Торскія озера для соленого варенья, * тѣмъ они и кормились. И въ прошломъ 1664 году построенъ новый городокъ Маякъ, ниже монастыря на томъ же Донцѣ. Жители Маяка черезъ Приказнаго своего, Якова Филимонова, просили въ Бѣлгородѣ Окольного и Воеводу, Князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, чтобы перевозу подъ монастыремъ не быть, а быть ему подъ городомъ Маякомъ.» Въ слѣдствіе этой просьбы Воевода велѣлъ монастырскіе паромы взять

---

* Теперь это замѣчательный городъ Славянскъ.

на Маякъ, а перевозъ подь Святогорскимъ монастыремъ уничтожить. Тогда приказный человекъ города Маяка, Яковъ Филимоновъ, паромы монастырскіе взялъ и парома держать не велѣлъ. «А съ того перевозу къ церкви Успенія Пресв. Богородицы* молебщики прихаживали, церковный всякій доходъ и имъ милостыню даывали, и они, Строитель съ братьею, тѣмъ перевозомъ кормились; и имъ, будучи въ монастырѣ, кормиться стало нѣчѣмъ.» Остальными угодыми монастыря, рыбными ловлями, лѣсами и сѣнокосами по обѣимъ сторонамъ рѣки Донца, по затонамъ и озерамъ, жители городовъ Царева-Борисова и Маяка по обѣ стороны по монастырь завладѣли, рыбу ловятъ, лѣсъ рубятъ, сѣно косятъ: «и имъ, Строителю съ братіею, отъ того стала тѣснота большая.» «Да ихъ монастырскаго угодыя есть Репинъ юртъ на той же рѣкѣ Донцѣ, ниже города Маяка верстъ съ 30 и больше, смеженъ съ Казачьими юрты. И тѣмъ юртоимъ, которые промышленные люди ходятъ въ степь для своихъ промысловъ, у нихъ завладѣли, а приказные люди имъ ни какія управы не даютъ.» Въ слѣдствіе всего этого монахи просятъ: «отъ тѣхъ городовъ (Маяка и Царевборисова) по рѣку Дибпру рыбныя ловли и сѣножати и лѣса отвесть и отграничить, и дать имъ на тѣ угодыя и на перевозъ и на Репинъ юртъ, что ниже города Маяка, смеженъ съ Казачьими юртами, крѣпости, по чему имъ тѣми рыбными ловлями и всякими угодыми и перевозами владѣть.» Въ послѣдствіе этой просьбы Бѣлгородскій Воевода послалъ для изслѣдованья этого дѣла на мѣстѣ Воронежца Василія Струкова, и велѣно ему спросить жителей Царева-Борисова, Чугуева, Зміева, Салтова, Булыклейской слободы о томъ, какими угодыми владѣлъ монастырь прежде, и какими кто теперь пользуется? Василій Струковъ вернулся въ Бѣлгородъ 18-го Октября, 1665 года, съ головными сыскомъ, мѣрными книгами и чертежомъ Святогорскаго монастыря земель, рыбныхъ ловель и прочихъ угодыевъ. Много отошло земель монастырскихъ къ Новымъ городамъ, Маяку и Цареву-Борисову; границы же оставшейся опредѣлены такъ: «владѣтъ Святогорскому монастырю внизъ по рѣкѣ Донцу рыбными ловлями, лѣсами, сѣножатыми и всякими

* Въ древнихъ документахъ монастырь постоянно называется Успенскимъ; слѣдовательно, церковь Св. Успенія древнѣе Николаевской.

угодья, и Пичугинимъ затономъ, и ниже Пичугина затона до Климовы поляны, до вышней узголовы съ Ногайской стороны, а съ Крымской стороны маленькимъ затонцемъ къ Маяцкому острогу; а по мѣрѣ на низъ по Донцу отъ Святогорскаго монастыря до Климовы поляны до малаго затонца полтретьи версты.» Съ потерю значительнаго количества угодьевъ сопряжена была потеря, болѣе другихъ для монастыря чувствительная, потеря перевоза; онъ окончательно оставленъ за Маякомъ; а между тѣмъ перевозъ для монастыря имѣлъ особую важность: имъ пользовались богомольцы, и не только люди простые, но и чиновные. Объ этомъ перевозѣ въ сказкѣ жителей Цареборисова, Чугуева, Змиева, Салтова и Балаклеи сказано: «Выше монастыря черезъ Донецъ былъ перевозъ съ давнихъ лѣтъ, гдѣ Государевы посланники и Крымскіе гонцы переѣзжаютъ и на Торскія озера для соленнаго варенья и иныхъ промысловъ.» Изъ этого мѣста видно большое значеніе Святогорскаго перевоза, который и назывался иначе Посольскимъ. Въ описи Струкова сказано: «всего отъ Маяка до Святогорска и Посольскаго перевоза 10 верстъ 600 сажень; а отъ Святогорскаго и Посольскаго перевозу до устья рѣки Оскола, до Цареборисова города, рѣкою 12 верстъ.» Очень понятно, что когда монастырь находился недалеко отъ перевоза и прилегавшаго тутъ Посольскаго и торговаго пути, то многіе заѣзжали въ монастырь, не имѣя, можетъ быть, прежде этой цѣли; но когда перевозъ отвели къ Маяку слипкомъ за десять верстъ отъ монастыря, то количество богомольцевъ естественно должно было уменьшиться. Какое же вознагражденіе сдѣлали монастырю за отошедшія отъ него угодья и перевозъ? Не очень щедрое, а именно: «вмѣсто взятаго перевозу и отхожихъ ихъ монастырскихъ земель — прибавить Государева жалованья годовые руги къ прежней ругѣ — къ десяти рублемъ по пяти рублей, да въ церковь на свѣчи по пудувоску на годъ. А давати имъ велѣти то жалованье въ монастырь и въ церковь воскъ изъ Государскія казны на Валуйкѣ, изъ Валуйскихъ таможенныхъ доходовъ... А въ Царевъ-Борисовъ къ Приказному человѣку Андрею Маслову писано: «Святорскаго монастыря землю, и рыбныя ловли, и сѣножати, и лѣсъ, и всякія угодья отъ Царева-Борисова и отъ Маяцкаго, отъ земли и отъ всякихъ угодій, съ старожилицы размежевалъ бы, и межи, и грани, и всякіе

признаки учинилъ прямо въ правду, не шарова никому. Любопытно то, что между подписями лицъ, бывшихъ свидѣлами при межеваніи, значатся, въ числѣ жителей Царева-Борисова, «Русскіе люди Донскіе Казаки и Черкасы,» и даже межевыя книги писалъ «Царева-Борисова города Донскихъ Казаковъ приказной избы подъячей Якушка Трофимовъ.» Впрочемъ, размежеваніемъ 1666 года не кончились споры о землѣ и за владѣніе ею со стороны сосѣдей монастыря, какъ видно изъ грамоты Царя Ѳедора Алексѣевича на имя Стольника и Воеводы (въ Бѣлгородѣ) Еремѣя Аванасьевича Пашкова и Дьяка Емельяна Кирилова. Эта грамота заключаетъ въ себѣ подробности столь замѣчательныя, что мы приводимъ ее вполнѣ:

«Былъ намъ челомъ Святогорскаго монастыря Архимандритъ Іоиль съ братією: въ монастырскій, де, ихъ лѣсъ и во всякія угодыя, которыя по дачѣ Боярина и Воеводы Князя Бориса Александровича Репнина прошлаго 171 году (1663), вмѣсто прежнихъ ихъ многихъ, даны имъ въ монастырь на пропитанье немногія, новопостроенныхъ Маяцкаго, Соленого и Царева-Борисова городовъ жители и промышленные люди вѣзжаютъ въ лѣсъ по дрова и для всякихъ дѣлъ, и въ рѣкѣ и озерахъ рыбу ловятъ насильствомъ, и лѣсъ имъ посѣкли и пчельники и всякія угодыя заустошили. И позволили, де, имъ на то дѣло тѣхъ городовъ приказные люди отъ своихъ взятковъ. И отъ того, де, ихъ насильства въ монастырѣ предъ быти имъ не мочно. И чтобъ ихъ пожаловати, впредь даннаго ихъ монастырскаго лѣсу и всякихъ угодей въ ихъ межахъ и граняхъ тѣхъ городовъ жителемъ пустошить и рыбу ловить и для всякихъ дѣлъ насильствомъ вѣзжать не велѣть, и въ томъ дать имъ нашу Государеву грамоту. Да онъ же Архимандритъ Іоиль, того же монастыря на данныя угодыя подалъ выпись Боярина и Воеводы, Князя Бориса Александровича Репнина 174 (1666) году, за прописью Дьяка Степана Ѳедорова, да межевыя книги Царьборисовскаго Приказнаго Андрея Маслова 174 (1666) году. И въ той выписи и въ межевыхъ книгахъ монастырскихъ ихъ всякимъ угодыямъ, которыми велѣлъ владѣть имъ Бояринъ и Воевода, вмѣсто прежнихъ многихъ дальнихъ и ближнихъ около монастыря, межи и границы написаны по

урочищамъ. И какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота придетъ, и вы бъ изъ Бѣлгорода въ Царевъ Борисовъ, и въ Маяцкій, и въ Соленый города, и въ Святоторскій монастырь послали Дворянина добра, или Губнаго Старосту, или Городоваго Осаднаго Голову, а съ нимъ Подъячаго добра, и велѣли имъ въ городѣхъ, которые къ тѣмъ городамъ и монастырю близки, взять съ собою стороннихъ людей добрыхъ и старожильцевъ, которые тамошнія мѣста знаютъ. И съ тѣми сторонними людьми и старожильцы и съ Царевборисовскими, и съ Маяцкими, и Соленого города людьми лучшими, противъ челобитья Архимандрита Юлия съ братією, монастырской ихъ земли и всякихъ угодій по дачѣ, и по выписъ, и по межевымъ книгамъ, по урочищамъ и по межамъ и по границамъ досмотрѣть тѣ земли, и лѣса, и рыбныя ловли, которыя по дачѣ Боярина и Воеводы Князя Бориса Александровича Репнина съ товарищи 174 (1666) году за тѣмъ монастыремъ Святоторскимъ записаны, отъ городовъ Маяцкаго, и Соленого и отъ Царева-Борисова сколь далеки, а по Сѣверскому Донцу тѣхъ земель и всякихъ угодій на многихъ ли верстахъ будетъ? Да и того разсмотрѣть имъ самими и сторонними людьми накрѣпко. И у Царевборисовскихъ, и Маяцкаго, и Соленого города жителей взять сказки за ихъ руками — только тѣ земли по той дачѣ и по межевымъ книгамъ со всѣми угодіи отдать къ тому монастырю, и имъ, тѣхъ городовъ жителямъ, утѣсненіе отъ того каковое не будетъ ли? А что по тому ихъ дозору тѣхъ монастырскихъ земель и всякихъ угодій объявится, и тѣ монастырскія земли, и лѣса, и рыбныя ловли, и всякія угодья, и межи и грани написать въ дозорныя книги подлинно по статьямъ, и противъ книгъ на чертежъ начертить съ размѣромъ. А около того монастыря въ ближнихъ мѣстахъ лѣсныхъ угодій пустошить и въ Сѣверскомъ Донцѣ рыбу ловить тѣхъ городовъ жителямъ не велѣтъ, чтобъ того монастыря Архимандриту съ братією было чѣмъ впрядь питаться и розно не разойтись; а дозорныя книги и чертежъ дозорщику и подъячему и стороннихъ людей и Маяцкихъ жителей, которые съ ними на томъ досмотрѣ будутъ, за руками велѣли привести къ себѣ. А какъ тѣ посланные изъ той послыки въ Бѣлгородъ придутъ и дозорныя книги и чертежъ привезутъ, и вы бъ о томъ къ Намъ, Великому Государю, писали, и тѣ

дозорныя книги, и чертежъ и сказки тѣхъ городовъ жителей, за твоею и Емельяновою припасью, прислали. А отписку и книги и чертежъ велѣли бѣ подать въ Розрядъ Дьякамъ Нашимъ, Думному Василию Семенову, да Петру Кавелину, да Федору Шакловитому, да Любиму Домнину. Писана на Москвѣ лѣта 7187 (1679) году, Марта въ 19 день.» (Подана въ Бѣлгородѣ Апрѣля 19-го, 187 года).

Чѣмъ кончился этотъ споръ о земляхъ, не извѣстно; но непріязненныя отношенія сосѣдей къ монастырю за спорную землю, можетъ быть, оставались не безъ вліянія на несчастіе, постигшее монастырь въ Ноябрѣ слѣдующаго 1680 года (говоря словами грамоты): «Архимандрита Юлия имали въ полонъ, и тотъ Святогорскій монастырь воевали Крымскіе и Азовскіе Татары, и тому монастырю учинили великое разоренье!» Не забудемъ при этомъ, что нападеніе Татаръ въ то же время на сосѣдній съ монастыремъ городокъ Маяки осталось безъ успѣха. Можетъ быть не была оказана своевременно помощь монастырю, котораго мѣстность довольно неприступная и не мало могла бы содѣйствовать защитѣ. Мы выше видѣли заботу Правительства, чтобы въ монастырѣ, для его береженья, на случай прихода непріятеля, безъ воинскаго чину не было; видимъ также заботу и о снабженіи монастыря военными запасами; такъ въ 1672 году (или за восемь лѣтъ до Татарскаго разоренья) писано было Чугуевскому Воеводѣ: «и ты бѣ по Указу Великаго Государя, Святогорскаго монастыря, что на Сѣверскомъ Донцѣ, Игумену Корнилию съ братією, для береженья отъ прихода непріятельскихъ людей, велѣлъ дать въ Чугуевѣ полпуда пороху ручнаго, свинцу полдесять гривенокъ (фунтовъ) съ роспискою.» Очень понятно, что въ монастырѣ долженъ былъ находиться и запасъ оружія; но съ какими средствами обороны Татары застали монастырь, не извѣстно. Не знаемъ и того, когда и какимъ образомъ вернулись изъ плѣна Архимандритъ Юлій съ братією. Знаемъ только, что они, выходяцы изъ полону, въ 1682 году были челомъ, что имъ не выдаютъ жалованья денежнаго руги и хлѣба на 190 (1682), и въ церковь на свѣчи воску имъ не дано, и все это по тому, что у нихъ прежняя жалованная Царская грамота пропала въ Татарское разоренье. Въ слѣдствіе этой просьбы Архимандрита Юлия съ

братію, Цари братья Іоаннъ и Петръ - Алексѣевичи предѣлали грамотою 791 (1683) года. Генваря въ 21 день; Воеводѣ на Валуйкахъ, Грѣгорью Дмитріевичу Познякову: «жалованье на 190 (1682) годъ выдать, и впредь погодно давать въ этотъ монастырь на Валуйкѣ деньги изъ таможенныхъ кабацкихъ доходовъ и воскъ изъ кабацкихъ же медовыхъ ставовъ, а хлѣбъ изъ Валуйскихъ житницъ.»

Набѣгомъ 1680 года не ограничились бѣдствія Святогорскаго монастыря отъ Татаръ. Въ Октябрѣ 1691 года Маяцкій Приказный писалъ Чугуевскому Воеводѣ: «Алексѣй Ѳеодоровъ Залѣскій, идя въ Маяцкой и прошедъ Царевборисовъ и Донецкій колодезь, выше Святыхъ Горъ видѣлъ, на старомъ перелазѣ (бродѣ) перешли воинскіе люди Донецъ съ Крымской стороны на Нагайскую; и видѣлъ онъ, Алексѣй, тѣхъ людей въявь, по смѣтѣ тѣхъ людей со 150, и тѣ воинскіе люди противъ стараго перевоза взяли въ полонъ Святогорскаго Намѣстника, чернаго попа (Іеромонаха) Памсіа. И я, Господише, собравъ Маяцкихъ, Русскихъ людей и Черкасъ, за тѣми воинскими людьми въ погоню посылалъ до стараго перевоза Октября 6-го, и Маячане за тѣми воинскими людьми въ походъ ходили до стараго перевоза, и воинскихъ людей не видали, а видѣли только сакму (слѣдъ), и по той сакмѣ ходили за рѣчку Петріусъ, до урочища Лимана; пошла та сакма до рѣки Жеребца, и воинскихъ людей не догнали.»

Спустя три недѣли Татары опять подходили къ Святогорскому монастырю, какъ мы видимъ изъ отписки Маяцкаго начальника въ Чугуевъ: «Ноября 2-го пришелъ въ Маяцкій Семень Козинкинъ и сказалъ: возилъ онъ дрова къ рѣкѣ Донцу Маяченику Якову Чулкову, выше Святыхъ Горъ и стараго перевоза, изъ Теплянскаго лѣсу, и видѣлъ три сакмы воинскихъ людей, и тѣ всѣ три сакмы пошли къ старому перевозу.» Въ послѣдній разъ; по крайней мѣрѣ сколько извѣстно по оставшимся у насъ памятникамъ, монастырь Святогорскій терпѣлъ бѣдствіе отъ Татаръ въ 1737 году, когда они разграбили хозяйственныя заведенія монастыря. А въ то время монастырь владѣлъ уже порядочнымъ количествомъ имуществъ, не только пожертвованныхъ, но и ку-

пленныхъ. * По актамъ монастыря 1701 года, при Архимандритѣ Веніаминѣ, куплена богатая мельница на рѣкѣ Осколѣ подъ г. Купянскимъ. Въ 1705 году, Февраля 5-го, при Игуменѣ Іонѣ, куплена у Царевоборисовскаго Каваса мельничная заимка на рѣкѣ Студенкѣ. Въ 1710 году, 8 Мая, сдѣланъ промѣнъ отъ монастыря: у Купянскаго жителя Пана Герасима Степановича принять хуторъ его на Осиновцѣ, подъ Купянкою, цѣною въ 700 золотыхъ, а ему отдана тамъ же земля съ мельницею, но съ удержаніемъ за монастыремъ половины дохода съ мельницы. Причиною этого промѣна былъ недостатокъ пастбищныхъ мѣстъ для монастырскаго скота и лошадей. Въ 1726 году, Юня 24-го, какой-то Иванъ Кривой, который взросъ и выучился въ Святогорскомъ монастырѣ, отдалъ монастырю «наслѣдственный грунтъ на рѣкѣ Донѣ.» Въ то же время, при Архимандритѣ Митрофанѣ, приобрѣтены монастыремъ два луга на рѣкѣ Осиновцѣ и одинъ близъ Царевборисова, у Царевборисовскаго Сотника, Андрея Самборскаго. Но еще до этого, во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ 1718 году въ Бахмутѣ, Тору (Славянскѣ), въ Иромѣ и въ окрестныхъ городахъ и селахъ при Архимандритѣ Севастьянѣ Юхновскомъ, записано въ Синодикѣ, что «многіе Православные Христіане, желающе получить отъ Создателя спасеніе душамъ своимъ, дадоша отъ имѣній своихъ, елико кто возможе, въ святую обитель, дабы помяновеніе творити по чину.» Въ 1747 году Митрофанъ Шешниковъ, Архимандритъ Боровскаго монастыря, прислалъ въ Святогорскій монастырь великолѣпный, по тогдашнему времени, и тяжеловѣсный серебряный потиръ съ дискомъ, какъ говорить о томъ надпись на потирѣ и дискосѣ.

Въ 1738 году моровая язва свирѣпствовала не только въ окрестностяхъ Святогорья, но и проникла въ самую обитель; въ Синодикѣ читаемъ: «моръ начался первѣе въ Изюмѣ отъ Юня и въ протчихъ городѣхъ и селѣхъ, а въ нашей Святогорской обители отъ Августа, безъ знаковъ, до мѣсяца Октября 28 числа. Много братіи, монашескаго чина и бѣльцовъ, померло до мѣсяца

---

* Самое по времени старинное пожертвованіе было при Архимандритѣ Іосифѣ Кононовичѣ: при немъ, въ 1687 году, Славянскій житель пожертвовалъ монастырю пять соленыхъ колодезей въ Славянскѣ со всѣми принадлежностями.

Ноября * 10 числа. Отъ Ноября Божіимъ милосердіемъ и Богоматери перестала. Въ послѣдовавшемъ 1739 году моровая язва возобновилась въ монастырѣ съ новою силою: «всѣ монахи, Іеродіаконы и Іеромонахи померли;» такъ доносилъ Архіерею Архимандритъ Ѡаддей; «остались только два монаха вростыхъ лѣтъ по сту.» Въ 1742 году присланы изъ монастырей два Іеродіакона и постриженъ въ монахи «поповъ сынъ, Крылошанинъ Пансій, искусный въ грамотѣ.» Архимандритъ Ѡаддей въ 1742 испросилъ книгу для собиранія подаваній въ пользу Святогорскаго монастыря; въ Архіерейской грамотѣ, выданной по этому случаю, между прочимъ, сказано: «въ томъ монастырѣ были хутора и мельницы, но въ прошломъ 1737 году отъ набѣговъ Татарскихъ, а въ 1739 году отъ моровой язвы, вовсе безъ остатка разорены, и нынѣ обстоитъ крайнее убожество, какъ въ устроеніи церквей и келій, такъ и въ протчихъ монастырскихъ потребностяхъ, и добротныхъ дателей и ктиторей за дальностью отъ города Изюма и протчихъ городовъ, никого не имѣется, а желаетъ онъ, Архимандритъ, въ ономъ монастырѣ церкви, келии и протчія строенія возобновить.» Впрочемъ, или разореніе монастыря не было такъ велико, какъ показывалось, или Архимандритъ Ѡаддей былъ отличный хозяинъ; во всякомъ случаѣ по описи монастырскаго имущества, составленной черезъ 16 лѣтъ (въ 1758 году), видимъ: 1) въ отличномъ устройствѣ экономическія заведенія монастыря; 2) въ Успенскомъ храмѣ мѣстныхъ иконы Спасителя, Божьей Матери и Пресвятыя Троицы въ серебряныхъ ризахъ; предъ Спасителемъ и Св. Троицею лампы серебряныя; четыре кадила серебряныя жъ; 3) на каменной башнѣ деревянная церковь Апостола Петра и Павла съ иконостасомъ; она стояла на кладбищѣ у рѣки Донца; 4) близъ монастыря Святое мѣсто, на коемъ построена церковь и на ней иконостасъ рѣзной слесарной работы не отдѣланный, не освященъ; 5) шесть тысячъ рублей денегъ Россійской монеты и 78 фимжковъ. Вообще, нельзя не сознаться, что Синодикъ Святогорскаго монастыря писанъ малопонятнымъ языкомъ; такъ подъ 1763 годомъ читаемъ: ** «Сей нижеписанный

* Тутъ есть маленькое противорѣчіе: выше сказано до Октября 28.

** Выписываемъ буквально.

родъ всечестнаго отца Архимандрита Митрофана, и съ нимъ,* присланный укладъ отъ Его Высокопреподобія тысяча рублей чрезъ Господь Іоанна Іоанновича Шенна и Гавріила, получилъ (кто?), ради вѣчнаго поминовенія въ Успенскомъ монастырѣ, при бывшей тогда братіи, а именно: Намѣстникѣ Іеромонахѣ Протасіѣ, Эккономѣ Іеромонахѣ Самуилѣ, Екклесіархѣ Іеромонахѣ Мардаріѣ и прочихъ, 1768 года, Іюня 10 числа.»

Присоединяя въ концѣ, въ видѣ приложенія, списокъ Настоятелей Святогорской обители, не можемъ здѣсь пройти молчаніемъ Игумена Филарета Финевского; онъ, по доносу мѣстныхъ чиновниковъ, удаленъ, въ 1787 году, за увольненіе нѣсколькихъ крестьянъ монастырскихъ на свободу.

При преемникѣ Филарета Финевского, Архимандритѣ Венедиктѣ, монастырь закрытъ и пересталъ существовать на пятьдесятъ пять лѣтъ. Указъ Бѣлогородской Консисторіи съ Высочайшимъ повелѣніемъ** и съ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода по сему предмету подписанъ 22-го Іюня, 1788 года. Но почти за годъ до того, 29-го Августа, 1787 года, «прибывшій въ оный монастырь (такъ доносилъ Архимандритъ Венедиктъ) Екатеринославскаго Намѣстничества Господинъ Эккономъ Директоръ, Фѣдоръ Михайловичъ Корбе, все монастырское экономическое и церковное имущество описавъ, отобравъ и не давъ никому въ приѣмъ онаго росписки, къ сохраненію онаго опредѣлилъ прочный караулъ; монашествующихъ, изъ монастыря выслалъ»... По Указу Святѣйшаго Синода, Консисторіею Бѣлогородскою, храмъ монастырскій обращенъ въ приходскую церковь; утварь самая необходимая оставлена въ храмѣ, а остальная расхищена. Слышалъ я отъ матери моей, что отецъ ея, Иванъ Шабельскій, пріѣзжалъ въ Святогорскій монастырь вмѣстѣ съ Корбе закрывать его (дѣдъ мой былъ Капитанъ-Исправникомъ), и что нѣкоторыя вещи изъ утвари были взяты имъ въ только что отстроенную тогда Николаевскую, что на Маячкѣ, церковь. Мѣстный образъ Св. Николая въ означенной церкви, по преданію.

* Съ Митрофаномъ, или съ кѣмъ другимъ?

Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи монастыря послѣдовало 10-го Апрѣля, 1786 года.

взять изъ Святогорской обители. Принося адѣсь открытое покаяніе за дѣла моего, не могу не замѣтить, что человекъ онъ былъ въ высшей степени набожный: можетъ быть, если онъ и участвовалъ въ разрушеніи монастыря, то извинялъ себя необходимостью (впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не извинительною по нашимъ понятіямъ) украсить построенный имъ храмъ на счетъ разоренной обители. Въ книжкѣ «Святые горы» (Харьковъ, 1860 г., стр. 59) находимъ извѣстіе, что въ сосновой рошѣ, въ глубинѣ ущелья, въ углу, гдѣ отвѣсная гора преграждаетъ всякій выходъ, была нѣкогда церковь скитская, которую перенесли, во время запустѣнія обители, въ сосѣднее имѣніе Шабельскихъ. Такъ какъ не подалеку отъ монастыря есть еще имѣніе другой линіи рода Шабельскихъ, то и не знаемъ навѣрное, эта ли самая церковь скитская воздвигнута дѣдомъ моимъ въ селѣ Маячкѣ, которое, впрочемъ, отстоитъ отъ Святыхъ Горъ болѣе чѣмъ на 30 верстѣ.

При закрытіи монастырь Святогорскій имѣлъ до двухъ тысячъ душъ крестьянъ и до 27 тысячъ десятинъ земли, въ томъ числѣ очень много дѣсу. Свѣтлѣйшему Потемкину понравилось это мѣсто, и онъ выпросилъ себѣ у Императрицы рощицу, желая основать здѣсь себѣ великолѣпныя палаты: предположенное для нихъ мѣсто показываютъ доселѣ. Дѣйствительно, въ этихъ мѣстахъ виды великолѣпныя, такіе, которые не могли не обратить на себя вниманія и баловня счастья, Князя Таврическаго. Роща эта, заключающая въ себѣ всю собственность монастыря, въ количествѣ 18 тысячъ десятинъ дѣсу и девяти тысячъ дес. земли пахатной, отдана была Потемкину. Странно, что въ одно и то же время Свѣтлѣйшій уничтожилъ обитель Святогорскую и Межигорскую, что подѣ Киевомъ, и сооружалъ Корсунскую для Единовѣрцевъ, на устьѣ Днѣпра. Очень понятно, что значительныя поземельныя имущества монастыря соблазнили Князя, и онъ, въ то время всевластный, повелѣлъ уничтожить святую обитель.

Черезъ шестьдесятъ лѣтъ по закрытіи святая обитель обновилась, по дивному промыслу Божію, носящими то же самое громкое имя Потемкинскихъ. Въ 1842 году Татьяна Борисовна (урожденная Княжна Голицына), и супругъ ея, Александръ Михай-

ловичъ, Потемкины, положили возобновить свитую обитель. Бывшее достояніе монастыря, взятое себѣ Княземъ Таврическимъ, перешло отъ него къ Генералу Энгельгардту. Еще при его жизни два Запорожскіе монаха, Исаій и Меводій, приходили въ Петербургъ испрашивать себѣ гдѣ либо мѣсто для постоянного жительства. Графиня Орлова прислала ихъ къ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной. Одинъ изъ нихъ Иеродіаконъ Исаія, обратилъ вниманіе ея, какъ близкой родственницы Генерала Энгельгардта, на Святія Горы, выхваляя красоту мѣста и умоляя возстановить запустѣвшую обитель и дать въ ней убѣжище всѣмъ Запорожскимъ монахамъ, вышедшимъ изъ за Дуная во время Турецкой войны. Немедленно написали къ Энгельгардту, убѣждая возстановить обитель, упраздненную Княземъ, но полученъ рѣшительный отказъ. Послѣ кончины Энгельгардта, имѣніе Святогорское должно было раздѣлиться на четыре части, межъ его сестрами, въ числѣ коихъ была свекровь Т. Б. Потемкиной. Потемкины упросили Княгиню Юсупову скупить себѣ всѣ четыре участка, чтобы не раздѣлилось такое прекрасное наслѣдство: у нихъ постоянно была надежда когда ни будь обновить монастырь. Княгиня Юсупова исполнила отчасти желаніе Потемкинскихъ, но не рѣшилась, до послѣдняго года своей жизни, возстановить обитель. * Когда она скончалась, то имѣніе должно было раздѣлиться на двѣ части между ея сыновьями; однако Потемкинъ рѣшился уступить болѣе тысячи душъ, чтобы только получить Святія Горы, по тому что его сердце лежало къ святому мѣсту; сперва Потемкины имѣли намѣреніе основать здѣсь женскую обитель, но потомъ рѣшились возстановить мужской монастырь. Благочестивое предположеніе свое Потемкины предста-

---

* Харьковское Епархіальное начальство, имѣя въ виду, что память о Святогорской обители и уваженіе къ святой древности привлекали большое число богомольцевъ въ Св. Горы, а также и просьбу монаховъ упраздненнаго общешительнаго Покровскаго монастыря бывшей Запорожской Сѣчи о возстановленіи Святогорской обители, ходатайствовало о томъ у Св. Прав. Синода. Это было въ 1837 году, когда имѣніе Святогорское принадлежало еще Княгинѣ Юсуповой. Св. Синодъ, не имѣя въ виду желанія Княгини, предоставить мѣстныя средства къ возстановленію означеннаго монастыря, въ томъ же, 1837 году, увѣдомилъ Епархіальное начальство о невозможности сдѣлать распоряженіе къ удовлетворительному окончанію этого дѣла.

выли на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода. По разсмотрѣніи прелпо-
ложенія мѣстнымъ Архипастыремъ, Святѣйшій Синодъ призналъ
необходимымъ возстановленіе древняго Святогорскаго монастыря,
для духовнаго утѣшенія и назиданія цѣлой страны. По все-
подданнѣйшему о семъ докладу, покойный Государь Импера-
торъ Высочайше повелѣть соизволилъ: а) Святогорскій монастырь
возстановить подъ наименованіемъ Успенской Святогорской
общежительной пустыни; б) установить въ ней порядокъ, най-
болѣе приближающійся къ духу древняго пустынножителства,
а по тому правиламъ для оной назначить Уставъ чиноположенія
и все прочее, какъ оно существуетъ въ Софроніевской и Глин-
ской пустыняхъ; в) штатъ монашествующихъ въ сей пустыни
ограничить 24 лицами; въ томъ числѣ быть: одному Игумену,
одному Казначею, одному Эконому, 8 Іеромонахамъ, 7 Іеродіако-
намъ и 6 монахамъ съ послушниками; г) существующія на Свя-
тыхъ Горахъ церкви, каменную и пещерную, со всѣми находящи-
мися при нихъ строеніями, обратить въ монастырскія; д) для со-
держанія обители назначить семьдесятъ десятинъ земель, жертвуемой
Г. Потемкинымъ, проценты съ капитала десяти тысячъ руб. сер.,
имъ же жертвуемаго, и собственныя средства, какія откроютъ
для обители, отъ сборовъ свѣчнаго, кружечнаго и отъ усердія
богомольцевъ.

Первоначальное обновленіе обители совершено 9 Мая, 1844
года, въ день Святителя Христова Николая; этому Угоднику по-
священъ храмъ, вздревле изсѣченный въ скалѣ. Въ новую оби-
тель прибыло сначала до двѣнадцати человекъ братіи изъ Глин-
ской пустыни, и съ ними Отецъ Арсеній, бывшій Казначей той
пустыни, поставленный въ Игумена. Онъ былъ посланъ въ Пе-
тербургъ по дѣламъ монастырскимъ Отцомъ Евстратіемъ, Игу-
меномъ Глинской пустыни (въ Курской Губерніи). Тамъ встрѣ-
тился онъ съ Потемкиными, которые и пригласили его посѣтить
съ ними Святыя Горы, и тугъ-то Отцу Арсенію суждено было
остаться. Преосвященный Харьковскій Иннокентій поручилъ отцу
Арсенію созвать братію и явиться въ Харьковъ для заселенія
пустыни. Выборъ отца Арсенія въ Настоятели возобновляемой
обители былъ въ высшей степени удаченъ. Отецъ Арсеній обла-
далъ, при умѣ необыкновенномъ и истинномъ чувствѣ просвѣщен-

ной набожности, чуждой нетерпимости и суевѣрія, рѣшались умѣншемъ обойтись со всякимъ и незамѣтно склонить его на пожертвованіе въ пользу монастыря. Послѣ своихъ истинныхъ основателей, Гг. Потемкиныхъ, монастырь Святогорскій обязанъ болѣе всего своимъ процвѣтаніемъ, нынѣ уже покойному, Арсенію: неутомимо трудился онъ на пользу монастыря, и сдѣлалъ для него очень много. *

Между тѣмъ и благочестивые строители обители, по своему искреннему усердію, сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ общали: 1) построены каменные корпуса, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, оказавшихся ветхими; 2) построены флигеля для помѣщенія гостей и для монастырскихъ службъ; 3) каменная колокольня съ теплымъ прекраснымъ храмомъ во имя Покрова Пресвят. Богородицы (освященъ въ Августѣ 1851 года); 4) къ прежнимъ 70 дес. земли прибавлено еще сто. ** Кромѣ того, почти каждый врізаль ихъ въ обитель, по близости которой устроенъ не великолѣпный, но весьма красивый и удобный, домъ ихъ, ознаменовывается приношеніями св. храмамъ. Сверхъ богатыхъ облаченій, получены отъ нихъ дорогіе напрестольные кресты, малахитовый ковчегъ, другой серебряный позолоченный отличной работы, старинный складной крестъ съ мощами. Были и другіе усердные жертвователи обители, на пр., помѣщикъ Малиновскій, обновившій ископанную въ скалѣ малую церковь Св. Николая; Екатерина Васильевна Шабельская (нынѣ уже умершая), *** М. А. Иловайсая; Везенбергскій купецъ Петръ Несторовъ и другіе.

* Арсеній происходилъ изъ достаточнаго купческаго рода и оставилъ въ мірѣ немало своего собственнаго достоянія; для домашняго устройства обителя обладалъ большою опытностью, которою обязанъ своему первоначальному быту. Онъ имѣлъ случай посѣтить Востокъ и пожить во всѣхъ его Св. мѣстахъ, въ Палестинѣ, на Синаѣ и Афонѣ, подъ руководствомъ духовнаго наставника, Князя Инокѣ Аникеты Шихматова. По возвращеніи на родину проходилъ онъ строгое послушаніе въ Глинской пустыни, подъ началомъ подвижника Филарета.

** По другимъ свѣдѣніямъ Потемкины пожертвовали вмѣсто 70 дес. 300 дес. земли, и въ томъ числѣ одного лѣсу 170 десятинъ.

*** Е. В. Шабельская очень много жертвовала въ монастырь; между прочимъ она подарила монастырю порядочное количество земли и выстроила на свой

Первоначально почти все монахи, начиная с Настоятеля, прибыли в Святогорье из Курской Глинской пустыни, и Уставъ ея, по желанію возобновителей монастыря и Указу Св. Синода, введенъ въ обители Святогорской. Сходствуя въ главномъ съ Уставами всехъ прочихъ монастырскихъ обителей, онъ имѣетъ и нѣкоторыя особенности, взятая, какъ утверждаютъ, изъ обыкновеній Горы Аѳонской. Сюда особенно принадлежитъ способъ совершенія Акаѳистнаго пѣнія въ честь Богоматери, на коемъ Дяконы кадятъ не кадильницами, какъ обыкновенно, а такъ называемыми каціями, имѣя въ то же время на персяхъ своихъ малыя гробницы; такая особенность сильно дѣйствуетъ на непривычнаго зрителя. Вообще же должно сказать о семъ Уставѣ, что онъ отличается особенною строгостью, такъ что, слѣдуя ему, большая часть дня, начиная съ полночи, должна проводиться въ церкви, въ отправленіи разныхъ богослуженій.

Благосостояніе монастыря Святыхъ Горъ растетъ быстро: стеченіе народа въ лѣтнее время, особенно къ Празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, бываетъ огромное. Недалеко отъ Св. Горъ (въ 20 верстахъ, а по прямой, но весьма неудобной, дорогѣ гораздо ближе) находятся, въ заштатномъ городѣ Славянскѣ, солено-сѣрные воды, приносящія большую пользу въ излеченіи болѣзней золотушныхъ и ревматизмовъ, и каждый изъ посѣтителей этихъ водъ (къ сожалѣнію, число ихъ въ послѣдніе годы весьма уменьшилось, въ слѣдствіе какъ общей страсти ѣхать за границу, такъ и малой заботливости о нихъ тѣхъ, кому слѣдовало бы) * считаетъ своею непремѣнною обязанностью побывать въ Св. Горахъ.

Въ 1861 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, Святая Гора удостоилась посѣщенія Государя Императора и Государыни Императрицы. Ея Величество изволила пробывать нѣсколько дней на дачѣ Г-жи По-

---

счетъ дѣйствицу о 500 ступеняхъ, въ видѣ крытой галереи, ведущую къ храму Св. Николая на горѣ.

* Т. Б. Потемкина сдѣлала очень много и для Славянскихъ водъ. Не вдалекѣ отъ заведенія водъ и цѣлебнаго озера возвышается цѣлый рядъ строеній, возведенныхъ ею въ видахъ общественной пользы, для помѣщенія бѣдныхъ и проч.

темкиной (близъ монастыря) и осматривала всѣ монастырскія церкви и ихъ достопримѣчательности. Соченіе народа, по слуху о прибытіи Ихъ Величествъ, было громадное; не смотря на уборку полей (происходившую въ то время), на десятки верстъ кругомъ всѣ побросали свои жилища и въ продолженіи нѣсколькихъ дней цѣлыми таборами кочевали около Св. Горъ, съ цѣлью взглянуть лишь на Государя и Его Супругу, и благодарить ихъ за только что дарованную свободу.

Монастырь находится на правомъ берегу Донца, въ этомъ мѣстѣ весьма крутомъ и обрывистомъ, такъ что прямо къ монастырю съ праваго берега довольно затруднительно даже и теперь, когда много заботъ и денегъ истрачено на устройство спуска. Ъздаютъ же больше на село Богородичное (нѣкогда монастырское) * и, переправясь черезъ Донецъ на паромѣ, по дорогѣ, идущей лугомъ, приближаются къ монастырю, подъ которымъ снова надобно перѣѣзжать Донецъ, но уже по мосту. Монастырскія строенія лѣнятся также по узкой окраинѣ праваго берега, и безъ того подмываемой рѣкою; тѣснота мѣста условила и тѣсноту строеній: почти весь склонъ горы изрытъ пещерами; есть двѣ пещерныхъ церкви: одна Антонія и Феодосія; а другая Св. Николая, по преданію самая древняя; отъ нея есть ходъ пещерами до нвуу, на протяженіи 240 сажени; въ пещерахъ склонъ почти незамѣтенъ, такъ что легче восходить пещерами, чѣмъ по устроенной лѣстницѣ въ 500 ступеней. Въ недавнее время воздвигнуть храмъ еще выше Николаевской церкви, на самомъ верху горы. Число братіи въ настоящее время весьма значительно; у монастыря по ту сторону горы есть и хозяйственныя заведенія, гдѣ если не сами монахи, то, по крайней мѣрѣ, готовящіеся быть ими, занимаются полевыми работами и доставляютъ хлѣбъ и прочее для монашествующей братіи. Вообще дикая и величественная мѣстность Св. Горъ самою природою назначена для жизни отшельниковъ, и можно сказать, что здѣсь назначеніе монашествующихъ лицъ достигнетъ гораздо болѣе и скорѣе, чѣмъ въ шумныхъ городахъ.

Д. Членъ А. Клевановъ.

С.-Петербургъ.

Декабря 4-го,
- 1864 года.

* Отъ монастыря въ 4-хъ верстахъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СПИСОКЪ НАСТОЯТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ.

1. Строитель Иеромонахъ Симеонъ; о немъ упоминается въ грамотѣ 1624 года.

2. Строитель Иеромонахъ Кириль; упоминается въ грамотѣ 1640 года.

3. Строитель Иеромонахъ Игнатій; извѣстенъ по грамотѣ 1651 года.

4. Игуменъ Теофанъ; извѣстенъ по Чугуевской перепискѣ 1674 года.

5. Строитель Иеромонахъ Гавриль; въ монастырѣ сохранился напрестольной крестъ съ надписью: «Л. 7170 (1661 г.), Ноября въ 15 день, построена крестъ серебряный Святогорскаго монастыря церкви Успеніи при Строителѣ черномъ отцѣ Гавриль».

6. Игуменъ Корнилій; упоминается въ Чугуевской перепискѣ подъ 1672 годомъ.

Примѣчаніе. Всѣ эти Настоятели не упоминаются въ Синодикѣ; въ немъ записаны только Архимандриты Святогорья, а именно:

1. Архимандритъ Іоиль, по актамъ обители 1679 года, по прозванію Озерянской, по тому что онъ былъ жителемъ Озерянки, въ послѣдствіи прославившейся пустынею и Св. Иконою Озерянскою. Видно, что онъ былъ дѣдъ Черкасовъ Каварковъ. Харьковскій Полковникъ Григорій Донецъ вызывалъ его, и

сколькими Святогорцами для основанія Куряжскаго монастыря. Однако Отецъ Юшъ не долго былъ въ Куряжѣ и возвратился въ Святогорье.

2. Архимандритъ Іосифъ Кононовичъ; упоминается по документу 1687 года.

3. Архимандритъ Θεодосій; упоминается въ 1691 году.

4. Архимандритъ Веніаминъ; упоминается въ актахъ монастыря 1701 года, по случаю покупки богатой мельницы на р. Осколь, подъ городомъ Купянскомъ.

5. Архимандритъ Вассіанъ Василевскій или Васильковскій; извѣстенъ по актамъ съ 1707 года. При немъ Царь Петръ, Указомъ 1709 года, повелѣлъ приписать Святогорскій монастырь съ его имѣніями къ Азовскому Предтечеву монастырю, но вскоре это распоряженіе отмѣнено и Предтечеву монастырю велѣно было отдать Козачій Новоборовской юртъ.

6. Севастіанъ Юхновскій; упоминается подъ 1714 годомъ.

7. Арсеній, изъ фамиліи Зарудныхъ; упоминается по дѣламъ 1720 и 1723 года.

8. Митрофанъ Шениковъ, съ Марта 1723 года. Въ концѣ 1728 года онъ отрѣшенъ былъ отъ управленія обителью за «неумѣренные поступки,» а монастырь велѣно вѣдать того монастыря Духовнику, Іеромонаху Анатолю, впредь до Указа; но въ 1729 году Митрофанъ снова значится Архимандритомъ. Въ послѣдствіи онъ былъ Архимандритомъ Курскаго Знаменскаго монастыря и членомъ Консисторіи, а оттуда переведенъ Архимандритомъ Боровскаго монастыря.

9. Иларіонъ Григоровичъ; съ Іюня 1733 года; съ 1726 г. былъ Префектомъ Харьковскаго Коллегіума, а въ послѣдствіи въ Москвѣ Епископомъ Крутицкимъ.

10. Ѡадей Какуйловичъ, съ 1738 года; скончался 25 Мая 1758 года.

11. Рафаилъ Мокренскій, Префектъ и съ 1753 года Ректоръ Харьковскаго Коллегіума; съ Іюня 1758 г. Святогорскій

Архимандритъ; умеръ 10 Февраля, 1765 года и положенъ въ Петропавловскомъ храмѣ.

12. Лаврентій Кордетъ, Игуменъ, съ Марта 1765 года.

13. Матвей Млодзинскій, Архимандритъ, членъ Консисторіи; упоминается 2 Іюля, 1766 года.

14. Сильвестръ Кіановскій, Игуменъ (28 Августа, 1767 г.).

15. Теофанъ Федоровскій, Архимандритъ съ 1770 года.

16. Филаретъ Финевскій; уволенъ въ 1787 году,

17. Венедиктъ, прежде Ахтырскій, потомъ Святоторскій Архимандритъ; пережилъ ли закрытіе монастыря, не извѣстно, но и помину о немъ нѣтъ.

О ПРОЕКТѢ УСТАВА И ШТАТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

И СОСТОЯЩИХЪ ПРИ НЕЙ МУЗЕЕВЪ.

ВЪ СОВѢТѢ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ДОКЛАДЪ КОМИССИИ.*

Коммиссія, приступивъ къ разсмотрѣнію Проекта Устава и Штатовъ Академіи Наукъ, убѣдилась, что она имѣеть въ своихъ рукахъ дѣло величайшей важности, дѣло, заслуживающее самаго тщательнаго обсужденія.

Что такое Академія Наукъ? Какое значеніе имѣеть она въ ученomъ мѣрѣ и, въ частности, въ мѣрѣ Русскомъ? На эти вопросы Академія была вынуждена дать опредѣленные отвѣты, когда она, Высочайшею волею, отъ 24 Декабря, 1863 г., была призвана къ составленію Проекта Устава и Штатовъ, съ цѣлію «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи» (3 стр. Объяснительной записки).

---

* Вызвавъ желаніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 31 Января текущаго года, чтобы Совѣтъ Московскаго Университета подробно разсмотрѣлъ Проектъ Устава и Штатовъ Академіи Наукъ и представилъ о томъ ему свои соображенія. Совѣтъ немедленно нарядилъ изъ среды своей Коммиссію, которая, обсудивъ оныя со всѣхъ сторонъ, изложила свои мысли о нихъ въ Докладѣ, читанномъ въ засѣданіи 13 Марта и принятомъ единогласно, кромѣ одного члена, объявившаго, что онъ подастъ свое особое мнѣніе.

О. Б.

Русское Общество не имѣетъ исторіи Академіи Наукъ и, по сознанию нынѣшнихъ Академиковъ, такая исторія еще невозможна относительно Академіи въ XVIII столѣтіи (Учен. Зап. II, 1854).

Петръ Великій, въ заботливости о распространеніи въ Россіи ремесль, искусствъ и наукъ, вызывалъ, выписывалъ изъ за границы и, гдѣ было можно, вышѣнилъ въ чужихъ краяхъ ткачей, плотниковъ, моряковъ, офицеровъ и ученыхъ, давая имъ чиновныя и матеріальныя привилегіи предъ соотвѣтствующими дѣятелями изъ Русскихъ. Но изъ Академіи Наукъ онъ не хотѣлъ создать, какъ проектировалъ Лейбницъ, Collegium sapientiae: это былъ бы универсальный Ареопагъ, принадлежащій человѣчеству, а не народу, и о такомъ учрежденіи можетъ мечтать философъ, а не Государь, у котораго первое и послѣднее слово политики было польза любимой имъ Россіи. Между тѣмъ недостаточное образованіе Русскаго общества съ одной стороны, временное владычество иностранцевъ въ Россіи съ другой, очень рано привели къ тому, что Академія пошла не тѣмъ путемъ, какой указанъ ей Петромъ Великимъ; она существовала на Русской почвѣ и на Русскія средства, но не для Россіи: она обогащала своими учеными трудами литературы Нѣмецкую и Французскую, а не Русскую; она приняла за принципъ пополнять себя членами изъ иностранцевъ, при чемъ часто на Академическій титулъ давали права родственныя и другія связи, а не ученые достоинства. Ломоносовъ первый поднялъ протестъ противъ этого ненормальнаго направленія Академіи, изъясняя, что «Петръ повелѣлъ учредить Академію не для однихъ чужестранныхъ, но паче для своихъ подданныхъ, что Академія ни какого плода Россіи не приноситъ, кромѣ одного казнѣ убытка», и жалуюсь на то, что «Академики все выдаютъ въ печать на чужестранныхъ діалектахъ, а прежде выдавали на Россійскомъ діалектѣ» (Чтенія въ Император. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ 1865 г. книг. 1-я: «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ», 38 стр.). Кто не видитъ, что эти жалобы относятся къ уклоненіямъ отъ принципа, а не къ самому принципу, на которомъ была основана Академія?

Во все послѣдующее время чувствовалась необходимость поставить Академію на путь, который указанъ ей Петромъ Вели-

къмъ и Ломоносовымъ. Съ этою цѣлію то учреждали при ней учебныя заведенія, чтобы ея вѣдѣнію были причастны и Русскіе умы, то назначали къ ней Адъюнктовъ, чтобы такимъ образомъ она мало по малу преобразилась въ общество изъ Русскихъ членовъ, то сливали съ нею Академію Россійскую, какъ бы надѣясь на силу механическаго смѣшенія. Одинъ Государственный мужъ въ Запискѣ, которая была представлена Императору Николаю I, взялся сказать: «Государь! Румянцевъ и Демидовъ гораздо больше принесли пользы Русскому просвѣщенію, чѣмъ наши Академіи, наполненныя людьми, едва знающими Русскую грамоту, тѣмъ менѣе Россію.» Наконецъ та же самая потребность выразилась въ Высочайшемъ повелѣніи о преобразованіи Академіи Наукъ, съ цѣлію «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи.» Комиссія осмѣлилась сблизить слова Монарха: «преимущественно на пользу Россіи» съ словами гениальнаго Ломоносова: «но паче для своихъ подданныхъ.» Такъ величайшей важности вопросъ о томъ, чѣмъ должна быть Академія Наукъ, не оставлялъ общественнаго Русскаго сознанія и его высокихъ представителей ни на минуту, и долговременное существованіе Академіи не заставило забыть объ этомъ вопросѣ.

Эти предварительныя замѣчанія выражаютъ то, что, какъ убѣдилась Комиссія, чувствовали и сами составители новаго Проекта Устава и Штатовъ Академіи Наукъ. Во многихъ статьяхъ, и особенно въ поясненіи къ нимъ, они даютъ замѣтить, что есть противъ Академіи Наукъ сильное общественное предубѣжденіе, и что это предубѣжденіе оказывается основательнымъ, такъ что многія статьи опредѣленно направлены на его устраненіе.

На стр. 125 Объяснительной записки говорится: «Отсутствіе компетентнаго судилища по спеціальнымъ вопросамъ науки немислимо въ обширномъ Государствѣ. Не говоримъ польза, а необходимость въ Россіи Академіи Наукъ, созданной великою мыслию Петра I, съ обезпеченіями какъ со стороны умственной ея дѣятельности, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, не можетъ быть и предметомъ вопроса.» Кто не видитъ, что эти слова написаны въ виду р коваго быть, или не быть Академіи Наукъ: что есть мнѣніе, которое находитъ несуществованіе Академіи

Науку дѣломъ у насъ возможнымъ; что это мнѣніе до того сильно, что съ нимъ нужно считаться Академикамъ; что для пораженія этого мнѣнія уназывается чаще, нежели слѣдовало бы, не только на пользу, но еще на особенную какую-то необходимость, не условленную пользой, слѣдовательно, на безусловную необходимость Академіи Наукъ? Конечно, никто не согласится съ такими крайними сужденіями. Для Государства, въ особенноти обширнаго, необходимо только то, что полезно; ко всякой другой необходимости, на примѣръ, къ эстетической, когда нѣкто учреждается на показъ, для созерцанія, для выставки, оно бываетъ равнодушно только въ годы своей молодости, какъ поэтически настроенный юноша. Эти замѣчанія дѣлаются въ виду часто повтораемыхъ въ поясненіяхъ къ Проекту выраженій, что Академія Наукъ необходима для славы и политическаго значенія Россіи въ ряду другихъ націй (Объясн. записки стр. 28). О такихъ выраженіяхъ Комиссія считаетъ долгомъ своимъ только заявить Совѣту, находя, что такой способъ защищать дѣло Академіи есть странное притязаніе. Къ славіи Россія была равнодушна, можетъ быть, она часто жертвовала своими богатыми средствами только для того, чтобы прославить себя. Несомнѣнно далѣе, что она дѣлала и дѣлаетъ щедрія вознагражденія иностраннымъ ученымъ, какой бы націи ни принадлежали они, а тѣмъ изъ нихъ, которые изучали Россію, она предоставляла такія средства и содѣйствіе, что этимъ способомъ могли бы быть достигаемы всѣ цѣли; для которыхъ существуетъ Академія Наукъ. Европейскіе ученые добросовѣстно признаютъ въ этомъ отношеніи великодушіе Русскаго Правительства и покрываютъ его заслуженными похвалами; тѣмъ не менѣе Государственные мужи Россіи теперь впервые узнаютъ, что Академія Наукъ необходима для славы и политическаго значенія Россіи въ ряду Европейскихъ народовъ.

«Наука благодарна», говорится на стр. 10-й Объясн. записки, и воздастъ сторицею странѣ, въ которой для нея дѣлаются пожертвованія.» Это сужденіе составителей Проекта сознательно направлено противъ того же общественнаго убѣжденія въ безплодномъ существованіи Академіи Страна Русская приглашается жертвовать для науки, не справляясь о своей собственной подлѣ, приглашается вѣрить, что наука благодарна и что она воздастъ

ей за жертвы сторицею. Можетъ быть, этотъ взглядъ и возвышенъ: онъ требуетъ, чтобы Русская страна относилась къ Академіи только въ качествѣ стороны жертвующей. Но такой абсолютный идеализмъ есть рѣдкое явленіе въ дѣлахъ подобнаго рода: между тѣмъ невѣроятно и безпримѣрно то, что этимъ приглашеніемъ къ безкорыстнымъ жертвамъ составителями Проекта данъ первый отвѣтъ на вопросъ, вызванный Высочайшею волею: «какими способами направить дѣятельность Академіи преимущественно на пользу Россіи?» Отвѣтъ этотъ формулируется такъ: «Ученая дѣятельность Академіи можетъ быть и не направлена преимущественно на пользу Россіи. Академики могутъ быть иностранцы, могутъ заниматься задачами, которыя вызываются единственно положеніемъ и движеніемъ наукъ въ Европѣ, и разрѣшать эти задачи на языкѣ, родномъ для ученыхъ Европейскихъ, а не для Русскихъ; слѣдовательно, могутъ вовсе не обогащать Русской литературы учеными сочиненіями; но наука благодарна, наука воздастъ сторицею странѣ, которая ей жертвуетъ.»

Коммиссія была озадачена тономъ объясненій, довольно для нея неожиданныхъ. Къ чему эти частыя заявленія о безусловной, стоящей выше жизненныхъ расчетовъ, необходимости Академіи Наукъ для Россіи, и о потребности жертвовать въ пользу науки такъ же безусловно, изъ простой вѣры въ ея благодарность? Такія основанія, если имъ дать практическое значеніе, были бы достаточны для учрежденія Академіи Наукъ въ качествѣ Collegium sapientiae, для котораго нужна только жертвующая страна, все равно какая, Франція, Россія, или Турція. Такія основанія годны только для того, чтобы побудить Правительство выдавать щедрыя пособія иноземнымъ ученымъ, не разбирая, въ какой странѣ живутъ они и во благо какого народа трудятся. Составители Проекта, какъ кажется, недостаточно оцѣнили достоинство и значеніе Академіи Наукъ. Слѣдуетъ ли дрожать за существованіе учрежденія, при имени котораго Россія вспоминаетъ геніевъ Ломоносова, Эйлера и другія замѣчательныя личности? Слѣдуетъ ли идеализничать о потребности безкорыстныхъ жертвъ для науки, въ виду тѣхъ несомнѣнныхъ услугъ, какія сдѣланы Академіей; на примѣръ, для Геологіи и Этнографіи Россіи? Можетъ быть, все это было бы и

умѣстно, если бы Академія Наукъ не рѣшалась стать на путь, указанный ей общественнымъ мнѣніемъ Россіи отъ Демонсова до нашего времени. Но рассматриваемый Проектъ вмѣняетъ Академіи Наукъ въ законъ избирать отнынь своихъ членовъ изъ Русскихъ (§ 107), онъ обязываетъ ее дѣлать известными ученые труды своихъ членовъ, какъ внутри Имперіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, и съ этою цѣлію издавать ихъ на Русскомъ и иностранномъ языкахъ, смотря по потребности (§ 7). Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что этими двумя статьями Проекта члены Академіи преднамѣреваются сдѣлать такой шагъ впередъ, который упрочилъ бы за Академіею Наукъ, рядомъ съ титуломъ ученаго учрежденія, такъ же очень почтенный титулъ Русскаго.

Только былъ бы этотъ шагъ сдѣланъ рѣшительно и безвозвратно. Но предвидѣть въ этомъ отношеніи что ни будь определенное нельзя безъ особеннаго вниманія къ дѣлу; существеннѣйшія узаконенія, проектируемыя на этотъ предметъ, имѣютъ болѣе характеръ преобладающихъ личныхъ намѣреній, нежели рѣшительныхъ законовъ. Такъ какъ это особенной важности обстоятельство, то Комиссія и входитъ спеціально въ его разсмотрѣніе.

Въ § 107 говорится: «Иностранцы могутъ быть избираемы въ Академики только въ исключительныхъ случаяхъ и при томъ, если между Русскими учеными нѣтъ достойнаго кандидата для замѣщенія вакантнаго мѣста.»

а) Не извѣстно, какіе здѣсь нужно еще разумѣть исключительные случаи, кромѣ того, когда между Русскими учеными нѣтъ достойнаго кандидата?

б) О нынѣ дѣйствующемъ законѣ, который требовалъ *ceteris paribus* предпочитать при выборѣ Русскаго ученаго иноземному, составители Проекта замѣчаютъ (стр. 85), что «этимиъ выражалась только какъ бы нѣкоторая уступка въ пользу своихъ ученыхъ.» Такое толкованіе закона подаетъ поводъ ко многимъ размышленіямъ. Законъ категорически требовалъ предпочитать Русскаго иноземцу, при равныхъ достоинствахъ: онъ не дѣлалъ уступокъ національному эгоизму; онъ не видѣлъ причины, по

чему бы предпочитать иностранцевъ. Странное толкованіе столь яснаго закона со стороны составителей Проекта показываетъ, что Академію Наукъ они считаютъ состоящею изъ иностранцевъ по принципу, что законъ хотѣлъ оставить ее закъ на вѣки, что онъ дѣлалъ только уступки, только исключенія, когда повелѣвалъ изъ двухъ равныхъ дарованій избирать Русское. Безъ сомнѣнія, такой неожиданный смыслъ законъ могъ получить только отъ долголѣтней практики. Слышанное ли дѣло? Умъ Русскій, если онъ равенъ по достоинству уму иноземному, будто бы предпочитается Русскимъ же закономъ сему послѣднему только изъ уступки, а принципъ, на которомъ существуетъ Академія Наукъ, напротивъ, будто бы тотъ, чтобы предпочитать изъ двухъ равныхъ дарованій иноземное. Проектируемый § общаетъ предпочитать Русскихъ и избирать иноземцевъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Но, въ виду сей части приведеннаго толкованія дѣйствующаго нынѣ §, остается неизвѣстнымъ, будетъ ли проектируемый § имѣть значеніе принципа, или только уступки въ пользу своихъ ученыхъ.

в) Комиссія признаетъ необходимымъ измѣнить § 107 такъ: «Въ кандидаты предлагаются только Русскіе ученые, которые сдѣлались извѣстны замѣчательными учеными изслѣдованіями, или открытіями.» Составители Проекта сами замѣчаютъ (стр. 85), что Русскій ученый часто будетъ уступать въ достоинствѣ иностранному по тому только, что онъ не имѣетъ такой благопріятной въ научномъ отношеніи обстановки, какъ ученый иностранный, который имѣетъ дѣло съ лучшими Библіотеками, Музеями и другими научными средствами. Въ силу этого обстоятельства Русскій ученый, хотя бы онъ былъ по достоинству выше иноземнаго, часто будетъ случайно уступать послѣднему въ данное время выбора, такъ что Академіи всегда придется пополнять себя иностранцами.

г) Если составители Проекта (стр. 87), говорятъ о тѣхъ случаяхъ, когда Академіи представится возможность принять въ свою среду какого либо гениальнаго представителя науки изъ иностранцевъ, то противъ этого Комиссія замѣчаетъ: 1) Гений, въ строгомъ смыслѣ, а не только по оцѣнкѣ нашихъ ученыхъ, пользуется въ Европѣ такимъ высокимъ уваженіемъ со стороны

ученыхъ Обществъ и публички, что кресло нашей Академіи не будетъ принадлежать ему, и въ членъ Академіи онъ поступитъ развѣ по побужденіямъ постороннимъ. Знаменитый Эйлеръ, поступившій въ нашу Академію изъ за Университетской скамьи, прожившій въ Россіи 14 лѣтъ, въ Россіи, которая надѣлила его всѣми дарами счастья, легко далъ себя сманить Фридриху Великому, и когда, въ слѣдствіе непріятностей въ Академіи Берлинской, онъ рѣшился опять искать счастья въ Россіи, его гениальность не препятствовала ему тщательно и до скандала торговаться съ Русскимъ Правительствомъ за чины и обезпеченіе самому себѣ, своему сыну и другимъ членамъ своего семейства. И гению наилучше дѣйствовать тамъ, куда влекутъ его привязанности; и для генія важны такіе стимулы, какъ отечество и родной языкъ. Среди народа, котораго языкъ, образованіе, нравы и потребности ему не извѣстны, онъ можетъ водвориться по расчету, а не по любви къ наукѣ. Кромѣ того, гениі если бы матеріальными выгодами позволилъ себя сманить иноземному Государству, подвергся бы въ наше время справедливому общественному порицанію. 2) Гораздо полезнѣе, когда не оказывается достойнаго ученаго изъ Русскихъ, оставить кресло Академическое вакантнымъ, нежели избраніемъ иностранца отнять, по крайней мѣрѣ, на двадцать пять лѣтъ, у Русскихъ ученыхъ возможность вступить въ члены Академіи. Два, три года остается быть членомъ для Академіи Наукъ лучше, чѣмъ на двадцать пять лѣтъ обзавестись членомъ, который чуждъ Россіи по духу и языку. 3) Ни какая Академія, Наукъ не гоняется за тѣмъ, чтобы составить изъ себя собраніе всесвѣтныхъ гениевъ. Каждая Академія Наукъ предпочтаетъ хорошее родное наилучшему иноземному; это, безъ сомнѣнія, указываетъ, что Академики отечественные, разработывая науку для науки, сознаютъ нравственный долгъ любить свое отечество и заботиться о томъ, чтобы его сынамъ принадлежали Академическія почести, Академическое жалованье и пожизненные пенсіоны.

Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ сообщить значеніе постоянного закона и § 7-му, который обязываетъ Академію дѣлать извѣстными, какъ внутри Имперіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, ученые труды своихъ членовъ, и съ этою цѣлію издавать

ихъ на Русскомъ и иностранномъ языкахъ, смотря по потребности. Комиссія формулируетъ этотъ § такъ: «Академія обязана дѣлать извѣстными внутри Имперіи ученые труды своихъ членовъ, и съ этою цѣлію помѣщать ихъ на Русскомъ языкѣ въ Ученыхъ Запискахъ, или въ періодическихъ изданіяхъ Академіи.»

Примѣч. къ § 7-му. Протоколы засѣданій, предложенія и рѣшенія въ Отдѣленіяхъ Академіи Наукъ и въ Общемъ Собраніи, совершаются на языкѣ Русскомъ.

Мотивы, которыми руководствовалась Комиссія при измѣненіи этого § и при постановкѣ Примѣчанія къ нему были слѣдующіе:

а) Хотя § 7 соответствуетъ наличному составу Академіи, однако Комиссія считаетъ долгомъ не принимать этого обстоятельства въ расчетъ при обсужденіи Проекта закона, который долженъ быть формулированъ единственно сообразно съ существомъ дѣла.

б) Академія не обязана дѣлать извѣстными свои труды за границей, по тому что труды, заслуживающіе извѣстность, получаютъ таковую и сами собою. Жадная на науку Европа не оставитъ безъ вниманія и безъ перевода ученыхъ трудовъ Академиковъ, если они будутъ имѣть значеніе для Европейской науки, что и самый опытъ оправдываетъ: примѣры эти представляютъ Общество Русское Географическое, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ и др.

в) Примѣръ всѣхъ существующихъ Академій въ Европѣ, которыя выпускаютъ въ свѣтъ свои труды на родномъ языкѣ, долженъ бы взволновать нашу ученую совѣсть и показать ей, что, для чести самой Академіи, ей необходимо говорить и писать по Русски. Если не патріотизмъ, то чувство стыда должно водворить Русскій языкъ въ Академіи.

г) Изданіе трудовъ Академіи на иностранномъ языкѣ покрываетъ не заслуженнымъ презрѣніемъ наше родное и богатое слово. Европейскій ученый, въ слѣдствіе обольщенія, учняемаго этимъ обстоятельствомъ, приходитъ къ убѣжденію, что все хорошее, писанное въ Россіи, печатается на языкѣ иностранномъ, и что по этому, на оборотъ, напечатанное по Русски не заслуживаетъ вниманія.

д) Даровитые Русскіе ученые напередъ чувствуютъ нерасположенность соперничать о пріобрѣтеніи титула Академика, представляя основательно, что въ нѣдрахъ Академіи Русскій человекъ, съ своею родною рѣчью, встрѣтитъ такія же неудобства и задержки, какія онъ испытываетъ, живя, на примѣръ, въ Берлинѣ, или Лондонѣ.

е) Если бы Академія Наукъ была обязана дѣлать извѣстными свои труды въ чужихъ земляхъ, то ей было бы неизбѣжно озаботиться напередъ изобрѣтеніемъ какого ни будь универсальнаго языка, по тому что, на примѣръ, Французскій языкъ, или Нѣмецкій, столько же чужой для Англичанина, или Шведа, какъ и Русскій, съ тѣмъ только различіемъ, что первые два языка, благодаря, между прочимъ, и тому обстоятельству, что ученые труды тамошнихъ Академиковъ печатаются на языкахъ родныхъ, пользуются со стороны Англичанина, или Шведа, большимъ вниманіемъ, нежели Русскій языкъ. И по какой уважительной причинѣ въ Академіи Наукъ предпочитается языкъ Французскій и Нѣмецкій, на примѣръ, Англійскому? Единственный отвѣтъ будетъ состоять въ томъ, что этимъ выборомъ управляетъ личная потребность, а не научная.

ж) «Академія, говорятъ составители Проекта (стр. 28 Объясн. зап.), есть представительница того умственного развитія, до котораго достигло наше отечество.» «Степень процвѣтанія Академіи служить, такъ сказать, нормою того умственного уровня, на которомъ стоитъ Государство» (стр. 124). Это будетъ очевиднѣйшая, осязательнѣйшая неправда до тѣхъ поръ, пока Академія Наукъ не будетъ состоять изъ Русскихъ ученыхъ и не будетъ издавать свои труды на Русскомъ языкѣ. Въ настоящемъ своемъ положеніи Академія не служитъ представительницею умственного развитія нашего Отечества, съ которымъ даже говорить она не умѣетъ. Въ настоящемъ своемъ положеніи Академія служитъ, такъ сказать, нормою того уровня, до котораго поднимается безкорыстная щедрость Русскаго Правительства къ ученымъ, пишущимъ не для Россіи. Этотъ строгій взглядъ заимствованъ Коммиссіей у самыхъ составителей Проекта, которые разсудили за благо сослаться на лестный отзывъ объ Академіи Наукъ ученаго Ориенталиста Эвальда; по тому что въ этомъ отзывѣ не содержитъ

ся ничего болѣе, кромѣ основательныхъ похвалъ щедрости и великодушію Русскаго Правительства (стр. 47).

з) Предполагая, что изданіе Академическихъ трудовъ на языкѣ Русскомъ имѣло бы сначала немного читателей, Коммиссія надѣется, что Академія Наукъ будетъ имѣть силы и приметъ на себя обязанность создать для своей науки публику, которая, безъ сомнѣнія, давно бы существовала, если бы дѣятели Академическіе говорили по Русски. Коммиссія замѣчаетъ, что нести извѣстную степень общественныхъ неудобствъ, будь таковыя неизбѣжны, долженъ каждый ученый, если только онъ дѣйствительный и живой членъ этого общества, и что устранять такія неудобства средствами искусственными и вредными для общества не должна дозволить ни совѣсть личная, ни совѣсть общественная; что Русскіе ученые находили и находятъ возможнымъ издавать свои труды на Русскомъ языкѣ, труды, часто имѣвшіе спеціальнѣйшій Академическій характеръ; наконецъ, что и Европейская публика для нашей Академіи, какъ и для всякой, очень незначительна и вообще неспособна окупать изданія Академіи. Между тѣмъ Русскимъ ученымъ извѣстно, что, при прежнихъ попыткахъ издавать Ученыя Записки, Академія далеко не употребляла того искусства и тѣхъ средствъ, какія она могла бы употреблять, съ цѣлію образовать для себя читающую публику. Настоящимъ Проектомъ (§ 3 Примѣч.) Академія отказывается доводить, посредствомъ своихъ изданій, до всеобщаго свѣдѣнія о новыхъ успѣхахъ и открытіяхъ въ богатомъ мірѣ человѣческой техники, что нынѣ дѣйствующій Уставъ возлагаетъ ей въ обязанность. Проектъ ссылается на то, что нынѣ получаютъ въ Россіи многіе многостранные техническіе журналы, и что задачей Академіи можетъ быть только усовершенствованіе самыхъ наукъ, которыя находятъ себѣ примѣненіе въ фабрикахъ и мануфактурахъ (5 стр.). Коммиссія выражаетъ мнѣніе, что такое самоотреченіе неосновательно для Академіи, которая предполагаетъ имѣть трехъ членовъ для чистой и прикладной Математики, двухъ для Физики, двухъ для Химіи, одного для Практической Механики и одного для Технологіи; что изданія Академіи получили бы особенную цѣну, если бы Русскіе ученые надѣялись находить въ нихъ отчеты специалистовъ Академикомъ о новыхъ успѣхахъ и открытіяхъ по ча-

сти техники, съ учеными изъясненіями связи этихъ открытій съ прошедшимъ и ихъ значенія для будущаго. Реальныя науки, которыя названы выше, стоятъ въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ развитіемъ техники, что усовершенствованіе самыхъ наукъ, которое Проектъ считаетъ цѣлю Академіи, не будетъ успѣшно безъ достаточнаго знакомства съ соотвѣтствующей каждой наукѣ техникой. Само собою разумѣется, что тѣ явленія техники, которыя не находятъ въ числѣ Академическихъ дѣятелей соотвѣтствующаго спеціалиста, могутъ быть и не обозрѣваемы въ Академическихъ изданіяхъ.

Двусмысленное положеніе, которое готовится Академіи Наукъ Проектомъ въ будущемъ, можетъ быть нигдѣ такъ не высказывается, какъ при разрѣшеніи вопроса о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть Академія на Русское просвѣщеніе? Нынѣ дѣйствующій Уставъ говоритъ категорически: «Академія имѣетъ попеченіе о распространеніи просвѣщенія вообще и о направленіи онаго ко благу Россіи.» Законодатель не могъ сказать иначе и лучше. Или Академія имѣетъ назначеніе распространять просвѣщеніе и направлять его на благо Россіи, или не имѣетъ. Средины нѣтъ здѣсь. Проектъ тщетно надѣется найти средину (*medió tutissimus íbis*), гдѣ прочно поставленная цѣль не поражала бы глазъ своею ясностію и не обязывала бы ни къ какому рѣшительному выбору.

«Нѣтъ надобности, говорятъ составители Проекта, возлагать на Академію обязанности заботиться о распространеніи просвѣщенія, по тому что для этого существуетъ особое Министерство, которому даны для сего и надлежащія средства. Академія же, съ своей стороны, можетъ только содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія» (стр. 5). И дѣйствующій нынѣ Уставъ не возлагаетъ на Академію обязанностей педагогическихъ, къ которымъ она неспособна по самому существу своему, такъ что остается не извѣстнымъ, чего собственно желаютъ составители Проекта, отклоняя отъ Академіи Наукъ заботу о распространеніи просвѣщенія вообще и о направленіи его ко благу Россіи, а предоставляя ей только содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія. Дабы этимъ не обозначалось, что Академія Наукъ содѣйствуетъ успѣхамъ просвѣщенія въ такомъ же смыслѣ, какъ

и всякій иностранный ученый, живущій гдѣ угодно въ Европѣ, дабы слова: «ко благу Россіи, на пользу Россіи,» не были безъ значенія, Комиссія измѣняетъ § 3 такъ: «Главнымъ обязанности Академіи дѣлать научно-спеціальныя изслѣдованія, направлять свою дѣятельность преимущественно на изученіе Россіи и своими учеными трудами непосредственно содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія въ ней.»

Въ Объяснительной запискѣ (стр. 9) о томъ же предметѣ идетъ сужденіе другое. «Польза, которую можетъ приносить Академія странѣ, находится въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ страна, по общему образованію своему, прѣготовлена къ принятію науки.» Въ связи съ этимъ находится основательная жалоба на низкій уровень Гимназическаго и Университетскаго образованія (стр. 28). Итакъ здѣсь Академія не отказывается заботиться о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, но только находитъ, что почва для ея вліяній не готова, что общество не подготовлено къ принятію науки. Комиссія усматриваетъ, что этими объясненіями составители Проекта надѣются смягчить Высочайшее требованіе — дѣйствовать на пользу Россіи, и позволяетъ себѣ сказать, что если общество не подготовлено къ принятію науки, то тѣмъ непростительнѣе разрабатывать науку въ неудобопріемлемой формѣ, каковая есть иностранный языкъ.

Но эти, противорѣчащія другъ другу изъясненія остаются ни при чемъ, и Комиссія освѣдомляется, что Академія Проекта принимается даже за педагогическую дѣятельность. Академія принимаетъ на себя готовить отличнѣйшихъ Университетскихъ Кандидатовъ, по различнымъ частямъ Университетскаго образованія, къ ихъ будущему Профессорскому званію въ Университетѣ (стр. 132; Объяснит. зап. стр. 13, 14; §§ 128, 129 Проекта Академіи и § 25, 26 Проекта Устава Музеевъ). Хотя за эту дѣятельность Академія Наукъ рѣшается взяться, какъ за случай, который будетъ давать ей возможность показывать, что она трудится въ пользу Россіи, однако на этомъ предметѣ Комиссія считаетъ долгомъ остановиться, по тому что въ будущемъ могутъ произойти отъ него самыя важныя и печальныя послѣдствія.

Едва ли слѣдуетъ напоминать, что Академія намѣрена въ отношеніи къ Русскимъ Университетамъ играть ту почтенную роль, какой лишился Дерптскій Университетъ, чрезъ который прежде обязывались проходить лучшіе молодые люди нашихъ Университетовъ, чтобы имѣть право слушать лекціи въ заграничныхъ Университетахъ. Едва ли хорошо, что составители Проекта поспѣшили бросить косвеннымъ образомъ невыгодную тѣнь на Университеты и на Университетскихъ Профессоровъ, будто бы они неспособны достаточно подготовить молодыхъ людей для успѣшнаго слушанія чтеній въ Европѣ. Гдѣ факты, на основаніи которыхъ можно бы позволить себѣ подобныя, хотя бы то и не рѣшительныя, указанія, или намеки? Университетскіе Кандидаты до отправленія своего за границу знакомятся тщательно подъ руководствомъ Профессоровъ, посредствомъ изученія авторовъ и занятій практическихъ, со всѣмъ, что есть лучшаго въ Европѣ по избранной ими наукѣ, и отправляются въ Европу приобрѣсть то, что дается единственно бѣльшимъ разнообразіемъ средствъ и способовъ обработки науки специалистами различныхъ странъ, при чемъ много значить непосредственное сравненіе своего съ чужимъ.

Едва ли также справедливо предоставлять Академикамъ нераздѣльное съ этою мѣрою право суда надъ дѣятельностію Университетскихъ Профессоровъ, тѣмъ болѣе, что эта дѣятельность публичная, ежеминутно контролируемая студентами, обществомъ и Правительствомъ, тогда какъ о дѣятельности Академика, которая, по сущности и по признанію составителей Проекта (Объяснит. запис. стр. 6) есть кабинетная, зачастую вѣдаетъ одинъ Богъ да личная совѣсть дѣятеля. Едва ли, наконецъ, слѣдуетъ въ виду неяснаго разчета отмѣнять статью Высочайше утвержденнаго Устава Императорскихъ Университетовъ, въ силу которой отличнѣйшіе Университетскіе Кандидаты оставляются, по окончаніи курса, при Университетѣ на два года, подъ руководствомъ Профессоровъ и надзоромъ Факультетовъ, чтобы въ эти два года изучать не отдѣльную Академическую спеціальность, которую сами составители Проекта называютъ мелочною и не важною (стр. 9, 10), основательно, впрочемъ, сосредоточивая именно на ней усилія Академика, но изучать цѣлую науку, въ ея современномъ развитіи, въ ея общихъ принципахъ и въ спеціальномъ примѣненіи.

Странно наблюдать, какъ легко составители Проекта относятся къ вопросамъ величайшей важности. То они отказываются отъ преслѣдованія педагогическихъ цѣлей, изъясняя, что къ этому неспособны специалисты (Объясн. зап. стр. 13), то рѣшаются взяться за это занятіе, предполагая, что они къ этому способны. Академія, устраняя званіе Адъюнктовъ, отказывается отъ приготовленія молодыхъ ученыхъ для пополненія своего личнаго состава, и въ то же время считаетъ себя способной готовить молодыхъ ученыхъ для дѣятельности на Университетской кафедрѣ. Специалисты сознаются, что они не могутъ и что не ихъ дѣло готовить такихъ, какъ они сами, специалистовъ, и думаютъ, что они могутъ и что имъ кстати готовить Университетскихъ Профессоровъ, которыхъ образованіе, призваніе и занятія совершенно другія! Комиссія только повторяетъ справедливое сознаніе составителей Проекта, что Академикъ посвящаетъ свои силы на изслѣдованія очень часто мелочныя, неважныя (Объясн. запис. стр. 9, 10); что именно въ успѣхахъ по этой узкой спеціальности заключается его достоинство; что для этой цѣли онъ теряетъ изъ виду, какъ подтверждаютъ опыты даже съ Европейскими специалистами, цѣлостный ходъ науки и ея органическое развитіе; что, остановившись на одномъ, изолированномъ, явленіи, онъ не можетъ слѣдить, какой удѣльный вѣсъ имѣетъ изучаемое имъ явленіе въ цѣлой системѣ (Объясн. зап. стр. 10). Это ли та среда, въ которой можетъ образоваться будущій Университетскій Профессоръ, призванный къ тому, чтобы спеціальное обобщить и общее спеціализировать, двигаться съ педагогическою легкостію по всѣмъ нитямъ науки, давать всему частному законное значеніе въ цѣломъ, владѣть обширнымъ комбинаторскимъ талантомъ, богатствомъ аналогій, совершенно не Академическою способностію быстро смѣнять одинъ методъ другимъ, педагогическій научнымъ, научный наблюдательнымъ и, что особенно, разрабатывать всякую спеціальную науку на твердомъ базисѣ общаго образованія?

Итакъ въ предложеніи услугъ, со стороны Академіи, Университетамъ Комиссія видитъ притязаніе, противорѣчащее и сущности дѣла, и сознанію составителей Проекта, и Высочайше утвержденному Уставу Императорскихъ Университетовъ. Взгляните,

съ другой стороны, на статьи Проекта, которыми обозначается положеніе лучшихъ Университетскихъ Кандидатовъ въ Академіи Наукъ (§ 128 Проекта Академіи). «Директорамъ Библіотеки и Лабораторій предоставляется опредѣлять къ этимъ учреждениямъ, для ученыхъ занятій въ нихъ, молодыхъ ученыхъ, которые назначаются, сообразно ихъ способностямъ и познаніямъ, въ помощь Библіотекарямъ и Лаборантамъ и, считаясь причисленными къ Академіи, исполняютъ спеціальныя порученія подъ руководствомъ Директоровъ. Отъ Директоровъ же зависитъ увольненіе сихъ лицъ отъ означенныхъ учреждений, когда дальѣйшее пребываніе ихъ не будетъ оказываться нужнымъ. О занятіяхъ сихъ молодыхъ людей Директоры обязаны ежегодно доносить Отдѣленію, или Общему Собранію.» § 129: «Если молодые ученые останутся при учрежденіяхъ Академіи болѣе одного года, то, по истеченіи сего срока, Директоры имѣютъ право представлять Отдѣленію, или Общему Собранію, о принятіи сихъ лицъ въ Государственную службу, на общихъ основаніяхъ и со старшинствомъ со дня начала ихъ занятій при Библіотекѣ и Лабораторіи. Въ такомъ случаѣ они пользуются правами: 1) на производство въ первый чинъ, или по праву, пріобрѣтенному предварительнымъ воспитаніемъ, или же, если право на чинъ не пріобрѣтено воспитаніемъ, наравнѣ съ окончившими курсъ въ Гимназіяхъ, безъ права на чинъ и сообразно происхожденію; 2) на производство въ слѣдующіе чины, на основаніи Свода Законовъ 1857 г. т. III, ст. 802); 3) на зачетъ службы въ пенсіонный срокъ, и 4) на ношеніе мундира X разряда. То же въ § 25 Проекта Музеевъ: «Директорамъ предоставляется опредѣлять къ Музеямъ, для ученыхъ занятій въ нихъ, молодыхъ людей, изъ числа окончившихъ курсъ въ Россійскихъ Университетахъ, или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.» Положеніе этихъ молодыхъ ученыхъ опредѣляется также, какъ и прежде. Такимъ образомъ дѣло идетъ вовсе не о подготовкѣ будущихъ Профессоровъ Университета. Составители Проекта знаютъ, что этого Академія не можетъ. Дѣло идетъ о пріобрѣтеніи одного безмѣрнаго права. Опредѣляютъ Университетскихъ Кандидатовъ, которые для чего ни будь отождествлены вообще съ молодыми учеными, Директоры Лабораторій, Музеевъ и Библіотеки по своему усмотрѣнію. Молодые ученые играютъ роль помощниковъ Би-

бліотекарей, Лаборантовъ и Хранителей Музеевъ. Они служатъ по частнымъ порученіямъ. За эту частную и безмездную службу молодыхъ ученыхъ личности Академика, пріобрѣтаетъ Академикъ, какъ замѣчено Коммиссіей, право суда надъ дѣятельностію Профессоровъ Университета, и за способности молодого ученаго услужить ему лично, Директоръ можетъ исходатайствовать ему надлежащій чинъ, чинъ, повторяетъ Коммиссія, за личныя услуги. Вездѣ оди притязанія, о которыхъ заявляетъ Коммиссія съ крайнимъ сожалѣніемъ. Притязаніе, лицо, избранное для частныхъ услугъ, облакать, по умотрѣнію, правамъ службы, мотивировано примѣромъ Пулковской Обсерваторіи Но крайне не желательно, чтобы примѣръ этотъ обобщался: онъ убиваетъ законность, онъ несетъ зародыши деморализаціи учрежденія, которое допускаетъ его; онъ обращаетъ лица, которыхъ и въ самомъ дѣлѣ понадобилось бы прикомандировать къ Академіи, въ виду какого ни будь уважительнаго, ея же собственнаго, интереса по найму, въ иѣмыя и послушныя орудія воли Академиковъ.

Коммиссія испытываетъ моральную тяжесть, докладывая Совѣту продолжительное время о двусмысленныхъ и всегда крайнихъ стремленіяхъ составителей Проекта — дать Академіи Наукъ положеніе, которое несообразно ни съ ея значеніемъ и назначеніемъ, ни съ ея мѣстомъ въ ряду ученыхъ и учебныхъ учреждений Россіи. Ничего они не почерпаютъ изъ внутренней жизни самой Академіи: то предносится имъ идеальное, удивившее Европу, устройство Пулковской Обсерваторіи, то новые оклады и Штаты Университетскіе, которые, какъ они думаютъ, должны быть нормою наименьшаго, чего можно пожелать для Академіи Наукъ, идетъ ли дѣло объ окладахъ для Академиковъ, или объ опредѣленіи количества суммы на Библіотеку, или о чинахъ, которые должны быть присвоены Академикамъ. Ни въ чемъ не должно быть уступлено противъ Университетовъ, но во всемъ должны быть сдѣланы еще для Академіи прибавки къ льготамъ и правамъ Университетовъ. Это сближеніе съ Университетами Коммиссія отвергаетъ, какъ одинъ изъ тѣхъ неосновательныхъ взглядовъ, которыми переполненъ Проектъ и которые необходимо приведутъ къ невѣрному пониманію значенія Университетовъ и дѣятельности ихъ Профессоровъ.

1. Нельзя серьезно говорить о службѣ Академиковъ, какъ это дѣлаетъ Проектъ. Во всей остальной Европѣ говорятъ объ Академической дѣятельности, о занятіяхъ Академиковъ, о трудахъ Академиковъ, но не о службѣ. Каждая служба организована extensive и protensive числомъ, мѣстомъ и временемъ занятій, такъ что малѣйшее опущеніе по ней контролируется зоркою и ревнзною Властію. Но Академики сами извѣстны, что ихъ дѣятельность свободная, кабинетная, то есть, такая, которую контролируетъ развѣ личная совѣсть Академика. Странно, въ самомъ дѣлѣ, было бы жѣлать ученаго дѣлать новыя открытія въ наукѣ и выискивать за опущеніе по этой части, какъ за нерадѣніе по службѣ. Итакъ службы тутъ не имѣется: за что же Академикъ будетъ получать окладъ мінімумъ въ 3,300 рублей?

2. Профессоръ Университета за ученую дѣятельность свою не получаетъ ни копѣйки отъ Правительства: жалованье получаетъ онъ за Профессорскую дѣятельность, которая даже стѣсняетъ его дѣятельность ученую; Профессоръ, который имѣлъ бы ту степень любви къ специально-ограниченнымъ занятіямъ, какая предполагается въ Академикѣ, и который имѣлъ бы средства къ жизни, охотно оставилъ бы Профессорскую дѣятельность, съ ея жалованьемъ, чтобы предаться дѣятельности Академической. Примѣры этого рода были и есть.

3. Оклады и Штаты Университетовъ и Гимназій возвышены не изъ одной идеальной щедрости Правительства къ наукѣ, а по самому основательному разсчету. Государству нужны ученые юристы, медики, математики и вообще люди съ общимъ Университетскимъ образованіемъ, безъ которыхъ, дѣйствительно, не мыслимы слава, сила и благосостояніе Россіи. Государству нужно, чтобы будущіе члены правящаго сословія получили научное образованіе. Это потребность вопіющая, какъ потребность, на примѣръ, въ арміяхъ и деньгахъ. Между тѣмъ каедры Университетскія были пусты. Въ Гимназіи и Университеты не было возможности привлечь надлежащихъ дѣятелей, даже и теперь каедры замѣщаются очень туго. Было ли что ни будь подобное съ Академіей Наукъ? Составители Проекта умалчиваютъ объ этомъ. На Академическія кресла всегда были охотники.

4. Профессоры Университета получаютъ званіе **Ординарныхъ Профессоровъ**, окладъ, присвоенный этому званію, особенно же чинъ **Статскаго Совѣтника**, послѣ долгихъ лѣтъ службы и съ постепеннымъ полученіемъ ученыхъ степеней, при чемъ публичность службы и баллотировка могутъ или очень надолго остановить его на низшихъ ступеняхъ, или даже пресѣчь самую возможность дальнѣйшаго движенія. Академики Проекта не знаютъ этихъ невзгодъ. Адъюнкты и Экстра-Ординарные Академики отмѣняются. Академикъ съ абсолютнаго начала имѣетъ окладъ минимумъ 3,300 р. и IV классъ. Ему предстоитъ двадцать пять лѣтъ двигаться вверхъ, начавши такъ высоко, безъ конкуренціи, безъ баллотировки, которая въ Университетѣ угрожаетъ уничтожить Профессора при каждомъ движеніи впередъ. Онъ имѣетъ право на пенсіонъ изъ другаго Вѣдомства; ему, по Проекту, причитается въ пенсіонъ прибавочное жалованье, за побочныя службы въ Академіи; наконецъ Проектъ основательно говоритъ о пенсіонахъ за отличіе. Итакъ предвидится перспектива четырехъ пенсіонныхъ окладовъ, не говоря о другихъ привилегіяхъ, которыхъ Комиссія не перечисляетъ, да при этомъ на концѣ службы предвидится положеніе по рангу, равняющее Академика съ первенствующими сановниками Имперіи. Въ правахъ проектируемой Академіи нѣтъ и тѣни равенства съ Университетами, хотя самое равенство было бы несправедливостію для Университетовъ. Предвидится учрежденіе, которое еще болѣе удивитъ Европу, нежели сколько удивила ее Пулковская Обсерваторія. Но что скажетъ общественное мнѣніе страны объ Академической дѣятельности, которая, для своего возбужденія, нуждается въ такихъ безмѣрныхъ привлеченіяхъ? Составители Проекта увѣрены, что присвоеніе Академику чина IV класса и большаго оклада требуется достоинствомъ Академіи. Но когда знаменитый Эйлеръ, при вторичномъ поступленіи въ Академію Наукъ, просилъ для себя чина, Екатерина отвѣчала: «Я бы дала ему, когда онъ хочетъ, чинъ, если бы не опасалась, что этотъ чинъ сравниваетъ его со множествомъ людей, которые не стоятъ Эйлера. По истинѣ, его извѣстность лучше чина, для оказанія ему должнаго уваженія.» Когда нынѣшній Императоръ Французовъ предположилъ было увеличить жалованье Академикамъ, общественное мнѣніе воспротивилось, ссылаясь на то, что увеличеніе жалованья противно

достоинству и чести Академическаго званія и сдѣлать изъ Академіи служебное мѣсто. Наша Академія Наукъ не подражаетъ своимъ Европейскимъ сестрамъ ни языкомъ, ни правами, ни понятїями о достоинствѣ.

5. «Можетъ возникнуть сомнѣніе, говорится на стр. 128, — 129 (Объясн. зап.), по тому поводу, что въ другихъ Европейскихъ Академіяхъ вознагражденіе Членовъ ниже (слѣдуетъ сказать несравненно ниже) предполагаемаго у насъ. Кромѣ относительной дороговизны жизненныхъ потребностей въ Россіи, и въ особенности въ столицѣ, есть другая причина, которая рѣзко характеризуетъ различіе двухъ положеній въ ущербъ нашему, и тѣмъ самымъ исключаетъ возможность правильного сравненія. Въ образованныхъ странахъ, каковы, на примѣръ, Германія, Англія, Франція, относительное число ученыхъ значительно больше, чѣмъ у насъ. Въ такихъ странахъ, какова, на примѣръ, Франція, гдѣ число ученыхъ весьма значительно, нѣтъ затрудненія въ пополненіи Академіи новыми Членами, и если при этомъ бываетъ какая либо трудность, то лишь въ выборѣ достойнѣйшаго изъ многихъ представителей науки». Противъ этого аргумента Коммиссія считаетъ долгомъ замѣтить, что въ той же обильной учеными Франціи, гдѣ оклады Академиковъ ничтожны, оклады Профессоровъ, напротивъ, очень высоки, и что, слѣдовательно, обильное накопленіе ученыхъ не изъясняетъ, по чему въ этой странѣ Академики получаютъ ничтожное жалованье, а Профессоры огромное. Какъ уже было сказано, и у насъ не было недостатка, по общественному мнѣнію, въ людяхъ для замѣщенія Академическаго кресла, какъ не было недостатка въ замѣчательныхъ Русскихъ дѣятеляхъ, безвозмездно трудившихся; на прим., въ Географическомъ, Историческомъ и другихъ Обществахъ. Между тѣмъ легко предвидѣть, что высокіе оклады и чины, предоставляемые Академикамъ, могутъ устранить многое зло, на которое здѣсь жалуются составители Проекта, не иначе, какъ привлекая въ стѣны Академіи заграничныхъ ученыхъ.

6. «На сколько нужны у насъ Университеты, на столько же необходима и Академія Наукъ,» говорятъ составители Проекта на стр. 126 той же Объясн. зап., и повторяютъ это въ другихъ мѣстахъ. Но на сколько нужны у насъ Университеты? Нужны на

столько, на сколько внимательно къ нимъ Русское общество, на сколько Россія считаетъ нужнымъ, то есть, полезнымъ, посылать въ Университеты своихъ дѣтей для образованія. Въ тотъ моментъ, когда Россія сочтетъ полезнымъ не посылать своихъ дѣтей въ Университеты, и ограничивать ихъ образованіе, на приѣздъ, реальнымъ обученіемъ, Университеты будутъ не нужны, они исчезнутъ и ни какіе оклады, ни какіе чины не поддержать ихъ существованія. Можно ли сказать что ни будь подобное объ Академіи Наукъ? Ея существованіе можно поддержать искусственно окладами и чинами на вѣки, хотя бы она никому не была нужна: объ Академіи Наукъ можетъ забыть вся Россія, и это не помѣшаетъ ея существованію.

Коммиссія съ сожалѣніемъ заявляетъ, что она имѣла дѣло съ сочиненіемъ, которому недостаетъ многихъ условій обработаннаго труда. Такое легкое отношеніе къ дѣлу, столько разногласныхъ объясненій, съ одной стороны опасеніе за существованіе, съ другой желаніе несоразмѣрныхъ правъ и привилегій, полная нерасположенность всмотрѣться въ дѣйствительное состояніе Академіи и ея отношеніе и значеніе въ Россіи и слѣдовать добрымъ примѣрамъ Академій Европейскихъ, сопоставленіе Членовъ Академіи то съ Профессорами Университетовъ, то съ Чиновниками Министерскихъ Департаментовъ, тщательное усиленіе всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, полупенсіонамъ, пенсіонамъ двойнымъ, тройнымъ и четвернымъ, при чемъ положеніе Университетовъ составляетъ только мнимый исходный пунктъ, а дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ служитъ представленіе совершенно другаго рода учрежденія, далѣе увѣреніе, что для Академика нѣтъ досуга (стр. 126), и при томъ возложеніе на Академика самыхъ несовмѣстныхъ съ его призваніемъ должностей, каковы должности Директора Библіотеки и Типографіи, предоставленіе блестящаго матеріальнаго обезпеченія, чтобы Академикъ могъ сосредоточиться на своей кабинетной дѣятельности, и въ то же время дозволеніе Академикамъ (§ 56) занимать и другія должности, сколько кто пожелаетъ: это ли Проектъ учрежденія, въ которомъ долженъ всѣмъ владѣть, все покорять себѣ истинный и чистый духъ науки, въ которомъ безкорыстная преданность знанію должна покрывать собою всѣ

остальные стремления и поражать взоръ наблюдателя своимъ тихимъ величіемъ? Комиссія несогласна съ самыми принципами Проекта тѣмъ болѣе, что эти принципы несогласны сами съ собою. Этотъ обзоръ она считаетъ долгомъ заключить изложеніемъ своего мнѣнія о томъ, чѣмъ должна бы быть Академія Наукъ въ наше время?

Академія не есть первенствующее ученое сословіе, какъ того желаетъ § 1-й. Она не есть сословіе, а учрежденіе; титулъ же первенствующаго не приписываетъ себѣ ни одна Академія въ Европѣ по простой причинѣ, именно по тому, что онъ не имѣетъ смысла.

Надъ кѣмъ въ самомъ дѣлѣ это учрежденіе попыталось бы первенствовать? Если подъ первенствующимъ разумѣть начальствующее, то это будетъ странно, или и болѣе того. Съ точки зрѣнія Проекта Академію Наукъ слѣдуетъ назвать ученое учрежденіе въ Россійской Имперіи. Моральное же первенство не заносить законодателя въ статьи Устава: оно пріобрѣтается личнымъ достоинствомъ дѣятелей, и Академіи предлежитъ стяжать такое первенство среди силъ, которыя вступаютъ съ нею въ конкуренцію. Эти силы суть различныя Общества, которыя составляются и дѣйствуютъ съ цѣлію разработывать специально и усовершенствовать извѣстныя отрасли человѣческихъ познаній.

Составители Проекта не сознаютъ ясно, что такое Академія Наукъ, когда усиливается помѣстить ее на вершинѣ того ряда, въ которомъ лежатъ училища, Гимназіи и Университеты. Вѣроятно ли, чтобы учрежденія, въ которыхъ ученые люди несутъ строго опредѣленныя тяжелыя обязанности съ неизбѣжною отвѣтственностію за каждый шагъ и за каждый часъ, могли имѣть на вершинѣ учрежденіе, гдѣ существенное занятіе ученаго есть дѣятельность кабинетная, свободная, совершенно неспособная къ Правительственному контролю? Такой порядокъ деморализовалъ бы всѣ учебныя учрежденія въ Имперіи. Свое подлинное мѣсто Академія Наукъ имѣетъ въ средѣ различныхъ Ученыхъ Обществъ, отъ которыхъ она ни чѣмъ инымъ не отличается, кромѣ окладовъ и чиновъ, присвоенныхъ ея членамъ. Съ этими же Обществами она должна считаться постоянно. Проектъ замѣчаетъ, что раз-

личныя отрасли спеціальныхъ изслѣдованій и занятій уже отошли отъ Академіи Наукъ, въ слѣдствіе того обстоятельства, что разныя Правительственныя Вѣдомства сочли полезнымъ учредить въ своемъ кругѣ Ученыя Общества (стр. 5). Такъ Корпусъ Горныхъ Инженеровъ, богатый спеціалистами и средствами, отваявъ у Академіи Наукъ обширнѣйшую область Минералогическаго и Геологическаго изслѣдованія Россіи. Такъ Русское Географическое Общество, достигшее Европейской извѣстности, привносятъ Россіи такія услуги, которыя дѣлаютъ его имя болѣе популярнымъ, нежели имя Академіи Наукъ, которая если и знакомитъ съ Россіей, то не Русскихъ. Такъ молодое Общество Акклиматизаціи въ Москвѣ блестящимъ образомъ заявило свою дѣятельность основаніемъ перваго въ Россіи Зоологическаго сада. Императорское Общество Испытателей Природы при Московскомъ Университетѣ, Императорское же Общество Исторіи и Древностей при томъ же (Московскомъ) Университетѣ, если взять въ расчетъ очевидную бѣдность ихъ средствъ, сдѣлали для науки очень много, въ моральномъ же значеніи они сдѣлали безспорно и несомнѣнно гораздо болѣе, нежели соответствующія имъ Отдѣленія Академіи Наукъ, которыя опирались на административное значеніе и па могущественную силу капитала, даруемаго Правительствомъ. Изъ этого обзора, который далеко не обнимаетъ всей сѣти Обществъ, мало по малу упраздняющихъ спеціальности Академическихъ занятій, Комиссія извлекаетъ слѣдующіе выводы:

1. Учрежденіе спеціальныхъ Ученыхъ Обществъ при разныхъ Правительственныхъ Вѣдомствахъ показываетъ, что Академія Наукъ не достигала своей цѣли.

2. Академія, *volens-nolens*, неотразимою силою общественнаго образованія перемѣщается въ констелляцію помеченованныхъ и другихъ Обществъ.

3. Между ними она должна стремиться стать, какъ звѣзда между звѣздами и, если можетъ, свѣтитъ звѣздой первой величины.

4. Но пока она будетъ затмѣвать другія большія и малыя звѣзды, какъ луна, заимствованнымъ отъ солища свѣтомъ, лотѣхъ поръ благодарность будетъ воздаваема солнцу, а не ей са-

мой, куда и возносилъ эту благодарность добросовѣстный Эвальдъ, о чемъ докладывала Коммиссія и на что сослался самый Проектъ.

5. Коммиссія вполне сочувствуетъ всѣмъ стремленіямъ Академіи усилить свои научныя средства, какъ бы она сочувствовала усиленію научной дѣятельности всякаго Ученаго Общества. Коммиссія находитъ, что, какъ Ученое Общество, Академія Наукъ, безъ сомнѣнія, будетъ ползна Университету. Но сумма 126,000 рублей серебромъ, которая предполагается на оклады членамъ Академіи Наукъ, была бы употреблена гораздо производительнѣе, если бы изъ нея различныя Ученыя Общества получали пособія на изданія трудовъ своихъ, чѣмъ теперь, когда она идетъ на жалованье лицамъ, которыхъ дѣятельность ни какъ не есть служба.

6. Академія Наукъ получала бы превосходнѣйшія поддержки отъ Правительства и специализировала бы для лучшаго успѣха свои занятія гораздо болѣе. «Окрѣпшая на ученомъ поприщѣ самостоятельность, дарованія несомнѣнныя, испытанныя» (стр. 145)—такихъ членовъ требуетъ Проектъ для Академіи Наукъ. Но такіе члены или не нуждаются въ жалованьи, или нуждаются въ небольшой матеріальной поддержкѣ. Если бы титулъ Академика означалъ именно окрѣпшую на ученомъ поприщѣ самостоятельность, дарованія несомнѣнныя и испытанныя, то титулъ Академика получилъ бы то высокое значеніе во мнѣніи общества, какого желать ему считаетъ долгомъ Коммиссія.

ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

НА ПРОЕКТЪ УСТАВА И ШТАТОВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ОДНОГО ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ КОММИССИИ.

Къ ѣтъмъ замѣчаніямъ Коммисіи, касающимся самыхъ, такъ сказать, выпуклыхъ сторонъ «Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ,» можно присоединить еще много на отдѣльныя части ихъ, правда, не столь выдающіяся, тѣмъ не менѣе важныя по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя неизбѣжны, если предлагаемое составителями войдетъ, безъ разумнаго обсужденія и измѣненія, въ самый уже Уставъ. Выскажемъ же свое мнѣніе о тѣхъ §§, которые особенно показались намъ такими.

Въ § 13-мъ сказано, что «книги и журналы, получаемыя Академіею, или къмъ либо изъ Дѣйствительныхъ ея Членовъ изъ за границы, не подлежатъ разсмотрѣнію Цензуры.» Вполнѣ сочувствуя этому, нельзя, однако, не замѣтить, что это было бы такое преимущество, котораго не имѣетъ ни какое учрежденіе въ Царствѣ Русскомъ, не исключая даже самаго Правительствующаго Сената и Государственнаго Совѣта, равно какъ и Университетовъ. Дѣйствительно, послѣднимъ предоставилъ это право Общій Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ 18-го Іюня, 1863 года (§ 130), но вскорѣ за тѣмъ оно было отиѣнено, по случаю заявленія желанія названныхъ выше двухъ верховныхъ нашихъ правительственныхъ учрежденій распространить и на нихъ это же самое право. А по тому упомянутый § непремѣнно слѣдуетъ выразить такъ: «книги и журналы не политическаго содержанія» и т. д.

§ 14-мъ предоставляется другое, не менѣе значительное, право Академіи Наукъ, «получать по одному экземпляру всѣхъ книгъ, картъ, гравюръ, и тому под., печатаемыхъ въ Русскомъ Государствѣ.» Казалось бы, достаточно требовать этого для такихъ Государственныхъ учрежденій, которыя дѣйствительно безъ того обойтись ни какъ не могутъ, каковы: Главное Управление Цензуры (или что другое въ этомъ родѣ), Императорская Публичная Библіотека и Публичная Московская; прочія же получаютъ на то особыя пособія отъ казны. Въ противномъ случаѣ надобно, чтобы и другіе Университеты пользовались этимъ преимуществомъ, а не одинъ Гельзингфорскій, въ которомъ Русскія книги лежатъ безъ всякаго употребленія, по неизмѣнну на нихъ охотниковъ, валяясь на полкахъ даже не разрѣзанными по цѣлымъ годамъ. Если бы же отъ нихъ была какая либо польза для этого Университета, то, конечно, давно бы, по крайней мѣрѣ, Русскій языкъ сколько ни есть утвердился въ ономъ. Между тѣмъ какъ Русскій языкъ и все Русское столько же въ немъ и самомъ Гельзингфорсѣ извѣстны, сколько въ Дерптѣ, во все не заботящемся уже ни о чемъ Русскомъ. Насильно милъ никому на станешь, да и никто чужой крыши не кроетъ прежде своей.

Хотя въ поясненіи къ § 29-му и сказано, что «Президентъ, по предоставленной ему власти, можетъ распорядиться, какъ знаетъ, касательно Академиковъ, небрегающихъ исполненіемъ своихъ должностей,» однако, въ соотвѣтствіе съ Уставомъ Университетскимъ, было бы, думается, гораздо ближе подчинить такихъ Академиковъ суду Общаго Собранія Академіи, которое, подобно Университетскимъ Совѣтамъ (§ 81), при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ отъ его имени замѣчаній, обязано представлять объ удаленіи ихъ отъ должностей, по приговору, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ закрытыхъ голосовъ.

Судя по множеству и важности обязанностей Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ, желательно, чтобы эта тяжесть не подавляла его до того, какъ опытъ показываетъ, что самый даровитый и добросовѣстный изъ нихъ, какъ скоро взвалитъ себѣ на плечи эту ношу, хоть бы и хотѣлъ, не можетъ уже заниматься своей Академической спеціальною. Для пред-

отвращенія этого, одно изъ двухъ: или чтобы выбирался на определенное время Секретарь, или же не изъ числа Академиковъ, хотя и изъ ученыхъ. Въ первомъ случаѣ дѣятельность Академика приостановилась бы только на нѣкоторое время, а въ послѣднемъ это неудобство и совсѣмъ бы было удалено. Въ самомъ дѣлѣ, по Проекту Устава, Непремѣнный Секретарь Академіи завѣдываетъ дѣлами по ученой части, участвуетъ, съ правомъ голоса, во всѣхъ засѣданіяхъ, распечатываетъ всѣ поступающія бумаги, пакеты и посылки, докладываетъ о предложеніяхъ, донесеніяхъ, выпискахъ изъ протоколовъ Хозяйственнаго Правленія и отношеніяхъ разныхъ мѣстъ и лицъ, вноситъ рукописи, книги и прочіе предметы, ведетъ протоколы засѣданіямъ, переписывается съ другими Академіями и Учеными Обществами, также съ членами Академіи, наблюдаетъ за изданіемъ сочиненій ея, составляетъ отчеты объ ученой дѣятельности и о соисканіяхъ на преміи, завѣдываетъ архивами и книжною кладовой, разсылкою изданій, снаряженіемъ командировокъ и экспедицій, сообщеніемъ въ Петербургскія Вѣдомости свѣдѣній о засѣданіяхъ въ Отдѣленіяхъ и Общемъ Собраніи, а равно и о важнѣйшихъ трудахъ отдѣльных членовъ Академіи, не говоря уже о Канцеляріи. Всѣ эти, столь разнообразныя и многочисленныя, обязанности могутъ ли не дѣйствовать на ослабленіе занятій Секретаря Академіи по той наукѣ, которой онъ представителемъ въ оной (§ 34 — 43)? Есть отъ чего поинкнутъ самому бодрому и стойкому духу и характеру, надорваться самой желѣзной природѣ!

Въ § 4 мъ исчисляются науки, входящія въ кругъ ученой дѣятельности Академіи, а въ §§ 46—49 говорится о раздѣленіи ея на Отдѣленія и приводится самое число Академиковъ по каждой наукѣ. Сдѣсь прежде всего неприятно поражаетъ то обстоятельство, что, при назначеніи наукъ, принято не въ надлежащей мѣрѣ развитіе различныхъ отраслей ихъ въ наше время, а просто нынѣшнее число представителей по этимъ наукамъ въ Академіи. Какъ же такъ 2-е Отдѣленіе ограничить только Русскимъ и другими Славянскими языками и Исторіей Русской Словесности съ 6 Академиками? По чему сюда не вошла: Славянская Исторія и Древности, Исторія Славянскихъ Литературъ и Исторія Славянскихъ Законодательствъ, столько важныя не для однихъ насъ

и нашей Исторіи Государственной и общественной? Если необходимы кресла для Финскихъ, Сибирскихъ, Кавказскихъ и многихъ Азіятскихъ языковъ и письменностей, гдѣ по многимъ приходится намъ въ лѣсъ дрова носить, или же заниматься изслѣдованіями для удовлетворенія одной лишь любознательности, то подавно и по всему праву необходимы кресла въ Русской Академіи Наукъ для того, что ближе всего къ намъ на свѣтѣ, нужнѣе и сподручнѣе самаго нужнаго и сподручнаго. Къ разработкѣ этого призываетъ насъ и наше происхожденіе, и наше отношеніе, и наше сосѣдство, наконецъ значеніе наше въ ряду народовъ и Государствъ. Кто повѣритъ, чтобы одни только «экономическія соображенія и трудности найти достаточное число представителей Славяно-Русской Филологіи и Исторіи Словесности, которые были бы готовы всю свою дѣятельность посвятить Академіи», побуждали составителей Проекта Устава Академіи такъ распорядиться 2-мъ Отдѣленіемъ ея? Не испытали же они подобной трудности и экономическихъ препятствій, вводя въ область занятій Академіи такіе предметы, для которыхъ въ самомъ дѣлѣ приходится отыскивать ученаго, занимающагося ими, и днемъ съ огнемъ, хотя этѣ предметы въ важности вообще, пользѣ и необходимости ихъ для насъ, въ миллионъ разъ уступаютъ названнымъ нами. Да при томъ и слышать-то приходится въ первый разъ о такой скудости въ людяхъ по Славяно-Русской Филологіи, особливо Исторіи Словесности. Кто же то и другое воздѣлывалъ и воздѣлываетъ у насъ, какъ не Русскіе ученые? Кто изъ нихъ не захотѣлъ бы усѣсться на Академическихъ креслахъ, если бы только они были когда либо предложены, и посвятить свою дѣятельность Академіи за то матеріальное обезпеченіе и тѣ высокія почести и виды въ будущемъ, которыя соединяются съ званіемъ Академика по Проекту ея Устава и Штатовъ? Вѣдь, кромѣ трехтысячнаго слишкомъ содержанія, обращающагося подъ конецъ въ пенсію, можно, за отлѣчіе, надѣяться получить его еще до истеченія срока, раза два и три въ пенсію, не говоря уже о томъ, что всякому Академику вольно добывать и на сторонѣ еще жалованье, обращаемое тоже въ пенсію. Кромѣ того, самое взыскательное честолюбіе можетъ быть успокоено, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, саномъ Воеводскимъ (IV-мъ классомъ), бывши до того, пожалуй, какимъ ни будь Губернскимъ,

Коллежскимъ и даже просто Земскимъ. Да и дѣятельность-то Академика, какъ она выражена въ Проектѣ Устава (§ 52), не Богъ вѣсть какая тяжесть: два разсужденія для прочтенія въ за-сѣданіяхъ въ цѣлый годъ; но можно быть и освобожденнымъ отъ этого, стоитъ лишь заявить, что занять особенно обширнымъ трудомъ, до коего никому нѣтъ ни какого дѣла, узреть ли онъ когда свѣтъ Божій. Все предоставлено собственному усмотрѣнію, собственной самодѣятельности. И прекрасно! Только отъ чего же такъ уже отчаяваться въ томъ, что нельзя отыскать Славяно-Русскихъ ученыхъ, которые бы готовы были посвятить свою дѣятельность Академіи? Мы думаемъ, что не только отыщутся такія почтенныя личности гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько желаетъ ихъ Академія получить, но что онѣ готовы даже всецѣло отдаться ей за такую Генеральскую обстановку, не помышляя ни о какихъ постороннихъ служеніяхъ и выслугахъ. Что до экономическихъ соображеній, то довольно будетъ сказать, что ими проектирующіе Уставъ и Штаты не стѣсняются ни при какихъ другихъ предметахъ: странно, по тому, было бы въ высшей степени вдругъ заскопидомничать, когда дѣло зашло о введеніи въ Русскую Академію Русско-Славянскій стихівъ, которая одна, если только будетъ поставлена и обставлена какъ слѣдуетъ, въ состояніи не только прославить Академію, но и заставить забыть и простить недостатки по прочимъ ея отдѣламъ. Если 2-е Отдѣленіе въ до-сѣлѣшнемъ его чрезвычайно недостаточномъ устройствѣ, составѣ и безпомощности (Члены его трудятся, какъ говоритъ старинный Русскій пѣвецъ, ищучи себѣ чти, а Князю славы), работая, по мѣрѣ силъ своихъ, сдѣлало въ какіе ни будь 20 лѣтъ ни какъ не меньше каждаго изъ прочихъ двухъ Отдѣленій, то чего же можно бы ожидать отъ него, если бы оно было во всемъ уравнено съ прочими двумя Отдѣленіями? Уравненіе это, естественно, должно состоять не въ одномъ лишь признаніи и за нимъ одинаковыхъ правъ, матеріальной обстановки, но пуще всего въ расширеніи его занятій. По этому, сверхъ названныхъ уже выше нами предметовъ, долженствующихъ въ него войти неминучемо, если мы желаемъ, чтобы оно процвѣтало и приносило надлежащую пользу, слѣдуетъ включить въ число оныхъ языки и письменность Литовскую и Румунскую, по той ихъ важности, какую они составляютъ въ особенности для Славянскаго филолога

и историка. Мы должны и въ этой области опираться на самостоятельныя изслѣдованія, которыя, говоря искренно, никому такъ и не сподручны, какъ намъ, непосредственнымъ сосѣдямъ Литвы и Волоховъ, наиболѣе съ нами родственныхъ и, не смотря ни на что, въ массѣ продолжающихъ доселѣ передъ всѣми прочими именно намъ благопріятствовать. Разумѣется, это зависитъ и отъ того, что исторія сихъ двухъ племенъ большею частью перешелась съ нашею исторіей, чѣмъ съ исторіей другихъ. Нанослѣдокъ, языкъ одного изъ нихъ служить посредствующимъ звеномъ между Славянскимъ и его Азійскими родичами, а другой большой свѣтъ проливаетъ на судьбу Богослужбнаго языка Славянъ Православныхъ, безъ основательнаго знанія котораго невозможна Славянская Филологія. Это поважиѣ Сибирскихъ, Кавказскихъ и Чудскихъ нарѣчій, къ которымъ такъ внимательны составители Проекта. Не однимъ только Востокомъ должно заниматься такое учрежденіе, какъ Русская Академія Наукъ; не за одного его должна получать она похвалы и благодарность: изученіе ближайшаго къ намъ, нашего, несравненно важиѣ для насъ всѣхъ розысковъ по малозвѣстнымъ и вовсе неизвѣстнымъ народцамъ и ихъ языкамъ. Всякое знаніе должно начинаться съ себя и имѣть въ виду прежде всего себя и свое.

По такому составу 2-го Отдѣленія, безъ сомнѣнія, приличнѣе было бы ему и называться Отдѣленіемъ Славно-Русскимъ, или же изъ него и 3-го составить одно подъ общимъ названіемъ Историко-Филологическаго, точно такъ, какъ образовано 1-е Отдѣленіе изъ двухъ самыхъ соприкосновенныхъ между собою научныхъ вѣтвей, вопросы по коимъ требуютъ почти всегда совокупнаго обсужденія ихъ представителями той и другой. Если и теперь 2-е и 3-е Отдѣленія уже засѣдаютъ и разсматриваютъ вмѣстѣ весьма часто свои дѣла, то, казалось бы, предлагаемая мѣра легко можетъ осуществиться.

Но гдѣ же Сравнительное Языковѣдѣніе, гдѣ самый Санскритъ? Мы вовсе не видимъ ни того, ни другого въ описаніи предметовъ нашей Академіи Наукъ, хотя для послѣдняго, какъ извѣстно, она имѣетъ довольно давно ученаго въ лицѣ Г. Бетлинга. Странный недосмотръ!

Конечно, требованіе особыхъ разсужденій отъ занимающагося какимъ либо обширнымъ трудомъ, неумѣстно; но умѣстно, кажется, было бы § 52-й пополнить такъ: «Занимаясь обширнымъ трудомъ, Академикъ обязанъ время отъ времени сообщать изъ него въ ученыя изданія Академіи что признаеть подходящимъ.» Иначе, что же толку въ томъ, что онъ занятъ такимъ трудомъ, а о немъ рѣшительно ни слуху, ни духу не имѣется? Развѣ не было примѣровъ, что подобнымъ заявленіемъ все и ограничивалось? Развѣ мы не видали, какъ одинъ Академикъ до того погрузился было въ собраніе матеріаловъ, для будущихъ занятій, по своей кафедрѣ, что не замѣтилъ, какъ и старость къ нему подкралась: тутъ только онъ спохватился; запасу много, правда, понакопилось, да силъ-то не хватало; да къ тому же, намѣреваясь самъ потрудиться надъ собраннымъ, записывалъ особенной, ему одному извѣстной, азбучной системой, нарочно для того имъ придуманной. Отъ этого, когда умеръ онъ, то хотя по немъ остались, говорятъ, цѣлыя груды выписокъ и разнаго рода извлеченій, но ими никто не въ состояніи воспользоваться, такъ что пришлось своеобразнаго труженика помянуть чуть ли не одной старинкой, то есть, тѣмъ, что было написано и издано имъ въ первое время его дѣятельности.

Съ § 51-мъ не легко согласиться: «Такъ какъ каждый Академикъ обязанъ участвовать въ засѣданіяхъ Академіи, то онъ долженъ имѣть жительство въ С.-Петербургѣ.» Въ наше время желѣзныхъ дорогъ такое требованіе больше чѣмъ излишне. Иное дѣло Профессоръ, а иное дѣло Академикъ: первый нѣсколько разъ обязанъ являться въ недѣлю передъ своими слушателями, между тѣмъ какъ послѣдній всего лишь два раза въ годъ, по Уставу Академіи, долженъ что ни будь внести въ нее изъ своихъ изслѣдованій, а если занятъ обширнымъ трудомъ, какъ сказано выше, то можетъ быть уволенъ и отъ этого. Но намъ докладываютъ: «Незначительность числа представителей по каждой наукѣ въ Академіи достаточно оправдываетъ пользу такого постановленія» (стр. 49). То есть, можетъ случиться, что не кому будетъ слушать? Это еще не велика бѣда: изслѣдованія и сообщенія Академиковъ такого рода, что они занимательны только для небольшого числа людей, работающихъ на одномъ и томъ же поприщѣ съ ними; слѣдов., не за чѣмъ не сопричастныхъ тому угощать тѣмъ, что ихъ либо не

занимаетъ, либо мало имъ понятно. Достаточно, если и не многіе найдутся въ засѣданіи. Но и это затрудненіе можетъ быть устраниено допущеніемъ публки въ Академическія засѣданія, по примѣру многихъ Ученыхъ Обществъ. Присланное, стало быть, будетъ кому слушать, а пребывающій въ Петербургѣ товарищъ прочтетъ его; впрочемъ, очень легко то сдѣлать и самому сочинителю, когда сочтетъ то нужнымъ, при распространяющихся и у насъ, въ добрый часъ, чугункахъ. А между тѣмъ очень возможно, что ученый, живущій въ Москвѣ, Казани, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, и т. п., будетъ такое пріобрѣтеніе для Академіи, съ которымъ Петербургскому трудно состязаться. Существуютъ же Академики и теперь за рубежомъ Петербурга, хотя, правда, исключительно только Члены безсребренники; впрочемъ, есть примѣръ и противнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если Ординарнымъ Академикомъ можетъ быть Англичанинъ, проживающій постоянно въ Лондонѣ, то по чему же имъ не быть Русскому въ Университетскомъ городѣ Россіи, соединенномъ съ Петербургомъ паромъ? То Сиръ Мурчисонъ: такъ-съ! Но ужь если Сировъ-то подбирать, то по чему же и не Маркизовъ, Графовъ, Принцевъ и т. п.? Правда, тогда Академія наша, по крайней мѣрѣ, была бы Академіей геніевъ; но въ такомъ случаѣ за чѣмъ же привязывать ее къ извѣстному мѣсту? Стоитъ только выдавать деньги геніямъ, изъ коихъ едва ли и одинъ побрезгаетъ такой благостыней. Съ подобной Академіей ни какая въ свѣтѣ другая Академія не въ состояніи состязаться; тогда мечта Лейбница осуществилась бы, а намъ за то, за такую нашу безкорыстную любовь къ наукамъ, попеченіе о развитіи ихъ, чести-то, чести и воскурений сколько! Да оно, правду говоря, и обошлось бы чуть ли не дешевле того, что требуется теперь Проектомъ Устава и Штатовъ для Петербургской Академіи Наукъ.

По § 57-му «Академикъ можетъ, и не имѣя ученой степени, занимать каведру Профессора въ Университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.» Но если Уставъ требуетъ, чтобы занимающій кресла Академіи совершенствовалъ и обогащалъ науку новыми изслѣдованіями и открытіями, посвятилъ бы всю свою дѣятельность Академіи, то трудно согласить такія его обязанности съ дѣятельностью преподавателя, совершенно иного ро-

да. Не многимъ избраннымъ дается совмѣстить то и другое. Да и за чѣмъ Академику гоняться еще за срочными занятіями? Обеспеченіе — полное, тѣмъ болѣе, что рѣдкой изъ нихъ не получаютъ еще вознагражденія по завѣдыванію той или другой частью въ самой Академіи и ея учрежденіяхъ, и эта прибавка къ окладу 3300 р. сер. бываетъ иногда довольно значительна и тоже не рѣдко обращается въ пенсію. Но и того трудно согласить требованіе, чтобы каждый, кто только сталъ Академикомъ, могъ имѣть право быть Профессоромъ. Извѣстно, что Профессорство пріобрѣтается постепенно, послѣ полученія нѣсколькихъ ученыхъ степеней, при чемъ не обходятся безъ неудачъ. Какъ же согласить, чтобы одно титуло Академика замѣняло все это прохожденіе степеней; чтобы бывшій, по Проекту Устава, еще вчера только специалистомъ по какой либо наукѣ, на другой день, превратившись въ Академика съ рангомъ IV-го класса, получилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всѣ тѣ способности, которыя требуются отъ желающаго быть Профессоромъ? Кто повѣритъ тому? Иное дѣло заниматься какою либо отдѣльною частью науки, прославить себя ею и получить за то званіе Академика, а иное дѣло слѣдить науку во всемъ ея объемѣ, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и движеніи и въ такомъ видѣ передавать оную своимъ слушателямъ. Вѣдь были же примѣры, что поступали въ Академика лица, кончившія образованіе лишь въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а если и изъ высшихъ, то безъ высшихъ ученыхъ степеней; разумѣется, они и не оправдали тѣхъ ожиданій, которыя выставляли предлагавшіе ихъ, пророча въ нихъ геніевъ.

Въ объясненіи къ § 77-му сказано, что «ученыя учрежденія при Университетахъ (Библіотеки, Музеи и проч.) служатъ пособіемъ только для Профессоровъ и Студентовъ, тогда какъ назначеніе сооувѣтственныхъ учрежденій при Академіи Наукъ гораздо обширнѣе. Такъ Библіотека Академіи есть публичная, Музеи открыты ежедневно, для всѣхъ желающихъ заниматься въ нихъ, а въ извѣстные дни и для всей остальной публики.» Но, вѣдь, Академическая Библіотека не очень съ давняго времени стала доступной для постороннихъ, да и то съ 11 ч. утра до 3 по полудни, а въ Музеи публика допускается по понедѣльникамъ только; одинъ лишь Азіатскій Музей открытъ ежедневно, и то на 2

часа (10 — 12), кромѣ субботы, воскресенья и праздниковъ. Но не меньшей доступностью и публичностью отличаются Библіотеки и Музеи Университетскіе, т. е., они, по Уставу, служатъ пособіемъ преимущественно (вовсе не исключительно) для Профессоровъ и Студентовъ, на самомъ же дѣлѣ тоже, по давнишней практикѣ, освященной временемъ, доступны и постороннимъ.

§§ 103 — 106, разсуждающіе о механизмѣ избранія въ Академики, по нашему убѣжденію, слѣдуетъ во всемъ согласить съ 70 и 71 §§-ми Университетскаго Устава: прежде представленіи кандидата представителями той науки, или разряда наукъ, по которому открылась вакансія, должна быть оцѣнка ихъ, одобреніе Отдѣленіемъ, и за тѣмъ уже баллотированіе въ Общемъ Засѣданіи всѣхъ Отдѣленій; если никто изъ предложенныхъ не выбранъ, или если никто не имѣется въ виду, достойный занять оцроставшіяся кресла, то Академія объявляетъ конкурсъ. Конечно, можно обойтись и безъ переноса въ Общее Собраніе: это еще проще и разумнѣе, по тому что будутъ избирать люди сильные въ томъ предметѣ болѣе другихъ. Пристрастія же, или стачки, между 25 и болѣе Членами Отдѣленія нельзя ожидать слишкомъ отъявленнаго, въ пользу менѣе достойнаго. Избранный долженъ быть утверждаемъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, какъ утверждаютъ имъ Профессоры Университетовъ, передъ которыми Гг. Академики напрасно присвоаютъ себѣ какое-то преимущество. Съ Университетомъ, какъ самый опытъ показалъ уже и показываетъ ежедневно, а также и съ Учеными Обществами, возникающими при нихъ и внѣ ихъ, трудно, даже не возможно, тягаться Академіи, по той естественной причинѣ, что въ послѣднихъ учрежденіяхъ науки обрабатываются и большимъ числомъ ученыхъ знатоковъ ихъ, и, что не послѣдней важности, со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Развѣ Академики лишь двигаютъ науки? Перечислите сдѣланное ими для наукъ и то, что сдѣлали и дѣлаютъ Профессоры, Общества и прочіе смертные, не знающіе даже, что такое кресла. И это справедливо не только по отношенію къ заграничнымъ Академіямъ, но еще болѣе по отношенію къ нашей: ни кому не удастся увѣрить кого либо изъ Русскихъ въ той необыкновенной важности для Русскаго народа Петербургской Академіи Наукъ, какую выставляютъ нѣкоторые, особ-

ливо сама она, устами своего Непремѣннаго Секретаря, прочтавшаго, въ Засѣданіи 29 Декабря прошлаго года: «Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ,» на которое и составители Проекта не разъ ссылаются, какъ на нерушимую стѣну. Пользы для Россіи отъ Академіи Наукъ въ ея 140-лѣтнее существованіе едва ли больше, чѣмъ отъ любого нашего Университета, возникшаго въ настоящемъ столѣтіи. Хвалиться же тѣмъ, что нѣкоторыя личности были нѣкогда въ соприкосновеніи съ Академіей и поступили потомъ въ Университеты, столько же основательно, сколько основательно упрекать послѣднихъ въ несостоятельности Академіи по тому лишь, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ ихъ возсѣдаютъ на Академическихъ креслахъ. Кто бабушкѣ не внукъ! Есть, однако, люди, которые, указывая на заслуги Академіи Наукъ, ссылаются даже на Ломоносова, всю жизнь свою боровшагося съ ея превратнымъ и вреднымъ для безпредѣльно любимой нямъ Россіи направленіемъ. Изложивъ краткую исторію своихъ усилій направить ея на настоящій путь, онъ, въ заключеніе своего разсказа, въ высшей степени поучительнаго, съ горестію восклицаетъ: «Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Божѣ, во Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, которая, отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ Отечества, можетъ быть, рассмотреть и отворотить сіе несчастіе. Ежели жъ того не воспольдуется, то вѣрить должно, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи» (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865 г., книга 1-я, Отдѣлъ V: «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ,» стр. 109). И точно, это несчастіе неминуемо постигло бы ее, если бы въ самомъ дѣлѣ Петербургская Академія Наукъ была тѣмъ для насъ, въ чемъ она хочетъ увѣрить всѣхъ и cadaго, въ томъ числѣ и самую себя. Теперь же, какъ ни старайся возвысить себя она въ глазахъ нашихъ, что она и первенствующее ученое сословіе, и высшее судилище по многоразличнымъ спеціальнымъ вопросамъ, предлагаемымъ ей Правительствомъ, и собраніе истинно просвѣщенныхъ судей и авторитетовъ въ наукѣ, по которымъ судятъ о самой Россіи и отъ существованія которыхъ зависитъ честь, слава, даже государственное значеніе и бытіе нашего Отечества, никто ни на мгновеніе

не повѣрять такимъ превыспреннимъ самовосхваленіямъ, а развѣ только улыбнется. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ науки, входящія въ кругъ занятій Академіи, одна за другой, время отъ времени, отходятъ отъ нея, и отходятъ по той причинѣ, что совершенствованіе ихъ немыслимо однимъ, двумя, много тремя Академиками. Если бы это было возможно, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы всѣ науки передать для того въ Академію; стало быть, самая мысль о двиганіи наукъ Академиками впередъ больше чѣмъ странна: ихъ движуть всѣ избранные умы, въ томъ числѣ и Академики, если къ нимъ принадлежать, но не одни лишь избранные въ члены ея. Сообразите открытія и совершенствованія хоть въ тѣхъ наукахъ, которыя прикрѣплены, такъ сказать, къ Академіи, и вы увидите, что итогъ будетъ не въ пользу послѣдней даже въ нашемъ Отеествѣ. Такое страдательное отношеніе Академіи къ наукъ, безъ сомнѣнія, безпрестанно должно вызывать къ жизни Ученыя Общества, которыя далеко съ большимъ успѣхомъ разрабатываютъ даже науки Академическія, при всей незавидности обстановки своей. Но это-то и указываетъ на превосходство свободной дѣятельности и въ мірѣ ученомъ, какъ и во всякомъ другомъ, что насильственной прививкой того, или другаго, ничего нельзя достигнуть порядочнаго, какъ бы мы ни холили прививателей и прививаемое. Намъ указываютъ на Эйлера, Шлецера, Миллера, Френа, Шторха и тому под.; но странно было бы, если бъ въ такое долговременное существованіе Академіи въ Россіи, при такихъ изумительныхъ затратахъ нашего Правительства на нее, когда гонялся за знаменитостями по всей Европѣ, разсчитывая, что, при содѣйствіи ихъ, тотчасъ же просвѣтятся Русскіе Синоды и челястное мнѣніе о нихъ измѣнится на лучшее, странно, говорю, было бы, если бъ въ этомъ полку иноземныхъ мудрецовъ не нашлось даже одного Эйлера. Но сколько на Эйлера обыкновенныхъ смертныхъ: Шумахеровъ, Таубертовъ, Бильфингеровъ, Вейтбрехтовъ, Винсгеймовъ, Вильде, Зигесбековъ, Фусовъ, Крафтовъ, Лекселей, Гейнзіусовъ, Лейтмановъ, Шереровъ, Кирхгофовъ, Лаксмановъ, Фишеровъ, Тилезіусовъ, Лангсдорфовъ, Мейеровъ, Трескотовъ, Геллертовъ, Эпинусовъ, Цейгеровъ, Кельрейтеровъ, Штрубовъ, Штеляныхъ, Крузіусовъ, и множества подобныхъ имъ! Шлецеръ же, Миллеры, Шторхи и Френы, не Богъ

вѣсть какая еще геніальность: перваго можетъ величать геніемъ развѣ только его потомство; при томъ, сдѣланное имъ для Исторіи Русской, сдѣлано не въ Академіи. Миллеръ, правда, труженикъ, но подобными тружениками Россія прошлаго и нынѣшняго вѣка можетъ похвалиться вдоволь, сдѣлавшими не менѣе его, не бывши Академиками и опираясь единственно на самихъ себя. Что до Френа и Шторха, то противъ перваго цѣлыя сотни Оріенталистовъ выставить намъ Европа, а о послѣднемъ нечего и говорить въ сравненіи съ иностранными Статистиками. О нынѣшнихъ Академикахъ умолчимъ, какъ о современникахъ, хотя нельзя не замѣтить, что ни Эйлеровъ, ни Френовъ, ни даже Шлецеровъ и Миллеровъ, уже нѣтъ въ нашей Академіи, и нѣтъ отъ того, что науки, коихъ они были представителями, воздѣлываются не въ одной только Академіи. Да и тѣ, кои она по преимуществу себѣ присволяетъ, мало по малу ускользаютъ изъ подъ ея опеки, и дѣло статочное, что подъ конецъ и всѣ ускользнутъ. Такъ науки Естественныя и Технологія почти всѣ уже въ большемъ объемѣ и съ большимъ успѣхомъ разрабатываются въ спеціальныхъ для нихъ учрежденіяхъ и Ученыхъ Обществахъ. Такъ науки Математическія имѣютъ своихъ воздѣлывателей въ Университетахъ, ни чѣмъ не уступающихъ Академіи. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ Университетскихъ также и Академики и Профессоры, и замѣчательно, что то, что доставило имъ извѣстность, доставлено имъ больше Профессорскою ихъ дѣятельностію. То же самое слѣдуетъ замѣтить о наукахъ Историческихъ и Филологическихъ, равно какъ о Восточныхъ языкахъ и языкѣ Русскомъ. Все это не нуждается уже теперь ни въ какихъ попеченіяхъ Гг. Академиковъ. Правда, наука — нѣжное растеніе; за нимъ нуженъ уходъ, если желаемъ, чтобы оно пришло въ какой странѣ; но ухаживаетъ за нимъ пусть садовникъ, завѣдывающій всей теплицей. Совершенно справедливо, что мы долгое время усвоивали себѣ готовые плоды, добытые трудами другихъ народовъ; но не меньше справедливо и то, что въ этомъ усвоеніи столько же виновата Петербургская Академія Наукъ, сколько и всякая другая Академія, на примѣръ, учрежденная Мадагаскарской Королевой, или на островахъ Тихаго Океана. Ни пользы отъ нея, ни нужды въ ней рѣшительно нѣтъ для Островитянъ: пользы по тому, что члены ея не могутъ быть

полезны, воздѣлывая науку на языкѣ непонятномъ; а нужды по тому, что воздѣлываемое недоступно для понятій просвѣщаемыхъ. Чтобы соединить то и другое, надо начинать не сверху, а снизу. Никто не строитъ хижи съ крыши; Академія же — это дитя гражданственности, нѣкоторымъ образомъ роскошь ея, и при томъ тамъ, гдѣ просвѣщеніе развивалось своимъ естественнымъ путемъ. Гдѣ же его по Указу водворяли на равнѣ съ ремеслами и прочими рукодѣльями, тамъ рано, поздно, придется сознаться въ заблужденіи и, желая сколько нѣа есть сбавить съ ответственности своей, придется отставивать то, что и по собственному признанію, хотя позднему, было преждевременно, и связывать съ нимъ и политическое могущество и значеніе въ ряду образованныхъ народовъ. Какъ будто послѣднія блага зависятъ единственно отъ бытія, или небытія, Академіи! Какъ будто нѣтъ народовъ, стоящихъ во главѣ образованнаго міра, безъ Академіи! Что жъ, Англія не образованнѣе Россіи? А тамъ, вѣдь, не было и нѣтъ Академіи, да и не видятъ нужды обзаводиться ею. Наша Академія вовсе также не мѣрило нашего образованія, или необразованія. Первое по тому, что это почти исключительно выписной товаръ, которымъ можно только на время пустить пыль въ глаза, озадачить, но не увѣрить въ его туземности; а второе по тому, что, судя по сочиненіямъ Академикомъ, предпочтительно писаннымъ не по Русски, естественно заключить, что развитіе наше не сдѣлало ни какого шагу со времени сближенія нашего съ Европой. «Знать у нихъ и теперь еще нѣтъ ничего своего (скажетъ иностранецъ), если по старому выписываютъ ученыхъ, словно какую галантерею! Какая тамъ литература, если и свѣтила ихъ, Академики, не отваживаются писать по Русски!» Но такія и подобныя имъ заключенія были бы ложнымъ выводомъ изъ ложныхъ данныхъ, которыя, однако, сами мы подсовываемъ имъ. За чѣмъ же и себѣ и Европѣ показывать марево тѣмъ, что не было, не есть и никогда не будетъ ни мѣркой нашего образованія, ни необразованія, а развѣ только свѣдѣтельствомъ непониманія, въ чемъ заключается образованіе и какъ оно пріобрѣтается?

«Но Академія необходима для присужденія наградъ по сочиненіямъ и рѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ Правительствомъ?» Что до наградъ за сочиненія, то оцѣнка ихъ производится уже

въ журналахъ, а если нужно непременно имѣть мнѣніе знатока, то такого всегда можно найти въ подлежащемъ учрежденіи, и при томъ по выбору, между тѣмъ какъ даже по тѣмъ наукамъ, по коимъ существуютъ кафедръ въ Академіи, послѣдняя довольно часто обращается къ постороннимъ ученымъ, и разборы ихъ всегда почти обширнѣе и обстоятельнѣе разборовъ самыхъ Академикомъ, которые, по большой части, въ нѣсколько страничекъ. Высшаго же суда, а тѣмъ паче окончательнаго, никогда ни кому и въ голову не придетъ искать у Академіи, по тому что этого никто и нигдѣ за ней не признавалъ, да и Правительство не можетъ сообщать ей такого преимущества, такъ какъ власть его на дѣла подобнаго рода не простирается. Міръ ученый — міръ независимый ни отъ кого, кромѣ самаго себя, пользующійся полнымъ самоуправленіемъ, самъ себѣ и законодатель и судья, и Академіи въ немъ, какъ Университеты и другія высшія ученія учрежденія, подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ съ прочими заведеніями, и если имѣютъ какое преимущество, то лишь то, которое пріобрѣтается личными достоинствами каждаго, которыя опираются по тому на личномъ признаніи за ними, какъ равно и за всякимъ недѣлимымъ, отличившимся такимъ же образомъ. Что до безошибочности и безпристрастія приговоровъ Академіи, то мы насмотрѣлись довольно таки на своемъ вѣку и на примѣры противнаго. И концы концовъ: можно ли признать право верховнаго судилища за Академіей, когда въ ней нѣтъ представителей по большей части наукъ, да и не можетъ никогда быть, каковы: науки Военныя, Юридическія, Богословскія, Медицинскія, и т. п.? На какомъ же достаточномъ основаніи давать такое право ей только по частицѣ вѣдѣнія человѣческаго, изъ котораго то и дѣло отходятъ то та, то другая въ другія учрежденія, гдѣ имъ гораздо привольнѣе? Ограничивъ такимъ тѣснымъ предѣломъ кругъ вѣдомства Академіи, значить ли расширять границы знаній нашихъ, двигать науку впередъ? Изъ за такого узкаго круга наукъ законно ли признать за Академіей достоинство первенствующаго ученаго сословія, Архонта, разрешителя всѣхъ недоумѣній, споровъ, разномысліи и т. п. въ мірѣ не одной лишь науки, но и вообще литературы? Для того надобно пользоваться авторитетомъ, какого, сколько извѣстно, никто и никогда еще

не имѣлъ; авторитетъ же Академіи вездѣ, гдѣ только онѣ есть, увѣ! сильно уже покачнулся, а у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, и подавну. Доказательствомъ тому общественное мнѣніе о ней, слагавшееся постепенно, исподоволь и наконецъ до того окрѣпшее, что его ничто теперь не въ силахъ разсвѣтъ, сколько бы ни увѣрили насъ въ противномъ и въ торжественныхъ собраніяхъ, и въ частныхъ Запискахъ, и самыхъ Проектахъ. Такъ міръ посудилъ; а гдѣ міръ увидитъ, тамъ кривда правды не обидитъ. Слѣдовательно, превосходство сужденія Академическаго передъ всякимъ другимъ основывается просто, сколько на ни на чемъ не основанномъ умпредставленіи, заблужденіи, столько же и притязаніи, порожденномъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ прошедшимъ Академіи. Но что терпѣлось прежде по чему бы то ни было, то можетъ ли быть дозволено теперь, когда все вокругъ Академіи измѣняется, и измѣняется не въ силу исключительнаго вліянія ея на общество, но въ силу естественнаго теченія вещей и такого же стремленія къ совершенствованію всякаго разумнаго существа, коль скоро приспѣло къ тому его время.

Было бы крайнее самообольщеніе думать, что голосъ Русскій долженъ слышаться и въ вопросахъ цивилизаціи и науки, въ не меньшей степени, какъ и въ вопросахъ войны и мира, единственно при посредствѣ нашей Академіи, что только черезъ нее можемъ мы занять самостоятельное мѣсто въ области расширенія человѣческихъ знаній, что независимость отъ иностранной науки добудемъ, благодаря учрежденію, состоявшему и состоящему почти исключительно изъ иностранцевъ. Развѣ такимъ образомъ приносится и своя лепта въ сокровищницу человѣческихъ знаній? Много ли же мы своего-то черезъ Академію внесли въ храмъ наукъ? Не внесли и не могли внести доселѣ много, и то по самой обыкновенной причинѣ, что не Русскія силы дѣйствовали, хотя и въ Россіи и на Россійскіе пѣвизы; отъ того мы отвергаемъ, чтобы Академія насъ сблизила съ другими Европейцами, развѣ только съ отрицательной стороны, той самой, о какой жалѣлъ еще Ломоносовъ, говоря, въ своей «Краткой исторіи о поведеніи Академической Канцеляріи»: «Какое же нареканіе слѣдуетъ Россійскому народу, что по толь великому Монаршему щедролюбію, на толь великой суммѣ (денегъ, издерживаемыхъ на Академію), толь коснительно происхо-

дять ученые изъ Россійскаго народа! Иностранные, видя сіе и не зная выше объясненнаго, приписывать должны его тупому и непонятному разуму, или великой лѣности и нерадѣнію. Каково же читать и слышать истиннымъ сынамъ Отечества, когда иностранные въ Вѣдомостяхъ и въ сочиненіяхъ пишутъ о Россіянахъ, что, де, Петръ Великій напрасно для своихъ людей о наукахъ старался, и нынѣ, де, дочь его, Елисавета, безъ пользы употребляетъ на то жь великое иждивеніе!» (§ 69).

Отвергаемъ въ равной же мѣрѣ и увѣреніе, будто бы Академическій Университетъ упраздненъ былъ только по причинѣ открытія за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Московскаго Университета (Записка объ Академическихъ степеняхъ стр. 137), по тому что Ломоносовъ, не довольствуясь тѣмъ, всячески старался объ открытіи Университетовъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, на примѣръ, въ его бумагахъ сохранилась замѣтка слѣдующаго содержанія: «Говорить Графу (К. Г. Разумовскому) объ основаніи Университета въ Кіевѣ,» и не покидалъ давнишней мысли своей (съ 1742 г.) объ инавгураціи самаго Петербургскаго Университета, т. е., объ отдѣленіи его отъ Академіи, такъ какъ онъ убѣдился долголѣтнимъ опытомъ, что пока того не послѣдуетъ, добра ни какого нельзя ожидать для Россіи отъ Университета Академіи, и, не смотря на то, что онъ съ Гимназіей, 1759 года, поступилъ въ его завѣдываніе, и дѣло пошло было успѣшнѣе (такъ что въ 4 года выпустилъ онъ до 20 Студентовъ, между тѣмъ какъ въ 40 лѣтъ до того изъ онаго не вышло ни одного, и этѣ-то вышедшіе ученики Ломоносова и были именно тѣ, которые поступили въ Московскій Университетъ и другія училища; стало, заслуги тутъ послѣдней ни какой: противъ ея желанія то добро сдѣлано было ею), онъ не переставалъ хлопотать о заведеніи Гимназій въ Губернскихъ городахъ и объ особомъ Петербургскомъ Университетѣ, котораго составленъ былъ уже самый Уставъ и Штатъ, подписанъ Президентомъ и имъ (14 Февраля, 1760 г.), поднесенъ на утвержденіе Государынѣ, и даже приготовлено было «Слово благодарственное на торжественной инавгураціи С.-Петербургскаго Университета» (см. «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ,» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1865 г., кн. 1, Отд. V,

стр. 106 — 115). Но и того труднѣе согласиться съ тѣмъ, чтобы «Академическій Университетъ принесъ возможную пользу.» Мы сейчасъ слышали показаніе Ломоносова, что пользы отъ него до 1759 года не было ни какой. Академическое Правленіе рѣшительно знать не хотѣло о немъ и всячески старалось мѣшать тому, то запрещая Профессорамъ своимъ читать лекціи, то, когда нѣкоторые продолжали ихъ (каковъ Браунъ), самую кафедру вынесло вонъ, то не давало денегъ на содержаніе Студентовъ, заставляя ихъ пробиваться подаяніемъ, скитаться безъ обуви по городу и вынуждая даже приносить жалобу на то Сенату: «Куда, де, намъ со Студентами? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ?» вопило оно, и все это единственно съ тою цѣлію, чтобы науки не возрасли и не распространились въ Россіи, не вытѣснили бы чужихъ изъ Академіи, по большей части преобращенной, по словамъ Ломоносова, въ фабрику. Дошло было уже до того, что не стыдились, на требованіе одного изъ своихъ же прибавки жалованья, отвѣчать: «Нынѣ Академія безъ Академиковъ, Канцелярія безъ Членовъ, Университетъ безъ Студентовъ, правила безъ важности, и наконецъ во всемъ замѣшательство еще по нынѣ неисцѣлимое» (Тамъ же въ разныхъ §§). Вотъ отъ чего, слѣдовательно, дѣйствія этого Университета постоянно были парализованы, а не «отъ малочисленности достаточно подготовленныхъ Студентовъ, какъ хотятъ насъ увѣрить (Записка объ Академическихъ степеняхъ стр. 137), отъ которыхъ, при поступленіи, требовалось знаніе Латинскаго языка, въ то время еще мало распространеннаго.» Малочисленности вовсе не было: въ 1732 году взято было 12 человекъ изъ Московскихъ Законоученическихъ школъ, въ томъ числѣ и Крашеминниковъ, изъ коихъ «половина отправилась со 2-й экспедиціей въ Сибирь, и тамъ, отъ дурнаго присмотра, всѣ испортились, кромѣ названнаго выше, а другая половина, бывъ нѣсколько времени безъ призрѣнія и ученія, расцѣдѣлены въ подъячіе и къ ремесленнымъ дѣламъ, такъ какъ съ 1733 по 1738 ни какихъ лекцій въ Академіи не преподавано Россійскому юношеству» (Краткая Исторія объ Академіи. Канцелярія § 8). Въ 1735 г. истребованы вновь 12 человекъ въ Академію оттуда же, между коими былъ и Ломоносовъ съ Виноградовымъ и Поповымъ, черезъ годъ отправленный въ Марбургъ со вторымъ, по именному Указу, для обученія Нату-

ральной Исторіи, а прочіе 10 человекъ, какъ и первые Студенты, оставлены безъ призрѣнія: «лишенные стола и крова, скитались не малое время въ подлости,» и, чтобъ не умереть съ голоду, или холоду, печалились Сенату, но за то были биты по щекамъ и сѣчены батогами, и хотъ лекціи возобновлены были, но послѣ экзамена даны имъ добрые аттестаты для показу, три опредѣлены въ переводчики, а прочіе по другимъ мѣстамъ, и лекціи почти со всѣмъ пресѣклись (Тамъ же §§ 11 — 13). Когда же въ 1748 году составленъ былъ новый Уставъ и Штаты для Академіи Наукъ, безъ всякаго, однако, участія Академиковъ, но съ предоставленіемъ большой власти Канцеляріи ея, то, для исполненія хотя на время по Штату, истребованы были въ 3-й разъ изъ Семинарій, Московской, Новгородской и Невской, около 30 человекъ, за тѣмъ что своихъ при Академіи воспитаннѣхъ не было, кромѣ 2-хъ, изъ Невской Семинаріи принятыхъ (послѣ Профессоры Котельниковъ и Протасовъ); опять началось преподаваніе съ нехудымъ успѣхомъ, такъ что 9 изъ нихъ произведены были въ Студенты и почти всѣ явились способны къ слушанію лекцій; но какъ этѣ послѣдніе не продолжались порядочно и Студенты отчасти по пустому шатались, то лишь 4 изъ старыхъ посланы за море, а изъ прочіихъ многіе распредѣлялись по разнымъ Академическимъ Департаментамъ, и съ тѣмъ теченіе Университетскаго ученія вовсе пресѣклось, кромѣ Профессора Брауна, который читалъ непрерывно, не смотря на нелюбленіе за то и на недоброхотные выговоры и совѣты (§ 25); но и онъ, съ удаленіемъ кафедръ изъ залы Академіи, долженъ былъ прекратить преподаваніе, такъ что около 1754 г. Университетъ опять остался безъ Студентовъ и въ такомъ положеніи находился до поступленія его подъ смотрѣніе Ломоносова (1759), съ огромнымъ успѣхомъ заправлявшаго имъ и Гимназіей, не смотря на всѣ наговоры на него недоброжелателей его («Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ,» въ «Чтеніяхъ» 1865 г. кн. 1-я, Отд. V, стр. 141). Изъ этого ясно открывается, что не малочисленность Студентовъ парализовала Академическій Университетъ, которые не могли не знать Латинскаго языка, въ ту пору и долго, долго по томъ, даже до самаго новѣйшаго времени, сильно распространеннаго въ нашихъ Семинаріяхъ, на которомъ и науки въ оныхъ преподавались всѣ безъ исключенія. Тѣмъ менѣе этого нельзя

отрицать въ требовавшихся Академіей, именно по тому изъ Духовныхъ Училищъ, что только въ нихъ и можно было найти въ ту пору желаемое, и, конечно, посылались, какъ обыкновенно это дѣлалось и послѣ въ подобныхъ требованіяхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній (Медицинской Академіи, Педагогическаго Института и т. д.), лучшіе воспитанники, способные слушать чтенія Профессоровъ, преподававшихъ тоже только на Латинскомъ языкѣ. Это видѣть можно даже на самомъ Ломоносовѣ, ученикѣ класса Риторическаго, отправленномъ, какъ извѣстно, изъ онаго лишь въ слѣдствіе его неотступной просьбы и содѣйствія славнаго Теофана Прокоповича, между тѣмъ какъ другіе всѣ посылались по большей части изъ Философскаго и Богословскаго. Не споримъ, что, основавъ такое учрежденіе, которое рано было еще по всему для Россіи, по неволѣ должно было наполнять его чужими; но кто повѣрить, чтобы «это дѣлала Академія только въ первое время своего существованія, какъ гласитъ примѣчаніе къ 107 § Проекта Устава и Штатовъ (стр. 85 — 86), будучи въ необходимости къ тому прибѣгать по тогдашнему состоянію наукъ въ Россіи, и что, съ теченіемъ времени, когда число Русскихъ начало возрастать, она стала обращаться къ этому средству все рѣже и рѣже, такъ что въ послѣднее десятилѣтіе былъ только одинъ случай приглашенія въ Академію иностраннаго ученаго, и то лишь по наукѣ, которою въ Россіи вообще занимаются весьма мало?» Въ противномъ убѣждаетъ одинъ взглядъ въ списки Академиковъ за прошлое и текущее столѣтіе; даже нынѣ кто больше, чужіе, или свои, возсѣдаютъ на Академическихъ креслахъ? Пересчитайте! Мы это сдѣлали, по списку Академиковъ, помѣщенномъ въ «Памятной книжкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1865 годъ» (150 — 151), и нашли, что въ 1-мъ Отдѣленіи ея (Физико-Математическомъ) 21, между ними 9 Русскихъ, и то 4 Университетскихъ Профессора, а 2 бывшихъ Университетскими, и при томъ одинъ изъ нихъ сверхштатный и одинъ Профессоръ Медицинской Академіи: въ 3-мъ Отдѣленіи 12, въ томъ числѣ Русскихъ 3, изъ коихъ 2 Профессора Университета, стало, такіе, о которыхъ не знаешь, куда собственно ихъ слѣдуетъ отнести. О 2-мъ же Отдѣленіи и рѣчи не можетъ быть: это — безмездники, да и подобраны такъ, что скорѣе на нихъ можно смотрѣть, какъ на Почетныхъ, чѣмъ на Дѣйствительныхъ,

Членовъ. И того, Русскихъ по 1-му и 3-му Отдѣленіямъ только дюжина безъ малаго на двѣ дюжины не Русскихъ. Скоро ли же есть надежда дожидаться по крайней мѣрѣ обратнаго отношенія? По всей вѣроятности, мы не доживемъ до этого Астрейна вѣка для якобы Русской Академіи на Руси. Ибо и въ нынѣшнемъ Проектѣ Устава существуетъ §, въ силу котораго «и иностранцы могутъ быть избираемы въ Академики въ исключительныхъ случаяхъ.» Мы знаемъ, судя по доселѣшнему опыту, что такихъ исключительныхъ случаевъ въ Академіи всегда вдоволь, тѣмъ болѣе, что тутъ же прибавлено: «и при томъ, если между Русскими учеными нѣтъ достойнаго кандидата,» что, какъ показываетъ практика, безпрестанно можетъ случаться. Вѣдь сами же составители Проекта замѣчаютъ, что «сравненіе Русскаго ученаго съ иностраннымъ по большей части будетъ невыгодно для Русскаго.» И мы не сомнѣваемся, что «при такихъ условіяхъ, дѣйстви-тельно почти никто изъ Русскихъ ученыхъ не имѣетъ возможности сдѣлаться Членомъ Академіи, по тому что «всегда найдется иностранецъ, имя котораго пользуется большею извѣстностью въ наукѣ.» Не ужели это обстоятельство ничего не будетъ значить при избраніи тамъ, гдѣ большинство — иностранцы? Русскіе между ними въ значительномъ меньшинствѣ и, какъ водится, можетъ быть, между одними Русскими, и свои, по разнымъ особеннымъ соображеніямъ, скорѣе стануть гнать воду на чужое, чѣмъ на свое, колесо. Явленія такого рода всегда были въ Академіи, отъ ея основанія и до сего дне. Третьяковскіе, Румовскіе, Тепловы при Ломоносовѣ, не переводились и послѣ Ломоносова. Слѣдовательно, надежда плохая Русскому на возможность одержать верхъ надъ иностранцемъ, который, естественно, въ глазахъ иностранцевъ и обезличившихся Русскихъ, будетъ казаться гениальнымъ представителемъ науки, такъ какъ, по увѣренію Проекта Устава, въ Академію требуются дарованія испытанныя, окрѣпшія и т. п. Намъ извѣстны случаи, когда кресла Академіи и въ XVIII и XIX столѣтіи очень часто занимались двумя, тремя, да же четырьмя поколѣніями, передавались какъ наслѣдство, приданое, и т. д. Примѣръ, приводимый въ Проектѣ, за послѣднее десятилѣтіе — утѣшительнъ, правда, но не убѣдительнъ, по тому что и по наукѣ, о которой говорится въ немъ, если бы поискали, нашелся бы ученый и между Русскими; а нѣтъ — развѣ нельзя

повременить, подготовить своего? Но не задолго передъ разска- зываемымъ случаемъ, сколько Русскихъ ученыхъ, вполне при- готовившихъ себя къ Академической дѣятельности, въ то время, когда, казалось, по всему кресла Академіи ихъ не уйдутъ, было упрятано Богъ вѣсть куда, только бы доставить оныя иноземцу, вовсе не знакомому ни съ чѣмъ Русскимъ, и такимъ оставшемуся на всегда? Не на нашей ли памяти даже важнѣйшая изъ ка- едръ для Русскаго народа и Государства отдана человѣку безъ всякой ученой степени, едва начинавшему твердить склады нашей Азбуки? Гдѣ же тутъ та безупречность въ исполненіи Академіей своего назначенія, которая выставляется въ Объ- яснительной запискѣ къ Проекту Устава и Штата ея (стр. 123)? Гдѣ то попеченіе ея о распространеніи образованія въ на- шемъ отечествѣ? Изза чего же Ломоносовъ всю жизнь свою во свалъ, то отдѣльно съ Академиками, то со всѣми ими, взятыми вмѣстѣ, какъ не изза того, что в малѣйшаго попеченія о насажде- ній наукъ въ Россіи, какъ онъ выражался, не видѣлъ онъ отъ тогдашней Академіи; что Университетъ и Гимназія были намѣ- ренно заброшены, а не по обстоятельствамъ времени не дости- гали надлежащаго развитія? Легко сваливать вину на обстоятель- ства, а какъ поразберешь ихъ, то и видишь, что обстоятельст- ва тутъ ни на волюсь не виноваты. Еще легче выгораживать Академію отъ отвѣтственности перель потомствомъ, за уклоне- ніе ея отъ своей задачи и упрека въ томъ гениальнаго Ломо- носова господствовавшей въ ней партіи, плохимъ устройствомъ управленія Академіи и самымъ характеромъ неутомимаго обличи- теля ея, и при этомъ ссылаться на новыя матеріалы, будто бы опровергающіе самую мысль о племенномъ антагонизмѣ. Но по- слѣдніе-то и подтверждаютъ, какъ нельзя больше и блистатель- нѣе, всю правду обвиненія нашего не только перваго Русскаго ученаго, но гениемъ своимъ не уступающаго ни одному изъ со- временныхъ ему свѣтилъ, великаго общественнаго дѣятеля, по- черпавшаго и побужденія и силы для такого громаднаго пред- пріятія, каково борьба, за не многими исключеніями, съ цѣлымъ Академическимъ Корпусомъ, единственно въ несокрушимой упру- гости того народнаго духа и той мощи любленія къ своему, ко- торыя, вѣчно будучи присущи его душѣ, всегда и во всемъ руко- водили его дѣятельностью. Мелкіе счеты съ товарищами никогда

не вызвали бы подобнаго воителя, такой колосальный образъ. Думать такъ было бы, съ одной стороны, уменьшать вину виновнаго, съ другой заслугу достойнаго, а потомство заподозрѣть въ желаніи создать себѣ златога тельца для поклоненія, или, по крайней мѣрѣ, въ неумѣнѣ отличить бѣлое отъ чернаго. А что и изъ такого Университета, каковъ былъ Академическій, вышло у насъ не малое число полезныхъ дѣятелей, то это, какъ замѣчено уже, случилось рѣшительно противу воли тогдашней Академіи. Наконецъ, есть даже и такіе чудаки, которые все дурное Академіи готовы взвалить на шею случая, а хорошее, сдѣланное хоть вопреки ея намѣренія, вѣняють ей въ заслугу, какъ бы съ ея вѣдома и требованія совершенное; но это значить или во все не знать исторію Академіи, или же не хотѣть знать ея, задаться напередъ составленной себѣ идеей безупречной дѣятельности и великости содѣяннаго ею. Прочтите безъ предубѣжденія хотя краткую исторію нашей Академіи Наукъ, написанную Ломоносовымъ, и вы увидите, случайныя ли столкновенія происходили у него съ современными ему Академиками; не скажите, что, при оцѣнкѣ заслугъ этого первоначальника Русской литературы и науки, не слѣдуетъ на это обращать вниманія, а имѣть въ виду лишь ту великую историческую цѣль, которая соединяетъ Ломоносова и Академію. Не будете также утверждать, что Ломоносовъ не могъ бы стать тѣмъ, чѣмъ онъ вышелъ для Россіи, если бы тогда не существовала въ Петербургѣ Академія Наукъ, которая отправила его за границу для дальнѣйшаго образованія и потомъ приняла въ свои нѣдра. Такое утвержденіе опровергается сколько показаніемъ самого Ломоносова, столько же и исторіей самой Академіи. Вообще толковать о томъ, что былъ бы Ломоносовъ, если бы не было Академіи, похоже на то, что былъ бы онъ, если бы не было Грамматики Смотрицкаго, Ариѳметики Магницкаго, Псалтыри Симеона Полоцкаго, Законоспаскаго Училища и т. д.? Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ Александромъ Македонскимъ, если бы не было Аристотеля; съ Наполеономъ, если бы не было Бріеннской школы? *Si nisi non esset, perfectus quilibet esset, sed non sunt visi, qui cagnere nisi.* Великіе люди во всѣхъ родахъ не бываютъ безъ своихъ предтечь, которые уготовываютъ имъ путь и возвѣщаютъ имъ появленіе. Все идетъ въ свой чередъ.

Со всею откровенностью изложили мы сдѣсь свои мысли о Проектѣ Устава и Штатовъ Академіи Наукъ, и, конечно, не съ злою цѣлю, какъ это почудилось уже кой-кому. Не меньше доброты ея извѣстны намъ ея услуги наукѣ и Россіи, но не меньше извѣстны также и ея несовершенства въ прошедшемъ и настоящемъ. Со стороны обыкновенно видѣе недостатки наши. Опираясь на этотъ, сколько простой, столько же и вѣрный, опытъ, люди благоразумные не сердятся, когда указываютъ имъ на ихъ недостатки, подсмотрѣнные зоркимъ глазомъ ближняго, но, принимая къ свѣдѣнію, допрашиваютъ себя и, по возможности, исправляютъ, что слѣдуетъ исправить, берутъ мѣры, чтобъ не повторялось то впредь, а болѣе умные не рѣдко совершенно перерождаются, начинаютъ жить новою жизнію, ни въ чемъ не похожую на прежнюю. Стало, видѣть въ указаніи на несовершенства Академіи недобрые умыслы могутъ одни лишь недобрые умы. Какая тамъ агитація противъ нея? Какія тамъ еще козни и особыя цѣли, пользующіяся недоразумѣніями и даже очень почтенными мотивами, когда дѣло такъ просто, такъ естественно? «Что вы думаете объ этомъ?» спрашиваютъ. — «Кушанье познается по вкусу,» отвѣчаютъ спрошенные, а гоже по вкусу.» Не все, что уродилось, и пригодилось, а что токма искусилось. А коли заподозривать искренность отвѣтовъ, видѣть въ нихъ одно только желаніе подкопаться подъ кормилицу такого множества людей, въ числѣ которыхъ были и великіе свѣтильники знанія, даромъ, что иностранцы, то, пожалуй, могутъ вамъ на это отвѣтить пословицей: «Ковшикъ квасу, ведерко воды!» Свѣтильники ваши, конечно, свѣтили въ глуши, но еще больше не для Руси. Что и изза двухъ, трехъ самосвѣтовъ отстаивать легионъ блудчыхъ огоньковъ? Что гоняться за расширеніемъ предѣловъ общечеловѣческой науки, за честью служить дѣлу цивилизаціи, и въ то же время пренебрегать своими ближайшими, прирожденными, такъ сказать, обязанностями, исполняя которыя добросовѣстно и неуклонно лучшую услугу окажемъ и человѣчеству? Ибо послѣднему можно служить, только служа своему народу, имѣя прежде всего въ виду его, а не чужіе, интересы, охраняя и расширяя ихъ. Довольно мы уже гонялись за этѣмъ отвлеченнымъ благомъ, во имя мірогражданства, довольно принесли на алтарь его дорогихъ жертвъ, доходя даже до полного самоотреченія, и въ

награду получая, за свое безкорыстіе до самозабвенія, одну лишь неблагодарность, да еще съ придачею нелестнаго титула: «Суетная, нерасчетливая Русь!» Болѣе умудренныя опытомъ народы не прочь отъ жертвъ во имя общечеловѣческихъ началъ, но на сколько то не противорѣчатъ собственному ихъ благу.

Еще непонятнѣе вавинять очевидную несостоятельность и непригодность тѣмъ, что: «И всѣ мы, молъ, не годимся, а всѣ же на свѣтѣ живемъ!» Чтобы порѣшить вопросъ, допросите потребности нашего времени, и, буде онѣ за кормленіе — кормите, въ добрый часъ! буде же прогнѣвъ — не отказывайте требованіямъ современности! Истинно Государственные мужи прислушиваются къ голосу общества и тщательно изучаютъ нужды его, для полнѣйшаго удовлетворенія ихъ. Академія Наукъ, какъ извѣстно, была основана, между прочимъ, и съ этою цѣлію, но, какъ показываетъ ея исторія, плохо отвѣчала на это своею дѣятельностію въ теченіе перваго полустолѣтія своего существованія; во второе, казалось, лучше пойметъ она задачу, возложенную на нее, а по тому и больше успѣетъ, но ложно избранный путь, для достиженія цѣли, парализовавъ ея дѣятельность, привелъ совсѣмъ къ противоположному, и ея труды, сами во себѣ почтенные и даже замѣчательные въ области точныхъ наукъ и естествознанія, были пригодны для весьма не многихъ, наиболѣе для чужихъ, отъ чего и не могли доставить той пользы намъ, для которыхъ преимущественно назначались, какъ предпринимавшіеся на наши средства. За тѣмъ, ближайшее прошедшее продолжало только доставшееся ему въ наслѣдство, такъ что даже образованіе 2-го Отдѣленія не въ состояніи было ничего измѣнить въ этомъ своеобразномъ мірѣ, выработавшемъ для себя долговременной практикой совершенно особенныя формы, мірѣ, собирающемся теперь еще болѣе укрѣпить оныя, предоставленіемъ ему неслыханныхъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ преимуществъ. Если, по всему этому, Академія Наукъ прошедшаго, отвѣчая такъ мало нашимъ существеннымъ нуждамъ, не особенно желательна для насъ, то и того менѣе Академія будущаго, т. е., Академія Проекта Устава и Штатовъ, разсматриваемыхъ нами. Желать этого можетъ лишь тотъ, кто вѣратъ противоположному въ прошедшемъ ея, готовъ одобрить и всѣ, предлагаемыя ою, требованія для своего будущаго,

въ томъ блаженномъ упованіи, что они послужатъ еще къ большей пользѣ для Россіи. Но это было бы то же самое, что вѣрнѣе увѣреніямъ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ, которые убѣждали даже самое Правительство въ томъ, что Остзейскій край только съ прибытіемъ ихъ въ него и сталъ процвѣтать и благоденствовать, а по сему притязанія туземцевъ на долю въ этомъ счастьи не только неумѣстны, но наносятъ обиду и неугасимое безчестіе имъ, какъ притязанія недостойныхъ, по своему происхожденію, преимуществъ, предоставленныхъ людямъ высшей породы и почета; отъ чего они, полноправные граждане, постоянно имѣли и имѣютъ въ виду двѣ цѣли: охраненіе и развитіе сословія своего (наша Академія тоже, по Проекту новаго Устава, хочетъ быть «сословіемъ,» да еще «первенствующимъ ученымъ въ Россійской Имперіи») и отстраненіе посягательствъ на него инородцевъ и вообще иностранцевъ (забывая, что они-то сами и есть инородцы и иностранцы въ этомъ благоденствующемъ краѣ). Что жъ? Развѣ впервые намъ гоизаться за всѣмъ, что ни дѣется на Божьемъ свѣтѣ, знать его и, ни съ сего, ни съ того, мѣшаться въ чужое, какъ въ свое, бросать десятки тысячъ на возобновленіе какого ни есть погорѣвшаго заграничнаго города, отысканіе истоковъ Нила и устьевъ Нигера, построеніе храмовъ и школъ ино-вѣрческихъ, изученіе нарѣчій Кафрскихъ и Готтентотскихъ, праздновать юбилей Шиллеровъ, Шекспировъ и Дантовъ, осѣдомлять-ся о здоровьѣ Гарибальди, посыпать главу цепломъ по случаю убійства Сѣверо-Американскаго Президента, а не знать и не вѣдать, во многихъ случаяхъ даже не хотѣтъ знать и вѣдать, о томъ, что у насъ самихъ творится, какъ насъ же проводятъ и морочатъ, въ глазахъ нашихъ распространяють вліяніе чужой народности, чужаго языка, чужихъ правовъ, обычаевъ и интересовъ, то полячатъ, то нѣмечать, то чухонятъ, чуть не туречать, какъ наша же Академія Наукъ, трудясь, по ея убѣжденію, надъ расширеніемъ предѣловъ вѣдѣнія, просвѣщала, просвѣщаетъ и внапредки хочетъ просвѣщать нашъ народъ своими Нѣмецкими и Французскими сочиненіями, величатъ это преуспѣваніемъ на пути правильнаго и истинно либеральнаго образованія, возвышающаго и оплодотворяющаго нашу народность, а замѣчающихъ такую несообразность, уклоненіе, какъ хотите, назовите подобную странность, окликать врагами Русскаго народа и его просвѣщенія? Развѣ не слышали мы, какъ

одно духовное лицо еще недавно напоминало своимъ, но подданнымъ нашимъ, сдѣлать самимъ то только, отъ чего ни какъ нельзя отказаться: «но сдѣлайте (говорило оно) то поскорѣе, прежде чѣмъ что ни будь чуждое и вредное нашей жизни придетъ къ намъ со стороны, хотя бы это пришлое казалось верхомъ совершенства, но, не имѣя органической связи съ нашей жизнью, оно не пристанетъ къ намъ, какъ черное къ бѣлому, и никогда не привьется къ нашей жизни? Въ каждомъ представляемомъ проектѣ (такъ заключается его наставленіе) уважайте лишь самихъ себя!» Послѣднія слова, думаемъ, не мѣшало бы и намъ принять къ свѣдѣнію и прикинуть къ Проекту Устава и Штатовъ Академіи Наукъ, выработанному ея Членами. Въ немъ они дѣйствительно уважили самихъ себя, т. е., свое учрежденіе. Уважимъ же и мы, по крайней мѣрѣ, хоть слѣдующія слова великой нашей Государыни: «Если другіе, говаривала она, не хотятъ знать Россіи, то слѣдуетъ ли изъ того, что и Россія также должна забыть собственные интересы?» И въ другомъ мѣстѣ: «Я читаю будущее въ прошедшемъ.»

Не все то хорошо, что кажется хорошо, а то хорошо, что къ чему идетъ.

Апрѣль, 1865 года.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

I.

Въ Чешской ежедневной газетѣ «Národ,» основанной въ концѣ 1863 г. Палацкимъ, Ригеромъ и Браунеромъ, помѣщена статья, въ № 214-мъ, подъ 14-мъ (26) Августа, прошлаго 1864 г., озаглавленная такъ: «О Чешскихъ рукописяхъ въ Москвѣ» (O českých rukopisech v Moskvě). Подъ нею выставлено имя: «Jos. Kolář.» Это молодой Чешскій писатель, отправленный однимъ тамошнимъ народнымъ Обществомъ («Svatobog») въ Россію, для изученія нашего языка и словесности, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, могъ онъ то и другое преподавать въ какомъ либо учебномъ заведеніи Праги. Говоря о Москвѣ, въ которой Коларжъ прожилъ за 8 мѣсяцевъ, онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что «Библіотека Московскаго Университета имѣетъ въ себѣ теперь около 200 Чешскихъ книгъ, большею частію дарованныхъ ей Профессоромъ Бодянскимъ.» Это рѣшительно невѣрно съ перваго до послѣдняго слова. Не понимаю, отъ кого могъ онъ такое неточное извѣстіе получить. Въ Библіотекѣ Университета ему не только сообщили бы самое вѣрное свѣдѣніе объ этомъ, но и показали бы даже всѣ книги Чешскія и другія Славянскія, и уже одинъ взглядъ на нихъ увѣрилъ бы его въ противномъ. Да и я самъ, конечно, удовлетворилъ бы его любознательности, если бы онъ захотѣлъ получить отъ меня свѣдѣніе о томъ, тѣмъ болѣе, что я же показывалъ ему свою Славянскую библіотеку и, помнится, говорилъ, что, по возвращеніи изъ пятилѣтняго путешествія своего по Славянскимъ землямъ въ 1842 году, всѣ двойники книгъ Славянскихъ, по желанію тогдашняго По-

печителя Московскаго Университета, Графа С. Г. Строганова, охотно уступилъ Московскому Университету, которыхъ оказалось за 2000 названій. Если къ нимъ присоединить прежнее, довольно значительное, собраніе сочиненій, не столько на Славянскихъ нарѣчіяхъ, сколько о Славянскихъ предметахъ, и послѣдующія ежегодныя приращенія покупкой, то нѣтъ сомнѣнія, что Московскій Университетъ въ нынѣшнее время обладаетъ самымъ лучшимъ, даже первымъ между Русскими Университетами, собраніемъ книгъ по Славянской каедрѣ.

Далѣе, Г. Коларжъ рассказываетъ, какъ онъ, познакомившись съ П. А. Безсоновымъ, узналъ отъ него о какой-то Чешской Библии, гдѣ-то въ Москвѣ находящейся, получилъ отъ него 4 литографированныхъ съ нея снимковъ, сдѣланныхъ богатымъ владѣльцемъ оной, но не могъ узнать имени послѣдняго, которое, послѣ долгихъ разпросовъ и розысковъ, наконецъ увѣдалъ отъ А. А. Котляревскаго. Но и здѣсь Г. Коларжъ все спуталъ. Въ первый разъ объ этой Библии онъ слышалъ отъ меня еще осенью 1864 года, при чемъ я ему сказалъ, что она мнѣ извѣстна съ сороковыхъ годовъ. А. И. Хмельницкій первый сообщилъ мнѣ, что А. И. Лобковъ недавно купилъ за большія деньги (сомнительно, чтобы за большія) у кого-то въ Москвѣ какую-то книгу на неизвѣстномъ ему языкѣ, и желалъ бы знать, что она такое и какому народу принадлежитъ? Я отвѣтилъ ему, чтобы онъ предложилъ Г. Лобкову, не можетъ ли онъ прислать ее мнѣ, что онъ, какъ Членъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, охотно и сдѣлалъ. Взглянувъ на нее, я увидѣлъ, что это Чешская Библия, на тонкомъ, чистомъ пергаментѣ, превосходно писанная, въ 8-ку, чрезвычайно мелкимъ письмомъ, и, сличивъ съ имѣющимися въ моей библіотекѣ печатными Чешскими Библиями XIV и XV вѣка, замѣтилъ въ переводѣ и языкѣ ея большія отличія. Я тутъ же написалъ на особомъ листикѣ для владѣльца названіе ея, прибавивъ, что это — драгоценность первостепенная. Вскорѣ за тѣмъ я извѣстилъ о ней Шафарика, сообщивъ, сколько могу припомнить, довольно обстоятельныя свѣдѣнія, такъ какъ она находилась у меня около мѣсяца. Слова мои можно повѣрить, взглянувъ въ переписку мою съ Шафарикомъ, которая, безъ сомнѣнія,

уцѣляла еще у наследниковъ покойнаго. Да и на лекціяхъ своихъ не разъ приходилось мнѣ упоминать объ этой Чешской Библии. П. А. Безсоновъ, по выходѣ изъ Университета, занялся ею обстоятельно, плодомъ чего было обширное изслѣдованіе о ней, которое я, разсмотрѣвъ, нашелъ очень дѣльнымъ. Г. Коларжъ слышалъ объ этомъ тоже отъ меня, и я ему именно и указалъ на Г. Безсонова, прибавивъ, что отъ него-то онъ можетъ получить подробнѣйшія свѣдѣнія о занимающей его рукописи.

Вообще Г. Коларжъ еще не привыкъ къ отчетливости въ дѣлахъ подобнаго рода. Въ мирѣ ученомъ точность — первое и непремѣнное; требуется, какъ можно больше сдержанности и недовѣрія къ фантазіи, столько умѣстной въ области Поэзіи. Такъ, въ томъ же самомъ № Чешской Газеты «Národ» помѣщено весьма основательное опроверженіе мнѣнія Г. Коларжа о «Притчахъ Св. Кирилла.» Г. В. Небескій доказываетъ въ немъ, что Коларжъ, не уяснивъ себѣ хорошенько статьи С. А. Соболевскаго объ этѣхъ Притчахъ, помѣщенной въ одномъ изъ №№ Русскаго Архива за 1864 годъ, смѣшалъ названіе притчи съ пословицей (Чеш. příslovi), и, такимъ образомъ, обратилъ дѣло совершенно въ другую сторону, доказывая, яко бы Кириллъ Философъ въ своихъ поученіяхъ охотно употреблялъ пословицы и уподобленія. Между тѣмъ вопросъ шелъ объ апологѣ, что видно изъ того обстоятельства, что Г. Соболевскій въ упомянутой статьѣ ссылается на Чешскаго писателя XVII вѣка, Богуслава Балбина, который въ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ апологахъ, приписывая ихъ Славянскому Апостолу Кириллу. Но эта догадка Балбина, говоритъ далѣе Г. Небескій, ни на чемъ прочномъ не основана. Апологи этѣ, по розысканіямъ Дебиллона (Desbillions), принадлежатъ какому-то неизвѣстному писателю, честному имъ *inertus auctor*, жившему, по всему, не раньше XIII столѣтія. А чтобы Притчи этѣ были напечатаны въ Чехахъ за 200 лѣтъ до Балбина, какъ онъ полагалъ, на Церковно-Славянскомъ языкѣ, то это не вѣроятно уже по той простой причинѣ, что книги на этомъ языкѣ начали появляться въ Чехахъ только съ XVI вѣка, отнюдь же не съ XV. Въ такой же мѣрѣ неосновательно и то его утвержденіе, будто бы онъ видѣлъ этѣ Притчи, на Церковно-Славянскомъ языкѣ напечатан-

ныя, въ Крумловской Библіотекѣ. Если бы это было такъ, то Балбинъ непременно упомянулъ бы о томъ въ своей «Bohemia dōsta,» чего онъ не сдѣлалъ; но онъ могъ видѣть Чешскій переводъ этѣхъ Притчей, который дѣйствительно находится въ одной рукописи, за 200 лѣтъ писанной до Балбина и принадлежащей теперь Пражской Университетской Библіотекѣ подъ названіемъ «Čtvehořga pās.» Тѣмъ не менѣе предположеніе Балбиново, основанное на столь слабыхъ данныхъ, было повторено безъ дальней справки, коекѣмъ изъ ученыхъ, и даже вошло въ извѣстный Эбертовъ «Bibliograf. Wörterbuch.» Но уже славный Добровскій доказывалъ въ 1779 году, и въ послѣдующее время не разъ повторялъ, что Кириллъ, которому приписываютъ этѣ Притчи или Апологи, ни коимъ образомъ не можетъ быть ни Кирилломъ Іерусалимскимъ, ни Александрійскимъ, всего же менѣе Кирилломъ Славянскимъ, братомъ Св. Меодія, а, всего вѣроятнѣе, это былъ Cygillus de Quidenon (такъ названный по городку Неаполитанскаго Королевства), судя по одной Латинской рукописи этѣхъ Апологовъ, принадлежащей Библіотекѣ Пражскаго Университета (У. I. 2 и У. I. 3), въ которой сочиненіе ихъ приписывается именно этому Кириллу.

Я нарочно привелъ сдѣсь въ извлеченіи опроверженіе мнѣнія Коларжова Г-мъ Небескимъ, чтобы предохранить тѣмъ отъ дальнѣйшей ошибки наше Общество Любителей Россійской Словесности, собирающееся, какъ извѣстно, издать Сборникъ статей о Кириллѣ и Меодіѣ.

29 Апрѣля,

1865 г.

II.

Въ 16-мъ № Современной Лѣтописи (Воскресныхъ прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ), вышедшемъ 9 сего Мая, помѣщено письмо къ издателямъ Г. Н. Н., въ которомъ говорится, что «въ Харьковѣ собираются поставить памятникъ В. Н. Каразину, виновнику основанія тамошняго Университета, и что въ скоромъ времени тамъ же выйдетъ альманахъ съ біографіями

Сковороды, Квитки и Каразина, куда войдут новыя данныя о В. Н., опубликованныя въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1861 годъ, и въ томъ числѣ Записка нѣкоего Анастасевича, въ которой ввоздятся на В. Н. обвиненія въ двуличности, самолюбіи и даже фальши.» Корреспондентъ просилъ «поторопиться опровергнуть клевету; въ противномъ случаѣ издатель обязанъ будетъ занести въ Біографію В. Н. всѣ обвиненія Анастасевича безъ всякихъ комментаріевъ, не виноватый въ томъ, что сыновья три года сряду не успѣли прочесть тѣхъ статей и молчать до сихъ поръ. Одинъ изъ сыновей, Филadelphъ Васильевичъ, написалъ тотчасъ же своему корреспонденту отвѣтъ, въ которомъ показалъ ясно (говорить Н. Н.) всю неосновательность обвиненій Анастасевича, но въ то же время, считая ихъ явно нелѣпыми и слишкомъ презрительными, не находилъ нужнымъ полемизировать съ ними въ печати. Случайно узнавъ о существованіи этой переписки, Г. Н. Н. былъ противнаго мнѣнія: публичная клевета требуетъ и публичнаго опроверженія. А потому онъ уговорилъ Ф. В. Каразина позволить дать гласность его отвѣту.» За симъ отвѣтъ этотъ изпечатанъ.

Прочитавъ его, я, какъ издатель матеріаловъ о В. Н. Каразинѣ въ «Чтеніяхъ,» считаю нужнымъ сказать и отъ себя нѣсколько словъ по этому дѣлу. Прежде всего долженъ замѣтить, что приготавлиющіе альманахъ Харьковскій не имѣютъ права распоряжаться ни чѣмъ, опубликованнымъ въ «Чтеніяхъ,» безъ согласія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Редакціи оныхъ. Далѣе выраженіе: «Записка нѣкоего Анастасевича» показываетъ, что писавшій вовсе не знаетъ Анастасевича въ нашей Литературѣ. Конечно, онъ не выдавался въ ней слишкомъ, но въ свое время значилъ коечто и коечто сдѣлалъ для нея полезное, а по тому не заслужилъ того титула, которымъ его Г. Н. Н. такъ почтилъ. Наконецъ: Я ни какъ не вижу въ отвѣтѣ Ф. В., чтобы онъ «показалъ ясно всю неосновательность обвиненій Анастасевича.» Гдѣ же эта ясность? Гдѣ доказательства неосновательности обвиненій? Одно голословное утвержденіе, что сказанное въ Запискѣ Анастасевичемъ — гнусная клевета; что онъ, молъ, явился благодарнымъ къ своему благодѣтелю; что За-

писка его слишкомъ нелѣпа, чтобъ дѣлать на нее возраженія; несообразности страшнѣйшія на каждомъ шагу: то писавшій знакомъ съ В. Н. чуть не съ дѣтства, то не знаетъ важнѣйшихъ событій въ его жизни и ссылается на рассказы людей, совершенно не знавшихъ В. Н.» Если все это точно такъ, то все таки, какъ чистое отрицаніе, неубѣдительно, кромѣ развѣ для того, кто обладаетъ основаніями убѣжденія, но не дѣлится ими съ другими. Нельзя же безусловно прикидывать ту мѣрку къ дѣламъ человѣческимъ, которую нынѣшній властитель Франціи предлагаетъ въ предисловіи къ своей «Исторіи Юлія Цезаря,» говоря: «Когда необыкновенныя дѣла свидѣтельствуютъ о гениѣ человѣка, то приписывать ему страсти и побужденія посредственности, значить ити на переکورъ здравому смыслу.» Мы знаемъ изъ опыта всѣхъ вѣковъ и народовъ, что нѣтъ и пророка безъ порока; нѣтъ величія безъ неприличія; что великіе люди имѣютъ часто и великіе недостатки; что гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь; да и самое солнце не безъ пятенъ. Кабы въ топорѣ да не плена, такъ бы и не та ему цѣна. Кабы не кабы, такъ было бѣ море, не пруды, а человѣкъ безъ недостатковъ былъ бы уже ангелъ, а не человѣкъ. Этѣмъ, впрочемъ, я отнюдь не хочу отстаивать передаваемого Анастасевичемъ о В. Н. Каразинѣ. И онъ могъ ошибиться; но ошибки его нельзя объяснять такъ, какъ это объясняетъ Г. Ф. В. Каразинъ, называя ихъ бессмысленной клеветой; что «В. Н. не могъ держать такихъ людей при себѣ, а тѣмъ меньше употреблять ихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.» Вѣдь то было въ началѣ XIX столѣтія, а Записка относится къ сороковымъ годамъ его? Мало ли какихъ превращеній не бываетъ съ людьми въ такое пространство времени? Самые лучшіе изъ людей, самые прозорливѣйшіе, частенько ошибаются въ выборѣ ихъ: иначе не было бы ни непризнательныхъ, ни переметныхъ сумъ, ни предателей. Если Анастасевичъ былъ такимъ, какъ смотритъ на него Ф. В., то онъ не ссылался бы на лица, отъ которыхъ то, или другое, слышалъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ въ ту пору, когда онъ составлялъ свою Записку о В. Н., живы были еще, слѣдовательно, была возможность провѣрить передаваемое имъ. Д. И. Языковъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Каверинъ и др. не могли не знать В. Н., то по Петербургу, то по Москвѣ, то по Малороссіи. При томъ Анастасевичъ не рѣдко оговаривается:

«объ этомъ разсказывали мнѣ разнообразно;» «разсказывали мнѣ различно разные лица, знавшія его (В. Н.), а отъ части я слышалъ отъ него самаго; но всегда сбивчиво;» «я самъ былъ свидѣтелемъ;» и даже прямо говорятъ: «Всѣ сии обстоятельства и случаи, и, вѣроятно, многіе, мнѣ неизвѣстные, или не приходящіе теперь на память, при бѣгломъ семъ воспоминаніи столь давнихъ событій, все это могло сильно потрясти,» и т. д.; называетъ его «добрымъ, умнымъ, глубокомысленнымъ, хотя съ духомъ пылкимъ, головой горячей и сердцемъ раздражительнымъ;» говоритъ, что онъ, «какъ бы обреченъ былъ на борьбу съ самою непріязненною ему судьбою;» «онъ часто любилъ спорить со мною, если я его хладнокровно убѣждалъ, и иногда заставлялъ соглашаться;» «моя переписка съ нимъ, по мѣрѣ сжатія круга отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, также болѣе и болѣе сжималась и рѣдѣла; при посѣщеніи имъ Москвы было еще нѣсколько его отзывовъ, но это уже не въ томъ духѣ и не съ прежними сердечными изліяніями.» Развѣ такъ говорятъ люди, которые все не знали лично того, о комъ рѣшились говорить, какъ о человѣкѣ, довольно такъ имъ извѣстномъ? Развѣ Анастасевичъ скрылъ, что онъ ему былъ обязанъ въ 1803 году мѣстомъ? Наоборотъ, это подтверждаетъ онъ и впиской своей въ сафьянную зеленую книжку В. Н. въ 1829 г.; говоритъ о частныхъ своихъ съ нимъ дружескихъ сношеніяхъ, начавшихся послѣ выхода его изъ службы; при пріѣздѣ его въ Петербургъ часто видались и бесѣдовали, спорили и т. п. Все это показываетъ, что Анастасевичъ зналъ, о комъ писалъ, хотя и могъ, какъ и самъ замѣчаетъ, составляя свою Записку, да еще наскоро, «о столь давнихъ событіяхъ,» многое не припомнить, кое-что смѣшать, безъ всякаго злаго умысла, къ чему не имѣлъ ни какого повода. А что не скрылъ недостатковъ В. Н., какія онъ зналъ за нимъ, или, по крайней мѣрѣ, что считалъ недостаткомъ, за это дѣти его, родственники, близкіе и имъ п., могутъ, пожалуй, еще досадовать на него; но мы, посторонніе, пока будетъ слышаться только не хладнокровное опроверженіе, одна досада на то, или брань, постороннимся, въ надеждѣ услышать въ послѣдствіи не бездоводныя опроверженія, а опирающіяся на самое дѣло.

Тѣмъ менѣе можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы «Записка о В. Н. Коразинѣ, напечатанная въ «Чтеніяхъ,» была не подлин-

но Анастасевича, что не онъ ее писалъ.» И по чему же бы, Вы думаете? «Мало ли къ какимъ средствамъ,» говоритъ Ф. В., прибѣгаютъ люди въ нынѣшній вѣкъ отрицаній всего хорошаго, лишь бы марать память людей, выходившихъ сколько ни будь изъ ряда обыкновенныхъ! Такая ужъ теперь у насъ манія; и иначе быть не можетъ въ переходную эпоху, которую мы переживаемъ.» Отсюда, стало быть, прямо слѣдуетъ, что Записка эта есть, по мнѣнію Ф. В., злонамѣренная выдумка нашего времени. Въ такомъ случаѣ Ф. В. упустилъ изъ виду вотъ что: «Записка эта,» сказано было мною въ «Замѣчаніи къ ней,» помѣщенномъ въ слѣдъ за нею, доставлена мнѣ, какъ и предшествующія ей бумаги, И. Е. Бецкимъ, получившимъ ихъ отъ самаго В. Н., съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, для 5-й книжки Украинскаго Сборника «Молодикъ.» Съ этою же цѣлю, по кончинѣ В. Н., издатель (Бецкій), желая составить возможно полную біографію его, обратился къ В. Г. Анастасевичу, нѣкогда очень близкому къ В. Н., и просилъ сообщить ему все, что онъ знаетъ о немъ, что тотъ и сдѣлалъ, составивъ наскоро особую Записку о В. Н.» И такъ, прежде нежели обвинять наше время въ подобной маніи, т. е., посягательствѣ на величіе В. Н., котораго, конечно, большинство изъ насъ не знало и не вѣдало, и по тому не имѣетъ ни какихъ прямыхъ побужденій марать его память, не лучше ли отнестись къ Г. Бецкому и узнать отъ него, точно ли все это происходило такъ, какъ сказано у меня со словъ его? И. Е. Бецкаго весь Харьковъ знаетъ, да и весьма многіе въ Москвѣ. Если же это Ф. В. неудобно по чему либо, приглашаемъ его взглянуть у насъ на самую Записку В. Г. Анастасевича: она вся выправлена собственноручно имъ, съ его подписью; а въ почеркѣ его можно убѣдиться, сличивъ то съ другими его бумагами, которыхъ у насъ довольно, а также и съ его письмами къ В. Н., безъ сомнѣнія, уцѣлѣвшими еще у Ф. В.

Я, какъ будто зналъ, что Ф. В. не понравятся воспоминанія этѣ о В. Н., когда, въ заключеніи своихъ «Замѣчаній» (стр. 210), выразился: «Безъ сомнѣнія, и Записка о В. Н. Анастасевича не удовлетворитъ во всемъ Г. Ф. В. К.» Но тутъ же прибавилъ: «Относительно вѣрный судъ можетъ быть произнесенъ объ этомъ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ весьма замѣчательномъ, не прежде,

какъ Г. Ф. В. К. издастъ въ свѣтъ, хранящіяся у него, «Дневныя Записки» Василья Назарьевича, и письма его, которыхъ, по его увѣренію, выходило у него ежегодно болѣе 1000 нумеровъ.» Лѣтъ пять тому назадъ Ф. В. писалъ: «Хотѣлъ я дѣйствительно издать въ свѣтъ хранящіяся у меня «Дневныя Записки» Василья Назарьевича и письма его, но теперь подожду: вижу, что не пришла еще пора!» Нынѣ же онъ объ этомъ отзывается уже такъ: «Издамъ я въ свѣтъ (а не я; такъ сынъ мой; не онъ, такъ внукъ, для потомства все равно полвѣкомъ раньше, полвѣкомъ позже) письма и «Дневныя Записки В. Н.» и тогда клевета, конечно, замолкнетъ. Но издавать эти письма и Записки, и вообще правдивую его біографію еще не пришла пора, и я душевно желалъ бы, чтобы оставили пока его память въ покоѣ и не хлопотали о его біографіяхъ.» Конечно, съ посредственностью это нетрудно сдѣлать; безъ просьбы станется; но о людяхъ, «сдѣлывающихъ подвиги, коихъ идеи приведены уже въ исполненіе послѣ ихъ смерти, и много еще приведетъ со временемъ, о непризнанныхъ въ исторіи нашей гражданахъ,» мудро заставить всѣхъ замолчать, а и того мудренѣе, чтобы удовольствовались голословнымъ увѣреніемъ, что то или другое извѣстіе, появляющееся тамъ и сямъ, о нихъ, было то выдумка, фальшь, то ложь, то бессмысленная клевета, то манія людей нашего переходнаго времени, прибѣгающихъ къ отрицанію всего хорошаго, и т. п.; чтобы никто не вѣрнулъ тому, въ надеждѣ увидѣть совсѣмъ противное въ письмахъ и Запискахъ, которыя нѣкогда имѣютъ быть изданы, не сыномъ, внукомъ, такъ правнукомъ, а пожалуй кѣмъ-либо и въ 7-мъ колѣнѣ: *Bis dat, qui cito dat.*

О. Бодяскій.

Мая 10, 1865 г.

О П Е Ч А Т К И.

Въ книгѣ 1-й 1865 года.

Отдѣлъ V.

Стран.	Строки.	Напечатано:	Читайте:
66	16	сверху н	не
70	4	— Шумскеръ	Шумахеръ
71	22	— дошешіе	доношеніе
83	5	спнзу нгъ	книгъ
93	14	— для	для
97	11	— разсуждіе	разсужденіе
105	10	сверху Лотоносовъ	Ломоносовъ

Въ книгѣ 2-й.

Отдѣлъ V.

55	15	сверху 1791	1792
69	13	— vorgebracht	vorgebracht.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

1865 года, Января 23-го дня.

1865 года, Января 23-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ председательствомъ Его Превосходительства, Г. Вице-Президента, Дмитрія Сергѣевича Левшина, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ѳ. Вельмана, С. М. Соловьева, Графа М. В. Толстого, И. Е. Забѣлина, А. Н. Аванасьева, Г. Д. Филимонова и Соревнователей: Барона Шеппинга, Д. И. Штейнберга, и Секретаря Общества, Д. Чл., О. М. Бодянского, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія, 7 Ноября, 1864 года, происходило слюдующее.

Читаны были

А. Отношенія.

1. Конторы Типографіи Императорскаго Московскаго Университета, отъ 10-го Ноября, объ уплатѣ оной, по приложенному счету, за напечатаніе 3-й книги «Чтеній» 1864 года, 431 р. 82¹/₂ коп.

2. Оттуда же, отъ 24-го Ноября, пол. 19 Декабря, увѣдомленіе о полученіи за 3-ю книгу «Чтеній» 431 р. 82¹/₂ к. сер. Определено: принять къ свѣдѣнію.

3. Почетнаго Члена, Филарета, Митрополита Московскаго, отъ 13-го Ноября, № 498, под, 17, на имя Г. Вице-Президента, уведомленіе о полученіи Отношенія изъ Общества, отъ 31-го Октября, № 176, при коемъ препровождены, по принадлежности, три рукописи Четь-Миней за Февраль, Апрель и Октябрь 1600 г. Библиотеки Московскаго Чудова Монастыря; и посылается изъ той же Библиотеки пергаменный сборникъ подъ № 110 — 63, въ большую 4-ку, въ кожаномъ переплетѣ, на 362 листахъ, на трехмѣсячный срокъ въ Общество. Определено: передать, по принадлежности, Секретарю Общества и, по минованіи срока, возвратить съ благодарностію.

4. Канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 25-го Ноября, № 3772. въ Секретарю Общества о томъ, что Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по поволу ходатайства Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа о сложеніи числящейся на Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ недоимки Типографіи Московскаго Университета за отпечатаніе статей Общества въ 1861, 62 и 63 годахъ, просить доставить ему свѣдѣнія: 1) Какая именно сумма числится въ долгу на Обществѣ за каждый годъ изъ трехъ упомянутыхъ годовъ? 2) Составилась ли недоимка за 1863 годъ за работы, произведенныя въ Типографіи по передачѣ оной въ арендное содержаніе? и 3) какими денежными средствами обладаетъ Общество для уплаты числящагося на ономъ долга на случай, если не последуетъ разрѣшенія на сложеніе всей недоимки, или части оной?

По справкѣ оказывается, на 1-е:

1) За 1861 годъ 1889 р. 66 к. сев.

2) За 1862 — 2500 — 40 — —

3) За статьи, отпечатанныя, но не вошедшія въ «Чтенія» за эти два года, а помѣщенные въ «Чтеніяхъ» за 1863 и 1864 годы и отчасти имѣющія войти въ слѣдующіе:

2,835 р. 39 к.

Всего же 7,225 р. 45 к.

На 2-е: Недоимка за 1863 годъ составила по напечатанію статей до передачи еще Типографіи въ арендное содержаніе, именно за статьи подъ 3-мъ №.

На 3-е: Общество для уплаты этого долга Университету не имѣетъ рѣшительно ни какихъ денежныхъ средствъ, по тому что 4,671 р. 42½ к. сер., числящіяся, по отчетамъ Общества, какъ частная сумма, назначены Обществомъ: а) на уплату за изданіе послѣднихъ томовъ «Повѣствованія о Россіи» покойнаго Д. Члена Общества. Н. С. Арцыбшевца, печатаемыхъ Обществомъ, и б) за составленіе и изданіе сочиненія объ управленіи Москвою бывшаго Генералъ-Губернатора ея, Князя Д. В. Голицына, по желанію почитателей его, составившихъ для того особѣй капиталъ, ввѣренный на храненіе Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Такъ какъ Общество полагаетъ, что дѣятельность его до сихъ поръ была не бесполезна, и что, сложивъ со счетовъ этотъ долгъ его Университету и сравнявъ, въ штатномъ подержаніи, съ Обществомъ Испытателей Природы, можно будетъ надѣяться, что дѣятельность его еще успѣшнѣе разовьется на пользу отечественнаго бытописанія и старины, и отразится на самомъ Университетѣ, часть коего оно составляетъ и изъ Членовъ коего преимущественно слагается, то по тому и надѣется, что ходатайство Г. Вице-Президента Общества передъ Правительствомъ будетъ уважено симъ послѣднимъ.

3. Якиманской Чрти Пристава, отъ 4-го Декабря, № 5,588, под. 5-го, Отношеніе съ надписью: «Весьма нужное,» о томъ, что послѣ умершаго, 1-го Ноября сего года, Библиотекаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Коллежскаго Совѣтника, Вукола Михайловича Ундольскаго, въ квартирѣ его, въ домѣ Почетныхъ Гражданъ Серогинныхъ, запечатано. при Душеприкащикѣ его, Почетномъ Гражданинѣ, Алексѣѣ Ивановичѣ Хлудовѣ, и Хранителѣ рукописей и рѣдкихъ книгъ Московскаго Публичнаго Музея, Коллежскомъ Ассесорѣ, Алексѣѣ Егоровичѣ Викторовѣ, имущество покойнаго Ундольскаго въ двухъ комнатахъ печатями, казенною 1-го квартала Якиманской Части, Добросовѣстнаго Свѣдѣтеля и означеннаго Общества. А какъ по Отношенію Московскаго Надворнаго Суда 2-го Департамента, отъ 27-го Ноября, № 5,074, велѣно выдать Душеприкащику Хлудову въ полное его распоряженіе, согласно духовному завѣщанію, все его (Ундольскаго) имущество, состоящее преимущественно въ значительномъ количествѣ разныхъ старопечатныхъ книгъ и рукописей, исполненіе чего предположено сдѣлать 8 го числа Декабря, въ 10 часовъ по утру, то Якимая

ская часть и просить Правленіе Общества командировать въ показанное выше время въ квартиру Г. Ундольскаго Депутата со стороны Общества, для осмотра и указанія, при исполненіи требованія 2-го Департамента Надворнаго Суда, книгъ и рукописей, которыя окажутся принадлежащими тому Обществу, согласно свѣдѣнію, данному Г. Викторовымъ мѣстному Надвирателю квартала, 3-го дня Декабря, что, въ числѣ запечатаннаго въ квартирѣ Г. Ундольскаго имущества, находятся книги и рукописи, принадлежащія Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, по званію Библіотекаря его покойнаго, по поводу чего Г. Викторъ и командированъ былъ Г. Вице-Президентомъ Общества, для присутствованія при запечатаніи имущества, оставшагося по кончинѣ Г. Ундольскаго.

На это Секретарь Общества, отъ 9-го Декабря, № 229, отвѣчалъ Якиманскому Частному Приставу, что прислать къ означенному въ его Отношеніи сроку Депутата Правленіе Общества не можетъ, по тому что, прежде отправленія Депутата, Общество, по своему Уставу, въ общемъ собраніи своемъ, для обревизованія находившейся въ завѣдываніи Г. Ундольскаго Библіотеки, и приведенія въ извѣстность, чего именно въ настоящее время недостаетъ въ ней, должно избрать новаго Библіотекаря, и въ помощь ему назначить Коммиссію, тѣмъ болѣе, что умершій передъ смертію своею никому не сдалъ ее. По чему Правленіе Общества и просить Якиманскую Часть распорядиться о сохраненіи въ цѣлости, какъ печати Общества, такъ равно и находящагося подъ печатами имущества Г. Ундольскаго, до окончательнаго рѣшенія. вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Вице-Президентъ Общества, того же 9-го Декабря, № 230, отнесся и къ Г. Московскому Оберъ-Полицеймейстеру, Графу Генриху Кипріяновичу Крейцу, прося его сдѣлать распоряженіе, чтобы имущество Г. Ундольскаго и печать Общества были сохраняемы во всей неприкосновенности. Но еще до 8-го Декабря, Душеприкащикъ Г. Ундольскаго прислалъ Правленію Общества, отъ 7-го Декабря, пол. 9-го, увѣдомленіе, что такъ какъ Общество, на сообщеніе Якиманской Части (5-го Декабря) до сего времени (т. е., до 7-го Декабря), стало быть, до срока, назначеннаго самой Частью 8-го Декабря, не командировало никого для нахождения при распечатаніи имущества Ундольскаго, то онъ, Душеприкащикъ, полагаетъ, что собранію Г. Ундольскаго угрожаетъ явная опасность: квартира покойнаго сырая, и сырость въ настоящее время

отъ отопленія комнатъ все болѣе и болѣе увеличивается, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходитъ въ нихъ и течь, по комнатамъ. Бѣгаетъ большое число крысъ, которыя, не находя себѣ ни какой пищи, могутъ изгрызть книги и рукописи, и, что всего важнѣе, подъ квартирою живутъ рабочіе, занимающіеся сапожнымъ мастерствомъ, которые, по безопасности своей, обращаются съ огнемъ крайне неосторожно. Отъ всего этого Библіотека или утратитъ свою цѣнность, или отъ нея не останется и слѣда, а родственники покойнаго, люди весьма бѣдные, подвергнутся также лишенію слѣдуемаго имъ. Если Общество не сдѣлаетъ зависящаго отъ него распоряженія, то Душеприкащикъ не можетъ принять на себя отвѣтственности за цѣлость книгъ и рукописей, отклоняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ себя всякое нареканіе въ нерадѣніи къ исполненію воли покойнаго. Но такъ какъ причины, приведенныя Душеприкащикомъ, намѣревающимся, по собственнымъ его словамъ, перевезти довѣренную ему Библіотеку въ амбары, точно также доступныя и сырости, и течи (которой, впрочемъ, зимой нельзя ожидать въ покояхъ), и мышамъ, даже отчасти и огню, при обматриваніи Библіотеки покупателями, покойный же Ундольскій не отбѣялся сапожниками, находящимися подъ его комнатами во все время своего квартированія въ домѣ Сорокиныхъ, то Правленіе Общества и не отвѣчало Г. Душеприкащику на его заявленіе, намѣреваясь въ самомъ скоромъ времени назначить нарочитое засѣданіе для выбора Библіотекаря и Комиссіи. Между тѣмъ Душеприкащикъ, въ слѣдъ за тѣмъ, заключилъ сдѣлку съ Московскимъ Публичнымъ Музеемъ о передачѣ въ него книгъ и рукописей Г. Ундольскаго въ полномъ составѣ; по чему Правленіе Общества и отнеслось въ Якиманскую Часть, 16-го Декабря, что, для присутствованія при распечатаніи и перевозкѣ Библіотеки покойнаго Ундольскаго въ зданіе Московскаго Публичнаго Музея, оно командируетъ, въ качествѣ Депутата, Д. Члена своего, Г. Д. Филимонова. Въ Музеѣ Общество безопасно и исподоволь можетъ выбрать изъ Библіотеки Ундольскаго всѣ свои рукописи и книги, взятыя имъ во время состоянія его Библіотекаремъ при Обществѣ, ибо самый Московскій Публичный Музей находится подъ главнымъ начальствомъ Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и его Университета, коего нераздѣльную часть составляетъ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, гдѣ онъ, по званію Вице-Президента, также стоитъ во главѣ Правленія. Определено: принять къ свѣдѣнію.

6. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предложение всѣмъ Гимназіямъ упомянутаго Округа выписывать журналъ Общества «Чтенія» въ 1865 год., а также и Отношеніе къ Гг. Попечителямъ другихъ Учебныхъ Округовъ, не найдутъ ли и они возможнымъ то же самое сдѣлать въ своихъ Округахъ? По выслушаніи означенаго Отношенія, Общество единодушно принесло Его Превосходительству искреннюю благодарность за содѣйствіе къ распространенію его изданія.

В. Предложенія.

7. Предсѣдателя Комитета Карамзинской Симбирской Библіотеки; отъ 3-го Ноября, пол. 12-го, не найдетъ ли Общество возможнымъ пожертвовать ей вновь свои изданія за всѣ прежніе годы, такъ какъ она въ пожаръ города Симбирска сгорѣла вмѣстѣ съ прочими? Определено: увѣдомить о согласіи Общества выслать изъ своихъ изданій все, что возможно.

8. Редакціи газеты «Сѣверная Почта», отъ 1-го Ноября, № 1,938, пол. 8-го, объ обмѣнѣ этой газеты въ 1865 году на «Чтенія» въ Обществѣ того же года. Определено: увѣдомить о согласіи Общества на предложеніе Редакціи «Сѣверной Почты».

9. Московскаго Археологическаго Общества, отъ 20-го Ноября, № 82, пол. 25-го, увѣдомленіе объ открытіи имъ своей дѣятельности Октября 4-го дня и намѣреніи издавать журналъ, который предполагаетъ препровождать въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, и въ замѣнъ его проситъ доставлять ему свои ученые труды. Определено: увѣдомить Московское Археологическое Общество о согласіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ на предложенный обмѣнъ въ текущемъ 1865 году.

10. Редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи, отъ 21-го Ноября, № 254-й; пол. 3-го Декабря, объ обмѣнѣ въ 1865 году ихъ на «Чтенія», а также обмѣняться этими періодическими изданіями и за прежнее время, начиная съ 1860 года. Определено: увѣдомить о согласіи Общества на предложенный обмѣнъ.

11. Редакціи журнала «Православный Собесѣдникъ» при Казанской Духовной Академіи, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ насто-

пающемъ годѣ. Определено: уведомить о согласіи Общества на предложенный обмѣнъ.

12. Редакціи Вѣстника Западной Россіи, отъ 13-го Декабря, 1864 г., № 833, пол. 1-го Генваря, 1865 года, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ 1865 году. Определено: уведомить о согласіи Общества, но просить доставить за прежніе годы недосланныя книги, именно: 1 (за Іюль) и 6 (за Декабрь) 1863 г. и 7 (за Генварь) 1864 г., а также 1 (за Іюль), 2 (за Августъ), 4 и слѣд. 1865 г., и чтобы впредь доставлялся Вѣстникъ исправно.

13. Редакціи Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, отъ 7-го Декабря, № 7,185, пол. 7-го Генваря, 1865 г., объ обмѣнѣ «Чтеній» на 1865 г. на «Губернскія Могилевскія Вѣдомости».

14. Редакціи Книжнаго Вѣстника, отъ 22 Ноября, пол. 27-го, предложеніе обмѣниваться изданіями. При семъ вызывается помѣщать бесплатно въ «Книжномъ Вѣстникѣ» извѣстіе о выходѣ каждой книги «Чтеній», съ присовокупленіемъ ея содержанія. Определено: уведомить Редакціи «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и «Книжнаго Вѣстника», что Общество въ настоящее время не можетъ согласиться на предложенный ими обмѣнъ.

В. Приношенія.

а. Матеріалами:

15. С. Н. Шубинскаго документъ: «Споръ Правительствующаго Сената съ Военной Коллегіей въ 1753 году», пол. 4-го Декабря. Определено: передать Секретарю Общества для разсмотрѣнія.

16. Письмо Трoадія Владимирскаго, Горнаго Чиновника въ Барнаулѣ (Томской Губерніи), о покойномъ Графѣ М. М. Сперанскомъ и пр. Определено: принять къ свѣдѣнію.

17. Секретарь доложилъ о смерти въ прошломъ 1864-мъ году Почетныхъ Членовъ: Графа Д. Н. Блудова, А. Х. Востокова, П. И. Кеппена, и Дѣйствительныхъ Членовъ: Я. И. Де Санглена, В. С. Караджича, К. Рафна, С. П. Шевырева, П. И. Иванова, Э. Я. Напирскаго, С. К. Сабинина и В. М. Ундольскаго. Определено: принявъ къ свѣдѣнію, исключить изъ списка Членовъ.

б. Статьями:

18. Н. П. Липранди, черезъ Д. Чл. А. Ф. Вельмана, 6-го Декабря, статья: «Истребленіе Русскихъ плѣнныхъ солдатъ пристрѣливаніемъ, сожженіемъ, повѣшеніемъ и тому под., какъ общая мѣра въ 1812 году.»

19. Д. Чл. А. С. Клеванова, изъ Петербурга, отъ 4-го Декабря, статья: «Святогорскій монастырь». Определено: означенныя въ §§ 18 и 19 статья рассмотретьъ.

в. Книгами:

20. Ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 1-го Ноября, пол. 8-го: 1) «Monatssitzung der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, am 9 September 1864; 2) Die aeltesten Gerichts-Ordnungen Russlands, nach allen bisher entdeckten u. herausgegebenen Handschriften verglichen, verdeutschet u. erläutert durch D-r Jur. E. S. Tobien.: Die Handschriften und Ausgaben, das System u. der Text der aeltesten Gerichts-Ordnungen Russlands mit einem Facsimile des einziges Cod. der Gerichts-Ordnung von 1497 u. des Strojewschen Cod. Gerichts-Ordnungen 1550. Dorpat, 1846; 3) Biostatik der im Dörptschen Kreise gelegenen Kirchspiele Ringen, Randen, Nüggen und Kawelecht in den Jahren 1834 — 1859. Von D-r Bernhard Körber. Gedruckt auf Kosten der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat. 1864.»

21. Археографической Коммиссіи, отъ 2-го Ноября, № 84-й, пол. 15-го, изданныя ею книги: 1) 2-й томъ «Актвъ, относящихся до Юридическаго быта древней Россіи, подъ Редакцію Члена Коммиссіи Н. В. Калачова. Спб. 1864 года,» и 2) «Путешествіе Игумена Данила по Святой Землѣ въ началѣ XII вѣка, подъ редакцію А. С. Норова. Спб. 1864.»

22. Сенатора Графа Дмитрія Толстого, отъ 8-го Ноября, пол. 16-го, 1864 года: «Le Catholicisme Romain en Russie. Tome deuxième. Paris, 1864.»

23. Верхне-Лужицкаго Общества Наукъ въ Згоръльцъ (Görlitz), отъ 19-го Сентября, 1862 г., пол. 10-го Ноября, 1864 г.: Neues Lausitzisches Magazin. 39 Bände 1—2 Heft, 40 Bd. 1 H. Görlitz, 1862.

24. Смитсоновскаго Института въ Вашингтонѣ, 24 Декабря, 1860 г., пол. 10-го Ноября, 1864 г.: 1) извѣщеніе о полученіи имъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1860 г. 2 книга, и 2): а) препровождаетъ въ Общество свой «Annual Report of the board of regents of the Smithsonian Institution. Washington 1860;» б) Second Report of a geological reconnaissance of the southern and middle counties of Arkansas. Made during the Years 1859 and 1860. By Dav. Dale Owen. Philadelphia, 1860». 3) То же за 1862 г.; пол. 22-го Декабря.

25. Fra det Kongelige Norske Universitet i Christiania книги: 1) «Karlomagnus Saga ok kappa Haus (La Saga de Charlemagne), udgivet af C. R. Unger. Christiania 1860; 2) Olaf den heliges Saga ved Snorre Sturlasson. Christiania 1853; 3) Norske Samlinger udgivne af et historisk Samfund i Christiania. Første, andet, tredje, fjerde Hefte. Christiania 1849 — 52; 4) Chronica Regum Manniae et insularum. The chronicle of Man and the Sudreus. By P. A. Munch. Christiania, 1860; 5) Det Kondelige Norske Frederiks Universitets Siftelse, of M. S. Monrad. Christiania 1861; 6) Solennia Academiae Universitatis literariae Regiae Fredericianae ante L annos conditae die II Septembris anni MDCCLXI celebranda, indicit Senatus Academicus. Christianiae, 1861; 7) Cantate ved det Norske Universitets halvhundredaarsfest den 2-den September 1861; 8) Foreningen til Norske fortidsmindesmerkers bevaring. Aarsberetning for 1859, avgiven i generalforsamling den 26 Juni 1860. Christiania 1860; 9)—for 1860. Christiania 1861; 10)—for 1861. Christiania 1862; 11) Norske Bygninger fra fortiden (Norwegian Buildings from former times) i tegninger og med Text, udgivne af Foreningen til Norske Fortidsmindesmerkers bevaring. Første, andete, tredje Hefte. Christiania 1859 — 61; 12) Norska fornlevninger, of N. Nicolaysen. Første Hefte. Kristiania 1862.»

26. Д. Чл. Филарета, Архієпископа Черниговскаго и Ніжинскаго, отъ 6-го Ноября, № 426, пол. 23-го: «Православное

догматическое Богословіе, сочиненіе Филарета, Архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Части 1 и 2. Нѣжинъ, 1864 года.»

27. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, отъ 12-го Ноября, № 103, пол. 16-го Декабря: 1) «Извѣстія, тома V-го выпуски 1 — 4; 2) Труды Восточнаго Отдѣленія, части VIII и X.»

28. Совѣта Лицея Князя Безбородка, отъ 9-го Декабря, № 119, пол. 22-го: «Годичный торжественный актъ въ Лицеѣ Князя Безбородка и Нѣжинской Гимназіи 4-го Сентября. Кіевъ. 1864 г.»

29. Д. Чл. П. В. Хавскаго, при письмѣ къ Секретарю Общества, отъ 24-го Декабря: «Валаамскій миротворный кругъ. М. 1864 года.»

30. Н. В. Сушкова: 1) «Воспоминанія о покойномъ Протоіерѣ Симеонѣ Ивановичѣ Соколовѣ, что при церкви Воскресенія въ Барашахъ,» и 2) «Очерки мыслей, возбуждающихъ въ слушателяхъ отвращеніе отъ невѣжества и желаніе просвѣщенія (Изъ Духов. журнала «Странникъ» за Сентярь 1864 г.).»

31. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, пол. 29-го Декабря, 1864 г.: «Отчетъ о 7-мъ присужденіи наградъ Графа Уварова, 25-го Сентября, 1864 года. Спб. 1864.»

32. Академія же Наукъ въ С.-Петербургѣ, ея «Ученыя Записки» томы I — V, каждый томъ изъ 2-хъ книжекъ, съ 1862 года, которыя доставляются по выходѣ своевременно.

33. Поч. Чл. К. Я. Ербена, въ Прагѣ *Zivot svatě Kateřiny. Legenda z rukopisu Kralovské bibliotéce v Stokholmě. V Praze 1860 г.*

34. Д. Чл. Н. В. Калачова, пол. 13-го Генваря, 1865 г., сочиненіе его: «Артели въ древней и нынѣшней Россіи. Спб. 1864 г.» Опредѣлено: всѣ означенныя въ §§ 20 — 34 книги и брошюры сдать въ Библіотеку Общества, а жертвователей благодарить.

35. За сямъ происходило избраніе въ Библіотекаря Общества. По баллотировкѣ оказалось, что въ Библіотекаря Общества избранъ единогласно Д. Членъ Г. Д. Флимоновъ.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянский, представилъ только что отпечатанную четвертую книгу «Чтеній» 1864 года, 44⁷/₈ листовъ, съ рисункомъ. Содержаніе ея слѣдующее: I. Исслѣдованія. Очерки изъ исторіи Россійской Іерархіи. Церковная смута. — Св. Іона, послѣдній Митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Ген. Карпова. II. Матеріалы Отечественныя. Записки Генерала Ермолова, Начальника Главнаго Штаба 1-й Западной Арміи, въ отечественную войну 1812 года. Изд. Н. П. Ермолова. III. Матеріалы Славянскіе. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. О. Головацкимъ и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Коломійки и Гупульскія. IV. Матеріалы Иностранныя. Средневѣковыя путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Руи Гонсалезъ де Клавихо, Гансъ Шильдбергеръ, Шали-Коя, Юсафать Барбаро, Фернанъ Мендезъ Пинто, Гендрихъ Гамель, Василій Головинъ. Изъ «Länder-und Völkerkunde in Biographien von Dr. Ph. Hedw. Kūlb», перев. Соревнователь Общества А. Н. Шемякинъ. V. Смѣсь. Повѣсть о убіеніи Царевича Князя Димитрія. Сообщ. Д. Чл. А. О. Бычковъ. 2. Посланіе Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, къ Преосвященнымъ Алексію Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому, объ ученіи Іеромонаха Теофана Прокоповича. Сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій. 3. Вѣдомость къ Князю Александру Даниловичу Меншикову о Дьякахъ Рязанскаго Архіерея. Сообщ. Д. Членъ Архимандритъ Макарій. 4. Мнимая могила Арсенія Мацѣвича въ Верхнеудинскѣ. Протоіерея Александра Сулоцкаго. 5. Его же. Одна изъ ошибокъ, какія встрѣчаются въ сочиненіяхъ и статьяхъ, касающихся судьбы Арсенія Мецѣвича. 6. Его же. Къ жизнеописанію Арсенія Мацѣвича. 7. Выписка о Духоборцахъ, сдѣланная И. В. Лопухинымъ, при первомъ его донесеніи Государю о нихъ изъ Харькова, 12-го Ноября, 1804 года. Сообщ. Соревнователь М. П. Полуденскій. 8. Велюкороссійскіе Безпоповскіе расколы въ Закавказьѣ. I. Скопцы. II. Общіе. III. Немоляки. В. С. Толстого. 9. Куткинъ и Пестель. Прошеніе Генералъ-Маіора Куткина къ Министру Юстиціи, Д. П. Троцинскому. Сообщ. Н. Абрамовъ. 10. О постройкѣ Сенатскаго зданія въ Москвѣ. Съ изображеніемъ. Д. Чл. П. И. Иванова. 11. Мысли Адмирала Мордвинова по статьѣ 638-й Журнала Комитета Гр.

Министровъ. 12. Къ дѣлу о Семеновскомъ полку: 1. Письмо Императора Александра I къ Графу Аракчееву, по случаю приключенія съ Семеновскимъ полкомъ въ 1820 г.; 2. Приказъ Россійской арміи 2-го Ноября, 1820 года. 13. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 26-го Мая, 1864 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О иноплеменномъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. I. Рожденственскіе обряды. Профессора Харьковскаго Университета А. А. Потебни

Стр.

1 — 84

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Архивъ Военно-походной Канцеляріи Графа П. А. Румянцева—Задунайскаго. Часть II. 1770 — 1774 г. Сообщилъ М. О. Судіенко.

1 — 330

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Святыхъ Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составленное О. Бодянскимъ. III. Слово похвально на память сватыма и прѣславныма оучителема словѣньскоу языкоу, сътворьшема

писмены кмоу и приложыиема нокын и веть-
хын законъ въ шзыкъ ихъ, блаженому курнаоу
и архиепископу паноньскоу мефодию. Списки
I—VI. Со снимкомъ

1 — 64

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Рос-
сію, или говорившіе оней: Іоаннъ Нейгоффъ
и Георгій Макартней. Изъ Lander-und Völ-
kerkunde in Biographien, v. Dr. Ph. Hegw.
Külb, перев. Соревнователь Общества А. Н.
Шемаквинъ.

361 — 479

V.

СМѢСЬ.

Содержаніе доклада, поданнаго Сейму отъ Депу-
тациі, назначенной допрашивать обвиняемыхъ
въ бунтахъ, въ Засѣданіе 27 Марта, 1790 года.
Издано по повелѣнію Депутациі Иностран-
ныхъ Дѣлъ. Съ предисловіемъ О. М. Болян-
скаго

1 — 38

Голосъ Лещинскаго, Земскаго посла Воеводства
Иновроцлавскаго, на засѣданіи Сеймовомъ
4-го Апрѣля, 1791 года

29 — 36

Письмо Графа Феликса Станислава Потоц-
каго, бывшаго Воеводы Русскаго, писанное
къ Королю Польскому о 3-мъ Мая, 1791 г.

37 — 40

Письмо его же къ Графу Игнатію Потоцкому,
Маршалу Великаго Княжества Литовскаго, о
превращеніи Польской Ресублики въ Мо-
нархію

41

	Стран.
Письмо его жь къ Станиславу Малаховскому, Маршалу Сейма, о томъ же .	42 — 43
Письмо Поляковъ къ Императрицѣ Екатеринѣ Второй о вмѣшательствѣ въ дѣла Рѣчи Посполитой послѣ 3-го Мая, 1791 года	44 — 48
Письмо Северина Ржевускаго, Гетмана Польнаго Короннаго, къ Королю Польскому о 3-мъ Мая, 1791 года	49 — 55
Плакатъ Генераль-Аншефа, М. Н. Кречетникова, о причинѣ вступленія Русскихъ войскъ въ Великое Княжество Литовское	56 — 57
Россія и Польша въ XVII столѣтіи. М. А. Волкова	58 — 68
Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносовѣ. Сообщ. Вл. Ив. Ламанскій	69 — 70
Миѣніе, каковое, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, собравшіеся Генераль-Губернаторы и правящіе ихъ должность положили, къ предупрежденію недостатка въ хлѣбѣ, по причинѣ нынѣшняго неурожая .	71 — 74
Реляція Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго объ открытіи Кіевскаго Намѣстничества .	75 — 76
Церемоніаль, по которому, во время Высочайшаго Ея Императорскаго Величества шествія, въ Тульскомъ Намѣстничествѣ исполнять надлежитъ .	77 — 85
Планъ Дворянскихъ должностей во время шествія Ея Величества чрезъ Губернію Новгородъ-Сѣверскую, въ собраніи Уѣздныхъ Предводителей учиненный Ноября 6-го, 1786 года.	86 — 90
Рѣчь, говореная Черниговскаго Намѣстничества Губернскаго Дворянства Предводителемъ, Андреемъ Полетикою, на Всевысочайшее	

пришествіе Ея Императорскаго Величества въ границы Черниговской Губерніи, при публич- ной аудіенціи въ Губернскомъ городѣ Чер- ниговѣ 1785 года, Генваря 26 дня	91
Донесеніе о волненіи Ливонскихъ крестьянъ 1841 г.	92 — 98
Очерки Ливоніи.	99 — 104
Письмо Князя А. А. Шаховскаго къ П. Ба- куниной.	105 — 115
Святогорскій монастырь. Д. Чл. А. С. Клеванова	116 — 141
О проектѣ Устава и Штатовъ Императорской Ака- деміи Наукъ въ С.-Петербургѣ и состоящихъ при ней Музеевъ. Въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета Докладъ Комиссіи	142 — 165
Отдѣльныя замѣчанія на Проектъ Устава и Шта- товъ Петербургской Академіи Наукъ одного изъ Членовъ Комиссіи	166 — 192
Объясненія	193 — 201
Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Генваря 23 дня, 1865 года.	203 — 218

